ISSN 2713-2021
Научный журнал

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

2025
№ 19

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья

№ 19

Нес-Циона
2025

Редакция

М.М. Чореф — кандидат исторических наук, Издательство «Киммерия», главный редактор, учредитель журнала
А. Онгарулы — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана, главный редактор
М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь, Бонн, Германия
А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
А.З. Бейсенов — кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
К.С. Чореф — Издательство «Киммерия», ответственный секретарь.

Редакционный совет

А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, Региональный исторический музей —Силистра
Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
В.А. Дергачев — Dr. habil. (History), Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы
В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
М.Я. Ольбрих — Dr. habil. (History), Professor, Princeton University, University of Rzeszów
И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», председатель Ассоциации музейных экспертов
С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
И.Ю. Шауб — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.С. Филипова — доктор археологии, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
Г.А. Базарбаева — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Г.С. Джумабекова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
П.Н. Петров — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный государственный музей Республики Казахстан
Л. Публичи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Д.Я. Ильясов — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт искусствознания АН РУз
М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, Израиль 7403128
Тел./факс: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

No. 19

Ness Ziona
2025

Editorials Board

M.M. Choref — PhD (History), Cimmeria Publishing, Editor-in-Chief, Founder
Akhan Onggaruly — PhD (History), Associate Professor, Director General of the Margulan Institute of Archaeology, Editor-in-Chief
Michel Kazanski — Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 "The East and the Mediterranean Sea"), Deputy Chief Editor
Basil Lourié — Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha — Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
Mikhail Treister — Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher, Bonn, Germany
Attila Antal Türk — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
L.G. Khrushkova — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
A.Z. Beisenov — PhD (History), A.H. Margulan Institute of arhaeology
N.P. Telnov — PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
K.S. Choref — Cimmeria Publishing, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik — Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
Stefan Albrecht — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
G.G. Atanasov — Dr. habil. (History), Professor, Regional Museum of History — Silistra
Yu.A. Vinogradov — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
Peter Benjamin Golden — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev — Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
V.A. Dergaciov — Dr. habil. (History), Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
Ljubica Jovanovic — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
François de Callataÿ — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
S.Yu. Monakhov — Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
Marek Jan Olbrycht — Dr. habil. (History), Professor, Princeton University, University of Rzeszów
I.S. Prokopov — Dr. habil. (History), Professor, South-West University, Chairman of the Association of Museum Experts
S.B. Sorochan — Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
I.Yu. Schaub — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.A. Yatsenko — Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova — Doctor of Archaeology, Regional Historical Museum "Academician Yordan Ivanov", Kyustendil
G. Bazarbayeva — PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology
G. Jumabekova — PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology
R.A. Rabinovich — Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov — PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Pubblici — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Kutluay Erk — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
J.Ya. Ilyasov — PhD (Cultural Studies), Leading researcher, Institute of Art Studies of Academy of Sciences of Republic Uzbekistan
Mahmoud Ahmad Zarazir — PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, Israel 7403128
Tel./fax: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021
© Cimmeria Publishing

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

С.Б. Вальчак (*Москва, Россия*), С.А. Фидельский (*Тирасполь, Молдова*), Н.П. Тельнов (*Тирасполь, Молдова*), С.Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), Д.Ф. Паткевич (*Тирасполь, Молдова*), В.С. Синика (*Москва, Россия*). Новые погребения предскифского времени на левобережье Днестра. Ч. 2 ……... 13

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Imported and locally manufactured jewellery in the Cimmerian Bosporus in the late 6th — 5th Centuries BCE …….. 76

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*), Н.И. Сударев (*Москва, Россия*), С.М. Ильяшенко (*Москва, Россия*). Золотые и серебряные бляшки — элементы ожерелий из некрополей Азиатского Боспора позднеархаического — раннеклассического времени ……... 116

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Horse-harness from the nomadic burial near the village of Yashkul in Kalmykia and the East Celtic helmets in Eastern Europe ……. 167

Г.С. Джумабекова (*Алматы, Казахстан*), А.В. Паничкин (*Алматы, Казахстан*), Э.К. Алтынбекова (*Алматы, Казахстан*), К. Алтынбеков (*Алматы, Казахстан*), М.А. Казикеев (*Алматы, Казахстан*), Г.А. Базарбаева (*Алматы, Казахстан*). Свернувшийся в «кольцо» олень: новые данные о шпильке с территории г. Алматы ……... 184

Ю.А. Прокопенко (*Ставрополь, Россия*), Р.Р. Рудницкий (*Железноводск, Россия*). Предметы конского убранства V—IV — первой половины III в. до н.э. из слоев раннего железного века городища у горы Калеж (Кабардино-Балкарская Республика) ……... 207

Н.Г. Свиркина (*Москва, Россия*). Изотопный анализ коллагена костной ткани как метод реконструкции диеты жителей Херсонеса (V—IV вв. до н.э.) …….. 220

И.В. Губарев (*Ростов-на-Дону, Россия*). Лепная керамика скифского времени из раскопа XLVII на восточном участке Елизаветовского городища на Нижнем Дону ……. 234

С.Ю. Монахов (*Саратов, Россия*), Е.В. Кузнецова (*Саратов, Россия*). Строительный комплекс (землянка) № 17/1979 г. на Елизаветовском городище ……. 249

В.А. Данилов (*Саратов, Россия*), В.А. Морозова (*Саратов, Россия*), М.Н. Растегаева (*Саратов, Россия*), А.В. Федоров (*Саратов, Россия*). Опыт применения машинного обучения для идентификации курганов …… 264

S.A. Yatsenko (*Moscow, Russia*). Sarmatian Tamgas on Greek Tombstones in Panticapaeum …….. 274

Akın Temür (*Samsun, Turkey*), Ayla Baş (*Samsun, Turkey*). Findings from the surveys conducted in the ancient city and territorium of Neoclaudiopolis ……. 294

Е.В. Вдовченков (*Ростов-на-Дону, Россия*), О.Ю. Арамова (*Ростов-на-Дону, Россия*), С.С. Востриков (*Ростов-на-Дону, Россия*), О.В. Шамрай (*Ростов-на-Дону, Россия*), Джи Ын Ли (*Кёнджу Республика Корея*), И.В. Корниенко (*Ростов-на-Дону, Россия*). Палеогенетическое исследование населения сарматской культуры на территории Нижнего Дона (по материалам могильника Черкасов) …….. 316

В.С. Синика (*Москва, Россия*), М.В. Иващенко (*Магнитогорск, Россия*), С.Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), Н.П. Тельнов (*Тирасполь, Молдова*), Д.Ф. Паткевич (*Тирасполь, Молдова*). Скифские курганы III—II вв. до н.э. у с. Бычок на левобережье Нижнего Днестра ……... 329

Е.Е. Антонов (*Москва, Россия*). Планировочная модель позднескифской «цитадели» Кара-Тобе ……... 353

Дж.Я. Ильясов (*Ташкент, Узбекистан*). Декор тарной керамической посуды в период Канишки I (по материалам городища Кампыртепа) …….. 369

Д.А. Кириченко (*Баку, Азербайджан*). О травмах черепа у мужчин в эпоху античности (Азербайджанская Республика) ……... 393

Р.Т. Дарменов (*Астана, Казахстан*), Ж.К. Султанжанов (*Астана, Казахстан*), С.Н. Каржаубаева (*Алматы, Казахстан*), А.Ж. Назаров (*Алматы, Казахстан*). Мифологические архетипы Восточного Приаралья: материалы с городища Джанкент …… 408

Б.М. Хасенова (*Астана, Казахстан*). Гендерная символика кимекских украшений …… 418

В.А. Асадов (*Баку, Азербайджан*), Ш.Н. Наджафов (*Баку, Азербайджан*). Археологическое исследование средневекового замка Керпиджлитепе и его окрестностей (Азербайджанская Республика) ……. 429

ИСТОРИЯ

М.М. Чореф (*Нес-Циона, Израиль*). Митридат III: человек и правитель …… 451

Kubilay Atik (*Evler Mah, Turkey*), Suat Beylur (*Turkistan, Kazakhstan*), Omirbek Hanayi (*Turkistan, Kazakhstan*), Nurlan Atygayev (*Almaty, Kazakhstan*). Central Asia Through Buddhist Gaze: Travel Accounts of Four Buddhist Monks at the Turning Points of Central Asian History …….. 468

Arkadi Akopov (*Gyumri, Armenia*), Armen Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*), Sergo Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*). Tayk in the 16th — 17th Centuries: demographic and religious transformation of the Armenian population ……. 478

М.С. Гатин (*Казань, Россия*), Л.Ф. Абзалов (*Казань, Россия*), И.А. Мустакимов (*Астана, Казахстан*), Р.Ю. Почекаев (*Санкт-Петербург, Россия*). Территории на особом положении в средневековых тюрко-монгольских государствах …….. 490

Ю.В. Селезнев (*Воронеж, Россия*). «Птичий» язык дипломатического этикета народов Евразийской степи в XIII—XV вв. …… 502

Apolon Tabuashvili (*Tbilisi, Georgia*). The impact of the Crimean question on Georgian-Russian relations (1783—1784) …… 510

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

O.M. Agatay (*Astana, Kazakhstan*), A.On. Kumisova (*Astana, Kazakhstan*), Zh.A. Ismurzin (*Astana, Kazakhstan*). Long-bladed weapon in Kazakh heroic epic ……. 525

НУМИЗМАТИКА

Ersin Çelikbaş (*Karabük, Turkey*), Fatma Kızılyalçın Oyarçin (*Karabük, Turkey*). Byzantion coin from Paphlagonian Hadrianopolis ……. 549

Д.В. Андриевский (*Санкт-Петербург, Россия*), М.М. Чореф (*Нес-Циона, Израиль*). Антониниан Вабаллата из Горной Таврики ……... 555

ЭПИГРАФИКА

М.С. Гаджиев (*Махачкала, Россия*). Арабская эпиграфика Горной стены: историографический обзор ……. 565

Список сокращений …….. 573

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья» ……... 577

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

S.B. Valchak (*Moscow, Russia*), S.A. Fidelski (*Tiraspol, Moldova*), N.P. Telnov (*Tiraspol, Moldova*), S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), D.F. Patkevich (*Tiraspol, Moldova*), V.S. Sinika (*Moscow, Russia*). New graves of the Pre-Scythian time on the left bank of the Dniester. Pt. 2 …….. 13

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Imported and locally manufactured jewellery in the Cimmerian Bosporus in the Late 6th — 5th Centuries BCE ……... 76

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*), Nikolay Sudarev (*Moscow, Russia*). Sergey Ilyashenko (*Moscow, Russia*). Gold and silver plaques — elements of necklaces from the necropoleis of the Asian Bosporus of the Late Archaic — Early Classical period …… 116

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Horse-harness from the nomadic burial near the village of Yashkul in Kalmykia and the East Celtic helmets in Eastern Europe ……. 167

Gulnara Jumabekova (*Almaty, Kazakhstan*), Alexander Panichkin (*Almaty, Kazakhstan*), Elina Altynbekova (*Almaty, Kazakhstan*), Kyrym Altynbekova (*Almaty, Kazakhstan*), Manas Kazikeyev (*Almaty, Kazakhstan*), Galiya Bazarbayeva (*Almaty, Kazakhstan*). The deer curled into a "ring": new evidence on a hairpin from Almaty …….. 184

Yu.A. Prokopenko (*Stavropol, Russia*), R.R. Rudnitsky (*Zheleznovodsk, Russia*). Equestrian items of the 5th — 4th — first half of the 3rd century BCE from the layers of the early iron age of the settlement near mount Kalezh (Kabardino-Balkar Republic) …… 207

N.G. Svirkina (*Moscow, Russia*). Stable isotope analysis of bone collagen for reconstructing dietary practices of the inhabitants of Chersonesus (5th —4th centuries BCE) …… 220

I.V. Gubarev (*Rostov-on-Don, Russia*). Stucco ceramics of the Scythian time from the excavation of XLVII on the Eastern site of the Elizavetovskoye settlement on the Lower Don ……... 234

Sergey Monakhov (*Saratov, Russia*), Elena Kuznetsova (*Saratov, Russia*). Building complex (dugout) No. 17/1979 at the Elizavetovskoye settlement …… 249

Vladimir Danilov (*Saratov, Russia*), Valeriia Morozova (*Saratov, Russia*), Mariia Rastegaeva (*Saratov, Russia*), Alexei Fedorov (*Saratov, Russia*). Experience in the use of machine learning for the identification of burial mounds ……... 264

S.A. Yatsenko (*Moscow, Russia*). Sarmatian Tamgas on Greek Tombstones in Panticapaeum …….. 274

Akın Temür (*Samsun, Turkey*), Ayla Baş (*Samsun, Turkey*). Findings from the surveys conducted in the ancient city and territorium of Neoclaudiopolis ……. 294

E.V. Vdovchenkov (*Rostov-on-Don, Russia*), O.Yu. Aramova (*Rostov-on-Don, Russia*), S.S. Vostrikov (*Rostov-on-Don, Russia*), O.V. Shamrai (*Rostov-on-Don, Russia*), Ji Eun Lee (*Gyeongju, Korea*), I.V. Kornienko (*Rostov-on-Don, Russia*). Paleogenetic study of the population of the Sarmatian culture in the territory of the Lower Don (based on materials of the Cherkasov burial ground) ……... 316

V.S. Sinika (*Moscow, Russia*), M.V. Ivashchenko (*Magnitogorsk, Russia*), S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), N.P. Telnov (*Tiraspol, Moldova*), D.F. Patkevich (*Tiraspol, Moldova*). Scythian Barrows of the 3rd — 2nd centuries BCE near Bychok Village on the left bank of the Lower Dniester …….. 329

Egor Antonov (*Moscow, Russia*). Planning model of the Late Scythian "citadel" of Kara-Tobe ……... 353

D.Ya. Ilyasov (*Tashkent, Uzbekistan*). Decoration of tare pottery during the period of Kanishka I (based on the materials of the Kampyrtepa archaeological site) …… 369

D.A. Kirichenko (*Baku, Azerbaijan*). Note about cranial traumas at males in Antiquity (Azerbaijan Republic) …… 393

R. Darmenov (*Astana, Kazakhstan*), Z. Sultanzhanov (*Astana, Kazakhstan*), S. Karzhaubayeva (*Almaty, Kazakhstan*), A. Nazarov (*Almaty, Kazakhstan*). Mythological archetypes of the Eastern Aral Sea region: materials from the settlement of Jankent …….. 408

Bakyt Khassenova (*Astana, Kazakhstan*). Gender symbolics of Kimek jewelry ……. 418

Vagif Asadov (*Baku, Azerbaijan*), Shamil Najafov (*Baku, Azerbaijan*). Archaeological Research of the Medieval castle of Kerpijlitepe and its surroundings (Azerbaijan Republic) …….. 429

HISTORY

Michael Choref (*Ness Ziona, Israel*). Mithridates III: The Man and the Ruler ……. 451

Kubilay Atik (*Evler Mah, Turkey*), Suat Beylur (*Turkistan, Kazakhstan*), Omirbek Hanayi (*Turkistan, Kazakhstan*), Nurlan Atygayev (*Almaty, Kazakhstan*). Central Asia Through Buddhist Gaze: Travel Accounts of Four Buddhist Monks at the Turning Points of Central Asian History …….. 468

Arkadi Akopov (*Gyumri, Armenia*), Armen Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*), Sergo Hayrapetyan (*Gyumri, Armenia*). Tayk in the 16th — 17th Centuries: demographic and religious transformation of the Armenian population ……. 478

L.F. Abzalov (*Kazan, Russia*), M.S. Gatin (*Kazan, Russia*), I.A. Mustakimov (*Astana, Kazakhstan*), R.Yu. Pochekaev (*Saint Petersburg, Russia*). Territories under special rule in the Medieval Turkic-Mogol states ……. 490

Yu.V. Seleznev (*Voronezh, Russia*). "Bird" languageof diplomatic etiquette of nations Eurasian steppe in the XIII—XVII cc. ……. 502

Apolon Tabuashvili (*Tbilisi, Georgia*). The impact of the Crimean question on Georgian-Russian relations (1783—1784) …… 510

MILITARY HISTORY

O.M. Agatay (*Astana, Kazakhstan*), A.On. Kumisova (*Astana, Kazakhstan*), Zh.A. Ismurzin (*Astana, Kazakhstan*). Long-bladed weapon in Kazakh heroic epic ……. 525

NUMISMATICS

Ersin Çelikbaş (*Karabük, Turkey***), Fatma Kızılyalçın Oyarçin (***Karabük, Turkey***). Byzantion coin from Paphlagonian Hadrianopolis ……. 549**

Denis Andriyevskiy (*Saint Petersburg, Russia***), Michael Choref (***Ness Ziona, Israel***). Antoninianus of Vaballathus of Mountain Taurica ……... 555**

EPIGRAPHY

M.S. Gadjiev (*Makhachkala, Russia***). Arabic epigraphy of Mountain Wall: Historiographical Review …….. 565**

Abbreviations ……... 573

Submissions …….. 577

Археология

Archaeology

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.63.78.001

С.Б. Вальчак, С.А. Фидельский, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, Д.Ф. Паткевич, В.С. Синика

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРА. Ч. 2*

В статье публикуются и анализируются 20 погребений черногоровской культуры, изученных на левобережье Нижнего Днестра. Только две могилы содержали предметы, позволяющие относить их к предскифскому времени. В одной был найден двухъярусный кувшин, орнаментация которого находит аналогии в керамике культурно-исторической общности Басарабь-Шолданешты (VIII — первой половины VII в. до н.э.), в другой — четыре железных конуса. Остальные погребения содержали невыразительный в культурном и хронологическом отношении инвентарь либо были безынвентарными. 19 захоронений датированы радиоуглеродным методом. Полученные даты показали, что захоронения были совершены в хронологическом диапазоне предскифского периода, располагающегося на хронологической шкале между памятниками позднего бронзового века и раннескифской культуры. Наличие «эффекта резервуара» для дат, полученных по костям взрослых людей, в большинстве случаев не подлежит сомнению. Вполне вероятно, что радиоуглеродные даты, полученные для вытянутых на спине и боку предскифских погребений (не ранее середины VIII в. до н.э.), стали следствием резервуарного эффекта. Наиболее важным итогом работы стало значительное увеличение количества погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье.

Ключевые слова: левобережье Днестра, предскифские погребения, радиоуглеродное датирование, вторая половина IX — первая половина VII в. до н.э.

Сведения об авторах: Вальчак Сергей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник скифо-сарматского отдела Института археологии РАН[1]; Фидельский Сергей Анатольевич[2], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Тельнов Николай Петрович[3], кандидат исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Разумов Сергей Николаевич[4], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Паткевич Дмитрий Фёдорович[5], научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Синика Виталий Степанович[6], доктор исторических наук, специалист Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.

Контактная информация: [1,6]117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: [1]valchaks@yandex.ru, [6]sinica80@mail.ru; [2-5]43300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Покровская, 107, e-mail: [2]fidel1975@mail.ru, [3]telnov_nikolai@mail.ru, [4]razum_22@mail.ru; [5]patkevich1991@gmail.com.

S.B. Valchak, S.A. Fidelski, N.P. Telnov, S.N. Razumov, D.F. Patkevich, V.S. Sinika

NEW GRAVES OF THE PRE-SCYTHIAN TIME ON THE LEFT BANK OF THE DNIESTER. Pt. 2

The article publishes and analyzes 20 burials of the Chernogovka culture, studied on the left bank of the Dniester. Only two graves contained objects that could be dated to the pre-Scythian period. One of them

* Исследования выполнены в рамках темы НИР ИА РАН “Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований” (№ НИОКТР 122011200265-6).

Статья поступила в номер 21 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июля 2025 г.

© С.Б. Вальчак, С.А. Фидельский, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, Д.Ф. Паткевич, В.С. Синика, 2025.

contained a two-tiered jug, the ornamentation of which has analogies in the ceramics of the cultural and historical community of Basarabi-Sholdaneshty (the 8th — the first half of the 7th century BCE), and the other one contained four iron cones. Other burials contained culturally and chronologically insignificant grave goods or had no inventory. Nineteen burials were dated using the radiocarbon method. The dates obtained showed that the graves were made in the chronological range of the pre-Scythian period, located on the chronological scale between the sites of the Late Bronze Age and the Early Scythian culture. The presence of a "reservoir effect" for dates obtained from the bones of adults is, in most cases, beyond doubt. It is quite possible that the radiocarbon dates obtained for the pre-Scythian burials stretched out on their backs and sides (not earlier than the middle of the 8th century BCE) were the result of the reservoir effect. The most important result of the work is a significant increase in the number of graves of the pre-Scythian period in the North-West Black Sea region.

Key words: Left bank on the Dniester Region, Pre-Scythian graves, radiocarbon dating, the second half of the 9th — the first half of the 7th century BCE.

About the authors: Valchak Sergey Borisovich, Candidate of Historical Sciences, researcher of the Scythian-Sarmatian Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences[1]; Fidelski Sergey Anatolyevich[2], Candidate of Historical Sciences, Leading researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Telnov Nikolay Petrovich[3], Candidate of Historical Sciences, Principal researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Razumov Sergey Nikolaevich[4], Candidate of Historical Sciences, Leading researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Patkevich Dmitry Fedorovich[5], researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Sinika Vitaly Stepanovich[6], Doctor of Historical Sciences, specialist of the Department of Preservation of Archaeological Heritage of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1,6]117292, Russian Federation, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; e-mail: [1]valchaks@yandex.ru, [6]sinica80@mail.ru; [2-5]43300, Moldova, Tiraspol, Pokrovskaya St., 107, e-mail: 2; [2]fidel1975@mail.ru, [3]telnov_nikolai@mail.ru, [4]razum_22@mail.ru; [5]patkevich1991@gmail.com.

Введение

С 1992 г. по настоящее время Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко проводятся масштабные раскопки курганов на левобережье Нижнего Днестра. Только в окрестностях с. Глиное Слободзейского р—на с 1995 г. по 2024 г. были исследованы 187 насыпей: 116 — на могильнике Глиное, 21 — в курганной группе «Водовод», 14 — в курганной группе «Сад», 10 — в курганной группе «ДОТ», 10 — в курганной группе «Север», 5 — в курганной группе «Сухая Балка», 3 — в курганной группе «Рыбхоз», 4 — в курганной группе «Кременная Балка», по 2 — в курганных группах «Клин» и «Плавни». Кроме того, были проведены раскопки четырёх курганов у с. Дойбаны—2 в Дубоссарском районе, девяти курганов у с. Бычок и одного кургана у с. Малаешты Григориопольского района, шести курганов у г. Слободзея, двух курганов у с. Чобручи, а также одного кургана могильника «Озеро» и девяти курганов могильника «Кулак» у с. Коротное Слободзейского района. Всего было изучено более тысячи погребений, которые были совершены в интервале IV тыс. до н.э. — XVIII в.

Многие десятки комплексов не содержали инвентаря, поэтому в силу различных причин (невозможность зафиксировать вид погребального сооружения; универсальность поз и ориентировок погребённых) отнесение этих захоронений не только к конкретной археологической культуре, но даже и к одной из эпох (энеолиту, бронзовому веку, раннему железному веку или к средневековью) являлось предположительным либо невозможным. В этой связи было принято решение датировать радиоуглеродным методом все такие погребения. С 2020 г. эта работа проводится в радиоуглеродных лабораториях Дебрецена

(DeA), Киева (Ki), Познани (Poz), Санкт-Петербурга (SPb)и Новосибирска (GV)[1]. К настоящему времени получены сотни радиоуглеродных дат по костям человека, животных, дереву и древесному углю.

Одним из результатов этой работы стало датирование образцов из немногих погребений черногоровской культуры, содержавших инвентарь. Кроме того, были датированы захоронения без инвентаря или с невыразительными находками, культурно-хронологическая атрибуция которых была спорной либо невозможной. В результате среди последних были выявлены могилы предскифского времени. Было отмечено, что подобные погребения исследователями в лучшем случае в отчётах и публикациях записываются в неопределённые, а в худшем — атрибутируются без достаточных оснований, в том числе и для необоснованного увеличения источниковой базы памятников какого—то периода в различных регионах (Синика, Симоненко 2022; Вальчак и др. 2024).

В настоящей работе публикуются и анализируются 20 погребений черногоровской культуры. 19 из них были датированы радиоуглеродным методом.

Описание комплексов

1. Буторы/Долы 2/3

Курган 2 группы «Долы» высотой 0,75 м от уровня древнего горизонта и диаметром до 22 м располагался в 3,9 км к востоку—юго-востоку (110,92º) от юго-восточной окраины с. Буторы, в 1,317 км к северу—северо-западу от пересечения шоссе Тирасполь — Григориополь с шоссе на с. Спея Григориопольского района. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2022 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Были разбиты три бровки шириной 0,6 м по линии запад — восток (рис. 1). Центральная бровка длиной 40 м, Северная и Южная бровки по 36 м. Расстояние между бровками по 6 м.

В кургане выявлены 15 захоронений: десять — днепро—прутской бабинской культуры, и пять — черногоровской культуры.

Погребение 3 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 4 м к северу от R_0 на глубине 1,05 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 2: 1).

Костяк взрослого человека возрастом 20—30 лет (Łukasik 2025b: 1; пол антропологом не определён) лежал вытянуто на спине с разворотом на правый бок, головой на запад—северо-запад, нижняя челюсть упиралась в правое плечо, лицо обращено к югу. Руки были вытянуты вдоль тела, ноги скрещены в лодыжках — левая поверх правой.

Погребение безынвентарное.

2. Буторы/Долы 2/4

Погребение 4 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 5 м к северу—северо-западу от R_0 на глубине 0,5 м от R_0. Совершено в подбое (рис. 2: 3, 4).

Входная яма подпрямоугольной формы прослежена частично, её размеры около 1,8 × 0,4 м, глубина 0,88 м от R_0. Она была заполнена необработанными кусками известняка.

Южнее располагалась погребальная камера подпрямоугольной формы размерами 1,7 × 0,5 м, глубиной 0,97 м от R0.

Костяк молодого человека возрастом 15—20 лет (Łukasik 2025a: 2—3) лежал вытянуто на спине головой на запад. Верхняя часть скелета разрушена, *in situ* сохранились кости предплечья и кисть левой руки. Предположительно, обе руки были вытянуты вдоль тела. Ноги прямые, берцовые кости расположены параллельно друг другу.

Погребение безынвентарное.

[1] Здесь и далее все радиоуглеродные даты, в лабораторном коде которых содержится аббревиатура GV, были получены в ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ-ННЦ».

3. Буторы/Долы 2/7

Погребение 7 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к северу от R_0 на глубине 0,88 м от R_0. Погребальное сооружение, видимо, представляло собой подбой (рис. 2: 7, 8).

Входная яма не прослежена, вероятно, она находилась северо-западнее камеры.

Погребальная камера подовальной формы размерами 1,73 × 0,55 м и глубиной 0,97 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток.

Костяк женщины (?) возрастом 20—30 лет (Łukasik 2025a: 3) лежал на спине с разворотом на левый бок, головой на юго-запад, нижняя челюсть упиралась в левое плечо, лицо обращено к северу. Руки вытянуты вдоль тела. Правая рука слегка согнута в локте, кисть находилась поверх головки правой бедренной кости. Левая рука вытянута, кисть находилась на головке левой бедренной кости. Ноги прямые. Берцовые кости расположены параллельно друг другу.

Погребение безынвентарное.

4. Буторы/Долы 2/8

Погребение 8 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 3 м к северу—северо-западу от R_0 на глубине 0,9 м от R_0. Погребальное сооружение, вероятно, представляло собой подбой (рис. 3: 1, 2).

Входная яма не прослежена, видимо, она находилась северо-восточнее камеры.

Погребальная камера неправильной формы размерами 1,8 × 0,9 м и глубиной 1,12 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток.

Костяк мужчины возрастом 20—35 лет (Łukasik 2025a: 4) лежал средне скорченно на правом боку с разворотом на спину, головой на юго-восток, лицом к северо-востоку. Руки были вытянуты к бёдрам. Правая рука вытянута и расположена перед грудной клеткой. Левая согнута в локте под тупым углом, лежала поверх грудной клетки, кисть примыкала к запястью правой руки. Ноги согнуты в тазобедренных суставах и коленях под углом, близким к прямому.

Погребение безынвентарное.

5. Буторы/Долы 2/12

Погребение 12 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 0,5 м к востоку от R_0 на глубине 0,9 м от R_0. Достоверно была зафиксирована юго-западная часть могилы. Погребальное сооружение, видимо, представляло собой подбой (рис. 3: 5, 6).

Входная яма не прослежена, вероятно, она находилась юго—восточнее камеры.

Погребальная камера подовальной формы размерами около 1,3 × 0,85 м, глубиной 1,13 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток.

Костяк женщины (?) возрастом 20—25 лет (Łukasik 2025a: 5) лежал, вероятно, средне скорченно на правом боку с разворотом на спину, головой на юго-запад, нижняя часть упиралась в правое плечо, лицом обращён на юго-восток. Правая рука была вытянута к бёдрам. Сохранившаяся часть левой руки лежала на грудной клетке, вероятно, была согнута в локте под тупым углом, кисть находилась у правого запястья.

Погребение безынвентарное.

6. Буторы/Долы 3/3

Курган 3 группы «Долы» диаметром до 10 м располагался в 0,052 км к югу—юго-западу (192,99º) от кургана Буторы/Долы 2. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2022 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Была разбита одна бровка длиной 20 м и шириной 0,6 м по линии запад — восток (рис. 4: 3).

В кургане выявлены три захоронения: одно — днепро-прутской бабинской культуры, одно — черногоровской культуры, и одно — средневековое.

Погребение 3 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 0,5 м к востоку от R_0 на глубине 1 м от R_0. Совершено в подбое (рис. 4: 4, 5).

Входная яма подпрямоугольной формы размерами 1,96 × 0,6 м и глубиной 0,16—1,32 м от R_0. Она была заполнена необработанными кусками известняка. Дно наклонно спускалось к камере.

Южнее ямы располагалась погребальная камера трапециевидной формы размерами 2 × 0,7—0,25 м и глубиной 1,5 м от R_0.

Костяк женщины возрастом 20—25 лет (Łukasik 2025a: 5) лежал вытянуто на спине головой на запад, лицом обращён к северу—северо-востоку. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги прямые, берцовые кости лежали параллельно друг к другу.

Погребение безынвентарное.

7. Бычок 5/10

Курган 5 у с. Бычок высотой 0,75 м от уровня древнего горизонта и диаметром до 19,5 м располагался в 1,12 км к северу—северо-востоку (340,47º) от пересечения шоссе Парканы — Красногорка с дорогой, ведущей из с. Бычок в с. Нововладимировка Григориопольского района. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2023 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Были разбиты три бровки по линии запад — восток длиной по 20 м и шириной по 0,6 м. Расстояние между центрами бровок 5 м (рис. 5: 2).

В кургане обнаружены десять погребений: девять — ямной культурно-исторической общности, одно — черногоровской культуры.

Погребение 10 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 1,8 м к западу—северо-западу (294,9°) от R_0 на глубине 0,3 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 5: 2).

Костяк взрослого человека[2] был полностью разрушен распашкой, найдены отдельные фрагменты костей конечностей.

8. Глиное/Клин 1/11

Курган 1 группы «Клин» у с. Глиное высотой 0,55 м от уровня древнего горизонта и диаметром до 18,5 м располагался в 3,44 км к северо-востоку (45,15º) от пересечения шоссе Тирасполь — Днестровск с ул. Ленина с. Глиное Слободзейского района. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2020 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Были разбиты четыре бровки по линии запад — восток. Центральная бровка и I Южная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 24 м. Северная и II Южная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 20 м (рис. 6).

В кургане обнаружено 12 погребений: два — усатовской культуры; два — ямной культурно—исторической общности; три — днепро-прутской бабинской культуры; два — сабатиновской культуры; одно — черногоровской культуры; одно — скифское; одно — неопределённое. Также было зафиксировано 13 средневековых ритуальных ям.

Погребение 11 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 4 м к юго-западу от R_0 на глубине 0,85 м. Совершено в яме (рис. 7: 1, 2).

Подтрапециевидная яма размерами по дну 2,12 × 0,2—0,55 м и глубиной 1,53 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток.

Костяк мужчины 20—35 лет лежал вытянуто на правом боку, спиной опираясь на северную стенку, головой на запад—северо—запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте, кисть на тазе смыкается с правой кистью. Ноги перекрещены в

[2] Антропологические определения ввиду невыразительности в морфологическом отношении фрагментов человеческих костей не проводились.

голенях, левая поверх правой. Под черепом погребённого зафиксирован тлен коричневого цвета от органической подстилки (подушка?).

Состав и расположение инвентаря. В заполнении ямы найдены костяное изделие (1) и фрагмент сосуда (2) и, а также ребро крупного рогатого скота[3].

Описание находок.

1. Костяная ворворка уплощённая, усечённо-коническая. Изготовлена из спила эпифиза бедренной кости крупного рогатого скота[4]. Высота ворворки 13 мм, диаметр — 38 мм. Диаметр верхней площадки около 25 мм, отверстия — 6 мм. На нижней поверхности по касательной к отверстию на всю ширину проточен желобок, треугольный в сечении, шириной до 3 мм (рис. 7: 3).

2. Фрагмент стенки лепного сосуда. Тесто рыхлое, с примесью шамота, мелкого песка. Цвет желтовато-серый. Внешняя поверхность шероховатая; внутренняя — шероховато-заглаженная. На внешней поверхности следы чёрного нагара. Размеры фрагмента 43 × 48 мм. Толщина стенки 9—11 мм (рис. 7: 4).

9. Глиное/Сухая Балка 6/1

Курган 6 могильника «Сухая Балка» у с. Глиное диаметром до 13,5 м в рельефе не выделялся. Располагался в 6,865 км к северо-востоку (45,70º) от пересечения шоссе Тирасполь — Днестровск с ул. Ленина с. Глиное Слободзейского района. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2020 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Была разбита одна бровка по линии север — юг шириной 0,6 м и длиной 20 м (рис. 8: 1).

В кургане обнаружено пять погребений: одно — белозёрской культуры, и четыре — черногоровской культуры.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к северо-западу от R_0 на глубине 0,5 м. Совершено в яме (рис. 8: 2, 3).

Подпрямоугольная с закруглёнными углами яма (камера подбоя?) размерами по дну 1,2 × 0,4 м и глубиной 0,61 м от R_0 длинной осью была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток.

Костяк ребёнка 10—11 лет (Łukasik 2024: 2) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп на левом виске, лицом обращён на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела, кости ног и таза были смещены землероями. За черепом зафиксированы древесные угли.

Погребение безынвентарное.

10. Глиное/Сухая Балка 6/2

Погребение 2 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к западу от R_0 на глубине 0,5 м. Совершено в подбое (рис. 9: 1, 2).

Трапециевидная входная яма размерами по дну 1,2 × 0,4 м и глубиной 0,92 м от R_0 длинной осью была ориентирована по линии запад — восток.

Погребальная камера неправильной формы размерами по дну 1,7 × 0,55 м и глубиной 1,03 м от R_0 располагалась севернее входной ямы.

Костяк мужчины возрастом 40 лет или более (Łukasik 2024: 3) лежал вытянуто на правом боку с разворотом на спину, головой на запад, лицом к югу. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть лежала на середине правой бедренной кости. Левая согнута в локте под прямым углом, кисть лежала в области таза. Левая нога прямая, правая слегка согнута в колене под прямым углом, её лодыжка находилась под левой ногой, несколько ниже колена.

Погребение безынвентарное.

[3] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

[4] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

11. Глиное/Сухая Балка 6/3

Погребение 3 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 3 м к северо-западу от R_0 на глубине 0,58 м. Совершено в подбое (рис. 9: 5, 6).

Подовальная входная яма размерами на уровне фиксации 1,95 × 1 м и глубиной 1,57 м от R_0 длинной осью была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток.

Овальная погребальная камера размерами по дну 1,57 × 0,55 м и глубиной 1,7 м от R_0 располагалась северо—восточнее входной ямы.

Костяк мужчины 20—30 лет (Łukasik 2024: 5) лежал средне скорченно на левом боку головой на юго-восток. Руки скрещены в локтях, левая вытянута вдоль тела. Кисть под левым тазобедренным суставом. Правая рука вытянута перед телом под углом около 45º, кисть отогнута вниз, к левому запястью. Под черепом зафиксирован слой тёмно-коричневого органического тлена (от подушки?).

Состав и расположение инвентаря. На левом виске зафиксировано пятно зеленого цвета от окисла распавшегося металлического предмета.

12. Глиное/Сухая Балка 6/3а

Погребение 3А (черногоровской культуры, впускное). В центре входной ямы погребения 3, вдоль её длинной оси, обнаружены две лопатки, кости правой руки и правой ноги взрослого индивида, находившиеся в анатомическом порядке. Костяк был разрушен при совершении погребения 3 (рис. 9: 5, 6).

Взрослый человек возрастом 20 лет или более (Łukasik 2024: 4) был уложен вытянуто на спине головой на северо-запад.

Находок в захоронении не обнаружено.

13. Глиное/Сухая Балка 7/1

Курган 7 могильника «Сухая Балка» у с. Глиное диаметром до 9,5 м в рельефе не выделялся. Располагался в 28,25 м к востоку—северо-востоку (73,58º) от кургана 6. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2020 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Была разбита одна бровка по линии север — юг шириной 0,6 м и длиной 20 м (рис. 10: 1).

В кургане обнаружено два погребения черногоровской культуры.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 3 м к западу—северо-западу от R_0 на глубине 0,46 м. Перерезало северную часть основного погребения 2. Совершено в яме (рис. 10: 2, 3).

Подтрапециевидная с закруглёнными углами яма (камера подбоя?) размерами по дну 1,23 × 0,3—0,55 м и глубиной 0,6 м от R_0 длинной осью была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток.

Костяк ребёнка 5—7 лет (Łukasik 2024: 7) лежал слабо скорченно на левом боку, практически вытянуто, с разворотом на грудь, головой на северо-запад. Череп на левом виске, лицевой частью на северо-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела. Правая, вероятно, располагалась аналогично (кости предплечья не сохранились). Левая нога была вытянута, правая слабо согнута в колене, лодыжки были перекрещены — правая поверх левой.

Состав и расположение инвентаря. Перед лицевой частью черепа и на левом колене были зафиксированы пятна окислов зелёного цвета от распавшихся металлических предметов. Также перед лицевой частью черепа лежали три овечьих астрагала[5] (1), боковыми сторонами вплотную друг к другу, по линии северо-запад — юго-восток.

Среди костей грудной клетки ребёнка обнаружен фрагмент кости птицы.

[5] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

Описание находок.

1. Три овечьих астрагала (таранных кости), без следов обработки, два правых и левый, от взрослой особи животного. Размеры астрагалов 36 × 24 × 19 мм, 35 × 22 × 18 мм, 33 × 21 × 19 мм (рис. 10: 4—6).

14. Глиное/Сухая Балка 7/2

Погребение 2 (черногоровской культуры, основное) обнаружено в 3 м к западу от R_0 на глубине 0,4 м. Совершено в катакомбе (рис. 11: 1—3).

«Сердцевидная» *входная яма* размерами на уровне фиксации 1,33 × 1 м длинной осью была ориентирована по линии запад — восток, углом на юг. Дно полого снижалось к северу, до глубины 1,08 м от R_0.

Подовальная *погребальная камера* располагалась севернее входной ямы, общие размеры по дну 1,5 × 1,2 м. Камера двухъярусная, разделена на две части, заполненные однородным грунтом. Юго-западная часть камеры представляла собой подпрямоугольную площадку размерами 0,6 × 0,4 м и глубиной 1,1 м от R_0. Длинной осью она была ориентирована по линии север—северо-запад — юг—юго-восток и находилась практически на уровне дна входной ямы.

В северной части площадки найдены череп и отдельные кости ребёнка 4—5 лет (Łukasik 2024: 8) (костяк 1, разрушен норами). Возможно, первоначально он был уложен скорченно на левом боку, головой на север—северо-запад.

Состав и расположение инвентаря. В 0,15 м юго-восточнее черепа в заполнении норы были найдены фрагменты бронзового предмета (1).

Описание находки.

1. Бронзовая пластина сильно коррозирована, края выкрошены. Размеры сохранившейся части изделия 25 × 15 мм, толщина — около 1 мм (рис. 11: 4).

Во вторую часть камеры, размерами 1,3 × 0,65 м, вели две сплошные ступени, ориентированные длинной осью по линии запад — восток. Первая ступень длиной 0,9 м была устроена на глубине 1,22 м от R_0, вторая, длиной 1,15 м, — на глубине 1,37 м от R_0. В северной части камеры сохранился свод на высоту 0,25 м над дном.

Костяк 2 ребёнка/подростка 14—17 лет (Łukasik 2024: 8) лежал средне скорченно на левом боку с разворотом на спину, головой на восток. Череп лежал лицевой частью вверх. Плечевые кости располагались почти параллельно телу, предплечья согнуты под прямым углом. Запястья были перекрещены — левое поверх правого. Левая кисть была зажата между бёдрами, правая у правого колена, отогнута к тазу под прямым углом к запястью. Поверх костей местами фиксировался светло-коричневый органический тлен (от одежды либо покрывала). На дне входной ямы и камеры встречались древесные угли и комочки пережжённого грунта.

К западу от берцовых костей, опираясь на северную стенку погребальной камеры под углом около 45°, располагались остатки напутственной пищи от задней левой ноги полувзрослой особи овцы — левая тазовая, левая бедренная, левая большая берцовая и левая пяточная кости[6]. На них заметны следы воздействия огня.

Среди костей грудной клетки погребённого обнаружен фрагмент кости птицы.

15. Глиное/Сухая Балка 8/1

Курган 8 могильника «Сухая Балка» у с. Глиное диаметром до 10,5 м в рельефе не выделялся. Располагался в 36,55 м к югу—юго-западу (185,86º) от кургана 7. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2020 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Была разбита одна бровка по линии север — юг шириной 0,6 м и длиной 20 м (рис. 13: 1).

[6] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

В кургане обнаружено два погребения: одно — белозёрской культуры, и одно — черногоровской культуры.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к юго-востоку от R_0 на глубине 0,67 м. Впущено в заполнение основного погребения 2 белозёрской культуры. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 13: 2).

Костяк ребёнка 2—3 лет (Łukasik 2022: 1) лежал вытянуто на спине, головой на запад—северо-запад. Руки и ноги слегка разведены в стороны.

Погребение безынвентарное.

16. Глиное/Сухая Балка 9/1

Курган 9 могильника «Сухая Балка» у с. Глиное диаметром до 12 м в рельефе не выделялся. Располагался в 29,5 м к юго-востоку (145,22º) от кургана 8. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2020 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Была разбита одна бровка по линии север — юг шириной 0,6 м и длиной 20 м (рис. 14: 1).

В кургане обнаружено три погребения: одно — белозёрской культуры, и два — черногоровской культуры.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к северо-востоку от R_0 на глубине 0,55 м Впущено в северную часть погребения 2. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 14: 2).

Погребение парное. Костяк 1, ребёнка 8 лет (Łukasik 2024: 10), лежал слабо скорченно на правом боку с разворотом на грудь, головой на север—северо-запад, лицом к западу. Руки слегка согнуты в локтях и располагались по бокам, вдоль тела, кисти у таза. Берцовые кости лежали почти перпендикулярно бедренным.

От костяка 2, ребёнка 5 лет, сохранились два молочных и восемь постоянных зубов (Łukasik 2024: 11), обнаруженных возле черепа костяка 1.

Южнее нижней челюсти костяка 1 и зубов костяка 2 сохранились мелкие фрагменты костей животного[7].

Погребение безынвентарное.

17. Глиное/Сухая Балка 9/2

Погребение 2 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2 м к востоку от R_0 на глубине 0,5 м. Перерезало восточную половину основного погребения 3. Совершено в подбое (рис. 15: 1, 2).

Трапециевидная входная яма с округлыми очертаниями, размерами по дну 1,37—1,16 × 0,77 м и глубиной 0,63 м от R_0 длинной осью была ориентирована по линии запад — восток.

Овальная *погребальная камера* размерами по дну 1,4 × 1 м и глубиной 0,97 м от R_0 располагалась севернее входной ямы.

Костяк мужчины (?) 20—30 лет (Łukasik 2024: 11) лежал средне скорченно на левом боку головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях под прямым углом, правая кисть отогнута вниз, к ногам. Левая кисть разрушена норой. Бедренные кости располагались под углом около 45º по отношению к позвоночному столбу, берцовые сильно согнуты в коленях под острым углом.

Между тазом погребённого, бедренными костями и костями рук было сделано углубление (цилиндрическая яма) диаметром 0,35—0,3 м и глубиной до 0,4 м.

Состав и расположение инвентаря. Перед животом, между правой кистью и левым локтем, к юго-востоку от цилиндрического углубления, стоял лепной лощёный двухъярусный кувшин (1). За затылком найден овечий астрагал (2). Между кувшином и

[7] Вид животного, поскольку сохранившиеся фрагменты костей были недиагностичными, археозоологу определить не удалось.

левым предплечьем зафиксированы остатки напутственной пищи от задней левой ноги взрослой особи овцы — левая тазовая, левая бедренная и левая большая берцовая кости.[8]

Описание находок.

1. Лепной двухъярусный кувшин. Горловина в виде усечённого конуса, отделена от тулова широким уступом. Край венчика практически прямой, закруглён. Тулово в виде двух поставленных один на другой биконических сосудов, соединённых узким поясом. Профиль стенки нижней части нижнего яруса несколько вогнутый. Дно слегка вогнутое. С одной стороны сосуда расположена петельчатая ручка; нижний прилеп начинается от ребра нижнего яруса; верхний — упирается в плечо верхнего яруса. Сечение нижней части ручки подовальное; верхняя часть ручки имеет уплощённую площадку сверху; средняя часть ручки с внешней стороны желобчатая.

С трёх остальных сторон оба яруса по плечику украшены широкими вертикальными налепами, подовальными в плане и закруглённо-подтреугольными в сечении, клювовидно выступающими за периметры ярусов. Между ручкой и налепами на каждом ярусе расположены большие круглые в плане ямки, сегментовидные в сечении. От верхней части налепов в обе стороны, в направлении нижней части ямок, нанесены группы параллельных наклонных бороздок, по 3—4 в группе. На участке плеча, переходящем в верхнюю площадку ручки, нанесены две пересекающиеся группы по три бороздки, образующие треугольник с вершиной в направлении ручки, с выступающими за вершину концами. Горловина и пояс сосуда украшены горизонтальными хаотично нанесенными бороздками. Тесто с примесью мелкого шамота, мелкого песка. Цвет желтовато-серый, серый; изнутри — серый, чёрный. Поверхности заглаженные, подлощенные.

Высота кувшина 239—240 мм, горловины — 72—76 мм. Высота от дна до изгиба корпуса верхнего яруса 125—132 мм, до основания верхнего яруса — около 108 мм. Высота пояса 20—25 мм. Расстояние между уровнями максимальных расширений ярусов 87—90 мм. Высота нижней части нижнего яруса 38—43 мм.

Диаметр края венчика 84 × 85 мм. Диаметр основания горловины 115 × 125 мм. Диаметр внешнего контура уступа 129 × 139 мм. Диаметр верхнего яруса тулова 185 × 190 мм. Диаметр пояса около 115 мм. Диаметр основания пояса около 150 мм. Диаметр нижнего яруса тулова 215 × 220, ширина по боковым выступам — 227 мм. Ширина профиля сосуда вместе с ручкой 260 мм. Диаметр дна 87 × 88 мм.

Высота ручки в профиле до 115 мм. Возвышается над корпусом на 50 мм, над поясом — на 80 мм. Размеры внутреннего контура 63 × 45 мм. Размеры сечения верхнего прилепа 54 × 29 мм, верхней части ручки — 34 × 17 мм, средней части ручки — 28 × 22 мм (вогнута до 2 мм), нижней части ручки — 34 × 25 мм, нижнего прилепа — 53 × 40 мм. Длина налепов 45—50 мм; ширина — до 20 мм. Диаметр ямок — до 25 × 30 мм; вогнуты до 1,5—2 мм. Ширина бороздок — 2—2,5 мм. Ширина пояса бороздок на горловине — 65 мм, на поясе — 27 мм.

Толщина края венчика 5—6 мм. Толщина стенок горловины 6—7 мм, в основании — до 9 мм. Толщина стенок плеча верхнего яруса тулова 11—15 мм, вместе с налепом — до 17 мм. Толщина стенок нижней части верхнего яруса корпуса до 9 мм. Толщина стенок пояса 8—11 мм. Толщина стенок плечика нижнего яруса тулова 9—10 мм, вместе с налепом — до 14 мм. Толщина стенок нижней части нижнего яруса 9 мм, в придонной части — 10 мм. Толщина дна 7 мм, у стенок — до 9 мм; вогнуто до 1 мм (рис. 16).

2. Овечий астрагал (таранная кость) размерами 36 × 27 × 21 мм, левый, от взрослой особи животного[9] (рис. 15: 3).

[8] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

[9] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

18. Слободзея (1992) 1/5

Курган Слободзея (1992) 1 высотой 1,3 м от древнего горизонта и диаметром около 30 м располагался в 2,03 км к востоку—северо-востоку от северо-восточного угла г. Слободзея (84,62°), в 0,61 км к югу—юго-востоку (156,93°) от дороги, ведущей из Слободзеи к шоссе Тирасполь — Первомайск. Изучен Слободзейской новостроечной экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 1992 г. под руководством Е.В. Ярового вместе с ещё тремя курганами.

Курган исследовался профилями с использованием бульдозера. Были зафиксированы два профиля длиной 40 м (Центральный) и 36 м (Западный) (рис. 17).

В кургане были исследованы 20 погребений различных культурно-хронологических горизонтов: эпохи энеолита, ямной культурно-исторической общности, ингульской катакомбной культуры, днепро—прутской бабинской культуры, сабатиновской культуры, черногоровской культуры и венгерское.

Погребение 5 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 5,7 м к юго-востоку от R_0. Перерезало южную половину погребения 4 ямной культурно-исторической общности. Совершено в подбое (рис. 18: 1, 2).

Овальная *входная яма* размерами по дну 2,1 × 0,55 м и глубиной 0,9 м от уровня фиксации длинной осью была ориентирована по линии запад—юго-запад — восток—северо-восток.

Трапециевидная *погребальная камера* размерами по дну 2 × 0,2—0,6 м и глубиной 1,3 м от R_0 располагалась южнее входной ямы и была отделена от последней ступенью высотой 0,4 м.

Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад—юго-запад, лицом к югу—юго-востоку. Руки вытянуты вдоль тела и кистями прижаты к тазу, ноги прямые. На дне входной ямы и камеры прослежен белесый органический тлен от подстилки.

Погребение безынвентарное.

19. Слободзея (1992) 2/1

Курган Слободзея (1992) 2 высотой 0,5 м от современной дневной поверхности и диаметром около 24 м располагался в 99,8 м к севере—северо-востоку от кургана 1. Изучен Слободзейской новостроечной экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 1992 г. под руководством Е.В. Ярового вместе с ещё тремя курганами.

Курган исследовался с использованием бульдозера. Был зафиксирован один профиль длиной 32 м (рис. 19: 1).

В кургане были исследованы десять погребений различных культурно—хронологических горизонтов: ямной культурно-исторической общности, ингульской катакомбной культуры, черногоровской культуры, венгерское и неопределённые.

Погребение 1 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 1,8 м к западу от R_0 на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности. Контуры погребального сооружения не были прослежены (рис. 19: 2).

Костяк взрослого человека[10] был разрушен распашкой. Судя по длинным и тазовым костям, позвонкам и костям черепа, костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Под костяком зафиксированы древесные угли.

Состав и расположение инвентаря. За позвонками, однако на крыле таза, зафиксированы четыре железные конусовидные подвески (1—4).

Описание находок.

1. Железная конусовидная подвеска, изготовленная из узкой железной пластины, свёрнутой в усечённый конус. На подвеске, вокруг торцов конуса и в средней части, расположено три поперечных валикоподобных утолщения. Длина изделия 103 мм. Диаметр большего торца 20,5 × 18,5 мм, меньшего — 12,5 мм. Толщина пластины (без валиков) около 3,5 мм. Скипелась с подвеской, описанной ниже (рис. 19: 3а).

[10] Антропологическое определение не проводилось, поскольку кости не сохранились.

2. Железная конусовидная подвеска, изготовленная из узкой железной пластины, свёрнутой в усечённый конус. На подвеске, вокруг торцов конуса и в средней части, расположено три поперечных валикоподобных утолщения. Длина изделия 105 мм. Диаметр большего торца 22,5 × 24 мм, меньшего — 14 мм. Толщина пластины (без валиков) 4—4,5 мм. Скипелась с подвеской, описанной выше (рис. 19: 3б).

3. Железная конусовидная подвеска, изготовленная из узкой железной пластины, свёрнутой в усечённый конус. На подвеске, вокруг торцов конуса и в средней части, расположено три поперечных валикоподобных утолщения. Длина изделия 110 мм. Диаметр большего торца 23 × 27 мм, меньшего — 13 × 15 мм. Толщина пластины (без валиков) 3—4 мм (рис. 19: 3в).

4. Железная конусовидная подвеска, изготовленная из узкой железной пластины, свёрнутой в усечённый конус. Изделие сохранилось частично — средняя и верхняя части утрачены. Вокруг большего торца сохранилось поперечное валикоподобное утолщение. Длина сохранившейся части подвески 93,5 мм. Диаметр большего торца 22,5 × 26 мм. Толщина пластины (без валика) 3,5—4 мм (рис. 19: 3г).

20. Коротное/Кулак 1/17

Курган 1 могильника «Кулак» у с. Коротное диаметром до 10,5 м в рельефе не выделялся. Располагался в 0,193 км к северу—северо-западу (355,69º) от пересечения ул. Строителей г. Днестровск с ул. Кирова с. Незавертайловка Слободзейского района. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2023 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Была разбита одна бровка по линии север — юг шириной 0,6 м и длиной 20 м (рис. 20).

В кургане обнаружены ров, яма и 18 погребений: десять захоронений усатовской культуры, три — ямной культурно-исторической общности; три — днепро-прутской бабинской культуры, одно — черногоровской культуры, одно — скифское.

Погребение 17 (впускное, черногоровской культуры) обнаружено в 2 м к югу от R_0 на глубине 0,99 м от R_0. Совершено в яме (рис. 21: 1, 2).

Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 2,53 × 1,3 м и глубиной 1,5 м от R_0 была ориентирована по линии запад—юго-запад — восток—северо-восток. В 0,2 м южнее левого колена в дне ямы зафиксировано *чашевидное углубление* диаметром 0,13 м и глубиной 0,08 м. Вероятно, оно использовалось для установки несохранившегося сосуда из органического материала или в качестве ёмкости.

На дне ямы лежал костяк мужчины 20—30 лет (Łukasik 2024: 2) в вытянутом положении ничком, головой на запад—юго-запад. Череп лежал на правом виске, лицом к югу—юго-востоку. Руки вытянуты вдоль тела, левая прямая, правая — слегка согнута в локте. Ноги прямые, лежали параллельно друг к другу. В черепной крышке пробоина прямоугольной формы размерами около 50 × 30 мм, очевидно, ставшая причиной смерти.

Поверх левой голени зафиксированы остатки напутственной пищи (?)[11]: череп и кости передних конечностей взрослой особи зайца—русака (*Lepus europaeus*)[12]; таз и задние конечности расчищены южнее, у чашевидного углубления; кости грудной клетки смещены норой. Очевидно, животное было положено на правый бок, мордой на север—северо-восток, и совершенно точно — на дно ямы и мордой поверх левой голени человека. Кроме того, среди костей взрослой особи зайца выявлены кости ювенильной особи зайца. Таким образом, в качестве напутственной пищи были положены тушка взрослой особи зайца и как минимум часть тушки ювенильной особи. Возле черепа взрослой особи зайца обнаружена правая

[11] Чтобы исключить возможность попадания зайца в заполнение могилы в позднейшее время, его кость была датирована радиоуглеродным методом, о чём речь идёт ниже.

[12] Определение канд. биол. наук Д.О. Гимранова (г. Екатеринбург).

плечевая кость домового сыча (*Athene noctua*) и фрагмент правой локтевой кости сизоворонки[13].

Погребение безынвентарное.

Анализ обряда и инвентаря

Топография и стратиграфия погребений в могильниках

В результате системных исследований метаструктуры курганных могильников различных регионов юга Восточной Европы стало очевидно, что погребения предскифского периода могут концентрироваться в некоторых из них, но не в каждом могильнике, образуя различным образом организованные локальные совокупности, состоящие из относительно небольшого числа захоронений в одном могильнике или кургане (Вальчак 2024а: 83—114). Практически аналогичная ситуация была прослежена и для погребений раннескифского периода (Вальчак 2024б: 163—192). За редким исключением, такой характер расположения наблюдается для впускных погребений в курганы эпохи бронзы. Особенно наглядно выявленные закономерности были прослежены по материалам раскопок курганных могильников левобережья Днестра, поскольку полученный в них материал впервые был исследован комплексно, с привлечением данных археологии, палеоантропологии, археозоологии и радиоуглеродного датирования. Такая методика исследований позволила ввести в научный оборот не только погребения с малоинформативным инвентарём, но и безынвентарные, пополнить ими хронологический горизонт погребальных комплексов, находящийся между погребениями эпохи поздней бронзы и классического скифского периода (Вальчак и др. 2019: 156—182; 2024: 42—92; Синика, Симоненко 2022: 157—161).

Определённая ранее закономерность распределения погребений предскифского периода, их группировка в «малые кладбища» с «ярусными», расположенными в вертикальной плоскости комплексами, или с «соседскими», расположенными в условно—горизонтальной плоскости (Вальчак 2024а; 2024б), находит подтверждение и в новых публикуемых материалах. Так, в могильнике Буторы/Долы было выявлено шесть погребений в двух курганах из трёх раскопанных; в могильнике у с. Бычок — одно захоронение[14] в десяти раскопанных насыпях; в могильнике Глиное/Клин — одно в двух раскопанных курганах; в могильнике Глиное/Сухая Балка — девять в пяти раскопанных насыпях; у г. Слободзея — четыре в четырёх раскопанных в 1992 г. курганах; в могильнике Коротное/Кулак — одно в девяти раскопанных курганах[15].

Топография и стратиграфия погребений в курганах

Распределение погребений предскифского периода в каждом из раскопанных курганов какой—либо группы или могильника оказывается различным. В кургане 2 могильника Буторы/Долы было выявлено пять погребений, в кургане 3 — одно. В могильнике Глиное/Сухая Балка: в кургане 6 — четыре погребения; в кургане 7 — два захоронения; в кургане 8 — одна могила; в кургане 9 — два погребения. В могильнике у г. Слободзея (исследованном в 1992 г.) в курганах 1 и 2 выявлено по одному погребению. В кургане 3 у Слободзеи изучено ещё два (Яровой, Кашуба, Махортых 2002: 290—301).

Учитывая то, что практически все исследованные курганы были сооружены в различные периоды эпохи бронзы и за период своего существования подвергались как природному, так

[13] Определение докт. биол. наук Н.В. Зеленкова (г. Москва).

[14] Если другие предскифские погребения не будут выявлены по результатам радиоуглеродного датирования захоронений кургана Бычок 9, возведённого в раннем бронзовом веке.

[15] Исследования могильников Глиное/Сухая Балка и Коротное/Кулак далеки от завершения. На каждом из памятников остаются неисследованными не менее 15 курганов.

и антропогенному (распашка) воздействию, вершины насыпей за тысячелетия их существования неоднократно смещались. Или, как в некоторых из рассматриваемых нами случаях — насыпь уничтожалась полностью. Определение при раскопках центра насыпи в период сооружения интересующих нас погребений зачастую становится затруднительным. Отчасти, этот центр относительно комплексов интересующего нас времени можно восстановить на основании горизонтальной планиграфии основного и более ранних погребений в кургане и стратиграфии досыпок сохранившейся насыпи. Определение же расположения предскифских погребений по сторонам света без подобной аргументации (Черных, Дараган 2014: 357, рис. 165; 166), оказывается не вполне корректным.

В кургане Буторы/Долы 2 пять предскифских погребений располагались в горизонтальной плоскости, по соседству, в северной части насыпи, компактно от условного центра, по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1). Ни одно из них не перекрывало захоронения эпохи бронзы. Вполне вероятно, что вершина насыпи в предскифский период была смещена к северу в результате природных воздействий, а погребения были впущены в центр видимой в этот период насыпи. Погребение 3 кургана Буторы/Долы 3 располагалось в центре насыпи, несколько более 1 м на север от основного погребения эпохи бронзы (рис. 4: 3).

Комплекс из трёх предскифских ярусных и четвёртого, соседнего, погребений в кургане Глиное/Сухая Балка 6 находился в центре насыпи, перекрывая с северо—востока основное погребение белозёрской культуры (рис. 8: 1). Ранее, подобное скопление четырёх предскифских погребений (№ 3—6) в одном кургане, расположенных в вертикальной и горизонтальной плоскостях, было отмечено только в кургане 1 Добролюбовки у Перекопа (Колтухов 2022: 55, рис. 16: 10).

Два ярусных погребения кургана Глиное/Сухая Балка 7 были определённо расположены в центре кургана, так как парная могила являлась основной (рис. 10: 1). В кургане Глиное/Сухая Балка 8 предскифское погребение 1 находилось в центре насыпи, в заполнении основного белозёрского погребения (рис. 13: 1). Аналогичным образом, перекрывая погребение белозёрской культуры, были расположены и два ярусных предскифских захоронения в кургане Глиное/Сухая Балка 9 (рис. 14: 1).

Захоронение Бычок 5/10 располагалось на расстоянии около 3 м к северу от предполагаемого центра древней насыпи, определяемого по окружности расположения периферийных погребений ямной культуры (рис. 5: 2).

Погребение Глиное/Клин 1/11 было расположено над основным погребением раннего бронзового века, близко к центру древней насыпи (рис. 6).

Захоронение Слободзея (1992) 1/5 находилось на расстоянии 5,7 м к юго-востоку от определённого при раскопках центра кургана, видимо, приблизительно соответствующего вершине насыпи во время совершения этого захоронения (рис. 17). Возможно, что в центре насыпи на момент захоронения или несколько севернее его располагалось и погребение 1 кургана Слободзея (1992) 2 (рис. 19: 1). В центре насыпи, несколько восточнее основного захоронения 3, было расположено и впускное погребение 1 в кургане 3 у Слободзеи (Яровой, Кашуба, Махортых 2002: 290, рис. 3).

На расстоянии около 4 м к юго—востоку от предполагаемого центра древнего кургана было обнаружено и погребение 17 кургана Коротное/Кулак 1 (рис. 20).

Таким образом, материалы рассматриваемых шести курганных могильников и обнаруженных в них погребений подтверждают отмеченные ранее закономерности расположения предскифских погребальных комплексов в метаструктуре памятников степной ландшафтной зоны на юге Восточной Европы. Во-первых, это впускной характер подавляющего большинства погребений предскифского времени в уже существовавшие курганы различных периодов эпохи бронзы. Во-вторых, расположение подавляющего большинства предскифских погребений в центре курганной насыпи или в непосредственной близости от неё. В-третьих, устойчивой традиции формирования локальных могильников в предскифский период, состоящих из двух—трёх, реже большего числа погребений в их

горизонтальной и/или вертикальной стратиграфии (Вальчак и др. 2019: 156—182; 2024: 42—92; Вальчак 2024а: 87, 108, 109). Как выясняется теперь, их количество может быть и несколько большим. При этом, пока нет оснований предполагать безусловную принадлежность каждого из погребённых в одном или нескольких курганах могильника к одной родственной или социальной группе предскифского населения.

Основные погребения в курганах

В кургане Глиное/Сухая Балка 7 основное предскифское погребение 2 в подбое было перекрыто предскифским захоронением 1, какие—либо другие погребения отсутствовали (рис. 10: 1). Вопрос об основных предскифских погребениях в степных курганах юга Восточной Европы длительное время оставался дискуссионным (Эрлих 1994б: 115, 116; 2007: 66; Махортых 2005: 52, 95). Из ранее известных исследователям якобы предскифских погребений часть была совершена в позднем бронзовом веке (Черных, Дараган 2014: 350; Отрощенко 2019: 150, 151; Вальчак 2024а: 86, 87). Предскифскими, по составу погребального инвентаря, остаются три кургана: Большемихайловка 1/1 на левобережье Днепра, Провалье 8/1 на правобережье Северского Донца, Слободзея (1992) 3/3 на левобережье Днестра[16]. Погребение в Большемихайловке было совершено в подбое, остальные в подпрямоугольных ямах (Мухопад 1984: 115, 116, рис. 1: 1—4; Яровой, Кашуба, Махортых 2002: 290, рис. 2—4; Махортых 2005: 317, 318, 353, 356—359, рис. 1; 54: 7, 8; 130; 131; 139—142).

Предположительно, в этот список можно включить и основные погребения мог. Центральный-VI 10/1 на левобережье Нижнего Дона и Россошка 3/2 в Волго-Донском междуречье. В первом из них в центре кургана, в узкой овальной яме, вытянуто на левом боку находилось ориентированное на восток захоронение женщины. Под черепом был найден фрагмент бронзового предмета, у левой ключицы — фрагмент сосуда. Захоронение было единственным в кургане, погребальный обряд близок как к позднейшему предскифскому, так и к раннескифскому (Копылов 1979: 1, 4, 5, рис. 1; 11—13; Копылов, Лукьяшко 1995: 131, 132, рис. 6: 3). В Россошке 3/2 в центре кургана, в овальной яме был погребён вытянутый на спине подросток, ориентированный на запад—северо-запад. У правого плеча стоял баночный горшок, вполне «позднебронзовой» формы, а возле ног и в заполнении найдены угольки. Находившееся рядом впускное погребение 1 было полностью ограблено, в заполнении был найден только бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (Мамонтов 1980а: 69—71, рис. 114: 2; 119: 1; 122).

Конструкции основных погребальных сооружений в рассматриваемых курганах, положение погребённых и их ориентировка в каждой из насыпей были различны. Включая комплекс из двух погребённых в захоронении Глиное/Сухая Балка 7/2, наблюдаются пять погребений детей и подростков, по одному погребению взрослых мужчины и женщины. Общее между этими курганами то, что все они распахивались в недавнем прошлом и имели высоту не более 1 м, а их диаметры находились в пределах 20 м. Немного больший диаметр имел курган Слободзея (1992) 3, исследованный в 1992 г. То есть, все насыпи изначально были относительно небольшими.

Примечательно и крайне малое количество курганов с основными предскифскими погребениями на огромной территории между левобережьем Дуная и Заволжьем, сравнительно с впускными погребениями в курганы эпохи бронзы. По подсчётам различных исследователей, с учётом опубликованных в последние годы памятников Приднестровья, число впускных погребений должно быть значительно более 500, а курганных могильников, в которых они встречены, — не менее 350 (Потапов 2000: 7—14; Махортых 2005: 313—367; Черных, Дараган 2014: 348; Вальчак и др. 2019: 160—169; 2020: 79—83; Valchak et al. 2020:

[16] Возможно, основное захоронение предскифского времени на левобережье Нижнего Днестра было изучено в 2024 г. Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко под руководством В.С. Синики — в кургане Коротное/Озеро 1. Однако до проведения радиоуглеродного датирования утверждать этот факт мы не станем.

359—365; Синика, Симоненко 2022: 157—161; Вальчак 2024а: 87). Объяснить причины такой диспропорции достаточно сложно.

Впрочем, если исходить из положений А.М. Хазанова и других исследователей (Хазанов 2023: 88—95, 107—110, 134, 135, с библиогр.), а также недавно высказанной гипотезы о ведении кочевого хозяйства в предскифский период силами малой или ограниченно—расширенной семьи (Вальчак 2024а: 110; 2024б: 183), то эти причины становятся вполне объяснимыми. Подобный, немногочисленный и относительно обособленный социальный коллектив, вероятно, просто не обладал достаточными трудовыми ресурсами для постройки курганной насыпи на своей территории, используя уже существовавшие на ней.

Коллективные погребения

Подавляющее большинство погребений предскифского времени в степной зоне Восточной Европы являются индивидуальными (одиночными). Но изредка встречаются и коллективные захоронения, когда в одной погребальной конструкции (яме или подбое), если она или её следы были прослежены при раскопках, были погребены два или более индивида. В таких комплексах обычно встречаются погребённые различного пола и возраста, часто с различным положением скелетов и их ориентировкой (Вальчак 2024а: 87, с библиогр.). Синхронность или асинхронность таких захоронений, даже при небольшом временном интервале, не всегда является очевидной. Данный вопрос может быть решён только при комплексном анализе сочетания всех прослеженных признаков погребального обряда при их сопоставлении с признаками индивидуальных погребений, как и широкого спектра хронологически близких ситуаций.

Парное захоронение маленького ребёнка и ребёнка/подростка в скорченном положении и с различной ориентировкой было обнаружено в основном комплексе Глиное/Сухая Балка 7/2 (рис. 11: 1). Здесь наблюдается уникальный для предскифского периода случай двухкамерного подбоя с общей входной ямой. При этом камеры были расположены на разных уровнях относительно дна входной ямы.

Разноуровневое, впускное ярусное захоронение в подбое одного из двух погребённых, на дне входной ямы, было прослежено в могиле Погорелый Яр II 2/5 на Нижнем Дону. Скелет 1 лежал вытянуто на спине, ориентирован на запад. Практически аналогично был расположен и скелет 2 в камере подбоя этого комплекса (Вальчак 2024а: 102, 105, рис. 12).

Подобное расположение вытянутых погребённых с западной ориентировкой, в камере и на дне входной ямы подбоя, отмечено в захоронении Антоновка 4/3 на правобережье Нижнего Днепра. Погребение впускное и не содержало инвентаря (Черных, Дараган 2014: 354). К сожалению, в упомянутой работе, как и в первой публикации (Салий 1997: 40, рис. 3: 3), отсутствуют планы кургана и данные о стратиграфическом положении этого погребения в нём, что вынуждает с осторожностью относиться к предлагаемой для него хронологической интерпретации.

Два упомянутых погребальных комплекса в подбоях сходны между собой, но в сравнении с захоронением Глиное/Сухая Балка 7/2 в них наблюдается иная ситуация с расположением погребённых на разных уровнях в одном погребальном сооружении.

Парное впускное и ярусное захоронение детей обнаружено в могиле Глиное/Сухая Балка 9/1, где погребальная конструкция не прослеживалась, а дети были положены рядом и, видимо, на одном уровне. Оно перекрывало предскифское же подбойное погребение 2, находясь над его погребальной камерой (рис. 14: 1). Несколько коллективных погребений предскифского времени с расположением отдельных индивидов на одном уровне в одном погребальном сооружении известны достаточно хорошо (Вальчак 2024а: 87). Парные погребения детей разного возраста, отнесённые исследователями к предскифскому периоду, известны, но в небольшом количестве. Это впускное погребение в насыпи кургана 3 у с. Суклея на левобережье Днестра, в котором погребённые лежали вытянуто на спине и были ориентированы на юг, между захороненными

находился орнаментированный сосуд (Махортых 2005: 362, рис. 149: 8). Не исключено, что это погребение может относиться к эпохе финальной бронзы.

Ещё одно впускное парное детское погребение Шалаши 9/3 находилось в степном Крыму. Погребальная конструкция не прослежена, один из погребённых был положении вытянуто на спине, другой — на животе, или на левом боку, с завалом на живот, между черепами ориентированных к юго-западу погребённых стоял лепной чернолощёный кубок. У одного из них — бронзовая округлая подвеска или серьга из тонкого прута (Махортых 2005: 366, рис. 155: 1—3). В.А. Колотухин относил это погребение к VIII—VII вв. до н.э. (Колотухин 2000: 40, 41, 57, рис.: 25: 2).

Парное впускное погребение мужчины и женщины в скорченном положении с восточной ориентировкой Астахово III 14/3 в Северо-Восточном Приазовье в прямоугольной яме сопровождал оселок, вероятно, подвешенный к поясу мужчины сзади (Лукьяшко 1999: 35, рис. 18). На левом берегу Северского Донца было открыто захоронение мужчины и женщины Пионерское 1/1 в забутованной камнем яме. Мужчина был положен скорченно, а женщина вытянуто, оба ориентированы на юго—запад. В могиле были найдены два сосуда и бронзовый двухлопастный наконечник стрелы, находившийся в позвонке мужского скелета (Гаврилюк, Красильніков 2006: 410—415, рис. 14: 2, 3; Вальчак 2024а: 106, рис. 14: 3). Парное впускное предскифское захоронение мужчины и женщины в подпрямоугольной яме было обнаружено и в Политотдельском 4/13 в Заволжье. Погребённые были положены в центральной части кургана, скорченно на левом боку, ориентированы на юго—восток (Смирнов 1959: 228, 238, 242, рис. 10; 14: 1, 3; 15: 3, 7; Отрощенко 1994: 112). Вероятнее всего, все эти комплексы были одновременными погребениями двух индивидов.

Уникальным является тройное впускное захоронение близ центра кургана Танковое 9/4 в Крыму. Взрослые погребённые были положены вплотную друг к другу, скорченно, но не одинаково, ориентированы на северо—восток. Погребальное сооружение не прослеживалось, немногочисленный инвентарь позволяет отнести комплекс к предскифскому времени (Щепинский, Черепанова 1969: 189, 192, рис. 71; 72: 9, 13—15; Махортых 2005: 362, рис. 149: 4—7; Колтухов 2022: 50, рис. 15: 10—12).

Следует отметить, что коллективные погребения встречаются в предскифский период так же редко, как и основные под курганами.

Погребальные сооружения

Список известных погребальных сооружений предскифского периода публикуемые курганы в основном пополнили количественно, не внося каких—либо корректировок в понятие погребального обряда. Для части из них погребальные сооружения проследить не оказалось возможным: Буторы/Долы 2/3, Бычок 5/10, Глиное/Сухая Балка 8/1 и 9/1.

Погребения в ямах подпрямоугольной или подтрапециевидной формы с закруглёнными углами. Погребения в ямах являются наиболее распространёнными в рассматриваемый период (Махортых 2005: 257, 265, 268, 272). Узкие подтрапециевидные ямы были изучены в комплексах Глиное/Сухая Балка 6/1 и 7/1. Такие сооружения имеют немногочисленные аналогии в предскифских памятниках (Вальчак и др. 2024: 53).

Прямоугольная яма с закруглёнными углами была открыта в комплексе Коротное/Кулак 1/17. Такой тип погребального сооружения является одним из самых распространённых (Вальчак и др. 2024: 52, 53).

Изогнутая дугообразно форма продольных стенок ямы в Глиное/Клин 1/11 очень характерна для формы погребальных камер подбойных конструкций (Гошко, Отрощенко 1986: 173, 174). Нельзя этого исключить и в нашем случае.

Погребения в подбоях составляют две группы, определяемые по расположению камеры относительно входной ямы. Расположенные к северу камеры подбоев прослежены в комплексах Глиное/Сухая Балка 6/2, 6/3, 7/2, 9/2. Южное расположение камер наблюдалось в

захоронениях Буторы/Долы 2/4, 2/7, 2/8, 3/3, Глиное/Сухая Балка 6/3а и Слободзея (1992) 1/5. Ближайшие аналогии таким конструкциям в памятниках Восточной Европы приводились ранее (Вальчак и др. 2019: 163, 164, рис. 2; 4; 6: 1, 3; 8: 2; 2024: 53).

Наложение двух подбоев отмечено в кургане Глиное/Сухая Балка 6. Здесь входная яма погребения 3 разрушила погребальную камеру могилы 3а и её входную яму, располагавшуюся к северо-востоку от камеры. При этом, раннее и позднее погребения были ориентированы в противоположных направлениях.

Единственным и уникальным пока случаем среди известных нам памятников предскифского периода является двухкамерное и разноуровневое подбойное сооружение Глиное/Сухая Балка 7/2 (рис. 11: 1).

Цилиндрическая яма в захоронении Глиное/Сухая Балка 9/2 и *чашевидное углубление в могиле* Коротное/Кулак 1/17 вызывают особенный интерес. Достоверных аналогий этим углублениям в других памятниках предскифского периода нам найти не удалось. Вполне вероятно, что они могли быть в каких-нибудь из них, но были приняты исследователями за норы и остались не зафиксированными при раскопках. Интересно то, что цилиндрическая яма в могиле Глиное/Сухая Балка 9/2 была выкопана между тазом погребённого, бедренным костями и костями рук, а к юго-востоку от неё стоял уникальный кувшин, аналогов которому в предскифских древностях Северного Причерноморья нет. Чашевидное углубление в дне ямы Коротное/Кулак 1/17 находилось под положенными поверх него тушками зайцев. Не исключено, что в обоих случаях яма и углубление могли выполнять роль «ботроса», например, ёмкости для жидкости (крови жертвенного животного?).

Позы и ориентировки погребённых

Расположение погребённых внутри могил также достаточно характерно для погребений предскифского периода.

Все вытянутые погребения имели западную ориентировку с некоторыми отклонениями. Это захоронения Буторы/Долы 2/3, 2/4, 3/3, Глиное/Сухая Балка 6/1, 8/1 и Слободзея (1992) 1/5. Аналогичную ориентировку имело и разрушенное входной ямой погребения 3 подбойное захоронение Глиное/Сухая Балка 6/3а.

Расположенные на правом боку вытянутые погребения Глиное/Клин 1/11 и Глиное/Сухая Балка 6/2, как и вытянутое на левом боку захоронение Буторы/Долы 2/7, также имели западную ориентировку. Данные о том, что она является наиболее распространённой для подобных предскифских погребений, публиковались ранее (Вальчак и др. 2019: 163; 2024: 53, 54).

Скорченные на правом боку погребения имели как восточную (Буторы/Долы 2/8), так и западную ориентировку (Буторы/Долы 2/12, Глиное/Сухая Балка 9/1). Скорченные на левом боку, в большинстве случаев, были ориентированы на восток с отклонениями: Глиное/Сухая Балка 6/3, 7/2 (костяк 2), 9/2 и Слободзея (1992) 2/1.

Ориентированы на запад были скорченные на левом боку погребённые в могилах Глиное/Сухая Балка 7/1 и 7/2 (костяк 1).

Наблюдаемые в публикуемых погребениях положения рук и ног погребённых характерны для известных вариаций, которые существовали в предскифский период (Вальчак и др. 2019: 164—167; 2024: 55, 56).

Положение кистей обеих рук у костяка 2 в могиле Глиное/Сухая Балка 7/2 и кисти правой руки в захоронении Глиное/Сухая Балка 9/2 в лучезапястном суставе находится под углом в 90 и более градусов к продольной оси костей предплечья. Учитывая границы естественной сгибаемости/разгибаемости суставов человека (Каменецкий 1986: 150, примечание 8), такое явление вызывает интерес и нуждается в объяснении. В.В. Отрощенко уже обращал на это внимание, и, на примере пяти аналогичных ситуаций в погребениях предскифского периода, посчитал их «специфическим признаком черногоровского ритуала» (Отрощенко 2019: 151, 153, 154, рис. 1: 6, 7, 9; 2; 3: 8). Подобные случаи в предскифских

погребениях встречаются и в комплексах Волго—Донского региона, например, Чограй III 8/13, Челюскинец 5/4, Весёловская I 2/3 (Отрощенко 1994: 105, 106; Вальчак и др. 2019: рис. 4: 2—4; 8: 1), и в некоторых других предскифских погребениях.

В комплексе Коротное/Кулак 1/17 погребённый лежал вытянуто в положении ничком (рис. 21: 1). Расположение погребённых ничком изредка встречается в погребениях предскифского периода. Известны как скорченные, так и вытянутые положения скелетов, что отмечалось исследователями, которые выводили эти погребения в отдельную обрядовую группу. В качестве объяснения подобных случаев приводились различные гипотезы об особом, неординарном положении таких погребённых при жизни (Лукьяшко 1999: 142, 143; Потапов 2000: 14, сноска 5; Черных, Дараган 2014: 354, 355; Вальчак 2024а: 97).

Учитывая наличие в комплексе погребения Коротное/Кулак 1/17 такого редкого элемента обряда, как положение костей птицы (крыльев?), тем более уникального элемента — тушек зайцев, можно предполагать особую исключительность в предскифском социуме и захороненного здесь индивида.

Под черепом погребённого в могиле Глиное/Клин 1/11 было прослежено *пятно коричневого цвета*, вероятно, являющееся следом *от* находившейся здесь *«подушки»* (рис. 7: 1). В некоторых других погребениях предскифского периода эта деталь также была зафиксирована при раскопках. Например, тлен от кожи, который располагался не только под черепом, но и под верхней частью скелета, был зафиксирован в могиле Песчанка 1/5 в Орельско-Самарском междуречье. Отмечается, что этим «изголовьем» череп погребённой скорченно на восток женщины был приподнят (Ромашко 1984: 106, 107, рис. 1: 1—5; Махортых 2005: 350, 351, рис. 123: 5). Толстый волокнистый коричневый тлен был прослежен под черепом скорченного и ориентированного на восток погребённого в Зимогорье 2/5 (Махортых 2005: 332, рис. 89: 1).

Одним из важнейших элементов обряда является *помещение напутственной пищи* в захоронения предскифского периода. Её остатки были зафиксированы в двух публикуемых комплексах в виде костей *от задней левой ноги овцы*: Глиное/Сухая Балка 7/2 (северная камера, в ногах скорченного на левом боку костяка) — левая тазовая, левая бедренная, левая большая берцовая и левая пяточная кости; Глиное/Сухая Балка 9/2 (справа возле верхней части скорченного на левом боку костяка) — левая тазовая, левая бедренная и левая берцовая кости.

Аналогичная ситуация была отмечена в ранее опубликованном захоронении Глиное/Рыбхоз 1/8 на левобережье Нижнего Днестра — при скорченном на левом боку костяке над слоем тлена от кожаного сосуда обнаружены левая тазовая, левая бедренная и левая большая берцовая кости овцы (Вальчак и др. 2024: 49)[17]. Кроме того, такие же кости были в черногоровских захоронениях на левобережье Нижнего Днестра Малаешты 1/16 (левые тазовая, бедренная, большая берцовая и пяточная кости) и Малаешты 1/17 (левые тазовая, бедренная, большая берцовая, таранная и пяточная кости) справа возле верхней части скорченных на левом боку костяков[18]. Таким образом, как минимум в пяти достоверных черногоровских захоронениях на левобережье Нижнего Днестра была зафиксирована остатки напутственный пищи от задней левой ноги овцы. Все они отмечены в погребальных камерах подбоев/катакомб при скорченных на левом боку костяках.

В настоящее время, при отсутствии других заключений специалистов—зоологов (!) о видовой и таксономической принадлежности костей животных из ранее изученных черногоровских могил Северо-Западного Причерноморья, мы можем осторожно предполагать существование подобной погребальной традиции — помещение задней левой ноги овцы в качестве напутственный пищи в погребальные камеры подбоев/катакомб при скорченных на левом боку костяках.

Кости зайца—русака из погребения Коротное/Кулак 1/17, возможно, являлись не остатками напутственной пищи, а следами некоего ритуала. Тушка взрослой особи была положена справа у

[17] В указанной публикации не отмечено, что кости были левыми.

[18] Определение канд. биол. наук Д.О. Гимранова (г. Екатеринбург). Раскопки Днестровской археологической экспедиции ПГУ им. Т.Г. Шевченко 2024 г. под руководством С.А. Фидельского. Материалы не опубликованы.

правой голени мужчины 20—30 лет, поверх чашевидного углубления, которое, по всей видимости, использовалось для установки несохранившегося сосуда из органического материала или в качестве ёмкости. Кроме того, среди костей взрослой особи были найдены кости ювенильной особи зайца.

На сегодняшний день, находки тушек или отдельных костей зайцев в других погребениях предскифского периода нам не известны.

Кроме того, жертвенная пища была положена в захоронение Глиное/Сухая Балка 9/1. От неё сохранились мелкие фрагменты костей, которые не позволили специалисту—археозоологу определить вид животного.

Кости птиц из захоронений Глиное/Сухая Балка 7/1 (среди костей грудной клетки ребёнка 5—7 лет), Глиное/Сухая Балка 7/2 (среди костей грудной клетки ребёнка/подростка 14—17 лет) и Коротное/Кулак 1/17 (в ногах мужчины 20—30 лет, возле костяка зайца—русака) в настоящее время можно достоверно интерпретировать как элемент обряда.

Ранее было опубликовано черногоровское погребение Глиное/Дот 10/1, где среди костей скелета ребёнка 9—10 лет была обнаружена правая плечевая кость пеганки или кряквы (Вальчак и др. 2024: 47), при этом было указано, что планируется проведение радиоуглеродного датирования этой кости, чтобы исключить вероятность её случайного попадания в комплекс в позднейшее время (Вальчак и др. 2024: 56). Датирование было проведено в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») в 2024 г. По кости птицы была получена следующая дата GV—5176; 3358±44 BP: калиброванные интервалы — 1σ — 1734—1545 гг. до н.э., 2σ — 1756—1517 гг. до н.э., 3σ — 1877—1498 гг. до н.э. Эта дата оказалась старше двух полученных в 2023 г. по кости человека дат из Киевской (Ki—20622; 2620±50 BP) и Дебреценской (DeA—43009; 2717±18) радиоуглеродных лабораторий (Вальчак и др. 2024: 63—64, рис. 12: 1, 2) минимум на 640 радиоуглеродных лет. В этой связи в настоящее время мы исключаем случайное и позднейшее попадание кости птицы в захоронение. В то же время древность радиоуглеродной даты по кости птицы по сравнению с двумя радиоуглеродными датами по кости человека вполне объяснима эффектом резервуара, с учётом среды обитания болотных уток (каковыми являются кряквы и пеганки) и рациона их питания.

Кроме того, была датирована кость птицы из захоронения Глиное/Сухая Балка 7/1. Была получена следующая дата: GV—5114; 2661±41 BP: калиброванные интервалы — 1σ — 894—793 гг. до н.э., 2σ — 904—781 гг. до н.э., 3σ — 983—753 гг. до н.э.[19] (рис. 10: 11). Эта дата, во—первых, соответствует интервалу предскифского периода, а во—вторых — коррелирует, как будет показано ниже, с датами по кости человека из этой могилы, а также с радиоуглеродными датами по кости человека и кости овцы из основного погребения в кургане. В данном случае наиболее важно, что кость птицы, как и в захоронении Глиное/ДОТ 10/1, попала в могилу не случайно и не в позднейшее время.

Также в настоящее время крайне маловероятно, что кость птицы, найденная среди костей грудной клетки костяка 2 в захоронении Глиное/Сухая Балка 7/2, могла попасть в погребальную камеру этой катакомбы случайно[20].

Наконец, четвёртым черногоровским погребением на левобережье Днестра, где была обнаружена правая плечевая кость домового сыча (*Athene noctua*) и правая локтевая кость сизоворонки, является могила Коротное/Кулак 1/17. В данном случаем, поскольку эти кости были зафиксированы возле черепа зайца—русака, мы полностью исключаем вероятность их случайного и позднейшего попадания в захоронение[21].

---

[19] Здесь и далее калибрование радиоуглеродных дат было произведено с использованием программы OxCal v4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al. 2020).

[20] Чтобы в этом убедиться окончательно, будет предпринята попытка провести радиоуглеродное датирование образца, сохранившийся вес которого составляет 0,45 г.

[21] Ввиду значительной зоологической и анатомической ценности правой плечевой кости сыча из погребения Коротное/Кулак 1/17 радиоуглеродное датирование этой находки не предполагается. Датирование кости

Таким образом, на данный момент в четырёх могилах предскифского времени на левобережье Нижнего Днестра достоверно зафиксировано пять находок костей птиц. В двух случаях их принадлежность не установлена (Глиное/Сухая Балка 7/1 и 7/2 — фрагменты костей), в двух других определена (Глиное/ДОТ 10/1 — болотная утка: кряква или пеганка; Коротное/Кулак 1/17 — домовый сыч и сизоворонка). Судя по таксономической принадлежности трёх определённых костей (по одной правой плечевой кости в погребениях Глиное/ДОТ 10/1 и Коротное/Кулак 1/17; локтевая кость — в могиле Коротное/Кулак 1/17), существовала какая-то норма обряда, регламентировавшая помещение в захоронения крыла птицы или его части.

При этом в двух случаях кости птиц были найдены в детских погребениях: Глиное/ДОТ 10/1 (среди костей ребёнка 9—10 лет) и Глиное/Сухая Балка 7/1 (среди костей грудной клетки ребёнка 5—7 лет). С большой долей осторожности к детским можно отнести костяк 2 (ребёнок/подросток 14—17 лет) из катакомбы Глиное/Сухая Балка 7/2 (кость птицы среди костей грудной клетки), поскольку человек в таком возрасте в традиционных обществах был / считался взрослым. Эти находки можно интерпретировать как помещение части крыла птицы поверх тела погребённого.

Иная ситуация отмечена в захоронении Коротное/Кулак 1/17 — кости двух птиц были зафиксированы в ногах мужчины 20—30 лет. С учётом необычности погребального обряда (поза ничком; помещение в качестве напутственной пищи (?) двух тушек (или целой тушки и части другой тушки) зайца—русака) и смертельного ранения в виде пробоины в затылочной части черепа, находка костей птиц вызывает особенный интерес. Они представляют собой правую плечевую кость (как в могиле Глиное/ДОТ 10/1) домового сыча и локтевую кость сизоворонки. По всей видимости, части крыльев птиц, вместе с тушками зайцев, были положены поверх тела, как и в могилах Глиное/ДОТ 10/1, Глиное/Сухая Балка 7/1 и 7/2, однако не на грудную клетку погребённого, а на его правую голень.

Мелкие *древесные угольки* были найдены в области черепа погребённого в захоронении Глиное/Сухая Балка 6/1. Находились они вместе с комочками пережженного грунта и на дне входной ямы и камеры с костяком 2 в могиле Глиное/Сухая Балка 7/2. Под скелетом погребённого в Слободзее (1992) 2/1 также были зафиксированы древесные угли.

Использование огня в предскифском погребальном обряде было прослежено неоднократно. В захоронениях часто присутствуют не только подсыпки углей и обожжённого грунта на дне и в заполнении, но и следы костров внутри могил, обжига дна погребальных сооружений, частичной кремации погребённых, и следы горения деревянных частей погребальных конструкций. Из наиболее близких аналогий в бассейне Днестра, где присутствует эта черта обряда, можно упомянуть комплексы Глиное/Сад 4/13, Глиное/Рыбхоз 1/8, Слободзея (1992) 3/3, Зальц 1/1. Наличие связанных с огнём и горением элементов погребального обряда в различных регионах Северного Причерноморья упоминалиось неоднократно (Вальчак и др. 2019: 161; 2024: 57).

Полусферические предметы, иногда усеченно—конической формы, сделанные из головки бедренной кости животного (?)[22], подобные найденному в заполнении погребения Глиное/Клин 1/11, неоднократно встречены в погребальных и поселенческих памятниках различных археологических культур финала эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века на юге Восточной Европы[23]. Будучи похожими по форме на некоторые типы керамических пряслиц, таковыми они, скорее всего, не являются. Мы интерпретируем их как ворворки, назначение которых пока остаётся не вполне ясным.

сизоворонки планируется.

[22] Такие определения встречаются в отчётах о полевых исследованиях и публикациях. Сделаны ли они специалистами-археозоологами или археологами, нам не известно.

[23] В 2024 г. в ходе раскопок Днестровской археологической экспедиции ПГУ им. Т.Г. Шевченко под руководством С.А. Фидельского кургана 1 у с. Малаешты на левобережье Нижнего Днестра было изучено черногоровское погребение 16 с костяной ворворкой. Предмет был найден в районе грудной клетки женщины возрастом 50 лет (по определению специалиста-антрополога), лежавшей средне скорченно на левом боку, головой на восток.

Исследователи упоминают подобные находки в степных и лесостепных памятниках Северного Причерноморья, на территории Волго-Донских и Предкавказских степей, на Северном Кавказе (Мамонтов 1980б: 192, рис. 5: 5; Кореняко 1982: 68, 69, рис. 2: 9; Гордин, Потапов, 1991: 37—39, рис. 9; Потапов 2010: 122, 123; Лукьяшко 1999: 49, 65, 66, 95, 184, рис. 35; 52; 53; 87; Махортых 2005: 67, 68, рис. 23: 24—29; Черных, Дараган 2014: 360, 361, рис. 166: 3).

В степях Восточной Европы такие находки чаще всего встречаются в комплексах со скорченными погребёнными, ориентированными в восточный сектор. Расположение костяных ворворок в могиле относительно погребённого различается. Они были найдены в районе черепа, иногда близко или в некотором отдалении:, такое расположение встречено в комплексах Чкаловская 1 7/3, Песчанка 1/5, Дубовики 1/2 (Махортых 2005: 329, 350, 351, рис. 81: 1—3; 123: 5—9; Черных, Дараган 2014: 360, 361, рис. 166: 3) и Чограй III 9/12 (Кореняко 1982: 68, 69, рис. 2: 9). Обнаружены они были и у правого плеча, локтя, предплечья, запястья или в некотором удалении от них: Рясни 1/8 (Лукьяшко 1999: 65, 66, рис. 52), Восточный Маныч III 2/8 (Синицын 1966: 247, 248, рис. 393; 401—403; Мамонтов 1980б: 192, рис. 3: 9; 5: 5), Северный II 9/5 (Горбенко и др. 1973: 45, 46, табл. LXXXVI: 2; LXXXVII: 2; LIX), Николаевка 1 3/4 (слабо скорченное ничком) (Махортых 2005: 346, рис. 116: 3, 4; Черных, Дараган 2014: 361), Холодный IV 2/4 (Лукьяшко 1999: 95, 184, рис. 87), Кривая Лука IX 2/6 (Фёдоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская 1974: 116—119, рис. 121; 122; 426). В некоторых случаях такие костяные ворворки были найдены при скорченных погребениях возле колен и стоп — в Троицком 13/5 и Соколово II 2/1 (Черных, Дараган 2014: 361). За спиной скорченного и ориентированного на юго-восток погребённого в Рясни 1/2, на пятне жёлтого органического тлена, рядом с костями животного, напутственной пищей, и железным ножом была найдена усеченно-коническая костяная ворворка, подобная найденной в могиле 8 этого же кургана (Гордин, Потапов 1991: 37—39, рис. 9: 1). В разрушенном погребении Кастырский VII 1/5, с предположительно скорченным с юго-западной ориентировкой скелетом, среди костей животного была найдена аналогичная костяная ворворка (Житников 1985: 77, рис. 291—294; Лукьяшко 1999: 49). При скорченном погребённом с юго-западной ориентировкой в захоронении Центральный-VI 11/6 в бассейне Дона, подобная ворворка была найдена у левого плеча (Копылов 1979: 9, 10, рис. 33).

Находка костяной ворворки под черепом вытянутого на спине, с ориентировкой на северо-восток погребённого в захоронении Дубовая Могила 1/14 явление пока уникальное (Махортых 2005: 329, рис. 82: 8—10). Не находит аналогий и могила Антонов I 4/7 в Подонье, с вытянутым на спине с разворотом на правый бок, ориентированным на юго-запад погребённым, где костяная ворворка лежала между берцовыми костями (Мамонтов 1994: 32, рис. 3: 6; 7: 7; Вальчак и др. 2019: 163, рис. 5: 2). Публикуемое погребение Глиное/Клин 1/11 (мужчины 20—35 лет по определению специалиста—антрополога) отчасти сходно с этим захоронением по положению погребённого, но несколько отличается положением скелета и ориентировкой в западном секторе.

Наблюдаемое разнообразное расположение рассматриваемых костяных предметов в погребениях, а также их широкий хронологический диапазон, позволяют нам рассматривать их как деталь одежды, фурнитуры костюма или культовый и значимый предмет обихода в среде населения различных регионов юга Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и предскифского периода. Исходя из изложенного, рассматриваемые костяные предметы именовать «пряслицами», как обычно их интерпретируют, не вполне корректно. Также они не могут являться значимыми для определения пола погребённого и узкой хронологии археологического комплекса, что было отмечено и другими исследователями (Лукьяшко 1999: 184; Черных, Дараган 2014: 361).

Надёжными антропологическими определениями (пола и возраста) погребённых с подобными костяными предметами мы не располагаем, они в отчётах и публикациях были предложены археологами, авторами раскопок. Интересно, что все авторы раскопок определяют погребённых как людей взрослого возраста. Отчасти можно согласиться с интерпретацией погребений с костяными ворворками и бронзовыми иглами в качестве

женских — Дубовики 1/2, Песчанка 5/1 (Черных, Дараган 2014: 361) и Холодный IV 2/4 (Казакова 1973: 49, 50, рис. 114; 115), но некоторые из них могут относиться к эпохе бронзы (Отрощенко 2019: 150). Мужскими считаются комплексы в могильниках Восточный Маныч III 2/8 и Антонов I 4/7, однако убедительных доказательств этому нет. В то же время мы можем констатировать, что два черногоровских захоронения с ворворками на левобережье Нижнего Днестра принадлежали разнополым индивидам: Глиное/Клин 1/11 — мужское; Малаешты 1/16 — женское.

Бронзовые предметы из тонких пластинок или прутов, как правило, очень плохо сохраняющиеся, являются частой находкой в погребениях предскифского периода. Определить их назначение можно далеко не всегда, как, например, пластинки при костяке 1 из могилы Глиное/Сухая Балка 7/2 (рис. 11: 4). Аналогичным образом нет возможности и определить предметы, от которых остаются только окислы бронзы, как у левого коленного сустава в захоронении Глиное/Сухая Балка 7/1. В то же время окислы бронзы у лицевой части черепа в этом же погребении можно интерпретировать как бронзовые украшения или зажимы очелий, или украшения головного убора. Подобные находки хорошо известны в погребениях предскифского периода на юге Восточной Европы (Гошко, Отрощенко 1986: 176; Отрощенко 1994: 114).

Орнаментированный кувшин из захоронения Глиное/Сухая Балка 9/2 представляется нам абсолютно уникальным (рис. 16). В известных нам памятниках предскифского периода подобные изделия не встречались. Создаётся впечатление, что мастер—керамист соединил в одном изделии две керамические кружки, поставленные друг на друга. По форме и орнаментации, этот кувшин, вероятно, относится к керамической традиции круга гальштатских культур Центральной Европы, но прямых аналогий ему найти не удалось.

Однако если рассматривать каждый ярус в отдельности, то представленные формы в сочетании с орнаментом находят ближайшие аналогии среди керамического комплекса среднегальштаттской культурно-исторической общности Басарабь-Шолданешты, датировка которой определяется VIII — первой половиной VII в. до н.э. (Kaşuba 2008: 42). По большей части посуда этой общности лощёная и украшена различными сочетаниями рельефного орнамента (налепы, выступы, каннелюры, вдавления). Встречаются также сосуды с резным орнаментом, иногда с инкрустацией белой пастой. Публикуемый сосуд из могилы Глиное/Сухая Балка 9/2 относится к лощеной керамике и типологически принадлежит к сосудам с ручками — кувшинам. Лощеные кувшины были обнаружены лишь в четырех черногоровских погребениях на территории Северного Причерноморья: Сарата в Дунай-Днестровском междуречье, Рошканы на правобережье Среднего Днестра, Рыбасово и Усть-Каменка на правобережье Нижнего Днепра (Гаврилюк 2017: 134—136). Условно близким по форме (приземистое тулово) и орнаментации (налепы, округлые вдавления на тулове) нашему сосуду можно считать кувшин из погребения Рошканы 3/4 (Кайзер и др. 2017: рис. 5: 1). Этот сосуд, а также лощёный сосуд из Сараты, ранее были уверенно соотнесены с керамикой Басарабь-Шолданешты (Гаврилюк 2017: 134—135).

Кроме того, очевидным является сходство отдельных элементов двухъярусного кувшина с посудой из коллективного погребения могильника Шолданешты II. Здесь обнаружены крупные корчаги, черпаки и кувшины, которые содержали рельефный орнамент в виде вертикальных налепов, выступов на тулове, горизонтальных каннелюров на горловине (Kaşuba 2008: fig. 5).

Таким образом, двухъярусный кувшин, несмотря на его уникальность, находит ближайшие аналогии в орнаментации керамики Басарабь-Шолданешты. Несомненно, рассматриваемый сосуд является результатом тесных контактов оседлого (среднегальштатского) и кочевого (черногоровского) населения, активная фаза которых приходится на VIII — первую половину VII в. до н.э.

Четыре железных конусовидных предмета были найдены у переотложенного крыла таза в разрушенном захоронении Слободзея (1992) 2/1. Они лежали компактно, видимо, представлсохраняя своё изначальное положение на скелете.

Находки подобных предметов, но без поясков по краям и в середине, были известны преимущественно в предскифских памятниках Северо-Западного Причерноморья. Аналогичные четыре предмета были найдены во впускном подбойном погребении Новоселица 3/1. Погребённый лежал на спине, был ориентирован на запад—северо-запад. Железные конусы были расположены «у левого плеча, правого бедра и между ног погребённого». Кроме того, в районе таза были найдены пять коралловых бусин (Махортых 2005: 347, 348, рис. 119: 1—5). В подбое с каменным закладом и забутовкой камнями входной ямы Буторы I 14/6 погребённый был положен вытянуто с завалом на правый бок, ориентирован на юго-запад, ноги под тупым углом согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Четыре железных конуса были найдены парами с наружной стороны от тазовых костей погребённого (Синика, Разумов Тельнов 2013: 95, 96, рис. 67: 1, 2). В захоронении Буторы I 3/3 погребённый лежал вытянуто, с завалом верхней части скелета на правый бок, ориентирован на запад, руки были согнуты в локтях, предплечья находились между грудной клеткой и тазом, ноги вытянуты. На левой ключевой кости погребённого, ориентированного на запад—северо-запад, был найден подобный же конус с тленом от «деревянной палочки» внутри. Широкие края конуса были загнуты, образуя подобие раструба (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 96, 97, рис. 67: 3, 4). Четыре же подобных предмета были найдены в комплексе Александрия 2/7 на правобережье Днепра в подбойном сооружении. Погребённый лежал на спине, был ориентирован на северо-запад. Слева за головой находился развал кувшина с биконическим туловом, цилиндрическим горлом и петельчатой ручкой. Четыре конуса были расположены между средней и нижней частью бедренных костей, выше колен (Бокий, Горбул. Отрощенко и др. 1991: 74, 176, рис. 3; Махортых 2005: 106, 313, рис. 48: 1, 2).

Назначение предметов было достоверно не установлено, они считались «предметами неясного назначения», интерпретировались как «втоки от копий или предметы культа» (Махортых 2005: 70). Определённая система расположения железных конусов в рассматриваемых погребениях: у пояса, у левого плеча и близ колен, как и редкость подобных находок, позволили предположить, что они могут являться атрибутами костюма служителей культа предскифского времени (Вальчак 2013: 40—46, рис. 1; 2).

В отличие от упомянутых выше, погребение Слободзея (1992) 2/1 являлось скорченным и пока единственным таким в сопровождении железных конусовидных предметов. Как и в большинстве известных ранее, другие находки в нём отсутствовали. Найденные в могиле Слободзея (1992) 2/1 предметы, предположительно располагавшиеся у пояса, сближают этот комплекс с упомянутыми выше, что подтверждает особую характерность таких находок для предскифских памятников Северо—Западного Причерноморья.

Астрагалы были найдены в захоронениях Глиное/Сухая Балка 7/1 и 9/2. Эти находки достаточно часто встречаются в погребениях предскифского периода, как в одном, так и в нескольких экземплярах на всей территории юга Восточной Европы, что отмечалось ранее (Вальчак и др. 2024: 58—61).

В захоронении Глиное/Сухая Балка 9/2 астрагал был найден за затылком погребённого (рис. 15: 1). Чаще астрагалы находят в районе костей рук погребённых, но они могут быть размещены и в других частях могилы, в том числе, и в заполнении. В Северо-Западном Причерноморье можно отметить находку астрагала в погребении Глиное/Рыбхоз 1/8 (Valchak et al. 2020: 359—365). На левобережье Среднего Днестра два астрагала мелкого рогатого скота зафиксированы за теменем у подростка (?) в погребении Мокра 1/10 (Вальчак и др. 2024: 60).

Три овечьих астрагала найдены перед лицевой частью черепа ребёнка 5—7 лет (Łukasik 2024c: 7) в могиле Глиное/Сухая Балка 7/1. Такое их расположение в других погребениях не встречалось. В качестве географически близких памятников следует упомянуть находку шести астрагалов в захоронениях Глиное/Рыбхоз 1/14 (Valchak et al. 2020: 365—367, fig. 3: 4—9) и Хаджилар 1/2 (Вальчак и др. 2024: 60, 61).

Радиоуглеродные и археологические датировки

Погребения Буторы/Долы 2/3, 2/4, 2/7, 2/8 и 2/12 были впущены в насыпь бронзового века. Захоронения безынвентарные. Оснований для археологической датировки нет.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/3*: GV—5102; 2680±44 BP (рис. 2: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 897—802 гг. до н.э., 2σ — 916—791 гг. до н.э., 3σ — 994—772 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является вторая половина IX в. до н.э.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/4*: Ki—20600; 2630±50 BP (рис. 2: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 890—773 гг. до н.э., 2σ — 911—620 гг. до н.э., 3σ — 978—542 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/4*: GV—5103; 2609±44 BP (рис. 2: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 818—771 гг. до н.э., 2σ — 898—568 гг. до н.э., 3σ — 911—542 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (898—620 гг. до н.э.), и по третьей (911—542 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Буторы/Долы 2/4 является вторая половина IX — первая половина VIII в. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/7*: GV—5106; 2675±42 BP (рис. 2: 9), калиброванные интервалы — 1σ — 896—800 гг. до н.э., 2σ — 910—790 гг. до н.э., 3σ — 983—771 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является вторая половина IX в. до н.э.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/8*: Ki—20605; 2540±30 BP (рис. 3: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 790—590 гг. до н.э., 2σ — 796—547 гг. до н.э., 3σ — 806—517 гг. до н.э..

В 2024 г. также по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/8*: GV—5107; 2496±42 BP (рис. 3: 4) калиброванные интервалы — 1σ — 769—545 гг. до н.э., 2σ — 781—423 гг. до н.э., 3σ — 794—412 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (781—547 гг. до н.э.), и по третьей (794—517 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Буторы/Долы 2/4 является вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Буторы/Долы 2/12*: Ki—20581; 2790±50 BP (рис. 3: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 1008—848 гг. до н.э., 2σ — 1106—423 гг. до н.э., 3σ — 1193—804 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости человека была получена дата в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ»): GV—5108; 2729±43 BP (рис. 3: 8) калиброванные интервалы — 1σ — 907—823 гг. до н.э., 2σ — 981—805 гг. до н.э., 3σ — 1016—793 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (906—823 гг. до н.э.), и по третьей (981—805 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Буторы/Долы 2/4 является вторая половина X — первая половина IX в. до н.э. Несомненно, обе эти даты отражают эффект резервуара.

Анализируя данные о датах каждого погребения, необходимо констатировать, что могильник черногоровской культуры в кургане Буторы/Долы формировался не одномоментно. Наиболее ранними были могилы второй половины IX в. до н.э. — погребения № 3, 7 и 12. Чуть позже, во второй половине IX — первой половине VIII в., было совершено погребение № 4, а самым поздним (середины — второй половины VII в. до н.э.) — захоронение № 8. Об этой асинхронности свидетельствует и комбинированная радиоуглеродная дата всех пяти захоронений, указывающая на малое соответствие каждой отдельной даты (из восьми полученных для погребений кургана Буторы/Долы 2) общему интервалу времени (рис. 4: 1, 2). Более того, такое же малое соответствие наблюдается при комбинировании только шести дат — без учёта двух самых ранних (Буторы/Долы 2/12), отражающих эффект резервуара.

Погребение Буторы/Долы 3/3 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение безынвентарное. Оснований для археологической датировки нет.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Буторы/Долы 3/3: Ki—20609; 2680±60 BP (рис. 4: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 898—801 гг. до н.э., 2σ — 983—773 гг. до н.э., 3σ — 1052—549 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Буторы/Долы 3/3: Poz—185186; 2675±35 BP (рис. 4: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 895—802 гг. до н.э., 2σ — 901—796 гг. до н.э., 3σ — 931—776 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (895—802 гг. до н.э.), и по третьей (931—776 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Буторы/Долы 3/3 является последняя треть IX в. до н.э.

Погребение Бычок 5/10 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение разрушено, инвентарь не обнаружен. Оснований для археологической датировки нет.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Бычок 5/10: Ki—20766; 2590±50 BP (рис. 5: 1), калиброванные интервалы — 1σ — 816—592 гг. до н.э., 2σ — 893—544 гг. до н.э., 3σ — 909—471 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Буторы/Долы 3/3 является конец IX — первая половина VIII в. до н.э.

Погребение Глиное/Клин 1/11 было впущено в насыпь бронзового века. В засыпи могилы обнаружены костяная ворворка, ребро крупного рогатого скота и невыразительный фрагмент лепного сосуда. Оснований для археологической датировки нет.

В 2021 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Клин 1/11: Ki—20258; 2710±50 BP (рис. 7: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 899—814 гг. до н.э., 2σ — 979—796 гг. до н.э., 3σ — 1045—775 гг. до н.э.

В 2022 г. также по кости крупного рогатого скота в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Клин 1/11: DeA—38597; 2717±21 BP (рис. 7: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 898—825 гг. до н.э., 2σ — 906—813 гг. до н.э., 3σ — 928—806 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (906—813 гг. до н.э.), и по третьей (928—806 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Клин 1/11 является IX в. до н.э.

В то же время необходимо обратить внимание, что дата, полученная по кости крупного рогатого скота из погребения Глиное/Клин 1/11, оказалась старше даты по кости человека из этой могилы.

Погребения Глиное/Сухая Балка 6/1, 6/2, 6/3 и 6/3а были впущены в насыпь бронзового века. Захоронения безынвентарные. Оснований для археологической датировки нет.

В 2024 г. также по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 6/1*: GV—5115; 2526±43 BP (рис. 8: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 781—551 гг. до н.э., 2σ — 801—516 гг. до н.э., 3σ — 806—416 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 6/1 является вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

В 2021 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 6/2*: Ki—20237; 2580±50 BP (рис. 9: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 810—590 гг. до н.э., 2σ — 830—543 гг. до н.э., 3σ — 901—421 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 6/2*: GV—5116; 2665±41 BP (рис. 9: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 894—795 гг. до н.э., 2σ — 906—786 гг. до н.э., 3σ — 979—765 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (830—786 гг. до н.э.), и по третьей (901—765 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 6/2 является последняя треть IX — первая половина VIII в. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 6/3*: GV—5117; 2667±43 BP (рис. 9: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 895—796 гг. до н.э., 2σ — 908—786 гг. до н.э., 3σ — 986—761 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 6/3 является последняя треть IX — начало VIII в. до н.э.

В 2021 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 6/3а*: Ki—20240; 2710±40 BP (рис. 9: 9), калиброванные интервалы — 1σ — 898—815 гг. до н.э., 2σ — 931—801 гг. до н.э., 3σ — 1003—792 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 6/3а*: GV—5118; 2759±43 BP (рис. 9: 8), калиброванные интервалы — 1σ — 968—833 гг. до н.э., 2σ — 1006—816 гг. до н.э., 3σ — 1082—801 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (931—816 гг. до н.э.), и по третьей (1003—801 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка является последняя треть X — IX в. до н.э. Несомненно, обе эти даты отражают эффект резервуара.

Анализ полученных дат показывает следующую последовательность захоронений: наиболее раннее № 3а (последняя треть X — IX в. до н.э.), последующие — № 2 и 3 (последняя треть IX — первая половина VIII в. до н.э.), наиболее позднее — № 1 (вторая половина VII в. до н.э.). Для трёх ярусных погребений это подтверждается и данными прямой стратиграфии: самое раннее погребение № 3а (нижнее), второе — № 3 (среднее), третье — № 1 (верхнее).

Погребение Глиное/Сухая Балка 7/1 было впущено в насыпь предскифского времени с основным захоронением в катакомбе *Глиное/Сухая Балка 7/2*. В могилах обнаружен невыразительный в хронологическом отношении инвентарь: в захоронении 1 — три астрагала, в могиле 2 — бронзовая пластинка. Оснований для археологической датировки комплексов нет.

В 2021 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 7/1*: Ki—20242; 2520±40 BP (рис. 10: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 777—551 гг. до н.э., 2σ — 796—516 гг. до н.э., 3σ — 804—416 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения Глиное/Сухая Балка 7/1: GV—5119; 2467±43 BP (рис. 10: 8), калиброванные интервалы — 1σ — 754—515 гг. до н.э., 2σ — 767—417 гг. до н.э., 3σ — 783—403 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (767—516 гг. до н.э.), и по третьей (783—416 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 7/1 является вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э. (для старшей даты из Киева), и вторая половина VIII — VI в. до н.э. (для младшей даты из Новосибирска). Столь значительная разница привела к необходимости сравнения полученных дат. Их комбинирование показало сходимость с медианой в 642 г. до н.э. (рис. 10: 9, 10).

Как уже отмечалось выше, была датирована и кость птицы из погребения Глиное/Сухая Балка 7/1 (рис. 10: 11).

В 2024 г. в радиоуглеродной лаборатории Университета Джорджии (США) была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 7/2* по кости ребёнка 4—5 лет *(костяк 1)*: UGAMS—68840; 2700±25 BP (рис. 11: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 896—811 гг. до н.э., 2σ — 901—808 гг. до н.э., 3σ — 925—801 гг. до н.э.

В 2024 г. в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 7/2* по кости ребёнка 4—5 лет *(костяк 1)*: GV—5120; 2696±42 BP (рис. 11: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 898—808 гг. до н.э., 2σ — 925—796 гг. до н.э., 3σ — 995—781 гг. до н.э.

Судя по калибровочным графикам идентичных дат (полученных по кости 1 костяка), наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 является вторая половина IX в. до н.э.

В 2021 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 7/2* по кости ребёнка/подростка 14—17 лет *(костяк 2)*: Ki—20235; 2620±50 BP (рис. 12: 1), калиброванные интервалы — 1σ — 833—768 гг. до н.э., 2σ — 904—569 гг. до н.э., 3σ — 932—539 гг. до н.э.

Позже, в 2022 г., в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 по кости овцы от жертвенной пищи, лежавшей в ногах ребёнка/подростка 14—17 лет (костяк 2): Ki—20555; 2660±50 BP (рис. 12: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 897—791 гг. до н.э., 2σ — 919—773 гг. до н.э., 3σ — 1006—568 гг. до н.э.

И хотя эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (904—773 гг. до н.э.), и по третьей (932—568 гг. до н.э.), было удивительно, что дата по кости овцы старше, чем по кости человека. Именно поэтому было принято решение датировать кости человека (ребёнка/подростка 14—17 лет) и овцы из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 в другой лаборатории.

В 2024 г. в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 7/2* по кости ребёнка 4—5 лет *(костяк 1)*: GV—5121; 2681±42 BP (рис. 12: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 897—803 гг. до н.э., 2σ — 915—792 гг. до н.э., 3σ — 984—773 гг. до н.э.

В то же время из той же лаборатории была получена дата по кости овцы GV—5122; 2687±44 BP (рис. 12: 4) калиброванные интервалы — 1σ — 898—805 гг. до н.э., 2σ — 923—792 гг. до н.э., 3σ — 995—775 гг. до н.э. Эти даты можно считать идентичными, однако и в этой паре дат старшей оказалась дата по кости овцы.

Суммируя данные обо всех радиоуглеродных датах, полученных для могилы Глиное/Сухая Балка 7/2, отметим их сходимость, как с учётом двух заниженных дат костяка 1 в интервале 835—806 гг. с медианой в 820 г. до н.э. (рис. 12: 5, 6), так и без них (по четырём датам, две из которых были получены по костям человека, а две другие — по кости овцы) — в интервале 836—795 гг. до н.э. с медианой в 815 г. до н.э. (рис. 12: 7, 8).

В целом, анализ дат из погребений Глиное/Сухая Балка 7/1 и 7/2 позволяет обозначить ряд проблемных вопросов.

Даты по костям овцы (мелкого рогатого скота, который обычно не питается продуктами водного происхождения) из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 оказались старше дат по костям человека (ребёнка подростка 14—17 лет; костяк 2). Ранее мы уже отметили подобную ситуацию, когда дата, полученная по кости крупного рогатого скота из погребения Глиное/Клин 1/11, оказалась старше даты по кости человека из этой могилы. Обычно отмечается обратная ситуация, когда кости овцы и кости детей имеют младшие даты и позволяют оценивать эффект резервуара, фиксируемый по датам, полученным по костям взрослого человека (Вальчак и др. 2024: 64, 66).

Обе даты по кости ребёнка 4—5 лет (костяк 1) (UGAMS—68840 — 2700±25 BP; GV—5120 — 2696±42 BP) оказалась старше минимум на 20 радиоуглеродных лет дат по костям ребёнка/подростка 14—17 лет (костяк 2) (Ki—20235 — 2620±50 BP; GV—5121 — 2681±42 BP). При этом нет никаких сомнений, что оба ребёнка были погребены одновременно в одной катакомбе.

Даты погребения Глиное/Сухая Балка 7/1 (впускного в курган) по кости ребёнка 5—7 лет оказались младше (Ki—20242 — 2520±40 BP; GV—5119 — 2467±43 BP) дат по кости ребёнка 4—5 лет (костяк 1) из основного в кургане погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 (UGAMS—68840 — 2700±25 BP; GV—5120 — 2696±42 BP), что, во—первых, противоречит стратиграфической ситуации, а во—вторых, несомненно, указывает на эффект резервуара. Последний факт, когда речь идёт о датах, полученных по костям ребёнка возрастом 4—5 лет, в настоящее время мы объяснить не можем, однако обратить внимание на него считаем необходимым.

Погребение Глиное/Сухая Балка 8/1 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение безынвентарное. Оснований для археологической датировки нет.

В 2023 г. по кости человека в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 8/1*: DeA—43013; 2734±18 BP (рис. 13: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 901—834 гг. до н.э., 2σ — 916—826 гг. до н.э., 3σ — 969—811 гг. до н.э. Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 8/1 являются первые две трети IX в. до н.э.

Эта дата, полученная по кости ребёнка 2—3 лет, несомненно, является заниженной. Она так же, как и обе даты, полученные по костям ребёнка 4—5 лет из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2, указывает на эффект резервуара.

Погребения Глиное/Сухая Балка 9/1 и 9/2 были впущены в насыпь бронзового века. Захоронение 1 безынвентарное, захоронение 2 — содержало сосуд, прямых аналогий которому нет.

В 2021 г. по кости ребёнка 8 лет в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 9/1 (костяк 1)*: Ki—20244; 2690±50 BP (рис. 14: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 898—806 гг. до н.э., 2σ — 971—787 гг. до н.э., 3σ — 1003—792 гг. до н.э.

В 2024 г. также по кости ребёнка 8 лет в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 9/1 (костяк 1)*: GV—5123; 2667±43 BP (рис. 14: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 895—796 гг. до н.э., 2σ — 908—786 гг. до н.э., 3σ — 986—761 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (908—787 гг. до н.э.), и по третьей (986—792 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 9/1 является вторая половина IX — начало VIII в. до н.э.

В 2021 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 9/2*: Ki—20282; 2650±40 BP (рис. 15: 4), калиброванные

интервалы — 1σ — 889—790 гг. до н.э., 2σ — 900—778 гг. до н.э., 3σ — 931—593 гг. до н.э. были впущены в насыпь раннего бронзового века в указанной последовательности. Захоронение № 17 безынвентарное; оно было перекрыто могилой № 8 с невыразительным лепным сосудом. Оснований для археологической датировки нет.

Позже, в 2022 г., в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Сухая Балка 9/2* по кости овцы: Ki—20549; 2630±50 BP (рис. 15: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 890—773 гг. до н.э., 2σ — 911—590 гг. до н.э., 3σ — 978—542 гг. до н.э.

Обе эти даты формально являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (900—778 гг. до н.э.), и по третьей (931—593 гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам этих дат, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Сухая Балка 9/2 является последняя треть IX — начало/первая четверть VIII в. до н.э. Кроме того, дата по кости овцы оказалась младше на 20 радиоуглеродных лет даты по кости человека, что обычно выглядит ожидаемым результатом.

В то же время, уже в 2021 г. стало понятно, что даты более раннего черногоровского погребения № 2 (Ki—20282 — 2650±40 BP; Ki—20549 — 2630±50) в кургане Глиное/Сухая Балка 9 никак не могут быть младше дат более позднего захоронения № 1 (Ki—20244 — 2690±50 BP; GV—5123 — 2667±43 BP), о чем свидетельствуют данные прямой стратиграфии.

Поэтому в 2024 году были получены две даты в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории (ЦКП «Ускорительная масс—спектроскопия НГУ—ННЦ») для погребения *Глиное/Сухая Балка 9/2*. Одна из них была получена по кости человека: GV—5124; 2730±43 BP (рис. 15: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 907—824 гг. до н.э., 2σ — 982—806 гг. до н.э., 3σ — 1044—793 гг. до н.э. Вторая — по кости овцы: GV—5124; 2737±43 BP (рис. 15: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 916—826 гг. до н.э., 2σ — 984—808 гг. до н.э., 3σ — 1046—795 гг. до н.э. Эти (едва ли не идентичные) даты, с одной стороны, соответствуют стратиграфической ситуации, поскольку они старше дат, полученных для позднейшего захоронения № 1 в кургане. С другой стороны, судя по калибровочному графику, наиболее вероятным интервалом совершения захоронения на основании даты по кости человека являются 907—824 гг. до н.э., то есть первые три четверти IX в. до н.э. В—третьих, дата по кости животного не только не была моложе даты по кости человека (как ожидалось), а напротив (как и в случае с погребениями Клин 1/11 и Глиное/Сухая Балка 7/2) — оказалась, хоть и ненамного, но старше.

Кроме того, как уже отмечалось выше, из погребения Глиное/Сухая Балка 9/2 происходит лепной двухъярусный сосуд, судя по орнаментации которого (аналогичной известной на посуде культурно-исторической общности Басарабь—Шолданешты), изделие было изготовлено в пределах VIII — первой половины VII в. до н.э.

Погребение Слободзея (1992) 1/5 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение безынвентарное. Оснований для археологической датировки нет.

В 2024 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена следующая дата: Poz—185187; 2750±30 BP (рис. 18: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 920—834 гг. до н.э., 2σ — 981—817 гг. до н.э., 3σ — 1006—810 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения является интервал 940—817 гг. до н.э. По всей видимости, дата отражает эффект резервуара.

Погребение Слободзея (1992) 2/1 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение содержало четыре железных конуса. Поскольку антропологические материалы не сохранились, радиоуглеродное датирование не проводилось.

Аналогии железным конусам известны в предскифских захоронениях, преимущественно в Северо—Западном Причерноморье. Учитывая, что большинство их найдено в погребениях с вытянутыми скелетами, их археологическая датировка определяется новочеркасским этапом, в рамках середины VIII — начала VII в. до н.э.

Погребение Коротное/Кулак 1/17 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение безынвентарное. Оснований для археологической датировки нет.

В 2024 году для погребения были получены две даты в Познаньской радиоуглеродной лаборатории.

Одна из них была получена по кости человека: Poz—185123; 2760±30 BP (рис. 21: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 930—835 гг. до н.э., 2σ — 990—826 гг. до н.э., 3σ — 1012—811 гг. до н.э. Вторая — по кости зайца—русака: Poz—185124; 2735±30 BP (рис. 21: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 903—832 гг. до н.э., 2σ — 967—811 гг. до н.э., 3σ — 1001—806 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (903—835 гг. до н.э.), и по третьей (1001—811 гг. до н.э.). Судя по калибровочному графику младшей даты, наиболее вероятным временем совершения погребения является последняя треть X — IX в. до н.э.

И если для старшей даты по кости человека (Poz—185123; 2760±30 BP) можно предполагать эффект резервуара, то дату по кости зайца, которая также выглядит достаточно «архаичной» (Poz—185124; 2735±30 BP), интерпретировать как следствие этого «эффекта» сложно. Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с иными причинами, которые приводят к повышенному содержанию радиоактивного изотопа углерода в костях животных, в рационе которых водные продукты отсутствуют (Глиное/Клин 1/11 — дата по кости крупного рогатого скота старше даты по кости человека; Глиное/Сухая Балка 7/2 и 9/2 — даты по костям овец старше дат по костям людей).

Заключительные положения

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются 20 погребений черногоровской культуры начала раннего железного века с левобережья Нижнего Днестра.

19 захоронений датированы радиоуглеродным методом в различных лабораториях (Дебрецена, Киева, Новосибирска, Познани). Во всех случаях для датирования были использованы кости человека, а в некоторых — кости млекопитающих (крупного рогатого скота, овец и зайца) и птиц. Радиоуглеродные даты показали, что анализируемые захоронения были совершены в хронологическом диапазоне предскифского периода, располагающегося на хронологической шкале между памятниками позднего бронзового века и раннескифской культуры.

В связи с тем, что в 15 могилах инвентаря вообще не было, а в трёх были найдены невыразительные в культурно—хронологическом отношении предметы, самым важным результатом датирования 18 погребений стало их вычленение из массы таких же безынвентарных (неопределённых) захоронений, которые были совершены в более раннее или в более позднее время. Только два захоронения содержали выразительный инвентарь: Глиное/Сухая Балка 9/2 — уникальный сосуд, не имеющий прямых аналогий по форме; Слободзея (1992) 2/1 — четыре железных конуса.

Другим не менее значимым результатом радиоуглеродного датирования является констатация «эффекта резервуара» для дат, полученных не только по костям взрослых людей, но и по костям детей (Глиное/Сухая Балка 7/2, (костяк 1 — ребёнок 4—5 лет,) и Глиное/Сухая Балка 8/1 — ребёнок 2—3 лет). Ранее мы только предполагали, что некоторые даты, полученные по костям детей, могут отражать «эффект резервуара» — на примере захоронения ребёнка 6—7 лет из погребения Глиное/ДОТ 9/1 (Вальчак и др. 2024: 66, прим. 15). В настоящее время мы в этом не сомневаемся, однако причина удревнения дат, полученных по костям маленьких детей, требует отдельного изучения. При этом представляется крайне маловероятным, чтобы такой причиной оказались продукты водного происхождения в рационе.

Другой проблемой, заслуживающей самостоятельного исследования, является тот факт, что даты по костям крупного рогатого скота (Глиное/Клин 1/11) и по костям овцы

(Глиное/Сухая Балка 7/2 и Глиное/Сухая Балка 9/2) оказались древнее дат, полученных по костям человека из этих же захоронений. Вероятно, более древней (по сравнению с истинной) является и дата по кости зайца из могилы Коротное/Кулак 1/17, хотя она младше даты, полученной по кости человека.

Кроме того, на резервуарный эффект могут указывать даты, полученные для девяти вытянутых на спине и правом боку погребений: Буторы/Долы 2/3, 2/7, 2/12, 3/3; Глиное/Клин 1/11; Сухая Балка 6/2, 6/3а, 8/1; Слободзея (1992) 1/5.

В своё время подобные захоронения (вытянутые на спине или боку, преимущественно ориентированные на запад), объединённые в новочеркасскую группу (Тереножкин 1976: 98), в относительной периодизации О.Р. Дубовской были отнесены к позднечерногоровскому этапу. Исследовательница показала «значительное сходство» их погребального обряда с раннескифским, определив «промежуточное положение» таких памятников и их частичную синхронность с раннескифским хронологическим горизонтом (Дубовская 1997: 201, 211—212, рис. 1—7; 12). На основании сравнительно—типологического метода археологического датирования время появления некоторых характерных категорий вещей раннескифской культуры в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе предполагается не ранее конца VIII — начала VII в. до н.э., а формирование раннескифских курганных могильников — от 660—650 гг. до н.э. и позднее (Алексеев 2003: 104, 109). Вытянутые погребения позднечерногоровского этапа предскифского периода в степной зоне юга Восточной Европы по тем же принципам синхронизируются с позднейшими предскифскими древностями Северного Кавказа и Украинской Лесостепи, которые датируются последними двумя десятилетиями VIII — первой половиной VII в. до н.э. (Эрлих 1994а: 168—175; 1994б: 98—121; 168-175; 2007: 178—187; Скорый 1999: 60—65; Вальчак, Горболь 2020: 312—315, табл. 1).

Из этого следует, что радиоуглеродные даты, полученные для большинства вытянутых на спине и правом боку предскифских погребений, изученных в окрестностях с. Буторы и с. Глиное, в настоящее время противоречат археологическим датировкам.[24] Вполне вероятно, что, несмотря на объективные сложности интерпретации радиоуглеродных дат (Алексеев и др. 2005: 16—21, 121—129, 146—150), причиной данного противоречия является резервуарный эффект.

В завершении необходимо отметить, что наиболее важным итогом нашей работы стало значительное увеличение количества погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье. За последние годы на левобережье Нижнего Днестра изучено не менее 50 новых захоронений черногоровской культуры. 15 из них были недавно опубликованы (Вальчак и др. 2024), ещё 20 — вводятся в научный оборот в данной работе, остальные готовятся к публикации. И их количество, по мере получения радиоуглеродных дат, будет только увеличиваться. Значительная часть погребений (три четверти или более) были безынвентарными либо содержали невыразительные в культурном отношении находки. Достоверная атрибуция этих могил в качестве предскифских стала возможной после проведения радиоуглеродного датирования. В результате общее число синхронных памятников региона резко выросло. Таким образом, в настоящее время есть все основания констатировать значительно бóльшую (чем считалось ранее) плотность населения Северного Причерноморья в предскифское время.

[24] Радиоуглеродные даты для вытянутого на спине погребения Буторы 2/4 (рис. 2: 5, 6), вытянутого на правом боку захоронения Буторы/Долы 2/8 (рис. 3: 3, 4) и вытянутого на спине погребения Глиное/Сухая Балка 6/1 (рис. 8: 4) включают интервал второй половины VIII — первой половины VII в. до н.э.

Литература

Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н.э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев и др. 2005: Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт ван дер Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. 2005. *Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология.* Санкт-Петербург: ТЕЗА.

Бокий Н.М., Горбул Г.П., Отрощенко В.В. 1991. Киммерийские захоронения на Кировоградщине. *СА* (1), 173—183.

Вальчак С.Б. 2013. Предскифские погребения служителей культа. *Историко-археологический альманах* 12, 40—46.

Вальчак С.Б. 2024а. Погребения начала раннего железного века в курганах юга Восточной Европы (метаструктура памятников). *Stratum plus* 3, 83—114.

Вальчак С.Б. 2024б. Посмертное соседство: раннескифские впускные погребения в метаструктуре курганных памятников. *КСИА* 275, 163—192.

Вальчак С.Б., Горболь Н.Ю. 2020. Предскифские погребения всадников в Волго-Донских степях. *Stratum plus* 3, 301—317.

Вальчак и др. 2019: Вальчак С.Б., Синика В.С., Лукасик С., Поспешны Л., Горболь Н.Ю. 2019. Предскифские погребения группы «Сад» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Journal of Archeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies* 1, 159—182.

Вальчак и др. 2024: Вальчак С.Б., Разумов С.Н., Фролова К.А., Синика В.С. 2024. Новые погребения предскифского времени на левобережье Днестра. Ч. 1. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. № 16, 42—92.

Гаврилюк Н.А. 2017. *Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX — первая поло вина VII в. до н.э.).* Киев: Издатель Олег Филюк.

Гаврилюк Н.О., Красильніков К.І. 2006. Поховання передскіфського часу біля сс. Піонерське, Передільське і Кіровське у Північному Приазов'ї. *Археологічні дослідження в Україні 2004—2005 рр.* Вип. 8, 410—423.

Горбенко и др. 1973: Горбенко А.А., Фомичёв Н.М., Максименко В.Е., Кореняко В.А. 1973. *Отчёт о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 5422, 5422а.

Гордин И.А., Потапов В.В. 1991. Предскифские погребения у с. Пешково. В: Максименко В.Е. (отв. ред.). *Историко—археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году.* Вып. 10. Азов: АКМ, 36—42.

Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях. *СА* 1, 168—183.

Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. В: Колесник А.В. (гл. ред.). *АА* 6, 181—218.

Житников В.Г. 1985. *Отчёт о работе Константиновского отряда РГУ в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1985 году*. Архив ИА РАН, Р-1. № 10858, 10858а.

Казакова Л.М. 1973. *Отчёт об археологических исследованиях в зонах строительства рисовых совхозов в Цимлянском районе Ростовской области в 1973 году (Цимлянская археологическая экспедиция)*. Архив ИА РАН. Р-1. № 5231; 5231а.

Кайзер и др. 2017: Кайзер Э., Гаврилюк Н.А., Кашуба М.Т., Кулькова М.А. 2017. Сосуды «фракийской группы» из степных предскифских погребений в Северном Причерноморье: возможности изучения. *АДІУ* 2 (23), 137—151.

Каменецкий И.С. 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая). *Археологические открытия на новостройках* 1, 136—194.

Колотухин В.А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века)*. Симферополь: Сонат (Материалы по археологии Крыма).

Колтухов С.Г. 2022. *Киммерийцы Степного и Предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплексы» IX—VII вв. до н.э.).* Симферополь: Ариал (Археологические памятники Северного Причерноморья 3).

Копылов В.П. 1979. *Отчёт о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1979 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 7831, 7831а.

Копылов В.П., Лукьяшко С.И. 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала. В: Лукьяшко С.И. (отв. ред.). *Донские древности* 4. Азов: АКМ, 117—148.

Кореняко В.А. 1982. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче. *КСИА* 170, 64—70.

Лукьяшко С.И. 1999. *Предскифский период на Нижнем Дону*. Азов: АКМ.

Мамонтов В.И. 1980а. *Отчёт о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного отделения ВООПИК, ВОКМ и археологического отряда ВГПИ в 1980 г.* Архив ИА РАН. Р-1, №7756, 7756а.

Мамонтов В.И. 1980б. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье. *СА* 1, 175—194.

Мамонтов В.И. 1994. Курганный могильник Антонов I. В: Мамонтов В.И. (науч. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 4. Волгоград: ВГПУ, 15—46.

Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Мухопад С.Г. 1984. Скифские архаические погребения на р. Волчьей. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н.э.* Днепропетровск: ДГУ, 115—127.

Отрощенко В.В. 1994. О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году* 13, 103—117.

Отрощенко В.В. 2019. До проблеми розпізнавання поховань чорногорівської групи. *АДІУ* 2 (31), 149—155.

Потапов В.В. 2000. Предскифские племена степей Восточной Европы. *Донская археология* 1 (6), 6—21.

Потапов В.В. 2010. *Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья*. Дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2.

Ромашко В.А. 1984. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры Левобережья Днепра. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н.э.* Днепропетровск: ДГУ, 106—114.

Салий Н.Г. 1997. О культурном и социальном статусе погребений ничком в эпоху бронзы и раннем железном веке. *Древности степного Причерноморья и Крыма* VI, 34—48.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Симоненко С.О. 2022. Радиоуглеродное датирование памятников предскифского времени на левобережье Днестра. В: Кашуба М.Т., Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов, В.Б. Трубникова (отв. ред.) *Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)*. Мат—лы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902—1984). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 157—161.

Синицын И.В. 1966. *Отчёт об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 году*. Архив ИА РАН, Р-1. № 4223, 4223б.

Скорый С.А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи.* Киев; Полтава: Археология.

Смирнов К.Ф. 1959. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. *МИА* 60, 206—322.

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Фёдоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В. 1974. *Отчёт о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 г*. Архив ИА РАН. Р-1. № 5315, 5315а, в.

Хазанов А.М. 2023. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. Москва: Академический проект.

Черных Л.А., Дараган М.Н. 2014. *Курганы эпохи энеолита—бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка* . Киев: Издатель Олег Филюк (Курганы Украины. Т. 4).

Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. 1969. *Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н.э.* Симферополь: Крым.

Эрлих В.Р. 1994а. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев. *ВДИ* 3, 168—176.

Эрлих В.Р. 1994б. *У истоков раннескифского комплекса.* Москва: ГМВ.

Эрлих В.Р. 2007. *Северо-западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников.* Москва: Наука.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Типар, 279—343.

Kaşuba M. 2008. Materiale ale culturii Şoldăneşti în bazinul Nistrului de Mijlociu — observaţii preliminare. *Tyragetia* II (XVII) 1*,* 37—50.

Łukasik S. 2022. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SUKHAYA BALKA site, Moldova: part 1.* Poznań, 17 January 2022. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from KULAK site, Moldova: part 1 (K1B15 and K1B17)*. Poznań, 30 December 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024.b *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SUKHAYA BALKA site, Moldova: part 2 (K5B1, K6B1, K6B2, K6B3A, K6B3, K6B4, K7B1, K7B2S1, K7B2S2, K8B2, K9B1S1, K9B1S2, K9B2, K9B3)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2025a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Butory site, Moldova: part 1 (K1B1, K2B4, K2B7, K2B8, K2B12 and K3B3)*. Poznań, 8 March 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2025b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Butory site, Moldova: part 2 (K2B3)*. Poznań, 4 June 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Reimer et al. 2020: Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwel P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plich J., Reimer R., Richards D., ScottE., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S.,Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 calkBP), *Radiocarbon*, Iss. 4. IntCal20: Calibration Issue, August 2020, 725—757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41.

References

Alekseev, A.Yu. 2003. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n.e (Chronography of European Scythia in the 7th — 4th centuries BCE)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Alekseev et al. 2005: Alekseev, A.Yu., Bokovenko, N.A., Vasil'ev, S.S., Dergachyov, V.A., Zayceva, G.I., Kovaljuh, N.N., Kuk, G., Pliht van der, J., Possnert, G., Semencov, A.A., Skott, E.M., Chugunov, K.V. 2005. *Evraziya v skifskuyu epohu. Radiouglerodnaya i arheologicheskaya khronologiya (Eurasia in the Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology)*. Saint Petersburg: TEZA (in Russian).

Bokiy, N.M., Gorbul, G.P., Otroshhenko, V.V. 1991. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 173—183 (in Russian).

Valchak, S.B. 2013. In *Istoriko-arheologicheskij al'manah (Historical and archaeological almanac)* 12, 40—46 (in Russian).

Valchak, S.B. 2024a. In *Stratum plus* 3, 83—114 (in Russian).

Valchak, S.B. 2024b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)* 275, 163—192 (in Russian).

Valchak, S.B., Gorbol', N.Yu. 2020. In *Stratum plus* 3, 301—317 (in Russian).

Valchak et al. 2019: Valchak, S.B., Sinika, V.S., Lukasik, S., Pospeshny, L., Gorbol', N.Yu. 2019. In *Journal of Archeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies* 1, 159—182 (in Russian).

Valchak et al. 2024: Valchak, S.B., Razumov, S.N., Frolova, K.A., Sinika, V.S. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 42—92 (in Russian).

Gavriljuk, N.A. 2017. *Lepnaya keramika rannih kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya (IX — pervaya polovina VII v. do n.e.) (Handmade ceramics of the early nomads of the Northern Black Sea region (9th — first half of the 7th century BCE)).* Kiev: Oleg Filiuk Publisher (in Russian).

Gavriljuk, N.O., Krasil'nikov, K.I. 2006. In *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2004—2005 rr. (Archaeological research in Ukraine in 2004—2005)* 8, 410—423 (in Ukrainian).

Gorbenko et al. 1973: Gorbenko, A.A., Fomichjov, N.M., Maksimenko, V.E., Korenjako, V.A. 1973. *Otchyot o raskopkah kurganov v Sal'skom i Bagaevskom rayonah Rostovskoy oblasti v 1973 g. (Report on the excavations of barrows in the Salsk and Bagaevskiy districts of the Rostov region in 1973)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. No. 5422, 5422a (in Russian).

Gordin, I.A., Potapov, V.V. 1991. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1990 godu*. Iss. 10, 36—42 (in Russian).

Goshko, T.Yu., Otroshhenko, V.V. 1986. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 168—183 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1997. In *Arheologicheskiy al'manah (Archaeological almanac)* 6, 181—218 (in Russian).

Zhitnikov, V.G. 1985. *Otchyot o rabote Konstantinovskogo otryada RGU v zone stroitel'stva Konstantinovskoj orositel'noj sistemy v 1985 godu (Report on the work of the Konstantinovsky detachment of the Russian State*

University in the construction zone of the Konstantinovskaya irrigation system in 1985). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. № 10858, 10858a (in Russian).

Kazakova, L.M. 1973. *Otchyot ob arheologicheskih issledovaniyah v zonah stroitel'stva risovyh sovhozov v Cimlyanskom rajone Rostovskoy oblasti v 1973 godu (Cimlyanskaya arheologicheskaya ekspediciya (Report on archaeological research in the construction zones of rice state farms in the Tsimlyansk district of the Rostov region in 1973 (Tsimlyansk archaeological expedition))*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. № 5231; 5231a (in Russian).

Kajzer, Je., Gavriljuk, N.A., Kashuba, M.T., Kul'kova, M.A. 2017. In *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early history of Ukraine)* 2 (23), 137—151 (in Russian).

Kameneckiy, I.S. 1986. In *Arheologicheskie otkrytiya na novostroykah (Archaeological discoveries in new buildings areas)* 1, 136—194 (in Russian).

Kolotuhin, V.A. 2000. *Kimmeriycy i skify Stepnogo Kryma (Podkurgannye pogrebeniya Stepnogo Kryma nachala zheleznogo veka) (Cimmerians and Scythians of the Steppe Crimea (Under-barrow burials of the Steppe Crimea of the early Iron Age))*. Simferopol: Sonat (Materials on the archeology of Crimea) (in Russian).

Koltuhov, S.G. 2022. *Kimmerijcy Stepnogo i Predgornogo Kryma (pogrebal'nye pamyatniki i "kompleksy" IX—VII vv. do n.e.) (Cimmerians of the Steppe and Foothill Crimea (graves and "complexes" of the 9th — 7th centuries BCE))* (Archaeological monuments of the Northern Black Sea region 3). Simferopol: Arial (in Russian).

Kopylov, V.P. 1979. *Otchyot o rabote Donskogo otryada Rostovskoy ekspedicii v 1979 g. (Report on the work of the Don detachment of the Rostov expedition in 1979)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. № 7831, 7831a (in Russian).

Kopylov, V.P., Luk'jashko, S.I. 1995. In *Donskie drevnosti (Don Antiquities)* 4, 117—148 (in Russian).

Korenyako, V.A. 1982. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii SSSR (Brief reports of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of USSR)* 170, 64—70 (in Russian).

Luk'yashko, S.I. 1999. *Predskifskiy period na Nizhnem Donu (Pre-Scythian period in the Lower Don region)*. Azov: AKM (in Russian).

Mamontov, V.I. 1980a. *Otchyot o rabote Privolzhskogo otryada LOIA AN SSSR, Volgogradskogo oblastnogo otdelenija VOOPIK, VOKM i arheologicheskogo otryada VGPI v 1980 g. (Report on the work of the Volga Region detachment of the Leningrad Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, the Volgograd Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, the All-Russian Society of Archaeologists and the Archaeological Detachment of the Voronezh State Pedagogical Institute in 1980).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. № 7756, 7756a (in Russian).

Mamontov, V.I. 1980b. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* (1), 175—194 (in Russian).

Mamontov, V.I. 1994. In *Drevnosti Volgo-Donskih stepey (Antiquities of the Volga-Don steppes)* 4, 15—46 (in Russian).

Mahortyh, S.V. 2005. *Kimmeriycy Severnogo Prichernomor'ya (Cimmerians of the Black Sea region)*. Kyiv: Shlyah (in Russian).

Mukhopad, S.G. 1984. In: Kovaljova I.F. (ed.). *Problemy arheologii Podneprov'ya III—I tys. do n.e. Dnepropetrovsk (Problems of archeology of the Dnieper region in the 3rd — 1st millennia BCE)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 106—114 (in Russian).

Otroshhenko, V.V. 1994. *In Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 1993* godu *(Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1993)* 13, 103—117 (in Russian).

Otroshhenko, V.V. 2019. In *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early history of Ukraine)* 2 (31), 149—155 (in Ukrainian).

Potapov, V.V. 2000. In *Donskaya arheologiya (Don archaeology)* 1, 6—21 (in Russian).

Potapov, V.V. 2010. *Pamyatniki final'noy bronzy Nizhnego Podon'ya (Sites of the final Bronze Age of the Lower Don region)*. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-2 (in Russian).

Romashko, V.A. 1984. In: Kovaljova I.F. (ed.). *Problemy arheologii Podneprov'ya III—I tys. do n.e. Dnepropetrovsk (Problems of archeology of the Dnieper region in the 3rd — 1st millennia BCE)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 106—114 (in Russian).

Salij, N.G. 1997. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea)* VI, 34—48 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (barrows near Butory village).* Tiraspol: Poligrafist (Archaeological sites of Pridnestrovie I) (in Russian).

Sinika, V.S., Simonenko, S.O. 2022. In: Kashuba, M.T., Smirnov, N.Ju., Stoyanov, E.O., Trubnikova, V.B. (eds.) *Evraziya v eneolite — rannem srednevekov'e (innovacii, kontakty, translyacii idey i tehnologiy). (Eurasia in the Neolithic — early Middle Ages (innovations, contacts, transmission of ideas and technologies))*. SPb: IIMK RAN, 157—161 (in Russian).

Sinicyn, I.V. 1966. *Otchyot ob arheologicheskih rabotah v Kalmyckoy ASSR, proizvedennyh v 1966 godu (Report on archaeological work in the Kalmyk ASSR carried out in 1966).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P—1. № 4223, 4223б (in Russian).

Skoryi, S.A. 1999. *Kimmeriycy v Ukrainskoy Lesostepi (Cimmerians in the Ukrainian Forest-Steppe)*. Kyiv; Poltava: Arheologiya (in Russian).

Smirnov, K.F. 1959. In *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR (Materials and studies on the archeology of the USSR)* 60, 206—322 (in Russian).

Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriycy (Cimerians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Fjodorov-Davydov, G.A., Dvornichenko, V.V., Malinovskaja, N.V. 1974. *Otchyot o raskopkah kurganov v urochishhe "Krivaya Luka" v Chernoyarskom rayone Astrahanskoy oblasti v 1974 g. (Report on the excavations of burial mounds in the Krivaya Luka tract in the Chernoyarsk district of the Astrakhan region in 1974).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1. № 5315, 5315a, в (in Russian).

Hazanov, A.M. 2023. *Social'naya istoriya skifov. Osnovnye problemy razvitiya drevnih kochevnikov evraziyskih stepey (Social history of the Scythians. The main problems of the development of ancient nomads of the Eurasian steppes)*. Moscow: Akademicheskiy proekt (in Russian).

Chernyh, L.A., Daragan, M.N. 2014. *Kurgany jepohi eneolita—bronzy mezhdurech'ya Bazavluka, Solenoy, Chertomlyka (Barrows of the Eneolithic—Bronze Age between the rivers Bazavluk, Solena, Chertomlyk.* (Barrows of Ukraine. Vol. 4). Kiev: Oleg Filyuk Publisher (in Russian).

Shhepinskiy, A.A., Cherepanova, E.N. 1969. *Severnoe Prisivash'ye v V—I tysjacheletijah do n.e. (Northern Sivash region in the 5th — 1st millennia BCE)*. Simferopol: Krym (in Russian).

Erlih, V.R. 1994a. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 168—176 (in Russian).

Erlih, V.R. 1994b. *U istokov ranneskifskogo kompleksa (At the origins of the Early Scythian rite)*. Moscow: GMV (in Russian).

Erlih, V.R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov (Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: Proto-Meotian group of sites)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yarovoy, E.V., Kashuba, M.T., Mahortyh, S.V. 2002. *Kimmerijskiy kurgan u pgt. Slobodzeya (Cimmerian barrow near Slobodzeya)*. In: Ketraru, N.A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'ye: ot eneolita k antichnosti (Northern Black Sea region: from the Eneolithic to antiquity)*. Tiraspol: Tipar, 279—343 (in Russian).

Kaşuba, M. 2008. Materiale ale culturii Şoldăneşti în bazinul Nistrului de Mijlociu — observaţii preliminare. *Tyragetia* II (XVII) 1, 37—50.

Łukasik, S. 2022. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SUKHAYA BALKA site, Moldova: part 1.* Poznań, 17 January 2022. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024. *Anthropological analysis of human skeletal remains from KULAK site, Moldova: part 1 (K1B15 and K1B17)*. Poznań, 30 December 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe SUKHAYA BALKA site, Moldova: part 2 (K5B1, K6B1, K6B2, K6B3A, K6B3, K6B4, K7B1, K7B2S1, K7B2S2, K8B2, K9B1S1, K9B1S2, K9B2, K9B3)*. Poznań, 15 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2025a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Butory site, Moldova: part 1 (K1B1, K2B4, K2B7, K2B8, K2B12 and K3B3)*. Poznań, 8 March 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2025b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Butory site, Moldova: part 2 (K2B3)*. Poznań, 4 June 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Reimer et al. 2020: Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwel, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plich, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S.,Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 calkBP), *Radiocarbon.* Iss. 4. IntCal20: Calibration Issue, August 2020, 725—757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41.

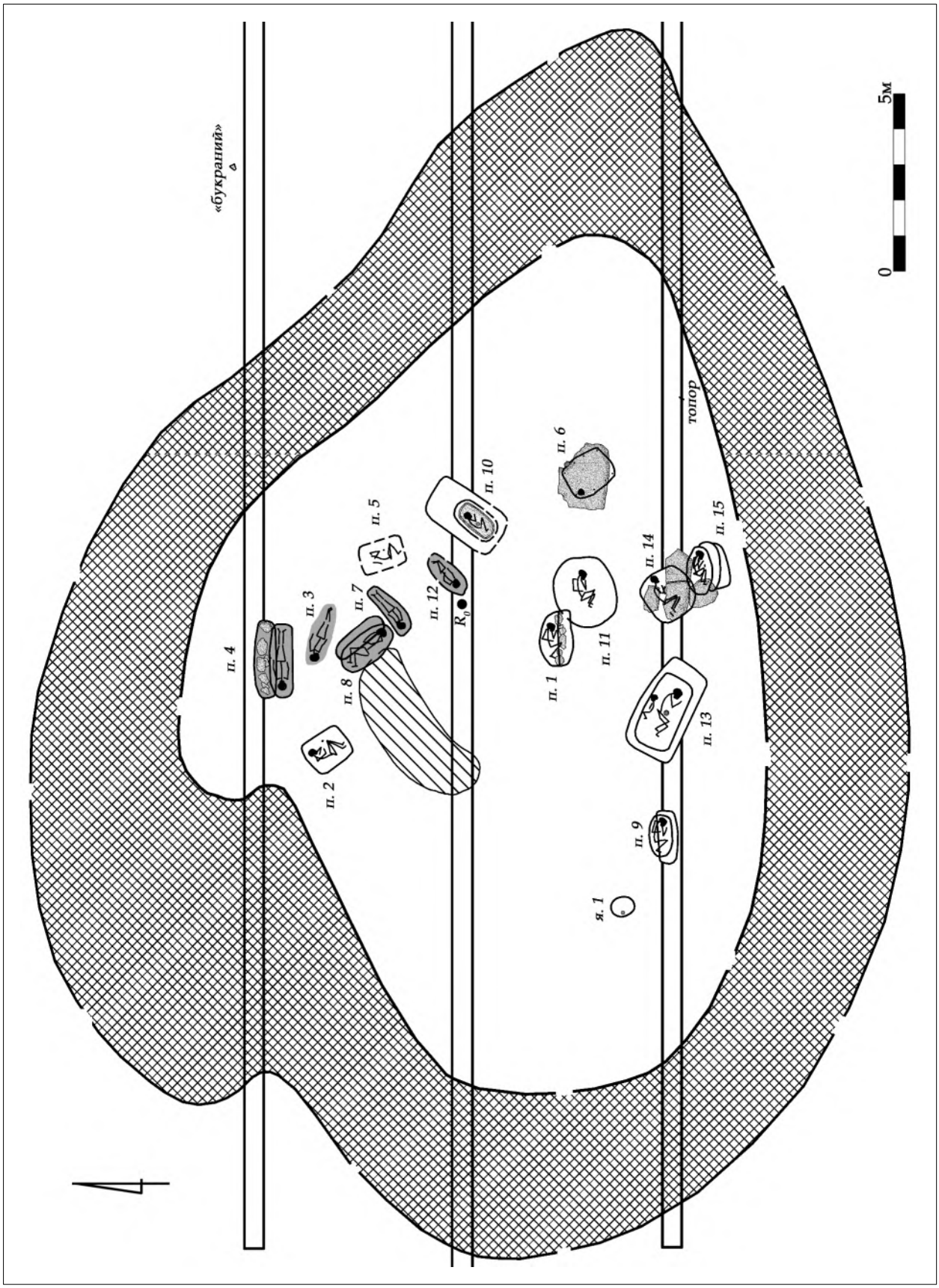


Рис. 1. План кургана Буторы/Долы 2 на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 1. Plan of barrow Butory/Doly 2 on the left bank of the Lower Dniester.

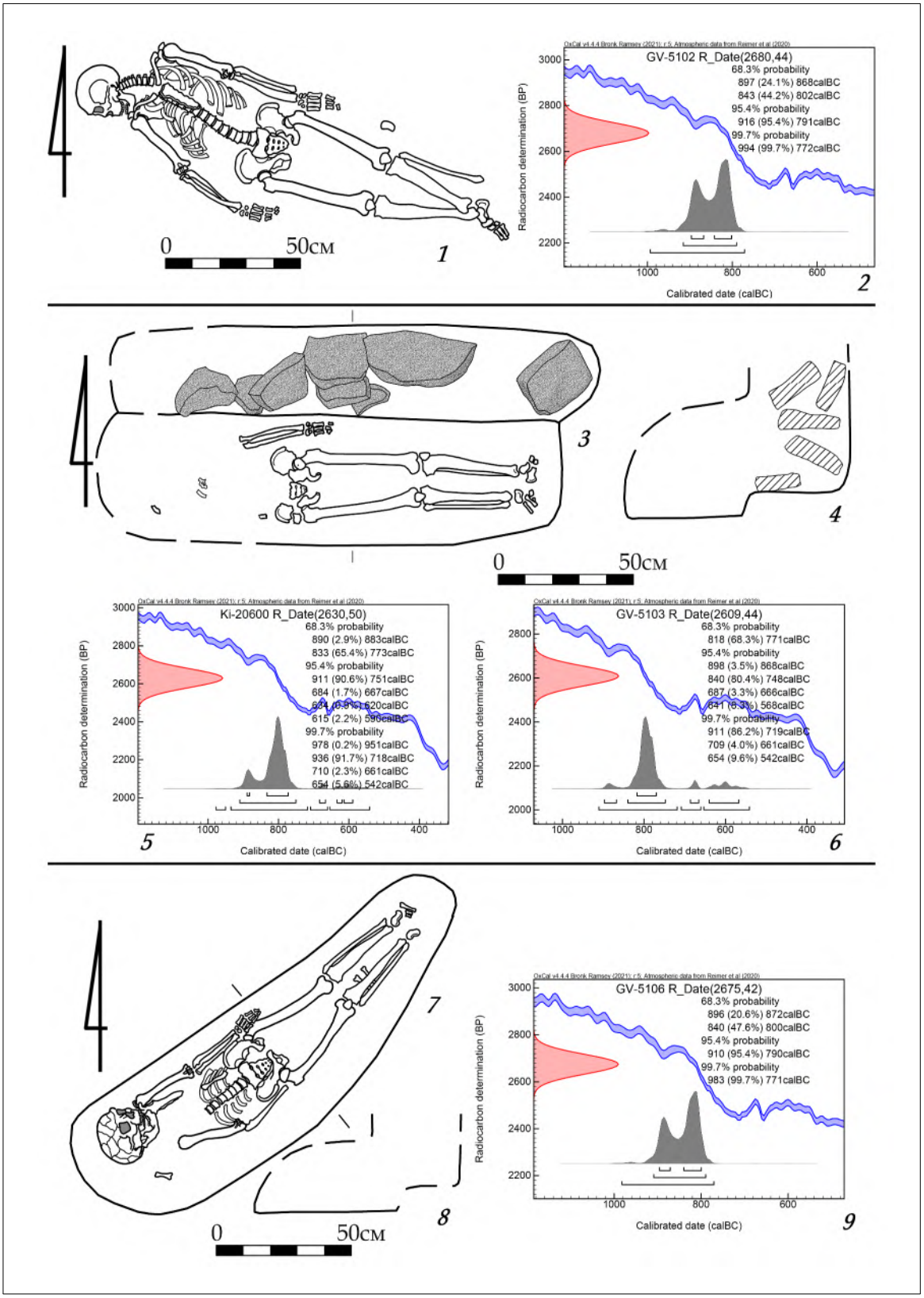


Рис. 2. Погребение Буторы/Долы 2/3 (1) и его калиброванная радиоуглеродная дата (2); погребение Буторы/Долы 2/4 (3, 4) и его калиброванные радиоуглеродные даты (5, 6); погребение Буторы/Долы 2/7 (7, 8) и его калиброванная радиоуглеродная дата (9).

Fig. 2. Burial Butory/Doly 2/3 (1) and its calibrated radiocarbon date (2); burial Butory/Doly 2/4 (3, 4) and its calibrated radiocarbon dates (5, 6); burial Butory/Doly 2/7 (7, 8) and its calibrated radiocarbon date (9).

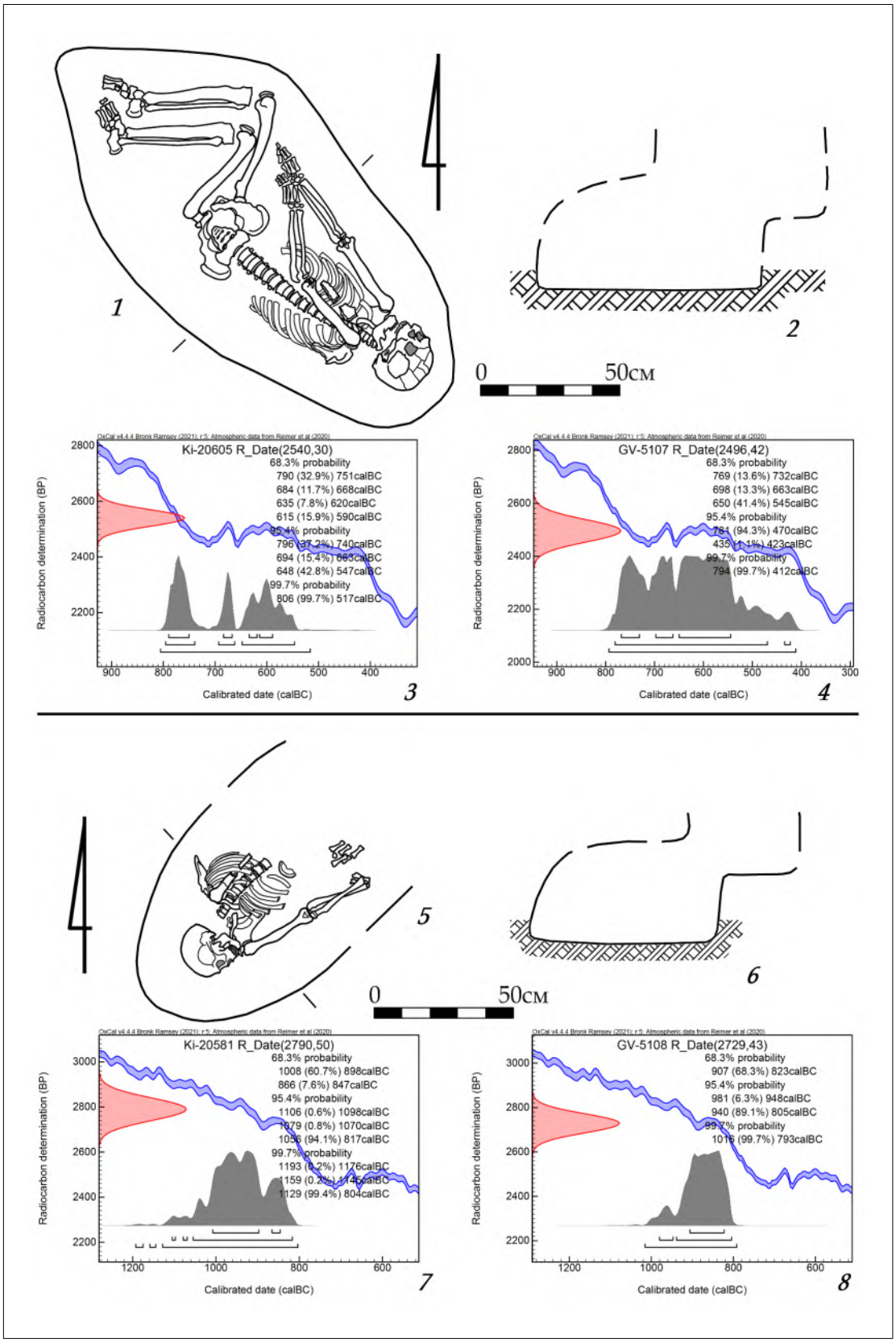
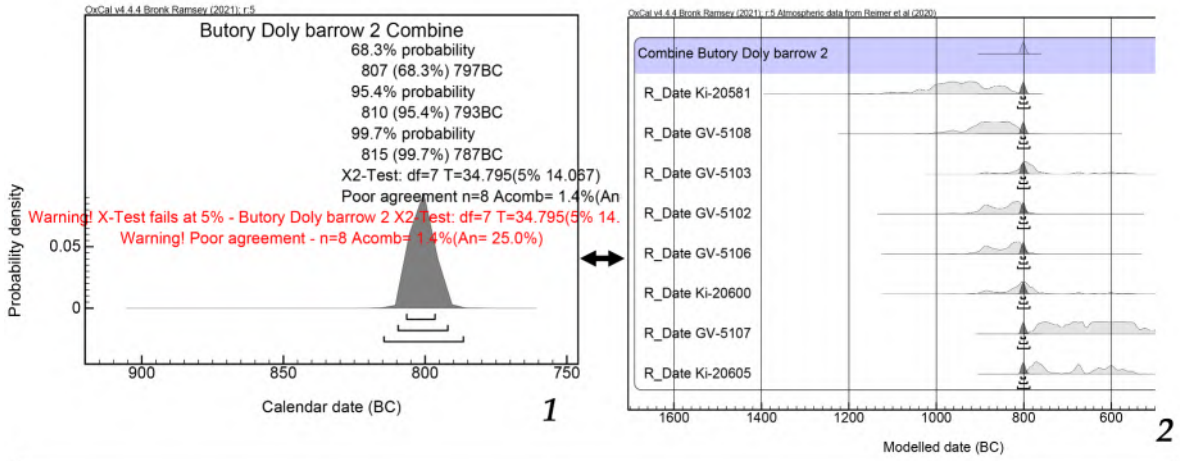
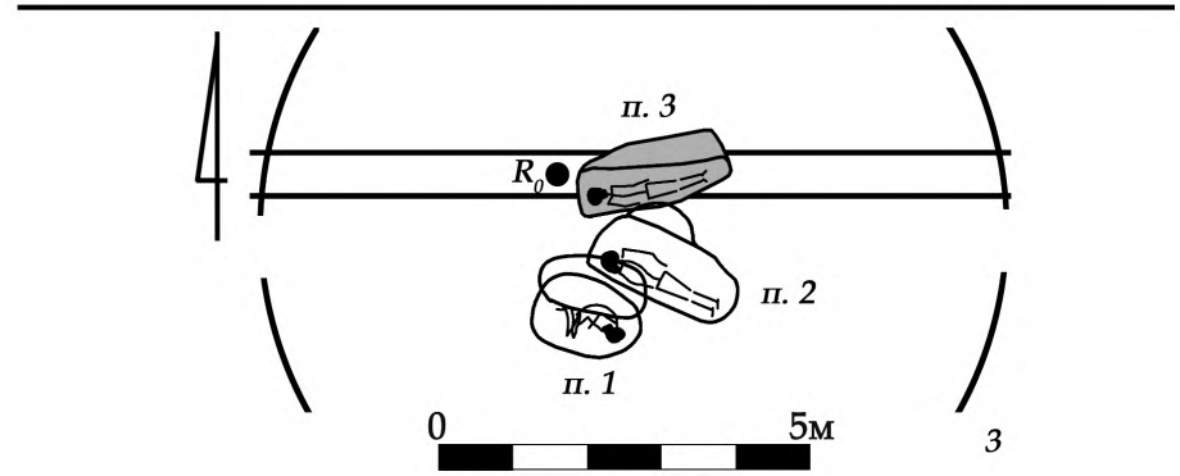
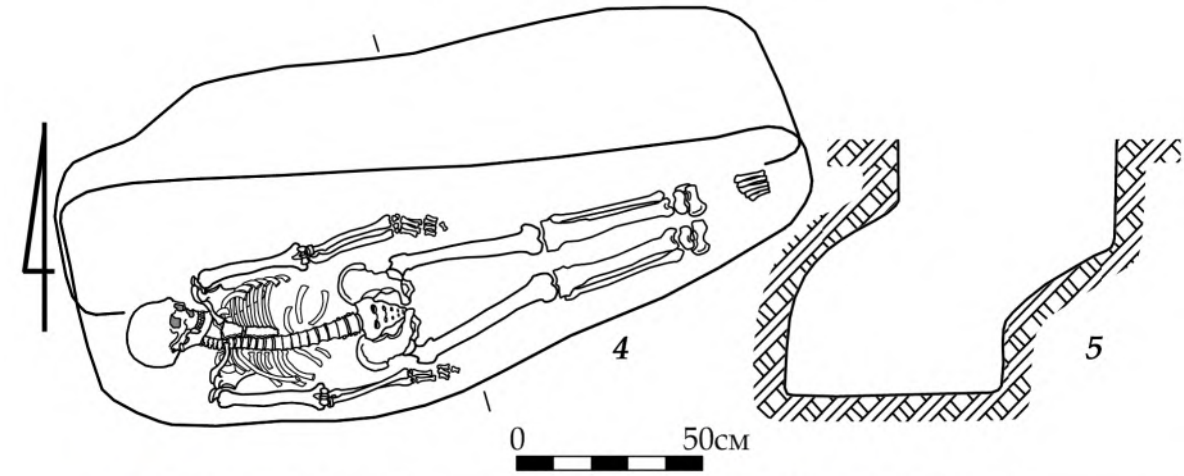


Рис. 3. Погребение Буторы/Долы 2/8 (1, 2) и его калиброванные радиоуглеродные даты (3, 4); погребение Буторы/Долы 2/12 (5, 6) и его калиброванные радиоуглеродные даты (7, 8).

Fig. 3. Burial Butory/Doly 2/8 (1, 2) and its calibrated radiocarbon dates (3, 4); burial Butory/Doly 2/12 (5, 6) and its calibrated radiocarbon dates (7, 8).


Butory Doly barrow 2 Combine
68.3% probability
807 (68.3%) 797BC
95.4% probability
810 (95.4%) 793BC
99.7% probability
815 (99.7%) 787BC
X2-Test: df=7 T=34.795(5% 14.067)
Poor agreement n=8 Acomb= 1.4%(An
Warning! X-Test fails at 5% - Butory Doly barrow 2 X2-Test: df=7 T=34.795(5% 14.
Warning! Poor agreement - n=8 Acomb= 1.4%(An= 25.0%)
Probability density
Calendar date (BC)
1
Combine Butory Doly barrow 2
R_Date Ki-20581
R_Date GV-5108
R_Date GV-5103
R_Date GV-5102
R_Date GV-5106
R_Date Ki-20600
R_Date GV-5107
R_Date Ki-20605
Modelled date (BC)
2


п. 3
R_0
п. 2
п. 1
0
5м
3


4
5
0
50см

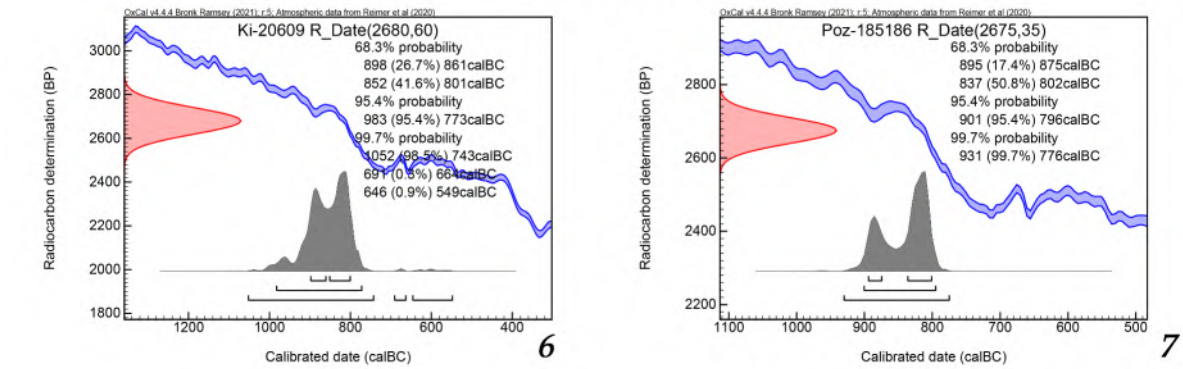

Ki-20609 R_Date(2680,60)
68.3% probability
898 (26.7%) 861calBC
852 (41.6%) 801calBC
95.4% probability
983 (95.4%) 773calBC
99.7% probability
1052 (98.5%) 743calBC
691 (0.6%) 664calBC
646 (0.9%) 549calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
6
Poz-185186 R_Date(2675,35)
68.3% probability
895 (17.4%) 875calBC
837 (50.8%) 802calBC
95.4% probability
901 (95.4%) 796calBC
99.7% probability
931 (99.7%) 776calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
7

Рис. 4. Комбинированная радиоуглеродная дата погребений черногоровской культуры из кургана Буторы/Долы 2 (1, 2); план кургана Буторы/Долы 3 (3), погребение Буторы/Долы 3/3 (4, 5) и его калиброванные радиоуглеродные даты (6, 7).

Fig. 4. Combined radiocarbon date of the Chernogorovka culture burials from the Butory/Doly 2 barrow (1, 2); plan of the Butory/Doly 3 barrow (3), burial Butory/Doly 3/3 (4, 5) and its calibrated radiocarbon dates (6, 7).

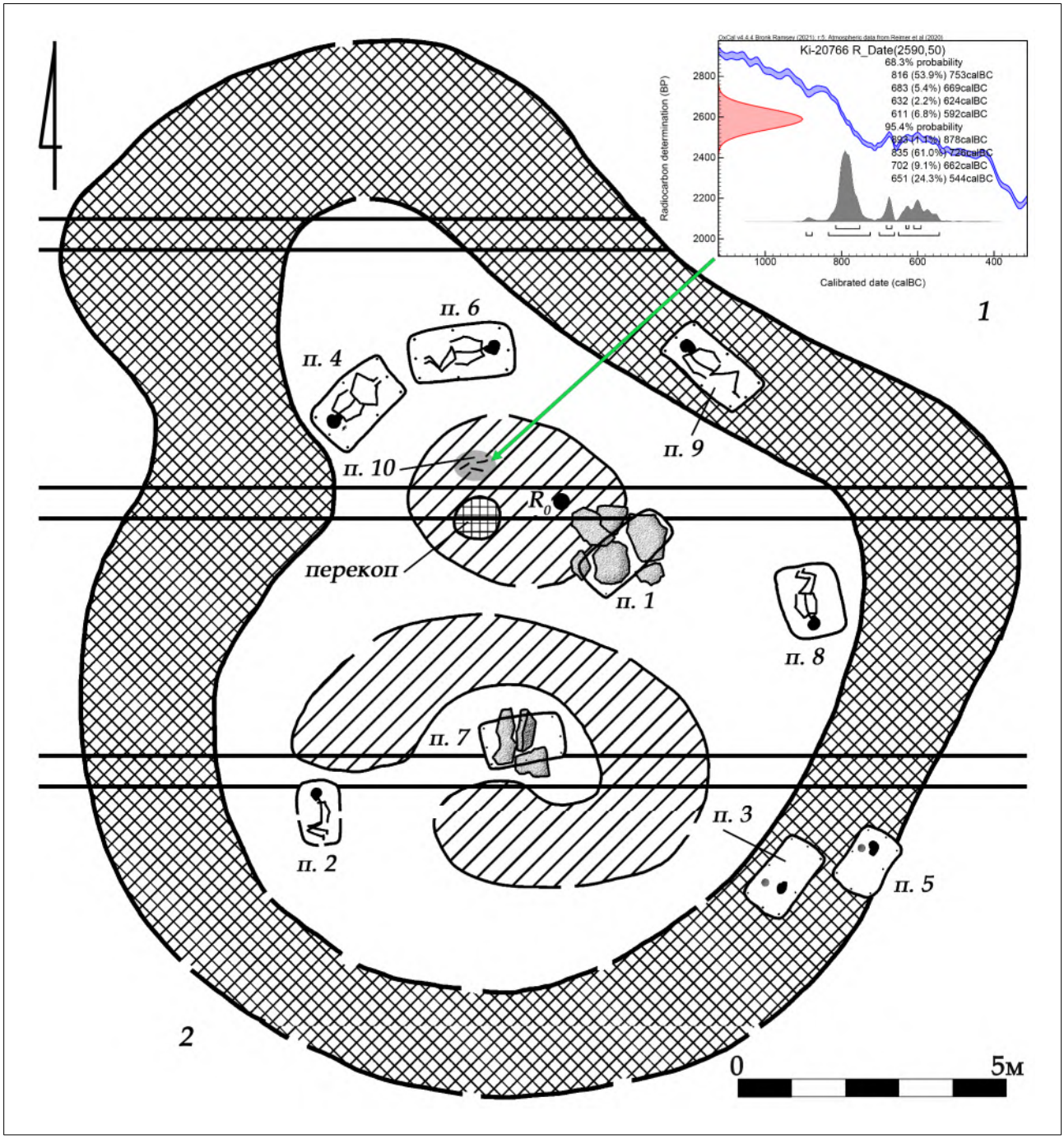


Рис. 5. Калиброванная радиоуглеродная дата погребения Бычок 5/10 (1) и план кургана Бычок 5 (2).

Fig. 5. Calibrated radiocarbon date of burial Bychok 5/10 (1) and plan of barrow Bychok 5 (2).

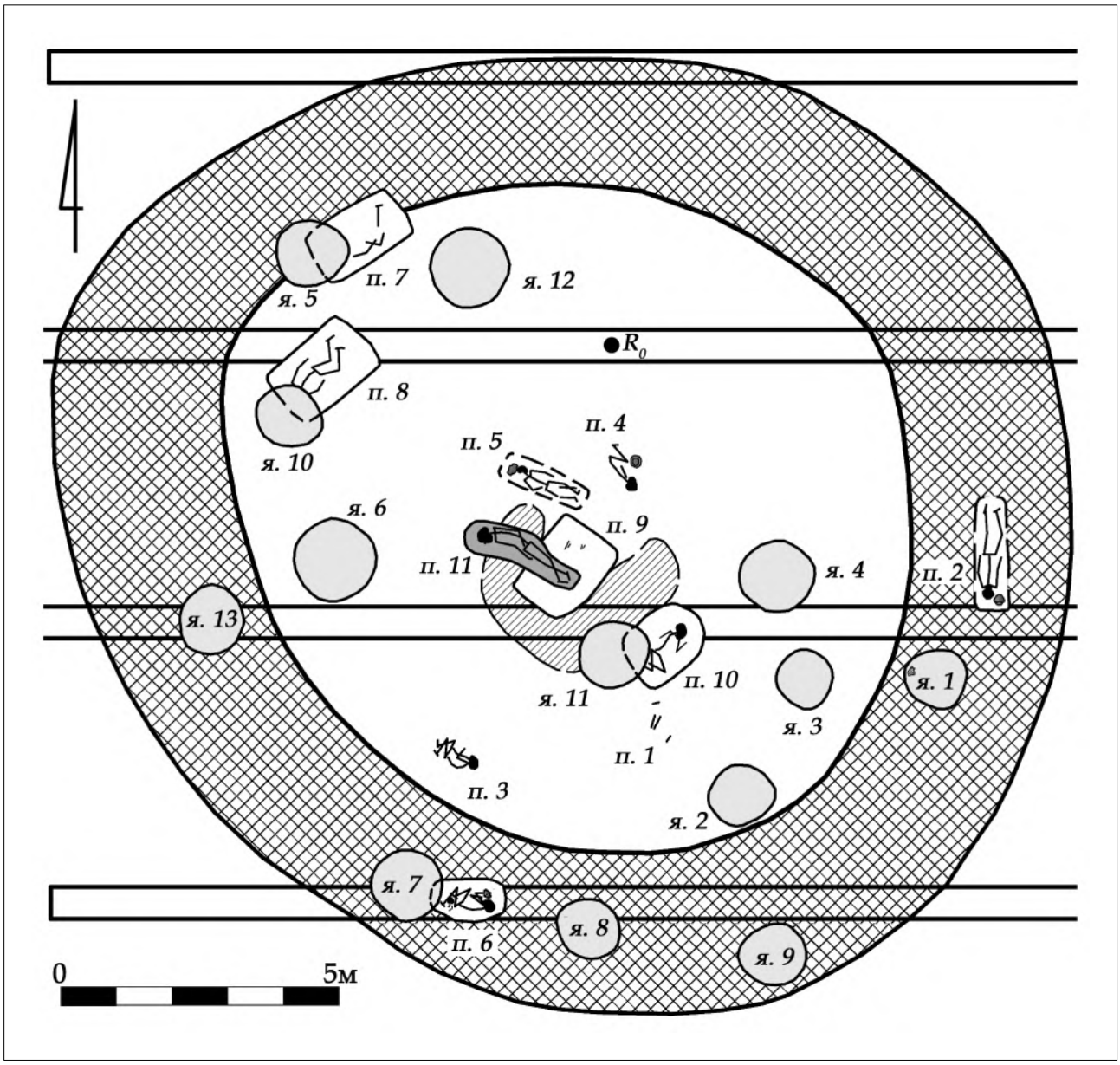


Рис. 6. План кургана Глиное/Клин 1.

Fig. 6. Plan of the barrow Glinoe/Klin 1.

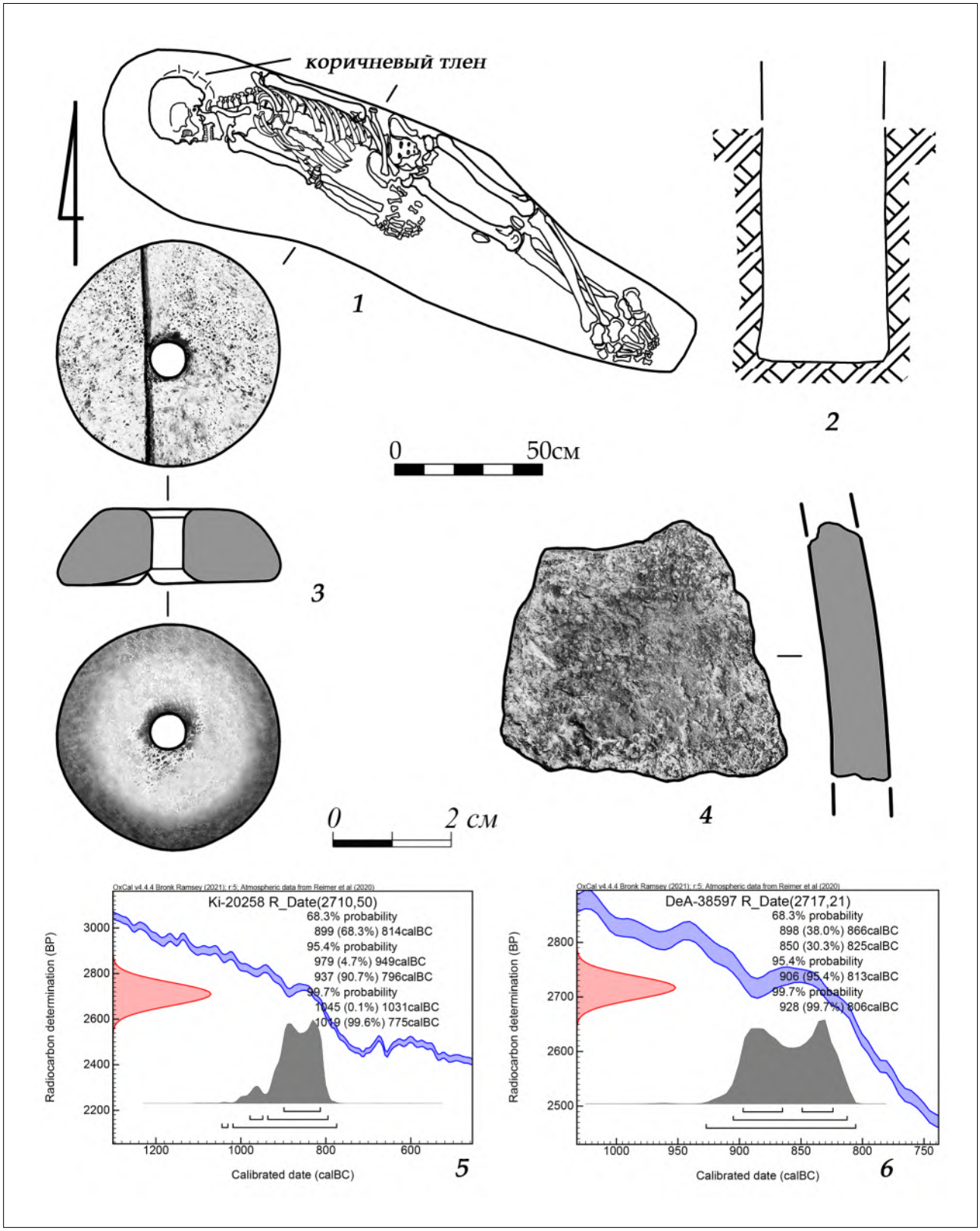


Рис. 7. Погребение Глиное/Клин 1/11 (1, 2), его инвентарь (3, 4) и калиброванные радиоуглеродные даты (5, 6).

Fig. 7. Burial Glinoe/Klin 1/11 (1, 2), its grave goods (3, 4) and calibrated radiocarbon dates (5, 6).

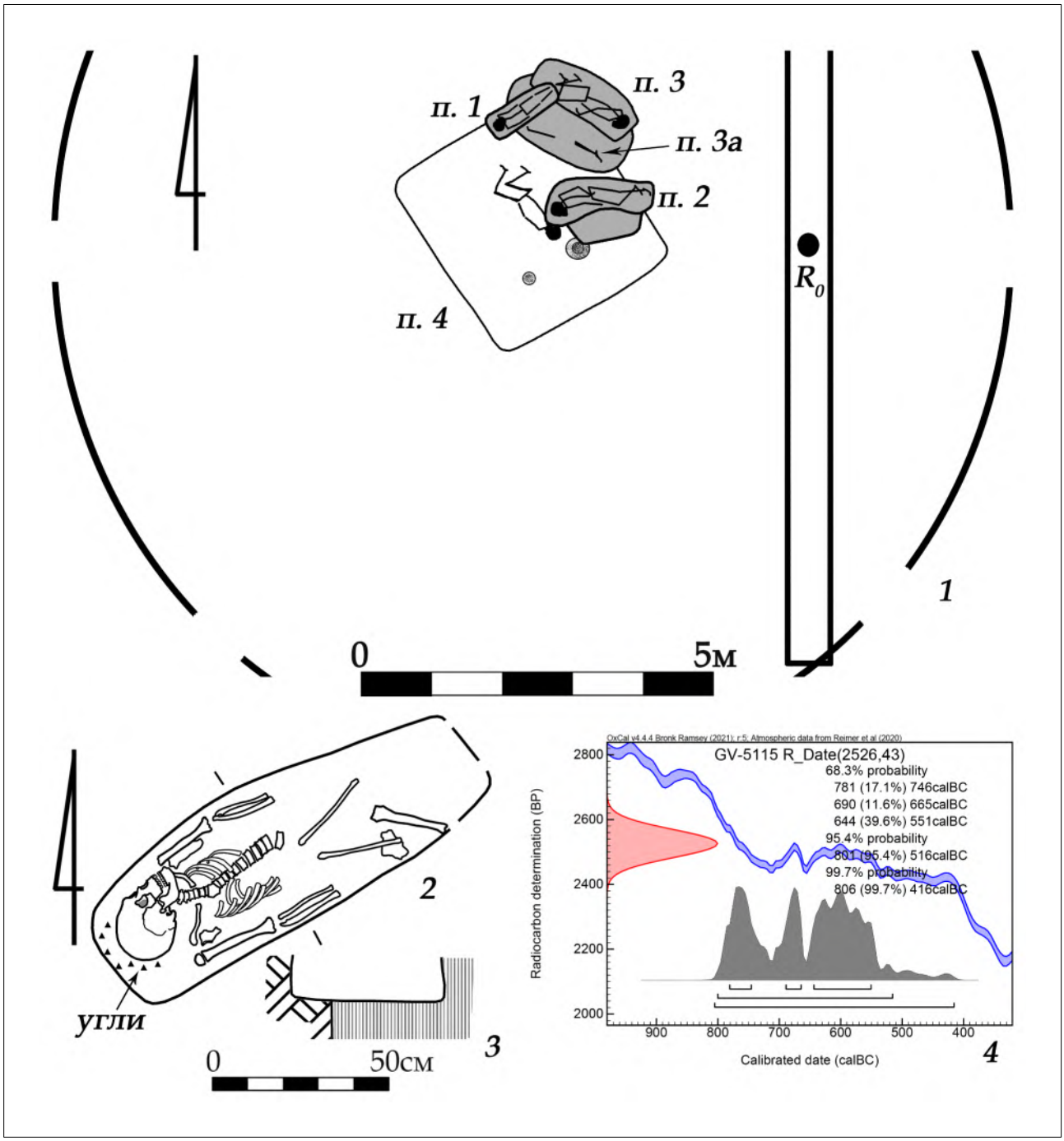


Рис. 8. План кургана Глиное/Сухая Балка 6 (1), погребение Глиное/Сухая Балка 6/1 (2, 3) и его калиброванная радиоуглеродная дата (4).

Fig. 8. Plan of the barrow Glinoe/Sukhaya Balka 6 (1), burial Glinoe/Sukhaya Balka 6/1 (2, 3) and its calibrated radiocarbon date (4).

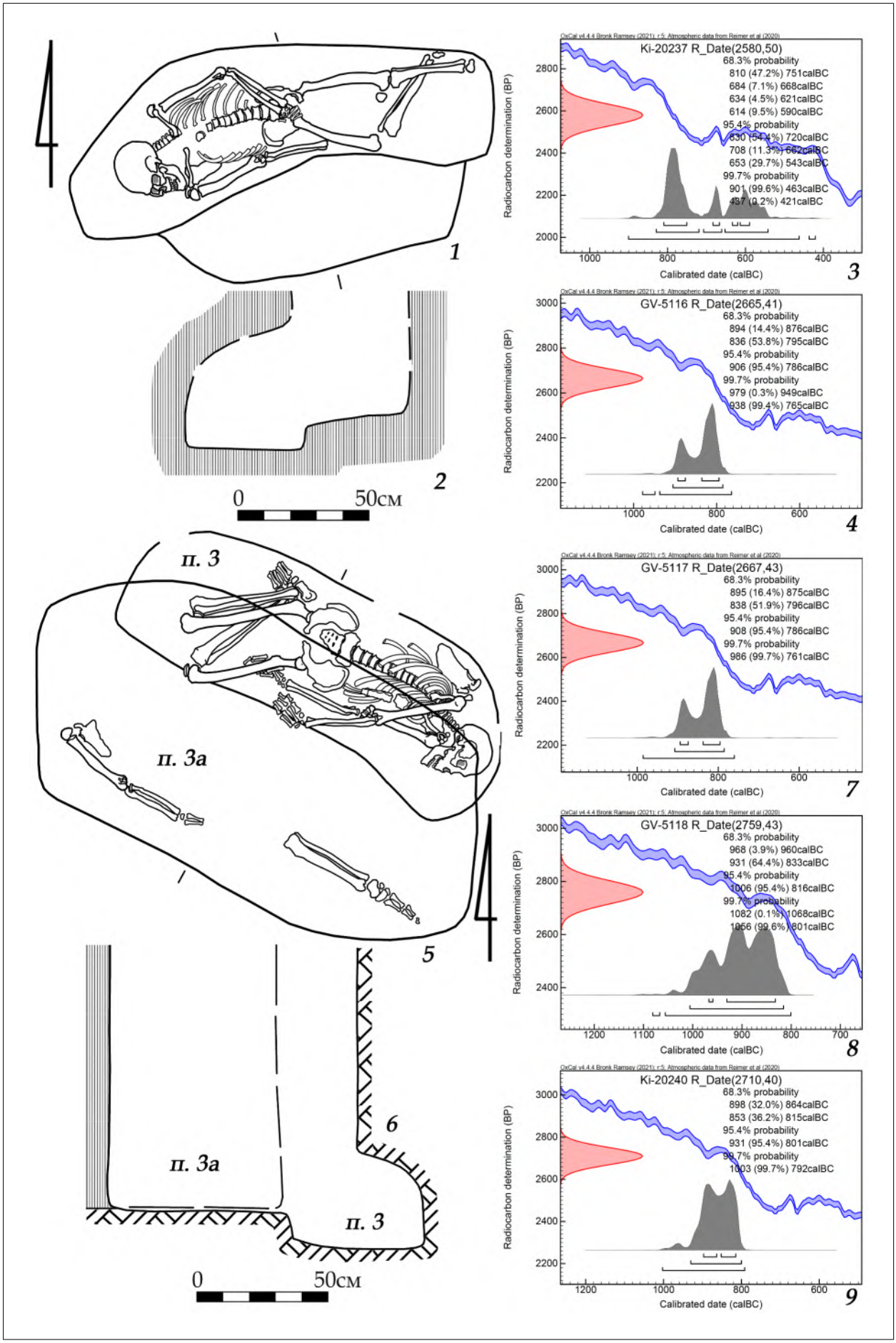

4
1
2
0
50см
п. 3
п. 3а
5
6
п. 3а
п. 3
0
50см
Ki-20237 R_Date(2580,50)
68.3% probability
810 (47.2%) 751calBC
684 (7.1%) 668calBC
634 (4.5%) 621calBC
614 (9.5%) 590calBC
95.4% probability
830 (54.4%) 720calBC
708 (11.3%) 662calBC
653 (29.7%) 543calBC
99.7% probability
901 (99.6%) 463calBC
487 (0.2%) 421calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
3
GV-5116 R_Date(2665,41)
68.3% probability
894 (14.4%) 876calBC
836 (53.8%) 795calBC
95.4% probability
906 (95.4%) 786calBC
99.7% probability
979 (0.3%) 949calBC
938 (99.4%) 765calBC
4
GV-5117 R_Date(2667,43)
68.3% probability
895 (16.4%) 875calBC
838 (51.9%) 796calBC
95.4% probability
908 (95.4%) 786calBC
99.7% probability
986 (99.7%) 761calBC
7
GV-5118 R_Date(2759,43)
68.3% probability
968 (3.9%) 960calBC
931 (64.4%) 833calBC
95.4% probability
1006 (95.4%) 816calBC
99.7% probability
1082 (0.1%) 1068calBC
1056 (99.6%) 801calBC
8
Ki-20240 R_Date(2710,40)
68.3% probability
898 (32.0%) 864calBC
853 (36.2%) 815calBC
95.4% probability
931 (95.4%) 801calBC
99.7% probability
1003 (99.7%) 792calBC
9

Рис. 9. Погребение Глиное/Сухая Балка 6/2 (1, 2) и его калиброванные радиоуглеродные даты (3, 4); погребения Глиное/Сухая Балка 3 и 3а (5, 6); калиброванная радиоуглеродная дата погребения Глиное/Сухая Балка 6/3 (7); калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное/Сухая Балка 6/3а (8, 9).

Fig. 9. Burial Glinoe/Sukhaya Balka 6/2 (1, 2) and its calibrated radiocarbon dates (3, 4); burials Glinoe/Sukhaya Balka 3 and 3a (5, 6); calibrated radiocarbon date of burial Glinoe/Sukhaya Balka 6/3 (7); calibrated radiocarbon dates of burial Glinoe/Sukhaya Balka 6/3a (8, 9).

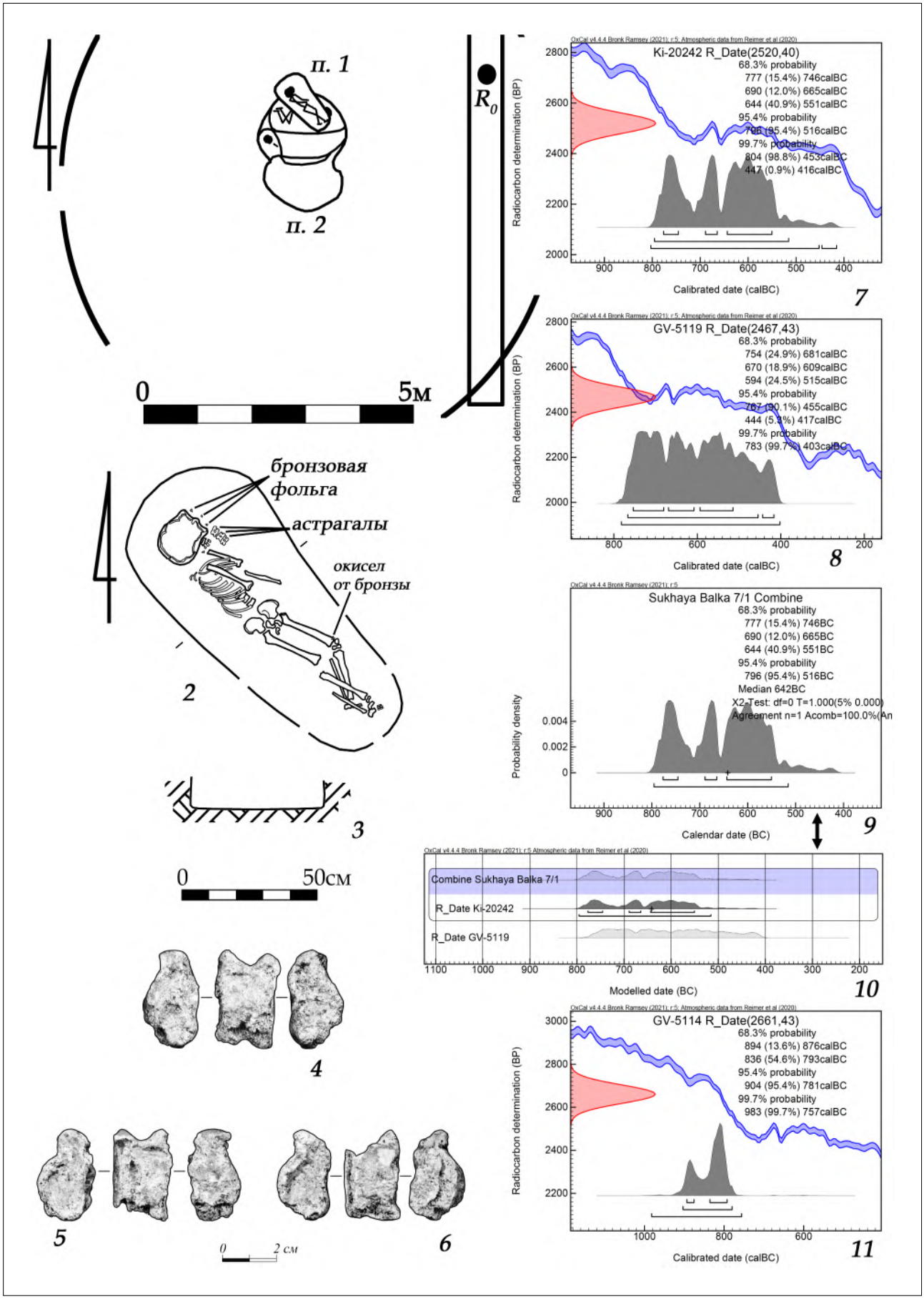

п. 1
п. 2
R_0
0
5м
бронзовая фольга
астрагалы
окисел от бронзы
2
3
0
50см
4
5
6
0 2 см
Ki-20242 R_Date(2520,40)
68.3% probability
777 (15.4%) 746calBC
690 (12.0%) 665calBC
644 (40.9%) 551calBC
95.4% probability
796 (95.4%) 516calBC
99.7% probability
804 (98.8%) 453calBC
447 (0.9%) 416calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
7
GV-5119 R_Date(2467,43)
68.3% probability
754 (24.9%) 681calBC
670 (18.9%) 609calBC
594 (24.5%) 515calBC
95.4% probability
767 (90.1%) 455calBC
444 (5.3%) 417calBC
99.7% probability
783 (99.7%) 403calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
8
Sukhaya Balka 7/1 Combine
68.3% probability
777 (15.4%) 746BC
690 (12.0%) 665BC
644 (40.9%) 551BC
95.4% probability
796 (95.4%) 516BC
Median 642BC
X2-Test: df=0 T=1.000(5% 0.000)
Agreement n=1 Acomb=100.0%(An
Probability density
Calendar date (BC)
9
Combine Sukhaya Balka 7/1
R_Date Ki-20242
R_Date GV-5119
Modelled date (BC)
10
GV-5114 R_Date(2661,43)
68.3% probability
894 (13.6%) 876calBC
836 (54.6%) 793calBC
95.4% probability
904 (95.4%) 781calBC
99.7% probability
983 (99.7%) 757calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
11

Рис. 10. План кургана Глиное/Сухая Балка 7 (1); погребение Глиное/Сухая Балка 7/1 (2, 3) и его инвентарь (4—6); калиброванные радиоуглеродные даты по кости человека погребения Глиное/Сухая Балка 7/1 (7, 8); комбинированная дата погребения Глиное/Сухая 7/1 на основании радиоуглеродных дат по костям человека (9, 10); калиброванная радиоуглеродная дата кости птицы из погребения Глиное/сухая Балка 7/1 (11).

Fig. 10. Plan of the barrow Glinoye/Sukhaya Balka 7 (1); burial Glinoye/Sukhaya Balka 7/1 (2, 3) and its grave goods (4—6); calibrated radiocarbon dates on human bone from the burial Glinoye/Sukhaya Balka 7/1 (7, 8); combined date of the burial Glinoye/Sukhaya 7/1 based on radiocarbon dates on human bones (9, 10); calibrated radiocarbon date of the bird bone from the burial Glinoye/Sukhaya Balka 7/1 (11).

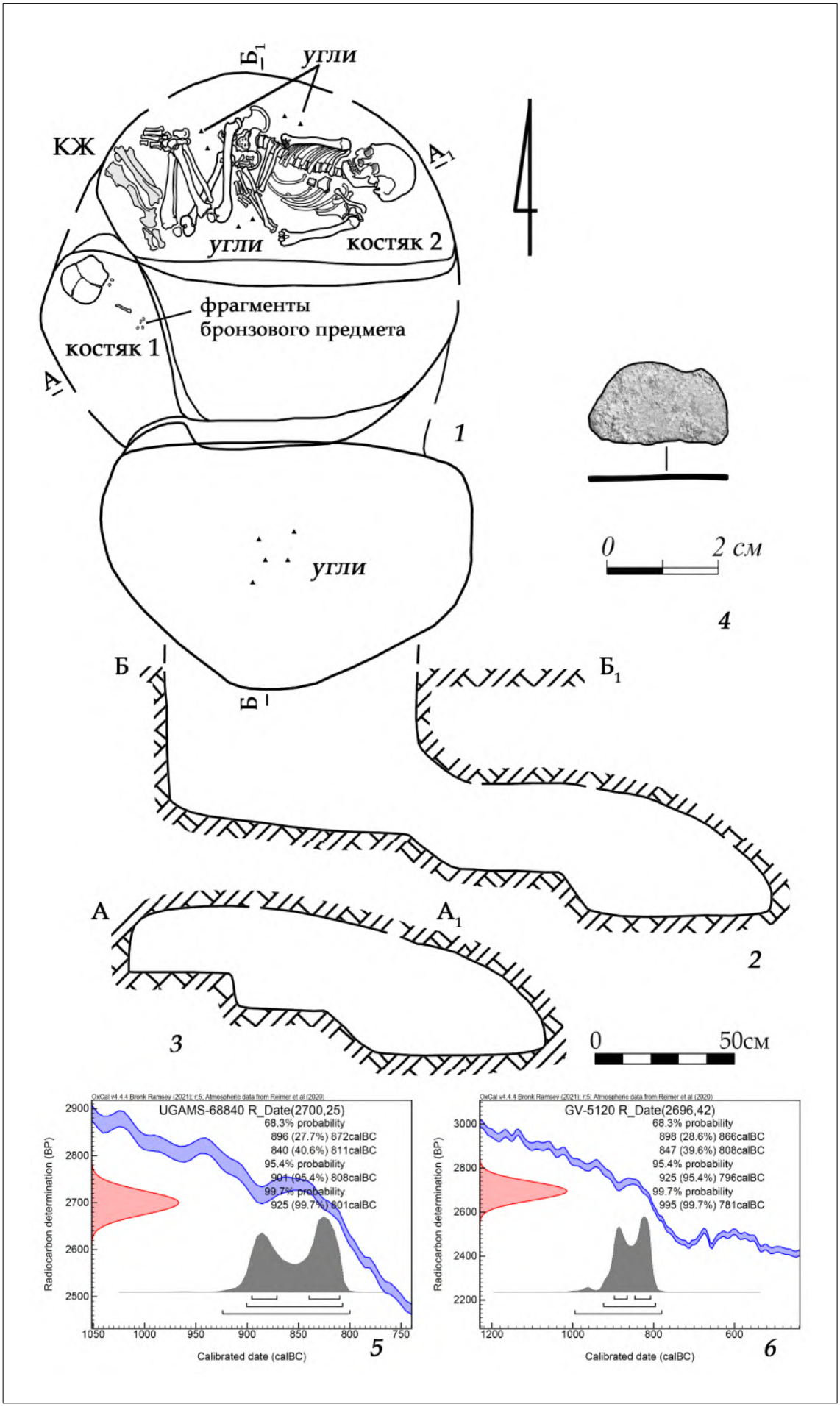

Б1
угли
КЖ
А1
угли
костяк 2
фрагменты
бронзового предмета
костяк 1
А1
1
угли
0
2 см
4
Б
Б
Б1
А
А1
2
3
0
50см
OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al (2020)
UGAMS-68840 R_Date(2700,25)
68.3% probability
896 (27.7%) 872calBC
840 (40.6%) 811calBC
95.4% probability
901 (95.4%) 808calBC
99.7% probability
925 (99.7%) 801calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
5
OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al (2020)
GV-5120 R_Date(2696,42)
68.3% probability
898 (28.6%) 866calBC
847 (39.6%) 808calBC
95.4% probability
925 (95.4%) 796calBC
99.7% probability
995 (99.7%) 781calBC
Radiocarbon determination (BP)
Calibrated date (calBC)
6

Рис. 11. Погребение Глиное/Сухая Балка 7/2 (1—3) и находка из него (4); калиброванные радиоуглеродные даты костяка 1 из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 (5, 6).

Fig. 11. Burial Glinoe/Sukhaya Balka 7/2 (1—3) and find from it (4); calibrated radiocarbon dates of skeleton 1 from burial Glinoe/Sukhaya Balka 7/2 (5, 6).

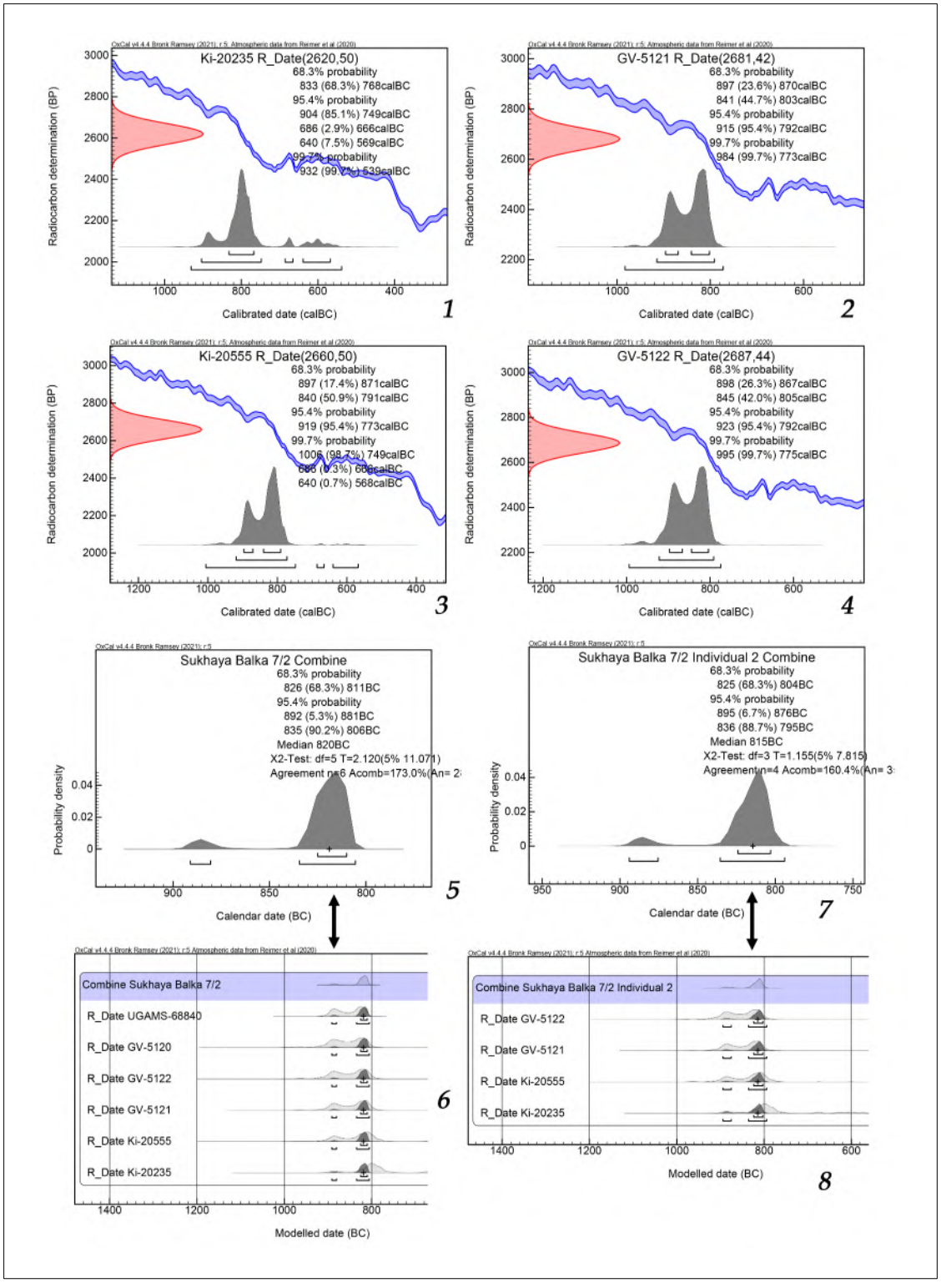


Рис. 12. Калиброванные радиоуглеродные даты костяка 2 из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 (1, 3); калиброванные радиоуглеродные даты по костям овцы из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 (2, 4); комбинированная дата погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 с учётом всех радиоуглеродных дат (5, 6); комбинированная дата погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 без учёта дат костяка 1 (7, 8).

Fig. 12. Calibrated radiocarbon dates of skeleton 2 from the burial Glinoe/Sukhaya Balka 7/2 (1, 3); calibrated radiocarbon dates for sheep bones from the burial Glinoe/Sukhaya Balka 7/2 (2, 4); combined date of the burial Glinoe/Sukhaya Balka 7/2 taking into account all radiocarbon dates (5, 6); combined date of the burial Glinoe/Sukhaya Balka 7/2 excluding the dates of skeleton 1 (7, 8).

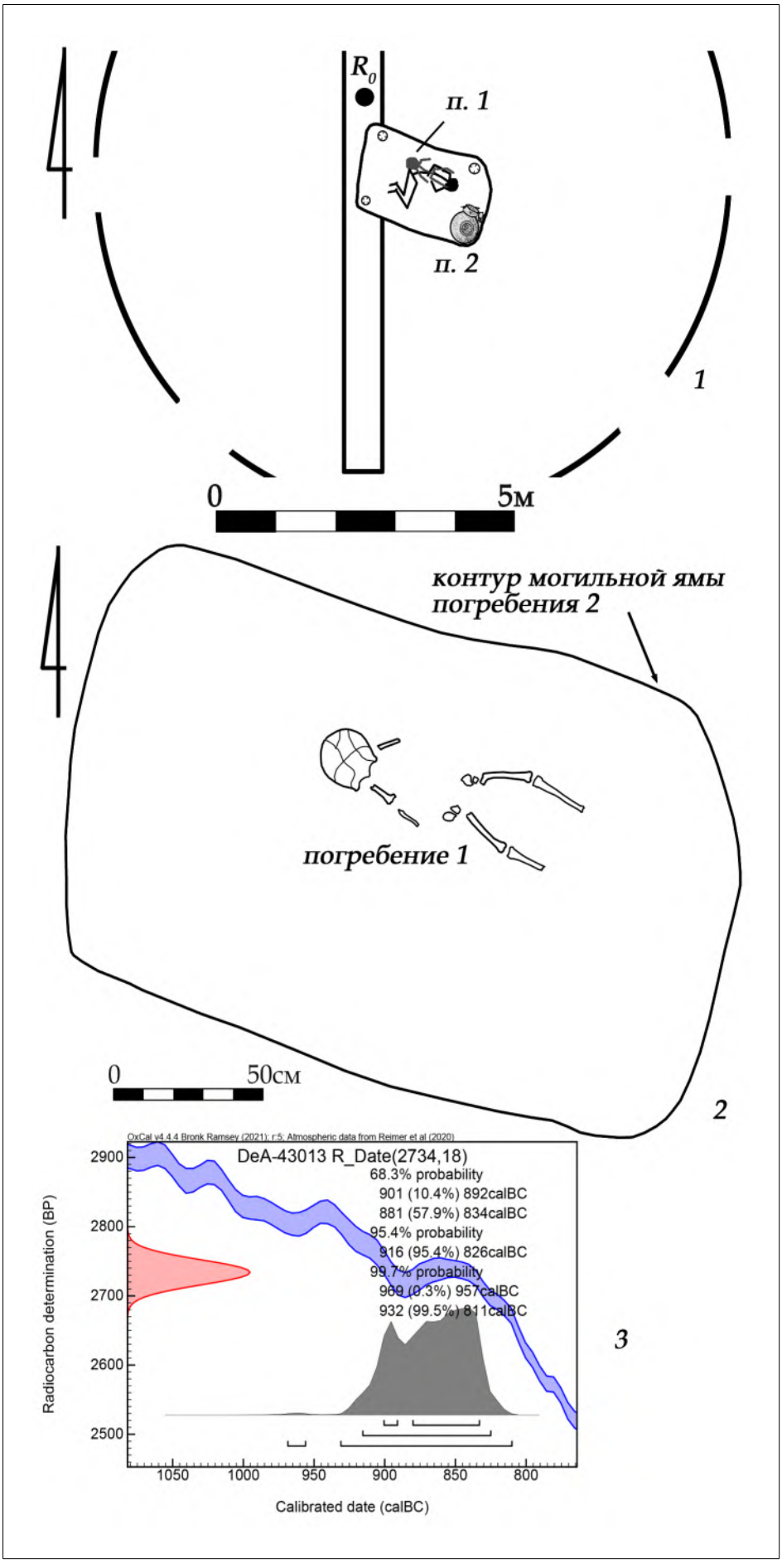

R0
п. 1
п. 2
1
0
5м
контур могильной ямы погребения 2
погребение 1
0
50см
2
OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al (2020)
DeA-43013 R_Date(2734,18)
68.3% probability
901 (10.4%) 892calBC
881 (57.9%) 834calBC
95.4% probability
916 (95.4%) 826calBC
99.7% probability
969 (0.3%) 957calBC
932 (99.5%) 811calBC
Radiocarbon determination (BP)
2900
2800
2700
2600
2500
1050
1000
950
900
850
800
Calibrated date (calBC)
3

Рис. 13. План кургана Глиное/Сухая Балка 8 (1); погребение Глиное/Сухая Балка 8/1 (2) и его калиброванная радиоуглеродная дата (3).

Fig. 13. Plan of the barrow Glinoe/Sukhaya Balka 8 (1); burial Glinoe/Sukhaya Balka 8/1 (2) and its calibrated radiocarbon date (3).

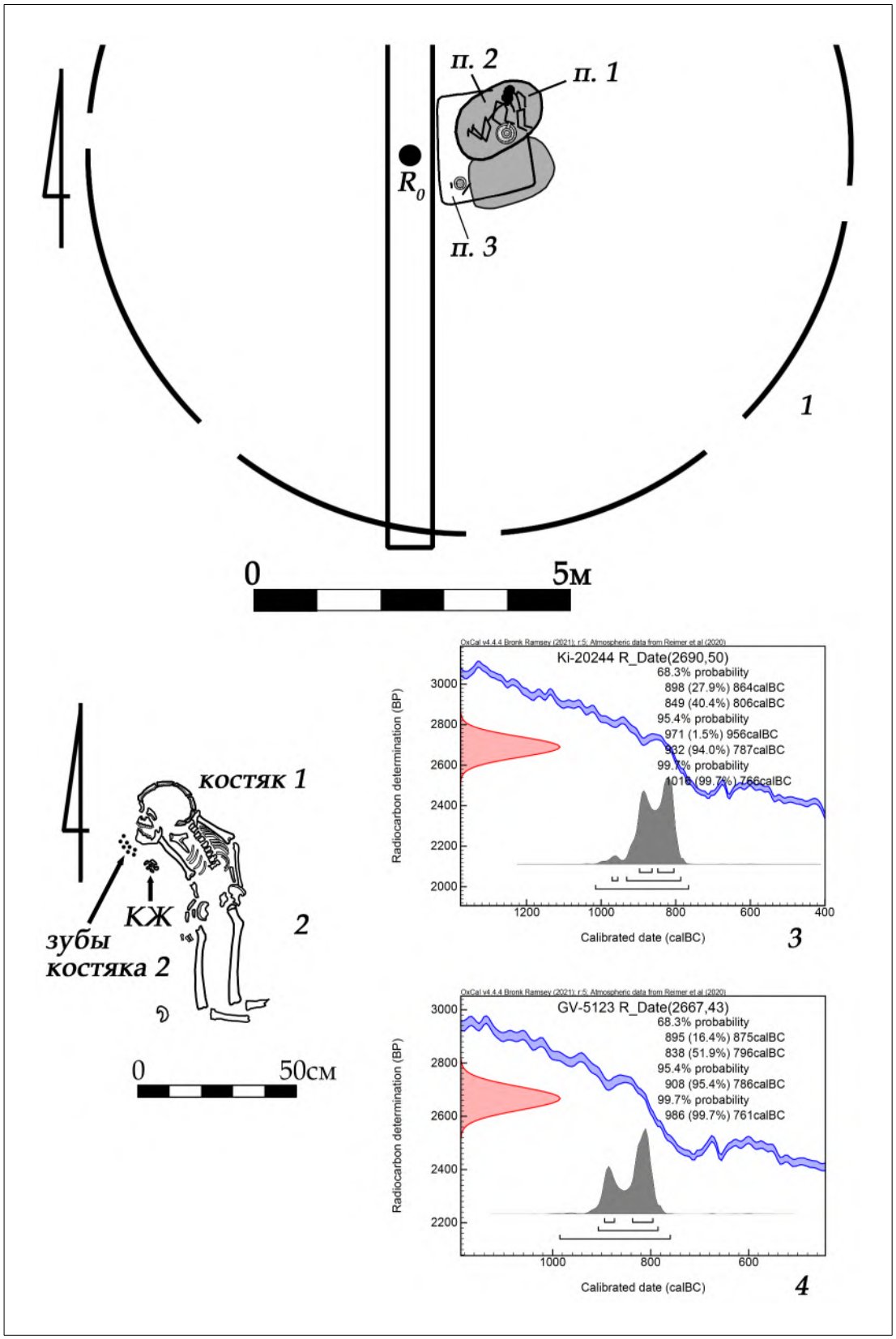


Рис. 14. План кургана Глиное/Сухая Балка 9 (1); погребение Глиное/Сухая Балка 9/1 (2) и его калиброванные радиоуглеродные даты (3, 4).

Fig. 14. Plan of the barrow Glinoye/Sukhaya Balka 9 (1); burial Glinoye/Sukhaya Balka 9/1 (2) and its calibrated radiocarbon dates (3, 4).

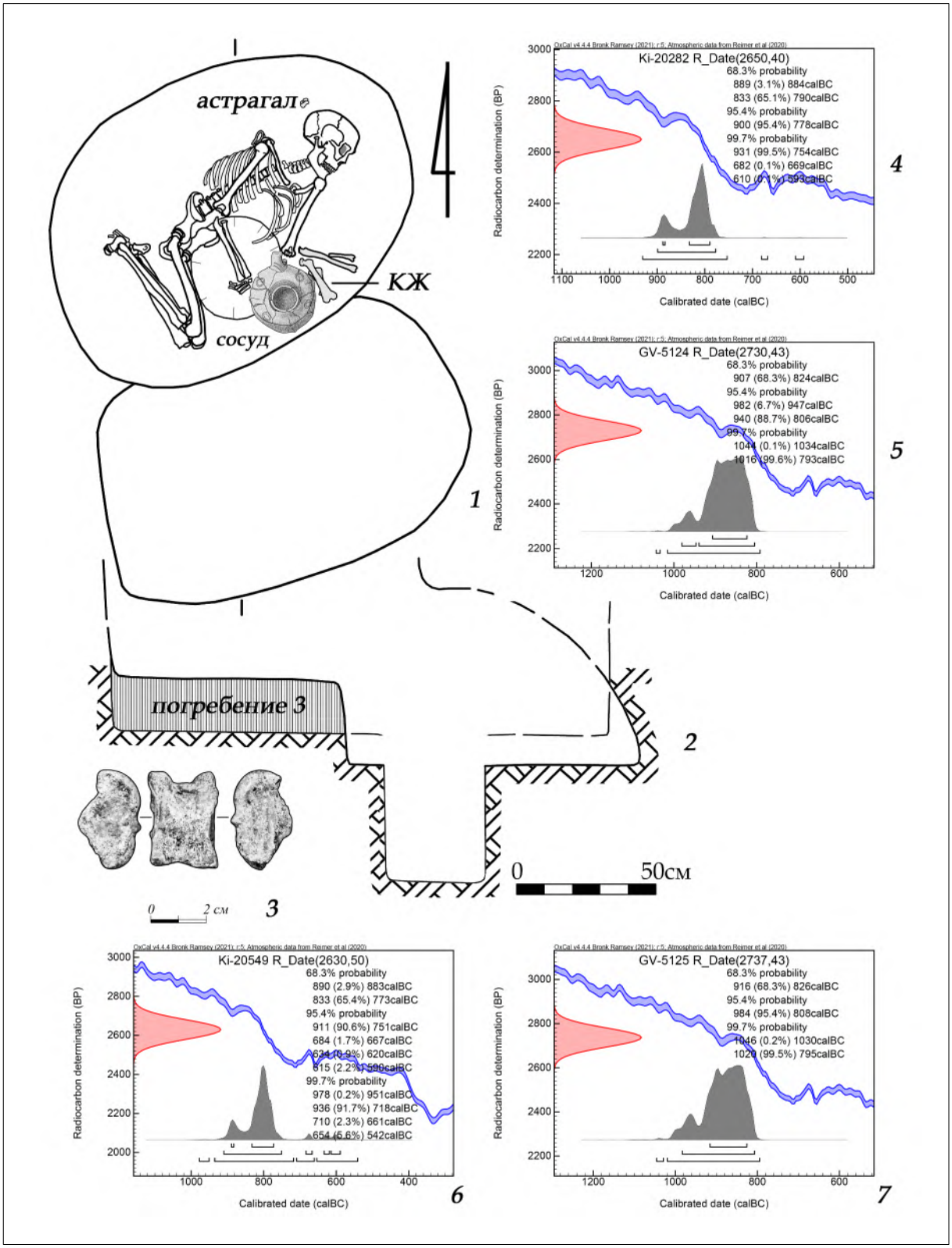


Рис. 15. Погребение Глиное/Сухая Балка 9/2 (1, 2) и находка из него (3); калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное/Сухая Балка 9/2 по кости человека (4, 5); калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное/Сухая Балка 9/2 по кости овцы (6, 7).

Fig. 15. Burial Glinoe/Sukhaya Balka 9/2 (1, 2) and find from it (3); calibrated radiocarbon dates of burial Glinoe/Sukhaya Balka 9/2 based on human bone (4, 5); calibrated radiocarbon dates of burial Glinoe/Sukhaya Balka 9/2 based on sheep bone (6, 7).

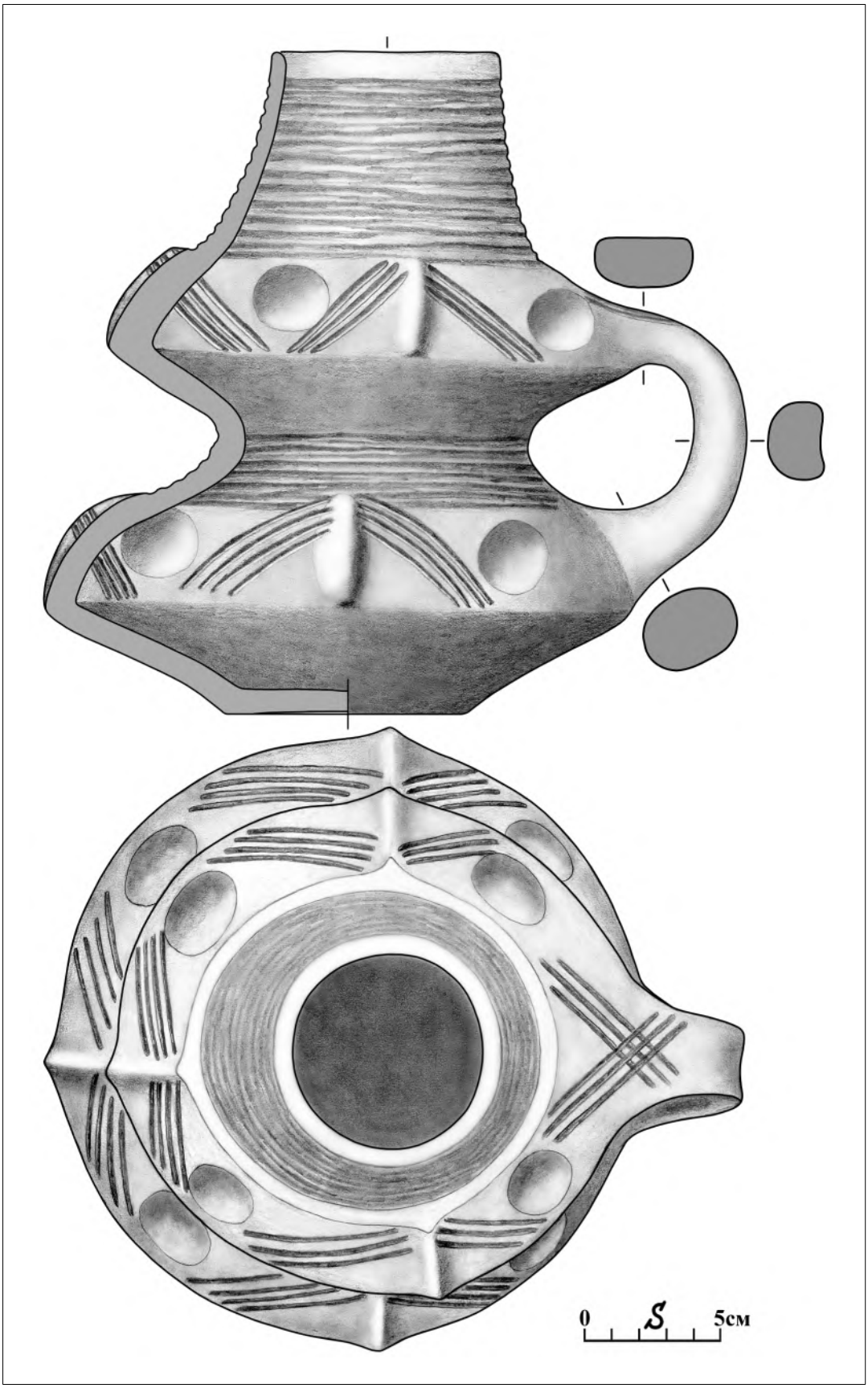


Рис. 16. Лепной кувшин из погребения Глиное/Сухая Балка 9/2.

Fig. 16. Handmade jug from the burial Glinoe/Sukhaya Balka 9/2.

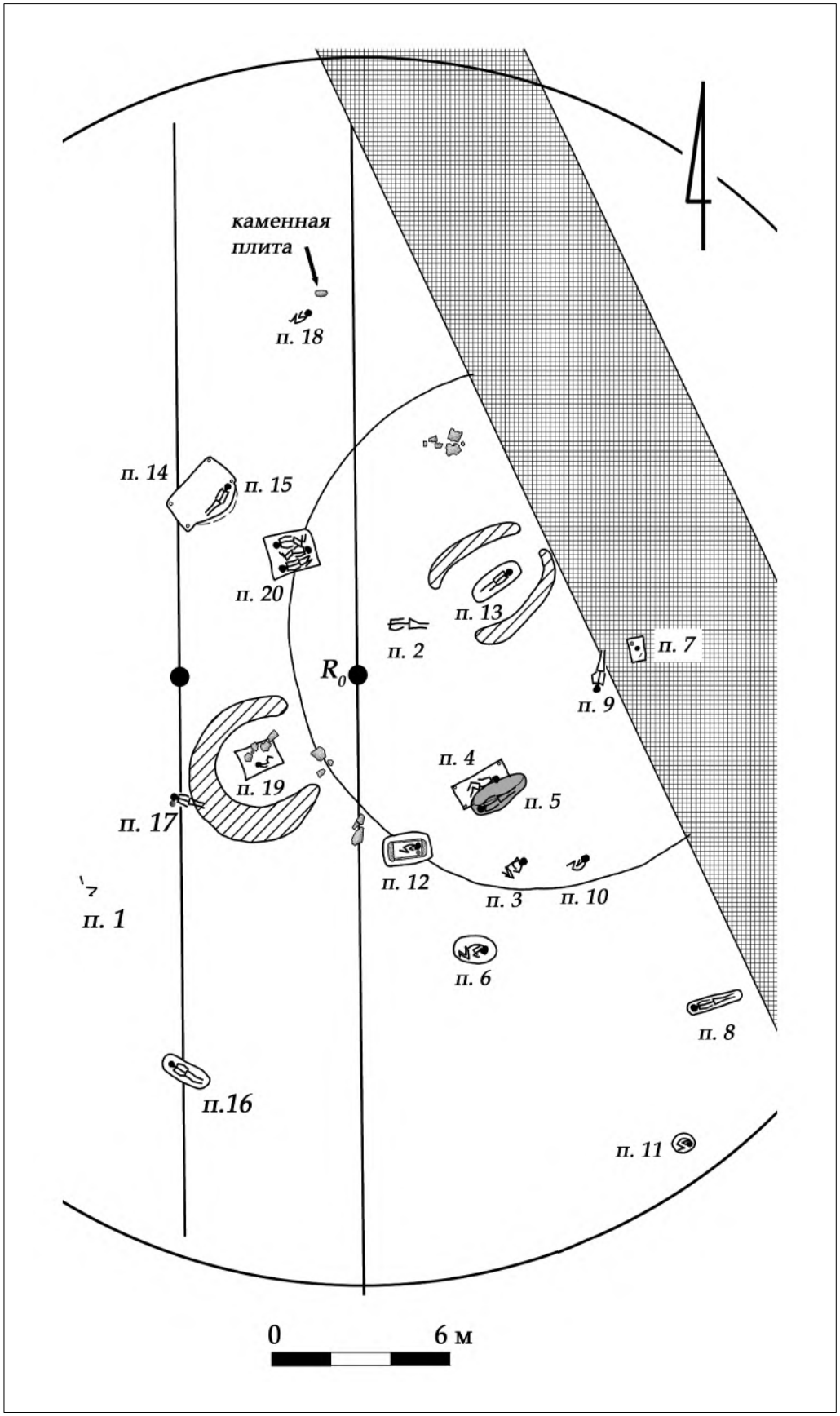


Рис. 17. План кургана Слободзея (1992) 1.

Fig. 17. Plan of the barrow Slobodzeya (1992) 1.

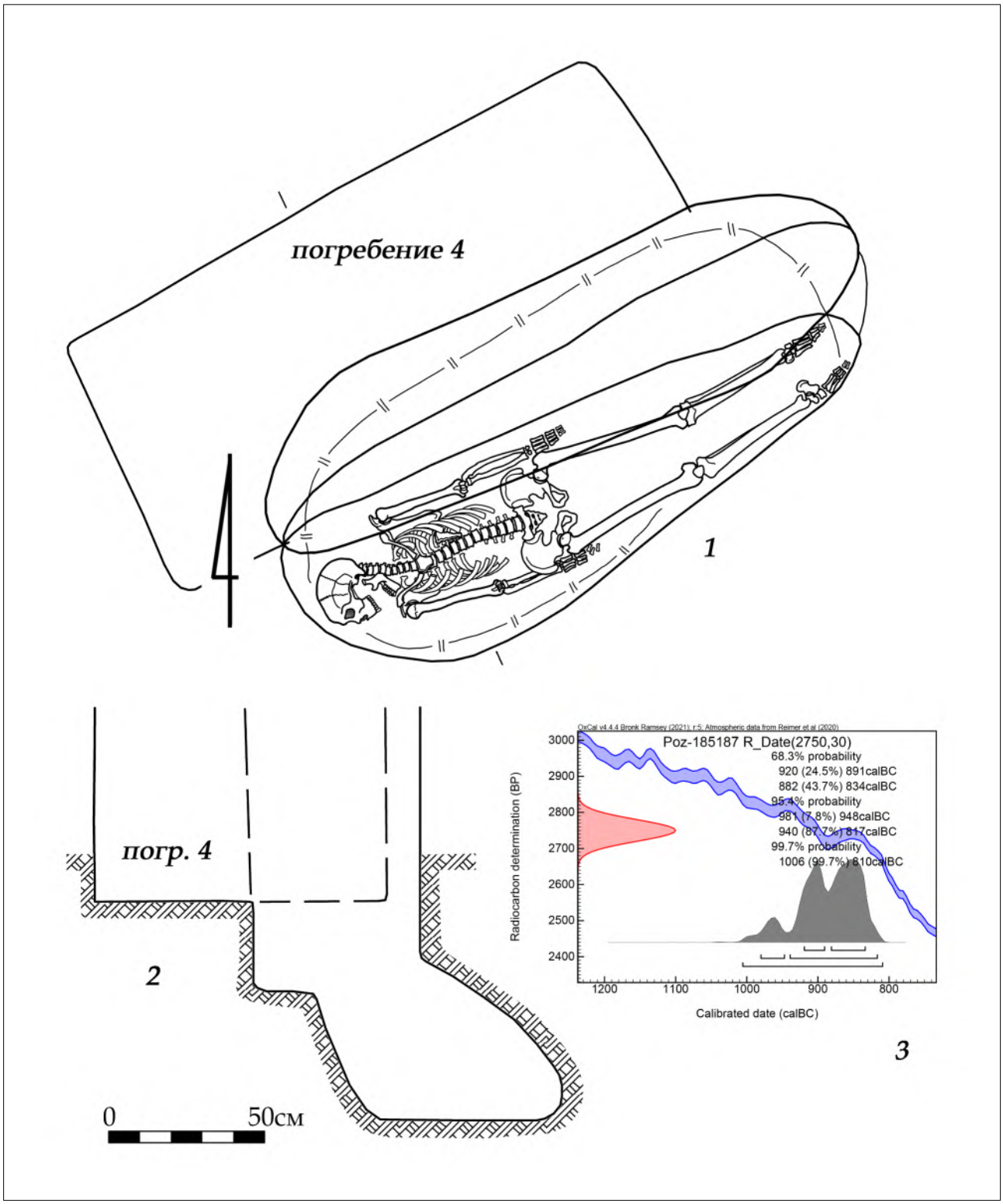


Рис. 18. Погребение Слободзея (1992) 1/5 (1, 2) и его калиброванная радиоуглеродная дата (3).

Fig. 18. Burial Slobodzeya (1992) 1/5 (1, 2) and its calibrated radiocarbon date (3).

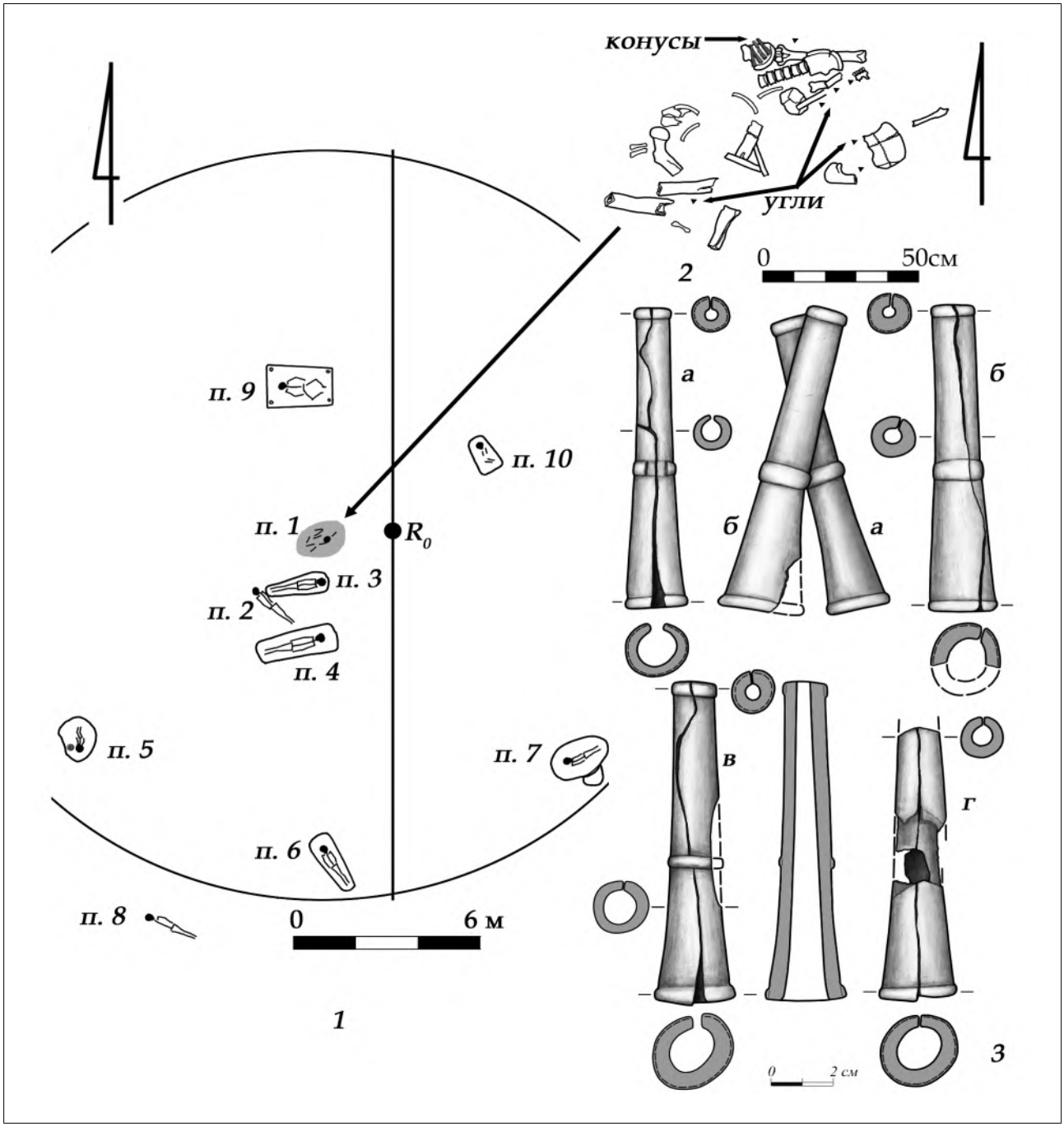


Рис. 19. План кургана Слободзея (1992) 2 (1); погребение Слободзея (1992) 2/1 (2) и его инвентарь (3).

Fig. 19. Plan of the barrow Slobodzeya (1992) 2 (1); the burial Slobodzeya (1992) 2/1 (2) and its grave goods (3).

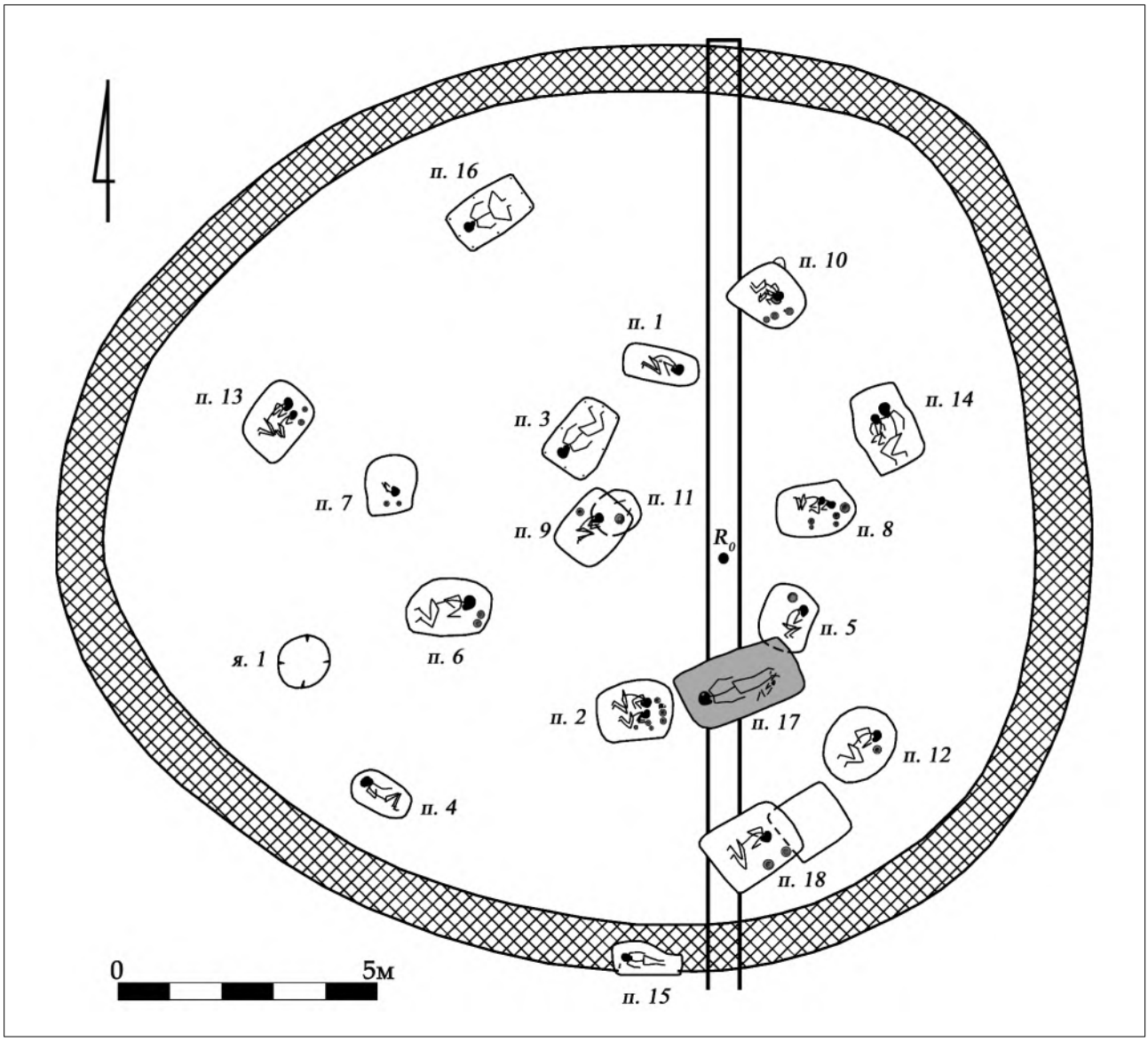


Рис. 20. План кургана Коротное/Кулак 1.

Fig. 20. Plan of the barrow Korotnoe/Kulak 1.

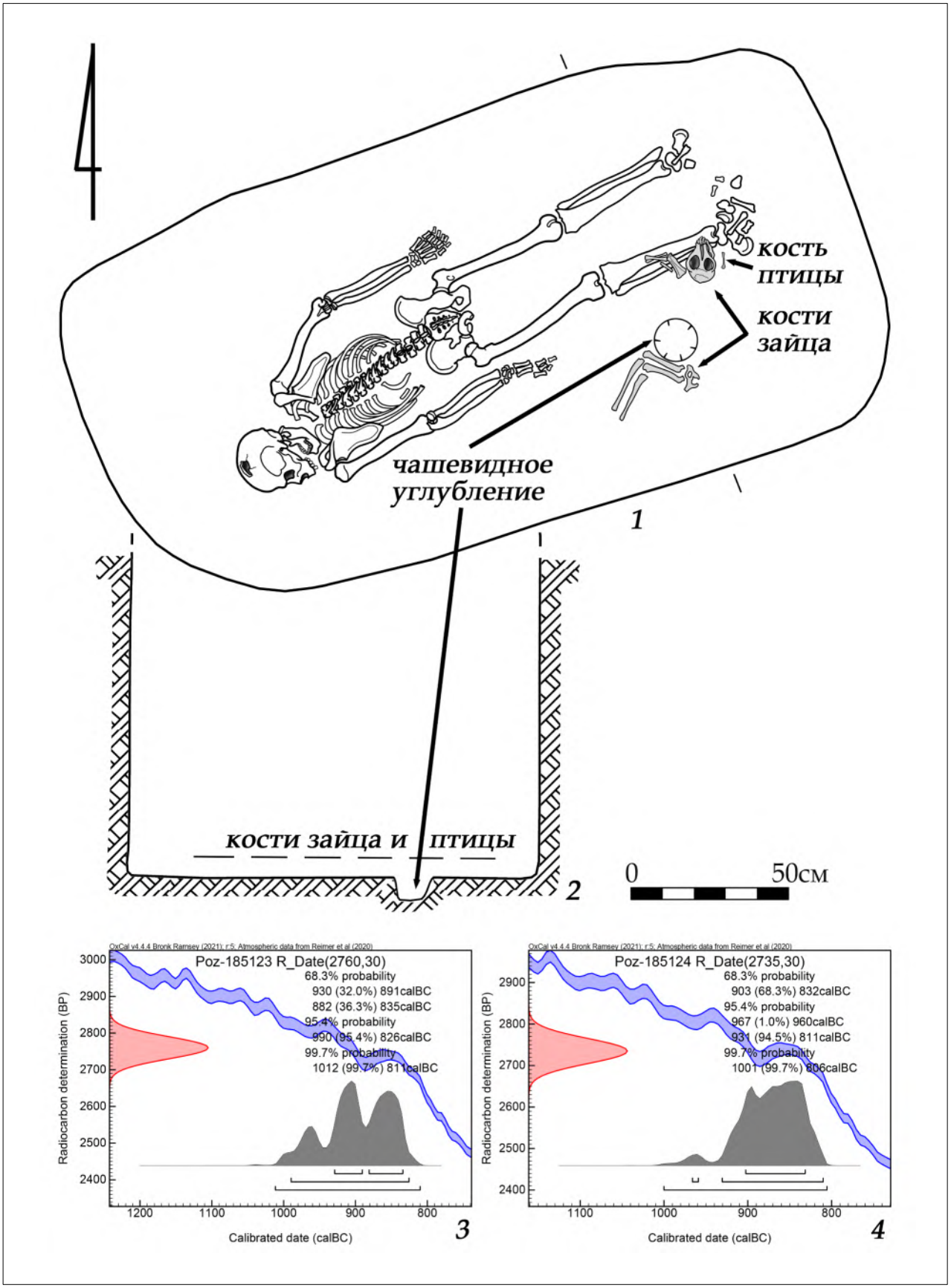


Рис. 21. Погребение Коротное/Кулак 1/17 (1, 2) и его калиброванные радиоуглеродные даты (3, 4).

Fig. 21. Burial Korotnoe/Kulak 1/17 (1, 2) and its calibrated radiocarbon dates (3, 4).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.20.62.002

Mikhail Treister

IMPORTED AND LOCALLY MANUFACTURED JEWELLERY IN THE CIMMERIAN BOSPORUS IN THE LATE 6TH — 5TH CENTURIES BCE*

This article is devoted to the publication and analysis of gold, electrum and silver jewellery dating from the late 6th to the end of the 5th centuries BCE, found in the territory of the Cimmerian Bosporus. The main well-dated complexes with finds are considered. Jewellery is discussed by categories: beads and necklaces, pendants and amulets, earrings and temple pendants, torcs, bracelets, and finger rings.

The fact, that the jewellery items examined here are considered primarily basing on publications of varying levels of description and quality of illustrations and are unavailable to the author for any technological research, significantly reduces the possibilities of their attribution in terms of distinguishing between imported and locally produced items. Nevertheless, having been studied in the context of all known pieces of jewellery of the late Archaic and early Classical periods from the Black Sea region, Asia Minor, the Near East and Greece, they allow us to express in a cautious form some considerations, basing primarily on the peculiarities of the geographical distribution of forms and decorative motifs.

Among the supposedly imported ones, one can single out products of the workshops located in Asia Minor, primarily Lydia, Cyprus and the South-Eastern Black Sea region.

There are also grounds to suggest that already in the first half, possibly in the first quarter, of the 5th century BCE, local jewelry workshops working with precious metals appeared in the Cimmerian Bosporus. Discussed are certain types of boat earrings, spiral pendants, pendants of necklaces, torcs, bracelets and finger rings which could have been manufactured in the local workshops.

Key words: Cimmerian Bosporus, jewelry, beads, necklaces, pendants, amulets, earrings and temple pendants, torcs, bracelets, rings from the Late Archaic and Early Classical periods, imported and locally produced.

About the author: Treister Mikhail, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

М.Ю. Трейстер

ИМПОРТНЫЕ И МЕСТНЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА БОСПОРЕ В КОНЦЕ VI — V ВВ. ДО Н.Э.

Данная статья посвящена публикации и анализу ювелирных изделий из золота, электра и серебра, датируемых концом VI — концом V вв. до н.э., найденных на территории Киммерийского Боспора. Рассматриваются основные хорошо датируемые комплексы с находками. Ювелирные изделия анализируются по категориям: бусы и ожерелья, подвески и амулеты, серьги и височные подвески, гривны, браслеты, перстни.

То обстоятельство, что здесь ювелирные изделия рассматриваются преимущественно по публикациям разного уровня описания и качества иллюстраций и недоступны автору для каких-либо технологических исследований, в существенной степени снижает возможности их интерпретации с точки зрения выделения изделий импортных и местного производства. Тем не менее, будучи исследованы в контексте всех известных нам ювелирных изделий позднеархаического и раннеклассического времени из Причерноморья, Малой Азии, Ближнего Востока и Греции, они позволяют высказать в осторожной форме некоторые соображения, основанные, прежде всего, на особенностях географического распределения форм и мотивов декора.

* Статья поступила в номер 21 июня 2025 г.
Принята к печати 12 июля 2025 г.

© М.Ю. Трейстер, 2025.

Среди предположительно импортных можно выделить изделия мастерских Малой Азии, прежде всего Лидии, Кипра и Юго-Восточного Причерноморья.

Есть основания предполагать, что уже в первой половине, возможно в первой четверти, V в. до н.э. на Боспоре появляются местные ювелирные мастерские, работающие с драгоценными металлами. Рассматриваются отдельные типы серег в форме калачика, спиралевидные подвески, ожерелья и подвески, гривны, браслеты, а также перстни, которые могли быть изготовлены в местных мастерских.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, ювелирные изделия, бусы, ожерелья, подвески, амулеты, серьги и височные подвески, гривны, браслеты, перстни позднеархаического и раннеклассического времени, импорты и местные изделия.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Introduction

The choice of topic is not accidental. While quite a lot has been written about the jewellery of the Classical, Hellenistic periods and the first centuries CE found in the Cimmerian Bosporus, the early periods, the late Archaic and early Classical, remained a blank spot against their background. Although the rarity of jewellery of the period under consideration in the Bosporus has been repeatedly noted, including that in comparison with Olbia (Skudnova 1988: 23), as our study of the finger rings made of precious metals has shown (Treister 2023: 298—306), this is not entirely true, and given the rarity of finds of jewellery dating before the second half of the 5th century BCE also in the territory of Greece (Higgins 1980: 121—122; Williams, Ogden 1995: 49), the Cimmerian Bosporus looks quite worthy against this background. How did things stand in general?

Complexes of finds

Finds of jewelry in the Bosporan necropoleis of the late 6th — 5th centuries BCE are extremely rare. In addition to the items dating back to the middle — third quarter of the 5th century BCE, from the so-called senior Seven Brothers burial mounds no. 2 (Goroncharovskiy 2014: 556—559, 570, 572) and 4 (Treister 2012b: 36—38; Goroncharovskiy 2014: 561—566, 570, 572), tombs no. 8 of the burial mound no. 17/1876 (Silant'eva 1959: 71—78, figs. 38—42; Williams, Ogden 1995: 133—134, nos. 76—77), no. 19 of the burial mound no. 24/1876 (Silant'eva 1959: 56—71, figs. 24—37), stone tomb no. 9/1876 (Silant'eva 1959: 41—42, figs. 17—18), tomb no. 23/1876 (Silant'eva 1959: 46, fig. 19: 4) with a black-figure lekythos from the middle of the 5th century BCE (Silant'eva 1959: 30—31, 46, figs. 9: 2; 19: 4) of the Nymphaion necropolis, the jewellery dating to the first half of the 5th century BCE from the Asian part of the Bosporus is represented by beads and pendants of necklaces, temple pendants from several burials of the Artyushchenko-2 burial ground (Kashaev 2010: 137—139, figs. 1—2; 2019: 249, 251, fig. 12), including from the burial no. 6, dated by black-figure, black-glazed pottery and a glass amphoriskos to the second quarter of the 5th century BCE (Kashaev 2009: 194—197; 2019: 230—253; 2021: 206—208, fig. 1)), no. 47, dated by a Proto-Thasian amphora and black-glazed pottery to the second quarter of the 5th century BCE (Kashaev 2013: 191, 197—198, fig. 2: 5; 10; 2019: 233, 234, 242, figs. 1: 5; 7: 1), burial no. 66 of the early 5th century BCE with an amphoriskos of "Phoenician glass" (Kashaev 2019: 253, fig. 14: 2; 2021: 209—210, fig. 2), as well as burials of the Volna-1 necropolis on the Taman Peninsula: no. 539 (with bracelets, a boat earring, and a plaque depicting a double sphinx) (Mimokhod et al. 2018: 223, 225), nos. 140-29 and 140-42 (with spiral pendants) (Treister, Sudarev 2025b: 443—444, fig. 4: 2. *5*), which are reliably dated to the second quarter of the 5th century BCE, and the burials no. 1 of the burial mound no. 3/2012 and no. 12 of the burial mound no. 1/2012 of the South-Eastern necropolis of Phanagoria (Treister, Sudarev 2025b: 444—446). The burial no. 5/2006 of the

necropolis of the Sindian harbor with a plaque depicting a sphinx is dated to the third quarter of the 5th century BCE by beads and a black-glazed salt cellar (Sudarev 2023: 67—68, figs. 9—10).

Two red-figure askoi, and black-glazed: kylix, skyphos and lekane (Vickers 1979: 38—41, figs. 4—8, pls. 7—9; 2002: 8—9, 28—33, pls. 8—10) date the tomb no. 2/1868 at Nymphaion to the late 5th century BCE. Tombs nos. 4/1868 with a bronze sieve, a silver kylix and a chalcedony scaraboid (Vickers 1979: 41—44, pls. 11—14, 16: a; 2002: 9, 36—43, pls. 12—15; Cat. London 2017: 287—289, nos. 192—198) and 6/1868 with a bronze ladle and black-glazed pottery (Vickers 1979: 44—46, pls. 15: b—c, 16: b; 17; 2002: 9—10, 44—51, pls. 16—19; Cat. London 2017: 290—291, nos. 200—204) belong to the same period. Burials with pendants of necklaces in the form of lion heads from the necropoleis of Kepoi (no. 282/27 (1964)) and Volna-1 (nos. 72 and 114/2015) (Treister, Sudarev 2024: 197—200, figs. 3—5), with silver spiral pendants — from the necropolis of Volna-1 (burial no. 27) (Treister, Sudarev 2025a: 1—41), as well as burials in the Seven Brothers tumuli nos. 6 and 7 (Goroncharovskiy 2014: 570—571) are dated within the last quarter of the 5th — the turn of the 5th—4th centuries BCE.

A relatively large number of jewellery items from the late Archaic and early Classical periods also appear in the burials, which are dated from the turn of the 5th—4th centuries BCE: a stone tomb discovered by A.E. Lyutsenko in 1854 on the northern slope of the Mithridates Mount (see Treister 2023: 298 with bibliography). In rare cases, pieces of the 5th century BCE jewellery survived until the next century, as was the case with the bracelet with plates depicting Eos with Kephalos and the fight between Peleus and Thetis from the male burial of the Kul-Oba burial mound (Manzewitsch 1931: 106—116; Galanina, Grach 1986: fig. 180; Grach 1994: 139—141, figs. 4—6; Williams, Ogden 1995: 140, no. 82; Kat. Bonn 1997: 162, Nr. 68; Treister 2001: 150—152; Kalashnik 2004: 93; Kalashnik 2014: 120—121; Treister with complete bibliography, in print a).

Necklaces and pendants of necklaces

The necklaces can be divided into several types: 1) those formed only by beads, without pendants; 2) necklaces of alternating beads and beads with teardrop-shaped (seed) elements soldered to them; 3) necklaces composed of hollow box-links or double tubes strung on two threads with figural terminals; 4) necklaces formed only by figural beads (in the form of rams' heads).

The gold beads from the Artyushchenko-2 burial ground are represented by two main types: type 1 — spherical, hollow beads soldered from two halves, with rings of beaded wire soldered to the ends around the holes; type 2 — spherical beads, similar in shape to type 1 beads, in the lower part of which a hollow seed pendant is soldered. At the tip of each pendant a ball of grain is soldered, the soldering place is framed with beaded wire. Similar wire is used to frame the place where the pendant is attached to the bead (Kashaev 2010: 138—139, figs. 1—2; 2019: 249, 251, fig. 12).

In the burial no. 140-29 of the Volna-1 necropolis there were found barrel-shaped silver (Tsokur et al. 2022b: 76, fig. 395: 2) and a three-partite bead made of three oval beads soldered together, with ridges at the ends around the holes (Tsokur et al. 2022b: 76, 80—81, fig. 395: 4). The closest parallel — three-part elements with beads of a similar shape, but additionally decorated with longitudinal ridges — is a purchase in Yaprakli (Bingöl 1999: 111, no. 109), dated in the catalogue of the Museum of the Anatolian civilizations to the 8th—7th centuries BCE, basing on very distant parallels from Ephesos (Marshall 1911: 76—77, nos. 982—999, pl. IX).

The necklaces could have been formed only from beads without pendants, like the necklaces from burial no. 66 of the first half of the 5th century BCE in the Artyushchenko-2 necropolis (fig. 1: 1) (Kashaev 2010: 138, fig. 1: 3; 139, fig. 2: 3; 2019: 249, 251, fig. 12: 4; 2021: 209—210, no. 5—6, fig. 2: 1—2), and the necklaces from the burials of the Nymphaion necropolis of the mid-5th century BCE. Biconical beads with holes outlined with beaded wire were also found in stone tomb no. 9/1876 of the Nymphaion necropolis (Silant'eva 1959: 42, fig. 19: 1) together with the mid-5th century BCE kylikes (Silant'eva 1959: 41—42, figs. 17—18). Also, biconical beads with longitudinal ridges formed a necklace from the tomb no. 23/1876 (Silant'eva 1959: 46, fig. 19: 4)

with a black-figure lekythos from the mid-5th century BCE (Silant'eva 1959: 30—31, fig. 9: 2). The latter are reminiscent in shape and decoration of beads from the necropoleis of Salamis and Arsos in Cyprus, which date to the late 7th century BCE (Pieridis 1971: 26—27, pl. XIV: 3, 5; Deppert-Lippitz 1985: 110, 111, Abb. 61, Taf. 7), as well as beads of necklaces from the necropolis of Aegean Mesembria-Zoni (Euros in Macedonia) (Iliopoulou 2015: 124, εικ. 208) and from the mid-5th century BCE burial no. 11/1969 (Kacharava, Kvirkvelia 2008: 133—137, pls. 2: a—b; 3—5; 6: a; 143, pl. 12: a—b) and the first half of the 4th century BCE burial no. 6/1961 (Kacharava, Kvirkvelia 2008: 156, pl. 21) in Vani in Colchis.

Comparaneous beads form the necklaces from Thracian burial in Duvanli: burials in Muchovitsa (Velkov 1930—1931: 39, no. 13—15; pl. XI: 1; Filow 1934: 85, Nr. 4; 87, Abb. 108; Venedikov, Gerassimov 1973, Taf. 203; Kat. Köln 1979: 91—92, Nr. 161; Deppert-Lippitz 1985: 122, 123, Abb. 70; Cat. Venice 1989: 210, 219, no. 176/6; Тонкова 2002: 495, fig. 1: 8; 496; Kat. Bonn 2004: 158, Nr. 212e; Kat. Basel 2007: 186, Nr. 126d; Cat. Paris 2015: 66, no. 19; Cat. Bergen 2017: 142, no. 137) and Kukova Mogila (Filow 1934: 40, Abb. 47; 42, Nr. 3; Tonkova 1998: 751, 754, fig. 4b; 2002a: 279, fig. II: 1; 2002b: 495, fig. 1: 7; 496; 2003: 220, pl. III: 4; 2015: 215, fig. 15.1; Tonkova, Penkova 2009: 202, fig. 2), of the first half to the middle of the 5th century BCE (on the dating of the Kukova Mogila, see Treister 2012b: 36), and from the somewhat later Arabadzhijska Mogila, dating to the third quarter of the 5th century BCE (Filov 1932—1933: 258, fig. 44; 260—261, no. 3—4; 1934: 130, Abb. 154; 132, Nr. 3; Kat. Köln 1979: 96, Nr. 172, col. pl. on p. 28; Cat. Montreal 1987: 152, no. 212; Cat. Venice 1989: 211, 222, no. 178/4; Tonkova 1998: 751, fig. 4a; 2002a: fig. II: *2*; 2002b: 495, fig. 1, 9; 498; 2003: 220, pl. III: 3, 5; 2015: 215; Cat. Brussels 2002: 126, 128, no. 191b; Kitov, Agre 2002: 303, 304, fig. 160; Kat. Bonn 2004: 160—161, Nr. 213в; Cat. Paris 2006: 125, no. 39; Kat. Basel 2007: 187, Nr. 127d; Cat. Bergen 2017: 146, no. 144).

The appearance as part of necklaces of not only plain or embossed beads, but also beads with filigree decoration or those formed by granulation, dates back no earlier than the late 5th / turn of the 5th—4th centuries BCE, and is characteristic already to the 4th century BCE (Silant'eva 1979: 54—55), although, judging by the find of such beads in the Kukova Mogila (Kat. Köln 1979: 92, Nr. 165; S. 94; Deppert-Lippitz 1985: 145, 147, Abb. 95), they appear no later than the first half of the 5th century BC. Alternating spherical beads, plain and with filigree decoration, form a necklace from the Seven Brothers burial mound no. 6 (Silant'eva 1979: 52, no. 11, pl. 2: 2; Anfimov 2011: 112—113; Goroncharovskiy 2014: 568). Spherical beads with filigree decoration are also represented by finds from the burial mounds of Nymphaion (Silant'eva 1959: 7, fig. 2: 3; 1979: 50, no. 2, pl. 1: 2). Beads, formed by three rows of granulation, and spherical beads decorated with 7—8 rows of granules, along with plain spherical and barrel-shaped beads formed a necklace from the stone tomb excavated by A.E. Lyutsenko in 1854 on the northern slope of Mount Mithridates (fig. 1: 3) (Williams, Ogden 1995: 156, no. 95; Kat. Bonn 1997: 141—142, Nr. 52; Kalashnik 2004: 85, fig. 52; 2014: 72—73). A similar combination of beads is also represented on a necklace from the necropolis of Sardis (Curtis 1925: 16—17, no. 25, pl. III: 1; Karagöz 2013: 155, Nr. 137, Abb. 298). Also worth noting the use of beads composed of three rows of grains in the necklaces from Ikiztepe (Özgen, Öztürk 1996: 187, no. 138; Meriçboyu 2001: 52; 2010: 159, fig. 2; Cat. Istanbul 2010: 540, no. 176). Beads of the type in question was found in the Persepolis treasury (Schmidt 1957: 76, pl. 43: 4) and in the burials of the early nomads of the foothills of Southern Urals (Treister 2012a: 150, no. A12.1.1.4.Б; color pl. II.18: *3*; pl. I. 109; fig. II.53: 6). Spherical beads decorated with 7—8 rows of granulation find parallels on the necklace from Sardis (Curtis 1925: 26—27, no. 52, pl. VI: *2*; Meriçboyu 2001: 90—91, res. 3).

Another variant of necklaces was formed by alternating beads and beads with soldered from below seed-shaped elements, represented by the finds from the burials nos. 47 and 69 of the Artyushchenko-2 necropolis. A ball of grain was soldered to the tip of each pendant, the soldering place is framed with beaded wire. Similar wire is used to frame the place where the pendant is attached to the bead (fig. 1: 2, 4) (Kashaev 2010: 138, fig. 1: 2, 4*;* 139, fig. 2: 2, 4; 2019: 249, 251, fig. 12: 2, 5). A necklace from the

Seven Brothers burial mound no. 2 has a similar structure: the beads and pendants of are decorated with embossed pattern in the form of cross-hatching (fig. 1: 6) (CR St. Petersburg 1876, 1879: 120, no. 11, pl. IV: 7; Artamonow 1970: 26, Abb. 41; Williams, Ogden 1995: 129, no. 71; Kat. Bonn 1997: 83, Nr. 7; Cat. Los Angeles 2007: 216—217, no. 116; Vlasova 2010: 205, fig. 14; Kalashnik 2014: 55). A similarly decorated bead comes from the burial no. 83 of the Artyushchenko-2 necropolis (fig. 1: 5) (Kashaev 2019: 249, 251, fig. 12: 3: erroneously, as from the burial no. 66), which is dated by the red-figure lekythos of the *ca*. 400 BCE (Kashaev 2019: 245, 246, fig. 8: 7), and a pendant, fixedly attached to a bead, originating from the Crimea, is kept in the Antikenmuseum of Berlin (Greifenhagen 1970: 40, Taf. 16: 15). It is clear that in their structure necklaces of this type are comparable to those from the cremation A in Gordion, dated to *ca*. 530—525 BCE (Kohler, Dusinberre 2023: 179, TumA 22, 23, pls. 592—593), and from the necropolis of Eretria on Euboea, which are dated to the first quarter of the 5th century BCE (Kuruniotis 1913: 306—312, Taf. XV; Higgins 1980: 129, pl. 26; Deppert-Lippitz 1985: 120—121, Abb. 68 (with the dating to the late 6th century BC); Despini 1996: 134—125, figs. 119—120; 243; Cat. Thessaloniki 1997: 100—101, no. 88) and the necklace from the necropolis of Kurion, which belongs to the second half of the 5th century BCE (Williams, Ogden 1994: 245, no. 179; 1995: 245, no. 179).

A single variant is represented by a bead with a seed-shaped pendant from burial no. 20 of the Artyushchenko-2 necropolis, which was attached to a chain of three rings, the upper one of which was soldered to the bead (fig. 2: 2) (Kashaev 2009: 209, fig. 34: 2; 2010: 138, fig. 1: 1; 139, fig. 2: 1; 2019: 249, 251, fig. 12: 1). In a similar manner, a seed, decorated with vertical ridges, is attached with a ring soldered to a round plain bead, coming from a raw brick tomb near the village of Utash (fig. 2: 1) (Alekseeva 1991: 32, pl. 56, 4; Novichikhin, Galut 2013: 24: above left), which is dated to ca. 410—400 BCE (Goroncharovskiy 2014: 576) or to the turn of the 5th and 4th centuries BCE (Alekseeva 1991: 34). A pendant similar to the one from Utash with the ring on which it was attached, originating from Crimea, is kept in Berlin (Greifenhagen 1970: 40, Taf. 16: 14). From the excavations of V.V. Shkorpil of the necropolis between the capes of Tuzla and Panagia on the Taman Peninsula in 1911 (grave no. 184 with finds of a transport amphora and black-glazed vessels) comes a gold necklace consisting of fourteen spherical beads with beaded wire around the holes and with seed-shaped pendants, decorated with vertical ridges, suspended on rings (10 pendants have survived) (fig. 2: 4) (Shkorpil 1914: 58—59, fig. 20; CR St. Petersburg for 1911, 1914: 39—40, fig. 70).

A similar system of fastening and the pendant of a form similar to that of the Utash pendant decorates three necklaces of the 5th century BCE from the Nymphaion necropolis and one from the necropolis of Pantikapaion (the pendants of this necklace are practically identical to that from Utash), consisting of hollow box-links, double tubes or rosettes strung on two threads. These facts prove the inconsistency of the assertion that pendants on rings (chains) appeared only in the 4th century BCE (Kalashnik 2014: 102).

One of them is a necklace of the third quarter of the 5th century BCE from the burial no. 8 of the burial mound no. 17/1876, consisting of ten hollow box-links, embossed in a matrix, with the terminals in the form of embossed palmettes. The figural elements of the necklace at the top and bottom are outlined by spectacle-shaped spirals with curls made of beaded wire. In the center of each box there is soldered an eight-petal rosette with petals made of plain wire with alternating filling of blue and green enamel (fig. 2: 5) (Silant'eva 1959: 72—74, fig. 38: 1; Artamonow 1970: Taf. 90; Williams, Ogden 1994: 133, no. 76; 1995: 133, no. 76; Kat. Bonn 1997: 132—133, Nr. 43; Cat. Los Angeles 2007: 230—231, no. 131; Kalashnik 2014: 66—67).

The second one comes from the tomb no. 3/1868 and consists of 25 rectangular elements, representing double beaded tubes. Eight of them are larger and are decorated with six-petal rosettes with a grain in the center soldered on. The pendants, similar in shape and decoration to the pendants of the necklace from the necropolis between the capes of Tuzla and Panagia, are suspending one or two at a time to soldered rings with intermediate rings (fig. 2: 3) (Gardner 1884: 67, 71—72, pl. 67: 9; Vickers 1979: 41, pl. 10: a; 2002: 34—35, pl. 11; Higgins 1980: 129, pl. 27A; Deppert-Lippitz 1985: 143, Abb. 92: with the dating to the mid-5th century BCE; Despini 1996: 150, fig. 136; 246: late

5th — early 4th centuries BCE). Similar double tubes, but without pendants, were used as elements of necklaces from the necropolis of Amatus (British Museum: Marshall 1911: 215—216, no. 1957, pl. XXXVI; Laffineur 1986: 70, no. 421, fig. 78; Williams, Ogden 1994: 233, no. 166; 1995: 233, no. 166: with the dating to the last quarter of the 5th century BC; Nicosia: Pieridis 1971: 28, pl. XVI: 2; Laffineur 1986: 50, no. 258, fig. 61) and Kurion (Williams, Ogden 1994: 243, no. 178; 1995: 243, no. 178: with the dating to the second half of the 5th century BCE). A similar design of the necklace elements in the form of double tubes, but plain ones, decorated on the front side with soldered cells forming a rosette, with enamel inlays and with firmly fixed plain seed pendants is represented on a necklace from the 1867 excavations of A.E. Lyutsenko in the necropolis of Pantikapaion, which is dated, for reasons unclear to me, to the second half of the 4th century BCE (Kalashnik 2014: 102—103).

The necklaces from the burials of the late 5th to the turn of the 5th—4th centuries BCE from the tomb no. 4/1868 of the Nymphaion necropolis (fig. 3: 1) (Gardner 1884: 66, 70, pl. 47: 4; Vickers 1979: 41—42, pl. 11: a—b; 2002: 36, 37, pl. 12; Higgins 1980: 129, pl. 27b; Deppert-Lippitz 1985: 144—145, Abb. 93; Cat. London 2017: 288—289, no. 198) and the stone cist, excavated by A.E. Lyutsenko in 1854 on the northern slope of Mount Mithridates (fig. 3: 2) (Miller 1979: 11, pl. 5: c; Williams, Ogden 1994: 152—153, no. 94; 1995: 152—153, no. 94; Kalashnik 2004: 86, fig. 16; 2014: 78—79; Cat. Los Angeles 2007: 150—151, no. 57) are formed by double rosettes with acorns (Nymphaion) or seeds (Pantikapaion) on rings, which alternate with double lotus flowers, in the first case with small plain seeds, in the second — with pendants in the form of masks of Achelous. The necklace from Pantikapaion shows the terminals, decorated with filigree palmettes.

It is worth noting that acorn-shaped pendants find parallels primarily among jewellery from Phrygia (Gordion, cremation A, dated to *ca.* 530—525 BCE (Young 1951: 17, pl. VIII: 3; Kohler, Dusinberre 2023: 167—169, 175—176, TumA 11, pls. 571—574), Lycia (Bayandir-Köyiçi, tumulus B4, dated to 530—510 BCE (Özgen, Öztürk 1996: 27, 155; Yener 2022: 453, res. 15: 3; 454—455, no. 2; Çağıltemeller, tumulus G with the dating to the last quarter of the 6th — first half of the 5th centuries BCE: Yener 2022: 445—447, no. 2, res. 12: 3) and Lydia (Toptepe: Özgen, Öztürk 1996: 155, no. 108; Meriçboyu 2001: 104; 2010: 167—168, fig. 11; Baughan 2010: 286, fig. 12; Cat. Istanbul 2010: 538—539, no. 175), but also decorate the above-mentioned necklaces of the first quarter of the 5th century BCE (?) from Eretria (Kuruniotis 1913: 306—312, Taf. XV; Higgins 1980: 129, pl. 26; Deppert-Lippitz 1985: 120—121, Abb. 68: with the dating to the late 6th century BC); Despini 1996: 134—125, figs. 119—120; 243; Cat. Thessaloniki 1997: 100—101, no. 88), the necklace from Marion on Cyprus (Gjerstad et al. 1935: pl. 5: 3c) and the one from the burial no. 83 of the burial mound on Temir-Gora near Kerch, which is dated to the late 5th or to the turn of the 5th and 4th centuries BCE (Yakovenko 1977: 142, fig. 2: 1; Miller 1979: 11, pl. 5: a; Vakhtina 2017: 400). A similar, but bronze pendant originates from Isthmia (Raubitschek 1998: 66—67, 69—70, no. 265, pl. 40). The stamps for embossing of such pendants come from Lydia (Özgen, Öztürk 1996: 223, nos. 201—202; Treister 2001: 62, figs. 12—13). In all the cases mentioned above, however, the acorn-shaped elements are firmly attached to the beads, rather than suspended from rings — a distinction which has already been noted in connection with the analysis of similarly fixed pendants, presumably from Asia Minor, acquired by the Brooklyn Museum (Davidson, Oliver 1984: 12—13, no. 3).

A necklace formed only by beads in the form of hollow rams' heads comes from the tomb no. 2/1868 in Nymphaion, dated to the late 5th century BC. The beads are soldered from two embossed halves. Triangles of granulation are soldered onto the foreheads of the rams. The eyes are formed by a grain framed with soldered plain wire (fig. 2: 6) (Gardner 1884: 65, 72, pl. 47: 12; Vickers 1979: 38, pl. 6: a; 2002: 26, 27, pl. 7). The beads in the shape of rams' heads, soldered from two embossed halves, but without additional decoration, alternating with elongated biconical beads with longitudinal ridges, are elements of a necklace from the burial no. 11/1969 in Vani, dated to the mid-5th century BCE (Chqonia 1981: 104—105, no. 19; 144, pl. 13; Kacharava, Kvirkvelia 2008: 135, pl. 4).

Also comparable in function are the figural beads of the headdress designed for two threads in the form of riders on mules, originating from the burial no. 9/1961, also from Vani, dating to the third quarter of the 4th century BCE (Chqonia 1981: 112, no. 72; pl. 37: a—b; Chqonia 1996: 48—49, fig. 7;

Kacharava, Kvirkvelia 2008: 87, fig. 11; 167, pl. 29: a—b; Treister. 2008: 508 with complete bibliography, fig. 6: 6). The beads in the form of bird figures from the burial no. 6/1961 in Vani were strung on one thread (Chqonia 1981: 105, no. 22, pl. 15; Kacharava, Kvirkvelia 2008: 154—155, pl. 20: b—c; Treister 2008: 508 with complete bibliography, fig. 6: 3). A figurine of a lioness from the Kurdzhips burial mound belongs also to the single-row necklace (Galanina 1980: 26, pl. 1: below left; Treister 2008: 508—509, 519—520, no. 3 with complete bibliography, fig. 5: 3). The elements of the three-row necklaces were figurines of lions found in the Ulyap burial mound no. 4 (Cat. Moscow 1987: 90, no. 42, fig. 31; Leskov 1990: 191, Nr. 229, Abb. 162; Treister 2008: 508—509, 520—521, no. 5 with complete bibliography, fig. 5: 1), and those of winged horses from the Kurdzhips burial mound (Galanina 1980: 83—84, no. 17, pl. VII: below; Treister 2008: 508—509, 520, no. 4 with complete bibliography, fig. 5: 4; Anfimov 2011: 155: below right).

Pendants and amulets

In the burial of the Seven Brothers burial mound no. 4, seven amulets were found next to the buried warrior (fig. 4: 1) (Maksimova 1962: 228, no. 14; Goroncharovskiy 2014: 564). Publication level (only drawings from the album to the Report of the Imperial Archaeological Commission are available) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 27, pl. II: 11—15) allows us to discuss only a part of them, first of all, the amulet in the form of a tusk in a frame (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 27, pl. II: 13; Treister 2012b: 38; Goroncharovskiy 2014: 564).

The sheet frame of the fang has a rounded suspension-ring, which is decorated along the butt end with a row of soldered grains. The upper part of the frame is decorated with a filigree rosette, below there are two friezes separated by filigree bands. The upper one is decorated with two rows of triangles of granulation facing each other, the lower one — with horizontally located S-shaped spirals. Along the lower edge of the frame there is a row of triangular protrusions decorated with soldered granulation (fig. 4: 1.13).

The closest parallel is a tusk pendant in a gold frame from the burial mound no. 2/1911 near the village of Pokrovka in the Southern Urals (Treister 2012a: 153—155, no. A10.1.2, pl. 112), found in the same complex with other pendants in gold frames (Treister 2012a: 153—155, no. A10.1.1—3, pls. 110—112). The frame of the Pokrovka pendant is decorated with friezes with opposing triangles of granulation.

The upper parts of the pendants — gold frames (including those with preserved inlays) from Sardis (Curtis 1925: 21—22, nos. 35—37, 40, pl. III: 4—7; Rehm 1992: 113, 130—131, Nr. E16—20; Meriçboyu 2001: 94, res. 1; Karagöz 2013: 152, Nr. 131, Abb. 289) and an element of a necklace from the Ikiztepe burial mounds in Eastern Lydia (Özgen, Öztürk 1996: 188, no. 139) — are also decorated along the lower edge with triangular protrusions with soldered granulation. The finds from Ikizetepe originate from the looting excavations of burial mounds (von Bothmer 1981; von Bothmer 1984; Özgen, Öztürk 1996), the burials in which most likely date to the late 6th — early 5th centuries BCE (Il 2009: 748—761; Mohr 2015: 101, 374—375, 377—378, FO 93.5).

The decoration of the butt end of the loop with a row of grains finds parallels on gold pendants from Sardis (here with transverse rows of fine grain between large granules: Curtis 1925: 21—22, nos. 35—37, 40, pl. III: 4—7; Rehm 1992: 113, 130—131, Nr. E E17, 19; Meriçboyu 2001: 94, res. 1; Karagöz 2013: 152, Nr. 130—131, Abb. 288—289; and on a pendant with a cylindric seal made of onyx: Curtis 1925: 21—22, no. 104, pl. X: 1; Dusinberre 2003: 268, fig. 80; 2010: 181, fig. 2; Cat. Istanbul 2010: 502, no. 128; Karagöz 2013. 122—123, Nr. 76, Abb. 183) and from the Ikiztepe burial mounds (Özgen, Öztürk 1996: 188, no. 139; 190, nos. 144—145).

The motif of triangles of granulation adjacent to a row of granules was widely used in jewellery art (see in detail: Treister 2012a: 143). Opposite rows of triangles of granulation decorate the gold bead frames from a Scythian burial of the 5th century BCE in the burial mound no. 1/1876 near the village of Yablonovka (Onayko 1966: 64, no. 234, pl. XXIII: 5; Cat. Moscow 2002: 100, no. 452), the gold frames of the bead from the burial no. 1 in Filippovka in the Southern Urals (Treister 2012a: 151—153, no. A13.1.3.3; цв. pl. I.35; II.21: 6; fig. II.63: 4) and a gold frame of a trapezoid pendant made of blue

paste, the central element of a necklace from the already mentioned burial mound near the village of Yablonovka (Cat. Moscow 2002: 100, no. 451).

Another amulet from the Seven Brothers burial mound no. 4 in the form of a raw carnelian is suspended from a loop of gold wire, the ends of which are tied in spiral turns (fig. 4: 1.14) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 28, pl. II: 14; Cat. St. Petersburg 2024, vol. 1, 339, no. 150). Similar amulets with similar loops and pendants made of agate and argillite come from the Ikiztepe burial mounds (Özgen, Öztürk 1996: 138—139, nos. 93—94; Meriçboyu 2001: 60—61, res. 1—2; 2010: 160, fig. 3; Cat. Istanbul 2010: 541, no. 178). Similar loops were used for suspension of the pyramidal seal from Ikiztepe (Özgen, Öztürk 1996: 140, no. 95; Meriçboyu 2001: 60—61, res. 3; 2010: 161, fig. 4; Cat. Istanbul 2010: 541, no. 177) and a gold bell-shaped pendant from Yozgat in Asia Minor (Bingöl 1999: 118, no. 119 with the dating to the 4th century BCE).

Similarly designed loops occur on the gold nugget-pendants from Ikiztepe (Özgen, Öztürk 1996: 137, no. 92; Meriçboyu 2001: 58—59, res. 2; Özgen 2010: 324, fig. 32), Artemis sanctuary at Brauron in Attica (Pologiorgi 2019: 20—21, figs. 1—2 with the dating to the 5th century BCE) and the Northern tomb of the Oguz burial mound in the Lower Dnieper basin (Boltrik, Fialko 1991: 128, Taf. 14; 2024: 221—222, fig. 146; 388—389, no. 208; Fialko 1994: 121, 123, fig. 1; Cat. Rimini 1995: 89, no. 69), as well as the pendants in the form of spherical carnelian beads from the late 4th century BCE burial in the Kurdzhips (Maksimova 1962: 227, no. 6—9; Galanina 1980: 87—88, no. 28, pl. V), Ak-Burun (CR St. Petersburg for 1876. 1879: 6, no. 8, pl. II: *9*; Maksimova 1962: 227, no. 3—4; Butyagin, Vinogradov 2014: 85, nos. 39—40 with bibliography) and Zelenskoy burial mounds (Maksimova 1962: 226—227, nos. 1—2), and also from Kerch (Greifenhagen 1970: 40, Taf. 17: 4).

A comparable silver loop is attached to the amber pendant in the form of astragalus from the cremation S-D on the island of Thasos dated to the first half — the middle of the 4th century BCE (Sgourou, Agelarakis 2001: 344—345, figs. 29, 31; 354, no. 55a). Finally, also a miniature round-bottomed gold vessel from the first quarter of the 5th century BCE from the Acanthos necropolis is equipped with a similar silver loop (Kaltsas 1998: 139, no. 2 (burial no. 1653), 280, αρ. 1208; πίν. 156; Cat. Thessaloniki 2007: 195, no. 11), the vessel itself reminiscent of another pendant in the shape of a vessel from the Seven Brothers burial mound no. 4 (fig. 4: 1.12) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 27, pl. II: 12), the closest parallel to which, made of gold, comes from the burial no. 29/1913 of the Olbian necropolis, dating to the second quarter of the 5th century BCE (Pharmakowsky 1914: 242, Nr. 6; 245, Abb. 62—63; CR St. Petersburg for 1913—1915. 1918: 40, figs. 53—54; Skrzhinskaya 1986: 114, fig. 2: 4; 122; 1987: 178, 179, fig. 56: 11; Skudnova 1988: 132, no. 207.6).

Also an amulet in the form of an insect larva or cicada from the Seven Brothers burial mound no. 4 (fig. 4: 1.15) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 28—29, pl. II: 15) attracts attention. An amulet in the form of a fly or cicada, decorated with compositions of rhombuses and triangles of granulation, comes from the excavations of Artemision in Ephesos (Meriçboyu 2001: 58, res. 1). The brooch in the shape of a cicada with embossed decoration on the folded wings also comes from there (Hogarth 1908: 98, pl. IV: 33; Meriçboyu 2001: 64, res. 3). A silver pendant in the shape of a cicada was found in a hoard in the palace at Vouni in Cyprus (Gjerstad et al. 1937: 238, no. 292r, pls. LXXXIX: 14; XCII; collections.smvk.se: 1) and may be dated no later than 390—380 BCE (Zournatzi 2017: 159—178). Comparable silver pendants were acquired by the Louvre (Coche de la Ferté 1956: 48—49, 58—59, pl. XV: 4—5; Higgins 1980: 129, pl. 24f). A gold figure of cicada decorates a silver finger ring from the late 6th century BCE burial of Polis necropolis on Cyprus (Marshall 1907: 163, no. 1014, pl. XXVI; Cat. Princeton 2012: 158—159, no. 53). Cicada in profile is shown over the head of the youth on an oval bezel of a gold finger ring from Nymphaion, which, given its form may be dated perhaps rather to the 4th than to the 5th century BCE (fig. 9: 2) (Gardner 1884: 66, 71, pl. 47: 7; Boardman, Vollenweider 1978: 31, no. 135; Vickers 1979: 46, pl. 16: d—e; 2002: 48—49, pl. 18: below right; Boardman 2001: 223, 299, pl. 730). Four gold appliqués in the shape of cicadas, each with two loops on the rear, allegedly from Asia Minor, are kept in Brooklyn and dated to the 4th century BCE (Davidson, Olver 1984: 13—14, no. 4), whereas a bone amulet in the form of cicada comes from a child burial in the necropolis of Abdera, dating to

the late 4th — early 3rd century BCE (Kallintzi 2007: εικ. 19; Kallintzi, Chatziprokopiou 2024: 206—208, figs. 2—3). A rectangular plate with two loops on the rear and a relief image of a larva on the front side was found in Kukova Mogila (Filow 1934, 42—43, Nr. 4, Abb. 49: 3; Tonkova, Penkova 2009: 202—203, fig. 3). An embossed plaque depicting a cicada or bee, originally from the Crimea, is kept in Berlin (Greifenhagen 1970: 39, Taf. 16: *3*). The structure of the insect and the elaboration of one of its parts with parallel ridges is extremely close to the design of the pendant from Seven Brothers burial mound no. 4.

Gold pendants in the form of lion heads of the 5th century BCE from the necropoleis of the Taman Peninsula (fig. 4: 2—4) and Pantikapaion belong to the most common type of gold pendants in the shape of animal heads, which are also represented by items in the form of bull and ram heads. They were widespread from Southern Italy and Sicily in the West, to Rhodes, Euboea, Macedonia, Thasos and Thrace, to Olbia and the Bosporan kingdom, as well as the Kuban region, in the East (Treister, Sudarev 2024: 194—223; 2025a: 1—41). In the North Pontic region, the earliest sample in the form of a lion's head is a find from grave no. 10/1913 of the necropolis of Olbia, which may date back to the second, or rather the third quarter of the 5th century BCE (CR St. Petersburg for 1913—1915: 41, fig. 51: in the centre; Pharmakowsky 1914: 241—242, Nr. 2, Abb. 60: in the centre; Skrzhinskaya 1986: 114, fig. 2: 11; 118, 120, fig. 4: 9; 122; 1987: 175, 178, рис. 56: 10; 179; Skudnova 1988: 128, no. 199.2; Kryzhitskiy et al. 1999: 496, fig. 148). The pendants from the contexts of the Taman Peninsula can be dated to the last quarter of the same century and even to the turn of the 5th—4th centuries BCE. It is obvious that all pendants are to some extent individual and stylistic features do not allow us to speak of one or another center of their manufacture. Rather, this can be evidenced by their findplaces, which show a fairly distinct concentration of pendants in Southern Italy, primarily in Tarentum, and in the North Pontic region, in Olbia, and especially in the Bosporan Kingdom (Treister, Sudarev 2024: 194—223; 2025a: 1—41).

This list is supplemented with gold and silver plaques with loops or tubes on the rear from the necropoleis of Volna-1 (a running winged goddess with a hare in one hand and a wreath in the other (fig. 4: 6): Sudarev, Mimokhod 2019: 436, fig. 667; a walking lion with its head turned back (fig. 4: 5): Mimokhod et al. 2017: 303, fig. 5; Novichikhin 2019: 63, fig. 79), a double sphinx (fig. 4: 7) (Mimokhod et al. 2018: 224, 226, fig. 10: 1) and Sindian Harbor (a sitting sphinx (fig. 4: 8): Sudarev 2010: 445, 448, fig. 24; 2023: 67—68, fig. 10: 1; Novichikhin, Galut 2013: 87: below).

The plaques from the Sindian Harbor and Volna-1 necropoleis are rectangular in shape loops or tubes on the rear most likely served to thread a cord. The absence of holes along the edges excludes the attribution of them as appliqués sewn onto fabric. The presence of a loop or a tube suggests another method of fastening (hanging) these plates, most likely on leather cords. This is indirectly confirmed by the location of the plaques in the burial. Thus, a plaque with an image of a sphinx from burial No. 5/2006 of the Sindian necropolis was found on the right side of the lower jaw of the buried woman (judging by the presence of a bronze mirror, a spindle whorl and beads in the burial, this was a female burial, dated by beads and a black-glazed salt cellar to *ca*. 450—420 BCE) (Sudarev 2023: 67—68, figs. 9—10).

Earrings and temple pendants

Rare types of jewellery of the period under consideration are earrings or temple pendants, represented by examples in the form of a boat and spiral.

In Ionia and Asia Minor, boat-, or crescent-shaped earrings were known as early as the 7th century BCE (Pülz 2009: 83—84). In other regions of Greece, they became widespread in the 6th century BCE. It is quite obvious that local variants of ornaments stand out, and their production in various regions of the ancient world, from Asia Minor to the Northern Black Sea region, is confirmed by the finds of stamps for their embossing in Eastern Lydia (Özgen, Öztürk 1996: 228—229, nos. 214—217; Treister 2001: 62, figs. 17—18) and a mold for casting of solid earrings of this type jewelry — in Olbia (Williams, Ogden 1995: 260, fig. 1). Probably, the items in the boat form, given their finds in burials,

could have been used mainly as earrings (Pantikapaion, grave No. 10/1911 on the Mithridates Mount — one pair on each side of the skull) and temple pendants (in the burial of a child in Troad, four copies were found on each side of the skull), but could also have been used in other ways, presumably even as fasteners for clothing (Williams, Ogden 1994: 134, no. 77; 1995: 134, no. 77), as it suggested for 8 pieces found in the male burial in Nymphaion, although they were also attributed as temple rings (fig. 5: 1) (Silant'eva 1959: 74; Petrenko 1978: 29).

In particular, for the finds from Asia Minor (Kizöldun, eight pieces from the child burial of the first quarter of the 5th century BCE: Sevinç, Rose 1999: 500—501, no. 15, figs. 19—21; Meriçboyu 2001: 101, res. 3; Rose 2014: 106, 108, fig. 4.6; 111, 112 (on the date of the burial). — Meriçboyu 2001: 103, res. 2. — Sardis: Curtis 1925: 29—30, nos. 61, 65—66, pls. VI: 7; VII: 3—4; Meriçboyu 2001: 114, res. 1; Karagöz 2013: 55, 148—149, Nr. 120—121, Abb. 277—278. — Gödiz: Bingöl 1999: 59. no. 24; Meriçboyu 2001: 114, res. 2), Syria (De Ridder 1911: 122, nos. 682, 684, pl. II; Coche de la Ferté 1956: pl. 2: 3) and Cyprus (Pierides 1971: 31, pl. XX: 5—6; Deppert-Lippitz 1985: 148—149, Abb. 96; Kaba 2016: 227, note 14 with the bibliography; tomb no. 4b in Soloi — three pairs, including two — of larger dimensions: Kaba 2016: 227, fig. 4; 2020: 217 — with the dating of the burial to the early 4th century BCE: Kaba 2020: 219) typical is the decoration of the end and sometimes the front part of the boats with soldered triangles and rhombuses of granulation, as well as S-shaped spirals. A pair of such earrings from a private collection, exhibited in Kassel, comes allegedly from Asia Minor (Naumann 1980: 31, Nr. 38, Taf. 10). In the Cimmerian Bosporus we know of only one pair of such earrings, found in the stone tomb no. 10, excavated in 1911 on the Mithridates Mount (along with two black-glazed alabastra, "decorated with black lines on a red background") (fig. 5: 2) (Pharmakowsky 1912: 342, 346, Abb. 32; Shkorpil 1914: 5, fig. 1). Another earring of this type, in the collection of P. Canellopoulos in Athens, presumably comes from the Peloponnese (Laffineur 1980: 376—377, no. 51, fig. 50).

Moreover, earrings from the Troad, from Sardis (?) (Meriçboyu 2001: 103, res. 2) and the Canellopoulos collection have a vertical rib in the center of the boat, which brings them closer to the stamps for embossing such earrings from the Ikiztepe burial mounds (Özgen, Öztürk 1996: 228—229, nos. 214—217; Treister 2001: 62, figs. 17—18). It should be noted that two pairs of gold earrings with vertical ribs, but without decoration, come from the same burial mounds (Özgen, Öztürk 1996: 164, nos. 113—114; Meriçboyu 2010: 167, fig. 10; Cat. Istanbul 2010: 543, no. 181), and another one — from the early 5th century BCE tomb at Gökciler in Northern Lydia (Cat. Istanbul 2010: 548—551). Three pairs of such earrings from a private collection exhibited in Kassel (Naumann 1980: 31, Nr. 35—37, Taf. 9—10) are also reported to have come from Asia Minor. Two pairs of similar earrings were in the collection of N. Schimmel (Kat. Berlin 1978: Nr. 94). It is assumed that the boat earrings with vertical ribs are characteristic of Lydia and Northern Lycia (Özgen, Öztürk 1996: 164).

While the boat-shaped decorations from Scythian burial mounds have attracted serious attention from researchers (Petrenko 1978: 29—30, type 9, pl. 19; Bessonova 2007: 4—10), the picture is completely different with similar finds from the necropoleis of the Greek ancient centers. In general, boat-shaped pendants in the Northern Black Sea region are represented by various types (Hadaczek 1903: 21—24, figs. 39—43; Gorskaja 2019: 78—88, figs. 10—1), some of which have plain crescents and decorated with pyramids of granulation at the ends (see below), while others are embellished either with filigree decoration in the form of braids and spirals with rosettes at the ends (Gorskaja 2019: 84, 85, fig. 15), or have friezes of decoration made of granulation, less often filigree, with rosettes (Saverkina 1998: 73, fig. 9: 1; Gorskaja 2019: 85—87, fig. 16), with cones formed by wound wire at the ends (Pharmakowsky 1912: 333—334, Abb. 18; CR St. Petersburg for 1911. 1914: 40, fig. 74; Saverkina 1998: 73, fig. 9: 2; Gorskaja 2019: 80—82, fig. 11) or with cones and figures of ducks at the ends (Ganina 1974: ill. 32; Petrenko 1978: 30, pl. 19: 9; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 17—19; 12—13) or with one end decorated with a griffin's head and the other — with a rosette (Petrenko 1978: 30, pl. 19: 10—11; Алексеев 2012: 124—125). Relatively late, dating to the 4th century BCE, earrings with duck figurines at the ends could be additionally decorated with pendants on chains (Ganina 1974: ill. 9; Petrenko 1978: 30, variants 6—7, pl. 19: 9, 12—13; Galanina, Grach 1986: figs. 247—248; Kat. Schleswig 1991: 315,

Nr. 109; Kat. Wien 1993: 174—175, Nr. 48; Cat. San Antonio 1999: 266, no. 129; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 19; Klochko 2010: 60—67, figs. 3—7).

Finds of pendants made of gold and silver without additional decoration (Petrenko 1978: 29, variant 2) (up to 9 in one burial) come from the complexes of the late 6th century BCE of the Olbian necropolis (CR St. Petersburg for 1913—1915. 1918: 40, fig. 50; Skrzhinskaya 1986: 113—116, figs. 1—2; 1987: 177, 178, fig. 56: 58; Skudnova 1988: 22—23, see the photo on p. 50, no. 50.1). An analogous earring was acquired by the Hermitage from the private collection in Odessa (Gorskaja 2019: 83, fig. 14). In the Bosporus, similar earrings are represented by 8 (!) pieces with pyramids of granulation on one end and a horizontal row of granules between two plain wires on the other from the second quarter of the 5th century BCE burials: no. 8 of the burial mound no. 17/1876 of the Nymphaion necropolis (fig. 5: 1) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 237, no. 21, pl. III: 33; Hadaczek 1903: 22, 23, fig. 41; Silant'eva 1959: 74, fig. 38: 2; Artamonow 1970: Taf. 98; Petrenko 1978: 29, pl. 19: 5; Williams, Ogden 1994: 134, no. 77; 1995: 134, no. 77; Kat. Bonn 1997: 132, Nr. 44; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 5; 8) and no. 539 of the Volna-1 necropolis (fig. 5: 3) (Mimokhod et al. 2018: 223, 225, fig. 10: 3). Despite their closeness, the earrings from the Volna-1 necropolis are distinguished by larger balls of granulation, and instead of the classic pyramid, like in the earrings from Nymphaion, at the other end of the earring there is a similar decoration in the form of a row of grains between two plain wires, topped with a large ball of granulation.

Pendants with ducks and griffin heads at the ends come mainly from the Scythian burial mounds — a rare exception is the discovery of a pair of earrings with a crescent decorated with rows of triangles of granulation with a griffin head at one end and a rosette at the other (variant 5, according to the classification of V.G. Petrenko) — in a tomb no. 1/1868 at Nymphaion (fig. 5: 6) (Gardner 1884: 67—68, pl. 46: 6; Hadaczek 1903: 22, 23, fig. 42; Petrenko 1978: pl. 19: 11; Vickers 1979: 35, pl. 3: a; 2002: 18—19, pl. 3; Deppert-Lippitz 1985: 148—149, Abb. 97; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 8; 8), which is dated by a red-figure lekythos (Vickers 1979: 36, pl. 4: a; 2002: 8, 20—21, pl. 4) to the late 5th century BC. The closest parallel to them comes from the burial mound no. 2 ("Pastak") of Dort-Oba necropolis in the Central Crimea (fig. 5: 7) (Artamonow 1970: 71, Abb. 135; Petrenko 1978: pl. 19: 10; Kat. Hamburg 1993: 86, Nr. 44; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 16; 9—10; Koltukhov, Senatorov 2015: 113, fig. 9; 2016: 169—170, fig. 18: 3), dating to the early 4th century BCE (Monakhov 1999: 210; Polin 2014: 306; Koltukhov, Senatorov 2015: 106, 111—112; 2016: 49, 51, 61). These earrings are significantly (2—2.5 times) larger than the above-mentioned boat earrings from Nymphaion and the Volna-1 necropoleis. One more pair comes from the burial no. 2 of the burial mound no. 6/1971 near the village of Balabanu in Moldova, here with the evident signs of wear (Niculiţă 2018: 64—65, no. 20 with complete bibliography).

Much less common are earrings with embossed decoration in the form of ridges designed as rays, like an earring, a chance find from near the village of Glinishche in the Poltava region, which alone belongs to variant 1 according to the classification of V.G. Petrenko (Petrenko 1978: 29, pl. 19: 1; Cat. Moscow 2002: 94, 100, no. 448; Bessonova 2007: 4—5, fig. 2: 1). Two earrings with similar decoration are kept in the Hermitage: one with three missing pendants was acquired in Taman (Pharmakowsky 1912: 333—334, Abb. 17; CR St. Petersburg for 1911. 1914: 40, fig. 73; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 7; 8[1]; Gorskaja 2019: 80—82, fig. 12), the second originally comes from a private collection in Odessa (Gorskaja 2019: 82—83, fig. 13). Also from Taman comes allegedly an earring, which found its way to Berlin via the collection of A. Merle de Massoneau (Greifenhagen 1970: 43, Taf. 20: 5). Another earring, presumably from Olbia, came to the collection of B.I. and V.I. Khanenko (Khanenko, Khanenko 1907: 17, no. 599, pl. VIII; Skrzhinskaya 1986: 113, fig. 1: 5; 115; 1987: 177, 178, fig. 56: 60; Bessonova 2007: 8; Velichko 2019: 69, fig. 1: 12; 73, no. 20). The relief ridges here are divided by transverse parallel grooves, forming radial rows of projections. The surface of the earring' crescent from a child's burial in the earthen tomb no. 26/1876 of the Nymphaion necropolis is designed in the form of plain ray-shaped ridges (fig. 5: 5) (Silant'eva 1959: 26, fig. 13: 2;

[1] S.S. Bessonova notes that the earring was found between the capes of Tuzla and Panagia, which is not entirely true — it was acquired by V.V. Shkorpil "from graves discovered on the Taman Peninsula by the looters' excavations" (CR St. Petersburg 1911. 1914: 40).

Skrzhinskaya 1986: 115; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 6; 8), the closest parallel to which is an earring, a chance find of 1947 in Olbia (Skrzhinskaya 1986: 114, fig. 2: 5; 115). Outside the North Pontic region, an earring from Ephesos, with a body of a slightly different shape, more in the form of a lunula, but with similar decoration, should be mentioned (Marshall 1911: 72, no. 942, pl. IX; Higgins 1980: 119, pl. 21: f), as well as an earring from the early 5th century BCE burial in Sardis with a similar decoration (Curtis 1925: 29—30, no. 64, pl. VII: 2; Meriçboyu 2001: 98, 99, res. 1; 2010: 167, fig. 9; Cat. Istanbul 2010: 496, no. 117; Karagöz 2013: 151, Nr. 126, Abb. 284). The pendants on chains embellished some of the boat earrings from Sardis (Curtis 1925: 29—30, nos. 61, 66, pls. VI: 7; VII: 4; Karagöz 2013: 55, 149, Nr. 121, Abb. 278).

A pair of gold earrings in the boat shape from the Seven Brothers burial mound no. 7 varies from all the others in that their surface is covered with friezes of incised pattern in the form of a zigzag and a series of angles (fig. 5: 4) (CR St. Petersburg for 1876. 1879: 152, pl. III: 41; Hadaczek 1903: 22, 23, fig. 40; Williams, Ogden 1994: 131, no. 75; 1995: 131, no. 75; Bessonova 2007: 8), which, as I have already mentioned, reminds the decoration of the seed-shaped pendants of the necklace from the Seven Brothers burial mound no. 2 (fig. 1: 6) (CR St. Petersburg for 1876. 1879: 120, no. 11, pl. IV: 7; Artamonow 1970: 26, Abb. 41; Williams, Ogden 1994: 129, no. 71; 1995: 129, no. 71; Kat. Bonn 1997: 83, Nr. 7; Cat. Los Angeles 2007: 216—217, no. 116; Vlasova 2010: 205, fig. 14; Kalashnik 2014: 55). Besides, the wire of the hoop is not round in cross-section, but faceted.

A special feature of the earrings from Nymphaion and the Volna-1 necropoleis is their decoration not only with beaded rings at the ends (like the earrings from Olbia), but also with granulated pyramids. There is every reason to date the finds from Nymphaion no later than the first half, or rather the first quarter of the 5th century BCE.

The fact that of all the known to us boat earrings, only the finds from the necropoleis of Nymphaion, Pantikapaion and Volna-1 are decorated with pyramids of granulation, an ornamental element characteristic of spiral pendants, which were especially common in the Bosporan Kingdom in the second half of the 5th — first half of the 4th century BCE (Silant'eva 1976: 123—137), probably is a proof of the possible local manufacture of the crescent-shaped earrings. The already expressed assumption that these gold and bronze gold-covered ornaments were most likely made in the Bosporus (Silant'eva 1976: 134) is confirmed by the analysis of silver and bronze pendants of this type from the necropoleis of the Taman Peninsula (fig. 6). There is reason to believe that the spiral ornaments from Lycia could have served as prototypes of such ornaments. The earliest examples of gold spiral ornaments with cuffs with transverse ridges in Olbia and the Bosporus are generally dated to the first half of the 5th century BCE. Ornaments with cuffs decorated with spiral decoration also appeared no later than the second quarter of the century. Obviously, they were extremely popular and were made not only in gold, but also in silver. As early as the 5th century BCE, a simplified, single-piece version of such pendants appeared, cast in molds like the one found in Nymphaion (Silant'eva 1976: 133, fig. 8; 134; Treister 1992: 75, fig. 5, 4; 79—80; Williams, Ogden 1995: 261, fig. 2; Kalashnik 2004: 35, fig. 10; 2014: 18: below left; Cat. Los Angeles 2007: 58, 59, fig. 73a;). Such pendants were cast not only in silver and bronze, but also in gold, and were widely distributed both in the Bosporus and among the barbarian population of the Eastern Crimea, Sindika and the Kuban region, until the beginning of the 3rd century BCE, when they went out of fashion (Treister, Sudarev 2025b: 436—463).

Unique for the North Pontic region is a pair of gold earrings from the tomb no. 2/1868 of the Nymphaion necropolis, dated by black-glazed vessels to the second half (last quarter) of the 5th century BCE (Vickers 1979: 39—41, figs. 4—8, pls. 7—9; 2002: 28—33, pls. 8—10). They are soldered from two halves with embossed decoration in the form of transverse ridges. The clasp is a crossbar on a hinge (Gardner 1884: 65, 72, pl. 46: 13; Vickers 1979: 38, pl. 6: d; 2002: 26—27, pl. 7; Williams, Ogden 1994: 134, commentary to no. 77; 1995: 134, commentary to no. 77). The closest parallel comes from the necropolis of Sardis (Curtis 1925: 31, no. 69, pl. VII: 8; Meriçboyu 2001: 94, res. 2; Karagöz 2013: 150, Nr. 125, Abb. 283).

Torcs

Massive torcs, all of the same type, made of rounded in a cross-section rod with a thickening in the middle and chopped off ends (Petrenko 1978: 44, section III, type I, pl. 30) were found in the high-status military burials of the Seven Brothers and Nymphaion tumuli of the middle—second half of the 5th century BC: Seven Brothers burial mound no. 2 (CR St. Petersburg for 1876. 1879: pl. IV: 6; Goroncharovskiy 2014: 556—557, fig. 8): Nymphaion, tomb no. 19 of the burial mound no. 24/1876 (Silant'eva 1959: 67, fig. 24: 1; Petrenko 1978: 44, pl. 30: 2; Cat. St. Petersburg 1999: 92, no. 225); Nymphaion, tomb no. 6/1868 of the late 5th century BCE (Vickers 1979: 44, pl. 15: a; 2002: 48—49, pl. 18; Cat. London 2017: 291, no. 202).

Bracelets

Bracelets of the 5th century BCE are represented by silver ones with hollow hoops and knobs on the ends from the burial no. 539 of the Volna-1 necropolis (fig. 7: 1). The closest parallel is a pair of silver bracelets with knobs on the ends from a child's burial in the earthen tomb no. 26/1876 of the Nymphaion necropolis (fig. 7: 2) (Silant'eva 1959: 26, fig. 13: 3). Two silver bracelets with knobs on the ends, dated by P.F. Silant'eva to the first half of the 5th century BCE (Silant'eva 1976: 125), have close parallels found in the earthen tomb no. 7/1911 covered with slabs on the Mithridates Mount, together with a gold spiral pendant (Shkorpil 1914: 4; Silant'eva 1959: 39; 1976: 124, fig. 2: в; 125). Similar in shape bracelets, but with solid hoops, originate from a burial of the third quarter of the 5th century BCE in the necropolis of Apollonia Pontica (Chacheva 2015: 5—6, fig. 4: B1; 2016: 144—145, fig. 6: 1). Two silver bracelets, one with a filigree decoration at the end, the other with a thickening and rounded protrusions at the ends, come from Seven Brothers burial mound no. 7, dating from the turn of the 5th to the 4th centuries BCE (Goroncharovskiy 2014: 570).

A pair of silver bracelets with missing terminals and hoops made of hollow tubes filled with silver-lead alloy come from the Ikiztepe burial mounds in Eastern Lydia (Özgen, Öztürk 1996: 149, no. 104) and similar bracelets were found in the burials of the Olbian necropolis, dated to the late 6th century BCE (Skudnova 1988: 100, no. 149.4; 154, 156, no. 236.6).

Lion heads were used in Greek jewellery in the 6th—4th centuries BCE to decorate various ornaments, but primarily the ends of the bracelets (Pfrommer 1990: 100—108, 335—340, TA 37—108; Deppert-Lippitz 1998: 92—93). This practice was particularly widespread in Asia Minor (Gordion: Young 1951: 17, pl. VIII: 1; Deppert-Lippitz 1985: 131—132, Abb. 82; Kohler, Dusinberre 2023: 171—173, TumA 1—3, pls. 551—552. — Ikiztepe: Özgen, Öztürk 1996: 180, no. 131. — Toptepe: Özgen, Öztürk 1996: 160—161, no. 111. — Sardis: Curtis 1925: 25—26, nos. 49—50, pl. IV, 7—8; Meriçboyu 2001: 108—109), but also in the north of the Balkan peninsula (Mesembria-Zoni: Iliopoulou 2015: 132, εικ. 227. — Abdera: Kallintzi 2007: 263, εικ. 11). It is possible that some of the bracelets with hollow silver hoops and missing terminals could have originally been decorated with lion heads at the ends, similar to the bracelets from the burial no. 83/1913 of the Olbian necropolis, dating to the late 6th century BCE (Skudnova 1988: 140, no. 221.6—7), from the Scythian burial near the village of Emchikha (Onayko 1960: 35: 1966: 64, no. 243, pl. XXII: 9; Petrenko 1978: 56 (erroneously as bronze with silver terminals), pl. 46, 3; Cat. Moscow 2002: 92, no. 384), from the tomb no. no. 3/1868 in Nymphaion (fig. 7: 4) (Gardner 1884: 66, 72, pl. 47: 10; Vickers 1979: 41, pl. 10: b; 2002: 34, 35, pl. 11; besides this pair of bracelets the burial yielded a necklace: Gardner 1884: 66, 71—72, pl. 47: 9; Vickers 1979: 41, pl. 10: a; 2002: 34, 35, pl. 11; Higgins 1980: 129, pl. 27: a; Deppert-Lippitz 1985: 143, 144, Abb. 92: with the dating to the mid-5th century BCE). A more luxurious and apparently later version, represent a pair of bracelets from the stone tomb excavated on the Mithridates Mount in 1854 (fig. 7: 3) (Deppert-Lippitz 1985: 158, Abb. 111; Williams, Ogden 1994: 156—157, no. 96; 1995: 156—157, no. 96; Kat. Bonn 1997: 142—143. Nr. 53; Cat. Los Angeles 2007: 148—149, no. 56; Kalashnik 2014: 80—81).

Of particular note is the bracelet in the form of a cord made of interwoven chains with the ends in the form of snake heads from the Seven Brothers burial mound no. 4 (fig. 7: 6) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 26, pl. II: 10; Artamonow 1970: Taf. 133; Kat. Bonn 1997: 92, Nr. 19; Kalashnik 2004: 54, fig. 28; 2014: 62—63; Anfimov 2011: 111; Cat. St. Petersburg 2024, vol. 1, 340, no. 151; Nebelsick 2024: 704, fig. 4: 5; 707, fig. 7: 5; Treister in print b). Although the only known parallel to the bracelet with a hoop made of a cord formed by chains comes from Eastern Lydia and dates to approximately the same time (Özgen, Öztürk 1996: 176—177, no. 129), the fact that snake-head-shaped terminals are completely unusual of jewellery from this region in the period under consideration, and, on the other hand, were common in the north of the Balkan Peninsula, in Macedonia (Misailidou-Despotidou 2011: 109—119; Del Socorro 2017: 76, fig. 21; Nebelsick 2024: 704 with bibliography, fig. 4), provides certain grounds for searching for prototypes of the bracelet from the Seven Brother burial mound no. 4 in this region. This is indirectly confirmed by the widespread use in Macedonia of cords made of chains with the ends in the form of clamps with snake heads, represented by the finds from the burials of the Sindos necropolis of the late 6th century BCE (Despini 2016: vol. III, 127—129, αρ. 203—209; 522—523, πίν. 25—26; 584—586. εικ. 222—227) and the bracelets with pair or two pairs of snake heads on each of the ends — in the necropolis of Trebenishte (Tonkova 2018: 80, 82, 84, fig. 16: c; Cat. Belgrade 2018: 300, nos. 153—156 (tomb IX); Cat. Belgrade 2018: 307, nos. 179—180 (tomb X)).

At the same time, the clasp of the bracelet from the Seven Brothers burial mound no. 4 in the form of two pairs of hooks with ends in the form of snake heads and rings is unusual — there are no parallels to it, and the technique of fixing the braided cords in the clamps reveals a similarity with how the terminals of the gold rhyta from the same burial were attached to the horns (Artamonow 1970: 33—34, Abb. 58—59; Galanina, Grach 1986: figs. 110—111; Kat. Hamburg 1993: 83. Nr. 42; Kat. Bonn 1997: 89—90. Nr. 17; Vlasova 2000: 55—56, no. 5—6; 2001: 20—27, fig. 2; 4: 2; 2010: 212, fig. 29—30; Cat. Los Angeles 2007: 219—220, no. 120; Manassero 2008: 111—112, nos. 15—16; 131, tav. XXXVI; Anfimov 2011: 104, 120—121; Kalashnik 2014: 56—61; Novichikhin 2019: 222, fig. 332; Cat. Moscow 2024: 39, no. 21). All this gives certain grounds to assume that the gold bracelet, unique in its form and design, found in the male burial of the Seven Brothers burial mound no. 4, could have been the work of a local jeweller, made under a certain influence of the motifs and techniques of jewelry that became widespread in the north of the Balkan Peninsula in the late Archaic period.

The bracelet from the male burial in the Kul-Oba burial mound is unique in its shape and decoration. It is a closed plate ring with ridges along the edges, decorated on the outside with soldered plates with relief images of the fight between Peleus and Thetis and Eos carrying the kidnapped Kephalos or Triton (fig. 7: 5) (Manzewitsch 1931: 106—116; Artamonow 1970: Taf. 206; Galanina, Grach 1986: fig. 180; Williams, Ogden 1994: 140, no. 82; 1995: 140, no. 82; Grach 1994: 139—141, figs. 4—6; Kat. Bonn 1997: 162, Nr. 68; Deppert-Lippitz 1998: 93—94; Treister 2000: 94—95; 2001: 150—152; Damyanov 2007: 243: with an erroneous indication of the location of the Kul-Oba burial mound on the Taman Peninsula, 245—248, fig. 6; Meyer 2013: 125, fig. 46; 322, K11c; Kalashnik 2014: 120—121; Treister, in press a: with complete bibliography). Despite the generally logical assumption of N. L. Grach that the three bracelets from Kul-Oba were made in one workshop in the Bosporus at the end of the 5th or beginning of the 4th century BCE (Grach 1994: 141), it does not necessarily correspond to reality. Here it is more likely that the craftsman of the bracelet from the male burial had a matrix or matrices with the indicated scenes, but the dimensions of the scenes in width did not correspond to the width of the bracelet that they were supposed to decorate, and the total length of 10 plates also did not correspond to the circumference of the bracelet. This led to the fact that the plates embossed in the matrix were cut to fit the size of the bracelet core, while the bracelet in its finished form could well have been the work of a jeweller from the 5th century BCE.

Finger rings

The finger rings made of precious metals, primarily gold and electrum, of the late 6th — 5th centuries BCE, found in the Cimmerian Bosporus, and represented by two groups: signet rings (figs. 8—9) and rings with decorative bezels (fig. 10), have already been examined in detail (Neverov 1986: 17—21; Treister 2023: 298—306).

Signet rings

This group is represented by rings of several types.

One of them has elongated oval bezels, pointed at the ends and a narrow hoop, called by J. Boardman stirrup / "staple-shaped", which is quite consistent with the outline (Boardman 2001: 156—157, fig. 198: M). Boardman unites these rings into the Penelope Group (Boardman 2001: 215, 296, 435, notes 461—476):

with an image of a sphinx from tomb no. 2/18678 in Nymphaion (fig. 8: 1—2) (Vickers 2002: 26—27, pl. 7; Despini 1996: 262, no. 203; Neverov 2000: 180—181, no. 2; Boardman 2001: 215, 296, pl. 657; Treister 2023: 299, fig. 1: 1—2); with an image of a flying Nike with taenia — from tomb no. 8 in the burial mound no. 17/1876 of the Nymphaion necropolis (fig. 8: 3—4) (Silant'eva 1959: 74, fig. 38: 3; Neverov 1986: 19, note 19; 2000: 179—181, no. 1, fig. 1; Boardman 2001: 215, 296, pl. 658; Kalashnik 2014: 64; Treister 2023: 299, fig. 1: 3—4). Let us point out a similar finger ring with a similar motif — a flying Nike with a wreath — from a burial of the second quarter of the 5th century BCE in the necropolis of Eretria (Kuruniotis 1913: 296, 299, Taf. XVI: 5—5a; Despini 1996: 200, 263, no. 204). Another finger ring of this type with an image of a flying Nike (with a wreath) presumably comes from the Crimea and was acquired by the Hermitage in 2001 (Arsent'eva, Gorskaya 2019: 45—46, no. 10).

The image of a flying Eros with a wreath and a band is presented on a similarly shaped bezel of a silver ring from Phanagoria (fig. 8, 5) (ABC 1854, vol. 1, 132 (as a gold one); vol. 3, pl. XVIII: 14; Furtwängler 1900: Bd. 1, Taf. 10: 10; Bd. 2: 50; Neverov 1986: 19, note 20; Boardman 2001: 215, 296, pl. 659; Treister 2020: 235—236; 2023: 299, fig. 1: 5). A similar motif adorns a finger ring from the Taman Peninsula. (T.1852.96: Neverov 1986: 19, note 20; Boardman 2001: 435, note 469). J. Boardman noted that finger rings with the image of a flying Eros with a wreath or a wreath and a lyre are characteristic of Cyprus, where three examples come from Marion (Boardman 1967: 25, 26, nos. N3—5, pl. 7; Boardman, Vollenweider 1978: 30, no. 130. pl. XXIII) and pointed out that this subject is characteristic of the late Archaic scarabs. Iconographically similar images of flying Nike (Kurtz 1975: pl. 61: 3; Wehgartner 1983: 46, Nr. 6; 122, Taf. 42: 6; CVA Berlin 8, 1991: 59, Taf. 41: 9; CVA München 15, 2010: 22—23, Taf. 6: 7—9; 24—25. Taf. 7: 6—8) and Eros (CVA München 15, 2010: 24. Taf. 7: 1—3) with taenia or a wreath are presented on white-ground lekythoi and alabastra dating from 470—460 BCE and on a red-figure lekythos dating from *ca.* 450 BCE.

The finger ring from the Taman Peninsula, which J. Boardman attributes to the Waterton Group, which he dates to the middle — third quarter of the 5th century BCE, represents Penelope (fig. 8, 9) (Neverov 1986: 19, note 17; Gauer 1990: 35, Nr. 22; LIMC VII, 1994: 292, Nr. 8b s.v. Penelope [Chr. Hausmann]; Boardman 2001: 216, 435, note 481; Treister 2023: 301, fig. 1: 9).

Unique is a gold finger ring found in 2018 in a mud-brick building (sanctuary no. 835) under the stone foundation of a temple in Phanagoria. Both the shape of the ring and the style of the image on its bezel leave no doubt about the dating of the ring to the late Archaic period, most likely around the turn of the 6th—5th centuries BCE. The image of a naked beardless youth in a diadem, with wreaths in his lowered hands, can rather be associated with motifs of a pederastic circle or associated with symposium, rather than sports (fig. 8: 6—8) (Treister 2020: 233—240, fig. 1; 2023: 301, fig. 1: 6—8).

A gold finger ring with the image of a flying heron from the necropolis of Pantikapaion (fig. 9: 4) (Neverov 1973: 58, fig. 2; 59; 1986: 20, note 25; Boardman 2001: 219, 297, pl. 677; Cat. Los Angeles 2007: 146, no. 52), belonging to the group of the so-called Classical Light Rings (Boardman 2001: 216,

219) is dated to the middle second half of the 5th century BCE (Boardman 2001: 219; Cat. Los Angeles 2007: 146) or to the first decades of the 4th century BCE (Neverov 1973: 58—59) and is attributed to the workshop of Dexamenos or its reproduction / imitation.

Profile portraits appear no later than the middle of the 5th century BCE, an example of which is the ring from Nymphaion (fig. 9: 5) (Gardner 1884: 66, 71, pl. 47: 6; Boardman, Vollenweider 1978: 30, no. 131, pl. XXIII; Boardman 2001: 216, 296, pl. 670; Vickers 1979: 46, pl. 17: b—c; 2002: 48—49 (with complete bibliography), pl. 18: below left). Probably, finger rings with images of female heads from Pantikapaion can also be attributed to the second half of the century (Neverov 1986: 19, note 22; 20, note 36; Boardman 2001: 220, 297, pl. 678; 436, notes 509, 511).

The Persian drawing his bow is depicted on the bezel of the gold ring bearing the signature of the craftsman (Athenades) (fig. 9: 1) (Maximova 1928: 670, fig. 25; Maksimova 1956: 193, fig. 3; Zazoff 1983: 151, Anm. 135; Neverov 1986: 19; 145, pl. I: 4; Boardman 2001: 220, 297, 316, pl. 681; Williams, Ogden 1994: 158, no. 97; 1995: 158, no. 97: Kat. Bonn 1997: 144, Nr. 55; Kalashnik 2004: 50, fig. 23; 51, 86; Cat. Los Angeles 2007: 148, no. 55; Kalashnik 2014: 76—77; Cat. St. Petersburg 2024: vol. 1, 494, no. 245), from a female burial in a stone tomb in the necropolis at Pantikapaion discovered by A.E. Lyutsenko on the northern slope of Mount Mithridates in 1854. Although certain finds from that burial are dated to the early decades of the 4th century BCE, the ring was dated to the middle of the 5th century BCE (Furtwängler 1900: 52, Taf. X: 27; Maximova 1928, 670), to the second half of the 5th century BCE[2] (O. Ya. Neverov (Kat. Bonn 1997: 144, Nr. 55); Cat. Los Angeles 2007: 148, No. 55) or given a narrower date range: 430s to the beginning of the 420s BCE (Maksimova 1956, 193) 9 or 420—400 BCE (Williams, Ogden 1994: 158; 1995: 158) or the end of the 5th century BCE. Despite these divergences, all the dates given for the Athenades ring fall within the second half of the 5th century BCE (Kalashnik 2004: 50, fig. 23; 51, 86; 2014: 76—77). The ring belongs to the Classical Heavy Rings, or type III, after J. Boardman (Boardman 2001: 220; Neverov 1986: 19). The point of view to the effect that the ring was made in Asia Minor, voiced as early as the 1920s by M. I. Maksimova, was subsequently supported by the other scholars (Maksimova 1956: 195; Neverov 1986: 19; Kalashnik 2014: 76).

J. Boardman ascribes to the same group gold finger rings from Kerch, with a youth kneeling over a tunny fish and a prawn (Boardman 2001: 220, 297, pl. 682), from Nymphaion, with a griffin attacking a horse (fig. 9: 6) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 261, pl. V: 12; Silant'eva 1959: 46, fig. 19: 3; Neverov 1973: 58, fig. 1; 59; 1986: 19, note 16; Boardman 2001: 220, 297, pl. 695; Cat. Los Angeles 2007: 235, no. 135) and from the Seven Brothers burial mound no. 6, with a panther attacking a stag (fig. 9: 3) (CR St. Petersburg for 1876. 1879: 149, pl. III: 34; Artamonow 1970: Taf. 132; Neverov 1986: 19, note 23; Boardman 2001: 220, 297, pl. 694; Anfimov 2011: 113: below; Goroncharovskiy 2014: 568), suggesting that some of these rings, with the motifs of animal combat, „were made by Greek goldsmiths on the shores of the Black Sea" (Boardman 2001: 220). At the same time, the ring from Nymphaion is often ascribed to the workshop of Dexamenos (Neverov 1973: 58; Cat. Los Angeles 2007: 235) — a point of view that the engraver from Chios could also work some time in the Cimmerian Bosporus or the local Bosporan engravers could imitate his style has been also expressed (Neverov 1973: 58; Neverov 2007: 62, 63).

In any case there are evident parallels with the scenes of the animal tornment on the items of the so-called Greco-Scythian metalwork. Thus the scene with a stag and panther may be compared with the motif on the upper plate of the gold conical object from Bratolyubov burial mound (Kat. Schleswig 1991: 304, Nr. 90; Schiltz 1994: 150—155, figs. 112—115; 364, fig. 273; Cat. San Antonio 1999: 276—281, no. 136; Cat. Trento 2007: 181, fig. 6; 343, no. 122; Kubyshev et al. 2009: 52, fig. 10a, 6; 59; foto 11) and on the gold overlay of the sword from Tolstaya Mogila (Chernenko 1975: 157—161; Mozolevs'kiy 1979: 68—73, no. 135, figs. 52—56; 178—179; Galanina, Grach 1986: fig. 150—151; Kat. Wien 1993: 96—99, Nr. 17; Schiltz 1994: 399, Abb. 330; Cat. San Antonio 1999: 252—254, no. 122; Kat. Bonn 2013: 424—425, Nr. XX.6). Two eagle-headed griffins are tearing apart a horse on a gold pectoral from Tolstaya Mogila, on

[2] In his article Neverov (Neverov 1986: 19) is inclined rather to date it to the third quarter of the 5th century BCE.

which three different scenes with this motif are represented, the closest one, with a similar image of a horse in the center (see, e.g., Galanina, Grach 1986: figs. 118—121; Schiltz 1994: 196—197, Abb. 145; 204—205, fig. 149; Cat. San Antonio 1999, 327, 329—330). One griffin is tormenting a horse on a gold scaraboid ring from a Scythian burial of the first half of the 4th century BCE in Denisova Mogila (Mozolevskiy 1980: 134, 136, figs. 69—70; Cat. San Antonio 1999: 218, no. 99; Kat. Mannheim 2009: 170, Nr. 45).

A gold ring from Kerch shows Nike sacrificing a stag (Boardman 2001: 223, 298, pl. 722 with bibliography), given the name for the finger rings of type VII, or the Nike Group (Boardman 2001: 223—224). Although most of the finger rings of the group, a lot of which found in the North Pontic area, belong already to the 4th century BCE, this one, being perhaps, the earliest, was executed in the 5th century BCE style (Boardman 2001: 223) and even dated to the second half of the 5th century BCE (Ерохова 1945: 101—118; Neverov 1986: 20, note 29).

Decorative rings

The so-called decorative rings (Boardman 2001: 232—234) deserve special attention. O.Ya. Neverov (1986: 22—23) devoted only one paragraph to them in his article. These rings have bezels of the same shape as the early type of signet rings discussed above, elongated oval bezels, pointed at the ends, but differ in the shape and manufacturing technique of the hoop and the bezel. A plate with a relief image was soldered onto the bezel. The beaded wire soldered along the edge of the bezel served, among other things, as an additional fixation of the plate to the base (Treister 2023: 301—305, fig. 2).

These include: a finger ring dating to the first half or middle of the 5th century BCE with a three-wire twisted hoop with a leaf-shaped bezel decorated with a soldered plate with a relief image of a seated figure of Penelope, from a stone tomb discovered in 1854 on Mount Mithridates (fig. 10: 1—3) (Furtwängler 1900: Bd. I, Taf. 10: 20; Jacobstahl 1931: 193, Nr. 7 (460—450 BCE); Neverov 1986: 22, 23, note 73; Gauer 1990: 35, Nr. 20; LIMC VII, 1994: 292, Nr. 8a s.v. Penelope [Chr. Hausmann]; Kat. Bonn 1997: 143, Nr. 54; Kalashnik 2004: 86; 2014: 74—75; Cat. Los Angeles 2007: 147, no. 54; Treister 2023: 301, 303, fig. 2: 1—3). The bezel is framed along the edge with beaded wire. Rings of beaded wire between two plain wires are soldered at the transition from the hoop to the bezel. The bezel of another finger ring from the middle of the 5th century BCE is decorated in a similar way, representing the figure of Penelope with a bow (fig. 10: 4) (ABC 1854, vol. 1: 130; vol. 3, pl. XVIII: 9; Neverov 1986: 22, 23, note 73; Gauer 1990: 35, Nr. 21; LIMC VII, 1994: 292, Nr. 8c s.v. Penelope [Chr. Hausmann]; Vinogradov 2020: 145, 150, fig. 1: 1; Treister 2023: 301, fig. 2: 4) from a female burial in a wooden sarcophagus in a stone cist, excavated by A.B. Ashik near the Pavlov battery in 1842 and dated to the late 5th (Boardman 1970b: 37) or the turn from the 5th to the 4th centuries BCE (Vinogradov 2020: 152). Here the hoop at the transition to the bezel is decorated with two lion heads. J. Boardman attributed the rings from the Pantikapaion necropolis to the type 1 of the Relief Rings category (Boardman 2001: 446).

We find comparable images of Penelope on Melian terracotta reliefs from about 470—450 BCE (Jacobstahl 1931: 165, 192; LIMC VII, 1994: 294, Nr. 33 s.v. Penelope [Chr. Hausmann]; Stulp 2006: 100—101, 200—205, Nr. 65—72, Taf. XXIX—XXXI), on the other finfer rings and their offprints and in vase-painting (Gauer 1990: 33—36. Hoelscher 2011: 46—49, Abb. 11—14).

It is also worth noting that the finger ring from the tomb excavated in 1854 is decorated on the inside with soldered filigree spirals (fig. 10: 2). This element and the design of the hoop itself, which is additionally decorated with lion heads at the transition to the bezel, allow us to compare it with the ring from tomb no. 9 of the burial mound no. 20/1876 of the Nymphaion necropolis (fig. 10: 5—6) (Silant'eva 1959: 42, fig. 19, 2а—б; Neverov 1986: 22, note 72, pl. II: 4; 2000: 180, fig. 5; 182, no. 9; Kalashnik 2014: 65 Treister 2023: 303, fig. 2: 5—6). The decoration of the front side of the bezel with a double filigree palmette, as L.F. Silant'eva (1959: 42) rightly noted, is comparable to the decoration of the finger ring from the burial CLV of the Ialyssos necropolis on Rhodes of the late 5th century BCE (Jacopi 1929: 158, fig. 151). The latter is similar to the finger

ring from the tomb of 1854 in the decoration of the butt end of the bezel with soldered S-shaped spirals. A ring of the same group, also from the North Pontic region, is kept in Berlin — here a double filigree palmette is soldered on both the outer and inner sides of the bezel. The hoop with ends in the form of lion heads is braided in the form of a pigtail from two wires (Greifenhagen 1970: 41, Taf. 17: 6—7; Higgins 1980: 132, no. 4; Despini 1996: 45, 205, 266, no. 214).

Another finger ring with a twisted hoop with ends in the form of lion heads with a bezel with a band of Ionian kymation along the butt end, decorated on the front and inner sides with a double filigree palmette, on top of which on the front a six-petal rosette is soldered in the center, is in the collection of S. Yedaev (fig. 10: 7—9) (Spier, Ogden 2015: 68—69, no. 24 Treister 2023: 303, fig. 2: 7—9). The bezel of the gold finger ring in Providence, framed with beaded wire, is decorated with a plate with a relief image of a flying Nike with a wreath (Hackens 1976: 54, no. 13). The ring from the collection of P. Cannelopoulos also belongs to this group — it features a twisted hoop, decorated at the transition to the bezel with lion heads. On the bezel there is soldered a plate with a relief image of Eros (?) in profile to the right (Laffineur 1980: 378—379, no. 54, figs. 53—54). The bezel of a finger ring with a plate with a relief image of a draped male figure from the excavations of the sanctuary of Athena Polias in Stymphalos in Arcadia, dated to the 4th century BCE, is decorated with beaded wire along the edge (Young 2006: 131, no. 6, fig. 3).

Twisted hoops, like those on the rings from the Cimmerian Bosporus, appear no later than the second quarter of the 5th century BCE — they occur on several finger rings from burials in the Eretria necropolis of this time (Kuruniotis 1913: 300—301. Taf. XVI: 6—10), while bezels of a similar shape on two rings are decorated with filigree double palmettes (in one case, with a rosette in the center), with grains soldered into the curls (petals) (Kuruniotis 1913: 305—306, Taf. XVI: 9—10), as well as on a silver finger ring from the Mesembria (Zoni) necropolis, the bezel of which is decorated with two S-shaped spirals with balls of granulation soldered into the curls and a row of granulated triangles along the edge (Vavritsa 1970: 74, πίν. 107δ).

Similar hoops are also found on the finger rings with the bezels in the shape of a Boeotian shield, most of which are decorated in the center with an embossed gorgoneion: from the Kavala region in Eastern Macedonia (Amandry 1953: 72—73, no. 214, pl. XXX; Cat. Thessaloniki 1978: 96, no. 399, pl. 54) and Thespiae in Boeotia (Coche de la Ferté 1956: 60, pl. 17: 2—3). One more finger ring of this type, but made of silver, comes from the excavations of a sanctuary on the island of Kythnos (Koukoulidou et al. 2017: 227, figs. 102—103). Three finger rings from Eretria with gorgoneion-shaped overlays on the bezels, dating to no later than the first half of the 5th century BCE, with similar hoops ending in snake heads (two of them with bezels in the form of a Boeotian shield), are distinguished by the fact that the free part of the bezel is decorated with soldered triangles of granulation (Kuruniotis 1913: 300—301, Taf. XVI: 6, 6a—b = Cat. Thessaloniki 1997: 99, no. 86. — Kuruniotis 1913: 300—301, 302—303, Taf. XVI: 8, 8a) or petals executed from beaded wire (Kuruniotis 1913: 302, Taf. XVI: 7, 7a).

Overall, of the fifteen finger rings with engraved bezels of the Penelope Group, twelve of which have known find locations, at least four definitely come from the territory of the Cimmerian Bosporus (Boardman 2001: 215, 296, 435, notes 461—476). Of the 17 decorative rings mentioned here, 11 have a precisely known or most probable place of origin. Of these, four come from the North Pontic region, including three from the territory of the Cimmerian Bosporus.

Problems of attribution of production centers

The fact, that the jewellery items examined here are considered primarily basing on publications of varying levels of description and quality of illustrations and are unavailable to the author for any technological research, significantly reduces the possibilities of their attribution in terms of distinguishing between imported and locally produced items. Nevertheless, having been studied in the context of all known pieces of jewellery items of the late Archaic and early Classical periods from the Black Sea region, Asia Minor, the Near East and Greece, they allow us to express

in a cautious form some considerations, basing primarily on the peculiarities of the geographical distribution of forms and decorative motifs.

Among the supposedly imported ones, one can single out products of the workshops located in Asia Minor, primarily Lydia, Cyprus and the South-Eastern Black Sea region.

Imports

Asia Minor, primarily Lydia

— amulets in the form of a tusk in a frame (fig. 4: 1.13) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 27, pl. II: 13; Treister 2012b: 38; Goroncharovskiy 2014: 564) and in the form of a raw carnelian, suspended from a loop of gold wire, the ends of which are tied in spiral turns (fig. 4: 1.14) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 28, pl. II: 14) from the Seven Brothers burial mound no. 4;

— a unique for the North Pontic region pair of gold earrings from the tomb no. 2/1868 of the Nymphaion necropolis soldered from two halves with embossed decoration in the form of transverse ridges and the clasp in the form of a crossbar on a hinge (Gardner 1884: 65, 72, pl. 46: 13; Vickers 1979: 38, pl. 6: d; 2002: 26—27, pl. 7; Williams, Ogden 1994: 134, commentary to no. 77; 1995: 134, commentary to no. 77);

— a necklace from the stone tomb excavated by A.E. Lyutsenko in 1854 on the northern slope of the Mithridates Mount with the beads, formed by three rows of granulation, and spherical beads decorated with 7—8 rows of granules, along with plain spherical and barrel-shaped beads formed (fig. 1: 3) (Williams, Ogden 1995: 156, no. 95; Kat. Bonn 1997: 141—142, Nr. 52; Kalashnik 2004: 85, fig. 52; 2014: 72—73).

— a finger with the Persian drawing his bow with the signature of the craftsman (Athenades) (fig. 9: 1) (Maximova 1928: 670, fig. 25; Maksimova 1956: 193, fig. 3; Zazoff 1983: 151, Anm. 135; Neverov 1986: 19; 145, pl. I: 4; Boardman 2001: 220, 297, 316, pl. 681; Williams, Ogden 1994: 158, no. 97; 1995: 158, no. 97: Kat. Bonn 1997: 144, Nr. 55; Kalashnik 2004: 50, fig. 23; 51, 86; 2014: 76—77; Cat. Los Angeles 2007: 148, no. 55), from the same burial.

Asia Minor and Cyprus

— an amulet in the form of an insect larva or cicada from the Seven Brothers burial mound no. 4 (fig. 4: 1.15) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 28—29, pl. II: 15)

— a pair of boat earrings, decorated with soldered triangles and rhombuses of granulation, found in the stone tomb no. 10, excavated in 1911 on Mount Mithridates (fig. 5: 2) (Pharmakowsky 1912: 342, 346, Abb. 32; Shkorpil 1914: 5, fig. 1).

Cyprus

a necklace consisting of 25 rectangular elements, representing double beaded tubes, with eight of them decorated with six-petal rosettes with a grain in the center soldered on from the tomb no. 3/1868 of the Nymphaion necropolis (fig. 2: 3) (Gardner 1884: 67, 71—72, pl. 67: 9; Vickers 1979: 41, pl. 10: a; 2002: 34—35, pl. 11; Higgins 1980: 129, pl. 27A; Deppert-Lippitz 1985: 143, Abb. 92: with the dating to the mid-5th century BC; Despini 1996: 150, fig. 136; 246: late 5th — early 4th centuries BCE).

Colchis

A necklace formed only by beads in the form of hollow rams' heads from the later 5th century BCE tomb no. 2/1868 in Nymphaion (fig. 2: 6) (Gardner 1884: 65, 72, pl. 47: 12; Vickers 1979: 38, pl. 6: a; 2002: 26, 27, pl. 7).

Objects of supposedly local manufacture

There are grounds to suggest that already in the first half, possibly in the first quarter, of the 5th century BCE, local jewelry workshops working with precious metals appeared in the Cimmerian Bosporus.

Some variations of boat earrings and necklaces

In the Bosporus, boat earrings without additional decoration on the crescents are represented by 8 pieces with pyramids of granulation on one end and a horizontal row of granules between two plain wires on the other from the second quarter of the 5th century BCE burials: no. 8 of the burial mound no. 17/1876 of the Nymphaion necropolis (fig. 5: 1) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 237, no. 21, pl. III: 33; Hadaczek 1903: 22, 23, fig. 41; Silant'eva 1959: 74, fig. 38: 2; Artamonow 1970: Taf. 98; Petrenko 1978: 29, pl. 19: 5; Williams, Ogden 1994: 134, no. 77; 1995: 134, no. 77; Kat. Bonn 1997: 132, Nr. 44; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 5; 8) and no. 539 of the Volna-1 necropolis (fig. 5: 3) (Mimokhod et al. 2018: 223, 225, fig. 10: 3). A special feature of the earrings from Nymphaion and the Volna-1 necropoleis is their decoration not only with beaded rings at the ends (like the earrings from Olbia), but also with granulated pyramids. There is every reason to date the finds from Nymphaion no later than the first half, or rather the first quarter of the 5th century BCE. The fact that of all the known to us boat earrings, only the finds from the necropoleis of Nymphaion, Pantikapaion and Volna-1 are decorated with pyramids of granulation, an ornamental element characteristic of spiral pendants, which were especially common in the Bosporan Kingdom in the second half of the 5th — first half of the 4th century BCE (Silant'eva 1976: 123—137) is the possible evidence of local production of such earrings.

A rare variant of boat earrings with a crescent decorated with rows of triangles of granulation with a griffin head at one end and a rosette at the other originate from the late 5th century BCE tomb no. 1/1868 at Nymphaion (fig. 5: 6) (Gardner 1884: 67—68, pl. 46: 6; Hadaczek 1903: 22, 23, fig. 42; Petrenko 1978: pl. 19: 11; Vickers 1979: 35, pl. 3: a; 2002: 18—19, pl. 3; Deppert-Lippitz 1985: 148—149, Abb. 97; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 8; 8). The closest parallel to them comes from the early 4th century BCE burial mound no. 2 ("Pastak") of Dort-Oba necropolis in the Central Crimea (fig. 5: 7) (Artamonow 1970: 71, Abb. 135; Petrenko 1978: pl. 19: 10; Kat. Hamburg 1993: 86, Nr. 44; Bessonova 2007: 5, fig. 2: 16; 9—10; Koltukhov, Senatorov 2015: 113, fig. 9; 2016: 169—170, fig. 18: 3). Given the fact of their rarity and mainly local distribution, it is likely that they were made in a Bosporan workshop.

A pair of gold earrings in the boat shape from the Seven Brothers burial mound no. 7, dating to the turn of the 5th and 4th centuries BCE, varies from all the others in that their surface is covered with friezes of incised pattern in the form of a zigzag and a series of angles (fig. 5: 4) (CR St. Petersburg for 1876. 1879: 152, pl. III: 41; Hadaczek 1903: 22, 23, fig. 40; Williams, Ogden 1994: 131, no. 75; 1995: 131, no. 75; Bessonova 2007: 8), which reminds the decoration of the seed-shaped pendants of the necklace from the Seven Brothers burial mound no. 2 (fig. 1: 6) (CR St. Petersburg for 1876. 1879: 120, no. 11, pl. IV: 7; Artamonow 1970: 26, Abb. 41; Williams, Ogden 1994: 129, no. 71; 1995: 129, no. 71; Kat. Bonn 1997: 83, Nr. 7; Cat. Los Angeles 2007: 216—217, no. 116; Vlasova 2010: 205, fig. 14; Kalashnik 2014: 55). It has been suggested that the earrings and the necklace "could have been made in the same workshop or by the same jeweller", and that they are executed "in a local tradition, but under some influence from Greek style" (Williams, Ogden 1994: 131; 1995: 131). This point of view is quite justified, given the uniqueness of the decoration of the boats, although earlier, dating from around the middle of the 6th century BCE, boat earrings from the hoard found on the island of Berezan in 1975, are decorated with rows of embossed decoration (Skrzhinskaya 1986: 113, fig. 1: 4; 1987: 177, 178, fig. 56: 59)). A similarly decorated bead comes from thew burial no. 83 of the Artyushchenko-2 necropolis (fig. 1: 5) (Kashaev 2019: 249, 251, fig. 12: 3), which is dated by a red-figure lekythos to ca. 400 BCE (Kashaev 2019: 245, 246, fig. 8: 7).

Gold and silver plaques from the necropoleis of Volna-1 (fig. 4: 5—7) (a running winged goddess with a hare in one hand and a wreath in the other: Sudarev, Mimokhod 2019: 436, fig. 667; a walking lion with its head turned back: Mimokhod et al. 2017: 303, fig. 5; Novichikhin 2019: 63, fig. 79) and Sindian Harbor (fig. 4: 8) (a sitting sphinx: Sudarev 2010: 445, 448, fig. 24; 2023: 67—68, fig. 10: 1; Novichikhin, Galut 2013: 87: below) are rectangular in shape with loops or tubes on the rear most likely served to thread a cord. Some of them, like the plaque from the Volna-1 necropolis with the image of a running winged goddess with a hare in one hand and a wreath in the other, demonstrate a motif unique to the Archaic period, while, given other finds of small silver and gold plaques in this necropolis, its (their) local manufacture cannot be ruled out.

Spiral pendants

The already expressed assumption that these gold and bronze gold-covered ornaments were most likely made in the Bosporus (Silant'eva 1976: 134) is confirmed by the analysis of silver and bronze pendants of this type from the necropoleis of the Taman Peninsula (fig. 6). There is reason to believe that the spiral ornaments from Lycia could have served as prototypes of such ornaments. The earliest examples of gold spiral ornaments with cuffs with transverse ridges in Olbia and the Bosporus are generally dated to the first half of the 5th century BCE. Ornaments with cuffs decorated with spiral decoration also appeared no later than the second quarter of the century. As early as the 5th century BCE, a simplified, single-piece version of such pendants appeared, cast in molds like the one found in Nymphaion (Silant'eva 1976: 133, fig. 8; 134; Treister 1992: 75, fig. 5, 4; 79—80; Williams, Ogden 1995: 261, fig. 2; Kalashnik 2004: 35, fig. 10; 2014: 18, below left; Cat. Los Angeles 2007: 58, 59, fig. 73a). Such pendants were cast not only in silver and bronze, but also in gold, and were widely distributed both in the Bosporus and among the barbarian population of the Eastern Crimea, Sindika and the Kuban region, until the beginning of the 3rd century BCE, when they went out of fashion (Treister, Sudarev 2025b: 436—463).

Bracelets

The analysis of the gold bracelet in the form of a cord made of interwoven chains with the ends in the form of snake heads, unique in its form and design, found in the male burial of the Seven Brothers burial mound no. 4 (fig. 7: 6) (CR St. Petersburg for 1877. 1880: 26, pl. II: 10; Artamonow 1970: Taf. 133; Kat. Bonn 1997: 92, Nr. 19; Kalashnik 2004: 54, fig. 28; 2014: 62—63; Anfimov 2011: 111; Nebelsick 2024: 704, fig. 4: 5; 707, fig. 7: 5), gives certain grounds to assume that could have been the work of a local jeweller, made under a certain influence of the motifs and techniques of jewelry that became widespread in the north of the Balkan Peninsula in the late Archaic period (Treister in print b).

Despite the generally logical assumption of N.L. Grach that the three bracelets from Kul-Oba were made in one workshop in the Bosporus at the end of the 5th or beginning of the 4th century BCE (Grach 1994: 141), it does not necessarily correspond to reality. Here it is more likely that the craftsman of the bracelet from the male burial, decorated with soldered plates with relief images of the fight between Peleus and Thetis and Eos carrying the kidnapped Kephalos or Triton (fig. 7: 5) (Manzewitsch 1931: 106—116; Artamonow 1970: Taf. 206; Galanina, Grach 1986: fig. 180; Williams, Ogden 1994: 140, no. 82; 1995: 140, no. 82; Grach 1994: 139—141, fig. 4—6; Kat. Bonn 1997: 162, Nr. 68; Deppert-Lippitz 1998: 93—94; Treister 2000: 94—95; 2001: 150—152; Damyanov 2007: 243: with an erroneous indication of the location of the Kul-Oba burial mound on the Taman Peninsula, 245—248, fig. 6; Meyer 2013: 125, fig. 46; 322, K11c; Kalashnik 2014: 120—121; Treister, in press a: with complete bibliography), had a matrix or matrices with the indicated scenes, but the dimensions of the scenes in width did not correspond to the width of the bracelet that they were supposed to decorate, and the total length of 10 plates also did not correspond to the circumference of the bracelet. This led to the fact that the plates embossed in the matrix were cut to fit the size of the bracelet core, while the bracelet in its finished form could

well have been the work of a jeweller from the 5th century BCE. Of course, it is impossible to answer the question of where exactly this bracelet was made. However, it should be noted that the silver-gilt rectangular plate 5.7 cm high formed a frieze with six scenes of the Gigantomachy (one of the scenes is repeated twice) on a rhyton with a protome of Pegasus from the Ulyap burial mound no. 4 (Cat. Moscow 1987: 105, no. 101; Leskov 1990: 41—43, Nr. 240, Abb. 191—197; Schiltz 1994: 57, Abb. 108, 264; Ksenofontova a 1997: 60—78; Ksenofontova, Zajtseva 1997: 265—293; Nieswandt 1997: 137—148; Vickers 1999: 30, 66, fig. 18; Treister 2000: 96—101, pls. I—III; 2001: 155—156; 2010: 544, fig. 10; Cat. Moscow 2002: 124—125. no. 613; Vlasova 2002: 141—150, fig. 3—5; Erlikh 2010: 402—404, fig. 14; Leskov et al. 2013: 32, no. 10, photo 8—12; Lapatin 2015: 238—239, pl. 65), dated to the first half of the 4th century BCE (Leskov at al. 2013: 33). It is unlikely that this coincidence can be considered accidental, which accordingly does not exclude the possibility that the bracelet from the male burial in Kul-Oba was made in a Bosporan workshop (Treister, in press a: with complete bibliography).

Finger rings

J. Boardman suggested that some of the gold finger rings, primarily those with the motifs of animal combat (fig. 9: 3, 6), "were made by Greek goldsmiths on the shores of the Black Sea" (Boardman 2001: 220). In any case there are evident parallels with the scenes of the animal tornment on the items of the so-called Greco-Scythian metalwork. Besides, a point of view that Dexamenos from Chios could also work some time in the Cimmerian Bosporus or the local Bosporan engravers could imitate his style has been also expressed (Neverov 1973: 58; 2007: 62, 63).

References

Alekseev, A.Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha (Gold of the Scythian Kings in the Collection of the Hermitage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. House (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1991. *Grecheskaya kolonizatsiya Severo-Zapadnogo Kavkaza (The Greek Colonization of the North-Western Caucasus)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Amandry, P. 1953. *Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques.* I. Strasbourg: en depot chez l'auteur à l'Institut d'Archéologie de l'Université de Strasbourg.

Anfimov, N.V. 2011. *Drevnee zoloto Kubani / The Kuban's Ancient Gold.* 2nd ed. Krasnodar: Traditsiya (in Russian).

Arsent'eva, E.I., Gorskaya, O.V. 2019. *Antichnyye yuvelirnyye izdeliya iz chastnykh sobraniy. Kol'tsa i perstni. Katalog kollektsii (Antique Jewellery from Private Collections. Rings and Signet Rings. Collection catalogue).* Saint Petersburg: State Hermitage Publ. House (in Russian).

Artamonow, M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen.* Prag: Artia; Leningrad: Sovetskij Khudoshnik.

Baughan, E. 2010. Lidya Gömü Gelenekleri. Lydian Burial Customs. In: Cat. Istanbul 2010, 273—304.

Bessonova, S.S. 2007. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XVI, 3—30 (in Russian).

Bingöl, F.R.I. 1999. *Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takilar.* Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Anıtlar ve Müzeler Gnl.Müd.

Boardman, J. 1967. Archaic Finger Rings. *AntK* 10, 3—31.

Boardman, J. 1970. Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire. *Iran* VIII, 19—46.

Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. 2nd ed. London: Thames & Hudson.

Boardman, J., Vollenweider, M.-L.1978. *Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Ashmolean Museum, Oxford*. Oxford: Oxford University Press.

Boltrik, Ju.V., Fialko, E.E. 1991. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* 18, 107—129.

Boltrik, Yu.V., Fialko, O.E. 2024. *Kurgan Ogz. Mogila iódnogo z ostannikh tsariv Skifii* (*Oguz Burial Mound. The Tomb of one of the last Kings of Scythia*). Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine (in Ukrainian).

Butyagin, A.M., Vinogradov, Yu.A. 2014. *Kurgany na myse Ak-Burun (Burial Mounds on the Ak-Burun Cape).* Simferopol; Kerch: "Demetra" Foundation (Bosporan Studies 13) (in Russian).

collections.smvk.se: 1: C05357e: Svenska Cypernexpeditionen, silver, föremålsbild. Available at: https://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/5180642 (accessed 12.04.2025).

Cat. Belgrade 2018: Ardjanliev P, Chukalev, K., Cvjetićanin, T., Damyanov, M., Krstić, V, Papazovska, A, Popov, H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum.

Cat. Bergen 2017: *Legends in Gold. Thracian Treasures from Bulgaria. Bryggens Museum, Bergen City Museum.* Bergen: Bryggens Museum.

Cat. Brussels 2002: Fol, A. (ed.). *L'or des thraces: trésors de Bulgarie*. Palais des Beaux-Arts; Bruxelles du 5 octobre 2002 au 5 janvier 2003; Europalia Bulgaria 2002. Bruxelles: Snoeck-Ducaju & Zoon.

Cat. Istanbul 2010: Cahill, N.D. (ed.). *Lidyalılar ve dünyaları: [bu katalog, Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık A.Ş. tarafından 19 Şubat — 15 Mayıs 2010 tarihleri arasında Yapı Kredi Vedat Nedim Tör Müzesi'nde açılan "Lidyalılar ve Dünyaları" sergisi dolayısıyla Yapı ve Kredi Bankası A.Ş. için hazırlanmıştır] = The Lydians and their World*. Istanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık.

Cat. London 2017: Simpson, S.J., Pankova, S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia.* London: Thames & Hudson.

Cat. Los Angeles 2007: *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.

Cat. Montreal 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria.* Montreal: Editions de l'Homme.

Cat. Moscow 1987*:*Leskov, A.M. (ed.). *Shedevry drevnego iskusstva Kubani / Kuban Ancient Art*. Moscow: Ministry of culture of the USSR (in Russian).

Cat. Moscow 2002: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Na krayu oikumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo (At the Edge of Oikumene. Greeks and Barbarians on the Northern Coast of Pontus Euxeinos).* Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Cat. Moscow 2024: Erlikh, V.R. (ed.). *Akhemenidskiy sled v Severnom Prichernomor'e* (*The Achaemenid Trace in the North Pontic Region*). Moscow: State Oriental Museum (in Russian).

Cat. Paris 2006: Fol, V. (ed.). *L'or des Thraces. Trésors de Bulgarie. Musée Jacquemart-André.* Bruxelles: Snoeck Gand.

Cat. Paris 2015: Martinez, J.-L. (ed.). *L'épopée des rois thraces — Des guerres médiques aux invasions celtes, 479—278 av. J.-C.* Paris: Somogy.

Cat. Princeton 2012: Childs, W.A.P., Smith, J.S., Padgett, J.M. (eds.). *City of Gold. The Archaeology of Polis Chrysochous, Cyprus*. New Haven; London: Yale University Press.

Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milano: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Harry N. Abrams.

Cat. St. Petersburg 1999: Boriskovskaya, S.P.(ed.). *Drevniy gorod Nimfey. Katalog vystavki (Ancient City of Nymphaion. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024: Zhizhina, N.K. (ed.). *V poiskakh antichnogo Bospora. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Rozhedniya (In search of the Antique Bosporus. On the 150th Anniversary of Mikhail Rostovtzeff).* Vol 1. Saint Petersburg: Tabula rasa (in Russian).

Cat. Thessaloniki 1978: Ninou, K. (ed.). *Treasures of Ancient Macedonia*. Thessaloniki: Archaeological Museum of Thessaloniki.

Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery 6000 Years of Tradition. Thessaloniki.* Villa Bianki, 21 December 1997 —21 February 1998. Athens: Archaeological Receipts Fund.

Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos, D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.

Cat. Trento 2007: *Ori dei cavalieri delle steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina.* Milano: Silvana Editoreale.

Cat. Venice 1989: *Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanità.* Venezia, Palazzo Ducale, 13 Maggio 1989 — 30 novembre 1989. Milano: Art World Media.

Chacheva, M. 2015. Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica. *Archaeologia Bulgarica* XIX.1, 1—21.

Chacheva, M. 2016. Adornments or amulets? Personal ornaments of Apollonian children in Pontic context. In: Manoledakis, M. (ed.) *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18—20 September 2015.* Oxford: Archaeopress, 139—152.

Chernenko, E.V. 1975. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifskiy mir (The World of the Scythians)*. Kiev: Naukova dumka, 157—165.

Chqonia, A. 1981. *Zolotye ukrasheniya Vanskogo gorodishcha (Gold Ornaments of the Vani Fortified Settlement)*. Tbilisi: Metsniereba (Vani VI) (in Georgian).

Chqonia, A. 1996. Colchian Jewelry from the Vani City Site. In: Calinescu, A. (ed.). *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 45—50.

Coche de la Ferté, E. 1956. *Les bijoux antiques.* Paris: Presses Universitaires de France.

CR St. CTPetersburg for 1876, 1879: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1876 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1876*). Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1877, 1880: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1877 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1877*). Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1911, 1914: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1911 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1911*). Saint Petersburg: Printing house of the Main Directorate of Appanages (in Russian).

CR St. Petersburg for 1913—1915, 1918: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1913—1915 gody* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1913—1915*). Petrograd: 9th State typography (in Russian).

Curtis, C.D. 1925. *Jewelry and Gold Work. Pt. I, 1910—1914*. Rome: Sindicato Italiano Arti Grafiche (Sardis 13).

Damyanov, M. 2007. Medallion with Peleus and Thetis from the necropolis of Apollonia Pontica. In: *Drevnite tsivilizatsii i moreto. Mezhdunarodna konferentsiya v chest na sedemdeset godishninata na prof. Mikhail Lazarov, Varna, 13—15 oktomvri 2004 g. = Ancient civilisations and the sea: International conference in Honour of Prof. Michail Lazarov. Varna, 13th—15th October 2004*. Varna: Zograf, 238—252 (Acta Musei Varnaensis 5).

Davidson, P.F., Oliver, A.Jr. 1984. *Ancient Greek and Roman Gold Jewelry in the Brooklyn Museum*. Brooklyn: The Museum (Wilbour Monographs 8).

Del Socorro, N. 2017. *Rites funéraires dans le royaume Téménide et ses régions environnantes à la période archaïque.* Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris: Université de Nanterre — Paris X.

Deppert-Lippitz, B. 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz: von Zabern.

Deppert-Lippitz, 1998. Greek Bracelets of the Classical Period. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum Press, 91—94.

De Ridder, A. 1911. *Collection de Clercq: Catalogue. Tome VII, Les bijoux et les pierres gravées*. Paris: E. Leroux.

Despini, Ai. 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens: Ekdotike Athenon.

Despini, Ai. 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. Vols. I—III. Αθήναι: Η εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της Εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας. 307—309).

Dusinberre, E.R.M. 2003. *Aspects of Empire in Achaemenid Sardis*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Dusinberre, E.R.M. 2010. Sardeis'ten Lidya-Pers Mühürleri / Lydo-Persian Seals from Sardis. In: Cat. Istanbul 2010, 177—190.

Erlikh, V.R. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 392—409 (in Russian).

Erokhova, L.A. 1945. In *Trudy otdela istorii iskusstva i kul'tury antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of the History of Art and Culture of the Ancient World of the State Hermitage Museum)* 1, 101—118 (in Russian).

Fialko, E.E. 1994. In: Okhotnikov, S.B. (ed.). *Drevneye Prichernomor'ye. Kratkiye soobshcheniya Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Ancient Black Sea Region. Brief Communications of the Odessa Archaeological Society)*. Odessa: Odessa Archaeological Society, 121—124 (in Russian).

Filov, B. 1932/1933. In *Izvestiya na Natsionalniya arkheologicheski institut (Bulletin de l'Institut national d'Archéologie de Bulgarie)* VII, 217—276 (in Bulgarian).

Filow, B. 1934. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien.* Sofia: Staatsdruckerei.

Furtwängler, A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum.* Bde. 1—3. Leipzig, Berlin: Giesecke & Devrient.

Galanina, L.K. 1980. *Kurdzhipskiy kurgan (Kurdzhips Burial Mound).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Galanina, L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publishers.

Ganina, O.D. 1974. *Kievskiy muzey istoricheskikh dragotsennostey (Kiev Museum of Historical Treasures)*. Kiev: Mistetstvo (in Russian).

Gardner, E.A. 1884. Ornaments and Armour from Kertch in the New Museum at Oxford. *Journal of Hellenic Studies* 5, 62—73.

Gauer, W. Penelope, Hellas und der Perserkönig: ein hermeneutisches Problem. *JdI* 105, 31—65.

Gjerstad, E., Lindros, J., Sjökvist, E., Westholm, A. 1935. *The Swedish Cyprus Expedition. Finds and Results of the Excavations in Cyprus 1927—1931*. Vol. II. Stockholm: Swedish Cyprus Expedition.

Gjerstad, E., Lindros, J., Sjökvist, E., Westholm, A. 1937. *The Swedish Cyprus Expedition. Finds and Results of the Excavations in Cyprus 1927—1931*. Vol. III. Stockholm: Swedish Cyprus Expedition.

Goroncharovskiy, V.A. 2014. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 553—618 (in Russian).

Goroncharovskiy, V.A. 2016. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury (Notes of the Institute of History of Material Culture)* 13, 90—98 (in Russian).

Gorskaja, O.V. 2019. Diadèmes et pendants d'oreille grecs des VIe—IVe s. av. J.-C. provenant de collections privées des XIXe et XXe siècles, d'après les objets du département du Monde antique du Musée de l'Ermitage. In: P. Burgunder (ed.), *Études bosporanes. Sur un royaume aux confins du monde gréco-romain*. Lausanne: Université de Lausanne, 63—92 (Études de lettres 309).

Grach, N.L. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 1, 135—142 (in Russian).

Greifenhagen A. 1970–1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall.* I—II. Berlin: Gebr. Mann.

Hackens, T. 1976. *Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Museum of Art, Rhode Island. School of Design*. Providence: Museum of Art, Rhode Island School of Design.

Hadaczek, K. 1903. *Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker*. Wien: Hölder (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien 14,1).

Higgins, R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.

Hoelscher, T. 2011. Penelope für Persepolis. *JdI* 126, 33—76.

Hogarth, D.G. 1908. *British Museum Excavations at Ephesos: The Archaic Artemisia*. London: British Museum.

Jacobstahl, P. 1931. *Die melischen Reliefs*. Berlin-Wilmersdorf: H. Keller.

Jacopi, G. 1929. *Scavi nella necropoli di Jalisso, 1924—1928*. Bergamo: Istituto storico-archeologico Rodi (Clara Rhodos III).

Il, Ö. 2009. *Tumuli Asiae Minoris. Untersuchung zu den phrygischen und lydischen Tumulusgräbern der Eisenzeit im zentralen und westlichen Kleinasien*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät. Tübingen.

Iliopoulou, S. 2015. *Αρχαία Ζώνη IIIa. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα και πρακτικές*. Κομοτηνή: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλιτισμού, Εφορεία Αρχαιοτήτων Έβρου, Περιφέρεια Ανατολικής Μακεδονίας-Θράκης.

Kaba, H. 2016. Rich in Life and Death. Gold and Silver Finds from a 4th Century Tomb in Soloi. In: Kaba, H., Summerer, L. (eds.). *The Northern Face of Cyprus. New Studies in Cypriot Archaeology and Art History.* Istanbul: Zero, 225—242.

Kaba, H. 2020. An Elite Tomb from Soloi: New Evidence for the Funerary Archaeology of Cyprus. *Adalya* 23, 205—238.

Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2008: *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* New York: Institute for the Study of the Ancient World at New York University.

Kalashnik, Yu. 2004. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle: Waanders.

Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamytniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya* (*Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Objects of Ancient Jewellery Art from the North Pontic Region*). Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Kallintzi, K. 2007. Κοσμήματα από το νεκροταφείο των αρχαίων Αβδήρων. In: *Η Θράκη στον ελληνο — ρωμαϊκό κόσμο, Πρακτικά του 10ου διεθνούς συνεδρίου Θρακολογίας, (Κομοτηνή — Αλεξανδρούπολη 18 — 23 Οκτωβρίου 2005)*. Αθήνα: Κέντρον Ελληνικής και Ρωμαϊκής Αρχαιότητος του Εθνικού Ιδρύματος Ερευνών, 255—267.

Kallintzi, C., Chatziprokopiou, K. 2024. Apotropaic and Prophylactic Jewellery from Abdera. In: Spathi, M.G., Chidiroglou, M., Wallensten, J. (eds.). *Apotropaia and Phylakteria. Confronting Evil in Ancient Greece*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 204—222.

Kaltsas, N.E. 1998. *Ακανθος Ι: Η ανασκαφή στο νεκροταφείο κατά το 1979*. Αθήνα: Ταμειο Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού Δελτίου 65).

Karagöz, Ş. 2013. *Kleinasiatisch-Gräko-persische Kunstwerke im Archäologischen Museum von Istanbul* Tübingen: E. Wasmuth (IstForsch 54).

Kashaev, S.V. 2010. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury (Notes oft he Institute of History of Material Culture)* 5, 137—145 (in Russian).

Kashaev, S.V. 2013. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Antique World and Archaeology)* 16, 190—214 (in Russian).

Kashaev, S.V. 2019. In: Vinogradov, Yu.A. (ed.). *Proshloye chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletiy (K 100-letiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkheologii) (The Past of Humanity in the Works of St. Petersburg Archaeologists at the Turn of the Millennium (On the 100th Anniversary of the Creation of Russian Academic Archaeology))*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 230—253 (in Russian).

Kashaev, S.V. 2020. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XLI, 112—132 (in Russian).
Kashaev, S.V. 2021. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XLII, 206—223 (in Russian).
Kat. Basel 2007: Zanoni, I. (Hrsg.). *Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker.* Basel: Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig.
Kat. Berlin 1978: Settgast, J., Gehrig, U. (Hrsg.). *Von Troia bis Amarna: The Norbert Schimmel Collection*. New York, Mainz: von Zabern.
Kat. Bonn 1997: *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.
Kat. Bonn 2004: Echt, R. (Hrsg.). *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus.* Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland GmbH.
Kat. Bonn 2013: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn.
Kat. Hamburg 1993: *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage Saint Petersburg*. Neumünster: Wachholtz.
Kat. Köln 1979: *Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien.* Mainz: von Zabern.
Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban.* Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart: Theiss.
Kat. Mannheim 2009: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.
Kat. Schleswig 1991: Rolle, R., Müller-Wille, M., Schietzel, K. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.
Kat. Wien 1993: Seipel, W. (Hrsg.). *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien.* Wien: Kunsthistorisches Museum.
Khanenko, B.I., Khanenko, V.I. 1907. *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chernogo morya (Antiquities of the Dnieper Region and the Black Sea Coast)*. Iss. VI. Kiev: phototype and typograpy of S.V. Kul'zhenko (in Russian).
Kitov, G., Agre, D. 2002. *Vŭvedenie v trakiĭskata arkheologiya (Introduction to Thracian archaeology)*. Sofia: Avalon (in Bulgarian).
Klochko, L.S. 2010. In: L.V. Strokova (ed.). *Muzeyni chytannya. Materialy naukovoyi konferentsiyi "Yuvelirne mystetstvo — pohlyad kriz' viky" 9—11 lystopada 2009 r. (Museum Readings. Proceedings of the Scientific Conference "Jewelry Art — A Look Through the Ages" November 9—11, 2009).* Kiev: Museum of Historical Treasures of the Ukraine, 55—73 (in Ukrainian).
Kohler, E.L., Dusinberre, E.R.M. 2023. *The Lesser Phrygian Tumuli Part 2. The Cremations*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology (The Gordion Excavations, 1950—1973: Final Reports Volume II; Museum Monograph 158).
Koltukhov, S.G., Senatorov, S.N. 2015. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (The History and Archaeology oft he Crimea)* 2, 102—122 (in Russian).
Koltukhov, S.G., Senatorov, S.N. 2016. *Skify Predgornogo Kryma v VII — IV vv. do n.e. Kurgany 1890—1892 i 1895 gg.: (Po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo) (Scythians of the Crimean Foothills in the 7th—4th Centuries BCE. Burial Mounds of 1890—1892 and 1895: (Based on the materials of N.I. Veselovskiy and Yu. A. Kulakovskiy).* Simferopol: Individual Entrepreneur A.A. Brovko (in Russian).
Kryzhitskiy et al. 1999: Kryzhitskiy, S.D., Leypunskaya, N.A., Rusyaeva, A.S. Skrzhinskaya, M.V., Krapivina, V.V., Anokhin, V.A. 1999. *Olviya. Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'e* (*Olbia. Ancient State in the North Pontic Region*). Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).
Ksenofontova, I.V. 1997. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 2, 60—78 (in Russian).
Ksenofontova, I.V., Zajtseva, N.G. 1997. A Silver Rhyton with the Protome of Pegasus from the 4th Ulyap Barrow. *ACSS* 4.4, 265—293.
Kubyshev, A.I., Bessonova, S.S., Kovalev, N.V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan (Bratolyubov Burial mound)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).
Kurtz, D. 1975. *Athenian White Lekythoi*: *Patterns and Painters.* Oxford: Clarendon Press (Oxford Monographs on Classical Archaeology).
Kuruniotis, K. 1913. Goldschmuck aus Eretria. *AM* 38, 289—328.
Laffineur, R. 1980. Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains. *BCH* 104, 345—457.
Laffineur, R. 1986. L'orfèvrerie. In: Laffineur, R. (ed.). *Amathonte III. Testimonia 3*. Paris: ADPF, 7—133 (Études Chypriote VII).

Laffineur R. 1992. Bijoux et Orfèvrerie. In: Karageorghis, V., Picard, O., Tytgat, Chr. (eds.). *La Necropole D'Amathonte Tombes 113-367, VI. Bijoux, Armes, Verre, Astragales et Coquillages, Squelettes*. Nicosie: École Française d'Athènes, 1—42 (Etudes Chypriotes XIV).

Lapatin, K. 2015. *Luxus. The Sumptuous Arts of Greece and Rome*. Los Angeles: Getty Research Institute.

Leskov, A.M. 1990. *Grabschätze der Adygeen: neue Entdeckungen im Nordkaukasus.* München: Hirmer.

Leskov et al. 2013: Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh,V.R. 2013. *Meoty Zakuban'ya IV—III vv. do n.e. Svyatilishcha i ritual'nye kompleksy (The Maiotians of the Trans-Kuban Region in the 4th—3rd Centuries BCE. The Sanctuaries and Ritual Complexes)*. Moscow: State Oriental Museum (in Russian).

Maksimova, M.I. 1956. In: Gaydukevich, V.F.(ed.). *Ol'viya i Nizhneye Pobuzh'ye v antichnuyu epokhu (Olbia and the Lower Bug Region in the Antique Period)*. Moscow, Leningrad Academy of Sciences of the USSR Publ., 190—196 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 50) (in Russian).

Maksimova, M.I. 1962. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 225—230 (in Russian).

Manassero, N. 2008. *Rhyta e corni potori dall'Età del Ferro all'epoca sasanide: libagioni pure e misticismo tra la Grecia e il mondo iranico*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.(BAR Intern. Ser. 1750).

Manzewitsch, A. 1931. Der Armring aus Kul-Oba. *AA*, 106—116.

Marshall, F.H. 1907. *Catalogue of the Finger rings, Greek, Etruscan, and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London: British Museum.

Marshall, F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum.* London: British Museum.

Maximova, M.I. 1928. Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. *AA*, 647—678.

Meriçboyu, Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari.* Istanbul: Akbank.

Meriçboyu, Y.A. 2010. Lidya Dönemi Takilari. Lydian Jewelry. In: Cat. Istanbul 2010, 157—176.

Meyer, C. 2013. *Greco-Scythian Art & the Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity*. Oxford: Oxford University Press.

Miller, S. 1979. *Two Groups of Thessalian Gold*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press (University of California publications Classical studies 18).

Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2017. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 21, 295—310 (in Russian).

Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2018. In: Engovatova, A.V. (eds.). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 goda (Cities, Settlements, Burial Grounds. Excavations of 2017).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 220—231 (Materials of Rescue Archaeological Investigations) 25) (in Russian).

Misailidou-Despotidou, V. 2011. *Χάλκινα κοσμήματα αρχαϊκών χρόνων από τη Μακεδονία: έρευνα στα χάλκινα κοσμήματα των νεκροταφείων της Αγίας Παρασκευής και της Νέας Φιλαδέλφεας*. Θεσσαλονίκη: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών (Dēmosieumata Archaiologikou Institoutou Makedonikōn kai Thrakikōn Spoudōn 10).

Mohr, E.-M. 2015. *Eisenzeitliche Nekropolen im westlichen Kleinasien: Struktur und Entwicklung zwischen dem 9. und 6. Jh. v. Chr.* İstanbul: Ege Yayınları (Byzas 21).

Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye: kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek Amphoras in the Black Sea Region: Ceramic Containers Complexes of the 7th—2nd Centuries BCE).* Saratov: Publishing House of the Saratov University) (in Russian).

Mozolevs'kiy, B.M. 1979. *Tovsta Mogila* (*Tovsta Mogila*). Kiev: Naukova Duma (in Ukrainian).

Mozolevskiy, B.N. 1980. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz (Scythia and The Caucasus)*. Kiev: Naukova dumka, 70—154 (in Russian).

Naumann, F. 1980. *Staatliche Kunstsammlungen Kassel. Antiker Schmuck.* Kassel: Gutenberg.

Nebelsick, L. 2024. From Witaszkowo/Vettersfelde to Šūš/Susa (without leaving the Museumsinsel). Foxtail chains and pendent tassels as décor of elite bowmen's quivers in the mid-first millennium BCE. In: Schneeweiss, J. et al. (Hrsg). *Man sieht nur, was man weiß. Man weiß nur, was man sieht; Globalhistorische Perspektiven auf interkulturelle Phänomene der Mobilität*. Rahden/Westf.: Leidorf, 701—718 (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 33).

Neverov, O.Ya. 1973. In: Gorbunova, K.S. (ed.). *Pamyatniki antichnogo prikladnogo iskusstva* (*Monuments of Antique Applied Art*). Leningrad: Aurora, 51—61 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1986. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika* (*Antique Toreutics*). Leningrad: State Hermitage, 17—27 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 2000. Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *ACSS* 6, 179—191.

Neverov, O.Ya. 2007. Dexamenos of Chios and his Workshop in the Northern Black Sea Region. In: Trofimova, A.A. (ed.). *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. J. Paul Getty Museum. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 62—63.

Niculiţă, A, 2018. *Piese de giuvaiergerie antică din colecţiile Muzeului Naţionalde Istorie a Moldovei : Catalog*. Chişinău: Muzeul Naţ. de Istorie a Moldovei.

Nieswandt, H.-H. 1997. Zum sog. Pegasos-Rhyton aus Kurgan 4 von Aul Uljap. *Boreas* 20, 137—148.

Novichikhin, A.M. 2019. *Drevnosti Tamani (Antiquities of Taman).* Taman: Platonov (in Russian).

Novichikhin, A., Galut, O. 2013. *Zoloto Gorgippii (Gold of Gorguippia)*. Anapa, Krasnodar: Platonov (in Russian).

Onayko, N.A. 1960. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 25—41 (in Russian).

Onayko, N.A. 1966. *Antichnyy import v Pridenprov'e i Pobuzh'e v VII—V vv. do n.e.* (*Antique Import in the Dbieper and Bug Regions in the 7th—5th Centuries BCE*). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Özgen, I., Öztürk, J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure.* Istanbul: Published by Uğur Okman for Republic of Turkey; Ministry of Culture; General Directorate of Monuments and Museums.

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e.* (*Finery of Scythia of the 7th — 3rd Centuries BCE*). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-5) (in Russian).

Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: E. Wasmuth (IstForsch 37).

Pharmakowsky, B. 1912. Archäologische Funde im Jahre 1911. Russland. *AA,* 323—381.

Pharmakowsky, B. 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *AA*, 205—292.

Pierides, A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum.* Nicosia: Department of Antiquities.

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine* (*A Scythian Zolotaya Balka Kurgan Cemetery of the 5th—4th Centuries BCE in the Kherson Region*). Kiev: Oleg Filyuk Publisher (Burial Mounds of the Ukraine 3) (in Russian).

Pologiorgi, M. 2019. Μία χρυσῆ θριπήδεστος, ἕνα θριπήδεστον χρυσοῦν καὶ ἕνα χρυσὸ Περίαπτο. *ΓΡΑΜΜΑΤΕΙΟΝ* 8, 15—21.

Pülz, A.M. 2009. *Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Forschungen in Ephesos. Bd. 12,5).

Raubitschek, I.K. 1998. *The Metal Objects (1952—1989)*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens (Isthmia: Excavations by the University of Chicago under the Auspices of the American School of Classical Studies at Athens VII).

Rehm, E. 1992. *Der Schmuck der Achämeniden.* Münster: Ugarit-Verlag.

Rose, C.B. 2014. *The Archaeology of Greek and Roman Troy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Saverkina, I.I. 1998. Une collection méconnue de bijoux antiques au Musée de l'Ermitage. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*, London: British Museum Press, 73—77.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C. H. Beck.

Schmidt, E.F. 1957. *Persepolis III. The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: Oriental Institute (Oriental Institute Publications LXX).

Sevinç, N., Rose, C.B. 1999. A Child's Sarcophagus from the Salvage Excavations at Gümüşçay. *Studia Troica* 9, 489—510.

Sgourou, M., Agelarakis, A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—364.

Shkorpil, V.V. 1914. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (News of the Archaeological Commission)* 56, 1—74 (in Russian).

Silant'eva, L.F. 1959. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov* (*Necropoleis of Certain Bosporan Cities*). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 5—107 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 69) (in Russian).

Silant'eva, P.F. 1976. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* XVII, 123—137 (in Russian).

Silant'eva, P.F. 1979. In: Gorbunova, K.S. (ed.). *Iz istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnoe vremya (From the History of the North Pontic Region in the Antique Period).* Leningrad: Aurora, 49—58 (in Russian).

Skrzhinskaya, M.V. 1986. In: Rusyaeva, A.S. (ed.). *Olviya i ee okruga* (*Olbia and its Neighborhood*). Kiev: Naukova dumka, 112—126 (in Russian).

Skrzhinskaya, M.V. 1987. In: Kryzhitskiy, S.D. (ed.). *Kul'tura naseleniya Ol'vii i ee okrugi v arkhaicheskoe vremya* (*The Culture of the Population of Olbia and its Neighborhood in the Archaic Period*). Kiev: Naukova dumka, 175—183 (in Russian).

Skudnova, V.M. 1988. *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii* (*The Archaic Necropolis of Olbia*). Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Spier, J., Ogden, J. 2015. *Rings of the Ancient World*. Wiesbaden: Reichert.

Stilp, F. 2006. *Die Jacobsthal Reliefs. Konturierte Tonreliefs aus dem Griechenland der Frühklassik*. Rom: Giorgio Bretschneider (RdA Suppl. 29).

Sudarev, N.I. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 418—473 (in Russian).

Sudarev, N.I. 2023. In *Drevnosti Kubani (Antiquities of the Kuban)* 26, 61—86 (in Russian).

Sudarev, N.I., Mimokhod, R.A. 2019. In: Novichikhin, A.M. *Drevnosti Tamani (Antiquities of Taman).* Taman: Platonov, 428—447 (in Russian).

Tonkova, M. 1998. Les ateliers d'orfèvres de luxe en Thrace: méthodes de localization. *Topoi. Orient—Occident* 8.2, 749—764.

Tonkova, M. 2002a. Classical Jewellery in Thrace: Origins and Development, Archaeological Contexts. In: Tsetskhladze, G.R., de Boer, J.G. (eds.). *Talanta. The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods. Proceedings of the Dutch archaeological and historical society* XXXII—XXXIII (2000—2001), 277—288.

Tonkova, M. 2002b. In: Gicheva, R., Rabadzhiev, K. (eds.). *Πιτύη. Izsledvaniya v chest na prof. Ivan Marazov (Research in Honor of Prof. Ivan Marazov).* Sofia: Anubis, 494—505 (in Bulgarian).

Tonkova, M. 2003. In: Fol, A.(ed.). *"Pŭtyat", Sbornik nauchni statii, posveten na zhivota i tvorchestvoto na d-r Georgi Kitov ("The Road", Collection of Scientific Articles dedicated to the Life and Work of Dr. Georgi Kitov)*. Sofia: Geo Pres, 216—225 (in Bulgarian).

Tonkova, M. 2015. Adorments. In: Valeva, J., Nankov, E., Graninger, D. (eds.). *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester: Wiley Blackwell, 212—228.

Tonkova, M. 2018. Silver and Gold Jewellery from the Late Archaic Princely Graves I—VIII at Trebenishte. In: Cat. Belgrade 2018, 71—85.

Tonkova, M., Penkova, P. 2009. Les parures en or de la nécropole thrace de Duvanli. In: Guerra, M.F., Rehren, T. (eds.). *Authentication and Analysis of Goldwork*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 201—209 (ArcheoSciences. Revue d'Archéometrie 33).

Treister, M.Yu. 1992. In *Soobshchedniya GMII (Reports of the State Pushkin Museum of Fine Arts)* 10, 66—110 (in Russian).

Treister, M. 2000. Early Classical Motifs in the 4th Century BCE Toreutics from North Pontic Area (The Ways of Style Transfer in the Toreutics). In: Avram, A., Babeş, M. (eds.). *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu à son 70e anniversaire*. Bucarest: Editura Enciclopedică, 94—101.

Treister, M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln, Boston: R.J. Brill (Colloquia Pontica 8).

Treister, M.Yu. 2008. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 12, 506—540 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov. V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 534—598 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T.(eds.). *Vliyaniya akhmenidskoy kul'tury v Yuzhnom Prfiural'e (V—III vv. do n.e.) (The Influence of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th—3rd Centuries BCE).* Vol. 1. Moscow: Taus, 134—167 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhmenidskoy kul'tury v Yuzhnom Prfiural'e (V—III vv. do n.e.) (The Influence of the Achaemenid Culture in the South Urals (5th—3rd Centuries BCE).* Vol. 1. Moscow: Taus, 35—49 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2020. In *Hypanis* 2, 233—240 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2023. In: Khrshanovskiy, V.A. et al. (eds.). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan Phaenomenon: quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Materials oft the International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Tabula Rasa" Publ., 298—306 (in Russian).

Treister, M.Yu. (in print a). In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage) (Materialy konferentsii "Nimfey i ego sosedi: kul'turnyye protsessy i vzaimodeystvie", posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya N.L. Grach i 85-letiyu Nimfeyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha ((Proceedings of the Conference "Nymphaion and its Neighbors: Cultural Processes and Interaction", dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of N.L. Grach and the 85th anniversary of the Nymphaion Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum))* (in Russian).

Treister, M.Yu. (in print b). In *Materialy konferentsii "Ot Semibratnikh kurganov k Labrisu: problemy izucheniya antichnoy Sindiki (k 150-letiyu s nachala raskopok") (Proceedings of the conference "From Semibratnye Burial Mounds to Labrys: Problems of Studying of Ancient Sindica (on the 150th Anniversary of the Beginning of Excavations")* (in Russian).

Treister, M.Yu., Sudarev, N.I. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials on Archaeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 194—233 (in Russian).

Treister, M., Sudarev, N. 2025a. Gold Pendants in the Form of Lion Heads from the Burials of the Last Quarter of the 5th Century BCE from the Necropoleis of the Taman Peninsula. *ACSS* 31, 1—41.

Treister, M.Yu., Sudarev, N.I. 2025b. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 30, 436—463 (in Russian).

Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022a. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* (*Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic Periods on the Taman Peninsula)*. Pt. 1. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022b. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* (*Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic Periods on the Taman Peninsula).* Pt. 2. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Vakhtina, M.Yu. 2017. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXV, 389—410 (in Russian).

Vavritsa, A. 1970. Ἀνδρέου Βαβρίτσα, Ἀνασκαφαὶ Μεσημβρίας Θρᾴκης. *Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας* 1970 (1972), 66—75.

Velichko, E. 2019. In *Eminak* 1, 65—82 (in Russian).

Velkov, I. 1930—31. In *Izvestija na Nacionalnija arkheologicheski institut (Bulletin de l'Institut national d'Archéologie de Bulgarie)* VI, 1—44 (in Bulgarian).

Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien, Münich: A. Schroll.

Vickers, M. 1979. *Scythian Treasures in Oxford.* Oxford: Ashmolean Museum.

Vickers, M. 1999. *Images on Textiles. The Weave of Fifth-Century Athenian Art and Society*. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz (Xenia 42).

Vickers, M. 2002. *Scythian and Thracian Antiquities.* Oxford: Ashmolean Museum.

Vinogradov, Yu.A. 2020. In *Novyy Germes (New Hermes)* 12.1, 139—163 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2000. In: Solovyov, S.L. (ed.). *Antichnoe Prichernomor'e. Sbornik statey po klassicheskoy arkheologii* (*Ancient Black Sea Region. Collection of Articles on Classical Archaeology*). Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 46—67 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2001. In: Zakharova, N.A. (ed.). *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura (Jewellery Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 20—27 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2002. In *Tamanskaya starina (Taman Antiquities)* 4, 139—152 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2010. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban).* Vol. 3. Moscow: Nauka, 198—262 (in Russian).

von Bothmer, D. 1981. Les trésors de l'orfèvrerie de la Grèce orientale au Metropolitan Museum de New York, *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 125e année, no. 2, 194—207.

von Bothmer, D. 1984. *A Greek and Roman Treasury*. New York: The Metropolitan Museum of Art (The Metropolitan Museum of Art Bulletin XLII, 1).

Wehgartner, I. 1983. *Attisch weißgrundige Keramik*. Mainz: Zabern (Keramikforschungen V).

Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: British Museum Press.

Williams, D., Ogden, J. 1995. *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi. V—IV veka do n.e. (Greek Gold. The Jewellery Art of the Classical Period. 5th—4th Centuries BCE).* Saint Petersburg: AO Slavia (in Russian).

Yakovenko, E.V. 1977. In: Terenozhkin, A.I.(ed.). *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians)*. Kiev: Naukova dumka, 140—145 (in Russian).

Yener, A. 2022. Elmalı-Bayındır Tümülüsleri: Arkeolojik Kazılar ve Buluntular. In: Demirel. M., Arslan. M., Atalay. S., Orhan. U. (eds.). *Antalya Müzesi 100 Yaşında: Antalya'nın Arkeolojik Mirası*. Ankara: T.C Kültür ve Turizm Bakanlığı, 422—471.

Young, A. 2006. Gold and Gilded Jewelry from the "Athena" Sanctuary, Stymphalos. In: Nicolini, G. (ed.). *Les Ors des mondes grec et "barbare".* Paris: Picard, 129—138.

Young, R.S. 1951. Gordion — 1950. *University Museum Bulletin* 16.1, 3—19.

Zazoff, P. 1983. *Die antiken Gemmen*. München: C.H. Beck (Handbuch der Archäologie).

Zournatzi, A. 2017. The Vouni Treasure and monetary practices in Cyprus in the Persian period. In: Liampi K., Papaevangelou-Genakos C., Plantzos D. (eds.). *Coinage/Jewellery. Uses—Interactions—Symbolisms from antiquity to the present. International conference proceedings, Ios, 26—28 June 2009*. Athens: Lithia-Lithos, 159—178 (Kerma 4).

Fig. 1. Gold beads and necklaces of the 5th century BCE. *1—2, 4—5* — Artyushchenko-2. Taman, Taman museum complex; *3, 6* — Saint Petersburg, State Hermitage. *1* — burial no. 66; *2* — burial no. 69; *3* — Pantikapaion, stone tomb discovered in 1854 on Mount Mithridates, inv.-no. П.1854.23; *4* — burial no. 47; *5* — burial no. 83; *6* — Seven Brothers burial mound no. 2/1875, inv.-no. СБр II.27.

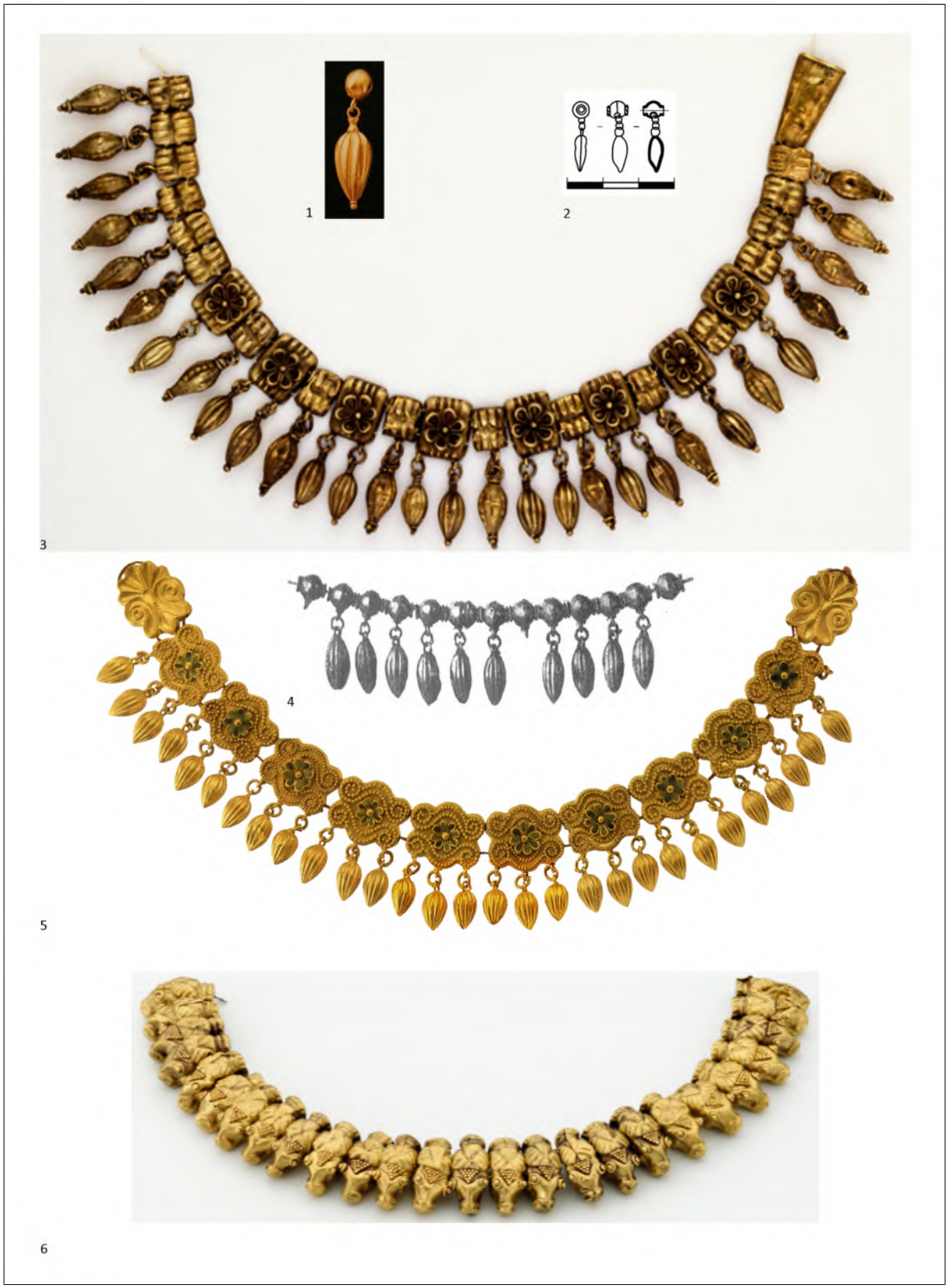


Fig. 2. Gold necklaces and elements of necklaces of the 5th century BCE. *1* — Utash, tomb, 1976. Anapa, Archaeological Museum, inv.-no. КМ 12132/113; *2* — Artyushchenko-2, burial no. 20. Taman, Taman museum complex; *3, 6* — Oxford, Ashmolean Museum; *3* — Nymphaion, tomb no. 3/1868, inv.-no. AN. 1885.502; *4* — necropolis between the capes of Tuzla and Panagia, burial no. 184/1911; *5* — Nymphaion, burial mound no. 17/1876, burial no. 8. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. ГК/Н.18; *6* — Nymphaion, tomb no. 2/1868, inv.-no. AN. 1885.493.

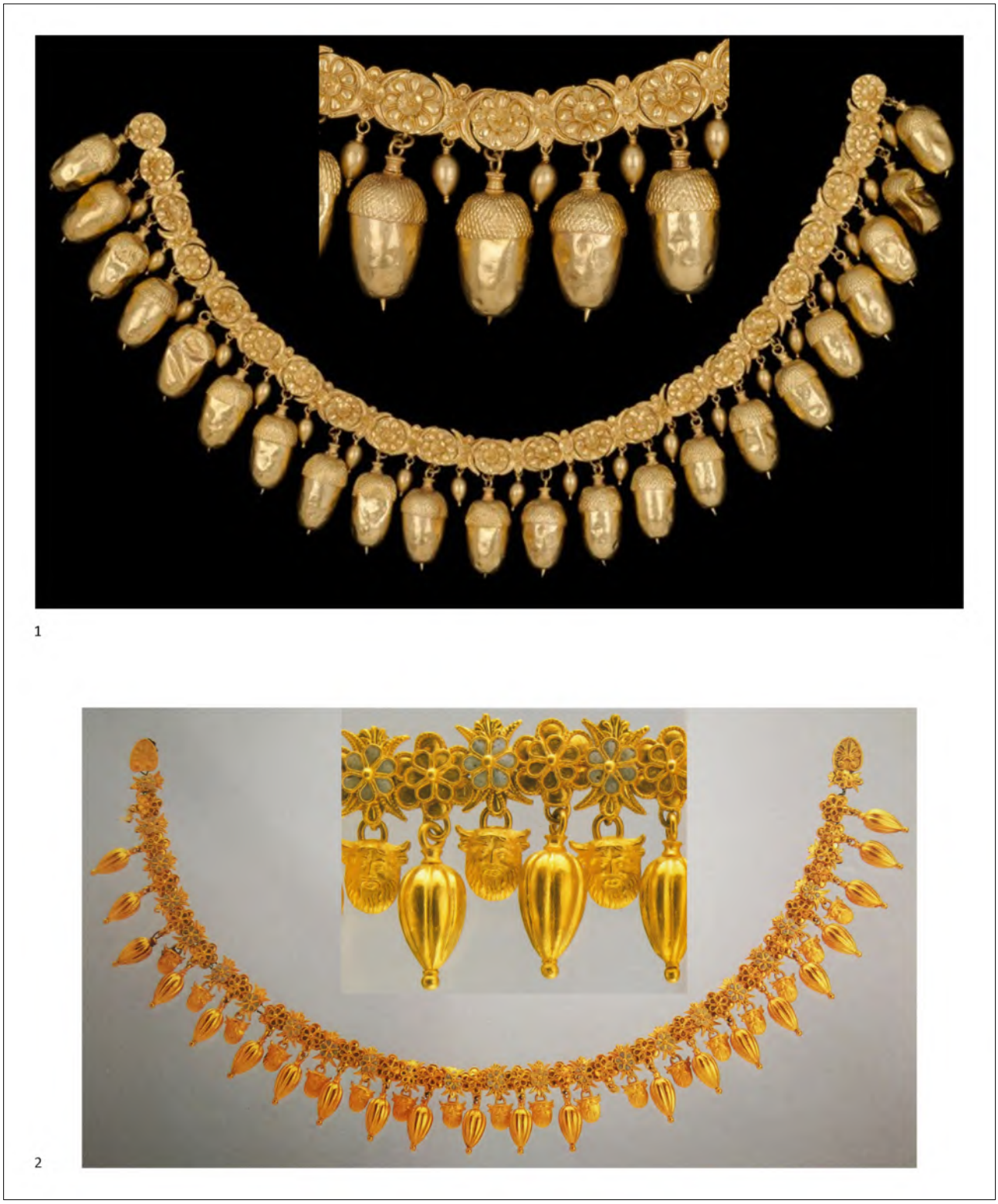


Fig. 3. Gold necklaces of the 5th century BCE. General views and details. *1* — Nymphaion, tomb no. 3/1868. Oxford, Ashmolean Museum, inv.-no. 1885.482; *2* — Pantikapaion, stone tomb discovered in 1854 on Mount Mithridates. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. П.1854.22.

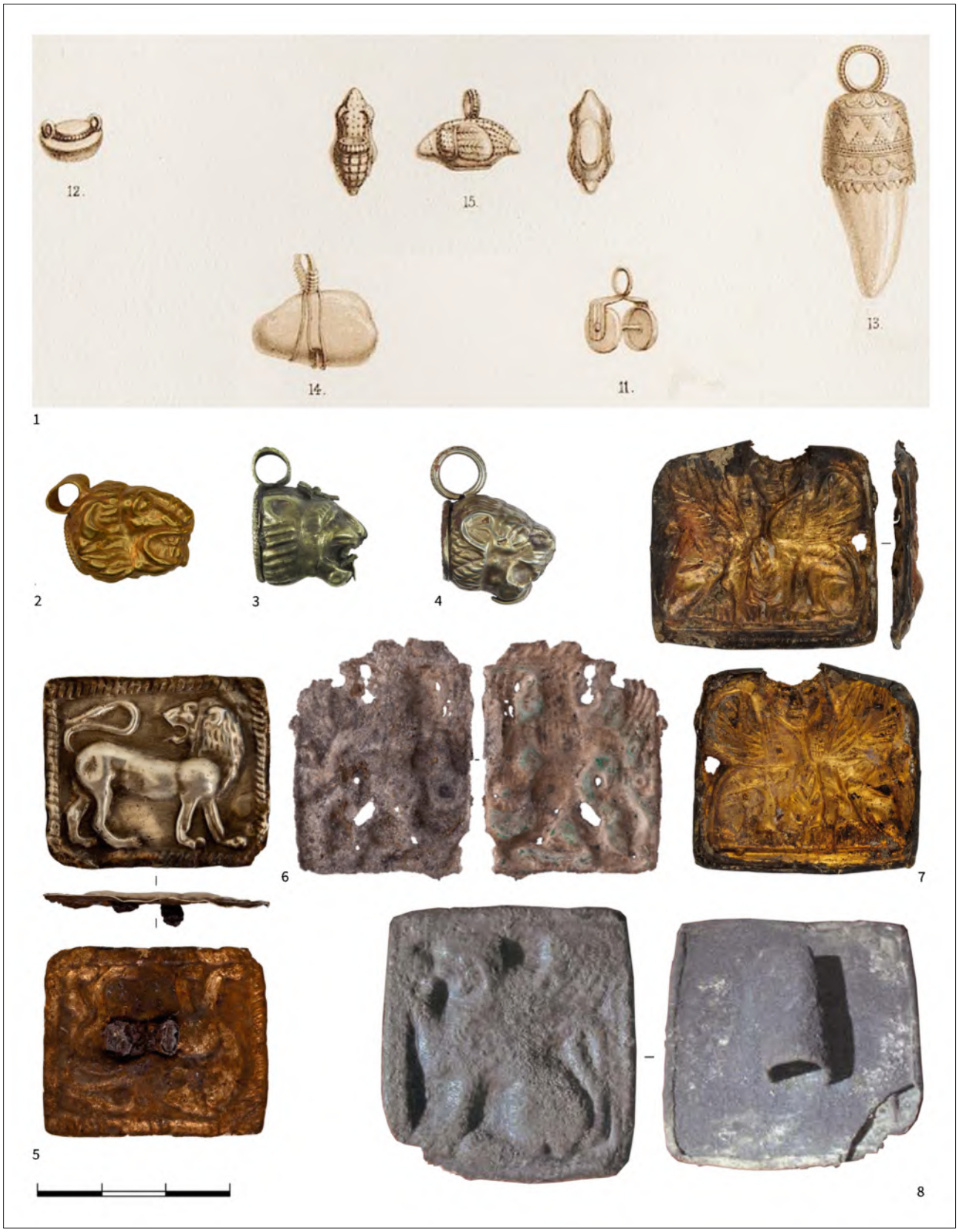


Fig. 4. Pendants and amulets of the late 6th — 5th centuries BCE. *1* — Seven Brothers burial mound no. 4/1876. Saint Petersburg, State Hermitage; *2* — Kepoi, burial no. 282/27 (1964). Moscow, State Historical Museum, inv.-no. 98709, list Б-1324, no. 87; *3—7* — Volna-1. Taman, Taman Museum complex; *3* — burial no. 72/2015, inv.-no. КМ-13928/158, *4* — burial no. 114/2015, inv.-no. КМ- КМ-13928/306; *5* — погребение № 207; *6* — find in the territory of the necropolis; *7* — burial no. 539; *8* — Sindian Harbour, burial no. 5/2006. Anapa, Archaeological Museum.

Fig. 5. Gold temple rings and earrings of the 5th century BCE. *1* — Nymphaion, burial mound no. 17/1876, burial no. 8, inv.-no. ГК/Н.17; *2* — Pantikapaion, stone tomb no. 10/1911 discovered on Mount Mithridates; *3* — Volna-1, burial no. 539. Taman, Taman Museum complex; *4* — Seven Brothers burial mound no. 7/1876, inv.-no. СБр VII.13; *5* — Nymphaion, earthern tomb no. 26/1876; *6* — Nymphaion, tomb no. 1/1868. Oxford, Ashmolean Museum, inv.-no. 1885.468; *7* — Dort-Oba, burial mound no. 2/1892 (“Pastak”). *1*—2, *4*—*5, 7* — Saint Petersburg, State Hermitage.

Fig. 6. Silver spiral pendants of the 5th century BCE from the necropoleis oft he Taman peninsula. *1—2* — Volna-1. *1* — burial no. 27; *2* — burial no. 54; *3* — Vyshesteblievskaya14, layer, no. 49.

Fig. 7. Gold and silver bracelets of the 5th century BCE. *1* — Volna-1, burial no. 539. Taman, Taman Museum complex; *2* — Nymphaion, earthern tomb no. 26/1876; *3* — Pantikapaion, stone tomb discovered in 1854 on Mount Mithridates, inv.-no. П.1854.28—29; *4* — Nymphaion, tomb no. 3/1868. Oxford, Ashmolean Museum, inv.-no. AN. 1885.503; *5* — Kul-Oba. Male burial, inv.-no. K-O 18; *6* — Seven Brothers burial mound no. 7/1876, inv.-no. СБр IV.14. *2*—3, *5*—*6* — Saint Petersburg, State Hermitage.

Fig. 8. Gold and silver signet rings of the late 6th —5th centuries BCE. *1—2* — Nymphaion, tomb no. 2/1868. Oxford, Ashmolean Museum, inv.-no. AN 1885.492; *3—4* — Nymphaion, burial mound no. 17/1876, burial no. 8, inv.-no. ГК/Н.18; *5* — Phanagoria, 1855, inv. no. Т.1885.1; *6—8* — Phanagoria, 2018. Phanagoria, Phanagoria State Historical and Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. ФМ-КП-102/1 А2278 ГК 31684945; *9* — Taman Peninsula, inv. no. Т.1877.1. *3—5, 9* — Saint Petersburg, State Hermitage.

Fig. 9. Gold signet rings of the 5th century BCE. *1* — Pantikapaion, stone tomb discovered in 1854 on Mount Mithridates, inv.-no. П.1854.26; *2* — Nymphaion, inv.-no. AN 1885.490; *3* — Seven Brothers Burial Mound No. 6/1876, inv.-no. СБр VI.8; *4* — Pantikapaion, 1841, inv.-no. П.1841/42.23; *5* — Nymphaion, inv.-no. 1885.484; *6* — Nymphaion, tomb no. 22/1876, inv.-no. ГК/Н.125. *1, 3—4, 6* — Saint Petersburg, State Hermitage; *2, 5* — Oxford, Ashmolean Museum.

Fig. 10. Gold decorative finger rings of the 5th century BCE. *1—3* — Pantikapaion, stone tomb discovered in 1854 on Mount Mithridates, inv.-no. П.1854.25; *4* — Slab tomb near the Pavlov Battery, discovered in 1842, inv.-no. П.1842.110; *5—6* — Nymphaion, burial mound no. 20/1876, tomb no. 9, inv. no. ГК/Н.47; *1—6* — Saint Petersburg, State Hermitage; *7—9* — collection of S. Yedaev.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.73.34.003

М.Ю. Трейстер, Н.И. Сударев, С.М. Ильяшенко

ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ БЛЯШКИ — ЭЛЕМЕНТЫ ОЖЕРЕЛИЙ ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО — РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ*

Данная статья посвящена публикации золотых и серебряных блях с петлями или пронизями на обороте из погребений конца VI — V вв. до н.э. некрополей Волна 1 на Таманском полуострове и Синдской Гавани (совр. Анапа). Они имеют прямоугольную форму с припаянным в центральной части оборотной стороны кольцом или пронизью, служившими вероятнее всего для продевания шнура. Отсутствие отверстий по краям и наличие петли и пронизи предполагают подвешивание этих пластин, скорее всего, на кожаных шнурах. Косвенно такая атрибуция подтверждается и местами их находок в погребениях.

В этой связи публикуются комплексы пяти погребений (двух — из некрополя Волна 1 и трех — из Синдской Гавани), рассматриваются и устанавливаются датировки комплексов.

Небольшие бляшки украшены следующими мотивами, каждый из которых подробно анализируется: идущий лев с повернутой назад головой, сидящие сфинкс и двойной сфинкс, четырехкрылая Сирена, бегущая крылатая богиня с зайцем в одной руке, и венком — в другой.

Публикуемые бляхи абсолютно необычны и не находят параллелей в других регионах античного мира. Некоторые из них, как бляха из некрополя Волна 1 с изображением бегущей крылатой богиня с зайцем в одной руке, и венком — в другой, демонстрируют уникальный для архаического времени мотив, при этом, учитывая другие находки небольших серебряных и золотых блях в этом некрополе, нельзя исключать и ее (их) местное изготовление.

Ключевые слова: Боспор, Таманский полуостров, золотые и серебряные бляшки-элементы ожерелий, изображения сфинксов, льва, Сирены, бегущей крылатой богини с зайцем в одной руке, и венком — в другой, чернолаковая керамика, датировка погребальных комплексов некрополей Волна 1 и Синдская Гавань.

Сведения об авторах: Трейстер Михаил Юрьевич[1], Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь; Сударев Николай Игоревич[2], кандидат исторических наук, научный сотрудник Институт археологии РАН; Ильяшенко Сергей Михайлович[3], кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

Контактная информация: [1]53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2,3]117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: [2]sudarev@list.ru, [3]silyas@list.ru.

Mikhail Treister, Nikolay Sudarev, Sergey Ilyashenko

GOLD AND SILVER PLAQUES — ELEMENTS OF NECKLACES FROM THE NECROPOLEIS OF THE ASIAN BOSPORUS OF THE LATE ARCHAIC — EARLY CLASSICAL PERIOD

This article is devoted to the publication of gold and silver plaques with loops or tubes on the rear from the late 6th — 5th centuries BCE burials of the necropoleis of Volna 1 on the Taman peninsula and Sindian Harbor

* Н.И. Сударевым и С.М. Ильяшенко подготовлен раздел о контексте находок и датировки комплексов из Северного Причерноморья, остальная часть статьи написана М.Ю. Трейстером.

Исследование выполнено Н.И. Сударевым при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора».

Статья поступила в номер 11 июня 2025 г.
Принята к печати 25 июня 2025 г.

© М.Ю. Трейстер, Н.И. Сударев, С.М. Ильяшенко, 2025.

(modern Anapa). The plaques are rectangular in shape with the loops or tubes in the central part on the rear. The absence of holes along the edges excludes the attribution of them as appliqués sewn onto fabric. The presence of a loop or a tube suggests another method of fastening (hanging) these plates, most likely on leather cords. This is indirectly confirmed by the location of the plaques in the burials.

In this connection there are published the contexts of five burials (two — from Volna 1 and three — from Sindian Harbor and the dates of them are discussed in detail and established.

The small plaques are decorated with the following motifs: a walking lion with its head turned back, a sitting sphinx, a double sphinx, a Siren with four wings, a running winged goddess with a hare in one hand and a wreath in the other. Each of these motifs is discussed in detail.

The plaques under discussion are absolutely unusual and do not find parallels in other regions of the ancient world. Some of them, like the plaque from the Volna 1 necropolis with the image of a running winged goddess with a hare in one hand and a wreath in the other, demonstrate a motif unique to the Archaic period, while, given other finds of small silver and gold plaques in this necropolis, its (their) local manufacture cannot be ruled out.

Key words: Bosporan Kingdom, Taman peninsula, gold and silver plaques — elements of necklaces, images of sphinxes, lion, Siren and running winged goddess with a hare in one hand and a wreath — in another, black-glazed pottery, dating of the burial complexes of the necropoleis of Volna 1 and Sindian Harbor.

About the authors: Treister Mikhail[1], Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher; Sudarev Nikolay[2], PhD (History), Research Fellow at the Department of Classical Archaeology, Institute of Archeology RAS; Ilyashenko Sergey[3], PhD (History), Researcher Fellow at the Department of Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archeology RAS.

Contact information: [1]53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2,3]117036, Russian Federation, Moscow, Dmitriya Ulyanova street, 19, e-mail: [2]sudarev@list.ru,; [3]silyas@list.ru.

Введение

Данная работа посвящена публикации и атрибуции золотых и серебряных блях, происходящих из комплексов некрополей Синдской Гавани и Волны 1 на Таманском полуострове, датирующихся V в. до н.э.

Контекст и хронология комплексов

Погребение № 207/2016, некрополь Волна 1 (рис. 1)

Могильная яма не прослежена. Скелет плохой сохранности. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на СВ. Левая рука лежит вытянуто вдоль туловища, правая была согнута в локтевом суставе под тупым углом. Ноги находились в вытянутом положении. Материал расположен слева от погребенного, что является обычным для данного некрополя.

Слева от фрагментов черепа лежало бронзовое зеркало, на зеркале находился бронзовый предмет (кимвалы?), рядом, на уровне плеча, расчищены фрагменты килика чернолакового (рис. 1: 2), между ним и костями руки лежала спиралевидная серебряная подвеска.

Среди сохранившихся ребер были выявлены бусина, две бронзовые пронизи(?), подвеска с изображением льва, раковина каури, а чуть ниже правой локтевой кости — изделие костяное и пластина бронзовая.

Слева от бедренной кости расчищены фрагменты красноглиняной миски (рис. 1: 3) и предмет бронзовый.

Дата погребения определяется по фрагментированному *чернолаковому килику* (рис. 1: 2). Данный сосуд относится к сосудам на низком поддоне (*stemless*), большим киликам с вогнутым венчиком и выступом на внутренней поверхности под ним (*large, insert lip*). Наиболее близкие аналогии из раскопок Афинской Агоры, колодца F 19:4 (490—450 гг. до н.э.) и строительного

уровня C 18:7 (475—450 гг. до н.э.) (Sparkes, Talcott 1970: 101—102, 268, nos. 470—471). Такие сосуды появляются во второй четверти V в. до н.э., и существуют довольно долго. Однако неокрашенная (зарезервированная) внутренняя поверхность ручки характерна именно для ранних сосудов. Таким образом, дата данного сосуда — вторая четверть V в. до н.э.

Данной датировке не противоречит и датировка остальных предметов, а также их сочетание (килик, крупная миска, зеркало), которое на данном некрополе характерно именно для этого времени.

Погребение 539/2018, некрополь Волна 1 (рис. 2)

Погребение совершено в ящике из сырцовых блоков (рис. 2: 1). Яма имела прямоугольную форму и была вытянута по линии ВЮВ—ЗСЗ. Размеры погребальной камеры — 2,25 × 1,4 м. Над могилой было устроено перекрытие из камки на деревянной основе, от которой сохранились отдельные плахи. На дне камеры располагалась деревянная конструкция (клине или саркофаг) скреплённая железными гвоздями и скобами. В этой конструкции лежал скелет погребенного[1] 25—35 лет. Костяк находился в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на В. Захоронение сопровождал разнообразный инвентарь. На перекрытии были обнаружены чернолаковый килик на ножке. В юго-западном углу могилы стояла красноглиняная амфора. Слева от скелета находились бронзовое зеркало, под которым лежала золотая серьга (рис. 2: 9), одноручная чернолаковая чаша, чернолаковое миниатюрное блюдо на ножке, бронзовая пуговица, фрагменты бронзового кольца (рис. 2: 10), шпатель из серого металла (серебряный?) (рис. 2: 6), бронзовый предмет, фрагменты железного предмета с остатками древесного тлена. На не сохранившихся предплечьях находились два серебряных браслета (рис. 2: 7, 8). В районе не сохранившегося таза, слева от него, обнаружены деревянное изделие и железное кольцо. В заполнении могилы встречены две пастовые глазчатые бусины, фрагмент серебряного предмета, фрагмент железного предмета и чеканная золотая пластина с изображением сфинкса. Данное погребение и отдельные вещи из него было частично опубликовано (Мимоход, Сударев, Успенский 2018a: 223—226, рис. 8; 10: 1—2; 2018b, 124—133, рис. 5; 13: 1—3) поэтому сконцентрируемся на сосудах, которые могут уточнить датировку.

Амфора красноглиняная (рис. 2: *5*), производство — Северная Эгеида («протофасосские») на сложнопрофилированной ножке. Относится к V серии, которая датируется первой половиной V в. до н.э. (Монахов, 2003: 41—42, табл. 26; Монахов и др. 2019: 119, NA. 13; 2022: 72, NA. 6, 7), однако внутри нее можно выделить некоторые варианты. Так, наиболее близкие по пропорциям, размерам и форме венчика амфоры датируются более узко — 475—450 гг. до н.э. (Монахов и др. 2022: 72, NA. 6, 7; Паромов, Сударев 2000: 203, рис. 4), а одна из самых близких амфор из погребения 118 Березанского некрополя, которую С.Ю. Монахов датирует 490—469 гг. (Монахов и др. 2019: 119, NA. 13). Однако, по материалам из погребения (Борисфен—Березань 2005: № 170) она вряд ли датируется ранее 480—470 гг. до н.э., а скорее — именно второй четвертью столетия[2].

Таким образом, дата данной амфоры — вторая четверть V в. до н.э., возможно ее начало.

[1] При плохой сохранности костей дать точное половое определение в некрополе Волна не всегда возможно. Антропологи при изучении некрополя отмечают наличие представителей двух популяций, одна из которых отличается довольно крупными размерами костяков, в том числе женских. Данный погребенный относится именно к этой популяции. Судя по набору инвентаря погребение было женское.

[2] Лекиф из погребения 118 не опубликован, однако опубликован план погребения, из которого видно, что лекиф был расколот на две части по тулову (Соловьев 1997: рис. 78). В коллекции Государственного Эрмитажа хранится три лекифа поступивших в 1984 г. (Доманский и др. 1989: рис. 16: 2, 17: 2, 3), из них из двух половин склеен один (Доманский и др. 1989: рис. 16: 2) и его дата укладывается в рамки второй четверти V в. до н.э. Отметим, что и два других лекифа (выполненный в мастерской Белдам и класса Athens 581 в манере Хаймона) так же датируются либо всей второй четвертью, либо ее началом.

Килик на ножке чернолаковый (рис. 2: 4). Данный сосуд относится к типу Vicup, который производился короткое время в 480—460 гг до н.э. и., вероятно в одной мастерской (Sparkes, Talcott 1970: 93, 265, nos. 434—437). Аналогичный сосуд происходит из некрополя Волна 1 (Цокур и др. 2022b: 92).

Чаша одноручная чернолаковая (рис. 2: 2). Относится к полностью чернолаковым одноручным чашам по типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт (Sparkes, Talcott 1970: 126—128). Данный тип появился после 480 г. до н.э. и существовал вплоть до начала III в. до н.э. Полностью аналогичных чаш среди материалов Афинской Агоры нам не известно. Следует, однако, отметить, что крупные «П»-образные ручки и внутренняя часть кольцевого поддона для таких сосудов являются ранними признаками. Однако, от остальных чаш данный экземпляр отличается загнутым внутрь венчиком. Такой венчик мы встречаем на полосатой одноручной чаше из материалов Афинской Агоры (Sparkes, Talcott 1970: 126, 289, no. 737), которая датируется временем около 480 г. до н.э. Наиболее вероятная дата для данного сосуда — от 480 года до 460-х гг. до н.э.

Блюдо на ножке миниатюрное чернолаковое (рис. 2: 3). Данный сосуд относится к классу «Блюдо на высокой ножке» (Stemmed dish). Посуду такой формы изготавливали в аттических мастерских в течении небольшого промежутка времени — с конца VI до второй четверти V в. до н.э., однако в некрополях они встречаются вплоть до середины V в. до н.э., а в некрополях Боспора — вплоть до третьей четверти столетия (Sparkes, Talcott 1970: 138—142, Цокур и др. 2022a: 130—131). По типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт сосуд относится к типу «блюда с выпуклыми стенками»-миниатюрные (*convex and small dish*) (Sparkes, Talcott 1970: 139; Knigge 1976: 86, Taf. 112; Kunze-Götte et al. 1999: 86, Abb. 16).

Исходя из сочетания формы, качества лака и пропорций, данное блюдо следует отнести к развитым вариантам этого типа сосудов. Отличительной чертой данного сосуда является отсутствие выраженного утолщения на внешней поверхности венчика. По материалам раскопок Афинской Агоры наиболее близки ему сосуды № 981, 985, которые датируются 480—470 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 305).

Таким образом, дата погребения — 480—460 гг. до н.э.

Погребение № 5/2006 некрополя Синдской Гавани (рис. 3)

Погребение совершено в могильной яме перекрытой сверху плитами. Перекрытие представляет собой уложенные в стык четыре плиты. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, углы скруглены. Длина ямы — 2 м. Ширина в районе черепа — 43 см, ног — 57—58 см.

Костяк расположен на спине, руки вытянуты вдоль тулова, ноги расположены параллельно. Погребенный, как и остальные на данном участке был ориентирован головой на ВСВ.

Инвентарь. С правой стороны у нижней челюсти — бляшка серебряная с изображением сфинкса.

С правой стороны грудной клетки (между ребер) обнаружен фрагмент амулета (бусина-«личина») (рис. 3: 8). С левой стороны грудной клетки (в нижней части), между ребер, бусина глазчатая (паста) (рис. 3: 6). Справа, около таза, маленькая пастовая бусина (рис. 3: 5). Слева, у берцовой кости, круглое (д=16 см) бронзовое зеркало, лежащее под углом. Рядом с зеркалом находилась чернолаковая солонка. Рядом обнаружена бусина глазчатая (рис. 3: 7). У лодыжки (с левой стороны) железный нож. В ногах — лежащая на боку красноглиняная ойнохоя (рис. 3: 3). Рядом с зеркалом лежало керамическое пряслице (коническое, подлощенное) (рис. 3: 4). На фалангах среднего и безымянного пальцев левой руки — зеленые окислы (разрушенное кольцо).

Так как данное погребение было уже нами подробно рассмотрено и опубликовано (Сударев 2023: 67—68), остановимся для датировки, только на *чернолаковой солонке* (рис. 3: 2).

Данная солонка относится к типу «миски с мелкими стенками и выпукло-вогнутым профилем», по классификации Б. Спаркса и Л. Талькотт (Sparkes, Talcott 1970: 130—131;

Егорова 2017: 76). Подобные солонки известны по материалам афинской агоры и производились в одной афинской мастерской. Датируются в пределах середины — второй половины V в. до н.э. Наиболее близкие экземпляры датируются 450—430-ми гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: nos. 816—818). Подобные сосуды были обнаружены и при раскопках некрополя Керамика, где они датируются либо третьей четвертью V в. до н.э., либо более точно — 430—420 гг. до н.э. (Knigge 1976: 53, Nr. 234,1; Kunze-Götte et al. 1999: 92, 98, Nr. 328, 383,6).

Дата погребения — 450—430 гг. до н.э.

Погребение № 15/2022 некрополя Синдской Гавани (рис. 4, 5)

Погребальная конструкция — прямоугольная яма с заплечиками. Яма ориентирована длинной осью по линии З—В. Длина ямы по дну — 1,56 м (по верхнему контуру — 1,67 м); ширина — 0,79 м (по верхнему контуру — 1,04 м); глубина — 0,47 м. Яма перекрыта сверху тремя крупными, плоскими каменными плитами. На дне могильной находился костяк ребенка 3—4 лет. Погребенный лежал по линии В—З, головой на восток. Правая рука уложена вдоль костяка, левая отведена к югу и согнута в локте под тупым углом. Ноги вытянуты.

Инвентарь, за исключением деталей костюма и украшений, располагался в ногах погребенного.

Справа у черепа находилась серьга ладьевидная (калачевидная) серебряная (рис. 5: 11). В области шеи и ключиц — низка из 23 бус (20 — серебряных (рис. 5: 5, 7), 2 — гагатовые (рис. 5: 4, 6) и одна — подвеска синего стекла (рис. 5: 3)). Там же располагалась пластина с рельефным изображением сидящего сфинкса. В районе правого запястья находилась еще одна низка из 16 бус (браслет), который состоял из кулона из зеленоватого камня овалоидной формы с ушком для подвешивания (рис. 5: 8), клыка лисицы (рис. 4: 7), костей лап лисицы (рис. 4: 8), глазчатых, пастовых и стеклянных бусин (рис. 4: 4, 5; 5: 2). У кисти правой руки находились мелкие фрагменты яичной скорлупы.

Справа от костяка, в районе колен находился лекиф чернолаковый, рядом, в районе берцовых костей — миниатюрная мисочка коринфского производства (рис. 4: 9). На уровне костей стопы справа — килик чернолаковый. Между киликом и мисочкой — бронзовая игла и кусок реальгара (румян). В килике и рядом — три свинцовые скрепы. Ниже костей стоп, левее — фигурная ойнохоя.

Для уточнения датировки погребения остановимся на керамических и, в первую очередь — чернолаковых изделиях.

Лекиф чернолаковый цилиндрический (рис. 4: 3). Тулово удлинённое, сильно изгибается к ножке. Ножка лапковидная, в виде тонкого диска с ровным краем и небольшим углублением в центре снизу. Горловина тонкая, узкая. Венчик широкий, расширяется кверху. Плечо почти плоское. Лак чёрный, блестящий, покрывает тулово сосуда, венчик и внешнюю сторону ручки. Плечо — в цвете глины, украшено орнаментом в виде тонких лепестков, нанесенных чёрным лаком. По верхней части тулова — поясок сетчатого орнамента чёрным лаком. Глина бежевая, хорошо отмучена.

Лекифы с чернолаковым туловом были отнесены Б. Спарксом и Л. Талькотт (вслед за Э. Хаспелс) к лекифам группы «маленького льва» («black-bodied lekythoi of Little Lion shape») (Haspels 1936: 98—100, 107—109, 164; Sparkes, Talcott 1970: 153), однако эта группа неоднородная и явно производилась в различных мастерских. Для уточнения мастерской, которая производила именно такие лекифы важна форма сосуда, его ножки, украшения на плечиках и верхней части тулова и цвет глины. По всем этим параметрам данный сосуд относится к лекифам, произведенным в мастерской «Белдама» (Haspels 1936: 170—171, 186), среди материалов которой такие сосуды известны (Haspels 1936: 186). По мнению Э. Хаспелс, они производились, начиная с 470 г. до н.э. и до середины столетия. В своей диссертации 2016 г. П. Панаритис относит такие сосуды к типу V.1 (лекифы с чернолаковым туловом и линейным орнаментом), варианту V.1.α (Panarite 2016: 126,

αρ. 719—723). Три лекифа из могил в Элевсине и некрополя Сабучины датируются 470—450 гг. до н.э. (Panarite 2016: 289—290, αρ. 720—722; Panvini 2003: 83). Отметим, что в некрополе Сабучины известно еще несколько таких сосудов в погребениях третьей четверти V в. до н.э., хотя сами лекифы могут датироваться и серединой столетия (Pizzo 2000: 264—265, 271—272, 285—286, 305—306, 307—308). Наиболее близкие аналогии происходят из Гиппония (Вибо-Валентина) (BAPD 19525, 19526, 19527), Палермо (коллекция Мормино) (BAPD 9007805—9007810) и Афин (Knigge 1976: 139, Nr. 219.1; 148, Nr. 275.1), атрибутируются как работы мастерской Белдама и датируются второй третью V в. до н.э.

Расписная чернолаковая ойнохоя класса Кука (рис. 5: 1). Горло усеченно-конической формы, плавно расширяется от тулова к венчику. Венчик оформлен в виде выступающего слива, на противоположной от ручки стороне. Ручка округлая в сечении, высоко поднята. Верхний прилеп ручки крепится к краю венчика сверху; нижний прилеп — к средней части тулова. Придонная часть цилиндрической формы, слегка расширяется ко дну. Дно плоское. Ойнохоя изготовлена в виде головы молодой женщины. Лицо и шея выполнены в цвете глины. Контур глаз и зрачки прорисованы чёрным лаком, белки — с использованием белой накладной краски. Лицо обрамлено сложной причёской в виде трёх рядов мелких локонов. Чепец, плавно переходящий в горловину ойнохоя с ручкой, покрыт чёрным лаком. Поверх чепца белой краской прорисован остролистный оливковый венок. По нижней части шеи — широкая полоса чёрного лака. На лице (в районе глаз, ноздрей и волос) — плохо сохранившиеся следы красной краски. Глина бежево-красная, хорошо отмучена. Лак чёрный, глянцевый. Размеры: высота — 15,1 см (с ручкой — 18,1 см); диаметр венчика — 4,8 см; диаметр дна — 5,9 см; высота ручки — 11,0 см; диаметр сечения ручки — 1,2 см.

Относится к фигурным сосудам класса N, класс Кука (*the N Class, the Cook Class*). Такие сосуды выделил Дж. Бизли (Beazley 1929: 63—65; ARV^2: 1539—1544). Это одна из самых больших групп аттических фигурных ваз[3]. Сейчас такие ойнохои обычно датируются в пределах 480—460 гг. до н.э. (Beazley 1929, 65; Mingazzini 1971, 31—32; Greek vases 1995: 252; CVA Bochum 2: 30—31; CVA Berlin 18: 44—59; CVA Wien 5: 40—42; Панайотова 2009: 58). По мнению Дж. Бизли, большинство этих ваз — произведения одного коропласта, «простенькие маленькие изделия с архаической настороженностью в выражении лица. Челочка в виде рядов рельефных точек. В группе есть ранние и более поздние изделия; у более поздних лицо длиннее, а улыбка — бледнее. И если я не ошибаюсь, длина шейки вазы со временем возрастает» (Beazley 1929: 63—65; Петракова и др. 2019: 251). За последние годы были проведены дополнительные исследования этой группы с использованием методов 3D сканирования и электронной томографии (Schöne-Denkinger 2016: 107—117; Schöne-Denkinger et al. 2017: 35—37; Trinkl, Rieke-Zapp 2018: 68—73; Trinkl et al. 2018: 1019—1024; 2024: 114—115). В результате этих исследований авторы обосновали предположение, что все эти вазы производились с помощью двусоставных матриц, при этом, когда приходила в негодность старая матрица, то с имеющегося в наличии сосуда снималась новая форма, которая, по естественным причинам, имела чуть меньшие размеры. В результате, на основании анализа около 225 сосудов, было выделено три поколения этих ойнохой (Schöne-Denkinger et al. 2017: 36—37; Trinkl, Rieke-Zapp 2018: 71—72; Trinkl et al. 2018: 1023—1024; 2024: 114—115) и сделано предположение, что сосуды могли производиться несколько дольше, чем предполагалось ранее, вплоть до середины V в. до н.э. В таком случае, датировка первого поколения фигурных ойнохой — 480—470 гг. до н.э., второго поколения — 470—460 и третьего — 460—450 гг. до н.э.

Сосуд из погребения 15 имеет размеры, форму и элементы росписи, аналогичные сосудам из некрополей Болоньи (Pellegrini 1912: 168—169, nos. 332, 333; Trinkl et al. 2024: 115, fig. 7.4), которые относятся ко второму поколению фигурных ваз этого класса. Традиционная датировка

[3] В настоящее время только в BARD учтено 262 таких сосуда.

таких сосудов — 470-е годы (CVA Bologna 5, 18; Петракова и др. 2019: 251), однако представляется более корректной датировка 470—460 гг. до н.э.

Чернолаковый килик на низком широком поддоне (рис. 4: 6). Венчик прямой. Ручки горизонтальные, П-образные, округлые в сечении, крепятся в средней части тулова, плавным изгибом приподняты кверху, до уровня края сосуда. Поверхность покрыта черным, блестящим лаком. Подошва поддона и внешняя поверхность дна без лакового покрытия. На нижней поверхности дна в центре нанесенная лаком точка и небольшая концентрическая окружность. Глина бежево-красная, хорошо отмучена. Размеры: высота —4,9 см; диаметр по краю — 14,2 см; диаметр дна — 7,6 см.

Килик относится к группе «Киликов на низком поддоне (*stemless*)», типу «Больших киликов» и варианту «с прямым венчиком (Large, plain rim)» по типологии Б. Спаркса и Л. Талькотт (Sparkes, Talcott 1970: 102, no. 474). Данный вариант появляется уже во второй четверти V в. до н.э., но наиболее популярен в третьей четверти столетия, однако для более поздних экземпляров становится популярным украшение штампованным орнаментом. Данный килик наиболее близок к № 474 из раскопок строительного комплекса C18:7 Афинской Агоры (Sparkes, Talcott 1970: 386), который датируется 475—450 гг. до н.э. Сам килик авторы раскопок датируют 460—450 гг. до н.э. Таким же временем датирует подобные килики и Т.В. Егорова (2017: 28, № 33). Аналогичный сосуд происходит из некрополя Волна 1 (Цокур и др. 2022а: 26).

Таким образом, дата данного погребения — 460—450 гг. до н.э.

Погребение № 31/2022 некрополя Синдской Гавани (рис. 6—8)

Могильная яма прямоугольной в плане формы, ориентирована длинной осью по линии ВСВ—ЗЮЗ. Углы закруглены. Стенки ямы вертикальные, дно ровное. Сохранившаяся длина ямы — 1,39 м. Вероятно, что изначально яма была перекрыта каменными плитами, позднее снесенными при сооружении уличной мостовой (рис. 6: 1).

На дне могильной ямы находился скелет ребенка 6—8 лет. Голени и стопы ног уничтожены поздней ямой. Погребенный лежал вытянуто, на спине, по линии ВСВ—ЗЮЗ, головой на ВСВ. Правая рука вытянута вдоль костяка, левая — отведена к югу и слегка согнута в локте. Кисти рук — вдоль тазовых костей. Ноги вытянуты.

Инвентарь, за исключением украшений и предметов одежды, был сконцентрирован в районе ног, справа от погребенного.

В районе черепа, справа и слева — две медные серьги (рис. 7: 5—6). На шее низка из 73 бус — 71 гагатовая и 2 — серебряные (рис. 8: 25—27). Там же находился серебряный медальон с изображением крылатого божества. На пальцах правой и левой руки — два бронзовых перстня (рис. 7: 7—8), на левой руке — бронзовый браслет (рис. 7: 3). В районе живота — три стеклянные бусины, на запястье правой руки — низка бус из стекла, пяточных костей лисицы и ее клыков, ракушек каури (рис. 8: 1—24). Между кистью правой руки и правым бедром — чернолаковый цилиндрический лекиф, рядом — пряслице глиняное (рис. 7: 4) и солонка чернолаковая. Ниже, справа от правых берцовых костей располагалась чаша-скифос чернофигурная.

Дата погребения определяется по чернолаковым сосудам.

Лекиф чернолаковый (рис. 7: 1). Горло узкое, цилиндрическое с раструбным венчиком. Венчик широкий, расширяется кверху. Плечики горизонтальные. Ручка уплощенно-овальная в сечении, верхним (широким) прилепом крепится к средней части горла, нижним — к плечикам (на месте их перехода к тулову). Тулово удлинённое, в придонной части резко сужается к ножке. Ножка дисковидная, в виде уплощенного диска с ровным краем и небольшим углублением в центре снизу. Размеры: высота — 9,4 см; ширина тулова максимальная — 3,8 см; диаметр ножки — 2,85 см.

Данный сосуд является развитием формы небольших чернолаковых лекифов «*little Lion*» (Sparkes, Talcott 1970: 153). Главными отличиями является форма сосуда — почти

цилиндрическая с небольшим сужением в нижней части, а так же форма ножки. Если у лекифов типа «маленького льва» ножка эхинообразная или конусообразная тонкая, с заметным сужением к краю, то ножка более поздних сосудов дискообразная. Наиболее близкий сосуд, представленный Б. Спарксом и Л. Талькотт, происходит из погребения В на улице Ленормант в Афинах (Sparkes, Talcott 1970: 153, 314, 394, no. 1119; Boulter 1963: 118—120, B6). В данном погребении присутствует так же еще пять чернофигурных и один краснофигурный лекиф, которые были определены Эмили Хаспелс как произведения мастерской Белдама или мастерскими его имитирующими (Boulter 1963: 118—120). К произведениям этой же мастерской или близких мастеров она отнесла и чернолаковый сосуд. Дата погребения — около 450 г. до н.э. Аналогичные сосуды довольно часто встречаются в различных некрополях греческого мира (Robinson 1950— 72; Cat. Gela 2004: 479, nos. 123—125; Schlörb-Vierneisel 1966: 35; Knigge 1976: 121—122, 143, 145, 173—174, 178—179; Kunze-Götte et al. 1999: 13—15, 42, 44, 177—179; Цокур и др. 2022a: 40, 78) и датируются либо 475—450 гг. до н.э., либо более точно 460/450 гг. до н.э.

Чаша-скифос чернофигурная (рис. 6: 2). Сюжет росписи: Сатир, преследующий Менаду, с обеих сторон от них — крупные пальметты. Размеры: высота — 7,4 см; диаметр по краю — 13,6 см; диаметр тулова — 13,37 см; диаметр ножки — 7,1 см.

По форме данная чаша относится к классу R по типологии Перси Н. Юра (Ure 1927: 71—72).

Один из самых близких по форме и элементам росписи сосудов происходит из могилы 76 некрополя Ритсоны (Ure 1913: 36—37, 40—41, pl. IX: 3), которая датируется временем около середины V в. до н.э. Этот сосуд Дж. Бизли относит к Группе Ланкута (*the Lancut Group*) (ABV: 577, no. 24)[4].

Подобные сосуды широко распространены и в основном датируются 480-ми гг. (Горбунова 1983: 182, 183) или даже первой четвертью V в. до н.э. (Morgan 2004: 67—69). Однако издатели Corpus Vasorum Antiquorum нередко предлагают более позднюю датировку, в пределах второй четверти и даже середины V в. до н.э. Такую же датировку для таких сосудов из Ритсоны предложил и П.Н. Юр (Ure 1913: 36—37, 40—41; 1927: 72, 74). В Некрополе Волна 1 так же известен такой сосуд с аналогичной, но менее качественной росписью (Цокур и др. 2022b: 109—110).

Солонка чернолаковая (рис. 7: 2). Тулово невысокое, слегка расширяющееся от дна к краю. Край загнут внутрь. Дно плоское. Поверхность, исключая дно, покрыта зеленовато-черным блестящим лаком. Глина бежево-красная. Размеры: высота — 3,2 см; диаметр тулова — 6,1 см; диаметр дна — 6,5 см. Она относится к аттическому типу «с эхинообразными стенками» (*echinus wall*), на плоском дне. Такие солонки появляются еще во второй четверти V в. до н.э., но более распространены во второй половине столетия (Sparkes, Talcott 1970: 136; Егорова 2017: 83). Следует однако отметить, что довольно близкие по форме сосуды известны так же в афинских некрополях (Schlörb-Vierneisel 1966: 34, 35, 42; Knigge 1976: 51—52; Kunze-Götte et al. 1999, 32, 52—55, 86—88), причем наиболее близкие экземпляры, с высокой, почти прямой стенкой, происходят из погребений второй четверти — середины V в. до н.э.

Таким образом, дата данного погребения — 460—450 годы до н.э.

[4] Среди других сосудов, близких по изображению можно отметить следующие: (Ure 1927: 72, 74, nos. 139.40—139.43; BAPD 1731, 12007, 21429, 331039, 331049, 331052, 331056, 331713, 352111, 1010206), В том числе, к ним относится и скифос BAPD 331034 из коллекции Потоцких в Ланкуте (Польша) который и дал название всей группе (ABV 576: no. 5).

Назначение блях

Бляшки из некрополей Синдской Гавани и Волна 1 имеют прямоугольную форму с припаянным в центральной части оборотной стороны кольцом или пронизью, служившими вероятнее всего для продевания шнура. Отсутствие отверстий по краям исключает атрибуцию пластин как бляшек, нашивавшихся на ткани.

Пластина с изображением льва из погребения № 207 некрополя Волна 1, судя по опубликованной фотографии с масштабом, при ширине 3,5 см имеет высоту 2,9 см. По вертикальной оси припаяна частично сохранившаяся петля диаметром ок. 1,2 см и шириной 0,6 см (рис. 11: 1).

Пластина с изображением сфинкса в профиль влево из погребения № 5/2006 некрополя Синдской Гавани при ширине 2,6 см имеет высоту 2,8 см. По оси пластины на оборотной стороне припаяна по вертикальной оси цилиндрическая пронизь длиной 2,0 см и диаметром ок. 1,0 см (рис. 9: 2, 3).

Почти квадратная (2,7 × 2,75 см) бляха с изображением сфинкса в профиль вправо из погребения № 15/2022 некрополя Синдской Гавани бронзовая, обтянутая с лицевой стороны серебряной фольгой. На оборотной стороне — петлевидное крепление дм. ок. 1,0 см (рис. 9: 1).

Пластина с изображением двойного сфинкса из погребения № 539 некрополя Волна 1 имеет при ширине 3,5 см высоту 2,9 см. На оборотной стороне этой пластины никаких следов петель или пронизей нет. С боковой стороны имеется у края имеется неправильной формы отверстие, вероятно вторичное (рис. 10: 2).

Прямоугольная со скругленными углами серебряная бляха с изображением *en face* четырехкрылого женского персонажа с согнутыми в локтях и прижатыми к груди руками с браслетами на запястьях размером 3,6 × 3,4 см из погребения № 31/2022 некрополя Синдской Гавани на оборотной стороне имеет расположенную в верхней части горизонтальную пластинчатую петлю шириной ок. 0,6 см и длиной ок. 2,0 см (рис. 10: 1).

Бляшки без отверстий по краю с одной петлей в центре или пронизью по вертикальной оси на оборотной стороне

Среди находок из Куль-Обы имеются довольно крупные бляхи, которые на оборотной стороне имеют припаянные по вертикальной оси пронизи прямоугольного или округлого уплощенного сечения. В первом случае это бляха выс. 5,0 см, шир. 3,7 см и весом 28,35 г с изображением двух братающихся скифов (Artamonov 1970: Taf. 203; Galanina, Grach 1986: pl. 196; Kat. Hamburg 1993: 124—125, Nr. 61; Kat. Bonn 1997: 160, Nr. 66; Калашник 2014: 10, 132—133; фото оборотной стороны: Калашник 2014: 10, внизу)), во втором — пять блях выс. 5,8—6,4 см при ширине 3,1—3,2 см и весом до 9,38 г с изображением скифа (Артамонов 1961: 79, 80, рис. 23; Artamonov 1970: Taf. 204; Galanina, Grach 1986: pl. 198; Журавлев 2013: 157—167; Журавлев и др. 2014: 34—41, 199—200, № 2—4; 224, № 61, табл. 3—4, 17). Еще М.И. Ростовцев высказал предположение о том, что такие бляхи могли нанизываться на вертикальные ремни (Ростовцев 1913: 12). Учитывая место находки в мужском погребении, за головой (Дюбрюкс 2010: 184), можно предполагать, что они были украшением парадных башлыков царя (Ростовцев 1925: 379; Артамонов 1961: 79). Впрочем, учитывая размеры и вес пронизей, особенно с изображением двух скифов, а также прямоугольное сечение пронизи этой бляхи, предположение кажется маловероятным, по крайней мере, по отношению к ней. Пронизи блях с изображением скифа при ширине 1,5—1,7 см имеют максимальную ширину 0,3 см, внутренние размеры: 1,3—1,4 см при толщине 0,2 см. В данном случае больше оснований предполагать, что они действительно могли нанизываться на кожаные ремни.

Вероятно подобным же образом крепились и небольшие (диаметр 2,85—2,95 см) круглые серебряные, обтянутые золотой фольгой бляхи с изображением двойного сфинкса

из датируемой второй четвертью IV в. до н.э. гробницы А в Катерини в Македонии — широкая пластинчатая петля проходит по вертикальной оси — соответственно бляхи крепились на горизонтальном ремне (Cat. Thessaloniki 1978: 36, no. 26; Despini 1980: 207; Treister 2001: 119, fig. 54: 2; Cat. Thessaloniki 2007: 107, 1.B; Schmidt-Dounas 2017: 78—79, Nr. Vk2—6, Taf. 40: 1—2; Farbtaf. 19; 3—4). Ранее предполагалось, что бляхи из Катерини могли служить украшением кожаного панциря (Despini 1980: 208; Archibald 1998: 199, 256; Treister 2001: 119). Наличие петли на обороте (фотография опубликована в 2017 г.), а также другие соображения позволяют рассматривать их как бляхи конской узды (Stamatopoulou 2010: 231—253; Schmidt-Dounas 2017: 79—82, 148).

Вертикальные пронизи припаяны к оборотной стороне контурных золотых блях высотой 3,1 см с фронтальным изображением женской фигуры с двумя парами крыльев, происходящих из Малой Азии и датированных серединой VI в. до н.э. (Greifenhagen 1970: 30, Nr. 6—7, Taf. 10).

Бляшки без отверстий по краю с двумя или четырьмя петлями на оборотной стороне

32 тисненные золотые бляшки с фронтальным очень схематичным изображением Сирены были найдены в кургане № 14/1909 г. у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону (Миллер 1910: 116, 118, рис. 26, верхний ряд; Калашник 2014: 201). Фотографии оборотной стороны никогда не публиковались, но, судя по описанию А.А. Миллера, края бляшек были загнуты, а на обороте они имели по две петли (Миллер 1910: 116), а сами бляшки были найдены одна около другой ниже костей ног погребенной (Миллер 1910: 106). По мнению Ю.П. Калашника, изображения являются примером «архаичной, можно сказать, лубочной, народной иконографии сирен» (Калашник 2014: 201). Несколько аналогичных бляшек происходят из Ольвии, в том числе с двумя «разнонаправленными петлями на обороте (Буйских и др. 2016: 71—72, рис. 2: 64—65) и с отверстиями по краю и внизу для нашивания» (Величко 2019: 74, № 26, рис. 3: 4, 78—79). Группа таких же бляшек была приобретена Императорской археологической комиссией у П. Маврогордато (Кат. Ст. Петербург 2024б: 86, № 46). По четыре ушка напаяно на оборотной стороне золотых бляшек с изображением двойных сфинксов из Солохи (Манцевич 1987: 30—31, № 3). Бляшки с подобными парными петлями на оборотной стороне использовались для нашивания. Возможно нашивание через петли предполагало более плотный и тяжелый материал основы, например, кожу, а не ткань. По две или четыре петли напаяно на обороте блях с протомами львов, головой Геракла, орлами и амфоровидными подвесками из упомянутого выше погребения в Катерини, предположительно украшавших узкие круглые в сечении кожаные ремни конской узды (Cat. Thessaloniki 1978: 35—36, nos. 22—25; Despini 1980: 207, eik. 9; Cat. Melbourne 1988: 278, nos. 226—227; Treister 2001: 119, fig. 54: 1; Cat. Thessaloniki 2007: 107, 1.B; Stamatopoulou 2010: 236—238, eik. 6—9; Schmidt-Dounas 2017: 73—78, Nr. Vk2—1—5; 148, Taf. 38—39; Farbtaf. 15—18, 19: 1—2).

Бляшки без отверстий по краю и без петель или пронизей на оборотной стороне

С точки зрения отсутствия отверстий по краю следует обратить внимание на маленькую (1,5 × 1,0 см) золотую пластину с изображением льва из некрополя Панское в Западном Крыму, найденную на костях таза погребенной в могиле К43 женщины. Авторы публикации предполагают, что она служила украшением пояса, к которому могла приклеиваться, судя по следам черноватых остатков на оборотной стороне (Stolba, Rogov 2012: 327, 332, K20, pl. 72). Проверить состояние оборотной стороны пластины из Панского невозможно, как не могли этого сделать авторы публикации, т.к. она утрачена, но судя по фотографии оборотной стороны, нельзя исключать того, что в центральной части пластины сохранился корень петли. Две золотые прямоугольные пластины, также без отверстий по краю, и также с профильными изображениями льва происходят из македонской гробницы конца V в. до н.э. в Ставруполи.

Их размеры: ширина 2,1—2,2 см при высоте 1,2 см — отмечается, что они изначально украшали металлический или кожаный панцирь, к которому они были приклеены (Cat. Melbourne 1988: 378, no. 344; Rhomiopoulou 1989: 206, αρ. 6—7, πίν. 50α; Kat. Hannover 1994: 209, Nr. 247—248; Cat. Thessaloniki 1997: 102, no. 90; Cat. Thessaloniki 2007: 178, nos. 4—5. Thessaloniki, inv. 5129—5131). Подобным же образом, как украшения кожаных или железных панцирей (Archibald 1998: 199, 256; Ognenova 2000: 20, fig. 4; Treister 2001: 119; Иванов 2018: 156—161; 2023: 246—247), интерпретируются и золотые или серебряные с позолотой пластины без каких-либо креплений на оборотной стороне, происходящие из аристократических погребений Фракии и Македонии середины V — второй четверти IV в. до н.э., в частности из Голямата могила в районе Дуванли (См. в целом: Filow 1934: 112—114, Taf. VIII—IX; Огненова 1959: 34—35, рис. 17; Иванов 2018: 151—162; 2023: 541—543, № 30)[5]. Находки сравнительно небольших золотых бляшек без отверстий по краю и без петель для нашивания известны и в Скифии (например, Cat. San Antonio 1999: 152—153, no. 45) — они предположительно могли наклеиваться на основу или крепиться с помощью обшивки тканевыми полосами, а также с помощью нитей или конских волос V-образным стежком поверх изделия (Ліфантий 2018: 187—188).

Назначение блях — выводы

Очевидно, что несмотря на то, что одна из публикуемых блях из Синдской гавани имеет на обороте припаянную вертикальную пронизь, как на бляхах с изображением скифа и братающихся скифов из Куль-Обы, по своим размерам рассматриваемые бляхи из некрополей Волна 1 и Синдской гавани отличаются существенно меньшими размерами и разнообразием использованного для изготовления материала (преимущественно серебра) по сравнению с золотыми бляхами из Куль-Обы. С другой стороны, публикуемые пластины крупнее и пластины из Панского, и пластин из Ставруполи, а наличие петли и пронизи предполагает другой способ крепления (подвешивания) этих пластин, скорее всего на кожаных шнурах и ремнях.

Косвенно это подтверждается и местом находок блях в погребении. Так бляха с изображением сфинкса из погребения № 5/2006 некрополя Синдской гавани была найдена с правой стороны у нижней челюсти погребенной (судя по наличию в погребении бронзового зеркала, пряслица и бусин, это было женское погребение, датированное бусами и чернолаковой солонкой ок. 450—420 гг. до н.э.) (Сударев 2023: 67—68, рис. 9—10).

Декор

Образы сфинксов

На серебряной бляшке — пронизи ожерелья из погребения третьей четверти V в. до н.э. некрополя Синдской Гавани представлено изображение сидящего в профиль влево сфинкса с серповидным крылом, с приподнятой вверх правой передней лапой (рис. 9: 2—3) (Сударев 2010: 445, 448, рис. 24; Новичихин, Галут 2013: 87 (внизу)). Подобный же образ, но сфинкса, сидящего в профиль вправо, представлен на серебряной бляхе из погребения № 15/2022 того же некрополя (рис. 9: 1) (Опись № 23).

Профильные изображения сидящего в профиль сфинкса с серповидным крылом известны в глиптике уже в архаическое время (AGD I.1: 46—47, no. 201, pl. 22: скарабеоид из стеатита). Близкое изображение сидящего сфинкса в профиль влево вырезано на скарабее из горного хрусталя, хранящемся в Париже, которое Д. Бордман сопоставлял с образами на монетах Хиоса

[5] Бляхи с горгонейоном: Filow 1934: 112: a; Taf. IX: 1; Venedikov, Gerassimov 1973: Taf. 226; Cat. Saint Louis 1998: 42, fig. 8; Иванов 2023: 243, рис. 12: 1. — Две прямоугольные бляхи с Никой, управляющей квадригой: Filow 1934: 112—113: b; Taf. VIII: 1—2; Venedikov, Gerassimov 1973: Taf. 228; Cat. Saint Louis 1998: 62, fig. 18; Rabadjiev 2023: 83—84, 87, fig. 11. — Пять блях с львиными головами: Filow 1934: 114: c, Taf. IX: 2—6; Venedikov, Gerassimov 1973: Taf. 227.

середины V в. до н.э., а П. Цацофф датировал ок. 420 гг. до н.э. (Boardman 2001: 194, 287, pl. 454; Zazoff 1983: 141, Anm. 78, Taf. 33: 8), а также на буллах из храмового архива Карфагена, датированных Д. Бергесом концом V — началом IV в. до н.э. (Berges 1997: 83, Nr. 10—12, Taf. 8; 28). Изображения сидящего сфинкса в профиль в аналогичной позе представлено и в торевтике (начиная со второй половины VII в. до н.э.): на зеркале из Келермесского кургана № 4 (Galanina, Grach 1986: fig. 49; Schiltz 1994: 113, fig. 84; Galanina 1997: 140—142, 230, Nr. 52, Taf. 1), на золотых бляшках: из храма Артенмиды в Эфесе (Kat. Istanbul 2008: 153, Nr. 89), контурных — из Семибратнего кургана № 2 (ОАК за 1876 г.: 122, № 28; 145, табл. 3: 16; Artamonow 1970: Taf. 108; Galanina, Grach 1986: figs. 76—77; Kat. Bonn 1997: 88, Nr. 15) и кургана № 17 некрополя Нимфея (ОАК за 1877 г.: 235, № 11, табл. 3: 23; Силантьева 1959: 75, рис. 38: 16), и прямоугольных — из Семибратнего кургана № 6 (ОАК за 1876 г.: 128, № 7; 145, табл. 3: 27), которые можно датировать около середины V в. до н.э., на фигурках, украшающих серебряный черпак из ограбленных курганов Икизтепе в Восточной Лидии (von Bothmer 1984: 41, no. 59; Özgen, Öztürk 1996: 152—153, no. 107), на серьгах в форме лунниц (Williams, Ogden 1994: 58—59, no. 11; LIMC VIII: 1154, no. 48, s.v. Sphinx (N. Kourou)).

Изображения сидящего сфинкса с серповидным крылом и с приподнятой вверх одной из передних лап появляются в аттической вазописи еще около 570—560 гг. до н.э. (ваза Франсуа) (Petit 2019: 433—434, fig. 2; 438—441, figs. 5—6), в чернофигурной (LIMC VIII: 1153, no. 34 s.v. Sphinx (N. Kourou)), в том числе восточно-греческой (Böhm 2020: 119—126)[6] не позднее середины VI в. до н.э. в монетной чеканке — не позднее первой половины V в. до н.э. на электровых статерах (von Fritze 1912: 72, Taf. II: *25*; SNG France: 200) и гектах (von Fritze 1912: 127, Taf. IV: 13; Baldwin Brett 1955: 1451; SNG von Aulock 4: 1200; SNG France: 278—279) Кизика, оболах Кауноса (Konuk 1998: 214—215, no. 119, 219—220, pl. 50; www.asiaminorcoins.compid=10243: 1), а также в чеканке династов Ликии (гемиобол Увуга: SNG von Aulock: 4121; Waggoner 1983: no. 718), на одной из булл из храмового архива Карфагена, датированной Д. Бергесом V— IV вв. до н.э. (Berges 1997: 83, no. 12a, 29), а также на щитке бронзового перстня, происходящего предположительно из Малой Азии, хранящегося в Берлине (Greifenhagen 1975: 87, Taf. 64: 3—4), и на щитках четырех бронзовых перстней из Олимпии (Philipp 1981: 169—173, Nr. 624—627, Taf. 10). В подобной иконографии (одна из передних лап приподнята, крыло серповидной формы) сфинкс представлен на золотой бляшке из Амударьинского клада (Dalton 1964: no. 27, pl. XXI; Rehm 1992: 203—204, 224, no. H.75, fig. 174; Cat. London 2005: 147, no. 187), на серебряном арибалле из погребения середины V в. до н.э. № 11/1969 в Вани (Lordkipanidze 1971: 282—284, fig. 19—19a; Lordkipanidze 1991: 130, Taf. 26: 4; Boardman 1994: 218, fig. 6.45; Kacharava 1995: 69, 71, fig. 12; Treister 2007: 67—83, fig. 2, с подробным обсуждением и полной библиографией в прим. 2 на с. 68). Интересно, что на серебряном круглодонном кубке из Солохи представлены в подобной позе два сфинкса сидящих по сторонам цветка — отличие заключается в форме крыла, изображенного в горизонтальной плоскости (Манцевич 1987: 92—94, № 64).

Как правило в глиптике конца V — IV в. до н.э. представлены изображения грифонов в подобной схеме с правой передней лапой, поднятой вверх, но с крылом, расположенным в горизонтальной плоскости (см. подробно: Трейстер 2014), хотя изображения в аналогичной позе с серповидным крылом в монетной чеканке различных центров Малой Азии и Фракии появляются еще в начале V в. до н.э. (Трейстер 2014: 202). Переход в иконографии грифона от «архаического» загнутого вверх крыла к горизонтально вытянутому крылу, верхние и нижние плоскости которого сходятся на конце, очень хорошо прослеживается на монетных эмблемах Абдеры (Delplace 1980: 96—101; Dierichs 1981: 250—259; Chryssanthaki-Nagle 2007: 95—151, pls. 6: 8; 7: 16—17; 8: 6. 8; 9: 12.14—15). Очевидно, что в иконографии грифона на монетах Абдеры переход от изображения загнутого вверх крыла серповидного облика к горизонтальному крылу с проработанным оперением происходит постепенно на протяжении второй — третьей четверти V в. до н.э.

[6] См., например, медальон килика вазописца Токры: Walter-Karydi 1973: 141, Nr. 839, Taf. 100.

Сходный процесс проходил и в других областях античного изобразительного искусства (Chatzdimitriou 2011: 213—214).

Образы двойного сфинкса

Золотая пластина с изображением двойного сфинкса происходит из погребения № 539 некрополя Волна 1 (рис. 10: *2*) (Мимоход и др. 2018b: 224, 226, рис. 10: 1). Иконография двойного сфинкса (*Doppelsphinx, double-bodied, bicorporate sphinx, sphinx siamois*) (LIMC VIII: 1149, nos. 158—160, s.v. Sphinx (N. Kourou); Petit 2011: 146—147; 2019: 441) складывается не позднее второй четверти — середины VII в. до н.э., когда он изображается на печати из слоновой кости, найденной в аргивском Герайоне (LIMC VIII: s.v. Sphinx (N. Kourou), 1149, no. 158 с лит.; Zakoji 2022: 97, 99, fig. 4) и в поздней протокоринфской вазописи (т. наз. ваза (ольпа) Чиги: LIMC VIII: 1149, no. 159 с лит., s.v. Sphinx (N. Kourou); Hurwit 2002: 10, fig. 6; Petit 2019: 431—433, fig. 1c; 437—438; Zakoji 2022: 98, 99, fig. 5).

Круглый золотой медальон дм. 4,5 см и весом 22,96 г неизвестного происхождения из Пазарджика, который начиная с Б. Филова датируют концом VI в. до н.э. или V в. до н.э., украшен ажурным изображением двойного сфинкса — каких-либо следов крепления на оборотной стороне не обнаружено (Filov 1925: 15, fig. 10; Venedikov, Gerasimov 1973: 372, no. 175; Китов 1980: 171, 172, рис. 9; Cat. Montreal 1987: 158, no. 224; Kitov 1992: 24, note 5, fig. 4; Cat. Firenze 1997: 149, no. 207 (V в. до н.э.); Cat. Saint Louis 1998: 38, fig. 5). Также двойной сфинкс представлен на двух круглых серебряных с позолотой бляхах дм. 2,85 и 2,95 см из гробницы второй четверти IV в. до н.э. в Катерини в Македонии (Cat. Thessaloniki 1978: 35—36, no. 22; Despini 1980: 207; Cat. Melbourne 1988: 278, nos. 226—227; Treister 2001: 119, fig. 54: 1—2; Cat. Thessaloniki 2007: 107, 1.B; Schmidt-Dounas 2017: 78—79, Nr. Vk2—6, Taf. 40: 1—2; Farbtaf. 19: 3—4).

В монетной чеканке изображения двойного сфинкса с туловами в профиль, передней части тела и головы *en face* появляются на электровых статерах Кизика в первой половине V в. до н.э. (Zakoji 2022: 97, figs. 1—2).

Образ двойного сфинкса получает довольно широкое распространение в качестве декора золотых нашивных бляшек из скифских курганов конца V — IV в. до н.э. К опубликованным Л.В. Копейкиной бляшкам из Куль-Обы (Копейкина 1986: 56—57, № 26—27; 153—154, № 26—27), А.П. Манцевич — из Солохи (Манцевич 1987: 30—31, № 3) и О.Д. Ганиной — из кургана у с. Пастырское (Ганіна 1974: № 12) следует добавить аналогичные нашивные бляшки из кургана № 8 Волчанского могильника, кургана № 9 у Малой Лепетихи и кургана № 2 у с. Красный Подол (Ліфантий 2018: 103—104, 256, рис. 2.23). Очевидно, что в большинстве случае речь идет об очень схематичной, вероятно, скифской интерпретации мотива.

Особо отметим прямоугольную золотую пластину из женского погребения в деревянном гробу, найденную в раскопках К.Р. Бегичева 1855 г. кургана у ст. Сенной (Герц 1876: 114; Онайко 1970: 41, 42, рис. 10; Застрожнова 2014: 477; Трейстер 2015: 18). Изображение двойного сфинкса помещено в рамке из узкого гладкого валика. Под ним проходит по нижнему краю бляхи полоса ионийского киматия.

Образ Сирены с четырьмя крыльями

Прямоугольная со скругленными углами серебряная бляха украшена тисненным изображением *en face* четырехкрылого женского персонажа с согнутыми в локтях и прижатыми к груди руками с браслетами на запястьях из погребения № 31/2022 некрополя Синдской Гавани (рис. 10: 1).

Четырехкрылой в греческой иконографии изображалась Горгона. Тот факт, что изображения Горгоны с двумя парами крыльев, в том числе в ипостаси *Pothnia theron*, появляются и остаются особенно характерны в целом для Восточного Средиземноморья и, в частности, для Восточной Греции, свидетельствует распространение таких изображений на

греко-финикийских скарабеях (Boardman 1968: 30—34, nos. 38, 44, 47, pls. II—III). Горгона с четырьмя крыльями с птицей в каждой из опущенных рук изображена на датируемой ок. 600 г. до н.э. тарелке из некрополя Камироса на о. Родос (Walter 1968: 79, 127, Nr. 626, Taf. 130; Karagiorga 1970: 147, εικ. 14; Simon 1976: 55—56, Nr. 32; LIMC IV: 310, Nr. 280, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf); Thomsen 2011: 149, 151, Abb. 64; Aruz et al. (eds.) 2014: 271, no. 143; Squire 2018: 13—14, fig. 1.5; Рябкова 2019: 1017, рис. 7: 2; Трейстер 2021: 268, рис. 3: 1). О происхождение мотива четырех крыльев, который получает на протяжении VI в. до н.э. распространение и в коринфской вазописи эпохи средней и поздней архаики, и на обкладках щитов из Олимпии, уже писалось (Payne 1931: 83, fig. 25E; 84; Karagiorga 1970: 33, 46, 55, 84, πίν. 6α; Kunze 1950: 67—69, Beilage 4; Bol 1989: 45, Taf. 55). Горгоны с четырьмя крыльями украшали углы мраморного архитрава, разрушенного в 494 г. до н.э. храма Аполлона в Дидимах (Besig 1937: 92, Nr. 165; Tuchelt 1970: 219—221, Taf. 76—77; Schattner 1996: 1—6, Abb. 1—7).

Еще один пример изображения Горгоны с двумя парами крыльев — в коленопреклоненной позе на кипрском известняковом саркофаге второй четверти V в. до н.э. в собрании Музея Метрополитен, однако, здесь Горгона представлена в момент рождения Пегаса и Хрисаора, появляющихся из ее горла, которых она поддерживает поднятыми вверх руками (LIMC IV: 313, no. 310, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf); Hermary, Mertens 2013: 363—370, no. 491; Karoglou 2018: 8—9, fig. 6; Трейстер 2021: 268, рис. 3: 2).

Медуза в коленопреклоненном беге и с четырьмя крыльями, со змеями в руках изображена на скарабеоиде из халцедона, центральном элементе ожерелья из золотых цепочек из погребения кургана № 3/1860 некрополя Юз-Обы (ОАК за 1860 г.: 88, табл. IV; Furtwängler 1900: 40—41, Taf. VIII: 52; Besig 1937: 92, Nr. 166; Boardman 1968: 90—91, no. 236, pl. 15; 2001: 151—152, 185, pl. 378; Krauskopf 1976: 331, Taf. XLIV: 19; Neverov 1976: 84, no. 16; Zazoff 1983: 122, Abb. 39f; 124, Anm. 131; Kat. Zürich 1993: 228, Nr. 115; Kalashnik 2004: 56, fig. 30; Виноградов и др. 2012: 46, № 4; 48, 170, рис. 27: *3*; Трейстер 2021: 268, рис. 3: 3; Кат. Ст. Петербург 2024a: 286—287, № 192). Очевидно, не только то, что скарабеоид был вторично использован довольно необычным образом, но и то, что в погребении, в котором он был найден вместе с золотым перстнем начала IV в. до н.э. (Boardman 2001: 190, 221, pl. 703), он был антикварным предметом, примерно на 100 лет более ранним, чем само погребение — обстоятельство на которое указал Д. Бордман, который вслед за А. Фуртверрнглером и Х. Безигом относил скарабеоид еще к позднеархаическому стилю в глиптике, выделяя его необычность и оформление крыльев в восточно-греческом или скорее даже в ахеменидском стиле (Furtwängler 1900: 40; Besig 1937: 55—56; Boardman 2001: 151—152, 190; эта же точка зрения об атрибуции и датировке: Kat. Zürich 1993: 228, Nr. 115). В бронзе подобные изображения Горгоны с двумя парами крыльев представлены на бронзовых кратерах из скифского погребения кургана у с. Мартоноша (Podschiwalow 1888: 79—81, pl. 13; Мальмберг 1907: 36—57; Besig 1937: 56, 92, Nr. 163; Онайко 1966: 29—30, 63, № 212, табл. XIV; Artamonow 1970: 119, Taf. 67; Rolley 1982: 66, note 165, pl. XLI, fig. 188; 2003: 98—100, no. 9, fig. 56; Hitzl 1982: 271—273, Nr. 18; Taf. 27a; Galanina, Grach 1986: fig. 55; LIMC IV: 308, Nr. 250, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf); Schleiffenbaum 1991: 247—248, Nr. V 14; Трейстер 2021: 260—277, с. 262 с полной библиографией; рис. 1: 1) и из Киликии (de Ridder 1905: 268—269, no. 423, pl. LVII; Мальмберг 1907: 50—54, рис. 21; Besig 1937: 92, Nr. 164; Hitzl 1982: 274—276, Nr. 19, Taf. 27b; Schleiffenbaum 1991: 249, Nr. V 17; Rolley 2003: 100, no. 10, fig. 57; 134, fig. 92; Трейстер 2021: 260—277, с. 265 с полной библиографией; рис. 1: 7).

Конечно, если сопоставлять изображение на этом позднеархаическом скарабеоиде и на ручках кратеров из Мартоноши и Киликии, очевидно, что последние следует относить к несколько более раннему времени, скорее всего последней четверти VI в. до н.э. Ближайшей же параллелью и с точки зрения позы Медузы, и наличия четырех крыльев, и положения рук, и отсутствия сандалий с крылышками мы находим на одной из метоп бронзовой полоски обкладки щита из Олимпии (Kunze 1950: S. 67—68, Beilage 4: 3; Feld XXIX bis γ; Bol 1989: S. 45—46, Taf. 55; Трейстер 2021: 268, рис. 3: 4).

Изображение двух пар крыльев и их расположение — единственный признак, сближающий образ на бляхе из Синдской Гавани с рассмотренными выше изображениями Горгоны. Ни поза персонажа, ни положение рук, ни детали лица не позволяют определять ее как Горгону. Крупные проработанные канавками пальцы-когти на ногах скорее сближают ее с изображениями Сирены. Также на некоторых образах Сирены в архаическом и классическом искусстве она изображалась с человеческими руками (LIMC VIII: 1096—1097, Nr. 35—39, s.v. Seirenes (E. Hoffstetter, I.Krauskopf); на ликийских рельефах из Ксанфа: Karademir, Özdemir 2013: 89—92, figs. 1—6. — На чернофигурных вазах: Oldfield 2014: 26—27, figs. 9—10; 32, fig. 20), в которых могла держать музыкальный инструмент, обычно кифару, в том числе с руками, прижатыми к груди, как на датируемой ок. 550 г. до н.э. мраморной фигуре, вероятно найденной на побережье Мраморного моря между Лампсаком и Кизиком, хранящейся в Копенгагене (Hoffstetter 1990: 242, O59, Taf. 19; LIMC VIII: 1097, Nr. 37, s.v. Seirenes (E. Hoffstetter, I. Krauskopf); Kat. Berlin 1995: 42, Abb. A29; Kat. Berlin 2011: 135, Nr. 32) и на серии чернофигурных ваз (Liveri 2024: figs. 3—4, 7—8). Необычным в данном случае является наличие двух пар крыльев, как у некоторых изображений Горгоны. Мне удалось обнаружить лишь три параллели — все на ножках бронзовых сосудов из раскопок на Афинском акрополе, которые атрибутируются как изделия лаконской мастерской третьей четверти VI в. до н.э. (Tarditi 2016: 41, nos. 6520—6522; 220). На датированных серединой VI в. до н.э. золотых бляхах из Малой Азии представлено фронтальное изображение женской фигуры с двумя парами крыльев, левой рукой богиня, предположительно Артемида или Афродита, держит складки хитона, в правой, прижатой к груди — цветок (?) (Greifenhagen 1970: 30, Nr. 6—7, Taf. 10).

Образ бегущей крылатой богини (?) с зайцем в одной руке, и венком — в другой

На серебряной пластине, найденной вне контекста на территории некрополя Волна 1, в обрамлении валика с косыми насечками представлено изображение в профиль влево бегущего обнаженного персонажа без каких-либо отчетливых признаков пола с поднятыми вверх серповидной формы крыльями. Прическа с прядями, вертикально ниспадающими на спину, оформлена округлыми выпуклостями, образующими горизонтальные ряды. В правой руке, опущенной вниз, персонаж держит за шею зайца (?), в левой, также, опущенной вниз — венок. Нижние конечности в виде узких валиков образуют завитки (рис. 11: 2).

Необычный персонаж, на первый взгляд сопоставимый с Горгоной, изображенной в коленопреклоненном беге (именно такая атрибуция дается в публикации (Сударев 2019: 436, рис. 667)), ею не является, не только потому, что у него обычная голова, изображенная в профиль, а не *en face* (LIMC IV: 306—308, Nr. 232—261, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf)), и нижние конечности, скорее, как у змееногой богини, но и атрибуты (заяц и венок) для Горгоны совсем не характерны — если Горгона и держала, что-то в руках, то это были обычно змеи[7], или парные фигуры львов (LIMC IV: 310—311, Nr. 281—282, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf)) или гусей[8].

[7] Изображения Горгоны в коленопреклоненном беге и со змеями в опущенных или приподнятых руках украшает золотые тисненные пластинки от хрисоэлефантинной статуи в Дельфах, датируемые первой половиной VI в. до н.э. (Amandry 1939: 96, no. 23, pl. 23: 2—3; Karagiorga 1970: 33, πίν. 3β; LIMC IV: 307—308, Nr. 251, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf); Musti et al. 1992: 136, no. 96.9; 254), и из храма А в Химере на Сицилии, третьей четверти VI в. до н.э. (Himera 1970: 90, 93, pl. 33: 1; LIMC IV: 307, Nr. 250, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf); Lazarou 2019: 4—5, fig. 2). Медуза в коленопреклоненном беге и с четырьмя крыльями, со змеями в руках изображена на скарабеоиде из халцедона, центральном элементе ожерелья из золотых цепочек из погребения кургана № 3/1860 некрополя Юз-Обы (см. С. 129).

[8] Горгона с четырьмя крыльями с птицей в каждой из опущенных рук изображена на датируемой ок. 600 г. до н.э. тарелке из некрополя Камироса на о. Родос (Walter 1968: 79, 127, Nr. 626, Taf. 130; Karagiorga 1970: 147, εικ. 14; Simon 1976: 55—56, Nr. 32; LIMC IV: 310, Nr. 280, s.v. Gorgo, Gorgones (I. Krauskopf); Thomsen 2011: 149, 151, Abb. 64; Cat. New York 2014: 271, no. 143; Squire 2018: 13—14, fig. 1.5; Рябкова 2019: 1017, рис. 7: 2; Трейстер 2021: 268—269, рис. 3: 1).

В греческой мифологии заяц связывался с Афродитой (Kranz 2020: 58). Он изображался, в частности, в прижатой к груди руке богини на архаических мраморных корах (Kyrieleis 1995: 21, Anm. 39 с критическими замечаниями; Croissant 2005: 302—304, figs. 27—28) и фигурных терракотовых сосудах в форме кор или женских бюстов, несущих зайца, так наз. *Hasenträgerin* (Herdejurgen 1989: 72, Taf. 14: *5*), а также по краям дисков бронзовых зеркал с подставками в форме кариатид (Congdon 1981: 94, 152, no. 34, pl. 32; 158—159, no. 43, pl. 38; 160—161, no. 46, pl. 41; 164—165, no. 55, pl. 51). Известны также датируемые VI в. до н.э. бронзовые ручки зеркал с фигурами Афродиты, которая держит в опущенной руке венок (LIMC II: 18, Nr. 87—88 s.v. Aphrodite (A. Delivorrias)). В тоже время тот факт, что персонаж, представленный на бляхе из некрополя Волна 1, — крылатый и змееногий (?) вряд ли позволяет такую атрибуцию.

На золотой обкладке деревянного сосуда, предположительно происходящей из Семиколенного кургана под Майкопом и датированной Т.В. Рябковой концом VII в. до н.э., представлена крылатая фигура в коленопреклоненном беге с повернутой назад головой. В каждой из опущенных рук персонаж держит кошачьего хищника за одну из передних лап (Рябкова 2019: 1011, рис. 1; Кат. Ст. Петербург 2024б: 144, № 76). Этот мотив перекликается с изображением на серебряном ритоне из Келермесского кургана III, на котором на месте кошачьих хищников представлены грифоны. Если указанные изображения явно имеют восточные прототипы, то в данном случае, имеются определенные детали, которые находят параллели в архаическом греческом искусстве.

Прическа персонажа на бляхе с прядями, вертикально ниспадающими на спину, оформлена округлыми выпуклостями, образующими горизонтальные ряды (т.н. *Perlenschnursträhnen* (Strenz 2001: 5—9)), находит близкие параллели как на мраморных корах и куросах (Richter 1970: 20, 32, no. 18, figs. 76—79; figs. 122—128; Ridgway 1993: 67—68, 77, figs. 7, 10, 12—13, Vlachogianni 2018: 303, 304, fig. 1)[9], так и на бронзовых фигурках куросов и жертвователей (Richter 1970: 68, no. 43, fig. 162; Mitten 1975: 34—40, no. 11; Cat. Bruxelles 1982: 209, no. 129), подставках зеркал в форме кариатид ранней группы (Congdon 1981: 83)[10], и в целом не позволяет датировать изображение позднее середины—третьей четверти VI в. до н.э. (Ridgway 1993: 67—68, 77).

На тондо чернофигурного блюда вазописца Лидоса, хранящегося в Кембридже, Масс. и датированного ок. 560—550 гг. до н.э., заяц изображен сидящим в ногах крылатых сыновей Бореаса (ABV: 112.54; Beazley Para: 44; Beazley Addenda^2: 31; LIMC III: 127, Nr. 1 s.v., Boreadai (K. Schefold); Padgett 1991: 19, fig. 4. perseus.tufts.edu: 1). Есть основания полагать, что одной из возможных атрибуций изображения на пластине является именно изображения одного из Бореадов, тем более что в чернофигурной вазописи известны их изображения с венком (LIMC III: 127, Nr. 1 s.v., Boreadai (K. Schefold)). Также как крылатого демона интерпретирует П. Бол подобное профильное изображение бегущей крылатой фигуры в длинных одеждах и без атрибутов в руках на бронзовой обкладке щита из Олимпии (Bol 1989: 47—48, 156, H56α—β, Form CXXX, Taf. 73).

Так или иначе, бляха из некрополя Волна 1 демонстрирует уникальный для архаического времени мотив, при этом, учитывая другие находки небольших серебряных и золотых блях в этом некрополе, нельзя исключать и ее местное изготовление.

[9] Мужские прически см. специально Strenz 2001: 5—9.

[10] См. например прическу подставки зеркала с Фасоса: Congdon 1981: 131—132, no. 7, pl. 5; Prêtre 2016: 80—81, no. 526, pl. XI. См. также: Congdon 1981: 128—131, nos. 3—6, pls. 2—4.

Образ идущего льва с повернутой назад головой

На пластине из погребения № 207 некрополя Волна 1 в обрамлении валика с косыми насечками представлено изображение в профиль вправо стоящего льва с повернутой назад головой. Пасть раскрыта, грива обозначена короткими изогнутыми валиками. Хвост выгнут петлей над задней частью тулова (рис. 11: 1) (Мимоход и др. 2017: 303, рис. 5; Новичихин 2019: 63, рис. 79).

Изображения львов — распространенный сюжет на халцедоновых скарабеоидах V—IV вв. до н.э. (Boardman 2001: 200, 202, pls. 520, 575, 576, 621; Никулина 1994: 40—41, figs. 87, 105, 246—248, 251—253, 257—258, 261, 384—385, 389, 393), и на ювелирных украшениях, например, щитках перстней (Özgen, Öztürk 1996: 148, no. 103; 198, no. 160; Meriçboyu 2001: 111, fig. 2; 126, fig. 1; 133, figs. 2—3) или на упомянутой выше золотой пластине из Панского (Stolba, Rogov 2012: 327, 332, K20, pl. 72), при этом изображения львов с повернутыми назад головами редки. Они не характерны для скульптуры и мелкой пластики — в них львы изображались либо с головой в профиль, либо развернутой *en face* (см., например Gabelmann 1965; Müller 1978: 112—117, 155—158; Mertens-Horn 1986: 1—61).

Значительно реже встречаются антитетические изображения львов, как правило, стоящих на задних лапах и показанных с повернутыми назад головами (von Hofsten 2007: 35—36, pl. 29), в том числе, в рельефе середины V в. до н.э. из так наз. Львиной гробницы во Фригии (Draycott 2019: 190, fig. 1; 197, fig. 5; 204—205, fig. 10), на ручке серебряного черпака из грабительских раскопок к Восточной Лидии (Özgen, Öztürk 1996: 85—86, no. 30). Ручку бронзовой курильницы, также происходящей из курганов Восточной Лидии, украшает фигурка лежащего льва с повернутой назад головой (Özgen, Öztürk 1996: 120, no. 74).

Встречаются и антитетические изображения идущих львов, с повернутыми назад головами, как на фризе аттической чернофигурной гидрии середины VI в. до н.э. в Лувре (LIMC VIII: 1097, s.v. Seirenes, 50 (E. Hofstetter); Rondholz 2020: 124, 125, Abb. 8).

Схема изображения идущего льва с поднятой вверх одной из передних лап, повернутой назад головой и поднятым вверх хвостом, образующим петлю, использовалась еще в греческой вазописи чернофигурного стиля[11], а также в глиптике, как на сердоликовом скарабеоиде, происходящем с Кипра, в Британском музее (britishmuseum.org: 1), на скарабеоиде с изображением идущего льва в Британском музее, датированном V (1898,0715.4: Walters 1926: no. 535; britishmuseum.org: 2) или первой половиной IV в. до н.э. (Никулина 1994: рис. 248), и из собрания Эрмитажа с изображением львицы и львенка, датируемого рубежом V—IV вв. до н.э. или началом IV в. до н.э. (Никулина 1994: рис. 85; Кат. Ст. Петербург 2004: 34, № 29).

[11] Никулина 1994: рис. 138: аттический чернофигурный килик третьей четверти VI в. до н.э. мастера Талейдеса в Лейпциге. — Амфора вазописца Диосфоса ок. 500 г. до н.э. в Музее Метрополитен, metmuseum.org: 1: CVA Metropolitan Museum 4 (USA 16): 65, pl. 50 (778), 1; LIMC IV: 705, no. 390, s.v. Hera (A. Kossatz-Deissmann). — Лаконский чернофигурный килик вазописца Ханта, ок. 540 г. до н.э.: Музея П. Гетти: Stibbe 1972: 282, no. 233, pl. 82; CVA The J.Paul Getty Museum 5 (USA 30): 8, pl. 12 (250), 1.

Аналогичным образом представлен лев на реверсе серебряного статера ликийского династа Вехссере (Vekhssere) I ок. 450—420 гг. до н.э. (SNG Copenhagen Suppl. 431 var.; Vismara 1989: 140—141, type XXVII, no. 75; asiaminorcoins.com: 2)) и серебряных гемиоболов, триоболов и статеров Кауноса в Карии 470—460 гг. до н.э. (Robinson 1936: 267—269, 276— 278, pl. XIV: 7—12, 16—18; Troxell 1979: 263, 42, pl. 31: 41—44; Konuk 2007: pl. 3, 483—485, nos. M33—36, pl. 3; asiaminorcoins.com: 3; asiaminorcoins.com: 4; asiaminorcoins.com: 5; asiaminorcoins.com: 6; asiaminorcoins.com: 7)). Изображение протомы льва с повернутой назад головой появляется на серебряных статерах ликийского династа Куприлли ок. 480—440 гг. до н.э. (Babelon 1910: 268, pl. XCVI: 20 (same rev. die); SNG Copenhagen Suppl. 407 (same rev. die); SNG von Aulock 10: 4139; asiaminorcoins.com: 8)). Подобным же образом с повернутой назад головой изображалась профильная протома льва в серебряной чеканке Пантикапея 334—324 гг. до н.э. (bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4). Протомы львов с повернутыми назад головами украшают и золотой браслет из Икизтепе (Özgen, Öztürk 1996: 178—179, no. 130; Meriçboyu 2001: 96—97).

Изображения льва на двух пластинах из Ставруполи представляют хищника в другой иконографии — с вытянутыми вперед передними лапами и почти припавшей к земле передней части тулова (Cat. Melbourne 1988: 378, no. 344; Rhomiopoulou 1989: 206, αρ. 6—7, πίν. 50α; Kat. Hannover 1994: 209, Nr. 247—248; Cat. Thessaloniki 1997: 102, no. 90; Cat. Thessaloniki 2007: 178, nos. 4—5. Thessaloniki, inv. 5129—5131). Поза напоминает позу львов, изображенных на рельефе из Эдимиш в Ликии (Izmir Archaeological Museum, acc. no. 4344. Нижний фриз, см. Roosevelt 2009: 156, fig. 6.20; 252, no. 19.2A; Colas Rannou 2023: 191—192, fig. 1). Что же касается позы льва на пластине из Панского с выброшенными вперед передними лапами (Stolba, Rogov 2012: 327, 332, K20, pl. 72), то очевидно, что хищник передан здесь в прыжке. Его поза близка позе льва на золотой контурной нашивной бляшке из кургана № 1 у с. Волковцы (Ильинская 1968: 48, 96—97, табл. XXXVII: 19; Онайко 1970: 67, 117, № 811е, табл. XL; Cat. San Antonio 1999: 232, no. 106; Полідович, Величко 2023: 52—55, рис. 1: *1*) и льва на золотых обкладках горитов чертомлыкой серии (Treister 1999: 74, fig. 4)[12], которые возможно были оттиснуты в одной матрице (Treister 1999: 75).

Выводы

Публикуемые бляхи конца VI — V вв. до н.э. из погребальных комплексов Таманского полуострова и Синдской Гавани абсолютно необычны и не находят параллелей в других регионах античной мира. Некоторые из них, как бляха из некрополя Волна 1 с изображением бегущей крылатой богиня с зайцем в одной руке, и венком — в другой (рис. 11: 2), демонстрирует уникальный для архаического времени мотив, при этом, учитывая другие находки небольших серебряных и золотых блях в этом некрополе, нельзя исключать и ее (их) местное изготовление.

Литература

Артамонов М.И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *АСГЭ* 2, 57—87.

Борисфен — Березань. 2005: Соловьев С.Л. (ред.). *Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: К 120-летию археологических раскопок на острове Березань: Каталог выставки. Государственный Эрмитаж, 23 июня — 11 сентября 2005 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Буйских А.В., Денисова А.А., Ивченко А.В. 2016. Золотые ювелирные изделия из Ольвии. *Археологія і давняя історія України* 1 (18), 63—79.

Величко Е. 2019. «Ольвийские» золотые украшения из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (по материалам Музея исторических драгоценностей Украины). *Еминак* 1 (25), 65—82.

[12] Treister 1999: 74, fig. 4.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. 2012. Юз-Оба. *Курганный некрополь аристократии Боспора,* 1. Симферополь, Керчь: Майстер книг (БИ Supplementum 9).

Ганіна О.Д. 1974. *Київський музей історичних коштовностей.* Київ: Мистецтво.

Герц К.К. 1876. *Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.* Москва: Московское археологическое общество.

Горбунова К.С. 1983. *Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже*. Ленинград: Искусство.

Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. 1989. Основные результаты работ Березанской экспедиции. В: Смирнов Г.И. (ред.). *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 33—60.

Дюбрюкс П. 2010. *Собрание сочинений*. Т. I—II. Санкт-Петербург: Коло.

Егорова Т.В. 2017. *Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Научный каталог.* Москва: Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Журавлев Д.В. 2013. Пронизи в виде фигуры стоящего скифа из кургана Куль-Оба (по материалам собрания Государственного исторического музея). *ПИФК* 2 (40), 157—167.

Журавлёв Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея*. Москва: Государственный исторический музей.

Застрожнова Е.Г. 2014. Археологические раскопки Фанагории в 1852—1855 гг. (по материалам полевого журнала К. Р. Бегичева). *БИ* XXX, 469—481.

Иванов Я. 2018: Горгонейонът в защитното въоръжение от Древна Тракия: елементи от броня или ризница от Голямата могила, край Дуванлии. В: Ботева-Боянова Д., Делев П., Цветкова Ю. (ред.). *JUBILAEUS VII. Общество, царе, богове. Сборник в памет на проф. Маргарита Тачева*. София: УИ «Св. Климент Охридски», 151—162.

Иванов Я. 2023. *Защитно въоръжение в Древна Тракия, на север от Хемус през V — III в. пр. Хр.* Кн. I —II. София: Националният археологически институт с музей при Българска академия на науките.

Ильинская В.А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Калашник Ю.П. 2014. *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Ст. Петербург 2004: Пиотровский М.Б. (ред.). *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций*. Санкт-Петербург: Славия.

Кат. Ст. Петербург 2024а: Бутягин А.М.(ред.). *«...Посмотри в глаза чудовищ...». Мифические олицетворения ужаса в Античности и их победители*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Ст. Петербург 2024б: Рябкова Т.В. (ред.). *Эпохи, курганы, находки. К 175-летию со дня рождения Н.И. Веселовского*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Китов Г. 1980. Стилевая характеристика памятников фракийского искусства с зооморфными изображениями. *Pulpudeva* 3, 165—176.

Копейкина Л.В. 1986. Золотые *бляшки* из кургана *Куль-Оба*. В: Грач Н.Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 28—63, 148—155.

Ліфантій О. 2018. Коштовні аплікації одягу населення степової Скіфії VII—III ст. до н.е. Дисертація канд. іст. наук. ІА НАН України.

Мальмберг В.К. 1907. Ваза с ручкой, украшенной Горгоною. В: С. А. Жебелев, В.К. Мальмберг. Три архаические бронзы из Херсонской губернии. Санкт Петербург: Типография Главного управления уделов, 36—57 (Материалы по археологии России 32).

Манцевич А.П. 1987. *Курган Солоха.* Ленинград: Искусство.

Миллер А.А. 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса. *ИАК* 35, 86—130.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С., 2017. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация). *ДБ* 21, 295—310.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2018а. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. В: Коваленко А.Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время»*. Вып. II. *К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова.* Ростов-на-Дону: Лаки Пак, 120—144.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2018b. Некрополь Волна 1 (2017 г.). В.: Энговатова А.В. (ред.). *Города, селища, могильники. Раскопки 2017 года*. Москва: ИА РАН, 220—231 (Материалы спасательных археологических исследований 25).

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель.* Москва; Саратов: Киммерида, Саратовский университет.

Монахов и др. 2019: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI—II вв. до н.э. Каталог.* Саратов: Амирит.

Монахов и др. 2022: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2022. *Амфоры VII—I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына.* Саратов: Амирит.

Никулина Н.М. 1994. *Искусство Ионии и ахеменидского Ирана.* Москва: Искусство.

Новичихин А.М. 2019. *Древности Тамани*. Тамань: Платонов.

Новичихин А., Галут О. 2013. *Золото Горгиппии*. Анапа; Краснодар: Платонов.

ОАК за 1860 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1860 г.* 1861. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1876 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1876 г.* 1879. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

ОАК за 1877 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1877 г.* 1880. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Огненова Л. 1959. Ризници на траки от V—III в. пр. н.е. *Археология* 1—2, 30—37.

Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-27).

Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э.* Москва: Наука (САМ Д1-27).

Панайотова К. 2009. Фигурални съдове (ойнохое) от Аполония. *Археология* 1—2, 52—61.

Паромов Я.М., Сударев Н.И. 2000. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба»). *ДБ* 3, 201—221.

Петракова и др. 2019: Петракова А.Е, Букина А.Г., Алексеев А.И., Баженова О.К., Гузанов А.Н., Намойлик А.С., Ромашова М.В., Тарарухина Е.С., Фролова А.А. 2019. *Малые коллекции античных ваз в музеях России. Каталог.* Санкт-Петербург, Керчь: Фонд «Деметра».

Полідович Ю.Б., Величко Є.О. 2023. Коштовні прикраси гориту з Першого Вовківецького кургану (1897 р.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2022: збірник наукових праць* 22 (2022), 51—67.

Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62, 133—140.

Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград: РАИМК.

Рябкова Т.В. 2019. Раннескифская золотая накладка на сосуд из Эрмитажа. *ВДИ* 4, 1009—1021.

Силантьева П.Ф. 1959. Некрополь Нимфея. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Некрополи боспорских городов*. Москва, Ленинград: АН СССР, 5—107 (МИА 69).

Соловьев С.Л. 1997. *История культуры античной Березани*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Сударев Н.И. 2010. Некрополи и погребальные обряды. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. II. Москва: Наука, 418—473.

Сударев, Н.И., Мимоход, Р.А. 2019: Некрополи Азиатского Боспора и погребальные обряды. В: Новичихин А.М. *Древности Тамани*. Тамань, 428—447.

Сударев Н.И. 2023. Участок раннего некрополя Анапского полиса (по материалам раскопок 2006 г.). *Древности Кубани* 26. Краснодар: ООО «Митра», 61—86.

Трейстер М.Ю. 2014. Так называемые греко-персидские скарабеоиды с изображением орлиноголового грифона V—IV вв. до н.э. (иконография, хронология, распространение). В: Мордвинцева В.И., Хэрке Х., Шевченко Т. (ред.). *Археологические и лингвистические исследования. Материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь — Ялта, 20—23 сентября 2012 г.) / Archäologische und linguistische Forschung. Materialien der Humboldt-Tagung (Simferopol — Jalta, 20.-23. September 2012).* Киев: Стилос, 196—214.

Трейстер М.Ю. 2015. История находок золотых украшений в Фанагории во второй половине 19 — первой трети 20 в. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: Институт археологии РАН, 16—22 (Материалы по археологии и истории Фанагории 2).

Трейстер М.Ю. 2021. Бронзовый кратер из скифского кургана у с. Мартоноша. В: Скорий С.А., Задніков С.А. (ред.). *Ранній залізний вік Східної Європи: збірник статей на пошану Ірини Шрамко*. Харків; Котельва: ХНУ імені В. Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», 260—277.

Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2022а. *Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове*. В двух частях. Ч. 1. Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1—2).

Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2022б. *Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове*. В двух частях. Ч. 2. Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1—2).

Amandry P. 1939. Rapport préliminaire sur les statues chryséléphantines de Delphes. *Bulletin de correspondance hellénique* 63, 86—119.

Archibald Z.H. 1998. *The Odryssian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford: Oxford University Press.

Artamonow M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen.* Prag: Artia; Leningrad: Sovetskij Khudoshnik.

asiaminorcoins.com: 1: Kaunos (BC 490-470) Obol. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=10243 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 2: (BC 450-420) Vekhssere – Stater. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=6469 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 3: Kaunos (BC 460) Stater. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=6807 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 4: Kaunos (BC 465-460) Stater. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=264 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 5: Kaunos (BC 470) Hemiobol? URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=512 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 6: Kaunos (BC 470) Stater. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=509 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 7: Kaunos (BC 470) Triobol. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=510 (дата обращения 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 8: (BC 480-440) Kuprilli – Stater. URL: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=7106 (дата обращения 10.05.2025).

Babelon E. 1910. *Traité des monnaies grecques et romaines; 2e Partie*. *Traité des monnaies grecques et romaines*. Pt. 2. *Description historique*. T. II. Paris: Hachette BNF.

Baldwin Brett A. 1955. *Museum of Fine Arts, Boston. A Catalogue of Greek Coins.* Boston: Museum of Fine Arts.

Beazley J.D. 1929. Charinos. *JHS* 49, 38—78.

Berges D. 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. In: Rakob F. (Hrsg.). *Die Deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz: von Zabern, 10—214 (Karthago II).

Besig H. 1937. *Gorgo und Gorgoneion in der archaischen griechischen Kunst*. Berlin: H. Markert.

Boardman J. 1968. *Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the 6th and Early 5th Century BC.* London: Thames and Hudson.

Boardman J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity.* London: Thames and Hudson.

Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical.* London: Thames and Hudson.

Böhm S. 2020. *Sphingen und Sirenen im archaischen Griechenland, Symbole der Ambivalenz in Bildszenen und Tierfriesen*. Regensburg: Schnell + Steiner.

Bol P. 1989. *Argivische Schilde*. Berlin; New York: W. de Gruyter (OF XVII).

bosporan-kingdom.com: 1: Монета: 105-2011. URL: https://bosporan-kingdom.com/105-2011/ (дата обращения 10.05.2025).

bosporan-kingdom.com: 2: Монета: 106-2039. URL: https://bosporan-kingdom.com/106-2039/ (дата обращения 10.05.2025).

bosporan-kingdom.com: 3: Монета: 106-2145. URL: https://bosporan-kingdom.com/106-2145/ (дата обращения 10.05.2025).

bosporan-kingdom.com: 4: Монета: 107-2127. URL: https://bosporan-kingdom.com/107-2127/ (дата обращения 10.05.2025).

Boulter C.G. 1963. Graves in Lenormant Street, Athens. *Hesperia* 32, 113—137.

britishmuseum.org: 1: Scaraboid. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1871-0209-8 1871,0209.8 (дата обращения 10.05.2025).

britishmuseum.org: 2: Scaraboid. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1898-0715-4 (дата обращения 10.05.2025).

Cat. Bruxelles 1982: *Hommes et dieux de la Grèce antique*. Europalia 82. *Helles — Grèce*. Bruxelles: Palais des Beaux-Arts.
Cat. Firenze 1997: Berti R., La Porta E. (eds.). *Glorie di Tracia. L'oro più antico i tesori i miti.* Firenze: Ermes.
Cat. Gela 2004: Giudice F., Panvini R. (eds.). *Ta Attika: Veder greco a Gela. Ceramiche attiche figurate dell'antica colonia. Catalogo della mostra*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.
Cat. London 2005: Curtis J., Tallis N. (eds.). *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia.* London: British Museum.
Cat. Melbourne 1988: *Ancient Macedonia.* Athens: Greek Ministry of Culture.
Cat. Montreal 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria.* Montreal: Editions de l'Homme.
Cat. New York 2014: Aruz J., Graff S.B., Rakic Y. (eds.). *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Cat. Saint Louis 1998: Marazov I. (ed.). *Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria.* New York: Harry N. Abrams.
Cat. San Antonio 1999: Reeder E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Abrams.
Cat. Thessaloniki 1978: Ninou K. (ed.). *Treasures of Ancient Macedonia*. Thessaloniki: Archaeological Museum of Thessaloniki.
Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery 6000 Years of Tradition. Thessaloniki. Villa Bianki, 21 December 1997—21 February 1998*. Athens: Archaeological Receipts Fund.
Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.
Chatzidimitriou A.A. 2011. Terracotta Griffin Figurine from the Necropolis in Karystos: A Brief Excursus into the Development of the Griffin Figure. In: Rupp D.W., Tomlinson J.E. (eds.). *Euboea and Athens Colloquium in Memory of Malcolm B. Wallace*. Athens: The Canadian Institute in Greece, 209—232.
Chryssanthaki-Nagle K. 2007. L'histoire monetaire d'Abdere en Thrace. *MELETHMATA* 51.
Colas Rannou F. 2023. Lydian and Lycian arts in the context of Achaemenid Anatolia: a comparative approach. In: Lafli E., Labarre G. (eds.). *Studies on the history and archaeology of Lydia from the Early Lydian period to Late Antiquity*. Besançon: Presses universtaires de Franche-Comté, 189—203 (Presses universtaires de Franche-Comté 1591).
Congdon L.O.K. 1981. *Caryatid Mirrors of Ancient Greece — Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series*. Mainz: von Zabern.
Croissant F. 2005. Observations sur quelques korés samiennes de l'époque de Chéramyès. *RA* 2, 283—305.
Dalton O.M. 1964. *The Treasures of the Oxus*. London: Trustees of the British Museum.
Delplace C. 1980. *Le griffon: de l'archaisme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique*. Bruxelles: Institut historique belge de Rome.
De Ridder A. 1905. *Collection de Clercq. Catalogue.* T. 3. Les bronzes. Paris: Leroux.
Despini E. 1980. Ο τάφος της Κατερίνης. *Αρχαιολογικά Ανάλεκτα εξ Αθηνών (Athens Annals of Archaeology)* 13.2, 198—209.
Dierichs A. 1981. *Das Bild des Greifens in der frühgriechischen Flächenkunst*. Münster: Lit Verlag.
Draycott C. 2019: Activating the Achaemenid Landscape: The Broken Lion Tomb (Yılan Taş) and the Phrygian Highlands in the Achaemenid Period. In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *Phrygia in Antiquity: From the Bronze Age to the Byzantine Period*. Leuven, Paris, Bristol, CT, 189—218 (Colloquia antiqua 24).
Filov B. 1925. *L'art antique en Bulgarie*. Sofia: Imprimerie de la Cour.
Filow B. 1934. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien.* Sofia: Staatsdruckerei.
Furtwängler A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum.* Bd. 1—3. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devirient.
Gabelmann H. 1965. *Studien zum frühgriechischen Löwenbild*. Berlin: Gebr. Mann.
Galanina L.K. 1997. *Die Kurgane von Kelermes*. Moscow: Palaeograph.
Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publishers.
Greek vases 1995: Shapiro H.A., Picón C.A., Scott G.D. III (eds.). *Greek Vases in the San Antonio Museum of Art.* San Antonio: Museum of Art.
Greifenhagen A. 1970—1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall.* Bd. I—II. Berlin: Gebr. Mann.
Herdejurgen H. 1989. Ostgriechische Büstengefäße — Bemerkungen zur Chronologie. In: Cain H.-U., Gabelmann H., Salzmann D. (Hrsg.). *Festschrift für Nikolaus Himmelmann. Beitrage zur Ikonographie und Hermeneutik*. Mainz: von Zabern, 71—77.
Haspels E.C.H. 1936. *Attic Black-figured Lekythoi*. Paris: E. De Boccard.

Hermary A., Mertens J.R. 2013. *The Cesnola Collection of Cypriot Art: Stone Sculpture*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Himera 1970: Adriani A., Bonacasa N., Di Stefana C.A., Joly E. (eds.). *Himera. I, Campagne di Scavo 1963—1965*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.

Hitzl K. 1982. *Die Entstehung und Entwicklung des Volutenkraters von den frühesten Anfängen bis zur Ausprägung des kanonischen Stils in der attisch schwarzfigurigen Vasenmalerei*. Frankfurt am Main: Lang (Archäologische Studien 6).

Hofstetter E. 1990. *Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland*. Würzburg: K. Triltsch (Archäologie 19).

Hurwit J.M. 2002. Reading the Chigi Vase. *Hesperia* 71.1, 1—22.

Kacharava D. 1995. Greek Imports of Archaic and Classical Times in Colchis. *AA*, 63—73.

Kalashnik Yu. 2004. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle: Waanders Publishers.

Karademir H., Özdemir B. 2013. Sirens as Soul Bearers on Lycian Grave Reliefs in the Classical Period. *Cedrus* I, 89—105.

Karagiorga T.G. 1970. *Γοργειη κεφαλή*. Αθήνα: Η εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 69).

Karoglou K. 2018. *Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art.* New York: The Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 75.3).

Kat. Berlin 1995: Stemmer K. (Hrsg.). *Standorte. Kontext und Funktion antiker Skulptur*. Berlin: Freunde and Förderer der Abguss-Sammlung Antiker Plastik.

Kat. Berlin 2011: Winkler-Horacek L. (Hrsg.). *Wege der Sphinx. Monster zwischen Orient und Okzident*. Rahden/Westf.: Leidorf,

Kat. Bonn 1997: Barkova L., Kalašnik Ju. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Hamburg 1993: Busch R. (Hrsg.). *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg.* Neumünster: Wachholtz.

Kat. Hannover 1994: Vokotopoulou I.-K. (Hrsg.) *Makedonen die Griechen des Nordens*. *Sonderausstellung 11.3.1994-19.6.1994. Forum des Landesmuseum Hannover*. Athen: Editionen Kapon.

Kat. Istanbul 2008: Seipel W. (Hrsg.). *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos.

Kat. Zürich 1993: Karabelnik M. (Hrsg.). *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* Zürich: Kunsthaus Zürich.

Kitov G. 1992. The Domed Tombs near the Village of Ravnogor in the Rhodopes. *Talanta* XXII—XXIII (1990—1991), 23—47.

Knigge U. 1976. *Der Südhügel*. Berlin: Walter de Gruyter & Co. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen IX).

Konuk K. 1998. The Early Coinage of Kaunos. In: Ashton R., Hurter S. (eds.). *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price*. London: Spink, 197—223.

Konuk K. 2007. Coin Legends in Carian. In: Adiego I.J. (ed.). *The Carian Language*. Leiden, Boston: E.J. Brill, 472—507.

Kranz P. 2020. *Aphrodite — Venus: Die Göttin und das Erscheinungsbild der Frau in der Antike*. Erlangen: FAU University Press (FAU Studien aus der Philosophischen Fakultät 14).

Krauskopf I. 1976. Gorgonendarstellungen auf etruskischen Münzen und in der etruskischen Kunst. In: *Contributi introduttivi allo studio della monetazione etrusca. Atti del V Convegno Internazionale di Studi Numismatici, Napoli, 20.—24.4.1975.* Roma: Istituto italiano di numismatica, 319—348.

Kunze E. 1950. *Archaische Schildbänder: ein Beitrag zur frühgriechischen Bildgeschichte und Sagenüberlieferung*. Berlin: W. de Gruyter (OF II).

Kunze-Götte E., Tancke K., Vierneisel K. 1999. *Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts*. Berlin: Walter de Gruyter & Co. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen VII.2).

Kyrieleis H. 1995: Eine neue Kore des Cheramyes. *Antike Plastik* 24, 7—34.

Lazarou A. 2019. Golden Gorgon-Medusa Artwork in Ancient Hellenic World. *Scientific Culture* 5.1, 1—14.

Liveri A. 2024. Sirens' Songs and Music: Their Representations and Significance on Archaic and Classical Attic Vase-Paintings. *Pallas* 124, 135—170.

Lordkipanidze O.D. 1971. La civilisation de l'ancienne Colchide aux Ve — IVe siècles. *RA* 2, 259—288.

Lordkipanidze O.D. 1991. *Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter*. Weinheim: VCH-Verlagsgesellschaft (Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie 5).

Martín Porras B. 2022. Monumentalising the monstrous: the attraction and repulsion of monsters in Archaic Greek art. PhD Thesis in Classics, Arts & Humanities, King's College London. London.

Meriçboyu Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari*. Istanbul: Akbank.

Mertens-Horn M. 1986. Studien zu griechischen Löwenbildern. *Römische Mitteilungen* 93, 1—61.
metmuseum.org: 1: Terracotta neck-amphora (jar). URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/256598 (дата обращения 10.05.2025).
Mingazzini P. 1971. *Catalogo dei vasi della Collezione Augusto Castellani* 2. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.
Mitten D.G. 1975. *Museum of Art Rhode Island Scholl of Design. Classical Bronzes*. Providence: Museum of Art, Rhode Island School of Design.
Morgan C.A. 2004. *Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagori*. Leiden; Boston: E.J. Brill (Phanagoria Studies 1; Colloquia Pontica 10).
Müller P. 1978. *Löwen und Mischwesen in der archaischen griechischen Kunst. Eine Untersuchung über ihre Bedeutung.* Zürich: Juris.
Musti D., Benzi M. Rocchetti L. 1992. *L'oro dei Greci.* Novarra: Istituto Geografico De Agostini.
Neverov O. 1976. *Antique Intaglios in the Hermitage Collection.* Leningrad: Aurora Art Publishers.
Ognenova L. 2000. L'armure des Thraces. *Archaeologia Bulgarica* 3, 11—24.
Oldfield A. 2014. The Sound of Sirens. Siren Stelae in Classical Attic Cemeteries. A thesis submitted to Victoria University of Wellington. Victoria University of Wellington.
Özgen, I., Öztürk, J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure.* Istanbul: Uğur.
Padgett J.M. 1991. Phineus and the Boreads on a Pelike by the Nausica Painter. *Journal of the Museum of Fine Arts, Boston* 3, 15—34.
Panarite P. 2016. *Ο Ζωγράφος της Μέγαιρας*. Διδακτορική διατριβή. Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών. Αθήνα.
Panvini R. 2003. Osservazioni su alcuni vasi attici delle Necropoli di Sabucina e Vassallaggi nel Museo Archeologico di Caltanissetta. In: *Il Greco, il Barbaro e la Ceramica Attica: Immaginario del diverso, processi di scambio e autorappresentazione degli indigeni. Atti del Convegno internazionale di studi, 14—19 maggio 2001, Catania, Caltanissetta, Gela, Camarina, Vittoria, Siracusa*, 2. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 79—92.
Payne H. 1931. *Necrocorinthia. A Study of Corinthian Art in Archaic Period.* Oxford: The Clarendon Press.
Pellegrini G. 1912. *Catalogo dei vasi greci dipinti delle necropoli felsinee descritti*. Bologna: Presso il Museo Civico.
perseus.tufts.edu: 1: Harvard 1959.127 (Vase). URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/artifact.name=Harvard+1959.127& object=Vase (дата обращения 10.05.2025).
Petit T. 2011: *OEdipe et le Chérubin. Sphinx levantins, cypriotes et grecs comme gardiens d'Immortalité.* Fribourg (CH). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (Orbis Biblicus et Orientalis 248).
Petit T. 2019. Les sphinx sur le Vase François et l'Olpè Chigi: l'héroïsation des élites. *MEFRA* 131/2, 431—455.
Philipp H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia*. Berlin: Walter de Gruyter (OF XIII).
Pizzo M. 2000. Vassallaggi (S. Cataldo, Caltanissetta). La necropoli meridionale, scavi 1956. *NSc* 9—10, 207—395.
Podschiwalow A. 1888. Anse d'amphore en bronze avec la figure de Méduse. *Gazette archéologique*, 79—81.
Prêtre Cl. 2016. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. Athènes: École française d'Athènes (Études Thasiennes 23).
Rabadjiev K. 2023. Gods and Myths on the Silver Items from Thrace. In: Popov H., Pramatarov K., Ivanova N., Dimitrova Y., Sharankov N., Stamberova M. (eds.). *Silver Thrace*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum Bulgarian Academy of Sciences, 76—97.
Rasmussen T. 1991. Corinth and the Orientalising Phenomenon. In: Rasmussen T., Spivey N. (eds.). *Looking at Greek Vase*s. Cambridge: Cambridge University Press, 57—78.
Rehm E. 1992. *Der Schmuck der Achämeniden.* Münster: Ugarit-Verlag.
Rhomiopoulou K. 1989. Κλειστά ταφικά σύνολα υστεροκλασικών χρόνων από τη Θεσσαλονίκη. In: *Φίλια Έπη εις Γεώργιον Μυλωνάν.* Τ. Γ΄. Αθήναι: Η εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία, 194—218.
Richter G.M.A. 1970. *Kouroi, Archaic Greek Youths; A Study of the Development of the Kouros Type in Greek Sculpture.* London; New York: Phaidon Press.
Ridgway B.S. 1993. *The Archaic Style in Greek Sculpture*. Chicago: Ares.
Robinson D.M. 1950. *Vases found in 1934 and 1938*. Baltimore: John Hopkins University Press (Excavations at Olynthus XIII).
Robinson E.S.G. 1936. A Find of Archaic Coins from South-West Asia Minor. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society* 16 (64), 265—280.
Rolley C. 1982. *Les vases de bronze de l'archaisme récent en Grande-Grèce*. Naples: Centre Jean Bérard (Collection du Centre Jean Bérard 5).
Rolley C. 2003. Le cratère. In: Rolley C. (ed.). *La tombe princière de Vix.* Paris: Picard et Société des amis du musée du Châtillonais, 76—143.

Rondholz A. 2020. Something to do with Sarpedon? Eine Neuinterpretation des Harpyienmonuments in Xanthos. In: Zimmermann M. (Hrsg.). *Das Xanthostal Lykiens in archaisch-klassischer Zeit: Eine archäologisch-historische Bestandsaufnahme*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 119—140 (Die hellenistische Polis als Lebensform 10).

Roosevelt C.H. 2009. *The Archaeology of Lydia, from Gyges to Alexander*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Schattner Th. 1996. Architrav und Fries des archaischen Apollontempels von Didyma. *JdI* 111, 1—24.

Schiltz V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C.H. Beck.

Schleifenbaum H.E. 1991. *Der griechische Volutenkrater: Form, Funktion und Sinngehalt eines antiken Prunkgefäßes*. Frankfurt am Main: Lang (Europäische Hochschulschriften. Reihe 38. Bd. 36).

Schlörb-Vierneisel B. 1966. Eridanos-Nekropole I: Gräber und Opferstellen hS 1—204. *AM* 81, 4—111.

Schmidt-Dounas B. 2017. *Grab A und B von Katerini ein alter Fund in neuem Licht.* Thessaloniki: University Studio Press.

Schöne-Denkinger A. 2016. Koroplasten — Töpfer — Maler. Zur Produktion attischer Kopfgefäße und Rhyta (Hrsg.) In: Eschbach N., Schmidt S.T. (Hrsg.). *Töpfer. Maler. Werkstatt. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion*. München: C.H. Beck, 107—117.

Schöne-Denkinger A., Trinkl E., Rieke-Zapp D. 2017. Hightech trifft auf griechische Kopfgefäße. *AW* 17,1, 35—37.

Simon E. 1976. *Die griechischen Vasen*. München: Hirmer.

Sparkes B.A., Talcott L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C.* Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XII).

Squire M.J. 2018. “To haunt, to startle, and way-lay”: Approaching ornament and figure in Graeco-Roman art. In: Squire M.J., Dietrich N. (eds.). *Ornament and Figure in Graeco-Roman Art: Rethinking Visual Ontologies in Classical Antiquity*. Berlin: De Gruyter, 1—35.

Stibbe C.M. 1972. *Lakonische Vasenmaler des sechsten Jahrhunderts v. Chr.* Amsterdam, London: North-Holland Pub. Co.

Stolba V.F., Rogov E.Ya. 2012. Metal Objects. In: Stolba V.F., Rogov E.Ya. *Panskoye I.* Vol. 2. *The Necropoleis*. Aarhus: Aarhus University Press, 326—340.

Stamatopoulou B. 2010. Πολυτελής ιπποσκευή από τη Μακεδονία. In: Τριαντάφυλλος Δ., Τερζοπούλου Δ. (eds.). *’Αλογα και άμαξες στον αρχαίο κόσμο : πρακτικά επιστημονικής συνάντησης, Ορεστιάδα 30 Σεπτεμβρίου 2006 = Horses and wagons in the ancient world : proceedings of one day scientific meeting, Orestiada-Greece, September 30, 2006*. Ορεστιάδα: Υπουργείο Πολιτισμού και Τουρισμού, 231—253.

Strenz J. 2001. *Männerfrisuren der Spätarchaik,* Mainz: von Zabern.

Tarditi C. 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production Between the Sixth and the Fifth Centuries BC*. Roma: Edizioni Quasar (Thiasos Monografie 7).

Ta Attika 2004: Giudice F., Panvini R. (eds.). *Ta Attika: Veder greco a Gela. Ceramiche attiche figurate dell’antica colonia. Catalogo della mostra*. Roma: «L’Erma» di Bretschneider.

Thomsen A. 2011. *Die Wirkung der Götter: Bilder mit Flügelfiguren auf griechischen Vasen des 6. und 5. Jahrhunderts v. Chr.* Berlin; Boston: W. de Gruyter (Image and Context 9).

Treister M. 1999. The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays. In: Reeder E. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: H.N. Abrams, 71—81.

Treister M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).

Treister M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th Centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.

Trinkl E., Rieke-Zapp D., Homer L. 2018. Face to face-considering the moulding of Attic head vases reconsidering Beazley’s groups by quantitative analysis. *JASc* 21, 1019—1024.

Trinkl E., Rieke-Zapp D. 2018. Anhang II. Digitale Analyse antiker Kopfgefäße. *CVA* Berlin 18, 68—73.

Trinkl et al. 2024: Trinkl E., Karl S., Lengauer S., Preiner R., Schreck T. Cross-Modal Search and Exploration of Greek Painted Pottery. In: *The 3 Dimensions of Digitalised Archaeology: State-of-the-Art, Data Management and Current Challenges in Archaeological 3D—Documentation*. Cham: Springer International Publishing, 109—128.

Troxell H. 1979. Winged Carians. In: Mørkholm O., Waggoner N.M. (eds). *Greek Numismatics and Archaeology Essays in Honor of Margaret Thompson*. Wetteren: Cultura, 257—268.

Tuchelt K. 1970. *Die archaischen Skulpturen von Didyma*. Berlin: Gebr. Mann (Istanbuler Forschungen 27).

Ure P.N. 1913. *Black glaze pottery from Rhitsona in Boeotia*. London: H. Milford, Oxford University Press.

Ure P.N. 1927. *Sixth and Fifth Century Pottery from excavations made al Rhitsona by R.M. Burrows in 1909, and by P.N. Ure and A.D. Ure in 1921 & 1922*. London: H. Milford, Oxford University Press.
Venedikov I., Gerassimov T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien: A. Schroll.
Vismara N. 1989. *Monetazione arcaica della Lycia. II. La collezione Winsemann Falghera.* Milano: Ed. Ennerre.
Vlachogianni E. 2018. The Art of Hairstyling: Hairstyles in the Greco-Roman World and their Semiology. In: Lagogianni-Georgakarakos M. (ed.). *Οι αμέτρητες όψεις του Ωραίου στην αρχαία τέχνη / The Countless Aspects of Beauty in Ancient Art*. Athens: Εκδόση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 303—316.
von Bothmer D. 1984. *A Greek and Roman Treasury*. New York: Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art XLII.1)).
von Hofsten S. 2007. *The Feline-Prey Theme in Archaic Greek Art. Classification — Distribution — Origin — Iconographical Context*. Stockholm: Dept. of Archaeology and Classical Studies, Stockholm University; Almqvist & Wiksell (Stockholm Studies in Classical Archaeology 13).
von Fritze H. 1912. Die Elektronprägung von Kyzikos. *Nomisma* VII, 1—38.
von Fritze H. 1914. Die Silberprägung von Kyzikos. *Nomisma* IX, 34—56.
Waggoner N.M. 1983. *Rosen Collection. Early Greek coins from the collection of Jonathan P. Rosen.* New York: American Numismatic Society (Ancient Coins in North American Collections 5).
Walter H. 1968. *Frühe samische Gefäße. Chronologie und Landschaftsstile ostgriechischer Gefäße.* Bonn: R. Habelt (Samos V).
Walter-Karydi E. 1973. *Samische Gefäße des 6. Jahrhunderts v. Chr*. Bonn: R. Habelt (Samos VI.1).
Walters H.B. 1926. *Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum.* London: The Trustees of the British Museum.
Williams D., Ogden J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: British Museum Press.
Zakoji E. 2022. Bicorporates on Coins. Reflections on their Occurrence and Use. *Iconographisk Post / Nordisk tidskrift för bildtolkning / Nordic Review of Iconography* 1/2, 93—124.
Zazoff P. 1983. *Die antiken Gemmen*. München: C. H. Beck (Handbuch der Archäologie).

References

Artamonov, M.I. 1961. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage)* 2, 57—87 (in Russian).
Borisfen — Berezan'. 2005: Solov'ev, S.L. (ed.). *Borisfen — Berezan'. Nachalo antichnoy epokhi v Severnom Prichernomor'e: K 120-letiyu arkheologicheskih raskopok na ostrove Berezan': Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh, 23 iyunya — 11 sentyabrya 2005 g. (Borisphen — Berezan. The Beginning of the Classical Era in the Northern Black Sea region: On the 120th Anniversary of the Archaeological Excavations on the Berezan Island: Exhibition Catalogue. State Hermitage, June 23 — September 11, 2005).* Saint Petersburg: State Hermitage Publ. House (in Russian).
Buyskikh, A.V., Denisova, A.A., Ivchenko, A.V. 2016. In *Arkheologiya i davnyaya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine)* 1 (18), 63—79 (in Russian).
Velichko, E. 2019. In *Eminak* 1, 65—82 (in Russian).
Vinogradov, Yu.A., Zin'ko, V.N., Smekalova, T.N. 2012. *Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora (Yuz-Oba. The Kurgan Necriopolis of the Aristocracy of the Bosporus)* 1. Simferopol; Kerch: Mayster knig (Bosporan Studies Supplementum 9) (in Russian).
Ganina, O.D. 1974. *Kievskiy muzey istoricheskikh dragotsennostey (Kiev Museum of Historical Treasures)*. Kyiv: Mistetstvo (in the Ukraininan).
Herz, K.K. 1876. *Istoricheskiy obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 g. (Historical Review of Archaeological Research and Discoveries on the Taman Peninsula from the End of the 18th Century to 1859).* Moscow: Moscow Archaeological Society (in Russian).
Gorbunova, K.S. 1983. *Chernofigurnye atticheskie vazy v Ermitazhe (Black-figure Attic Vases in the Hermitage)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
Domanskiy, Ya.V., Vinogradov, Yu.G., Solov'ev, S.L. 1989. In: Smirnova, G.I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo. Ermitazha. Sbornik nauchnykh trudov (Results of Work of the Archaeological Expeditions of the State Hermitage. Collection of Scientific Papers).* Leningrad: State Hermitage Publ. House, 33—60 (in Russian).

Du Brux, P. 2010: *Sobranie sochineniy (Œuvres).* V. I—II. Saint Petersburg: Kolo.

Egorova, T.V. 2017. *Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. Nauchnyy katalog (Ancient Black-glazed Ceramics from the collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts. Scientific Catalogue).* Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2013. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology, Culture)* 2 (40), 157—167 (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2014. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya (Jewelry from the Kul-Oba Burial Mound in the Collection of the Historical Museum)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Zastrozhnova, E.G. 2014. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 469—481 (in Russian).

Ivanov, Ya. 2018: In: Boteva-Boyanova, D., Delev, P., Tsvetkova, Yu. (eds.). *JUBILAEUS VII. Obshtestvo, tsare, bogove. Sbornik v pamet na prof. Margarita Tacheva (Society, King, God. Collection of Memorials to Prof. Margarita Tacheva)*. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 151—162 (in Bulgarian).

Ivanov, Ya. 2023. *Zashtitno vaoruzhenie v Drevna Trakiya, na sever ot Khemus prez V—III v. pr. Khr. (Defensive Armament in Ancient Thrace, north of Hemus in the 5th—3rd Centuries BCE)*. Bk. I—II. Sofia: National Archaeological Institute with a Museum of the Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Il'inskaya, V.A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo levoberezh'ya (kurgany Posul'ya) (The Scythians of the Dnieper Forest-Steppe Left Bank (the Burial Mounds of the Sula Basin)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamytniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya (Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Objects of Ancient Jewellery Art from the North Pontic Region)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2004: Piotrovskiy, M.B. (ed.). *Iran v Ermitazhe. Formirovanie kollektsiy (Iran in the Hermitage. The Formation of the Collections)*. Saint Petersburg: Slavia (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024a: Butyagin, A.M. (ed.). *"...Posmotri v glaza chudovishch...". Mificheskie olitsetvoreniya uzhasa v Antichnosti i ikh pobediteli ("...Look into the Monsters' Eyes..." Mythical Personifications of Horror in Antiquity and their Slayers).* Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024б: Ryabkova, T.V. (ed.). *Epokhi, kurgany, nakhodki. K 175-letiyu so dnya rozhdeniya N.I. Veselovskogo (Epochs, Kurgans, Finds. To the 175th Anniversary from the Birthday of N.I. Veselovskiy)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Kitov, G. 1980. In *Pulpudeva* 3, 165—176 (in Russian).

Kopeykina, *L.V.* 1986. In: Grach, N.L.(ed.). *Antichnaya torevtika (Antique Toreutics)*. Leningrad: State Hermitage, 28—63, 148—155 (in Russian).

Lifantiy, O. 2018. Precious Appliqués on the Clothing of the Population of the Steppe Scythia of the 7th — 3rd Centuries BCE. Ph.D. Dissertation, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of the Ukraine. Kiev (in Ukrainian).

Mal'mberg, V.K. 1907. In: Zhebelev, S.A., Mal'mberg, V.K. *Tri arkhaicheskie bronzy iz Khersonskoy gubernii (Three Archaic Bronzes from the Cherson Province)*. Saint Petersburg: Typography oft he Chief Apanage Dept., 36—57 (Materials on the Archaeology of Russia 32) (in Russian).

Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha (Solokha Burial Mound).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Miller, A.A. 1910. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (News of the Archaeological Commission)* 35, 86—130 (in Russian).

Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2017. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 21, 295—310 (in Russian).

Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2018a. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya (The Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Times)*. Iss. II. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova (On the Occasion of the 70th Anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov).* Rostov-on-Don: Lucky Pak Printing House, 120—144 (in Russian).

Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2018b. In: Engovatova, A.I. (ed.). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 goda (Cities, Settlements, Burial Grounds. Excavations of 2017).* Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 220—231 (Materials of Rescue Archaeological Research 25) (in Russian).

Monahov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel' (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae from Leading Centers Exporting Goods in Ceramic Containers. Identification Catalogue).* Moscow; Saratov: Kimmerida Publ. House, Saratov University Publ. House (in Russian).

Monahov et al. 2019: Monahov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI—II vv. do n.e. Katalog (Antique Amphoras Collection of the State Hermitage of the 6th—2nd Centuries BCE. Catalogue).* Saratov: Amirit (in Russian).

Monahov et al. 2022: Monahov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022. *Amfory VII—I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna (Amphoras of the 7th—1st centuries BCE from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn).* Saratov: Amirit (in Russian).

Nikulina, N.M. 1994. *Iskusstvo Ionii i akhemenidskogo Irana (The Art of Ionia and Achaemenid Iran).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Novichikhin, A.M. 2019. *Drevnosti Tamani (Antiquities of Taman).* Taman: Platonov (in Russian).

Novichikhin, A., Galut, O. 2013. *Zoloto Gorgippii (Gold of Gorguippia)*. Anapa; Krasnodar: Platonov (in Russian).

CR St. Petersburg for 1860: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1860 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1860).* 1861. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1876: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1876 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1876).* 1879. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1877: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1877 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1877).* 1880. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Ognenova, L. 1959. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1—2, 30—37 (in Bulgarian).

Onayko, N.A. 1966. *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v VII—V vv. do n.e. (Antique Import in the Dnieper and Bug Regions in the 7th—5th Centuries BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Onayko, N.A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV—II vv. do n.e. (Antique Import in the Dnieper and Bug Regions in the 4th—2nd Centuries BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources, D1-27) (in Russian).

Panajotova, K. 2009. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1—2, 52—61 (in Bulgarian).

Paromov, Ya.M., Sudarev, N.I. 2000. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 3, 201—221 (in Russian).

Petrakova et al. 2019: Petrakova, A.E, Bukina, A.G., Alekseev, A.I., Bazhenova, O.K., Guzanov, A.N., Namoylik, A.S., Romashova, M.V., Tararuhina, E.S., Frolova, A.A. 2019. *Malye kollektsii antichnykh vaz v muzeyakh Rossii. Katalog (Small Collections of Antique Vases in the Museums of Russia. Catalogue).* Saint Petersburg; Kerch: "Demetra" Foundation (in Russian).

Polidovich, Yu.B., Velichko, E.O. 2023. In *Starozhitnosti livoberezhnogo Podniprov'ya — 2022: zbirnik naukovikh prats (Antiquities of the Left Bank Dnieper Regions — 2022: Collection of Scientific Papers)* 22 (2022), 51—67 (in Ukrainian).

Rostovtzev, M.I. 1913. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (News of the Archaeological Commission)* 49, 1—62, 133—140 (in Russian).

Rostovtzev, M.I. 1925. *Skifiya i Bospor (Scythia and the Bosporus)*. Leningrad: Russian Academy oft he History of Material Culture (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2019. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 1009—1021 (in Russian).

Silant'eva, L.F. 1959. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov* (*Necropoleis of Certain Bosporan Cities*). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 5—107 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 69) (in Russian).

Solov'ev S.L. 1997. *Istoriya kul'tury antichnoy Berezani (History of the Culture of the Ancient Berezan).* Saint Petersburg: State Hermitage Publ. House (in Russian).

Sudarev, N.I. 2010. In: Bongard-Levin, G.M. Kuznetsov, V.D.(eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 418—473 (in Russian).

Sudarev, N.I., Mimokhod, R.A. 2019. In: Novichikhin, A.M. *Drevnosti Tamani (Antiquities of Taman).* Taman: Platonov, 428—447 (in Russian).

Sudarev N.I. 2023. In *Drevnosti Kubani (Antiquities of the Kuban)* 26, 61—86 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2014. In: Mordvintseva, V.I., Härke, H., Shevchenko, T. (eds.). *Arkheologicheskie i lingvisticheskie issledovaniya. Materialy Humboldt-konferentsii (Simferopol — Yalta, 20—23 sentyabrya*

2012 g.) (Archäologische und linguistische Forschung. Materialien der Humboldt-Tagung (Simferopol — Jalta, 20.-23. September 2012). Kyiv: Stylos, 196—214 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Zoloto Fanagorii* (*Gold of Phanagoria*), Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16—22 (Phanagoria 2) (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021. In: Skoriy, S.A., Zadnikov, S.A. (eds.). *Ranniy zalizniy vik Skhidnoy Evropi: zbirnik statey na poshchanu Irini Shranko (Early Iron Age oft he Eastern Europe; A Collection of Articles dedicated to Irina Shramko)*. Kharkiv; Kotel'va: Kharkiv National University named after V.N. Karazin; IKZ "Bil'sk", 260—277 (in Russian).

Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022a. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove (Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic Periods on the Taman Peninsula).* In two parts. Pt. 1. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Tsokur I.V., Sudarev N.I., Sharov O.V. 2022b. *Volna 1. Nekropol' arkhaicheskogo — ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove (Volna 1. Necropolis of the Archaic — Hellenistic Periods on the Taman Peninsula).* In two parts. Pt. 2. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 30. Pt. 1—2) (in Russian).

Amandry, P. 1939. Rapport préliminaire sur les statues chryséléphantines de Delphes. *Bulletin de correspondance hellénique* 63, 86—119.

Archibald, Z.H. 1998. *The Odryssian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford: Oxford University Press.

Artamonow, M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen.* Prag: Artia; Leningrad: Sovetskij Khudoshnik.

asiaminorcoins.com: 1: Kaunos (BC 490-470) Obol. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=10243 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 2: (BC 450-420) Vekhssere – Stater. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=6469 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 3: Kaunos (BC 460) Stater. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=6807 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 4: Kaunos (BC 465-460) Stater. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=264 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 5: Kaunos (BC 470) Hemiobol? Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=512 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 6: Kaunos (BC 470) Stater. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=509 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 7: Kaunos (BC 470) Triobol. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=510 (accessed 10.05.2025).

asiaminorcoins.com: 8: (BC 480-440) Kuprilli – Stater. Available at: http://www.asiaminorcoins.com/gallery/ displayimage.php?pid=7106 (accessed 10.05.2025).

Babelon, E. 1910. *Traité des monnaies grecques et romaines; 2e Partie. Traité des monnaies grecques et romaines*. Pt. 2. *Description historique*. T. II. Paris: Hachette BNF.

Baldwin Brett, A. 1955. *Museum of Fine Arts, Boston. A Catalogue of Greek Coins.* Boston: Museum of Fine Arts.

Beazley, J.D. 1929. Charinos. *JHS* 49, 38—78.

Berges, D. 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. In: Rakob, F. (Hrsg.). *Die Deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz: von Zabern, 10—214 (Karthago II).

Besig, H. 1937. *Gorgo und Gorgoneion in der archaischen griechischen Kunst*. Berlin: H. Markert.

Boardman, J. 1968. *Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the 6th and Early 5th Century BC.* London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity.* London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical.* London: Thames and Hudson.

Böhm, S. 2020. *Sphingen und Sirenen im archaischen Griechenland, Symbole der Ambivalenz in Bildszenen und Tierfriesen*. Regensburg: Schnell + Steiner.

Bol, P. 1989. *Argivische Schilde*. Berlin; New York: W. de Gruyter (OF XVII).

bosporan-kingdom.com: 1: Coin: 105-2011. Available at: https://bosporan-kingdom.com/105-2011/ (accessed 10.05.2025).

bosporan-kingdom.com: 2: Coin: 106-2039. Available at: https://bosporan-kingdom.com/106-2039/ (accessed 10.05.2025).
bosporan-kingdom.com: 3: Coin: 106-2145. Available at: https://bosporan-kingdom.com/106-2145/ (accessed 10.05.2025).
bosporan-kingdom.com: 4: Coin: 107-2127. Available at: https://bosporan-kingdom.com/107-2127/ (accessed 10.05.2025).
Boulter, C.G. 1963. Graves in Lenormant Street, Athens. *Hesperia* 32, 113—137.
britishmuseum.org: 1: Scaraboid. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1871-0209-8 1871,0209.8 (accessed 10.05.2025).
britishmuseum.org: 2: Scaraboid. Available at: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1898-0715-4 (accessed 10.05.2025).
Cat. Bruxelles 1982: *Hommes et dieux de la Grèce antique*. Europalia 82. *Helles — Grèce*. Bruxelles: Palais des Beaux-Arts.
Cat. Firenze 1997: Berti, R., La Porta, E. (eds.). *Glorie di Tracia. L'oro più antico i tesori i miti.* Firenze: Ermes.
Cat. Gela 2004: Giudice, F., Panvini, R. (eds.). *Ta Attika: Veder greco a Gela. Ceramiche attiche figurate dell'antica colonia. Catalogo della mostra*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.
Cat. London 2005: Curtis, J., Tallis, N. (eds.). *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia.* London: British Museum.
Cat. Melbourne 1988: *Ancient Macedonia.* Athens: Greek Ministry of Culture.
Cat. Montreal 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria.* Montreal: Editions de l'Homme.
Cat. New York 2014: Aruz, J., Graff, S.B., Rakic, Y. (eds.). *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Cat. Saint Louis 1998: Marazov, I. (ed.). *Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria.* New York: Harry N. Abrams.
Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Abrams.
Cat. Thessaloniki 1978: Ninou, K. (ed.). *Treasures of Ancient Macedonia*. Thessaloniki: Archaeological Museum of Thessaloniki.
Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery 6000 Years of Tradition. Thessaloniki. Villa Bianki, 21 December 1997—21 February 1998*. Athens: Archaeological Receipts Fund.
Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos, D. (ed.). *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.
Chatzidimitriou, A.A. 2011. Terracotta Griffin Figurine from the Necropolis in Karystos: A Brief Excursus into the Development of the Griffin Figure. In: Rupp, D.W., Tomlinson, J.E. (eds.). *Euboea and Athens Colloquium in Memory of Malcolm B. Wallace*. Athens: The Canadian Institute in Greece, 209—232.
Chryssanthaki-Nagle, K. 2007. L'histoire monetaire d'Abdere en Thrace. *MELETHMATA* 51.
Colas Rannou, F. 2023. Lydian and Lycian arts in the context of Achaemenid Anatolia: a comparative approach. In: Lafli, E., Labarre, G. (eds.). *Studies on the history and archaeology of Lydia from the Early Lydian period to Late Antiquity*. Besançon: Presses universtaires de Franche-Comté, 189—203 (Presses universtaires de Franche-Comté 1591).
Congdon, L.O.K. 1981. *Caryatid Mirrors of Ancient Greece — Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series*. Mainz: von Zabern.
Croissant, F. 2005. Observations sur quelques korés samiennes de l'époque de Chéramyès. *RA* 2, 283—305.
Dalton, O.M. 1964. *The Treasures of the Oxus*. London: Trustees of the British Museum.
Delplace, C. 1980. *Le griffon: de l'archaïsme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique*. Bruxelles: Institut historique belge de Rome.
De Ridder, A. 1905. *Collection de Clercq. Catalogue.* T. 3. Les bronzes. Paris: Leroux.
Despini, E. 1980. Ο τάφος της Κατερίνης. *Αρχαιολογικά Ανάλεκτα εξ Αθηνών (Athens Annals of Archaeology)* 13.2, 198—209.
Dierichs, A. 1981. *Das Bild des Greifens in der frühgriechischen Flächenkunst*. Münster: Lit Verlag.
Draycott, C. 2019: Activating the Achaemenid Landscape: The Broken Lion Tomb (Yılan Taş) and the Phrygian Highlands in the Achaemenid Period. In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *Phrygia in Antiquity: From the Bronze Age to the Byzantine Period*. Leuven, Paris, Bristol, CT, 189—218 (Colloquia antiqua 24).
Filov, B. 1925. *L'art antique en Bulgarie*. Sofia: Imprimerie de la Cour.
Filow, B. 1934. *Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien.* Sofia: Staatsdruckerei.

Furtwängler, A. 1900. *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum.* Bd. 1—3. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devirient.
Gabelmann, H. 1965. *Studien zum frühgriechischen Löwenbild*. Berlin: Gebr. Mann.
Galanina, L.K. 1997. *Die Kurgane von Kelermes*. Moscow: Palaeograph.
Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publishers.
Greek vases 1995: Shapiro, H.A., Picón, C.A., Scott, G.D. III (eds.). *Greek Vases in the San Antonio Museum of Art.* San Antonio: Museum of Art.
Greifenhagen, A. 1970—1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall.* Bd. I—II. Berlin: Gebr. Mann.
Herdejurgen, H. 1989. Ostgriechische Büstengefäße — Bemerkungen zur Chronologie. In: Cain H.-U., Gabelmann, H., Salzmann, D. (Hrsg.). *Festschrift für Nikolaus Himmelmann. Beitrage zur Ikonographie und Hermeneutik*. Mainz: von Zabern, 71—77.
Haspels, E.C.H. 1936. *Attic Black-figured Lekythoi*. Paris: E. De Boccard.
Hermary, A., Mertens, J.R. 2013. *The Cesnola Collection of Cypriot Art: Stone Sculpture*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
Himera 1970: Adriani, A., Bonacasa, N., Di Stefana, C.A., Joly, E. (eds.). *Himera. I, Campagne di Scavo 1963—1965*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.
Hitzl, K. 1982. *Die Entstehung und Entwicklung des Volutenkraters von den frühesten Anfängen bis zur Ausprägung des kanonischen Stils in der attisch schwarzfigurigen Vasenmalerei*. Frankfurt am Main: Lang (Archäologische Studien 6).
Hofstetter, E. 1990. *Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland*. Würzburg: K. Triltsch (Archäologie 19).
Hurwit, J.M. 2002. Reading the Chigi Vase. *Hesperia* 71.1, 1—22.
Kacharava, D. 1995. Greek Imports of Archaic and Classical Times in Colchis. *AA*, 63—73.
Kalashnik, Yu. 2004. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle: Waanders Publishers.
Karademir, H., Özdemir, B. 2013. Sirens as Soul Bearers on Lycian Grave Reliefs in the Classical Period. *Cedrus* I, 89—105.
Karagiorga, T.G. 1970. *Γοργειη κεφαλή*. Αθήνα: Η εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 69).
Karoglou, K. 2018. *Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art.* New York: The Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art 75.3).
Kat. Berlin 1995: Stemmer, K. (Hrsg.). *Standorte. Kontext und Funktion antiker Skulptur*. Berlin: Freunde and Förderer der Abguss-Sammlung Antiker Plastik.
Kat. Berlin 2011: Winkler-Horacek, L. (Hrsg.). *Wege der Sphinx. Monster zwischen Orient und Okzident*. Rahden/Westf.: Leidorf,
Kat. Bonn 1997: Barkova, L., Kalašnik, Ju. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.
Kat. Hamburg 1993: Busch, R. (Hrsg.). *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg.* Neumünster: Wachholtz.
Kat. Hannover 1994: Vokotopoulou, I.-K. (Hrsg.) *Makedonen die Griechen des Nordens*. *Sonderausstellung 11.3.1994-19.6.1994. Forum des Landesmuseum Hannover*. Athen: Editionen Kapon.
Kat. Istanbul 2008: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos.
Kat. Zürich 1993: Karabelnik, M. (Hrsg.). *Aus den Schatzkammern Eurasiens.* Zürich: Kunsthaus Zürich.
Kitov, G. 1992. The Domed Tombs near the Village of Ravnogor in the Rhodopes. *Talanta* XXII—XXIII (1990—1991), 23—47.
Knigge, U. 1976. *Der Südhügel*. Berlin: Walter de Gruyter & Co. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen IX).
Konuk, K. 1998. The Early Coinage of Kaunos. In: Ashton, R., Hurter, S. (eds.). *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price*. London: Spink, 197—223.
Konuk, K. 2007. Coin Legends in Carian. In: Adiego, I.J. (ed.). *The Carian Language*. Leiden, Boston: E.J. Brill, 472—507.
Kranz, P. 2020. *Aphrodite — Venus: Die Göttin und das Erscheinungsbild der Frau in der Antike*. Erlangen: FAU University Press (FAU Studien aus der Philosophischen Fakultät 14).
Krauskopf, I. 1976. Gorgonendarstellungen auf etruskischen Münzen und in der etruskischen Kunst. In: *Contributi introduttivi allo studio della monetazione etrusca. Atti del V Convegno Internazionale di Studi Numismatici, Napoli, 20.—24.4.1975.* Roma: Istituto italiano di numismatica, 319—348.
Kunze, E. 1950. *Archaische Schildbänder: ein Beitrag zur frühgriechischen Bildgeschichte und Sagenüberlieferung*. Berlin: W. de Gruyter (OF II).

Kunze-Götte, E., Tancke, K., Vierneisel, K. 1999. *Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts*. Berlin: Walter de Gruyter & Co. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen VII.2).

Kyrieleis, H. 1995: Eine neue Kore des Cheramyes. *Antike Plastik* 24, 7—34.

Lazarou, A. 2019. Golden Gorgon-Medusa Artwork in Ancient Hellenic World. *Scientific Culture* 5.1, 1—14.

Liveri, A. 2024. Sirens' Songs and Music: Their Representations and Significance on Archaic and Classical Attic Vase-Paintings. *Pallas* 124, 135—170.

Lordkipanidze, O.D. 1971. La civilisation de l'ancienne Colchide aux Ve — IVe siècles. *RA* 2, 259—288.

Lordkipanidze, O.D. 1991. *Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter*. Weinheim: VCH-Verlagsgesellschaft (Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie 5).

Martín Porras, B. 2022. Monumentalising the monstrous: the attraction and repulsion of monsters in Archaic Greek art. PhD Thesis in Classics, Arts & Humanities, King's College London. London.

Meriçboyu, Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari*. Istanbul: Akbank.

Mertens-Horn, M. 1986. Studien zu griechischen Löwenbildern. *Römische Mitteilungen* 93, 1—61.

metmuseum.org: 1: Terracotta neck-amphora (jar): Available at: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/256598 (accessed 10.05.2025).

Mingazzini, P. 1971. *Catalogo dei vasi della Collezione Augusto Castellani* 2. Roma: "L'Erma" di Bretschneider.

Mitten, D.G. 1975. *Museum of Art Rhode Island Scholl of Design. Classical Bronzes*. Providence: Museum of Art, Rhode Island School of Design.

Morgan, C.A. 2004. *Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagori*. Leiden; Boston: E.J. Brill (Phanagoria Studies 1; Colloquia Pontica 10).

Müller, P. 1978. *Löwen und Mischwesen in der archaischen griechischen Kunst. Eine Untersuchung über ihre Bedeutung.* Zürich: Juris.

Musti, D., Benzi, M. Rocchetti, L. 1992. *L'oro dei Greci.* Novarra: Istituto Geografico De Agostini.

Neverov, O. 1976. *Antique Intaglios in the Hermitage Collection.* Leningrad: Aurora Art Publishers.

Ognenova, L. 2000. L'armure des Thraces. *Archaeologia Bulgarica* 3, 11—24.

Oldfield, A. 2014. The Sound of Sirens. Siren Stelae in Classical Attic Cemeteries. A thesis submitted to Victoria University of Wellington. Victoria University of Wellington.

Özgen, I., Öztürk, J. 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure.* Istanbul: Uğur.

Padgett, J.M. 1991. Phineus and the Boreads on a Pelike by the Nausica Painter. *Journal of the Museum of Fine Arts, Boston* 3, 15—34.

Panarite, P. 2016. *Ο Ζωγράφος της Μέγαιρας*. Διδακτορική διατριβή. Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών. Αθήνα.

Panvini, R. 2003. Osservazioni su alcuni vasi attici delle Necropoli di Sabucina e Vassallaggi nel Museo Archeologico di Caltanissetta. In: *Il Greco, il Barbaro e la Ceramica Attica: Immaginario del diverso, processi di scambio e autorappresentazione degli indigeni. Atti del Convegno internazionale di studi, 14—19 maggio 2001, Catania, Caltanissetta, Gela, Camarina, Vittoria, Siracusa*, 2. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 79—92.

Payne, H. 1931. *Necrocorinthia. A Study of Corinthian Art in Archaic Period.* Oxford: The Clarendon Press.

Pellegrini, G. 1912. *Catalogo dei vasi greci dipinti delle necropoli felsinee descritti*. Bologna: Presso il Museo Civico.

perseus.tufts.edu: 1: Harvard 1959.127 (Vase). Available at: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/artifact.name=Harvard+1959.127&_object=Vase (accessed 10.05.2025).

Petit, T. 2011: *OEdipe et le Chérubin. Sphinx levantins, cypriotes et grecs comme gardiens d'Immortalité.* Fribourg (CH). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (Orbis Biblicus et Orientalis 248).

Petit, T. 2019. Les sphinx sur le Vase François et l'Olpè Chigi: l'héroïsation des élites. *MEFRA* 131/2, 431—455.

Philipp, H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia*. Berlin: Walter de Gruyter (OF XIII).

Pizzo, M. 2000. Vassallaggi (S. Cataldo, Caltanissetta). La necropoli meridionale, scavi 1956. *NSc* 9—10, 207—395.

Podschiwalow, A. 1888. Anse d'amphore en bronze avec la figure de Méduse. *Gazette archéologique*, 79—81.

Prêtre, Cl. 2016. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. Athènes: École française d'Athènes (Études Thasiennes 23).

Rabadjiev, K. 2023. Gods and Myths on the Silver Items from Thrace. In: Popov, H., Pramatarov, K., Ivanova, N., Dimitrova, Y., Sharankov, N., Stamberova, M. (eds.). *Silver Thrace*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum Bulgarian Academy of Sciences, 76—97.

Rasmussen, T. 1991. Corinth and the Orientalising Phenomenon. In: Rasmussen, T., Spivey, N. (eds.). *Looking at Greek Vase*s. Cambridge: Cambridge University Press, 57—78.

Rehm, E. 1992. *Der Schmuck der Achämeniden.* Münster: Ugarit-Verlag.

Rhomiopoulou, K. 1989. Κλειστά ταφικά σύνολα υστεροκλασικών χρόνων από τη Θεσσαλονίκη. In: *Φίλια Έπη εις Γεώργιον Μυλωνάν.* Τ. Γ΄. Αθήναι: Η εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία, 194—218.

Richter, G.M.A. 1970. *Kouroi, Archaic Greek Youths; A Study of the Development of the Kouros Type in Greek Sculpture.* London; New York: Phaidon Press.

Ridgway, B.S. 1993. *The Archaic Style in Greek Sculpture*. Chicago: Ares.

Robinson, D.M. 1950. *Vases found in 1934 and 1938*. Baltimore: John Hopkins University Press (Excavations at Olynthus XIII).

Robinson, E.S.G. 1936. A Find of Archaic Coins from South-West Asia Minor. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society* 16 (64), 265—280.

Rolley, C. 1982. *Les vases de bronze de l'archaisme récent en Grande-Grèce*. Naples: Centre Jean Bérard (Collection du Centre Jean Bérard 5).

Rolley, C. 2003. Le cratère. In: Rolley, C. (ed.). *La tombe princière de Vix.* Paris: Picard et Société des amis du musée du Châtillonais, 76—143.

Rondholz, A. 2020. Something to do with Sarpedon? Eine Neuinterpretation des Harpyienmonuments in Xanthos. In: Zimmermann, M. (Hrsg.). *Das Xanthostal Lykiens in archaisch-klassischer Zeit: Eine archäologisch-historische Bestandsaufnahme*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 119—140 (Die hellenistische Polis als Lebensform 10).

Roosevelt, C.H. 2009. *The Archaeology of Lydia, from Gyges to Alexander*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Schattner, Th. 1996. Architrav und Fries des archaischen Apollontempels von Didyma. *JdI* 111, 1—24.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München: C.H. Beck.

Schleifenbaum, H.E. 1991. *Der griechische Volutenkrater: Form, Funktion und Sinngehalt eines antiken Prunkgefäßes*. Frankfurt am Main: Lang (Europäische Hochschulschriften. Reihe 38. Bd. 36).

Schlörb-Vierneisel, B. 1966. Eridanos-Nekropole I: Gräber und Opferstellen hS 1—204. *AM* 81, 4—111.

Schmidt-Dounas, B. 2017. *Grab A und B von Katerini ein alter Fund in neuem Licht.* Thessaloniki: University Studio Press.

Schöne-Denkinger, A. 2016. Koroplasten — Töpfer — Maler. Zur Produktion attischer Kopfgefäße und Rhyta (Hrsg.) In: Eschbach, N., Schmidt, S.T. (Hrsg.). *Töpfer. Maler. Werkstatt. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion*. München: C.H. Beck, 107—117.

Schöne-Denkinger, A., Trinkl, E., Rieke-Zapp, D. 2017. Hightech trifft auf griechische Kopfgefäße. *AW* 17,1, 35—37.

Simon, E. 1976. *Die griechischen Vasen*. München: Hirmer.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C.* Princeton: The American School of Classical Studies at Athens (The Athenian Agora XII).

Squire, M.J. 2018. "To haunt, to startle, and way-lay": Approaching ornament and figure in Graeco-Roman art. In: Squire, M.J., Dietrich, N. (eds.). *Ornament and Figure in Graeco-Roman Art: Rethinking Visual Ontologies in Classical Antiquity*. Berlin: De Gruyter, 1—35.

Stibbe, C.M. 1972. *Lakonische Vasenmaler des sechsten Jahrhunderts v. Chr.* Amsterdam, London: North-Holland Pub. Co.

Stolba, V.F., Rogov, E.Ya. 2012. Metal Objects. In: Stolba, V.F., Rogov, E.Ya. *Panskoye I.* Vol. 2. *The Necropoleis*. Aarhus: Aarhus University Press, 326—340.

Stamatopoulou, B. 2010. Πολυτελής ιπποσκευή από τη Μακεδονία. In: Τριαντάφυλλος, Δ., Τερζοπούλου, Δ. (eds.). *'Άλογα και άμαξες στον αρχαίο κόσμο : πρακτικά επιστημονικής συνάντησης, Ορεστιάδα 30 Σεπτεμβρίου 2006 = Horses and wagons in the ancient world : proceedings of one day scientific meeting, Orestiada-Greece, September 30, 2006*. Ορεστιάδα: Υπουργείο Πολιτισμού και Τουρισμού, 231—253.

Strenz, J. 2001. Männerfrisuren der Spätarchaik, Mainz: von Zabern.

Tarditi, C. 2016. *Bronze Vessels from the Acropolis. Style and Decoration in Athenian Production Between the Sixth and the Fifth Centuries BC*. Roma: Edizioni Quasar (Thiasos Monografie 7).

Ta Attika 2004: Giudice, F., Panvini, R. (eds.). *Ta Attika: Veder greco a Gela. Ceramiche attiche figurate dell'antica colonia. Catalogo della mostra*. Roma: «L'Erma» di Bretschneider.

Thomsen, A. 2011. *Die Wirkung der Götter: Bilder mit Flügelfiguren auf griechischen Vasen des 6. und 5. Jahrhunderts v. Chr.* Berlin; Boston: W. de Gruyter (Image and Context 9).

Treister, M. 1999. The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays. In: Reeder, E. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: H.N. Abrams, 71—81.

Treister, M. 2001. *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. Leiden; Köln; Boston: E.J. Brill (Colloquia Pontica 8).

Treister, M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th Centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.

Trinkl, E., Rieke-Zapp, D., Homer, L. 2018. Face to face-considering the moulding of Attic head vases reconsidering Beazley's groups by quantitative analysis. *JASc* 21, 1019—1024.

Trinkl, E., Rieke-Zapp, D. 2018. Anhang II. Digitale Analyse antiker Kopfgefäße. *CVA* Berlin 18, 68—73.

Trinkl et al. 2024: Trinkl, E., Karl, S., Lengauer, S., Preiner, R., Schreck, T. Cross-Modal Search and Exploration of Greek Painted Pottery. In: *The 3 Dimensions of Digitalised Archaeology: State-of-the-Art, Data Management and Current Challenges in Archaeological 3D—Documentation*. Cham: Springer International Publishing, 109—128.

Troxell, H. 1979. Winged Carians. In: Mørkholm, O., Waggoner, N.M. (eds). *Greek Numismatics and Archaeology Essays in Honor of Margaret Thompson*. Wetteren: Cultura, 257—268.

Tuchelt, K. 1970. *Die archaischen Skulpturen von Didyma*. Berlin: Gebr. Mann (Istanbuler Forschungen 27).

Ure, P.N. 1913. *Black glaze pottery from Rhitsona in Boeotia*. London: H. Milford, Oxford University Press.

Ure, P.N. 1927. *Sixth and Fifth Century Pottery from excavations made al Rhitsona by R.M. Burrows in 1909, and by P.N. Ure and A.D. Ure in 1921 & 1922*. London: H. Milford, Oxford University Press.

Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien: A. Schroll.

Vismara, N. 1989. *Monetazione arcaica della Lycia. II. La collezione Winsemann Falghera.* Milano: Ed. Ennerre.

Vlachogianni, E. 2018. The Art of Hairstyling: Hairstyles in the Greco-Roman World and their Semiology. In: Lagogianni-Georgakarakos, M. (ed.). *Οι αμέτρητες όψεις του Ωραίου στην αρχαία τέχνη / The Countless Aspects of Beauty in Ancient Art*. Athens: Εκδόση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 303—316.

von Bothmer, D. 1984. *A Greek and Roman Treasury*. New York: Metropolitan Museum of Art (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art XLII.1)).

von Hofsten, S. 2007. *The Feline-Prey Theme in Archaic Greek Art. Classification — Distribution — Origin — Iconographical Context*. Stockholm: Dept. of Archaeology and Classical Studies, Stockholm University; Almqvist & Wiksell (Stockholm Studies in Classical Archaeology 13).

von Fritze, H. 1912. Die Elektronprägung von Kyzikos. *Nomisma* VII, 1—38.

von Fritze, H. 1914. Die Silberprägung von Kyzikos. *Nomisma* IX, 34—56.

Waggoner, N.M. 1983. *Rosen Collection. Early Greek coins from the collection of Jonathan P. Rosen.* New York: American Numismatic Society (Ancient Coins in North American Collections 5).

Walter, H. 1968. *Frühe samische Gefäße. Chronologie und Landschaftsstile ostgriechischer Gefäße.* Bonn: R. Habelt (Samos V).

Walter-Karydi, E. 1973. *Samische Gefäße des 6. Jahrhunderts v. Chr*. Bonn: R. Habelt (Samos VI.1).

Walters, H.B. 1926. *Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum.* London: The Trustees of the British Museum.

Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period.* London: British Museum Press.

Zakoji, E. 2022. Bicorporates on Coins. Reflections on their Occurrence and Use. *Iconographisk Post / Nordisk tidskrift för bildtolkning / Nordic Review of Iconography* 1/2, 93—124.

Zazoff, P. 1983. *Die antiken Gemmen*. München: C. H. Beck (Handbuch der Archäologie).

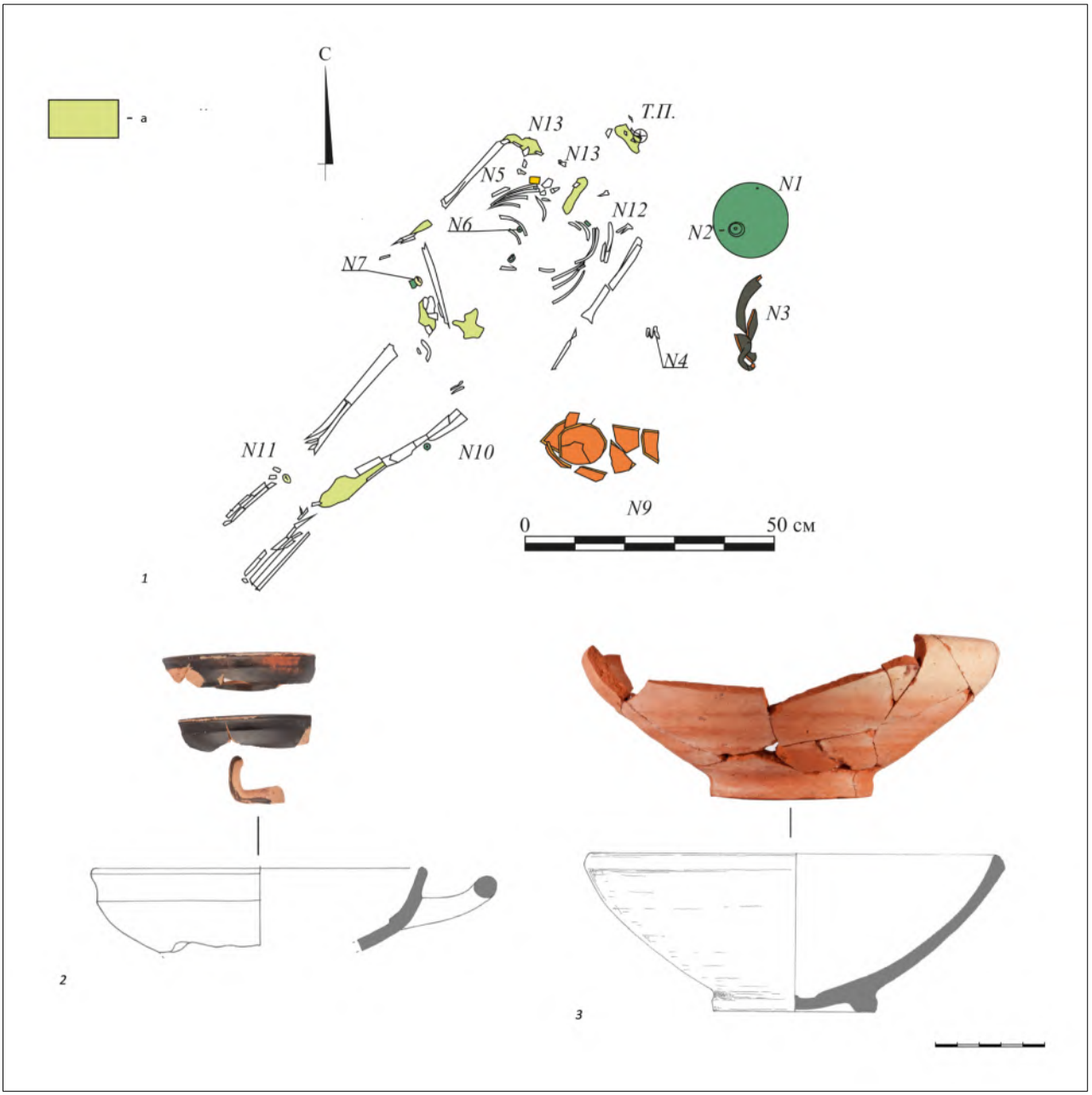


Рис. 1. Некрополь Волна 1. Погребение № 207/2016. *1* — План погребения: а — костный тлен, 1 — зеркало бронзовое, 2 — предмет бронзовый (кимвалы?), 3 — килик чернолаковый (фрагменты), 4 — подвеска спиралевидная серебряная, 5 — бусина бронзовая, 6 — пронизь бронзовая, 7 — раковина каури, 8 — пластина бронзовая, 9 — миска красноглиняная, 10 — изделие бронзовое, 11 — раковина каури, 12 — пронизь бронзовая, 13 — пластина с изображением льва; *2* — килик чернолаковый (фрагменты); *3* — миска красноглиняная. Фото и рисунки: П.С. Успенского, А.В. Мошкова.

Fig. 1. Necropolis Volna 1. Burial no. 207/2016. *1* — Burial plan: a — bone decay, 1 — bronze mirror, 2 — bronze object (cymbals?), 3 — black-glazed cup—kylix (fragments), (fragments), 4 — spiral silver pendant, 5 — bronze bead, 6 — bronze bead, 7 — cowrie shell, 8 — bronze plate, 9 — red clay bowl, 10 — bronze object, 11 — cowrie shell, 12 — bronze bead, 13 — plate with image of lion; *2* — black-glazed cup—kylix (fragments); *3* — red clay bowl. Photos and drawings: P.S. Uspenskiy, A.V. Moshkov.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0
15 см

Рис. 2. Некрополь Волна 1. Погребение № 539/2018. *1* — План погребения: а — древесный тлен, 1, 19, 20 — скоба железная, 2 — килик чернолаковый, 3, 7—18, 30, 31 — гвоздь железный, 4 — амфора красноглиняная, 5, 6 — браслет серебряный, 21 — изделие деревянное, 22 — зеркало бронзовое, 23 — предмет бронзовый, 24 — чаша одноручная чернолаковая, 25, 32, 39 — предмет железный, 26 — шпатель серебряный, 27 — блюдо на ножке чернолаковое, 28 — пуговица бронзовая, 29 — серьга золотая, 33 — перстень бронзовый, 34 — кольцо железное, 35 — пластина с изображением сфинкса, 36, 37 — бусина пастовая, 38 — фрагмент предмета серебряного; *2* — блюдо на ножке чернолаковое; *3* — чаша одноручная чернолаковая; *4* — килик чернолаковый; *5* — амфора красноглиняная; *6* — шпатель серебряный; *7, 8* — браслет серебряный; *9* — серьга золотая; *10* — перстень бронзовый. Фото и рисунки Р.А. Мимохода.

Fig. 2. Necropolis Volna 1. Burial no. 539/2018. *1* — Burial plan: a — wood decay, 1, 19, 20 — iron clamp, 2 — black-glazed cup—kylix, 3, 7—18, 30, 31 — iron nail, 4 — red-clay amphora, 5, 6 — silver bracelet, 21 — wooden item, 22 — bronze mirror, 23 — bronze item, 24 — black-glazed one-handled cup, 25, 32, 39 — iron item, 26 — silver spatula, 27 — black-glazed stemmed dish, 28 — bronze button, 29 — gold earring, 33 — bronze finger ring, 34 — iron ring, 35 — plate with an image of a sphinx, 36, 37 — paste bead, 38 — fragment of a silver object; *2* — black-glazed stemmed dish; *3* — black-glazed single-handled bowl; *4* — black-glazed cup—kylix; *5* — red-clay amphora; *6* — silver spatula; *7, 8* — silver bracelet; *9* — gold earring, *10* — bronze ring. Photos and drawings by R.A. Mimokhod.

C
B'
A
A'
B
-266
-287
-283
-286
-289
-290
-269
-278
-264
-281
-285
1
0
50 см
2
4
5
увеличено
6
7
8
3

Рис. 3. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 5/2006. *1* — План погребения: 1 — бляшка серебряная с изображением сфинкса, 2, 3 — бусина глазчатая, 4 — зеркало бронзовое, 5 — чернолаковая мисочка, 6 — пряслице керамическое, 7 — бусина глазчатая, 8 — нож железный, 9 — ойнохоя красноглиняная; *2* — чернолаковая мисочка; *3* — ойнохоя красноглиняная; *4* — пряслице керамическое; *5* — бусина пастовая; *6—8* — бусины глазчатые. Фото и рисунки Н.И. Сударева.

Fig. 3. Sindian Harbor Necropolis. Burial no. 5/2006. *1* — Burial plan: 1 — silver plaque with image of sphinx, 2, 3 — glass eye bead, 4 — bronze mirror, 5 — small black-glazed bowl, 6 — ceramic spindle whorl, 7 — paste eye bead, 8 — iron knife, 9 — red clay oinochoe; *2* — small black-glazed bowl; *3* — red clay oinochoe; *4* — ceramic spindle whorl; *5* — paste bead; *6—8* — paste eye beads. Photographs and drawings by N.I. Sudarev.

N
Б
Б1
А
А1
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
50 см

Fig. 4. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 15/2022. *1* — План погребения: 1 — серьга серебряная, 2 — низка бус, 3 — пластина с изображением сфинкса, 4 — низка бус, 5 — яичная скорлупа, 6 — лекиф чернолаковый, 7 — миниатюрная мисочка, 8 — килик чернолаковый, 9 — игла бронзовая, 10 — реальгар (румяна), 11 — скрепы свинцовые, 12 — ойнохоя фигурная; *2* — скрепы свинцовые; *3* — лекиф чернолаковый; *4, 5* — бусы пастовые; *6* — килик чернолаковый; *7* — клык лисицы; *8* — кости лап лисицы; *9* — миниатюрная мисочка коринфского производства. Фото и рисунки С.М. Ильяшенко.

Fig. 4. Sindian Harbor Necropolis. Burial No. 15/2022. *1* — Burial plan: 1 — silver earring, 2 — necklace of beads, 3 — plate with image of sphinx, 4 — necklace of beads, 5 — eggshell, 6 — black-glazed lekythos, 7 — miniature bowl, 8 — black-glazed cup—kylix, 9 — bronze needle, 10 — realgar (rouge), 11 — lead staples, 12 — figured oinochoe; *2* — lead staples; *3* — black-glazed lekythos; *4, 5* — paste beads; *6* — black-glazed cup—kylix; *7* — fox fang; *8* — fox paw bones; *9* — miniature bowl of Corinthian manufacture. Photographs and drawings by S.M. Ilyashenko.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Рис. 5. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 15/2022. *1* — ойнохоя фигурная, *2* — бусина пастовая глазчатая, *3* — подвеска синего стекла, *4, 6* — бусина гагатовая, *5, 7* — бусины серебряные, *8* — кулон, *9* — бусина бронзовая, *10* — игла бронзовая, *11* — серьга серебряная. Фото и рисунки С.М. Ильяшенко.

Fig. 5. Sindian Harbor Necropolis. Burial no. 15/2022. *1* — figured oinochoe, *2* — paste eye bead, *3* — blue glass pendant, *4,6* — jet bead, *5, 7* — silver beads, *8* — pendant, *9* — bronze bead, *10* — bronze needle, *11* — silver earring. Photographs and drawings by S.M. Ilyashenko.

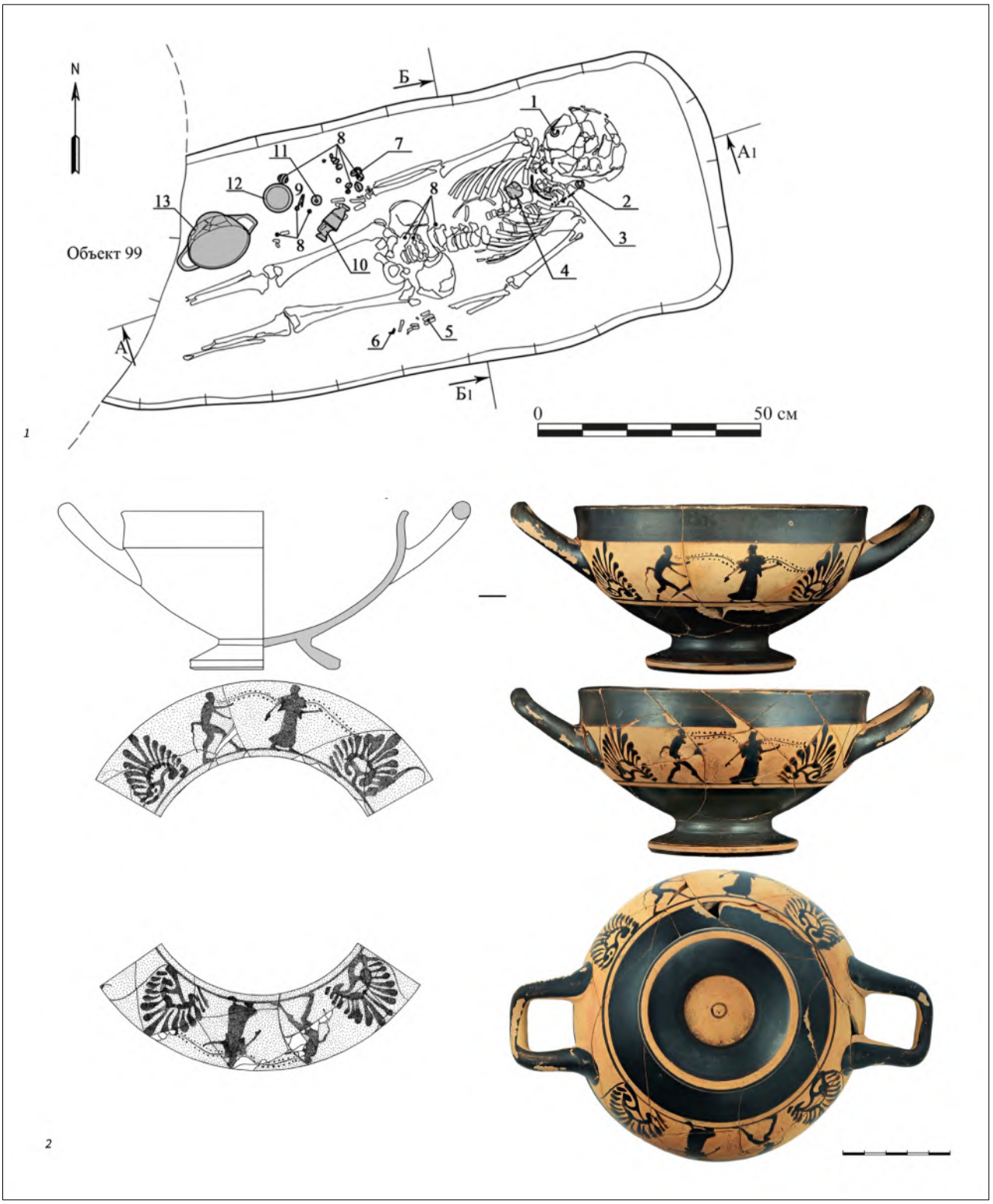

N
Б
А
А1
Б1
Объект 99
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
0
50 см
1
2

Рис. 6. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 31/2022. *1* — План погребения: 1, 2 — серьги бронзовые, 3 — низка бус, 4 — медальон серебряный с изображением крылатого божества, 5, 7 — перстни бронзовые, 6 — браслет бронзовый, 8 — низка бус, 9 — пронизь бронзовая, 10 — лекиф чернолаковый, 11 — пряслице керамическое, 12 — солонка чернолаковая, 13 — чаша—скифос чернофигурная; *2* — чаша—скифос чернофигурная. Фото и рисунки С.М. Ильяшенко.

Fig. 6. Sindian Harbor Necropolis. Burial no. 31/2022. *1* — Burial plan: 1, 2 — bronze earrings, 3 — necklace of beads, 4 — silver medallion with the image of a winged deity, 5, 7 — bronze finger rings, 6 — bronze bracelet, 8 — necklace of beads, 9 — bronze bead, 10 — black-glazed lekythos, 11 — ceramic spindle whorl, 12 — black-glazed salt-cellar, 13 — black-figure cup—skyphos; *2* — black-figure cup—skyphos. Photographs and drawings by S.M. Ilyashenko.

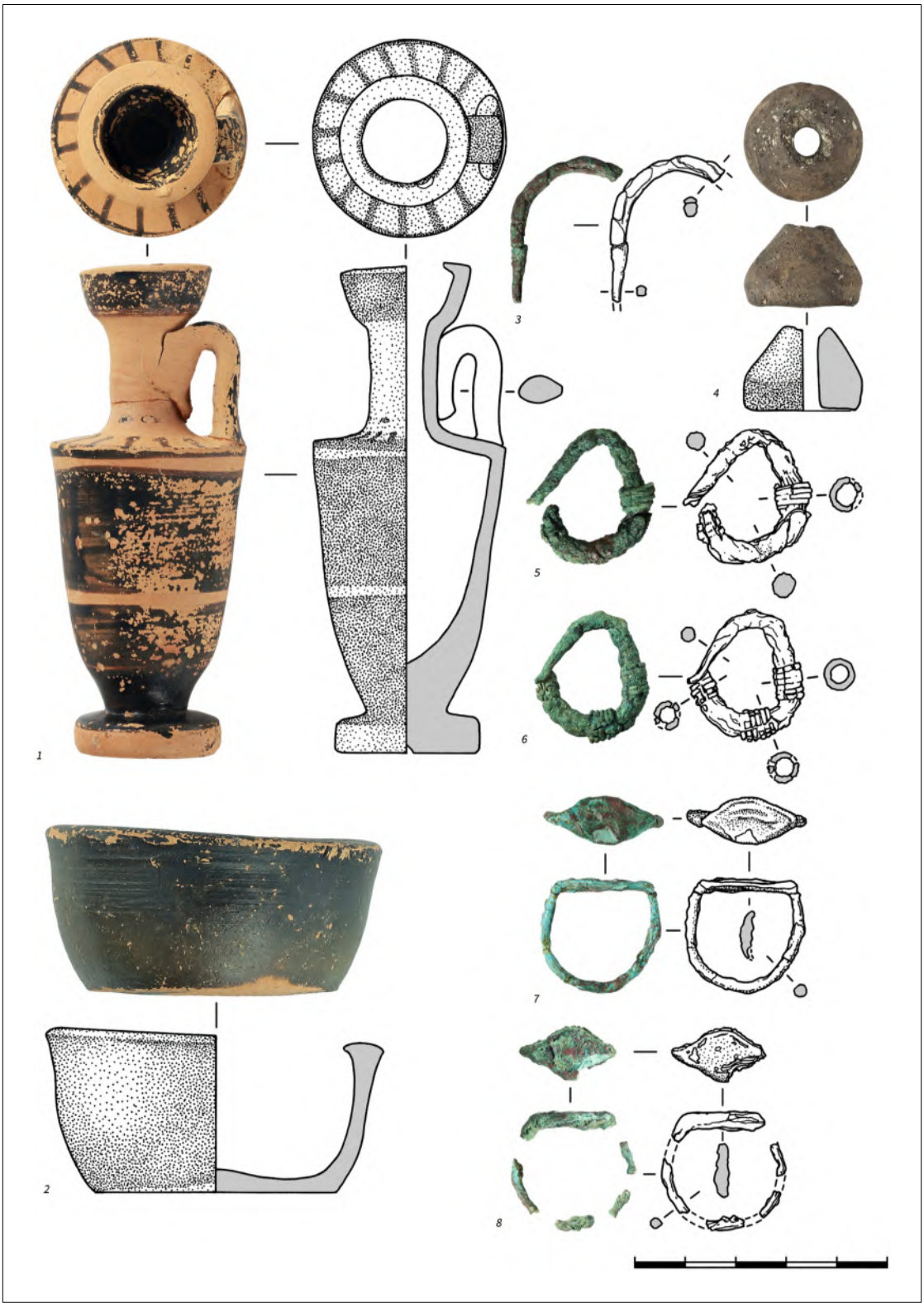


Рис. 7. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 31/2022. *1* — лекиф чернолаковый, *2* — солонка чернолаковая, *3* — фрагмент браслета бронзовый, *4* — пряслице керамическое, *5, 6* — серьги бронзовые, *7, 8* — перстни бронзовые. Фото и рисунки — С.М. Ильяшенко.

Fig. 7. Sindian Harbor Necropolis. Burial no. 31/2022. *1* — black-glazed lekythos, *2* — black-glazed salt cellar, *3* — bronze bracelet fragment, *4* — ceramic spindle whorl, *5, 6* — bronze earrings, *7, 8* — bronze finger rings. Photographs and drawings by S.M. Ilyashenko.

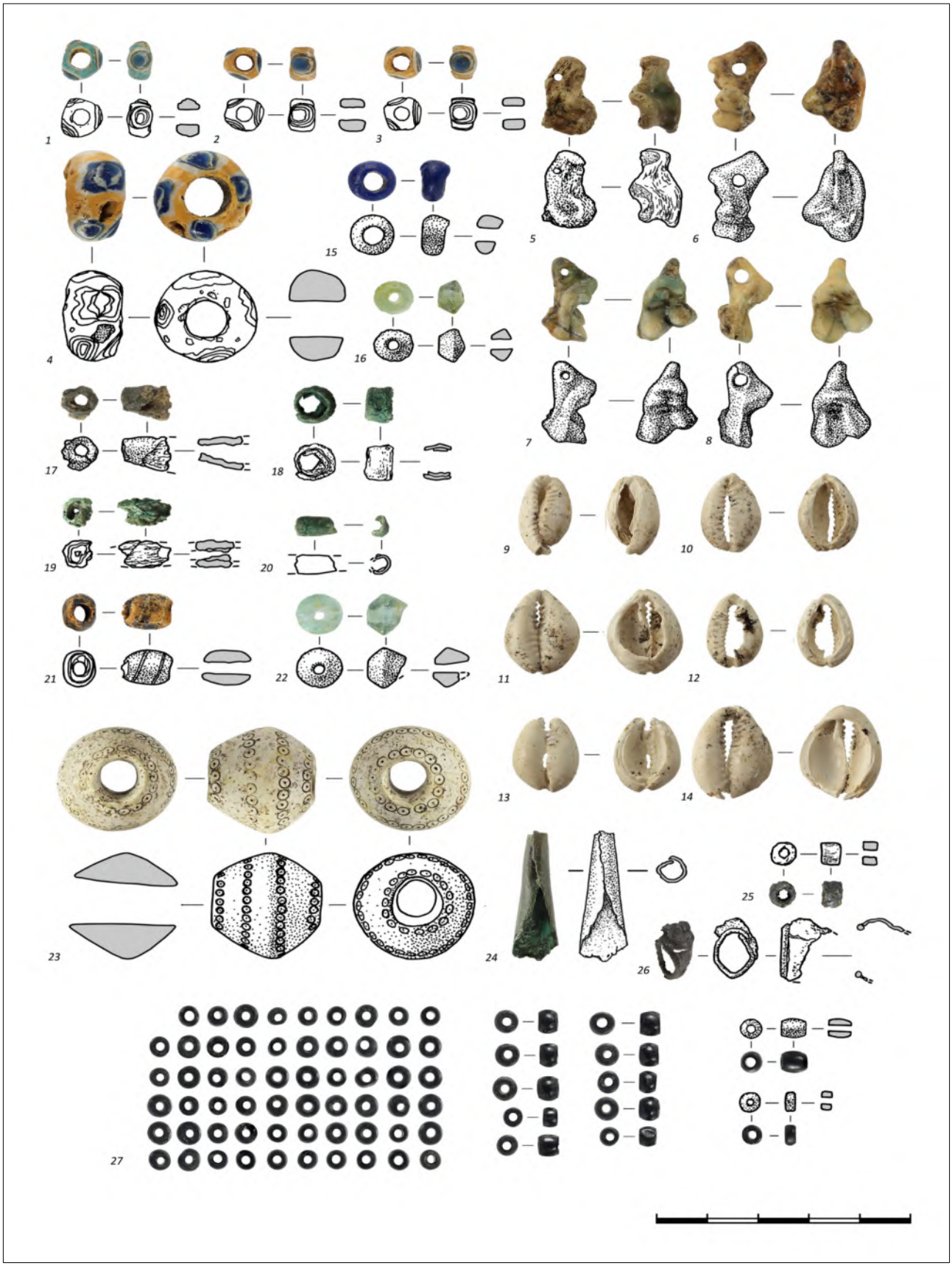

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

Рис. 8. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 31/2022. *1—4* — бусы пастовые глазчатые, *5—8* — подвески из костей лисицы, *9—14* — подвески из ракушек каури, *15* — бусина из глухого кобальтового цвета стекла, *16* — бусина из прозрачного жёлто-зелёного стекла, *17* — фрагмент костяной бочковидной бусины, *18—20* — бронзовая цилиндрическая бусина, *21* — бусина из глухого желтоватого стекла с поперечными чёрными нитями, *22* — бусина прозрачного голубого стекла, *23* — алебастровая бусина, украшенная 4 поясками штампованного орнамента в виде мелких окружностей с точкой в центре, подкрашенных чёрной краской, *24* — пронизь (концевик ожерелья) бронзовая, *25—26* — бусины серебряные, *27* — бусины гагатовые. Фото и рисунки С.М. Ильяшенко.

Fig. 8. Sindian Harbor Necropolis. Burial no. 31/2022. *1—4* —paste eye beads, *5—8* — fox bone pendants, *9—14* — cowrie shell pendants, *15* — bead made of opaque cobalt-colored glass, *16* — bead made of transparent yellow-green glass, *17* — fragment of a bone barrel-shaped bead, *18—20* — bronze cylindrical bead, *21* — bead made of opaque yellowish glass with transverse black threads, *22* — bead of transparent blue glass, *23* — alabaster bead decorated with 4 bands of stamped ornament in the form of small circles with a dot in the center, tinted with black paint, *24* — bronze bead (necklace end), *25—26* — silver beads, *27* — jet beads. Photographs and drawings by S.M. Ilyashenko.

Рис. 9. Подвески из некрополя Синдской Гавани. *1* — погребение № 15/2022; *2—3* — погребение № 5/2006, Анапа, Археологический музей. Фото и рисунок: *1* — С.М. Ильяшенко, *2—3* — Н.И. Сударева.

Fig. 9. Pendants from the necropolis of Sindian Harbor. *1* — burial no. 15/2022; *2—3* —burial no. 5/2006. Anapa, Archaeological Museum. Photographs and drawing: *1* — S.M. Ilyashenko, *2—3* — N.I. Sudarev.

Рис. 10. Подвески из некрополей Синдской Гавани и Волна 1. *1* — Синдская Гавань, погребение № 31/2022. Анапа, Археологический музей; *2* — Волна 1, погребение № 539/2018. Сенной, «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Фото: *1* — С.М. Ильяшенко, *2* — Р.А. Мимохода.

Fig. 10. Pendants from the necropolis of Sindian Harbor and Volna 1. *1* — Sindian Harbor, burial no. 31/2022. Anapa, Archaeological Museum; *2* — Volna 1, burial no. 539/2018, Sennoy, The State Museum-Preserve “Phanagoria”. Photographs: *1* — S.M. Ilyashenko, *2* — R.A. Mimokhod.

Рис. 11. Подвески из некрополя Волна 1. *1* — погребение № 207/2016; *2* — находка на территории некрополя, 2016. Тамань, Таманский музейный комплекс — филиал государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына». Фото П.С. Успенского.

Fig. 11. Pendants from the necropolis of Volna 1. *1* — burial no. 207/2016; *2* — find in the territory of necropolis, 2016. Taman, Taman Museum complex — the branch of the State budgetary cultural institution of the Krasnodar Territory “Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn”. Photographs by P.S. Uspenskiy.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.39.17.004

Mikhail Treister

HORSE-HARNESS FROM THE NOMADIC BURIAL NEAR THE VILLAGE OF YASHKUL IN KALMYKIA AND THE EAST CELTIC HELMETS IN EASTERN EUROPE*

The article is devoted to the analysis of the Sarmatian burial complex from Kalmykia which yielded a bridle set, including a silver breast plate made of secondary used overlay of the neck guard of the helmet of Novo Mesto type which can be dated no earlier than the second quarter of the 1st century BCE, possibly the middle or second half of the century. In this connection the elements of the bridle set are analyzed to establish the date of the burial, which seems to be in frames of the second half of the 1st century BCE — early 1st century CE. The results of Pb-Pb isotope analyses of samples of the neck guard and one of the phalerae allow to suggest that the metal of the objects originate either from the Western Rhodope Mountains or from the deposits of Baia Mare ore district. In the case of the phalera the origin of the metal can be identified more reliably as the deposit of Eastern Rhodope mountains. Further discussed are the finds of iron helmets of the Eastern Celtic type in ritual hoards in the Lower Don and Kuban regions and those of late variants of the Novo Mesto type, coming from a cremation burial ground near the village of Mutin on the right bank of the river Seim.

Key words: Sarmatia, East Celtic helmets, secondary used neck guard of the helmet of Novo Mesto type.

About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Михаил Трейстер

КОНСКАЯ СБРУЯ ИЗ КОЧЕВНИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У СЕЛА ЯШКУЛЬ В КАЛМЫКИИ И ВОСТОЧНОКЕЛЬТСКИЕ ШЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена анализу сарматского погребального комплекса из Калмыкии, в котором обнаружен уздечный гарнитур, включающий серебряный нагрудник, изготовленный из вторично использованной накладки нашейника шлема новоместского типа, который датируется не ранее второй четверти I в. до н.э., возможно, серединой или второй половиной века. В связи с этим анализируются элементы уздечного гарнитура для установления даты погребения, которое, по-видимому, относится ко второй половине I в. до н.э. — началу I в. н.э. Результаты Pb-Pb изотопного анализа образцов нашейника и одного из фаларов позволяют предположить, что металл предметов происходит либо из Западных Родоп, либо из месторождений Бая-Маринского рудного района. В случае фалара происхождение металла можно более уверенно определить как месторождение Восточных Родоп. Далее рассматриваются находки железных шлемов восточнокельтского типа в ритуальных кладах на Нижнем Дону и Кубани, а также поздних вариантов новоместского типа, происходящих из кремационного могильника у села Мутин на правом берегу реки Сейм.

Ключевые слова: Сарматия, восточнокельтские шлемы, вторичное использование нашейника новоместского типа.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

---

* Статья поступила в номер 15 июля 2025 г.
Принята к печати 22 июля 2025 г.

© М.Ю. Трейстер, 2025.

Introduction

In the burial of a warrior in the KVCH-37 kurgan group near the village of Yashkul in Kalmykia (fig. 1, 4), a horse-harness set was found, including horse-bits, two phalerae and a neck guard of the helmet, re-used as a breastplate. The date of the burial is under discussion (Skripkin 2000: 22; Mordvintseva 2005: 186; Glebov et al. 2014: 79; Zasetskaya 2016: 96; cf. Otchir-Goriaeva 2002: 386; Ochir-Goriaeva 2019: 37—38), however, regardless of whether it should be dated to the late 1st century BCE or already to the 1st century CE, it is obvious that the elements of the horse bridle set under discussion date from no later than the middle or the second half of the 1st century BCE.

The details of the horse-harness were found all-together in one cache in the eastern wall of the grave pit, representing a small niche (60 × 35 cm) with flat arch 40 cm high, rectangular in shape, with a long side located along the wall of the pit (Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 202—203, figs. 2—5; Otchir-Goriaeva 2002: 359—363, figs. 5—8; Ochir-Goryaeva 2019: 7—16, figs. 4, 6—7, 10—12).

They include: an iron single-jointed bit mouthpiece with straight rod-shaped bit shanks decorated with gold foil inlays, with two rectangular loops, and with rounded ends, each of which is decorated with a hemispherical gold plaque with filigree and granulated decoration and a round inlay of blue stone (or lapis lazuli?) in the center, two flat gold rings, decorated on the front side with a row of depressed circles, two gold spoon-shaped tips of belts, two large gilded silver phalerae, decorated with curled images of a goat and a feline predator, a silver overlay of the helmet neck guard, which served as a horse breastplate and seven gold small round bridle plaques with inlays of carnelian and colored glass of various shapes made — one large in the center and six small ones around the circumference.

Horse bits

Iron bit shanks from Yashkul belong to the type of straight rod-shaped with rectangular protruding loops and round or disc-shaped endings (fig. 2) (Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 201, fig. 2; 202; Otchir-Goriaeva 2002: 357—360, figs. 6: 2; Ochir-Goryaeva 2019: 11—12, fig. 7; Voronyatov 2022: 382—383, fig. 10: 16).

Iron bit shanks with ends decorated with round (and sometimes hemispherical) gold plaques with images of curled-up predators decorated with polychrome stone, paste and glass inlays originate from the rich Sarmatian burials, in particular, in Sadovyy burial mound in Novocherkassk and burial mound no. 28 near the village of Zhutovo in the Volga-Don interfluve, the fact already mentioned by M.A. Ochir-Goryaeva, who noted that the closest analogies to the bit shanks date to the 1st century CE (Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 205; Ochir-Goryaeva 2019: 31—32).

According to Ochir-Goryaeva, “given their decorative principle, the plaques on the ends of the bit shanks from the Zaporizhzhya burial mound are the closest parallels to those from Yashkul. These plaques are much simpler, but, like the Yashkul ones, they have a hemispherical convex shape and are decorated with a nine-petal rosette” (Ochir-Goryaeva 2019: 32). This is not an entirely correct comparison, given the fact that bit shanks from the Zaporizhzhya kurgan show iron rounded ends overlaid with gold foil (Mantsevich 1976: 171, fig. 6; 182—183, no. 4), while the ends of the bit shanks from Yashkul are made completely of gold and are decorated with complex filigree and granulation as well as a round inlay of a blue-colored stone (lapis lazuli?) in the center (fig. 2: 3—7). From this point of view, they should rather be compared with the ends of the bit shanks (Mantsevich 1976, 183) (or the ends of the belts) from burial mound no. 1 near the Zubov Farmstead in the Trans-Kuban area (Gushchina, Zasetskaya 1989: 114, № 115; Voronyatov 2022: 382).

The next important point is the adornment of the front side of the bit shanks with inlays in the form of wide zigzags of gold foil (fig. 2). In a similar technique, but inlaid with narrow straight or wavy gold stripes, there are decorated iron bit shanks from a burial of the first half of the 1st century CE no. 1 in the burial mound no. 1/1995 of the Oktyabrsky-V cemetery in the Volga-Don interfluve (fig. 3: 1—4) (Mys’kov et al. 1999: 151, no. 20; 153, no. 55, fig. 5: 2. 3. 5; Kiyashko, Mys’kov

2000: 47, no. 20; 48, no. 55, fig. 8: 2; Arkheologicheskoe nasledie 2013: 111 (ill.), no. 224; Antipenko 2016: 92, 108, fig. 3: 5). An equally important parallel is a fragmented iron bit shank from the burial no. 1 in the kurgan no. 3/1997 of the Oktyabrskiy-II necropolis. The end of the bit shank with a rounded convex part has been preserved. The rod is decorated with mesh inlays formed by narrow straight stripes. The convex hemispherical ending is decorated with triangular gold plates, and the flat edge is decorated with a frieze in the form of a "running wave" of straight or S-shaped segments of narrow strips (fig. 3: 5—8) (Unpublished, mentioned: Mordvintseva, Khabarova 2006: 120).

Details of bridle bands

Seven small (diameter 3.7 cm) round gold bridle plaques are decorated with inlays of carnelian and colored glass of various shapes: one large in the center and six small ones around the circumference (fig. 4: 5—11) (Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 202, fig. 3; Otchir-Goriaeva 2002: 357, fig. 5; Ochir-Goryaeva 2019: 10, fig. 6). In the burial mound no. 1 near the Zubov Farmstead, 7 gold bridle plaques were found, showing with a similar composition of the location of the inlays and similar sheet loops on the rear (Dumberg 1901: 95, fig. 1; Mantsevich 1976: 183, 185, fig. 19: 1—7; Gushchina, Zasetskaya 1989: 114, no. 113, pl. XII; Anfimov 1987: 212 (fig. below); Kat. Hamburg 1993: 247, no. 161; Mordvintseva, Treister 2007: vol. 2, nos. B.13.6—7, pls. 9; 51; Voronyatov 2020: 281—287, figs. 1—2, 4; 2022: 381—382, fig. 10: 1—7; Cat. St. Petersburg 2020: 633, nos. 241.1—2). S.V. Voronyatov drew the attention on the similarity of these elements of the horse bridle sets from the burial mound near the village of Yashkul and the burial mound no. 1 near the Zubov Farmstead: among other things. They are brought together by the presence of seven bridle plaques (Voronyatov 2022: 381—384, figs. 10—11), and not six, as on the headbands from Sadovyy burial mound and burial mound no. 28 near the village of Zhutovo. What S.V. Voronyatov did not pay attention to is that also 7 gold bridle plaques 4.7 cm in diameter were found in burial no. 1/1984 near the village of Kosika in the Lower Volga region (Dvornichenko, Fedorov-Davydov 1993: 163, fig. 14; Fedorov-Davydov 2001: 117, pl. 31; 147, no. 10 (in the description there is erroneously mentioned, that four phalerae were found); Cat. Rome 2005: 133, no. 87), while the use of beaded wire, in particular for framing of soldered balls of granulation, brings the execution of these openwork plaques closer to the decoration of the ends of the bit shanks from Yashkul.

There is no reason to claim that the spoon-shaped pendants or belt tips, found in the burial complexes of Asian Sarmatia, are objects that migrants from the east brought with them from Southern Siberia (Mordvintseva 2011: 351; 2015: 117; Vlaskin et al. 2018: 61). In spite of visual proximity, the finds from the burials of Asian Sarmatia vary from the items from Southern Siberia and Transbaikalia, both regarding their construction and their manner of manufacture (Treister 2019b: 205—208; 2021: 93—94). A pair of gold spoon-shaped pendants or belt tips originating from the burial in Yashkul (fig. 4: 3—4) stands out both regarding their shape and in filigree decoration, while the teardrop-shaped cells were inlaid with paste or enamel (Otchir-Goriaeva 2002: 359, fig. 6: 3—4; 360; Treister 2019b: 205, 206, fig. 8: 5—6; 2021: 93, 112, fig. 5: 5—6; Voronyatov 2022: 382—383, fig. 11: 6).

Two flat gold rings, decorated on the front side with a row of depressed circles (fig. 4: 1—2) (Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 202; Otchir-Goriaeva 2002: 359, fig. 6: 1; 360; Voronyatov 2022: 382—383, fig. 10: 16), do not find exact analogies. A flat gold ring, decorated with eight inlays of turquoise in drop-shaped and oval cells, framed by a row of granulation, with a clip, was found in a burial mound near the village of Dachi in the outskirts of Azov (Cat. Tokyo 1991: 107, no. 115; Bespalyy 1992: 179, fig. 3: 2; 187, no. 9; Cat. Paris 2001: 212—213, no. 237; Gabuev 2005: 16, no. 6; Cat. St. Petersburg 2008: 96, no. 17; Kat. Leoben 2009: 217, no. 78; Brosseder 2011: 406, fig. 53: 6), but this ring belonged to a belt for carrying a sword, and not to a horse bridle.

Phalerae from Yashkul

The phalerae consisted of a bronze base (lost), overlaid with a gilded silver plate. In the center of the composition of one of the phalerae there is figure of a goat curled up in a ring in a low relief (fig. 5: 1—3); on the second phalera there is a feline predator (fig. 5: 4—6). The flat field in and around the figure is covered with rows of punched circles. A round medallion with a figure is outlined with a relief ridge covered with long arcuate (inner side) and oblique (outer side) notches. A row of short arc-shaped notches passes between them along the top of the ridge. This composition turns into a wide flat field, the edge of which is decorated by two incised lines. Behind them, along the very edge of the phalera, there runs a row of punched semicircles. On a flat field there are three pairs of rivets: two — opposite each other, one — at right angles to their axis. The rivets probably attached the plaque to the base (Otchir-Goriaeva 2002: 360—362, figs. 7; 9: 5—6; 379—382; Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 202, no. 4; Zasetskaya 2016: 90—105, fig. 1, pl. 1: д—е; 2019: 15—16, 23—31, 41, 47, 77, 78, 85, Ill. 8; 159—160, no. 69, pl. XXVIIa; Ochir-Goryaeva 2019: 12—15, 32—37, figs. 10—11 (here the phalera with the image of the goat is reproduced erroneously two times); Voronyatov 2022: 381—383, fig. 11: 4—5; Treister, Chugaev 2022: 92, figs. 14: 1; 15).

It has already been noted that the phalerae from Yashkul occupy an intermediate place between the two groups of phalerae: those of presumably Bactrian or Parthian workmanship, dating to the 2nd century BCE (group 1, according to the classification by I.P. Zasetskaya) and later phalerae, which became widespread in the North Pontic region from the late 2nd — early 1st century BCE, the phalerae of the so-called “Pontic graphic style” (according to the classification by V.I. Mordvintseva) or group 2 (according to Zasetskaya). With the first group the phalerae from Yashkul are united by the composition and construction (the presence of three loops), with the second group — by the size and filling of the background with a punched ornament (Mordvintseva 2005: 186—187; Zasetskaya 2016: 95—96; 2019: 29—30). At the same time, it should be noted that the filling of the background of the phalerae from Yashkul differs from the decoration in the form of punched dots or their rows, which are characteristic of the phalerae of group 2 and has no parallels on the other phalerae. I.P. Zasetskaya does not give an answer to the question about a possible center of the manufacture of phalerae from Yashkul (Zasetskaya 2016: 96; 2019: 31), nevertheless, it is obvious that probably the Sarmatian craftsman tried to reproduce the composition of the phalerae of Parthian (?) origin that he had before his eyes, while including in it the image of the nomadic animal style. Most likely, we can suggest their manufacture in the Lower Volga region or in the Kuban region, probably no later than the first half of the 1st century BCE. In particular, the circle-shaped framing decoration of the phalerae resembles the decoration of the edge of the phalerae (here in the form of bulges) with scenes of the tormenting of a goat from a secondary burial, discovered in 1899 in a burial mound near Cossack village Vozdvizhenskaya in the Kuban region (Mordvinceva 2001: 81, no. 85, pl. 47; Mordvintseva 2002: 157—161; Firsov 2010: 341, fig. 25; 342). At the same time, the possibility of manufacture of the phalerae in the Balkans or in the North-Western Pontic region cannot be ruled out, taking into account, among other things, the attribution of the breastplate of this horse-harness set (see below).

Neck guard of the helmet of the East-Celtic type

The breastplate of the horse set from Yashkul is a silver arc-shaped plate with a bronze rim along the edge, decorated with four large hammered M-shaped figures; a row of rivets runs along the outer and inner edges, the heads of the rivets are decorated with cross-shaped cuts on the front side, and the resulting sections — with parallel short cuts. The rivets along the edges are fixed in checkerboard pattern (fig. 6) (Otchir-Goriaeva 2002: 362—363, figs. 8; 9: 4; 370—372; Ochir-Goryaeva, Lapa 2002: 202, no. 5; 204, fig. 5; 205; Mihaljević, Dizdar 2007: 125—126; Raev, Simonenko 2009: 75—77, fig. 8: 1; Simonenko 2014: 264, fig. 11: 5; 265; 2015: 194, 195,

fig. 63: 5; Glebov et al. 2014: 79, 80, fig. 1: 3; 81; Ochir-Goryaeva 2019: 15—16, 25—27, figs. 1: 9; 12; Voronyatov 2022: 379—380, fig. 7; Treister, Chugaev 2022: 92—93, figs. 14: 3; 16).

This plate, showing traces of repair, originally represented an overlay of the neck guard of a helmet of the of the late group of East-Celtic (or Novo Mesto) type, the main finds of which originate from the territory of Slovenia (Schaaf 1988: 304—307; Mihaljević, Dizdar 2007: 123—128, map 2). The production of helmets of the late group confidently correlates with the territory in the valleys of the Sava, Drava and Mura rivers, inhabited by the Celtic Taurisci tribes (Guštin 2008: 118—121; 2011: 126—127). It is assumed that, based on the chronology of the late group of East Celtic type helmets found in burials of the La-Tène D2 period, this helmet (or the neck guard of the helmet) could reach Sarmatia earlier than the middle of the 1st century BCE (Glebov et al. 2014: 82: basing on the dating cited by Istenič 2010: 140—142), at the same time, Glebov and co-authors do not take into account the following. At present, the end of the La-Tène D1 period is dated, in any case, no later than 50/40 BC (Haffner 1974: 69; Karwowski 2004: 64–65; Rieckhoff 2008: 5–7; 2018: 173–198; Stöckli 2018: 209; all with bibliography) or, especially most recently, even to 85—80 BC (Rieckhoff 2008: 7—10, fig. 7; 2018: 187—190, figs. 4—5; Metzler, Gaeng 2009: 456—458, figs. 402—403; Stöckli 2018: 209—233). An intermediate solution — ca. 60 BCE — was also proposed (Brandt 2001: 66—67). Thus, we cannot exclude the dating of the helmet, to which the neck guard from Yashkul belongs, also to the second quarter of the 1st century BC.

Results of Pb-Pb isotope analyses

The metal of one of the phalerae and the helmet neck guard was analyzed. The epithermal deposits of eastern Rhodope Mountains and deposits of the same genetic type of Baia Mare ore district, located within the Inner Eastern Carpathians are equally likely to be the source of silver for these items. In the case of the phalera the origin of the metal can be identified more reliably, as the deposit of Eastern Rhodope mountains (Treister, Chugaev 2022: 97—99, figs. 24—26).

Conclusions

A horse bridle set from Yashkul represents a combination of a secondary used item of Western origin (a fragment of an Eastern Celtic helmet (fig. 6)) and the products of local craftsmen. As for the large phalerae (fig. 5) — it is obvious that probably the Sarmatian craftsman tried to reproduce the composition of the phalerae of Parthian (?) origin that he had before his eyes, while including in it the image of the nomadic animal style. Most likely, we can suggest their manufacture in the Lower Volga or in the Kuban region, most probably no later than the first half of the 1st century BCE. As shown above, the breastplate was made from a helmet neck guard overlay, which can be dated no earlier than the second quarter of the 1st century BCE, possibly the middle or second half of the century.

Small bridle phalerae (fig. 4: 5—11) are unique, but even they find even distant parallels among the bridle plaques from the burial mound no. 1 near the Zubov Farmstead in the Trans-Kuban region. In principle, an undoubted connection may be traced between the sets of horse bridles from these two complexes. A detailed analysis of various finds from the burial mound no. 1 near the Zubov Farmstead makes it possible, in my opinion, to fairly confidently date this complex within the second half of the 1st century BCE, hardly later than the last quarter of this century (Gushchina, Zasetskaya 1989: 87; Shchukin 1992: 108; cf. Voronyatov 2022: 385—386). It is also obvious the connection between the rendering of the endings of the bit shanks and the bridle plaques from Kosika, a complex that can be synchronous or somewhat earlier (third quarter of the 1st century BC), than the burial near the Zubov Farmstead. Only the parallel of the rendering of the bit shanks from Yashkul with those an analogy from the complex from the Oktyabrsky-V cemetery (fig. 3: 1—4), including a glass skyphos, and dated in frames of the first half of the 1st century CE may indicate that this bridle complex took its final shape at the turn of the eras or in the very first

decades of the 1st century CE (Treister 2019a: 401). Signs of repair of one of the bridle plaques, in which the loop for fastening was lost (fig. 4: 5), may testify in favor of a certain duration of its use.

As for the helmet of the Novo Mesto type, the overlay of the neck guard of which was used as a horse breastplate, the finds of iron helmets of the Eastern Celtic type in ritual hoards in the Lower Don region (burial mound no. 18 of Tsarskiy cemetery (figs. 1: 3; 7) (Glebov et al. 2014: 77—78, 80, fig. 1: 1; 2020: 355—365, figs. 1—4; Simonenko 2015: 193, 195, fig. 63: 2)) and the Kuban region (burial mound no. 1 of Boykoponura cemetery (figs. 1: 2; 8) (Raev et al. 1990: 121, 126—127, fig. 41; Raev et al. 1991: 476, fig. 10; Treister 1992: 41—42, fig. 8; Marchenko 1996: 67—68, fig. 105: 2; Cat. Paris 2001: 160, no. 158; Glebov et al. 2014: 78—80, fig. 1: 2; Simonenko 2014: 262, 264, fig. 11: 1—3; 2015: 193, 195, fig. 63: 1; Kazakevich 2015: 193—194)) should also be noted. These helmets dating to the late 2nd — the first half of the 1st centuries BCE, presumably were acquired by the nomads during the Mithridatic wars (Glebov et al. 2014: 82; 2020: 375—376). V.P. Glebov and co-authors find it difficult to determine when and during which events the helmet, the neck guard of which was reused in Yashkul, should be associated (Glebov et al. 2014: 82). In my opinion, this could very likely have happened as a result of the Asia Minor campaign of Pharnaces of Bosporus in 47—46 BC, in which, as I assumed, the Sarmatian chieftain buried in Kosika also participated (Treister 2005a: 223—240; 2005b: 322—330). This option is also correlated with the chronology of the late group of helmets of the Novo Mesto type.

Five helmets of late variants of the Novo Mesto type come from a cremation burial ground near the village of Mutin on the right bank of the river Seim (fig. 1: 1) (burials nos. 4, 5, 8A, 12, and 13). In two cases (burials nos. 8A, 12) they were used as urns inserted into ceramic vessels. The cheek-pieces and neck guards of the helmets from the burials nos. 12 and 13 are adorned with ornamental decoration in relief (Terpilovskiy, Zharov 2018: 142—143; Terpilovskij 2014: 333. — Burial no. 8A: Terpilovskiy, Zharov 2013: 412, fig. 2: 1; 413; 2018: 139, fig. 3: 1; Terpilovskij 2014: 333, 342, fig. 8: 1; Terpilovs'kiy 2019: 7, figs. 3: 1; 9. — Burial no. 5: Terpilovskij 2014: 333, 341, fig. 7: 1). In the case of the helmets from the Mutin burial ground, there is every reason to assume the possible origin of the warriors buried there between the middle of the 1st century BCE and the beginning of the 1st century CE, probably around the turn of the eras, from the region of Lower Saxony (Treister 2021: 191—197). In this regard, it is also necessary to recall the only helmet of this type found in Poland — from the burial no. 25 of the Siemiechów cemetery (Jażdżewska 1986: 71—72, figs. 10—11; Łuczkiewicz 2009: 83—84, fig. 4; 2012: 122—123, fig. 12).

References

Antipenko, A.V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauride)* XXI, 84—109 (in Russian).

Anfimov, N.V. 2011. *Drevnee zoloto Kubani / The Kuban's Ancient Gold. 2nd ed.* Krasnodar: Traditsiya (in Russian).

Arkheologicheskoye naslediye 2013: Skripkin, A.S. (ed.). *Arkheologicheskoe naslediye Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo Muzeya (Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Museum of Local History)*. Volgograd: Izdatel'.

Bespalyy, E.I. 1992. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 175—190 (in Russian).

Brandt, J. 2001. *Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit*. Rahden / Westf.: Leidorf (Internationale Archäologie 66).

Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 349—424 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5).

Cat. Paris 2001: Schiltz, V. (ed.). *L'or des Amazones*. Paris; Suilly-la-Tour: Paris-Musées; Éditions Findakly.

Cat. Rome 2005: Anisimova, L., G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Electa.

Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo (Treasures of the Sarmatians. Exhibition catalogue. On the 100th Anniversary of B.B. Piotrovsky's Birth).* Saint Petersburg; Azov: Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2020: Alekseev, A.Yu., Nawroth, M., Gass, A., Piotrovskiy, Yu.Yu. (eds.). *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n.e. Katalog vystavki / Eisenzeit: Europa ohne Grenzen. 1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog*. Saint Petersburg: Chistyy list (in Russian and German).

Cat. Tokyo 1991: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo: Asahi Shinbunsha.

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 3, 141—179 (in Russian).

Dumberg, K. 1901. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (News of the Archaeological Commission)* 1, 94—103 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 2001. *The Silk Road and the Cities of the Golden Horde*. Berkeley: Zinat Press.

Firsov, K.B. 2010: In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 328—352 (in Russian).

Gabuev, T.A. 2005. *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I—XII vekov (Alanian Horseman. Treasures of the Princes of the 1st—12th Centuries)*. Moscow: State Museum of Oriental Art (in Russian).

Glebov, V.P., Dedyul'kin, A.V., Gordin, I.A. 2014. In: Yablonsky, L.T., Savel'ev, N.S. (eds.). *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" (Sarmatians and the Outside World: Proceedings of the VIII International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History")*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Center "Heritage", 77—83 (Ufa Archaeological Bulletin 14) (in Russian).

Glebov, V.P., Gordin, I.A., Dedyul'kin, A.V., 2020. In: Radyush, O., Bluene, A, Lyubichev, M. (eds.). *Germania—Sarmatia* III. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 354—385 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological Research in the South of Eastern Europe)*. Moscow: State Historical Museum, 71—141 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).

Guštin, M. 2008. Zu einigen Figuralmotiven im Gebiet der Taurisker. In: Teegen, W.-R., Cordie, R., Dörrer, O., Rieckhoff, S., Steuer, H. (Hrsg.). *Studien zur Lebenswelt der Eisenzeit: Festschrift für Rosemarie Müller*. Berlin; New York: De Gruyter, 115—132.

Guštin, M. 2011. On the Celtic tribe of Taurisci: local identity and regional contacts in the ancient World. In: Guštin, M., Jevtić, M. (eds.). *The Eastern Celts: the communities between the Alps and the Black Sea (Annales Mediterranei)*, Koper: Univerza na Primoerskem, 119—130.

Haffner, A. 1974. Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 4, 59—72.

Istenič, J. 2010. Late La Tène scabbards with non-ferrous openwork plates. *Arheološki Vestnik* 61, 121—164.

Jażdżewska, M. 1986. Ein romischer Legionarshelm aus Polen. *Germania* 64, 61—73.

Karwowski, M. 2004. *Latènezeitlicher Glasringschmuck aus Ostösterreich*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Mitteilungen der prähistorischen Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 55).

Kat. Hamburg 1993: Busch, R. (Hrsg.). *Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg*. Neumünster: Wachholtz.

Kat. Leoben 2009: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kazakevich, G. 2015. *Skhidni kel'ty: kul'tury, identychnosti, istoriohrafichni konstruktsiyi (Eastern Celts: Cultures, Identities, Historiographical Constructions)*. Kyiv; Vinnytsia: Nilan-Ltd (in Ukrainian).

Kiyashko, A.V., Mys'kov, E.P. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 46—60 (Materials and Research on the Archaeology of the Don 1) (in Russian).

Łuczkiewicz, P. 2009. Ostgermanische Eliten der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im Spiegel des archäologischen Fundgutes. In: Egg, M., Quast, D. (Hrsg.). *Aufstieg und Untergang: Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes "Studien zu Genese und Struktur von Eliten in vor- und frühgeschichtlichen Gesellschaften"*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 79—105 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 82).

Łuczkiewicz, P. 2012. Fragen zu Handelsrouten und Fernkontakten im ostgermanischen Raum am Ende der vorrömischen Eisenzeit. In: Tappert, C., Later, C., Fries-Knoblach, J., Ramsl, P.C., Trebsche, P., Wefers, S., Wiethold, J. (Hrsg.). *Wege und Transport. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der 80. Verbandstagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung e.V. in Nürnberg 2010*. Langenweißbach: Beier & Beran, Archäologische Fachliteratur, 111—130 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 69).

Mantsevich, A.P. 1976. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G.(eds.). *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii (Scythian-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia)*. Moscow: Nauka, 164—193 (in Russian).

Marchenko, I.I. 1996. *Siraki Kubani (Siraki of the Kuban)*. Krasnodar: Kuban State University (in Russian).

Metzler, J., Gaeng, C. 2009. *Goeblange-Nospelt — une nécropole aristocratique trévire*. Luxembourg: Musée National d'Histoire et d'Art (Dossiers d'archéologie du Centre National de Recherche Archéologique 13).

Mihaljević, M., Dizdar, M. 2007. Late La Tène bronze helmet from the river Sava near Stara Gradiška. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 3. s. XL, 117—146.

Mordvinceva, V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Rahden/Westf: Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).

Mordvintseva, V.I. 2002. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 157—161 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2005. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy i doklady (The Fourth Kuban Archaeological Conference. Theses and Reports)*. Krasnodar: Kuban State University, 186—187 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2011. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Antique World and Archaeology)* 15, 332—365 (in Russian).

Mordvintseva, V.I. 2015. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 1, 109—135 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. II v. do n.e. — II v. n.e. (Works of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Region. 2nd Century BCE — 2nd century CE)*. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Khabarova, N.V. 2006. *Drevneye zoloto Povolzh'ya iz fondov Volgogradskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya (Ancient Gold of the Volga Region from the Depots of the Volgograd Regional Museum of Local History)*. Simferopol: Tarpan (in Russian).

Mys'kov, E.P., Kiyashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Low Volga Archaeological Journal)* 2, 149—167 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A. 2019. In *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN (Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 4, 5—60 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A., Lapa, N.L. 2002. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 3, 200—205.

Otchir-Goriaeva M. 2002. Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia antiqua* 8, 353—387.

Raev, B.A., Simonenko, A.V., Treister, M. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 38.2, 465—496.

Raev, B.A., Simonenko, A.V. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts, Saint Petersburg State University, 65—79 (in Russian).

Raev, B.A., Simonenko, A.V., Treister, M.Yu. 1990. In: Zhdanovskiy, A.M., Marchenko, I.I. (eds.). D*revnie pamyatniki Kubani (Ancient Monuments of the Kuban)*. Krasnodar: Department of Culture of the Krasnodar Regional Executive Committee, 117—135 (in Russian).

Rieckhoff, S. 2008. Geschichte der Chronologie der späten Eisenzeit in Mitteleuropa und das Paradigma der Kontinuität. In: Rieckhoff, S., Teegen, W.-R. (Hrsg.). *Leipziger online-Beiträge zur Ur-und Frühgeschichtlichen Archäologie* 30. Available at: https://www.gko. uni leipzig.de/fileadmin/user_upload/ historisches_seminar/02urundfruehgeschichte/Online_Beitraege/OnlBei30.pdf (accessed 14.04.2025).

Rieckhoff, S. 2018. Wissen und Macht im archäologischen Diskurs. *Die Chronologie der Oppidazeit. Archäologische Informationen* 41, 173—198.

Schaaff, U. 1988. Keltische Helme. In: *Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 293—317 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 14).

Shchukin, M.B. 1992. In:. Raev, B.A (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir (Materialy III-go arkheologicheskogo seminara) (Ancient Civilization and the Barbarian World (Proceedings of the III Archaeological Seminar))*. Pt. 1. Novocherkassk: Museum of the History of the Don Cossacks, 103—130 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2014. In *Stratum plus* 4, 249—284 (in Russian).

Simonenko, A.V. 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Horsemen of the North Pontic Region). 2nd ed*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Skripkin, A.S. 2000. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Low Volga Archaeological Journal)* 3, 17—40 (in Russian).

Stöckli, W.E. 2018. Spätlatènezeitliche Germanen in Süddeutschland. *Archäologische Informationen* 41, 199—238.

Terpilovskij, R. 2014. The Mutyn Burial Site from the Turn of Eras on the Seym River (preliminary Report). In: Brandt, J., Rauchfuß, B. (Hrsg.). *Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa: Beiträge der internationalen Tagung zum einhundertjährigen Jubiläum der Veröffentlichung "Die ältesten Urnenfriedhöfe bei Uelzen und Lüneburg" durch Gustav Schwantes 18.—22.05.2011 in Bad Bevensen*. Hamburg: Archäologisches Museum, 331—345.

Terpilovs'kiy, R.V. 2019. In *Etnichna istoriya narodiv Evropy (Ethnic history of the peoples of Europe)* 57, 5—12 (in Ukrainian).

Terpilovskiy, R., Zharov, G. 2013. A Warrior Cemetery Cremation from the Turn of Eras on the River Seym. In: Khrapunov, I.. Stylegar, F.-A.(Hrsg.). *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand.* Simferopol: "Dolya" Publ. House, 409—419.

Terpilovskiy, R.V., Zharov, G.V. 2018. In *Światowit. Rocznik Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego* XI—XII (LII—LIII) (Fasc. B), 137—155 (in Russian).

Treister, M.Yu. 1992. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 37–50 (in Ukrainian).

Treister, M.Yu. 2005. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Problema sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov (Bosporan Phenomenon. The Problem of Correlation between Written and Archaeological Sources*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum Publ. House, 322—330 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2019a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology, Culture)* 4, 180—238 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2019b. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 2, 379—415 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021. In *Stratum plus* 4, 181—202 (in Russian).

Treister M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the "Ampsalakos School". *ACSS* 11.3—4, 199—255.

Treister, M. 2021. Archaeological data of Migration from the East in Eurasia in the 2nd—1st centuries BC: pro and contra Arguments. In: Cojocaru, V., Pázsint, A.-I. (eds.). *Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages (Pontica et Mediterranea X)*. Cluj-Napoca: Editura Mega, 87—114.

Treister, M., Chugaev, A. 2022. Sources of metal of silver objects from burials of nomads of Asian Sarmatia of the 2nd century BCE — 3rd century CE after the results of archaeological and Pb-Pb isotopic studies. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 85—139.

Vlaskin, M.V., Glebov, V.P., Kuz'min, V.N. 2018. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Low Volga Archaeological Journal)* 17.2, 58—69 (in Russian).

Voronyatov, S.V. 2020. In: Alekseev, A.Yu., Nawroth, M., Gass, A., Piotrovskiy, Yu.Yu.(eds.). *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n.e. Katalog vystavki / Eisenzeit: Europa ohne Grenzen. 1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog*. Saint Petersburg: Chistyy list, 235—242 (in Russian).

Voronyatov, S.V. 2022. In *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)* 82 (2), 369—391 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2016. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Rayeva. Kagal'nik, 20—21 oktyabrya 2016 g. (Ancient Civilization and the Barbarian World of the Ponto-Caspian Region. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international Participation dedicated to the 70th Anniversary of B.A. Raev. Kagalnik, October 20—21, 2016)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 90—105 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (Animal Style Art of the Sarmatian Era (2nd century BCE — early 2nd Centuries CE))*. Simferopol: Antiqua (Archaeological Sites of the North Pontic Region 1) (in Russian).

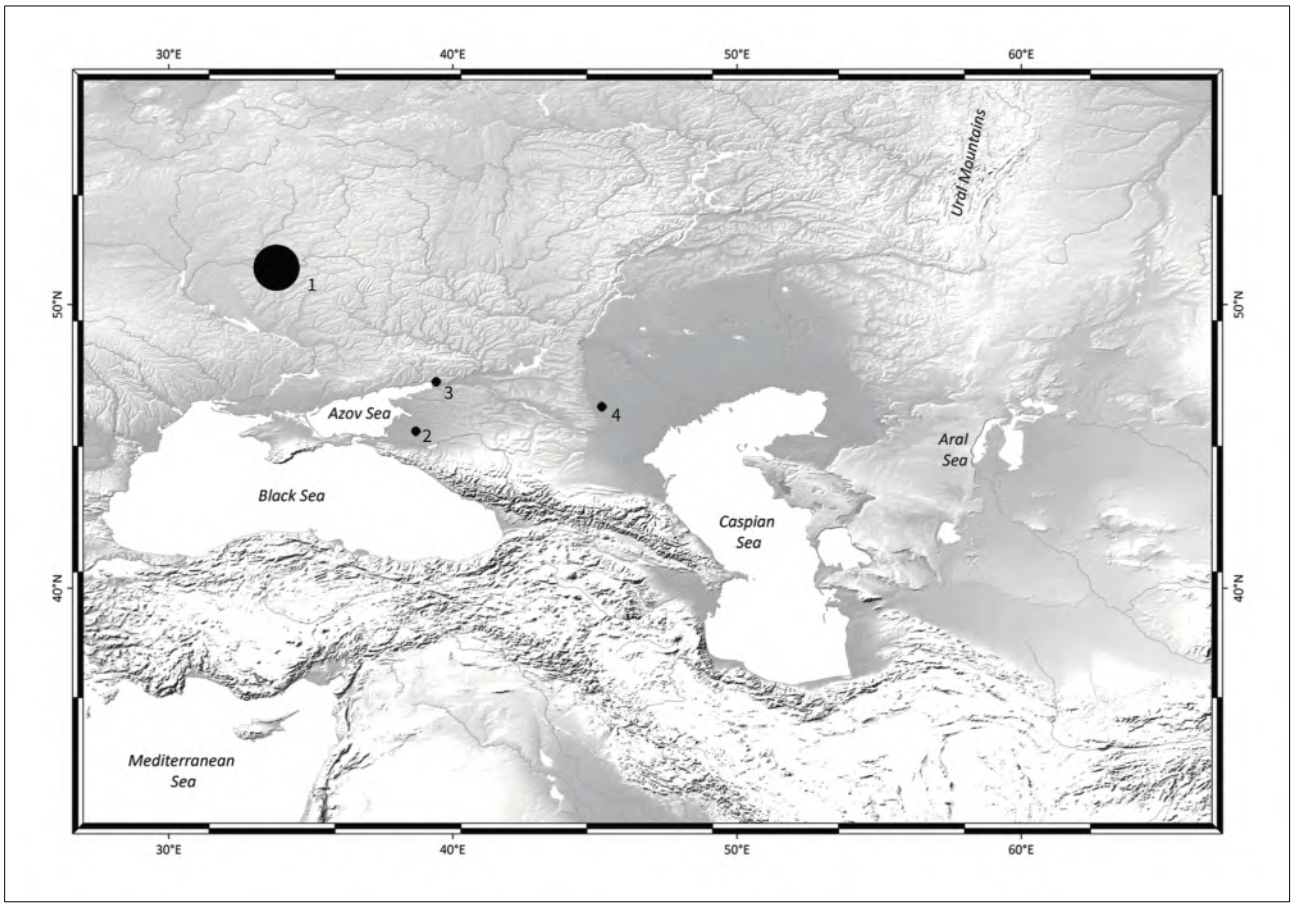


Fig. 1. Finds of helmets of Eastern Celtic types and their elements in Eastern Europe. *1* — Mutin, *2* — Boykoponura, *3* — Tsarskiy; *4* — Yashkul. Map, M. Treister, 2023.

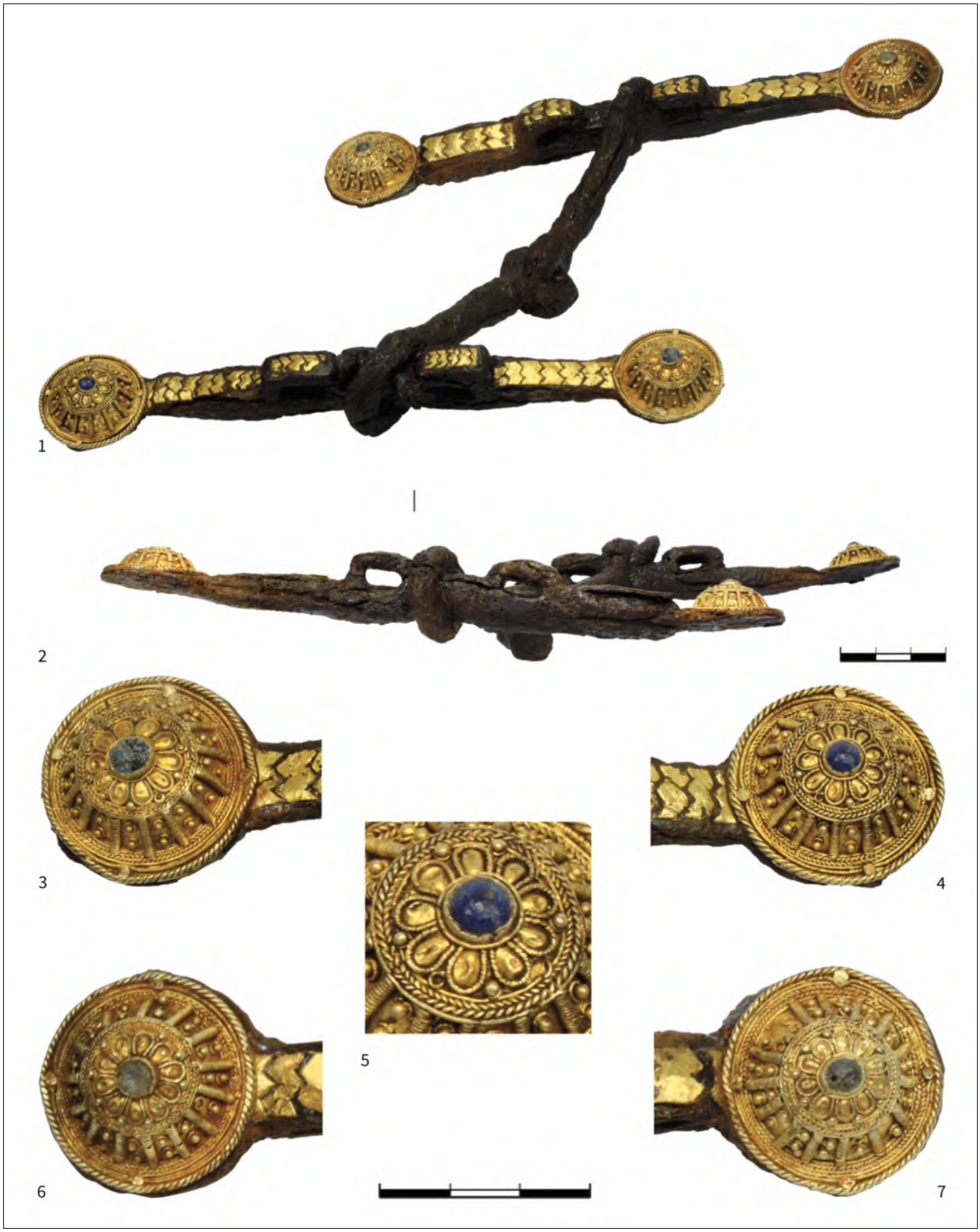


Fig. 2. Horse bits. General views and details. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia, inv. no. КП 7653/12. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 3. Iron bit shanks with gold inlays. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum. *1—4* — Oktyabr'skiy-V. Burial mound no. 1/1995. Burial no. 1. General views and details, инв.-№ 30200/34; *5—8* — Oktyabr'skiy-II. Burial mound no. 3/1997. Burial no. 1. General views, inv. no. 31507/59. Photos by M. Treister, 2015.

Fig. 4. Elements of horse bridle. General views. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia. *1—2* — inv. no. КП 7653/1—2; *3—4* — inv. no. КП 7653/3—4; *5—11* — inv. no. КП 7653/5—11. Photos by M. Treister, 2015.

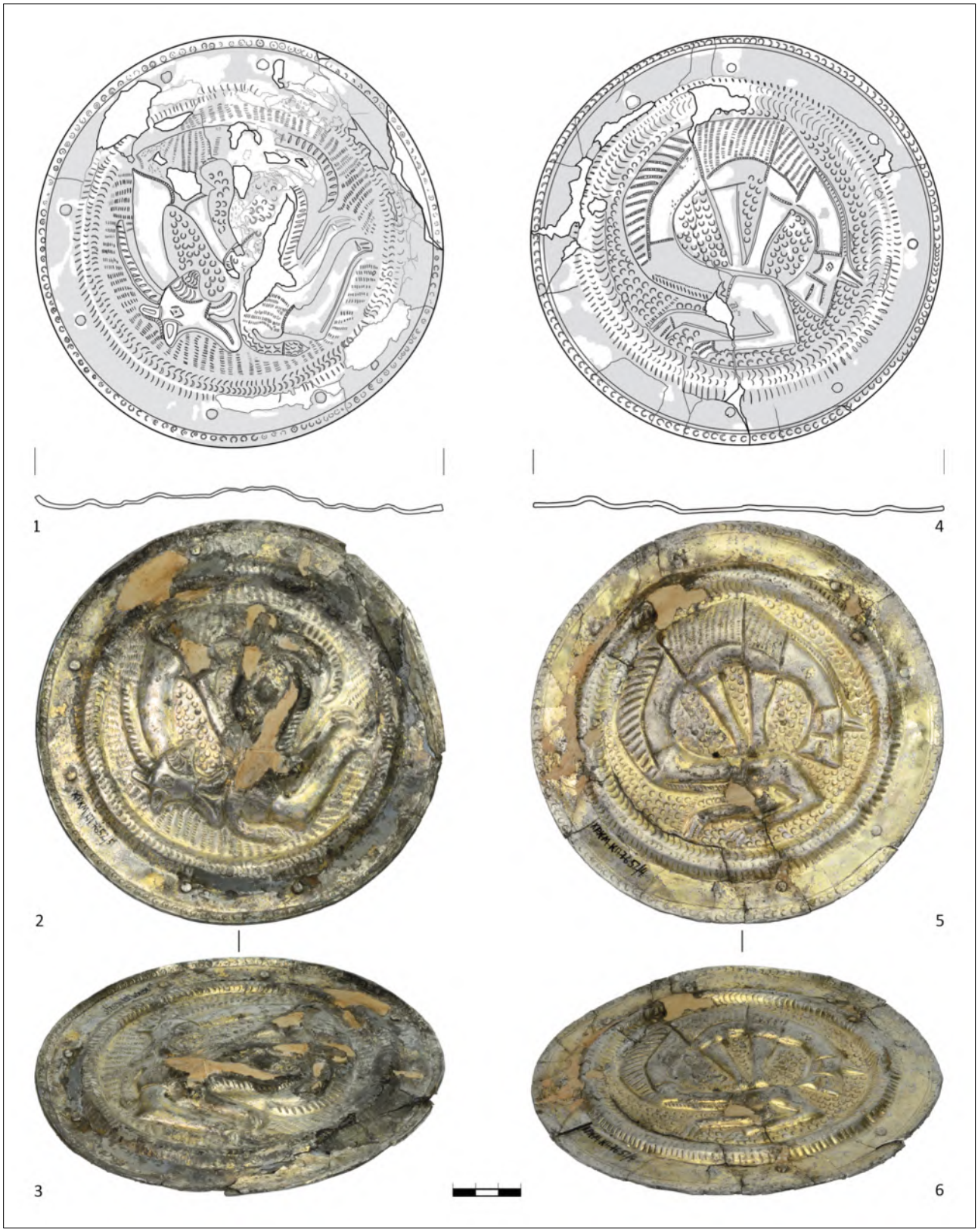


Fig. 5. Silver-gilt phalerae and breastplate of horse-harness. General views. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia. *1—3* — inv. no. КП 7652/5; *4—6* — inv. no. КП 7652/4. 1, 4 — drawings by N. Bespalaya, 2015; 2—3, 5—6 — photos by M. Treister, 2015.

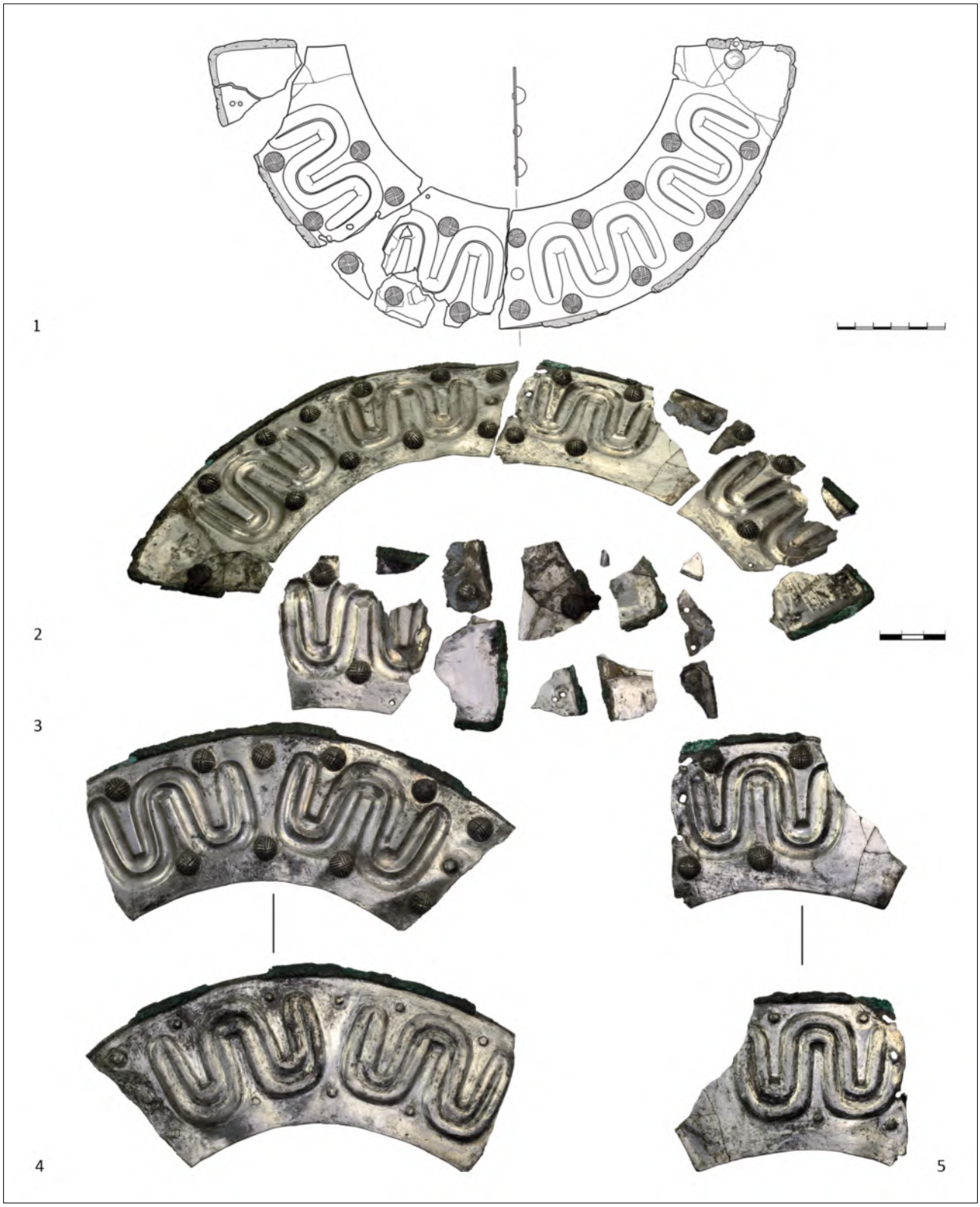


Fig. 6. Silver breastplate of horse-harness. General views and details. Yashkul. Burial mound no. 1/1988, burial no. 1. Elista, National Museum of Kalmykia, inv. no. КП 7652/3. 1 — drawing by N. Bespalaya, 2015; 2—5 — photos by M. Treister, 2015.

Fig. 7. Iron helmet of East Celtic type. General views. Tsarskiy. Burial mound no. 18/2011. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv. no. КП-31042/254. Photos, Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve.

Fig. 8. Iron helmet of East Celtic type. General views. Boykoponura. Burial mound no. 1/1973. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, inv. no. F2 6332/1. 1—3, 5 — after Raev et al. 1991, 476, fig. 10, Taf. 29; 4, 6 — after: Cat. Paris 2001, 160, no. 158.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.13.24.005

**Г.С. Джумабекова, А.В. Паничкин, Э.К. Алтынбекова,
К. Алтынбеков, М.А. Казикеев, Г.А. Базарбаева**

СВЕРНУВШИЙСЯ В «КОЛЬЦО» ОЛЕНЬ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ШПИЛЬКЕ С ТЕРРИТОРИИ Г. АЛМАТЫ*

В настоящее время междисциплинарные исследования в археологии являются необходимым явлением, позволяющим извлекать максимально возможную научную информацию и определять новые направления поиска. В статье в научный оборот вводится элемент металлической шпильки (заколки), обнаруженной в кургане № 2 могильник Таугуль-3 (г. Алматы, V—IV вв. до н.э.), — зооморфно декорированном навершии. Информация об изделии — стержне — опубликована ранее, в 2024 г. Помимо описания декора приводятся результаты междисциплинарных исследований, касающиеся изучения технологических особенностей изготовления шпильки. Публикуемое изделие дополняет сведения о художественной культуре населения сакского времени Жетысу (Юго-Восточный Казахстан).

Ключевые слова: Жетысу, Таугуль-3, ранний железный век, саки, искусство, звериный стиль.

Сведения об авторах: Джумабекова Гульнара Саиновна[1], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Паничкин Александр Владимирович[2], кандидат технических наук, заведующий лабораторией, Институт металлургии и обогащения, Сатпаев университет; Алтынбекова Элина Кырымовна[3], PhD (Museology), дизайнер-реставратор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; Алтынбеков Кырым[4], директор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; Казикеев Манас Аманкосович[5], художник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Базарбаева Галия Аппазовна[6], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1,5,6]050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; [2]050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 29, Институт металлургии и обогащения, Сатпаев университет; [3,4]Казахстан, г. Алматы, ул. Венецианова, 6/5; e-mail: [1]gdzhuma04@gmail.com; [2]abpanichkin@mail.ru; [3]elina.altyn@gmail.com; [4]tengri05@mail.ru; [5]man_as@bk.ru; [6]galiya2002@gmail.com.

**Gulnara Jumabekova, Alexander Panichkin, Elina Altynbekova,
Kyrym Altynbekov, Manas Kazikeyev, Galiya Bazarbayeva**

THE DEER CURLED INTO A “RING”: NEW EVIDENCE ON A HAIRPIN FROM ALMATY

Interdisciplinary research has become integral to archaeology, allowing the fullest recovery of evidence and opening new lines of inquiry. This paper presents the zoomorphically decorated finial of a metal hairpin recovered from Kurgan 2 of the Taugul-3 burial ground, Almaty (5th — 4th centuries BCE). The pin’s shaft was published in 2024; here we provide a full description of the ornament — depicting a deer curled into a ring — together with the results of interdisciplinary analyses concerning the object’s manufacturing technology. The new evidence refines the typological and stylistic attribution of the piece and contributes to our understanding of the artistic culture of Saka-period communities in Jetisu (southeastern Kazakhstan).

Key words: Jetisu (Zhetysu), Taugul-3, Early Iron Age, Sakas, art, animal style.

* Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023—2025, ИРН проекта BR21882346.

Статья поступила в номер 31 августа 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2025 г.

© Г.С. Джумабекова, А.В. Паничкин, Э.К. Алтынбекова, К. Алтынбеков, М.А. Казикеев, Г.А. Базарбаева, 2025

About the authors: Jumabekova Gulnara[1], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology; Panichkin Alexander[2], PhD in Engineering, Head of Laboratory, Institute of Metallurgy and Ore Beneficiation JSC, Satpayev University; Altynbekova Elina[3], PhD (Museology), designer-restorer, Scientific and restoration laboratory "Ostrov Krym"; Altynbekov Kyrym[4], director, Scientific and restoration laboratory "Ostrov Krym"; Kazikeyev Manas[5], artist, Margulan Institute of Archaeology; Bazarbayeva Galiya[6], PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: [1,5,6]050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk Ave., Margulan Institute of Archeology; [2]050010, Kazakhstan, Almaty, 29 Shevchenko St., Institute of Metallurgy and Ore Beneficiation JSC, Satpayev University; [3,4]Kazakhstan, Almaty, 6/5 Venetsianov, str.; e-mail: [1]gdzhuma04@gmail.com; [2]abpanichkin@mail.ru; [3]elina.altyn@gmail.com; [4]tengri05@mail.ru; [5]man_as@bk.ru; [6]galiya2002@gmail.com.

Введение

Предлагаемая статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем выпуске (Джумабекова и др. 2024). Импульсом для продолжения начатой работы стали результаты междисциплинарного изучения, осуществленного в Научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (г. Алматы) и Национальной научной лаборатории коллективного пользования по приоритетному направлению «Технологии для углеводородного и горно-металлургического секторов и связанных с ними сервисных отраслей» АО «Институт металлургии и обогащения» (г. Алматы).

Предмет исследования — шпилька из раскопок кургана № 2 могильника Таугуль-3, располагавшегося на территории г. Алматы. Полевые исследования памятника осуществлялись в 2020 г. (подробнее см.: Нуржанов и др. 2020; Амиров и др. 2024). Подробное описание контекста находки дано ранее (Джумабекова и др. 2024).

Цель исследования — извлечение максимально возможной информации из анализа шпильки (заколки). Описание навершия шпильки (рис. 1) приводится ниже[1].

Актуальность исследования заключается в том, что методы современной науки многранны. Они позволяют расширить горизонты поиска, пролить свет на находки, сделанные ранее, дополнить имеющиеся сведения. Объединив ресурсы нескольких научных учреждений, становится возможным получить новые данные о культуре населения сакского времени Жетысу в контексте изучения материалов синхронного круга из Центральной Азии.

Материал и методы исследования

Описание предмета. Навершие шпильки (заколки) сферическое, обёрнутое золотой фольгой с изображением оленя. Оно (навершие) крепилось к железному стержню, также обёрнутому фольгой с изображением сцены терзания фантастическим кошачьим хищником синкретического животного — оленя с чертами орлиного грифона[2].

Композиция на стержне расположена таким образом, что голова копытного животного расположена на конце, противоположном навершию шпильки. На навершии олень изображён свернувшимся как бы вокруг оси — продолжения стержня. При взгляде сверху видна голова оленя с двумя передними отростками рога и верхний отросток рога, оканчивающийся головой орлиного грифона.

Олень показан лежащим, в профиль. Передние ноги с острыми копытами поджаты под туловище, задние — вывернуты вверх, показаны над брюхом. В пространстве между левой задней ногой и отростком в виде орлиного грифона находится правая задняя нога, нижняя часть с копытом вытянута горизонтально над брюхом оленя.

[1] Подробное описание навершия публикуется впервые.

[2] Здесь и далее под орлиным грифоном подразумевается изображение фантастического животного — мифического орла, показанного с такими несвойственными для птиц элементами как уши, грива.

Голова животного, в отличие от изображения на стержне шпильки, показана более реалистично, выделены ноздри, губы, выпуклый круглый глаз со зрачком. Скулы переданы выступающим завитком, от них вниз идёт волютовидный отросток, который, круто завиваясь, направлен к коленям передних ног. Большое листовидное ухо оттянуто назад почти горизонтально.

Рога переданы двумя передними широкими, чуть изогнутыми отростками, нависающими над мордой оленя, и вертикальным передним отростком, отходящим от стержня рогов, заканчивающийся стилизованным изображением орлиного грифона в виде головки на выгнутой шее с загнутым клювом, гривой, ухом или хохолком. Основание рога оформлено «манжетой». Лопатка показана крутым выразительным завитком, который переходит в изогнутую шею грифона, вырастающего из загривка оленя — с выступающими большими глазами, большим клювом и гривой. Бедро и круп животного декорированы изогнутыми округлыми линиями и спиралевидным завитком, хвост короткий (рис. 2)[3].

Таким образом, если объединить изображения в одно целое — на стержне и навершии шпильки — то получится сцена терзания, завершающаяся оленем, не только в позе жертвенного животного, но свернувшимся в «кольцо» вокруг оси — стержня.

Особенности исследования изображения, заключенного на навершии. Для того, чтобы полностью увидеть изображение на сферическом навершии, нужно получить его развёртку. Стержень шпильки представляет собой почти цилиндрическую форму, которую возможно развернуть, но в случае с шаром сделать развёртку значительно сложнее. Шарообразная форма создаёт ощущение гармонии и законченности. Но развернуть рисунок, особенно сделанный рельефно, становится крайне сложно без искажений. Для решения этой задачи проанализированы различные варианты развёртки сферы. Рассмотрим некоторые из них.

Один из самых распространённых аналогичен способу создания глобуса. Метод вспомогательных цилиндров создаёт довольно точную развёртку поверхности вращения, разрезая её по меридианам от одного полюса к другому, на несколько плоских одинаковых фигур, которые могут снова собраться в изначальную форму. Однако при попытке создать из такой развёртки плоское изображение, области возле полюсов либо разрезаются, либо подвергаются значительному искажению, которое тем больше, чем ближе к полюсам (Попудняк и др. 2011: 163, рис. 2).

Учитывая целостность изображения животного и невозможность его деления на части, такой способ представляется нецелесообразным.

Ещё несколько способов развёртки сферообразной поверхности вращения — выкройка футбольного мяча, собранная из нескольких небольших пятиугольников и шестиугольников большего размера (Попудняк и др. 2011: 163, рис. 1), и развёртка сферы методом вспомогательных конусов (Попудняк и др. 2011: 164, рис. 5). Оба метода довольно хорошо собираются на сфере, однако ни один не может быть использован для развёртки рассматриваемого объекта, так как они нарушают целостность художественного оформления навершия шпильки и не дают возможности увидеть рисунок целиком, с наименьшими искажениями.

Рассмотрены и некоторые другие методы развёртки сферических объектов, но они не оказались подходящими настолько, чтобы выявить рисунок на плоскости с минимальным искажением.

Повторный детальный анализ расположения изображения на поверхности сферического навершия обратил внимание на несколько аспектов:

1. «Нижний полюс» навершия занят местом фиксации жезла (стержня), а, значит, не содержит никаких изображений. Таким образом, края этого отверстия можно рассматривать как край развёртки;

[3] Благодарим М.А. Антонова за помощь в подготовке иллюстраций.

2. Основная часть рисунка оленя — голова, передние и задние ноги, круп, хвост — расположены по кругу навершия, как бы огибают его. Задняя часть (хвост) примыкает к голове животного, образуя между ними довольно ровный край;

3. Рога оленя, вернее их укороченная версия, примыкают к голове и загибаются наверх, располагаясь на верхнем полюсе сферического навершия;

4. Изображения других животных отсутствуют, за исключением миниатюрной головки грифона.

Необходимо было найти такой способ развёртки, который сохранил бы центральную горизонтальную полосу, огибающую шар, и захватил расположенные на «верхнем полюсе» шара рога. Поиск привёл к неожиданному ответу.

В 1932 г. в США изобретателем Альбертом Эрнестом Пенфолдом (Albert Ernest Penfold) был зарегистрирован патент на создание особой конструкции мяча для большого тенниса (Penfold 1932). Его изобретение известно сферическим газонепроницаемым контейнером, улучшающим отскок, стабильность, прочность и долговечность. Однако помимо самого шарообразного контейнера, патент представил и его оболочку, покрытие, состоящее из двух идентичных полос фетра, зауженных посередине и закруглённых на концах.

Способ создания покрытия, разработанный А.Э. Пенфолдом, позволил уменьшить число деталей, создающих сферу, всего до двух. Абсолютно идентичные детали располагаются — одна по горизонтальной, другая по вертикальной осям и как бы входят друг в друга. Каждая из двух деталей упирается своими кончиками в середину второй детали с двух сторон.

Изображение оленя на навершии шпильки также, как и одна из деталей покрытия теннисного мяча А.Э. Пенфолда, располагается большей своей частью по горизонтальной оси, и только рога животного огибают навершие по вертикальной оси. Если представить, что тело оленя — это горизонтальная деталь, а голова, передние ноги и рога — вертикальная, то появляется возможность развернуть его изображение именно по этой схеме. На данный момент такой способ покрытия теннисного мяча стал классическим (Sissler 2011: 79, fig. 5.6).

При использовании такого принципа развёртки сферической поверхности, появляется возможность увидеть изображение оленя на плоскости. Для этой цели предварительно обработанный объект покрыли тонким слоем силикона. После его схватывания и снятия силиконовой матрицы с объекта, её разрезали по принципу теннисного мяча — один рез по вертикали, отделяющий голову и заднюю часть оленя, второй разрез — обозначающий края рогов животного, вернее их границу с его туловищем. Готовая силиконовая форма проверена на собираемость (рис. 3), она соответствует форме покрытия классического теннисного мяча, но с некоторыми модификациями. После снятия силиконовой матрицы проведена успешная попытка создания по ней восковой копии навершия (рис. 3).

Постепенное и осторожное расправление силиконовой матрицы, её фиксация на плоскости и последующая заливка в неё ювелирного воска позволили нам увидеть изображение оленя с навершия шпильки в плоскостном виде (рис. 3).

Результаты и обсуждение материала

Шпилька происходит из памятника культуры саков Жетысу («иссыкской», Юго-Восточный Казахстан). Близкая аналогия изделию — жезловидный предмет из кургана Тенлик (III—II вв. до н.э.). Он имеет круглый в сечении железный стержень, обтянутый листовым золотом, на окончаниях расположены два навершия разных форм. Верхнее навершие съёмное, сферическое, орнаментировано рельефными многолепестковыми розетками, разделёнными кольцевым желобом; нижнее имеет плоское круглое основание, удлинённую шейку, переходящую в полусферическую головку. Длина — 21 см. Тенлик — это «царский» (по К.А. Акишеву) курган (Акишев 1978: 72, 119). Оформление навершия изделия из кургана Тенлик имеет сходство с заколками из могильника Локоть-4а (Шульга 2003: рис. 8: 3; 49: 1—3).

Отличие изделия из могильника Таугуль от «жезловидной заколки» из Тенлика позволяет предмет из могильника Таугуль назвать шпилькой или просто заколкой.

Железные шпильки с шаровидным навершием характерны для усуньских погребений Жетысу (напр.: Максимова 1959; Акишев, Кушаев 1963).

Шпильки или заколки с железным стержнем и обложенным золотой фольгой орнаментированным навершием распространены широко, например, они известны в памятниках пазырыкской, каменской культур, в таких объектах как Локоть-4а (V—IV вв. до н.э.). В целом памятники юго-западных предгорий Алтая в V—III вв. до н.э. демонстрируют черты погребального обряда культур Южного Приуралья и Казахстана, саргатской, каменской, быстрянской, пазырыкской и кулажургинской, что является результатом процесса смешения обрядности и унификации инвентаря разнокультурных групп населения.

Материалы могильника Локоть-4а показывают сходство с курганом Иссык. Как считает П.И. Шульга, материалы этого памятника указывают на «существование в V—III вв. до н.э. на юге Алтая и, по-видимому, в соседнем Казахстане групп населения, близких по происхождению пазырыкцам и каменцам, являвшихся передаточным звеном между ними и саками» (Шульга 2003: 121).

Надо отметить, что на территории, расположенной между Жетысу и Алтаем, выявлены памятники, имеющие черты сходства в материалах этих регионов (Уржар, Таусамалы) (Ярыгин, Ильдеряков 2021; Алтынбеков 2018). В настоящее время прочно установлены параллели в предметах искусства этих регионов V—III вв. до н.э.

Возвращаясь к изображению животного на сферическом навершии шпильки, отметим, что очевидны параллели с образами и стилистикой декора изделий из кургана Иссык и пазырыкской культуры[4]. Можно добавить еще сходство в таком элементе, как основание рогов оленя, оформленное в виде манжеты, прослеживаемое в изделиях пазырыкской культуры.

Помимо аналогии в стилистических приёмах для изображений оленей и других травоядных животных, показанных с вывернутым крупом, поза свернувшегося оленя указывает на параллели в изображениях животных, декорирующих бляхи-распределители ремней из кургана Иссык: на цилиндрическом основании с отверстиями для продевания ремня находится круглое навершие в виде грибовидной шляпки. Она содержит рельефное изображение фигуры свернувшегося в клубок волка. Хищник характеризуется крупной головой, узкими глазами, большое округлое ухо с завитком значительно выступает над головой. Поджатые задние и передние лапы, на которых показаны заострённые когти, соприкасаются друг с другом. Хвост пропущен между задними ногами (Акишев 1978: 26, ил. 42). Нос у волка — его кончик — передан приёмом, схожим со способом, зафиксированным у изображения оленя на стержне шпильки из могильника Таугуль (но характерным для сакских изображений волка).

Изображения свернувшихся практически в кольцо травоядных и хищных животных довольно часто встречаются в искусстве скифо-сакского звериного стиля. Помимо классических изображений хищников раннесакского периода, стоит обратить внимание на памятники середины и второй половины I тыс. до н.э. Например, бляха-пуговица с резным изображением свернувшегося в кольцо архара из кургана № 10 могильника Берел (Самашев 2011: 60, 63; рис. 123); фигуры на саркофаге-колоде из Башадара (первый слева тигр, упирающийся передними лапами в травоядное животное), где одно из копытных находится практически в позе свернувшегося животного (Руденко 1960: рис. 21, 22).

Штампованные изображения горного барана из Второго Туэктинского кургана также передают образ настолько выгнутого животного, что в стремлении вписать его в форму бляшки практически фигуру «свернули в кольцо» (Руденко 1960: рис. 102; 143: д). Из курганов пазырыкской культуры происходит элемент конского убранства в виде волка с перекрученным туловищем и повёрнутой назад головой, которая передает образ хищника, свернувшегося очень компактно.

[4] Они обозначены в предыдущей статье (Джумабекова и др. 2024).

Выразительное изделие содержится в коллекции Петра 1 с вписанным в круг горельефным изображением сцены нападения кошачьего хищника на лося с клювом грифа и вывернутым туловищем (Руденко 1960: рис. 150: д; 1962: табл. IV, рис. 4); а также в материалах Катадинского кургана, где образован круг из перевившихся хищника и травоядного животного с присутствием головы орлиного грифона (Руденко 1960: рис. 150: и).

В Сибирской коллекции Петра 1 присутствуют украшения уздечных ремней сферической или полушарной формы с рельефным или скульптурным изображением животных. Например, головы кошки с козлом в пасти (Руденко 1962: табл. XXIII: 25; рис. 22), свернувшегося в клубок лежащего волка (Руденко 1962: табл. XXIII: 24; рис. 23), изображений свернувшихся в клубок волков и с хвостом, заканчивающимся грифовой головкой (Руденко 1962: табл. XXIII: 30, 31, 36 и 37), а также отдельно их голов (Руденко 1962: табл. XXIII: 34 и 35). Известны скульптурные изображения лежащей, свернувшейся в клубок с поджатыми ногами лошади — декор уздечных украшений с ячейками для вставок бирюзы (Руденко 1962: табл. XXIII: рис. 28 и 29).

С.И. Руденко отмечает, что в Сибирской коллекции присутствует «поразительное разнообразие приёмов в изображении животных в зависимости от формы того предмета, в которое должно быть вложено изображение животного, а с другой — замечательное искусство композиции». Там, где нужно было поместить изображение животного в круг, ему придавалась форма свернувшегося в кольцо или в клубок (Руденко 1962: 43).

Олень в скифскую эпоху, по мнению Н. Смирнова, выступает как *Cervus mundi*, форма фигуры скифского оленя и место его расположения взаимосвязаны и неслучайны, а «основные кинетические оппозиции связаны с ролью и статусом предметов, на которых он изображен» (Смирнов 2020: 113).

В отношении же изображения на шпильке можно отметить, что животное с вывернутым крупом, считающееся жертвенным, умерщвлённым, показанное в иной плоскости или наоборот — в объёмной проекции, это, по сути, часто уже свернувшееся в круг или клубок животное. В каком-то смысле сцены терзания, многофигурные композиции, декорировавшие седельные покрытия из памятников пазырыкской культуры, представляют собой плоскостные изображения, но подразумевают объёмные композиции. И их легко таковыми представить.

Ещё один пример — татуировки из Второго Пазырыкского кургана; курганов № 1 могильника Ак-Алаха-3 и № 2 могильника Верх-Кальджин-2. В целом композиция с ними организована таким образом, что синкретические существа как бы закручены вокруг руки или ноги человека — сцены, по сути, разворачиваются вокруг символической оси (Руденко 1953: рис. 80—83; Полосьмак 2000: рис. 151).

Татуировки мужчины из Второго Пазырыкского кургана содержат изображения фантастических животных, в основе которых лежит образ копытного с вывернутым крупом, но с клювом или головками орлиных грифонов. На правой руке в нижней части расположено изображение кошачьего хищника с разинутой зубастой пастью и крыльями[5]. Фантастический хищник замыкает композицию и на правой ноге снизу. На левой руке под изображением оленя с «птичьими головками» находится хищник.

Татуировка у женщины из могильника Ак-Алаха-3, курган № 1 содержит изображения синкретических копытных животных с вывернутом крупом и хищника с удлинённой клыкастой пастью.

В татуировках присутствуют изображения копытных не только с вывернутыми телами, но и с присутствием образа грифона (напр.: морда с клювом грифона, рога с головками грифона). Таким образом, эти композиции не содержат прямой и однозначной передачи сцены терзания, но наполнение определённых, характерных образов хищников, травоядных и синкретических существ, их взаиморасположение складывается в законченный сюжет,

[5] Не идентичный животному из могильника Таугуль в плане стилистических приёмов, но по содержанию близок.

содержащий понятный соплеменникам смысл. Эти примеры приведены не только потому, что в них композиция разворачивается вокруг центральной оси, но и благодаря тому, что животные представлены изображениями кошачьих хищников, копытных с чертами орлиных грифонов, фантастических хищников. Таким образом, можно предположить в декоре шпильки и татуировках различные вариации сюжетов с действующими персонажами в виде копытных с признаками грифона, соединение или присутствие в образе копытных элементов хищной птицы, грифа, и крылатых кошачьих хищников, разворачивающихся вокруг оси.

П.П. Азбелев определил закономерности в размещении татуировок мужчин из Пазырыкских курганов. В результате выявлено соответствие «между сюжетами татуировок и ролью покрытых ими частей тела», что согласуется с практикой использования изображений в зверином стиле «как средства благотворного магического воздействия на несущий изображение объект» (Азбелев 2017: 53).

Особенностью подавляющего большинства пазырыкских татуированных изображений копытных грифонов является устойчивая «жертвенная» поза копытного животного с вывернутым крупом. Изображение оленьего рога на левом запястье женщин; на пальцах — растительных мотивов; сцены терзания — на предплечье женщин из Ак-Алахинского и Пятого Пазырыкского курганов позволяет зафиксировать связь женщины с образом оленя. Изображение оленя на навершии шпильки из могильника Таугуль, его так называемая «жертвенная» поза, однозначная сцена терзания на стержне — подтверждает не только значение этого животного в картине мира саков, но и указывает на шпильку как атрибут представителя определённой социальной группы или служителя культа? (Азбелев 2017: 53—55, 57).

Предполагается, что погребённая в Пятом Пазырыкском кургане женщина была родом откуда-то из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири, попавшая сюда вследствие замужества, связанного с общим усилением западных связей культуры. Вероятно, декор шпильки подтверждает наличие контактов различного характера между Горным Алтаем и Жетысу.

Говоря о татуировке на теле женщины из Пятого Пазырыкского кургана, Л.Л. Баркова, С.В. Панкова указывают на её замкнутый характер, уравновешенность элементов композиции, наличие первоначального замысла автора. Эту характеристику можно распространить на многие образцы искусства скифо-сакских племён, и то же можно сказать о композиции на шпильке из могильника Таугуль (Баркова, Панкова 2005).

Нужно отметить, что использование образа оленя в декоре шпильки, головного убора не является редкостью. Так, в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 (конец IV — начало III в. до н.э.) на навершии железной шпильки размещалась деревянная фигурка стоящего со сведёнными ногами оленя на шаре. В основании головного убора — «фантатический олень с раздвоенным туловищем», с рогами теке (Полосьмак, Баркова 2005: 72; рис. 2.43—2.46). Животные покрыты золотой фольгой.

В других курганах пазырыкской культуры зафиксированы элементы головных уборов в виде скульптурки коня и оленя, козерога и птицы; оленя с раздвоенным туловищем и скульптурно выполненной головой — лежащие, с подогнутыми ногами, использовался приём заполнения тела изображениями других животных: сайгака или антилопы, горного козла. Диадемы декорировали изображениями травоядных животных, в том числе оленя (Кубарев 1987: 96—97; 1991: 115—116. В могильнике Ак-Алаха-5, курган 1 — выявлена диадема с зеркальным изображением двух лежащих оленей (Полосьмак 2001: рис. 103).

Известно, что традиция оформления причёски или головного убора изображениями оленя существовала уже в раннесакское время. В кургане Аржан-2 (середина — вторая половина VII в. до н.э.) у скелета женщины выявлены шпилька с навершием в виде полушаровидной головки; стержень орнаментирован витым фризом с изображениями животных. Справа налево следуют коза, зебу, коза, дикий кабан, олень, коза, зебу, лошадь, баран, олень, кошачий хищник, коза, олень, дикий кабан, верблюд и снова олень; над фризом, а также под ним и между отдельными изображениями головы не поддающихся определению животных, возможно копытных. Вторая шпилька — с навершием в виде

фигуры оленя. Стержень украшен спиральным фризом с изображениями животных. На фризе (справа налево) распознаются животные: баран, коза, лошадь, коза, бык, коза, кошачий хищник, терзающий двух коз, олень, верблюд, коза, баран и снова олень; между ними видны не поддающиеся определению изображения голов копытных животных (Чугунов и др. 2017: 58—59; табл. 55; 74: 1; табл. 56: 1, 3, 4; 72: 2). Кошачий хищник находится в череде животных, не в начале и не в конце вереницы.

Эта раннесакская традиция декора определённых изделий вереницей животных сохраняется веками — в кургане Иссык клинок кинжала декорирован изображениями различных животных: змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр (9 животных); на другой стороне — змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и полтуловища какого-то животного (12 животных). Головами они обращены к рукояти кинжала. «Фигуры чередуются таким образом, что тела двух рядом расположенных зверей оказываются перевёрнутыми по отношению друг к другу», животные изображены в «скребущих» позах (Акишев 1978: 25). Навершие кинжала оформлено в виде грифонов.

Яркий декор кинжалов с изображениями различных животных, в том числе оленей в характерных позах, указывает, вероятно, на ритуальный характер этого оружия. Организация композиции находит некоторые параллели с таковой на оленных камнях (кинжал из Казак-Кочердыка; Сару) (Топал 2024: рис. 10: 17, 18).

Курган 1, могильник Филипповка, синхронный курганам Иссык и Таугуль (конец V—IV в. до н.э.), содержит среди находок — меч и меч-акинак, декорированные золотыми изображениями голов и протом грифонов и голов оленей, вытянутыми по вертикали оружия (Золотые олени Евразии 2003: 18). Здесь декор организован в соответствии с формой и назначением предмета. Многоярусные композиции на предметах вооружения, видимо, как и на оленных камнях, передают усиливающее действие жертвоприношения (Савинов 1994: 130).

В декоре шпильки из могильника Таугуль, вероятно, можно увидеть своеобразный синтез статичного и кругового/ярусного расположения животных, определённый принцип развёртывания сцены, сюжета. В таком случае можно предположить: ярус нижний — терзание хищником травоядного животного, а верхний — уже свершившийся факт. Олень на навершии шпильки показан в статичном состоянии, но как жертвенное животное — с закинутыми ногами, в нём как бы соединены два состояния. Очевидно, что это уже агония или это не живой олень. И орлиные грифоны, дополняющие образ копытных животных и присутствующие в изображениях хищников (на шпильке и в татуировках, например), также демонстрируют определённую роль в «визуализации» сюжета мифа. Они присутствуют во многих перечисленных изобразительных аналогиях.

Таким образом, можно увидеть, что замкнутое и круговое построение композиции присутствует на оленных камнях, в татуировках, на седельных покрытиях, на бронзовых жертвенниках. Действие разворачивается вокруг некого центра, форма воплощения или выражения идеи меняется на протяжении веков, как видно по этим примерам, отличаясь в деталях. Сама шпилька изготовлена или композиция построена с учётом семантики композиции: на стержне помещена сцена терзания с вывернутыми туловищами и жертвы, и хищника, на навершии — уже умерщвлённое животное. Можно предположить в целом завершённую композицию, завершённое действие. Заранее продуманы сюжет, расположение элементов, вписанность в форму.

Круговое расположение фигур или ориентация их в противоположном направлении — вверх и вниз фиксируется на многих, особенно ранних, оленных камнях Монголии и Тывы. Вертикальная ось расположения животных символизировала медиативную функцию оленных камней. Традиция, фиксируемая в раннесакский период, выражена в изображениях, нанесённых на «классических» оленных камнях I типа — на всех четырёх гранях. Д.Г. Савинов отмечает стремление заполнить все плоскости стелы. Возможно, художник в первую очередь выполнял обязательную для него, отражающую основную идею памятника, композицию, а затем дополнял «сцену», полностью заполняя плоскости камня.

Принцип сплошного заполнения пространства, по мнению Д.Г. Савинова, напоминает «загадочные картинки» (Савинов 1994: 121).

На оленных камнях II типа, главными персонажами которого являются олени и кабаны, расположение фигур животных на плоскости организовано таким образом, что они располагаются друг над другом, иногда показаны как бы «идущими» вверх вертикально, друг над другом по одной линии. Принцип размещения животных на плоскости основан на идее множественности и расположения их друг над другом или по принципу кругового расположения фигур на оленных камнях I типа (Савинов 1994: 126—128).

Д.Г. Савинов отмечает, что расположение фигур по диагонали, друг над другом, как бы «улетающих» вверх; круговое построение композиции, встречающееся и на петроглифах, показывают не только «уход», но и «возвращение» зверей (Савинов 1994: 140—142).

На жертвенниках и курильницах, седельных покрытиях — единый принцип организации сакрального пространства, ограничение его, в центре которого совершается акт жертвоприношения либо иное ритуальное действо. Но происходит всё вокруг оси — оси мира, Мирового древа, окультуренными вариантами которого были колонны, стелы, штандарты, «любые сакрализованные предметы с вертикальной ориентацией» (Акишев 1984: 24).

Можно предположить, что если круговое или циклическое расположение однотипных фигур подразумевает определённую форму движения (включая его остановку в какой-то момент), то жертвенная поза оленя или сцена терзания его хищником, развернувшаяся вокруг оси (стержня) — тоже выхваченный момент или остановленное мгновение экспрессивной сцены. «Застывшее движение» и «стремительный покой» — это два необходимых условия существования одного семантического ряда. Сцены с изображениями/фигурами оленей связаны с идеей жертвоприношения при проведении обрядов (Савинов 2020а: 168, 177).

Нельзя не согласиться с тем, что форма фигуры скифского оленя и место его расположения взаимосвязаны и неслучайны, а поза оленя связана с ролью и статусом предметов, на которых он изображён.

Н.Ю. Смирнов выделяет два типа идеальной кинетики, маркируемых образом оленя: динамический и статический. Круговым ярусным движением представлен динамический тип идеальной кинетики — оно означает горизонтальное и вертикальное овладение пространством или его преодоление. Статический тип — покой «*in situ*» — указывает на принадлежность пространства (Смирнов 2020: 112—113).

Вероятно, можно говорить об организации сакрального пространства посредством развёртывания сцены с терзанием оленя и с уже умерщвлённым животным. В целом можно проследить трансформацию формы выражения основной идеи, передаваемой образом оленя в той или иной позиции, помещаемого на разных изделиях, при организации сакрализованного пространства, важна система расположения изображений животных, которая придерживается определённых принципов.

Формы выражения основной идеи, передаваемой сценой терзания, их изобразительное воплощение меняется на протяжении тысячелетия. В этом ключе актуально замечание Д.Г. Савинова о том, что «ранее появившиеся и проявившие себя в определённом смысловом, мифологическом (знаковом) значении образы впоследствии не исчезают», а продолжают существовать в ином качестве (Савинов 2020б: 48).

Вероятно, идея, изначально воплощённая в таких элементах древней культуры, как оленные камни, нашла своё новое выражение в курильницах, жезлах, шпильках, которые несут определённую информацию о его хозяйке. Очевидно, женщина в раннекочевническом обществе выполняла определённые, разные ритуальные функции, в том числе с целью умилостивить духов предков. Причёски и головные уборы ярко свидетельствуют об этом. В том числе и шпилька из г. Алматы (могильник Таугуль), которая, вероятно, представляла собой элемент причёски или головного убора, имеющего традиционно вертикально, вверх устремлённое сооружение.

О технологии изготовления шпильки (заколки). Нельзя говорить о шпильке только в художественном аспекте. Важным культурологическим элементом является технология изготовления изделия. По результатам исследования, проведенного одним из авторов в лаборатории Института металлургии и обогащения (г. Алматы), шпилька состоит из железного стержня и оболочки, представляющей сплав золота с серебром и медью (рис. 4—8; табл. 1—3)[6]. Оболочка шпильки изготовлена из одного слоя фольги из сплава Au-Ag-Cu толщиной 24—41 мкм. Стыки выполнены с перекрытием на 3—4 мм. В местах стыков толщина оболочки достигает ~270 мкм. Место соединения не разъёмное и имеет ярко выраженные свидетельства сварки. Это позволяет заключить, что скрепление полос фольги происходило посредством перегиба с получением своеобразного замка́, предотвращающего разделение оболочки. В последующем изделие подвергалось термической обработке, что приводило к сварке в месте соединения фольги.

Декор (рисунок) на поверхности фольги имеет глубокий (до 1,2 мм) рельеф. Он хорошо проработан с размером наименьших деталей ~0,26 мм и наиболее крупных канавок ~2,8 мм. Это указывает на применение большого перечня всевозможного инструмента для формирования такого рельефа. На лицевой и оборотной поверхности фольги не выявлено следов повреждения от воздействия ударного инструмента. Вдоль канавок видны продольные микроцарапины, это указывает на то, что был использован метод объёмной чеканки, тиснения. Очевидно, что инструменты и подложка (стержень) были изготовлены из материалов, более мягких, чем золото. К тому же для формирования столь глубокого рельефа материал подложки должен быть достаточно пластичным. Железный стержень характеризуется существенно более высокой твердостью и более низкой пластичностью.

Поверхность железного стержня подвержена коррозионному разрушению, вследствие чего в нём возникли трещины, ориентированные в различных направлениях. Это объясняется увеличением объёма при образовании продуктов коррозии. Анализ структуры поверхности железного стержня указывает на то, что он получен кричным способом. При этом не подвергался существенной пластической деформации. Рельеф на поверхности стержня менее детальный в сравнении с рельефом оболочки.

При исследовании оболочки выявлена прослойка железа, запечатанная между слоями фольги в местах соединения (рис. 7: г). Наличие железной прослойки в месте стыка позволяет уверенно заключить, что железный стержень был получен после создания оболочки. То есть тонко растёртая шихта для получения железа засыпалась в золотую оболочку, уплотнялась и подвергалась нагреву. В результате внутри оболочки железо восстанавливалось до металлического состояния и тем самым придавало прочность шпильке. Поскольку на внутренней поверхности фольги выявлены точечные следы повреждения и включения крицы (рис. 6: в), то это может свидетельствовать о том, что на финальном этапе мастер подвергал шпильку несущественной доработке. О совместном нагреве золотой оболочки и железного стержня также свидетельствует то, что в составе железа выявлены золото и медь (табл. 1). При этом состав оболочки в месте контакта с железным стержнем изменился не существенно. Анализ диаграмм состояния систем Au-Fe, Cu-Fe и Ag-Fe позволяют заключить, что термическая обработка шпильки проводилась ориентировочно при 700—800°С.

Навершие шпильки представляет собой пустотелую оболочку с фрагментом железного стержня в основании. Состав оболочки указывает на то, что она изготовлена из сплава золота с серебром, медью и железом. По содержанию железа и меди состав оболочки навершия отличается от состава золотой оболочки стержня. Полость навершия частично заполнена порошком бежевого цвета, содержащим неорганические частицы и фрагменты насекомых. Элементный состав порошка приведен в табл. 3, фазовый состав в табл. 4. Эти результаты

[6] Измерения по составу металла выполнены ведущим инженером Ш. Саулебеккызы.

указывают, что порошок преимущественно содержит кварц, кальцит, альбит и микроклин. Такие минералы содержат граниты. Вероятно, внутрь оболочки они были занесены насекомыми.

Таким образом, основываясь на полученных результатах исследований, можно сфомулировать наиболее вероятную технологию получения стержня с навершием. На первом этапе мастер создавал рельефный рисунок на поверхности стержня и сферы, например из воска. После чего, поверх стержня и сферы он формировал оболочку из золотой фольги. Посредством придавливания мягким материалом поверхности фольги он проявлял рельефный рисунок. Вслед за этим, с использованием деревянного инструмента, он завершал формирование глубокого рельефа и наносил тонкие детали. Далее он соединял оболочки. Выплавив воск, заполнял оболочку шихтой из железной руды и восстановителя или только тонким порошком железной руды, возможно, с добавлением пластификатора для более хорошего уплотнения. После этого он подвергал их длительному нагреву при 700—800°С в восстановительной среде, которую формировал раскаленный уголь. Это вызывало восстановление железа до металлического состояния и диффузионную сварку фольги в местах ее соединения.

Таблица 1. **Могильник Таугуль-3, курган № 2. Состав образца «Шпилька» по данным рентгенофлуоресцентного анализа**

№ пп	Место измерения	Au, %	Ag, %	Fe, %	Cu, %	Pb, %	In, %	Ni, %	Sn, %	Ti, %
1	Золотая оболочка, лицевая поверхность	89.273	7.693	0.212	2.747	-	-	-	0.074	-
2	Золотая оболочка, внутренняя поверхность	89.574	8.853	0.362	1.124	-	-	-	0.088	-
3	Железный стержень	2.701	-	87.092	0.232	-	-	-	-	0.049

Таблица 2. **Могильник Таугуль-3, курган № 2. Состав образца «Навершие» по данным рентгенофлуоресцентного анализа**

№ пп	Место измерения	Au, %	Ag, %	Fe, %	Cu, %	Ni, %	Sn, %	Ti, %
1	Золотая фольга лицевая поверхность	86.974	7.329	1.131	4.061	0.101	0.085	0.144

Таблица 3. **Могильник Таугуль-3, курган № 2. Элементный состав порошка из образца «Навершие» по данным рентгенофлуоресцентного анализа**

№ пп	SiO_2, мас.%	Al_2O_3, мас.%	MgO, мас.%	Au, %	Ag, %	Остальное
1	75,385	13,517	4,038	0.185	0.048	Fe, Ca, Cu

Таблица 4. **Могильник Таугуль-3, курган № 2. Фазовый состав порошка из образца «Навершие» по данным рентгенофазового анализа**

Номер карточки	Название	Формула	Содержание
PDF 00-005-0490	Quartz, low	SiO2	43,0%
PDF 00-005-0586	Calcite, syn	CaCO3	30,6%
PDF 01-070-3752	Albite	(Na0.98Ca0.02)(Al1.02Si2.98O8)	14,0%
PDF 00-001-0705	Microcline	KAlSi3O8	12,5%

Для сравнительного анализа можно привести материалы нескольких публикаций с результатами исследований железных предметов сакского времени, технологии их изготовления.

Так, кинжал из Темирши, датируемый несколько более ранним периодом (Центральный Казахстан, вторая половина VI — первая половина V в. до н.э.) сделан из куска крицы путём ковки при нагреве до температуры 700—750°С. Окончательный кратковременный отжиг происходил при температуре не более 900°С. Операции с оформлением навершия, рукояти и гарды производились на остуженном металле. Рельефный декор оружия производился с использованием режущих и шлифовальных инструментов (зубила, пробойник, каменный резец, абразив). Авторы публикации приходят к выводу, что в изготовлении кинжала проявляется традиция, сформировавшаяся при работе с мягкими цветными металлами.

Известны детали изготовления железного кинжала иссыкского типа из Карагандинской области, найденного в долине реки Нура (VI — первая половина V в. до н.э.). По заключению В.В. Варфоломеева, сначала из кусков крицы были откованы три части кинжала: клинок с рукоятью, гарда и навершие в виде противопоставленных голов грифонов. Затем в разогретом состоянии проводилась сборка кинжала (Бейсенов и др. 2023: 261, 264).

Фрагменты железного сосуда из кургана № 2 могильник Кызылжартас (Карагандинская обл., вторая половина IV — III в. до н.э.), исследованные металлографическим методом, показали, что сосуд изготовлен из железного листа толщиной 0,8—1 мм, полученного из кричного железа методом многократной горячей (при температуре выше 1000°С) и холодной ковки. Орнамент в виде полосы жёлтого цвета выполнен пигментом, полученным из минерала бурый железняк (лимонит) путём его истирания (Бейсенов, Паничкин 2025).

В раннесакских изделиях тасмолинской культуры установлено использование тонких золотых нитей и чеканки. Золотая лента была наложена на предварительно подготовленные железные пряжки и закреплена легкими ударами молотка. Кинжал из Иссыка, синхронный изделию из могильника Таугуль и относящийся к той же культуре саков Жетысу, демонстрирует другой способ декорирования золотом. Оружие железное, навершие обтянуто листовым золотом, рукоять обвита крученой двужильной золотой проволокой, перекрестие украшено мелкими разнофигурными золотыми пластинками. Узкие золотые пластинки с изображениями животных вдоль клинка крепились с помощью мелкозубчатых выступов, расположенных по краям пластин. Изображения животных выполнены штампом и тиснением, головы грифонов на навершии — в технике круглой скульптуры. Крупы и лопатки животных подчеркнуты вставками из цветного камня (Акишев 1978: 25).

Таким образом, основные технологические приёмы в изготовлении схожи: ковка, штамп и тиснение. Остаётся вопрос: подвергались ли термической обработке совместно пластины и клинок кинжала, как это установлено для стержня и фольги заколки из могильника Таугуль?

Кинжал из кургана Иссык относится к так называемым «грифовым» кинжалам, распространившимся не ранее середины VI в. до н.э. Поздние экземпляры V—IV вв. до н.э. представлены парадными формами Волго-Уральского, Семиреченского и Южносибирского регионов (Топал 2024: 143). Наверное, не только декор, но и способ крепления пластинок на клинок кинжала могут служить косвенным подтверждением предположения о парадном характере этого экземпляра.

Вывод

Таким образом, изображения на шпильке сочетают два принципа построения композиции: сцена терзания — вдоль стержня, по вертикали; олень — в поперечной проекции, воспроизводя положения животного, свернувшегося вокруг центральной оси. Взаимодополняя друг друга, обе части создают цельную композицию, воспроизводя тему «благого терзания», концепцию Мирового древа, мировой оси, структурировавшей пространство. Возможности современной науки позволяют извлекать информацию на стыке с различными естественнонаучными дисциплинами, проливающими свет на вопросы создания выдающихся шедевров раннего железного века Центральной Азии.

Литература

Азбелев П.П. 2017. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний. *Искусство и художественная культура Древнего мира* 7, 51—60.

Акишев А.К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Акишев К.А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или.* Алма-Ата: АН КазССР.

Алтынбеков К. 2018. *Уржарская жрица: история возрождения уникальной находки*. Алматы: Остров Крым.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. 2005. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы). *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (22), 48—59.

Бейсенов А.З., Паничкин А.В. 2025. Металлографический анализ фрагмента железного сосуда из познесакского кургана в могильнике Кызылжартас, Центральный Казахстан. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2 (69), 84—93.

Бейсенов и др. 2023: Бейсенов А.З., Паничкин А.В., Горащук И.В., Шашенов Д.Т. 2023. Кинжал иссыкского типа из Темирши, Центральный Казахстан: результаты металлографического, химического и трасологического анализов. *Stratum plus* 3, 255—266.

Джумабекова и др. 2024: Джумабекова Г.С., Амиров Е.Ш., Алтынбеков К., Алтынбекова Э.К., Жанузак Р.Ж., Чильдебаева А.Е., Базарбаева Г.А. 2024. Letum non omnia finit (об одном шедевре школы торевтов саков Жетысу*). МАИАСП* 16, 125—158.

Золотые олени Евразии. 2003. Санкт-Петербург: Славия.

Кубарев В.Д. 1987. *Курганы Уландрыка*. Новосибирск: Наука.

Кубарев В.Д. 1991. *Курганы Юстыда*. Новосибирск: Наука.

Максимова А.Г. 1959. Усуньские курганы левобережья реки Или. *Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии* 1 (9), 79—95.

Полосьмак Н.В. 2001. *Всадники Укока.* Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. 2005. *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н.э.).* Новосибирск: Инфолио.

Попудняк и др. 2011: Попудняк Ю.Я., Ульченко Т.В., Щербак А.С. Наближені розгортки сфери. *Наука и прогресс транспорта. Вестник Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта* 38, 162—164.

Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское вре*мя. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1962. *Сибирская коллекция Петра I*. САИ Д3-9. Москва; Ленинград: АН СССР.

Савинов Д.Г. 1994. *Оленные камни в культуре кочевников Евразии.* Санкт-Петербург: СПбГУ.

Савинов 2020а: Савинов Д.Г. 2020. О композиционной и семантической вариативности передачи движения/ряда в искусстве звериного стиля. В: Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов (отв. ред.). *ДИАЛОГ 2017—2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис*: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2017 г.; Москва, 6—7 декабря 2018 г.). Сборник научных статей. Москва: ИА РАН, 167—178.

Савинов 2020б: Савинов Д.Г. 2020. Иерархия копытных в искусстве саяно-алтайского звериного стиля. В: Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов (отв. ред.). *ДИАЛОГ 2017—2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис*: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2017 г.; Москва, 6—7 декабря 2018 г.). Сборник научных статей. Москва: ИА РАН, 32—51.

Самашев З. 2011. *Берел.* Алматы: Издательский дом «Таймас».

Смирнов Н.Ю. 2020. Бежит — лежит, идет — стоит, летит… и тает в небесах: кинетические оппозиции скифского оленя с точки зрения предшествующей традиции и постбытия образа. В: Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов (отв. ред.). *ДИАЛОГ 2017—2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис:* Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2017 г.; Москва, 6—7 декабря 2018 г.). Сборник научных статей. Москва: ИА РАН, 110—114.

Топал Д.А. 2024. *Грифовые кинжалы типа Иссык и акинаки востока Евразии*. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола.

Шульга П.И. 2003. *Могильник скифского времени Локоть-4а*. Барнаул: Алтайский университет.
Чугунов и др. 2017: Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. 2021. Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы. *Народы и религии Евразии* 2 (27), 23—39.
Penfold A.E. *Tennis ball and the like*. Patent № 1865481, USA, patented 05.07.1932.
Sissler L. 2011. *Advanced Modelling and Design of a Tennis Ball*: PhD Thesis. Loughborough: Loughborough University.

References

Azbelev, P.P. 2017. In *Iskusstvo i hudozhestvennaya kultura Drevnego mira (Art and artistic culture of the Ancient World)* 7, 51—60 (in Russian).
Akishev, A.K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (The art and mythology of the Sakas).* Alma-Ata: Nauka (in Russian).
Akishev, K.A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (The Issyk Kurgan. The art of the Sakas of Kazakhstan).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).
Akishev, K.A., Kushaev, G.A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny reki Ili (The ancient culture of the Sakas and Usuns of the Ili River Valley).* Alma Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences (in Russian).
Altynbekov, K. 2018. *Urjarskaya zhritsa: istoriya vozrozhdeniya unikalnoy nahodki (The Urjar Priestess: the story of the rebirth of a unique find).* Almaty: Ostrov Krym (in Russian).
Barkova, L.L., Pankova, S.V. 2005. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)* 2 (22), 48—59 (in Russian).
Beisenov, A.Z., Panichkin, A.V. 2025. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 2 (69), 84—93 (in Russian).
Beisenov et al. 2023: Beisenov, A.Z. Panichkin, A.V., Gorashchuk, I.V., Shashenov, D.T. 2023. In *Stratum plus* 3, 255—266 (in Russian).
Jumabekova et al. 2024: Jumabekova, G.S., Amirov, E.Sh., Altynbekov, K., Altynbekova, E.K., Bazarbayeva, G.A., Childebayeva, A.E. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 125—158 (in Russian).
Zolotye oleni Evrazii (The Golden deer of Eurasia). 2003. Saint Petersburg: Slavia (in Russian).
Kubarev, V.D. 1987. *Kurgany Ulandryka (The kurgans of Ulandryk).* Novosibirsk: Nauka (in Russian).
Kubarev, V.D. 1991. *Kurgany Yustyda (The kurgans of Yustid*). Novosibirsk: Nauka (in Russian).
Maximova, A.G. 1959. In *Izvestiya AN Kazahskoy SSR. Seriya istorii, arheologii i etnografii (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. A series of history, archaeology and ethnography)* 1 (9), 79—95 (in Russian).
Polosmak, N.V. 2001. *Vsadniki Ukoka (The Horsemen of Ukok).* Novosibirsk: INFOLIO-press (in Russian).
Polosmak, N.V., Barkova, L.L. 2005. *Kostyum i tekstil pazyryktsev Altaya (IV—III vv. do n.e.) (Costume and textiles of the Pazyryk people of Altai (4th — 3th centuries BCE)).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).
Popudnyak et al. 2011: Popudnyak, Yu.Ya., Ulchenko, T.V., Shcherbak, A.S. 2011. In *Nauka i progress transporta. Vestnik Dnepropetrovskogo natsionalnogo universiteta zheleznodorozhnogo transporta Science and progress of transport (Bulletin of the Dnepropetrovsk National University of Railway Transport)* 38, 162—164 (in Ukrainian).
Rudenko, S.I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the Altai Mountain population in the Scythian period).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
Rudenko, S.I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of Central Altai in the Scythian period).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
Rudenko, S.I. 1962. *Sibirskaya kollektsiya Petra I* (*The Siberian Collection of Peter I).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
Savinov, D.G. 1994. *Olennye kamni v kulture kochevnikov Evrazii (Deer stones in the culture of Eurasian nomads)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).
Savinov 2020a: Savinov, D.G. 2020. In: Levanova, E.S., Smirnov, N.Y. (eds.). *DIALOG 2017—2018. Dihotomiya iskusstva v arheologii: lokus, obrazy, genezis (DIALOGUE 2017—2018. The dichotomy of art in archaeology: locus, images, genesis).* Moscow: Institute of Archaeology of the RAS, 167—178 (in Russian).

Savinov 2020b: Savinov, D.G. 2020. In: Levanova, E.S., Smirnov, N.Y. (eds.). *DIALOG 2017—2018. Dihotomiya iskusstva v arheologii: lokus, obrazy, genezis (DIALOGUE 2017—2018. The dichotomy of art in archaeology: locus, images, genesis)*. Moscow: Institute of Archaeology of the RAS, 32—51 (in Russian).

Samashev, Z. 2011. *Berel.* Almaty: Taimas (in Russian).

Smirnov, N.Yu. 2020. In: Levanova, E.S., Smirnov, N.Y. (eds.). *DIALOG 2017—2018. Dihotomiya iskusstva v arheologii: lokus, obrazy, genezis (DIALOGUE 2017—2018. The dichotomy of art in archaeology: locus, images, genesis).* Moscow: Institute of Archaeology of the RAS, 110—114 (in Russian).

Topal, D.A. 2024. *Grifovye kinzhaly tipa Issyk i akinaki vostoka Evrazii (Vulture daggers of the Issyk and akinaki type of the East of Eurasia).* Almaty: Begazy-Tasmola Scientific Research Center for History and Archaeology (in Russian).

Shulga, P.I. 2003. *Mogilnik skifskogo vremeni Lokot-4a (Burial ground of the Scythian period Lokot-4a).* Barnaul: Altai University (in Russian).

Chugunov et al. 2017: Chugunov, K.V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (Royal kurgan of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Yarygin, S.A., Ilderyakov, N.N. 2021. In *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)* 2 (27), 23—39 (in Russian).

Penfold, A.E. 1932. *Tennis ball and the like*. Patent № 1865481, USA, patented 05.07.1932. (in English).

Sissler, L. 2011. *Advanced Modelling and Design of a Tennis Ball:* PhD Thesis. Loughborough: Loughborough University.

Рис. 1. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Навершие. Фото А.В. Паничкина.

Fig. 1. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Finial. Photo by A. Panichkin.

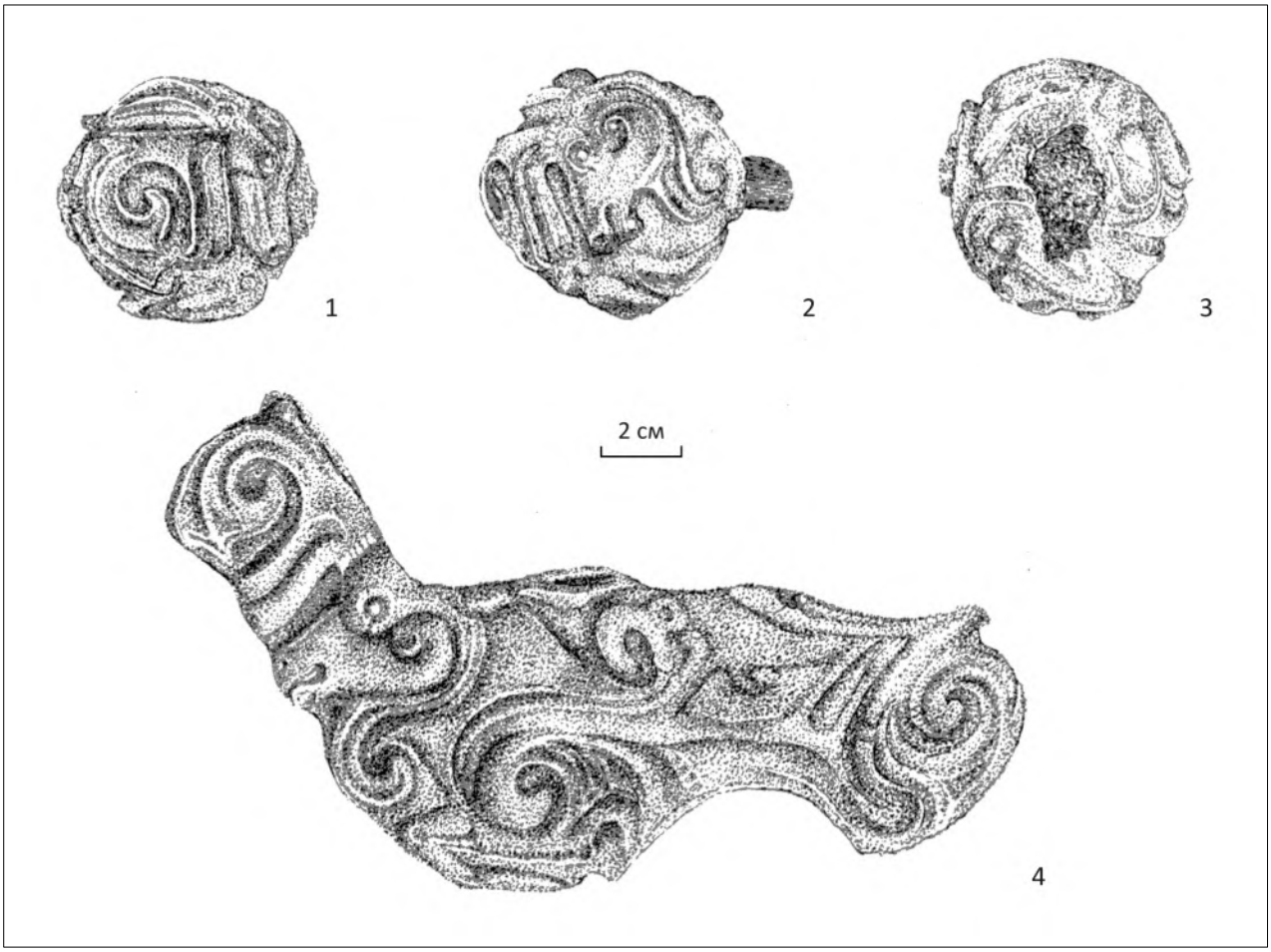


Рис. 2. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Навершие. Художник М.А. Казикеев.

Fig. 2. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Finial. Drawing by M. Kazikeyev.

Рис. 3. Силиконовая матрица, восковая копия навершия и восковой оттиск рисунка навершия шпильки. Фото Э.К. Алтынбековой.

Fig. 3. Silicone mould, wax cast of the finial, and wax impression of the pin finial design. Photo by E. Altynbekova.

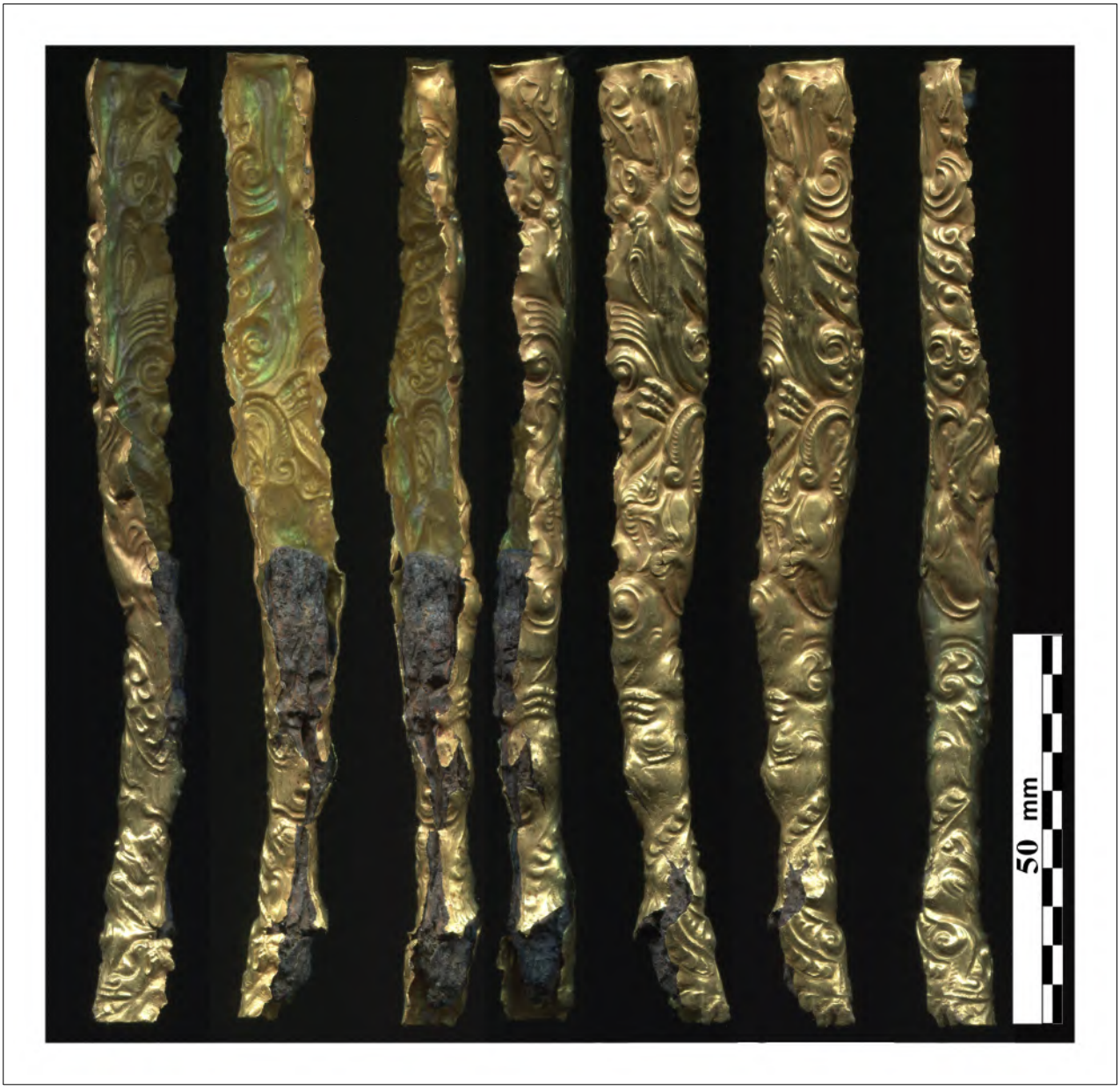


Рис. 4. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Шпилька. Фото А.В. Паничкина.

Fig. 4. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Pin. Photo by A. Panichkin.

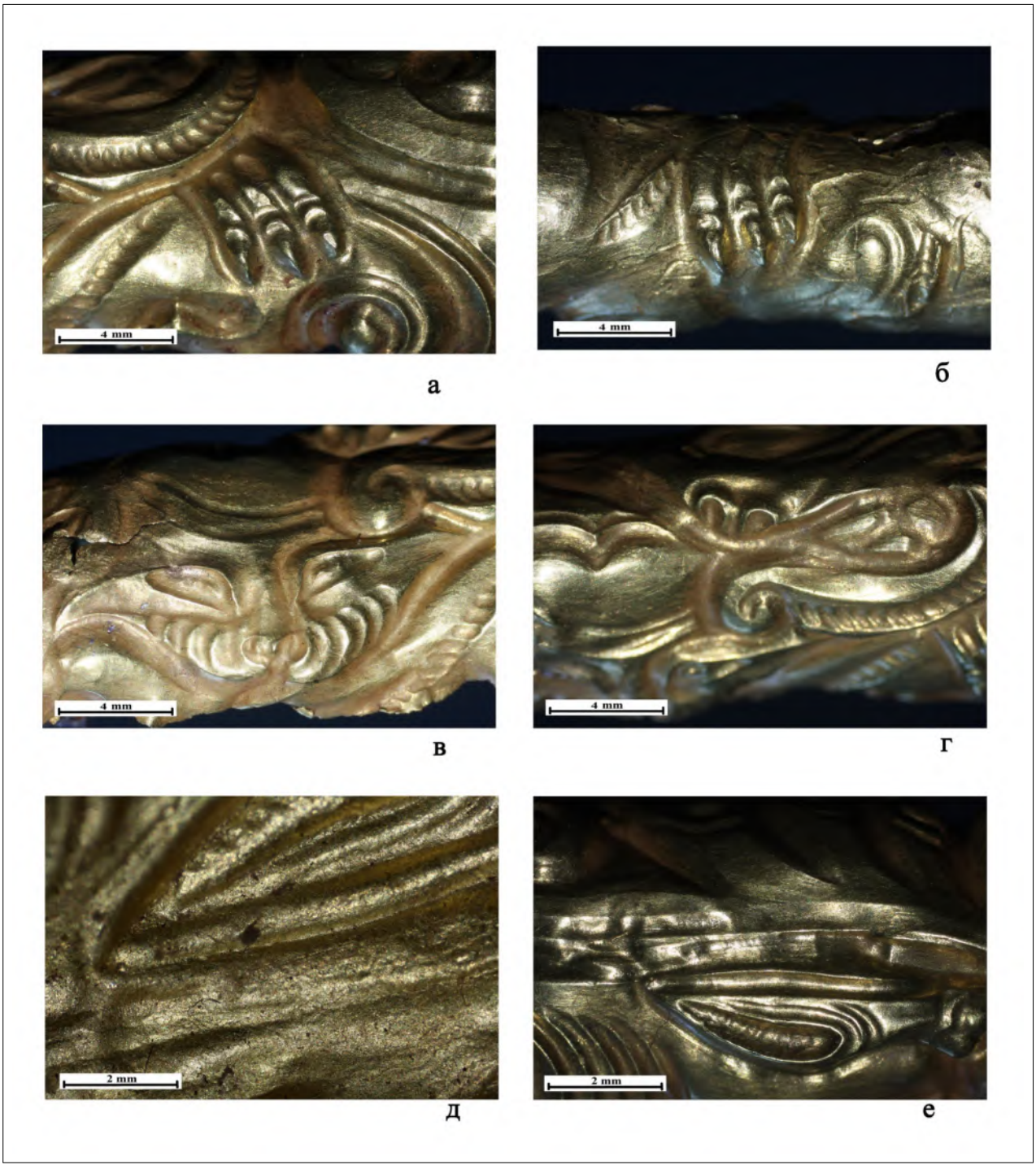


Рис. 5. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Рельеф лицевой поверхности золотой фольги образца «Шпилька» (а—г — x10; д, е —x25). Фото А.В. Паничкина.

Fig. 5. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Relief of the obverse surface of the gold-foil covering specimen "Pin" (а—г — x10; д, е —x25). Photo by A. Panichkin.

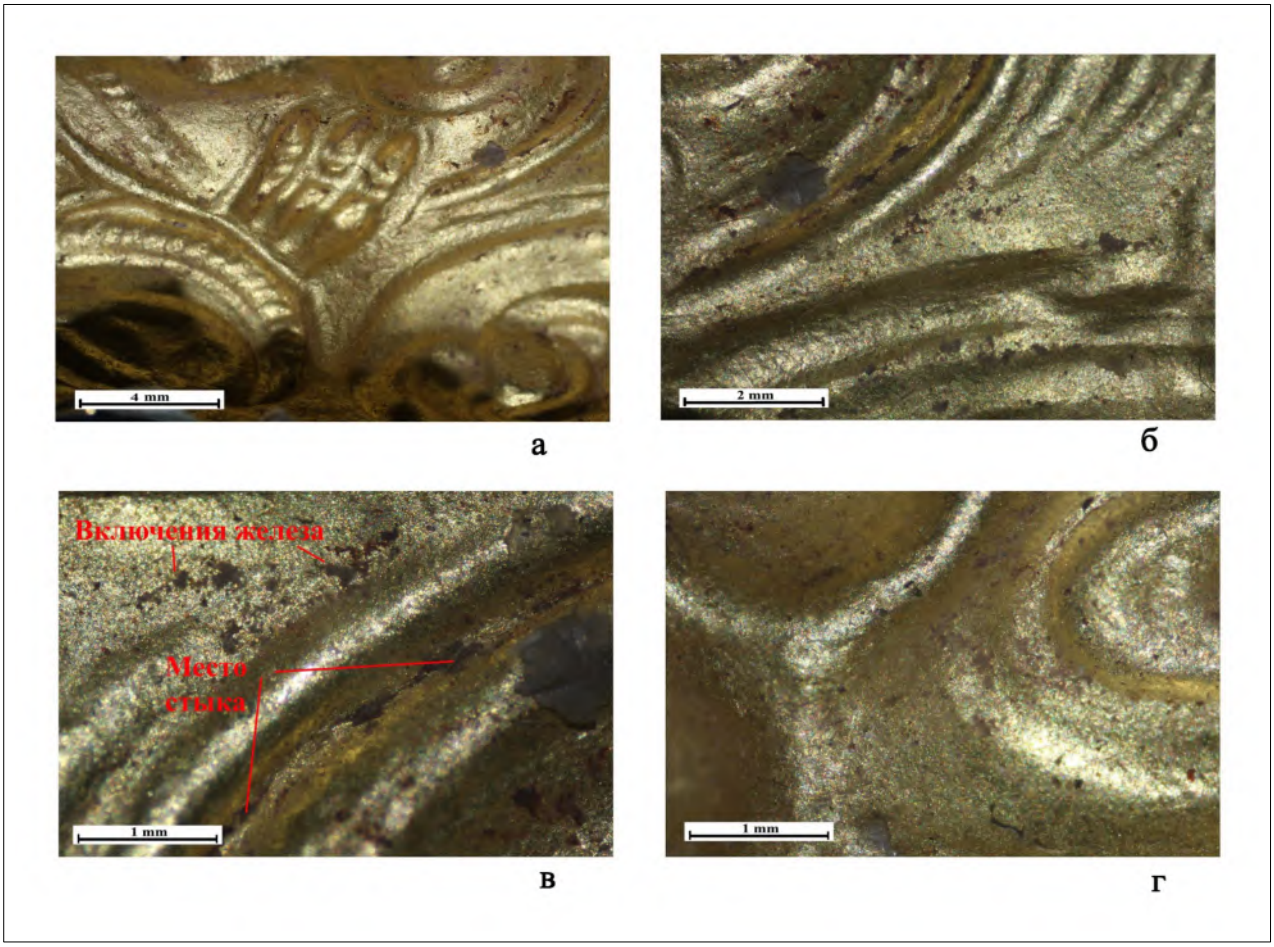


Рис. 6. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Рельеф обратной поверхности образца «Шпилька» (а — х10; б — х25; в, г — х50). Фото А.В. Паничкина.

Fig. 6. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Relief of the reverse surface of the gold-foil covering specimen “Pin” (а — х10; б — х25; в, г — х50). Photo by A. Panichkin.

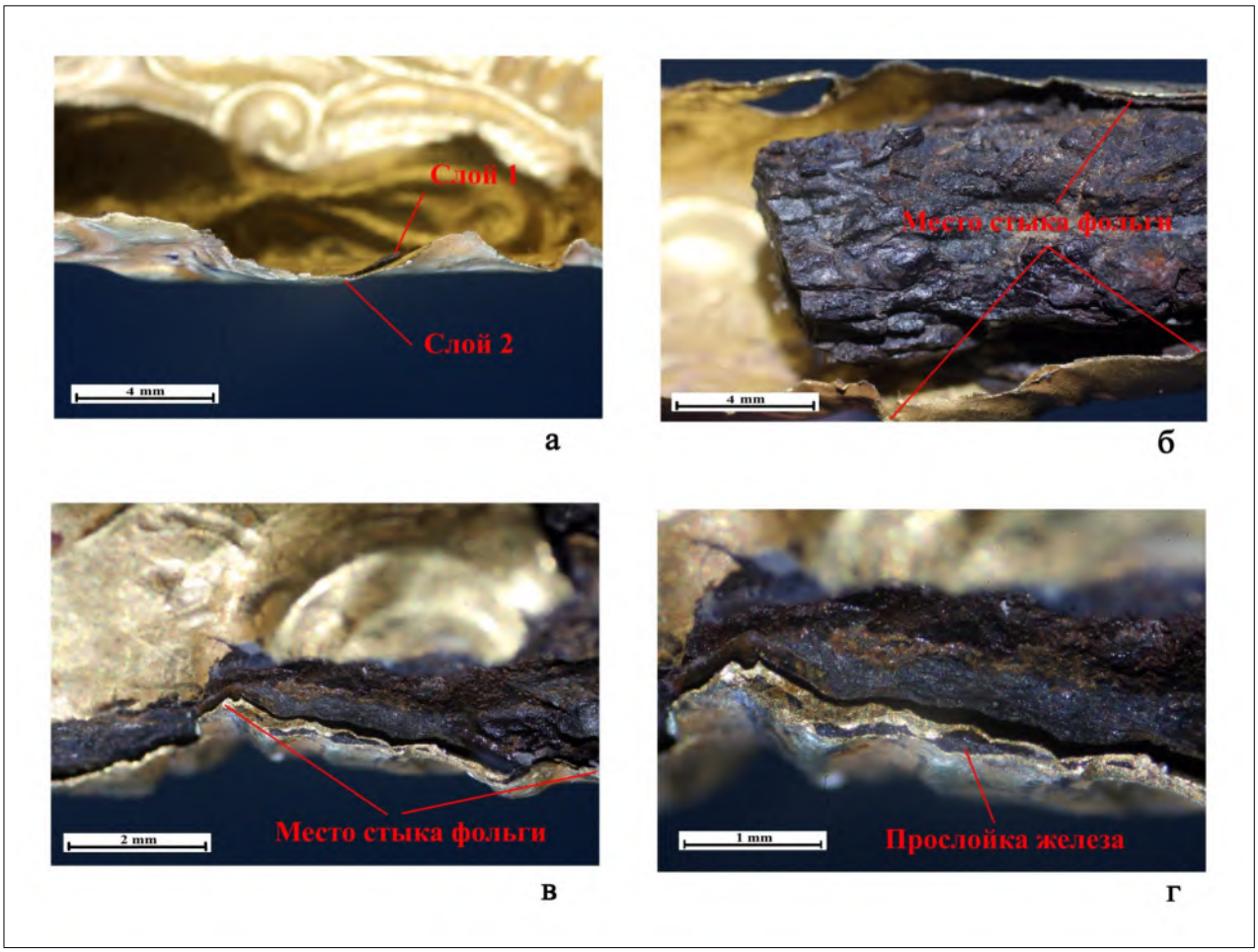


Рис. 7. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Места стыка полос золотой фольги (образец «Шпилька»; а, б — х10; в — х25; г — х50). Фото А.В. Паничкина.

Fig. 7. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Joints of the gold-foil strips (specimen “Pin”; а, б — х10; в — х25; г — х50). Photo by A. Panichkin.

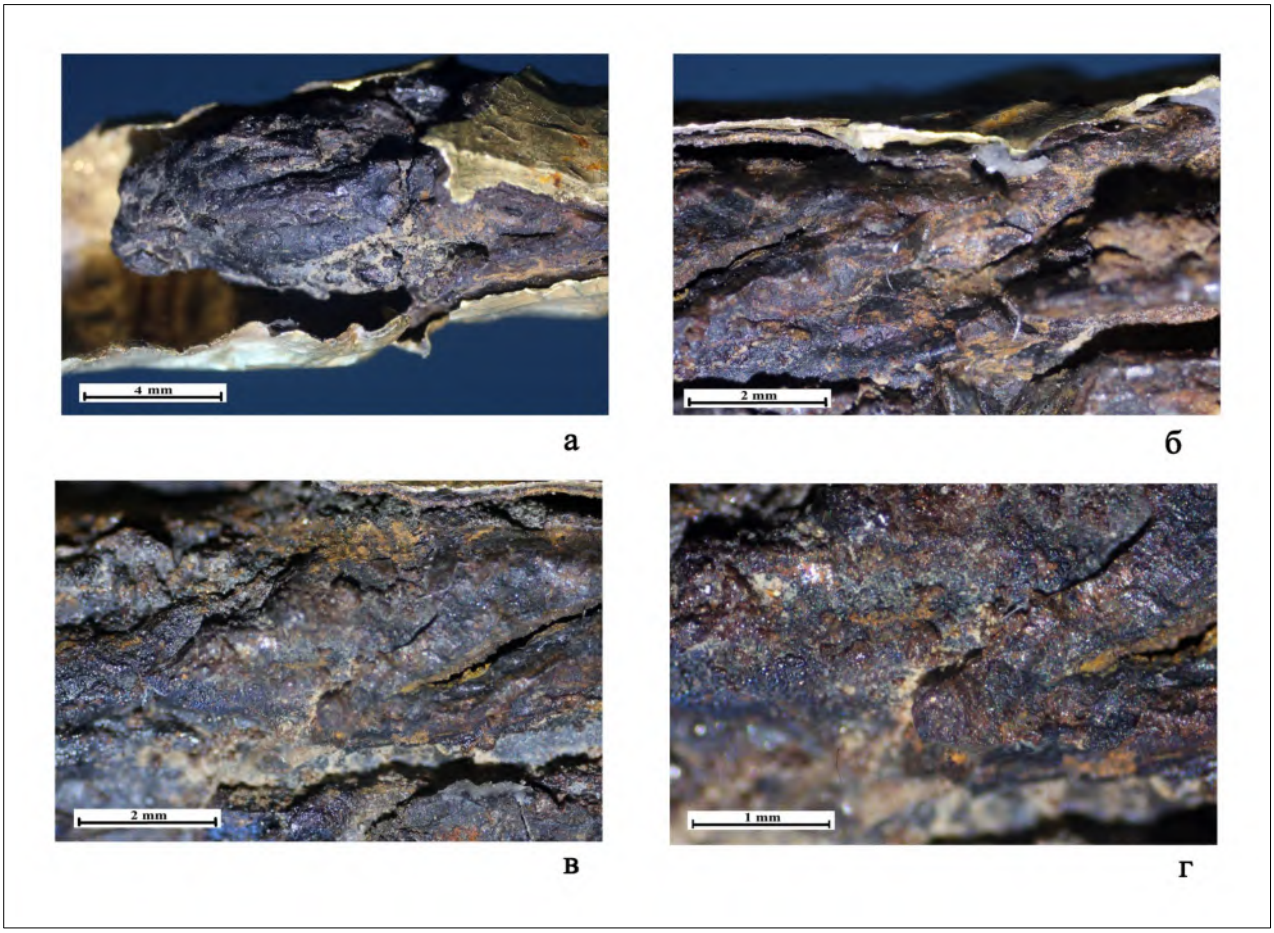


Рис. 8. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Макроструктура поверхности железного стержня (образец «Шпилька»; а — х10; б, в — х25; г — х50). Фото А.В. Паничкина.

Fig. 8. Taugul-3 burial ground, Kurgan 2. Macrostructure of the iron shaft surface (specimen “Pin”; а — х10; б, в — х25; г — х50). Photo by A. Panichkin.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.64.32.006

Ю.А. Прокопенко, Р.Р. Рудницкий

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО УБРАНСТВА V—IV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III В. ДО Н.Э. ИЗ СЛОЕВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРОДИЩА У ГОРЫ КАЛЕЖ (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)*

Статья посвящена описанию 44 бронзовых предметов конского убранства: 2 конских пластинчатых налобников, 3 фигурных наносников/налобников, нащечника и двух блях (оформленных в зверином стиле), 5 различных псалий, 26 уздечных блях и др. обнаруженных на территории городища Калеж. На основании типологического анализа и сравнения их с подобными изображениями из различных районов распространения звериного стиля, выделяются две хронологические группы изделий. К V — первой половине IV в. до н.э. относятся: бляшка в виде головы хищника с примыкающей головой птицы; голова короткомордого хищника; Г-образный псалий с округлой лопастью; Г-образный псалий с загнутым стержнем, завершающимся копытом; предположительно, фрагмент псалия с флажковидным завершением стержня; налобник (№ 1). Второй половиной IV — началом — первой половиной III в. до н.э. датируются: налобник (№ 2); три наносника/налобника; нащечник с изображением козла. Котелковидные и округлые уздечные бляхи могут иметь отношение к обоим хронологическим горизонтам. Отдельные аналогии изображениям из Калежского городища фиксируются в зверином стиле Среднего Подонья, Нижнего Побужья и Южного Приуралья. Однако, параллели (в отдельных случаях — прототипы) фактически всех без исключения калежских образов представлены в прикубанском варианте звериного стиля.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, конское убранство, пластинчатые налобники, нащечники, псалии, уздечные бляхи, зооморфное изображение, скифский звериный стиль.

Сведения об авторах: Прокопенко Юрий Анатольевич[1], доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет; Рудницкий Роман Романович[2], кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: [1]355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail: z_proko_15@mail.ru; [2]357411, Ставропольский край, г. Железноводск, ул. Лермонтова, д. 2; e-mail: rudnizky2010@yandex.ru.

Yu.A. Prokopenko, R.R. Rudnitsky

EQUESTRIAN ITEMS OF THE 5th — 4th — FIRST HALF OF THE 3rd CENTURY BCE FROM THE LAYERS OF THE EARLY IRON AGE OF THE SETTLEMENT NEAR MOUNT KALEZH (KABARDINO-BALKAR REPUBLIC)

The article is devoted to the description of 44 bronze items of equestrian decoration: 2 horse plate scrapers, 3 figured scrapers/scrapers, a cheek and two plaques (decorated in animal style), 5 different psalms, 26 bridles and others found on the territory of the Kalezh settlement. Based on typological analysis and comparison of them with similar images from various areas of animal style distribution, two chronological groups of products are distinguished. To the 5th — first half of the 4th century BCE include: plaque in the form of a predator's head with an adjacent bird's head; the head of a short-faced predator; L-shaped psalium with a rounded lobe; L-shaped psalm with a bent rod ending with a hoof; presumably, a fragment of a psalia with a flag-shaped completion of the rod; foreman (No. 1). The second half of the 4th — the beginning or the first half of the 3rd century BCE date: forehead (No. 2); three scoops/scrapers; a cheek piece depicting a goat. Bowler-shaped and rounded bridle plaques may be related to both chronological horizons. Separate analogies to the images from

* Статья поступила в номер 22 июля 2024 г.
Принята к печати 16 августа 2024 г.

© Ю.А. Прокопенко, Р.Р. Рудницкий, 2025.

the Kalezhsky settlement are recorded in the animal style of the Middle Podonye, Lower Pobuzhye and Southern Urals. However, parallels (in some cases — prototypes) of virtually all Kalezh images without exception are presented in the Kuban version of the animal style.

Key words: Central Ciscaucasia, equestrian decoration, lamellar foreheads, cheeks, psalms, bridled plaques, zoomorphic image, Scythian animal style.

About the authors: Prokopenko Yuri Anatolyevich[1], Doctor of Historical Sciences, North Caucasus Federal University; Rudnitsky Roman Romanovich[2], Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher.

Contact information: [1]355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North Caucasus Federal University, e-mail: z_proko_15@mail.ru; [2]357411, Russia, Stavropol Territory, Zheleznovodsk, 2 Lermontova St. e-mail: rudnizky2010@yandex.ru.

Введение. В 2011 г. местные жители сообщили издателю и журналисту В. Котлярову (г. Нальчик), что почти в течение трех лет из верхнего культурного слоя поселения с территории городища у горы Калеж, на правом берегу р. Малки (в 500 м от въезда в сел. Каменномостское — Кабардино-Балкарская Республика — карта 1, фото 1) было извлечено большое количество артефактов. В. Котлярову удалось получить ряд фотографий обнаруженных предметов. В основном это были изделия раннесредневековой христианской мелкой пластики (найденные раннесредневековые вещи были опубликованы (Малахов, Рудницкий 2012: 119—139). Здесь же — на территории городища была найдена фибула — брошь римского времени с плоским щитком в форме подошвы обуви сандалия, декорированного эмалью, с шарниром из двух стоек — Schuhsohlenfibeln (Прокопенко 2022: 146, рис. 1: 6), а также более сорока бронзовых предметов конского убранства V—IV вв. до н.э.

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на выделении и исследовании типов конских пластинчатых и фигурных налобников и уздечных блях. Сравнительный анализ особенностей изображений звериного стиля, найденных на территории городища Калеж, и подобных, обнаруженных на территории Прикубанья, Среднего Подонья, Южного Приуралья и др., позволяет локализовать ареал их распространения и определить хронологию их использования в V—III вв. до н.э. Также использовался семиотический метод, позволяющий воспринимать каждый элемент изобразительного ансамбля как интегральное составляющее некоего целого («текста» изображения), обусловившего определенную структуру данного ансамбля артефактов с изобразительным рядом. В соответствии с методикой структурно-семиотического исследования этапами реконструкции являются определение прагматики и синтактики (выяснение назначения артефактов с изображениями и характера их связи между собой внутри комплекса, т.е. определение внутренней структуры изобразительного текста), а затем интерпретация семантики образов и выяснение их прототипов и аналогий в различных вариантах скифского звериного стиля.

Анализ. Всего на территории городища Калеж было обнаружено 44 предмета. В их числе — налобники, наносники (?), псалии и уздечные бляхи:

1. Налобник пластинчатый — бронза (литье) (рис. 2: 1). Пластина узкая — вытянутая подпрямоугольной формы со слегка зауженной центральной частью. Верхняя часть налобника имеет два треугольных выреза, за счет чего ее край завершается тремя зубцами. Выступающий углом нижний край пластины имеет небольшую утрату. Центральная часть пластины — ближе к нижнему краю декорирована симметрично расположенными треугольными выступами (левый из них с фрагментом края утерян), видимо, рудиментами углов ромбических налобников V в. до н.э. Размеры: Дл — 14,2 см; наибольшая Ш — 4,1 см.

Имеет определенное сходство с отмеченным по форме экземпляр из кургана 1 могильника Бамут гр. II второй половины V в. до н.э. (Притеречье). Однако, он отличается меньшей зауженностью центральной части, что позволяет его отнести к более ранним ромбическим

пластинам — типу 1, по Ю.А. Прокопенко (2014а: 260; 2014б: рис. 127: 1). Более близок к калежскому налобник из кургана 1 могильника Филипповка 1 (Южное Приуралье). Он также имеет подрямоугольную форму, зауженность центральной части и шиповидные подтреугольные выступы чуть ниже середины (Золото 2023: 176, рис. 379). А.Х. Пшеничнюк датировал этот могильник в целом IV в. до н.э., отметив, что большинство погребений может быть отнесено к началу столетия (Пшеничнюк 2012: 88).

2. Налобник пластинчатый — бронза (литье) (рис. 1: 7). Ритуально согнутая вытянутая пластина имеет подтреугольную форму с усеченной вершиной (узкая трапеция). Близко к нижнему краю расположены симметрично расположенные округлые выступы. Размеры: Дл — 25,1 см; наибольшая Ш — 7,8 см; наименьшая Ш — 3,3 см. Пластина крепилась к налобному и наносному ремням посредством отверстий у верхнего края и незначительно выше нижнего края.

Лицевая поверхность украшена рельефным и гравированным декором (рис. 1: 7). Верхнюю часть налобника занимает редуцированное профильное (геральдическое) изображение двух голов хищной птицы с шеями, как бы вырастающими из, выполненной техникой чеканки, выпуклой окружности (условная трактовка туловища?). К ее нижней части примыкают, симметрично расположенные, выпуклые фигуры каплевидной формы (имитация ног?) и, между ними, подобный рельеф только более вытянутой формы (видимо, хвост). Окружность и примыкающие каплевидные рельефы оконтурены гравированными линиями. Головы птиц расположены перпендикулярно шеям, шеи слабо изогнуты вперед. Клювы мощные, загнуты под 90°. Верхняя часть голов оформлена в виде полосы, заштрихованной пятью — шестью поперечными линиями (перья?). Глаз округлый, преувеличенный, вписан в контур головы. Зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы. Шеи мощные, покрыты продольными желобками, которые пересекают поперечные гравированные линии (имитация перьев?).

Композицию дополняют две продольные параллельные линии из полукруглых вдавлений, выбитые по осевой линии налобника от хвоста до района округлых выступов пластины, являющихся окантовкой полусферических выступов (глаза второго не идентифицируемого изображения). Дополняет этот образ продольный рельефный валик (нос?) (образованный ударами по внутренней поверхности пластины), расположенный между зоной глаз и краем налобника (рис. 1: 7).

В связи с этим, следует обратить внимание на два аналогичных налобника — узкие пластины вытянутой подтрапециевидной формы (треугольники с усеченной вершиной), слегка зауженные к нижнему краю (IV в. до н.э.), из могильника 1 Томузловского городища, орнаментированные двумя вариантами декора: чеканными полукружьями по краю; пуансонным орнаментом в виде тройных треугольников в верхней и нижней частях пластины (Прокопенко 2014б: рис. 127: 2, 3; 2021: 469, рис. 1: 1, 2).

Интересно, что подобные орнаментированные узкие налобники в виде вытянутой трапеции с декорированной лицевой частью зафиксированы в памятниках Южного Приуралья (кург. 2, гр. 4 «Богатырские могилки»; кург. 1, гр. 3 «Студеникин Мар»). Также сближает данные налобники с калежским тенденция декорировать и верхнюю, и нижнюю части пластин. Как считают С.В. Сиротин, Д.С. Богачук и К.С. Окороков, указанные налобные пластины, украшенные декором, и другие импортные предметы конского убранства укладываются в диапазон середины IV — начала III в. до н.э. (Сиротин и др. 2024: 161, рис. 1: 1—5).

Само изображение двуглавой птицы на пластине из Калежа имеет прототипы в изображениях на уздечных бляхах раннескифского времени с территории Среднего Поднепровья. В частности, определенное сходство с отмеченной имеет образ двуглавой птицы с шеями, как бы вырастающими из ажурной «киммерийской розетки» — тип 10 «Поповка — Аксютинцы» (третья четверть VII — середина VI в. до н.э.), согласно классификации А.Р. Канторовича (2022а: 260—261). У центральной округлой части розетки фиксируются

незначительные заоваленные выступы. Возможно, калежский вариант второй половины IV в. до н.э. является результатом длительного развития данного типа.

3, 4. Наносник/налобник — протома грифоноподобного существа — бронза (литье) — 2 экз. (рис. 1: 1, 2). Представлены голова, шея, грудная часть и передние ноги. Изображение двусторонне-рельефное, рассчитано преимущественно на боковой обзор, моделировано с использованием сквозных отверстий. Размеры: Дл № 1 — 3,7 см; № 2 — 3,8 см; В № 1 — 4,9 см; № 2 — 5,0 см; набольшая Ш № 1 — 1,4 см; № 2 — 1,35 см.

Животное представлено с дуговидно-изогнутой шеей, почти перпендикулярной груди, голова продолжает изгиб шеи и упирается нижней челюстью в грудь. Глаз моделирован округлой выпуклостью зеницы в округлом углублении с выделенным углом слезницы. Нос и пасть оформлены единой рельефной S-видной полосой («лотосовидный» завиток). Ноздря обозначена углублением. Шея мощная с волнистым гребнем на тыльной стороне (грива?), в одном случае (рис. 2: 2) имеющем выступ-зубец прямоугольной формы — принадлежность грифоньего гребня (Канторович 2022а: 304). Гребень переходит в коронообразный выступ на затылке (расположен перпендикулярно голове), имеющий три зубца. Видимо, два крайних представляют уши, а центральный — продолжение гребня (?).

Грудная часть моделирована овальным кольцом, в которое впаяна протома животного. В передней части кольцо переходит в две сомкнутые передние ноги, согнутые под углом и завершающиеся смыкающимися слегка отогнутыми схематичными лапами. В нижней части овала кольца—груди с незначительным наклоном расположены полукольцевые петли для налобного (наносного?) ремня.

Изображения, подобные калежским, А.Р. Канторовичем включены в тип 4 Дуровско-майкопский — 5 экз., происходящих с территории Среднего Подонья, Крыма и Прикубанья. Датируются они второй половиной IV — первой половиной III в. до н.э. Как считает исследователь данный тип изображений является дериватом и переосмыслением темы «оленекозла», характерной для второй половины IV в. до н.э. (Канторович 2022а: 304; 2022б: 307).

5. Наносник/налобник—крючок — бронза (литье) (рис. 1: *6*). Предмет представляет погрудное изображение птицы неопределенной видовой принадлежности, оформляющее крючкообразный бронзовый наносник/налобник. Размеры: Дл — 6,1 см; наибольшая Ш — 2,8 см; Т — 0,5 — 1,4 см.

Изображение моделировано скульптурно, но в расчете на профильный обзор. Представлена птица с небольшим выступом—клювом. Показаны голова и шея, оформляющие верхнюю часть налобника (крючок) и узкая грудная часть птицы, моделирующая ременную петлю. Шея петлевидная, голова продолжает линию шеи, упирается в грудь. Короткий клюв сомкнут. Шея длинная, тонкая (слегка расширяется перед головой), гладкая, стержневидная, плавно переходит в грудную часть, которая уподоблена шее. Грудная петля переходит в слегка выгнутую стержневидную хвостовую часть, имеющую в середине стержня симметрично расположенные треугольные выступы (рис. 1: 6).

Близкие по форме наносники/налобники А.Р. Канторович отнес к типу 4 Дуровско-карагодеуашхскому — находки на территории Северного Причерноморья, Среднего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья (Канторович 2022а: 276). Дата аналогичного изображения из Дуровки (кург. 1) определяется амфорой (район Книда или Кос) — вторая половина IV — первая половина III в. до н.э. (Пузикова 2001: 184, рис. 11: 6). Подобный наносник/налобник из кургана Карагодеуашх датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н.э.

Следует отметить, что целый ряд сходных изображений зафиксирован в памятниках Центрального Предкавказья. Здесь налобники—крючки появляются в V в. до н.э. (мог. № 2 Татарского городища, погр. 15; Луговой мог., погр. 48/112) (Прокопенко 2014а: 545, рис. 133: 1, 2). Но оформление их в виде птичьей протомы происходит позднее. В одном случае головка птицы напоминает представителя отряда гусеобразных — вторая половина IV — начало III в. до н.э. (?) (могильник № 1 Томузловского городища). Остальные наносники/налобники III — начала II в. до н.э. представляют деградированный вариант образа. Головки птиц превращаются в безликие завитки

(мог. Волчий ручей, скл. № 2; скл. «Каменная могила»; Ханкальское 2-е городище (клад конского снаряжения); «Строгановские курганы», кург. № 1 и др.) (Прокопенко 2014а: рис. 133: 5, 6, 11; Прокопенко, Рудницкий 2022: рис. 16: 13; 2023: рис. 19: 4). В последнем случае в числе находок представлены: монета Лисимаха (прижизненный выпуск) рубежа IV—III вв. до н.э. и украшения середины — второй половины III в. до н.э. (Прокопенко, Рудницкий 2023: 213—214). По мнению А.Р. Канторовича, появление изображений протомы птицы на налобниках произошло в Прикубанье под влиянием образа «оленекозла» в IV в. до н.э. (Канторович 2022а: 276, рис. 1: 3, 5—7; 2020а: 112).

6. Зооморфно оформленная уздечная бляха (нащечник?) — бронза (литье) (рис. 1: 6). Размеры: Дл — 3,3 см; В — 2,9 см.

Представлено изображение козла с подложенными под туловище передними и задними ногами (задние сохранены частично). Ноги размещены внахлест, так что нижняя часть передней ноги лежат на задней, доходя концом копыта до сгиба заплюсны — пятки. Туловище показано параллельно ногам. Шея немного наклонена вперед, морда опущена наискось. Рог (сохранился частично) изначально подковообразно огибал ухо (не сохранилось), видимо, опираясь в холку козла. Рог зарифлен в соответствии с натурой. Морда геометризирована, сведена к преувеличенной глазной и носовой частям. Рот и ноздря обозначены в контуре каплевидными углублениями. Глаз преувеличен. Он округлый, заполняет почти весь контур этой части головы, обозначен выступом зеницы в рельефном кольце глазницы. Морда и грудь соединены перемычкой. Шея короткая, мощная, гладкая. Ее тыльная часть имеет два подтреугольных выступа — рудименты несохранившихся уха и нижней части рога. Туловище — гладкое. Копыто преувеличено рельефное с четко обозначенным рудиментарным пальцем. Хвост отсутствует, возможно, это связано с несохранившейся задней частью туловища. На оборотной поверхности бляхи расположена полукруглая петля.

Бляхи, аналогичные отмеченной, согласно классификации А.Р. Канторовича, относятся к группе I, отделу I, типу 2 — Испановско-уляпскому, датирующемуся серединой V — IV в. до н.э. (Канторович 2020: 172). Известны 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Крыма (предположительно) и Прикубанья (3 экз.). Базовым хроноиндикатором является наиболее близкие изображения (пара нащечников) из кургана 8 (ритуальный комплекс 2) Уляпского могильника, датируемые по объективным показателям третьей — четвертой четвертью IV в. до н.э. (Лесков и др. 2013: 174, рис. 72: 5, 6; Канторович 2022а: 172—173; 2022б: 60, 222, рис. 3).

7. Зооморфно оформленная уздечная бляха — бронза (литье) (рис. 1: 5). Размеры: Дл — 3,8 см; Ш — 2,7 см.

Представлен хищник с мордой средней длины, с тупым мощным носом, без уха. По мнению А.Р. Канторовича, подобный образ может равно считаться волчьим и кошачьим (Канторович 2022а: 73). Пасть приоткрыта, с крупными клыками, замыкающими пасть. Клыки, показаны под углом, моделированы сегментами (нижний стыкуется с верхним). На верхней челюсти выделен еще один зуб подтреугольной формы. Верхняя часть морды и ноздря выделены рельефным валиком. Между ним и верхней губой фиксируется продольная выемка. Глаз образуется округлой выпуклой зеницей, заключенной в округлую глазницу. Шерстяная складка в основании головы трансформирована в голову хищной птицы клювом вверх (она отделена от затылка хищника поперечной выемкой). Глаз оформлен аналогично морде хищника. Нижняя челюсть хищника переходит в шею птицы. На оборотной стороне бляшки в верхней части расположена вытянутая продольная петля для крепления к ремню (рис. 1: 5).

Аналогичные изображения представлены в типе 4 Ольвийском V—IV вв. до н.э. (по А.Р. Канторовичу). Они обнаружены на территории Нижнего Побужья и Прикубанья (например, покупка в Майкопе 1903 г. — бронзовые уздечные бляхи) (Канторович 2022: 73; 2020а: 22, 173—174, рис. 1а; 1б; 3а; 3б).

8. Зооморфно оформленная уздечная бляха — бронза (литье) (рис. 1: 3). Размеры: Дл — 3,0 см; Ш — 2,4 см.

Изображен хищник неопределенной видовой принадлежности. Показана голова на короткой шее. Моделировка — низкий рельеф. Хищник короткомордый, беззубый, с большим округлым концентрическим глазом (выпуклость глазного яблока в обрамлении рельефного контура глазницы), с приоткрытым ртом. Ухо имеет подтреугольную форму с углублением раковины, слегка направленно вперед. Шея подпрямоугольная, имеет рифление по переднему краю, имитирующее шерсть. На оборотной стороне бляшки края соединены аркообразной продольной петлей для крепления к ремню (рис. 1: 3).

А.Р. Канторович подобные изображения (7 экз.), найденные на территории Прикубанья, включил в тип 8 Майкопский, датировав его в рамках V — начала IV в. до н.э. (Канторович 2022а: 74; 2022б: 23, 176, рис. 1; 2). А.М. Лесков отнес их ко второй четверти V в. до н.э. (Leskov: 2008: 28—29).

9, 10. Г-образные псалии в виде округлого в сечении прута с двумя отверстиями в восьмерковидном расширении — бронза (литье) — 2 экз. (рис. 2: 2, 3). Слегка С-видно-выгнутый конец псалиев имеет конусовидное расширение. Противоположный согнут под прямым углом — завершается округлой лопастью. Размеры: Дл — 8,2; 8,4 см; Д лопасти — 4,7; 5,1 см; Д — прута — 0,5 — 0,7 см.

Г-образные псалии Ю.А. Прокопенко отнесены к разделу II, подразделу I, типу II (Прокопенко 2014: 253). Аналогичные бронзовые изделия с ажурными зооморфными (некоторые близки к овалу), трапециевидными, крыловидными, пальметовидными и др. лопастями характерны для памятников Прикубанья и Центрального Предкавказья V — IV вв. до н.э. (ст. Кужорская; мог. Гойты, кург. 4; мог. Орджоникидзевский, кург. 13; Ставропольские (Грушевские) курганы — раскопки П. Федотова 1881 г. и др.) (Шедевры 1987: 98, рис. 23; Прокопенко 2014а: 253; 2014б: рис. 119: 8, 9, 14—16). По округлой форме лопасти (сохранилась частично) наиболее близким к отмеченным из Калежа является псалий из КГИАМЗ им. Г.Д. Фелицына (Керцева (Вольная) 2019: рис. 1: 1).

11. Фрагмент псалия в виде прямого, округлого в сечении прута с двумя отверстиями в восьмерковидном расширении — бронза (литье) (рис. 2: 4). Размеры: сохранившаяся Дл — 4,3 см; Ш — 1,4 см; Д — 0,6 — 0,7 см.

Подобные изделия — одна из наиболее распространенных форм псалиев V—II вв. до н.э. — раздел II, подраздел, тип 1 (Прокопенко 2014а: 252). Однако, бронзовые экземпляры более характерны для V — IV вв. до н.э. (например, мог. Гастон Уота, погр. 19) (Мошинский 2006: 173, рис. 14: 2, 3).

12. Г-образный псалий в виде округлого в сечении прута с двумя отверстиями в восьмерковидном расширении — бронза (литье) (рис. 2: 4). В центральной части предмет деформирован. Прямой конец псалия (Дл — 9,3 см) имеет конусовидное расширение. Противоположный согнут под прямым углом (Дл — 5,2 см) — завершается копытом. Размеры: Дл — 14,5 см; Ш — 1,3 см; Д — прута — 0,5 — 0,6 см.

Изображение на загнутой части представляет пясть с копытом. Пясть прямая, переходит в отогнутое назад под тупым углом копыто, как бы свисающее (по А.Р. Канторовичу — «на цыпочках»). Нога тонкая, стержневидная. Рудиментарный палец отсутствует. Копыто преувеличенное, треугольное, в профиле ограничено уступом.

Восемь подобных изображений составляют тип 5 Елизаветинско-майкопский, согласно классификации А.Р. Канторовича. Все они происходят с территории Прикубанья, из памятников середины V — третьей четверти IV в. до н.э. Хроноиндикаторы — семибратнинские изображения из кургана 4 — третья четверть V в. до н.э.; елизаветинские экземпляры — первая четверть IV в. до н.э. По утверждению исследователя, данный тип является локальным прикубанским продолжением и стилизацией типа 4 Первомайско-аксютинского (V—IV вв. до н.э.) (Канторович 2022: 228, рис. 1—4, 7, 8).

13. Фрагмент стержневидного псалия с флажковидным окончанием — бронза (литье) (рис. 2: 6). Размеры: сохранившаяся Дл — 6,8 см; наибольшая Ш — 1,7 см; Д стержня — 0,5 — 0,6 см.

Находок аналогичных псалиев пока выявлено не много. В отдельных случаях их флажковидные окончания имеют по краю отверстия, в которые вставлены конусовидные подвески. Как считают Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, такие железные экземпляры из погребения № 223а Старокорсунского могильника № 2 и комплекса из ст. Пластуновской (Прикубанье) датируются второй четвертью IV — началом III в. до н.э. и последней четвертью IV — началом III в. до н.э. (Лимберис, Марченко 2022: 269—271).

В Центральном Предкавказье подобные железные псалии представлены в материалах склепа «Каменная могила» и в ритуальных приношениях кургана № 1 могильника «Строгановские» курганы. В первом случае, 4 аналогичных экземпляра (с подвесками — Прокопенко, Рудницкий 2022: 31—33, рис. 12: 1—4) находились в комплексе с предметами конской упряжи, называемыми А.В. Симоненко (с соавторами) «странными» кладами III—II вв. до н.э. (Власкин, Симоненко 2020: 156). Фрагмент псалия с флажковидным окончанием, найденный в ритуальных приношениях кургана № 1 могильника «Строгановские курганы», сопутствовал золотой монете (прижизненный выпуск Лисимаха) рубежа IV—III вв. до н.э. и фрагменту золотой диадемы середины—второй половины III в. до н.э. (Прокопенко, Рудницкий 2023: 213—214, рис. 11: 7).

Бронзовый калежский экземпляр, скорее всего, более ранний чем выше перечисленные, относится ко времени массового распространения псалий из бронзы — ко второй половине V — IV в. до н.э.

14—22 — бляшки уздечные с полусферическим щитком (котелковидные) и арочной петлей на обороте — бронза (литье) (рис. 2: 7—10). Размеры: В — 1,7—2,1 см; Д — 1,6—1,7 см.

23—25 — бляшки уздечные с полусферическим щитком (котелковидные) и арочной петлей на обороте — бронза (литье) (рис. 2: 14—15). Размеры: В — 1,5 см; Д — 1,3—1,5 см.

26—35 — бляшки уздечные с полусферическим щитком (котелковидные) и арочной петлей на обороте — бронза (литье) (рис. 2: 11—13). Размеры: В — 1,2—1,3 см; Д — 1,1—1,2 см.

Бляшки с полусферическим (котелковидным) щитком (тип XVII, вариант 1, по Ю.А. Прокопенко), аналогичные отмеченным трем размерным вариантам из Калежа (№ 14—34), являются обычными в уздечных наборах второй половины V — IV в. до н.э. Они известны в комплексах Прикубанья, Среднего Подонья, Южного Приуралья и Центрального Предкавказья. Например, они зафиксированы в курганах 5 и 8 Уляпского могильника (Лесков и др. 2013: рис. 28: 1—6; 73: 3—6), курганах № 1 и 6 могильника Дуровка (Пузикова 2001: 213, 225, рис. 11: 5; 23: 2), кургане 30 (погребение 2) могильника Филипповка I (Золото 2023: 281, 283—284). В Центральном Предкавказье такие бляшки выявлены в памятниках V—III в. до н.э. (мог. Гастон Уота, погр. 15; мог. № 1 Томузловского городища; мог. Нартан-2, кург 3; святилище на северо-западном подножии горы Верблюд и др.) (Мошинский 2006: рис. 15: 11; Прокопенко 2014б: рис. 123А: 9, 14, 19).

36—41 — круглые слегка выпуклые бляхи с петлей на оборотной стороне — бронза (литье) (рис. 2: 16—21). У четырех экземпляров имеются утраты. Размеры: Д — 3 — 3,2 см.

Данный тип блях (IX, согласно классификации Ю.А. Прокопенко; III — по В.И. Козенковой) был в употреблении в скифское и раннесарматское время (Прокопенко 2014: 263).

Еще три найденные предмета, зафиксированные на фото, не идентифицируются.

Результаты. Таким образом, в числе предметов конской упряжи, найденных на территории Калежского городища, выделяются две хронологические группы изделий. К V — первой половине IV в. до н.э. относятся: бляшка в виде головы хищника с примыкающей головой птицы (№ 7); голова короткомордого хищника (№ 8); Г-образный псалий с округлой лопастью (№ 9); Г-образный псалий с загнутым стержнем, завершающимся копытом (№ 10); предположительно, фрагмент псалия с флажковидным завершением стержня (№ 11); налобник (№ 1). Второй половиной IV — началом—первой половиной III в. до н.э. датируются: налобник (№ 2); три наносника/налобника (№ 3—5); нащечник с изображением козла (№ 6). Котелковидные и округлые уздечные бляхи могут иметь отношение к обоим хронологическим горизонтам.

Отдельные аналогии изображениям из Калежского городища фиксируются в зверином стиле Среднего Подонья, Нижнего Побужья и Южного Приуралья. Однако, параллели (в отдельных случаях — прототипы) фактически всех без исключения калежских образов представлены в прикубанском варианте звериного стиля. Это объясняется сравнительной близостью к Центральному Предкавказью расположения меотских поселений Прикубанья. В связи с этим, излюбленные сюжеты в местной изобразительной традиции легко воспринимались населением Кабардино-Пятигорья. Этому способствовало и обстоятельство региональной близости Калежского городища к равнинному транспортному коридору, связывавшему Среднее Прикубанье, район Кавминвод и Дарьяльское ущелье.

Литература

Власкин М.В., Симоненко А.В., 2020. Ритуальный депозит сарматского времени из кургана на Нижнем Дону. В: *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 4, 151—167.

Золото 2023: *Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. По материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского 2009 — 2014 гг. Каталог коллекции*. Кн. II. Москва: ИА РАН.

Канторович А.Р. 2022а. *Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в двух томах*. Т. 1. Москва: МГУ.

Канторович А.Р. 2022б. *Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция).* Т. 2. Москва: МГУ.

Керцева (Вольная) Г.Н. 2019. Бронзовые зооморфные псалии раннего железного века из Краснодарского музея-заповедника им Е.Д. Фелицына. В: *IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110-летию со дня рождения И.В. Анфимова. Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 29 — 31 мая 2019 г.).* Краснодар: КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, 144—151.

Лесков и др. 2013: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2013. *Меоты Закубанья IV — III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп.* Москва: ГМВ.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2022. Комплекс конской узды из меотского погребения на Правобережье Кубани. *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 21. № 1, 267—275.

Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. 2012. Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино-Балкарии. *Историко-археологический альманах* 11, 119—139.

Могилов О.Д. 2008. *Споряджения коня скіфськоі дови у лісостепу Східної Европи*. Київ; Кам’янец-Подільський: Інститут археолоії.

Мошинский А.П. 2006. *Древности горной Дигории VII—IV вв. до н.э. — Систематизация и хронология*. Москва: ГИМ.

Прокопенко Ю.А. 2014а. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э.* Ч. 1. Ставрополь: СКФУ.

Прокопенко Ю.А. 2014б. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э*. Ч. 2. Ставрополь: СКФУ.

Прокопенко Ю.А. 2021. Налобные и нащечные пластины конского убора IV—II вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности. *МАИАСП* 13, 467—482. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.60.64.012.

Прокопенко Ю.А. 2022. Фибулы с эмалью второй половины I — III вв. из памятников Кабардино-Пятигорья. *МАИАСП* 14, 140—154. DOI: 10.53737/2713.2021.2022.67.59.005.

Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. 2022. *Склеп «Каменная могила» III — I вв. до н.э. (южные окрестности г. Железноводска).* Ставрополь: СКФУ.

Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. 2023. «Строгановские» курганы на горе Змейка (южные окрестности г. Минеральные Воды). В: Прокопенко Ю.А. (ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Из истории культуры народов Северного Кавказа.* Вып. 16. Ставрополь; Москва: Печатный двор, 189—243.

Пузикова А.И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов)*. Москва: Индрик.

Пшеничнюк А.Х. 2012. *Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН.

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С. 2024. Предкавказские, прикубанские и донские параллели в уздечных наборах из курганов некрополя «Высокая Могила — Студеникин Мар» в Южном Приуралье. В: Яценко С.А., Куприянова Е.В. (ред.). *Следы явлений и процессов в археологических памятниках. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 8 — 10 апреля 2024 г.).* Ставрополь: Книжный двор, 155—165.

Шедевры 1987: *Шедевры древнего искусства Кубани.* Москва: Внешторгиздат.

Leskov A.M., 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archeology and Antropology.

References

Vlaskin, M.V., Simonenko, A.V. 2020. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations)*. Vol. 25. No. 4, 151—167 (in Russian).

Zoloto 2023: *Zoloto sarmatskikh vozhdei. Nekropoli Filippovka 1 i Filippovka 2. Po materialam raskopok Priural'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L.T. Yablonskogo 2009—2014 gg. Katalog kollektsii (Gold of the Sarmatian chieftains. Necropolis Filippovka 1 and Filippovka 2. Based on the materials of excavations of the Ural archaeological expedition of the IA RAS under the leadership of L.T. Yablonsky 2009—2014 Collection catalog.)*. Bk. II. Moscow: IA RAN (in Russian).

Kantorovich, A.R. 2022a. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoj Evropy (klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, evolyuciya) (Art of the Scythian animal style of Eastern Europe (classification, typology, chronology, evolution))*. Vol. 1. Moscow: MGU (in Russian).

Kantorovich, A.R., 2022b. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoj Evropy (klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, evolyuciya): v dvuh tomah (Art of the Scythian animal style of Eastern Europe (classification, typology, chronology, evolution))*. Vol. 2. Moscow: MGU (in Russian).

Kertseva (Vol'naya), G.N. 2019. In: *IX «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy issledovaniya drevnikh i srednevekovykh poselenii i mogil'nikov Zapadnogo Kavkaza. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya I.V. Anfimova. Materialy mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii (g. Anapa, 29—31 maya 2019 g.)* (*10th "Anfim Readings" on the archeology of the Western Caucasus. Problems of research of ancient and medieval settlements and burial grounds of the Western Caucasus. To the 110th Anniversary of the birth of I.V. Anfimov. Materials of the international archaeological conference (Anapa, May 29—31, 2019*). Krasnodar: KGIAMZ im. E.D. Felitsyna, 144—151 (in Russian).

Leskov et al. 2013: Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R. 2013. *Meoty Zakuban'ya IV —III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap (Meoty Zakubanya 4th — 3rd centuries BCE. Necropolis at the village of Ulyap).* Moscow: GMV (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2022. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)*. Vol. 21. No. 1, 267—275 (in Russian).

Malakhov, S.N., Rudnitskii, R.R. 2012. In: *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and archaeological almanac)* 11, 119—139 (in Russian).

Mogilov, O.D. 2008. *Sporyadzheniya konya skifs'koi doby u lisostepu Skhidnoi Evropy* (*Equipment horse Scythian Doby in the forest-steppe of Eastern Europe*). Kyiv; Kam'yanets-Podil's'kii: Institut arkheologii (in Russian).

Moshinskii, A.P. 2006. *Drevnosti gornoi Digorii VII—IV vv. do n.e. — Sistematizatsiya i khronologiya (Antiquities of mountain Digoria 7th — 4th centuries BCE — Systematization and chronology*). Moscow: GIM (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2014a. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury v Central'nom Predkavkaz'e vo vtoroj polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st millennium BCE*). Pt. 1. Stavropol: SKFU (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2014b. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury v Central'nom Predkavkaz'e vo vtoroj polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and tribes of the Koban culture in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st millennium BCE*). Pt. 2. Stavropol: SKFU (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 467—482. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.60.64.012 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 140—154. DOI: 10.53737/2713.2021.2022.67.59.005 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A., Rudnitskii, R.R. 2022. *Sklep «Kamennaya mogila» III—I vv. do n.e. (yuzhnye okrestnosti g. Zheleznovodska*) (*Crypt "Stone Grave" 3rd — 1st centuries BCE (southern surroundings of Zheleznovodsk*). Stavropol: SKFU (in Russian).

Prokopenko, Yu.A., Rudnitskii, R.R. 2023. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territorii. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* (*Questions of ancient and medieval archaeology of the North Caucasus and adjacent territories. From the history of culture of the peoples of the North Caucasus*). Iss. 16. Stavropol; Moscow: Pechatnyi dvor, 189—243 (in Russian).

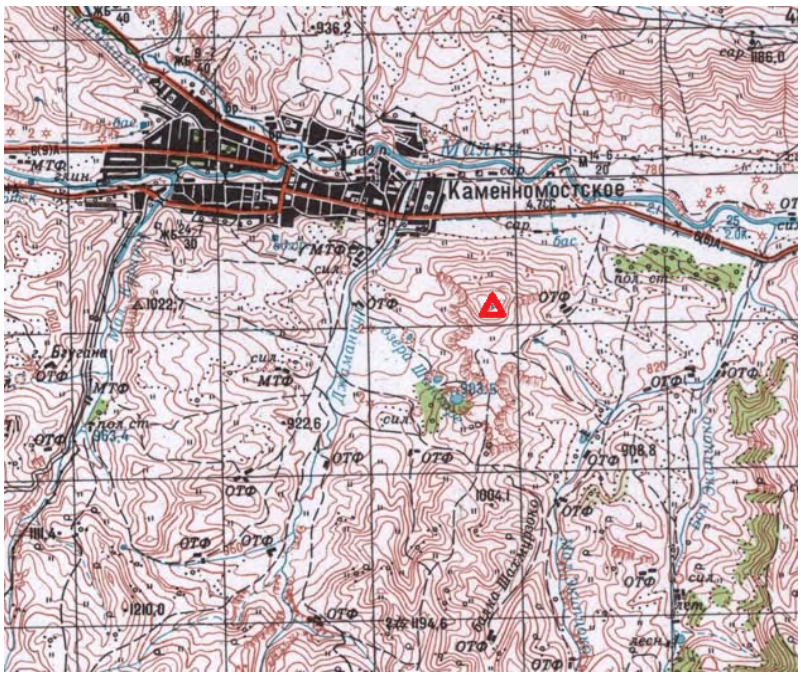
Puzikova, A.I. 2001. *Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) (Burial mounds of Scythian time of the Middle Podonye (Publication of complexes))*. Moscow: Indrik (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh., 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoi znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of nomadic nobility 4th century BCE in the Southern Urals)*. Ufa: IIYaL UNTs RAN (in Russian).

Sirotin, S.V., Bogachuk, D.S., Okorokov, K.S. 2024. In: Yatsenko, S.A., Kupriyanova, E.V. (eds.). *Sledy yavlenii i protsessov v arkheologicheskikh pamyatnikakh. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Pyatigorsk, 8—10 aprelya 2024 g.) (Traces of phenomena and processes in archaeological sites. Materials of the international scientific conference (Pyatigorsk, April 8—10, 2024))*. Stavropol: Knizhnyi dvor, 155—165 (in Russian).

Shedevry 1987: *Shedevry drevnego iskusstva Kubani (Masterpieces of ancient art of the Kuban)*. Moscow: Vneshtorgizdat (in Russian).

Leskov, A.M., 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archeology and Antropology.



Карта 1. Расположение городища Калеж (красный треугольник).

Map 1. Location of the settlement Kalezh (red triangle).

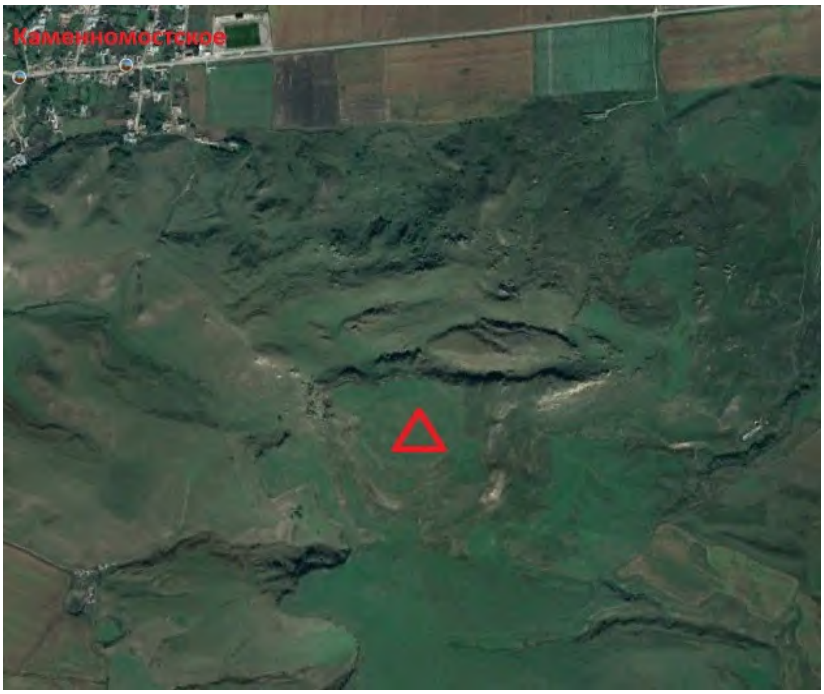


Фото 1. Расположение городища Калеж (красный треугольник).

Photo 1. Location of the settlement Kalezh (red triangle).

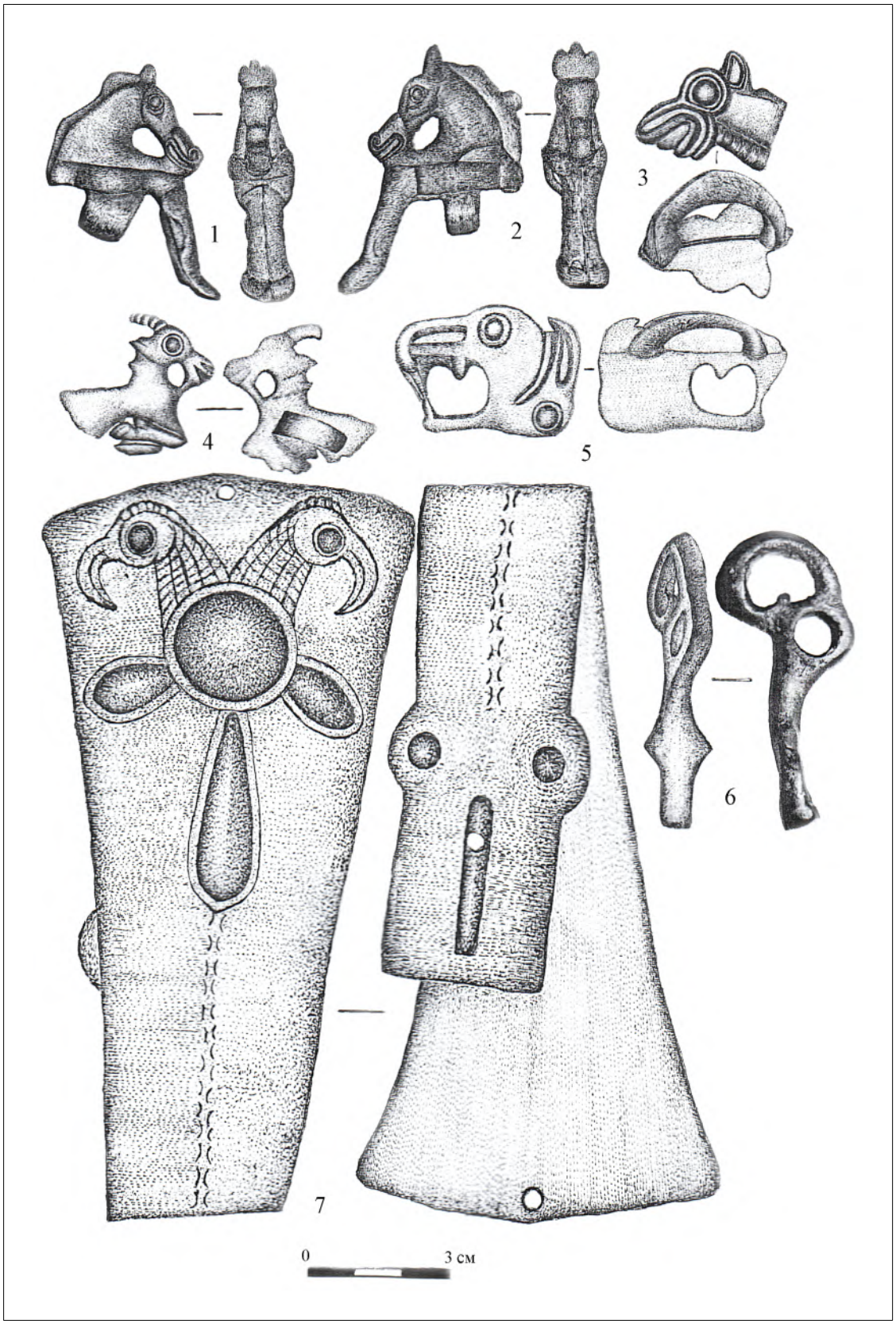


Рис. 1. Находки конского убранства, найденные на территории городища Калеж: *1—2, 6* — наносники/налобники; *3, 5* — уздечные бляхи; *4* — нащечник; *7* — налобник. Все — бронза.

Fig. 1. Finds of equestrian decoration found on the territory of the Kalezh settlement: *1—2, 6* — scoops/scrapers; *3, 5* — bridle plaques; *4* — cheek; *7* — forklift. Everything is bronze.

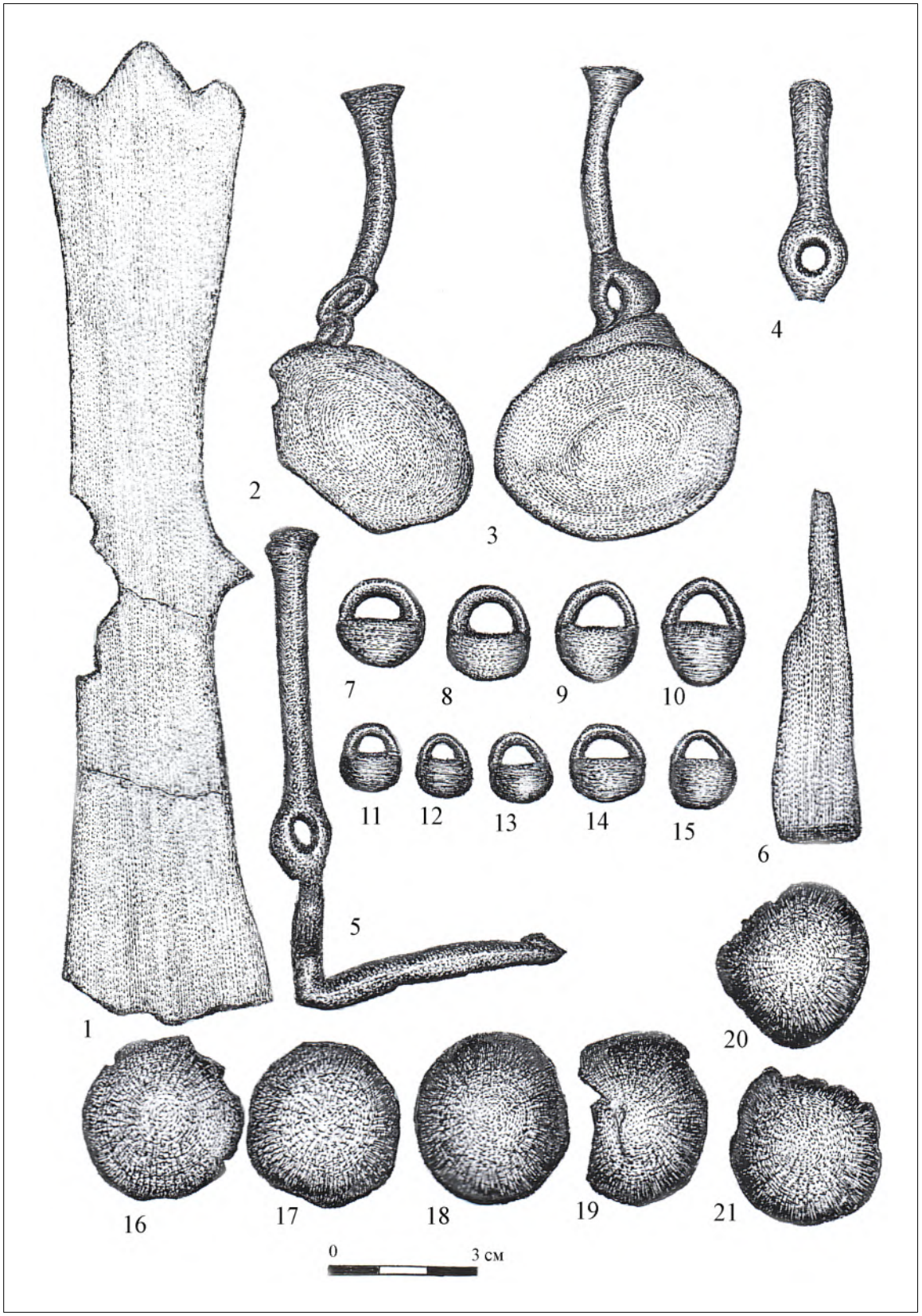


Рис. 2. Находки конского убранства, найденные на территории городища Калеж: *1* — налобник; *2—6* — псалии; *7—21* — уздечные бляхи. Все — бронза.

Fig. 2. Finds of horse decoration found on the territory of the Kalezh settlement: *1* — forklift; *2—6* — psalms; *7—21* — bridle plaques. Everything is bronze.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.35.80.007

Н.Г. Свиркина

ИЗОТОПНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛАГЕНА КОСТНОЙ ТКАНИ КАК МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ ДИЕТЫ ЖИТЕЛЕЙ ХЕРСОНЕСА (V—IV ВВ. ДО Н.Э.)*

Работа посвящена представлению первых результатов изучения особенностей питания жителей Херсонеса на основе анализа стабильных изотопов углерода и азота в коллагене костной ткани. В исследование включены образцы костной ткани 28 взрослых индивидов, из погребений северного некрополя Херсонеса (раскопки Г.Д. Белова в 1936 г.). Выборка характеризуется выраженной вариативностью значений $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$, которая свидетельствует о разнообразном питании с разными источниками углерода и изменчивой долей белкового компонента в рационе. Отсутствие значимых различий между индивидами из раннего и позднего горизонта участка некрополя свидетельствует о стабильности пищевых традиций. Также не выявлено влияния пола на рацион. Положение костяка в могиле, не коррелируют с реконструируемой диетой, ставя под сомнение роль этого признака как этнического или социального признака.

Херсонесская серия отличается от выборок из других античных центров Северного Причерноморья наиболее широким разбросом значений $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$, самыми низкими средними величинами $\delta^{15}N$. В целом, описанная картина наиболее соответствует стадии формирования и развития колонии, когда население адаптируется к новым экологическим и социальным условиям, осваивая местные ресурсы и формируя устойчивые модели потребления.

Подчёркивается важность комплексного подхода к изучению древних рационов с учётом экологических и культурных факторов, а также необходимость комплексных междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, колонизация, пришлое и автохтонное население, рацион, изотопный анализ

Сведения об авторе: Свиркина Наталия Геннадиевна, кандидат исторических наук, Институт археологии Российской академии наук.

Контактная информация: 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова 19, Институт археологии Российской академии наук, e-mail: svirkina.natalia@mail.ru.

N.G. Svirkina

STABLE ISOTOPE ANALYSIS OF BONE COLLAGEN FOR RECONSTRUCTING DIETARY PRACTICES OF THE INHABITANTS OF CHERSONESUS (5TH —4TH CENTURIES BCE)

The present study presents a reconstruction of the diet of the inhabitants of Chersonesus based on stable isotope analysis of carbon and nitrogen in bone collagen. The analysis included bone samples from 28 adult individuals excavated from the northern necropolis of Chersonesus (led by G.D. Belov in 1936). The group exhibits considerable variability in $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ values, reflecting a diverse diet with multiple carbon sources and a variable proportion of protein intake. No significant differences were observed between individuals from early and late necropolis horizons, indicating stability in dietary patterns. Additionally, no

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-78-00093 «Рацион питания населения урбанистических центров Боспорского царства и Херсонеса по изотопным данным».

Статья поступила в номер 21 июля 2025 г.
Принята к печати 16 августа 2025 г.

© Н.Г. Свиркина, 2025.

significant correlation was observed between sex and diet. The position of skeletons in graves did not correlate with dietary patterns, calling into question the role of burial position as an ethnic or social marker.

Compared to other ancient centers in the Northern Black Sea region, the Chersonesus group shows the widest range of $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ values and the lowest average $\delta^{15}N$ values, reflecting the colony's formation stage when inhabitants were adapting to new ecological and social conditions by utilizing local resources and establishing stable consumption models.

This study emphasizes the importance of an integrated approach that considers ecological and cultural factors and highlights the necessity of comprehensive interdisciplinary research to enhance our understanding of ancient diets.

Key words: the Northern Black Sea coast, colonization, settlers and indigenous populations, diet, isotope analysis.

About the author: Svirkina Natalia Gennadievna, PhD (History), Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science.

Contact information: 117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanova St., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science, e-mail: svirkina.natalia@mail.ru.

Введение

В эпоху Великой греческой колонизации на побережье Северного Причерноморья было основано множество поселений, многие из которых в дальнейшем превратились в крупные культурные, торговые и политические центры. Несмотря на повышенный интерес к теме колонизации, аспекты, вязанные с адаптацией, состоянием здоровья и питанием, остаются недостаточно изученными. В значительной степени это обусловлено проблемой сохранности и доступности хорошо паспартизованных биоархеологических материалов (человеческие и животные кости, растительные остатки), полученных в ходе раскопок прошлых лет. Кроме того, неоднородная интенсивность внедрения в научный оборот результатов последних археологических исследований ограничивает возможности полноценного изучения биоархеологических данных, что затрудняет получение комплексных и достоверных результатов.

В данном исследовании жизнь населения одной из колоний — Херсонеса — будет рассмотрена с позиции изотопного анализа, одного из широко применяемых методов изучения палеодиеты. Применение данного метода с учётом археологических и антропологических контекстов позволит получить ценную информацию об условиях жизни поселенцев, а также выявить гендерные, социальные и культурные различия. Сопоставление полученных данных с синхронными группами позволит охарактеризовать особенности питания в условиях адаптации населения колонии к новым обстоятельствам, в которых обычно отсутствовала инфраструктура организованного полиса.

Херсонес и его жители в V—IV вв. до н.э.: краткая характеристика

Херсонес — древнегреческая колония, основанная греческими переселенцами на Гераклейском полуострове на южной оконечности Крыма. В классический период поселение занимало площадь около 10—11 га в северо-восточной части городища. Предполагается, что основным занятием жителей колонии в начальный период была торговля с местным населением (носители кизил-кобинской культуры, ассоциируемые с историческими таврами), а собственного сельского хозяйства не было. Появление земледелия относится к концу IV в. до н.э. (Белов 1948: 54, 55). В эллинистический период в Херсонесе было развито виноградарство. Садоводство и выращивание зерновых культур имело второстепенную роль (Стржлецкий 1961). О роли животноводства, составе стада практически ничего не известно (Белов 1948: 58).

Некрополь, расположенный на северном берегу к концу IV — началу III в. до н.э. был поглощен застройкой, расширяющегося города (Белов 1981: 164). Основной пласт погребений

некрополя был исследован Г.Д. Беловым в 1936 г. (Белов 1938; 1981). Погребения представляли собой простые грунтовые ямы, выкопанные в материковой глине, скале (нижний горизонт) или культурном слое (верхний горизонт). Часть костяков расположены в могилах в вытянутом положении, часть — в скорченном. Трактовки причин вариативности поз погребённых предлагаются самые разнообразные, перечислим некоторые из них: скорченная поза — маркер местного таврского компонента в среде греческого населения (Белов 1938: 132; 1981: 178; Тюменев 1949), скорченная поза подчёркивает низкий статут погребённого (Блаватский 1953: 163; Зубарь 1988: 52—54). Младенцев часто хоронили в амфорах. Большинство погребений безинвентарные, остальные со скромным инвентарём — керамикой, украшениями, иногда перстнями и браслетами.

Помимо предположений о смешанном греко-варварском составе погребённых на некрополе, высказывались гипотезы об исключительно варварском или греческом происхождении (Стржелецкий 1948: 94—95; Лапин 1966: 212; Кадеев 1973: 183).

Исследования непосредственно костных останков немногочисленны. Краниологические данные свидетельствует о выраженной антропологической смешанности населения, но выделение местного компонента затруднительно (Иванов 2016: 27, 30). Связи между антропологическими морфологическими характеристиками и положением костяков в погребении не выявлено (Иванов 2011: 27; Rathmann et al. 2022). Антропологические индикаторы, позволяющие оценить качество жизни (демографическая структура группы, патологии, травмы), свидетельствуют о довольно суровых условиях существования населения Херсонеса (Буряк 2023).

Экологические закономерности изотопного анализа и их роль в реконструкции древних рационов

В основе изотопных исследований находятся базовые экологические закономерности: соотношение стабильных изотопов углерода и азота в тканях организма зависит от его положения в пищевой цепи. Чем выше положение организма в пищевой цепи, тем выше доля атомов тяжелых изотопов ($\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$). Углерод в коллагене костной ткани поступает из пищевых белков, а также из углеводов и жиров, тогда как азот происходит исключительно из белков (Koch 2007).

Первым звеном в пищевых цепях являются растения. Значение $\delta^{13}C$ в них напрямую зависит от типа фотосинтеза (С3 или С4). Растения, применяющие путь С3 (среди зерновых, например, пшеница, ячмень, рожь), в умеренном климате характеризуются средней $\delta^{13}C$ около -26‰, тогда как растения С4 типа (например, просо, кукуруза), распространённые в засушливых регионах, имеют более высокие значения $\delta^{13}C$ около -13‰ (Richards 2020). Изотопные характеристики растений передаются животным, которые их поедают, при этом происходит фракционирование $\delta^{13}C$ по пищевой цепи: увеличение на 4—5‰ при переходе от растений к травоядным животным и дальнейшее увеличение примерно на 0,8—1,3‰ при переходе по пищевой цепи (Ambrose, Norr 1993). В морских экосистемах фракционирование углерода аналогично земным. Средние значения $\delta^{13}C$ морских организмов составляют около -19‰ (Richards 2020), тем не менее показатели $\delta^{13}C$ могут находится в промежутке между растениями С3 и С4 (Ambrose, Norr 1993). Исходное значение $\delta^{15}N$ растений неодинаково. При переходе на каждый следующий трофический уровень происходит увеличение $\delta^{15}N$ на 3—6‰ в наземных экосистемах (Hedges, Reynard 2007). В морских системах закономерности фракционирования могут отличаться из-за вариабельности исходных значений и большей сложности пищевых цепей.

При интерпретации данных необходимо учитывать дополнительные факторы, обусловленные климатическими эффектами (например, аридизация (Murphy, Bowman 2006) или увлажненность) или особенностями ведения хозяйственной деятельности или социально-культурными факторами: эффект молочного (грудного) вскармливания (Clayton, et al. 2006),

эффект уноваживания (Commisso, Nelson 2006; 2007; Bogaard et al., 2007; 2013), отражение эпизодов стресса и болезней (Redfern et al. 2019) которые влияют на величины изотопов.

Важно подчеркнуть, что использование костной ткани позволяет реконструировать только усредненный рацион питания. Одним из свойств костной ткани является ее пластичность. В ней непрерывно происходят процессы, связанные с обновлением клеточной структуры и обменом питательных веществ. Поэтому изотопный состав отражает усредненную диету, которой придерживался индивидуум на протяжении последних лет его жизни.

Материалы и методы

Серия включает 28 образцов из костей погребённых на территории Северного некрополя Херсонеса (раскопки Г.Д. Белова 1936 г.)[1]. Образцы представлены костями скелетов мужчин (16) и женщин (12) разного возраста (табл. 1). Половозрастные определения выполнены с применением методик, принятых в палеоантропологии. При оценке возраста уделялось внимание степени закрытия швов черепа, стёртости зубов, изношенности суставных поверхностей, рельефу симфизов тазовых костей, при определении пола — морфологическим особенностям костей таза и черепа (Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Пашкова, Резников 1978; Методика 2020).

Погребения, из которых происходят материалы, представлены нижним (10) и верхним горизонтами (15). По положению костяка — вытянутые на спине (15) и скорченные на боку (11 и в двух случаях (погр. 39, 73) на спине, но ноги — в скорченном положении).

Для получения наиболее объективной и детальной реконструкции рациона человека необходимо наличие изотопных сигналов растений и животных из синхронных археологических объектов региона. Однако, в настоящий момент, мы располагаем только изотопными показателями наземных животных (КРС, МРС, собака, птица) из двух памятников варварской округи Херсонеса римского времени, а также разновременных наземных и водных ресурсов из прибрежных памятников Боспора (Добровольская и др. 2023; Свиркина 2025)[2]. С учётом специфики имеющихся данных предлагаемые реконструкции в будущем будут скорректированы.

Для оценки своеобразия питания населения Херсонеса полученные данные соотнесены с выборками из нескольких памятников региона: Нимфей, Волна 1, Фанагория (Восточный некрополь). Материалы из первых двух памятников наиболее близки к рассматриваемому периоду. Выборка из памятника Волна 1 немногочисленная и представлена образцами от индивидов, погребённых в одной гробнице (Сударев и др. 2024). Материалы из Фанагории относятся к эллинистическому периоду (Свиркина 2022).

Экстракция коллагена из костной ткани проводилась с использованием оборудования лаборатории контекстуальной антропологии и Центра коллективного пользования ИА РАН согласно принятому протоколу (Свиркина 2019)[3].

---

[1] Материалы из МАЭ РАН.

[2] В последние годы вышло несколько работ, в которых представлены данные по животным эпохи бронзы — раннего железного века Крыма, однако, они не были учтены в данном исследовании. Так, в статье М.А. Кульковой с соавторами представлены данные по нескольким животным из Усть-Альминского могильника без указания видовой принадлежности. Это относится и к информации по современной траве и морской рыбе (Кулькова и др. 2017). В 2022 г. другим коллективом авторов были опубликованы результаты изотопного анализа костей свиней из нескольких прибрежных памятников Керченского полуострова. Изотопный анализ был произведён для костной ткани, а не коллагена (Каспаров и др. 2022). Известно, что значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ коллагена и апатита или кости без выделения коллагена могут сильно различаться (например, Ambrose, Norr 1993; Trayer et al. 2023). В связи с этим, представленные в данные не могут быть использованы без дополнительной проверки.

[3] Этап промывки NaOH (рекомендуемый при работе с археологическими материалами) был пропущен, поскольку при визуальном осмотре костей не было обнаружено следов загрязнения гуминовыми кислотами. Исключение этого этапа при не самой идеальной сохранности костной ткани позволяет предотвратить дальнейшую деградацию коллагена и изотопные изменения. Такой подход соответствует установленным протоколам в случаях, когда риск загрязнения низок, а сохранность образцов нестабильна.

Количественное определение проводилось в Центре коллективного пользования «Инструментальные методы в экологии» Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Изотопный анализ проводился с использованием масс-спектрометра Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS в сочетании с элементным анализатором (Thermo Flash 1112). Данные представлены в δ-обозначении:

$$\delta^{13}C\ (‰) \text{ или } \delta^{15}N\ (‰) = [(R_{образца})/(R_{стандарта})-1] \times 1000.$$

В качестве стандарта изотопного состава азота использовался атмосферный азот. Стандартом изотопного состава углерода служили отложения белемнителлы американской из меловой формации Пиди в Южной Каролине, США (Schoeninger, Moore 1992). Аналитическая погрешность не превышает 0,2 ‰.

Основным критерием собранности коллагена является атомное соотношение C:N ($C:N_{Atom}$), приемлемый диапазон составляет 2,9 — 3,6 (DeNiro 1985; Ambrose 1990). Дополнительными критериями выступают показатели %C и %N. Диапазон первого составляет 13—47, второго — 5—17 (Ambrose 1990; Guiry, Szpak 2023). Все образцы, представленные в исследовании, имеют хорошую сохранность коллагена (табл. 1).

Результаты

Индивиды демонстрируют разнообразие величин $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$, что свидетельствует о разнообразном питании с разными источниками углерода и изменчивой долей белкового компонента в рационе (табл. 1). По первому показателю диапазон значений варьирует от -18,72‰ до -13,04‰ (5,68‰), по второму от 5,94‰ до 11,67‰ (5,73‰). Тем не менее, у большинства индивидов величина $\delta^{13}C$ не превышает -17‰ (табл. 1, рис. 1). Важно отметить, что среди индивидов с самыми высокими значениями $\delta^{13}C$ присутствуют мужчины и женщины погребённые в разных позах преимущественно из могил позднего этапа существования некрополя (погр. 17, 53, 74, 75). Из них только один (погр. 74) относится к раннему горизонту захоронений, остальные — к позднему.

Значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ не образуют группировок по полу, позе или принадлежности к одному из хронологических горизонтов. Отсутствие значимых различий внутри каждой категории подтверждается статистической проверкой (табл. 2)[4].

Исходя из закономерностей фракционирования по пищевой цепи и сведений об изотопных сигнатурах местных животных и растений можно предположить, что диета большинства индивидов (-17‰ и ниже) основана преимущественно на наземных ресурсах: растениях умеренного климата (C3 тип) и мясных или молочных продуктах. Выраженная изменчивость величин $\delta^{15}N$ указывает на неоднородность доли белкового компонента входившего в рацион. В выборке присутствует небольшая группа индивидов с высокими значениями $\delta^{13}C$ (погр. 17, 53, 74, 75), что указывает на регулярное включение в рацион водных ресурсов или растений C4 типа (рис. 1). Индивиды, чьи изотопные сигналы занимают промежуточное положение (48, 77, 59, 91), вероятно, имели доступ к разным источникам углерода в рационе.

При сравнении выборки из Херсонеса с другими сериями с территории Северного Причерноморья наблюдается схожая тенденция в группировке значений $\delta^{13}C$ (рис. 2). Статистически значимые различия выявлены только с выборкой из Фанагории (табл. 2). Следует подчеркнуть, что выборка из Херсонеса характеризуется наиболее широким разбросом значений среди рассматриваемых серий, что указывает на потенциально более

[4] Для оценки статистически значимых различий между выборками использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни (при p = 0,05), поскольку он подходит для сравнения небольших и неоднородных наборов данных.

широкий спектр пищевых источников углерода. Херсонес отличается от остальных самыми низкими величинами $\delta^{15}N$. Среди сопоставительных групп низкие значения этого признака отмечены у выборки из Нимфея. Общей чертой этих серий является широкий разброс значений $\delta^{15}N$ (табл. 2, рис. 2).

Обсуждение

Разнообразие изотопных сигналов в выборке из Херсонеса свидетельствует о широком спектре пищевых ресурсов, используемых поселенцами в период V—IV вв. до н.э. Значимых различий между ранним и поздним периодами внутри этого хронологического отрезка не установлено, что указывает на стабильность пищевых практик. Не выявлено влияния пола на состав рациона, что предполагает равный доступ к пищевым ресурсам среди мужчин и женщин. В целом, описанная картина наиболее соответствует стадии формирования и развития колонии, когда население адаптируется к новым экологическим и социальным условиям, осваивая местные ресурсы и формируя устойчивые модели потребления.

Отсутствие статистически значимых различий по положению тела в могиле ставит под сомнение трактовки позы как однозначного этнического или социального маркера. Рассмотрение данных изотопного анализа с позиции характеристики этнического состава населения: «греческого», «местного» или смешанного затруднительно по нескольким причинам. Во-первых, скудность сведений об источниках и структуре питания греков-колонистов и местного населения на момент появления первых на побережье Крыма. Во-вторых, не исключено, что обе группы могли использовать схожие пищевые ресурсы из-за близости географических и экологических условий, а также взаимных контактов и смешения на этапе формирования и развития колонии.

Таким образом, интерпретация изотопных данных как прямого индикатора некой группы (социальной, культурной и т.д.) оказывается недостаточно обоснованной, требуя комплексного подхода с привлечением дополнительных сведений.

Статистически значимые различия $\delta^{13}C$ между Херсонесом и Фанагорией эллинистического периода свидетельствуют о том, что жители Фанагории — крупного развитого экономического центра, имели более однородный рацион с явно выраженным использованием растений С3 типа, возможно, морских ресурсов. Данные о благополучии населения города (как минимум тех, кто был похоронен на Восточном некрополе), подтверждаются комплексными антропологическими исследованиями (Свиркина 2019: 94; 2022). В свою очередь, Херсонес, с более широким разбросом значений $\delta^{13}C$, может отражать меньшую специализацию и бо´льшее влияние локальных экологических условий.

Низкие значения $\delta^{15}N$ в выборке из Херсонеса в сравнении с другими сериями может отражать процесс адаптации поселенцев, экологические обстоятельства или различия в социально-экономическом статусе. Так, выборка из Фанагории отличается от всех групп наиболее высокими значениями δ15N, что коррелирует с данными о благополучии населения крупного урбанистического центра в эллинистический период (Свиркина 2019: 94; 2022). Другая выборка, демонстрирующая высокие значения признака, происходит из семейной гробницы некрополя Волна 1 раннего эллинистического периода. Богатый погребальный инвентарь свидетельствует о нерядовом положении погребённых (Сударев и др. 2024). Любопытно, что наиболее близкой к Херсонесу оказывается выборка из Нимфея позднеклассического времени. Возможно, эта близость связана со схожими процессами, связанными с адаптацией в условиях развивающейся колонии.

Заключение

В условиях, характеризующихся отсутствием развитой инфраструктуры организованного полиса, колонисты демонстрировали адаптацию к новым экологическим и социальным обстоятельствам, используя широкий спектр пищевых ресурсов. Для более полного понимания специфики повседневной жизни, процессов развития колонии и становления её в крупный центр культуры и экономики Крыма, необходимо дальнейшее расширение археологических исследований, привлечение биоархеологических материалов и данных смежных естественных наук. Дальнейшие изотопные исследования материалов более поздних периодов существования Херсонеса позволят выявить изменения в рационе питания, отражающие социально-экономические трансформации и экологическую динамику региона, а также проследить процессы культурной интеграции и дифференциации внутри населения.

Таблица 1. **Индивидуальные данные по образцам коллагена костной ткани людей из северного некрополя Херсонеса (раскопки 1936 г.)**

Лабораторный номер	Погребение	Поза	Горизонт	Пол	Возраст, лет	$\delta^{13}C$ vpdb	$\delta^{15}N$ air	%C	%N	C/N mass	C/N atom
25239	3	скорчено	в насыпи	жен ?	35—50	-17,72	10,21	40,3	15,2	2,6	3,1
25240	13	вытянуто на спине	в скале	муж	35—45	-18,26	9,22	35,5	12,9	2,7	3,2
25241	17	скорчено	в насыпи	жен	30—39	-13,04	5,94	39,4	14,8	2,7	3,1
25242	21	вытянуто на спине	на материковой глине	муж ?	25—35	-18,23	11,39	41,5	15,4	2,7	3,1
25244	23	вытянуто на спине	на материковой глине	жен	25—29	-18,32	10,07	40,6	15,2	2,7	3,1
25245	24	скорчено	?	жен ?	20—29	-17,82	10,06	39,3	14,6	2,7	3,1
25247	35	вытянуто на спине	в насыпи	муж ?	40+	-18,12	8,32	38,2	14,2	2,7	3,1
25248	38	вытянуто на спине	в насыпи	муж	40+	-18,30	7,76	39,6	14,8	2,7	3,1
25249	39	скорчено	в насыпи	муж	18—25	-16,93	8,25	22,0	7,9	2,8	3,2
25250	40	вытянуто на спине	в насыпи	муж ?	25—30	-18,05	9,53	38,7	14,3	2,7	3,1
25252	46	вытянуто на спине	на материковой глине	жен	18—25	-17,61	8,40	20,5	7,4	2,8	3,2
25253	47	вытянуто на спине	на материковой глине	муж	40+	-18,05	9,20	38,5	14,3	2,7	3,1
25267	48	скорчено	на материковой глине	жен	30—49	-15,91	10,08	36,8	13,0	2,8	3,3
25269	53	скорчено	в насыпи	муж	14—18	-13,12	11,05	40,7	14,2	2,9	3,3
25270	55	скорчено	в насыпи	жен	18—25	-17,88	10,14	39,8	13,7	2,9	3,4
25271	59	скорчено	?	муж ?	18—23	-16,55	9,07	38,8	13,6	2,9	3,3
25272	63	скорчено	в насыпи	муж ?	14—18	-18,72	11,67	18,8	6,7	2,8	3,3
25273	65	вытянуто на спине	в насыпи	жен	18—25	-17,97	9,63	34,8	11,7	3,0	3,5

Таблица 1. **Индивидуальные данные по образцам коллагена костной ткани людей из северного некрополя Херсонеса (раскопки 1936 г.) (продолжение)**

Лабораторный номер	Погребение	Поза	Горизонт	Пол	Возраст, лет	$\delta^{13}C$ vpdb	$\delta^{15}N$ air	%C	%N	C/N mass	C/N atom
25274	67	скорчено	в насыпи	муж	взрослый	-18,01	9,15	37,7	13,4	2,8	3,3
25275	72	вытянуто на спине	на скале	муж	25—35	-18,05	9,21	39,3	13,6	2,9	3,4
25277	73	скорчено	в насыпи	жен	40+	-17,23	10,03	37,7	13,5	2,8	3,3
25278	74	вытянуто на спине	на скале	жен	30—39	-14,84	8,15	37,1	13,4	2,8	3,2
25279	75	вытянуто на спине	в насыпи	муж ?	20—29	-14,08	9,21	37,5	13,4	2,8	3,3
25280	77	вытянуто на спине	в насыпи	муж ?	35—45	-15,27	10,49	26,9	9,3	2,9	3,4
25281	84	вытянуто на спине	на скале	муж	14—18	-18,32	11,00	21,3	7,6	2,8	3,3
25282	87	вытянуто на спине	?	жен	20—29	-18,22	9,78	36,4	13,1	2,8	3,2
25283	90	скорчено?	на скале	муж	30—45	-18,40	11,02	38,0	13,2	2,9	3,4
25284	91	скорчено	в насыпи	жен	30—39	-16,50	9,19	38,5	13,6	2,8	3,3

Таблица 2. **Результаты применения непараметрического U-критерия критерия Манна-Уитни (при p = 0,05)**[5]

Выборки	Параметр	
	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$
Херсонес (пол)	U = 61,5, z = 1,58, p=0,11	U = 89, z = 0,3, p=0,76
Херсонес (поза)	U = 56, z = 1,35, p=0,18	U = 63, z = 0,99, p=0,32
Херсонес (горизонт захоронения)	U = 45, z = 1,63, p=0,1	U = 64,5, z = 0,55, p=0,58
Хесонес и Нимфей	U = 107, z = 0,66, p=0,51	*U = 79, z = 3,11,* ***p=0,002***
Херсонес и Волна 1	U = 65,5, z = 1,32, p=0,19	-
Херсонес и Фанагория	*U = 128,5, z = 2,97,* ***p=0,003***	-

Литература

Алексеев В.П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.

Белов Г.А. 1938. *Отчёт о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг.* Симферополь: Государственный Херсонесский историко-археологический музей.

Белов Г.Д. 1948. *Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Белов Г.Д. 1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи. *СА* 3, 163—180.

[5] Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия

Блаватский В.Д. 1953. *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: АН СССР.

Буряк А.Д. 2023. Антропологическая характеристика населения раннего Херсонеса Таврического по материалам из раскопок Г.Д. Белова. В: Зайкова А.В., Костромичёв Д.А. (отв. ред.). *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 18—22 сентября 2023 года*. Москва: Буки Веди, 11—12.

Добровольская и др. 2023: Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., Язиков С.В., Свиридов А.Н. 2023. Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтовое 3 и Киль-Дере 1). *Stratum plus* 4, 139—154.

Иванов А.В. 2016. *Население античного Херсонеса Таврического — византийского Херсона по данным антропологии.* Севастополь: Альбатрос.

Зубарь В.М. 1988. Ещё раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса IV в. до н.э. *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888—1988 гг. Тезисы докладов.* Севастополь: ХИАМЗ, 52—54.

Кадеев В.И. 1973. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя. ВДИ 4 (126), 108—116.

Каспаров А.К., Лохова О.В., Лохов К.И. 2022. Исследование рациона питания людей и домашних животных в прибрежных античных поселениях Керченского полуострова методом изотопного анализа (первые Результаты). *Российские нанотехнологии* 17 (5), 673—679.

Кулькова М.А., Синай М., Нестеров Е. 2017. Реконструкция диеты по данным изотопного состава углерода и азота в костной ткани и зубах человека на памятниках Крымского полуострова. В: Иванчик А.И., Мордвинцева В.И (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. — VII в. н.э.)*. Москва; Симферополь: ИП Зуева Т.В., 225—234.

Лапин В.В., 1966. *Греческая колонизация Северного Причерноморья. (критический очерк отечественных теорий колонизации)*. Киев: Наукова думка.

Методика 2020: Добровольская М.В. 2020. *Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях.* Москва: Институт археологии РАН.

Пашкова В.И., Резников Б.Д. 1978. *Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам*. Саратов: Саратовский университет.

Свиркина Н.Г. 2019. Жители античной Фанагории: реконструкция питания по данным изотопного анализа. *РА* 2, 80—95.

Свиркина Н.Г. 2022. *Население Фанагории в III в. до н.э. — V в. н.э. (по палеоантропологическим материалам из Восточного некрополя)*: дис. канд. ист. наук. Москва: Институт археологии РАН.

Свиркина Н.Г. 2025. Рацион питания жителей двух столиц Боспорского царства в первые века н.э. по данным изотопного анализа. *Stratum plus* 4, 221—233.

Свиркина Н.Г., Бейлин Д.В., Рукавишникова И.В. 2025. Особенности диеты населения Нимфея по данным изотопного состава углерода и азота коллагена костной ткани (предварительное сообщение). В: Хршановский В.А. и др. (ред.). *Боспорский феномен: экспорт/импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства: Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Индрик, 634—640.

Стржелецкий С.Ф. 1948. Раскопки таврского некрополя Херсонеса. *ХСб* 4, 69—96.

Стржелецкий С.Ф. 1961. *Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму*. Симферополь. Крымиздат.

Сударев и др. 2024: Сударев Н.И., Шведчикова Т.Ю., Мимоход Р.А., Сапрыкина И.А. 2024. Предварительные результаты комплексного анализа коллективного погребения 631 античного некрополя Волна 1. *КСИА* 276, 420—440.

Тюменев А.И. 1949. Херсонесские этюды (продолжение). *ВДИ* 4 (30), 75—86.

Ambrose S.H. 1990. Preparation and characterization of bone and tooth collagen for isotopic analysis. *Journal of Archaeological Science* 17 (4), 431—451.

Ambrose S.H., Norr L. 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate. In: Lambert J., Grupe G. (eds.) *Prehistoric Human Bone: Archaeology at the Molecular Level*. New York: Springer-Verlag, 1—37.

Bogaard et al. 2007: Bogaard A., Heaton T.H.E., Poulton P., Merbach I. 2007. The impact of manuring on nitrogen isotope ratios in cereals: archaeological implications for reconstruction of diet and crop management practices. *Journal of Archaeological Science* 34 (3), 335—343.

Clayton F., Sealy J., Pfeiffer S. 2006. Weaning age among foragers at Matjes river rock shelter, South Africa, from stable nitrogen and carbon isotope analyses. *American Journal of Physical Anthropology* 129 (2), 311—317.

Commisso R.G, Nelson D.E. 2006. Modern plant d15N values reflect ancient human activity. *Journal of Archaeological Science* 33,1167—1176.

Commisso R.G, Nelson D.E. 2007. Patterns of plant d15N values on a Greenland Norse farm. *Journal of Archaeological Science* 34, 440—450.

DeNiro M.J. 1985. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction. *Nature* 317, 806—809.

Guiry E., Szpak P. 2020. Quality Control for Modern Bone Collagen Stable Carbon and Nitrogen Isotope Measurements. *Methods in Ecology and Evolution* 11 (9), 1049—1060.

Hedges R.E.M., Reynard L.M. 2007. Nitrogen isotopes and the trophic level of humans in archaeology. *Journal of Archaeological Science* 34, 1240—1251.

Koch P.L. 2007. Isotopic study of the biology of modern and fossil vertebrates. *Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science* 2, 99—154.

Murphy B.P., Bowman D.M.J.S. 2006. Kangaroo metabolism does not cause the relationship between bone collagen δ15N and water availability. *Functional Ecology* 20 (6), 1062—1069.

Rathmann H., Stoyanov R., Posamentir R. 2022. Comparing Individuals Buried in Flexed and Extended Positions at the Greek Colony of Chersonesos (Crimea) Using Cranialmetric, Dental Metric and Dental Nonmetric Traits. *International Journal of Osteoarchaeology* 32 (1), 49—63.

Redfern et al. 2019: Redfern R.C., DeWitte S.N., Beaumont J., Millard A.R., Hamlin C. 2019. A new method for investigating the relationship between diet and mortality: Hazard analysis using dietary isotopes. *Annals of Human Biology* 46 (5), 378—387.

Richards M.P. 2020. Isotope Analysis for Diet Studies. In: Richards M.P., Britton K. (eds.) *Archaeological Science: An Introduction.* Cambridge University Press, 125—144.

Schoeninger M.J., Moore K. 1992. Bone stable isotope studies in archaeology. *Journal of World Prehistory* 6, 247—296.

Trayler R.B., Valencia Landa P., Kim S.L. 2023. Evaluating the efficacy of collagen isolation using stable isotope analysis and infrared spectroscopy. *Journal of Archaeological Science* 151, 105727.

References

Alekseev, V.P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Methods of Anthropological Research)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Alekseev, V.P., Debets, G.F. 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Methods of Anthropological Research)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Belov, G.A. 1938. *Otchot o raskopkakh Khersonesa za 1935—1936 gg. (Report on the Excavations of Chersonesos in 1935–1936)* Simferopol: Gosudarstvennyy Khersonesskiy istoriko-arkheologicheskiy muzey (in Russian).

Belov, G.D. 1948. *Khersones Tavricheskiy. Istoriko-arkheologicheskiy ocherk (*T*auric Chersonesos. Historical and Archaeological Essay)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Belov, G.D. 1981. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 163—180 (in Russian).

Blavatskiy, V.D. 1953. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya (Agriculture in the Ancient States of the Northern Black Sea Region)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Buryak, A.D. 2023. In: Zaykova, A.V., Kostromichov, D.A. (eds.). *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoy konferentsii. Sevastopol', 18—22 sentyabrya 2023 goda (Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories. Proceedings of a Scientific Conference. Sevastopol, September 18–22, 2023)*. Moscow: Buki Vedi, 11—12 (in Russian).

Dobrovol'skaya et al. 2023: Dobrovol'skaya, M.V., Svirkina, N.G., Yazikov, S.V., Sviridov, A.N. 2023. In *Stratum plus* 4, 139—154 (in Russian).

Ivanov, A.V. 2016. N*aseleniye antichnogo Khersonesa Tavricheskogo — vizantiyskogo Khersona po dannym antropologii (Population of ancient Tauric Chersonesos — Byzantine Cherson according to anthropological data)*. Sevastopol: Al'batros (in Russian).

Zubar, V.M. 1988. In *Problemy issledovaniya antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. 1888—1988 gg. Tezisy dokladov (Problems of the study of ancient and medieval Chersonesos. 1888—1988. Abstracts of papers)*. Sevastopol: KHIAMZ, 52—54 (in Russian).

Kadeev, V.I. 1973. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4 (126), 108—116 (in Russian).

Kasparov, A.K., Lokhova, O.V., Lokhov, K.I. 2022. In *Rossiyskie nanotekhnologii* (*Russian Nanotechnologies*) 17 (5), 673—679 (in Russian).

Kul'kova, M.A., Sinay, M., Nesterov E. 2017. In: Ivanchik, A.I., Mordvintseva, V.I (eds.). *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. — VII v. n.e.) (Crimean Scythia in the system of cultural ties between East and West (3rd century BCE — 7th century CE))*. Moscow; Simferopol: IP Zuyeva T.V., 225—234 (in Russian).

Lapin, V.V., 1966. *Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya. (kriticheskiy ocherk otechestvennykh teoriy kolonizatsii) (Greek colonization of the Northern Black Sea region. (A critical essay on domestic theories of colonization))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Metodika 2020: Dobrovol'skaya, M.V. 2020. *Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh (Methodology for working with paleoanthropological materials in the field)*. Moscow: Institut arkheologii RAN (in Russian).

Pashkova, V.I., Reznikov, B.D. 1978. *Sudebno-meditsinskoye otozhdestvleniye lichnosti po kostnym ostankam (Forensic Medical Identification of Individuals Based on Bone Remains)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Svirkina, N.G. 2019. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 2, 80—95 (in Russian).

Svirkina, N.G. 2022. The Population of Phanagoria in the 3rd Century BCE — 5th Century CE (Based on Paleoanthropological Materials from the Eastern Necropolis). PhD Thesis. Moscow: Institut arkheologii RAN.

Svirkina, N.G. 2025. In *Stratum plus* 4, 221—233 (in Russian).

Svirkina, N.G., Beylin, D.V., Rukavishnikova, I.V. 2025. In: Khrshanovskiy, V.A. et al. (eds.). *Bosporskiy fenomen: eksport/import v khozyaystvennoy i kul'turnoy zhizni Bosporskogo tsarstva: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (The Bosporan Phenomenon: Export/Import in the Economic and Cultural Life of the Bosporan Kingdom: Proceedings of the International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: Indrik, 634—640 (in Russian).

Strzheletskiy, S.F. 1948. In *Khersonesskiy sbornik (Chersonesus collection)* 4, 69—96 (in Russian).

Strzheletskiy, S.F. 1961. *Klery Khersonesa Tavricheskogo: K istorii drevnego zemledeliya v Krymu (Clergy of Tauric Chersonesus: On the History of Ancient Agriculture in Crimea)*. Simferopol. Krymizdat (in Russian).

Sudarev i dr. 2024: Sudarev, N.I., Shvedchikova, T.Yu., Mimokhod, R.A., Saprykina, I.A. 2024. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 276, 420—440 (in Russian).

Tyumenev A.I. 1949. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4 (30), 75—86 (in Russian).

Ambrose, S.H. 1990. Preparation and characterization of bone and tooth collagen for isotopic analysis. *Journal of Archaeological Science* 17 (4), 431—451.

Ambrose, S.H., Norr, L. 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate. In: Lambert J., Grupe G. (eds.) *Prehistoric Human Bone: Archaeology at the Molecular Level*. New York: Springer-Verlag, 1—37.

Bogaard et al. 2007: Bogaard, A., Heaton, T.H.E., Poulton, P., Merbach, I. 2007. The impact of manuring on nitrogen isotope ratios in cereals: archaeological implications for reconstruction of diet and crop management practices. *Journal of Archaeological Science* 34 (3), 335—343.

Clayton, F., Sealy, J., Pfeiffer, S. 2006. Weaning age among foragers at Matjes river rock shelter, South Africa, from stable nitrogen and carbon isotope analyses. *American Journal of Physical Anthropology* 129 (2), 311—317.

Commisso, R.G, Nelson, D.E. 2006. Modern plant d15N values reflect ancient human activity. *Journal of Archaeological Science* 33,1167—1176.

Commisso, R.G, Nelson, D.E. 2007. Patterns of plant d15N values on a Greenland Norse farm. *Journal of Archaeological Science* 34, 440—450.

DeNiro, M.J. 1985. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction. *Nature* 317, 806—809.

DeNiro, M.J., Epstein, S. 1981. Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals. *Geochimica et Cosmochimica Acta* 45, 341—351.

Guiry, E., Szpak, P. 2020. Quality Control for Modern Bone Collagen Stable Carbon and Nitrogen Isotope Measurements. *Methods in Ecology and Evolution* 11 (9), 1049—1060.

Hedges, R.E.M., Reynard, L.M. 2007. Nitrogen isotopes and the trophic level of humans in archaeology. *Journal of Archaeological Science* 34, 1240—1251.

Jørkov, M.L., Heinemeier, J., Lynnerup, N. 2007. Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies. *Journal of Archaeological Science* 34, 1824—1829.

Koch, P.L. 2007. Isotopic study of the biology of modern and fossil vertebrates. *Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science* 2, 99—154.

Murphy, B.P., Bowman, D.M.J.S. 2006. Kangaroo metabolism does not cause the relationship between bone collagen δ15N and water availability. *Functional Ecology* 20 (6), 1062—1069.

Rathmann, H., Stoyanov, R., Posamentir, R. 2022. Comparing Individuals Buried in Flexed and Extended Positions at the Greek Colony of Chersonesos (Crimea) Using Cranialmetric, Dental Metric and Dental Nonmetric Traits. *International Journal of Osteoarchaeology* 32 (1), 49—63.

Redfern et al. 2019: Redfern, R.C., DeWitte, S.N., Beaumont, J., Millard, A.R., Hamlin, C. 2019. A new method for investigating the relationship between diet and mortality: Hazard analysis using dietary isotopes. *Annals of Human Biology* 46 (5), 378—387.

Richards, M.P. 2020. Isotope Analysis for Diet Studies. In: Richards M.P., Britton K. (eds.) *Archaeological Science: An Introduction.* Cambridge University Press, 125—144.

Schoeninger, M.J., Moore, K. 1992. Bone stable isotope studies in archaeology. *Journal of World Prehistory* 6, 247—296.

Trayler, R.B., Valencia Landa, P., Kim, S.L. 2023. Evaluating the efficacy of collagen isolation using stable isotope analysis and infrared spectroscopy. *Journal of Archaeological Science* 151, 105727.

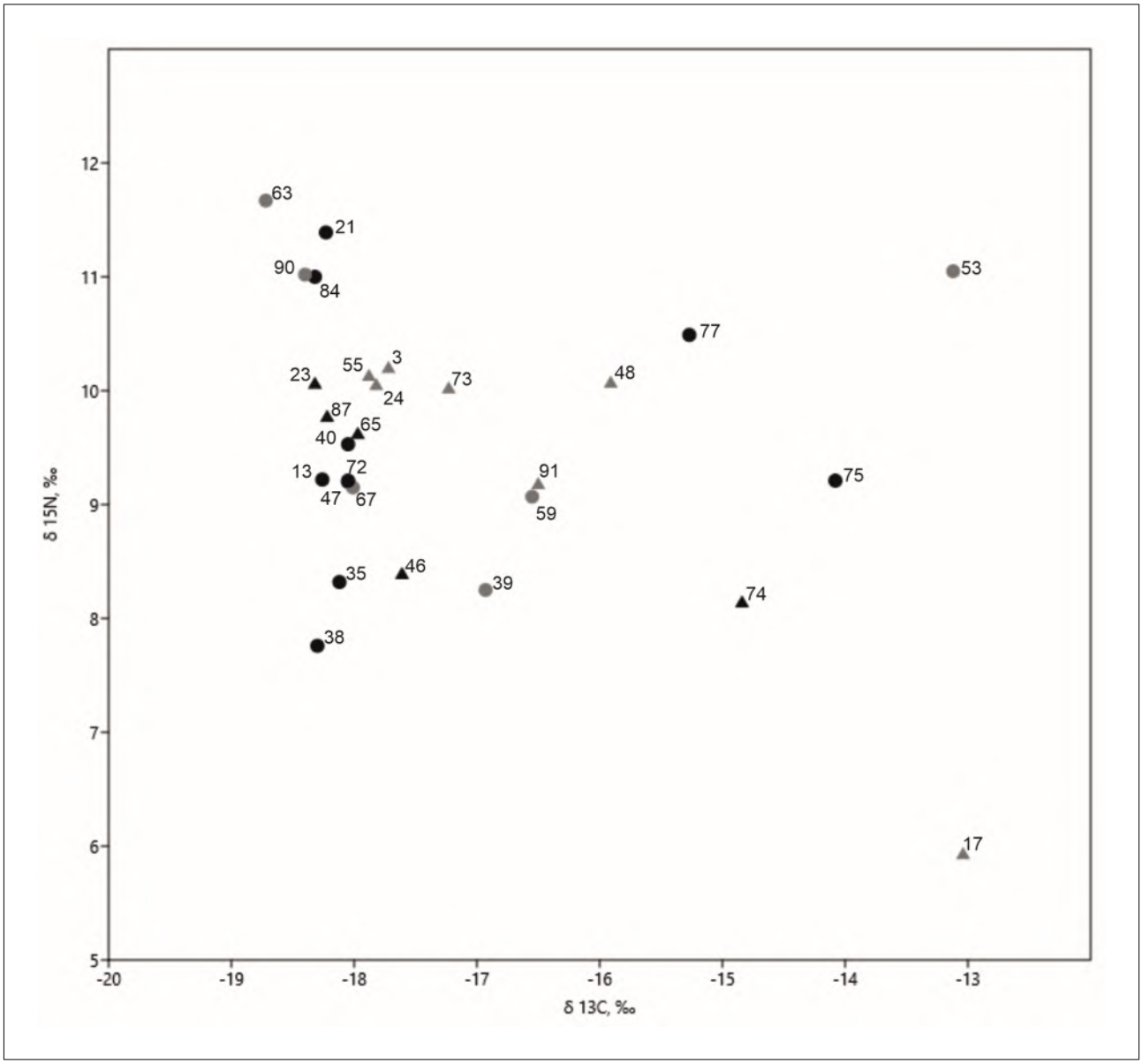


Рис. 1. Распределение величин $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ выборки из Херсонеса (О — мужчина, Δ — женщина; чёрный цвет — поза «вытянуто на спине», серый — поза «скорченно»).

Fig 1. Scatter plot of $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ values for Chersonesus adults (О — male, Δ — female; black — body position lying on the back, gray — flexed position).

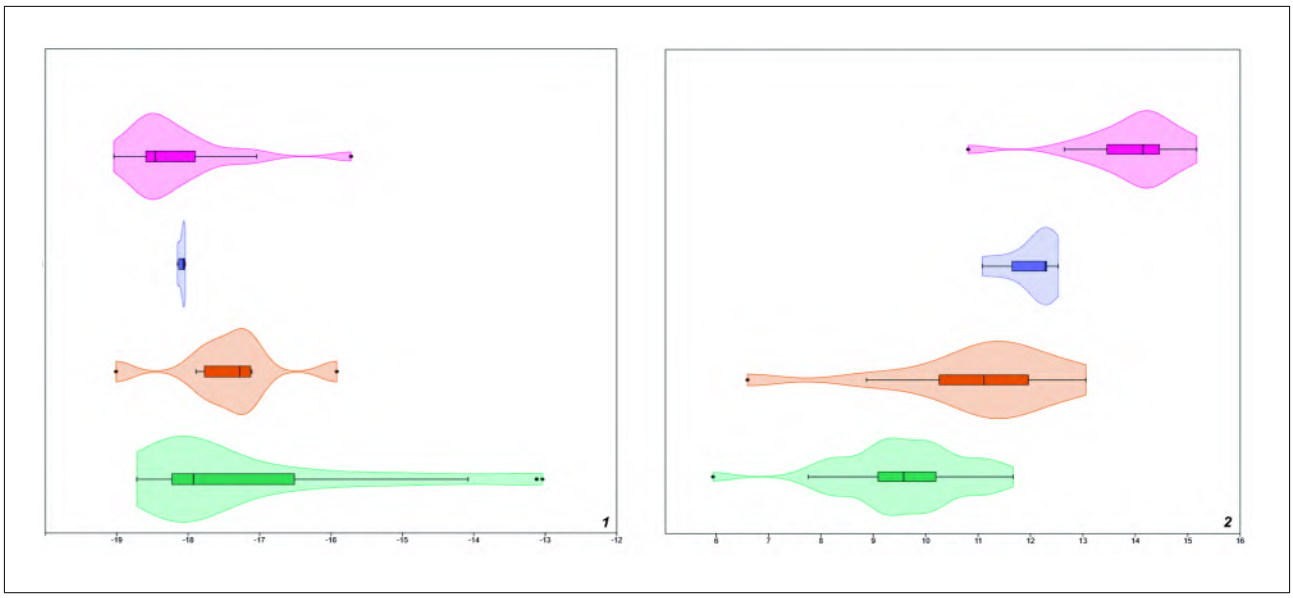


Рис. 2. Диаграмма размаха (violin plot) значений $\delta^{13}C$, ‰ (1) и $\delta^{15}N$, ‰ (2) выборок с территории Северного Причерноморья классического — эллинистического периода: пурпурный — Фанагория (Восточный некрополь), III—I вв. до н.э. (Свиркина 2022), фиолетовый — некрополь Волна 1 (погр. 631), 30-е гг. IV в. до н.э. — первая четверть III в. до н.э. (Сударев и др. 2024), оранжевый — Нимфей, позднеклассический период (Свиркина и др. 2025), зелёный — Херсонес (Северный некрополь), V—IV вв. до н.э.

Fig. 2. Violin plot of $\delta^{13}C$, ‰ (1) and $\delta^{15}N$, ‰ (2) values of samples from the Northern Black Sea coast of the Classical — Hellenistic period: purple — Phanagoria (Eastern Necropolis), 3rd — 1st centuries BCE (Svirkina 2022), violet — Volna 1 necropolis (burial 631), 30s of the 4th century BCE — 1st quarter of the 3rd century BCE (Sudarev et al. 2024), orange — Nymphaeum, late classical period (Svirkina et al. 2025), green — Chersonesos (Northern Necropolis), 5th — 4th centuries BCE.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.14.90.008

И.В. Губарев

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПА XLVII НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА НИЖНЕМ ДОНУ*

Работа посвящена публикации одной из наиболее массовых категорий остатков материальной культуры Елизаветовского городища, расположенного в устье реки Дон. В 2023 году в северо-восточной части городища впервые за более чем 150-летнюю историю его исследования были проведены спасательные археологические работы. В ходе раскопок было обнаружено ранее неизвестное оборонительное сооружение, которое, судя по всему, было разрушено в результате военной экспансии не ранее третьей четверти IV в. до н.э. Это открытие позволило четко разделить найденную лепную керамику, бытовавшую на территории городища, на две хронологические группы В результате анализа всего массива материальных остатков были выделены две основные группы: I — верхний стратиграфический слой и II — нижняя стратиграфическая колонка. Вторая группа, в свою очередь, была распределена на подгруппы, в зависимости от локализации фрагментов: к западу или востоку от открытого оборонительного рва, а также непосредственно в его заполнении. Проведенный анализ выявил существенные различия между группами в технологии и технике изготовления лепной керамики. Кроме того, были зафиксированы изменения в морфологических особенностях и типах сосудов, использовавшихся на территории городища в разные периоды. Особое внимание уделено представительной серии фрагментов верхних частей сосудов, украшенных налепными валиками с разнообразными орнаментальными мотивами. Все эти фрагменты происходят из II группы и полностью отсутствуют в верхнем стратиграфическом слое. При этом на остальной территории городища сосуды с налепными валиками встречаются крайне редко, что подчеркивает важность данного наблюдения.

Ключевые слова: лепная керамика, орнамент сосудов, скифское время, Нижний Дон, Приднепровье, Прикубанье, Елизаветовское городище.

Сведения об авторе: Губарев Иван Викторович, доцент, Донской государственный технический университет.

Контактная информация: 344003, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, зд. 1, Донской государственный технический университет, e-mail: ivan8.93@mail.ru.

I.V. Gubarev

STUCCO CERAMICS OF THE SCYTHIAN TIME FROM THE EXCAVATION OF XLVII ON THE EASTERN SITE OF THE ELIZAVETOVSKOYE SETTLEMENT ON THE LOWER DON

The work is devoted to the publication of one of the most widespread categories of remnants of the material culture of the Elizavetovskoe settlement, located at the mouth of the Don River. Rescue work 2023 was carried out in the north-eastern part of the settlement for the first time in more than 150 years of its study. During the excavations, a new defensive structure was discovered for the Elizavetovsky settlement, apparently destroyed as a result of military expansion no earlier than the third quarter of the 4th century BCE, which allowed us to clearly separate the discovered stucco ceramics that existed on its territory. As a result, two groups were identified from the entire array of studied human markings: I — the upper stratigraphic layer and II — the lower stratigraphic column. In turn, the second group was divided into subgroups,

* Статья поступила в номер 22 марта 2025 г.
Принята к печати 11 апреля 2025 г.

© И.В. Губарев, 2025.

depending on the location of the fragments: to the west or east of the open defensive ditch and its filling itself. As a result of the analysis, differences in technology and technique of making molded ceramics were identified between the groups. In addition, a change in the morphological features and types of vessels used on the territory of the settlement was recorded. A representative series of fragments of the upper parts of vessels decorated with riveted rollers with various ornamental plots is considered separately. All of them come from group II and are completely absent from the upper stratigraphic column. At the same time, vessels with riveted rollers were extremely sparsely distributed in the rest of the settlement.

Key words: stucco ceramics, vessel ornament, Scythian period, Lower Don, Dnieper region, Kuban region, Elizavetovskoe settlement.

About the author: Gubarev Ivan Viktorovich, Associate Professor, Don State Technical University.

Contact information: 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, 1 Gagarin Sq., Don State Technical University, e-mail: ivan8.93@mail.ru.

Елизаветовское городище — крупное греко-варварское торговое поселение площадью более 55 га, являющееся узловым памятником скифского времени в Северо-Восточном Приазовье. Поселение расположено ныне на острове, образованном Доном и его притоком — Мертвым Донцом, и окружено обширным курганным могильником, формирование которого началось еще в эпоху бронзы (Русаков 2020: 230). Лепной керамический комплекс традиционно занимает второе место в количественном отношении среди всех категорий вещественных находок, происходящих с территории городища, уступая лишь амфорной керамике. Как отмечал И.Б. Брашинский (Брашинский 1980: 11), это свидетельствует о интенсивной торговле продукцией, перевозившейся в амфорной таре, среди населения, проживавшего в дельте Танаиса в период скифо-античного времени (Копылов 2004: 60—67). При этом, высокий процент лепной керамики сохранялся на всех этапах существования Елизаветовского городища: как в период бытования варварского поселения в V—IV вв. до н.э., так и в слоях конца IV — первой трети III вв. до н.э., связанных с существованием Большой греческой колонии (Марченко и др. 2000: 136—138).

Лепная керамика Елизаветовского историко-культурного комплекса редко становилась предметом отдельного исследования. Впервые к этой категории археологических предметов обратился А.А. Миллер в самом начале XX в. Он попытался проследить связь между коренным населением, проживавшим в устье реки Танаис, и жителями Елизаветовского городища (Миллер 1929: 86). Позднее, в 1934 году, Т.Н. Книпович продолжила изучение этой темы и разработала первую классификацию лепной керамики, основанную на анализе профильных частей сосудов (Книпович 1935: 111). Значительный вклад в исследование лепной керамики Елизаветовского городища внес К.К. Марченко в конце третьей четверти XX в. Он расширил и усовершенствовал типологию лепной посуды (Марченко 1972: 122—134). В 1980 г. В.П. Копылов и К.К. Марченко предложили первую типологию лепной керамики, обнаруженной в Елизаветовском могильнике (Копылов, Марченко 1980: 155—160). Интерес к теме возобновился лишь в 2012 г., когда была разработана классификация лепных курильниц Восточного Приазовья (Меньшикова 2012: 106—110). В последние годы исследование лепной керамики Елизаветовского археологического комплекса продолжилось. Были предложены классификации лепной керамики Елизаветовского могильника и лепных горшков Елизаветовского городища, основанные на анализе целых форм сосудов (Губарев, 2023; 2024; 2025).

Осенью 2023 года Южно-Донской археологической экспедицией ООО «Археологическое общество «Наследие» под руководством Б.К. Волынца[1] были проведены спасательные археологические раскопки в северо-восточной части Елизаветовского городища. В зоне строительства подводящего газопровода был заложен раскоп площадью чуть более 90 кв. м.

[1] Выражаю искреннюю благодарность автору исследований за возможность обработать и опубликовать материал.

Особый интерес данному исследованию придает тот факт, что за более чем 150-летнюю историю изучения городища, его восточная часть научным раскопкам не подвергалась.

Раскоп XLVII представлял собой прямоугольник, ориентированный длинной осью в направлении запад-восток, разбитый на квадраты 1—17 и прирезки № 1, 2. Он был заложен в квадратах 123, 124 и 125, восточнее так называемого «акрополя» Елизаветовского городища, таким образом, что расстояние от внешней линии оборонительных сооружений до восточной границы раскопа составило чуть более 160 м, а от внутренней системы до западной границы всего 30 м (рис. 1: 1). В ходе проведенного археологического исследования было открыто значительное количество хозяйственных ям во всех исследованных квадратах, а также участок ранее неизвестной оборонительной системы городища, который расположился в квадратах 15 и 16 и прирезках № 1, 2. Основная масса археологического материала датируется в рамках IV в. до н.э. При этом, полностью отсутствуют находки, которые можно было бы соотнести с начальным или заключительным этапами существования Елизаветовского городища.

В ходе исследования культурных слоев Елизаветовского городища на площади всех 17 квадратов было зафиксировано 7 горизонтов. Исключением являются квадраты 15, 16 и прирезки № 1, 2, в которых под 7 горизонтом было обнаружено заполнение оборонительного рва, а также квадраты 13 и 14, где были зафиксированы остатки вала. Кроме того, анализ полученной для XLVII раскопа стратиграфической колонки позволил выделить в квадратах 7—17 мощный однородный золистый слой, содержащий крайне малое количество находок. Данный слой перекрывает остатки снивелированного вала и мог сформироваться уже после уничтожения линии обороны, которая произошла, судя по находкам амфорных клейм в нижних стратиграфических слоях, не ранее третьей четверти IV в. до н.э. Таким образом, весь лепной керамический комплекс нами был условно разделен на две группы, в зависимости от места его обнаружения (рис. 1: 2): I — золистый слой и верхняя стратиграфическая колонка (квадраты 1—17 и прирезки № 1, 2) и II — ниже уровня залегания золистого слоя: А: к западу от открытой оборонительной системы (квадраты 1—13), Б: непосредственно заполнение рва (квадраты 15, 16 и прирезки № 1, 2), В: к востоку от рва (квадрат 17). Квадрат 14 под золистым слоем содержал лишь остатки вала, поэтому в расчетах II группы керамики он не использовался.

По причине отсутствия целых и археологически целых сосудов, а также скудности фрагментов лепной керамики среди находок, обнаруженных в ходе исследования XLVII раскопа, нами была использована типология лепной керамики, предложенная Т.Н. Книпович, в основании которой, как уже освещалось выше, лежат различия в профильных частях сосудов (Книпович 1935: 163—185).

I группа

В результате исследования верхних стратиграфических слоев раскопа было обнаружено 2616 фрагментов керамики, из которых на долю лепного керамического комплекса приходится всего 15%. Целых и археологически целых сосудов обнаружено не было. Основную массу профилированного лепного материала составляют фрагменты верхних частей горшков и корчаг, изготовленных из плохо перемешанной глины (рис. 2).

Превалирующая часть профилей верхних частей сосудов имеет дугообразную форму. Восстановить размер возможно только у 33 фр. Среди которых диаметром устья от 10 до 20 см обладают 23 экз., от 21 до 30 см 8 обломков. Устье более 30 см имели всего два сосуда. Более 68% черепков имеет темно-коричневый цвет теста и черный излом, что может свидетельствовать о том, что в качестве сырья для их изготовления была использована среднеожелезненная глина. Всего 18% сосудов были изготовлены из высокоожелезненной глины и менее 14% из слабоожелезненной (Цетлин 2006: 424). В качестве примесей чаще всего использовался песок, крупный шамот, дресва и слюда. Около половины всех черепков орнаментированы (рис. 2: А).

Таким образом, среди лепной керамики, обнаруженной в верхней стратиграфической колонке, образовавшейся после засыпки оборонительных сооружений, основную массу (69%) фрагментов верхних краев возможно соотнести с первым типом лепной керамики по типологии Т.Н. Книпович (Книпович 1935: 161). К указанному типу относятся сосуды с дугообразным в разрезе горлом, разнообразным по степени выгнутости. Диаметр устья у имеющихся экземпляров варьируется от 10 до 32 см, среди которых 75% — это сосуды с устьем 10—20 см. Половина сосудов украшены орнаментом в виде пальцевых (реже — ногтевых) вдавливаний, расположенных, как правило, по верхнему краю сосуда, либо по плечику. Лишь один экземпляр имеет два ряда орнаментов, расположенных на устье и плечике.

Ко второму типу сосудов по Т.Н. Книпович относятся 29% фр. — это сосуды с коротким, вертикальным горлом, переходящим в тулово практически под прямым углом (Книпович 1935: 163). Диаметр устья у обнаруженных фрагментов 13—33 см. Более половины имеют орнаментацию. Наиболее распространенный сюжет в виде пальцевых вдавлений располагался по верхнему краю, либо по плечику. Два фрагмента украшены по одному ряду ногтевых вдавлений по устью и середине высоты горла. И один фрагмент имеет украшение в виде прямых насечек, нанесенных по верхнему краю.

Всего один фрагмент (2%) можно соотнести с третьим типом лепной керамики по Т.Н. Книпович (Книпович 1935: 164). Это сосуд без выраженного горла с зауженным верхним краем и легким отгибом наружу диаметром 22,5 см, украшенный по верхнему краю орнаментом в виде пальцевых вдавлений. Стоит отметить, что аналогичный фрагмент был обнаружен в нижней стратиграфической колонке, что может свидетельствовать о том, что исследуемый экземпляр попал в верхний слой из более раннего при засыпке оборонительного рва.

Другая серия профильных частей представляет собой фрагменты плоскодонных сосудов (рис. 2: В). Для изготовления большей их части была использована слабоожелезненная глина с примесью слюды и шамота. Стоит отдельно отметить наличие фрагмента дна лепного сосуда серого цвета с толченой ракушкой в тесте. Использование ракушки при изготовлении лепной керамики на территории Елизаветовского городища начинает применяться с конца IV в. до н.э. (Копылов, Коваленко 2010: 84) Наибольшее количество сосудов имело диаметр дна от 7 до 10 см (8 экз.), от 10 до 15 см — 3 экз.; свыше 15 см — 3 экз.. Фрагменты нижних частей сосудов имеют следы вторичной термической обработки, что свидетельствуют об их кухонном назначении.

Кроме того, в верхнем стратиграфическом слое были обнаружены ручка лепной жаровни, а также фрагмент стенки сосуда с ручкой—упором (рис. 2: С). Отдельно необходимо отметить находку фрагмента верхнего края сосуда эпохи бронзы из ямы, впущенной из верхней стратиграфической колонки, находившейся западнее срытой линии обороны в квадрате № 17.

II группа А

В нижних слоях, расположенных к западу от открытых оборонительных сооружений, в результате проведенных исследований, было обнаружено 1325 фр. керамики (рис. 3). Лепной комплекс занимает 49% от общего количества. При этом, важно подчеркнуть, что доля лепной керамики увеличивается при исследовании более ранних слоев и местами доходит до 100%. Как и в I группе, основная масса профильных фрагментов — это обломки верхних краев и придонных частей горшков и корчаг, выполненных из плохо перемешанной (часто крупнозернистой) глины. В качестве материала для 60% сосудов была использована среднеожелезненная глина. Из высокоожелезненной глины было произведено около 6%, а из слабожелезненной чуть менее 34% сосудов (Цетлин 2006: 424). В качестве примеси чаще всего использовались песок, мелкий шамот и слюда. При изготовлении отдельных сосудов перед обжигом с целью выравнивания стенок использовался предмет, оставивший четкие и разнообразные по глубине царапины на внешней поверхности (рис. 6: 1).

Восстановлению размера поддаются всего 46 фр. верхних краев сосудов. Из них 6 имели диаметр менее 10 см; 23 экз. обладали устьем диаметром от 11 до 20 см; 15 сосудов — от 21 до 30 см; и один сосуд имел диаметр 34 см. Более 60% рассматриваемых черепков имели орнаментацию.

К первому типу лепной керамики относится 67% обнаруженных верхних частей сосудов. Диаметры устьев у данного типа варьируются от 8,5 до 34 см, при этом на сосуды с устьем от 11 до 20 см приходится 60%. Орнаментировано более половины сосудов, отнесенных к данному типу. Наиболее популярным сюжетом является пальцевые вдавления по верхнему краю. Вместе с тем, один сосуд имеет украшение в виде косых тонких насечек по верхнему краю, четыре сосуда были орнаментированы ногтевыми вдавлениями по устью, и два имеют орнамент в виде пальцевых вдавлений по плечику. Два ряда орнаментов имеет один сосуд.

Отдельно стоит отметить три фрагмента, которые имеют налепные валики. У одного валик расположен под венчиком и оформлен в виде чередующихся пальцевых вдавлений и защипов. У другого экземпляра налеп находится на самом узком месте высоты горла и украшен пальцевыми вдавлениями, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга. Налепной конусообразный валик у третьего черепка находится также в самом узком месте горла и орнаментирован пальцевыми вдавлениями. Такой орнамент использовался населением междуречья Днепра и Северского Донца в качестве украшения сосудов начиная с конца VI в. до н.э. (Ковпаненко 1967: рис. 35: 1; Пеляшенко 2012: рис. 42: 10, 20, 21).

В исследуемой группе сосуды второго типа составляют 19%. Размеры восстанавливаемых устьев колеблются от 6 до 23,5 см. Менее половины сосудов рассматриваемого типа имели орнаментацию в виде пальцевых вдавлений, расположенных по верхнему краю, основанию устья и плечику.

Сосуды с загнутым внутрь верхним краем и отсутствующим выраженным горлом, отнесенные Т.Н. Книпович к третьему типу своей классификации, составляют 14% от общего количества верхних фрагментов лепной керамики. Размеры устья восстановимы лишь у 4 экз. и составляют: 9, 12, 25 и 25,5 см. Как отмечала еще Т.Н. Книпович: «орнамент в виде вдавлин располагается только у самого отверстия [*устья* — И.Г.], чаще его нет совсем» (Книпович 1935: 164). Всего один черепок украшен пальцевыми вдавлениями, расположенными по внутренней плоскости верхнего края.

Фрагменты придонных частей лепных сосудов составляют вторую серию профильных частей, насчитывающую 23 экз. Диаметр в 8—10 см имели 9 сосудов, 11—20 см — 11 сосудов. При этом, наиболее распространенными являются сосуды с диаметрами дна 11—13 см (9 экз.).

Отдельно необходимо остановиться на фрагменте верхнего края сосуда с несохранившимся устьем, на котором заметен четко различимый выступ-гурт от соединения заранее заготовленных элементов сосуда (рис. 6: 3). Это место соединения горла и, судя по профилю, плечика, плавно переходящего в покатое тулово. Фрагмент украшен орнаментом в виде наколов полой трубочкой.

II группа Б

При исследовании нижних стратиграфических колонок квадратов № 15, 16 и прирезок № 1, 2, связанных с заполнением оборонительного рва, было обнаружено 263 фр. керамики (рис. 4). При этом, категория лепной составляет 88%. Профилированный материал также представлен фрагментами верхних и придонных частей сосудов, изготовленных из плохо перемешанной крупнозернистой глины. При производстве обнаруженных фрагментов лепных сосудов была использована среднеожелезненная (59%) и слабоожелезненная (41%) глины, а в качестве примеси использовались песок, крупно и мелко помолотый шамот. В данной группе также зафиксировано использование предмета с острыми гранями с целью выравнивания внутренних стенок, в то время, когда внешние имеют гладкую поверхность (рис. 6: 2).

Среди верхних фрагментов размер возможно восстановить у 28 экз. 10 сосудов имели диаметры устьев от 11 до 15 см, у 9 сосудов они были от 8 до 10 см, у 6 сосудов — от 16 до

20 см; и у 3 сосудов диаметр составлял более 21 см. Украшены различными орнаментами 77% обломков.

Фрагменты сосудов, отнесенные к первому типу, составляют 63% от общего количества. Размеры устьев варьируются от 8 до 21 см. Наибольшее количество сосудов рассматриваемого типа (53%) имело диаметр устья от 8 до 11 см. Орнаментированы 73% сосудов, отнесенных к первому типу. При этом, наиболее популярным орнаментом является узор из пальцевых вдавлений, нанесенный по основанию шейки. Четыре сосуда имеют два ряда орнаментов — ногтевые вдавливания по устью и пальчиковые вдавливания по шейке.

Отдельно стоит остановиться на фрагменте верхнего края с налепным валиком по шейке сосуда. По валику нанесены глубокие пальцевые вдавления. Также в коллекции содержится фрагмент подлощеного сосуда со сливом. Такая форма сосудов хорошо известна как в скифской культуре (см. Брашинский 1973: рис. 20: 2; Лукьяшко 2010: табл. II: 1, 2, 6), так и на территории Елизаветовского историко-культурного комплекса (Губарев 2023: рис: 1: 10; Губарев 2024: рис. 1: 1). Важно подчеркнуть, что целых экземпляров подлощеных сосудов на территории городища до сегодняшнего дня обнаружено не было. При этом, они хорошо известны в материалах могильника V в. до н.э. и представлены мисками и кухликами (Губарев 2024: рис. 2: 1—15; 2025: рис. 1).

Фрагменты сосудов второго типа из заполнения рва представлены крайне скудно: всего 10% черепков отвечают заданным критериям. Два сосуда имели устье диаметром 10 см и один сосуд 26 см. Все они были украшены орнаментом, расположенным на устье. Сосуды меньшим диаметром — пальцевыми вдавливаниями, а большой сосуд — ногтевыми вдавливаниями.

К третьему типу относится 20% обнаруженных фрагментов сосудов. Три фрагмента имеют диаметры 13—14 см, три других — 19—21,5 см. Чуть более 33% фрагментов орнаментированы по устью. Один сосуд был украшен ногтевыми вдавливаниями, а другой круглыми наколами полой трубочкой. Интересно, что именно в группе IIБ содержится наивысший процент сосудов, традиционно связываемых с меотской культурой Прикубанья (Марченко и др. 2000: 146).

У двух фрагментов установить тип не удалось, ввиду их небольших размеров. Подробно стоит остановится на одном из них. Это фрагмент верхнего края сосуда, украшенного тонким налепным валиком, оформленным в виде меандра. Аналогичный орнамент зафиксирован в материалах первой половины V в. до н.э. Бельского городища (Пеляшенко 2012: рис. 17: 1, 8, 13).

Профильные части сосудов второй серии, представленные остатками придонных частей сосудов насчитывают 16 экз. Размеры возможно восстановить у 15 из них. Диаметр от 5 до 10 см имели 11 сосудов, 11—13 см — три сосуда и один экземпляр с диаметром дна 18 см.

II группа В

Материальные остатки, обнаруженные к западу от оборонительных сооружений крайне немногочисленны (рис. 5). Объясняется это близостью рассматриваемой территории в древности ко рву, а также маленькой площадью её исследования.

В процессе изучения нижней стратиграфической колонки квадрата №17 было обнаружено 20 фрагментов керамики, из которых 95% приходится на долю лепной. Профили представлены фрагментами верхних краев двух сосудов, фрагментом тулова с горизонтальной ручкой-упором, а также фрагментом плоской лепной подставки (?). Судя по окрасу стенок и разломов обнаруженных черепков, для их производства использовалась среднеожелезненная глина с примесью песка, мелкопомолотого шамота или слюды.

Оба фрагмента верхних частей сосудов относятся к первому типу. Их диаметры составляют 8 и 16,5 см. Больший по размерам устья сосуд имел меандрическую орнаментацию, исполненную в виде пальцевых вдавлений и защипов, поочередно нанесенных на налепном валике, расположенном на шейке. Данный экземпляр стал пятым фрагментом лепных сосудов, оснащенных налепными валиками, обнаруженным в рамках одного раскопа. При этом, на 2000 г. со всей территории городища за все время его

исследования происходило всего четыре таких фрагмента (Марченко и др. 2000: 140). К 2008 г. их коллекция насчитывала не более 20 экз. (Меньшикова 2008: 22), а на данный момент не более 30 (без учета обнаруженных в раскопе XLVII), при этом все они были обнаружены в самых ранних слоях городища. Таким образом, в результате исследований 2023 г. обнаружена седьмая часть от всей коллекции фрагментов лепных сосудов с налепными валиками. Ближайшие аналогии данному орнаменту, как уже было сказано ранее, усматриваются в материалах как Право-, так и Левобережного Поднепровья: Западное укрепление Бельского городища, Каменское городище, и Моторинское городище в бассейне реки Тясмин (см.: Шрамко 1987: 111; Былкова 2007: 84; Скорый, Бессонова 1996: 222).

Проведенный анализ показал, что события, произошедшие на территории городища не ранее третьей четверти IV в. до н.э., привели к значительным изменениям в категории лепной керамики, которые особенно хорошо фиксируются в его восточной части в рамках раскопа XLVII. Эти изменения затронули не только форму сосудов, но также технику и технологию их изготовления, а также орнаментацию (табл. 1).

Население, проживавшее на территории городища до третьей четверти IV в. до н.э. и уничтожения оборонительных сооружений, раскрытых в раскопе XLVII, преимущественно использовало средне- и слабоожелезненную крупнозернистую глину с плохой промешанностью. В качестве примесей применялись песок, мелко помолотый шамот и слюда. Наиболее распространенными были сосуды с дугообразным в разрезе горлом, тогда как сосуды с прямым горлом и без выраженного горла имели сопоставимую популярность.

После военных событий, произошедших около третьей четверти IV в. до н.э., использование лепной керамики на территории Елизаветовского городища значительно сократилось. При этом увеличилось применение высокоожелезненной глины с примесью крупно помолотого шамота, дресвы и слюды. Слабоожелезненная глина стала использоваться крайне редко, однако среднеожелезненная глина осталась наиболее распространенным материалом для изготовления лепной керамики. Сосуды с дугообразным горлом по-прежнему оставались самыми популярными, тогда как сосуды без выраженного горла, судя по полученным материалам из верхних слоев раскопа XLVII, вышли из употребления. Кроме того, сократилось количество орнаментированных сосудов, а украшения в виде налепов перестали использоваться вовсе

Дальнейшее исследование лепного керамического комплекса Елизаветовского городища и его обширного курганного могильника позволит дополнить наши представления об историко-культурных процессах, протекавших на территории Нижнего Дона в V—III вв. до н.э.

Литература

Брашинский И.Б. 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону. *КСИА* 133, 54—61.

Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н.э.* Ленинград: Наука.

Былкова В.П. 2007. *Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений)*. Херсон: ХГУ.

Губарев И.В. 2023. К типологии лепных горшков Елизаветовского городища В: Коваленко А.Н. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время*: *Материалы XIII Всероссийской научной конференции с международным участием, Ростов-на-Дону — Азов, 15—18 мая 2023 года*. Ростов-на-Дону; Азов: Южный, 56—63.

Губарев И.В. 2024. Лепная керамика V-III вв. до н.э. из Елизаветовского могильника на Нижнем Дону. *КСИА* 277, 177—191.

Губарев И.В. 2025. Об одной категории лепной керамики из материалов Елизаветовского археологического комплекса в дельте р. Дон. *НАВ* 24 (3), 81—94.

Книпович Т.Н. 1935. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам Гос. Академии материальной культуры в 1928 г. *ИГАИМК* 34, 11—201.

Ковпаненко Г.Т. 1967. *Племена скіфського часу на Ворсклі*. Киев: Наукова думка.

Копылов В.П., Марченко К.К. 1980. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону. *СА* 2, 155—160.

Копылов В.П. 2004. Хронология греко-варварской торговли в Нижне-Донском экономико-географическом районе (вторая половина VII — первая треть III в. до н.э.). В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01—31 марта 2004 года. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 60—67.

Копылов В.П., Коваленко А.Н. 2010. Отчет об исследованиях Южно-Донской экспедиции на островной части дельты Дона в Азовском районе Ростовской области в 2010 году. Архив ИИМО ЮФУ. Без номера.

Лукьяшко С.И. 2010. Лепные горшки скифского времени Нижнего Дона. В: Герасимова М.М., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*: Сборник статей в честь 60-летия Л.Т. Яблонского. Москва: ТАУС, 151—161 (МИАР 13).

Марченко К.К. 1970. Лепная керамика V-III вв. до н.э. с городища у ст. Елизаветинской. *СА* 1, 122—134.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону*. Москва: Палеограф.

Меньшикова В.А. 2008. Лепная керамика скифского Елизаветовского городища. В: Максименко В.Е. (отв. ред.). *Тезисы IV-ой Межвузовской археологической конференции студентов и аспирантов юга России*. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 21—23.

Меньшикова В.А. 2012. Лепные курильницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья. В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16—19 октября 2012*. Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 106—110.

Миллер А.А. 1929. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры в 1926 и 1927 гг. *СГАИМК* II, 60—122.

Пеляшенко К.Ю. 2020. *Ліплений посуд скіфського часу населення Дніпро-Донецького лісостепу.* Киев; Котельва: ИА НАН Украины; ИКЗ «Більськ».

Русаков М.Ю. 2020. Исследование кургана 136 Елизаветовского могильника. *КСИА* 259, 221—232.

Скорый С.А., Бессонова С.С. 1996. Жилищно-хозяйственные комплексы Моторинского городища. В: Супруненко О.Б. (отв. ред.). *Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи*. Полтава: ЦОДПА, 222—232.

Цетлин Ю.Б. 2006. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды. *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 421—425.

Шрамко Б.А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

References

Brashinskiy, I.B. 1973. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 133, 54—61 (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1980. *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu v V—III vv. do n.e. (Greek ceramic imports on the Lower Don in the 5th — 3rd centuries BCE).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Bylkova, V.P. 2007. *Nizhnee Podneprov'ye v antichnuyu epokhu (po materialam raskopok poseleniy) (The Lower Dnieper region in the ancient era (based on settlement excavation materials))*. Kherson: KHGU (in Russian).

Gubarev, I.V. 2023. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Mezhdunarodnyye otnosheniya v basseyne Chernogo morya. Antichnoye i srednevekovoye vremya: Materialy XIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Rostov-na-Donu — Azov, 15—18 maya 2023 goda (*International relations in the Black Sea basin. Ancient and medieval times: Proceedings of the XIII All-Russian scientific conference with international participation, Rostov-on-Don — Azov, May 15—18, 2023)*. Rostov-on-Don; Azov: Yuzhnyy, 56—63 (in Russian).

Gubarev, I.V. 2024. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 277, 177—191 (in Russian).

Gubarev, I.V. 2025. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 24 (3), 81—94 (in Russian).

Knipovich, T.N. 1935. In *Izvestija Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (Proceedings of National Academy of History of Material Culture)* 34, 11—201 (in Russian).

Kovpanenko, G.T. 1967. *Plemena skifs'kogo chasu na Vorskli (Tribes of the Scythian period on the Vorskla)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Kopylov, V.P., Marchenko, K.K. 1980. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 155—160 (in Russian).

Kopylov, V.P. 2004. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 01—31 marta 2004 goda (The Bosporan Phenomenon: Problems of Chronology and Dating of Monuments: Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, March 1—31, 2004)*. Pt. 2. Saint Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 60—67 (in Russian).

Kopylov, V.P., Kovalenko, A.N. 2010. Otchet ob issledovaniyakh Yuzhno-Donskoy ekspeditsii na ostrovnoy chasti del'ty Dona v Azovskom rayone Rostovskoy oblasti v 2010 godu. Arkhiv IIMO YUFU. Bez nomera.

Luk'yashko, S.I. 2010. In: Gerasimova, M.M., Malashev, V.Yu., Moshkova, M.G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy: Sbornik statey v chest' 60-letiya L.T. Yablonskogo (Archeology and paleoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories: A collection of articles in honor of the 60th Anniversary of L.T. Yablonsky)*. Moscow: TAUS, 151—161 (Materials and research on the archeology of Russia 13) (in Russian).

Marchenko, K.K. 1970. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 122—134 (in Russian).

Marchenko, K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov, V.P. 2000. *Elizavetovskoye gorodishche na Donu (Elizavetovskoye settlement on the Don)*. Moscow: Paleograf (in Russian).

Men'shikova, V.A. 2008. In: Maksimenko, V.E. (ed.). *Tezisy IV-oy Mezhvuzovskoy arkheologicheskoy konferentsii studentov i aspirantov yuga Rossii (Abstracts of the 4th Interuniversity Archaeological Conference of Students and Postgraduates of the South of Russia)*. Rostov-on-Don: YUFU, 21—23 (in Russian).

Men'shikova, V.A. 2012. In: Tel'nov, N.P. (otv. red.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III—II vv. do n.e. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Tiraspol', 16—19 oktyabrya 2012 (Antiquities of the Northern Black Sea region 3rd — 2nd centuries BCE. Proceedings of the International Scientific Conference, Tiraspol, October 16—19, 2012)*. Tiraspol: PGU im. T.G. Shevchenko, 106—110 (in Russian).

Miller, A.A. 1929. In *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Reports of the State Academy of the History of Material Culture)* II, 60—122 (in Russian).

Pelyashenko, K.Yu. 2020. *Lipleniy posud skifs'kogo chasu naselennya Dnipro-Donets'kogo lisostepu (Molded dishes of the Scythian period of the population of the Dnieper-Donetsk forest-steppe)*. Kiev; Kotel'va: IA NAN Ukrainy; IKZ “Bil's'k” (in Ukrainian).

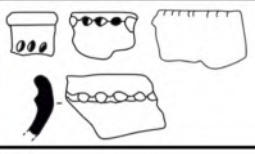
Rusakov, M.Yu. 2020. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 259, 221—232 (in Russian).

Skoryi, S.A., Bessonova, S.S. 1996. In: Suprunenko, O.B. (ed.). *Bil'ske gorodishche v konteksti vivchennya pam’yatok rann'ogo zaliznogo viku Evropy (Bilsk settlement in the context of studying the monuments of the early Iron Age of Europe)*. Poltava: TSODPA, 222—232 (in Ukrainian).

Tsetlin, Yu.B. 2006. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Questions of the Archaeology of the Volga region)*. Iss. 4. Samara: Nauchno-tekhnicheskiy tsentr, 421—425 (in Russian).

Shramko, B.A. 1987. *Bel'skoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) (The Belskoye settlement of the Scythian era (the city of Gelon))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Таблица 1. **Сводная характеристика лепной керамики двух периодов Елизаветовского городища**

	доля лепной керамики	ожелезненность глины	примеси	I тип	II тип	III тип	орнамент
до третьей четверти IV в. до н.э.	56 %	слабая 29% средняя 45% высокая 3%	песок мелкий шамот слюда	67 %	15 %	15 %	
после третьей четверти IV в . до н.э.	15 %	слабая 14% средняя 68% высокая 18%	песок крупный шамот дресва слюда	69 %	29 %	2 %	

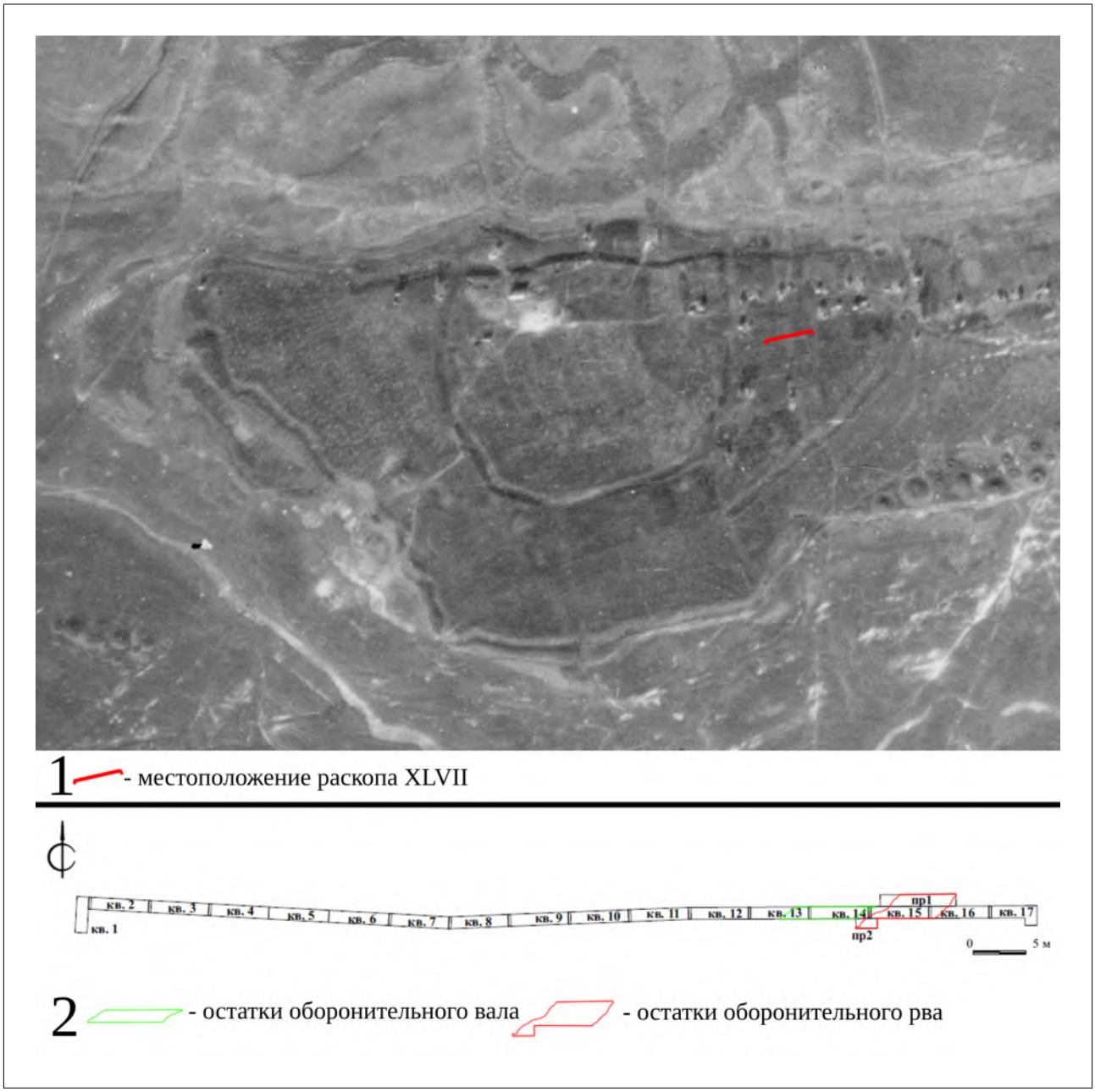


Рис. 1. Раскоп XLVII. *1* — раскоп на аэрофотоснимке Luftwaffe 1943 года; *2* — схема раскопа.

Fig. 1. Excavation XLVII. *1* — excavation on the Luftwaffe aerial photograph of 1943; *2* — excavation diagram.

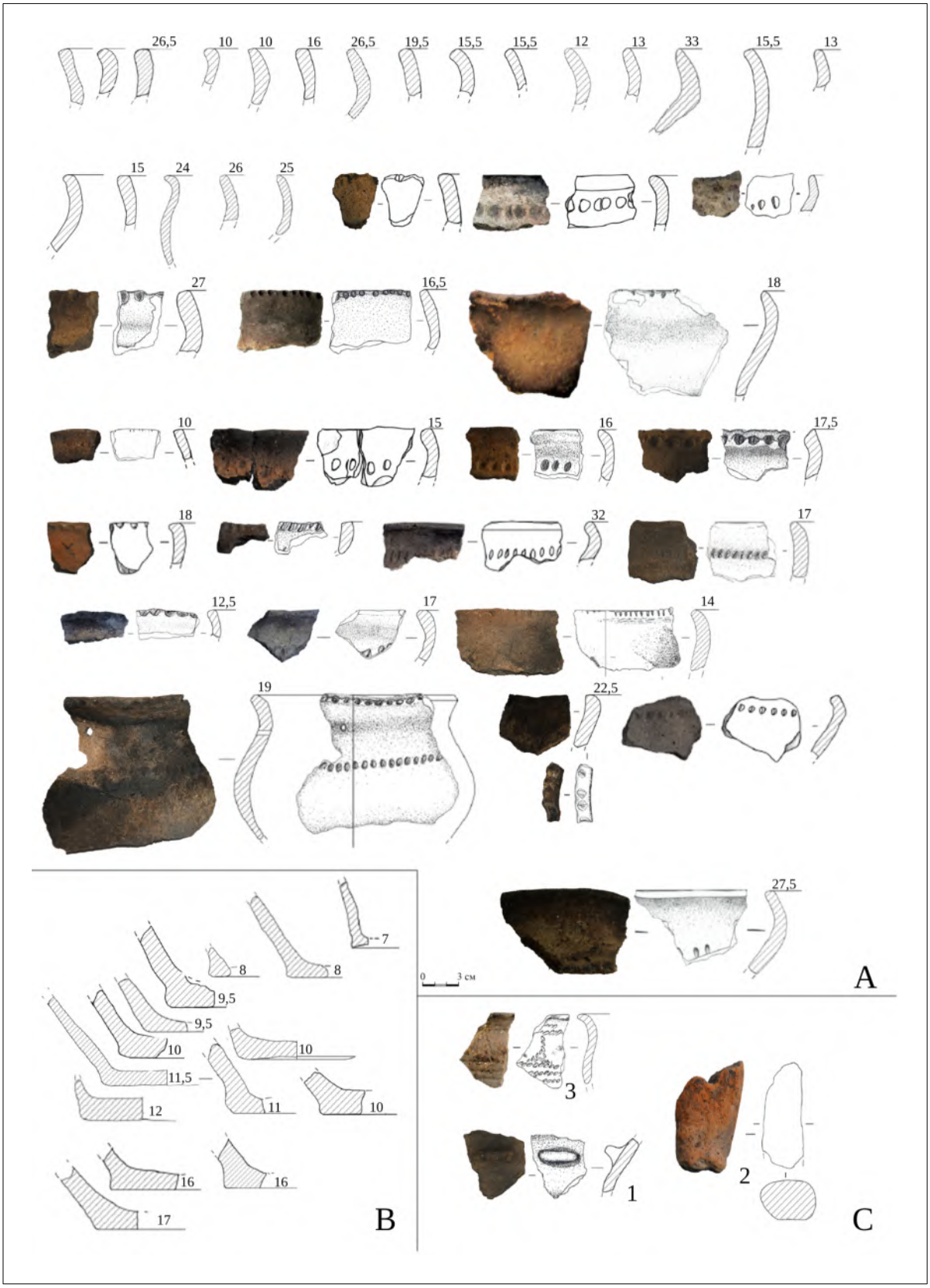


Рис. 2. Лепная керамика группы I. *A* — фрагменты верхних частей сосудов; *B* — фрагменты придонных частей сосудов; *C* — отдельные фрагменты лепной керамики.

Fig. 2. Hand-moulded ceramics of group I. *A* — fragments of the upper parts of vessels; *B* — fragments of the bottom parts of vessels; *C* — individual fragments of hand-moulded ceramics.

Рис. 3. Лепная керамика группы IIA.

Fig. 3. Moulded ceramics of group IIA.

Рис. 4. Лепная керамика группы IIБ.

Fig. 4. Moulded ceramics of group IIБ.

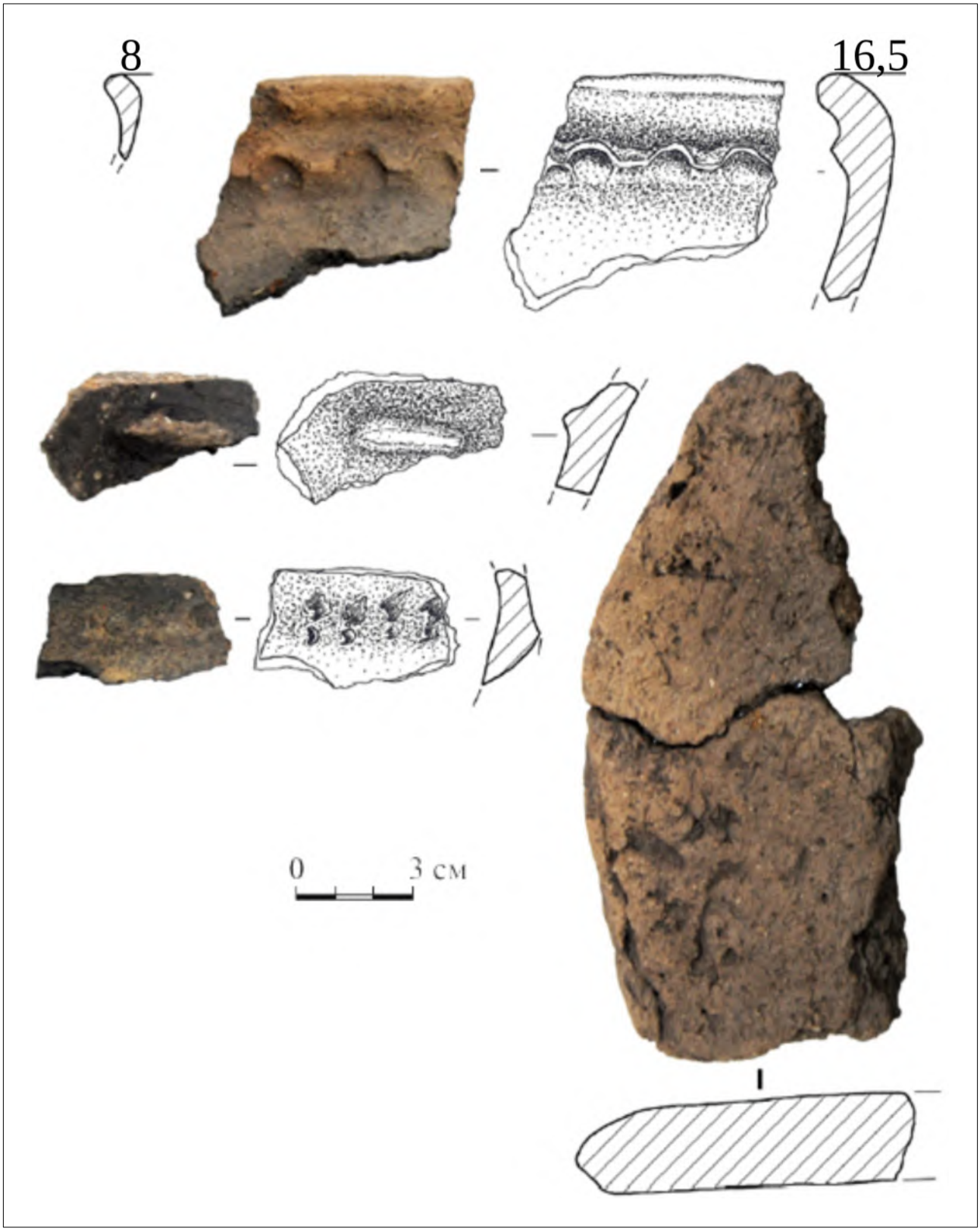


Рис. 5. Лепная керамика группы IIB.

Fig. 5. Moulded ceramics of group IIB.

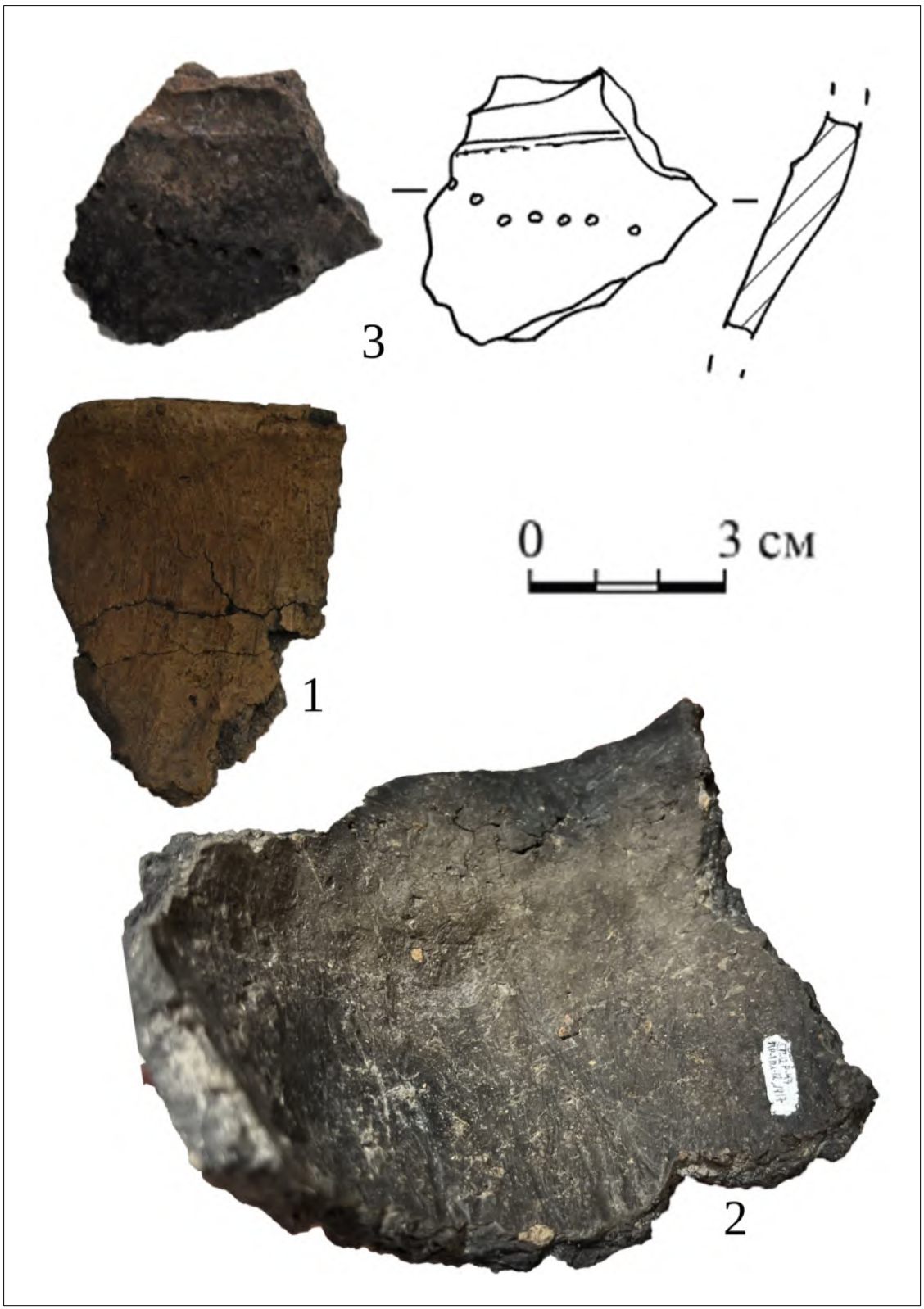


Рис. 6. Отдельные фрагменты лепных сосудов. *1* — фрагмент из группы IIA со следами на внешней поверхности; *2* — фрагмент из группы IIБ со следами на внутренней поверхности; *3* — фрагмент из группы IIA с выступом-гуртом.

Fig. 6. Individual fragments of molded vessels. *1* — fragment from group IIA with traces on the outer surface; *2* — fragment from group IIБ with traces on the inner surface; *3* — fragment from group IIA with a protruding rim.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.94.40.009

С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС (ЗЕМЛЯНКА) № 17/1979 Г. НА ЕЛИЗАВЕТОВСКОМ ГОРОДИЩЕ*

В статье впервые вводятся в научный оборот находки из заполнения котлована строительного комплекса № 17 и связанной с ним ямы № 1, открытые на Елизаветовском городище в 1979 г. Основной массив материала датируется в пределах 370-х – начала 340-х гг. Коллекция гераклейских клейм содержит оттиски с именами магистратов Κρωμνίτης, Κερκίνος, Διονύσιος-II, Ἀγνοδάμος, Καρακύδης, Μᾶτρις, Καλλίας. Особую важность представляют два клейма нового магистрата Γρυπίων, совсем недавно выделенного А.Б. Колесниковым. Благодаря материалам комплекса удалось не только уточнить правильное написание имени чиновника, но и определить время его деятельности в пределах 360-х гг. Фрагменты амфор Фасоса из комплекса имеют клейма магистрата Νύμφων, оттиснутые одним штампом (за исключением одного оттиска) и несомненно представляют собой единовременный сброс, маркирующий время засыпи котлована в пределах 340-х гг до н.э. Присутствие в комплексе верхней части сероглиняной амфоры Лесбоса позволяет установить датировку сосудов этого типа, крайне редко встречающихся на памятниках Северного Причерноморья.

Ключевые слова: Елизаветовское городище, амфорные клейма, IV в. до н.э., датировка.

Сведения об авторах: Монахов Сергей Юрьевич[1], доктор исторических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Кузнецова Елена Владимировна[2], кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: [1,2]410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, e-mail: [1]monachsj@mail.ru, [2]ev_kuznetsova@list.ru.

Sergey Monakhov, Elena Kuznetsova

BUILDING COMPLEX (DUGOUT) NO. 17/1979 AT THE ELIZAVETOVSKOYE SETTLEMENT

The article introduces for the first time into scientific circulation the finds from the filling of the pit of the building complex No. 17 and the associated pit No. 1, discovered at the Elizavetovskoye settlement in 1979. The main part of the finds is dated between the 370s and the beginning of the 340s BCE. The collection of stamps of Heraklea contains marks with the names of the magistrates Κρωμνίτης, Κερκίνος, Διονύσιος-II, Ἀγνοδάμος, Καρακύδης, Μᾶτρις, Καλλίας. The two stamps of the new magistrate Γρυπίων represented a special degree; it was recently singled out by A.B. Kolesnikov. Due to the materials of the complex, it was possible not only to clarify the correct spelling of the official's name, but also to determine the time of his activity within the 360s BCE. The fragments of the Thasian amphorae from the complex bear the stamps of the magistrate Νύμφων, imprinted with one matrix (with the exception of one exemplar) and undoubtedly represent a single discharge, marking the time of the filling of the pit within the 340s BCE. The presence of the upper part of the Lesbos grey clay amphora in the complex allows us to establish the dating of vessels of this type, which are extremely rare in the sites of the Northern Black Sea region.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00446, https://rscf.ru/project/24-18-00446/.

Статья поступила в номер 7 марта 2025 г.
Принята к печати 21 марта 2025 г.

© С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, 2025.

Key words: Elizavetovskoye settlement, amphorae stamps, 4th century BCE, dating.
About the authors: Monakhov Sergey[1], Dr. habil. (History), Professor, Saratov State University; Kuznetsova Elena[2], PhD (History), Saratov State University.
Contact information: [1,2]410012, Russia, Saratov, 83 Astrachanskaya Str., Saratov State University, e-mail: [1]monachsj@mail.ru, [2]ev_kuznetsova@list.ru.

В 1979 г. на Елизаветовском городище работала Южно-Донская экспедиция ЛОИА. Исследования велись и на городище (руководители В.Г. Житников и Ю.А. Виноградов под общим наблюдением К.К. Марченко), и на могильнике (руководитель В.П. Копылов). Возглавлял экспедицию И.Б. Брашинский (Брашинский 1980a: Л. 1). В центральной части городища были полностью открыты два строительных комплекса — № 16 и 17. Об одном из них и пойдет речь ниже.

Комплекс № 17 представлял собой прямоугольную в плане землянку с каркасно-столбовой конструкцией размерами 8,4 × 4,2—4,5 м, заглубленную в культурный слой и материк на 2,4 м. Глубина котлована в материке от 1,55 до 1,85 м. Стратиграфически комплекс № 17 предшествует комплексу № 16, который своей центральной частью перекрывал (и частично разрушил) южную половину интересующего нас объекта (Брашинский 1980a: Л. 8, рис. 3б; Марченко и др. 2000: 110, рис. 20: 16). Основной массив материала из засыпи комплекса № 16 датируется в пределах рубежа 290—280-х — начала 270-х гг., хотя и содержит незначительное количество более ранней примеси (Монахов, Кузнецова 2025a).

Согласно отчету, стены комплекса, представлявшие собой каркасно-столбовую конструкцию, были возведены на сравнительно высоком материковом уступе, идущем вдоль бортов котлована (Брашинский 1980a: Л. 13). В северной части котлована комплекса № 17 открыта большая прямоугольная яма № 1, а в центральной части — еще более обширная яма № 2, заглубленная в материковый пол землянки на 1,2—1,28 м. Находок на полу строения не обнаружено; не выявлено здесь и следов постоянных или временных очагов. И.Б. Брашинский полагал, что строительный комплекс № 17 имел, скорее всего, производственное или хозяйственное назначение (Брашинский 1980a: Л. 13—16).

В пределах засыпи землянки обнаружено большое количество находок (в том числе остатков меднолитейного производства), которые являются единовременным сбросом — остатками склада керамической тары, куда входили горло с ручкой сероглиняной **лесбосской** амфоры, горло **книдской** амфоры с грибовидным венцом, а также обширная коллекция амфорных клейм, среди которых 18 одинаковых **фасосских** клейм Нюмфона и Левкона (эмблемы «гусь» и «якорь»), 5 **гераклейских** клейм магистрата Каллия, еще нескольких энглифических клейм с неясными легендами. По мнению И.Б. Брашинского комплекс № 17 полностью соответствует комплексу склада амфор из «Дома виноторговца» 1971 г. (Брашинский 1980b: 35—36). Не совсем ясна ситуация с материалами ямы № 1. В тексте отчета отсутствуют упоминания о находках целых сосудов в пределах заполнения комплекса и ям, расчищенных в границах котлована. Вместе с тем, имеется описание небольшого «склада амфор в яме-хранилище в восточной части раскопа», содержавшей амфоры Гераклеи (не менее 7), Синопы (1) и типа Солоха II (1) (Брашинский 1980a: Л. 18). По мнению автора раскопок, данная яма имела непосредственное отношение к комплексу № 17. В инвентарной описи находок присутствуют только две гераклейские амфоры с клеймами, для которых в качестве места находки указывается яма № 1 на Раскопе XIV без упоминания котлована № 17. Скорее всего, речь идет о сосудах из ямы вне комплекса из-за предполагаемой связи между двумя объектами. Характеристику материала мы начнем с описания именно этих двух сосудов и найденного вместе с ними синопского клейма из **ямы № 1**.

Первая *гераклейская* амфора без ножки относится к типу I-A (рис. 1: 1). На ее горле энглифическое клеймо с легендой Βοστρύ(χο) | Σπίνθ(αρος) с эмблемой «палица» между строк. Аналогии известны во множестве (Федосеев 2016: 135, №№ 1128—1129; Монахов и др. 2016: 55, табл. 3: 3; 2021: 249, НР.46). Магистрат Σπίνθαρος относится к IVБ МГ по

классификации В.И. Каца и датируется 340-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 432) или 340—335 гг. до н.э. (Монахов 1999: 635; Tzochev 2024: 103, tabl. 1). Однако новые комплексы, в которых встречаются амфоры с клеймами этого магистрата, по сопровождающему материалу относятся к 350—340-м гг., что говорит в пользу датировки, предложенной В.И. Кацем. Речь идет о погребении № 427 Прикубанского могильника (Монахов и др. 2021: 92—93), погр. № 35 кургана № 2/2010 г. курганной группы Фурожан-3 (Монахов и др. 2021: 41—43) и, в особенности, яме И-7/2013 г. в Мирмекии, где в заполнении, помимо гераклейских оттисков, найдены клейма Синопы (Монахов и др. 2016: 55—56).

Вторая *гераклейская* амфора также без ножки, типологически скорее относится к типу II-2 (рис. 1: 2). На ее горле энглифическое клеймо в виде пятиконечной звезды с двумя буквами «Με», скорее всего «Μεν(-)», а также эмблема «канфар» в одном из лучей. Вероятнее всего это сокращение имени магистрата Μενοίτιος, для которого эмблема «канфар» обычна (Федосеев 2016: 183). Аналогии немногочисленные (Федосеев 2016: 258, № 2558, автор восстанавливает ΘΕΥ, что, скорее всего, ошибочно). Магистрат Μενοίτιος относится к IVБ МГ по классификации В.И. Каца и датируется 340-ми гг. (Кац 2007: 432; Tzochev 2024: 103, tabl. 1).

Судя по описи, в заполнении ямы присутствовало клеймо на ручке *синопской* амфоры с легендой, выполненной бустрофедоном: ἐ|πὶ Ἀσχίνου | Βάντοσ «канфар» (рис. 1: 3). Штамп довольно редкий, известно два экземпляра из раскопок Горгиппии, один из Семибратнего городища (Кац 2015: №№ 1016—1017, 2273), еще один найден на поселении Андреевка Южная (Кругликова, Виноградов 1973: рис. 16)[1]. Подобные клейма В.И. Кац связывает с деятельностью астинома Αἰσχίνης-1, отнесенного им к подгруппе ID и датирующегося концом 340-х гг. (Кац 2015: № 1016—1017).

Таким образом, материалы из заполнения ямы датируются в пределах 340-х гг. до н.э.

Среди материалов из **заполнения котлована** строительного комплекса № 17, находящихся на хранении в фондах РОМК, основную массу составляют клейменые фрагменты амфор. Вместе с тем, присутствуют и неклейменые экземпляры. Среди них, горло *книдской* амфоры (рис. 1: 4) «геленджикского» варианта (Монахов, Кузнецова 2021: 195, рис. 6: *2*). Такие сосуды известны по многочисленным находкам, в том числе в хорошо датированных комплексах из Херсонеса (Монахов и др. 2017: Kn.4, Kn.5), из комплекса середины — третьей четверти IV века из Тирамбы (Монахов и др. 2020: 161, Kn.2), встречены они и в Средиземноморье (Dusenbery 1998: 176, S-113A). В котловане присутствовала кубаревидная ножка от другого книдского сосуда (рис. 1: 5), скорее всего, относящегося к следующему типу II («с коническим горлом и кубаревидной ножкой»), который начинает производиться в третьей четверти IV века (Монахов 2003: 104—106).

Весьма интересно присутствие в комплексе горла *лесбосской* сероглиняной амфоры (рис. 1: 6) варианта III-B с маленьким валикообразным венцом с невысоким уступом. Находки подобных сосудов весьма редки. Аналогии немногочисленные, но они есть (Clinkenbeard 1986: fig. 5: 4). Горло аналогичного сосуда второй четверти — середины IV в. обнаружено в надскальном слое в I квартале Херсонеса (Монахов и др. 2017: 78, LG.2). Недавно такая целая амфора была найдена в строительном комплексе № 32/2019 г. на Елизаветовском городище, в настоящее время она хранится в Учебном музее археологии ЮФУ.

Среди материала присутствовали и фрагменты амфор *Хиоса* (рис. 1: 7), *Гераклеи* (рис. 1: 8), *Фасоса* (рис. 4: 3, 4).

Самая многочисленная группа амфорных клейм из комплекса № 17 (помимо ямы № 1) представлена продукцией **Гераклеи Понтийской**, зафиксированы как фрагментированные сосуды, так и отдельные энглифические оттиски.

Наиболее ранний экземпляр из заполнения представлен клеймом с легендой Θε(---) и эмблемой «полумесяц» рогами вверх (Брашинский 1980b: 177, № 486—487; Федосеев 2016:

[1] Мы благодарим А.Б. Колесникова за предоставленные аналогии.

№ 2333) (рис. 2: 1). Подобные оттиски связывают с деятельностью магистрата Θε(---) и датируют 390-ми гг. (Кац 2007: 431).

Фрагментированный оттиск, легенда в котором надежно восстанавливается: Θεοξ(ένου) «гроздь» Κρωμ(νίτης), содержит имя известного магистрата II-А МГ Κρωμνίτης и фабриканта Θεόξενος (рис. 2: 2). Такие клейма широко известны и встречаются на разных античных памятниках Северного Причерноморья (IOSPE III: № 869; Колесников 1998: 138, № 9; Кац 2015: №№ 721—723; Федосеев 2016: №№ 1565—1581; Монахов и др. 2019: 197, НР.46). Магистрат Κρωμνίτης по классификации В.И. Каца датируется 380-ми гг. (Кац 2007: 431). Следует, однако, отметить, что в последние годы появился ряд работ, в которых предложенная В.И. Кацем датировка подвергается пересмотру. Не вдаваясь в подробности спора эпиграфистов, требующих отдельного внимания, укажем лишь, что интересующий нас магистрат перемещен в группу «D» предлагаемых классификаций и продатирован 371—363 гг. до н.э. (Balabanov et al. 2016: tabl. III) или 367—359 гг. до н.э. (Tzochev 2024: 103, tabl. 1). Предпринятая авторами корректировка хронологии вызывает ряд вопрос и не может быть принята бесспорно (Кац 2020). Вместе с тем, проведенный нами анализ известных комплексов, содержавших амфоры с именем этого магистрата, позволяет говорить о том, что время исполнения Κρωμνίτης магистратуры должно быть повышено до второй половины 370-х — 360-х гг. до н.э. (Монахов, Кузнецова 2025b).

Основная часть зафиксированных в комплексе гераклейский клейм датируется в пределах 370—360-х гг. до н.э. Среди них клеймо с легендой в две строки Διονυ|σίο Κερ(κίνο) (рис. 2: 3). Магистрат Κερκίνος относится к II-Б МГ по классификации В.И. Каца, датируется 370-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 429). Известно несколько десятков оттисков (Teleaga 2008: 376; Кац 2015: №№ 705—712, 2174; Balabanov et al. 2016: Cat. 56; Федосеев 2016: №№ 1291—1306). Зафиксирована и целая амфора с таким клеймом (Монахов и др. 2023: 75, НР.9).

К следующей магистратской группе (III-А) относится клеймо с легендой [Ἡρ]ακλείδα | [ἐπ]ὶ Ἀγνοδάμ(ο) (рис. 2: 4), аналогии которому известны (Кац 2015: № 589—590; Федосеев 2016: № 20—21). Магистрат Ἀγνοδάμος датируется 360-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 431).

Следующее клеймо с именем того же фабриканта Ἡρακλείδας, сохранилось не полностью (рис. 2: 5), но восстанавливается достаточно надежно: Ἡρακλε[ίδα] | ἐπὶ Μά[τριος] (Федосеев 2016: №№ 655—663). Магистрат Μᾶτρις также относится к III-А МГ и датируется в пределах 360-х гг. до н.э. (Кац 2007: 432).

Еще 2 энглифических *гераклейских* клейма содержат имя магистрата Καρακύδης в фигурных клеймах в виде листа плюща. Первое с легендой Σατύρο | ἐπὶ Καρα|κύδεος вокруг эмблемы «гроздь» (рис. 2: 7), довольно редкого штампа, известно по находкам на Елизаветовском городище (Брашинский 1980b: 172, № 418—419). Второе клеймо содержит легенду Ἡρακλε|ίδα ἐπὶ | [Καρακύ]δεος вокруг эмблемы «гроздь» (рис. 2: 6), аналогии встречены в кургане № 5 группы Пять братьев (Брашинский 1980b: № 96; Полин 2014: 302), на Елизаветовском городище (Брашинский 1980b: № 413—414), в Горгиппии (Кац 2015: № 698) и других местах (см.: Федосеев 2016: № 463—464). Магистрат Καρακύδης, как и предыдущий, относится к III-А МГ и датируется в пределах 360-х гг. до н.э. (Кац 2015: № 432).

В еще одном фрагментированном гераклейском клейме отчетливо читается имя фабриканта Ἀπολλώνιος и эмблема «полумесяц» рожками вверх (рис. 2: 8). Вторая строка, по всей видимости, не отпечаталась. Указанная эмблема характерна для клейм магистрата Διονύσιος-II (см., например: Федосеев 2016: №№ 322—327). Прямой аналогии оттиску нам найти не удалось. Магистрат Διονύσιος-II принадлежит той же III-А МГ и датируется в пределах 360-х гг.(Кац 2007: 431).

В комплексе по информации И.Б. Брашинского встречено 5 энглифических клейм с именем *гераклейского* магистрата *Каллия*, из которых нам удалось найти в хранении 3 клейма со следующими легендами: ἐπὶ Καλλία(ς) | Χαιρέσιο(ς), новый штамп (рис. 3: 1); «полумесяц» ἐπὶ Καλλία(ς) | Διονυσίο(ς) (Федосеев 2016: № 422) (рис. 3: 2) Третий оттиск сохранился лишь частично: [ἐπὶ] Καλλία(ς) | (---), вторая строка отбита (рис. 3: 3), возможны несколько вариантов восстановления имени фабриканта —Δαμοφῶντος (Кац 2015: № 2191; Федосеев 2016: № 417—419);

Ἡρακλείδα (Брашинский 1980b: табл. XXVIII, № 383; Федосеев 2016: № 429); Μῦς (Федосеев 2016: № 437). Все три клейма относятся к магистрату Каллию, принадлежащему III-Б МГ и датирующемуся 360-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 432). В последней своей монографии В.И. Кац отнес деятельность данного магистрата к 350-м гг. до н.э. (Кац 2015: №№ 689—694).

Следующее клеймо также представляет собой довольно редкий экземпляр. Верхняя строка частично отбита, эмблема «семилучевая звезда», во второй строке отчетливо читается ἐπὶ Γρύπ(---) (рис. 3: 4). Совершенно очевидно, что штамп аналогичен тому, что найден в Фанагории в 1959 г. (Колесников 2019: 305, рис. 2). Точно такое же клеймо имеется на горле из раскопок Нимфея 1972 г., хранящемся в Государственном Эрмитаже[2]. Данный оттиск гораздо лучшей сохранности и позволяет дать следующее восстановление легенды: [Εὐά]ρχ[ο] | ἐπὶ Γρυπί(ωνος), эмблема «семилучевая звезда». Фабрикант Εὔαρχος известен по клеймам магистратов групп II-Б и III-А. Точно такой же оттиск имеется на горле гераклейской амфоры из кургана № 5 группы «Пять братьев», И.Б. Брашинский восстанавливал в легенде имя Κρυπτ (Брашинский 1980b: 117, № 98). Позднее В.И. Кац предложил свое чтение — Πυθι(-) (Кац 2017: 201), которое оспорил А.Б. Колесников, по мнению которого возможными будут только два варианта: *Γρύπων* или *Γρυπίων* (Колесников 2019: 305). С учетом клейма из Нимфея возможен только один вариант имени — Γρυπίων.

Еще одно *гераклейское* клеймо читается совершенно точно как: Δαμο(---) | Γρυ(---), эмблема «фимиатерий», буква «ρ» ретроградно (рис. 3: 5). В свое время И.Б. Брашинский видел в таком же клейме из 5-го «Пятибратнего» кургана имя Εὐρύδαμος в две строки (δάμο «фимиатерий» → Εὐρυ- ←) (Брашинский 1980b: 114, № 69). Штамп довольно редкий. Примечательно, что из раскопок Елизаветовского городища известно еще 6 экземпляров клейм одного штампа с сокращенными именами магистрата Γρυ(---) и фабриканта Δαμο(---) (Брашинский 1980b: 158, №№ 196—201, табл. XXV: 198), аналогичных оттиску из комплекса № 17. Единственное клеймо за пределами Елизаветовки, о котором нам известно, происходит из раскопок поселения Вышестеблиевская-3 (Кашаев, Павличенко 2019: 85, 86, рис. 3, № 39). Оттиск сохранился не полностью, верхняя строка отбита, но эмблема и вторая строка видны отчетливо. Судя по всему, мы имеем дело с оттисками одного и того же штампа. Для первой строки можно предположить два варианта имени — Δαμόστρατος и Δαμοφῶν. Нам неизвестны клейма, в которых указанные имена встречались бы в сильном сокращении. При этом фабрикант Дамострат известен в сочетании с магистратами только группы II-Б 370-х гг., а вот деятельность Дамофона охватывает более широкий период. Его имя встречается в сочетании с магистратами групп II-Б, III-А, III-Б и IV-А, работавших в 370—340-х гг. до н.э.

Скорее всего, в данном клейме мы имеем имя того же магистрата Γρυπίων, о котором речь шла выше. Хотя типологически клейма сильно отличаются — имена фабрикантов даны в разной форме написания, эпонимный предлог в одном случае отсутствует, эмблемы также разные. В связи с этим, нельзя исключать вероятность, что мы имеем дело с двумя разными людьми. Что касается датировки, то В.И. Кац предложил поместить магистрата (которого он восстанавливал как Κρυπτ(-), а потом как Πυθι(-)) в III магистратскую группу с датировкой в пределах 360-х гг. (Кац 2017: 201).

Следующее клеймо представляет собой энглифический анэпиграфный оттиск в виде левой ладони (рис. 3: 6). Аналогии известны на Елизаветовском городище (Брашинский 1980b: 179, № 534—535, табл. XXX) и на Европейском Боспоре (Федосеев 2016: № 2592).

Наконец, легенды еще трех *гераклейских* энглифических клейм не восстанавливаются. В первом клейме, оттиснутом как минимум дважды со смещением, отчетливо читается эмблема «палица» (рис. 3: 7). Во втором фрагментированном оттиске сохранились три конечные буквы первой строки — [---]σεα (рис. 3: 8), третий оттиск вовсе не читается (рис. 3: 9).

Чуть меньшим количеством керамической тары представлена продукция **Фасоса**, где есть как фрагменты горл, так и отдельные рельефные клейма на ручках.

[2] Госкаталог РФ: № 8963573, КПГЭ.1977-32/20, инв. № НФ.72-20 (goskatalog.ru: id=9078423).

Верхняя часть горла *фасосской* амфоры «порфмийской» серии (Монахов 2003: табл. 39), на ручке клеймо с легендой Νύμφων Θάσ|ιο|ν Λεύκω|ν «птица» (или «гусь») (рис. 4: 1). В данном случае это магистрат Νύμφων, время деятельности которого определяют по-разному. В.И. Кац относит его к 5 этапу и датирует 350-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 415; 2015: №№ 157—163). И. Гарлан и Ч. Цочев включают его в группу F2 340-х гг. (Garlan 1999: p. 50; Tzochev 2016: tabl. 2). Амфоры этой серии хорошо представлены в Причерноморье, в том числе и в комплексах нимфейского подвала 1993 г. (Монахов и др. 2016: рис. 12: 7, 8, Th.4), херсонесского колодца у базилики Крузе 2014—2015 гг. (Монахов и др. 2017: 84, Th.3), погребения № 88 Прикубанского некрополя (Монахов и др. 2021: 105, Th.1), погребения № 297з Старокорсунское городище № 2 (Монахов и др. 2022: 41, 81, Th.1), конца второй—начала третьей четверти IV столетия.

Аналогичные клейма Нюмфона того же штампа (Νύμφων Θάσ|ιο|ν Λεύκω|ν «птица» (или «гусь»)) стоят на *фасосских* амфорах «развитой» биконической серии (Монахов 2003: табл. 44, 45), что можно видеть по фрагментам горл и отдельным ножкам, найденным в заполнении строительного комплекса № 17 (рис. 4: 2—5).

Кроме того, еще 7 оттисков того же штампа зафиксированы на отдельных фрагментах ручек (рис. 4: 6—12).

Еще одно *фасосское* клеймо на отдельной ручке содержит имя все того же магистрата Νύμφων, но иного штампа в сочетании с именем фабриканта Каллифона (Νύμφων Θά|σιο|ν Καλλιφ|ῶν, эмблема «якорь») (Garlan 1999: 97, № 741) (рис. 6: 13).

Таким образом, перечисленный набор керамической тары Книда, Лесбоса, Гераклеи и Фасоса дает уверенный хронологический диапазон для строительного комплекса № 17 в пределах 360—340-х гг. до н.э.

Однако нужно заметить, что в засыпи этого комплекса присутствовал и явно **более поздний материал**. В частности, *херсонесское* желобчатое клеймо на ручке Ἀπολλων[ίου] | ἀστυνόμ[ου] с именем астинома I-Б подгруппы Ἀπολλώνιος (рис. 5: 1), который датируется 316—305 гг. до н.э. (Кац 2007: 326).

Второе клеймо принадлежало амфоре *Синопы*, легенда сохранилась отчетливо — ἀστυνόμου | Δημητρίου | Μιθραδάτης «голова влево» (рис. 5: 2). Вне всякого сомнения, оно принадлежит астиному Деметрию-1, аналогии этому штампу многочисленны (IOSPE III: №№ 2221—2226, 2228; Canarache 1957: No.°361; Conovici 1998: 72, No.°92; Garlan, Kara 2004: № 231). Астином относится к подгруппе V-А и датируется концом 280-х — началом 270-х гг. (Garlan, Kara 2004: 97; Кац 2007: 435).

Родосское клеймо овальной формы с легендой в две строки Τι|μαρ(-) несомненно принадлежит к родосской ранней группе (рис. 5: 3). По общему мнению, такие клейма действительно являются родосскими (Бадальянц 1978: 214, № 60; Колесников 1985: 78; Монахов 2003: 114, табл. 79: *3*), о чем свидетельствуют многие признаки, в том числе и характер глины. Горло амфоры «протородосского» типа с грибовидным нависающим венцом и клеймом Τι|μαρ(-) на ручке хранится в Керченском музее (по сообщению В.И. Каца, инв. № К-8869). Аналогичные клейменые ручки типичной родосской глины встречены на усадьбе у евпаторийского маяка (Колесников 1985: 78, рис. 4, № 162), на Елизаветовском городище (Брашинский 1980b: 200, № 769), на усадьбе Литвиненко (Херсонский музей, инв. № А-6487) и в Зеленском кургане (Монахов 1999: 482, 483, табл. 205: *9*). Традиционно такие клейма Тимарха датируют концом IV — началом III в. до н.э. (amphoralex.org. RF-TIMAP(-005).

Этот же родосский фабрикант Тимарх ставил иногда клейма иным штампом в одну строку (Τιμάρχου), самой известной находкой является клеймо из насыпи Чертомлыкского кургана (Монахов 1999: 363; Полин 2014: 448, 644).

В заполнении котлована присутствовало и некоторое количество **чернолаковой керамики**. Среди нее следует отметить фрагменты краснофигурного колоколовидного *кратера* — стенку (Брашинский 1980b: 56, табл. XXXV: *9*) и часть ножки. На стенке сохранилась роспись — голова женщины с частью туловища, повернута вправо. Волосы

уложены в прическу. На голове венок белой краской. Под венцом шел фриз в цвете глины с изображением гирлянды из листьев (рис. 5: 4).

Найдено также археологически целое *рыбное блюдо* (рис. 5: 5). Диаметр сосуда — 240 мм; d солонки — 60 мм; d поддона — 40 мм; H — 45 мм. У сосуда массивный кольцевой поддон с желобком на подошве и выпуклой внешней поверхностью. Снаружи на дне широкая полоса черного лака и два тонких концентрических круга красным лаком ближе к центру дна; центр дна обозначен черной точкой. Стенка сосуда выгнутая, заканчивается массивным отогнутым венцом, над краем сосуда желобок. Солонка небольшая, выделена невысоким бортиком. Подобные сосуды широко встречаются на античных памятниках и традиционно датируются третьей четвертью IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 147—148; Егорова 2009: 41, 140, № 475).

Фрагмент венца чернолакового кубковидного *канфара* с формованным венчиком (Kantharos: moulded rim) (рис. 5: 6). Достаточно популярная форма сосуда, встречающаяся в большом количестве на различных античных памятниках и датирующаяся в пределах третьей четверти IV в. (Sparkes, Talcott 1970: 283, No. 663, 666).

Фрагмент венца чашевидного *скифоса* (cup-skyphos), венец отогнут наружу, под ним неширокий желобок (рис. 5: 7). По материалам Афинской агоры самые поздние экземпляры датируются ок. 380 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 280, No. 622, 623). В материалах Северного Причерноморья такие сосуды встречаются в комплексах второй — третьей четвертей IV в. до н.э. (Егорова 2009: 31; Рогов 2011: 116, №№ 65—67).

Наконец, последний чернолаковый фрагмент принадлежал небольшой *миске* или чаше. Внутри на дне штампованный орнамент в виде пяти рядов насечек, внутри которых, по-видимому, были оттиснуты пальметты (рис. 5: 8). Подобные мотивы орнаментации использовались на протяжении всего IV в. (Sparkes, Talcott 1970: Nos. 517, 560, 805; Егорова 2009: № 468, 613).

Таким образом основной массив материала из заполнения строительного комплекса № 17, представленного гераклейскими клеймами, датируется в пределах 380—360-х гг. до н.э. В то же время, все фасосские клейменые фрагменты по существующим классификациям относятся к 350—340-м гг. до н.э. Также, 340-ми гг. до н.э. датируются и материалы из ямы, которую автор раскопок функционально связывал с рассматриваемым производственным комплексом. Можно предположить, что строительный комплекс № 17 использовался на протяжении нескольких десятилетий — с **конца 380-х или самого начала 370-х гг.** до н.э., а окончательно был **засыпан в 340-х гг.** до н.э.

Литература

Бадальянц Ю.С. 1978. Родосские амфорные клейма из Нимфея (раскопки 1970—1974 гг.). *СА* 4, 207—217.

Брашинский И.Б. 1980a: Архив РОМК. Ф. 2. Д. 2. 66 с. Брашинский И.Б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1979 г. Раскопки Елизаветовского городища.

Брашинский И.Б. 1980b. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Ленинград: Наука.

goskatalog.ru: Госкаталог РФ: № 8963573, КПГЭ.1977-32/20, инв. № НФ.72-20. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9078423 (дата обращения 31.01.2025).

Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV—II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. Москва: МГУ.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.

Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора*. Ч. I. *Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище*. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2017. Уточнение списка магистратов, контролировавших керамическое производство в Гераклее Понтийской. *Stratum plus* 3, 199—213.

Кац В.И. 2020. Рецензия на: Balabanov P., Garlan Y. et Avram A. Les timbres amphoriques Grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'etablissement de Kostadin

Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.). *Pontica* XLVIII—XLIX, Supplementum IV. 2016. Constanţa. *Stratum plus* 3, 407—417.

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. 2019. Амфорные клейма из раскопок поселения Вышестеблиевская-3 на Таманском полуострове в 2013 г. *АВ* 25, 77—95.

Колесников А.Б. 1985. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. *ВДИ* 2, 67—93.

Колесников А.Б. 1998. К интерпретации источников по античному виноградарству. *ДБ* 1, 125—142.

Колесников А.Б. 2019. Новые гераклейские магистраты. *Боспорские чтения* XX. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований.* Симферополь; Керчь: Центр археологических исследований «Деметра», 301—308.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону.* Москва: Paleograph.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммерида, Саратовский университет.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2021. Уточненная хронология книдских амфор IV — начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани. *Stratum plus* 6, 183—205.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2025a. Строительный комплекс № 16/1979 года на Елизаветовском городище. *Нижневолжский археологический вестник* (в печати).

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2025b. Новые гераклейские магистраты и некоторые уточнения по относительной хронологии гераклейского клеймения. *Stratum plus* 6 (в печати).

Монахов и др. 2016: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог*. Керчь; Саратов: Типография «Новый проект».

Монахов и др. 2017: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2017. *Амфоры V—II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог*. Саратов: Типография «Новый проект».

Монахов и др. 2019: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI—II вв. до н.э. Каталог*. Саратов Типография «Амирит».

Монахов и др. 2020: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н Б. 2020. *Амфоры VI—I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.* Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2021: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. *Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына)*. Саратов: ООО «Волга».

Монахов и др. 2022: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2022. *Амфоры VII—I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына.* Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2023: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Новиченкова Н.Г. Чурекова Н.Б. 2023. *Амфоры VI—II в. до н.э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея.* Саратов: Типография «Амирит».

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV в. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Рогов Е.Я. 2011. *Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму*. Симферополь; Керчь: Центр археологических исследований «Деметра» (МАИЭТ. Suppl. 10).

Федосеев Н.Ф. 2016. *Керамические клейма. Гераклея Понтийская.* Ч. 2. Керчь: ООО «Соло-Рич».

Balabanov P., Garlan Y., Avram A. 2016. *Les Timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du Ive siècle av. J.-C.).* Constanţa: Muzeul de Istorie Naţională şi Arheologie Constanţa.

Canarache V. 1957. *Importul amforelor stampilate la Istria.* Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.

Clinkenbeard B.G. 1986. Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions Concerning Collaboration. *Bulletin de Correspondance Hellénique.* Suppl. XIII, 353—362.

Conovici N., 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). *Histria* VIII.

Dusenbery E.B. 1998. *The Nekropoleis and Catalogues of Burials. Samothrace* II.

Garlan Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris: École Française d'Athènes.

Garlan Y., Kara H. 2004. Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. *Corpus International des Timbres Amphoriques* 10 / *Varia Anatolica* XVI. Paris: De Boccard.

Sparkes B.A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora* XII.

Teleaga E. 2008. Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6.Jh – Anfang des 3. Jhs. V. Chr. *Marburger Studien zur Vor– und Fruhgeschichte* 23.

Tzochev C. 2016. Amphora Stamps from Thasos. *The Athenian Agora* XXXVII.

Tzochev C. 2024. Anchoring the chronology of amphora stamps from Herakleia Pontica. *AURA* 7, 99—104.

References

Badal'yants, Yu.S. 1978. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 4, 207—217 (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1980a: Arkhiv ROMK. F. 2. D. 2. 66 s.

Brashinskiy, I.B. Otchet o rabote Yuzhno-Donskoy ekspeditsii v 1979 g. Raskopki Elizavetovskogo gorodishcha.

Brashinskiy, I.B. 1980b. *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu (Greek ceramic imports on the Lower Don)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

goskatalog.ru: State Catalog of the Russian Federation: No 8963573, KPGE.1977-32/20, inv. No. NF.72-20. Available at: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9078423 (accessed 31.01.2025).

Egorova, T.V. 2009. *Chernolakovaya keramika IV—II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-glazed ceramics of the 4th — 2nd centuries BCE from sites of Northwestern Crimea)*. Moscow: MGU (in Russian).

Kats, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XVIII (in Russian).

Kats V.I. 2015. *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora (Ceramic stamps of the Asian Bosporus)*. Pt. I. *Gorgippiya i ee khora, Semibratnee gorodishche (Gorgippia and its chora, Semibratneye settlement)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Kats, V.I. 2017. In *Stratum plus* 3, 199—213 (in Russian).

Kats, V.I. 2020. In *Stratum plus* 3, 407—417 (in Russian).

Kashaev, S.V., Pavlichenko, N.A. 2019. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 25, 77—95 (in Russian).

Kolesnikov, A.B. 1985. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 67—93 (in Russian).

Kolesnikov, A.B. 1998. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 1, 125—142 (in Russian).

Kolesnikov, A.B. 2019. In *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings)* XX. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy (The Cimmerian and Barbarian World of the Bosporus in Classical Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Research Prospects)*. Simferopol; Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy "Demetra", 301—308 (in Russian).

Marchenko, K.K., Zhitnikov, V.G., Kopylov, V.P. 2000. *Eelizavetovskoe gorodishche na Donu (The Elizavetovskoye Settlement on the Don)*. Moscow: Paleograph (in Russian).

Monakhov et al. 2016: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016. *Amfory VI—II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog (Amphoras of the 6th — 2nd centuries BCE from the collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Catalogue)*. Kerch; Saratov: Tipografiya "Novyy proyekt" (in Russian).

Monakhov et al. 2019: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, Ee.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019. *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI—II vv. do n.e. Katalog (The Antique Amphora Collection of the State Hermitage Museum, 6th — 2nd centuries BCE. Catalogue)*. Saratov Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2020: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N B. 2020. *Amfory VI—I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina (Amphoras of the 6h — 1st Centuries BCE from the Collection of the A. S. Pushkin State Museum of Fine Arts)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian.

Monakhov et al. 2021: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova N.B. 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV — nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna) (Amphoras of the*

Prikuban Necropolis, 4h — early 3rd centuries BCE (from the collection of the E.D. Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve)). Saratov: OOO "Volga" (in Russian.

Monakhov et al. 2022: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022. *Amfory VII—I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna (Amphoras of the 7th — 1st centuries BCE from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2023: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Novichenkova, N.G. Churekova, N.B. 2023. *Amfory VI—II v. do n.e. iz sobraniya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya (Amphoras of the 6th — 2nd centuries BCE from the collection of the Yalta Historical and Literary Museum)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye: kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek Amphorae in the Black Sea Region: Ceramic Container Complexes of the 7th — 2nd Centuries BCE).* Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksportorov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel' (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae from Leading Ceramic Exporting Centers. A Guide Catalog)*. Moscow; Saratov: Kimmerida, Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2021. In Stratum plus 6, 183—205 (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2025a. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga. Archaeological. Bulletin)* (in print) (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2025b. In *Stratum plus* 6 (in print) (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017. *Amfory V—II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy". Katalog (Amphoras of the 5th — 2nd centuries BCE from the collection of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos". Catalogue)*. Saratov: Tipografiya "Novyy proyekt" (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV v. do n.e. na Khersonshchine (The Scythian Zolotobalkovsky burial mound of the 5th —4th centuries BCE in the Kherson region)*. Kiev: Izdatel' Oleg Filyuk (in Russian).

Rogov, E.Ya. 2011. *Nekropol' Panskoye 1 v Severo-Zapadnom Krymu (Panskoe 1 Necropolis in Northwestern Crimea)*. Simferopol; Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy "Demetra" (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 10) (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2016. *Keramicheskie kleyma. Gerakleya Pontiyskaya (Ceramic Stamps. Heraclea Pontica)*. Pt. 2. Kerch: OOO "Solo-Rich" (in Russian).

Balabanov, P., Garlan, Y., Avram, A. 2016. *Les Timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du Ive siècle av. J.-C.).* Constanţa: Muzeul de Istorie Naţională şi Arheologie Constanţa.

Canarache, V. 1957. *Importul amforelor stampilate la Istria.* Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.

Clinkenbeard, B.G. 1986. Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions Concerning Collaboration. *Bulletin de Correspondance Hellénique.* Suppl. XIII, 353—362.

Conovici, N., 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). *Histria* VIII.

Dusenbery, E.B. 1998. *The Nekropoleis and Catalogues of Burials. Samothrace* II.

Garlan, Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Vol. I. *Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris: École Française d'Athènes.

Garlan, Y., Kara, H. 2004. Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. *Corpus International des Timbres Amphoriques* 10 / *Varia Anatolica* XVI. Paris: De Boccard.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora* XII.

Teleaga, E. 2008. Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau 6.Jh – Anfang des 3. Jhs. V. Chr. *Marburger Studien zur Vor– und Fruhgeschichte* 23.

Tzochev, C. 2016. Amphora Stamps from Thasos. *The Athenian Agora* XXXVII.

Tzochev, C. 2024. Anchoring the chronology of amphora stamps from Herakleia Pontica. *AURA* 7, 99—104.

Рис. 1. Материалы из ямы № 1 (*1—3*) **и строительного комплекса № 17/1979 г.** (*4—8*): *1, 2* — гераклейские амфоры (РОМК, № 5127/431, 5127/432); 3 — синопское клеймо (РОМК № 5127/73); *4, 5* — фрагменты амфор Книда (РОМК № 5127/109, 5127/135); *6* — горло амфоры Лесбоса (РОМК № 5127/120); *7* — ножка хиосской амфоры (РОМК № 5127/137); *8* — ножка гераклейской амфоры (РОМК № 5127/142). Чертежи и фото авторов.

Fig. 1. Materials from the pit No. 1 (*1—3*) **and the building complex No. 17/1979** (*4—8*): *1, 2* — Heraklean amphorae (RRMLH, No. 5127/431, 5127/432); 3 — Sinopean stamp (RRMLH No. 5127/73); *4, 5* — fragments of Knidos amphorae (RRMLH No. 5127/109, 5127/135); *6* — the neck of the Lesbos amphora (RRMLH No. 5127/120); *7* — the toe of the Chian amphora (RRMLH No. 5127/137); *8* — the toe of the Heraklean amphora (RRMLH No. 5127/142). Drawings and photos were made by the authors.

Рис. 2. Гераклейские клейма из строительного комплекса № 17/1979 г.: *1* — магистрат Θε(---) (РОМК № 5127/106); *2* — магистрат Κρωμνίτης (РОМК № 5127/105); *3* — магистрат Κερκίνος (РОМК № 5127/192); *4* — магистрат Ἀγνοδάμος (РОМК № 5127/119); *5* — магистрат Μᾶτρις (РОМК № 5127/179); *6, 7* — магистрат Καρακύδης (РОМК № 5127/114, 5127/139); *8* — магистрат Διονύσιος-II (РОМК № 5127/178). Чертежи и фото авторов.

Fig. 2. Heraklean stamps from the building complex No. 17/1979: *1* — the magistrate Θε(---) (RRMLH No. 5127/106); *2* — the magistrate Κρωμνίτης (RRMLH No. 5127/105); *3* — the magistrate Κερκίνος (RRMLH No. 5127/192); *4* — the magistrate Ἀγνοδάμος (RRMLH No. 5127/119); *5* — the magistrate Μᾶτρις (RRMLH No. 5127/179); *6, 7* — the magistrate Καρακύδης (RRMLH No. 5127/114, 5127/139); *8* — the magistrate Διονύσιος-II (RRMLH No. 5127/178). Drawings and photos were made by the authors.

Рис. 3. Гераклейские клейма из строительного комплекса № 17/1979 г.: *1—3* — магистрат Καλλίας (РОМК № 5127/101, 5127/102, 5127/113); *4, 5* — магистрат Γρυπίων (РОМК № 5127/103, 5127/118); *6* — анэпиграфное (РОМК № 5127/116); *7—9* — легенды не восстановлены (РОМК № 5127/107, 5127/104, 5127/115). Фото авторов.

Fig. 3. Heraklean stamps from the building complex No. 17/1979: *1—3* — the magistrate Καλλίας (RRMLH No. 5127/101, 5127/102, 5127/113); *4, 5* — the magistrate Γρυπίων (RRMLH No. 5127/103, 5127/118); *6* — anepigraphic (RRMLH No. 5127/116); *7—9* — the legends have not been restored (RRMLH No. 5127/107, 5127/104, 5127/115). Photos were made by the authors.

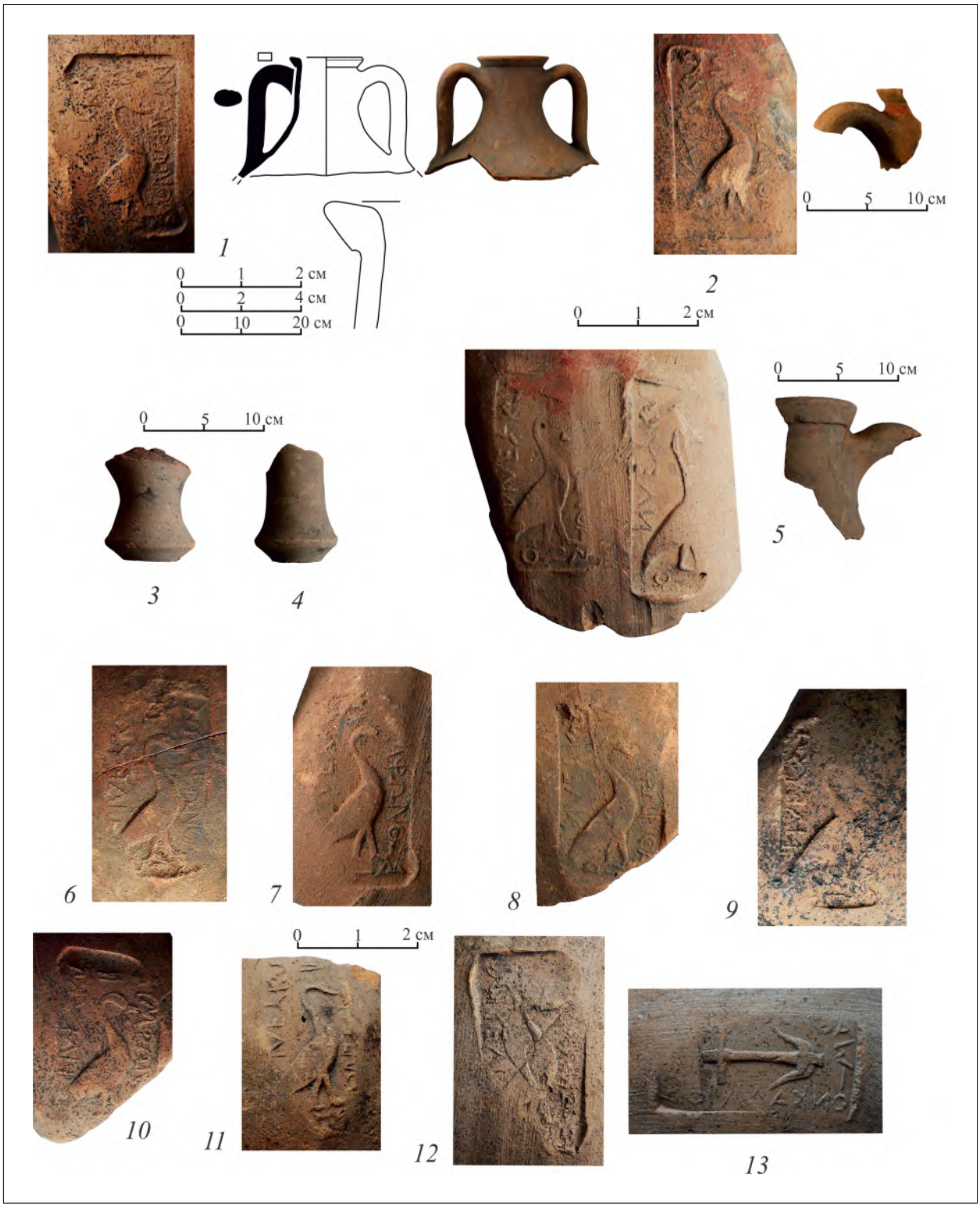


Рис. 4. Фрагменты фасосских амфор из строительного комплекса № 17/1979 г.: *1, 2, 5—13* — магистрат Νύμφων (РОМК №№ 5127/138, 5127/122, 5127/123, 5127/125, 5127/126, 5127/129, 5127/133, 5127/134, 5127/191, 5127/124, 5127/131 соответственно); *3, 4* — ножки (РОМК № 5127/141, 5127/136). Чертежи и фото авторов.

Fig. 4. Fragments of Thasian amphorae from the building complex No. 17/1979: *1, 2, 5—13* — the magistrate Νύμφων (RRMLH №№ 5127/138, 5127/122, 5127/123, 5127/125, 5127/126, 5127/129, 5127/133, 5127/134, 5127/191, 5127/124, 5127/131, respectively); *3, 4* — amphorae toes (RRMLH No. 5127/141, 5127/136). Drawings and photos were made by the authors.

Рис. 5. Материалы из строительного комплекса № 17/1979 г.: *1* — херсонесское клеймо (РОМК № 5127/132); *2* — синопское клеймо (РОМК, № 5127/180); *3* — родосское клеймо (№ 5127/190); *4* — фрагменты краснофигурного кратера (РОМК № 5127/266, 5127/270); *5* — рыбное блюдо (РОМК № 5127/264); *6* — венец канфара (РОМК № 5127/268); *7* — венец скифоса (РОМК № 5127/271); *8* — миска или чаша (РОМК № 5127/272). Фото авторов.

Fig. 5. Materials from the building complex No. 17/1979: *1* — Chersonesean stamp (RRMLH No. 5127/132); *2* — Sinopean stamp (RRMLH No. 5127/180); *3* — Rhodian stamp (RRMLH No. 5127/190); *4* — fragments of the red-figured crater (RRMLH No. 5127/266, 5127/270); *5* — the fish-plate (RRMLH No. 5127/264); *6* — the rim of the kantharoi (RRMLH No. 5127/268); *7* — the rim of the cup-skyphos (RRMLH No. 5127/271); *8* — the bawl (RRMLH No. 5127/272). Photos were made by the authors.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.14.21.010

В.А. Данилов, В.А. Морозова, М.Н. Растегаева, А.В. Федоров

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ КУРГАНОВ*

Современные методы машинного обучения предлагают новые возможности для повышения эффективности анализа и точности идентификации курганов. Исследование включает применение алгоритмов машинного обучения, методов математико-картографического моделирования и ГИС-технологий для анализа больших объемов данных лидарной съемки, что способствует автоматизации процесса и выявлению скрытых паттернов. Апробация метода поиска курганов была проведена на территориях археологических памятников — поселение эпохи бронзы «Станция Красавка» и курганная группа (2 насыпи) около античного поселения «Тамань-3» (объект культурного наследия федерального значения «Поселение-3» и курганная группа (2 насыпи)). Применение автоматизированных алгоритмов анализа данных позволяет сократить время на их интерпретацию, открывая новые горизонты в археологии и способствуя эффективному сохранению культурного наследия. Результатами работы стали картографические модели с указанием потенциальных мест размещения курганов на территории памятников.

Ключевые слова: лазерное сканирование, ЦМР, ГИС, машинное обучение, математико-картографическое моделирование, поиск курганов, поселение эпохи бронзы Станция Красавка, античное сельское поселение Тамань-3.

Сведения об авторах: Данилов Владимир Анатольевич[1], кандидат географических наук, доцент кафедры геоморфологии и геоэкологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Морозова Валерия Андреевна[2], старший преподаватель кафедры геоморфологии и геоэкологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Растегаева Мария Николаевна[3], ассистент кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; Федоров Алексей Васильевич[4], заведующий лабораторией геоинформатики и тематического картографирования географического факультета СГУ, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: [1-4]410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский национальный исследовательский Государственный Университет им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: [1]kohavi@yandex.ru, [2]riukarin@gmail.com, [3]marija.rastegaeva1698@gmail.com, [4]alexeivf@gmail.com.

Vladimir Danilov, Valeriia Morozova, Mariia Rastegaeva, Alexei Fedorov

EXPERIENCE IN THE USE OF MACHINE LEARNING FOR THE IDENTIFICATION OF BURIAL MOUNDS

Modern machine learning methods offer new opportunities for enhancing the efficiency of analysis and accuracy of barrow identification. The study involves the application of machine learning algorithms, mathematical-cartographic modeling methods, and GIS technologies for analyzing large volumes of lidar survey data, which contributes to the automation of the process and the identification of hidden patterns. The testing of the mound search method was conducted in the areas of archaeological sites, specifically the Bronze Age settlement “Krasavka Station” and a group of mounds (2 barrows) near the ancient settlement “Taman-3” (a federal cultural heritage site “Settlement-3” and a group of mounds (2 barrows)). The use of automated data analysis algorithms allows reducing the time for their interpretation, opening up new

* Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки № FSRR-2023-0006.

Статья поступила в номер 19 апреля 2025 г.
Принята к печати 12 мая 2025 г.

© В.А. Данилов, В.А. Морозова, М.Н. Растегаева, А.В. Федоров, 2025.

horizons in archaeology and contributing to the effective preservation of cultural heritage. The results of the work are cartographic models indicating potential barrow locations on the territory of the monuments.

Key words: laser scanning, DTM (Digital Terrain Model), GIS, machine learning, mathematical-cartographic modeling, search for mounds, Bronze Age settlement Krasavka Station, ancient rural settlement Taman-3.

About the authors: Danilov Vladimir[1], PhD (Geography), Saratov State University; Morozova Valeriia[2], Saratov State University; Rastegaeva Mariia[3], Saratov State University; Fedorov Alexei[4], Saratov State University.

Contact information: [1-4]410012, Russian Federation, Saratov, 83 Astrachanskaya Str., Saratov State University, e-mail: [1]kohavi@yandex.ru, [2]riukarin@gmail.com, [3]marija.rastegaeva1698@gmail.com, [4]alexeivf@gmail.com.

Состояние проблемы

Курганы, представляющие собой насыпные могильные конструкции, были важными элементами погребальной практики и социального устройства различных народов, и актуальность их поиска, идентификации и исследования в археологии обусловлена в настоящее время их значением как ценных культурных и исторических артефактов, предоставляющих уникальную возможность получения информации о древних цивилизациях. Однако, несмотря на их культурное значение, процесс обнаружения и документирования курганов зачастую сталкивается с множеством трудностей, включая изменение ландшафта с течением времени и под воздействием различных факторов на территории, где расположены курганные группы.

Традиционные методы поиска и изучения курганов включают полевые обследования, визуальную интерпретацию спутниковых изображений, применение геофизических технологий, таких как магнитометрия и георадарная съемка. Эти методы, хоть и имеют свои преимущества, часто требуют значительных временных и финансовых затрат на дальнейшую обработку, анализ и интерпретацию полученных данных.

С развитием информационных технологий в области обработки данных, появляются современные методы машинного обучения, которые способны значительно улучшить эффективность анализа и интерпретации исходных данных и, как следствие, повысить точность обнаружения курганов. Они позволяют автоматизировать процессы обработки и анализа больших объемов информации, что особенно важно в контексте археологических исследований. Благодаря этому исследователи могут выявить скрытые паттерны и аномалии, указывающие на наличие курганов, а также повысить точность их идентификации.

Современные подходы, такие как геоинформационное моделирование, дистанционное зондирование, фотограмметрия, лидарная съёмка, в сочетании с алгоритмами машинного обучения, позволяют не только эффективно обрабатывать большие объемы информации, но и значительно сокращают время на её анализ и интерпретацию. Эти технологии открывают новые горизонты для археологии, позволяя выявлять и документировать курганы с высокой степенью вероятности и меньшими затратами.

Таким образом, сочетание традиционных и современных методов создает новые возможности для изучения археологических объектов и предоставляет археологам более быстрые и оптимальные инструменты для работы в сложных условиях с необходимой долей точности. Исследование актуальности, возможностей и ограничений этих методов является ключевым для дальнейшего развития археологической науки и эффективного сохранения культурного наследия.

Обзор литературы по данной проблеме показывает, что на сегодняшний день существует ряд исследований, тем или иным образом направленных на автоматизированное выделение аномалий морфометрии рельефа территории, в том числе курганных групп и антропогенных насыпей на базе лидарной съемки (Еремеев и др. 2023: 129—143; Иванов, Ермолаев 2017: 98—109; Лисицын, Обросов, Сафонов 2019: 103—118; Chang, Bailey, Le Moan 2019: 64—75; Ishalina, Bliakharskii, Florinsky 2021: 2529—2552; Berganzo-Besga et al. 2021: 15; Cartwright, Diehl 2017: 44; Хлебникова, Крупочкин 2009: 36—40).

Но следует обратить внимание на тот факт, что большинство исследований в качестве объекта используют региональный или глобальный масштаб, а на локальных участках машинное обучение используется как инструмент обработки и автоматизации фильтрации рельефа.

Целью данной статьи является выбор оптимального метода автоматизированной обработки данных лазерного сканирования на основе алгоритмов машинного обучения и математико-картографического моделирования для поиска курганов. В качестве объектов исследования были выбраны участки, расположенные на территории двух памятников — поселение и курганный могильник эпохи бронзы «Станция Красавка» и курганная группа (2 насыпи) около объекта культурного наследия федерального значения «Поселение-3».

Характеристика района исследований

Поселение эпохи бронзы — «Станция Красавка», расположено в Аткарском районе Саратовской области на второй надпойменной террасе левого берега р. Медведицы, в 100 м к северо-востоку от современного течения Медведицы, в 700 м к юго-западу от железнодорожной станции Красавка, в 2,5 км к северо-востоку от с. Нижняя Красавка и в 2,6 км к востоку от г. Аткарска.

Первые сведения о поселениях и курганных могильниках бронзового века в окрестностях с. Нижняя Красавка были получены в 1920—1930-х гг. по результатам разведок П. С. Рыкова, Н. К. Арзютова и И. В. Синицына. Сравнительно близкое расположение двух памятников — Нижняя Красавка-1 и Нижняя Красавка-2 привели к некоторой путанице в историографии, что затрудняет идентификацию проводившихся там до середины XX в. работ. Раскопки поселения «Станция Красавка» начались в 2019 г. и продолжаются до настоящего времени. Была вскрыта часть полуземляночной постройки прямоугольной формы (Лопатин, Тарабрин 2020: 76—81).

В непосредственной близости от поселения зафиксирована курганная группа, которая, по предварительным данным, может быть родовым могильником обитателей поселения «Станция Красавка».

На момент проведения исследований территория представляла собой пахотные угодья на преимущественно слабопокатом склоне западной экспозиции с углами наклона 1—3˚.

Курганная группа (2 насыпи) около объекта культурного наследия федерального значения «Поселение-3» (далее «Тамань-3») расположена в Темрюкском районе Краснодарского края на южном побережье Таманского залива в 5,2 км к северо-востоку от станицы Тамань, на левом борту балки Лисовицкого и севернее шоссе ст. Тамань — пос. Сенной.

Курганная группа известна с середины XIX в. и по настоящее время, на этой территории проводились несколько археологических изысканий (Кузнецова, Чурекова 2022: 76—81).

Ландшафт археологического памятника представлен слабопокатым макросклоном северной экспозиции с углами наклона 1—3˚ и более крутыми склонами восточной экспозиции балки Лисовицкого. В центральной части четко выражены два кургана высотой по 0,93 и 0,73 м и диаметром 50 и 44 м соответственно.

Исходные данные и метод

Алгоритм проведения данного исследования включает в себя несколько этапов:

1. Получение исходных данных и их первичная обработка.
2. Фильтрация данных.
3. Анализ данных методами машинного обучения.
4. Сопоставление полученной информации и окончательные выводы.

Первый этап заключается в получении исходных данных, источником которых послужили полевые работы, выполненные в апреле 2023 г. на территории археологического памятника «Станция Красавка» (площадь 8,27 га) (Свидетельство № 2023624926), а также

наземная лидарная съёмка, выполненная в июле 2024 г. на территории курганной группы около античного сельского поселения Тамань-3 (13,4 га) (Свидетельство № 2025620969).

Методика получения данных при выполнении наземной лазерной съёмки на обеих территориях существенно не отличалась и подробно описана в статье (Данилов и др. 2024: 5—24). Единственное отличие заключалось в характере подстилающей поверхности. Если на территории памятника «Станция Красавка» она была представлена озимыми высотой около 15 см, то на территории «Тамани-3» половина сельхозугодий была занята под стернёй высотой 10—15 см, а вторая половина под залежью с редким травостоем высотой 2—10 см, но на конечный результат данный факт не оказал существенного влияния. Обработка результатов полевых работ осуществлялась в программе Leica Cyclon, в результате были получены облака точек на оба участка исследования.

На втором этапе проводится упрощение и уменьшение объема, фильтрация и приведение исходных данных к регулярной сети. Пространственное разрешение модели рельефа сети имеет важное значение в выделении локальных максимумов, ведь чем больше точек на единицу площади получается, тем детальнее будет модель, что в свою очередь требует больших вычислительных ресурсов для дальнейшей обработки.

Вычисление отметок высот по регулярной сети делается, прежде всего, для удобства дальнейшего анализа. Для решения этой задачи, на языке программирования Python, была разработана программа, позволяющая выбрать в заданной ячейке регулярной сети точку с минимальным значением по высоте и сохранить её в новую базу данных (Свидетельство № 2025614924). В результате её работы, на каждую территорию исследования, были получены новые облака точек с размерностью сетки значений с шагом 25 × 25 см, максимально приближенные к земной поверхности.

На третьем этапе ставилась задача на базе высокоточной цифровой модели рельефа (ЦМР) на территориях исследования в автоматизированном режиме выделить курганы, в том числе визуально нечитаемые, на основе методов и алгоритмов машинного обучения.

В качестве базовой модели для дальнейшего анализа и сравнения результатов было выбрано облако точек на территорию археологического памятника «Станция Красавка». Ранее на этой территории были идентифицированы и отфильтрованы курганы в полуавтоматическом режиме на основе технологии Hillshade (Данилов и др. 2024: 5—24), которые можно использовать в качестве опорной модели для выбора оптимального алгоритма обработки и анализа данных.

Предварительная обработка облака точек заключалась в определении направления и вычислении угла глобального уклона поверхности для её дальнейшего горизонтирования. Это нужно, чтобы выровнять все точки относительно горизонтальной плоскости и минимизировать уклон. Такая операция позволит более чётко выявить все неровности и отклонения по высоте на плоскости, включая курганы. Для решения этой задачи был создан программный модуль, который позволяет на основе данных из облака точек высчитать приращения высоты в каждой точке и получить новое значение высоты для последующего анализа. После формирования нового облака точек, проводится его интерполяция и построение цифровой модели поверхности (ЦМП), используемой в дальнейших исследованиях.

Алгоритм выделения курганов

После опробования ряда методов машинного обучения для дальнейшего анализа был выбран алгоритм DBSCAN, который лучше всего позволил выделить и сгруппировать точки, относящиеся к курганам. Улучшение качества данных достигается при сочетании с методами математико-картографического моделирования.

Весь процесс анализа включает в себя несколько этапов.

1) Преобразование и интерполяция данных. На этом этапе идет создание сетки, по которой будут распределены данные, для поиска артефактных значений методом скользящего окна. С помощью функции “*scipy.interpolate.griddata*” выполняется интерполяция высот. Из различных методов интерполяции выбор был остановлен на линейной и кубической

интерполяции позволяющей сохранить контур участка, лучше проследить изменения рельефа, а также обеспечить при построении более сглаженную модель поверхности.

После интерполяции полученной ЦМП требуется дополнительная обработка, в частности, фильтрация. На ЦМП применяется алгоритм «Гауссов фильтр», позволяющий сгладить поверхность. Это даёт возможность отсеять возвышенности, однозначно являющиеся артефактными, и улучшить качество данных для последующих шагов анализа.

2) Поиск локальных максимумов. Для поиска потенциальных мест расположения курганов на ЦМП была использована функция "*peak_local_max*". Она ищет в наборе данных высот локальные максимумы и определяет локализацию центральной точки среди группы найденных пиков.

3) Кластеризация точек возвышенностей. На основе алгоритма DBSCAN была проведена кластеризация найденных максимумов на ЦМП, опирающаяся на концепцию керновых выборок. Использование этого алгоритма необходимо для объединения близко расположенных вершин в кластеры, представляющие отдельные курганы. Он был применен в связи с тем, что рассматривает кластеры как области высокой плотности, которые разделены областями низкой плотности и из-за этого довольно общего представления кластеры могут иметь любую форму (Алгоритмы машинного обучения: кластеризация, 2024).

4) Создание и сохранение картографических материалов по результатам моделирования. Итогом обработки и моделирования данных лазерного сканирования методами машинного обучения, математико-картографического моделирования и ГИС-технологий является карта, на которой обозначены места локальных максимумов высот поверхности, указывающих на возможное наличие курганов (рис. 1).

В результате апробирования различных алгоритмов программирования и машинного обучения, на данный момент был выделен наиболее оптимальный, отражающий локальные максимумы артефактных групп относительно уплощенной трансформированной поверхности рельефа.

После определения оптимальных параметров для участка станции Красавка, данный алгоритм был опробован на территории участка «Тамань-3» (рис. 2).

Интерпретация результатов и выводы

Способ линейной и кубической интерполяции с применением гауссова фильтра и метода скользящего окна позволяет лучше визуализировать различные неровности поверхности и проанализировать их на предмет того, являются ли они курганом или нет. На данном этапе программа выделяет все неровности, артефакты. Было проведено ранжирование и фильтрация полученных локальных максимумов, чтобы отсечь явные артефакты, которые в основном формируются по краям модели. Гиперпараметры, методы интерполяции, величина сетки и сглаживание подбирается для конкретного участка, чтобы варьировать частоту и способ нахождения локальных максимумов. Также следует отметить, что не для каждого случая можно корректно определить точный размер потенциального кургана.

В контексте нахождения локальных максимумов, чувствительность модели может зависеть от нескольких факторов: сглаживания, поиска локальных максимумов и кластеризации.

Параметры сглаживания. Использование функции "*gaussian_filter*" с параметром *sigma* влияет на сглаживание данных. Чем выше значение *sigma*, тем более сглаженной будет поверхность, что может привести к уменьшению количества выявляемых локальных максимумов, так как соседние значения отметок высот будут сглажены.

Параметры поиска локальных максимумов. Функция "*peak_local_max*" имеет параметры *min_distance* и *threshold_abs*, которые определяют минимальное значение превышения локального максимума и расстояние между данными пиками соответственно. Изменение этих параметров может существенно повлиять на количество и расположение найденных локальных максимумов.

Параметры кластеризации. Алгоритм *DBSCAN* использует параметры *eps* и *min_samples*, которые определяют радиус для поиска «соседних» значений локальных максимумов и минимальное количество точек для формирования кластера. Эти параметры влияют на то, какие локальные максимумы будут сгруппированы в единые кластеры и, соответственно, на форму и количество выделенных контуров.

Параметры выделения на обоих участках были настроены для поиска возвышения локальных максимумов от поверхности на 10 см и более, параметры сглаживания *sigma* и уровень детализация кубической интерполяции (*cubic*) были выставлены соответственно на 1 и 1000, что позволило улучшить точность и визуальное качество отображения модели.

Значение скользящего окна кластеризации было выставлено методом подбора на 100, что позволило выделять локальные максимумы (центры возвышений условных курганов) радиусом от 10 до 50 метров. Экспериментально было установлено, что, при задании большего значения не все тестовые курганы выявляются моделью, при уменьшении — выделяются очевидно артефактные.

На основании исследования можно сделать следующие выводы: исходя из интеграции методов машинного обучения, математико-картографического моделирования, пространственного анализа средствами ГИС и алгоритмов машинного обучения, можно выделить зоны потенциального расположения курганных групп. Методика визуальной интерпретации курганов по светотеневой отмывке (Хиллшейд), рассмотренная в качестве предварительного анализа и обработки данных, позволяет выявить некоторые курганы, но не все. Стоит отметить, что для территорий со значительным уклоном рекомендуется также проводить предварительную обработку и фильтрацию поверхности, путем горизонтирования.

Основываясь на апробируемой методике с использованием машинного обучения, можно сказать, что на участке исследования «Тамань-3» алгоритм проявляет себя корректно на уже выделенных визуально курганах, но также ловит и другие артефакты поверхности, которые требуют дополнительного анализа. Уязвимость алгоритма в том, что он крайне чувствителен к разбросу высот и выявляет довольно много локальных максимумов, которые не всегда являются именно курганами (гряды, холмы, насыпи и т.п.).

Так, для исследуемого участка курганного могильника у поселения «Станция Красавка» первоначально при полевом обследовании было выявлено шесть курганов. На базе метода Хиллшейд было выделено девять, а алгоритмом машинного обучения уже пятнадцать локальных максимумов, которые потенциально могут быть центрами возвышенностей курганов (рис. 1). При этом пять из них идентифицируются и с помощью свето-теневой отмывки, и с помощью алгоритма машинного обучения. На территории участка «Тамань-3» первоначально было выявлено два кургана, после применения алгоритма было выделено семь локальных максимумов (рис. 2). Стоит отдельно сказать, что на обоих участках после применения как метода Хиллшейд, так и алгоритмов выделения локальных максимумов, были локализованы ранее выявленные при визуальном обследовании курганы.

Стоит отметить, что найденные локальные пики на участке Красавка в некоторых ячейках помещаются внутрь контура ранее выделенного кургана, что можно объяснить повреждением формы кургана в результате хозяйственной деятельности человека или воздействия природных эрозионных факторов.

Литература

Алгоритмы машинного обучения: кластеризация. Scikit-learn. URL: https://scikit-learn.ru/stable/modules/clustering.html (дата обращения 29.11.2024).

Данилов и др. 2024: Данилов В.А., Лопатин В.А., Морозова В.А., Федоров А.В. 2024. Геоинформационное моделирование рельефа для выявления перспективных участков археологических исследований на примере памятников Саратовской области. *Нижневолжский археологический вестник* 23 (2), 5—24. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.1.

Еремеев и др. 2023: Еремеев С.В., Абакумов А.В., Андрианов Д.Е., Богоявленский И.В., Никонов Р.А. 2023. Обнаружение многолетних бугров пучения с использованием декомпозиции цифровых моделей рельефа по топологическим признакам. *Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса* 20 (6), 129—143. DOI: 10.21046/2070-7401-2023-20-6-129-143.

Иванов М.А., Ермолаев О.П. 2017. Геоморфометрический анализ бассейновых геосистем Приволжского федерального округа по данным SRTM и AsterGDEM. *Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса* 14 (2), 98—109. DOI: https://doi.org/10.21046/2070-7401-2017-14-2-98-109.

Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2022. Античное сельское поселение «Тамань 3»: предварительные итоги исследований 2015—2021 гг. В: *От Кавказа до Дуная: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова*. Саратов: СарГУ 238—251.

Лисицын В.М., Обросов К.В., Сафонов В.А. 2019. Выделение и определение параметров цилиндрических и сферических поверхностей при сегментации дальностных лазерно-локационных изображений. *Известия Российской академии наук. Теория и системы управления* 6, 103—118. DOI: 10.1134/S0002338819060118.

Лопатин В.А., Тарабрин С.Ю. 2020. Новый памятник финальной бронзы с материалами сусканского типа на севере Волго-Донского междуречья. В: *Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции.* Волгоград: ВолГУ, 76—81.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2023624926 Российская Федерация. Цифровая модель рельефа территории археологического памятника «Нижняя Красавка-2», расположенного в Аткарском муниципальном районе Саратовской области: №2023624423 : заявл. 03.12.2023 : опубл. 22.12.2023 / С.Ю. Монахов, М.Н. Растегаева, В.А. Лопатин [и др.] ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», 1—4.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025620969 Российская Федерация. Цифровая модель поверхности территории объекта культурного наследия федерального значения «Поселение-3», курганная группа (2 насыпи) (ст-ца Тамань): №2025620472 : заявл. 23.02.2025 : опубл. 03.03.2025 / С.Ю. Монахов, М.Н. Растегаева, В.А. Данилов [и др.] ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», 1—4.

Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025614924 Российская Федерация. Программа предварительной обработки данных лазерного сканирования для дальнейшего построения и анализа цифровой модели рельефа: №2025613176 : заявл. 23.02.2025 : опубл. 27.02.2025 / С.Ю. Монахов, М.Н. Растегаева, В.А. Данилов [и др.] ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», 1—4.

Хлебникова Е.П., Крупочкин Е.П. 2009. Методы дешифрирования археологических памятников. *Интерэкспо Гео-Сибирь* 4 (1), 36—40.

Berganzo-Besga et al. 2023: Berganzo-Besga I., Orengo H.A., Lumbreras F., Alam A., Campbell R., Gerrits P.J., Souza J.G., Khan A., Suárez-Moreno M., Tomaney J., Roberts R.C., Petrie C.A. 2023. Curriculum learning-based strategy for low-density archaeological mound detection from historical maps in India and Pakistan. *Scientific Reports* 13, 1—15. DOI: 10.1038/s41598-023-38190-x.

Cartwright J.M., Diehl T.H. 2017. Automated identification of stream-channel geomorphic features from high-resolution digital elevation models in West Tennessee watersheds. *Scientific Investigations Report*. Reston, VA: U.S. Geological Survey, 1—44. DOI: 10.3133/sir20165141.

Chang Y., Bailey D., Le Moan S. 2019. The shape of patterns tells more: Using two dimensional Hough transform to detect circles. *Procedia 5th Asian Conf. Pattern Recognition* 12047, 64—75. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-41299-9_6.

Ishalina O.T., Bliakharskii D.P., Florinsky I.V. 2021. Recognition of crevasses with high-resolution digital elevation models: application of geomorphometric modeling and texture analysis. *Transactions in GIS* 25 (5), 2529—2552. DOI:10.1111/tgis.12790.

References

Machine learning algorithms: clustering. Scikit-learn. Available at: https://scikit-learn.ru/stable/modules /clustering.html (accessed 29.11.2024).

Danilov et al. 2024: Danilov, V.A., Lopatin, V.A., Morozova, V.A., Fedorov, A.V. 2024. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga. Archaeological Bulletin)* 23 (2), 5—24. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.1 (in Russian).

Eremeev et al. 2023: Eremeev, S.V., Abakumov, A.V., Andrianov, D.E., Bogoyavlensky, I.V., Nikonov, R.A. 2023. In *Sovremennye Problemy Distantsionnogo Zondirovaniya Zemli iz Kosmosa (Modern Problems of Remote Sensing of the Earth from Space)* 20 (6), 129—143. DOI: 10.21046/2070-7401-2023-20-6-129-143 (in Russian).

Ivanov M.A., Ermolaev O.P. 2017. In *Sovremennye Problemy Distantsionnogo Zondirovaniya Zemli iz Kosmosa (Modern Problems of Remote Sensing of the Earth from Space)* 14 (2), 98—109. DOI: https://doi.org/10.21046/2070-7401-2017-14-2-98-109 (in Russian).

Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022. In: *Ot Kavkaza do Dunaya: Severnoye Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu professora S.Yu. Monakhova (From the Caucasus to the Danube: the Northern Black Sea region in the ancient era. Collection of scientific papers for the 70th Anniversary of Professor S.Yu. Monakhov)*. Saratov: SarGU, 238—251 (in Russian).

Lisitsyn, V.M., Obrosov, K.V., Safonov, V.A. 2019. In *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Teoriya i Sistemy Upravleniya (Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Control Theory and Systems)* 6, 103—118. DOI: 10.1134/S0002338819060118 (in Russian).

Lopatin, V.A., Tarabrin, S.Yu. 2020. In: *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya: materialy VI Nizhnevolzhskoy Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy nauchnoy konferencii (The Volga-Ural region from antiquity to the Middle Ages: Proceedings of the Lower Volga International Archaeological Scientific Conference)*. Volgograd: VolGU, 76—81 (in Russian).

Certificate of state registration of the database No. 2023624926 Russian Federation. Digital relief model of the territory of the archaeological site "Nizhnyaya Krasavka-2" located in the Atkarsky municipal district of the Saratov region: No. 2023624423 : appl. 03.12.2023 : publ. 22.12.2023 / S.Yu. Monakhov, M.N. Rastegaeva, V.A. Lopatin [et al.] ; applicant Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky", 1—4 (in Russian).

Certificate of state registration of the database No. 2025620969 Russian Federation. Digital surface model of the territory of the cultural heritage site of federal significance "Settlement-3", kurgan group (2 mounds) (Taman station): No. 2025620472 : appl. 23.02.2025 : publ. 03.03.2025 / S.Yu. Monakhov, M.N. Rastegaeva, V.A. Danilov [et al.] ; applicant Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky", 1—4 (in Russian).

Certificate of state registration of the computer program No. 2025614924 Russian Federation. Program for preliminary processing of laser scanning data for further construction and analysis of a digital relief model: No.2025613176 : appl. 23.02.2025 : publ. 27.02.2025 / S.Yu. Monakhov, M.N. Rastegaeva, V.A. Danilov [et al.] ; applicant Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky", 1—4 (in Russian).

Khlebnikova, E.P., Krupochkin, E.P. 2009. In *Interekspo Geo-Sibir' (InterExpo Geo-Siberia)* 4 (1), 36—40 (in Russian).

Berganzo-Besga et al. 2023: Berganzo-Besga, I., Orengo, H.A., Lumbreras, F., Alam, A., Campbell, R., Gerrits, P.J., Souza, J.G., Khan, A., Suárez-Moreno, M., Tomaney, J., Roberts, R.C., Petrie, C.A. 2023. Curriculum learning-based strategy for low-density archaeological mound detection from historical maps in India and Pakistan. *Scientific Reports* 13, 1—15. DOI: 10.1038/s41598-023-38190-x.

Cartwright, J.M., Diehl, T.H. 2017. Automated identification of stream-channel geomorphic features from high-resolution digital elevation models in West Tennessee watersheds. *Scientific Investigations Report*. Reston, VA: U.S. Geological Survey, 1—44. DOI: 10.3133/sir20165141.

Chang, Y., Bailey, D., Le Moan, S. 2019. The shape of patterns tells more: Using two dimensional Hough transform to detect circles. *Procedia 5th Asian Conf. Pattern Recognition* 12047, 64—75. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-41299-9_6.

Ishalina, O.T., Bliakharskii, D.P., Florinsky, I.V. 2021. Recognition of crevasses with high-resolution digital elevation models: application of geomorphometric modeling and texture analysis. *Transactions in GIS* 25 (5), 2529—2552. DOI: 10.1111/tgis.12790.

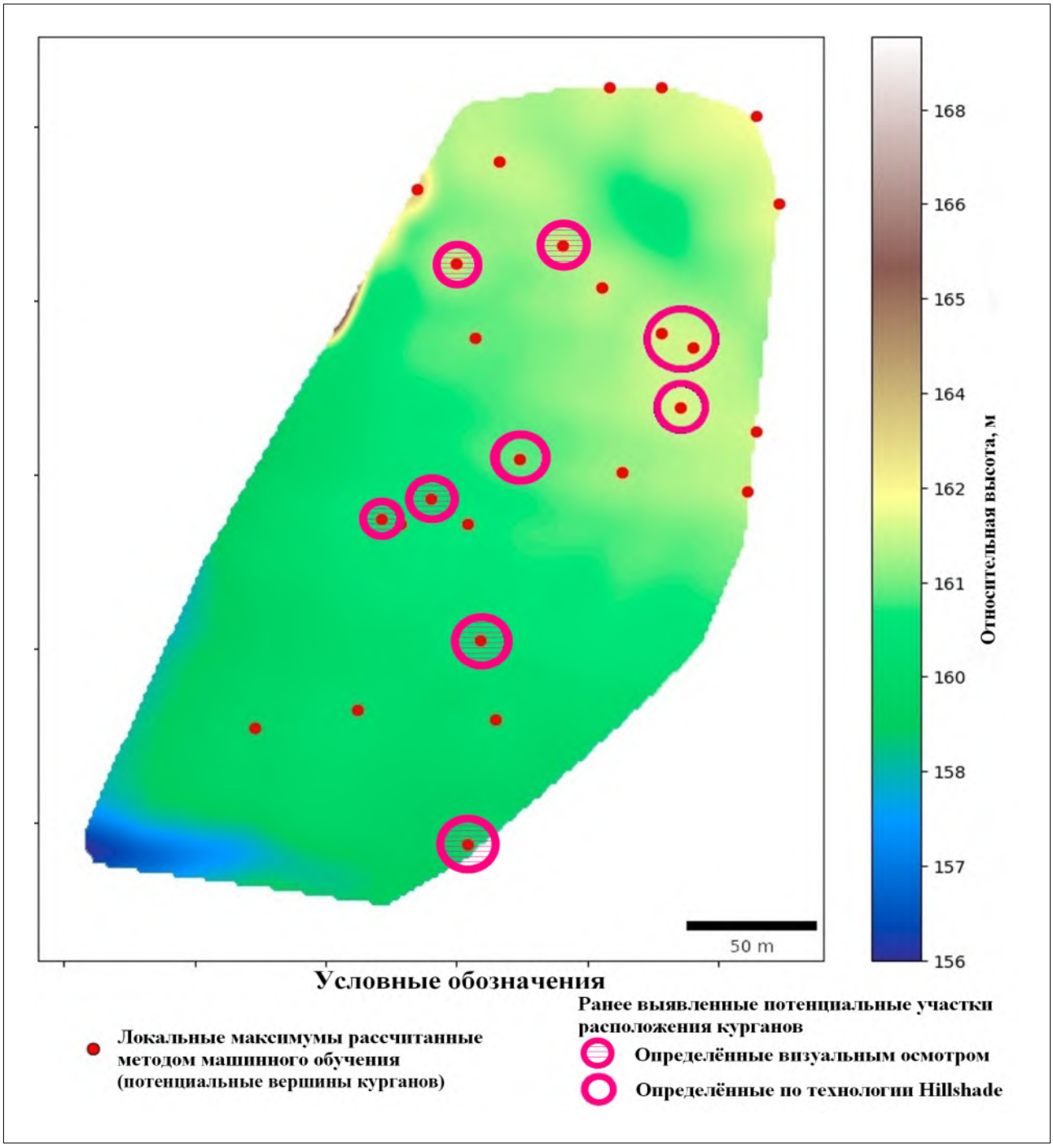


Рис. 1. Расчет локальных максимумов на территорию археологического памятника «Станция Красавка» по трансформированной модели рельефа с параметрами: sigma=1, детализация 1000 уровней, сетка 100 м.

Fig. 1. Calculation of local maxima for the territory of the archaeological monument “Stantsiya Krasavka” according to the transformed relief model with sigma=1 parameters, the detail is 1000 levels, grid is 100 m.

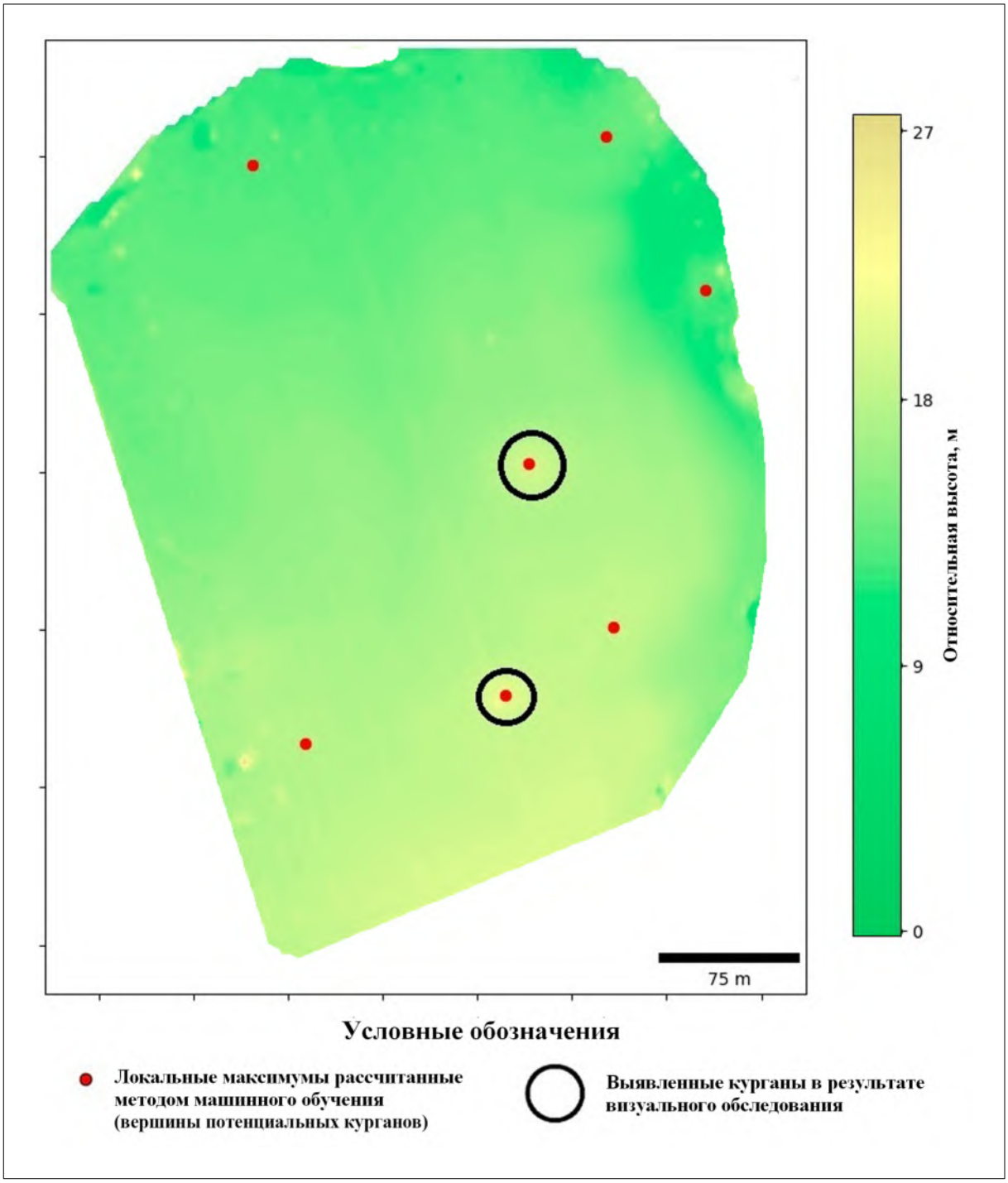


Рис. 2. Расчет локальных максимумов на территорию археологического памятника «Тамань-3» по трансформированной модели рельефа с параметрами: sigma=0.1, детализация 500 уровней, сетка 100 м.

Fig. 2. Calculation of local maxima for the territory of the archaeological monument “Taman-3” according to the transformed relief model with sigma=0.1 parameters, the detail is 500 levels, grid is 100 m.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.60.88.011

S.A. Yatsenko

SARMATIAN TAMGAS ON GREEK TOMBSTONES IN PANTICAPAEUM*

16 Greek tombstones from the necropolis of Pantikapaeum with Sarmatian tamgas are examined. Usually, such signs were applied during the secondary use of a tombstones during various actions that took place at old cemeteries. These are clusters of tamgas, during an event with 10—20 participants (Ns. 1—4), pairs of signs (Ns. 4—8), and single signs (including the emblems of the Bosporan kings) (Ns. 9—12). Sometimes tamgas are violate the Greek texts. The sinchronous tamgas engraved on tombstones date back to the Middle Sarmatian period and are associated with the "Barbarian" regions of Crimea (Ns. 14—15). The tamgas were signed by the representatives of Sarmatian nobility, most often from the Lower Don region, and less often from the Northern Azov Sea region and "Barbarian" parts of Crimea. They belonged to the Middle and Late Sarmatian periods in approximately equal numbers. Among the clusters of tamgas, there are also emblems of the Bosporan kings Sauromates II, Rhescuporis III and Inensimeos, which were left by officials present at the events on behalf of the king. In order to prevent the deceased Greek owner of the tombstone from taking revenge, the Sarmatians removed the faces of the dead and his family members, as well as the top part of the tombstone with his head. The Sarmatian mini-sanctuary No. 4, which features three horse figures and was used during both periods, is particularly interesting. The horse on Atta's tombstone (No. 13) is unique, as it depicts the tamgas of its former owners, king Rhoemetalces and an influential nomadic clan from Western Ukraine. Until recently, the descendants of the Sarmatians, in some situations overturned the tombstones of foreign cultures for magical purposes.

Key words: Pantikapaeum, Sarmatians, tamgas, old tombstones, 1st — mid-3rd centuries CE, rituals with tombstones, clusters of tamgas, Lower Don region, representatives of the Bosporan kings.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. Habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities.

Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

С.А. Яценко

САРМАТСКИЕ ТАМГИ НА ГРЕЧЕСКИХ НАДГРОБИЯХ ПАНТИКАПЕЯ

Рассмотрены 16 греческих надгробий из некрополя Пантикапея с нанесенными на них сарматскими тамгами. Обычно такие знаки наносили при вторичном использовании надгробия во время различных акций, происходивших у старых кладбищ. Это скопления тамг, во время акции с 10—20 участниками (№№ 1—4), изображения пар знаков (№№ 4—8) и единичные знаки (включая эмблемы боспорских царей) (№№ 9—12). Иногда тамги находят на греческий текст. Единичные тамги, гравированные при изготовлении надгробия, относятся к среднесарматскому времени и связаны с «варварскими» районами Крыма (№№ 14—15). На надгробиях ставили свои знаки представители сарматской знати, чаще всего с Нижнего Дона, реже из Северного Приазовья и «варварских» районов Крыма; они примерно поровну относятся к среднесарматскому и позднесарматскому времени. Среди скоплений тамг встречены и эмблемы боспорских царей Савромата II, Рискупорида III и Иненсимея; их оставили присутствовавшие на акциях чиновники от имени государя. Чтобы не допустить мести умершего греческого хозяина надгробия, сарматы сбивали лица с изображения его и членов семьи, удаляли верхнюю часть с его головой. Очень интересно сарматское мини-святилище № 4 с тремя фигурами лошадей, использовавшееся оба периода. Уникален конь на надгробии Атты (№ 13), на котором изображены тамги его бывших хозяев — царя Риметалка и влиятельного кочевого клана с Западной Украины. Еще недавно потомки сарматов в некоторых ситуациях опрокидывали в магических целях надгробия чужих культур.

* Статья поступила в номер 28 июля 2025 г.
Принята к печати 1 августа 2025 г.

© С.А. Яценко, 2025.

Ключевые слова: Пантикапей, сарматы, тамги, старые надгробия, I — середина III вв. н.э., обряды с надгробиями, скопления тамг, Нижний Дон, представители боспорских царей.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

The capital of the Greek-Barbarian Kingdom of Bosporus, Panticapaeum, in the 1st and 3rd centuries CE included communities of people from various nations of the Kingdom and neighboring territories. Among them were representatives of various powerful and influential Sarmatian groups that surrounded Bosporus. Strabo (7, 4, 5) referred to the Bosporan cities of Panticapaeum and Tanais as the two largest trading centers for the "Barbarian" of the Northern Black Sea Region in the late 1st century BCE. It is not surprising that these cities attracted individual members of the Sarmatian nomadic groups during the Roman period, either temporarily (for trade and various negotiations) or even as a permanent residence (for members of small military groups, refugees, impoverished nomads, married women, and others). Single emblems of clans or their lineage/patronymies (Turkic 'tamga', the Alano-Ossetian 'nysæn') and their accumulations on the objects of various types. It is in these two cities that many more Sarmatian tamgas have been found on them than in other Sarmatian settlements (Yatsenko 2001: 61—62). Many accumulations of such emblems are associated with joint actions (agreements that were accompanied by prayer, oaths, and banquets) of people who occasionally appeared in Greek cities on business. However, probably, the Sarmatians (and later their descendants, the Ossetians) typically had their own tamgas, which were used by members of noble clans (Yatsenko 2023: 436—437). Tamgas were also used by the aristocrats of the Bosporan Kingdom, who had partial Sarmatian origins.

Today there are solid corpuses on the of stone artifacts with tamgas in Panticapaeum. First of all, it is the "Corpus Inscriptionum Regni Bospori" with its textual basis and a much later volume of illustrative material (CIRB 1965; CIRB 2004), as well as the earliest illustrated catalogue by E.I. Solomonik (Solomonik 1959), and also on the largest collection of Panticapaeum on the so-called "inscribed plate" with 480 tamgas, found in 1871 (Drachuk 1975: tab. XXXII—XL).

In this article I will only touch upon one aspect of the use of tamgas in the Bosporan capital that has not yet been studied. This is the secondary *use of Greek tombstones*, or, much less frequently, the depiction of tamgas on synchronous tombstones as an emblem of the dead. Tamgas on some of the 16 artifacts have not been noticed or analyzed by anyone (Ns. 1, 2, 5, 6, 10, 11 — CIRB 1965: Ns. 79, 89, 400, 298, 270, 281; CIRB 2004: Ns. 79, 89, 400, 298, 270, 281), and a new interpretation is provided for the other 10 finds. The tombstones were found in the necropolis located on the northern slope of Mount Mithridat, as well as in Glinishche, the northern outskirts of old Kerch, separated from the city by the Melek-Chesme River.

Let us begin our analysis with four tombstones that depict *a cluster of tamgas*.

1. Tombstone of Logonos, sun of Rodonos (CIRB: No. 79)

It was found in 1881 during the destruction of a burial mound at Glinishche (Fig. 1). The original image of the dead and his family has been almost completely destroyed. All the tamgas depicted are preserved.

Below the Greek inscription there are 8 tamgas engraved. The accumulation of tamgas is generally elongated vertically. All the identifiable emblems were used during the Middle Sarmatian period, from the 1st to the mid-2nd centuries CE, which means that they are relatively close in time to the creation of the tombstone. Signs Ns. 1 and 2 are associated with the Early Alans of the Lower Don, while sign No. 4 is related to the neighboring Northern Azov Region (Yatsenko 2001: Figs.

4/15; 5/41, 62). We are talking about traces of a single action, the participants of which put their emblems. In all three cases, these were representatives of very influential clans, the signs of which are known on expensive metal objects in the Sarmatian style in the Steppe. A special place in the action was occupied by representatives of the clan with tamga No. 1, the emblem of which is engraved here three times (!) in a vertical row, that is, there were three men — its representatives. In the Lower Don Basin this sign was repeatedly depicted on gold plaques-applications of women's dresses. It is these three signs in the composition that are outlined with a double line, which is rare in the practice of applying tamgas (this is also done for the single sign No. 3); all the emblems with this feature form a vertical row. Both Lower Don clans with signs No. 1 and No. 2 were among the most active in Sarmatia in terms of participation in interregional actions (Yatsenko 2001: Fig. 19/5, 9). Tamga No. 2 is engraved in the geometric center of the accumulation.

Probably, the tombstone was laid at the end of the Middle Sarmatian epoch, in the first half of the 2nd century CE. This, of course, was not the first Greek owner of the tombstone. However, the stone slab's adventures did not end there. After its secondary use by the Sarmatians, in the second half of the 2nd — first half of the 3rd centuries CE, a second Greek inscription was inscribed on it in honor of another dead, Hevremonos, and then used for burial, it was placed in a barrow (burial mound). The presence of Sarmatian signs clearly did not prevent this.

2. Tombstone of Sosios, the first half of the 2nd c. CE,
found on Mithridat Mountain in 1933 (CIRB 1965: No. 89) (Fig. 2)

The tamgas are placed just below the lower edge of the inscription. There are at least 11 tamgas in total, but the surface of the lower edge of the slab is chipped, and there were more (but not much more). Tamgas Ns. 9 and 10 are only partially preserved. The shapes of two of them cannot be reconstructed, while two others (Ns. 2 and 4) can be reconstructed quite reliably. Most of the tamgas form a horizontal row. Like on the previous slab, there are also double-lined emblems placed diagonally. As in the first case, the signs are similar in size, but tamga No. 5 is larger than the others (it is also known in the same place, Kerch / Panticapaeum, on the famous "inscroptied slab" with almost 500 signs, which was discovered in 1871). There are no repeating tamgas here. Among the identifiable signs there is one Middle Sarmatian sign from the Lower Don (No. 1). One sign is similar to a Middle Sarmatian example from the Northern Azov Sea Region (No. 7). The third sign (No. 9) is depicted on a clay weight from the Bosporus (Yatsenko 2001: Figs. 5/36, 62; 6/69). Overall, this is a Middle Sarmatian artifact.

3. Tombstone of Areta, the wife of Athenaios, the 1st c. CE, from Kerch
(CIRB 1965: No. 357) (Fig. 3)

Judging by the placement of the royal signs, the tombstone was turned upside down to apply the tamgas. There are 13 emblems here. The faces of the woman and man depicted in the upper part were deliberately knocked off. The entire accumulation of emblems has been preserved. All the depicted tamgas have been preserved for the most part. Four of them, placed in the center of the composition, were damaged by a transverse line applied later with a chisel. Three of them (No. 3) — placed in the center in a horizontal line — are identical signs of *Sauromates II* (174—210). They were applied by the king's representatives (apparently three officials) very carelessly. At the top we see a small sign (No. 8) of a clan related to the Bosporan *Inenthimeos* (234—239). Between the tamgas of Sauromates II is squeezed in the emblem of the Crimean clan No. 5, known as early as the 1st — 2nd centuries CE on the funeral stele of a noble warrior from Zavetnoe (Southwestern Crimea); judging by its participation in interregional actions, this clan was one of the most active in the vast territory of Sarmatia (Yatsenko 2001: Fig. 19/11). Other tamgas in this accumulation are not yet identifiable by regions. Probably, the organizer of the action, who left the largest sign in the upper part, was the clan whose emblem was tamga No. 6. Three signs of the smallest size (Ns. 7, 8, 12) were inscribed or placed next to it. In general, we have before us a Late

Sarmatian composition from the turn of the 2nd — 3rd centuries CE. It reflects a certain action, for participation in which several officials arrived from the ruler with the Sarmatian name of Sauromates.

4. Tombstone of Theonika, the wife of Demetrios, the second half of the 1st c. CE, Mirthidat Mountain (CIRB 1965: No. 357) (Fig. 4)

This is the capital's tombstone with the most tamgas. The heads of all three anthropomorphic figures were then deliberately knocked off. There are 19 types of signs depicted here, and they are not repeated; almost all of them have survived. Several stages of functioning are assumed for this Sarmatian artifact, since it was probably a kind of mini-sanctuary of the Middle Sarmatian period. The earliest can be considered to be three (the simplest of the sacred numbers) Sarmatian horse figurines. Later, almost all the tamgas applied (except for Ns. 6, 7, 15, 17) were placed at angles to them, and emblems Ns. 1 and 16 even cross them out. One of the royal signs of the 2nd — 3rd centuries CE is also present here (No. 16), but it is small and depicted very carelessly, so that it is not even possible to understand which ruler it refers to. The emblem of another king (No. 7) is less schematic. Tamga No. 18, which is the center of the composition on the previous tombstone, is also present here. At first, large emblems No. 8 (central), 9, 12, 18 and 19 were applied to the tombstone in a spacious manner and parallel to the old inscription. Later (to what extent is unknown), other tamgas of a smaller size began to be placed here on free areas, including on the periphery. They could be inscribed in earlier ones (No. 5), placed close to them (No. 14), overlap horses with them (No. 1, 16) and even (which is extremely rare in clusters in Sarmatia, since for the peoples of the Steppe it meant insult and revenge) depicted on top of earlier emblems (No. 17)[1].

The regionally identifiable signs provide a vivid and interesting situation. Most of them belong to the Lower Don Basin of two periods — the Middle Sarmatian and, to a lesser extent, the Late Sarmatian (mid-2nd — mid-3rd centuries CE). The majority of signs (Ns. 1, 11, 13, 17) date back to the first period, while only No. 5 dates back to the second (Yatsenko 2001: Fig. 4/7, 12; 5/34, 38, 47; 6/37). The early examples are associated with images of horses. The early Don signs No. 1 are presented in two examples; they are depicted under the figurines (bellies) of two horses and are oriented in the same way as the latter. Tamgas Ns. 11 and 17 are depicted above the horse figurines, No. 13 — under the horse in the same perspective. In other words, the early Don signs are associated with period 1 and with horses. At stage 2, a series of large signs appeared below the horses, grouped around No. 8, which also included one reliably early one from the Northern Azov Region (No. 12) (Yatsenko 2001: Fig. 5/60). Probably, a group of smaller signs also belongs to this action. After the middle of the 2nd century CE (at the beginning of the Late Sarmatian era, period 3), at least three identifiable tamgas appeared here. Their arrangement is characteristic: the sign of *king Inenthimeos* No. 7 crosses out the Don sign No. 17; the schematic royal sign No. 16 crosses out the muzzle of the largest horse, and the Lower Don tamga No. 5 (known on a silver bridle in barrow 16 of Centralnyi VI) is inscribed inside the former main large sign of period 2. There was a sort of magical neutralization of the earlier Lower Don signs and the horses associated with them by representatives of the late Bosporan kings and their Late Sarmatian allies from the Lower Don. In addition to the Lower Don and two late Bosporan royal signs, early signs from the Northern Azov Region (No. 12) and a sign repeatedly encountered in the Bosporus (No. 10) are known here (Yatsenko 2001: Fig. 5/50). The first is one of the large signs of period 2, and the second forms a pair with the Lower Don sign above the horse figurine.

[1] In the latter case, we are probably talking about a deliberate insult. The fact is that both of these signs are associated with clans of one region — the Lower Don. The earlier tamga of the middle Sarmatian period is covered by the emblem of the Bosporan king Inenthimeos, whose clan is associated with a later, Late Sarmatian culture (the latter spread in the middle of the 2nd century CE as a result of the invasion of the Don by a new wave of nomads from the South Urals (Yatsenko 2001: 56, Fig. 26/d).

So, in the early period we have mainly Lower Don tamgas around horses. In period 2, a series of large signs with several small ones on the periphery appear to the side of the horses. In the late stage 3, two Bosporan rulers and the Lower Don "Late Sarmatians" were noted here.

Let us now consider former tombstones with *pairs of different tamgas* applied to them. Such pairs usually confirmed joint actions and agreements between representatives of two clans (Yatsenko 2001: 81—83).

5. Tombstone of Germes, the son of Gastios, and Mastus, the son of Hermes, the 1st c. CE, Glinishche, 1906 (CIRB 1965: No. 400) (Fig. 5)

A second inscription about the death of Mastos, the son of the deceased, has been added. The faces of all 7 personages depicted here have been deliberately knocked down. This tombstone, after the tamgas had been applied, was used as a threshold to a crypt in the 2nd century CE (apparently, three more steles from the 1st and the turn of the 1st — 2nd centuries CE were found in the same burial mound (CIRB 1965: Ns. 130, 617, 618). Below the inscription, a pair of tamgas of the same size, one above the other, is carelessly depicted on the right edge. No analogues to these signs are known yet. Both emblems are deliberately placed on the lines of the old inscription and partially overlap it. The tamgas almost touch each other, which is very rare.

6. Tombstone of 1909, Mithridat Mountain, the 1st c. BCE
(CIRB 1965: No. 298) (Fig. 6)

According to the inscription (which has been preserved very fragmentary), two tamgas of the same size, one above the other, almost closely adjacent, as on the previous slab, are carefully and very thinly depicted in the center of the slab with a knife. Sign No. 2 is not known anywhere else. Tamga No. 1 is Lower Don, Middle Sarmatian and is represented in barrow 1 in Donskoi sovkhoz (Yatsenko 2001: Fig. 4/15). The signs belong to the Middle Sarmatian period.

7. Tombstone of Macarios, the son of Hermogenes, the first half of the 2nd c. CE, from E. Zaporozhsky collection (CIRB 1965: No. 87) (Fig. 7)

The upper part of the stone slab with the images is almost completely broken off. On the left and in the center, two tamgas of different sizes are depicted in a horizontal line. Large sign No. 1 is early Lower Don. It is known from grave 185 of 2012 of the western necropolis of Tanais, dating back to the 2nd — 1st centuries BCE, in the form of graffiti on a Sinopean amphora (Yatsenko, Marchenko, Tuallagov 2025: fig. 1, 3). Later, it was known on one of the slabs with a accumulation in the same Tanais (Yatsenko 2001: fig. 23/b). Sign No. 2 is from the Middle Sarmatian period, from the Northern Azov region (Yatsenko 2001: fig. 5/60); we have already encountered it on slab 4 (CIRB 1965: No. 424). Tamgas date back to the Middle Sarmatian period.

8. The anthropomorphic tombstone with tamga sign, the 2nd — 3rd cc. CE, Glinishche, from L. Demidenko, 1914 (Solomonik 1959: No. 21) (Fig. 8)

This tombstone is interesting not only because it is the only anthropomorphic one in our collection. Both sides of it were originally engraved with the same large and unique tamga. Similar examples were used in the Late Sarmatian period (Yatsenko 2001: Fig. 6/37; 7/7); the first of them is close to the emblem from the Lower Don, which is presented on the already described slab (Fig. 4, No. 5), but without a separate horizontal stripe at the bottom.

No less interesting are the four emblems, very carelessly depicted here later. Above the early large sign, a thick line depicts a unique tamga (No. 2) "on the chest" of the figure, and a schematic sign of the Bosporan *king Rhescuporis III* (210—222) (No. 1). Later, on the side, at the left edge,

another pair of tamgas was applied with a thin, barely noticeable blade: sign No. 3 (identical to No. 2) and emblem No. 4, presented in the middle Sarmatian period on an amulet pendant near Kazanskaya stanitsa in the Kuban "Golden Cemetery", the culture of which existed until the turn of the 2nd — 3rd centuries CE (Yatsenko 2001: Fig. 5/48). In both pairs, a special role is played by signs Nos. 2 and 4, unknown to us. Accordingly, the accumulation of two pairs of tamgas is dated to the beginning of the 3rd century CE.

Next, we examine tombstones *with a single tamga* applied later.

9. Tombstone of "one courtier", the second half of the 1st c. CE, from Sheremetev collection (CIRB 1965: No. 565) (Fig. 9)

The upper edge with the head of the main personage — the deceased is broken off. Below the inscription on the left is a unique tamga.

10. Tombstone of Antisphenes and Ptolemeos, the 1st c. BCE, from E. Zaporozhsky collection (CIRB 1965: No. 270) (Fig. 10)

The upper edge with the head of the main character — the deceased — is broken off. At the bottom of the slab, in the center, a tamga is carelessly depicted. This sign is also known on an early slab from Tanais, where, in addition to it, there is the sign of king *Aspurgos* (15—37) (Yatsenko 2001: Fig. 21/2). The tamga dates back to the Middle Sarmatian period.

11. Tombstone of Mamia, the mother of Menios, the 1st c. BCE, from E. Zaporozhsky collection (CIRB 1965: No. 281) (Fig. 11)

The upper edge with the head of the main character — the dead — is broken off. The tamga is located in the right corner below the inscription. It is known from one of the small fragments of the slab with a cluster of signs found at the southern gate of Tanais in 1994 (Fig. 11: a). The clan that used it is apparently associated with Central Crimea: the tamga is depicted on a female mirror-pendant from grave 235 of the Neizats Necropolis and dates back to around the turn of the 2nd — 3rd centuries CE (Yatsenko 2018: Fig. 11/4; 12/3). The tamga dates back to the Late Sarmatian period.

12. Tombstones of Pappos, the son of Demetrios, and Filarsenes, the son of Theodoros, with tamga of Rhescuporis III, the 3rd c. CE (CIRB 1965: Ns. 89, 529) (Fig. 12)

Of the individual royal signs on former tombstones, we encounter only the tamga of *Rhescuporis III*, and this fact is very interesting. We are talking about the sign in the center of the lower part of the tombstone. On the tombstone of Pappus, son of Demetrius, this sign is depicted very carefully, in "printed" form (Fig. 12: a), and on the monument of Filarsenes, son of Theodoros (Fig. 12: b) it is engraved schematically. It can be assumed that such a sign was also placed by a royal official during some action, the nature of which we cannot guess today. It is interesting that this ruler used his Sarmatian-type tamga more often than others in the territory of the Bosporus (Yatsenko 2001: 53—54). This is confirmed by the data on the tombstones on which his representatives were noted.

13. Tombstone of Attas, the son of Triphones, the first half of the 2st c. CE, Theodosia Road, 1929 (CIRB 1965: No. 83) (Fig. 13)

It has been preserved completely, the bodies and faces of the people are not damaged. This is understandable, since the tamgas were applied during the production of the tombstone.

This tombstone is very interesting for our topic. Firstly, two tombstones were erected for Attas, son of Tryphon: on behalf of a religious association — thiasos (θίασος) (CIRB 1965: No. 83) and on behalf of a relative (see below CIRB 1965: No. 660) (Marti 1935: 70). We are clearly talking about an influential person. Secondly, this is one of the rare cases in the Bosporus when tamgas are associated with the figure of the deceased or his horse. At the same time, the tamgas are drawn very carefully, in "printed form", despite their small size, since they were important for the customer and the viewers. Probably, despite the Greek name of his father, Atta also had Sarmatian blood. Thirdly, three tamgas, not one, are associated with the deceased, and this also requires comment. On the nadrobium, placed by the fias, Atta is depicted as a warrior — a horseman, armed with a Sarmatian bow and short sword, on a long-legged graceful horse of Central Asian origin. The tamgas are depicted as brands on the body of his thoroughbred horse, and they are placed in the way that was customary among the nomadic peoples of Sarmatia — on the shoulder and hip.

The tamga closest to the head and the rider on the shoulder (No. 1) is the sign of the Bosporan *king Rhoemetalces* (131—152), towards the end of whose reign the "Late Sarmatians" were advancing from the east (from the South Urals). The second emblem (No. 2), partially damaged at the top, is associated with a very influential Sarmatian clan that lived west of the Dnieper River. In the 1st century CE, it is known on two large gold items associated with the nomadic nobility. These are a gold bracelet from Olbia and a plate from Dunaharaszti (Hungary); in both cases, the tamga bears images of a pair of animals (Bârcă 2021: fig. 11, 1—2; 15, 6). This clan was one of the most active in Sarmatia in terms of participation in various actions (Yatsenko 2001: fig. 19/2); it is present, among other things, in such famous tamga collections as 1871 y. slab with almost 500 emblems, the Olbian lion No. 2 and the stele from Krivoi Rog (Bârcă 2021: figs. 12—15). This tamga is also depicted on the mirror-pendant from Călăraşi in Romania (Bârcă 2021: figs. 5, 16).

So, the dead had a very expensive and thoroughbred horse, on whose body two different brands of the early owners are specially emphasized at once. Both of these tamgas do not belong to him, but to the previous owners of the horse, since we will see Attas's personal emblem on the next artifact. In a more significant place we see the emblem of the Bosporan Rhoemetalces, but there is also an emblem of a powerful Sarmatian clan from the far west of the European steppes. The tamgas belong to the Middle Sarmatian period.

14. Tombstone of Attas, the son of Triphones, the first half of the 2st c. CE, 1872
(CIRB 1965: No. 660) (Fig. 14)

It is also completely preserved, the bodies and faces of the people are not damaged. The tamga was engraved during the production of the tombstone..

This second tombstone of Attas, erected by a relative, is distinguished by the fact that he is presented among two other men of his family of the same height, armed with swords, probably in the center. At the level of his face, to the right of him, is shown his clan or lineage tamga. This sign was common among the nobility in the South-West Crimea. It is depicted on the stele of 1962 y. on a warrior from the necropolis near Zavetnoe Village in the 1st — 2nd centuries CE. It was from there, from Scythia Minor, that some of the ancestors of the dead came.

15. Tombstone made from former tarapanos, the 2nd — 3rd cc. CE, 1933
(Solomonik 1959: No. 20) (Fig. 15)

This tombstone is unusual in form, style and subject matter. It is initially believed that it was made by a barbarian craftsman. The tombstone is made from a fragment of a wine press — a tarapananos. It probably depicts a deceased spouse. The tamga here was also engraved at the same time as the artifact was made. It is depicted on the chest of a man (?). It has no exact analogies, but a close variant (with a mirror image horizontally) is known from an accumulation of the 1st — 2nd centuries CE from the Greek Kalos-Limen in the North-Western Crimea (Yatsenko 2001: Fig. 26/e).

Conclusion

Greek tombstones of the 1st century BCE — mid-2nd century CE with tamgas applied make up only a small part of the extensive collection from the Panticapaeum necropolis. However, they provide us with valuable information about the temporary and permanent presence of the Sarmatians in the capital of the Bosporus and the use of tamgas by the Bosporan authorities. Within our small collection of 16 tombstones, 4 groups of artifacts stand out. These are clusters of 8—19 signs each (stone slabs 1—4), pairs of tamgas (5—8), individual emblems, including the signs of the only Bosporan king (9— 12). Later (until the mid-3rd century CE), Sarmatian emblems were applied to such slabs. These are also tombstones with tamgas applied during their manufacture (13—15).

About half of the artifacts with tamgas date back to the Middle Sarmatian period up to the middle of the 2nd century CE (stone slabs 1, 2, 6, 7, 10, 13, 14). The ritual object (4) around the Sarmatian images of horses functioned both in the Middle Sarmatian and Late Sarmatian periods. In the Middle Sarmatian period, the signs in clusters were sometimes outlined with a double line (1, 2). It is important to analyze the belonging of the emblems to different regions of the Steppe. The tamgas of the Lower Don Basin dominate among the signs, almost always dating back to the Middle Sarmatian period (slabs 1, 2, 4, 6, 7, 10). Three emblems each represent the Northern Azov

Region (1, 4, 7) and the "Barbarian" regions of Crimea (3, 11, 14). Tamgas from Kuban Basin (8) and Western Ukraine (13) are occasionally encountered.

Almost all of these signs came into use in the Middle Sarmatian period, except for one Don (slab 4, No. 5) and one Crimean (slab 11). In cases where a representative of the Bosporan king was present at the action with many participants, these were such sovereigns of the late 2nd — first half of the 3rd centuries CE as Sauromates II (3) and Inenthimeos (4). A representative of Rhescuporis III is known for a pair of tamgas (8) and as the only participant in a certain ceremony (12, a, b). Such signs could be applied in the center of the composition (3) or on the periphery (4), along the upper edge (8). Both monuments, where the owner's tamga is engraved synchronously with the tombstone and is associated with the body of the dead (14, 15), date back to the Middle Sarmatian period, and the origin of its owner is associated with the "Barbarian" regions of Crimea.

Usually tamgas were applied with a thin knife blade, but sometimes a wider (3) or very wide (11) blade is used. It is easy to see that they tried to apply the emblems neatly, in a "printed" form, so that they could be easily recognized. In accumulations of signs, a large figure stands out in the center (plate 2, No. 5; plate 3, No. 6; plate 4, No. 8), or similar emblems form a vertical row (plate 1, No. 1). In pairs, both tamgas are usually the same size, but there is an exception (7). In accumulations of signs, only one of the emblems can be presented in 2—3 copies, that is, several representatives of the clan were present at the event, and in cases with royal signs — several officials (slab 1, No. 1; slab 3, No. 3; slab 4, No. 1; slab 8, No. 2—3). Some tamgas are present on two different slabs: (slab 1, no. 2 and slab 6, no. 1; slab 4, no. 12 and slab 7, no. 2; slab 3, no. 6 and slab 4, no. 18), and the emblem of Rhescuporis III is visible on three slabs. In general, former tombstones with accumulations of tamgas reflect the presence of 8 to 19 adult male participants in each action.

To neutralize the possible "revenge" of the previous Greek owners of the tombstones, several magical techniques were used before applying a single tamga or a pair of them. The tombstones with anthropomorphic images had their faces knocked off (3, 4, 5) or the upper edge where they were depicted was completely or almost completely removed (1, 6, 7). Sometimes tamgas were specifically found on an old inscription (4, 5), and the slab itself was turned over for their application (3). On all slabs with a single emblem, the head of the dead in the upper part of the slab was knocked off, although the other depicted personages were not damaged. Rituals with the head of the dead are also typical for Sarmatian grave robbers from the same nomadic communities at that time (Yatsenko 2013: 37—38). Judging by the places where the slabs were found, they were not moved far from the former Greek grave, and the actions with the application of tamgas took place in old cemeteries or near them. Today this option will seem exotic to readers. However, in the Alanian-Ossetian tradition, under special circumstances (for example, during a drought), it was still recently permissible to overturn

tombstones and steles of a foreign cultures as a magical practice (Yatsenko 1998: 72). Furthermore, Ossetians sometimes placed stone slabs with more ancient images of other cultures at the edge of their cemeteries and applied a series of tamgas around them (Yatsenko 2024: 144—147, figs. 2, 6).

The presence of tamgas on former tombstones at some stage did not prevent the new Greek owners from using them later in the construction of the barrow / burial mound (1) or in the design of the threshold inside the crypt (5).

Thus, the examination of a small collection of tamgas on the tombstones of Panticapaeum allows us to clarify the elements of the rituals of protection from possible revenge of the dead and the stages of using mini-sanctuaries, the native territories of the participants in the actions, the participation of the representatives of the Bosporan kings and the factors of applying tamga to the figure of the deceased during the manufacture of the tombstone.

References

Bârcă, V. 2021. The Sarmatian Mirror with Tamgas from the Settlement of Sebeş. *Journal of Ancient History and Archaeology* 8/1, 87—115.

CIRB 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions*). Moscow, Leningrad: Nauka. (in Russian).

CIRB 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).

Drachuk, V.S. 1975. *Sistema znakov Severnogo Prochernomoria* (*Signs Systems of the Norhtern Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka. (in Russian).

Marti, Yu.Yu. 1935. Novie epigraficheskie pamiatniki Bospora (The New Epicgraphic Monuments of Bosporus). *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (News of the State Acedemy of the History of Material Culture)* 104/VI, 57—89 (in Russian).

Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomoria (Sarmatian Signs of the Norhtern Black Sea Region)*. Kyiv: AN USSR (in Russian).

Yatsenko, S.A. 1998. Sarmatskie pograbal'nye ritualy i osetinskaia etnografiia (Sarmatian Burial Rituals and Ossetian Ethnology). *Rosiiskaya arkheologiya (Russian Archaeology*) 3, 67—74 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekovia (Tamga-Signs of the Iranian-Speaking Peoples of Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura. (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2013. O sarmatskikh ogrableniiakh sikhronnykh kurganov (On the Sarmatian Looting of the Synchronous Barrows). *Teoriia i praktika earkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 8/2, 25—41 (in Russian)

Yatsenko, S.A. 2018. Planigrafiia znakov-tamg v nekropoliakh osedlogo naseleniia Sarmatii (Planigraphy of Tamga-Signs in the Necropolises of the Sedental Inhabitants of Sarmatia). *Stratum plus* 6, 217—242 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2024. Neskol'ko osetinskikh ob'ektov s tamgami (Some Ossetian Ojects with Tamgas). *NARTAMONGÆ* XIX, 142—172 (in Russian).

Yatsenko, S.A. Marchanko, I.I., Tuallagov, A.A., 2025. New materials on Sarmatian Tamga-Signs. *Theory and Practice of Archaeological Research* 37/4 (in print).

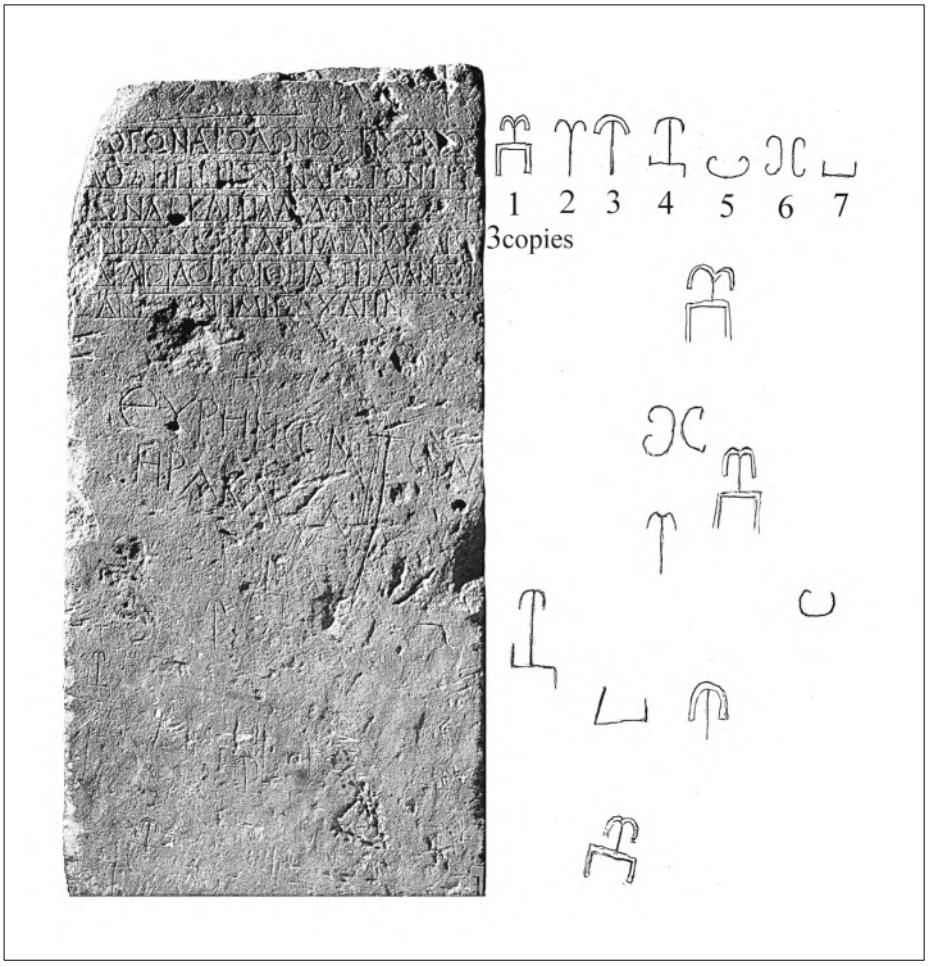


Fig. 1. Tombstone of Logonos, sun of Rodonos, found in Glinishche in the barrow of 188 (after CIRB 1965: No. 79; CIRB 2004: No. 79).

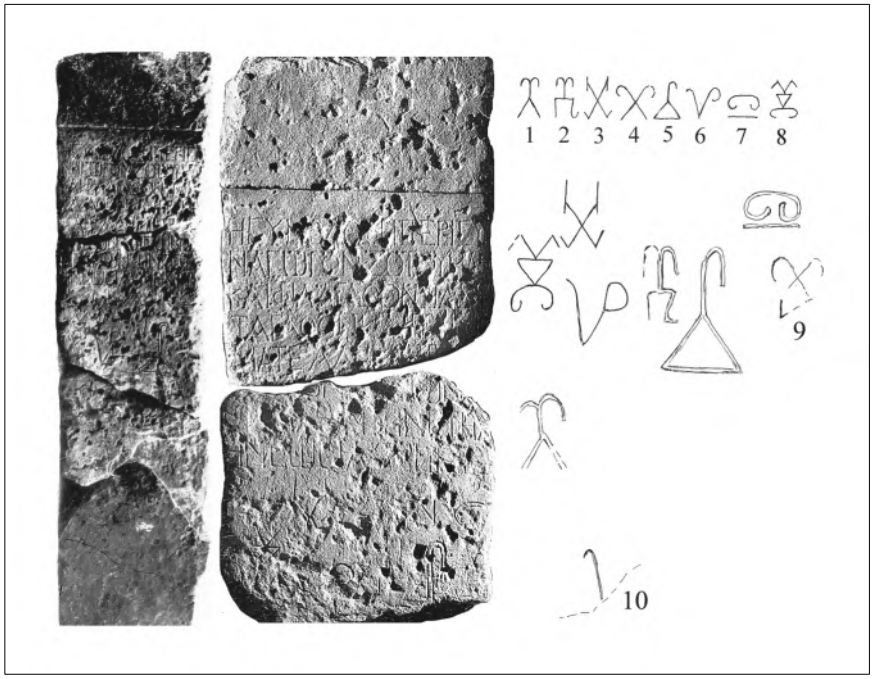


Fig. 2. Tombstone of Sosios, the first half of the 2nd c. CE, found on Mithridates Mountain in 1933 (after CIRB 1965: No. 89; CIRB 2004: No. 89).

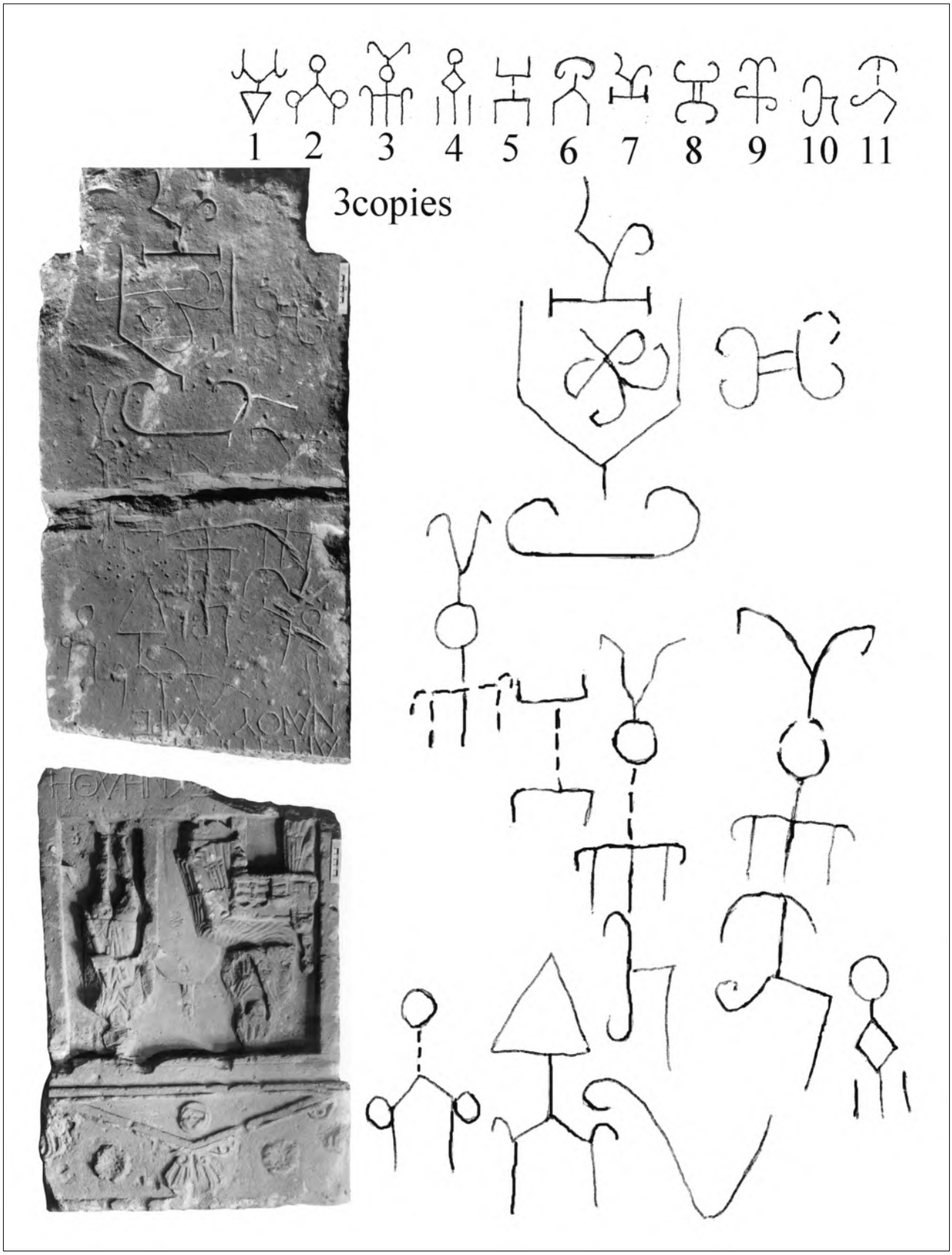


Fig. 3. Tombstone of Areta, the wife of Athenaios, the 1st c. CE, from Kerch (after CIRB 1965: No. 357; CIRB 2004: No. 357).

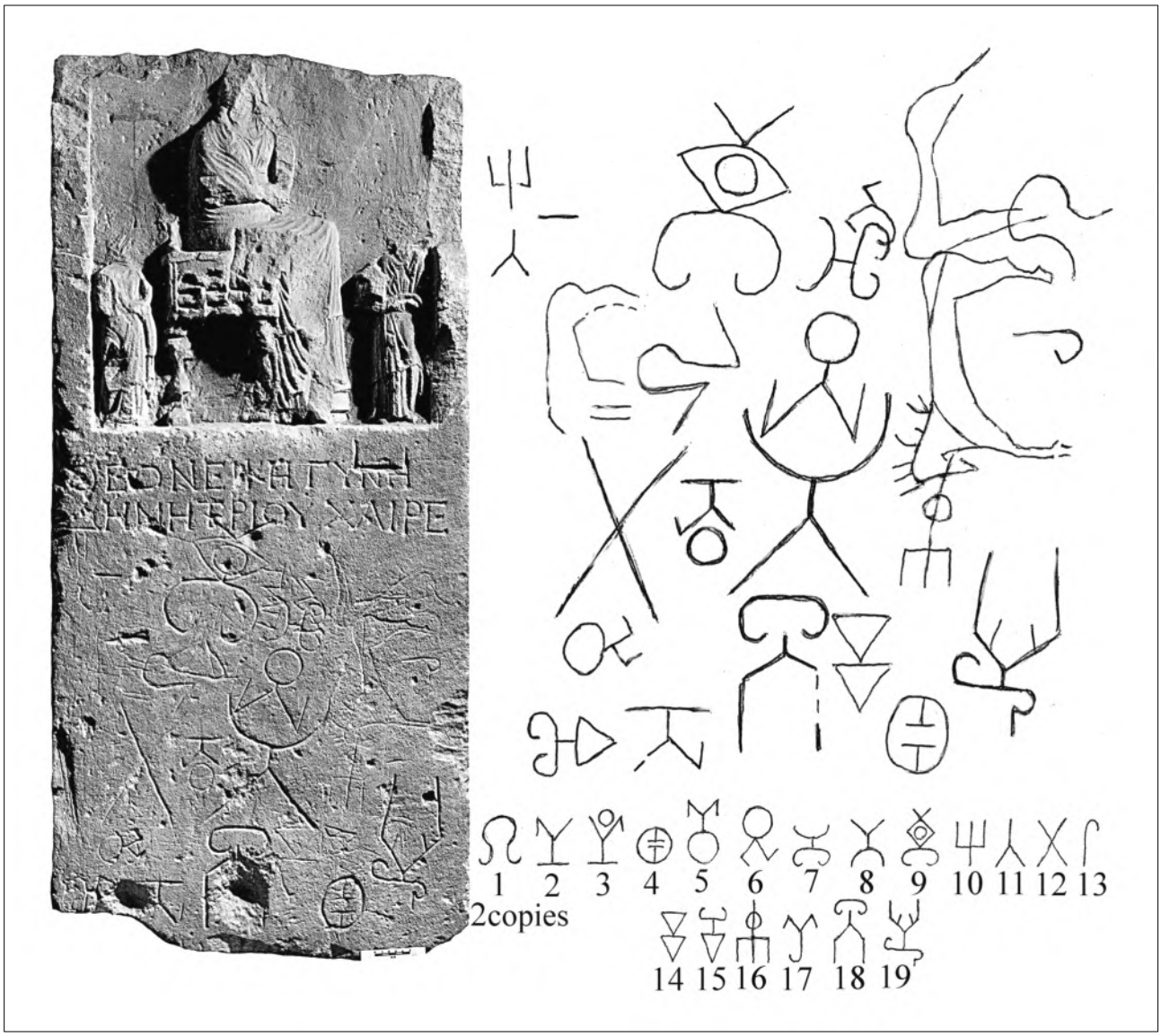


Fig. 4. Tombstone of Theonika, the wife of Demetrios, the second half of the 1st c. CE, Mithridates Mountain (after CIRB 1965: No. 357; CIRB 2004: No. 357).

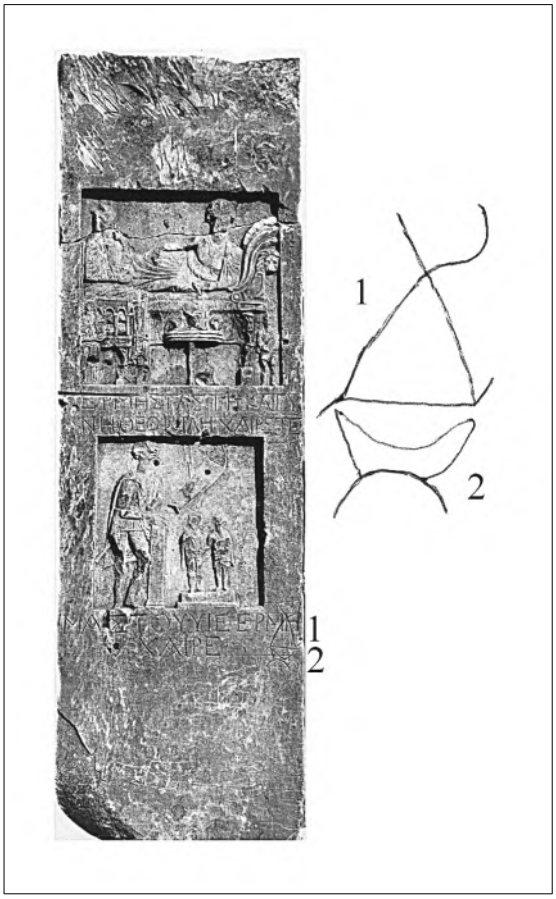


Fig. 5. Tombstone of Germes, the son of Gastios, and Mastus, the son of Hermes, the 1st c. CE, Glinishche, 1906 (after CIRB 1965: No. 400; CIRB 2004: No. 400).

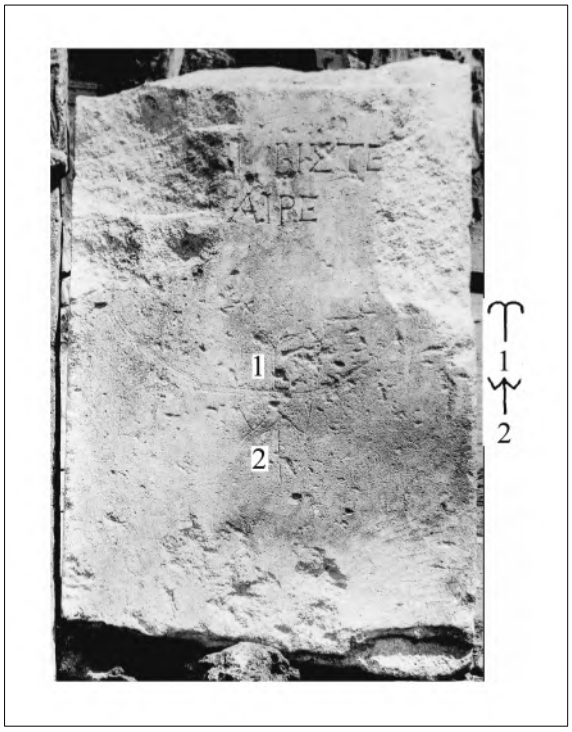


Fig. 6. Tombstone of 1909 y., Mithridates Mountain, the 1st c. BCE (after CIRB 1965: No. 298; CIRB 2004: No. 298).

Fig. 7. Tombstone of Macarios, the son of Hermogenes, the first half of the 2nd c. CE, from E. Zaporozhsky collection (after CIRB 1965: No. 87; CIRB 2004: No. 87).

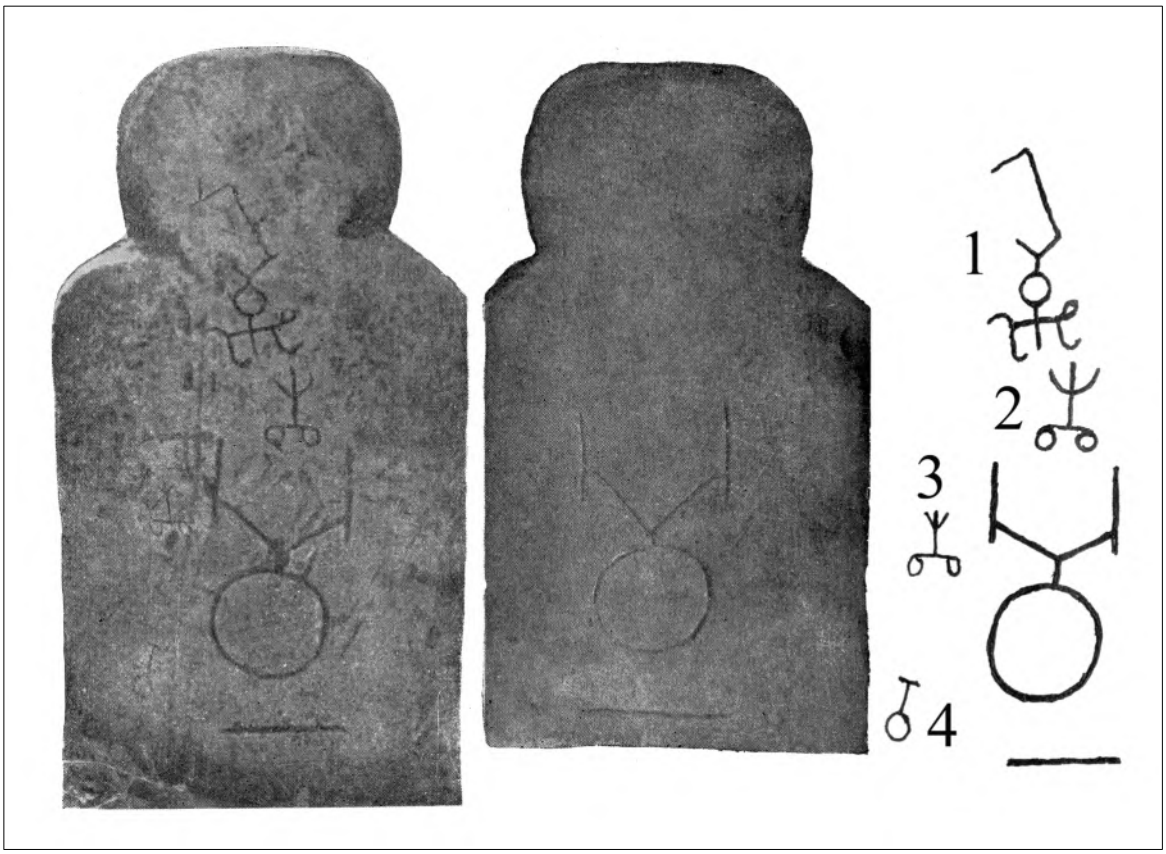


Fig. 8. The anthropomorphic tombstone with tamga sign, the 2nd — 3rd cc. CE, Glinishche, from L. Demidenko, 1914 (after Solomonik 1959: No. 21).

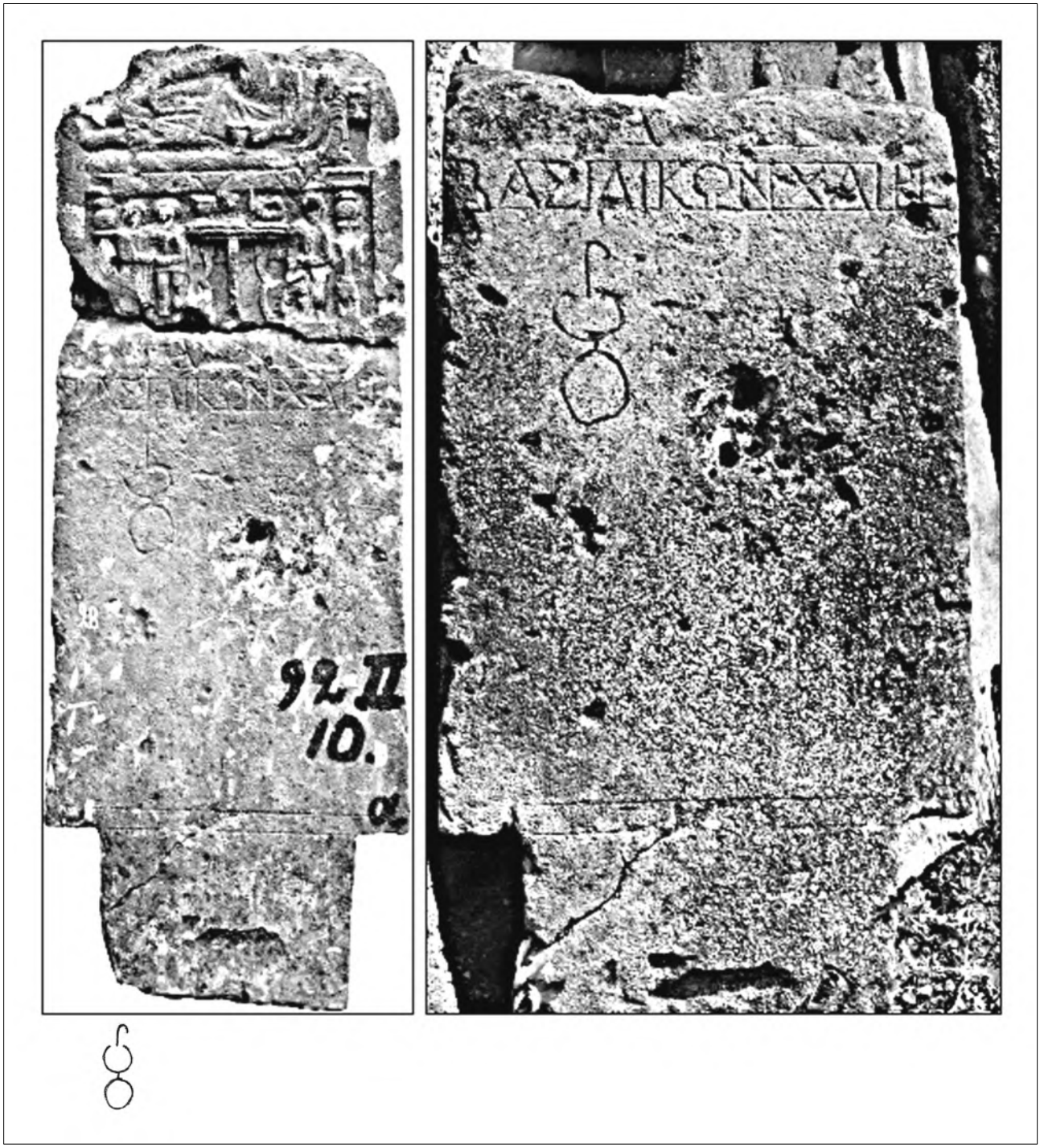


Fig. 9. Tombstone of "one courtier", the second half of the 1st c. CE, from Sheremetev collection (after CIRB 1965: No. 565; CIRB 2004: No. 565).

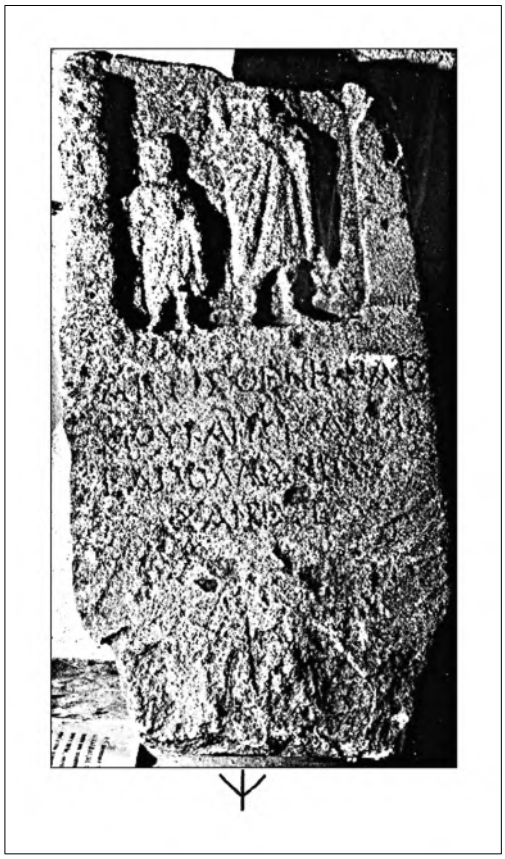


Fig. 10. Tombstone of Antisphenes and Ptolemeos, the 1st c. BCE, from E. Zaporozhsky collection (after CIRB 1965: No. 270; CIRB 2004: No. 270).

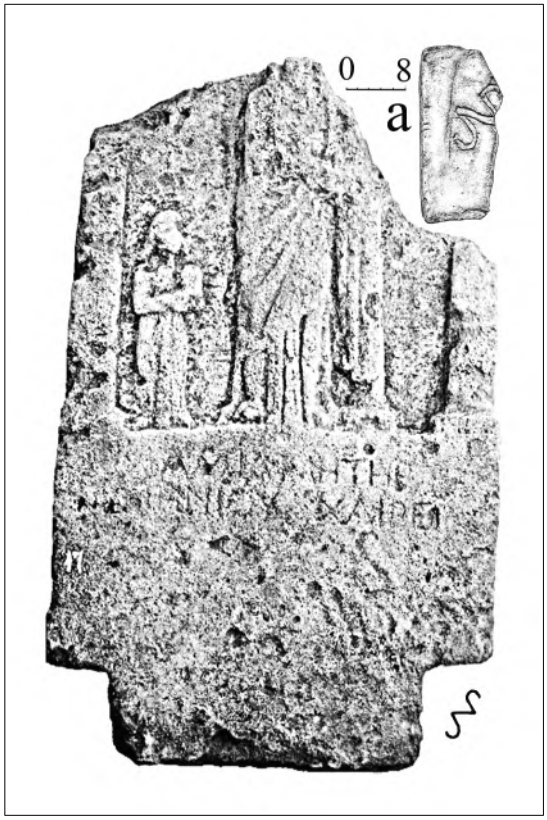


Fig. 11. Tombstone of Mamia, the mother of Menios, the 1st c. BCE, from E. Zaporozhsky collection (after CIRB 1965: No. 281; CIRB 2004: No. 281): *a* — stone slab fragment from Tanais, after S.M. Ilyashenko.

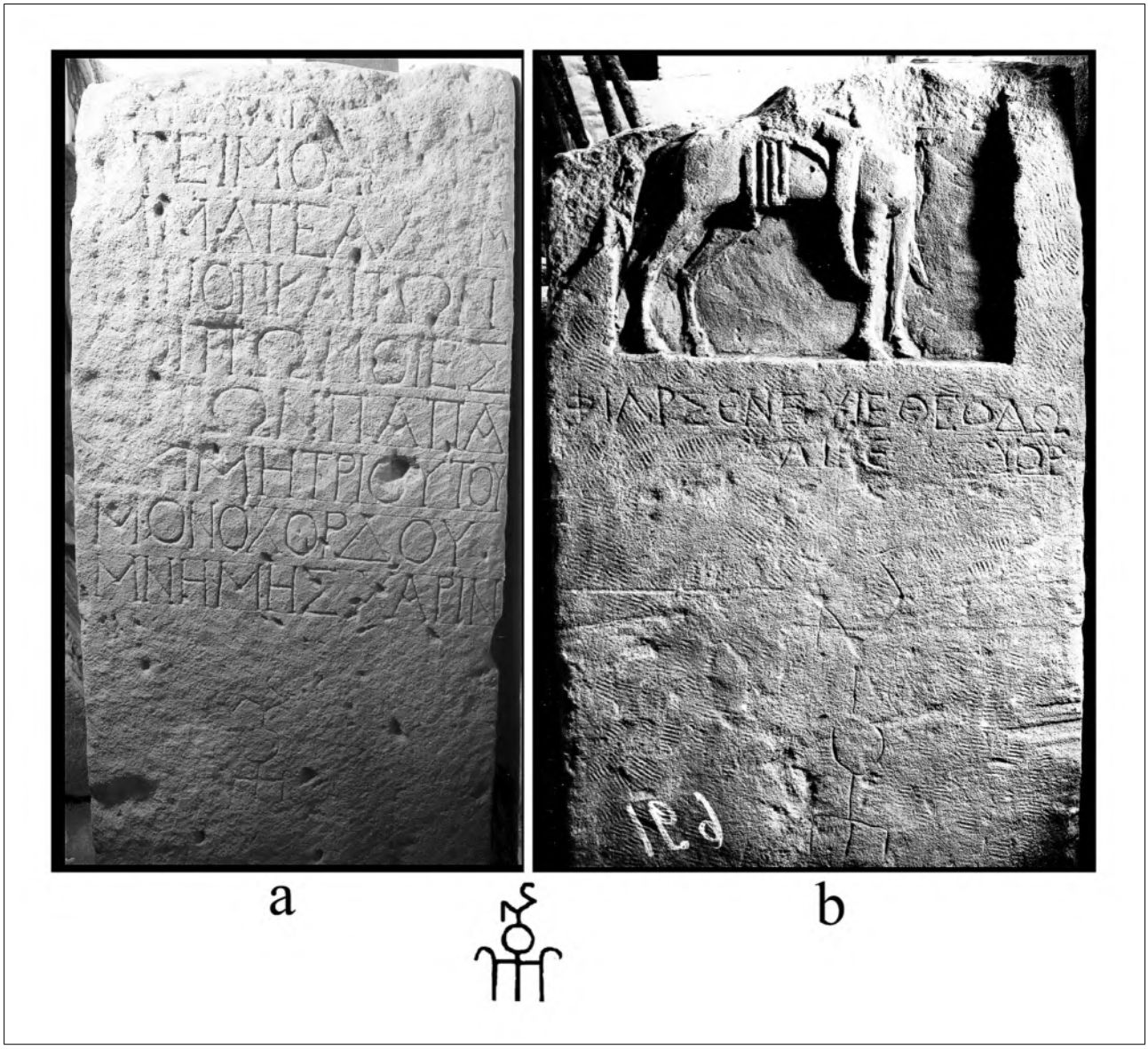


Fig. 12. Tombstones of Pappos, the son of Demetrios, and Filarsenes, the son of Theodoros, with tamga of Rhescuporis III (210—222), the 3rd c. CE (after CIRB 1965: Ns. 89, 529; CIRB 2004: Ns. 89, 529).

Fig. 13. Tombstone of Attas, the son of Triphones, the first half of the 2nd c. CE, Theodosia Road, 1929 (after CIRB 1965: No. 83; CIRB 2004: No. 83).

Fig. 14. Tombstone of Attas, the son of Triphones, the first half of the 2nd c. CE, 1872 (after CIRB 1965: No. 660; CIRB 2004: No. 660).

Fig. 15. Tombstone made from former tarapanos, the 2nd — 3rd cc. CE, 1933 (after Solomonik 1959: No. 20).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.26.88.012

Akın Temür, Ayla Baş

FINDINGS FROM THE SURVEYS CONDUCTED IN THE ANCIENT CITY AND TERRITORIUM OF NEOCLAUDIOPOLIS*

Vezirköprü, located 110 km southwest of the Samsun Province on the Black Sea coast in the north of Türkiye, is the fifth largest district of Samsun in terms of population and is also the district with the highest number of villages in the country with one hundred and sixty villages. The town situated on an important route, has witnessed continuous settlement from ancient times to the present. One such settlement is the ancient city of Neoclaudiopolis. While no standing structures of the site have been discovered to date, numerous artefacts from the ancient city are scattered throughout the district. In this context, to investigate the district's history, identify its archaeological and cultural assets, and determine the location of the ancient city of Neoclaudiopolis and its connections with the surrounding area. The research began in 2018 and was completed in 2024. During the surveys, nearly 160 villages were visited, yielding substantial data about the distribution area of the ancient city of Neoclaudiopolis. The data obtained during the survey were evaluated under two main headings: settlements and tombs. This study aims to present the survey findings to the scientific community.

Key words: Black Sea Studies, Samsun, Vezirköprü, Phazemon, Neopolis-Neoclaudiopolis, Andrapa.

About the authors: Temür Akın[1], Assoc. Prof. Dr., Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology; Baş Ayla[2], Assist. Prof. Dr., Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology,

Contact information: [1,2] 55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology, e-mail: [1]akintemur@yahoo.com, [2]aylaabas@gmail.com.

Акын Темур, Айла Баш

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВЕДЕННЫХ В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ И НА ТЕРРИТОРИИ НЕОКЛАВДИОПОЛЯ

Везиркёпрю, расположенный в 110 км к юго-западу от провинции Самсун на черноморском побережье севера Турции, является пятым по численности населения районом Самсуна и районом с самым большим количеством деревень в стране — сто шестьдесят. Город, расположенный на важном пути благодаря своему расположению, был местом постоянного заселения с древних времен и до наших дней. Одним из таких поселений является древний город Неоклавдиополь. Хотя до сих пор не обнаружено ни одного сооружения, относящегося к городу, расположенному в Везиркёпрю, многочисленные артефакты древнего города разбросаны по всему району. В этом контексте было проведено исследование с целью изучения истории и выявления археологических и культурных ценностей района, а также определения местоположения древнего города Неоклавдиополя и его связей с окружающей средой. Исследования начались в 2018 г. и были завершены в 2024 г. В ходе исследований, проведенных в период с 2018 по 2024 г., было посещено около 160 деревень, что позволило получить существенные данные о распределении древнего города Неоклавдиополя. Полученные в ходе исследования данные были оценены по двум основным направлениям: поселения и гробницы. Целью данного исследования является ознакомление научного сообщества с результатами исследований.

Ключевые слова: Черноморские исследования, Самсун, Везиркопрю, Фаземон, Неаполь—Неоклаудиополис, Андрапа.

* Статья поступила в номер 22 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июля 2025 г.

© Акын Темур, Айла Баш, 2025.

Сведения об авторе: Темур Акын[1], доцент, доктор наук, Университет Ондокуз Майыс, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии; Баш Айла[2], Доцент, доктор наук, Университет Ондокуз Майис, Факультет гуманитарных и социальных наук, Кафедра археологии.

Контактная информация: [1,2]55200, Турция, Самсун, Университет Ондокуз Майыс, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии, e-mail: [1]akintemur@yahoo.com, [2]aylaabas@gmail.com.

Introduction

Vezirköprü, where the ancient city of Neoclaudiopolis is localised, is one of the largest districts of Samsun province and is located 110 km southwest of Samsun. Located in the Central Black Sea Region, the district borders Alaçam and Durağan in the north, Bafra in the northeast, Osmancık in the southwest, Havza in the east, and Saraydüzü in the west (fig. 1). While it was a village settlement named Phazemon in the Hellenistic Period, in the Roman Period, it was raised to the status of a city by Pompeius and named Neapolitis. In the following period, the city was named Neoclaudiopolis in honour of the Roman Emperor Claudius, and coins were minted under this name until the Byzantine Period. During the Roman period, the city, which was located on an important road junction leading to Samsun-Havza (Thermai) in the south, Kastamonu-Taşköprü (Pompeiopolis) in the west, Tokat-Niksar (Neokaisareia and Samsun (Amisos) in the east, emerged on the stage of history with the name Andrapa within the Byzantine territory after the division of Rome into two. After the region came under Turkish rule, the city became known as Gadegara for a time and began to be called Köprü next, which means “bridge” in Turkish. Thereafter, the city was rebuilt by Grand Vizier Köprülü Mehmed Pasha during the Ottoman period, thus taking the name Vezirköprü, which has survived to the present day.

Although the district has a hilly geography, it also houses plains suitable for agriculture. The region has witnessed continuous occupation for thousands of years as different ecosystems have created suitable environments for human habitation. The earliest studies on the prehistoric periods of the district were carried out by Kökten (Kökten et al. 1945: 361) in 1940—41. These studies were followed by the surveys conducted by Dengate and Alkım (Alkım 1973: 435—438; Alkım 1978: 542—547; Dengate 1978: 245—258) in the 70s. Although these studies in Vezirköprü yielded important data from the Chalcolithic, Bronze and Iron Ages, they do not sufficiently illuminate the Hellenistic and Roman Periods of the city. The earliest studies on the Hellenistic and Roman Periods were initiated by Kahl, French and Olshausen (Kahl 1991; French 1988; Gerhard nad Olshausen 1991: 612—613). The focus of these studies carried out in the 80s and 90s was on the coins and inscriptions of the ancient city of Neoclaudiopolis, localised to today's Vezirköprü (fig. 2). Subsequently, surveys were conducted by a team formed by Bekker-Nielsen between 2010 and 2013 in order to identify the Roman roads in the region (Bekker-Nielsen et al. 2015: 1—96). Despite all these studies starting as early as the seventies, no comprehensive study has yet been conducted examining and presenting the district as a whole. Therefore, a project called “Neoclaudiopolis Ancient City and Territorium” was initiated in 2018 to overcome the localisation problems and determine the boundaries of the ancient city of Neoclaudiopolis, one of the region's important Roman cities. During the surveys conducted between 2018 and 2024, nearly 160 villages were visited, yielding substantial data about the distribution area of the ancient city of Neoclaudiopolis. The data obtained during the survey were evaluated under two main headings: settlements and tombs.

1. Settlements

Since the region is very rugged and especially the northern part where Şahinkaya Canyon is located is very rocky, hillside settlements are more common than mound-type settlements. Ten mounds were identified and analysed in Çalköy, Yarbaşı, İncesu, İnkaya, Yağınözü, Narlısaray, Adatepe, Oymaağaç, Göl and Taşlıyük villages during the surveys. These mounds are mainly

located on the lands on the two slopes of the Istavroz Stream (also known as Istavloz Steam). Excavations were carried out only at Oymaağaç Höyük. The mound was investigated in detail during the Alkım period, and excavations started by Czichon (Czichon et al. 2011: 169—250; Czichon and Yılmaz 2014) in 2007 are still ongoing today (figs. 3: 1—7). The findings obtained from the mound, which is identified as Nerik, the sacred city of the Hittites, are significant in terms of revealing that the mound was inhabited in the Hellenistic and Roman periods as well as being a Bronze and Iron Age settlement and that the settlement continued uninterruptedly from prehistoric times to the present day. The stone tools found in the mound in Adatepe Village, 4 km north of the district centre, revealed that the oldest settlement in the district dates back to the Early Chalcolithic Period. During the investigations on the mounds, it was observed that many of them had been destroyed by illicit diggings or road construction works, while some of them had been subjected to agricultural activities, and the presence of many illicit digging pits evinced that they had been subjected to intense destruction by treasure hunters. The investigations on the mounds yielded a large number of sherds, pithoi and tile fragments dating to the Bronze, Iron, Hellenistic, Roman, Late Antique and Middle Ages. Ceramic finds dating back to the Bronze Age, as well as marble column bases and foundation blocks dating back to the Roman Period, reported to have been excavated by the villagers through illicit diggings, were found in the Camii Tepesi Höyük located in the Kayalı Mevkii adjacent to the Istavroz Stream in Çalköy (figs. 4: 1—5). Another mound with building remains is located in Yarbaşı village, oriented northwest-southeast, also situated on the banks of the Istavroz Stream (fig. 5: 1). Rubble stone vaulted structures are observed in some of the many illicit digging pits opened on the mound. In addition, there are traceable wall rows in the south of the mound (figs. 5: 2—7). The mound yielded pottery belonging to different periods ranging from the Iron to the Middle Ages.

Another settlement type identified during the surveys is fortresses. The earliest fortress settlement was found at Çalköy-Gavurevi Mevkii (fig. 6: 1). Located on the upper side of the hillside settlement at a point dominating the terrain, the fortress is spread over an area of approximately 200 m^2 in diameter and has a half-moon-shaped fortification system consisting of unworked small rough stones (figs. 6: 2—7). Since the northern slope of the fortress has a steep rocky structure, this side did not require a fortification structure. As the walls lie in ruins, taking measurements was impossible. Some of the remains of the walls in the south of the fortress indicate that there were sections built adjacent to the interior of the fortification wall. The Iron Age ceramics found on the slope extending from the fortress to the Yörükçal road revealed that the fortress also belonged to this period.

After the death of Alexander the Great and the disintegration of his empire, many kingdoms were established. One of these was the Kingdom of Pontus, founded in 281 BCE. The most famous king of the kingdom, also known by the name of its founder, Mithridates, was undoubtedly Mithridates Eupator VI. The reason why he stands out so prominently compared to other kings is that he spent his life fighting against the Romans and delayed the Romanization of Anatolia to a great extent. In these struggles, which continued until 66 BCE, the numerous fortresses and watchtowers built especially on the Black Sea coast and inland, were one of the greatest weapons used by Mithradates Eupator VI against the expansionist policies of Rome. The study of the fortresses in the region has provided essential data shedding light on the archaeology of the Black Sea.

The most important fortress examined in detail during the surveys is undoubtedly the Sagylion Fortress, also mentioned in Strobon’s work. Localised to Büyükkale by researchers such as Olshausen and Biller (Olshausen and Biller 1984: 162), the fortress is located at an elevation of 1400 m and dominates the Vezirköprü plain (fig. 7: 1). The highest point of the castle, situated on a steep cliff extending in the east-west direction and called “Flag Hill” today, is accessible by partially preserved steps carved into the rocks (fig. 7: 2). The open areas in the fortress contain Hellenistic Period cut stones without mortar at the bottom and Roman and Byzantine Period 4—5 m height and 1.30 m width fortification walls built with Khorasan mortar, brick and rubble stone

(figs. 7: 3—5). The fact that no second example of these Hellenistic Period walls encountered in Sagylion has been found makes this site even more significant (Temür 2023: 123—125, fig. 2—22).

The most striking feature of the fortress is the evidence discovered in the southwest part, which is believed to belong to the stepped rock tunnel mentioned by Strabo (fig. 7: 6). Since the entrance has been destroyed, it is only possible to make a definitive statement through excavation. However, Strabo writes, "*The water-rich cistern in Sagylion, now abandoned, was useful to kings in many respects. Arsakes, one of the sons of King Pharnakes, attempted to revolt by declaring himself ruler but was captured and executed here. Although the fortress was taken by Polemon and Lycomedes, both kings, Arsakes was captured not by force but by starvation and thirst. Taking no provisions with him, he fled from the plains into the mountains and found the cisterns filled with large rocks, for Pompeius had ordered them to be filled and the garrisons demolished, lest they should be of any use to those who went up for banditry. This is how Pompeius had organised the administration of Phazemonitis"*. The cistern in question must be the one mentioned by Strabo, which was destroyed by Pompeius and filled with rocks, since the other cistern in the fortress, carved into the rocks, is 4 m in diameter and 6 m deep and is in good condition (fig. 7: 7). It is also not large enough to meet the needs of an army. The survey around the walls revealed fragments of ceramics, pithos, roof tiles, and cylinders dating back to the Roman and Byzantine periods. These remains are significant as they evinced that the fortress was built in the Hellenistic Period and that the walls were repaired and reused during the Roman and Byzantine periods.

Another fortress surveyed in Vezirköprü is located 32.5 km northwest of the centre of Vezirköprü on a very steep rocky area bearing the same name. The height of the cliff where the fortress called Kocakaya is located is 103 m from the walking level (fig. 8: 1). The summit of the rocky area is reached via six rock steps that can be traced in places (fig. 8.2). There are libation pits just to the right of the rock steps (figs. 8: 3—4). On the slopes of the rocky area, rows of walls extending from one side to the other were found. The southeast of the rocky area houses fortification walls 3—4 m high on flattened rocks, built of semi-worked stones and plastered with Khorasan mortar (fig. 8: 5). To the northeast of the rocky slope is a 3 × 3 m square room carved into the bedrock on one side and closed with a plastered stone wall on the other, likely used as a tower or for a similar function. To the southeast of the cliff is a 2.70 m wide, 4.50 m long and 2.20 m deep cistern carved into the rock (fig. 8: 6). A large amount of glazed Byzantine ceramics, roof tile fragments and a very small amount of Roman ceramics can be observed in the area.

There is also a fortress settlement at Kale Mevkii in Tekkekıran Village, 13 km southeast of Vezirköprü (fig. 9: 1). Located to the west of the Istavroz Stream, the fortress is situated on a steep rocky area in the east-west direction at a point to control the terrain. Remains of walls with Khorasan mortar and flattened areas for the placement of fortification walls are visible on the fortress (figs. 9: 2—5). The eastern side of the fortress is bordered by a cliff with the Istavroz Stream flowing below, while the western side is bordered by a hillside settlement with a very dense ceramic assemblage from the Iron, Late Iron, Roman, Seljuk, Byzantine and Medieval periods (fig. 9: 6).

The research in the region revealed that the fortresses were not used on their own but supported by rocky areas selected at strategic points in the terrain used as watchtowers (see: Temür 2024), especially during the struggles with the Roman Empire (figs. 10: 1—5). Although some of these rocky areas are called fortresses by the villagers, they should be distinguished from the fortresses with structures on them and inhabited by people; they are primarily located on hillsides with rocky areas suitable for settlement, and they are natural, high rocky areas used for surveillance of the enemy. Although levelled areas for placing wall structures were found in some of the investigated watchtowers, no traces of walls were discovered. The watchtower in the "Kaplancık Kanyon", located in the continuation of the "Şahinkaya Kanyon" within the borders of Kaplancık Village, stands out from the others in this respect (figs. 11: 1—4). There is a watchtower built inside a rocky area with rooms inside. This watchtower, considered to be built to control the river transportation on the Kızılırmak, is accessed by steps carved into the rock, as in other similar watchtowers. After the completion of the construction of the Altınkaya Dam, the steps were flooded. It is impossible to see these steps today.

The rock steps identified during the surveys are found in many of the settlements in the Pontus Region (figs. 12: 1—5). These steps, one of the most characteristic features of Hellenistic Period architecture, were used in structures defined as "stepped tunnels" as well as watchtowers (figs. 13: 1—7). It is believed that the stepped tunnels made by carving the rock with a certain slope were used as cisterns, escape tunnels or for cult purposes (De Jerphanion 1928: 24; von Gall 1967: 504; Şenyurt and Bulut 2020: 228—229). It is recorded that, in the surrounding provinces, there are 39 of these stepped tunnels, which are found in many of the fortresses in the Pontus Region (Şenyurt and Bulut 2020: 228; Bulut 2020: 47—48).

Cisterns are another structure found in the watchtowers (figs. 14: 1—5). As in Sagilion and Kocakaya fortresses, cisterns were also found on watchtowers. The cisterns carved into the rocks on the watchtowers in the villages of Esen, Özyörük and Ovacık are a good example of this. The common characteristics of these cisterns carved into the rocks are that they are 2—4 m in diameter and 3—6 m deep. Other common features are that they narrow towards the mouth and are plastered in places to ensure watertightness. The fact that these cisterns, built in the Hellenistic period but also used in the Roman and Byzantine periods, are not very large strengthens the opinion that they were built to meet the daily needs of the soldiers stationed in the watchtower. When we examine the settlements with watchtowers, it becomes clear that they are primarily simple rural settlements built on sloping terrains near water. The common characteristic of these settlements is witnessing uninterrupted occupation from the Bronze to the Middle Ages.

The ceramics, roof tiles and pithoi found in the settlements are evidence of continuous occupation. Unfortunately, very little architectural texture has been found on the settlements. The biggest reason for this is the settlements being used as agricultural land today. The remains of walls, some of which have survived to the present day, are found in the villages of Asarkaya, Kaplancık, Yeşiltepe and Türkmen. The wall remains in these regions do not exhibit the high-quality artistry observed in the Sagylion Fortress.

The watchtowers and settlements identified during the surveys in Vezirköprü revealed critical data for the elucidation of the Hellenistic Period of the region. These data evinced that the sites in question have similar characteristics to other settlements of the Pontus Region. The data to be obtained through surveys provide limited information. A better understanding of the socio-economic structure of the region is only possible through scientific excavations.

2. Tombs

Many tombs were identified during the surveys conducted in Vezirköprü. These can be grouped as tumuli and rock, chamosorion, stone cist, vault, and tile tombs. All 22 tumuli identified during the surveys had illicit digging pits, while some were levelled due to agricultural activities, and some were destroyed during road construction works (figs. 15: 1—9). The preserved diameters of the tumuli vary between 10—80 m, while their heights reach up to 30 m. Considering the site selection of the tumuli, some were built on flat terrain and some on the slopes dominating the terrain. It is impossible to say anything about the burial chambers of any of the tumuli since none were found intact. The only excavated example of these tumuli is the "Ahmetbaba" tumulus. The tumulus was rescued by the Samsun Museum after illicit diggings, but since the burial chamber and dromos of the tumulus were destroyed, we lack extensive knowledge about the site.

In order to understand the architecture of the tumuli found in Vezirköprü, we need to look at the tumulus excavations in Samsun. However, not much work has been done on tumuli not only in Vezirköprü but also across Samsun in general. The tumuli studied are mostly the ones that were destroyed by illicit diggings and then rescued by the Museum. Many of these tumuli have been destroyed, and their finds are scattered in museums and private collections (Atasoy 1997: 51—52). The first of these tumuli is the "Lerdüge" tumulus (Akok 1948: 835—853). Located in the Havza District, the tumulus is 16 m high and 35 m in diameter and consists of a burial chamber and dromos covered with a cut stone vault. Another tumulus with similar characteristics is the "İkiztepe" tumulus

(Alkım et al. 1988; Bilgi 1988; 1999; Alkım et al. 2003; Bilgi et al. 2005), located in the Bafra District consists of a dromos and a burial chamber as in the Lerdüge tumulus. Another tumulus is the "Tepecik" tumulus in the Kavak District, dating to the 2nd century BCE. The 10 m high and 30 m in diameter tumulus consists of four sections: a dromos, an anterior chamber, and a burial chamber with an offering chamber behind it. The "Baruthane" tumuli in the İlkadım district dating to the 3rd — 2nd century BCE are two other tumuli with similar characteristics (Atasoy et al. 2005: 153—165). The southern tumulus, carved out of conglomerate rocks, consists of two chambers and is 15 m high and 40 m in diameter. The 8 m high and 30 m in diameter tumulus in the north consists of three intertwined chambers. Another tumulus excavated is the "Dondortepe" tumulus, dating to the 3rd century BCE in the Canik District. As in the Baruthane examples, the tumulus was carved out of conglomerate rocks. It consists of two dromos, a front room and a burial chamber with a burial niche on the sides (Ünan 2009: 1—28). The burial chamber seems to have been reused in the 1st century CE by adding a second dromos to the west of the tumulus. The "Toptepe" tumulus in the Canik District and the tumulus in the Atakent District reveal a similar structure with a burial chamber with a dromos and a barrel-vaulted upper cover.

Excavations of the tumuli in the region reveal that the tumuli generally consist of a dromos and a burial chamber. It is evident that the dromos and burial chambers of the tumuli, which were mostly carved into conglomerate rocks, were made of cut stone and then covered with piled earth (Akok 1948: 835—853; Özsait 2003: 273—284; Atasoy et al. 2005: 153—165; Ünan 2009: 3—4; 2013: 394). It is understood that the "Ahmetbaba" tumulus, the only excavated example in Vezirköprü district, continues the tumulus tradition of the region with its burial chamber structure with dromos. However, it is impossible to date it with certainty since no example with an exposed burial chamber was found among the other identified tumuli. Therewith, considering the similar examples in the region and the burial tradition, Hellenistic-Roman Periods are suggested.

Another burial type is rock tombs (figs. 16: 1—11). The rock tombs identified during the surveys were categorised into three subtypes. The first of these is the "Paphlagonia Type". The ones found in Esen (figs. 16: 1—4) and Küçükkale (fig. 16: 5) villages belong to this subtype. Paphlagonia type rock tombs (Leonhard 1907; von Gall 1966) appear as a part of the tradition of the Pontus Region. Dating back to the 5th century BCE, this architectural form is similar to Phrygian rock monuments (Ramsay 1882: 256—263; Ramsay 1888: 350—382; Ramsay 1889: 147—189; von Reber 1897: 531—598; Koerte 1899: 80—153; Haspels 1971: 73), and is considered to be a reflection on the rock of the local wooden residential architecture influenced by Achaemenid architecture and Greek art (Forbes 1983: 93 ff.; Vassileva 2012: 250). This subtype comprises single or multiple burial chambers with flat or triangular pediments. The most distinctive feature is the columned entrance in the form of a temple façade. It is known that this type of rock tomb, which was widespread in the Hellenistic period, continued to exist in smaller sizes in the Late Hellenistic-Early Roman Periods. The widespread use of the vault cover and the arch is considered a Roman influence. As in the Esen Rock Tomb, Paphlagonia type rock tombs are found in many provinces such as Samsun, Sinop and Kastamonu. In light of similar examples, the Esen Rock Tomb is dated to the Hellenistic period.

The second subtype is the semi-circular, rough-worked rock tomb with an arched entrance and vaulted ceiling on a levelled terrace at the top of the rocky area in the Küçükkale (fig. 16: 6) and Türkmen (figs. 16: 7—9) settlements. We lack information about the burial beds since the site was severely damaged due to illicit diggings. Since there are no finds to date the tomb, it is impossible to give a precise date. However, the tomb can be dated to the Roman Period based on the form.

The rock tomb at Özyörük, classified as the third subtype, has a rectangular plan and a vaulted ceiling as in the Paphlagonia type but has no columns at the entrance (figs. 16: 10—13). In addition, the death bed is not in the ground but in the form of an arcosolium niche carved into the wall opposite the entrance. The arcosolia were carved into the rock in the form of an arch, and sarcophagi or urns were placed inside; sometimes they were simply carved into a rock surface and sometimes built inside a burial chamber. Although the timing of their emergence is controversial, it is generally accepted that this subtype started in the Late Hellenistic Period, became widespread in

the Roman Period and continued to be used until the Early Byzantine Period (Çelgin 1990: 150). In Anatolia, it is known that their use began during the Roman Period and intensified especially during the Early Christian Period. Since Anatolian geography is mountainous and rocky, and it is easier to construct arcosolia compared to other rock tombs, they are encountered in almost all regions of Anatolia. Rock tombs with similar features are frequently encountered in the neighbouring provinces of the Pontic Region, such as Tokat and Ordu besides Samsun. Since no finds or inscriptions were found at the Özyörük Rock Tomb, it is impossible to date it precisely. However, considering the intensive use of arcosolia tombs in Anatolia in the 2nd and 3rd centuries CE and similar examples, it seems possible to assign a similar date range for the Özyörük Rock Tomb.

The third group of tombs are the chamosorion tombs (figs. 17: 15). These tombs are found in many regions of Anatolia, such as Phyrgia, Cilicia, Caria, Pamphylia and Paphlagonia. They are known to have been used continuously from the Hellenistic Period to the Early Byzantine Period. However, it seems that these tombs were not widely used in Vezirköprü and throughout the region. Although the terrain is suitable for this type of tomb, the complex artistry can be suggested as one of the reasons why they were not preferred. The Vezirköprü examples are of the "simple rock tomb" type defined as simple chamosorion, formed mainly by rectangular carvings of conglomerate rocks. Although no single tomb lid was recovered in one piece, the broken fragments indicate that they were simple, undecorated, unprofiled, flat-roofed and single-piece tomb lids and that flagstones were mostly used for this purpose. The directions of the tombs showing rough workmanship indicate that different directions were preferred depending on the structure and shape of the rock in which the tomb was carved. At this point, we can say there is no unity of direction. When we examine the location of the tombs, we see that sometimes a relatively high rocky area is preferred, as in the Boğazkoru (figs. 17: 1—3) and Sandıkkaya (figs. 17: 4—5) examples, while sometimes they can be built at walking level, as in the Evkaya tombs. These tombs, which measure 2.30 m in length and 0.85 m in width, are believed to have been inhumation burials. However, examples of cremation practices in different parts of Anatolia are also known (Söğüt 2012: 565). It is difficult to say anything about the status of the tomb owner. However, its relatively simpler craftsmanship compared to chambered rock tombs, yet more intricate than stone cist tombs, indicates that it may have been favoured by individuals belonging to a middle-income group positioned between the lower and upper classes. Since no intact tombs were recovered and no elements such as ornamentation or profiles that could help date the tombs were found, it is very difficult to date them, but it is known that they became widespread during the Roman Period. Except for Vezirköprü, this tomb type is not encountered in Samsun except for a few examples. No finds were recovered from these sites either. Hence, although a definite date cannot be suggested, the Hellenistic-Roman Period date range is suggested since this type is found in settlements belonging to the period in question.

The fourth group, the stone cist tombs, is the most common (figs. 18: 1—4). The most prominent feature of these tombs, which are sometimes covered with a single or sometimes with several flagstone slabs, is that the body is laid directly on the ground. All the stone cist tombs found during the surveys were constructed in the east-west direction. The average length of these tombs is 2 m, and their width and depth can reach 1 m Mostly, limestones cut into slabs were used in these tombs, but there are also a few examples where local slate stones were preferred. The common point in these tombs, where there is no set rule regarding the location of the tombs, is that they were built in the east-west direction. Since all the tombs were destroyed, we lack information about their finds. However, the twelve stone cist tombs found during the excavations carried out by the Samsun Museum in the Cumhuriyet Quarter of Vezirköprü between 2012 and 2017 provide us with very important information since they were found together with their finds. The tomb finds and architectural remains recovered during these excavations were dated to the Roman Period. This date is also probable for the tombs identified during our surveys.

The fifth group of tombs are single-cell barrel-vaulted tombs (figs. 19: 1—5). These are single-chambered vaulted tombs built on slopes. The masonry consists of lime mortared, semi-worked stones,

broken bricks and tile fragments, and its entrance has an arched structure made of bricks and flagstones combined with mortar. The tombs found in Şentepe (figs. 19: 1—3) and Çorakdere (figs. 19: 4—5) settlements, all of which were robbed, yielded no finds. Seven of these tombs dating to the Eastern Roman Period were identified. Since the floors were destroyed, no information about the benches could be obtained. In general, this type of tomb was used between the 1st and 6th centuries CE (Şimşek et al. 2015: 119). Since no finds were found in the Vezirköprü samples, the Late Roman Period is considered appropriate.

The other tomb group consists of sarcophagi. However, none of the sarcophagi identified during the surveys was found intact and in situ. The ones that were identified belonged to sarcophagus vessels, which were mostly used as spolia as animal troughs (figs. 20: 1—10), especially in village fountains. Their lids were mainly used as "musalla stones" (the stone on which the coffin is placed) in cemeteries or village squares. These sarcophagus basins made of marble or limestone were manufactured as a single piece, without any decoration and with plain artistry. Some had elaborate workmanship on the interior, while the exterior was crudely carved. The sarcophagi's lengths, widths and depths vary between 1.30—2.40 m, 0.62—0.90 m, and 0.30—0.62 m, respectively. These measurements indicate that some of the sarcophagi were used for children. Since no intact sarcophagi were found, we have no information about the skeletons or burial artefacts. Considering Samsun in general for comparison, there are few examples of sarcophagi. It is understood that most of the sarcophagi in the Samsun Museum are not excavation finds but were brought to the museum through purchase or confiscation. As in the Vezirköprü examples, these sarcophagi generally have rough workmanship, they are mostly undecorated, and the few decorated sarcophagus vessels have reliefs depicting a girland motif, a wool basket, a spindle, a mirror and a comb to emphasise that the sarcophagus belonged to a woman. The sarcophagi with acroteria and triangular pediments on their lids, like the ostotheks found in Vezirköprü, were dated to the Roman Period based on their construction techniques and decorative features, although no skeletons or finds were found inside. The same date is considered appropriate for the Vezirköprü examples.

During the surveys, marble ostotheks, which can be defined as small sarcophagi holding the bones and ashes of the cremated remains, were also found (figs. 20: 14—15). As seen in the ostothek lids found in the garden of a house in Yürükçal Village and the park in front of the District Governorate, these were not found intact but in pieces. The ostothek lids, which measure 0.70 × 0.50 m on average, were made with triangular pediments and acroteria, as observed in the sarcophagi.

The tombs made with roof tiles belong to the seventh type of tomb group. Although roof tiles were found in almost all settlements during the surveys, none were found intact. However, during the excavations conducted at Oymaağaç Höyük, tile tombs found in intact condition give us clues. These tombs, described as tile tombs in the excavation report, are composed of tiles roofed together on their short sides in the shape of a saddle, while the tiles on the head and foot parts are supported by stones (Czichon 2013: 9—10). The tombs, in which the skeleton was laid directly on the ground and had no burial artefacts, according to the excavation report, are dated to the Early Byzantine Period. Convex tile fragments found during the surveys revealed that tombs with convex saddle roofs were also used in the region. Tile tombs were generally used more than other types, especially in lower-income groups, since tiles are cheap materials and don't require much labour. However, due to their fragile nature and the fact that nothing remains except for broken tiles after excavation, they have not survived to the present day in large numbers. Moreover, since the tiles were found in fragments, it is challenging to determine whether they belong to a dwelling or a tomb. It is also difficult to date these tombs, which were continuously used from the Archaic Period until the end of the Byzantine Period. Although the tiles' forms and archaeometric methods provide partial data on dating, the direction of the skeleton and the tomb finds are the most obvious criteria for their identification. We have insufficient data on the tile tombs in Vezirköprü. The most comprehensive studies in Samsun were conducted in the Amisos necropolis, which now lies under the modern settlement. Tile tombs were frequently encountered in addition to underground rock tombs and direct burials in the form of inhumation in the studies carried out mainly as rescue excavations by the Samsun Museum (Şirin and Kolağasıoğlu 2016: 1—29; 2013: 2024: 73).

The identified tile tombs are divided into four groups: tile roof, tile-based, tile-supported, and concave tile tombs. In general, these tombs were reported to have no unity of direction as they were positioned according to the structure of the terrain, and most did not contain any burial goods. While the underground rock tombs unearthed in the Amisos necropolis showed a wealth of finds, the simple earthen and tile tombs did not contain many burial goods. It has thus been concluded that these tombs may have been used mostly by people with low income, and they were dated to the Hellenistic-Roman Period from the finds recovered. However, it is impossible to suggest a date for the Vezirköprü examples at this stage. Many medieval necropolis areas and tomb pits were also identified during the surveys. However, all of these burials consisting of simple earth tombs (inhumation), tiles or flagstones have been destroyed and do not reveal any measurements or typology. Medieval necropolis areas were found in Yukarınarlı, Karadoruk, Gömlekhisar, Halkahavlı, Cebeli and Sarıyar settlements. The tombs were dated to the Middle Age based on the ceramics found around the necropolis areas.

3. Evaluation and Conclusion

During the studies carried out in 4 seasons between 2018 and 2024 in the Vezirköprü District of Samsun, nearly 160 villages were visited, a large number of archaeological data were identified, and the data obtained were evaluated under two main headings: settlements and tombs. Regarding the settlements, slope settlements were preferred over mound settlements due to the region's rugged and rocky geographical structure. It is known that the earliest settlement dates back to the Chalcolithic Period, and the examples examined during the surveys are mainly located on the lands on the two slopes of the Istavroz Stream. The survey on these mounds yielded a large number of sherds, pithoi and roof tiles dating to the Early Bronze, Iron, Hellenistic, Roman, Late Antique and Middle Ages. Except for a few, no architectural remains were found.

Another settlement identified during the surveys are fortresses. The earliest fortress settlement is the Iron Age fortress located at Gavurevi Mevkii in the Çalköy Quarter. The fortresses that witnessed the struggle between the Kingdom of Pontus and the Roman Empire are Tekkekıran, Sagylion and Kocakaya Fortresses. The Sagylion Fortress, mentioned by Strabo and now localised to Büyükkale, has many of the traditional features of Mithridates' fortresses, with its fortification walls dating back to the Hellenistic Period, rock tunnel, cistern and rock steps. Research conducted in the region revealed that the fortresses were supported by using the rocks selected at the dominant points of the terrain as watchtowers. Although locally referred to as fortresses, it is impossible to define these structures as fortresses. Rather, they are steep rocky areas located within the settlement area, controlling the roads and terrain, and are not suitable for settlement. Except for the watchtowers at Kaplancık and Asarkaya, the watchtowers identified house flattened areas for fortification walls, but no wall remains were found. They are recognised as watchtowers because of the presence of hillside settlements around them, rock steps and rock-cut cisterns large enough to meet the water needs of a small unit. The 3329 Hellenistic Period bronze Amisos coins in an in-situ jar unearthed by illicit diggings at the top of the Asarkaya watchtower support this view. These coins, which may have belonged to the soldiers serving in the watchtower, reveal how important the watchtowers were for defence.

The tombs identified during the surveys were categorised under eight types. Regarding the tumuli, which constitute the first type, it is impossible to say anything definite about the structure and period of the burial chambers since there is no excavated example. However, in the light of the “Ahmetbaba Tumulus” unearthed by illicit diggings and other examples excavated in Samsun, we concluded that the tumuli identified in Vezirköprü are also of the “burial chamber with dromos” type. Although it is impossible to date the tumuli precisely since the burial chamber was not found, it is understood that they belong to the Hellenistic-Roman Periods when compared with similar examples in Samsun and the burial tradition. The rock tombs, which constitute the second type, were evaluated under three subtypes. The first subtype, “Paphlagonia Type” rock tombs, dates to the Hellenistic Period and is the most common type in Samsun and the surrounding provinces. The rock tombs with a vaulted ceiling were categorised as the second subtype. These tombs were dated to the Roman Period based on their architecture. The third subtype of rock tomb is the “arcosolium”, which has an entrance like the

Paphlagonia type rock tombs and a burial chamber behind it; the difference between the arcosolium and the Paphlagonia type rock tombs is that the arcosolium has no columns at the entrance and the burial beds are not in the ground, but inside the wall in the form of arcosolium niches. Since no finds or inscriptions were found in the tombs, it is impossible to date them precisely. However, considering the intensive use of arcosolium tombs in Anatolia in the 2nd and 3rd centuries CE and similar examples, it seems possible to assign a similar date range for the Özyörük Rock Tomb.

The third group consists of chamosorion tombs. These tombs, defined as simple rock tombs formed by carving the floor of conglomerate rocks in rectangular form, are known to have been used continuously in Anatolia from the Hellenistic Period to the Early Byzantine Period. They have been built at walking level or on high rocks and have no directional unity. These tombs have rough workmanship and were covered with flat roofs and simple, undecorated, unprofiled and one-piece flagstones. This type of tomb, which is simpler than the chambered rock tombs and has more elaborate craftsmanship than the stone cist tombs, must have been preferred by middle-class people. It is impossible to date the tombs with certainty since no intact tombs were recovered, and no elements such as decoration or profile that could help date them were found. However, it is known that this type of tomb became widespread during the Roman Period.

The fourth group, the stone cist tombs, is the most common. The most prominent feature of these tombs, which are sometimes covered with a single or sometimes with several flagstone slabs, is that the body was laid directly on the ground. All the stone cist tombs identified during the surveys were constructed in the east-west direction. Since all were destroyed, we lack information about their finds. However, based on the intact specimens found during the rescue excavations carried out by the Samsun Museum in the centre of Vezirköprü, the Roman Period seems probable for the tombs identified during the surveys. The fifth group of tombs are single-cell barrel-vaulted tombs. These are single-chambered vaulted tombs built on the slopes. The masonry consists of lime mortared, semi-worked stones, broken bricks and tile fragments, and the entrance part of the tombs has an arched structure comprised of bricks and flagstones combined with mortar. The Late Roman Period is considered appropriate for the examples found in Vezirköprü, generally dated between the 1st and 6th centuries CE.

None of the sarcophagi or ostotheks found during the surveys was intact. The ones that were found belonged mainly to sarcophagus vessels, which were mostly used as spolia as animal troughs, especially in village fountains. Their lids were primarily used in cemeteries or village squares as resting stones. These sarcophagi and ostothek vessels made of marble, limestone or limestone were made in one piece; they do not have any decoration, and their lids were made with triangular pediments and acroteria. The fact that these sarcophagi and ostotheks, which have plain workmanship and no decoration or inscriptions, do not contain any skeletons or artefacts makes the dating problematic. However, based on the construction techniques, the Roman Period is suggested for dating.

The tombs made with roof tiles belong to the seventh type of tombs. Although roof tiles were found in almost all settlements during the surveys, none were found intact. The fact that they are fragile and nothing but broken roof tiles were left behind after they were unearthed prevented most from reaching the present day. Since the roof tiles were found in fragments, it is difficult to determine whether they belong to a dwelling or a tomb. The dating of these tombs, which were in constant use from the Archaic Period to the end of the Byzantine Period, is also problematic. We do not have sufficient data on the tile tombs in Vezirköprü. The studies conducted throughout Samsun reveal that there were few funerary gifts left in tile tombs. The absence of funerary gifts suggests that these tombs may have been used mostly by low-income people. Tile tombs excavated in Samsun Region are dated to the Hellenistic-Roman Period. The same date is suggested for the Vezirköprü samples.

In conclusion, the settlements and tombs identified during the excavations in Vezirköprü provide important data in terms of understanding the architecture, ceramics, tombs and expansion area of the Ancient City of Neoclaudiopolis. These data reveal that it has similar characteristics to the other settlements of the Pontus Region. However, the data obtained through surveys are quite limited. In order to understand the socio-cultural and economic structure of the Ancient City of Neoclaudiopolis, excavations should be carried out in the region.

References

Akok, M. 1948. Samsun İli Havza İlçesi'nin Lerdüge Köyü'nde Bulunan Tümülüsler. *Belleten* XII/48, 835—853.
Alkım, U.B. 1974. Samsun Bölgesinde 1973 Çalışmaları. *Belleten* XXXVIII-151, 553—556.
Alkım, U.B. 1978. 1977 Dönemi İkiztepe Kazısı ve Samsun Bölgesi Araştırmaları. *Belleten* XLII-167, 542—547.
Alkım, U.B., Alkım, H., Bilgi, Ö. 1988. *İkiztepe Birinci ve İkinci Dönem Kazıları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
Alkım, U.B., Alkım, H., Bilgi, Ö. 2003. *İkiztepe* II. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
Atasoy, S. 1997. *Amisos, Karadeniz Kıyısında Antik Bir Kent*. Samsun: Samoto Otomobilcilik.
Atasoy, S., Endoğru, M., Dönmez, Ş. 2005. Samsun-Baruthane Tümülüsleri Kurtarma Kazısı. *Anadolu Araştırmaları Dergisi* 43/2, 153—165.
Bekker-Nielsen et al. 2015: Bekker-Nielsen, T., Czichon, R.M., Högel, C., Kıvrak, B., Madsen, J.M., Sauer, V., Sorensen, S. L., Winther-Jacobsen, K. 2015. *Neoklaudioplis Antik Kenti (Vezirköprü-Samsun) Tarihsel ve Arkeolojik Rehber*. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları.
Bilgi, Ö. 1988. İkiztepe Kazılarının 1986 Dönemi Sonuçları. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 6/1, 169—180.
Bilgi, Ö. 1999. İkiztepe Kazılarının 1997 Dönemi Sonuçları. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 20/1, 485—505.
Bilgi, Ö., Atasoy, S., Dönmez, Ş., Summerer, L. 2005. Samsun (Amisos) Bölgesi'nin Kültürel Gelişimi Projesi. *Belleten* 68/252, 387—402.
Bulut, A.E. 2020. A General Overview on the Stepped Tunnels in Pontos Region. In: Girginer, K. Serdar, et. al. (eds.). *Mors Immatura, Amanosların Gölgesinde Hayriye Akıl Anı Kitabı.* İstanbul: Ege Yayınları, 47—62.
Czichon et al. 2011: Czichon, R.M., Klinger, J., Breuer, P., Eerbeek, J., Fox, S., Marinova-Wolff, E., Marquardt, H., von der Osten-Woldenburg, H., Reichmuth, S., Riehl, S., Johannsen, T. 2011. Archäologische Forschungen am Oymaağaç Höyük/Nerik (?) in den Jahren 2007-2010. *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* 143, 169—250.
Czichon, R.M. 2013. *2013 Çalışma Raporu.* Available at: https://www.nerik.de/publikationen/bibliographie.php (accessed 01.05.2025).
Czichon, R.M., Yılmaz, M.A. 2014. Vezirköprü/Oymaağaç Höyük-Nerik (?) Projesi. *Anadolu'nun Zirvesinde Türk Arkeolojisinin 40 Yılı*.
Çelgin, A. V. 1990. *Termessos Kenti Nekropolleri,* PhD Thesis. İstanbul.
De Jerphanion, G. 1928. *Mélanges d'Archéologie Anatolienne: Monuments Préhelléniques, Gréco-Romains, Byzantins Et Musulmans De Pont, De Cappadoce Et De Galatie*. T. XIII, Fs.. I. *Mélanges de L'Université Saint Joseph*. Beyrouth: Imprimerie Catholique.
Dalaison, J., Delrieux, F. 2014. La cité de Néapolis-Néoclaudiopolis: histoire et pratiques monétaires. *Anatolia Antiqua* XXII, 159—198.
Dengate, J.A. 1978. A Site Survey Along the South Shore of Black Sea. *The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology*, 23 Eylül 1973. Vol. 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 245—258.
Forbes, T.B. 1983. Urartian Architecture. Oxford: British Institute of Archaeology (B*AR* International Series 170).
French, D. 1988. *Roman Roads and Milestones of Asia Minor*. Fs. 2. *An Interim Catalogue of Milestones*. Pt. 1. Ankara: British Institute of Archaeology at Ankara (BAR International Series 392.I. Monograph 9).
Haspels, C.H.E. 1971. *The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments.* Princeton: Princeton University Press.
Kahl, G., Olshausen, E. 1991. Bericht über die Epigraphische und Numismatische Landesaufname im Samsun İli 1990. *9. Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 611—616.
Koerte, A. 1898. Kleinasiatische Studien III. Die phrygischen Felsendenkmäler. *Athenische Mitteilungen* 23, 80—153.
Kökten, K., Özgüç, N., Özgüç, T. 1945. 1940 ve 1941 Yılında Türk Tarih Kurumu Adına Yapılan Samsun Bölgesi Kazıları Hakkında İlk Kısa Rapor. *Belleten.* Ct. IX. S. 35, 61—400.
Leonhard, R. 1907. *Die Paphlagonischen Felsengräber und ihre Beziehung zum griechischen Tempel*. Breslau: G.P. Aderholz' Buchhandlung.
Olshausen, E., Biller, J. 1984. Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. T. 1. *Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithradatien.* Wiesbaden: L. Reichert (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients 29/1. Rehie B (Geisteswissenschaften).
Özsait, M. 2003. 2002 Yılı Samsun-Amasya Yüzey Araştırmalarının İlk Sonuçları. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 21/2, 273—284.
Ramsay, W. M. 1882. Some Phrygian Monuments. *The Journal of Hellenic Studies* 3, 256—263.
Ramsay, W. M. 1888. A Study of Phrygian Art I. *The Journal of Hellenic Studies* 9, 350—382.
Ramsay, W.M. 1889. A Study of Phrygian Art II. *The Journal of Hellenic Studies* 10, 147—189.

Söğüt, B. 2012. Börükçü 2003-2006 Yılları Kazıları. In: Söğüt, B. (ed.). *Stratonikeia'dan Lagina'ya Ahmet Adil Tırpan Armağanı*. İstanbul: Ege Yayınları, 553—586.

Şenyurt, S.Y., Bulut, A.E. 2020. Pontos Bölgesi Basamaklı Tünellerinin Köken ve İşlevleri Üzerine Bazı Öneriler. *Seleucia* X, 221—248.

Şimşek, C., Sezgin, M. A. 2011. Eumeneia Açık Hava Kutsal Alanı. In: Söğüt, B. (ed.). *Eumeneia, Şehylü ve Işıklı*. İstanbul: Ege Yayınları, 29—43.

Şirin, O.A., Kolağasıoğlu, M. 2016. *Çakalca-Karadoğan Höyüğü, Arkaik Dönemde Amisos ve Kybele Kültü*. Samsun: SAMTAB Yayınları.

Şirin, O.A. 2024. *Amisos Antik Kenti ve Nekropol Alanı*. Samsun: Ceylan Ofset Yayınları.

Temür, A. 2023. Two Pontos castles in Vezirköprü, reg. Samsun: Büyükkale (Sagylion) and Küçükkale. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 121—141.

Temür, A. 2024. Hellenistic Period Watchtowers and Hillside Settlements Identified in "Vezirköprü" Surveys. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga river region. Archaeology)* 3 (49), 69—185.

Ünan, S. 2009. Samsun/Dondortepe (Hacı İsmail) Tümülüsü. *Masrop E-Dergi* 4, 3—4.

Ünan, S. 2013. Tunç Çağı'ndan Roma Dönemi'ne Amisos ve Çevresinde Yer Alan Mezar Tipleri ve Ölü Gömme Adetleri Üzerine Genel Bir Değerlendirme. In: Dönmez, Ş. (ed.). *Güneş Karadeniz'den Doğar Sümer Atasoy'a Armağan Yazılar*. Ankara: Hel Yayinlari, 387—414.

Vassileva, M. 2012. The Rock-cut monuments of Phrygia, Paphlagonia and Thrace: A Comparative Overview. In: Tsetskhladze, G,R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontos and Phrygia in Antiquity Aspects of Archaeology and ancient history.* Oxford: BAR (BAR International Series 2432), 243—252.

Von Gall, H. 1967. Zu den Kleinasiatischen Treppentunneln, *Archäologischer Anzeiger* 82, 504—527.

Von Reber, F. 1897. Die phrygischen Felsendenkmäler: Untersuchungen über Stil und Entstehungszeit. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften* 21/3, 531—598.

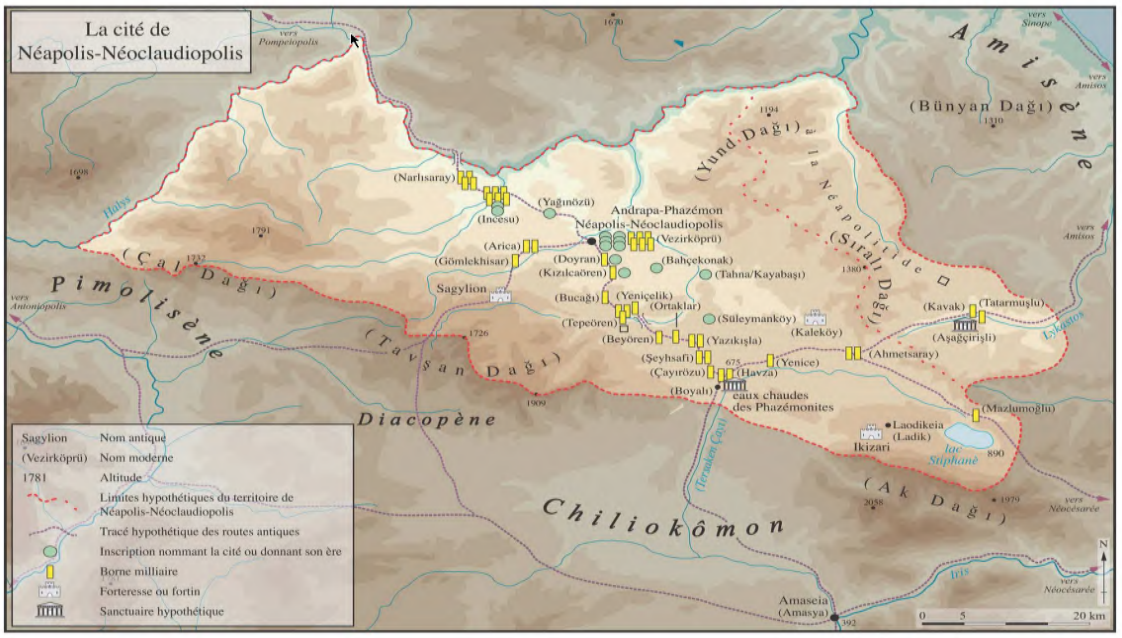


Fig. 1. The Neoclaudiopolis in Strabo's time (after Dalaison and Delrieux 2014: 164, Carte 2).

Fig. 2. The provincial map of Samsun.

Fig. 3. The Oymaağaç Höyük (Oymaağaç Excavation Archive).

Fig. 4. Cami Tepesi Höyük and architectural elements.

Fig. 5. Yarbaşı Höyük and building ruins.

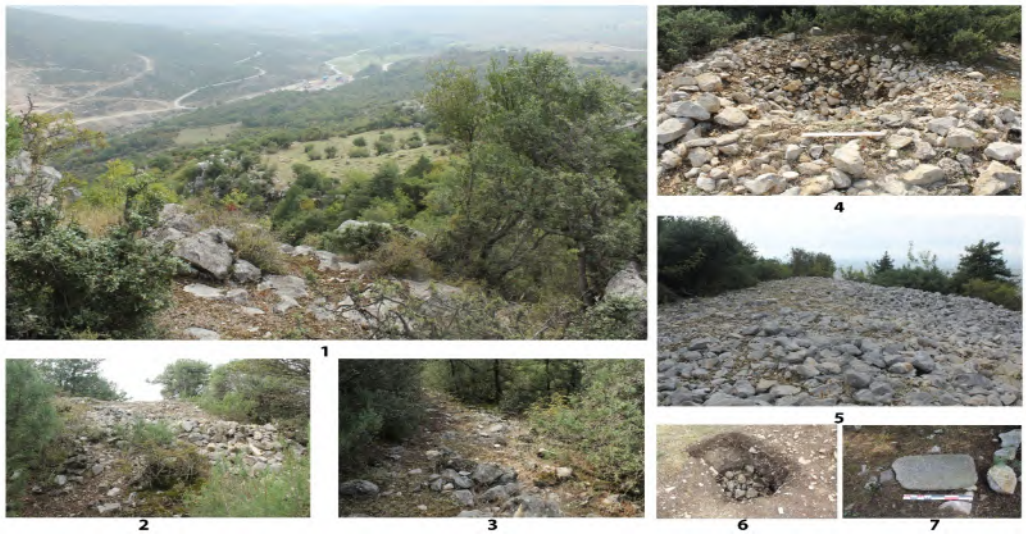


Fig. 6. Gavurevi Fortress and city walls.

Fig. 7. Sagylion Fortress, city walls, cisterns, rock steps and ceramic sherds.

Fig. 8. Kocakaya Fortress, libation pit, rock steps and city walls.

Fig. 9. Kale Fortress, city walls and ceramic sherds.

Fig. 10. Kocakaya, Zindankaya, Küçükkale, Kudret Kayası and Asarkaya watchtowers.

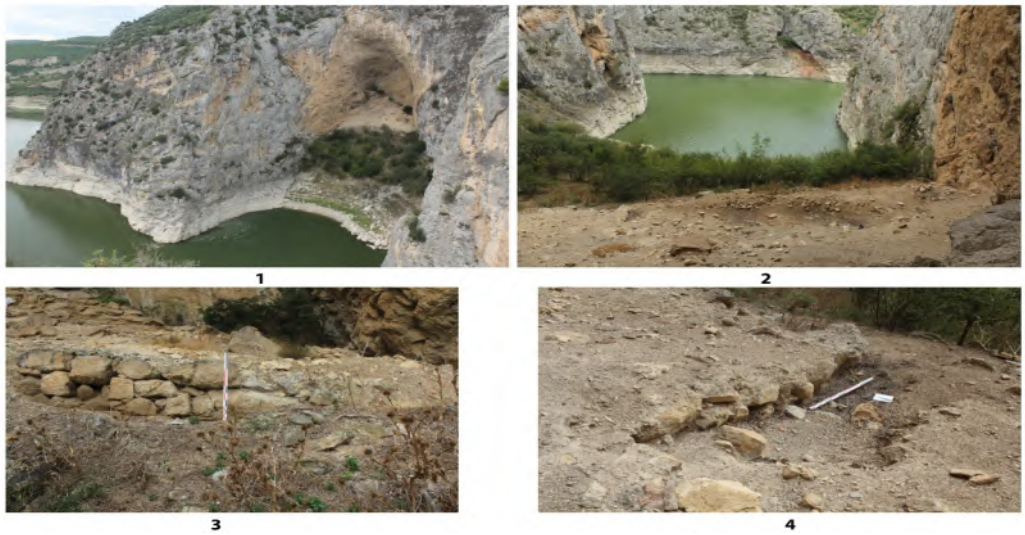


Fig. 11. Kaplancık watchtower and building ruins.

Fig. 12. Kocakaya (Çekelan), Zindankaya, Özyörük, Büyükkale and Kocakaya rock steps.

Fig. 13. Küçükkale step tunnel, tunnel entrance and corridor

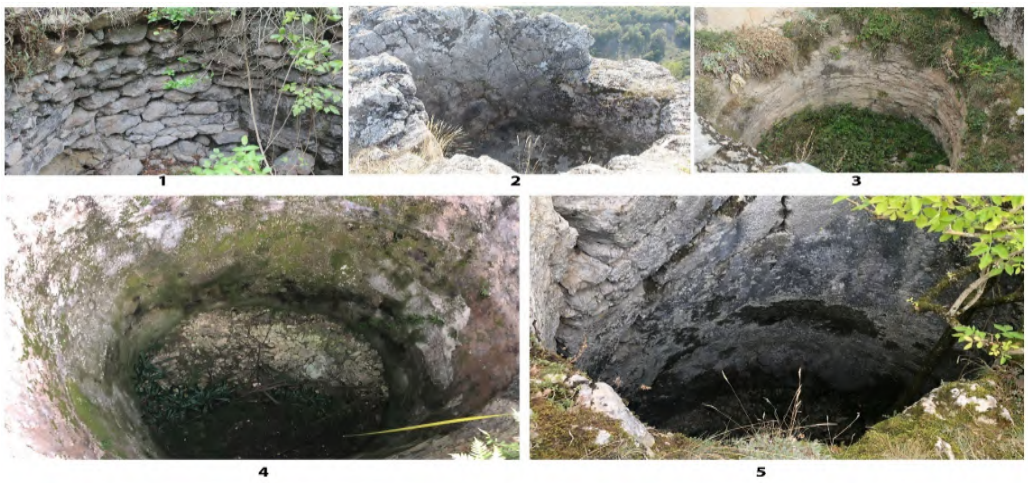


Fig. 14. Türkmen, Zindankaya, Büyükkale and Küçükkale cisterns carved into the rock.

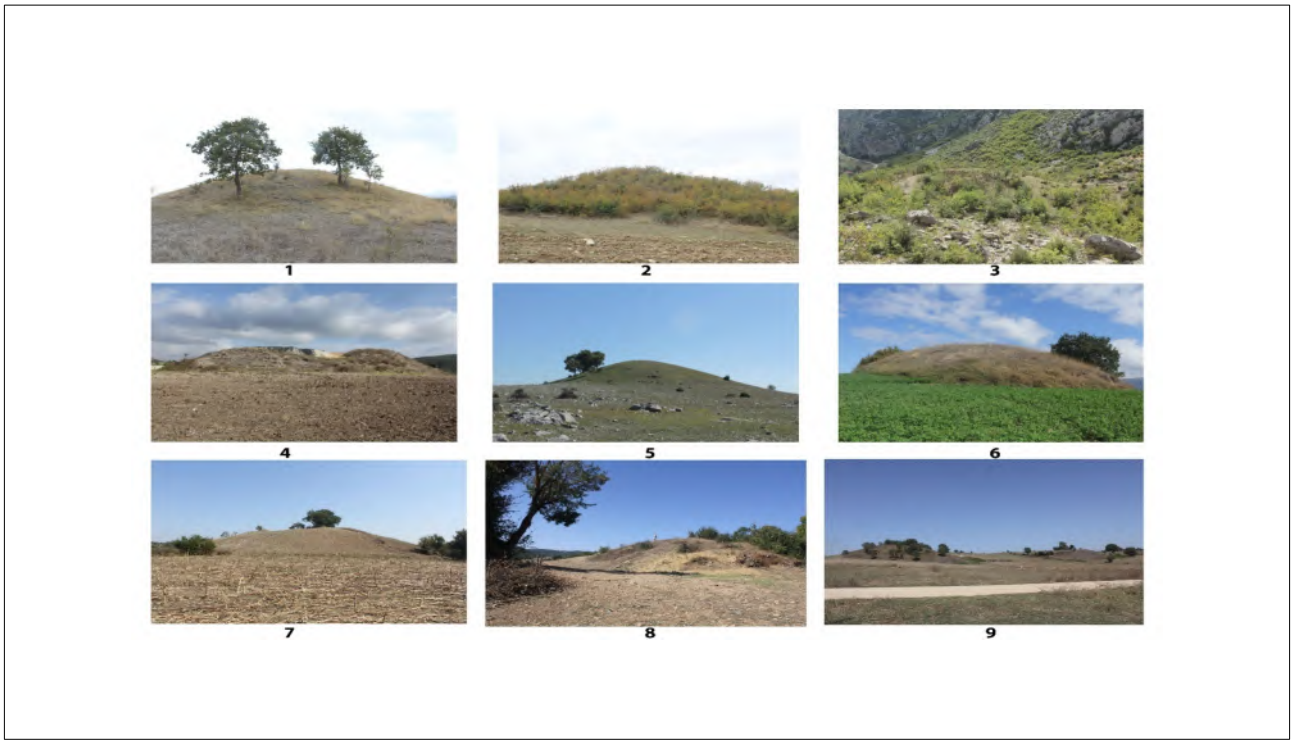


Fig. 15. Yörükçal, Dökmetepe, Kabaktepe, Çal, Maltepe, Tekkıran, Ziraat Tepesi, Habiptepe and Kovaniçi tumuli.

Fig. 16. Esen, Küçükkale, Özyörük and Türkmen rock tombs.

Fig. 17. Boğazkoru and Sandıkkaya chamosorion tombs.

Fig. 18. Akören, Örencik and Kıranalan stone cist tombs.

Fig. 19. Şentepe and Çorakdere single-cell vaulted tombs.

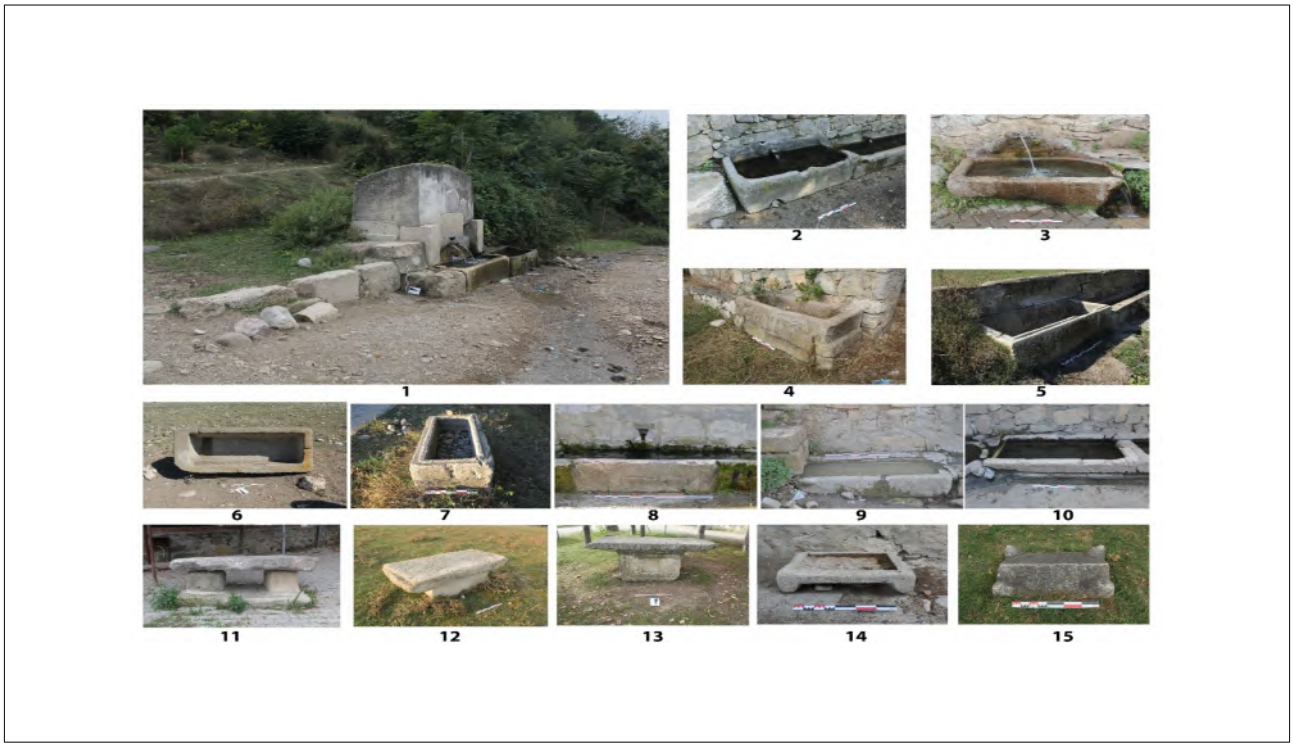


Fig. 20. Sarcophagi and ostotheks.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.20.56.013

Е.В. Вдовченков, О.Ю. Арамова, С.С. Востриков, О.В. Шамрай, Джи Ын Ли, И.В. Корниенко

ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЧЕРКАСОВ)*

Цель исследования — комплексная палеогенетическая характеристика индивидов из курганного могильника Черкасов (I—III вв. н.э.), расположенного на территории Нижнего Дона. Исторически сарматы считаются ираноязычными кочевниками, чей культурный мир традиционно связывается с западной частью евразийских степей. Однако письменные источники и отдельные археологические находки указывают на их возможные связи с кочевыми народами Центральной Азии и Южной Сибири, что делает вопрос о генетическом происхождении и структуре сарматских популяций предметом научной дискуссии. Палеогенетический анализ изученной группы показал доминирование восточно-евразийского генетического компонента, что подтверждается особенностями полиморфизмов как митохондриальной ДНК (матрилинии), так и Y-хромосома (патрилинии). Анализ аутосомных STR-маркеров дополнил эту картину, выявив аллели как европейского, так и азиатского происхождения. Ключевым результатом этого анализа стало установление близкого родства между двумя индивидуумами в кургане 3 могильника Черкасов IX.

Ключевые слова: среднесарматская культура, позднесарматская культура, древняя ДНК, сарматы, гаплотипы, митохондриальная ДНК, полиморфные генетические маркеры, Нижний Дон.

Сведения об авторах: Вдовченков Евгений Викторович[1], доктор исторических наук, Южный федеральный университет; Арамова Ольга Юрьевна[2], кандидат биологических наук Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук; Востриков Сергей Стефанович[3], кандидат исторических наук, ООО «ОКН-проект»; Шамрай Олеся Владимировна[4], Южный федеральный университет; Джи Ын Ли[5], кандидат исторических наук, Азиатско-Тихоокеанский региональный секретариат Организации Городов Всемирного Наследия; Корниенко Игорь Валериевич[6], доктор биологических наук, доцент, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук.

Контактная информация: [1,4]344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Южный федеральный университет, e-mail: [1]evvdovchenkov@sfedu.ru, [4]schamrai.olesya@yandex.ru; [2,6]344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, д. 41, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, e-mail: [2]aramova@sfedu.ru, [6]ikornienko@yandex.ru; [3]344002, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Ульяновская, д. 50, Общество с ограниченной ответственностью «ОКН-проект», e-mail: [3]sekoh@yandex.ru; [5]38102, Республика Корея, г. Кёнгджу, ул. Янджонгро, д. 260, Мэрия города Кёнгджу, Азиатско-Тихоокеанский региональный секретариат Организации Городов Всемирного Наследия, e-mail: [5]johannalee@korea.kr.

E.V. Vdovchenkov, O.Yu. Aramova, S.S. Vostrikov, O.V. Shamrai, Ji Eun Lee, I.V. Kornienko

PALEOGENETIC STUDY OF THE POPULATION OF THE SARMATIAN CULTURE IN THE TERRITORY OF THE LOWER DON (BASED ON MATERIALS OF THE CHERKASOV BURIAL GROUND)

The aim of the study is a comprehensive paleogenetic characterization of individuals from the Cherkasov burial mound (1st — 3rd centuries CE) located in the Lower Don region. Historically, the Sarmatians are considered to be Iranian-speaking nomads, whose cultural world is traditionally associated with the western part of the Eurasian steppes.

* Работа была выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета (Приоритет 2030), генетическая часть выполнена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г. (№ гр. Проекта 125012000466—3).

Статья поступила в номер 21 августа 2025 г.
Принята к печати 29 августа 2025 г.

© Е.В. Вдовченков, О.Ю. Арамова, С.С. Востриков, О.В. Шамрай, Джи Ын Ли, И.В. Корниенко, 2025.

However, written sources and individual archaeological finds indicate their possible connections with the nomadic peoples of Central Asia and Southern Siberia, which makes the issue of the genetic origin and structure of the Sarmatian populations a subject of scientific debate. Paleogenetic analysis of the studied group showed the dominance of the East Eurasian genetic component, which is confirmed by the features of polymorphisms of both mitochondrial DNA (matrilineage) and the Y chromosome (patrilineage). Analysis of autosomal STR markers complemented this picture, revealing alleles of both European and Asian origin. The key result of this analysis was the establishment of a close relationship between two individuals in mound 3 of the Cherkasov IX burial ground.

Key words: Middle Sarmatian culture, Late Sarmatian culture, ancient DNA, Sarmatians, haplotypes, mitochondrial DNA, polymorphic genetic markers, Lower Don.

About the authors: Vdovchenkov Evgeny Viktorovich[1], Dr. habil (History), Southern Federal University; Aramova Olga Yurievna[2], PhD (Biology), Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Vostrikov Sergey Stefanovich[3], PhD (History), Limited Liability Company "OKN-Project"; Shamrai Olesya Vladimirovna[4], Southern Federal University; Ji Eun Lee[5], PhD (History), Organization of World Heritage Cities, Asia Pacific Regional Secretariat; Kornienko Igor Valerievich[6], Dr. habil (Biology), Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1,4]344006, Russia, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Southern Federal University, e-mail: [1]evvdovchenkov@sfedu.ru, [4]schamrai.olesya@yandex.ru; [2,6]344006, Russia, Rostov-on-Don, 41 Chekhova Av., Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, e-mail: [2]aramova@sfedu.ru, [6]ikornienko@yandex.ru; [3]344002, Russia, Rostov-on-Don, Ulyanovskaya st., 50, Limited Liability Company “OKN-Project”, e-mail: [3]sekoh@yandex.ru; [5]38102, Republic of Korea, Gyeongsanbuk-do, Gyeongju, Yangjeongro St., 260, Cityhall of Gyeongju, Asia-Pacific Regional Secretariat of the Organization of World Heritage Cities, e-mail: [5]johannalee@korea.kr.

Археологическая часть

В работе использованы материалы погребений из курганных могильников Черкасов V, Черкасов VI, Черкасов IX, Черкасов X Аксайского района Ростовской области (рис. 1) к северо-западу от г. Новочеркасск (ЗАО «ОКН-Проект», раскопки С.С. Вострикова, 2021 г.) (Востриков 2022). Погребение Черкасов X курган 1, погребение 1 относится к позднесарматской культуре (Безуглов, Востриков 2022) и датируется поздним II — началом III в. н.э. Остальные шесть погребений курганного могильника Черкасов относятся, видимо, к среднесарматской культуре. Погребения Черкасов V курган 1, погребение 1, Черкасов IX курган 3, погребение 2 с уверенностью характеризуются как среднесарматские (рис. 2). Для остальных — Черкасов IX курган 1, погребение 1, VI курган 2, погребение 1, IX курган 3, погребение 1 — основанием для этого является наличие широких подпрямоугольных ям, характерных для среднесарматской культуры, южная ориентировка, характеристика керамического материала. Таким образом, эти шесть погребений датируются I — первой половиной II вв. н.э. Правобережье Нижнего Дона — один из классических ареалов сарматской культуры, а собственно окрестности Новочеркасска — место концентрации курганных могильников среднесарматского времени. Настоящая работа — продолжение палеогенетических исследований курганного могильника Черкасов (Вдовченков и др. 2023).

Методы исследования

Пробоподготовка палеобиологического материала и выделение древней ДНК. Объектами палеогенетического исследования послужили фрагменты длинных трубчатых костей верхних и нижних конечностей шести представителей сарматской культуры (курганный могильник Черкасов, Ростовская область).

Работа с биологическим материалом осуществлялась в специализированных лабораторных помещениях, все поверхности, стены и пол которых заранее были обработаны 7 мМ NaOCl (10% коммерческим раствором «Белизна»), а затем водопроводной водой. Лабораторные помещения в течение суток непрерывно облучали пятиламповым рециркулятором Дезар-7 (Медприборы, Россия), который не выключался в процессе работы.

На всех этапах работы с археологическими образцами использовались средства индивидуальной защиты (защитные костюмы, одноразовые маски, медицинские шапочки, стерильные перчатки).

Пробоподготовку костных объектов и выделение древней ДНК проводили с использованием оптимизированных методик, описанных в работах авторов, включающих специальную деконтаминационную обработку костного порошка, что исключает возможность загрязнения пробы (Арамова и др. 2019; Корниенко и др. 2021; Патент 2789387). Экстракцию ДНК из исследуемых образцов проводили в семи независимых параллелях органическим методом в присутствии отрицательного контроля (Корниенко, Харламов 2012). Дополнительную концентрацию и очистку древней ДНК осуществляли с использованием центрифужного концентратора Amicon Ultra-4, 30 kDa (Merck, США). Средний объем полученной древней ДНК составлял не более 100 мкл.

Генетический анализ. Концентрацию активной ДНК—матрицы определяли методом ПЦР в реальном времени на приборе iQ5 (Bio-Rad, США) с использованием набора EvaGreen (Синтол, Россия). Для оценки концентрации древней ДНК был использован участок гена *HBB* (NC_000011 .10, положение локуса 5226946—5227065) по следующей программе: 95°C — 4:45; 42 цикла: 95°C — 15 сек, 56°C — 15 сек, 72°C — 35 сек (Флоринская и др. 2023). Концентрацию рассчитывали путем сравнения пороговых циклов исследуемых образцов с калибровочной кривой. Каждый образец анализировали в пятикратной повторности.

Генотипирование аутосомных и Y-хромосомных STR-локусов проводили с помощью наборов COrDIS «Эксперт», COrDIS «Эксперт 26» и COrDIS-Y (Гордиз, Россия) соответственно. Амплификацию выполняли на термоциклере GeneAmp 9700 (Applied Biosystems, США). Анализ включал пятикратные повторности для каждого образца, а также положительный (мужская ДНК, 0,8 нг/мкл) и отрицательный контроли. Фрагментный анализ продуктов ПЦР проводили на генетических анализаторах 3130xl (Applied Biosystems, США) и НАНОФОР 05 (ИАП РАН, Синтол, Россия). Идентификацию аллелей выполняли в программе GeneMapper ID 3.2 с использованием размерного стандарта S450.

Секвенирование гипервариабельных регионов митохондриальный ДНК по Сэнгеру проводили согласно ранее описанной методике (Корниенко и др. 2022). Продукты амплификации очищали с помощью магнитных частиц CleanMag DNA (Евроген, Россия), качество очистки оценивали электрофорезом в 2% агарозном геле. Секвенирующую реакцию проводили с набором BigDye Terminator 1.1, после чего продукты реакции очищали с помощью колонок DyeEx 2.0 Spin Kit (Qiagen, Германия). Полученный результат дополнительно подтверждали амплификацией исследуемого участка при помощи обратных праймеров. Детектировали результаты на генетическом анализаторе 3130xl (Applied Biosystems, США). Полученные последовательности анализировали в программах Sequencing Analysis 5.3 и BioEdit 7.0.5.2, выравнивая их относительно уточненной референсной последовательности (Andrews et al. 1999).

Оценка генетических и популяционных характеристик представителей сарматских культур. Гаплотипы Y-хромосомы анализировали с использованием базы данных YHRD и онлайн-инструментов Haplogroup Predictor и NEVGEN (Willuweit, Roewer 2007; Athey 2005; nevgen.org: 1). Гаплогруппы мтДНК определяли с помощью базы EMPOP и программы HaploGrep (empop.online: 1; Kloss-Brandstätter et al. 2011). Оценка популяционных характеристик (по результатам установленных STR-маркеров аутосомной ДНК) представителей сарматских культур была произведена с использованием базы данных pop.STR (spsmart.cesga.es/popstr: 1) и сравнения частот встречаемости того или иного установленного признака в современных метапопуляциях. Для оценки вероятности родственных связей использовали ПО DnaIdExpert (Корниенко, Шепелев 2023). Во всех расчетах были использованы численные значения аллельных частот, выложенные на электронном ресурсе «NIST. 2017» (strbase.nist.gov: 1).

Результаты и обсуждение

Результаты количественной и качественной оценки препаратов ДНК (такие как низкая концентрация, низкая активность ДНК-матрицы по локусам длиной свыше 250 нуклеотидных пар, выпадение аллелей) свидетельствовали о высокой степени фрагментации ДНК, характерной для палеобиологического материала.

В результате анализа локуса *Amelogenin*, определяющего половую принадлежность, установлено, что исследуемая выборка состояла из пяти мужчин. В двух остальных случаях установить пол не представлялось возможным из-за сильной фрагментации ДНК. Исходя из международной базы данных частот аллелей STR-локусов в различных современных метапопуляциях pop.STR (spsmart.cesga.es/popstr: 1) в исследуемой выборке установлено, что при типировании локуса *TH01* выявлен редкий генетический признак (аллель) 11, характерный только для современного населения Европы (частота встречаемости 0,001). По генетическому маркеру *vWA* установлен редкий генетический признак 13, характерный только для современного населения Европы и Океании (частота встречаемости в Европе 0,003). При типировании локуса *SE33* индентифицирован редкий аллель 28, встречающийся у современного населения Европы и Восточной Азии (с частотой 0,002 и 0,003 соответственно). В локусе *D18S51* установлен аллель 10, частота встречаемости которого в Центральной Южной Азии 3,6 раза выше, чем в других современных метапопуляциях. В данном локусе также установлен аллель 11, частота встречаемости которого в Центральной Южной Азии 3,1 раза выше, чем в других современных метапопуляциях. Остальные установленные генетические признаки преимущественно представлены у современного населения Европы и регионов Восточной, Центральной и Южной Азии. Подробные генетические профили и их первичный анализ опубликованы ранее (Арамова 2024).

Анализ Y-хромосомных гаплотипов исследованных сарматских индивидов, несмотря на их фрагментарность, позволил выявить ряд информативных редких аллелей. В частности, у индивида из погребения № 1 кургана 1 Черкасов IX обнаружен аллель 16 в локусе *DYS448*, глобальная частота которого, по данным YHRD, составляет менее 0,01%. Этот маркер практически отсутствует в большинстве мировых популяций, однако фиксируется в некоторых популяциях Западной Азии и Кавказа. Гаплотип образца из погребения № 2 кургана 3 Черкасов IX содержит аллель 10 в локусе *DYS392* (0,012%). Максимальная, хотя и низкая, частота этого аллеля наблюдается в популяциях Ближнего Востока, в то время как в большинстве популяций Европы и Восточной Азии он практически не встречается (Purps et al. 2014). Этот же гаплотип несёт редкий аллель 10 в локусе *DYS456* (<0,001%), что делает данную комбинацию маркеров уникальной. Кроме того, у двух индивидов (погребение 1 курган 1 Черкасов X и погребение 1 курган 2 Черкасов VI) зафиксирован общий редкий аллель 11 в локусе *DYS456* (0,004%), который спорадически встречается в популяциях Западной и Центральной Азии, оставаясь крайне редким на глобальном уровне. Гаплотип индивида из погребения № 1 кургана 3 Черкасов IX характеризуется наличием нескольких редких аллелей. Наибольший интерес представляет аллель 10 в локусе *DYS456* (<0,001%), который ранее был зафиксирован у образца из погребения № 2 кургана 3 Черкасов IX. Обнаружение этого редкого общего маркера свидетельствует о вероятном близком патрилинейном родстве между этими двумя индивидами. Кроме того, в гаплотипе из погребения № 2 кургана 3 Черкасов IX присутствует редкий аллель 22 в локусе *DYS635* (0,025%), который имеет сильную ассоциацию с восточноазиатскими популяциями (Willuweit, Roewer 2007).

Важно отметить, что образцы из погребений № 1 и № 2 кургана 3 могильника Черкасов IX имеют схожий Y-гаплотип, в данном случае в установленных локусах генетические признаки совпадают. Таким образом, патрилинейное родство между индивидуумами из погребений № 1 и № 2 кургана 3 могильника Черкасов IX не исключается. Вероятность

родства по отцовской линии, исходя из базы данных YHRD, составляет 99,99%. Для уточнения степени родства также был проведен анализ полиморфных локусов аутосомной ДНК, которые в отличие от маркеров Y-хромосомы позволяют установить вероятностные близкородственные связи. Генетические профили объектов из погребений № 1 и № 2 кургана 3 могильника Черкасов IX по аутосомным STR-локусам приведены в наших ранних работах (Арамова 2024). В результате расчета были установлены вероятности родства по разным сценариям: «отец—сын», «родной брат — родной брат», «сводный брат — сводный брат», «двоюродный брат — двоюродный брат». Коэффициент (индекс) родства (KI) в случае сценария, когда два человека из погребений № 1 и № 2 кургана 3 могильника Черкасов IX приходятся друг другу родными братьями, составляет 60153, т.е. вероятность родства типа «родной брат — родной брат» составляет 99,9983%. Значения KI для остальных сценариев («отец—сын», «сводный брат — сводный брат», «двоюродный брат — двоюродный брат») были существенно ниже (в 15 раз, в 312 раз, в 2734 раза, соответственно). Таким образом, установлен не только факт родства по отцовской линии между двумя людьми из погребений № 1 и № 2 кургана 3 могильника Черкасов IX сарматской эпохи, но и тип их близкородственных связей, а именно то, что они являются родными братьями.

Исходя из идентифицированных гаплотипов, были установлены данные о вероятной принадлежности индивидуумов сарматской культуры к тем или иным гаплогруппам (табл. 1). Исходя из таблицы 1, у индивидов, имеющих патрилинейное родство установлена гаплогруппа Q M346> YP4004, распространенная в большей степени по всей современной Азии (в особенности в Монголии), а также часто встречающаяся у современного населения территории Сибири (Flegontov et al. 2016). Единично в исследуемой выборке установлена гаплогруппа R1b M269, характерная для всей современной центральной Евразии, при этом в Европе частота встречаемости увеличивается с востока на запад. В Китае и Индии данная гаплогруппа встречается у менее 1 % населения, что характерно и для других современных азиатских метапопуляций (Haak et al. 2015). Единично установлена Y-гаплогруппа O (O1a2 M110), широко распространенная в современной Юго-Восточной и Восточной Азии (в большей степени японцев, китайцев, корейцев, филиппинцев, малайцев) и у других популяций с выраженным азиатским генетическим компонентом (Karmin et al. 2022). Для одного из исследованных индивидов была определена Y-хромосомная гаплогруппа I2. Из-за неполного STR-профиля точная идентификация субклада затруднена, однако полученные маркеры указывают на возможную принадлежность к ветвям I2a. Гаплогруппа I2 является одной из древнейших коренных европейских линий, возникшей из макрогаплогруппы IJ, которая, предположительно, мигрировала на континент с Ближнего Востока около 35 тыс. лет назад. В настоящее время её субклады достигают максимальных частот на Балканах, в частности в Боснии, Хорватии и Сербии. Палеогенетические исследования подтверждают глубокие европейские корни этой линии: гаплогруппа I, наряду с C1a и F, была обнаружена у кроманьонцев, одних из первых *Homo sapiens*, заселивших Европу в верхнем палеолите. Таким образом, обнаружение гаплогруппы I2 у представителя сарматской культуры может косвенно свидетельствовать о сохранении древнего европейского генетического субстрата в степных популяциях железного века (Jones et al. 2017). Достоверность определения гаплогрупп зависела от полноты гаплотипа и специфичности генетических маркеров. Вероятность принадлежности индивида к гаплогруппе R1b-M269 составила 100%, в то время как другого представителя сарматской культуры к гаплогруппе I2 — 22,62%. Низкая достоверность прогноза для I2 объясняется фрагментарностью его Y-гаплотипа, что, как и в случае анализа аутосомной ДНК, учитывалось при интерпретации данных.

Анализ Y-хромосомных гаплогрупп показал явное преобладание линий, характерных для Центральной и Восточной Азии (Q-M346, O-M110), над западноевразийскими гаплогруппами (R1b-M269, I2). Этот вывод согласуется с данными по аутосомной ДНК, где были обнаружены аллели, специфичные как для европейских, так и для азиатских популяций. Более того, установление близкого патрилинейного родства между двумя

индивидами с восточно-евразийской гаплогруппой Q указывает на наличие устойчивой родственной группы азиатского происхождения внутри сарматских сообществ.

В результате сравнения полученных нуклеотидных последовательностей гипервариабельного региона митохондриальной ДНК представителей сарматских культур с уточненной референсной Кембриджской последовательностью (rCRS) были выявлены специфические полиморфизмы, на основании которых были определены гаплогруппы (табл. 2). Важно отметить, что одним из часто встречающихся однонуклеотидных полиморфизмов был 16086 T>C (0,273), который, согласно базе данных mtDNAmanager, характерен для азиатских гаплогрупп M7b3, M28a, M32c.

Установлено, что наиболее часто встречающаяся гаплогруппа митохондриальной ДНК у носителей сарматских культур — H (29 %). Данная гаплогруппа распространена у современного населения Северной и Центральной Европы (до 50 %; частота встречаемости уменьшается к юго-восточной части) и Ближнего Востока. Гаплогруппа H2 также установлена на Северном Кавказе и в центральной части Азии (Macaulay et al. 2005). Следующей по распространению в исследуемой выборке является гаплогруппа R, встречающаяся преимущественно на территории всей современной Азии. Установлено, что субклад R9b1a1a встречается только у современных представителей Китая, Таиланда, Малайзии, Вьетнама и Индонезии (Kutanan et al. 2017). Таким образом, определяя наиболее вероятное азиатское происхождение индивидов (по материнской линии), имеющих данную гаплогруппу.

У двух индивидуумов установлена гаплогруппа митохондриальной ДНК U2e (однако в одном случае M42b1a*1a или U2e, что связано с неполной последовательностью гипервариабельного региона). Гаплогруппа U2, к которой принадлежит данный субклад, является одной из древнейших, встречающейся сегодня преимущественно в Южной и Центральной Азии. Субклад U2e, установленный у сарматов, имеет преимущественно западное распространение, встречаясь с низкой частотой (до 2%) в Европе и Средней Азии, что согласуется с палеогенетическими данными для степных популяций Евразии железного века. (Fu et al. 2016; Krause et al. 2010). Что касается возможной принадлежности индивида к M42b1a1a, то макрогаплогруппа M имеет наибольшее распространение на современных территориях Азии (до 60 %) (Macaulay et al. 2005).

В исследуемой выборке единично встречалась гаплогруппа B4j. Данная гаплогруппа имеет большое распространение в Китае и в целом характерна для современного населения южных и восточных частей Азии. Гаплогруппа B найдена у тюркских племен и монголов, населявших Сибирь, но не была найдена у древних индивидов северо-восточной Сибири, субклад B4j на сегодняшний день часто идентифицируется у бурят и хамниганов. Обнаружение восточноазиатского субклада B4j у представителя сарматской культуры является свидетельством дальних генетических контактов, связывающих западно-евразийские степи с популяциями Южной Сибири и Центральной Азии в железном веке (Derenko et al. 2012).

В результате анализа митохондриальной ДНК в исследуемой сарматской выборке был установлен смешанный состав материнских линий, включающий как восточно-, так и западноевразийские гаплогруппы. Восточно-евразийский компонент представлен линиями R9b1a1a, B4j и M42b1a*1a, в то время как западноевразийский — гаплогруппами H2a2a И U2e. Аналогичная картина была выявлена и при анализе Y-хромосомных гаплогрупп, где также доминировали маркеры, характерные для популяций Центральной и Восточной Азии. Таким образом, анализ обеих генетических линий — материнской и отцовской — указывает на значительный вклад восточно-евразийского компонента в генофонд изученной группы сарматов.

Заключение

Нами уже рассматривались материалы курганных могильников Черкасов (Вдовченков и др. 2023: 448). Вывод о связи рассмотренной нами выборки сарматов с азиатскими метапопуляциями нашел свое подтверждение как в археологическом, так и антропологическом материале, и подтвержден дальнейшими исследованиями, представленными в настоящей статье.

Отдельно привлекает к себе внимание погребение из кургана Черкасов X, относящееся уже к другой культуре — позднесарматской (Безуглов, Востриков 2022). Истоки этой культуры, сменившей среднесарматскую в середине II в., видят на востоке. Единично установленная гаплогруппа R1b M269, характерная для всей современной Центральной Евразии, показывает восточное происхождение носителя позднесарматской культуры.

При этом у двух индивидуумов установлена гаплогруппа митохондриальной ДНК U2e (однако в одном случае M42b1a*1a или U2e, что связано с неполной последовательностью гипервариабельного региона). Идентификация U2e у сарматских индивидов подтверждает их принадлежность к широкому генетическому кругу степных популяций Евразии железного века. Но интереснее здесь другое — то, что индивиды из погребения № 1 кургана 1 Черкасов IX и погребения № 1 кургана 1 Черкасов X относятся к разным культурам — среднесарматская и позднесарматская. Можно осторожно предполагать, что это является свидетельством некоторой преемственности между населением средне- и позднесарматской культур Нижнего Дона.

Чрезвычайно интересен вывод о кровном родстве погребенных в кургане 3 могильника Черкасов IX, а также уточнение о том, что это братья.

Погребение № 2, неграбленое, с диагональным расположением костяка с юго-западной ориентировкой в подквадратной яме определено антропологом как мужское. Этому не противоречит и погребальный инвентарь — меч, стрелы, оселок (Востриков 2023: 9; Востриков 2022).

Погребение № 1 — подбой, при этом по остаткам костяка его можно интерпретировать как южноориентированное (Востриков 2023: 9). Согласно определению антрополога, кости из погребения № 1 кургана 3 могильника Черкасов IX принадлежали женщине, а по генетическому анализу половая принадлежность данного костного материала определяется как мужская. Погребение ограблено, но в нем найдено пряслице — обычно деталь женского инвентаря (рис. 3). В результате возникает противоречие между данными археологическими и антропологическими с одной стороны, и генетическими с другой. Однако на протяжении всего сарматского времени известны мужские погребения с пряслицами. Этот феномен был проанализирован М.Г. Мошковой (Мошкова 2012). Для каждой из культур — ранне-, средне- и позднесарматской известно всего несколько процентов погребений с пряслицами от общего количества известных захоронений, но, тем не менее, эта традиция продолжается вплоть до конца сарматской эпохи.

Так, известны находки пряслиц в мужских могилах в нижнедонском регионе среднесарматского времени — т.е. синхронных погребению из Черкасов IX, курган 3, погребение 1. Это погребение 1 из могильника Кировский IV, курган 4; могильник Новый, курган 1, погребение 2 (Мошкова 2012: 344). Значение этой детали погребального инвентаря можно лишь предполагать, и М.Г. Мошкова рассматривает их как амулеты (Мошкова 2012: 349).

Что же касается данных определения физическим антропологом, то следует обратить внимание на то, что расхождение между данными антропологов и генетиков случается, что определяется вероятностным характером нашего знания (Широбоков 2023), но в генетике значительно выше точность определения. Более того, проверка пола погребенного в связи с такими обстоятельствами была проведена 4 раза.

Сочетание диагонального погребения и подбоя в одном кургане необычно. Основным погребением традиционно является диагональное, хотя в данном случае и подбой, и подквадратное погребение находились в центре невысокой курганной насыпи. Исходя из мощной

традиции в среднесарматской культуре сооружения погребений с диагональным расположением костяка как основных в курганах, можно предполагать, что основным все же было погребение № 2, а погребение № 1 было сооружено или одновременно, или несколько позднее.

Очень интересно, что два умерших брата были погребены практически одновременно, в одной насыпи, но при этом с двумя разными погребальными сооружениями — подбоем и подквадратной ямой с диагональным расположением костяка. Это расширяет наше знание вариативности погребального обряда в среднесарматской культуре.

Хотелось бы обратить внимание на любопытный феномен, исследованный С.А. Яценко — парные погребения мужчин-воинов в среднесарматскую эпоху в бассейне Нижнего Дона и междуречье Дона и Волги (Яценко 2016). Это парные подбои, где встречаются погребенные примерно одного возраста с большими наборами стрел, конской сбруей, наконечниками копий и т.д. С.А. Яценко выделяет пять пар таких погребений (могильник Новый с 4 такими могилами и Перегрузное I с единственной могилой).

С.А. Яценко сопоставляет их с известной новеллой Лукиана «Токсарис» (Lucian.Tox., 37) и интерпретирует как побратимов. Предположение это является гипотезой и нуждается в дальнейшей разработке. Но в нашем случае в могильнике Черкасов IX мы видим парное погребение именно кровных братьев. Будет чрезвычайно интересно получить палеогенетические данные по костякам парных погребений, изученных С.А. Яценко, — есть ли отношения кровного родства между ними.

Все процедуры, выполненные в исследовании с участием людей, соответствуют этическим стандартам институционального и/или национального комитета по исследовательской этике и Хельсинкской декларации 1964 г. и ее последующим изменениям или сопоставимым нормам этики.

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Литература

Арамова и др. 2019: Арамова О.Ю., Фалеева Т.Г., Махоткин М.А., Андриянов А.И., Корниенко И.В. 2019. Инновационная методика деконтаминации археологического биологического материала. В: Шкурат Т.П. (гл. ред.). *Генетика — фундаментальная основа инноваций в медицине и селекции: Материалы VIII научно-практической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 26—29 сентября 2019 г.).* Ростов-на-Дону: ЮФУ, 89—90.

Арамова О.Ю. 2024. Генетическая структура древнего населения юга России I тысячелетия нашей эры: дисс. … канд. биол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ.

Безуглов С.И., Востриков С.С. 2022. Позднесарматский курган близ Новочеркасска. В: Храпунов И.Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.).* Т. VIII. Севастополь: Альбатрос, 22—45.

Вдовченков и др. 2023: Вдовченков Е.В., Арамова О.Ю., Ли Джи Ын, Леонова Д.К., Флоринская В.С., Тищенко А.А., Корниенко И.В. 2023. Происхождение донских меотов и сарматов по данным палеогенетики (по результатам аутосомных str-локусов). *МАИАСП* 15, 443—456. DOI: 10.53737/1325.2023.67.90.012.

Востриков С.С. 2022. Раскопки курганов близ Новочеркасска. *АО* 2021, 222—225.

Востриков С.С. 2023. Родовой некрополь представителей сарматской военной аристократии близ Новочеркасска. В: Агеева В.А. (отв. ред.). *Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы II Региональной научно-практической конференции.* Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 6—12.

Корниенко И.В., Харламов С.Г. 2012. *Методы исследования ДНК человека*: учебно-методическое пособие. Ростов-на-Дону: ЮФУ.

Корниенко и др. 2022: Корниенко И.В., Панова Т.Д., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю., Сидоренко Ю.С. 2022. Молекулярно-генетическая идентификация безымянных захоронений первой половины XVI в. из некрополя Вознесенского собора Московского Кремля. *Генетика.* Т. 58. № 2, 206—218.

Корниенко И.В., Шепелев И.Е. 2023. Обработка и анализ результатов ДНК-идентификации личности: учебно-методическое пособие. Ростов-на-Дону: ЮФУ.

Мошкова М.Г. 2012. О назначении пряслиц в погребениях мужчин. В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (отв. ред.). *Евразия в скифо-сарматское время: Памяти Ирины Ивановны Гущиной.* Москва: ГИМ, 338—351 (Труды ГИМ 191).

Патент 2789387 Российская Федерация. МПК A61L 2/18, A61L 101/26, A61L 101/28, A61L 101/22, A61L 101/32. Композиция для удаления ДНК и/или РНК-содержащего биологического материала (варианты) / Корниенко И.В., Фалеева Т.Г., Арамова О.Ю.; патентообладатель Корниенко И.В., Фалеева Т.Г. № 2021129837; заявл. 11.10.2021; опубл. 02.02.2023.

Флоринская и др. 2023: Флоринская В.С., Корниенко И.В., Арамова О.Ю. и др. 2023. Влияние фульвокислот из различных почв юга России на эффективность полимеразной цепной реакции. *Биотехнология.* Т. 39 № 1, 102—112. DOI: 10.56304/S0234275823010040.

Широбоков И.Г. 2023. Об относительной точности оценки пола по черепу. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология* 4, 69—80.

Яценко С.А. 2016. Предполагаемые воины-побратимы в кочевых среднесарматских некрополях Нижнего Дона. *Новое прошлое* 3, 30—39.

Andrews et al. 1999: Andrews R., Kubacka I., Chinnery P. et al. 1999. Reanalysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA. *Nature Genetics* 23, 147. DOI: https://doi.org/10.1038/13779.

Athey T.W. 2005. Haplogroup Prediction from Y-STR Values Using an Allele Frequency Approach. *Journal of Genetic Genealogy* 1, 1—7.

Derenko et al. 2012: Derenko M., Malyarchuk B., Denisova G. et al. 2012. Complete mitochondrial DNA analysis of eastern Eurasian haplogroups rarely found in populations of northern Asia and eastern Europe. *PLoS One* 7 (2), e32179. DOI: 10.1371/journal.pone.0032179.

empop.online: 1. URL: https://empop.online/ (дата обращения 01.07.2025).

Flegontov et al. 2016: Flegontov P., Changmai P., Zidkova A. et al. 2016. Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry. *Scientific Reports* 6, 20768. DOI: https://doi.org/10.1038/srep20768.

Fu et al. 2016: Fu Q., Posth C., Hajdinjak M. et al. 2016. The genetic history of Ice Age Europe. *Nature* 534, 200—205. DOI: 10.1038/nature17993.

Haak et al. 2015: Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 522, 207—211. DOI: https://doi.org/10.1038/nature14317.

Jones et al. 2017: Jones E.R., Zarina G., Moiseyev V. et al. 2017. The Neolithic transition in the Baltic was not driven by admixture with early European farmers. *Current Biology* 27 (4), 576—582. DOI: 10.1016/j.cub.2016.12.060.

Karmin et al. 2022: Karmin M., Flores R., Saag L. et al. 2022. Episodes of Diversification and Isolation in Island Southeast Asian and Near Oceanian Male Lineages. *Molecular Biology and Evolution* 39 (3), 45. DOI: 10.1093/molbev/msac045.

Kloss-Brandstätter et al. 2011: Kloss-Brandstätter A., Pacher D., Schönherr S. et al. 2011. HaploGrep: a fast and reliable algorithm for automatic classification of mitochondrial DNA haplogroups. *Human Mutation* 32, 25—32.

Krause et al. 2010: Krause J., Briggs A.W., Kircher M. et al. 2010. A complete mtDNA genome of an early modern human from Kostenki, Russia. *Current Biology* 20 (3), 231—236. DOI: 10.1016/j.cub.2009.11.068.

Kutanan et al. 2017: Kutanan W., Kampuansai J., Srikummool M. et al. 2017. Complete mitochondrial genomes of Thai and Lao populations indicate an ancient origin of Austroasiatic groups and demic diffusion in the spread of Tai-Kadai languages. *Human Genetics* 136 (1), 85—98. DOI: 10.1007/s00439-016-1742-y.

Macaulay et al. 2005: Macaulay V., Hill C., Achilli A. et al. 2005. Single, rapid coastal settlement of Asia revealed by analysis of complete mitochondrial genomes. *Science* 308 (5724), 1034—1036. DOI: 10.1126/science.1109792.

nevgen.org: 1. URL: https://www.nevgen.org/ (дата обращения 01.07.2025).

NIST. 2017: NIST 1036 Revised U.S. Population Dataset (July 2017). STRBase: Short Tandem Repeat DNA Internet Database. URL: https://strbase.nist.gov/NISTpop.htm (дата обращения 01.07.2025).

Purps J. et al. 2014. A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci. *Forensic Science International: Genetics* 12, 12—23.

spsmart.cesga.es/popstr: 1. URL: http://spsmart.cesga.es/popstr.php (дата обращения 01.07.2025).

Willuweit S., Roewer L. 2007. International Forensic Y Chromosome User Group. Y chromosome haplotype reference database (YHRD): update. *Forensic Science International: Genetics* 1 (2), 83—87.

References

Aramova et al. 2019: Aramova, O.Yu., Faleeva, T.G., Makhotkin, M.A., Andrianov, A.I., Kornienko, I.V. 2019. In: Shkurat, T.P. (ed.-in-chief). *Genetika — fundamental'naya osnova innovatsiy v meditsine i selektsii: Materialy VIII nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Rostov-na-Donu, 26—29 sentyabrya 2019 g.) (Genetics is the fundamental basis of innovations in medicine and breeding: Proceedings of the VIII scientific and practical conference with international participation (Rostov-on-Don, September 26—29, 2019)).* Rostov-on-Don: YuFU, 89—90 (in Russian).

Aramova, O.Yu. 2024. Genetic structure of the ancient population of the south of Russia of the 1st millennium CE. PhD Thesis. Rostov-on-Don: YuFU.

Bezuglov, S.I., Vostrikov, S.S. 2022. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 4th century CE)).* Vol. VIII. Sevastopol: Albatross, 22—45 (in Russian).

Vdovchenkov et al. 2023: Vdovchenkov, E.V., Aramova, O.Yu., Lee Ji Eun, Leonova, D.K., Florinskaya, V.S., Tishchenko, A.A., Kornienko, I.V. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* (*Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*) 15, 443—456. DOI: 10.53737/1325.2023.67.90.012 (in Russian).

Vostrikov, S.S. 2022. In *Arkheologicheskiye otkrytiya* (*Archaeological discoveries)* 2021, 222—225 (in Russian).

Vostrikov, S.S. 2023. In: Ageeva, V.A. (ed.). *Izucheniye i sokhraneniye istoricheskikh nekropoley: materialy II Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Study and preservation of historical necropolises: materials of the II Regional scientific and practical conference).* Rostov-on-Don: Publishing and printing complex of the Russian State University of Economics (RINH), 6—12 (in Russian).

Kornienko, I.V., Kharlamov, S.G. 2012. *Metody issledovaniya DNK cheloveka: uchebno-metodicheskoe posobie* (*Methods of human DNA research: teaching aid)*. Rostov-on-Don: YuFU.

Kornienko et al. 2022: Kornienko, I.V., Panova, T.D., Faleeva, T.G., Aramova, O.Yu., Sidorenko, Yu.S. 2022. In *Genetica (Genetics)*. Vol. 58. No. 2, 206—218 (in Russian).

Kornienko, I.V., Shepelev, I.E. 2023. *Obrabotka i analiz rezul'tatov DNK-identifikatsii lichnosti: uchebno-metodicheskoye posobiye (Processing and analysis of DNA identification results: teaching aid)*. Rostov-on-Don: YuFU.

Moshkova, M.G. 2012. In: Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evraziya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy (Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina)*. Moscow: GIM, 338—351 (Proceedings of the State Historical Museum 191) (in Russian).

Patent 2789387 Rossiyskaya Federatsiya. MPK A61L 2/18, A61L 101/26, A61L 101/28, A61L 101/22, A61L 101/32. Kompozitsiya dlya udaleniya DNK i/ili RNK-soderzhashchego biologicheskogo materiala (varianty) / Korniyenko I.V., Faleyeva T.G., Aramova O.Yu.; patentoobladatel' Korniyenko I.V., Faleyeva T.G. No. 2021129837; zayavl. 11.10.2021; opubl. 02.02.2023.

Florinskaya et al. 2023: Florinskaya, V.S., Kornienko, I.V., Aramova O.Yu. et al. 2023. In *Biotechnologiya (Biotechnology)*. Vol. 39. No. 1, 102—112. DOI: 10.56304/S0234275823010040 (in Russian).

Shirobokoff, I.G. 2023. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Bulletin of Moscow University. Series XXIII. Anthropology)* 4, 69—80 (in Russian).

Yatsenko S.A. 2016. In *Novoe proshloe (The New Past)* 3, 30—39 (in Russian).

Andrews et al. 1999: Andrews, R., Kubacka, I., Chinnery, P. et al. 1999. Reanalysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA. *Nature Genetics* 23, 147. https://doi.org/10.1038/13779.

Athey, T.W. 2005. Haplogroup Prediction from Y-STR Values Using an Allele Frequency Approach. *Journal of Genetic Genealogy* 1, 1—7.

Derenko et al. 2012: Derenko, M., Malyarchuk, B., Denisova, G. et al. 2012. Complete mitochondrial DNA analysis of eastern Eurasian haplogroups rarely found in populations of northern Asia and eastern Europe. *PLoS One* 7 (2), e32179. DOI: 10.1371/journal.pone.0032179.

empop.online: 1. Available at: https://empop.online/ (accessed 01.07.2025).

Flegontov et al. 2016: Flegontov, P., Changmai, P., Zidkova, A. et al. 2016. Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry. *Scientific Reports* 6, 20768. DOI: https://doi.org/10.1038/srep20768.

Fu et al. 2016: Fu, Q., Posth, C., Hajdinjak, M. et al. 2016. The genetic history of Ice Age Europe. *Nature* 534, 200—205. DOI: 10.1038/nature17993.

Haak et al. 2015: Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N. et al. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 522, 207—211. DOI: https://doi.org/10.1038/nature14317.

Jones et al. 2017: Jones, E.R., Zarina, G., Moiseyev, V. et al. 2017. The Neolithic transition in the Baltic was not driven by admixture with early European farmers. *Current Biology* 27 (4), 576—582. DOI: 10.1016/j.cub.2016.12.060.

Karmin et al. 2022: Karmin, M., Flores, R., Saag L. et al. 2022. Episodes of Diversification and Isolation in Island Southeast Asian and Near Oceanian Male Lineages. *Molecular Biology and Evolution* 39 (3), 45. DOI: 10.1093/molbev/msac045.

Kloss-Brandstätter et al. 2011: Kloss-Brandstätter A., Pacher D., Schönherr S. et al. 2011. HaploGrep: a fast and reliable algorithm for automatic classification of mitochondrial DNA haplogroups. *Human Mutation* 32, 25—32.

Krause et al. 2010: Krause J., Briggs A.W., Kircher M. et al. 2010. A complete mtDNA genome of an early modern human from Kostenki, Russia. *Current Biology* 20 (3), 231—236. DOI: 10.1016/j.cub.2009.11.068.

Kutanan et al. 2017: Kutanan, W., Kampuansai, J., Srikummool, M. et al. 2017. Complete mitochondrial genomes of Thai and Lao populations indicate an ancient origin of Austroasiatic groups and demic diffusion in the spread of Tai-Kadai languages. *Human Genetics* 136 (1), 85—98. DOI: 10.1007/s00439-016-1742-y.

Macaulay et al. 2005: Macaulay, V., Hill, C., Achilli, A. et al. 2005. Single, rapid coastal settlement of Asia revealed by analysis of complete mitochondrial genomes. *Science* 308 (5724), 1034—1036. DOI: 10.1126/science.1109792.

nevgen.org: 1. Available at: https://www.nevgen.org/ (accessed 01.07.2025).

NIST. 2017: NIST 1036 Revised U.S. Population Dataset (July 2017). STRBase: Short Tandem Repeat DNA Internet Database. Available at: https://strbase.nist.gov/NISTpop.htm (accessed 01.07.2025).

Purps, J. et al. 2014. A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci. *Forensic Science International: Genetics* 12, 12—23.

spsmart.cesga.es/popstr: 1. Available at: http://spsmart.cesga.es/popstr.php (accessed 01.07.2025).

Willuweit, S., Roewer, L. 2007. International Forensic Y Chromosome User Group. Y chromosome haplotype reference database (YHRD): update. *Forensic Science International: Genetics* 1 (2), 83—87.

Таблица 1. **Гаплогруппы Y-хромосомы представителей сарматских культур.**

База данных	**К1 П1 Черкасов IX**	**К3 П2 Черкасов IX**	**К1 П1 Черкасов X**	**К2 П1 Черкасов VI**	**К3 П1 Черкасов IX**
YHRD/ NEVGEN	O1a2 M110	Q M346> YP4004	R1b M269	I2a1 / I2a2b L38	Q M346> YP4004
Индекс соответствия	19,31	21,04	51,04	22,06 / 21,23	21,04
Вероятность (%)	94,33	96,76	100	22,62 / 20,16	96,76
Примечания: К — курган, П — погребение					

Таблица 2. **Гаплогруппы митохондриальной ДНК представителей сарматских культур.**

База данных	**К1 П1 Черкасов IX**	**К3 П2 Черкасов IX**	**К1 П1 Черкасов V**	**К1 П1 Черкасов X**	**К2 П1 Черкасов VI**	**К3 П1 Черкасов IX**
HaploGrep / EMPOP	M42b1a1a / U2e1	R9b1a1a	H2a2a1	U2e	H*2	B4j
Вероятность (%)	99,8	75,5	87,3	68,4	77,8	82,4
Примечания: К — курган, П — погребение						

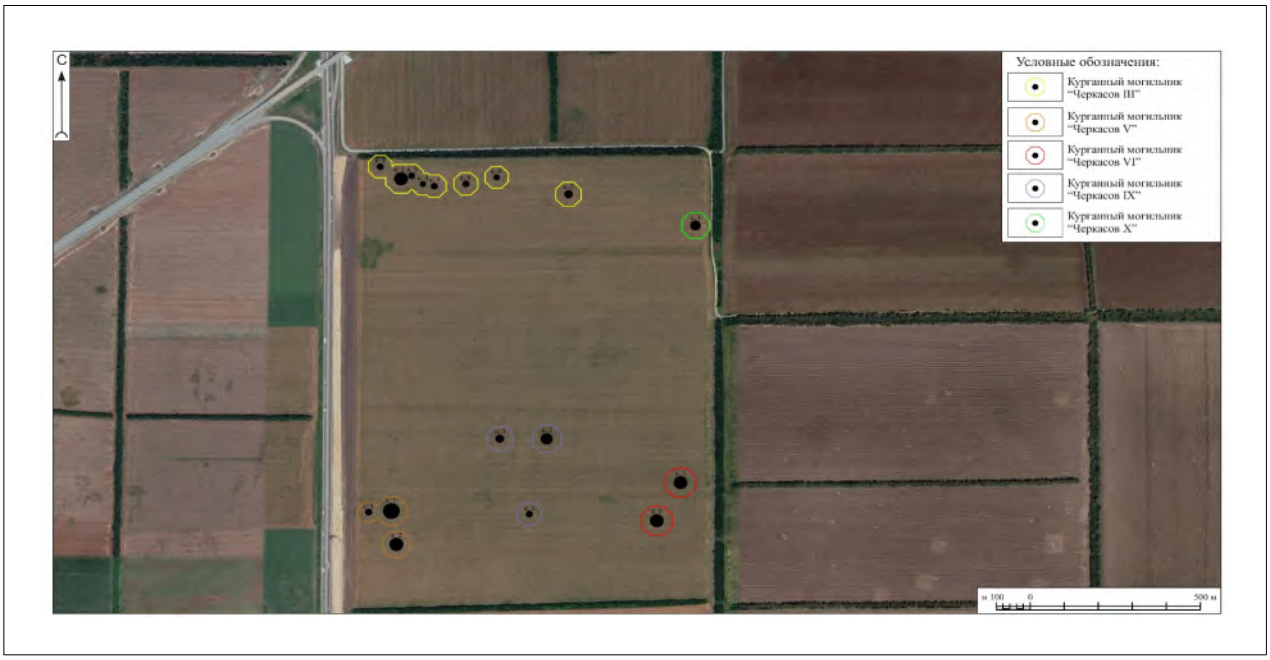


Рис. 1. Расположение курганных групп «Черкасов» (III, V, VI, IX, X) на земельном участке с кадастровым номером 61:02:0600002:1213 (Аксайский район, Ростовская область). Изображение: Google Earth, 2019 г.

Fig. 1. Location of the Cherkasov burial mound groups (III, V, VI, IX, X) on a land plot with cadastral number 61:02:0600002:1213 (Aksaysky District, Rostov Region). Image: Google Earth, 2019.

Рис. 2. Курганный могильник Черкасов IX. Курган 3. Погребение 2. Позднесарматская культура (I—II вв. н.э.). Вид с севера.

Fig. 2. Cherkasov IX burial mound. Mound 3. Burial 2. Late Sarmatian culture (1st — 2nd centuries CE). View from the north.

Рис. 3. Пряслице из погребения № 1 кургана 3 могильника Черкасов IX.

Fig. 3. Spindle whorl from the Cherkasov IX burial group: mound 3, burial 1.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.79.69.014

В.С. Синика, М.В. Иващенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Д.Ф. Паткевич

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ III—II ВВ. ДО Н.Э. У С. БЫЧОК НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА*

В статье впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в ходе исследований скифских курганов 7 и 8 у с. Бычок на левобережье Нижнего Днестра. Обе насыпи были окружены кольцевыми рвами. В кургане Бычок 7 зафиксирован ров с 13 разрывами. Он окружал поминальную площадку либо ограничивал пространство для символического захоронения на древнем горизонте. Кольцевой ров кургана Бычок 8 был устроен вокруг основного и единственного захоронения в Т-образной катакомбе. Обе насыпи сооружены в III—II вв. до н.э. Четыре амфорных клейма из кургана 7 позволяют сузить его дату до последнего десятилетия III в. до н.э. Обе насыпи являются частью скифского могильника III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Памятник был открыт и впервые исследовался в конце XIX в. Он включал ещё минимум три скифских кургана с основными могилами в Т-образных катакомбах; их топографическое положение в настоящее время не определено. Вполне вероятно, что последние располагались в непосредственной близости от публикуемых курганов, поскольку в них и в близлежащих насыпях зафиксированы раскопы 1898—1900 гг. Примечательно, что обе насыпи III—II вв. до н.э. (Бычок 7 и 8) были возведены в непосредственной близости от скифского кургана второй четверти IV в. до н.э. Бычок 6. Подобная ситуация задокументирована впервые на левобережье Нижнего Днестра. Совокупность данных, полученных при исследовании курганов Бычок 7 и 8, является важным элементом, отражающим скифское присутствие в Северо-Западном Причерноморье в III—II вв. до н.э.

Ключевые слова: Левобережье Нижнего Днестра, скифы, III—II вв. до н.э., курганы, рвы, катакомбы, амфорные клейма.

Сведения об авторах: Синика Виталий Степанович[1], доктор исторических наук, специалист Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН; Иващенко Михаил Вениаминович[2], независимый исследователь; Разумов Сергей Николаевич[3], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Тельнов Николай Петрович[4], главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Паткевич Дмитрий Фёдорович[5], независимый исследователь.

Контактная информация: [1]17292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: sinica80@mail.ru; [2]455039, Россия, г. Магнитогорск, e-mail: m.ivashchenko@list.ru; [3,4]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Покровская, 107, e-mail: razum_22@mail.ru[3], telnov_nikolai@mail.ru[4]; [5]3300, Молдова, г. Тирасполь, e-mail: patkevich1991@gmail.com.

V.S. Sinika, M.V. Ivashchenko, S.N. Razumov, N.P. Telnov, D.F. Patkevich

SCYTHIAN BARROWS OF THE 3RD — 2ND CENTURIES BCE NEAR BYCHOK VILLAGE ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

The article publishes and analyzes for the first time the materials obtained during the research of Scythian barrows 7 and 8 near the Bychok village on the left bank of the Lower Dniester. Both mounds were surrounded by ring ditches. The ditch with 13 breaks was recorded in the mound Bychok 7. It surrounded the memorial site or limited the space for a symbolic burial on the ancient horizon. The ring ditch of the mound Bychok 8 was arranged

* Исследования выполнены в рамках темы НИР ИА РАН “Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований” (№ НИОКТР 122011200265-6).

Статья поступила в номер 20 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июля 2025 г.

© В.С. Синика, М.В. Иващенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Д.Ф. Паткевич, 2025.

around the main and only grave made in a T-shaped catacomb. Both mounds were built in the 3rd — 2nd centuries BCE. Four amphora stamps from mound 7 allow us to narrow its date to the last decade of the 3rd century BCE. Both mounds are part of a Scythian cemetery of the 3rd — 2nd centuries BCE on the left bank of the Lower Dniester. The site was discovered and first studied in the late 19th century. It included at least three more Scythian barrows with the main graves in T-shaped catacombs; their topographic position is currently undetermined. It is quite possible that the latter were located in the immediate vicinity of the published barrows, since excavations of the 1898—1900 were recorded in them and in the nearby mounds. It is noteworthy that both mounds of the 3rd — 2nd centuries BCE (Bychok 7 and 8) were erected in the immediate vicinity of the Scythian barrow of the second quarter of the 4th century BCE Bychok 6. Such a situation is documented for the first time on the left bank of the Lower Dniester. The totality of data obtained during the study of the barrows Bychok 7 and 8 is an important element reflecting the Scythian presence in the North-West Black Sea region in the 3rd — 2nd centuries BCE.

Key words: Left bank on the Lower Dniester Region, Scythians, the 3rd — 2nd centuries BCE, barrows, ditches, catacobs, amphorae stamps.

About the authors: Sinika Vitalij Stepanovich[1], Doctor of Historical Sciences, specialist of the Department of Preservation of Archaeological Heritage of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Ivashchenko Mikhail Veniaminovich[2], independent researcher; Razumov Sergey Nikolaevich[3], Candidate of Historical Sciences, Leading researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Telnov Nicolay Petrovich[4], Principal researcher of the Scientific Research Laboratory "Archaeology" of the Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Patkevich Dmitry Fedorovich[5], independent researcher.

Contact information: [1]17292, Russian Federation, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, e-mail: sinica80@mail.ru; [2]455039, Russian Federation, Magnitogorsk, e-mail: m.ivashchenko@list.ru; [3,4]3300, Moldova, Tiraspol, Pokrovskaya St., 107, e-mail: razum_22@mail.ru[3], telnov_nikolai@mail.ru[4]; [5]3300, Moldova, Tiraspol, e-mail: patkevich1991@gmail.com.

Введение

Наиболее известным скифским памятником III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра является могильник Глиное, изученный у одноимённого села Слободзейского района. В нём в 114 курганах были изучены 183 скифских погребения этого времени. Памятник исследовался на протяжении 1995—2012 гг. и в 2017 г. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016; Синика, Тельнов 2018b; Синика 2023: 30). В 2000 г. была раскопана ещё одна скифская катакомба III в. до н.э. — у с. Чобручи (Четвериков, Синика 2009). В совокупности с некоторыми другими разрушенными захоронениями, перечисленные выше катакомбы формируют ядро источниковой базы для изучения скифской истории в III—II вв. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье.

Нельзя не упомянуть и о 47 скифских захоронений III—II вв. до н.э., исследованных И.Я. и Л.Н. Стемпковскими в 1896—1911 гг. у сс. Сербская Земля, Плоское (Бычок), Парканы, Терновка, Чобручи, Глиное и Коротное, а также М. Шкадышеком в 1909 г. у с. Суклея (Шкадышек 1910; Мелюкова 1962: 114—166; Синика 2023: 18). Материалы из этих комплексов для изучения скифской культуры III—II вв. до н.э. важны не менее, однако хуже задокументированы.

В этой связи публикация любого нового археологического памятника III—II вв. до н.э. представляется актуальной, тем более, когда полученные в новейшее время материалы позволяют уточнить скудную информацию о раскопках 130-летней давности.

В настоящей работе публикуются и анализируются материалы, полученные в 2024 г. на левобережье Днестра при раскопках двух скифских курганов 7 и 8 у с. Бычок.

Описание курганов

Курган 7 у с. Бычок находился на высоком левом берегу р. Днестр, в 0,327 км к западу—северо-западу от пересечения дорог Парканы — Красногорка и Бычок — Нововладимировка (рис. 1). Координаты центра кургана 46°55'53.13" с.ш., 29°28'49.12" в.д. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2024 г.

Курган был раскопан параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты четыре бровки по линии север—юг шириной по 0,6 м, длиной по 24 м (рис. 2). Расстояние между осевыми линиями бровок составляло по 4,5 м.

Насыпь была полностью уничтожена распашкой. Под ней были зафиксированы кольцевой ров, две грабительские ямы и археологический раскоп конца XIX в.; погребения не обнаружены.

Ров в плане представлял собой окружность диаметром по внутреннему краю около 20 м, шириной около 1—1,1 м и глубиной от 1,25 м до 1,9 м от R_0. Ров состоял из 13 отрезков—сегментов (пронумерованы начиная с севера по часовой стрелке) и 13 перемычек между ними. Сегменты были длиной от 1,6 м до 2,8 м, ширина перемычек от 1,5 м до 4 м. В разрезе ров трапециевидный. В сегментах 1, 3, 4, 5, 6, 7 в придонном заполнении найдены фрагменты греческих амфор (1—6). Аналогичные фрагменты, в том числе и лощило из ножки амфоры (7), зафиксированы в пахотном слое в центральной части насыпи. Вероятно, первоначально они лежали на древней поверхности. В сегменте 3 (восточном) на дне зафиксирован череп лошади, лежавший основанием вниз, мордой на восток. Также в сегментах 3 и 4 найдены фрагменты греческого гончарного кувшина (8) и каменный абразив (9).

Описание находок

1. Горловина синопской розовоглиняной амфоры с верхней частью тулова. Венчик валикообразный. Горловина почти цилиндрическая. Ручки овальные в сечении в верхней части. Высота сохранившейся части амфоры 162 мм. Диаметр венчика 102—104 мм, устья — 80 мм. Высота горловины около 120 мм. Размеры сечения ручек 39 × 20 мм (рис. 3: 1).

2. Ручка синопской светлоглиняной амфоры с клеймом. Высота сохранившейся части ручки 158 мм. Размеры сечения ручки 40 × 25 мм (рис. 3: 3).

На ручке оттиснуто клеймо (рис. 3: 2).

[Ἀστ]υνομοῦν[τος]

Πόσιος τοῦ [«Голова в шлеме»↑→].

Στρατονίκου

[- - -]

Клеймо оттиснуто дважды.

3. Фрагмент горловины с венчиком и части ручек синопской светлоглиняной амфоры. Венчик валикообразный, с подрезкой снизу. Горловина почти расширяется книзу. Ручки овальные в сечении. Высота сохранившейся части амфоры 164 мм. Диаметр венчика около 82 мм, устья — 58 мм. Размеры сечения ручек до 37 × 22 мм (рис. 3: 5).

На одной из ручек сохранилась часть оттиска клейма (рис. 3: 4).

[Ἀστυνομοῦντος]

[Διονυσίου] τοῦ

[Διονυσίου] τοῦ

[Κλειταγό]ρου «Треножник с котлом»↑.

[- - -]

4. Фрагменты стенок и часть ручки херсонесской красноглиняной амфоры. От овальной в сечении ручки сохранился фрагмент длиной около 50 мм, располагавшийся в месте изгиба. Размеры сечения ручки до 41 × 24 мм (рис. 4: 2).

На ручке оттиснуто клеймо (рис. 4: 1).

Ἀστυνομοῦ[ντος]

Πασιάδα το[ῦ]

Ἡρ[οδότου]

5. Фрагменты стенок и часть ручки херсонесской красноглиняной амфоры. Высота сохранившейся части ручки 108 мм. Размеры сечения ручки 40 × 25 мм (рис. 4: 4).

На ручке оттиснуто клеймо (рис. 4: 3).

[Ἀ]στ(-)

Новый фабрикант.

6. Нижняя часть (тулова с ножкой) светлоглиняной амфоры неопределённого центра. Тулово амфоры раздутое. Ножка невысокая, на цилиндрической подошве с углублением в центре. Высота сохранившейся части амфоры 90 мм. Высота ножки 27 мм, диаметр — 46 мм. Высота подошвы 19 мм, диаметр в верхней части — 57 мм. Выемка в центре подошвы глубиной до 5 мм (рис. 4: 5).

7. Лощило из ножки оранжевоглиняной гераклейской амфоры. Длина изделия до 56 мм, ширина — до 52 мм (рис. 4: 6).

8. Гончарный светлоглиняный кувшин синопского (?) производства. Сохранились фрагменты нижней части сосуда без горловины. Цвет внешней поверхности светло-жёлтый, внутренней — красноватый; черепок в изломе розовый / красноватый. Глина очень похожа на ту, из которой изготавливали синопские амфоры. Тулово овальное с максимальным расширением в верхней трети на невысоком профилированном поддоне. В верхней части тулова нанесены три поперечные линии тёмно-коричневого цвета. Выше плеча тулова сохранились остатки нижней части ручки. Сечение ручки подпрямоугольное. Высота сохранившейся части кувшина 218—219 мм. Максимальный диаметр тулова 216 мм. Ширина окрашенных полос на верхней части тулова 5,5—7,5 мм. Толщина ручки 7 мм, ширина — достоверно не определяется, поскольку ручка сохранилась частично. Высота поддона 12 мм, диаметр — 108—109 мм. Толщина стенок от 6 мм (в верхней части) до 13 мм (возле поддона). Толщина дна в средней части 8 мм (рис. 5: 1).

9. Абразив неправильной подпрямоугольной формы в виде плитки изготовлен из органогенно-обломочного известняка местного происхождения[1]. Габариты изделия 105 × 80 мм, толщина — до 35 мм (рис. 5: 2).

Яма № 1 обнаружена в 6,5 м к западу от R_0. Овальная в плане (рис. 2). На уровне фиксации (-0,6 м от R_0) размеры ямы составляли 1,7 × 1,4 м. Стенки немного сужались книзу. Глубина 1,47 м от R_0. Очевидно, оставлена древними грабителями.

Яма № 2 обнаружена в 3,5 м к западу от R_0. Подпрямоугольная в плане, длинной осью ориентирована по линии запад — восток (рис. 2). На уровне фиксации (-0,84 м от R_0) размеры ямы составляли 2,4 × 1,5 м. Стенки почти отвесные. Глубина 1,2 м от R_0. Очевидно, оставлена древними грабителями либо исследователями конца XIX в. (зафиксирована в дне их раскопа).

Яма № 3 (археологический раскоп конца XIX в.) обнаружена в 1,5 м к западу от R_0 в центральной части насыпи (рис. 2). Яма квадратной формы размерами 4,2 × 4,2 м и глубиной 0,84 м от R_0 была ориентирована по сторонам света.

Судя по правильной форме и размерам (практически ровно 2 × 2 сажени), яма является остатками археологического раскопа — колодца, разбитого по методике конца XIX — начала XX в. Данный объект — материальное свидетельство деятельности супругов И.Я. и Л.Н. Стемпковских.

Стратиграфия кургана

Курган был возведён в один приём в скифское время, не содержал погребений (кенотаф). Первоначальный диаметр насыпи, судя по внутреннему краю рва, был около 20 м. В восточных и южных сегментах рва, а также на древней поверхности, перекрытой насыпью, находились остатки тризны — фрагменты античных сосудов и кости животных. В древности грабители одним либо двумя шурфами пытались найти несуществующее скифское погребение. Впоследствии такую же неудачу при раскопках кургана потерпели супруги И.Я. и Л.Н. Стемпковские.

Курган 8 у с. Бычок находился на высоком левом берегу р. Днестр, в 31,15 м к северо-западу кургана 7. Координаты центра кургана 46°55'53.71" с.ш., 29°28'47.91" в.д. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2024 г.

Курган был раскопан параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по направлению север—юг шириной 0,6 м, длиной 16 м (рис. 6).

[1] Определение канд. геол.-мин. наук А.О. Хотылева (г. Москва).

Насыпь была полностью уничтожена распашкой, читалась на поверхности в виде округлого пятна более светлого грунта, диаметром около 12 м. В кургане обнаружены кольцевой ров, одно скифское захоронение и археологический раскоп конца XIX в.

Ров кольцевой, трапециевидный в сечении, диаметром по внутреннему краю до 12 м, шириной около 0,6 м по дну и глубиной 1,2—1,4 м от R_0 был сооружён одновременно с основным скифским погребением 1. В западной части рва напротив входной ямы катакомбы была оставлена перемычка шириной 2,5 м. На востоке была оставлена ещё одна перемычка шириной 0,5—0,7 м. В придонном заполнении рва, в его южной части, найдено лощило из ручки амфоры (1).

Описание находки

1. Лощило изготовлено из ручки родосской амфоры. В качестве рабочей поверхности использовалась торцевая часть размерами 37 × 30 мм. Длина лощила 103 мм, размеры сечения ручки у основания 33 × 31 мм (рис. 8: 1).

Погребение 1 (основное, скифское) обнаружено под R_0 на глубине 0,9 м от R_0. Совершено в катакомбе (рис. 7).

Подпрямоугольная в плане *входная яма* размерами на уровне фиксации около 2,5 × 1,3 м и глубиной до 3,4 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии запад—восток. Западная и северная стенки частично разрушены грабительской ямой. Спуск в яму осуществлялся при помощи двух угловых (юго—восток) ступеней глубиной 2,54 м и 2,7 м от R_0. На глубине 3,17 м в западной части сооружения была вырыта трапециевидная в плане выемка размерами 1,4 × 0,7—0,9 м, ориентированная по длинной оси ямы. Её дно полого спускалось к дромосу с глубины 3,3 м до 3,4 м от R_0.

Устье дромоса шириной 0,8 м и высотой 0,65 м располагалось под западной стенкой входной ямы. Подпрямоугольный в плане *дромос* длиной 0,6 м, шириной 0,8 м и высотой 0,6—0,65 м находился на одной линии с выемкой. Свод уплощённо-арочный (рис. 7: 2).

На переходе из дромоса в погребальную камеру и частично в последней зафиксированы крупные обломки необработанных известняковых плит, составлявших заклад входа в камеру (рис. 7: 1, 3).

Погребальная камера подпрямоугольной формы размерами 1,95 × 1 м и глубиной 3,41 м от R_0 была ориентирована по линии север—юг. Свод практически плоский, высотой до 0,8 м.

Погребение полностью ограблено в древности. В камере, среди костей мужчины 35—50 лет (Łukasik 2025: 5), найдены фрагмент ручки амфоры (1) и камни из курильницы (2).

Описание находок

1. Нижняя часть ручки родосской светлоглиняной амфоры, овальной в сечении. Длина сохранившейся части ручки 76 мм. Размеры сечения 36 × 29 мм (рис. 8: 2).

2. Три обожжённых кремнёвых гальки (от одной сохранился фрагмент) из заполнения курильницы.

Яма № 1 (археологический раскоп конца XIX в.) обнаружена в центральной части насыпи. Сооружение представляло собой яму (рис. 6).

Яма квадратной формы размерами 3,6 × 3,6 м и глубиной 1,27 м от R_0 была ориентирована по сторонам света. Судя по правильной форме и размерам, яма является остатками археологического раскопа — колодца, разбитого по методике конца XIX — начала XX в. Данный объект — материальное свидетельство деятельности супругов И.Я. и Л.Н. Стемпковских.

В 4 м к юго-западу от R_0 на глубине 0,25 м от R_0 найдена голова скифской каменной статуи (1). Возможно, была вторично использована в закладе погребения, а затем выброшена грабителями.

Описание находки

1. Часть стелы из органогенно-обломочного известняка местного происхождения[2] представляет собой голову статуи округлой формы. Лицевая часть уплощена, изображение сильно повреждено плугами. Затылочная часть имеет полусферическую форму, тщательно

[2] Определение канд. геол.-мин. наук А.О. Хотылева (г. Москва).

отёсана. Высота сохранившейся части стелы 550 мм, ширина — 600 мм, максимальная толщина — 230 мм (рис. 8: 3).

Стратиграфия кургана

Курган был возведён в один приём в скифское время, содержал одно погребение. Первоначальный диаметр насыпи, судя по внутреннему краю рва, был около 12 м. Основное захоронение в катакомбе было ограблено в древности. На рубеже XIX—XX вв. центр кургана был раскопан И.Я. и Л.Н. Стемпковскими.

Анализ погребального обряда и инвентаря

В первую очередь, обратим внимание на *необычный ров кургана Бычок 7*. Это сооружение разделено 13 разрывами на 13 сегментов.

Уже отмечалось, что рвы более чем с двумя разрывами представляют крайне редкое явление у скифов степей Северного Причерноморья (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 932—933). Так, В.С. Ольховский отметил всего четыре рва с четырьмя разрывами в курганах IV—III вв. до н.э. (Ольховский 1991: 129). Один из них, в частности, был исследован в кургане 8 Вильно-Улановской группы в Левобережном Поднепровье (Телегин и др. 1977: 95, рис. 7), другой — в кургане 22 группы Волчанск-1 в Северо-Западном Приазовье (Полин, Кубышев 1997: 19, рис. 16: 1).

В Нижнем Подонье курган 12 могильника Высочино-V ограничивался рвом с пятью разрывами (пятисегментным рвом) на севере, северо-западе, юго-западе, юге и северо-западе (Беспалый, Лукьяшко 2008: 74—75, табл. LXXIV: 3).

В кургане 6 у с. Маячка в Присивашье отмечены шесть разрывов шириной от 0,5 м до 1 м: два в юго-западном, по одному в юго-восточном, восточном, северо-восточном и северо-западном секторах (Куприй 2009: 87). Также по шесть разрывов было зафиксировано в курганах 1 и 5 могильника Новоалександровка-I в Нижнем Подонье (Лукьяшко 2000: 167—168, рис. 1: 1; 4: 1).

Ров с восемью разрывами был исследован в кургане у г. Геническа в Приазовье. Интересно, что этот восьмисегментный ров был окружён обычным рвом с двумя разрывами, причём оба рва были сооружены одновременно вокруг основного погребения кургана. Авторы публикации констатировали, что ров с восемью разрывами «нёс несколько иную, особую смысловую нагрузку в погребальном ритуале, чем традиционный внешний с разрывами на востоке и западе» (Кубышев, Саенко 1991: 154, рис. 1: 1).

Крайне важно, что один ров с семью разрывами (или семисегментный) был изучен при исследовании кургана 3 могильника «Кулак» у с. Коротное на левобережье Нижнего Днестра. Единственное захоронение кургана может быть датировано только в широких пределах III—II вв. до н.э., поскольку оно было полностью ограблено[3]. Кроме того, на левобережье Нижнего Днестра два рва с восемью разрывами (или восьмисегментные) были зафиксированы ранее — в курганах Глиное 70 и Глиное 94. Эти рвы практически идентичны друг другу: оба имеют по восемь разрывов, четыре в северной части и симметричные им четыре разрыва — в южной (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: рис. 241: 1; 313: 1). Курганы датируются соответственно концом IV — первой четвертью III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 946) и первой половиной III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 964). В настоящее время эту выборку многосементных рвов, окружавших скифские курганы III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра, дополняет сооружение из кургана Бычок 7. Последний, как будет показано ниже, был возведён в последнем десятилетии III в. до н.э.

Особый интерес в кургане Бычок 7 вызывает *отсутствие захоронения на площадке, ограниченной рвом*. Таким образом, эта насыпь входит в группу скифских курганов-кенотафов, число которых со временем только увеличивается.

В 1998 г. на левобережье Нижнего Дуная на курганном могильнике Воловарската Могила были изучены два кургана. Оба представляли собой ограниченные кольцевыми рвами (с двумя

[3] Раскопки Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко 2023 г. Материалы готовятся к печати.

разрывами) площадки безо всяких следов погребальных сооружений. На основании 18 гераклейских амфор изо рвов, в том числе одной клейменой, дата курганов определяется первой третью III в. до н.э. (Фокеев, Синика, Руссев 2018).

Позже, в 2017 г., на левобережье Нижнего Днестра был изучен курган 17 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района. Площадка без могилы была ограничена кольцевым рвом с двумя разрывами. Ввиду отсутствия надёжных хроноиндикаторов[4] комплекс был датирован в пределах всего IV в. до н.э. (Sinika et al. 2020). Спустя пять лет, в 2022 г., подобные кольцевые рвы без скифских захоронений были выявлены в трёх курганах второй половины IV в. до н.э. могильника «Север» у с. Глиное Слободзейского района: в кургане 2 — ров с двумя разрывами (во рву греческие амфоры и кости животных); в кургане 5 — скифский ров с двумя разрывами окружал насыпь среднего бронзового века (Лысенко, Разумов, Синика 2024: 95, рис. 3)[5]; в кургане 9 — сомкнутый (без разрывов) кольцевой ров, расположенный в непосредственной близости от кургана 2. Наконец, в 2024 г. аналогичное сооружение (кольцевой ров с двумя разрывами без погребения внутри площадки) было зафиксировано в кургане Глиное/Север 10.

Отметим, что подобные скифские курганы (со рвами, но без погребений) не являются характерными только для Северо-Западного Причерноморья. Например, в исследованном в 2016 г. кургане 2 у с. Дмитровка в Северо-Западном Приазовье был зафиксирован сомкнутый кольцевой ров диаметром 21—22 м с двумя скоплениями костей черепов лошади (Папанова, Тощев, Голик 2017: 187—188, 219, рис. 6; Sinika et al. 2020: fig. 4). В 2017 г. в кургане 36 группы Старая Катериновка на левобережье Нижнего Днепра был изучен ров диаметром 12,4 м с амфорным боем (Бондар и др. 2019: 144, рис. 5; Полін, Дараган, Черних 2019: 20).

В этой связи необходимо коснуться вопроса, ранее неоднократно поднимавшегося в специальных работах. Являлись ли скифские курганы со рвами, но без могильных конструкций (ям / катакомб), погребальными сооружениями (предназначавшимися для символических погребений), или же поминальными (площадками для проведения тризн) (Синика, Тельнов 2018а: 141—142; Фокеев, Синика, Руссев 2018: 89, 91, 93; Sinika et al. 2020: 265—266)?

В настоящее время мы относим к скифским поминальным сооружениям Северо-Западного Причерноморья семь площадок, ограниченных рвами: курганы Воловарската Могила 1 и 2 — на левобережье Нижнего Дуная; курганы Глиное/Водовод 17, Глиное/Север 2, 5, 9 и 10 — на левобережье Нижнего Днестра.

При этом курган Бычок 7 безоговорочно относить к этой группе сооружений мы не можем. Во-первых, многосегментные рвы в курганах левобережья Нижнего Днестра (Глиное 70, Глиное 94 и Коротное/Кулак 3) всегда сооружались вокруг скифских катакомб. Во-вторых, центральная часть кургана Бычок 7 была нарушена грабительским перекопом, а затем раскопом И.Я. и Л.Н. Стемпковских. Нельзя исключать, что в его центральной части находилось символическое погребение, которые археологически было невозможно задокументировать. Подобные символические погребения были дважды зафиксированы на правобережье Днестровского лимана.

В 1975 г. в скифском кургане 20 у с. Семёновка был изучен кенотаф, устроенный на уровне древнего горизонта и сопровождавшийся не только депонированием предметов вооружения, конской упряжи, стеклянным кубком, а также сопутствующей тризной в виде амфорного и иного керамического боя, но и погребением зависимого лица, совершённым в катакомбе (Разумов, Синика 2017; Субботин, Разумов, Синика 2017: 97—102, 155—158, рис. 58—60). Курган датируется последней третью/четвертью III в. до н.э. на основании клеймёной родосской амфоры (Зайцев 2012: 61, 63, рис. 7: 1, 2). Спустя 22 года, в 1997 г., в 2 км к югу от с. Прибрежное был исследован курган Попова Могила, возведённый в энеолите — раннем бронзовом веке. В западной поле кургана зафиксировано скопление керамического боя (фасосских, гераклейских и родосских амфор, лутериев, лагиносов, рыбных блюд, чернолаковых канфаров, лепных

[4] Во рву были обнаружены кресальный кремень, три обожжённые гальки (две песчаниковые и одна кремнёвая) и фрагмент ручки греческой амфоры неустановленного центра.

[5] Скифская атрибуция рва кургана основывается на радиоуглеродной дате, полученной в Познаньской радиоуглеродной лаборатории по кости крупного рогатого скота. Кость животного была зафиксирована на дне сооружения.

сосудов), фрагментов стеклянных сосудов, три бронзовых наконечника стрел и «медная» монета Филиппа II Македонского, яма с расчленённым костяком и каменное сооружение, интерпретированные в совокупности как «жертвенник IV в. до н.э.» (Рябова, Супрунов 1998). Судя по описанию, курган использовался скифами в первой половине III в. до н.э. для сооружения кенотафа, который сопровождался не только обильной тризной, но и захоронением зависимого лица, как это было отмечено в кургане 20 у с. Семёновка (Синика 2023: 31, 143, 159).

Лощила из ножки гераклейской амфоры (Бычок 7) и ручки родосской амфоры (Бычок малоинформативны в хронологическом отношении, однако заставляют в очередной раз обратить внимание на эту весьма малочисленную категорию находок в скифских насыпях.

На левобережье Нижнего Днестра первая такая находка (ручка амфоры неустановленного центра) была сделана в 2000 г. во рву кургана Глиное 41, сооружённом в последней четверти III — первой четверти II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 271, 958, 966, рис. 147: 2). Позже, в 2018 г., лощило из ручки гераклейской амфоры было обнаружено в насыпи кургана 11 могильника «Сад» у с. Глиное Слободзейского района, (Синика и др. 2020а: 66, 71, рис. 1: 2).

В то же время в данном регионе, неподалеку от могильников Глиное и Глиное/Сад, лощила из ручек амфор широко представлены в материалах IV—II вв. до н.э. на поселениях Чобручи (Fidelschi 2006: 28—29, pl. III: I) и Красное (Синика и др. 2012: 190, рис. 2: 7).

Три *обожжённые кремнёвые гальки* из катакомбы Бычок 8/1, несомненно, происходят из заполнения курильницы. Такие толстостенные лепные сосуды являются элементом обряда, получившим широчайшее распространение в скифских погребальных и поселенческих памятниках Северного Причерноморья, и особенно левобережья Нижнего Днестра (Синика, Меньшикова, Тельнов 2014; Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 902—918, рис. 450—452; Синика 2023: 316, 320, 338—339, 351—353, рис. 110—117; 130). Внутрь сосудов помещали раскалённые гальки из различных горных пород (Хотылев, Майоров, Синика 2023), в том числе и кремня, поверх которых насыпали органическое содержимое (Бабенко и др. 2025).

Находка верхней (головной) части антропоморфной стелы в кургане Бычок 8, который датируется III—II вв. до н.э., крайне необычна. Ни в одном из скифских курганов этого времени, в том числе и сооружённых над могилами лиц с высоким социальным статусом, не было найдено ни одной антропоморфной стелы. При описании кургана было отмечено, что этот «камень», возможно, использовался скифами как часть заклада входа в дромос. Эту версию нельзя исключать, поскольку каменные заклады известны в скифских катакомбах III—II вв. до н.э.: Мреснота Могила 14/1 на левобережье Нижнего Дуная; Плоское (Бычок) 218 и 377, Парканы 109 и 121, Суклея — на левобережье Нижнего Днестра; Николаевка/«На горбах» 1/1 и Роксоланы (Никоний) 2/6 — не левобережье Днестровского лимана (Синика 2023: 119). При этом выходов камня в окрестностях с. Бычок более чем достаточно.

Однако использование в закладе входа в дромос наряду с необработанными плитами, которые могли быть извлечены из близлежащих выходов, части антропоморфной стелы, заставляет обратить внимание на источники этой находки. Практически не сомневаемся, что верхняя часть стелы была извлечена скифами в III—II вв. до н.э. из насыпи соседнего кургана Бычок 6, который был сооружен во второй четверти IV в. до н.э. над захоронением лиц с высоким социальным статусом, сопровождавшимся погребениями слуги («охранника») и пары взнузданных лошадей (Синика и др. 2024). Вполне возможно, что при сооружении кургана Бычок 8 скифами была подобрана на соседней насыпи более раннего времени верхняя часть стелы. Тем более, что расстояние между их полами (околокурганной выемкой кургана Бычок 6 и рвом кургана Бычок 8) составляет не более 32 м (рис. 1).

Уже отмечалось, что до недавнего времени в Северо-Западном Причерноморье стелы были обнаружены только в восьми курганах. При этом семь из стел (полностью сохранившиеся) являются антропоморфными. На левобережье Нижнего Дуная это находки из кургана Цыганка (Ольховский, Шилов 1995: 103, 105—106, рис. 1; 3) и у с. Виноградовка (Субботин и др. 1992: 4—6, рис. 1: 2, 3; Ольховский, Евдокимов 1994: 17, кат. № 8, ил. 6). В Дунай-Днестровском междуречье антропоморфные стелы были зафиксированы во рву

кургана Алкалия 18 (Субботин и др. 1992: 23—24, рис. 21: 1) и в кургане 1 могильника Хаджидер I. В последнем случае возле стелы находились фрагмент нижней части греческой амфоры и кости животных (Субботин и др. 1992: 21—22, рис. 19: 1, 2).

На левобережье Нижнего Днестра стелы были обнаружены в кургане 5 могильника Буторы I (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 17—18, 48—49, 121—122, рис. 1; 25), в кургане 5 у г. Дубоссары (Кетрару и др. 2014: 54—56, 209—210, рис. 43; 44: 1), в кургане 24 у г. Дубоссары (сохранилась нижняя часть стелы) (Кетрару и др. 2014: 102—103, 209—210, рис. 85) и, что крайне важно для нашей публикации, между сс. Красногорка и Бычок (Четвериков 1997: рис. 1; Ольховский 2005: 104, ил. 93: 1), то есть в непосредственной близости от курганного могильника Бычок. В этой связи отметим, что находка верхней части изваяния в кургане Бычок 8 стала восьмой достоверно антропоморфной скифской стелой Северо-Западного Причерноморья, и четвёртой — на левобережье Нижнего Днестра. Кроме того, очевидно, что время её изготовления (не позднее IV в. до н.э.) никак не связано со временем сооружения кургана Бычок 8 (возведённого позже).

Кроме антропоморфных стел, нельзя не упомянуть два найденных в 2018 г. на левобережье Нижнего Днестра каменных столба (неантропоморфные стелы). Один из них, прямоугольный в плане, был установлен во рву скифского кургана 12 могильника «Сад» (Синика и др. 2020b: 332, рис. 1; 3: 2). В кургане Глиное/Водовод 16, расположенном в 500 м к северу—северо-востоку от насыпи Глиное/Сад 12, был найден аналогичный столб, отличающийся только формой (подтреугольный в плане), местом установки (в поле третьей насыпи) и зафиксированными возле него следами тризны. Аналогичные свидетельства тризны, как отмечалось выше, были зафиксированы возле антропоморфного изваяния в кургане 1 могильника Хаджидер I в Дунай-Днестровском междуречье (Синика и др. 2021: 240, 278—279, рис. 21: 4).

Наконец, следует остановиться особо на *археологических свидетельствах работы И.Я. и Л.Н. Стемпковских*, которые были зафиксированы во время раскопок курганов Бычок 7 и 8. На основании имеющихся данных, в 1898—1900 гг. супруги Стемпковские провели раскопки 41 насыпи «в окрестностях села Плоское» или Велико-Плоское (Фабрициус 1951: 34). Безо всякого сомнения, произошла путаница в названиях сёл, ибо в действительности раскопки проводились в районе с. Малое Плоское, которое в настоящее время носит название Бычок. На это указывают раскопы Стемпковских, зафиксированные нами при исследовании пяти курганов могильника: Бычок 4 (размеры раскопа 6,1 × 4 м или ≈ 3 × 2 сажени) — судя по костям людей, раскопом было «накрыто» не менее трёх захоронений; Бычок 6 (размеры раскопа не устанавливаются в каменном завале) — скифский курган ограблен в древности; Бычок 7 (размеры раскопа 4,2 × 4,2 м или ≈ 2 × 2 сажени) — «пустой» курган; Бычок 8 (размеры раскопа 3,6 × 3,6 м или ≈ 1,5 × 1,5 сажени), Бычок 9 (размеры раскопа 4,2 × 4,2 м или ≈ 2 × 2 сажени) — судя по костям людей, раскопом было «накрыто» не менее двух захоронений. Ни одну из этих насыпей, раскопанных нами в 2023-2024 гг., уверенно идентифицировать с конкретным курганом из раскопок Стемпковских (Фабрициус 1951: 34—36) не представляется возможным: 20 курганов из 41 ввиду ограбления практически не были описаны, остальные 21 — описаны недостаточно и суммарно (Фабрициус 1951: 34—36).

Датировка курганов

Определение датировки обоих скифских курганов является одной из важнейших задач, поскольку насыпи были возведены, как отмечалось, в III—II вв. до н.э.

В кургане *Бычок 7* были обнаружены четыре клейма на греческих амфорах. Два синопских клейма принадлежат астиномам заключительного этапа клеймения в полисе. Оттиск с именем магистрата *Διονύσιος τοῦ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου* ранее был известен вместе с клеймами двух других астиномов (*Ἡρώνυμος τοῦ Ποσειδωνιου* и *Δέλφις τοῦ Ἀρτεμιδώρου*), обнаруженных в заполнении колодца подводного комплекса № 8 из Патрея. Исследователи этого комплекса датировали его в пределах 240-х — 230-х гг. до н.э. (Абрамов, Сазонов 1992: 156—159; Монахов 1999: 544—546). Также в колодце из Патрея присутствовала археологически целая родосская амфора с клеймом эпонима *Μυτίων*, которого Г. Финкельштейн поместил во II-с магистратскую

хронологическую подгруппу и датировал между 209—199 (≈208) гг. до н.э. (Finkielsztejn 2001: 191, tabl. 18; Кац 2007: 420, прил. III). В связи с этим можно сделать вывод, что верхняя хронологическая граница подводного комплекса № 8 из Патрея должна быть отнесена к последнему десятилетию III в. до н.э. Между тем, в современной хронологии астинома *Διονύσιος τοῦ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου* существуют разночтения. Так, Н. Коновичи датировал его 215—195 гг. до н.э. (Conovici 1998: 49), И. Гарлан — 223—222 гг. до н.э. (Garlan 2004: 98, tabl. VI). Второй синопский астином из кургана Бычок 7 *Πόσις τοῦ Στρατονίκου* был датирован Н. Коновичи 218—216 гг. до н.э. (Conovici 1998: 49), И. Гарланом — 211—210 гг. до н.э. (Garlan 2004: 98, tabl. VI).

Чаще всего хронология этих двух астиномов изменялась у Н.Ф. Федосеева. Сначала *Διονύσιος τοῦ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου* был датирован ≈ 236 г. до н.э., а *Πόσις τοῦ Στρατονίκου* ≈ 226 г. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, 34, tabl. I). Спустя пятнадцать лет исследователь уточнил дату начала систематического магистратского клеймения в Синопе, повысив её на восемь лет (367 г. до н.э.), а так как количество синопских астиномов осталось неизменным, то получается, что первый из наших магистратов должен относиться к ≈228 г., а второй к ≈218 г. до н.э. (Федосеев 2014: 91, 93). Позже Н.Ф. Федосеев, анализируя клеймёный амфорный материал из поселения «Полянка» в Восточном Крыму, ещё раз повысил хронологию синопских астиномов, датировав *Διονύσιος τοῦ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου* ≈ 220 г. до н.э., а *Πόσις τοῦ Στρατονίκου* ≈ 209 г. до н.э. (Федосеев 2017: 184, 202, № 42—45, № 139). На наш взгляд, наиболее удачной является хронология В.И. Каца: он датировал клейма астинома *Διονύσιος τοῦ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου* последним десятилетием III в. до н.э., а оттиски магистрата *Πόσις τοῦ Στρατονίκου* рубежом III—II вв. до н.э. (Кац 2007: 436, прил. VII).

Также в скифском кургане Бычок 7 было обнаружено два херсонесских клейма. Одно с именем астинома *Πασιάδας τοῦ Ἡροδότου*, а второе — в виде сокращённого имени нового, ранее неизвестного фабриканта *Ἀστ(-)*. Так, В.Ф. Столба датировал *Πασιάδας τοῦ Ἡροδότου* между 195—180 гг. до н.э. (Stolba 2005: 171, tabl. 2). В.И. Кац отнёс астинома к III-А магистратской хронологической подгруппе и датировал его между 227—210 гг. до н.э. (Кац 1994: 67; 2007: 443, прил. X). Между тем, за последние несколько лет список херсонесских астиномов был существенно пополнен именами новых магистратов, таких как *Ἀγασικλῆς τοῦ Ε[- - -]ος*, *Ἡρακλείδας*[6], *Θεόπομπος τοῦ Ποσιάδα, Πρύτανις τοῦ Νικασιτίμου*[7] и *Πυθοδότου τοῦ Διασκυρίδα* (Синика и др. 2012: 211, № 77; Иващенко 2012: 83; Фидельский, Иващенко, Синика 2017: 343, № 70; Внуков, Ефремов 2017: 97, № 206). Это даёт нам возможность скорректировать хронологию III-А хронологической подгруппы астиномов В.И. Каца (Кац 2007: 442—443, прил. X), повысив её на пять — десять лет. Таким образом, астином Πασιάδας τοῦ Ἡροδότου может относиться как к середине последнего десятилетия III в. до н.э., так и к его концу. Что касается клейма фабриканта *Ἀστ(-)*, то оно, как правило, оттискивалось на второй ручке амфоры вместе с клеймами одного из синхронных астиномов, и может относиться или к концу III-А, или к началу III-Б магистратской хронологической подгруппы.

В результате на основании анализа клейм мы датируем курган Бычок 7 последним десятилетием III в. до н.э.

Курган *Бычок 8* был «тщательно» и полностью ограблен, хронологически выразительного инвентаря обнаружено не было. Однако заметим, что родосские амфоры начинают поступать в Северное Причерноморье не ранее III в. до н.э. (Монахов 2003: 113—114), а именно из такого сосуда было изготовлено лощило, найденное во рву кургана. В результате датировать курган Бычок 8 можно только в широких пределах III—II вв. до н.э.

Заключительные положения

В завершении необходимо констатировать, что курганы 7 и 8 у с. Бычок были сооружены в III—II вв. до н.э. В этой связи обе насыпи являются частью скифского могильника этого времени на левобережье Нижнего Днестра. Памятник был открыт и впервые раскопан ещё в конце XIX в. Он включал ещё минимум три кургана (Плоское/Бычок 218, 221, 377) с основными могилами в

[6] Выражаем благодарность О.В. Фатееву (г. Днепр, Украина) за возможность ознакомиться с ранее неизвестным херсонесским клеймом.

[7] Херсонесское клеймо III-А магистратской хронологической подгруппы, информация из личного архива В.И. Каца.

Т-образных катакомбах (Мелюкова 1962: табл. 5: 17; 7: 1, 2); их топографическое положение в настоящее время не определено. Вполне вероятно, что последние располагались в непосредственной близости от публикуемых курганов, поскольку в них и в близлежащих насыпях зафиксированы раскопы 1998—1900 гг. Примечательно, что обе насыпи III—II вв. до н.э. (Бычок 7 и 8) были возведены в непосредственной близости от кургана второй четверти IV в. до н.э. Бычок 6. Подобная ситуация задокументирована впервые на левобережье Нижнего Днестра.

Кольцевой ров с 13 разрывами, изученный в кургане Бычок 7, либо представлял собой поминальную площадку, либо был предназначен для символического погребения на уровне древнего горизонта. Основное и единственное захоронение кургана Бычок 8, окружённое кольцевым рвом с двумя разрывами, было совершено в Т-образной катакомбе. Это вид погребального сооружения абсолютно доминирует у скифов в III—II вв. до н.э.

Совокупность данных, полученных при исследовании курганов Бычок 7 и 8, является важным элементом скифского присутствия в Северо-Западном Причерноморье в III—II вв. до н.э.

Приложение

Амфорные клейма из скифского кургана 7 у с. Бычок

Синопа

№ 1.

[Ἀστυνομοῦντος]
[Διονυσίου] τοῦ
[Διονυσίου] τοῦ
[Κλειταγό]ρου «Треножник с котлом»↑.
[- - -]

Аналогии: Синика и др. 2012: 206, рис. 24; 25 — поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра.

***Dionysios Dionysiou Kleitagorou* + *[- - -]* + Trépied**.

Датируется:

1) 215—195 гг. до н.э. (Conovici 1998: 49);

2) 240—220 (≈ 236) гг., (≈ 228) г. или (≈ 220) г. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, tabl. I; Федосеев 2014: 91, 93; 2017: 184, № 42-45);

3) 223—222 гг. до н.э. (Garlan 2004: 98, tabl. VI);

4) конец III в. до н.э. (Кац 2007: 436, прил. VII).

№ 2.

[Ἀστ]υνομοῦν[τος]
Πόσιος τοῦ [«Голова в шлеме»↑→].
Στρατονίκου
[- - -]
Клеймо оттиснуто дважды.

***Posis Stratonikou* + *[- - -]* + Tête.**

Датируется:

1) 218—216 гг. до н.э. (Conovici 1998: 49);

2) 240—220 (≈ 226) гг., (≈ 218) г. или (≈ 209) г. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, tabl. I; Федосеев 2014: 91, 93; 2017: 202, № 139);

3) 211—210 гг. до н.э. (Garlan 2004: 98, tabl. VI);

4) рубеж III—II вв. до н.э. (Кац 2007: 436, прил. VII).

Херсонес Таврический

№ 3.

Ἀστυνομοῦ[ντος]
Πασιάδα το[ῦ]
Ἡρ[οδότου]

Аналогии: Кац 1994: табл. XXXVIII: 1—91, 2.

Pasiadas Herodotou.

Датируется:
1) 195—180 гг. до н.э. (Stolba 2005: 171, tabl. 2);
2) 227—210 гг. до н.э. (Кац 2007: 443, прил. X).

№ 4.
[Ἀ]στ(-)
Новый фабрикант.
Ast(-)
Датируется: последнее десятилетие III в. до н.э. (Кац 2007: 442—443, прил. X).

Литература

Абрамов А.П., Сазонов Ю.С. 1992. Керамика трех подводных комплексов Патрея. *Боспорский сборник* 1, 147—172.

Бабенко и др. 2025: Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Гриценко Л.Н., Белоносова В.А., Синика В.С. 2025. Комплексное изучение органического содержимого курильниц из скифских погребений III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 3, 199—220.

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино*. Т. I. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России I).

Бондар и др. 2019: Бондар К.М., Дараган М.М., Прилуков В., Полін С.В., Цюпа І.В., Діденко С.В. 2019. Магнітометрія скіфського курганного могильника Катеринівка у Нижньому Подніпров'ї. *Геофизический журнал*. № 3. Т. 41, 134—152.

Внуков С.Ю., Ефремов Н.В. 2017. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. В: Зайцев Ю.П. (глав. ред.). *Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Крым в истории, культуре и экономике России*. Симферополь: Тарпан, 19—120.

Зайцев Ю.П. 2012. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 55—66.

Иващенко М.В. 2012. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16—19 октября 2012 г. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 81—86.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель*. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.

Кетрару и др. 2014: Кетрару Н.А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2014. *Дубоссарские курганы* (Археологические памятники Приднестровья. II). Тирасполь: Stratum plus.

Кубышев А.И., Саенко В.Н. 1991. Скифский курган у города Геническа. *Древности степного Причерноморья и Крыма* II, 153—156.

Куприй С.А. 2009. Оригинальные погребальные сооружения скифского времени из Присивашья. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму* XV, 85—89.

Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. 2024. Погребения позднего бронзового века из кургана 5 группы «Север» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Tyragetia*, s.n., vol. XVIII [XXXIII], nr. 1, 93—122.

Лукьяшко С.И. 2000. К реконструкции событий конца IV — начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону. В: Гуляев В.И., Ольховский В.С. (отв. ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва: Институт археологии РАН, 167—180.

Мелюкова А.И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских). *Материалы и исследования по археологии СССР* 115, 114—166.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре.* Москва; Саратов. Киммерида; Саратовский государственный университет.

Ольховский В.С. 2005. *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа.* Москва: Наука.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н.э.* Москва: МТО МЕТЕО.

Ольховский В.С., Шилов Ю.А. 1995. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка. *РА* 4, 103—113.

Папанова В.А., Тощев Г.Н., Голик А.А. 2017. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы в Северном Приазовье. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму* XX, 178—229.

Полін С., Дараган М., Черних Л. 2019. Розкопки скіфських курганів біля м. Покров. *Археологічні дослідження в Україні 2017 р*. Київ: ІА НАН України, 20—22.

Полин С.В., Кубышев А.И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья в Северо-Западном Приазовье)*. Киев: ИА НАН Украины.

Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. «Новый» скифский комплекс III в. до н.э. на правобережье Нижнего Днестра. *Вестник ВолГУ, Серии 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 22 (3), 6—19.

Рябова В.О., Супрунов О.В. 1998. Жертовник IV ст. до н.е. у кургані біля Гермонактова селища та башти Неоптолема у гирлі Тірасу. *Музейні читання*. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О.І. Тереножкіна. Київ: Музей історичних коштовностей України, 66—71.

Синика В.С. 2023. *Скифская археологическая культура III—II вв. до н.э. Северо-Западного Причерноморья.* Тирасполь: Stratum plus.

Синика и др. 2012: Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 3, 187—215.

Синика и др. 2020a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С. 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 19. № 1, 64—101. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4.

Синика и др. 2020b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020b. Скифское захоронение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 331—351.

Синика и др. 2021: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Курган 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Tyragetia*. Vol. XV [XXX], nr. 1, 239—296.

Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П. 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV—I вв. до н.э. *Stratum plus* 3, 65—101.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018a. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья. *Самарский научный вестник.* Т. 7. № 1 (22), 133—144.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018b. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (отв. ред.). *Древности. Исследования и проблемы.* Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.

Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. *Семёновские курганы*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья IV).

Субботин и др. 1992: Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Препринт.

Телегин Д.Я., Круц В.А., Братченко С.Н., Петровская Е.А. 1977. Вильно-Улановская курганная группа. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье*. Киев: Наукова думка, 83—97.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).

Фабрициус И.В. 1951. *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*. Вып. 1. Киев: АН СССР.

Федосеев Н.Ф. 2014. Из истории Синопы. Керамический аспект. *Таврические студии. Исторические науки* 6, 90—97.

Федосеев Н.Ф. 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму. В: Зайцев Ю.П. (глав. ред.). *Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Крым в истории, культуре и экономике России*. Симферополь: Тарпан, 169—250.

Фидельский С.А., Иващенко М.В., Синика В.С. 2017. Амфорные клейма причерноморских центров с поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 6, 329—346.

Фокеев М.М., Синика В.С., Руссев Н.Д. 2018. Скифские курганы—кенотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная. *Stratum plus* 3, 87—102.

Хотылев А.О., Майоров А.А., Синика В.С. 2023. Камни из ритуальных сосудов в скифских погребальных комплексах на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 6, 325—347. https://doi.org/10.55086/sp236325347.

Четвериков И.А. 1997. Изваяние скифского воина из с. Красногорка. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. — IV в. н.э.)* (материалы полевого семинара). Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 12—14.

Четвериков И.А., Иващенко М.В., Синика В.С. 2018. Амфорные клейма с поселения Красное. *Stratum plus* 6, 199—215.

Четвериков И.А., Синика В.С. 2009. Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму* XV, 204—212.

Шкадышек М. 1910. Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведённой подполковником Шкадышек 18 июля 1909 г. *ЗООИД* XXVIII, 92—94 (протоколы).

Conovici N. 1998. *Les timbres amphoriques*. Vol. 2. *Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucarest; Paris: Editura Enciclopedică; Diffusion de Boccard (Histria VIII. Corpus international des timbres amphoriques 3).

Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores ansiennes en мer Noire*. Aex-en-Provence: Université de Provence, 27—40.

Fidelschi S.A. 2006. Dezvoltarea meșteșugului la populația sedentară din regiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la așezarea pluristratificată Ciobruciu). *Tyragetia* XV, 24—33.

Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Oxford: Archaeopress.

Garlan Y. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (avec la collaboration de Hikmet Kara)* . Paris: De Boccard (Varia Anatolica XVI; Corpus International des Timbres Amphoriques. 10).

Łukasik S. 2025. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Bychok site, Moldova: part 1 (K6B1, K6B2, K6B3, K8B1, and K10B1).* Poznań, 6 March 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Sinika et al. 2020: Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Telnov N.P. 2020. Barrow 17 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester and "Empty" Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. In: Matei S. (ed.) *Mousaios* XXIII. *Proceedings of the 18th International Colloquium of Funerary Archaeology "Bronze and Iron Ages in Eurasia: Rituals and Grave Goods as Possible Markers of the Social Identity of the Dead", 17th — 20th of October 2019*, 261—273.

Stolba V.F. 2005. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In: Stolba V., Hannestad L. (eds). *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 BC*. Aarhus: Aarhus University Press, 153—177.

References

Abramov, A.P., Sazonov, Yu. S. 1992. In *Bosporskiy sbornik (Bosporan collection)* 1, 147—172 (in Russian).

Babenko et al. 2025: Babenko, A.N., Sergeev, A.Yu., Gritsenko, L.N., Belonosova, V.A., Sinika, V.S. 2025. In *Stratum plus* 3, 199—220 (in Russian).

Bespalyi, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino (Ancient population of the Don and Kagalnik interfluve. Barrow cemetery near the Vysochino village)*. Vol. I. Rostov-on-Don: JuNC RAN (Materials and research on the archaeology of the South of Russia. Iss. I) (in Russian).

Bondar et al. 2019: Bondar, K.M., Daragan, M.M., Prilukov, V., Polin, S.V., Cjupa, I.V., Didenko, S.V. 2019. In *Geofizicheskij zhurnal (Geophysical Journal).* No. 3. Vol. 41, 134—152 (in Russian).

Vnukov, S.Ju., Efremov, N.V. 2017. In: Zajcev, Ju.P. (ed.). *Mezhkul'turnye processy po dannym novejshih arheologicheskih issledovanij. Krym v istorii, kul'ture i jekonomike Rossii (Intercultural processes according to the latest archaeological research. Crimea in the history, culture and economy of Russia)*. Simferopol: Tarpan, 19—120 (in Russian).

Zajcev, Ju.P. 2012. In: Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ja III—II vv. do n.e. (Antiquities of the Northn Black Sea region of the 3rd — 2nd centuries BCE)*. Tiraspol: Pridnestrovskij gosudarstvennyj universitet, 55—66 (in Russian).

Ivashhenko, M.V. 2012. In: Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ja III—II vv. do n.e. (Antiquities of the Northn Black Sea region of the 3rd — 2nd centuries BCE)*. Tiraspol: Pridnestrovskij gosudarstvennyj universitet, 81—86 (in Russian).

Kac, V.I. 1994. *Keramicheskie klejma Hersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel' (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos. Catalogue-identifier)*. Saratov: Saratovskij universitet. (in Russian).

Kac, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovanija (Bosporan studies)* XVIII (in Russian).

Ketraru et al. 2014: Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossary barrows)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological sites of Pridnestrovie II) (in Russian).

Kubyshev, A.I., Saenko, V.N. 1991. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ja i Kryma (Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea)* II, 153—156 (in Russian).

Kuprij, S.A. 2009. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ja i Krimu (Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea)* XV, 85—89 (in Russian).

Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2024. In *Tyragetia*, s.n., vol. XVIII [XXXIII], nr. 1, 93—122 (in Russian).

Luk'jashko, S.I. 2000. In: Guljaev, V.I., Ol'hovskij, V.S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n.e.: paleojekologija, antropologija i arheologija (Scythians and Sarmatians in the 7th — 3rd centuries BCE: paleoecology, anthropology and archeology)*. Moscow: Institut arheologii RAN, 167—180 (in Russian).

Meljukova, A.I., 1962. In *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR (Materials and studies on the archeology of the USSR)* 115, 114—166 (in Russian).

Monahov, S.Ju. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoj tary VII—II vekov do n.e. (Greek amphoras in the Black Sea region. Complexes of ceramic containers of the 7th — 2nd centuries BCE).* Saratov: Saratovskij universitet (in Russian).

Monahov, S.Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologija amfor vedushhih centrov-eksportjorov tovarov v keramicheskoj tare (Greek Amphorae in the Black Sea Region: Typology of Amphorae from Leading Centers of Export of Goods in Ceramic Containers)*. Moscow; Saratov: Kimmerida; Saratovskij gosudarstvennyj universitet (in Russian).

Ol'hovskij, V.S. 2005. *Monumental'naja skul'ptura naselenija zapadnoj chasti evrazijskih stepej jepohi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the early Iron Age)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ol'hovskij, V.S., Evdokimov, G.L. 1994. *Skifskie izvajanija VII—III vv. do n.e. (Scythian sculptures of the 7th — 3rd centuries BCE)*. Moscow: MTO METEO (in Russian).

Ol'hovskij, V.S., Shilov, Ju.A. 1995. In *Rossijskaja arheologija (Russian archaeology)* 4, 103—113 (in Russian).

Papanova, V.A., Toshhev, G.N., Golik, A.A. 2017. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ja i Krimu (Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea)* XX, 178—229 (in Russian).

Polin, S., Daragan, M., Chernih, L. 2019. In: *Arheologichni doslidzhennja v Ukraïni 2017 r. (Archaeological research in Ukraine in 2017)*. Kyiv: IA NAN Ukraini, 20—22 (in Ukrainian)

Polin, S.V., Kubyshev, A.I. 1997. *Skifskie kurgany Utljukskogo mezhdurech'ja v Severo-Zapadnom Priazov'e (Scythian barrows of the Utlyuk interfluve in the North-West Azov region)*. Kiev: IA NAN Ukrainy (in Russian).

Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. In *Vestnik VolGU, Serii 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)*. Vol. 22 (3), 6—19 (in Russian).

Rjabova, V.O., Suprunov, O.V. 1998. In: *Muzejni chitannja (Museum readings)*. Kyiv: Muzej istorichnih koshtovnostej Ukraini, 66—71 (in Ukranian).

Sinika, V.S. 2023. *Skifskaja arheologicheskaja kul'tura III-II vv. do n. je. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja (Scythian Archaeological Culture of the 3rd — 2nd Centuries BCE in North-West Black Sea Region)*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Sinika et al. 2020a: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P., Lukasik, S. 2020. In *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*. Vol. 19. No. 1, 64—101. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4 (in Russian).

Sinika et al. 2012: Sinika, V.S., Tashhi, E.F., Tel'nov, N.P., Chetverikov, I.A. 2012. In *Stratum plus* 3, 187—215 (in Russian).

Sinika et al. 2020b: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P. 2020b. In *Stratum plus* 3, 331—351 (in Russian).

Sinika et al. 2021: Sinika, V.S., Tel'nov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In:*Tyragetia*. Vol. XV [XXX], nr. 1, 239—296 (in Russian).

Sinika, V.S., Men'shikova, V.A., Tel'nov, N.P. 2014. In *Stratum plus* 3, 65—101 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near Butory village)*. Tiraspol': Poligrafist (Archaeological sites of Pridnestrovie I) (in Russian).

Sinika, V.S., Tel'nov, N.P. 2018a. In *Samarskij nauchnyj vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 7. No. 1 (22), 133—144 (in Russian).

Sinika, V.S., Tel'nov, N.P. 2018b. In: Sinika, V.S., Rabinovich. R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovanija i problemy (Antiquities. Studies and Problems)*. Kishinjov; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).

Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semjonovskie* kurgany *(Semyonovka barrows)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological sites of Pridnestrovie I) (in Russian).

Subbotin et al. 1992: Subbotin, L.V., Ostroverhov, A.S., Ohotnikov, S.B., Redina, E.F. 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunajskogo mezhdurech'ja (Scythian antiquities of the Dniester-Danube interfluve)*. Kiev: Preprint (in Russian).

Telegin et al. 1977: Telegin, D.Ja., Kruc, V.A., Bratchenko, S.N., Petrovskaja, E.A. 1977. In: Telegin, D.Ja. (ed.). *Vil'njanskie kurgany v Dneprovskom Nadporozh'e (Volnyansk Barrows in the Dnieper Nadporozhye)*. Kiev: Naukova dumka, 83—97 (in Russian).

Tel'nov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskij mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd — 2nd Centuries BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological sites of Pridnestrovie III) (in Russian).

Fabricius, I.V. 1951. *Arheologicheskaja karta Prichernomor'ja Ukrainskoj SSR (Archaeological map of the Black Sea region of the Ukrainian SSR)*. Iss. 1. Kiev: AN SSSR (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2014. In *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki (Tauride Studies. Historical Sciences)* 6, 90—97 (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2017. In: Zajcev, Ju.P. (ed.). *Mezhkul'turnye processy po dannym novejshih arheologicheskih issledovanij. Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii (Intercultural processes according to the latest archaeological research. Crimea in the history, culture and economy of Russia)*. Simferopol: Tarpan, 169—250 (in Russian).

Fidel'skij, S.A., Ivashhenko, M.V., Sinika, V.S. 2017. In *Stratum plus* 6, 329—346 (in Russian).

Fokeev, M.M., Sinika, V.S., Russev, N.D. 2018. In *Stratum plus* 3, 87—102 (in Russian).

Hotylev, A.O., Majorov, A.A., Sinika, V.S. 2023. In *Stratum plus* 6, 325—347. DOI: https://doi.org/10.55086/sp236325347 (in Russian).

Chetverikov, I.A. 1997. In: Jarovoj, E.V. (ed.). *Chobruchskij arheologicheskij kompleks i voprosy vzaimovlijanija antichnoj i varvarskoj kul'tur (IV v. do n. je. — IV v. n. je.) (Chobruchi archaeological complex and issues of mutual influence of ancient and barbarian cultures (4th century BCE — 4th century CE))*. Tiraspol: Pridnestrovskij gosudarstvennyj universitet, 12—14 (in Russian).

Chetverikov, I.A., Ivashhenko, M.V., Sinika, V.S. 2018. In *Stratum plus* 6, 199—215 (in Russian).

Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2009. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ja i Krimu (Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea)* XV, 204—212 (in Russian).

Shkadyshek, M. 1910. In *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej (Notes of the Odessa Society of History and Antiquities)* XXVIII, 92—94 (in Russian).

Conovici, N. 1998. *Les timbres amphoriques*. Vol. 2. *Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucarest; Paris: Editura Enciclopedică; Diffusion de Boccard (Histria VIII. Corpus international des timbres amphoriques 3).

Fedoseev, N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores ansiennes en мer Noire*. Aex-en-Provence: Université de Provence, 27—40.

Fidelschi, S.A. 2006. Dezvoltarea meșteșugului la populația sedentară din regiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la așezarea pluristratificată Ciobruciu). *Tyragetia* XV, 24—33.

Finkielsztejn, G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Oxford: Archaeopress.

Garlan, Y. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (avec la collaboration de Hikmet Kara)* . Paris: De Boccard (Varia Anatolica XVI; Corpus International des Timbres Amphoriques. 10).

Łukasik, S. 2025. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Bychok site, Moldova: part 1 (K6B1, K6B2, K6B3, K8B1, and K10B1).* Poznań, 6 March 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Sinika et al. 2020: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020. Barrow 17 of the "Sluiceway" Group in the Lower Dniester and "Empty" Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. In: Matei, S. (ed.) *Mousaios* XXIII. *Proceedings of the 18th International Colloquium of Funerary Archaeology "Bronze and Iron Ages in Eurasia: Rituals and Grave Goods as Possible Markers of the Social Identity of the Dead", 17th — 20th of October 2019*, 261—273.

Stolba, V.F. 2005. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In: Stolba, V., Hannestad, L. (eds). *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 BC*. Aarhus: Aarhus University Press, 153—177.

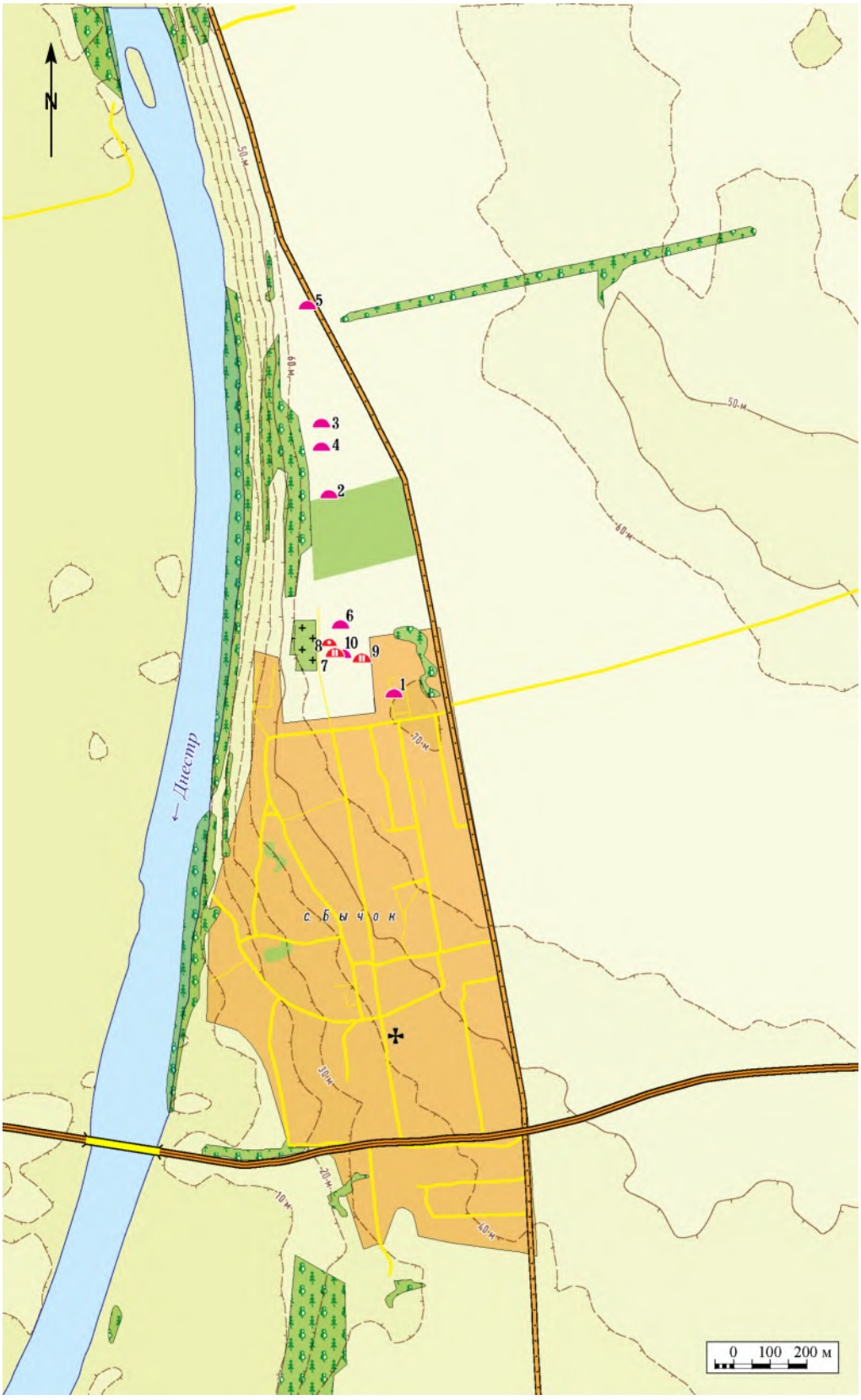


Рис. 1. Топографическое размещение курганов у с. Бычок.

Fig. 1. Topographic location of the barrows near Bychok village.

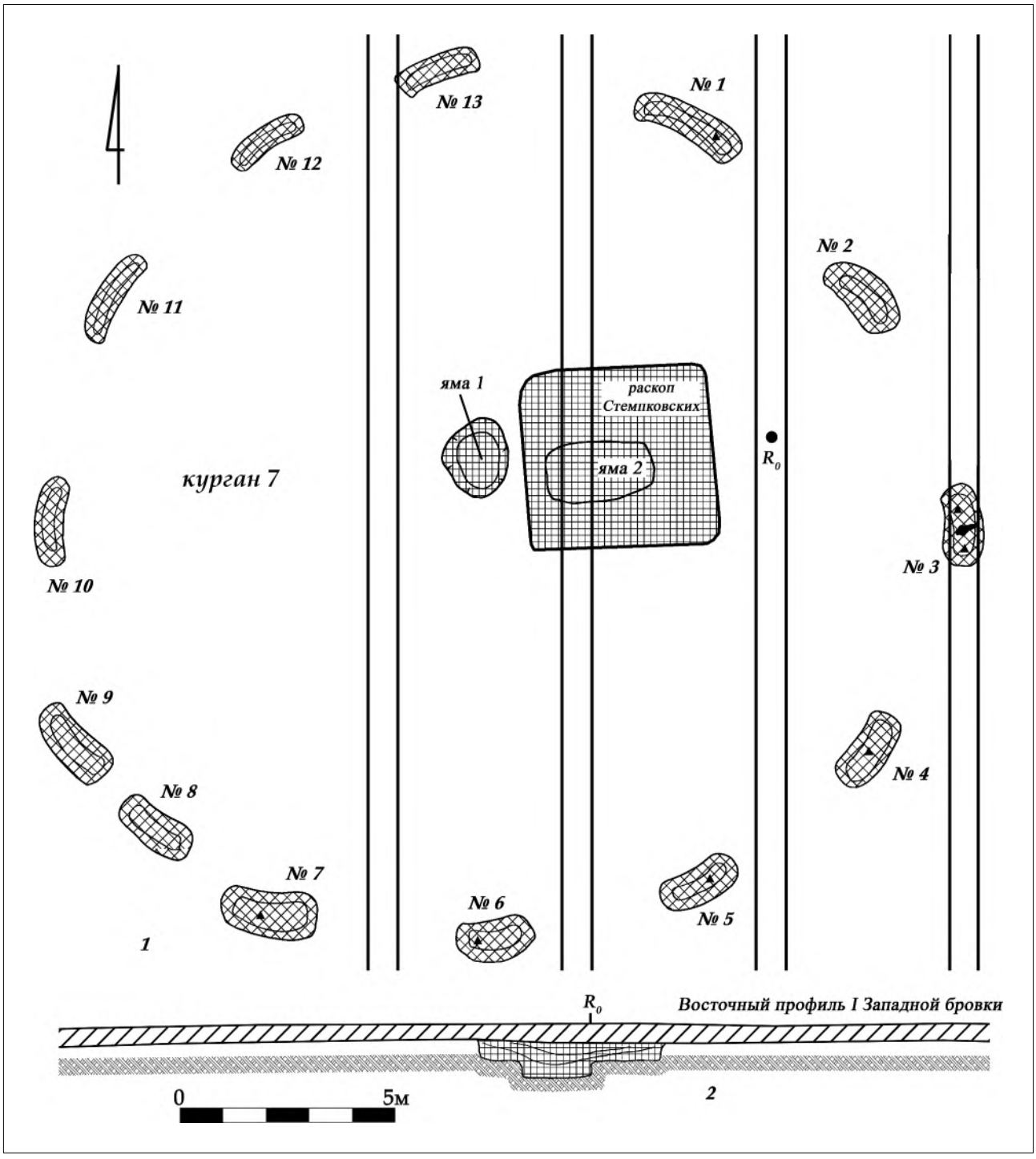


Рис. 2. План и профиль кургана Бычок 7.

Fig. 2. Plan and profile of the Bychok 7 barrow.

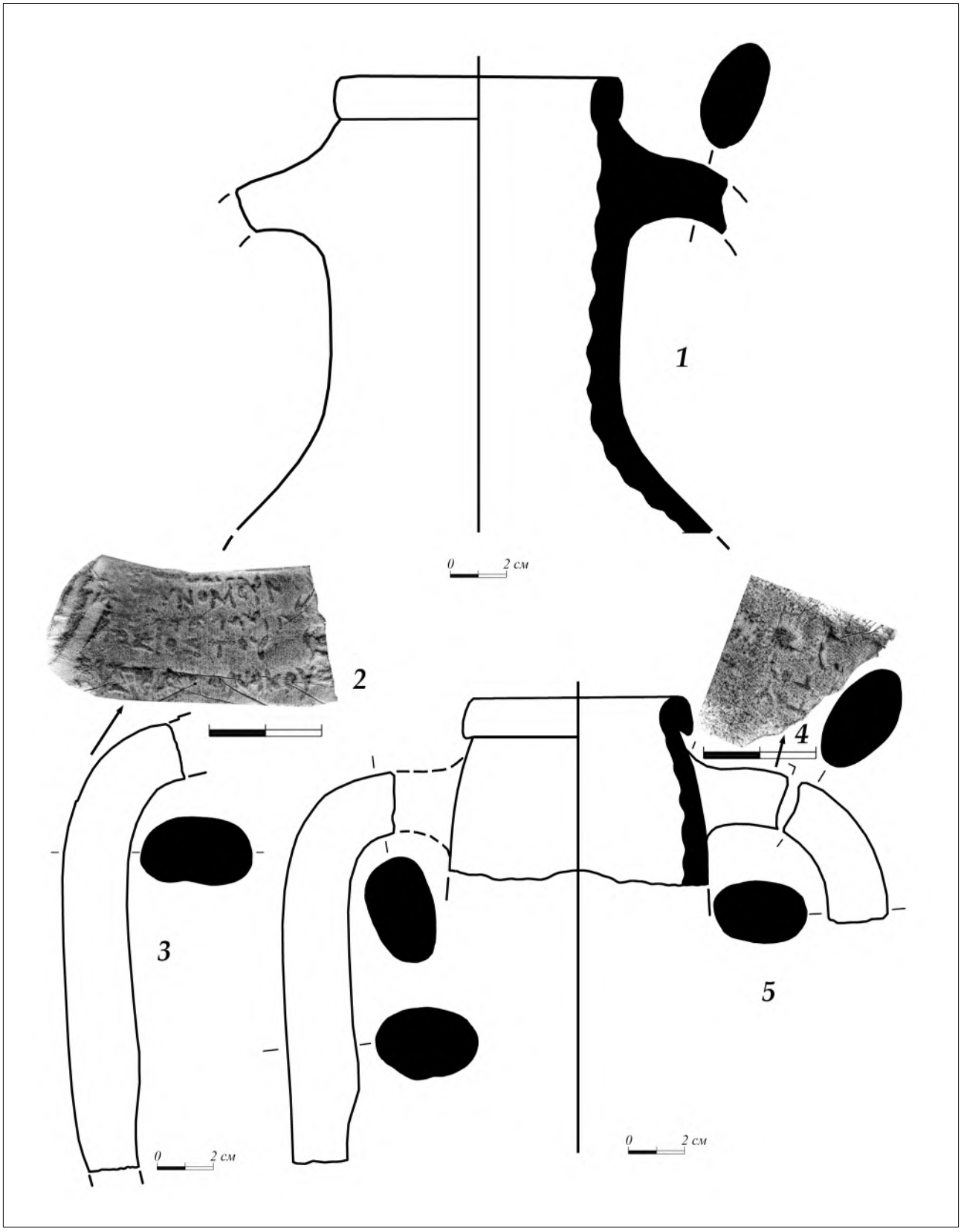


Рис. 3. Фрагменты амфор из кургана Бычок 7.

Fig. 3. Amphorae fragments from the Bychok 7 barrow.

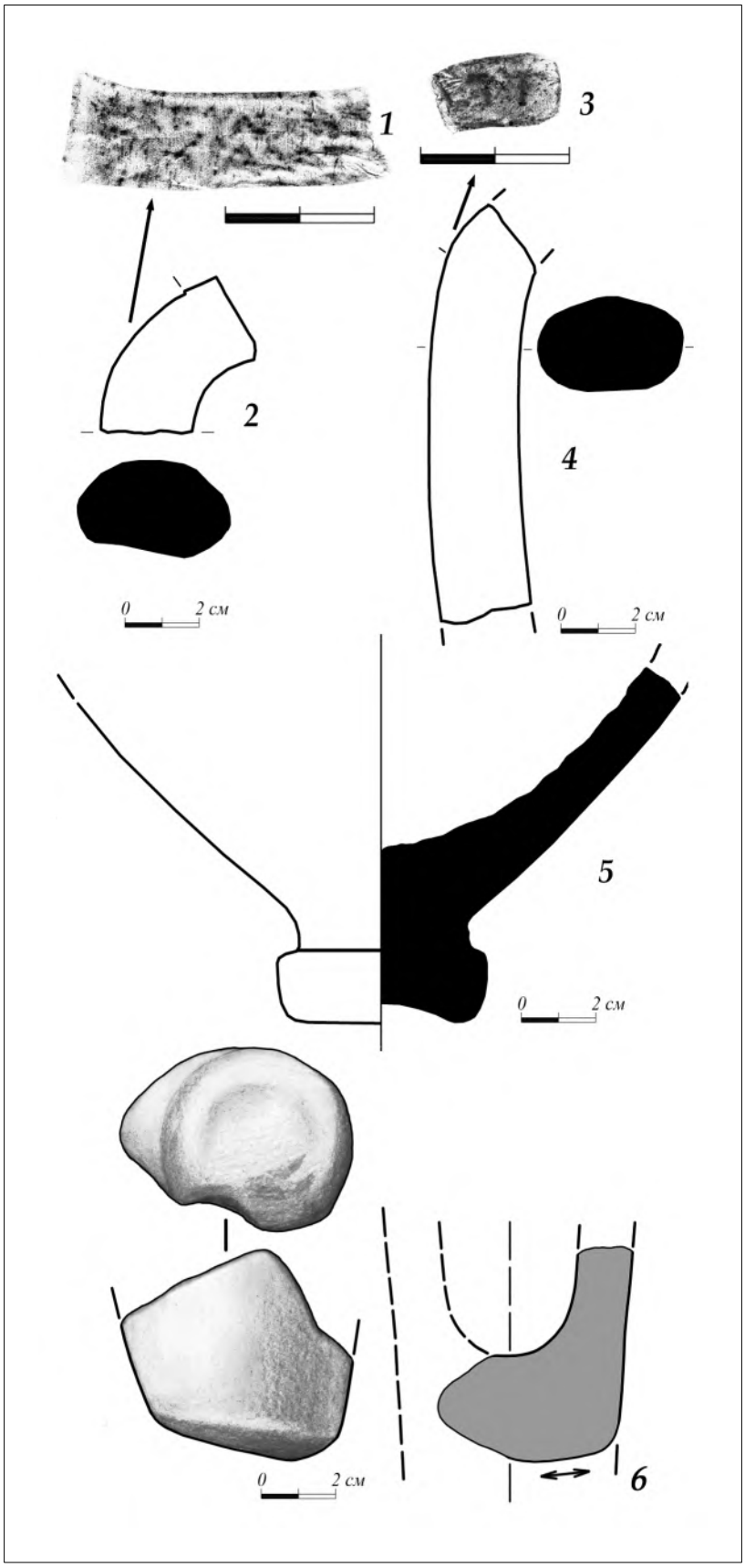


Рис. 4. Фрагменты амфор из кургана Бычок 7.

Fig. 4. Amphorae fragments from the Bychok 7 barrow.

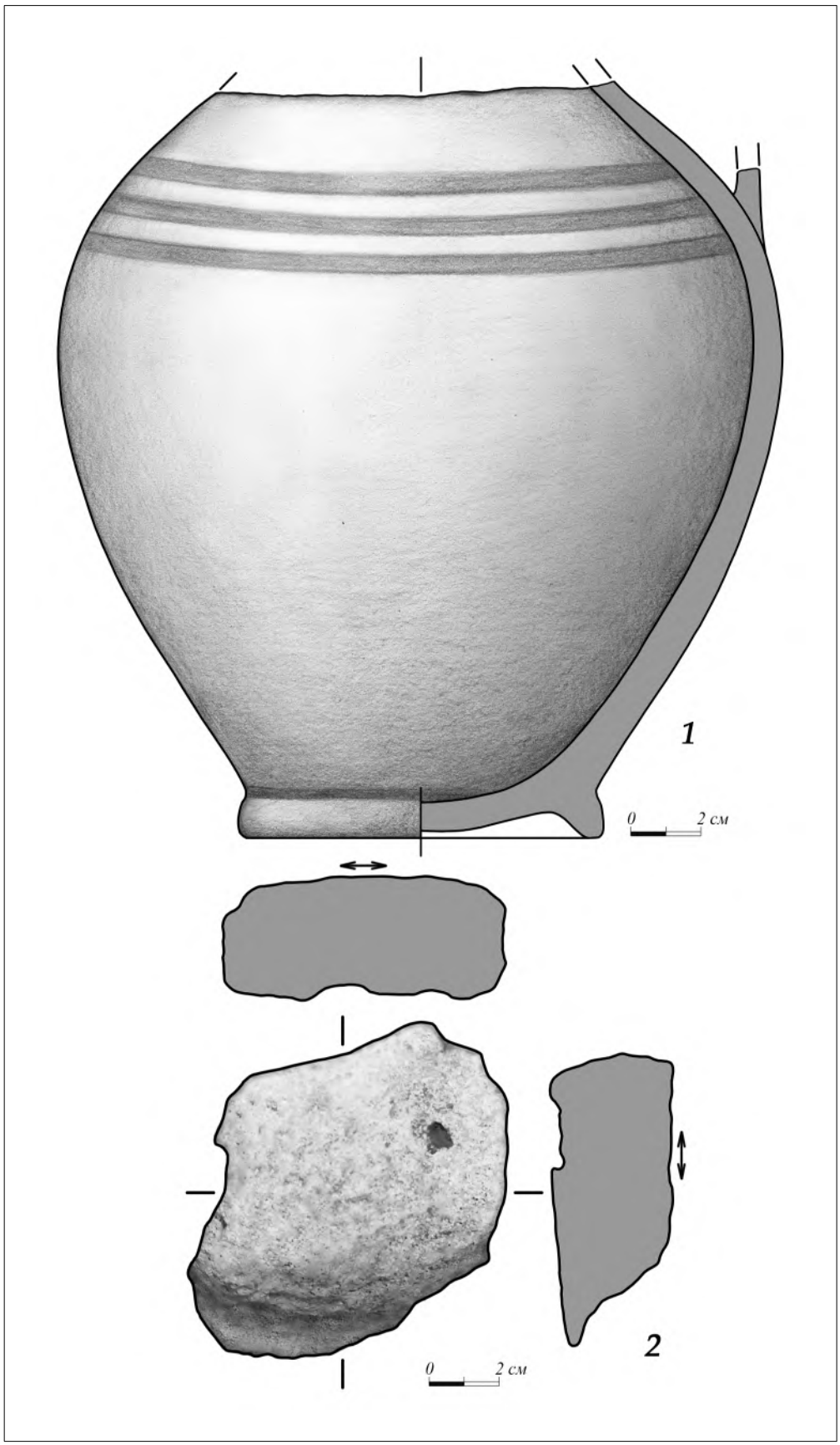


Рис. 5. Гончарный кувшин (*1*) и абразив (*2*) изо рва кургана Бычок 7.

Fig. 5. Pottery jug (*1*) and abrasive (*2*) from the ditch of the Bychok 7 barrow.

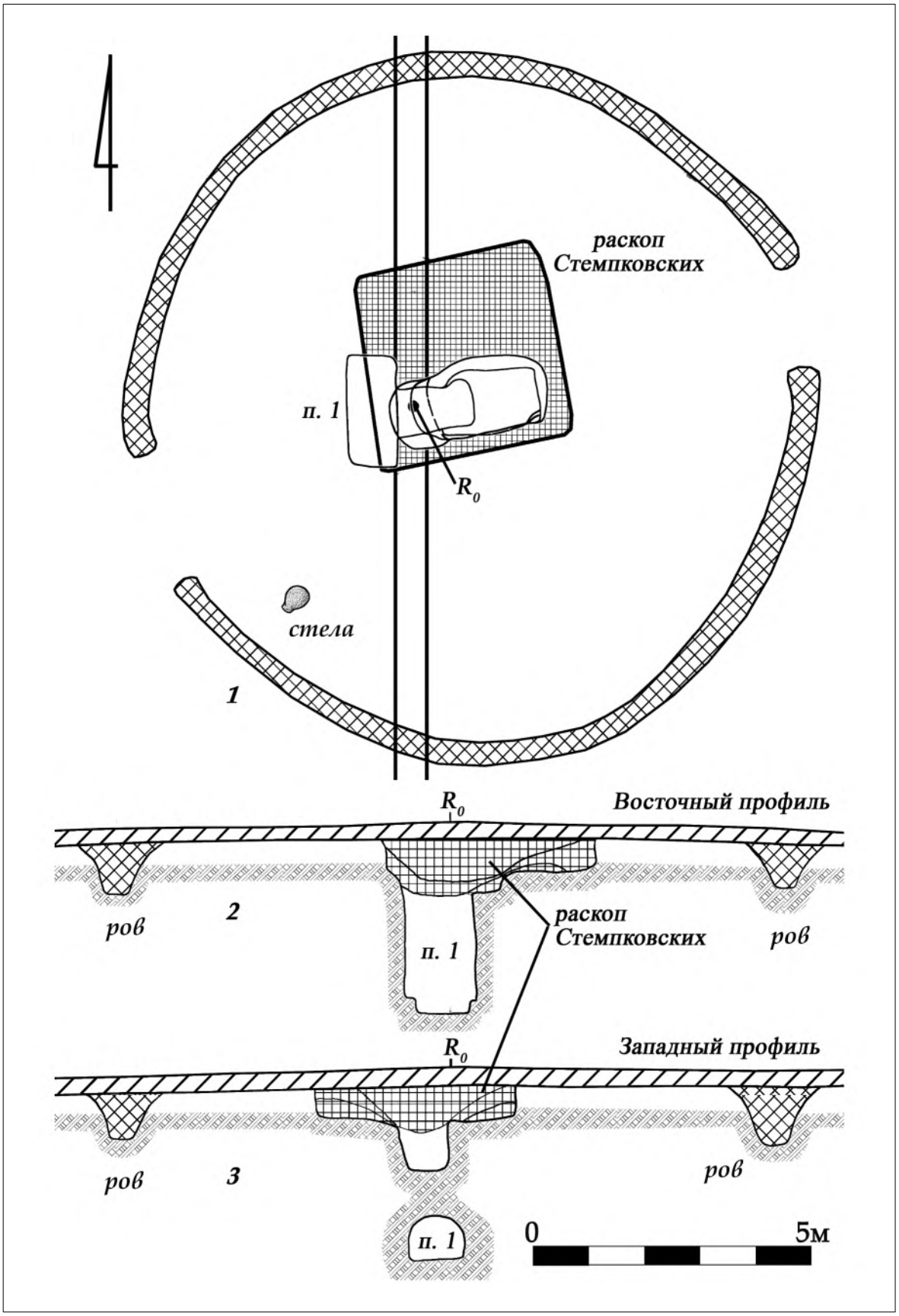


Рис. 6. План и профили кургана Бычок 8.

Fig. 6. Plan and profiles of the Bychok 8 barrow.

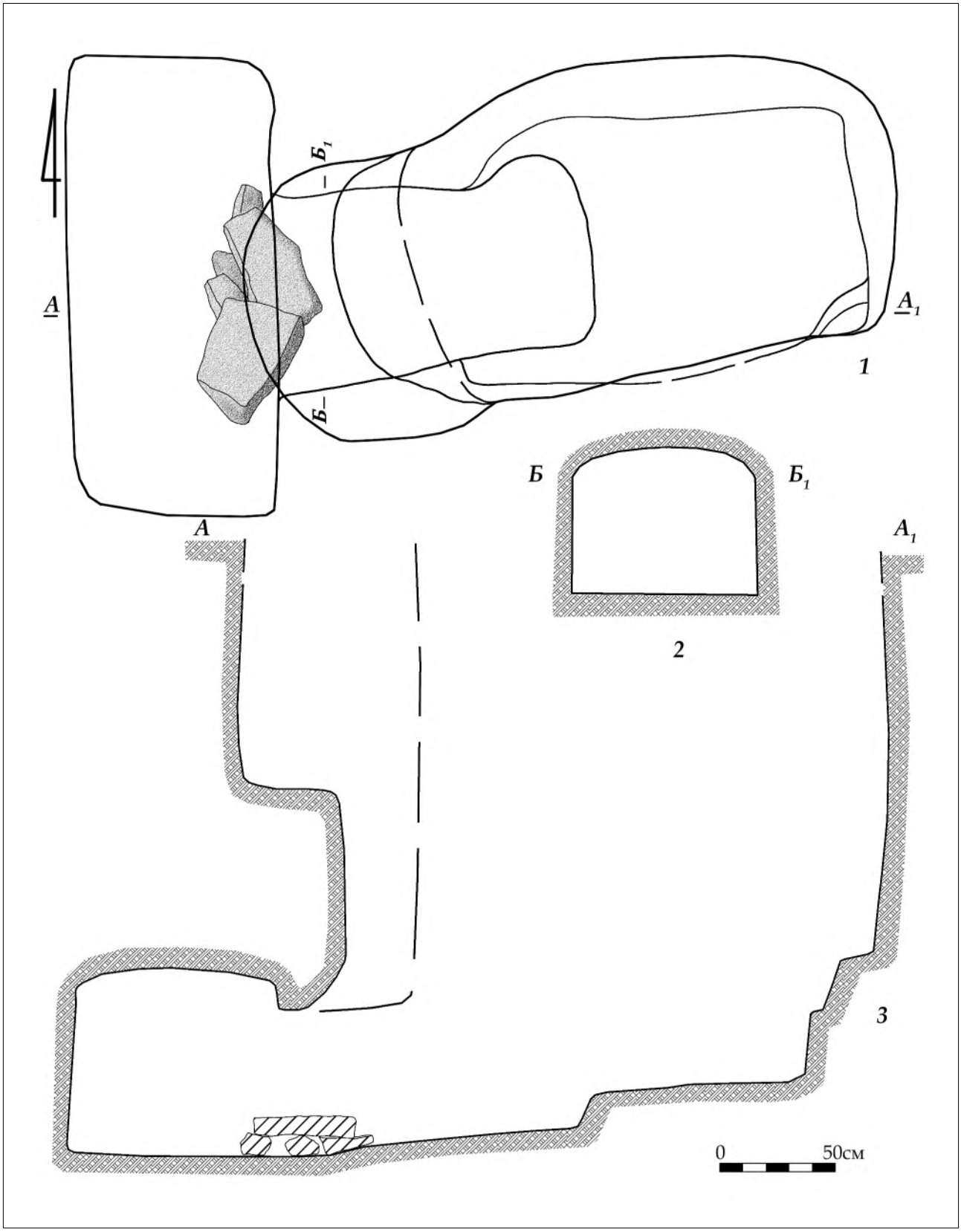


Рис. 7. Погребение Бычок 8/1.

Fig. 7. Grave Bychok 8/1.

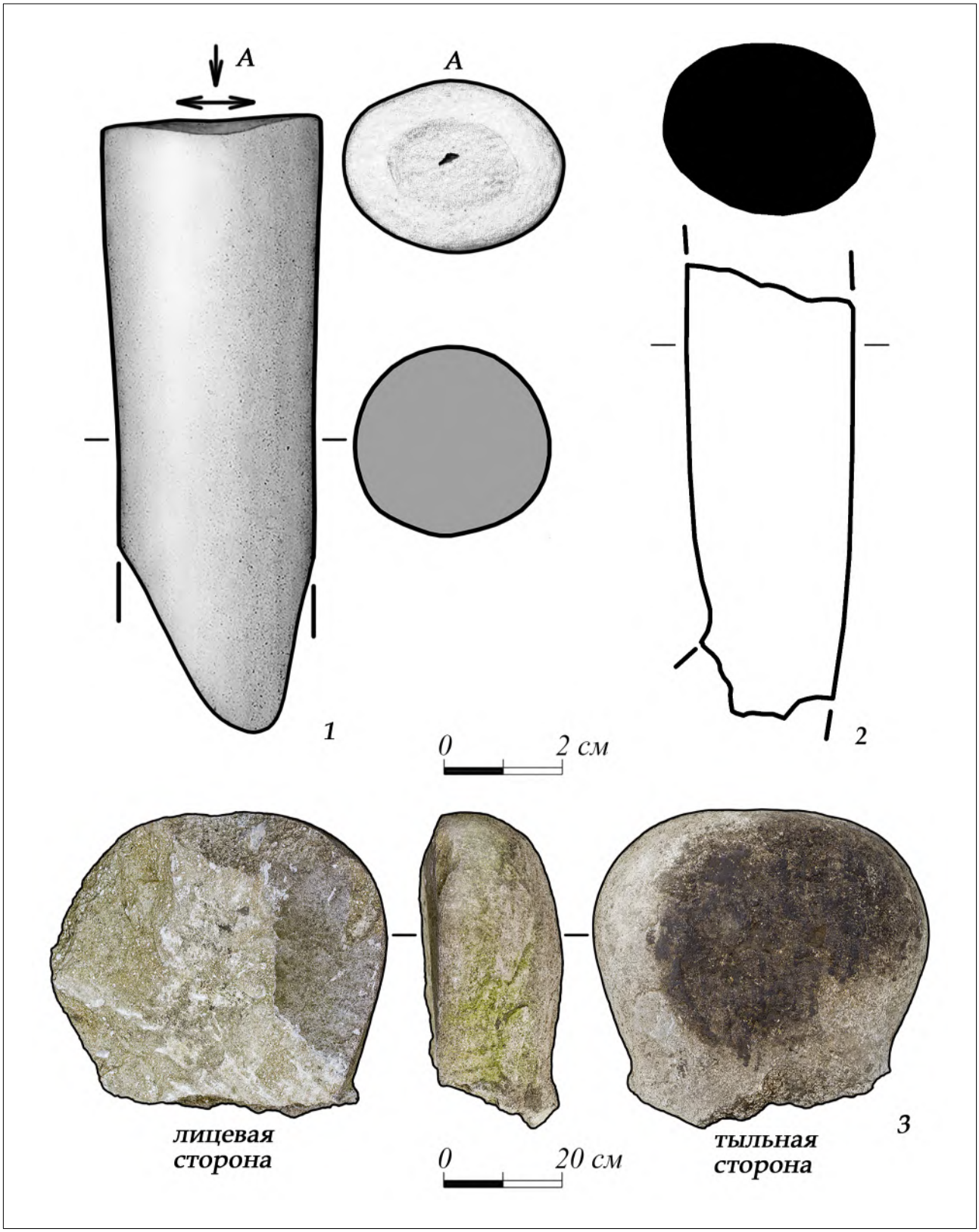


Рис. 8. Находки из кургана Бычок 8.

Fig. 8. Finds from the Bychok 8 barrow.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.91.55.015

Е.Е. Антонов

ПЛАНИРОВОЧНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ «ЦИТАДЕЛИ» КАРА-ТОБЕ*

В статье мы проверяем гипотезу о том, что позднескифские поселения Северо-Западного Крыма застраивали по планам, которые были подготовлены заранее. На материалах «цитадели» Кара-Тобе удалось установить, что она была построена с использованием египетского (самосского) фута. Центральный участок поселения имел размеры 100 × 100 таких футов, его планировка была производной от этой величины. Размеры большинства домов составляли 50 × 25 египетских футов, ширина ряда помещений — 12,5 фута. Ранее применение этого метрологического стандарта зафиксировали в Неаполе Скифском, остальные аналогии в Северном Причерноморье датируются архаическим и классическим временем.

Ключевые слова: Крымская Скифия, позднескифская археологическая культура, архитектура римского времени, Северо-Западный Крым.

Сведения об авторе: Антонов Егор Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Контактная информация: 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а, e-mail: antonov.yegor@gmail.com.

Egor Antonov

PLANNING MODEL OF THE LATE SCYTHIAN “CITADEL” OF KARA-TOBE

This article tests the hypothesis that Late Scythian settlements in north-western Crimea were constructed according to premeditated plans. Based on the materials of the Kara-Tobe “citadel”, it was established that it was constructed using the Egyptian (Samos) foot. The central part of the settlement measured 100 × 100 such feet, and its layout was derived from this unit. The dimensions of most houses were 50 × 25 Egyptian feet, while the width of a row of rooms amounted to 12.5 feet. The use of this metrological standard was previously recorded in Scythian Neapolis, and other parallels in the Northern Black Sea region date to the Archaic and Classical periods.

Key words: Crimean Scythia, Late Scythian archaeological culture, Roman-period architecture, North-Western Crimea.

About the author: Antonov Egor, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of General History of Russian Academy of Sciences.

Contact information: 119334, Russia, Moscow, 32a Leninskiy Prospekt, e-mail: antonov.yegor@gmail.com.

Введение

Задача этой статьи — проверить гипотезу о том, что у позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму существовали планы застройки, которые составлялись до начала строительства. Такие планы могли быть частью предполагаемых позднескифских «строительных программ», им посвящена специальная работа (Антонов 2024), поэтому здесь мы представляем аргументы в пользу их существования лишь тезисно:

* Статья поступила в номер 22 июля 2025 г.
Принята к печати 16 августа 2025 г.

© Е.Е. Антонов, 2025.

1) большинство из поселений застраиваются, а потом перестраиваются, по-видимому, в одно и то же время (после 120/130, после 110 гг. до н.э.);

2) планировочные принципы поселений в период около 130/120 г. до н.э. — около 20 г. до н.э. в большинстве случаев одинаковы (Антонов 2022а: 103—112, 114—115);

3) позднескифские дома в Северо-Западном Крыму строятся по очень небольшому количеству планировочных схем (Антонов 2023а);

4) отсутствуют прямые аналогии планировкам поселений и домов региона в других частях Крымской Скифии (Антонов 2022б);

5) наблюдается тесная связь жилой застройки и укреплений (Антонов 2024: 280);

6) есть прямые свидетельства предварительной разметки на Чайке (Карасев 1963: 33; Яценко 1970: 31—32; 1983: 47—48; Попова 2017: 270—271; Антонов 2024: 280).

Ранее мы высказывали предположение, что позднескифских «строительных программ» могло быть две. Одну из них, которую можно условно назвать «программа Скилура», использовали при необходимости быстро занять захваченные поселения. Она использовалась во время занятия поселений в Северо-Западном Крыму около 130/120 гг. до н.э., а также после вывода понтийских гарнизонов из Калос Лимена и Кара-Тобе во второй четверти I в. до н.э. Целью второй, условно «понтийской программы», было переустройство подчинённых (и впоследствии «союзных») скифских поселений после их поражения в войне с Диофантом. На Калос Лимене и Кара-Тобе она фиксируется как «вторая стадия» обустройства поселений после вывода понтийских гарнизонов (первой стадией была «программа Скилура») (Антонов 2024: 281—282). В настоящей статье мы рассматриваем предположение о том, что у этих поселений существовали предварительные планы застройки, на материалах Кара-Тобе.

Краткое описание памятника

Городище Кара-Тобе находится на западной окраине современного города Саки. Это небольшой холм у оснований двух пересыпей — Сакского и Сасык-Сивашского озёр. В древности именно здесь должен был находиться перекрёсток двух кратчайших дорог, которые соединяли Северо-Западный Крым с Херсонесом и Неаполем Скифским. Поселение, скорее всего, контролировало этот перекрёсток; альтернативный маршрут — вокруг озёр — удлинял путь на десятки километров.

Строительные остатки и наслоения (конец II в. до н.э. — начало II в. н.э.), открытые при раскопках Кара-Тобе, разделены на четыре строительных периода.

Период I (последняя четверть II — первая треть I до н.э.) — это время существования понтийской крепости. Лучше всего сохранилась её центральная часть, получившая условное название «Центральный строительный комплекс» (далее — ЦСК). С севера на юг он имел протяжённость около 52 м, с запада на восток — около 30 м. В середине ЦСК находилась башня-донжон, к югу и северу от неё — два двора. По периметру дворы и башню окружали один-два ряда помещений (Внуков 2007; 2022). Есть косвенные основания предполагать, что крепость, открытая на Кара-Тобе, — это Евпаторион, основанный Диофантом (Внуков 2004; Молев 1995: 36; Раевский 1968).

Во второй четверти I в. до н.э., после вывода понтийского гарнизона, поздние скифы занимают ЦСК и перестраивают его (*горизонт 1в*). Судя по всему, всю северную часть комплекса они разобрали, а южную укрепили. Причём характер дополнительных «укреплений» аналогичен тому, что они использовали на Чайке около 130/120 гг. до н.э. (Антонов 2017а: 113—114, рис. 3; 2022а: 107). Остальные позднескифские сооружения этого времени представлены только перестройками в греческих помещениях и очень маленькими постройками. Такая ситуация полностью соответствует условной «программе Скилура» в том виде, в каком она прослеживается на большинстве других позднескифских поселениях «додифантовского» периода (Антонов 2022а: 104, 106; 2024: 275—276).

Период II. Около 60 г. до н.э. остатки понтийской крепости почти полностью разбирают — остаётся только башня-донжон, и, вероятно, отдельные кладки. Позднескифская застройка этого времени сохранилась плохо (*горизонт 2A*). Прослежены остатки как минимум трёх домов, примерной реконструкции поддаётся только планировка одного из них. Он многокомнатный, помещения П-образно окружают небольшой дворик (Антонов 2017б: 225, рис. 1; 2021а: 348; 2023б: 167).

Через непродолжительное время большую часть этих позднескифских построек почти полностью разбирают, и в центральной части поселения строят «цитадель» (*горизонт 2B*). Центром укрепления становится понтийская башня-донжон, вокруг неё ограждают почти квадратный участок (около 35 × 34,5 м). При этом стены «цитадели» ориентированы практически параллельно стенам башни. Вокруг донжона оставляют вытянутые незастроенные участки — их используют в качестве улиц. Новая застройка в большинстве случаев состоит из двух рядов помещений, пристроенных изнутри к внешним стенам укрепления. Расположение въезда в «цитадель» неясно: на исследованных участках его следов нет, лишь в северо-восточном углу открыта небольшая калитка. Вероятно, въезд находился в северо-западной части укрепления, которая полностью уничтожена пунктом корректировки огня (Антонов 2017б: 225—227, рис. 2; 2021а: 348—349).

Во внутренней застройке «цитадели» довольно чётко выделяются отдельные дома. Помещения в их границах, как правило, группируются вокруг небольших двориков с трёх сторон. Между собой или с двориком помещения каждого дома связаны дверными проёмами. Друг от друга они отделены сплошными стенами, в двух случаях прослежено несколько таких «пограничных» стен, которые пристроены вдоль друг друга и несколько раз перестраиваются. Реконструируется планировка трёх таких домов, они относятся к П-образной схеме (Антонов 2017б: 226—229; 2021а: 348—349, рис. 2, 3; 2023б: 167—168, 169—170).

Около 20 г. до н.э. стены «цитадели» ремонтируются и укрепляются (горизонт 2C), однако спустя какое-то время они теряют своё значение: к ним начинают пристраивать новые помещения с внешней стороны, на некоторых участках новые стены построек строят поверх оборонительных (*горизонт 2D*). В целом же планировка «цитадели» до конца периода (около 20 г. н.э.) сохраняет свои основные черты, лишь в восточной части наблюдается некоторое запустение (Антонов 2017б: 227—230, рис. 3, 4; 2021а: 350).

Период II заканчивается повсеместными разрушениями и пожарами, в слоях которых обнаружены, в частности, предметы вооружения (Внуков 1997: 41—46; 2006: 118; Vnukov 2001: 173; Лагутин 1999: 205—206; Lagutin 2000: 44—46; Антонов 2007). Эти разрушения, как предполагается, связаны с походом Аспурга против скифов и тавров (библиографическую сводку см. в (Антонов 2019: 37)).

Строительные остатки периодов III и IV (конец первой четверти I в. н.э. — первая четверть II в. н.э.) сохранились плохо. Видимо, сильно уменьшается площадь и плотность застройки. «Цитадель» больше не используется, после 60-х гг. н.э. разбирают башню (Антонов 2021б: 11, 13—14; 2023в: 87).

Предметом исследования настоящей статьи стала застройка позднескифской «цитадели» (период II, горизонты 2B—2D). Скифские сооружения именно этих горизонтов на Кара-Тобе сохранились лучше, чем других, и они, как представляется, являются ярким воплощением основных принципов «понтийской строительной программы» (Антонов 2024: 281—282).

Ограничения источника

При реконструкции первоначального плана нужно учитывать целый ряд ограничений, которые накладывает наш источник: простоту техники позднескифского домостроительства и степень сохранности памятника. Так, поздние скифы использовали плохо обработанный камень, большинство кладок иррегулярные, стены, как правило, не были углублены в грунт (Антонов 2017б: 224; 2022в: 80), в результате постройки приходилось постоянно подновлять,

ремонтировать и перестраивать. В пределах периода II на Кара-Тобе мы зафиксировали 12 уровней (фаз) таких перестроек (Антонов 2015: 170), из них на время существования «цитадели» (меньше 80 лет) приходится восемь. Так что первоначальный план «цитадели» наверняка искажён этими перестройками. При этом у нас, конечно, нет уверенности в том, что строители изначально в точности воспроизвели на местности этот предполагаемый план.

В ближайших окрестностях городища нет природных выходов камня, так что поздние скифы часто его использовали повторно, разбирая старые постройки. Вероятно, эта разборка продолжалась и в последующие эпохи. На городище есть признаки присутствия человека в Средние века (Бужилова, Внуков, Антипина 1999; Лагутин 1998; Шапцев, Сейдалиев 2012) и Новое время[1], в 1930-х на нём действовал кирпичный завод (Казанский 1935: 5; Шульц 2011: 227), во время Второй мировой войны холм был изрезан траншеями и окопами (Шульц 1948: 16—17), а в 1952-м на нём был построен пункт корректировки огня батарей Севастопольского укрепрайона (Ланцов, Шапцев 2015: 13; Смекалова, Кутайсов 2017: 412).

Всё это — и первоначальное устройство кладок, и последующие перестройки и разрушения — привели к тому, что многие стены сохранились не полностью, значительная их часть восстанавливается по выборкам. Из-за этого полная длина кладок, связь их с тем или иным помещением, а помещения — с тем или иным домом, общая планировка того или иного участка, часто становились понятными уже на стадии обработки материалов, а не на стадии фиксации. Сами же позднескифские строительные остатки в процессе раскопок приходилось разбирать — как из-за их плохой сохранности, часто делавшей консервацию или реставрацию бессмысленной, так и для того, чтобы проследить остатки понтийской крепости.

В итоге наиболее представительным источником для реконструкции первоначальной планировки становятся даже не тексты отчётов или чертежи отдельных фасов, а планы раскопа, которые выполнялись в масштабе 1:100[2]. Это означает, что точность наших измерений кладок составляет ± 5 см. Между тем разница между многими линейными системами, которые использовались в греческом мире, составляет от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров (Николаенко 1983б: 33—34; Пичикян 1984: 258; Буйских 2008: 97). При нашей погрешности и плохой сохранности определение системы мер «непосредственным» путём — снятием всех возможных замеров с чертежей — не даст статистически значимых результатов.

Реконструкция разметки участка

В качестве альтернативы можно попробовать рассматривать план поселения в более мелком масштабе, «в общем», а также попытаться реконструировать ход предполагаемой разбивки плана на местности. В качестве отправных точек для такой реконструкции могут выступать два обстоятельства. Во-первых, сторона квадрата, который образует «цитадель», близка 35 метрам. Это соответствует 100 египетским (самосским) футам, которые, по сведениям Т.Н. Высотской (Высотская 1979: 90)[3], использовались в архитектуре Неаполя Скифского. Во-вторых, почти в центре «цитадели» скифы сохранили башню, и, вероятно, именно она была точкой отсчёта для строителей.

[1] Находки Нового времени пока не публиковались.

[2] В статье учитываются полностью обработанные результаты раскопок до 2013 г. (Антонов 2017б), с тех пор работы велись только в северо-западной части «цитадели», но они были небольшими по объёму, а сохранность строительных остатков там очень плохая — кладки сильно повреждены пунктом корректировки огня 1952 г. К общей картине эти остатки практически ничего не добавляют.

[3] Т.Н. Высотская писала, что в Неаполе Скифском применялся «единица измерения, равная 34—35 см», в основе которой лежал «египетский царский “локоть”» (Высотская 1979: 90). С.Д. Крыжицкий поправлял её: эта единица измерения — египетский фут (Крыжицкий 1982: 137; 1993: 227). Локоть составлял 1,5 фута, то есть 52,5 см (Николаенко 1983б: 32—33).

Понтийская крепость, по расчётам С.Ю. Внукова, была построена с использованием короткого ионийского (аттико-эвбейского) или аттического фута (Внуков 2022: 129—130), так что напрямую её использовать для разметки участка в египетских футах скифы не могли. Геометрический центр башни для этой работы тоже было использовать сложно: в ней было как минимум два этажа (сохранился лестничный пролёт (Внуков 2007: 68)), и, судя по простоте позднескифской домостроительной техники, они вряд ли использовали сложные инструменты. Как представляется, скорее всего, они откладывали расстояния от середины каждой стены башни, но не перпендикулярно им, а вдоль. Таким способом можно было отложить восемь линий длиной 50 египетских футов (17,5 м), и получить по две точки по линии каждой из стен будущей «цитадели» (рис. 1: А). Проведя линии через каждую пару точек, можно было получить на местности квадрат со стороной 100 египетских футов[4].

Все эти операции легко можно было осуществить с помощью одной или нескольких верёвок, натянутых между колышками по прямой. Деление отрезка пополам также легко выполняется с помощью верёвки заданной длины. Такой простой способ разметки не требовал высокой квалификации строителей, а потому теоретически мог применяться и при дальнейшей разметке участка (рис. 1: Б—Г). Если попробовать разделить каждую сторону квадрата «цитадели» пополам (по 50 египетских футов), и соединить их прямыми линиями, мы увидим, что с одной из таких «прямых», по оси север-юг, довольно точно совпадают границы между домами 5—6 и 4 у южной оборонительной стены, и домами 3 и 8 у северной стены (рис. 2)[5].

Видимо, этот же принцип деления отрезков пополам использовался в «цитадели» повсеместно. Линии, проведённые на расстоянии 25 египетских футов (8,75 м) параллельно каждой из внешних границ «цитадели», вероятно, ограничивали ширину домов и улиц: это чётко фиксируется в южной и северной частях «цитадели» и чуть менее чётко — в восточной, где строительные остатки плохо сохранились. С одной из таких «25-футовых» линий, видимо, связаны и обрывки кладок к северу от дома 5—6.

Более дробное деление пополам, в 12,5 египетского фута (4,375 м), выглядит маловероятным, но линии, проложенные на таком расстоянии от внешней границы «цитадели», практически совпадают с шириной внутреннего ряда всех зафиксированных помещений вдоль западной, южной и северной границ «цитадели», а в двух случаях — вдоль восточной. Возможно, нецелое значение ширины компенсировалось легкостью получения этого расстояния путём всё того же деления отрезка (верёвки ?) пополам.

Очевидны ошибки и неточности, которые допускали строители. Так, восточная стена «цитадели» на северном участке заметно отклоняется от реконструируемой границы, северная стена также смещена южнее предполагаемой границы, и это смещение увеличивается к западу. Вероятно, эта ошибка связана со неверной разметкой северо-восточного угла «цитадели». Возможно, ей помешали остатки дома, построенного до «укрепления»: его частью могло быть помещение 61 (Антонов 2017б: рис. 2). На его принадлежность предшествующей застройке могут указывать ориентация кладок — они не параллельны оборонительным стенам — и узкое пространство, оставшееся между двумя северными стенами (помещения и «цитадели»). Несмотря на эту ошибку, внутренние и южные стены домов в этой части района вполне вписываются в реконструируемый план. Это не только говорит о верности реконструкции, но и свидетельствует о том, что участок был размечен сразу, целиком, до начала строительства, а не постепенно, например, по мере продвижения застройки от оборонительных стен.

Ещё одно нарушение реконструированного плана фиксируется в северной части дома 5—6. Его восточная стена заметно отклоняется от «25-футовой» линии. Однако и она, скорее всего, осталась от предыдущей застройки. Там зафиксированы остатки дома, который существовал до постройки «цитадели». Вероятно, его владелец не захотел передвигать

[4] Он вряд ли был абсолютно правильным, так как и башня — не идеальный квадрат.

[5] Планировка дома 8 не до конца понятна, так как он частично уничтожен пунктом корректировки огня 1952 г., но его граница с домом 3 читается довольно чётко.

восточную границу жилища. Этому мог способствовать предполагаемый выделяющийся статус домовладельца — его дом имеет необычный план, он самый большой среди открытых на Кара-Тобе (Антонов 2023а: 66, табл.).

О неаккуратном воплощении реконструируемого плана говорит и расположение стен: они могут находиться и по оси линии разметки, и примыкать к ней с любой из сторон. Однако внешние стены домов чаще ставили с внутренней стороны линии разметки.

Реконструкция первоначального плана

Первоначальный план «цитадели», вероятно, предполагал разметку квадрата 100 × 100 египетских футов, который был поделён на участки под отдельные дома, размером 25 × 50 футов. Ширина каждого из двух рядов помещений вдоль оборонительной стены, из которых состояла застройка, также была регламентирована: она составляла 12,5 египетского фута. Предложенная реконструкция позволяет восстановить первоначальный план, в том числе тех участков, которые сохранились плохо или уничтожены пунктом корректировки огня 1952 г. (рис. 3).

Ближе всего к размеру 25 × 50 египетских футов дом 3 в северо-западном углу «цитадели». Дом 4 у южной оборонительной стены имеет такую же ширину, но ранее по сохранившимся строительным остаткам мы предполагали, что его длина меньше. При этом к востоку от него, в юго-восточном углу «цитадели», был зафиксирован незастроенный участок. Новая реконструкция позволяет предположить, что этот участок относился к дому 4.

Дом 5—6, как уже отмечалось, отличается размерами и планировкой. Вдоль южной оборонительной стены его протяжённость также составляет около 50 египетских футов, вдоль западной — явно превышает реконструируемые 25 футов, но раньше нельзя было с уверенностью восстановить насколько: северная часть дома уничтожена котлованом пункта корректировки огня. Наша реконструкция позволяет предполагать, что и вдоль западной стены он занимал весь участок протяжённостью 50 египетских футов. Таким образом, жилой комплекс 5—6 занимал 1,5 участка «стандартных» дома.

Вдоль восточной стены «цитадели» строительные остатки сохранились плохо — они перерезаны многочисленными ямами. Но судя по нашей реконструкции, мы и здесь можем предполагать размещение одного дома — размер участка между домами 3 и 4 составляет те же 25×50 египетских футов. Вероятно, такие же размеры имел дом 8, большей частью уничтоженный пунктом корректировки огня. Во всяком случае, именно такой участок находится к западу от дома 3, и на сохранившейся его части находятся остатки дома 8.

Таким образом, на площади «цитадели» реконструируются четыре дома размерами 25 × 50 египетских футов, и один дом, который занимал 1,5 такого «стандартного» участка. Единственным незастроенным местом остаётся квадрат в 25 × 25 футов между домами 8 и 5—6. Этот участок также уничтожен перекопом XX века, но наша реконструкция позволяет предполагать, что именно здесь находился главный въезд в «цитадель». Вероятно, он мог находиться в продолжении северной улицы и выводил на дорогу, которая шла по западному краю вершины холма. С этой стороны его склон самый крутой, так что устройство подъезда к воротам именно оттуда могло быть удобнее для обороны. Очевидно, что 25 египетских футов (8,75 м) — слишком большая величина для ширины ворот. Но часть этого участка могла быть занята какими-то «привратными» общественными или хозяйственными постройками.

Новая реконструкция точнее определяет количество домов, которые находились в «цитадели». Теперь их предполагается пять, если не считать понтийскую башню, об использовании которой в жилых «целях» нам ничего неизвестно. Ранее считалось, что их могло быть от пяти до восьми (Антонов 2017б: 234—235).

Египетский фут в позднескифской архитектуре?

Исходным пунктом нашей реконструкции было почти точное соответствие внешних размеров «цитадели» 100 египетским футам. Дальнейшие изыскания, как мы видели, показали, что при разметке участка скифы использовали и другие отрезки в той же системе линейных мер: 50, 25 и 12,5 фута. И хотя эти отрезки получили, скорее всего, простым делением пополам, и для этого, в общем-то, не нужны были знание конкретных единиц измерения, первоначальный план составлялся, очевидно, в египетских (самосских) футах.

«Цитадель» Кара-Тобе — второй зафиксированный случай применения этой системы измерений в позднескифской архитектуре.[6] Как уже упоминалось, ранее её выявили в Неаполе Скифском, но кроме самого факта использования, исследователи не опубликовали никаких подробностей. Т.Н. Высотская считала египетский фут признаком античного влияния (Высотская 1979: 90—91), С.Д. Крыжицкий с ней соглашался (Крыжицкий 1982: 137; 1993: 227), оба отмечали, что этот стандарт зафиксировали в Херсонесе и на его хоре (Николаенко 1977: 51—52; 1979: 148; 1983а: 15, 17; 1983б: 66—71, 81, 96—97). Однако позже «херсонесские» наблюдения подтвердились лишь наполовину: в самом городе, вероятно, использовали дорический и аттико-эвбейский футы (Буйских, Золотарев 2001: 114—115; Буйских 2008: 97—98), а египетский локоть — при размежевании участков на хоре (Николаенко 2020: 10; Смекалова и др. 2020: 91), причём, видимо, и в Северо-Западном Крыму (Смекалова 2024: 145, 146, 147, 150, 152, 153). Во внутригородской планировке на «дальней» хоре применяли, как предполагается, аттико-эвбейский стандарт (Щеглов 1976: 233, 235; Павленков 1995: 126).

Сведения о египетских единицах измерения в других регионах Северного Причерноморья относятся к архаическому и классическому времени. Такой фут, как предполагается, использовали в Борисфене (Чистов 2022: 76), в Ольвии (Пичикян 1975: 133; Буйских 1999: 96; 2021: 686) и в Пантикапее (Пичикян 1975: 125, 133; 1984: 260). Впрочем, и аналогия из Херсонеса была близка «неапольской» только тогда, когда считалось, что скифский город основан в конце IV в. до н.э. (Высотская 1979: 189—190). Сейчас же их разделяет больше 150 лет (Зайцев 2003: 12—21). При этом надо учитывать, что почти полное отсутствие аналогий позднеэллинистического и римского времени может объясняться тем, что причерноморская архитектура этого времени изучена хуже, чем предыдущих эпох (Крыжицкий 1993: 175; Буйских 2008: 204).

Тем не менее, Неаполь Скифский, судя по применению одних и тех же линейных мер, выглядит наиболее вероятным «местом составления» плана «цитадели» Кара-Тобе. Это несколько расходится с нашими представлениями о том, что «цитадель» построили в рамках «строительной программы», разработанной ещё в «понтийское» время. Понтийское укрепление на Кара-Тобе, как уже говорилось, строили по аттико-эвбейскому или аттическому стандарту (Внуков 2022: 129—130), что на первый взгляд, говорит не в пользу «понтийской» версии. Однако пример Херсонеса показывает, что даже в пределах одного города могли сосуществовать разные системы линейных мер (Буйских, Золотарев 2001: 114—115; Буйских 2008: 97—98), о собственно «понтийской» архитектуре мы знаем очень мало, а многоэтничный состав войск Митридата VI позволяет предполагать и сосуществование в них разных инженерных и архитектурных традиций. К тому же на Кара-Тобе «понтийскую строительную программу» осуществляли уже после вывода понтийских гарнизонов из Северо-Западного Крыма. В целом небольшой объём источников и исследований по этому вопросу пока что не позволяет дать какую-либо подробную историческую интерпретацию. Можно лишь вслед за Т.Н. Высотской и С.Д. Крыжицким считать применение египетского фута признаком античного влияния, но его конкретный источник неясен.[7]

---

[6] Как, впрочем, и любой другой системы.

[7] Конечно, на основании применения египетских линейных мер нет смысла говорить ни о каком влиянии Птолемеевского Египта на Крымскую Скифию, как например, это делает Т.Н. Смекалова в отношении Херсонеса (Смекалова 2020). Этот метрологический стандарт проник в греческую архитектуру задолго до Птолемеев (Николаенко 1983б: 112—113; Пичикян 1984: 258; Тункина 2023: 939).

Выводы

На наш взгляд, анализ позднескифской «цитадели» Кара-Тобе показывает, что в её основе лежал заранее подготовленный план. Он был составлен в египетских (самосских) футах и регламентировал длину и ширину домов, ширину улиц и рядов помещений. Все эти размеры кратны друг другу, их могли перенести на местность с помощью самых простых инструментов, путём деления отрезков пополам. Реконструированный план позволяет точнее определить место несохранившегося въезда в «цитадель» (в западной части), а также рассчитать количество домов, которые в ней находились: четыре дома размерами 25 × 50 египетских футов, и один, занимавший 1,5 такого «стандартного» участка.

Точное место составления и авторы плана поселения неясны: ближайшая аналогия системе измерений происходит из Неаполя Скифского, но нет никаких подробностей о ней, примеры её использования в других городах Северного Причерноморья существенно древнее, а сведения о метрологических стандартах периода позднего эллинизма и римского времени в регионе чрезвычайно скупы.

Литература

Антонов Е.Е. 2007. Слой разрушения 20-ых годов I в. н.э. на скифском городище Кара-Тобе и война Боспорского царя Аспурга со скифами. В: Бак Д.П., Минаев В.В. (отв. ред.). *Памятники культуры глазами студентов. Археология, искусствоведение, краеведение, реставрация*. Вып. II. Москва: Диалог-МГУ, 158—163.

Антонов Е.Е. 2015. Стратиграфия «цитадели» Кара-Тобе и возможности применения «матрицы Харриса». В: Родинкова В.Е. (отв. ред.). *Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых*. Москва: ИА РАН, 170—171.

Антонов Е.Е. 2017а. Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму. *ПИФК* 3, 99—123.

Антонов Е.Е. 2017б. Позднескифская «цитадель» городища Кара-Тобе: планировка, хронология, периодизация. *Stratum plus* 3, 223—237.

Антонов Е.Е. 2019. События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам. *Hypanis* 1, 33—42.

Антонов Е.Е. 2021а. Планировки поселений Северо-Западного Крыма во второй половине I в. до н.э. — первой четверти I в. н.э. *КСИА* 264, 346—365.

Антонов Е.Е. 2021б. Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I — начале II в. н.э. *КСЭ* VII, 10—17.

Антонов Е.Е. 2022а. Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения. *КСИА* 267, 102—123.

Антонов Е.Е. 2022б. Планировки поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму. *Hypanis* 4, 46—52.

Антонов Е.Е. 2022в. *Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма (хронология, синхронизация, домостроительство)*: дисс. … канд. ист. наук. Москва: ИА РАН.

Антонов Е.Е. 2023а. Жилые дома Северо-Западного Крыма в позднескифское время: основные планировочные схемы и аналогии. *РА* 4, 62—74.

Антонов Е.Е. 2023б. Дома поздних скифов в Северо-Западном Крыму во второй половине I в. до н.э. — первой четверти I в. н.э. *Stratum plus* 3, 165—177.

Антонов Е.Е. 2023в. Жилые дома на поселениях Северо-Западного Крыма во второй четверти I — начале II в. н.э. *КСИА* 271, 85—102.

Антонов Е.Е. 2024. Поселения и дома поздних скифов в Северо-Западном Крыму: «внутренняя эволюция» и механизмы античного влияния. *Stratum plus* 3, 273—290.

Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Е.Е. 1999. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе (биоархеологическая реконструкция особенностей погребального обряда). В: Гуляев В.И., Каменецкий И.С., Ольховский В.С. (отв. ред.). *Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей*. Москва: Восточная литература, 229—245.

Буйских А.В. 1999. О стандартах линейных мер в строительно-камнетесном деле Херсонеса IV—II вв. до н.э. *АМА* 10, 95—100.

Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь: ТОВ «Керченьска міська друкарня» (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5).

Буйских А.В. 2021. Градостроительный план Ольвии Понтийской. *ВДИ* 3, 673—698.

Буйских А.В., Золотарев М.И. 2001. Градостроительный план Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 111—132.

Внуков С.Ю. 1997. Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет). *Археология Крыма* 2, 37—47.

Внуков С.Ю. 2004. О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет. В: Приднева Т.В. (отв. ред.). *Археология Северо-Западного Крыма*. *Сборник научных статей-материалов научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвящённой 2500-летию Евпатории.* Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 12—19.

Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э.* Ч. II. *Петрография, хронология, проблемы торговли*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Внуков С.Ю. 2007. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец 2 — 1 половина 1 в. до н.э.). В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 67—80.

Внуков С.Ю. 2022. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. Новые материалы. *КСИА* 269, 124—133.

Высотская Т.Н. 1979. *Неаполь — столица государства поздних скифов.* Киев: Наукова думка.

Казанский А.Д. 1935. Краткий исторический очерк развития курорта Саки. В: Казанский А.Д. (ред.). *Саки — курорт: материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района*. Симферополь: Госиздат Крымской АССР, 5—23.

Карасев А.Н. 1963. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. *КСИА* 95, 33—42.

Крыжицкий С.Д. 1982. *Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.).* Киев: Наукова думка.

Крыжицкий С.Д. 1993. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. Киев.: Наукова думка.

Лагутин А.Б. 1998. Погребение средневекового кочевника у села Прибрежное в Северо-Западном Крыму. *РА* 3, 156—163.

Лагутин А.Б. 1999. Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму. *РА* 4, 203—207.

Ланцов С.Б., Шапцев М.С. 2015. Новые материалы к истории исследования греко-скифского городища Кара-Тобе из «Коктебельского» архива П.Н. Шульца. В: Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. (ред.-сост.). *70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на территории Неаполя Скифского и других памятниках Крыма (Симферополь, 4-6 сентября 2015 г.)*. Симферополь: Тарпан, 12—13.

Молев Е.А. 1995. *Властитель Понта.* Нижний Новгород: Нижегородский университет.

Николаенко Г.М. 1977. Особенности экономического развития Херсонеса в начальный период по метрологическим данным. *Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 4—11.V.1977. Тезисы докладов и сообщений*. [Тбилиси]: Мецниереба, 50—52.

Николаенко Г.М. 1979. Особенности экономического развития Херсонеса в начальный период по метрологическим данным. В: Лордкипанидзе О. (отв. ред.). *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо—1977*. Тбилиси: Мецниереба, 145—150.

Николаенко Г.М. 1983а. *Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV—II вв. до н.э.)*: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Киев: ИА АН СССР.

Николаенко Г.М. 1983б. *Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV—II вв. до н.э.)*: дисс. … канд. ист. наук. Киев: ИА АН СССР.

Николаенко Г.М. 2020. Введение. История создания и развития межевой системы Херсонеса Таврического. В: *Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский. А.Е. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического.* Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя, 10—16 (Археологические атласы Северного Причерноморья).

Павленков В И. 1995. Стеностроительство Керкинитиды и Херсонес Таврический в V—III вв. до н.э. (по данным метрологии). В: Золотарев М.И. (ред.-сост.). *Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура»*. Севастополь: ХИАМЗ, 125—129.

Пичикян И.Р. 1975. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н.э. *ВДИ* 1, 117—137.

Пичикян И.Р. 1984. *Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния.* Москва: Наука.

Попова Е.А. 2017. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. — I в. н.э. *Stratum plus* 3, 259—307.

Раевский Д.С. 1968. О местоположении древнего Евпатория. *ВДИ* 3, 127—133.

Смекалова Т.Н. 2020. Глава VIII. Египетские параллели в принципах херсонесского размежевания и социально-экономические изменения на хоре Херсонеса Таврического в III в. до н.э. по данным эпиграфики и дистанционного зондирования. В: Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский. А.Е. *Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического*. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя, 120—128 (Археологические атласы Северного Причерноморья).

Смекалова Т.Н. 2024. Херсонесские античные виноградники в Северо-Западном Крыму. В: Зайков А.В. (ред.). *ΠΟΛΙΣ ΚΑΙ ΧΩΡΑ ΚΑΙ ΤΕΙΧΗ: сборник статей в честь Галины Михайловны Николаенко*. Симферополь: ИП Пинчук А.В, 143—169.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. 2017. *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность.* Санкт-Петербург: Алетейя (МАКК. Вып. XVIII. Серия «Археологические атласы Северного Причерноморья». Т. II).

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. 2020. Глава V. Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове с использованием методов дистанционного зондирования. В: Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. *Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического*. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя, 87—98 (Археологические атласы Северного Причерноморья).

Тункина И.В. 2023. [Рец. на:] Г.М. Николаенко, Т.Н. Смекалова, Э.А. Терехин, Е.Н. Воскресенская, В.В. Лебединский, А.Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. I. Санкт-Петербург, 2020; Г.М. Николаенко, Т.Н. Смекалова, Э.А. Терехин, Е.Н. Воскресенская, В.В. Лебединский, А.Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. II. Санкт-Петербург, 2022. *ВДИ* 4, 934—941.

Чистов Д.Е. 2022. *Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи: в 2-х т.*: дисс. … докт. ист. наук. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Шапцев М.С., Сейдалиев Э.И. 2012. Раннесредневековый кинжал из раскопок городища Кара-Тобе. *АА* 28. *Древняя и средневековая Таврика,* 101—102.

Шульц П.Н. 1948. *Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-скифской экспедиции в 1948 г.* Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. № 748.

Шульц П.Н. 2011. Дневник полевых исследований 1934 г. *МАКК* V, 227—281.

Щеглов А.Н. 1976. Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции). В: Сокольский Н.И. и др. (ред. колл.). *Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б.В. Фармаковского*. Москва: Наука, 232—238.

Яценко И.В. 1970. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.). *КСИА* 124, 31—38.

Яценко И.В. 1983. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974—1975 гг.). В: Высотская Т.Н. (отв. ред.). *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев: Наукова думка, 46—66.

Lagutin A. 2000. Iron heads of long-range weapons from Kara-Tobe. *Colloquia Pontica* 5, 39—46.

Vnukov S.Yu. 2001. The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. In: Tsetskhladze G. (ed.). *Colloquia Pontica. North Pontic Archaeology. Recent discoveries and studies*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 149—175.

References

Antonov, E.E. 2007. In: Bak, D.P., Minaev, V.V. (eds.). *Pamyatniki kul'tury glazami studentov. Arkheologiya, iskusstvovedenie, krayevedenie, restavratsiya (Cultural Monuments through the Eyes of Students. Archaeology, Art History, Local History, Restoration)*. Iss. II. Moscow: Dialog-MGU, 158—163 (in Russian).

Antonov, E.E. 2015. In: Rodinkova, V.E. (otv. red.). Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh *(New materials and methods of archaeological research: Proceedings of the III International Conference of Young Scientists)*. Moscow: IA RAN, 170—171 (in Russian).

Antonov, E.E. 2017a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 3, 99—123 (in Russian).

Antonov, E.E. 2017б. In *Stratum plus* 3, 223—237 (in Russian).

Antonov, E.E. 2019. In *Hypanis* 1, 33—42 (in Russian).
Antonov, E.E. 2021a. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 264, 346—365 (in Russian).
Antonov, E.E. 2021б. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (Crimea in the Sarmatian era)* VII, 10—17 (in Russian).
Antonov, E.E. 2022a. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 267, 102—123 (in Russian).
Antonov, E.E. 2022б. In *Hypanis* 4, 46—52 (in Russian).
Antonov, E.E. 2022v. Late Scythian settlements of Northwestern Crimea (chronology, synchronization, house-building). PhD Thesis. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.
Antonov, E.E. 2023a. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 62—74 (in Russian).
Antonov, E.E. 2023б. In *Stratum plus* 3, 165—177 (in Russian).
Antonov, E.E. 2023в. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 271, 85—102 (in Russian).
Antonov, E.E. 2024. In. *Stratum plus* 3, 273—290 (in Russian).
Buzhilova, A.P., Vnukov, S.Yu., Antipina, E.E. 1999. In: Gulyaev, V.I., Kamenetskiy, I.S., Ol'khovskiy, V.S. (eds.). *Pogrebal'nyy obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy. Sbornik statey (Funeral rite: reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas. Collection of articles)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 229—245 (in Russian).
Buyskikh, A.V. 1999. In *Antichnyy mir i arkheologiya (The Classical World and Archaeology)* 10, 95—100 (in Russian).
Buyskikh, A.V. 2008. *Prostranstvennoye razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial Development of Tauric Chersonesos in the Classical Era)*. Simferopol: "TOV Kerchen'ska mis'ka drukarnya" (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Supplementum. Iss. 5) (in Russian).
Buyskikh, A.V. 2021. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 673—698 (in Russian).
Buyskikh, A.V., Zolotarev, M.I. 2001. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 111—132 (in Russian).
Vnukov, S.Yu. 1997.In *Arkheologiya Kryma (Archeology of Crimea)* 2, 37—47 (in Russian).
Vnukov, S.Yu. 2004. In: Pridneva, T.V. (ed.). *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Sbornik nauchnykh statey-materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii "Antichnyy mir i arkheologiy", posvyashchonnoy 2500-letiyu Evpatorii (Archaeology of Northwestern Crimea. Collection of scientific articles and materials from the scientific and practical conference "The Ancient World and Archaeology" dedicated to the 2500th Anniversary of Epatoria)*. Simferopol: Tsentr muzeynykh tekhnologiy i etno-kul'turnogo turizma, 12—19 (in Russian).
Vnukov, S.Yu. 2006. Prichernomorskie *amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (Black Sea amphorae of the 1st century BCE — 2nd century CE).* Pt. II. *Petrografiya, khronologiya, problemy torgovli (Petrography, chronology, trade questions)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
Vnukov, S.Yu. 2007. In: Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Drevnyaya Tavrika (Ancient Taurica)*. Simferopol: Universum, 67—80 (in Russian).
Vnukov, S.Yu. 2022. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 269, 124—133 (in Russian).
Vysotskaya, T.N. 1979. *Neapol' — stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov (Naples — the capital of the late Scythian state)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Kazanskiy, A.D. 1935. In: Kazanskiy, A.D. (ed.). *Saki — kurort: materialy izucheniya razvitiya kurortno-lechebnykh i estestvenno-biologicheskikh faktorov Sakskogo ozera i rayona (Saki — a resort: materials from a study of the development of resort-therapeutic and natural-biological factors of Lake Saki and the region)*. Simferopol: Gosizdat Krymskoy ASSR, 5—23 (in Russian).
Karasev, A.N. 1963. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 95, 33—42 (in Russian).
Kryzhitskiy, S.D. 1982. *Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (VI v. do n.e. — IV v. n.e.) (Residential buildings of the ancient cities of the Northern Black Sea region (6th century BCE — 4th century CE))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Kryzhitskiy, S.D. 1993. *Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya (Architecture of the ancient states of the Northern Black Sea region)*. Kiev.: Naukova dumka (in Russian).
Lagutin, A.B. 1998. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 3, 156—163 (in Russian).
Lagutin, A.B. 1999. n *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 203—207 (in Russian).
Lantsov, S.B., Shaptsev, M.S. 2015. In: Zaytsev, Yu.P., Shkriblyak, I.I. (eds.). *70 let Tavro-Skifskoy ekspeditsii v Krymu. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy nachalu raboty Tavro-Skifskoy ekspeditsii na*

territorii Neapolya Skifskogo i drugikh pamyatnikakh Kryma (Simferopol', 4—6 sentyabrya 2015 g.) (70 years of the Tauro-Scythian expedition in Crimea. Proceedings of the scientific conference dedicated to the beginning of the work of the Tauro-Scythian expedition on the territory of Scythian Naples and other monuments of Crimea (Simferopol, 4—6 September 2015)). Simferopol: Tarpan, 12—13 (in Russian).

Molev, E.A. 1995. *Vlastitel' Ponta (Lord of Pontus)*. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet (in Russian).

Nikolayenko, G.M. 1977. Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya Khersonesa v nachal'nyy period po metrologicheskim dannym. *Materialy simpoziuma po problemam grecheskoy kolonizatsii i strukture ranneantichnykh gosudarstv Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Tskhaltubo, 4—11.V.1977. Tezisy dokladov i soobshcheniy (Proceedings of the symposium on the problems of Greek colonization and the structure of the early antique states of the Northern and Eastern Black Sea region. Tskhaltubo, 4—11.5.1977. Abstracts of papers and reports)*. [Tbilisi]: Metsniyereba, 50—52 (in Russian).

Nikolayenko, G.M. 1979. In: Lordkipanidze, O. (ed.). *Problemy grecheskoy kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Materialy I Vsesoyuznogo simpoziuma po drevney istorii Prichernomor'ya. Tskhaltubo—1977 (Problems of Greek colonization of the Northern and Eastern Black Sea region. Proceedings of the 1st All-Union Symposium on the ancient history of the Black Sea region. Tskhaltubo—1977)*. Tbilisi: Metsniyereba, 145—150 (in Russian).

Nikolayenko, G.M. 1983a. Metrology of Tauric Chersonesos in the Hellenistic Period (Based on Materials of the 4th — 2nd Centuries BCE) .PhD Abstract. Kiev: IA AN SSSR (in Russian).

Nikolayenko G.M. 1983b. Metrology of Tauric Chersonesos in the Hellenistic Period (Based on Materials of the 4th — 2nd Centuries BCE) .PhD Thesis. Kiev: IA AN SSSR (in Russian).

Nikolayenko, G.M. 2020. In: Nikolayenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy,. A.E. *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo (Atlas of the Near Chora of Tauric Chersonesos)*. Vol. 1. Saint Peterburg: Aleteyya, 10—16 (Archaeological atlases of the Northern Black Sea region) (in Russian).

Pavlenkov, V I. 1995. In: Zolotarev, M.I. (ed.). *Antichnyye polisy i mestnoye naselenie Prichernomor'ya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Mezhpolisnye vzaimootnosheniya v Prichernomor'ye v dorimskuyu epokhu. Ekonomika, politika, kul'tura" (Ancient city-states and the local population of the Black Sea region. Proceedings of the international scientific conference "Inter-city relations in the Black Sea region in the pre-Roman era. Economy, politics, culture")*. Sevastopol: KHIAMZ, 125—129 (in Russian).

Pichikyan, I.R. 1975. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 117—137 (in Russian).

Pichikyan, I.R. 1984. *Malaya Aziya — Severnoe Prichernomor'ye. Antichnyye traditsii i vliyaniya (Asia Minor — Northern Black Sea region. Ancient traditions and influences)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Popova, E.A. 2017. In *Stratum plus* 3, 259—307 (in Russian).

Raevskiy, D.S. 1968. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 127—133 (in Russian).

Smekalova, T.N. 2020. In: Nikolayenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo (Atlas of the near chora of Tauric Chersonesos)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Aleteyya, 120—128 (Archaeological atlases of the Northern Black Sea region) (in Russian).

Smekalova T.N. 2024. In: Zaykov, A.V. (ed.).*ΠΟΛΙΣ ΚΑΙ ΧΩΡΑ ΚΑΙ ΤΕΙΧΗ: sbornik statey v chest' Galiny Mikhaylovny Nikolayenko (ΠΟΛΙΣ ΚΑΙ ΧΩΡΑ ΚΑΙ ΤΕΙΧΗ: collection of articles in honor of Galina Mikhailovna Nikolaenko)*. Simferopol: IP Pinchuk A.V, 143—169 (in Russian).

Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A. 2017. *Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Epokha pozdney bronzy. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost' (Archaeological atlas of Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity)*. Saint Petersburg: Aleteyya (Materials for the archaeological map of Crimea. Iss. XVIII. Series "Archaeological atlases of the Northern Black Sea region". Vol. II) (in Russian).

Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. 2020. In: Nikolayenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo (Atlas of the near chora of Tauric Chersonesos)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Aleteyya, 87—98 (Archaeological atlases of the Northern Black Sea region) (in Russian).

Tunkina, I.V. 2023. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 934—941 (in Russian).

Chistov, D.E. 2022. Greek urbanization of the Northern Black Sea region in the archaic era: in 2 volumes. Dr. habil. Thesis. Saint Petersburg: IIMK RAN.

Shaptsev, M.S., Seydaliev, E.I. 2012. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 28. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika (Ancient and medieval Taurica)*, 101—102 (in Russian).

Shul'ts, P.N. 1948. Otchet o rabotakh Evpatoriyskogo otryada Tavro-skifskoy ekspeditsii v 1948 g. Arkhiv GIAMZ «Khersones Tavricheskiy». F. 1. No. 748.

Shul’ts, P.N. 2011. In *Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea)* V, 227—281 (in Russian).

Shcheglov, A.N. 1976. In: Sokol’skiy, N.I. et al. (eds.). K*hudozhestvennaya kul’tura i arkheologiya antichnogo mira. Sbornik pamyati B.V. Farmakovskogo (Artistic culture and archeology of the ancient world. Collection in memory of B.V. Farmakovsky)*. Moscow: Nauka, 232—238 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1970. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 124, 31—388 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1983. In: Vysotskaya, T.N. (ed.). *Naselenie i kul’tura Kryma v pervye veka n.e*. *(Population and Culture of Crimea in the First Centuries CE)*. Kiev: Naukova dumka, 46—66 (in Russian).

Lagutin, A. 2000. Iron heads of long-range weapons from Kara-Tobe. *Colloquia Pontica* 5, 39—46.

Vnukov, S.Yu. 2001. The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. In: Tsetskhladze, G. (ed.). *Colloquia Pontica. North Pontic Archaeology. Recent discoveries and studies*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 149—175.

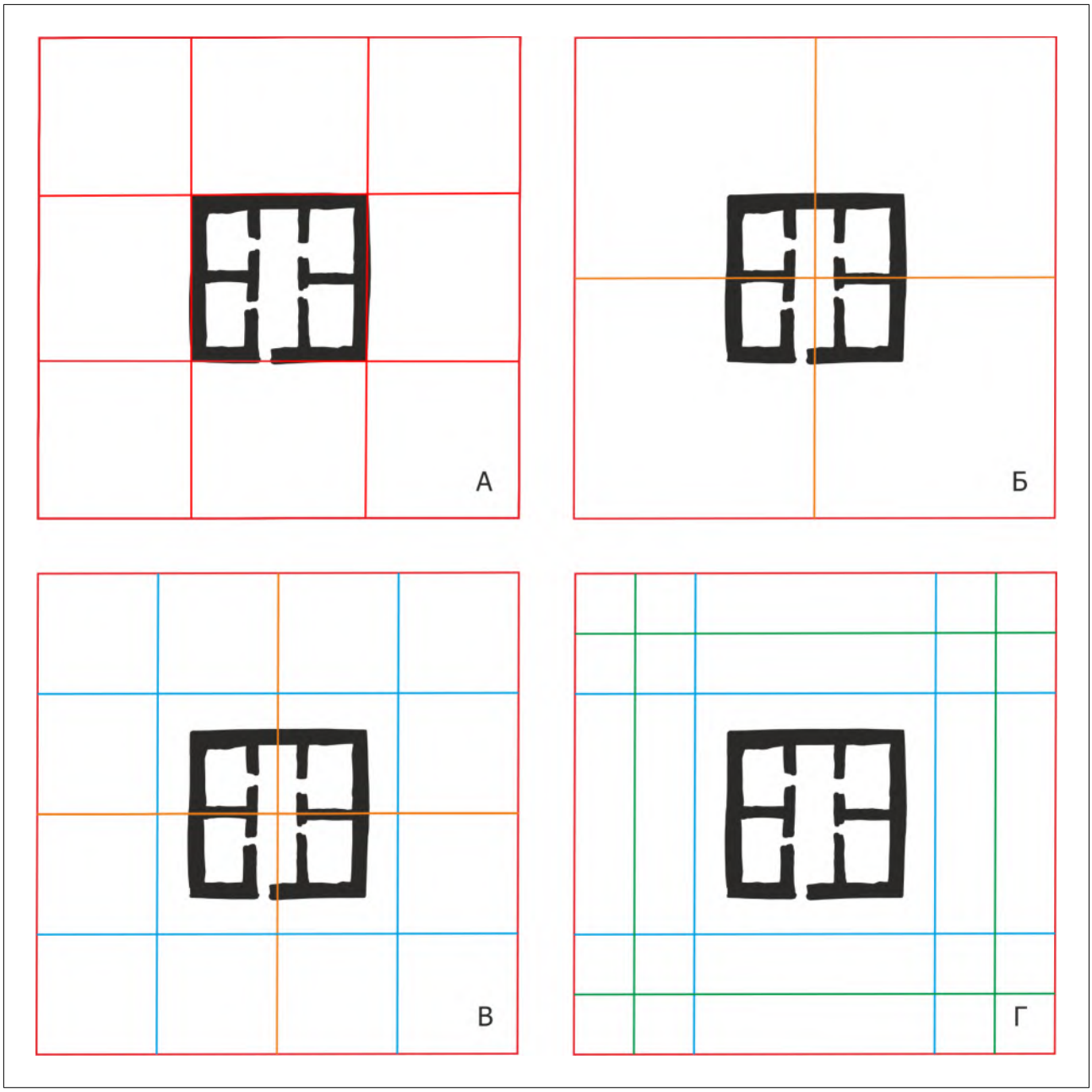


Рис. 1. Реконструкция процесса разметки участка. *А* — получение «квадрата» со стороной 100 египетских футов. Середина каждой стены башни используется как точка отчёта. Поскольку сама башня неидеальной формы, «квадрат» и его производные не идеальны; *Б* — выделение квадратных участков со стороной 50 футов; *В* — получение линии на расстоянии 25 футов от внешних границ участка; *Г* — получение линии на расстоянии 12,5 фута от внешних границ участка.

Fig. 1. Reconstruction of the site marking process. *A* — obtaining a “square” with sides of 100 Egyptian feet. The center of each tower wall is used as a reference point. Since the tower itself is not a perfect shape, the “square” and its derivatives are also not perfect; *Б* — delineation of square sections with sides of 50 feet; *B* —obtaining a line 25 feet from the outer boundaries of the section; *Г* — obtaining a line 12.5 feet from the outer boundaries of the section.

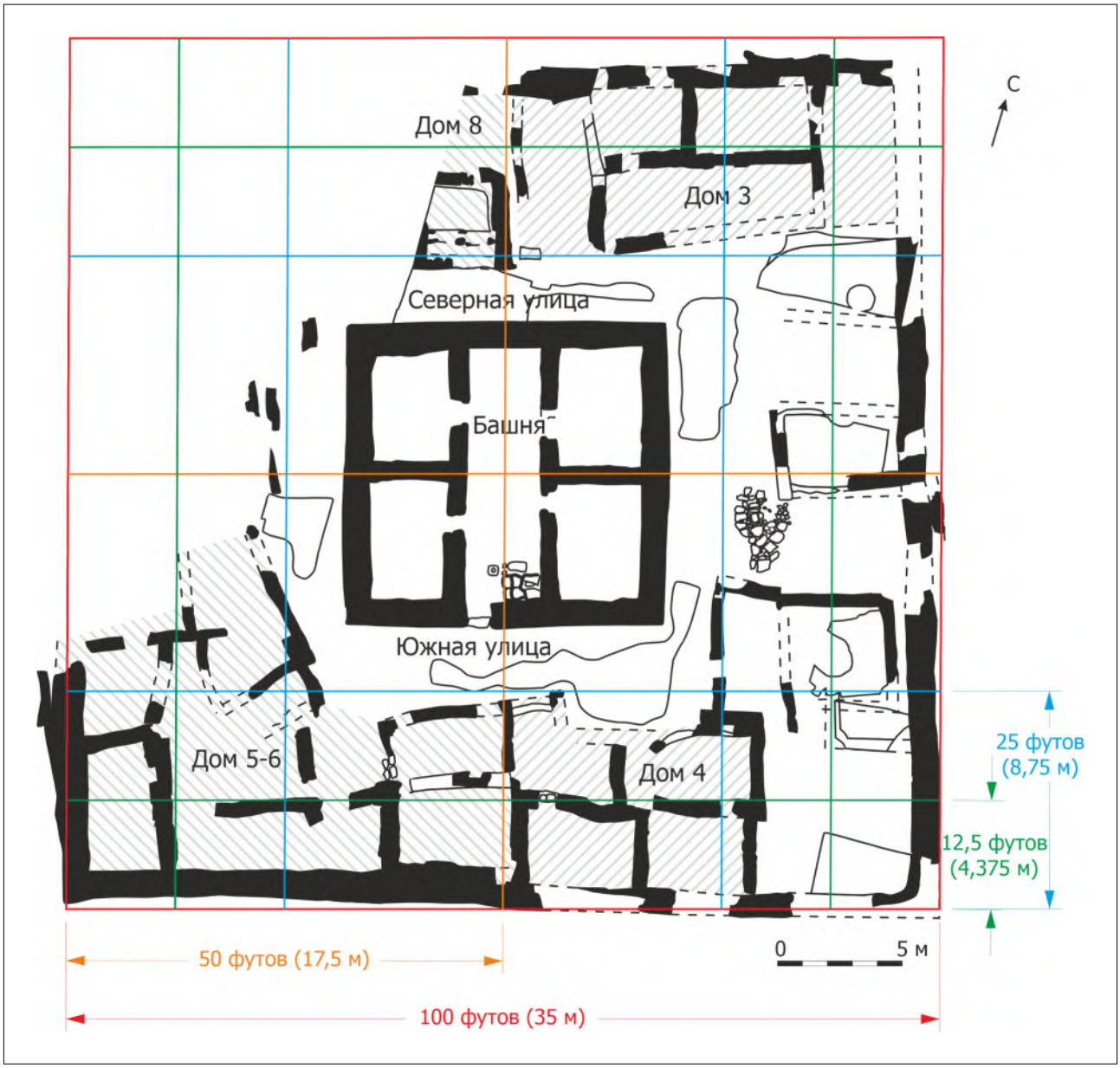


Рис. 2. Реконструируемая сетка разметки, наложенная на сводный план сохранившихся строительных остатков. Последние не абсолютно синхронны, в случаях, когда кладки имеют несколько ярусов, выбирался самый поздний.

Fig. 2. Reconstructed grid layout superimposed on a master plan of the surviving building remains. The latter are not completely synchronous; in cases where the masonry has several tiers, the most recent one was selected.

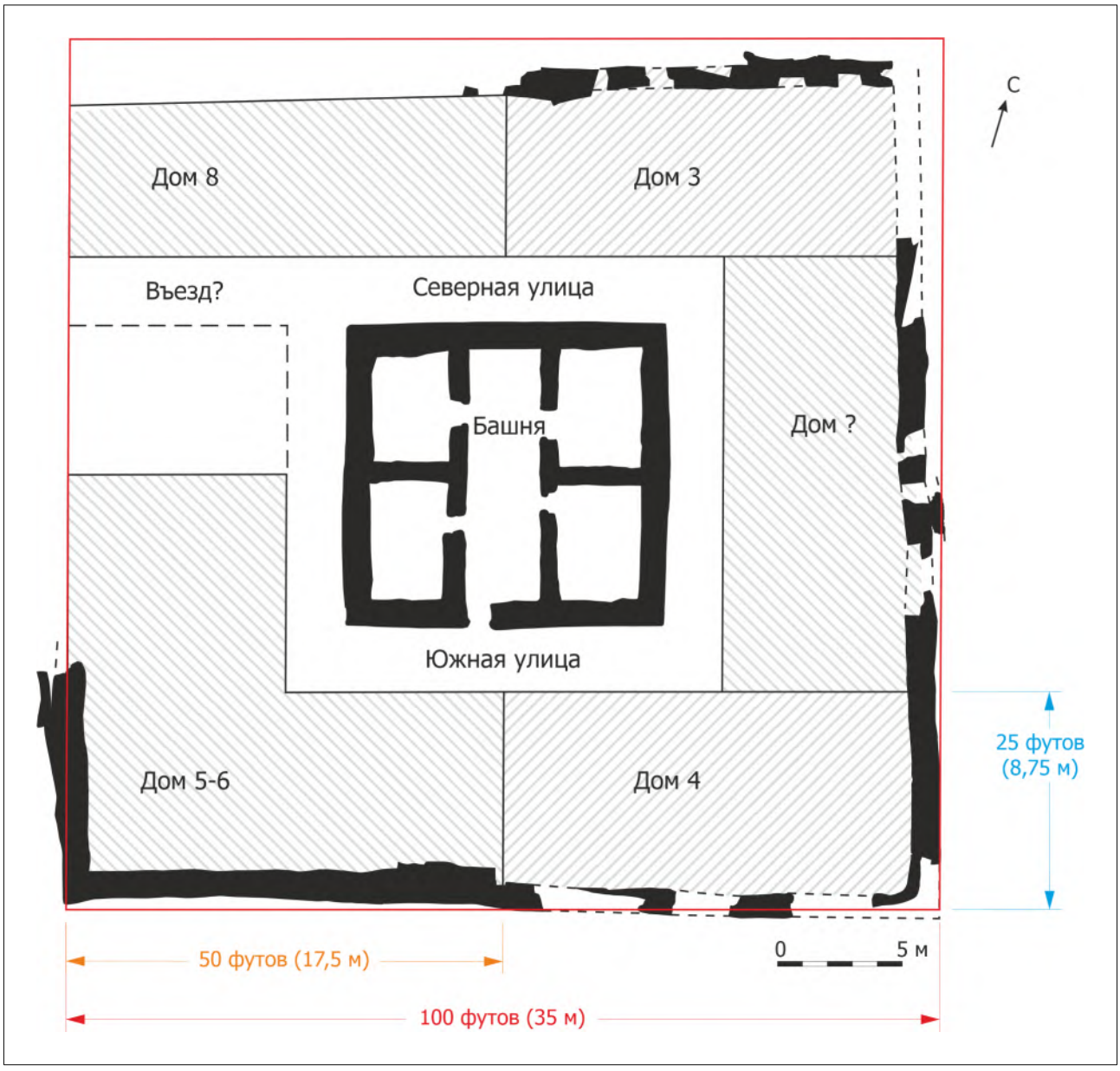


Рис. 3. Реконструкция первоначальной планировки «цитадели».

Fig. 3. Reconstruction of the original layout of the “Citadel”.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.85.95.016

Дж.Я. Ильясов

ДЕКОР ТАРНОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ В ПЕРИОД КАНИШКИ I (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА КАМПЫРТЕПА)*

На Кампыртепа, расположенном на юге Узбекистана, найдено множество артефактов, позволяющих изучать материальную и духовную культуру Бактрии эпохи Кушан. Это высококачественная керамика, терракотовые фигурки, резная кость, художественный металл и т.д. Городище представляет собой крепость на переправе через Окс / Амударью, покинутую не позже времени правления царя царей Канишки I, поэтому находки из верхнего слоя дают четкую хронологическую привязку — вторая четверть II в. н.э. В статье публикуются материалы, характеризующие декор крупной тарной посуды данного периода, и интересные с точки зрения изучения глиптики и сфрагистики, владельческих знаков и искусства эпохи «Великих Кушан».

Ключевые слова: Бактрия, Канишка I, тарная посуда, оттиски печатей, штампы, тамги, надписи, рисунки.

Сведения об авторе: Ильясов Джангар Явдатович, кандидат искусствоведения, заведующий Отделом истории искусств Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан.

Контактная информация: 100029, Узбекистан, г. Ташкент, Площадь Мустакиллик, 2, e-mail: ilyasovjangar@gmail.com.

D.Ya. Ilyasov

DECORATION OF TARE POTTERY DURING THE PERIOD OF KANISHKA I (BASED ON THE MATERIALS OF THE KAMPYRTEPA ARCHAEOLOGICAL SITE)

At Kampyrtepa, located in the south of Uzbekistan, many artifacts have been found, allowing us to study the material and spiritual culture of Bactria of the Kushan era. These are high-quality ceramics, terracotta figurines, carved bone, metalwork, etc. The site is a fortress at the crossing of the Oxus / Amudarya, abandoned no later than the reign of King of Kings Kanishka I, so the finds from the upper layer give a clear chronological reference — the second quarter of the 2nd century CE. The article publishes materials characterizing the decoration of large storage jars of this period, and interesting from the point of view of studying glyptics and sphragistics, owner's marks and art of the epoch of “Great Kushans”.

Key words: Bactria, Kanishka I, tare ware, seal impressions, stamps, tamgas, inscriptions, drawings.

About the author: Ilyasov Djangar Yavdatovich, Candidate of Art History, Head of the Department of Art History of the Institute of Art Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Contact information: 100029, Uzbekistan, Tashkent, 2 Mustaqillik Square, e-mail: ilyasovjangar@gmail.com.

Введение

В ходе археологических раскопок на городище Кампыртепа в Музрабадском районе Сурхандарьинской области, в так называемом «*шахристане»* или Нижнем городе[1], была выявлена плотная жилая застройка. Изолированные друг от друга глухими стенами кварталы

* Статья поступила в номер 20 апреля 2025 г.
Принята к печати 11 мая 2025 г.

© Дж.Я. Ильясов, 2025.

формировались вокруг центральной оси, каковой являлся узкий переулок, соединявший «военную улицу», тянущуюся по периметру крепости вдоль оборонительной стены, и «центральную улицу», окружавшую «цитадель». Кварталы включали отдельные домовладения, состоявшие из однокомнатных, двухкомнатных, трехкомнатных и четырехкомнатных жилых секций. Домовладения имели выходы в переулок, в некоторых случаях выход был на военную или центральную улицы. Однокомнатные секции, как правило, имели выход в переулок и были, видимо, торговыми лавками. Практически в каждом из двух-, трех- и четырехкомнатных домов одна из комнат использовалась в качестве хранилища, то есть в этой комнате были вкопаны в пол или установлены на полу вдоль стен крупные керамические сосуды — корчаги. Они встречаются и в других помещениях. В среднеазиатской археологии такие сосуды принято называть «*хум*» и «*хумча*», а помещения для их хранения — «*хумхана*». В хумах и хумчах хранились вода, вино, сыпучие продукты, например, зерно, мука, возможно, сухофрукты, вяленое мясо, и т.п.[2] В принципе, в хумах могли хранить и любые другие вещества, предметы и изделия, поскольку плотно закрытый толстой керамической крышкой хум эффективно предохранял содержимое от загрязнения, сырости, грызунов, и т.д.

Несмотря на сугубо утилитарное назначение хумов, которые десятками и сотнями, целыми и разбитыми, встречаются на любом из среднеазиатских городищ, среди них изредка встречаются декорированные экземпляры. Они могут быть украшены либо оттисками печатей на венчике или тулове, либо знаками, вырезанными до обжига на плечике, либо не всегда понятными знаками или рисунками, процарапанными после обжига или нанесенными черной тушью, либо штампами и декоративной резьбой, либо потеками ангоба[3].

Не претендуя на полный обзор имеющихся в Бактрии находок, автор рассмотрел лишь материалы с одного городища, расположенного на самом юге Узбекистана — Кампыртепа. Эти находки, помимо прочего, показательны с точки зрения датировки. Как известно, крепость Кампыртепа, построенная для охраны и обслуживания одной из переправ через Окс/Амударью, была покинута в период правления царя царей Канишки I или сразу же по завершении его правления (Ртвеладзе 2001: 11). В результате научных дискуссий, длившихся многие десятилетия, большинство ученых, занимающихся кушанской историей и археологией, согласилось с тем, что так называемая «начальная дата Канишки» приходится на 127 г. н.э. Правление его длилось до 150 г. н.э., таким образом получается, что крепость на переправе, руины которой известны сейчас под названием Кампыртепа, была оставлена жителями между 127 и 150 гг. н.э., и судя по обилию монет Канишки, найденных на городище (более сотни экземпляров), ближе к концу этого периода. Соответственно, материалы из кроющего слоя крепости датируются в пределах второй четверти II в. н.э. В археологии Средней Азии античного периода такие узкие датировки — явление довольно редкое. Таким образом, рассматриваемые нами в данной публикации материалы могут служить надежным ориентиром для датировки находок из других археологических памятников Северной и Южной Бактрии.

Оттиски печатей

Рассмотрение декора хумов и хумчей Кампыртепа начнем с оттисков печатей. Как указано выше, печати оттискивали по сырой глине, как правило, снаружи на венчиках хумов[4], реже на

[1] Э.В. Ртвеладзе (1942—2022), начальник Тохаристанской археологической экспедиции, открывший Кампыртепа в 1972 г. и много лет возглавлявший его исследования, называл эту часть городища «верхним городом» (Ртвеладзе 2005: 190; 2012: 199), хотя в ряде публикаций территория жилой застройки вокруг «цитадели» именуется «нижним городом» (Болелов 2005: 71; 2006: 15; Ильясов 2006: 73). По Э.В. Ртвеладзе «нижним городом» являлась пристань, располагавшаяся к востоку от крепости (Ртвеладзе 2005: 190; 2012: 200).

[2] В среднеазиатской археологии давно назрела необходимость в изучении, с применением новейших методик, следов содержимого керамических сосудов.

[3] Оттиски печатей и штампов встречаются на кувшинах и других видах сосудов, но в данной статье мы рассматриваем только декор крупной тарной посуды.

[4] Иногда печати ставили на внутренней стороне венчика. Например, Ш.Р. Пидаев опубликовал фрагмент хума, который был найден при раскопках монументального монастырского комплекса на Северном холме

тулове. Оттиск на венчике мог быть один, иногда их было два или три. Когда нанесены два оттиска, это, как правило, оттиски двух разных печатей, проставленных вблизи друг от друга. На Кампыртепа нам известно два подобных образца. В двух случаях на венчик нанесены три оттиска; один их таких хумов несет отпечатки одной и той же печати с изображением всадника (опубликованы только невысокого качества прорисовки (Цепова 2000а: 113, рис. 5: 14; 2001: 101, табл. 4: 12). Относительно другого хума, на венчике которого трижды оттиснута печать, а на плече вырезана тамга в виде греческой буквы альфа (найден автором в пом. 16 квартала Ж, расположенного в северо-западной части крепости, на участке, примыкающем к крепостной стене между башнями 8 и 9), из-за плохого качества оттисков мы не можем, к сожалению, сказать ни о том, что именно на них изображено, ни о том, сделаны ли они с одной печати, или это оттиски трех разных печатей. Все печати имели углубленные изображения, поэтому все публикуемые здесь оттиски — рельефные.

Встречаются оттиски, сделанные не на венчике, а на стенке хума. С Кампыртепа нам пока известен лишь один пример. Фрагмент красноглиняного сосуда найден в ходе раскопок крепостных стен Кампыртепа, проводившихся летом 2012 г. (Ильясов и др. 2016), в заполнении «военной улицы». На оттиске круглой формы диаметром 24 мм изображен рычащий лев, обращенный вправо (рис. 1). Четко показана его раскрытая пасть, грива, четыре когтистые лапы и поднятый вверх хвост с кисточкой.

При раскопках автора в квартале Ж, были найдены фрагменты двух хумов, на венчике которых оттиснута одна и та же печать с изображением оленя, бегущего или прыгающего вправо (рис. 2, 3). По кругу идет обрамление из треугольников; передние ноги оленя показаны подогнутыми, задние отталкиваются от земли, перед оленем — растение в виде «ёлочки». Диаметр оттисков 26 × 25 мм. Мощные ветвистые рога указывают, что изображен, скорее всего, местный подвид благородного оленя — бухарский олень (*Cervus elaphus bactrianus Lydekker, на узбекском языке — хонгул/xongul*), типичный обитатель среднеазиатских и казахстанских тугайных лесов. Эта разновидность оленя во множестве обитала в пойме Амударьи; в настоящее время небольшие их популяции сохранились в заповедниках, а также в закрытой приграничной зоне вдоль реки вблизи от Кампыртепа.

У древних народов Евразии существовали представления о золотом космическом олене, ассоциировавшемся с солнцем. В частности, в мифологических представлениях скифо-сако-сарматских племен олень занимал очень важное место, если судить по так называемому «искусству звериного стиля» (Акишев 1984: 39—40; Farkas 2000: 6—8). Древние не могли не заметить очевидного сходства между ежегодным весенним возрождением растительного мира и природным свойством взрослых оленей-самцов, у которых каждый год на голове заново отрастают своего рода ветвистые «деревья», служащие им для осенних ожесточенных битв за обладание гаремом из самок и отпадающие за ненадобностью в марте-апреле (Красная книга 1983: 35—36). Отметим, кстати, что на печати, которой выполнены рассматриваемые оттиски, зримо представлены рядом и ветвистые рога, и древо. Почитание этого животного неудивительно, и не зря, видимо, некий житель кушанской крепости заказал для своей печати образ оленя. Отметим, что в том же помещении квартала Ж — помещении 16 — автором в 2012 г. была найдена квадратная керамическая печать с рельефным изображением оленя (Ильясов 2013: 128—132, рис. 2, 3; Ильясов 2016: 17, рис. 3; Ilyasov, Bolelov 2023: 394, Kat.-Nr. 290) (рис. 4). А это уже наводит на мысль о том, что для жителя данного домовладения

буддийского центра Каратепа в Старом Термезе. На печати очень насыщенное деталями изображение, которое он интерпретирует как идеализированный портрет правителя. В левой руке правитель держит птицу (орла?), в правой — отрубленную голову, по правую руку от него трезубец, а по левую — трилистник (Пидаев 2013: 57—59, рис. 1: 1). Не исключено, однако, что в правой согнутой в локте руке персонаж держит не голову, которую было бы трудно держать за волосы на затылке, как на данном оттиске, а щит с лицевым изображением, наподобие того щита, что держит богиня Ришто/Арштат (для воплощения которой была использована иконография Афины) и, вероятно, божество Шахревар на монетах кушанского правителя Хувишки (ок. 150—190) (Rosenfield 1967: pl. IX: 184, pl. X: 189, 191; Göbl 1984: Taf. 18, 239, Taf. 21, 288; zeno.ru: #78569). Что касается «трилистника», то это, скорее, алтарь с языками пламени.

квартала Ж, состоявшего из четырех помещений (пом. 16—19), хангул имел особое значение. Еще один оттиск этой же круглой печати с Кампыртепа, хранившийся в фондах Термезского областного краеведческого музея, опубликован И.Т. Батыровым и К.А. Шейко. К сожалению, они не снабдили свою статью иллюстрацией, но дали следующее описание: «На другом фрагменте венчика от хума также имеется штамп в виде круга (д — 2,6 см), в центре которого изображен олень с ветвистыми рогами и подогнутыми коленями. Перед ним расположена ветка. Край круга подчеркнут линией с косыми насечками» (Батыров, Шейко 2001: 27). Без сомнений, речь идет об оттиске с той же самой печати; этот фрагмент хума был найден в помещении 13 в блоке 5 (раскоп КТР-5) в восточной части крепости. Этот же оттиск дважды упоминает О. Цепова (Цепова 1999: 99; 2000: 113). Таким образом, на Кампыртепа оттиск данной печати встречен уже трижды.

Другое копытное животное фигурирует на хуме, фрагмент которого был найден при раскопках переулка в восточной части крепости. Этот переулок («улица-2», как именуют его авторы публикации) ограждал так называемый «квартал-блок № 5» с севера (Шейко 2000: 75—96; Шейко, Никитенко 2001: 32—33, рис. 5: 3, фото 3, 4). Здесь из слоя с монетами Канишки I (ок. 127—150) извлечен фрагмент венчика хума с двумя оттисками (рис. 5). На оттиске овальной формы размером 24 × 19 мм вытянутая по горизонтали композиция в обрамлении из коротких насечек, которую первые публикаторы назвали сценой «гона хищником оленя» (Шейко, Никитенко 2001: 33). Хищник изображен вскочившим на спину копытного (рис. 6). Головой он напоминает собаку, но имеет изогнутый хвост хищника кошачьей породы. Поэтому, учитывая способ охоты, назовем его леопардом. Что касается копытного, то судя по форме рогов и по общему облику это, конечно же, не олень, а антилопа, конкретнее, джейран. И леопард (Panthera pardus tullianus Valencienus; *qoplon*, *bars* на узб. яз.), и джейран (*Gazella subgutturosa Güld.*, *jayron*, *qoraquyruq* на узб. яз.) обитали в Сурхандарьинской области еще не так давно — во второй половине XX в., а в древности, полагаю, были обычными представителями местной фауны Бактрии.

Слева от данного оттиска, на расстоянии 7 мм, расположен оттиск овальной печати размером 22.5 × 18.5 мм с вертикальной композицией, в которой, в обрамлении из коротких насечек, представлены мужчина и женщина (рис. 7). Он в головном уборе (?), имеет бородку клинышком, в коротком перепоясанном кафтане и в узких штанах (ноговицах?), стоит фронтально, повернув к своей спутнице лицо. Она в приталенном длинном платье, стоит повернув лицо к мужчине, который выше ростом, ее правая рука лежит на его плече. Если на первой печати мы видим популярную с древнейших времен сцену терзания, имевшую, как полагают, глубокую символику, связанную и с культом умирающей и воскресающей природы, и с астрономическими представлениями, то на второй печати представлены персонажи, в позах которых передано их явное взаимное расположение.

Другой пример употребления двух разных печатей для маркировки венчика одного хума найден автором в 2003 г. при раскопках так называемой «Секции свастик» — двухкомнатного домовладения в восточной половине квартала Е. В помещении 1 были расчищены три хума, разбитые в древности, на их плечиках были до обжига вырезаны тамги в виде свастики (см. ниже), а на венчике одного из них (хум № 1) были рядом оттиснуты две печати (Ильясов 2006: 75, рис. 11, рис. 13: 1, 2). В отличие от предыдущего хума с парой печатей, здесь они оттиснуты более небрежно, без учета верха и низа сосуда, да и сами печати, по-видимому, были выполнены менее искусно (рис. 8). На одном из оттисков (18 × 15 мм) в обрамлении из зубчиков изображен повернутый влево персонаж с крыльями за спиной, держащий в руке ветвь и условно названный нами Эротом (рис. 9). Слева на расстоянии 48 мм сделан оттиск другой печати (19 × 16 мм), получившийся менее четким. Можно разобрать, что изображены мужчина и женщина, по-видимому, в эротической позе (рис. 10). Композиция в целом близка к изображению на глиняной булле, на которой оттиснута круглая печать (диаметром 30 мм) с эротической сценой. Булла найдена в 2015 г. на раскопе в юго-восточной части «цитадели» Кампыртепа и опубликована Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе 2017: 67—68, рис. 38). Он видит в участниках действа двух мужчин; по нашему мнению, в сцене фигурируют

женщина в длинной юбке и мужчина, от полноты чувств дующий в трубу (рис. 11). Э.В. Ртвеладзе, по косвенным признакам, датирует свою находку эллинистическим периодом, наш хум датируется временем Канишки I, то есть, намного более поздним временем. Можем предположить, что более ранняя печать послужила прототипом для более поздней, тем более что в деталях, которые можно различить на нашем не совсем четком оттиске, имеются отличия. Как всегда, остается уповать на новые находки, которые, возможно, помогут лучше разобраться в этом вопросе. Теоретически, на Кампыртепа возможны находки и самих печатей, так как хумы, несомненно, изготовлялись и обжигались на месте.

Еще одна, по всей вероятности, эротическая сцена имеется на оттисках круглой печати, встреченных на венчиках двух хумов. Первый из них, найденный в помещении 13 (вместе с фрагментом, на котором оттиснут олень) на раскопе КТР-5 в восточной части крепости, уже публиковался с подробным описанием и иллюстрацией (Шейко 2000: 89, 96, рис. 9; Батыров, Шейко 2001: 26). Второй фрагмент хума с оттиском той же печати на венчике найден автором в 2013 г. в помещении 17 квартала Ж в северо-западной части крепости, он лежал у порога в проходе в помещение 16. Диаметр оттиска 27 × 25 мм. В сцене, заключенной в обрамление из мелких узких треугольников, помимо двух персонажей, задействованы табурет, на который опирается дама и некий круглый предмет с зубчиками по периметру, который она одной рукой передает второму участнику сцены (рис. 12). Что это — венок, бубен, трещотка, щит, «солярный символ» — остается пока непонятным. Атрибуты, фигурирующие в данных эротических сюжетах, т.е. труба и неопознанный круглый предмет, указывают на то, что на кампыртепинских печатях представлено, скорее всего, не просто приятное времяпровождение, но действия, связанные с какими-то оргиастическими ритуалами, входящими в круг культов плодородия[5]. Легенды, в которых сохранились отголоски подобных местных ритуалов, собрал и опубликовал этнограф-любитель Ш. Устаев. Речь в них идет о городище Кампыртепа и других руинах и развалинах, когда-то находившихся по соседству (Устаев 2000: 139—142).

Обращает на себя внимание тот факт, что на оттисках двух разных круглых печатей, а именно, печати с оленем (найдено три оттиска, рис. 2 и 3) и печати с эротической сценой (найдено два оттиска, рис. 12) совпадают размеры — максимальный диаметр 26—27 мм, — а также оформление края рельефным ободком с наклонными треугольниками. Пока сложно говорить об их изготовлении в одной мастерской, но общий стиль оформления прослеживается. Нужны новые находки с Кампыртепа и других кушанских памятников Бактрии, то есть, накопление материала и его сравнительный анализ. Часть овальных печатей (рис. 6, 7, 9) также имеет сходство в оформлении.

Идентичные оттиски с оленем и с эротической сценой (рис. 2, 3 и 12), найденные и в восточной, и в северо-западной частях крепости, могут свидетельствовать о том, что не только представители одного клана, но и один и тот же человек — владелец печати — мог обладать имуществом в двух разных частях крепости. Это позволяет усомниться в том, что разделение крепостной застройки на два сектора — восточный и западный — связано с разделением «по родам, этносам или религиозным верованиям» (Ртвеладзе 2012: 199)[6].

---

[5] Впрочем, относительно сюжетов кампыртепинской глиптики возможны и другие трактовки, не связанные с культовой символикой. Например, известны украшавшие керамические сосуды медальоны с рельефными эротическими сценками, культово-ритуальный характер которых довольно сомнителен. Эти изделия датируются первыми веками н.э. и происходят из провинциальных мастерских, располагавшихся в римской Галлии, в долине реки Рона. Иногда в этих сценах в руках у партнеров имеются различные атрибуты, например, у женщины — зеркало, или щит и меч, а у мужчины — ритон, или венок и пальмовая ветвь. Некоторые из сцен снабжены надписями, содержание которых позволяет говорить о юмористическом характере представленных на них фривольных композиций (Clarke 2009: 140—142, 145, 148—149, 162, Abb. 95, 95—1, 98, 101, 102). Так что обладателем кампыртепинских печатей могли быть как «жрецы культа плодородия», так и, допустим, владельцы увеселительных заведений. Наличие таковых заведений в крепости у переправы, где на отдых останавливались караваны, следовавшие в столичный город Бактры, расположенный в двух дневных переходах (60 км) строго на юг, вполне вероятно.

[6] Ср. также мнение С.Б. Болелова, который обращает внимание на четкое разделение «нижнего города» центральной улицей на две почти равные части: восточную и северную. Он упоминает древнейшие представления

Резные знаки-тамги

Другой вид украшения или, говоря точнее, маркировки хумов — тамги, вырезанные на плече сосуда до обжига. На хумах Кампыртепа пока известны пять подобных знаков — свастика с вариантами (встречена не менее 8 раз) (рис. 13: А, Б), *г*-образный знак с вариантами (три образца) (рис. 13: В—Д), знак в виде W (два образца) (рис. 14: А), сдвоенный по вертикали знак в виде W (два образца) (рис. 14: Б), а также знак в виде заглавной греческой альфы (два образца) (рис. 15: А, Б). Тамги на кампыртепинских хумах подробно рассмотрены нами в предыдущих публикациях (Ильясов 2006: 75—76; 2019: 117—129, рис. 4, 5; Ilyasov 2010: 214—220, figs. 1—3, 7—14), здесь укажем лишь, что они, видимо, были владельческими знаками и относились к кланам, к которым принадлежали заказчики. В одном случае, свастика на хуме сочетается с двумя оттисками печатей на венчике (хум № 1 из «Секции свастик», см. выше), в другом — на венчике хума с альфой помещены три оттиска, к сожалению, не четкие (хум из помещения 16, см. выше). То есть, в некоторых случаях хумы имеют сразу несколько видов маркировки.

Что могло означать сочетание на одном сосуде владельческой тамги и печати (или двух разных печатей)? Теоретически, на хуме могут вырезать личную или родовую тамгу заказчика, а также оттиснуть его печать или печати (его и его супруги?). Подразумевала ли подобная двойная-тройная маркировка особое предназначение данного сосуда? Скажем, именно в сосуде, помеченном оттиском печати, могли хранить что-то особенное, скажем, не воду, как в остальных, а вино. Или особый сорт вина. Что, в таком случае, означают оттиски двух разных печатей на одном хуме? Может быть, они показывают, обладатели каких именно печатей имеют право вскрывать и затем опечатывать данный хум, то есть, пользоваться время от времени его содержимым[7]. Однозначно ответить на данные вопросы пока сложно[8]. Во всяком случае, ни тамги, ни оттиски печатей не являются, на наш взгляд, знаками гончаров, изготовивших хумы.

Тот факт, что хумы со свастикой найдены не в одном, а в нескольких домовладениях из разных кварталов Кампыртепа, говорит о том, что на хумах, видимо, проставляли не личные, а клановые тамги, поскольку представители одного клана могли жить в разных частях крепости.

Рисунки

Один из упомянутых выше двух хумов, на венчиках которых оттиснута печать с оленем, был найден в мае 2016 г., при разборке бровки в помещении 16 квартала Ж. У данного хума есть еще одна примечательная особенность — рисунок, украшающий его плечо. Рисунок размером

о дуальной организации общества в виде деления на две экзогамные фратрии, но все же заключает, что «нет никаких оснований напрямую связывать двухчастную структуру "нижнего города" Кампыртепа» с данными представлениями и что строители, видимо, придерживались при планировке крепости ранней градостроительной традиции (Болелов 2014: 130—131). Полагаю, что четкое разделение внутренней застройки Кампыртепа объясняется гораздо проще: во-первых, особенностями рельефа застраиваемой территории, а во-вторых, тем фактом, что разделяющая две основные части жилой застройки улица вела к единственному входу в крепость с севера, и именно потому была центральной. Следует отметить, что Э.В. Ртвеладзе и С.Б. Болелов в момент подготовки своих статей не могли знать о наличии входа в крепость, расположенного в башне № 3, от которой и идет в южном направлении центральная улица, так как этот факт был выяснен в ходе наших работ летом 2012 г., а отчет был опубликован лишь в 2016 г. (Ильясов и др. 2016: 160, 163, 171, рис. 9—11).

[7] В 2011 г. при раскопках С.Б. Болелова в юго-восточной части «цитадели» Кампыртепа землянки, отнесенной им к первому строительному горизонту (период КТ-I), были расчищены найденные годом раньше хумы (Болелов 2014: 80—81, рис. 2; Болелов 2018: 12, рис. I/3: А, Б, Г). На двух из них сохранились «крышки», сделанные из слоев камыша, обмазанных глиной. На одной из обмазок сохранился оттиск печати, которая фиксировала момент закрытия хума и должна была, надо полагать, защитить его содержимое от несанкционированного использования.

[8] В.Н. Пилипко упоминает хум, найденный на раскопках парфянского сельского поселения I в. до н.э. — I в. н.э. в Геоктепинском районе Туркменистана. На хуме до обжига были нанесены процарапанные изображения двух ладоней с растопыренными пальцами и двенадцать оттисков четырех печатей. Оттиски печатей и изображения были нанесены, по мнению В.Н. Пилипко, с какой-то магической целью (Пилипко 1968: 37).

12 × 12 см, выполненный до обжига ангобом коричневого цвета, представляет собой изображение мужской головы в профиль (рис. 16). Он нанесен, вероятно, кистью, уверенными движениями, и показывает круглоголового большеглазого человека с крупным прямым носом. Лоб низкий и выпуклый, бровь высоко поднята, губы поджаты, подбородок слегка выступает вперед. Ухо с отвисшей мочкой посажено необычайно низко; волосы показаны парой штрихов, что, вероятно, должно означать, что персонаж лысоват, или не обладает пышной шевелюрой. В целом, его облик производит впечатление шаржа. «Портрет» нарисован макушкой в сторону дна хума, то есть, рисовали его, надо полагать, когда хум, готовый к обжигу, стоял дном вверх. Рисунок выполнен буквально несколькими линиями, нанесенными твердой рукой профессионала. Это подтверждает еще одна находка, сделанная автором на том же раскопе в 2013 г. Тогда также был найден разбитый хум, на котором был аналогичный портрет, однако из-за того, что часть сосуда с лицом персонажа не сохранилась, понять, что именно здесь изображено было невозможно (рис. 17). Теперь мы знаем, что это был еще один профиль, выполненный той же рукой. Подобные рисунки, кажется, еще не встречались на кушанской керамике, хотя у соседей Кушан — в Парфии — такая находка, датированная II—I вв. до н.э., известна — это рисунок, изображающий лицо бородатого мужчины *en face* на керамическом сосуде с Мансур-Депе (Кошеленко, Пилипко 1968: 34, рис. 18; Кошеленко 1977: 150, 175, илл. 76). Примечательно, что буквально в трех десятках метров к западу, при раскопках В.П. Никоноровa в 1989 г. соседнего квартала Кампыртепа, им был найден костяной гребень с уникальным декором (Никоноров 2000а: 131—138, рис. 2: а, б; Никоноров 2000б: 165—171). Уникальность декора, помимо его несомненных художественных достоинств в том, что, в отличие от массы других костяных предметов, данный гребень украшен не резьбой, а миниатюрными монохромными рисунками: портретом юной красавицы и изображением провозвестника зари — петуха (Ilyasov, Bolelov 2023: 217, 389, Abb. 8, Kat.-Nr. 279). Среди многочисленной резной кости Беграма (Афганистан) I в. н.э. имеются образцы с полихромным декором, однако, краски всегда использованы как дополнение к резьбе (Cambon 2007: 254—255, Nos. 192, 193). Слой, в котором найден гребень, датирован В.П. Никоноровым второй половиной I в. н.э. (Никоноров 2000а: 13), однако, если исходить из того, что он при датировке основывался на находках монет Сотера Мегаса и Вимы Кадфиза, и ориентироваться на даты правления этих царей, предложенные недавно [ок. 90—113 для Сотера Мегаса/Вимы Такто и ок. 113—127 для Вимы Кадфиза (Errington, Curtis 2007: 253)], дату гребня можно сдвинуть в пределы конца I — первой четверти II в. н.э. Несколько отвлекаясь от основной темы отметим, что значение данного гребня для истории искусства и его самое непосредственное отношение к Бактрии В.П. Никоноров раскрыл в своих публикациях вполне логично и убедительно (Никоноров 2000а: 131—138; Никоноров 2000б: 165—171). Поэтому, отнесение гребня к Индии или Бактрии в подписи к иллюстрации (Ртвеладзе 2012: 198), представляется нам не совсем корректным. Среди аргументов, приведенных В.П. Никоноровым в пользу именно бактрийского происхождения рисунков на гребне еще в 2000 г. — иконография образа, ее облик, соответствующий многим другим местным женским изображениям, для которых характерна, в частности, такая деталь прически, как изящно изогнутый локон на щеках. Хотелось бы дополнить эти наблюдения еще одной любопытной аналогией: судя по великолепным настенным росписям, обнаруженным Ш.Р. Пидаевым в 2016 г. в буддийском культовом центре Каратепа в Старом Термезе (Пидаев 2016: 50, фото), бактрийской моде носить загнутые локоны на щеках следовали не только местные красавицы, но и некоторые вполне усатые мужчины (рис. 18).

Возвращаясь к нашей теме, мы видим, что в первой половине II в. н.э. даже в небольшой кушанской крепости могли работать профессиональные художники, местные или заезжие. Если гребень, как миниатюрное изделие, и мог быть привезен из какого-нибудь более крупного городского центра Бактрии, то дальняя транспортировка хумов совершенно исключена, поэтому художник — мастер дружеского шаржа — без всяких сомнений бывал на Кампыртепа и водил дружбу с местным мастером-гончаром, изготовителем хумов, которого, может быть, он и изобразил на паре-тройке корчаг. Творчество бактрийских художников эпохи Кушан хорошо известно по настенным росписям, открытым в ходе археологических

раскопок на памятниках Южного Узбекистана: Халчаяне, Дальварзинтепа, Фаязтепа, Каратепа. Они изучены и вошли в ряд обобщающих работ выдающихся исследователей среднеазиатского искусства Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля (Пугаченкова 1979: 81—82, 161—162; Пугаченкова, Ремпель 1982: 102—148), об особенностях буддийской и небуддийской живописи Бактрии-Тохаристана пишет Т.К. Мкртычев (Мкртычев 2002: 199—222). К новейшим открытиям в этой отрасли искусства относятся упомянутые выше росписи из Каратепа (Пидаев 2016: 45—51). Вся эта живопись относится к монументальным формам; их можно также назвать элитным искусством, украшавшим храмы, дворцы и дома богатых горожан. Находки с Кампыртепа — гребень и рисунки на хумах — дают представление о существовании и другого жанра изобразительного искусства — монохромного рисунка на предметах обихода. В случае с гребнем это рисунок миниатюрный, изысканный по своей тонкости и художественным достоинствам, на хумах же мы видим своего рода искусство для простолюдинов, также порой не чуждых прекрасного. Будем надеяться, что накопление подобного материала, начатое с кампыртепинских находок, позволит со временем вписать новые главы в историю искусства Бактрии эпохи Кушан.

Надписи и знаки тушью

В дополнение к данным о декоре хумов укажем, что изредка встречаются рисунки и надписи, выполненные после обжига сосуда, в процессе его использования. Такими «вторичными» элементами можно назвать, например, надпись из двух греческих букв, альфы и дельты (АΔ), на одном из хумов из помещения 1 четырехкомнатного домовладения 2 в квартале Е, нанесенную черной тушью (рис. 19). Надпись выполнена лапидарным письмом, перекладина альфы не в виде прямой горизонтальной черты, а в виде «галочки», совершенно так же, как на тамгах, упомянутых выше. Подобное написание альфы известно на золотых и бронзовых монетах Канишки I с греческими легендами и изображением божеств Анемоса, Гелиоса, Гефеста, Нанайи и Селены. Как известно, именно при Канишке I произошел переход от греческого языка к бактрийскому, что отразилось в монетных легендах и, надо полагать, во всем делопроизводстве (Зеймаль 1983: 191). Не исключено, что надпись на хуме — греческая. Возможно также, что эти буквы — цифровое обозначение, имеющее отношение к объему сосуда, или его содержимому. Числовое значение альфы — 1, дельты — 4, таким образом мы имеем число 14.

В другом случае на хуме № 1 из «Секции свастик», помимо тамги в виде свастики и двух оттисков печатей, имелось два знака, нанесенных черной тушью: треугольник вершиной вниз и Г-образный знак, расположенный на некотором расстоянии от первого.

На тулове хума № 3 из того же помещения имеется вторая свастика, довольно грубо процарапанная после обжига. Кто-то явно постарался воспроизвести тамгу, уже имевшуюся на сосуде, и сделано это было, скорее всего, уже в то время, когда хум находился в домовладении. Нельзя исключить и того, что здесь мы имеем дело с детским творчеством.

Штампы и резьба

Еще один тарный сосуд, декор которого хотелось бы здесь упомянуть, можно, исходя из размеров, назвать хумча. Она красноглиняная, двуручная, имеет округлый корпус и валикообразный венчик (Ilyasov, Bolelov 2023: 214, Abb. 3). Диаметр устья 31 см, сохранившаяся высота 27 см. Под венчиком в сырой глине до сушки и обжига были проделаны 4 отверстия диаметром 6-7 мм (сохранилось 2). Широкогорлые двуручные сосуды — частая находка в кушанский слоях Кампыртепа, они варьируют в размерах и форме, снаружи часто бывают украшены штампованным и резным узором, расположенным в 1—3 ряда (Цепова 2000а: рис. 2: 1, 6, рис. 3: 12, 13, рис. 5: 9, 10; Цепова 2001: рис. 3, 6, табл. 1). Характерные отверстия под венчиком говорят о том, что эти корчаги и горшки предназначены, скорее всего, для заквашивания молока: сосуд закрывали плотной крышкой, предохранявшей

содержимое от загрязнения, попадания в него насекомых и т.п., а газы, образовывавшиеся в процессе брожения, выходили через упомянутые отверстия. С.Б. Болелов относит такую керамику к категории хозяйственной посуды и отмечает, что орнаментировались, в основном, хозяйственные сосуды, использовавшиеся при хранении и переработке продуктов питания, что, возможно, связано с идеологическими представлениями (Болелов 2002: 44, 58).

Это наблюдение можно напрямую связать с публикуемой корчагой, найденной в 2008 г. в помещении 4 домовладения 3[9] — она, несомненно, была хозяйственным сосудом, и при этом является, пожалуй, наиболее богато украшенной из всей известной нам аналогичной посуды. Ее плечевая часть охвачена пятью рядами декоративных элементов (рис. 20). Верхний ряд — оттиски круглого штампа с зернистым заполнением, второй ряд — штампы с трехконечным знаком (трискеле), третий ряд — прочерченная по сырой глине волнистая линия, четвертый ряд составляют оттиски штампа с пальметтой (древом), пятый, самый нижний ряд представляет собой рельефные треугольники, вырезанные по сырой глине. Под верхним рядом декора идет узкий рельефный выступ, под остальными четырьмя рядами прочерчены горизонтальные линии. На фрагменте хумчи, опубликованном О. Цеповой, представлены верхние три ряда украшений, как на нашем сосуде; возможно, это была аналогичная корчага, изготовленная тем же мастером, фрагмент был найден на цитадели (Цепова 2001: рис. 3, справа, табл. 1: 1).

При желании, в декоре нашей хумчи можно усмотреть символику, связанную с землей (треугольники), растительностью (пальметты), водой (волнистая линия), небом и небесными светилами (трискеле и круги с точками). Однако насколько такие интерпретации соответствуют истине, сказать очень сложно.

Заключение

Таким образом, опубликованные нами материалы с Кампыртепа дополняют наши знания о декоре кушанской тарной посуды периода царя царей Канишки I (127—150).

Изучение знаков интересно с точки зрения этнической истории, поскольку знаки на хумах — это, как правило, владельческие тамги, то есть личные, родовые или клановые знаки собственности, по которым можно проследить исторические связи, пути перемещения тех или иных племен и народов и т.д. Поскольку хумы — изделия тяжелые, громоздкие и хрупкие, их не могли перевозить на большие расстояния, следовательно, если хум с изображением той или иной тамги найден, скажем, на Кампыртепа, то обладатель данной тамги (= заказчик хума) именно здесь и жил. То есть, можно уверенно ее локализовать и заниматься выявлением связей: семейных, этнических, историко-культурных.

Оттиски печатей, в свою очередь, дают возможность изучать глиптику и сфрагистику Бактрии кушанского периода. Хотя печати с резными камнями, или цельнометаллические печати[10], могли быть привозными, оттиски на хумах, опять-таки, свидетельствуют о том, что использовали их непосредственно на месте. А значит, известные нам оттиски дают объективное представление о печатях, которыми владели и пользовались жители небольшой кушанской крепости во второй четверти II в. н.э.

Большой интерес представляют впервые выявленные нами на бактрийских хумах кушанской поры рисунки. Эти «портреты» свидетельствуют, во-первых, о несомненном присутствии в крепости на Оксе художника, местного или заезжего, ведь о том, что рисовал профессионал говорят, как указано выше, четко и уверенно выполненные линии рисунка. А, во-вторых, они носят явно юмористический характер. Понятно, что жителям кушанской

[9] Это домовладение, вместе с расположенным с запада домовладением 2, отнесены к кварталу Е условно, поскольку обе эти четырехкомнатные секции имеют выходы не в переулки, а в галерею (или «военную улицу»), проходящую к северу от них.

[10] Круглая бронзовая печать с изображением птицы, диаметром 23 мм, была найдена автором при работах на крепостной стене Кампыртепа (Ильясов 2006: 81, рис. 9: 5, рис. 32).

Бактрии чувство юмора было присуще, как и всему человечеству, но отражение этого в искусстве на материалах из Бактрии — практически неизвестно.

Изучение декора бактрийской керамики и его семантики по материалам Кампыртепа было в свое время начато О. Цеповой (Цепова 1999: 96—100; 2000а: 107—122; 2000б: 179—182; 2001: 101—112), но, к сожалению, не получило продолжения. Автор надеется, что поиск, изучение и публикация новых материалов будут способствовать дальнейшему развитию и обобщению исследований по данной теме.

Как показали находки Ш.Р. Пидаева на Каратепа в Старом Термезе, изредка тарная посуда могла иметь чрезвычайно богатый декор. Речь идет о найденных и опубликованных им фрагментах хумов с рельефными дионисийскими сценами, выполненными в технике оттискивания в специальных формах (Pidaev, Kato 2002: 25, 27, Nos. 33, 37; Пидаев 2014: 7—24. 195)[11]. Полагаем, что приведенный нами обзор более скромных, но не менее интересных декоративных элементов, украшавших тарную керамическую посуду и происходящих только с одного небольшого кушанского памятника на юге Узбекистана, показывает и информативность, и перспективность данного направления исследований с точки зрения археологии и истории искусства Кушанской Бактрии.

Литература

Акишев А. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Батыров И.Т., Шейко К.А. 2001. Археологические находки из Кампыртепа в фондах Сурхандарьинского областного краеведческого музея. В: Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. (ред.). *Древняя и средневековая культура Сурхандарьи*. Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 25—30.

Болелов С. 2002. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000—2001 годов). *МТЭ* 3, 41—66.

Болелов С.Б. 2005. Кушано-бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа. В: Никоноров В.П. (отв. ред). *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 71—74.

Болелов С.Б. 2006. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000—2002 годов). *МТЭ* 6, 15—80.

Болелов С.Б. 2014. Кампыртепа — античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология. *Scripta Antiqua* III, 75—132.

Болелов С.Б. (отв. ред.). 2018. *Кампыртепа — кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования 2001—2010 гг.* Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Зеймаль Е.В. 1983. *Древние монеты Таджикистана*. Душанбе: Дониш.

Ильясов Дж.Я. 2006. Раскопки в Нижнем городе у башни № 7. *МТЭ* 5, 73—104.

Ильясов Дж.Я. 2013. Керамическая печать времени Канишки I с городища Кампыртепа в Южном Узбекистане. В: Синицын А.А., Холод М.М. (ред.). *KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В.П. Никонорова от друзей и коллег*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 128—132.

Ильясов Дж. 2016. Произведения прикладного искусства из Кушанской Бактрии. *San'at. Журнал Академии художеств Узбекистана* 3 (72), 16—19.

Ильясов Дж.Я. 2019. Тамги Бактрии / Тохаристана. В: Сулейманов Р.Х. (отв. ред.). *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ, 89—136.

Ильясов Дж.Я., Горин А.Н., Шейко К.А. 2016. Археологические работы на крепостной стене городища Кампыртепа (по материалам раскопок 2012 г.). *АИУз* 10. Самарканд: Институт археологии, 159—172.

Кошеленко Г.А. 1977. *Родина парфян*. Москва: Советский художник.

Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н. 1968. Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы. *КД* 2, 30—35.

Красная книга Узбекской ССР. 1983. Т. 1. *Позвоночные животные*. Ташкент: Фан.

[11] Ш.Р. Пидаев датирует свои находки второй половиной III — началом IV в., то есть, кушано-сасанидским временем, но при этом матрица с дионисийскими сценками, использованная для украшения хумов, была изготовлена, по его мнению, не позже II-I вв. до н.э. (Пидаев 2014: 21—22).

Мкртычев Т.К. 2002. *Буддийское искусство Средней Азии (I—X вв.)*. Москва: Академкнига.
Никоноров В. 2000а. Уникальный гребень из Кампыртепа. *МТЭ* 1, 131—138.
Никоноров В.П. 2000б. Некоторые результаты раскопок Бактрийской экспедиции на городище Кампыр-тепе: памятники искусства. В: Березкин Ю.Е. (отв. ред). *Взаимодействие культур и цивилизаций*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 160—176.
Пидаев Ш.Р. 2013. Новые находки гемм и их оттисков с городища Старый Термез. *РА* 3, 57—65.
Пидаев Ш.Р. 2014. Изображение дионисийской сцены из Каратепа. В: Пидаев Ш.Р. (отв. ред.). *Материалы по художественной и духовной культуре Узбекистана*. Ташкент: Издательство журнала San'at, 7—24.
Пидаев Ш. 2016. Настенная живопись в буддийском храме на Каратепа. *Фан ва турмуш* 3-4. Ташкент, 45—51.
Пилипко В.Н. 1968. Раскопки парфянского сельского поселения в Геоктепинском районе. *КД* 2, 36—38.
Пугаченкова Г.А. 1979. *Искусство Бактрии эпохи Кушан*. Москва: Искусство.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. 1982. *Очерки искусства Средней Азии*. Москва: Искусство.
Ртвеладзе Э. 2001. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году. *МТЭ* 2, 3—11.
Ртвеладзе Э.В. 2005. К истории Кампыртепа (Александрии Оксианской). В: Никоноров В.П. (отв. ред). *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 189—190.
Ртвеладзе Э.В. 2012. *Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
Ртвеладзе Э. 2017. Кампыртепа — Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. — I в. до н.э.). *МТЭ* 10.
Устаев Ш. 2000. Легенды о Кафиршахаре. *МТЭ* 1, 139—142.
Цепова О. 1999. Бактрийская декорированная керамика с Кампыр-тепе. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Изучение культурного наследия Востока*. Санкт-Петербург: Европейский дом, 96—100.
Цепова О. 2000а. Декорированная керамика Кампыртепа. *МТЭ* 1, 107—122.
Цепова О. 2000б. Культовая цилиндроконическая чаша с налепами с Кампыртепа. В: Иневаткина О.Н. (отв. ред.). *Средняя Азия. Археология. История. Культура*. Москва: Пересвет, 179—182.
Цепова О. 2001. Керамика со штампованным орнаментом из Кампыртепа. *МТЭ* 2, 101—112.
Шейко К. 2000. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа. *МТЭ* 1, 75—96.
Шейко К., Никитенко Г. 2001. К изучению квартала-блока № 5 на Кампыртепа. *МТЭ* 2, 31—46.
Clarke J.R. 2009. *Ars erotica*. Darmstadt: Primus Verlag.
Errington E., Curtis V.S. 2007. *From Persepolis to the Punjab*. London: The British Museum Press.
Farkas A. 2000. Filippovka and the Art of the Steppes. In: Aruz J., Farkas A., Alekseev A., Korolkova E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York: Metropolitan Museum of Art.
Göbl R. 1984. *System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
Cambon P. (ed.). 2007. *Hidden Afghanistan.* Exhibition catalogue. Amsterdam: Museumshop De Nieuwe Kerk.
Ilyasov J. 2010. Nomad Heritage: Kushan Tamga-signs from Southern Uzbekistan. In: Pim J.E., Yatsenko S.A., Perrin O.T. (eds.) *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 213—225.
Ilyasov Dj., Bolelov S. 2023. Kampyrtepa zur Zeit der Kuschan. In: Nawroth M., Wemhoff M. (Hrsg.). *Archäologische Schätze aus Usbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Ausstellunskatalog. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
Pidaev Sh., Kato K. 2002. *New Finds of Uzbek Archaeology*. Osaka: Toho Shuppan.
Rosenfield J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
zeno.ru: #78569: Kushan, AV Dinar, Huvishka, PIÞTO. URL: https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=78569 (дата обращения 01.02.2025).

References

Akishev, A. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and Mythology of the Sakas)*. Alma-Ata: Nauka (in Russian).
Batyrov, I.T., Sheyko, K.A. 2001. In: Rtveladze, E.V., Pidayev, Sh.R. (eds.). *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura Surkhandar'i (Ancient and Medieval Culture of Surkhandarya)*. Tashkent: Uzbekiston milliy entsiklopediyasi, 25—30 (in Russian).
Bolelov, S. 2002. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 3, 41—66 (in Russian).
Bolelov, S.B. 2005. In: Nikonorov V.P. (otv. red). *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov (Central Asia from the Achaemenids to the Timurids)*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 71—74 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2006. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 6, 15—80 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2014. In *Scripta Antiqua* III, 75—132 (in Russian).

Bolelov, S.B. (ed.). 2018. *Kampyrtepa — kushanskaya krepost' na Okse. Arkheologicheskiye issledovaniya 2001—2010 gg. (Kampyrtepa — a Kushan fortress on the Oxus. Archaeological research 2001—2010).* Moscow; Saint Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Zeymal', E.V. 1983. *Drevnie monety Tadzhikistana (Ancient coins of Tajikistan)*. Dushanbe: Donish (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya. 2006. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 5, 73—104 (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya. 2013. In: Sinitsyn, A.A., Kholod, M.M. (eds.). *KOINON DŌRON. Issledovaniya i esse v chest' 60-letnego yubileya V.P. Nikonorova ot druzey i kolleg (KOINON ΔΩΡΟΝ. Research and essays in honor of the 60th Anniversary of V.P. Nikonorov from friends and colleagues)*. Saint Peterburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 128—132 (in Russian).

Il'yasov, Dz. 2016. In *San'at*. *Zhurnal Akademii khudozhestv Uzbekistana (San'at. Journal of the Academy of Arts of Uzbekistan)* 3 (72), 16—19 (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya. 2019. In: Suleymanov, R.Kh. (ed.). *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: MITSAI, 89—136 (in Russian).

Il'yasov, Dz.Ya., Gorin, A.N., Sheyko, K.A. 2016. In *Arkheologicheskiye issledovaniya v Uzbekistane (Archaeological Research in Uzbekistan)* 10. Samarkand: Institut arkheologii, 159—172 (in Russian).

Koshelenko, G.A. 1977. *Rodina parfyan (The Homeland of the Parthians)*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Koshelenko, G.A., Pilipko, V.N. 1968. In *Karakumskiye drevnosti (Karakum Antiquities)* 2, 30—35 (in Russian).

Krasnaya kniga Uzbekskoy SSR *(Red Data Book of the Uzbek SSR)*. 1983. Vol. 1. *Pozvonochnye zhivotnyye (Vertebrates)*. Tashkent: Fan (in Russian).

Mkrtychev, T.K. 2002. *Buddiyskoe iskusstvo Sredney Azii (I—X vv.) (Buddhist Art of Central Asia (1st — 10th Centuries))*. Moscow: Akademkniga (in Russian).

Nikonorov, V. 2000a. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 131—138 (in Russian).

Nikonorov, V.P. 2000b. In: Berezkin, Yu.E. (ed). *Vzaimodeystviye kul'tur i tsivilizatsiy (Interaction of Cultures and Civilizations)*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 160—176 (in Russian).

Pidayev, Sh.R. 2013. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 57—65 (in Russian).

Pidayev, Sh.R.2014. In: Pidayev, Sh.R. (ed.). *Materialy po khudozhestvennoy i dukhovnoy kul'ture Uzbekistana (Materials on the Artistic and Spiritual Culture of Uzbekistan)*. Tashkent: Izdatel'stvo zhurnala San'at, 7—24 (in Russian).

Pidayev, SH. 2016. In Fan va turmush 3-4. Tashkent, 45—51 (in Russian).

Pilipko, V.N. 1968. In *Karakumskiye drevnosti (Karakum Antiquities)* 2, 36—38 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. 1979. *Iskusstvo Baktrii epokhi Kushan (Art of Bactria in the Kushan Period)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Pugachenkova, G.A., Rempel', L.I. 1982. *Ocherki iskusstva Sredney Azii (Essays on the Art of Central Asia)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Rtveladze, E. 2001. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 2, 3—11 (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2005. In: Nikonorov, V.P. (ed). *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov (Central Asia from the Achaemenids to the Timurids)*. Saint Peterburg: IIMK RAN, 189—190 (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2012. *Velikiy indiyskiy put': iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii (The Great Indian Route: From the History of the Most Important Trade Routes of Eurasia)*. Saint Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Rtveladze, E. 2017. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 10 (in Russian).

Ustayevm Sh. 2000. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 139—142 (in Russian).

Tsepova, O. 1999. In: Masson, V.M. (ed.). *Izucheniye kul'turnogo naslediya Vostoka (Study of the cultural heritage of the East)*. Saint Peterburg: Evropeyskiy dom, 96—100 (in Russian).

Tsepova, O. 2000a. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 107—122 (in Russian).

Tsepova, O. 2000b. In: Inevatkina, O.N. (ed.). *Srednyaya Aziya. Arkheologiya. Istoriya. Kul'tura (Central Asia. Archaeology. History. Culture)*. Moscow: Peresvet, 179—182 (in Russian).

Tsepova, O. 2001. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 2, 101—112 (in Russian).

Sheyko, K. 2000. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 1, 75—96 (in Russian).

Sheyko, K., Nikitenko, G. 2001. In *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii (Materials of the Tokharistan Expedition)* 2, 31—46 (in Russian).

Clarke, J.R. 2009. *Ars erotica*. Darmstadt: Primus Verlag.

Errington, E., Curtis, V.S. 2007. *From Persepolis to the Punjab*. London: The British Museum Press.

Farkas, A. 2000. Filippovka and the Art of the Steppes. In: Aruz, J., Farkas, A., Alekseev, A., Korolkova, E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. New York: Metropolitan Museum of Art.

Göbl, R. 1984. *System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Cambon, P. (ed.). 2007. *Hidden Afghanistan.* Exhibition catalogue. Amsterdam: Museumshop De Nieuwe Kerk.

Ilyasov, J. 2010. Nomad Heritage: Kushan Tamga-signs from Southern Uzbekistan. In: Pim, J.E., Yatsenko, S.A., Perrin, O.T. (eds.) *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 213—225.

Ilyasov, Dj., Bolelov, S. 2023. Kampyrtepa zur Zeit der Kuschan. In: Nawroth, M., Wemhoff, M. (Hrsg.). *Archäologische Schätze aus Usbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Ausstellunskatalog. Berlin: Kulturverlag Kadmos.

Pidaev, Sh., Kato, K. 2002. *New Finds of Uzbek Archaeology*. Osaka: Toho Shuppan.

Rosenfield, J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

zeno.ru: #78569: Kushan, AV Dinar, Huvishka, PIÞTO. Available at: https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=78569 (accessed 01.02.2025).

Рис. 1. Оттиск печати со львом на стенке хума. Восточный отрезок «военной улицы» Кампыртепа..

Fig. 1. Seal impression with a lion on the wall of a large vessel (*khum*). Eastern section of the “military street” of Kampyrtepa.

Рис. 2. Оттиск печати с изображением оленя на венчике хума. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 2. Seal impression with a deer on the rim of a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 3. Оттиск печати с изображением оленя на венчике хума. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 3. Seal impression with a deer on the rim of a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 4. Керамическая печать с изображением оленя. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 4. Ceramic seal with a deer image. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 5. Венчик хума с двумя оттисками. Кампыртепа, блок 5, переулок.

Fig. 5. The rim of a *khum* with two impressions. Kampyrtepa, block 5, alley.

Рис. 6. Оттиск печати с изображением леопарда и джейрана.

Fig. 6. Seal impression with depictions of a leopard and a gazelle.

Рис. 7. Оттиск печати с изображением двух персонажей.

Fig. 7. Seal impression with depictions of two figures.

Рис. 8. Венчик хума с двумя оттисками. Кампыртепа, квартал E, «Секция свастик», пом. 1.

Fig. 8. The rim of a *khum* with two impressions. Kampyrtepa, block F, “Swastika Section,” room 1.

Рис. 9. Оттиск печати с изображением Эрота.

Fig. 9. Seal impression depicting Eros.

Рис. 10. Оттиск печати с изображением двух персонажей.

Fig. 10. Seal impression depicting two figures.

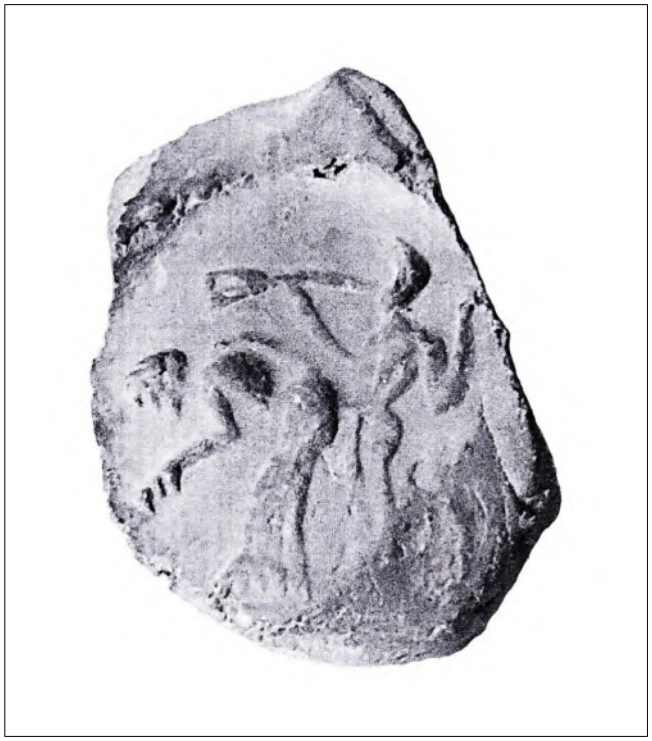


Рис. 11. Глиняная булла с оттиском печати. Кампыртепа, юго-восточный участок цитадели (по Ртвеладзе 2017: рис. 38)**.**

Fig. 11. Clay bulla with a seal impression. Kampyrtepa, southeastern section of the citadel (after Rtveladze 2017: fig. 38)**.**

Рис. 12. Оттиск печати с изображением двух персонажей. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 17.

Fig. 12. Seal impression depicting two figures. Kampyrtepa, block G, room 17.

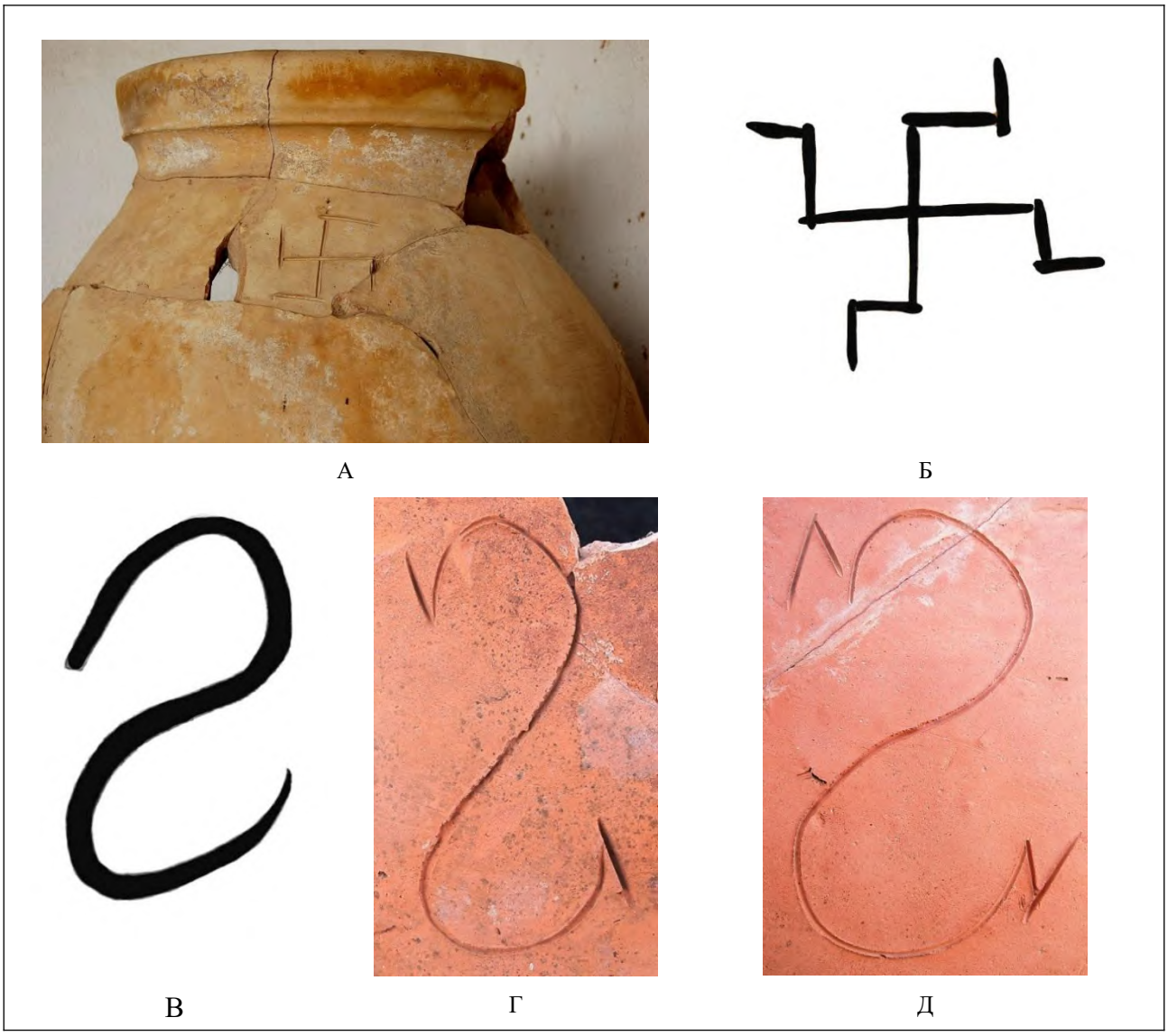


Рис. 13. Тамги на хумах в виде свастики (*А, Б*) и *г*-образного знака (*В—Д*).

Fig. 13. Tamgas on *khums* in the form of a swastika (*А, Б*) and a S-shaped sign (*В—Д*).

А Б

Рис. 14. Тамги на хумах в виде W (*А*) и сдвоенного W (*Б*).

Fig. 14. Tamgas on *khums* in the form of a W (*A*) and a double W (*Б*).

А Б

Рис. 15. Тамги на хумах в виде *альфы* (*А, Б*).

Fig. 15. Tamgas on *khums* in the form of an alpha (*A, Б*).

Рис. 16. Рисунок на хуме. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 16. Drawing on a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 17. Рисунок на хуме. Кампыртепа, квартал Ж, пом. 16.

Fig. 17. Drawing on a *khum*. Kampyrtepa, block G, room 16.

Рис. 18. Фрагмент настенной росписи, Каратепа в Старом Термезе (по Пидаев 2016: 50)**.**

Fig. 18. Fragment of a wall painting, Karatepa in Old Termez (after Pidaev 2016: 50)**.**

Рис. 19. Надпись на хуме. Кампыртепа, квартал E, домовладение 2, пом. 1.

Fig. 19. Inscription on a *khum*. Kampyrtepa, block F, house 2, room 1.

Рис. 20. Хумча со штампованным и резным декором. Кампыртепа, квартал E, домовладение 3, пом. 4.

Fig. 20. *Khumcha* with stamped and carved decoration. Kampyrtepa, block F, house 3, room 4.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.93.91.017

Д.А. Кириченко

О ТРАВМАХ ЧЕРЕПА У МУЖЧИН В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)*

В статье рассмотрены мужские черепа со следами травматических повреждений летального характера с территории Азербайджана. Антропологический материал происходит из разнотипных погребальных памятников эпохи античности. В научную обработку поступило: два мужских черепа из погребений в каменных ящиках некрополя Демирчи (Шемахинский р-н), мужской череп из кувшинного погребения № 1 некрополя Эминли (Масаллинский р-н), мужской череп из катакомбного погребения в Мингечауре, мужской череп из кувшинного погребения на поселении Шортепе (Бардинский р-н). На исследованных черепах фиксируются травмы различного вида без следов заживления. На мужском искусственно деформированном черепе из погребения № 10 по типу «каменный ящик» некрополя Демирчи отмечен вдавленный компрессионный перелом продолговато округлой формы размерами 10 × 13 мм, глубина 5 мм; на мужском черепе из погребения № 11 по типу «каменный ящик» некрополя Демирчи — проникающее ранение («дырчатый» перелом) продолговато-овальной формы, размерами 8 × 13 мм; на мужском искусственно деформированном черепе из катакомбного погребения в Мингечауре — проникающее ранение («дырчатый» перелом) треугольной формы, размерами 20 × 20 × 15 мм; на мужском черепе из кувшинного погребения № 1 из некрополя Эминли — проникающее ранение («дырчатый» перелом) продолговато овальной формы, размерами 55 × 13 мм; на мужском черепе из кувшинного погребения на поселении Шортепе — рубленная травма, овальной формы, длиной 8,4 см и шириной 2,1 см. Отмечены и предполагаемые виды оружия, которыми были нанесены травматические повреждения. В синхронное время на территории Южного Кавказа помимо случаев из Азербайджана травм на мужских черепах летального характера не выявлено. Высокий травматизм в исследуемый период свидетельствует о возросших боевых столкновениях и агрессивности среды обитания социума.

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказская Албания, археология, погребения, эпоха античности, военное дело, травматические повреждения.

Сведения об авторе: Кириченко Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана.

Контактная информация: AZ 1143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр-т Г. Джавида, 115, Национальная Академия наук Азербайджана, e-mail: dmakirichenko@mail.ru.

D.A. Kirichenko

NOTE ABOUT CRANIAL TRAUMAS AT MALES IN ANTIQUITY (AZERBAIJAN REPUBLIC)

The article examines male skulls with traumatic injuries of perimortem character from territory of Azerbaijan. The anthropological material comes from various types of burial monuments from the Antiquity period. The following materials were submitted for scientific processing: two male skulls from the stone cist burials of the Demirchi necropolis (Shamakhi district), a male skull from the pithos burial No. 1 of the Eminli necropolis (Masalli district), a male skull from a catacomb burial in Mingachevir, and a male skull from a pithos burial at

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Науки Азербайджана, Грант № AEF-MGC-2024-2(50)-16/16/5-M-16.

Статья поступила в номер 12 июня 2025 г.
Принята к печати 27 июня 2025 г.

© Д.А. Кириченко, 2025.

the Shortepe settlement (Barda district). The examined skulls are shown injuries of various types, without signs of healing process. On the artificially deformed male skull from burial No.10 of the “stone box” type in the Demirchi necropolis, a depressed compression fracture of an oblong-round shape measuring 10 × 13 mm and 5 mm deep was noted (blunt force trauma); on the male skull from burial No. 11 of the “stone box” type in the Demirchi necropolis, a penetrating wound (“perforated” fracture) of an oblong-oval shape measuring 8 × 13 mm was noted (sharp force trauma); on the male artificially deformed skull from the catacomb burial in Mingachevir — a penetrating wound (“perforated” fracture) of a triangular shape, measuring 20 × 20 × 15 mm (sharp force trauma); on the male skull from the pithos burial No. 1 from the Eminli necropolis — a penetrating wound (“perforated” fracture) of an oblong-oval shape, measuring 55 × 13 mm (sharp force trauma); on the male skull from the pithos burial at the Shortepe settlement there is a sharp force trauma, oval in shape, 8.4 cm long and 2.1 cm wide was identified. The supposed types of weapons that caused the traumatic injuries were also noted. At the same time, at the territory of the South Caucasus, in addition to the cases from Azerbaijan, no fatal injuries (perimortem traumas) were found on male skulls. The high traumatism in the studying period indicates increased combat clashes and the aggressiveness of the social environment.

Key words: Azerbaijan, Caucasian Albania, archaeology, burials, Antiquity, warfare, traumatic injuries.

About the author: Kirichenko Dmitry A., PhD (Archaeology), Ass. Professor, Institute of archaeology and anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences.

Contact information: AZ 1143, Azerbaijan Republic, Baku, H. Javid Avenue 115, Azerbaijan National Academy of Sciences, e-mail: dmakirichenko@mail.ru.

В статье рассмотрен антропологический материал из разнотипных погребений периода античной Кавказской Албании с территории Азербайджанской Республики — кувшинных, катакомбных и захоронений по типу «каменный ящик».

Новизной является описание случаев травматических повреждений летального характера, выявленных на краниумах мужчин[1] из северо-западного, центрального и юго-восточного регионов республики, а также представлена карта археологических памятников (рис. 1), в которых они были выявлены, а также составлена сводная таблица находок мужских черепов эпохи античности с травмами летального характера с территории Ближнего Востока.

Автором были исследованы краниологические материалы, как из фондов Института археологии и антропологии НАНА (г. Баку), так и из историко-краеведческих музеев г. Масаллы и г. Барда.

Материалом для написания работы послужили черепа мужчин из захоронений (№ 10, 11) по типу «каменный ящик» некрополя Демирчи (Шемахинский р-н); кувшинного погребения № 1 некрополя Эминли (Массалинский р-н); кувшинного погребения на поселении Шортепе (Бардинский р-н); катакомбного погребения из Мингечаура.

Травматические повреждения были изучены согласно методикам, применяемым в современной судебной медицине (Крюков 1998; Sauer 1998; Çeker 2022) и палеопатологии (Мамонова 1997; Бужилова 1995; Балабанова, Перерва 2007; Ражев 2013; Балабанова, Перерва 2019; Lovell 1997; Ortner 2003; Knüsel 2005).

Исследованные в публикации травмы относятся, к так называемым *perimortem trauma* (травмам, произошедшим накануне или в момент смерти) (Sauer 1998; Çeker 2022; Lovell 1997; Ortner 2003) без следов заживления.

В ходе описания травматических повреждений была отмечена их локализация на краниуме, сторона расположения (справа/слева), форма дефекта, размеры и тип, согласно принятой классификации, а также предполагаемый предмет/оружие, нанесения ранения.

Некрополь Демирчи расположен в 35 км к северо-западу от г. Шемаха на высоте 1800 м над уровнем моря и был обнаружен во время строительства магистрального шоссе Шемаха-Демирчи-Лагич в 2015 г.

---

[1] Случаи травматических повреждений с летальным исходом на женских черепах эпохи античности с территории Азербайджана будут рассмотрены отдельно, но в другой статье.

В 2017 г. археологические раскопки на памятнике проводила экспедиция Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана (ныне Институт археологии и антропологии НАНА) во главе с д-ром ист. наук, проф. Г.Дж. Джабиевым и канд. ист. наук, доц. Ф.С. Халили. В ходе работы было исследовано 18 погребений по типу «каменный ящик».

Захоронения были обнаружены на глубине 50—90 см, могилы квадратной формы, их стенки выложены крупными камнями речного происхождения или известняком, сверху погребения закрыты большими каменными плитами скального происхождения. В могилах скелеты находились в сильно и слабо скорченном положении на правом или левом боку с ориентировкой лица на северо-восток и юго-запад. Мужчины были захоронены на левом боку лицом на северо-восток, а женщины — на правом боку лицом на юго-запад. В погребениях был обнаружен многочисленный инвентарь: керамические сосуды албанского времени, изделия из стекла, железа (ножи, кинжалы, мечи), серебра (фиалы, печати, перстни-печатки, подвески, римская фибула), золота (украшения, серьги, кольца, подвески, нашивки, булавки и т.д.), различные бронзовые украшения, бусины из агата, граната, пасты, а также остатки ткани (шерсти) и кожи. Археологические артефакты выявленные в некрополе Демирчи находят свои аналогии среди погребальных памятников и поселений Азербайджана времен античной Кавказской Албании, а также среди предметов эпохи Великого переселения народов. Некрополь Демирчи датируется в пределах конца III—IV вв. н.э. (Cəbiyev 2017: 2—4; Кириченко, Гасанов 2019: 72).

В двух погребениях (№ 10 и 11) некрополя Демирчи были обнаружены черепа со следами травматических повреждений. К сожалению, не приводится полное археологическое описание этих погребений (размеры, положение костяка, полное содержание инвентаря и т.д.).

Однако, по имеющейся у нас информации и фото из отчета д-ра ист. наук, проф. Г.Дж. Джабиева следует, что захоронения имели весьма представительный погребальный инвентарь. В частности, в каменном ящике № 10 рядом со скелетом был обнаружен железный меч (длина 65 см) (рис. 7: 6) и железный кинжал (длина 35 см), под черепом находилась серебряная фиала, а также куски ткани, были выявлены и керамические сосуды, а в каменном ящике №11 под головой погребенного также была обнаружена серебряная фиала (Cəbiyev 2017: 3).

В настоящее время черепа из некрополя Демирчи хранятся в археологическом фонде Института археологии и антропологии НАНА (г. Баку).

На искусственно деформированном черепе мужчины, в возрасте 40—45 лет, из погребения № 10 на левой стороне лобной кости отмечен вдавленный компрессионный перелом, продолговато округлой формы, размерами 10 × 13 мм, глубиной 5 мм (Кириченко 2020: 142). Травма была нанесена, предположительно, тупым предметом, возможно, булавой. Удар был настолько сильным, что на внутренней стороне имеется достаточно глубокая вмятина (рис. 2).

На фрагменте черепа мужчины из погребения № 11 на левой височной кости имеется проникающее ранение продолговато-овальной формы (рис. 3), размерами 8 × 13 мм (Кириченко 2020: 143). Возможно, удар мог быть нанесен копьем или другим предметом с острым концом.

Мингечаур. В 1949 г. во время строительства гидроэлектростанции в районе Мингечаура, на левом берегу реки Кура, в местности Гала-Гет, в 6 км к северо-востоку от г. Мингечаур, у входных ворот ущелья Бождага (Асланов 1955: 63) были обнаружены катакомбные погребения, до того момента еще не исследованные на территории нашей республики.

Катакомбные погребения в зоне Мингечаура связывают с появлением на территории Кавказской Албании племен сармато-аланского круга. Захоронения датируют широко в пределах I—VII вв. и подразделяются на две группы: ранние (I—III вв.) и поздние (IV—VII вв.) (Гошгарлы 2012).

Касаясь общей характеристики катакомбных погребений нужно заметить, что все они почти одинаковы по устройству камер, представляющих собой куполообразные сводчатые сооружения, эллипсоидные или круглые в плане, 1,5—3 м в диаметре и 0,9—1,7 м высотой. Доступ к камерам осуществлялся через специальные проходы в виде траншей (Асланов 1955: 64).

Значительное количество искусственно деформированных черепов отмечено в катакомбах раннего периода. В целом инвентарь ранних катакомбных погребений — это разнообразные по формам и функциональному назначению керамические сосуды красного, а порой и черного обжига, разнообразные стеклянные сосуды, предметы вооружения, украшения, серебряные сосуды, орудия труда, монеты (Гошгарлы 2012).

В музейной экспозиции отдела «Научный фонд и экспозиция» Института археологии и антропологии НАНА (г. Баку) находится искусственно деформированный краниум со следами *perimortem* травмы из раннего катакомбного погребения Мингечаура, но без указания номера захоронения.

На правой теменной кости черепа (168 б) взрослого мужчины отмечено проникающее ранение (Кириченко 2020: 141), так называемый «дырчатый» перелом, треугольной формы, размерами 20 × 20 × 15 мм (рис. 4), нанесенный, вероятно, предметом с острым концом, предположительно, боевым чеканом.

Некрополь Эминли. В 2022 г. в ходе сельскохозяйственных работ на территории села Эминли (Массалинский р-н) было случайно обнаружено кувшинное погребение, которое являлось частью некрополя. Археологом к.и.н., доц. А.М. Агаларзаде были проведены на месте спасательные раскопки[2].

Погребальный кувшин (кюп) находился на глубине 70 см от дневной поверхности. Рядом с ним выявлено еще два керамических сосуда. Кюп находился на боку, по направлению северо-восток—юго-запад, венчиком на юго-запад. Длина погребального сосуда составляла 1,8 м, диаметр тулова — 1 м, диаметр венчика — 50 см. Анатомическое положение костяка с трудом удалось определить, ввиду заполнения погребального кувшина грунтовыми водами. Череп находился у венчика сосуда, лицевая часть была направлена на северо-восток. Скелет погребенного находился в полускорченном положении на левом боку, руки сильно согнуты и подняты над головой, а ноги согнуты в коленях. У ног погребенного, ближе к основанию кюпа выявлен еще один керамический сосуд. Инвентарь, помимо указанных выше керамических сосудов состоял из железного кинжала, железного ножа с костяной рукояткой, а также были обнаружены две бронзовые серьги, бронзовая пряжка пояса, серебряная монета — драхма, так называемого «готарзовского» типа, экбатанского чекана Парфии, которая находилась рядом с челюстью. Погребение датируется около I в. н.э. (Агаларзаде, Керимов, Кириченко 2023).

В настоящее время череп и кости посткраниального скелета, а также артефакты из кувшинного погребения № 1 некрополя Эминли представлены в экспозиции историко-краеведческого музея г. Масаллы (Масаллинский р-н).

На левой височной кости взрослого мужчины (50 + лет) имеется проникающее ранение, продолговато овальной формы (рис. 5), размерами 55 × 13 мм, нанесенное острым массивным предметом — железным топором, кинжалом/мечом, который пробил кость, в результате чего, предположительно, наступила мгновенная смерть. О силе удара мы можем судить, по трещинам, которые образовались слева и справа от места повреждения, сама кость была разрушена.

Поселение Шортепе расположено в 3 км восточнее с. Шатырлы (Бардинский р-н), в возвышенной части Карабахской равнины. Со второй половины I тыс. до н.э. поселение Шортепе стало одним из торгово-ремесленных центров региона. К сожалению, в письменных источниках нет прямых сведений относительно этого памятника (Османов 2006: 85).

Археолог Ф.Л. Османов отождествлял поселение Шортепе с античной Бардой. На памятнике была проведена лишь археологическая разведка, в результате которой был собран ценный материал, состоящий, как из местных, так и импортных изделий (Османов 2006).

Площадь городища составляет более 4 га. У южной окраины Шортепе были расчищены четыре кувшинных погребения. Покойник находился внутри погребального кюпа в скорченном положении, кюпы ориентированы преимущественно на юго-восток или северо-

[2] Автор выражает свою благодарность и признательность канд. ист. наук, доц. А.М. Агаларзаде за возможность исследовать и опубликовать антропологический материал из кувшинного погребения № 1 некрополя Эминли.

восток. Внутри захоронений был выявлен и изучен значительный погребальный инвентарь. Керамика представлена, в основном, небольшими горшками и мисками. Горшки с округлым корпусом и низкой горловиной, увенчанной утонченным или утолщенным к краю венчиком Узкая горловина кверху раструбообразно, расширяется. Миски, в основном, полусферической или уплощённой формы с загнутым вовнутрь венчиком. В погребениях были обнаружены многочисленные бусы из полудрагоценных камней, биконической, сферической, шаровидной и цилиндрической формы (Османов 2006: 86—87).

К сожалению, Ф.Л. Османов не приводит подробного описания каждого кувшинного погребения отдельно, останавливаясь лишь на богатом женском погребении № 2, а также отмечает, что аналогичные выявленным в кувшинных погребениях материалы известны из раскопок античных городов Греции и Северного Причерноморья (Османов 2006: 87—88).

Исследованный нами слабо деформированный череп мужчины зрелого возраста (35—50 лет) (Buikstra, Ubelaker 1994), происходит из кувшинного погребения, обнаруженного на южной окраине городища Шортепе. К сожалению, не сохранилось информации из какого именно по номеру захоронения.

Краниум, в настоящее время, представлен в действующей экспозиции историко-краеведческого музея г. Барда (Бардинский р-н)[3].

На краниуме с левой стороны имеется травматическое повреждение (рис. 6) насильственного характера, овальной формы, длиной 8,4 см и шириной 2,1 см. Травма — рубленая, нанесена острым предметом, следов заживления нет; отмечен рубленый дефект, четко просматривается плоскость разруба.

Возможно, нападавший находился лицом к лицу к мужчине, основной удар пришелся на левую сторону лобной и височной кости, слегка задев при этом и теменную кость.

О силе удара свидетельствует тот факт, что часть кости была срезана и отсечена, края дефекта острые, присутствуют также отломы и отслоения внутренней и внешней компакты. Вероятно, оружием нападения послужил острый меч. Предположительно, от такого ранения смерть наступила, практически мгновенно. На пораженном участке отмечаются сколы и мелкие зазубрины, оставленные холодным оружием. Исход боевого столкновения для индивидуума был летальным. Травма на черепе мужчины из Барды относилась к категории рубленных травм острым предметом.

Травмой называют нарушение целостности или непрерывности тканей организма, которые возникают под воздействием внешних сил (Волкович 1928: 4).

Травмы черепа являются одним из важных источников в реконструкции образа жизни древнего населения. Изучение травматических повреждений — одно из важных направлений в палеопатологии.

Травмы выступают показателем взаимодействия индивидуума с окружающей средой и обществом (Ortner 2003).

Показатель распространения черепных травм в группе является своеобразным маркером агрессивности и неблагополучия социальной атмосферы в популяции (Бужилова 2005: 197).

Специальный анализ травм, их форма, размеры, состояние краев переломов, представляет интерес, поскольку говорят о роде оружия, которым были нанесены травмы, силе и направлении ударов (Мамонова 1997: 108).

Травматические поражения наиболее характерные маркеры военной жизни (Бужилова 1995: 134).

Антропологи М.А. Балабанова и Е.В. Перерва отмечают, что боевые травмы засвидетельствованы чаще на лицевом отделе краниума, а также их значительно больше на искусственно деформированных черепах позднесарматского времени. В это период преобладают рубленные ранения со смертельным исходом (Балабанова, Перерва 2019).

[3] Автор выражает свою благодарность и признательность директору историко-краеведческого музея г. Барда госпоже К. Рафибейли за возможность исследовать и опубликовать материалы, а также госпоже М. Алиевой за помощь в процессе работы с артефактами из экспозиции.

Антрополог Е.Ф. Батиева сообщает о частоте встречаемости травм у мужчин с деформацией в Нижнегниловском и Кобяковском некрополях, а также в степных курганных могильниках Подонья (Батиева 2011: 55).

Позднесарматский социум был более агрессивным, его мужская часть, скорее всего, регулярно участвовала в боевых конфликтах в качестве и нападавших, и жертвы (Балабанова, Перерва 2019: 339).

В боевом арсенале эпохи античности, судя по археологическим находкам с территории Азербайджана и Евразии можно найти в большом количестве, предполагаемые виды оружия, которыми и были нанесены травмы — железные мечи, кинжалы, булавы, копья, различные топоры, чеканы и т.д.

Одним из возможных видов оружия, приведшим к смерти мужчины из Барды, мог выступать длинный меч (рис. 7).

Римский историк Публий Карнелий Тацит (56/58 — после 117/120 гг.) сообщает, что обычным оружием сарматов был длинный меч (Нефедкин 2011: 159).

Появившись во II—I вв. до н.э., длинные мечи со II в. н.э. становятся ведущим оружием ближнего боя (Курчатов, Бубулич, 2003: 294). По всей видимости, появление длинных клинков у сарматов можно рассматривать в достаточно широком кругу сарматско-среднеазиатских культурных параллелей II в. до н.э. — I в. н.э., фиксируемых целым рядом различных категорий археологического материала. И ранние, и поздние серии длинных мечей, находимых в сарматских могилах, в самых общих чертах являются частями огромной группы азиатского клинкового оружия, распространенного на колоссальной территории (Безуглов, 2000: 174—175).

Практически все исследователи отмечают сопряженность быстрого распространения длинных мечей со становлением позднесарматской археологической культуры (Безуглов, 2000: 179).

Вероятно, человек погиб в бою с воином, обладавшим похожим боевым комплектом вооружения.

Возможно, схватка, могла произойти аналогичным образом, как и на изображении батальной сцены (рис. 8) на орлатской костяной пластине из Узбекистана (Mode 2006: fig. 1).

На территории Южного Кавказа травмы с летальным исходом на черепах мужчин эпохи античности пока не обнаружены и нам неизвестны.

В целом, проблема боевого травматизма на южнокавказских антропологических материалах, относящихся к исследуемому периоду, еще не совсем хорошо проработана, так как практически нет находок подобного плана.

На территории Евразии в эпоху античности были отмечены многие случаи *perimortem* травм на черепах мужчин, описание которых не входит в задачи нашей статьи, мы ограничились лишь антропологическими материалами из региона Ближнего Востока.

На территории Ближнего Востока мужские краниумы с *perimortem* травмами были обнаружены на ряде археологических памятников синхронного времени: погребения на кладбище гладиаторов г. Эфес (Kanz, Grossschmidt 2006) (Турция); череп мужчины из церкви Константина и Елены (Uysal 2005) позднеантичного г. Андабалис (возле г. Нигде, Турция); погребение мужчины в сырцовом саркофаге из Йешиловы (Türkoral 2016) около г. Измир (античная Смирна, Турция); некрополь Саяла (Strouhal, Jungwirth 1980) (Египет); массовое захоронения жертв резни II в. до н.э. — I в.н.э. из г. Иерусалим (Dittmar et al. 2022) и череп взрослого человека, предположительно, мужчины, из Эйн Геди, датируемый около I в. н.э. (Nagar 2003: 129) (Израиль).

На черепах были отмечены, как проникающие «дырчатые» переломы, рубленные травмы, так и вдавленные компрессионные переломы (табл. 1).

На территории Ближнего Востока в исследуемый период, преобладающей категорией травм были вдавленные компрессионные переломы, затем следовали — рубленные травмы, а после — проникающие ранения / «дырчатые переломы».

В античное время на территории Азербайджана, судя по имеющимся у нас данным, в основном, из повреждений летального характера преобладали проникающие ранения

(некрополь Демирчи, Мингечаур, некрополь Эминли), засвидетельствован один компрессионный вдавленный перелом (некрополь Демирчи) и одна рубленная травма (Шортепе).

Относительно типа погребений, то 2 случая травмы были зафиксированы на черепах из каменных ящиков; 2 — из кувшинных погребений и 1 — из катакомбного захоронения.

Три краниума были подвержены обычаю искусственной деформации, что лишний раз показывает высокую степень боевого травматизма, отмеченную на искусственно модифицированных черепах мужчин.

Литература

Агаларзаде А.М., Керимов С.К., Кириченко Д.А. 2023. Сармато-аланские следы в Атропатене (на основе материалов кувшинного погребения в Эминли). В: Раев Б.А. (ред.). *XI Анфимовские чтения. Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций*. Краснодар; Москва: Традиция. Центр палеоэтнологических исследований, 38—44.

Асланов Г.М. 1955. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. *Краткие сообщения института истории материальной культуры* 60, 63—72.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2007. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение Сарматов: региональная типология и хронология.* Челябинск: ЮУрГУ, 173—181.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2019. Травмы как свидетельство вооруженного насилия: (по материалам могильников сарматского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона). *Stratum plus* 4, 321—342.

Батиева Е.Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — VI в. н.э.: (Палеоантропологическое исследование).* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона* 1, 169—193.

Бужилова А.П. 1995. *Древнее население (палеопатологические аспекты исследования).* Москва: ИА РАН.

Бужилова А.П. 2005. *Homo Sapiens: История болезни*. Москва: Языки славянской культуры.

Волкович Н.М. 1928. *Повреждения костей и суставов*. Киев: Киевский медицинский институт.

Гошгарлы Г.О. 2012. *Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана*. Баку: Элм.

Кириченко Д.А. 2020. *Палеоантропология Азербайджана (VII в. до н.э. — V в. н.э.).* Баку: Apostrof-A.

Кириченко Д.А., Гасанов В.П. 2019. Некрополь Демирчи по данным антропологии. *Вестник Музея Археологии и Этнографии Пермского Предуралья* 9, 72—82.

Крюков В.Н. 2012. *Судебная медицина*. Москва: Медицина.

Курчатов С., Бубулич В. 2003. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты — 40 лет спустя. В: Савва Е. (отв. ред.*). Взаимодействие культури хронология Северо-Понтийского региона*. Кишинев: Институт археологии и этнографии АН РМ, 285—312.

Мамонова Н.Н. 1997. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V—III вв. до н.э.). *РА* 4, 108—121.

Нефедкин А.К. 2011. *Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников).* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.

Османов Ф.Л. 2006. *История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. — III в. н.э. (на основании археологических материалов).* Баку: Тахсил.

Ражев Д.И. 2013. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: Распространение, структура, интерпретации. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* № 2 (21), 56—69.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов: Саратовский университет.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series* 44.

Cəbiyev Q. 2017. *Demirçi nekropolu*. Bakı: Bakı Universiteti.

Çeker D. 2022. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri. In: Çeker D., Sevim Erol A., Plümer Küçük G. *Adli Antropoloji ve Kimliklendirme — Sahada ve Laboratuvarda Popöler Metodlar*. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 235—260.

Dittmar et al. 2022: Dittmar J.M., Nagar Y., Arbiv K., Lieberman T., Mitchell P.D. 2022. Violence in Hasmonean Judea: Skeletal evidence of a massacre from 2nd —1st century BCE Jerusalem. *International Journal of Osteoarchaeology* 32, 731—745. DOI: https://doi.org/10.1002/oa.3084.

Kanz F., Grossschmidt K. 2006. Head injuries of Roman gladiators. *Forensic Science International* 160, 207—216.

Knüsel C.J. 2005. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? In: Parker Pearson M., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University*. Oxford: BAR Publishing, 49—65.

Lovell N.C. 1997. Trauma analysis in paleopathology. *Yearbook of Physical Anthropology* 40, 139—170.

Mode M. 2006. Heroic fights and dying heroes — The Orlat battle plaque and the roots of Sogdian art. In: Compareti M., Raffetta P., Scarcia G. *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday*. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, 419—454.

Nagar Y. 2003. Who lived in Israel? A Story of Ancient Populations. Jerusalem: Oranit.

Ortner D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego: Academic Press.

Sauer N.J. 1997. The Timing of Injuries and Manner of Death: Distinguishing Among Antemortem, Perimortem, and Postmortem Trauma. In: Reichs K. (eds.). *Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains*. Springfield: Charles C. Thomas, 321—332.

Strouhal E., Jungwirth J. 1980. Paleopathology of the Late Roman-Early Byzantine Cemeteries at Sayala, Egyptian Nubia. *Journal of Human Evolution* 9, 61—70.

Türkoral I. 2016. *Yeşilova Höyüğü iskelet buluntularının anatomik ve antropolojik açıdan incelenmesi*. İzmir: Ege Üniversitesi Sağlık Bilimleri Enstitüsü.

Uysal G. 2005. Kafatası Travması: Olası Bir Cinayet. *Adli Bilimler Dergisi* 4 (3), 45—51.

References

Agalarzade, A.M., Kerimov, S.K., Kirichenko, D.A. 2023. In: Raev, B.A.(ed.). *XI Anfimovskie chteniya. Zapadnyj Kavkaz v kontekste kontaktov kul'tur, narodov i civilizacij (XI Anfimov Readings. Western Caucasus in the Context of Contacts of Cultures, Peoples and Civilizations)*. Krasnodar; Moscow: Tradiciya. Centr paleoetnologicheskih issledovanij, 38—44 (in Russian).

Aslanov, G.M. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 60, 63—72 (in Russian).

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2007. In: Yablonskij, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie Sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya (The Sarmatians Arming: Regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: YuRGU, 173—181 (in Russian).

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2019. In *Stratum plus* 4, 321—342 (in Russian).

Batiyeva, E.F. 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — VI v. n.e.: (Paleoantropologicheskoe issledovanie) (The population of the Lower Don Region of the 9th century BCE — 4th century CE (paleoanthropological research))*. Rostov-on-Don: YuNC RAN (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona (The Sarmatians and their Neighbors on the Don: The Don Archaeology: New materials and its analysis)* 1, 169—193 (in Russian).

Buzhilova, A.P. 1995. *Drevnee naselenie: paleopatologicheskie aspekty issledovaniia (Ancient Population: Paleopathological Aspects of Study)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Buzhilova, A.P. 2005. *Homo Sapiens: Istoriia bolezni (Homo Sapiens: a Medical History)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).

Volkovich, N.M. 1928. *Povrezhdeniya kostej i sustavov (Damages of bones and joints)*. Kiev: Kievskiy medicinskiy institut (in Russian).

Goshgarly, G.O. 2012. *Tipologiya pogrebal'nykh pamyatnikov antichnogo perioda na territorii Azerbajdzhana (Typology of burial monuments of Antique period at the territory of Azerbaijan)*. Baku: Elm (in Russian).

Kirichenko, D.A. 2020. *Paleoantropologiya Azerbaydzhana (VII v. do n.e.—V v. n.e.) (Paleoanthropology of Azerbaijan (7th century BCE — 5th century CE))*. Baku: Apostrof-A (in Russian).

Kirichenko, D.A., Gasanov, V.P. 2019. In *Vestnik Muzeya Arkheologii i Ehtnografi Permskogo Predural'ya (The Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* IX, 72—82 (in Russian).

Kriukov, V.N. 1990. *Sudebnaia meditsina (Forensic Medicine)*. Moscow: Meditsina (in Russian).

Kurchatov, S., Bubulich, V. 2003. In: Savva, E. (ed.). *Vzaimodejstvie kul'tur i khronologiya Severo-Pontijskogo regiona (Interaction of cultures and chronology of the North Pontic region).* Kishinev: Institut arkheologii i ehtnografii AN RM, 285—312 (in Russian).

Mamonova, N.N. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 4, 108—121 (in Russian).

Nefedkin, A.K. 2011. *Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnykh istochnikov) (Warfare of the Sarmatians and Alans (as described by ancient authors)).* Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPBGU; Nestor-Istoriya (in Russian).

Osmanov, F.L. 2006. *Istoriya i kul'tura Kavkazskoj Albanii IV v. do n.e. - III v. n.e. (na osnovanii arheologicheskih materialov) (History and culture of Caucasian Albania 4th c. BCE — 3rd c. CE (according by archaeological materials).* Baku: Tahsil (in Russian).

Rajev, D.I. 2013. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografi* 2 (21), 59—69 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspect (Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect).* Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series* 44.

Cəbiyev, Q. 2017. *Demirçi nekropolu (Demirchi necropolis).* Bakı: Bakı Universiteti.

Çeker, D. 2022. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri. In: Çeker, D., Sevim Erol, A., Plümer Küçük, G. *Adli Antropoloji ve Kimliklendirme — Sahada ve Laboratuvarda Popöler Metodlar*. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 235—260 (in Turkish).

Dittmar et al. 2022: Dittmar, J.M., Nagar, Y., Arbiv, K., Lieberman, T., Mitchell, P.D. 2022. In *International Journal of Osteoarchaeology* 32, 731—745. DOI: https://doi.org/10.1002/oa.3084.

Kanz, F., Grossschmidt, K. 2006. In *Forensic Science International* 160, 207—216.

Knüsel, C.J. 2005. In: Parker Pearson, M., Thorpe, I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University.* Oxford: BAR Publishing, 49—65.

Lovell, N.C. 1997. In *Yearbook of Physical Anthropology* 40, 139—170.

Mode, M. 2006. In: Compareti, M., Raffetta, P., Scarcia, G. *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday.* Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, 419—454.

Nagar, Y. 2003. Who lived in Israel? A Story of Ancient Populations. Jerusalem: Oranit.

Ortner, D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains.* San Diego: Academic Press (in English).

Sauer, N.J. 1997. In: Reichs, K. (eds.). *Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains.* Springfield: Charles C. Thomas, 321—332.

Strouhal, E., Jungwirth, J. 1980. In *Journal of Human Evolution* 9, 61—70.

Türkoral, I. 2016. *Yeşilova Höyüğü iskelet buluntularının anatomik ve antropolojik açıdan incelenmesi (Anatomical and anthropological examination of the skeletal remains in Yeşilova Tumulus).* İzmir: Ege Üniversitesi Sağlık Bilimleri Enstitüsü.

Uysal, G. 2005. In *Adli Bilimler Dergisi (Journal of Forensic Sciences)* 4 (3), 45—51.

Таблица 1. **Археологические памятники с *perimortem trauma*. Южный Кавказ и Ближний Восток. Эпоха античности.**

Археологический памятник / Страна	**Тип погребения, номер**	**Область на черепе / сторона**	**Размеры (мм, см)**	**Вид ранения/ травмы**	**Исследователь**
Мингечаур/ Азербайджан	Катакомбное —	Правая теменная кость	20 × 20 × 15 мм	П/ДП;	Кириченко 2020; Наст. издание
Демирчи/ Азербайджан	«Каменный ящик» №10; №11	Лобная кость (слева); Височная кость (слева)	10 × 13 мм; 8 × 13 мм	ВКП; П/ДП	Кириченко 2020
Эминли/ Азербайджан	Кувшинное №1	Височная кость (слева)	55 × 13 мм	П/ДП	Наст. издание
Шортепе/ Азербайджан	Кувшинное погребение	Лобная и теменная кость (слева)	8,4 × 2,1 см	Р	Наст. издание
Йешилова/ Турция	Сырцовый саркофаг №1	Сагитталь ный шов; Теменная кость (справа); Лобная кость (справа)	26,32 × 7,09 мм; 16,34 × 7,21 мм; 4,69 мм	П/ДП	Türkoral 2016
Эфес/Турция	Кладбище гладиаторов	Теменная кость (справа - 4; слева - 4); Лобная кость (справа - 1; слева - 2)	—	ВКП; П/ДП	Kanz, Grossschmidt 2006
Андабалис/Турция	Средний Неф церкви	Птерион (слева)	Три разреза длиной: 13 см; 5 см; 5 см	Р	Uysal 2005
Эйн Геди/Израиль	—	Лобная / Теменная кость (слева)	—	ВКП	Nagar 2003
Иерусалим/Израиль	Массовое погребение в цистерне	Теменная кость (справа и слева); Затылочная кость	—	Р; ВКП	Dittmar et al. 2022
Саяла/Египет	Грунтовые погребения —	Лобная кость; Теменная кость	—	Р; ВКП	Strouhal, Jungwirth 1980

—: Данные отсутствуют; П: Проникающее; ДП: «Дырчатый перелом»; ВКП: Вдавленный компрессионный перелом; Р: Рубленная.

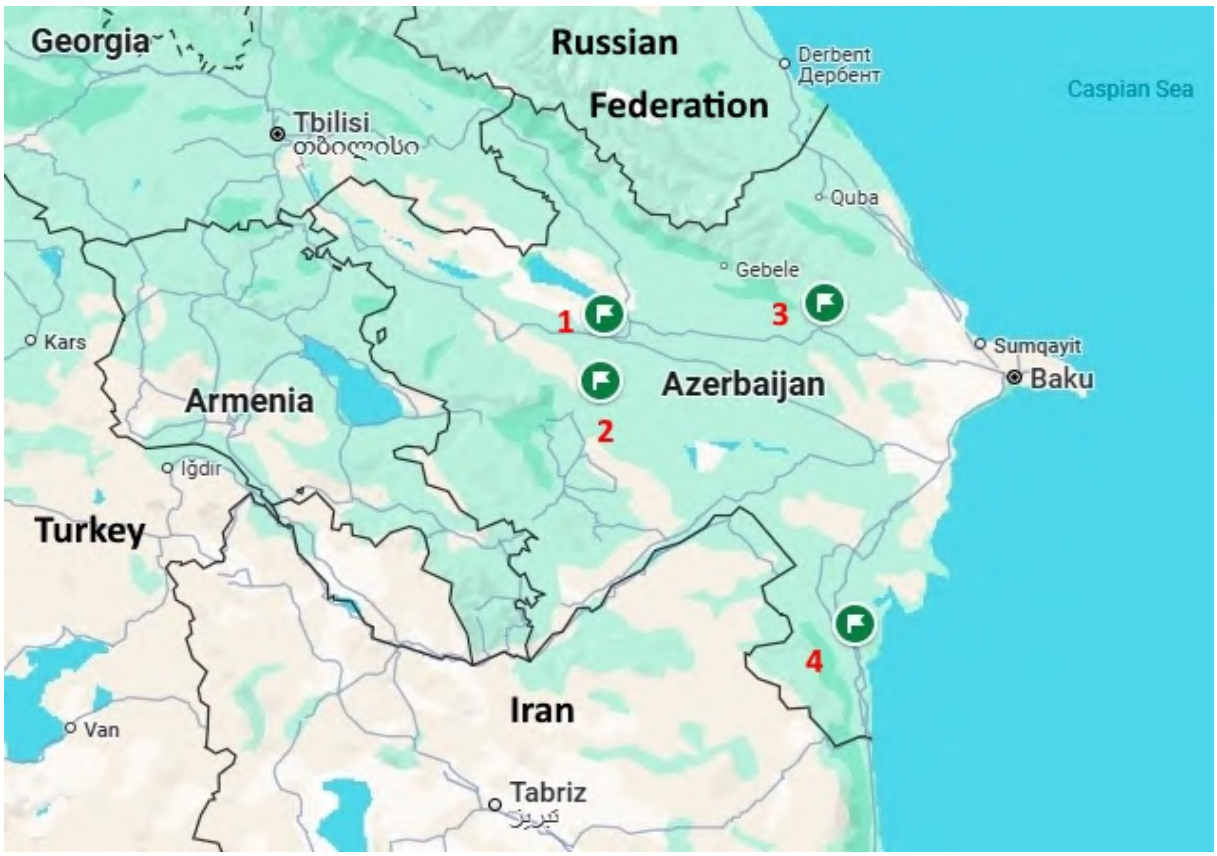


Рис. 1. Месторасположение археологических памятников. *1* — Мингечаур; *2* — Поселение Шортепе; *3* — Некрополь Демирчи; *4* — Некрополь Эминли (карта составлена автором).

Fig. 1. Localization of archaeological sites. *1* — Mingachevir; *2* — Shortepe settlement; *3* — Demirchi necropolis; *4* — Eminli necropolis (a map completed by author).

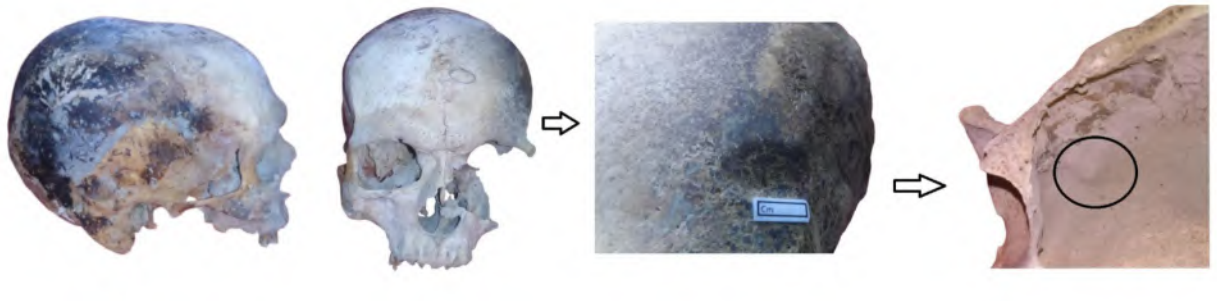


Рис. 2. Мужской искусственно деформированный череп с травматическим дефектом из погребения №10. Некрополь Демирчи (фото автора).

Fig. 2. Male artificial deformed skull with traumatic defect from burial 10. Demirchi necropolis (Photo by author).

Рис. 3. Фрагмент мужского черепа с травматическим повреждение. Некрополь Демирчи. Погребение № 11 (фото автора).

Fig. 3. A fragment of male skull with traumatic injury. Demirchi necropolis. Burial No. 11 (Photo by author).

Рис. 4. Мужской искусственно деформированный череп (168 б) с травматическим дефектом. Мингечаур. Катакомбное погребение (фото автора).

Fig. 4. Male artificial deformed skull (168 б) with traumatic defect. Mingachevir. Catacomb burial (Photo by author).

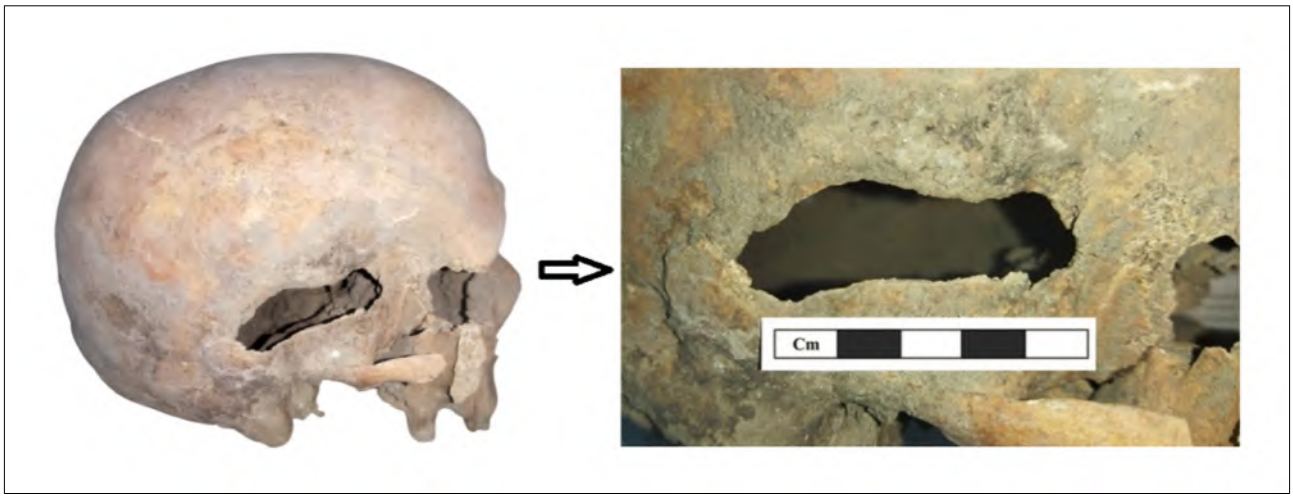


Рис. 5. Мужской череп с травматическим повреждением. Некрополь Эминли. Кувшинное погребение №1 (фото автора).

Fig. 5. Male skull with traumatic injury. Eminli necropolis. Pithos burial № 1 (Photo by author).

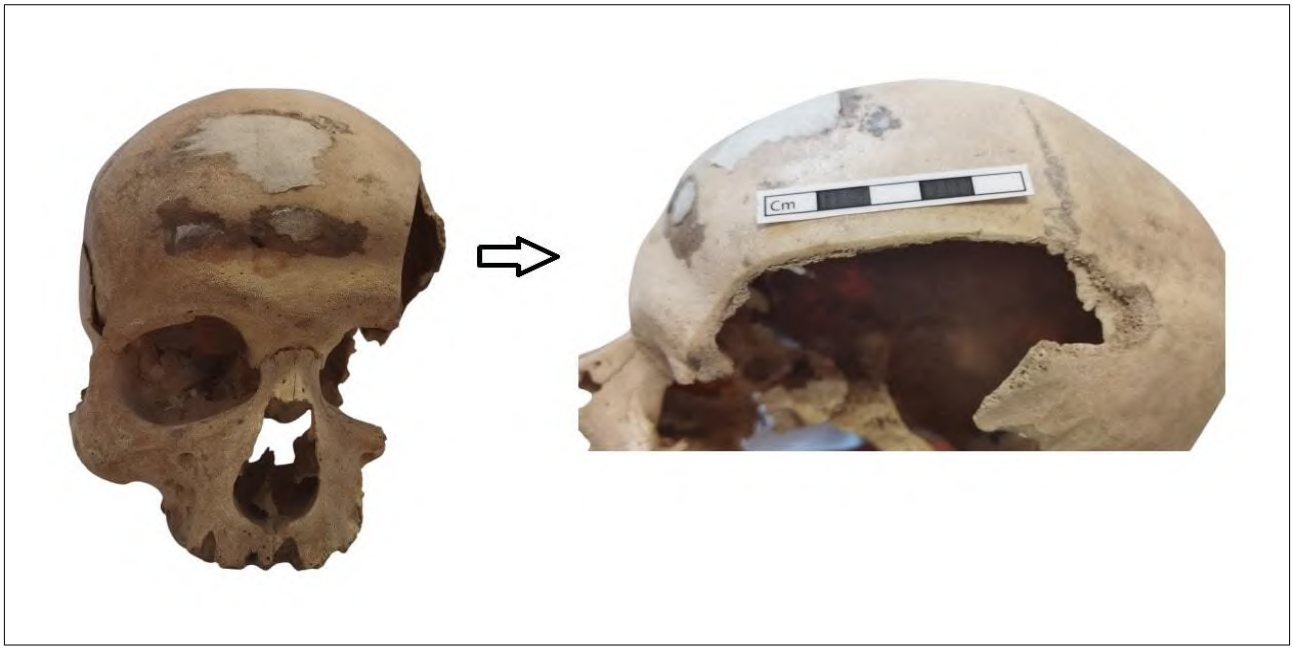


Рис. 6. Травматическое повреждение. Поселение Шортепе. Кувшинное погребение (фото автора).

Fig. 6. Traumatic injury. Shortepe settlement. Pithos burial (Photo by author).

Рис. 7. Длинные мечи позднесарматского времени. *1* — Бахтияровка, курган 33, погребение 5 (по Скрипкин 1990: рис. 21.13); *2* — Старые Киишки, курган 15, погребение 7 (по Скрипкин 1990: рис. 21.28); *3* — Камышевский I, курган 8, погребение 1 (по Безуглов 2000: рис. 4.1); *4* — Валовый, курган 25, погребение 1 (по Безуглов 2000: рис. 4.2); *5* — Олонешты, курган IV, погребение 4 (по Курчатов, Бубулич 2003); *6* — Демирчи, погребение 10 (по Cəbiyev 2017).

Fig. 7. Long swords of the Late Sarmatian. *1* — Bahtiyarovka, kurgan 33, burial 5 (after Skripkin 1990: fig. 21.13); *2* — Starye Kiishki, kurgan 15, burial 7 (after Skripkin 1990: fig. 21.28); *3* — Kamyshevskij I, kurgan 8, burial 1 (after Bezuglov 2000: fig. 4.1); *4* — Valovyj, kurgan 25, burial 1 (after Bezuglov 2000: fig. 4.2); *5* — Oloneshty, kurgan IV, burial 4 (after Kurchatov, Bubulich 2003); *6* — Demirchi, burial 10 (after Cəbiyev 2017).

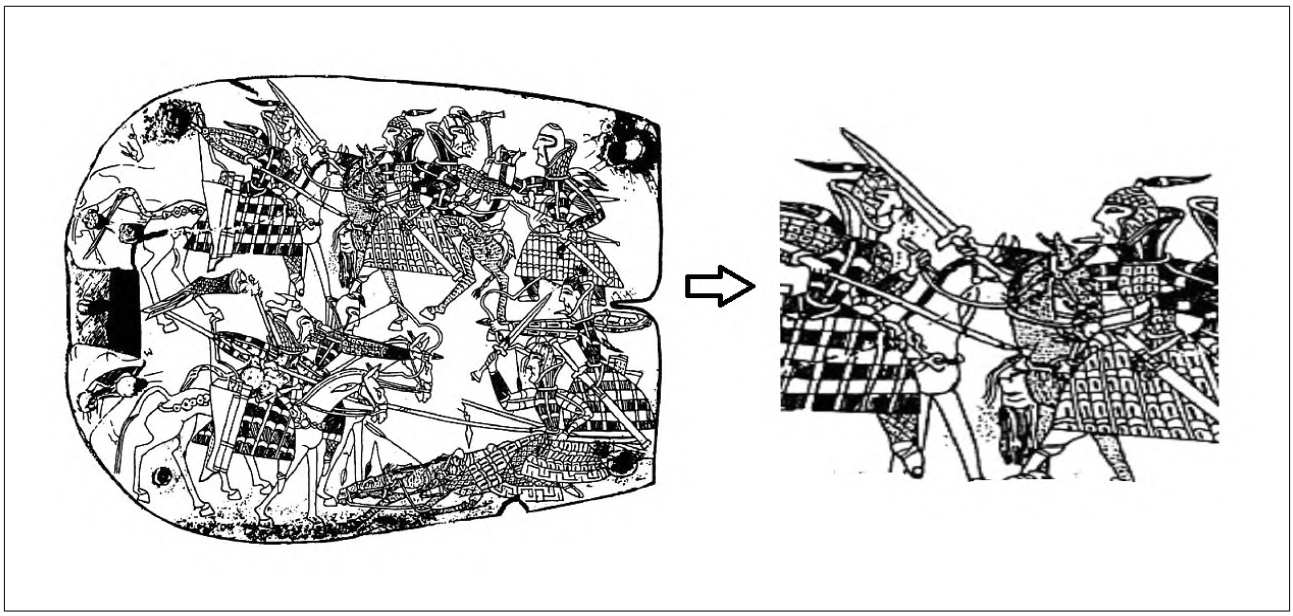


Рис. 8. Костяная пластина с батальной сценой. Орлат. Узбекистан (по Mode 2006: fig. 1).

Fig. 8. Bone plague with battle scene. Orlat. Uzbekistan (after Mode 2006: fig. 1).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.60.69.018

Р.Т. Дарменов, Ж.К. Султанжанов, С.Н. Каржаубаева, А.Ж. Назаров

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ: МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ*

В статье рассматриваются археологические находки с городища Джанкент и других памятников Приаралья, отражающие религиозные верования огузских племён VIII—XI вв. Выделены два основных пласта: домусульманские культы с пережитками архаических верований (фаллические символы, образ «Хозяина зверей») и свидетельства исламизации (куфические надписи, исламская символика). Рассматриваются антропоморфные и зооморфные изображения, связанные с индоевропейскими и тюркскими мифологическими традициями, а также их трансформация под влиянием ислама. Особое внимание уделено синкретизму верований, сочетающему местные, ирано-индийские и тюркские элементы. Материалы демонстрируют эволюцию религиозных представлений от культа женских божеств плодородия к андроцентрическим образам, отражающим социальные изменения и интеграцию региона в исламский мир.

Ключевые слова: Джанкент, огузы, домусульманские верования, исламизация, фаллический культ, антропоморфный, синкретизм.

Сведения об авторах: Дарменов Рустем Турарбекович[1], старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан; Султанжанов Жетесби Канапиевич[2], PhD-докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Каржаубаева Сангуль Камаловна[3], доктор искусствоведения, Казахская Национальная академия искусств им. Т. Жургенова; Назаров Агабек Женисбекулы[4], PhD-докторант, Казахская национальная академия искусств имени Т. Жургенова.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]120001, Казахстан, г. Астана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru; [3]050000, Казахстан, г. Алматы, ул. Панфилова, 127, Казахская Национальная академия искусств им. Т. Жургенова, e-mail: sangul_k@mail.ru; [4]120001, Казахстан, г. Алматы, ул. Панфилова, 127, Казахская национальная академия искусств им. Т. Жургенова, e-mail: diz_agabek@mail.ru.

R. Darmenov, Z. Sultanzhanov, S. Karzhaubayeva, A. Nazarov

MYTHOLOGICAL ARCHETYPES OF THE EASTERN ARAL SEA REGION: MATERIALS FROM THE SETTLEMENT OF JANKENT

The article describes archaeological finds from the settlement of Jankent and other sites in the Aral Sea region, reflecting the religious beliefs of the Oghuz tribes from the 8th to the 11th cc. Two main layers are identified: pre-Islamic cults with remnants of archaic beliefs (phallic symbols, the image of the “Master of Animals”) and evidence of Islamization (Kufic inscriptions, Islamic symbolism). The study examines anthropomorphic and zoomorphic images linked to Indo-European and Turkic mythological traditions, as well as their transformation under the influence of Islam. Special attention is given to the syncretism of beliefs, combining local, Iranian-Indian and Turkic elements. The materials demonstrate the evolution of religious concepts from the cult of female fertility deities to androcentric imagery, reflecting social changes and the region's integration into the Islamic world.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19578213 «Актуализация археологического наследия Восточного Приаралья (систематизация новых архивных данных Хорезмской археолого-этнографической экспедиции»).

Статья поступила в номер 20 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июля 2025 г.

© Р.Т. Дарменов, Ж.К. Султанжанов, С.Н. Каржаубаева, А.Ж. Назаров, 2025.

Key words: Jankent, Oghuz, pre-Islamic beliefs, Islamization, phallic cult, anthropomorphic, syncretism.

About the author: Darmenov Rustem[1], Leading Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan; Sultanzhanov Zhetesbi[2], PhD student at L.N. Gumilyov Eurasian National University; Karzhaubayeva Sangul[3], Doctor of Art Studies, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts; Nazarov Agabek[4], PhD-student, T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts.

Contact Information: [1]010000, Kazakhstan, Astana, Tauelsizdik Ave. 54, National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]120001, Kazakhstan, Astana, L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru; [3]050000, Kazakhstan, Almaty, Panfilov Street, 127, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, e-mail: sangul_k@mail.ru; [4]120001, Kazakhstan, Almaty, Panfilov Street, 127, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, e-mail: diz_agabek@mail.ru.

Введение. С 2004 г. в результате археологических раскопок на городище Джанкент были получены ценные материалы, значительно расширяющие наши представления о религиозных культах и мировоззрении огузских племен VIII—XI вв. На сегодняшний день можно выделить два основных блока данных: материалы, отражающие домусульманские верования огузов, и свидетельства их интеграции в исламский мир.

Доисламские культы огузов были подробно рассмотрены в работах Э.Д. Зиливинской, Р.Т. Дарменова и А.А. Тажекеева. Исследователи выявили многочисленные пережитки архаических верований, сохранившиеся в архитектурных элементах жилых построек на таких памятниках, как Джанкент, Кескен-Куюк-кала, Сортобе и других поселениях Приаралья (Зиливинская 2013: 100—107; Дарменов и др. 2018: 109—122).

Что касается исламской символики, ее следы четко прослеживаются на территории Джанкента. Эти находки, включая предметы с куфическими надписями и исламскими мотивами, активно вводятся в научный оборот и свидетельствуют о глубокой культурной трансформации в регионе (Дарменов и др. 2024: 512—526).

Городище Джанкент, упоминаемое как столица Огузского государства, является одним из наиболее изученных средневековых поселений Восточного Приаралья. Археологические и нумизматические находки демонстрируют устойчивые торгово-политические связи между арабским Востоком и тюркским миром. Эти контакты подтверждаются находками артефактов с арабскими надписями и исламской символикой.

Там же, на Джанкенте, археологами были обнаружены предметы, использовавшиеся в повседневной жизни, но одновременно обладавшие охранной функцией. Эти артефакты восходят к древним индоевропейским фаллическим культам и, по всей видимости, связаны с широко распространенным в древних культурах мифологическим образом «Хозяина зверей» (Master of Animals) — защитника, покровителя природы и дикой фауны (Arnold, Counts 2010: 11—22). Наличие подобных предметов свидетельствует о сложном синкретизме верований, в которых переплетались тюркские, индоевропейские и местные традиции, отражая богатство духовной культуры домусульманского населения Приаралья.

Материалы исследования. На раскопе № 1 при расчистки жилого помещения № 33 была найдена костяная накладка с иконографическим сюжетом.

Костяная накладка с зооморфным и антропоморфным оформлением одного из концов. Изделие вырезано из крупной трубчатой кости. Нижний край накладки обломан, сохранившаяся длина — 18,3 см, ширина накладки внизу слегка сужена — 4 см, в верхней части — 8 см. На верхнем крае накладки вырезаны две смотрящие друг на друга головы драконов, с широко раскрытыми пастями, между которыми размещен человек. Запечатлена фигура человека, стоящего с раскинутыми руками, ноги сложены вместе. Голова, к сожалению, утеряна. Руки показаны только в пределах предплечья, которые с двух сторон упираются в шею драконов. На теле человека четко показана одежда. Это верх, в виде короткого до пояса кафтана с треугольным V — образно вырезанным воротником, пятью

пуговицами на правой стороне, напротив которых пять коротких резных линий, возможно петелек для застегивания. Ниже вырезан широкий пояс, с косыми линиями поперек. Головы животных показаны четко, глаза в виде сквозных круглых отверстий, суженные кверху уши с углублениями по центру. Особый акцент сделан на раскрытые пасти, где четкими надрезами показаны крупные зубы. На щеках драконов нанесены круглые надрезы с центральной точкой. Под головами на шее вырезаны параллельные линии, чередующиеся с тремя горизонтальными рядами точечных надавливаний. Такой же орнамент из параллельных линий и точек нанесен на обратный конец накладки. По центру накладки по плану креста нанесены круглые надрезы с точечным углублением по центру. Также на поверхности накладки имеются четыре сквозных отверстия для ее крепления (рис. 1:1) (Отчет Жанкент 2017).

Данный иконографический сюжет на протяжении многих сотен лет, в котором воспроизводится человек (царь, воин или бог) борющийся или стоящий между двумя могущественными существами, такими как дракон, бык или лев, восходит к первобытному времени. Он является универсальным отображением власти и силы над природным миром.

Бронзовая подвеска с близкой иконографией была обнаружена на синхронном памятнике Кескен-Куюк-кала, расположенном в 40 км от Джанкента (рис. 1: 2). Фигурка выполнена из бронзы, имеет размеры 2,2 × 2,5 × 0,2 см. Лицевая сторона рельефная, обратная — вогнутая. Изделие отлито в форме. На рельефной стороне детализировано изображение костюма и анатомических особенностей; голова утрачена. Мужская фигура представлена в плотно облегающем длинном кафтане (до уровня чуть ниже колен) с узкими рукавами. Отвороты отсутствуют. В центральной части туловища две параллельные линии обозначают перекрытие одежды — вероятно, левая сторона кафтана закрывала правую. Брюки слабо читаются, но заметно, что они неширокие. Обувь изображена в виде коротких сапог. Особое внимание уделено позе: человек демонстрирует обнаженные гениталии, раздвигая полы кафтана обеими руками непосредственно под поясом (Voyakin 2022: 503—531).

На этом же памятнике в 1963 году Б.И. Вайнберг была обнаружена бронзовая фигурка-пряжка (рис. 1: 3). Ее длина составляет 3,8 см, ширина около 2 см, толщина 2 мм. Голова слегка выступает над туловищем на 1,5 мм. Изображен мужчина с немного расставленными ногами и опущенными, слегка разведенными руками. Туловище прямое, стержнеобразной формы, несколько шире рук. Проработана только лицевая сторона — задняя плоская, за исключением области головы и плеч, где имеется легкое углубление (Левина 1968: 171).

Аналогичные плоские бронзовые изображения стоящих мужских фигур с подчеркнуто выраженным половым признаком, а иногда также с проушиной для подвешивания, зафиксированы и на других близлежащих памятниках среднего и нижнего течения Сырдарьи.

На памятниках джетыасарской культуры, расположенных в бассейне реки Куандарьи — одного из старых русел нижней Сырдарьи (вторая половина I тыс. до н.э. — VIII в.н.э.), предшествующей культуре «болотных городищ», встречаются антропоморфные и зооморфные изображения, выполненные из бронзы и глины (Толстов 1948: 125—140; 1962: 186—198).

В ходе раскопок и среди подъемного материала на памятниках джетыасарской культуры были обнаружены в большом количестве бронзовые антропоморфные изображения. Дадим описание одной из пряжек.

В кургане № 1 курганной группы Джеты-Асар № 3 (Алтын-Асар) была обнаружена бронзовая пряжка в форме человеческой фигурки. Изделие выполнено в технике литья; его длина составляет 3,5 см, ширина — 2 см, толщина — около 2 мм. Фигурка представляет собой схематичное изображение обнаженного мужчины, стоящего в прямой позе, со слегка расставленными руками и ногами. Рельеф проработан только с лицевой стороны. На затылочной части, в области шеи, расположена петелька для крепления.

Черты лица выполнены схематично: выделяется прямой нос, остроконечная борода. Над лбом имеется небольшой выступ высотой 3 мм и шириной 5 мм — вероятно, стилизованное изображение головного убора. На основании стилистических и технологических признаков пряжка датируется IV—V вв. н.э.

Еще одна находка из низовьев Сырдарьи происходит из окрестностей железнодорожной станции «Аральское море» (рис. 1: 5). Бронзовая литая фигурка представляет собой изображение стоящего обнаженного мужчины в головном уборе; руки опущены вдоль тела. Высота фигурки составляет 13,5 см, ширина — 3,8 см, толщина — около 2 мм. На сохранившейся руке отчетливо переданы пальцы. Голова имеет вытянутую форму, сужающуюся кверху. На ней изображен высокий головной убор, напоминающий башлык или шлем колпакообразного типа. В верхней части передней стороны головного убора имеется вырез в форме двух надглазничных дуг. Над переносицей выделяется резкий выступ, от которого к вершине идет четкая грань, напоминающая гребень. Фигурка частично повреждена (Левина 1968: 172).

Бронзовые фигурки обнаженных мужчин, обнаруженные в ходе археологических раскопок, исследователи связывают с фаллическим культом, уходящим корнями в глубочайшую древность. Происхождение этого культа восходит к архаическим формам анимизма, присущим мировоззрению первобытного человека. Одним из центральных элементов подобных верований было представление о множественности душ, согласно которому у каждого индивида существовало несколько душ, включая души, якобы обитавшие в отдельных частях тела.

На этом фоне фаллос начинает осмысляться не просто как анатомическая деталь, а как одушевленный, наделенный собственной волей субъект. Он приобретает статус сакрального символа, способного к автономному существованию и чудодейственному действию. Именно в этом качестве фаллический образ широко представлен в культовой практике, художественном и прикладном искусстве древних культур — как знак плодородия, жизненной силы, защиты и изобилия.

Сюжетная линия костяной накладки отсылает нас к архетипам древневосточных эпосов и мифологических представлений, которые нашли отклик в тюркоязычных эпических традициях. Одним из древнейших и наиболее значимых повествований человечества можно считать шумерское сказание о борьбе Гильгамеша с Агой, в котором ярко проявляется архетипический мотив — поединок героя с чудовищем. Особенно выразительно он воплощен в сцене битвы Гильгамеша и Энкиду с хранителем кедрового леса Хумбабой (или Хувавой).

Значимым элементом шумерского эпоса является также сцена змееборства, в которой Гильгамеш убивает волшебную змею (Leeman 2019: 1—21). Несмотря на кажущуюся простоту этого образа, мифологическая фигура змеи занимает центральное место в символическом пространстве множества культур. Как отметил В. В. Иванов, змея в мифологии часто выступает двойственным символом: с одной стороны, она связана с плодородием, женским началом, водой и землей, с другой — с огнем, мужским началом, оплодотворением и охраной очага (Иванов 1991: 468—471). Эта амбивалентность образа змеи ярко прослеживается и в тюркской мифологической системе, где змеи могут быть как защитниками, так и врагами эпических героев.

У башкир, согласно свидетельствам арабских путешественников X в., существовало почитание змей как родовых тотемов, известных под названием «ырый ыйлан». В записях Ибн Фадлана описано: «Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, накрутился десяток из них и более. Они не убивают их, и они (змеи) им не вредят» (Ковалевский 1956: 135). Ф. Хисамитдинова утверждает, что змеи всегда воспринимались как враги, и при встрече с ними башкиры стремились их убивать. Однако, белая змея была исключением: ее убивать было запрещено, так как она считалась царем змей и дарителем счастья, хотя поклонения ей не существовало. Запрет на ее убийство, по мнению Ф. Хисамитдиновой и Ф. Торма исходил из страха перед этим существом. Тем не менее, исследователи, изучая народные традиции, не учли наличие культа змеи у прототюрков, который существовал в более ранние времена. (Хисамитдинова 2000: 195—199; Хисамитдинова, Торма 1997: 134—135).

Этот сюжет, впервые столь подробно зафиксированный в шумерской традиции, вероятно, уходит корнями в доисторические времена и архаические формы языческого мировоззрения. Именно этим объясняется его универсальность и удивительная живучесть: он трансформируется от эпохи к эпохе, вплетаясь в самые разные мифологические и религиозные системы — от дуализма зороастризма до античных мифов, а также в средневековый западноевропейский эпос (Кун 1975: 381—384; Гомер 1982; Беовульф 1975).

Мотив борьбы с чудовищем продолжает развиваться в сказаниях о борьбе с Небесным Быком или гигантской птицей Анзуд (Сэмруг, Каракош, Алпкаракош). В тюркских эпических традициях этот мотив, хотя и менее распространен, тем не менее, находит свое отражение, а взаимодействие героя с мифическими существами становится устойчивым элементом тюркского эпоса (Урал батыр 1998: 27—136).

Отличительной особенностью бронзовых подвесок из Приаралья является их гендерная однотипность — все они изображают мужчин. Это затрудняет интерпретацию этих артефактов в контексте конкретного божества и связанного с ним культа. Иконография подобных подвесок, по всей видимости, отражает стадию формирования новой религиозно-обрядовой идеи, возникшей как ответ древнего общества на трансформации в экономической и социальной сферах определенной исторической эпохи.

Непортретный характер изображений и отсутствие четкого ритуального контекста, в котором они были обнаружены, позволяют предположить их связь не с официальными религиозными институтами, а с обрядами и верованиями традиционной народной религии. В этом свете бронзовые подвески могут рассматриваться как материальное свидетельство бытовых форм религиозности и доинституциональных культов.

Следует отметить, что в более ранние периоды (I тыс. до н.э.) на территории Приаралья доминировали иные формы сакральной пластики — керамические и гипсовые статуэтки женского облика, очевидно связанные с пантеоном богинь плодородия.

На городище Чирик-рабат было открыто культовое сооружение — храм. Здание располагалось в южной части средневековой цитадели площадью 270 кв. м, доминировало над крепостью и входило в фортификационную систему средневековой цитадели. В ходе исследования, были выявлены три комнаты и три ритуальные площадки. В помещении № 1, расположенном в северо-восточной части сооружения размерами 2 × 3 м, были найдены скульптуры двух женщин из гипса, размещенных в сидячем положении. Основанием для предположения о моделировке тел персонажей являются открытые в ходе археологических работ остатки четырех «ног», расположенных в ряд на небольшом расстоянии друг от друга, согнутых в коленях. Часть ступни одной ноги (из-за плохой сохранности гипсового слоя и в связи с неимением на тот момент в полевых условиях закрепляющих средств) была утрачена после фотофиксации. Части скульптур в области таза и найденные в завале три женские груди были извлечены и по окончании раскопок были перевезены в Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Каркас скульптур, вероятно, был изготовлен из дерева, обмотанного тканью из тонковолокнистого хлопка. Поверх него с помощью гипса была сформирована форма скульптур. Гипс покрывался слоем краски. Под скульптурами имеется плотный слой остатков ритуальной тризны. Слой представлял собой смесь истлевшей органики, золы и остатков остеологического материала. Плотность слоя — 30 см.

Другой предмет, несущий информацию о культе женского божества, был получен во время расчистки с целью выявления метода строительства второй оборонительной стены городища Чирик-рабат, в ее северо-западной части. Здесь в заполнении кладки стены был обнаружен фрагмент головы женской статуэтки. Она вырезана из цельного уплощенного куска гипса с обильными примесями. Голова статуэтки имеет антропоморфные признаки, верх головы скруглен, глаза и нос выделены углублением, рот и брови отмечены краской, губы выкрашены красной краской, брови — черной. Высота фрагмента статуэтки 4,5 см, ширина 4,3 см, толщина 0,8—1,4 см. Остатки краски сохранились на щеках фигурки.

Еще одна статуэтка обнаружена в помещении № 1 квадратного святилища, расположенного на стыке второй и третьей оборонительной стены. Какая-либо атрибутика на ее поверхности отсутствует. Верхняя часть головы статуэтки скругленная, четко выделены плечи. Высота 5,5 см, ширина 3,2 см, толщина 0,3—0,6 см (Дарменов 2025: 47—62).

Необходимо отметить, что это не единственные находки подобных предметов на городище Чирик-рабат. В 60-ые гг. XX в. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией также были выявлены антропоморфные статуэтки. Одна из них хранится в фонде Государственного музея искусства народов Востока. Это антропоморфная фигурка с круглым лицом. Верх головы скруглен, очень четко намечен левый глаз миндалевидной формы, на лице также рельефно намечен прямой и длинный нос. Шея короткая. Руки и ноги в виде коротких конических отростков расставлены вместе, бедра широкие. Правая нога отбита. Фигурка сделана из слюды. Размер: высота 5,5 см, ширина 2,8 см, толщина 0,8 см.

Схожие антропоморфные идолы были обнаружены в седьмом ярусе помещения 1А нижнего горизонта «Большого дома» на Алтын-Асаре. Один из них — выполнен из необожженной глины, длиной 4,4 см, шириной 1,5 см и толщиной от 0,9 см в нижней части до 1 см в области головы. Задняя сторона фигурки плоская, руки и ноги не выделены, лишь голова профилирована. На лице нос обозначен выпуклостью, а рот, глаза и брови выполнены с помощью точек и прорезных линий; брови резко приподняты к вискам, подбородок акцентирован. В том же нижнем горизонте «Большого дома», в девятом ярусе помещений 21, были найдены еще два аналогичных идола (Левина 1968: 168).

Однако, со временем эти изображения уступают место новым культовым формам, ориентированным на мужское начало, что может отражать смену религиозных парадигм и социальной структуры.

Заключение. Сравнительный анализ религиозно-мировоззренческих систем оседлых земледельческих обществ Средней Азии и кочевых племен степного Казахстана выявляет фундаментальные различия в структуре их духовной культуры и пантеонов. Земледельческим культурам Средней Азии был присущ акцент на почитании хтонических божеств, связанных с плодородием, материнским началом и землей, что отражает устойчивую связь этих обществ с аграрным циклом и оседлым образом жизни.

Мировоззрение степных племен Казахстана формировалось в рамках индоевропейской традиции и имело ярко выраженный андроцентрический характер. Пантеон этих культур в основном состоял из уранических мужских божеств воинственного типа, ассоциируемых с небесной сферой, огнем, солнцем и силой. Эти представления непосредственно отражали социокультурные условия кочевого образа жизни, где важнейшими аспектами были военная доблесть, пастушеский цикл и идея небесной власти.

В период Великого переселения народов и формирования Тюркских каганатов появляются новые формы антропоморфных изображений малых форм. Среди них выделяются бронзовые амулеты в виде героизированного всадника, иконография которых позволяет с точностью определить этнокультурную принадлежность на основе деталей костюма и вооружения. Один из ярких примеров — литая плоская фигурка всадника из Сидака (размеры 34 × 36 мм, вес 12,3 г), обнаруженная в верхнем культурном слое. Всадник изображен анфас, сидящим на шагающем вправо коне с приподнятой передней левой ногой. В левой руке он держит предмет, схожий с кубком, а правая рука тянется к колчану, тип которого характерен для VII—VIII вв. (Смагулов 2014: 210).

Подобные амулеты являются хорошо известными находками среди раннесредневековых древностей Евразии. Их морфологии и семантике посвящено несколько обобщающих исследований (Борисенко, Худяков 2007: 102—115; Воронцов, 2001: 409—411; Сунгатов, Юсупов 2006: 246—256).

Исчезновение подвесок-амулетов, по общему мнению, связано с проникновением новой религии — ислама и запретом на ношение антропоморфных и зооморфных изображений. Их заменило большое количество мусульманских талисманов с коранических текстами,

нанесенными на различные материалы и предметы. Мировоззрение неофитов повлияло на основы мусульманского вероучения и способствовало созданию суфийских орденов, а также аллегорическому истолкованию Корана. Характер использования слова «Аллах» привел к широкому распространению фрагментов коранического текста в быту. Вера в магическую силу «слова Аллаха» вызвала массовое появление аятов и сур на изделиях оружейников, ювелиров, гончаров, строителей и ткачей (Резван 2011: 149—178).

Таким образом, религиозно-мировоззренческие установки оседлых и кочевых обществ демонстрируют не просто различие, но, скорее, антагонистическую направленность, обусловленную как экологическими, так и социально-экономическими факторами развития соответствующих культурных ареалов. Вся мифология, связанная с борьбой человека с дикими зверями или хтоническими существами, восходит к первобытным верованиям, где человек (или герой, шаман, божество) стремится обрести власть над природой — как в прямом, физическом, так и в сакральном, символическом смысле. Одним из наиболее устойчивых архетипов, отражающих это представление, является образ Мастера Животных (рис. 1: 6) (Leeman 2019).

Эта фигура, чаще всего изображаемая стоящей между двумя животными (львами, быками, змеями и т.п.), которые он контролирует или сдерживает. Этот мотив универсален и проявляется в иконографии разных культур: от шумерской и хеттской до минойской, скифской и даже кельтской. В каждом случае он несет схожую семантическую нагрузку — герой как посредник между культурой и природой, между земным и божественным.

Литература

Беовульф. 1975. *Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*.. Москва: Художественная литература, (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 9).

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. 2007. Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья. *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири* 6, 66—74.

Воронцов В.В. 2001. Бронзовые изображения всадников I — начала II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья. В: Тишкин А.А. (ред.). *Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 25—30 марта 2001 г.)*. Барнаул: Алтайский университет, 409—412.

Гомер. *Одиссея*. 1982. Москва: Московский рабочий2.

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. 2018. Ритуальные очаги на городище Жанкент. *Народы и религии Евразии* 4 (17), 109—122.

Дарменов Р.Т., Хасенова Б.М., Назаров А.Ж. 2024. Перстень-печать с надписью «Muhammad» из средневекового городища Джанкент. *МАИАСП* 16, 512—526.

Дарменов Р.Т. 2025. О культе женского божества у ранних кочевников Приаралья. *Исторические исследования* 1, 47—62.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Жанкент. *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук* 3, 2013, 100—107.

Иванов Вяч.Вс. 1991. Змей. *Мифы народов мира.* Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 468—471.

Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: ХГУ.

Кун Н.А. 1975. Одиссей на острове циклопов. Полифем. *Легенды и мифы Древней Греции.* Москва: Просвещение, 381—384.

Левина Л.М. 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. В: Виноградов А.В. и др. (ред.). *История, археология и этнография Средней Азии.* Москва: Наука, 167—178.

Отчет Жанкент 2017: Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования на городище Жанкент, Казалинского района, Кызылординской области в 2017 г.». Руководитель темы: PhD, руководитель центра «Археологии и этнографии» Кызылординского государственного университета имени Коркыт Ата А. Тажекеев. Кызылорда.

Резван М.Е. 2011. *Коран в системе мусульманских магических практик.* Санкт-Петербург: Наука, .

Смагулов Е.А. 2014. Бронзовый амулет из Сидака. *Поволжская археология* 1 (7), 206—222.

Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. 2006. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала. В: Мажитов Н.А. (ред.). *Южный Урал в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка*. Уфа: Гилем, 112—120.

Толстов С.П. 1948. *По следам древнехорезмийской цивилизации.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* Москва: Восточная литература.

Урал батыр. 1998. *Башҡорт халыҡ ижад.* III том. Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте.

Хисамитдинова Ф.Г. 2000. Змея в традиционной этиологии и лечебной магии башкир. *Ватандаш* 9, 195—199.

Хисамитдинова Ф.Г., Торма Й. 1997. Змея в традиционной этнологии и лечебной магии башкир. *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность*. *Труды международной конференции*. Т. 3. Москва: ИНСАН, 134—135.

Arnold B., Counts D.B. 2010. Prolegomenon: The many masks of the master of animals. The Master of Animals in Old World Iconography. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 11—22.

Voyakin D. 2022. The Hidden Oghuz Some Remarks on the Archaeological Investigation of the Kesken-Kuyuk-Kala Site. In: Baumer Ch., Novák M., Rutishauser S. (eds.). *Cultures in Contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022, 503—531.

Leeman D. 2019. Master of the Animals in Ancient Times. URL: https://www.academia.edu/42513265/Master_of_the_Animals_in_Ancient_Times (дата обращения 10.05.2025).

References

Beovul'f, 1975. *Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungah (The Elder Edda. The Song of the Nibelungs)*. Moscow: Hudojestvennaya literatura (Library of World Literature. 1st series. Vol. 9) (in Russian).

Borisenko, A.Yu., Hudyakov, Yu.S. 2007. In: Soenov, V.I., Oinoshev, V.P. (eds.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yujnoy Sibiri (Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia)* 6, 66—74 (in Russian).

Vorontsov, V.V. 2001. In: Tishkin, A.A. (ed.). In: *Istoriko-kulturnoe nasledie Severnoy Azii: itogi i perspektivy na rubezhe tysyacheletiy. Materialy XLI Regional'noy arkheologo-etnograficheskoy studencheskoy konferentsii (Barnaul, 25—30 marta 2001 g.) (Historical and cultural heritage of Northern Asia: results and prospects at the turn of the millennium.)*. *Proceedings of the 41st Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference (Barnaul, March 25—30, 2001)*. Barnaul: Altaiskiy universiyet, 409—412 (in Russian).

Gomer, 1982. *Odisseya (Odyssey).* Moscow: Moskovskiy rabochiy (in Russian).

Darmenov, R.T., Tazhekeev, A.A. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Peoples and religions of Eurasia)* 4 (17), 109—122 (in Russian).

Darmenov, R.T., Khassenova, B.M., Nazarov, A.Zh. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 512—526 (in Russian).

Darmenov, R.T. 2025. In *Istoricheskie issledovaniya (Historical research)* 1, 47—62 (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2013. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshestvennyh i gumanitarnyh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and humanitarian sciences)* 3, 100—107 (in Russian).

Ivanov, V. 1991. In: *Mify narodov mira (Myths of the peoples of the world).* Vol. 1. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 468—471 (in Russian).

Kovalevskiy, A.P. 1956. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. (The book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921—922).* Kharkov: HGU.

Kun, N.A. 1975. In: *Legendy i mify Drevnej Grecii (Legends and Myths of Ancient Greece).* Moscow: Prosvesheniye, 381—384 (in Russian).

Levina, L.M. 1968. In: Vinogradov, A.V. et al. (eds.). In: *Istoriya, arheologiya i etnografiya Srednej Azii (History, archeology and ethnography of Central Asia).* Moscow: Nauka, 167—178 (in Russian).

Otchet Zhankent 2017: Otchet o nauchno-issledovatelskoj rabote po teme: "Arheologicheskie issledovaniya na gorodishe Zhankent, Kazalinskogo rajona, Kyzylordinskoj oblasti v 2017 g.". Rukovoditel' temy:

PhD, rukovoditel' tsentra “Arkheologii i etnografii” Kyzylordinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Korkyt Ata A. Tazhekeyev. Kyzylord. Kyzylorda (in Russian).

Rezvan, M.E. 2011. *Koran v sisteme musulmanskih magicheskih praktik (The Koran in the system of Muslim magical practices).* Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Smagulov, E.A. 2014. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga region archeology)* 1 (7), 206—222 (in Russian).

Sungatov, F.A., Yusupov, R.M. 2006. In: Mazhitov, N.A. (ed.). In: *Yuzhnyj Ural v skifo-sarmatskoe vremya. Sbornik statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka (The Southern Urals in the Scythian-Sarmatian period. Collection of articles for the 70th anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk).* Ufa: Gelem, 112—120 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1948. *Po sledam drevnehorezmijskoj civilizacii (Following the ancient Khorezmian civilization).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of Oxa and Yaxarta)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

1998. In: *Bashҡort halyҡ izhad (Bashkir people's art).* Vol. III. Ofo: Bashҡortostan «Kitap» nashriate (in Russian).

Hisamitdinova, F.G. 2000. In *Vatandash* 9, 195—199 (in Russian).

Hisamitdinova, F.G., Torma, Y. 1997. In: *Yazyki, duhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: tradicii i sovremennost'. Trudy mejdunarodnoi konferencii (Languages, spiritual culture and history of Turkish people: traditions and sovereignty. Works of Worldwide Conference).* Vol. 3. Moscow: INSAN, 134—135 (in Russian).

Arnold, B., Counts, D.B. 2010. Prolegomenon: The many masks of the master of animals. The Master of Animals in Old World Iconography. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 11—22.

Voyakin, D. 2022. The Hidden Oghuz Some Remarks on the Archaeological Investigation of the Kesken-Kuyuk-Kala Site. In: Baumer, Ch., Novák, M., Rutishauser, S. (eds.). *Cultures in Contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022, 503—531.

Leeman, D. 2019. Master of the Animals in Ancient Times. URL: https://www.academia.edu/42513265/Master_of_the_Animals_in_Ancient_Times (дата обращения 10.05.2025).

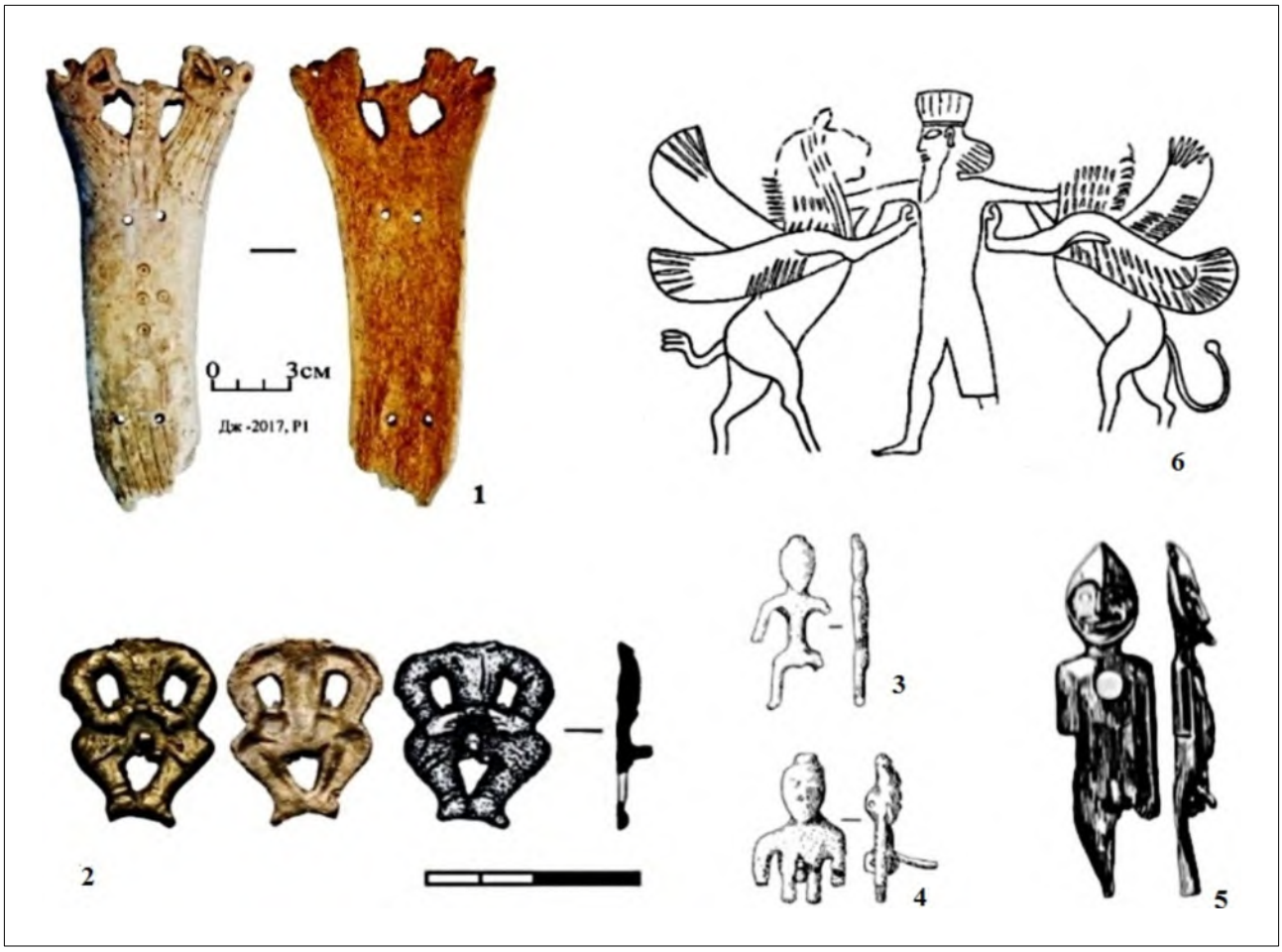


Рисунок 1. *1* — Джанкент. Раскоп №1. Костяная накладка на лук (рисунок Р.Т Дарменова); *2* — Кескен-куюк-кала. Бронзовая фигурка обнажённого мужчины. Случайная находка (по Voyakin 2022: рис. 13); *3* — Кескен-куюк-кала. Бронзовая фигурка (по Левина 1968: рис. 2.3); *4* — курган 1 северо-восточной группы Алтын-асара (по Левина 1968: рис.2.2); *5* —Железнодорожная станция «Аральское Море» (по Левина 1968: рис.2.1); *6* — оттиск печати изображает царя, раздвигающего двух львиных существ с крыльями. Различные хвосты у этих существ могут иметь особое значение (по Leeman 2006: fig. 30).

Fig. 1. *1* — Jankent. Excavation No.1. Bone bow overlay (drawing by R.T. Darmenov); *2* — Kesken-kuyuk-kala. Bronze figurine of a nude male. An accidental find (after Voyakin 2022: fig. 13); *3* — Kesken-kuyuk-kala. Bronze figurine (after Levina 1968: fig. 2.3); *4* — Mound 1 of the north-eastern group of Altyn-asar (after Levina 1968: fig. 2.2); *5* — Aral Sea railway station (after Levina 1968: fig. 2.1); *6* — Seal impression with the image of a king pushing apart two lion-like creatures with wings. The different tails of these creatures may have special significance (after Leeman 2006: fig. 30).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.84.97.001

Б.М. Хасенова

ГЕНДЕРНАЯ СИМВОЛИКА КИМЕКСКИХ УКРАШЕНИЙ*

Археологические материалы Прииртышья являются ценным источником сведений о костюме населения евразийских степей эпохи Средневековья. Особое значение в этом контексте приобретают украшения, в частности серьги и височные подвески, выявленные в погребениях кимеков IX—XI вв. Их форма и материал (бронза, серебро, золото) позволяют проследить как социальную дифференциацию, так и этнокультурные процессы. На основании анализа более 100 захоронений, 31 из которых содержали серьги, выявлено, что округлые формы преобладали как в мужских, так и в женских погребениях, тогда как массивные варианты использовались скорее, как подвески для женских головных уборов. Золотые серьги фиксируются преимущественно в богатых мужских захоронениях, тогда как бронзовые характерны для всех групп рядового населения. Сопоставление с материалами огузов и других тюркских племен показывает сходство в символике и распространении украшений, что отражает процессы формирования новых государственных объединений. Серьги в данном контексте выступают не только элементом костюма, но и важным индикатором пола, статуса и культурных трансформаций средневековых сообществ Великой степи.

Ключевые слова: Средневековье, Кимекский каганат, гендер, украшения, символика, погребальный обряд.

Сведения об авторе: Хасенова Бакыт Мулдашевна, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: 050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; e-mail: alicar@inbox.ru.

Bakyt Khassenova

GENDER SYMBOLICS OF KIMEK JEWELRY

Archaeological materials from the Irtysh region represent a valuable source of data about the costume traditions of the Eurasian steppe peoples during the Medieval period. Of particular significance in this context are personal jewellery, especially earrings and temple pendants, discovered in Kimek burials dating from the 9th — 11th cc. Their forms and the materials used (bronze, silver, gold) provide insights into both social stratification and ethno-cultural processes. Based on the analysis of over 100 burials, 31 of which contained earrings, it has been established that rounded shapes predominated in both male and female graves, whereas more massive types were likely used as pendants attached to women's headdresses. Gold earrings are primarily discovered in wealthy men's burials, while bronze ones are typical of the common people. A comparison with finds from the Oghuz and other Turkic tribes reveals similarities in the symbolism and distribution of these decorations, reflecting broader processes involved in the formation of new state entities. In this context, earrings function not only as elements of traditional attire but also as important indicators of gender, social status, and the cultural transformations of medieval societies in the Great Steppe.

Key words: Middle Ages, Kimek Khaganate, gender, jewellery, symbolism, funeral rite.

About the author: Khassenova Bakyt Muldashevna, PhD (History), Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: 050010, Kazakhstan, Almaty, 44, Dostyk Ave., Margulan Institute of Archaeology; e-mail: alicar@inbox.ru.

---

* Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта AP19678689.

Статья поступила в номер 30 августа 2025 г.
Принята к печати 14 сентября 2025 г.

© Б.М. Хасенова, 2025

Они украсили свои уши,
до которых донеслись благоприятные известия,
серьгами успеха…
«Акбар-наме»
Абу-л Фазл Аллами

Введение. Важным источником сведений о костюме эпохи Средневековья евразийских степей являются археологические материалы, полученные на территории Прииртышья. В результате исследования памятников, оставленных населением Кимекского каганата, хронологические рамки существования которого определяются в пределах IX—XI вв., выявлены многочисленные детали костюма, выполненные, по-преимуществу, из металла. Украшения кимеков представлены такими изделиями, как навершия головных уборов, подвески, амулеты, серьги, застежки-подвески, нашивки и т.д. Особое место среди них занимают серьги, являющиеся с точки зрения археологической науки, важным источником для изучения хронологии, этнокультурной истории населения различных эпох. Они несли в себе функцию оберега, обозначали статус, демонстрировали эстетические вкусы своих владельцев. Неотъемлемой частью богатейшей символики этих изделий являются гендерные аспекты. На основании изучения украшений из средневековых погребений Прииртышья, в частности серег, возможно рассмотреть, как в предметном мире отображалась символика пола.

Кимекский каганат в период своего наивысшего могущества — в середине IX в., по данным письменных источников, занимал обширную территорию: «приблизительно от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана до Северного Прибалхашья, включая часть территории Северо-Восточного Семиречья на юге, от Западного Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере» (Кумеков 1972: 58). Исходя из археологических материалов считается, что центром этого средневекового государства является Верхнее Прииртышье (Савинов 2005: 285). Согласно сведениям арабского географа ал-Идриси, 12 городов кимеков, среди них столица каганата, размещались в бассейне реки Гамаш, которая отождествляется исследователями с рекой Иртыш (Кумеков 1972: 118).

На страницах письменных источников фигурируют следующие этнические наименования для населения, занимающего в эпоху раннего и развитого Средневековья, Прииртышье и сопредельные территории: кимаки, кумаки, йемеки, кимеки, каи. Этноним «кимак», по данным С.М. Ахинжанова, является характерным только для мусульманской письменной традиции и нигде более не встречается (Ахинжанов 1999: 109). Б.Е. Кумеков пришел к выводу, что практически во всех источниках это слово написано удивительно единообразно и может читаться, как кимак и кимек (Кумеков 1972: 33). Первоначально ученый придерживался первого варианта, но в дальнейшем пришел к выводу о том, что вторая формулировка предпочтительнее (Кумеков 1990). Аналогичного прочтения данного этнонима придерживался ещё один известный востоковед Ю.А. Зуев (Зуев 1992: 40).

Материалы и методы. В погребениях, обнаруженных в Прииртышье и на сопредельных территориях, зафиксированы следующие варианты серег или височных подвесок, выполненных из бронзы, серебра, золота: 1) с подвесками; 2) округлые. В большинстве своем, они являлись серьгами, но некоторую их часть в связи с массивностью дужки, видимо, следует обозначить в качестве подвесок, которые крепились к головному убору. В количественном отношении, преобладают округлые серьги, они встречаются одинаково часто, как в мужских, так и женских погребениях. Определение пола осуществлялось на основании состава сопроводительных вещей в погребении, также в некоторых случаях имеются антропологические данные.

В рамках проведения исследования предметов украшений из средневековых погребений использованы сравнительно-исторический, сравнительный, искусствоведческий анализ,

классификационный, семантический методы. В рамках классификационного метода выполнена работа по определению основных типов вещевого материала.

При обработке коллекций художественного металла использование искусствоведческого анализа позволило получить ценные сведения о специфике языка искусства эпохи Средневековья. Важнейшей частью работы на стадии интерпретации археологических материалов является использование сравнительно-исторического анализа. Задействованы данные письменных источников, этнографические материалы. Изучение символики предметного мира эпохи Средневековья, этнографического времени возможно на основании семантического метода. Сравнительный анализ дает основание для поиска аналогий, дающих возможность определить хронологические и территориальные рамки изучаемых процессов.

Обсуждение. В целях выявления и изучения интересующей категории украшений изучены материалы порядка 100 погребений с территории Обь-Иртышского междуречья, в результате, выявлено 31 из них, которые содержали серьги или височные подвески. С точки зрения половой принадлежности, 10 захоронений определяются, как мужские (в выборке есть юноша и подросток), 21 — женские.

Округлые серьги зафиксированы в 16 женских и 10 мужских погребениях. Это довольно однотипные украшения, выполненные в технике волочения и гнутья из округлого в сечении прута они представляют собой окружности небольшого диаметра с сомкнутыми или соприкасающимися окончаниями.

Кимекские женщины носили эти украшения с одной или по обеим сторонам головы. При их изготовлении использовались бронза, медь, серебро. По обеим сторонам черепа бронзовые серьги обнаружены в пяти случаях: курган № 145а Зевакинский могильник (Арсланова 1998: 100, рис. 2: 7), курган № 3, Бобровский могильник (Арсланова 1980: 84—85), курган № 7, Покровский могильник (Арсланова 1980: 84—85), могила 1, курган 6, Трофимовский могильник II (Арсланова 2013a: 398), погребение 3, объект № 9, могильник Когалы I (Археологические памятники 1987: 238—239, рис. 113: 3—4). В верхней части серёг кургана № 145а Зевакинского могильника сохранились узкие полоски кожи (Арсланова 1998: 100, рис. 2: 7).

По одной бронзовой или медной зафиксировано также в пяти случаях. Бронзовая серьга находилась слева у черепа в погребении 8 объекта № 2 могильника Акчий II (Археологические памятники1987: 167—168, рис. 84: 25), а также возле локтя в погребении кургана 2 могильника Гилево XVI (Могильников 2002: рис. 139: 2). В одном случае (могила 3, курган № 4, Зевакинский могильник) не указано точное местоположение этого украшения в области головы (Арсланова 2013b: 46). Дважды не удалось определить первоначальное местонахождение бронзовой (курган № 2, могильник Корболиха II) и медной (курган 7, могильник Гилево IX) серьги из-за ограбления (Могильников 2002: рис. 71: 1).

Серебро, в качестве материала для изготовления этих украшений в женском костюме, использовалось не столь часто, как бронза. В двух случаях серьги из драгоценного металла находились с правой стороны черепа: могила 3, ограда 2, Зевакинский могильник, объект № 253/3, Зевакинский мог. (Арсланова 1998: 99, рис. 1: 22). По обе стороны они зафиксированы в погребении 2 объекта № 2 могильника Акчий III (Археологические памятники 1987: рис. 91: 6). Единожды встречен необычный вариант их использования. При исследовании объекта № 2 могильника у с. Белокаменка выявлено, что женщина могла носить такие изделия по двое с обеих сторон головы (Археологические памятники 1987: 142—143, рис. 74: 10, 15—16).

Судя по данной выборке, женщины Кимекского каганата носили, по-преимуществу, бронзовые серьги, одну или две. Предпочтений в выборе правой или левой стороны не зафиксировано.

В мужском костюме эти украшения использовались аналогично, но следует обратить внимание на присутствие золотых изделий, также довольно часто встречаются серебряные.

Золотые серьги украшали уши мужчин-воинов из погребений кургана № 145 Зевакинского могильника (Арсланова 2013c: фото 4), кургана № 4 могильника Корболиха

VIII (Могильников 2002: рис. 171, *13—14*). Встречены они также в захоронении юноши (погребение 2, курган № 4, могильник Гилево VII) (Могильников 2002: рис. 48: 18—19).

По две серебряные зафиксированы в двух случаях: к. 1, Гилево XIII (Могильников 2002: рис. 99: 4—5), погребение 2, курген 3, Гилево XIII (Могильников 2002: рис. 102: 12). По одной: погребение 1, курган № 4, могильник Гилево XII (Могильников 2002: 18, рис. 91: 5), курган № 117, Зевакинский могильник (Арсланова 1972: табл. I: 5).

Пара ушных украшений из бронзы обнаружены в погребении подростка из кургана № 1 Орловского могильника, погребении взрослого из объекта № 1 могильника Акчий III. В первом случае, они лежали справа у черепа (Арсланова 1969, рис. 1: 5), во втором — в области ключиц (Археологические памятники 1987: рис. 88: 13). Также по одной серьге зафиксировано в кургане № 39 Зевакинского могильника (лежала между ключицей и нижней челюстью) (Арсланова 1969: 192), кургане № 2 могильника Корболиха VIII (Могильников 2002: рис. 167: 2).

Особую категорию украшений, продолжающих в среде населения Кимекского каганата традиции древнетюркской эпохи, представляют серьги с подвесками. В их оформлении ярко отобразилось своеобразие художественного вкуса древних зергеров эпохи Средневековья и их заказчиков. В основе дизайна этих изделий, обнаруженных в погребениях с территории Прииртышья, лежат серьги т.н. салтовского типа, являющиеся в предшествующее древнетюркское время, как и пояс, символом мужчины-воина. К числу отличительных элементов их декора относятся оформление в верхней части дужки жемчужины, крепящейся на маленьком шпеньке или имитирующего её металлического шарика, а также наличие раструба, от которого вниз спускались подвески различной длины, украшенной бусинами, колечками с зернью.

В свою очередь, кимекские зергеры привносят некоторые новшества. В отличие от изделий предшествующего времени, некоторые украшения кимеков имеют массивную дужку и одну крупную округлую подвеску. Интересной деталью является украшение дужки по внешнему краю выпуклой полоской, со штриховкой мелкими поперечными линиями. Таким образом, видимо, кимекские мастера имитировали технику зерни или филиграни. Судя по массивности дужки, следует предположить, что какая-то часть этих украшений использовалась не как серьги, а как височные подвески.

В выборке представлены три пары и три одиночные серьги/височные подвески. Все они обнаружены в женских погребениях. Ниже приводятся условия их местонахождения, если имеется информация, и описание.

Две серебряные с позолотой серьги находились в области височных костей (ограда 1, курган № 146, Зевакинский могильник) (Арсланова, Кляшторный 1972: 306—308; 310, табл. I: 4). Дужка овальная, но с небольшим расширением снизу, тем самым, образуется треугольная фигура (рис. 1: 3, 5). С несомкнутыми окончаниями. Окончания прута прямые. На одну треть прут овальный в сечении, в остальном — треугольный. В верхней части прута размещён небольшой шарик. В нижней части прута посередине имеется неширокий проем, по обе стороны которого выполнены небольшие раструбы. В этом проеме находится округлая петля из тонкой проволоки подвески с несомкнутым окончанием. На ней крепится крупная округлая бусина, сохранившаяся только у одного изделия (серьгу без подвески позднее дополнили бубенчиком, который прикручен с помощью проволоки, как это показано на рис. 1: 3). Она состоит из двух половинок. Верхняя украшена пояском из ложной зерни, расположенным по краю полусферы, также четыре полоски делят полусферу на четыре части. Ещё одна полоска окаймляет отверстие, находящееся в центре полусферы.

Нижняя часть подвески ничем не украшена. Из-за этой разницы в оформлении, создается впечатление, что верхняя часть подвески крупнее нижней. Нижнее окончание проволоки оформлено в виде мелкой закруглённой петли. Дужка с внешней стороны оформлена тремя полосками ложной зерни, размещёнными по ее центру и ребру. Центральная полоска более крупная. Эти полоски занимают поверхность прута на ⅔.

Полусферы подвески на данный момент расположены отдельно друг от друга и свободно вращаются на проволоке. Края полусфер ровные. Никаких следов припоя не зафиксировано. Позолота фиксируется на поверхности одного украшения везде, кроме верхнего окончания прута, нижней полусферы, шарика. На поверхности второго изделия позолота не обнаружена.

Рис. 1. Украшения из кимекских погребений. *1—2* — погребение 2, объект № 1, могильник Акчий I; *3, 5* — ограда 1, курган № 146, Зевакинский могильник; *4* — могила 6, курган № 3, могильник Карашат II. Фото З. Самашева.

Fig. 1. Decorations from Kimek burials. *1—2* — burial 2, object No. 1, Akchiy I burial ground; *3, 5* — fence 1, mound No. 146, Zevakinsky burial ground; *4* — grave 6, mound No. 3, Karashat II burial ground. Photo by Z. Samashev.

По обеим сторонам черепа в погребении 2 объекта № 1 могильника Акчий I находилось по бронзовой серьге (рис. 1: 1—2). (Археологические памятники 1987: 146—149, рис. 77: 5—6). Дужка округлая. Изделие небольшого размера. С несомкнутыми окончаниями. Выполнены из прута, округлого в сечении. Окончания прута заострённые. Сверху с внешней стороны прута практически посередине находится небольшой шарик. В нижней части прута имеется небольшой проем, по обе стороны от которого размещены небольшие раструбы. Через прут в этой части серьги продета шелковая ниточка, на которую нанизана округлая металлическая подвеска (на рис. 1: 1—2 украшения зафиксированы без них). Она выполнена из двух половинок, каждая из которых имеет полусферические выступы.

Массивное серебряное украшение стало единственным предметом в погребении могилы 6 кургана № 3 могильника Карашат II, которое авторы публикации определили, как женское (Арсланова, Самашев: 1987: рис. 2: 1—2). Лежало с левой стороны головы. Оно имеет треугольную в сечении крупную овальную дужку с заострёнными окончаниями (рис. 2: 4).

В верхней части находится крупный шарик. В нижней части — посередине два небольших выступа, имитирующих, видимо, характерный для древнетюркских серёг раструб. Проволока, соединяющая дужку с крупной металлической бусиной, не сохранилась. Бусина выполнена из двух полусфер, в месте их соединения оформлен нешироκий валик. Каждая из полусфер имеет в центре небольшое округлое отверстие, по четырём сторонам от которой в стороны отходят выпуклые короткие линии. Дужка по внешнему ребру украшена полоской, покрытой часто нанесённой поперечной штриховкой. По боковым граням оформлены крошечные бортики, оформление поверхности которых с помощью мелких насечек имитирует филигрань.

Разнообразный набор украшений представлен в погребении кургана, раскопанного в 1857 г. И.А. Армстронгом, в черте г. Семей. Среди них имеются серебряные серьги с массивной овальной несомкнутой дужкой, лежавшие среди других вещей на деревянном столике (Армстронг 1861). В верхней части дужки расположен округлый в основании и заострённый сверху выступ (рис. 2: 1). Нижняя часть дужки делится посередине двумя небольшими валиками, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга. В образуемой между ними перемычке крепится петля тонкой проволоки. На её окончании находится крупная бусина, выполненная из двух полусфер и украшенная округлыми выпуклостями (Арсланова 2013с: рис. 2: 20).

В разрушенном погребении у с. Выдриха в составе сопроводительных вещей выявлена серебряная серьга (рис. 2: 2) (Арсланова 1998: рис. 2: 23). Дужка выполнена в виде несомкнутого овала, заострённая на обоих окончаниях. В верхней части дужки имеется небольшой округлый выступ. Подвеска небольшая, каплевидной формы.

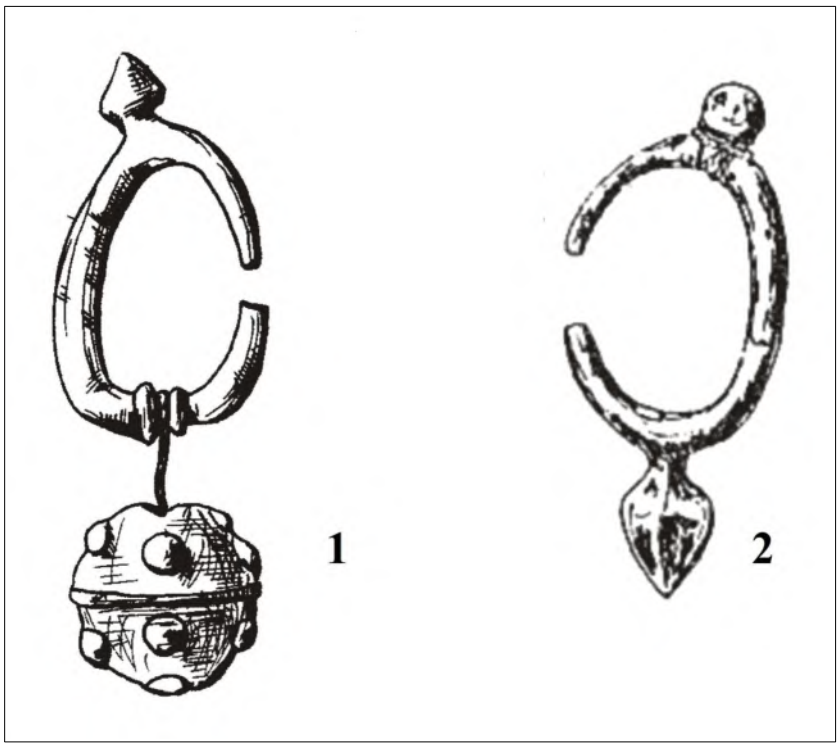


Рис. 2. Женские украшения кимеков. *1* — курган в черте г. Семей (по Арсланова 2013с: рис. 2: 20); *2* — погребение у с. Выдриха (по Арсланова 1998: рис. 2: 23).

Fig. 2. Women's jewelry of the Kimeks. *1* — burial mound within the city of Semey (after Arslanova 2013c: Fig. 2: 20); *2* — burial near the village of Vydrikha (after Arslanova 1998: Fig. 2: 23).

В ограбленном погребении 3 объекта № 14 могильника Измайловка обнаружено украшение из бронзы (Археологические памятники 1987: рис. 73: 21). Дужка овальной формы, с несомкнутыми окончаниями. Выполнена из прута округлого в сечении. В верхней части прута находится небольшой полусферический выступ на ножке. В нижней части прута посередине по обе части от него выполнено по шпеньку с округлым окончанием. Шпеньки имеют одинаковый размер и расположены вверх и вниз от прута на одинаковом расстоянии.

Два украшения из описанных здесь — из погребения у с. Выдриха и погребения 3 объекта № 14 могильника Измайловка, наиболее приближены к своему прообразу: серьгам т.н. «салтовского» типа. У них изящная дужка, детали небольшие и соразмерные. На экземплярах из погребения 2 объекта № 1 могильника Акчий I, погребения из кургана в г. Семей уже присутствуют крупные подвески в виде металлических бусин. И, наконец, своеобразие демонстрируют украшения из погребения 6 кургана № 3 могильника Карашат II, погребения ограды 1 кургана № 146 Зевакинского могильника. Возможно, эти отличия объясняются различной хронологией представленных изделий.

Таким образом, к числу популярных вариантов ушных украшений в кимекской среде относятся округлые серьги небольшого диаметра. Они одинаково часто представлены, как в мужском, так и женском костюме. Также вне зависимости от пола, они присутствуют в единственном числе или в качестве пары. Наблюдаются важные отличия в используемом металле при их изготовлении. Так, золотые украшения характерны только для мужских погребений, причем, судя по богатству и количеству вещей их сопровождающих, сложности погребального обряда они принадлежали представителям степной элиты.

К числу наиболее богатых из них относится погребение воина из кургана № 145 Зевакинского могильника, которого в мир предков сопровождали четыре лошади, две из которых взнузданные, а также собака породы тазы. Кроме небольших золотых серёг, здесь также обнаружены четыре пояса, украшенные серебряными деталями, некоторые из которых покрывались позолотой, сабля, колчан со стрелами, накладки на лук, топор-тесло, топор. Великолепными образцами средневековой торевтики оформлена сбруя боевого коня, похороненного рядом со своим владельцем (Арсланова 2013а: 30—37). Курган № 4 могильника Корболиха VIII содержал погребения мужчины и женщины в сопровождении двух коней, один из них — взнуздан. Несмотря на факт ограбления, можно предположить, что частью мужского предметного мира в данном случае являлись холодное оружие, тесло, лук и колчан (?) со стрелами (Могильников 2002: 55). В связи с ограблением, были утрачены многие важные нюансы обряда неординарного погребения 2 кургана № 4 могильника Гилево VII, в котором находились скелеты пяти человек — трех мужчин, двух женщин и пяти лошадей. Серьги из драгоценного металла украшали уши юноши — владельца внушительного комплекта оружия, в который входили сабля, кистень, колчан со стрелами, копье (Могильников 2002: 21—23).

В свою очередь, серьги с подвесками в предшествующее время выступали символами воинской культуры, знаком принадлежности к мужскому сообществу. В кимекской среде они становятся более характерными в качестве аксессуара для женского костюма.

Схожая ситуация наблюдается у средневекового населения Алтая и Хакасии. В курганах Узунтала одно золотое и два позолоченных украшения с подвесками встречены в двух женских захоронениях (курганы № 5 и 6) (Савинов 1982: рис. 5: 5—7). Две округлые серебряные — в мужском погребении этого могильника (к. № 4) (Савинов 1982: рис. 5: 8). Одна или две серьги с подвесками из бронзы с позолотой обнаружены в могиле 5 кургана № 1 могильника Сабинка, могиле 4 кургана № 3 могильника Кирбинский Лог (Савинов и др. 1988: рис. 9: 2; 12: 1—2). Две округлые бронзовые, в свою очередь, зафиксированы в трёх мужских погребениях (могилы 2, 4, курган № 1; могила 2, курган № 2, могильник Сабинка) (Савинов и др. 1988: рис. 6: 5; 7: 10; 8: 3). В женском погребении 2 могильника Ник-Хая — ещё одного объекта с территории Хакасии, найдено два массивных украшения с крупной металлической бусиной на подвеске (Худяков Нестеров: 1984: рис. 7: 1—3). Все эти памятники датируются VIII—IX в. (Савинов 1982: 117; Савинов и др. 1988: 101; Худяков Нестеров: 1984: 140).

Следует обратить внимание на некоторую вычурность в оформлении некоторых из описываемых украшений с подвесками. Неслучайно в своих публикациях ведущий исследователь средневековых памятников Верхнего Прииртышья Ф.Х. Арсланова неоднократно использует такое обозначение, как «серьги кимакского типа» (Арсланова 1998: 336, 337; Арсланова 2013с: 94, 98, 101). В одной из своих статей исследовательница описывает серьги кимеков таким образом: они «серебряные, с позолотой, в виде овального несомкнутого кольца с округлым выступом в верхней части (по его краю проходят два валика с поперечными насечками). В нижней части серьги выделен перехват для подвесного полого шарика, украшенного по верхней половине четырьмя радиальными рельефными линиями с поперечными насечками» (Арсланова 1992: 85). К этим характеристикам следует добавить массивность треугольной в сечении дужки, украшенной с внешней стороны выпуклыми линиями, покрытыми часто нанесёнными мелкими насечками. Они придают украшению дополнительный объем. Наиболее близкие аналогии этим серьгам обнаружены на территории Хакасии (Худяков Нестеров: 1984: рис. 7: 1—3; Савинов и др. 1988: рис. 12: 1—2). Их объединяют размеры дужки, увеличение её объема с помощью выпуклых полосок, наличие одной крупной металлической подвески. Можно предположить, что некоторое усложнение декора, тенденция к массивности связаны с тем, что эти украшения становятся женскими.

Значительный интерес представляет зафиксированная в данном случае ситуация, когда мужское украшение становится женским. Возможно, она может быть объяснена с точки зрения высокой значимости предметов мужской культуры и, соответственно, обладающих значительными защитными функциями, столь важными для характеристики женского костюма.

Для понимания особого статуса предметов, относимых к мужскому миру, возможно использование этнографических материалов. Такой важный элемент в жизни любого степняка-мужчины, как камча фигурирует во множестве ситуаций, когда человеку особенно необходимы помощь и защита. Так, она использовалась тувинскими шаманами для отпугивания духов (Львова и др. 1988: 192—193). Казахи с этой же целью вешали камчу у изголовья рожениц (Токтабай 2004: 6). У алтайцев её клали под подушку в случае, если роженица видела плохие сны (Львова и др. 1988: 192). Вплоть до наших дней у многих тюркских народов, например, у казахов, сохранился обычай изгонять с её помощью болезнь из тела человека (Токтабай 2004: 7). Чтобы отпугнуть злых духов, после смерти человека алтайцы прислоняли к двери дома такие предметы, как топор, пилу, ружьё, которые находились там в течение трёх дней (Львова и др. 1988: 192). Эти вещи наделялись особой защитной функцией и в связи с этим имели высокую символическую значимость.

Результаты. Серьги с подвесками встречаются, как удалось выяснить на данном уровне исследования, в большинстве своем, в женских кимекских погребениях. Ещё один вариант дизайна этой категории украшений представляют собой небольшие серьги в виде кольца, выполненные из серебра, золота, бронзы.

По материалам из кимекских погребений IX—XI вв. можно проследить, какими нюансами сопровождалась смена формы серег и приоритетов в их наделении. Для кимеков характерна в большей мере округлая форма серег, нежели форма с подвеской. Необходимо обратить внимание, что округлые золотые серьги встречаются в погребениях представителей элиты, с богатым сопроводительным инвентарем. Драгоценный металл также использовался при изготовлении предметов торевтики, используемых в костюме, воинском и конском снаряжении и нёс в себе высокую социальную значимость (Хасенова и др. 2021). В то же время их бронзовые и серебряные аналоги являются частой находкой в погребениях людей с более скромным социальным статусом.

Также у огузов в основном встречаются округлые серьги (из семи учтённых экземпляров пять именно таких) (Бисембаев 2010: 86). По наблюдению Б.Б. Овчинниковой (Овчинникова 1990: 51), округлые серьги чаще, чем в другое время, встречаются в тюркских погребениях Саяно-Алтая в IX—X вв. Возможно, данная ситуация маркирует образование новых государственных

объединений под эгидой новых групп тюркоязычных племен — огузов, кимеков, уйгуров. Происходят изменения в наделении статусности, теперь высокое социальное положение символизирует другая категория серег, поэтому именно округлые серьги встречаются в богатых погребениях кимекской знати.

Продолжением истории этого варианта дизайна серег являются женские украшения кыпчакского времени, представляющие собой нередко массивные округлые кольца с подвесками из лазурита или без. Они обнаружены в таких памятниках на территории Тоболо-Торгайских степей и Сарыарки, как выкладка Каинды-3, погребения Кызылкеныш, у с. Ауелбек (прежнее название совхоз «25 лет Октября»), курган № 5, могильник Кайнсай (Хасенова 2017: рис. 11: 3; Варфоломеев, Рудковский 2004: рис. 2: 14; Арсланова 1970: табл. I: 1; Боталов 2000: рис. 49: 8—9). Авторами публикаций они датируются XI/XII — началом XIII вв. В мужских погребениях продолжают встречаться украшения меньшего диаметра (см. напр.: Усманова 2013: рис. 133: 2). То есть, серьги в виде кольца, также статусные первоначально, в дальнейшем, меняют отчасти свой дизайн и назначение, как и серьги т.н. салтовского типа в предшествующее время.

Таким образом, серьги как важная категория вещного мира прошлого демонстрируют, помимо всего прочего, сходство процессов, протекающих на этой территории, занимаемой разными государственными объединениями степняков, и позволяют акцентировать внимание на локальных особенностях в различных точках пространства Великой степи.

Литература

Археологические памятники 1987: Акишев К.А. (отв. ред.). *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.* Алма-Ата: Наука.

Армстронг И.А. 1861. Семипалатинские древности. *ИИАО* Т. 2. Вып. 4.

Арсланова Ф.Х. 1969. Погребения тюркского времени из Восточного Казахстана. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Культура древних скотоводов и земледельце*в. Алма-Ата: Наука, 43—57.

Арсланова Ф.Х. 1970. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *По следам древних культур Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 54—59.

Арсланова Ф.Х. 1972. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Поиски и раскопки в Казахстане*. Алма-Ата: Наука, 56—76.

Арсланова Ф.Х. 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья. В: Плетнева С.А. (отв. ред.). *Средневековые древности евразийских степей*. Москва: Наука, 79—104.

Арсланова Ф.Х. 1992. Языческая символика в обрядовой женской одежде кимаков и кыпчаков. В: Матющенко В.И. (отв. ред.). *Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов республиканской научной конференции*. Ч. 2. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 83—86.

Арсланова Ф.Х. 1998. Женские погребения IX—X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья. В: Самашев З. (отв. ред.). *Вопросы археологии Казахстана. Сборник памяти М.К. Кадырбаева.* Вып. 2. Алматы; Москва: Наука, 97—109.

Арсланова Ф.Х. 2013a. Приложение. В: Арсланова Ф.Х. *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана.* Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 398—404.

Арсланова Ф.Х. 2013b. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике. В: Арсланова Ф.Х. *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана*. Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 28—92.

Арсланова Ф.Х. 2013c. Женские украшения кимаков и кыпчаков. В: Арсланова Ф.Х. *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана*. Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 93—120.

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. 1973. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. *Тюркологический сборник* 1972, 306—315.

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. 1987. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье. В: Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 122—133.

Ахинжанов С.М. 1999. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*. Алматы: Гылым.

Бисембаев А.А. 2010. *Кочевники средневековья Западного Казахстана*. Актобе: ИП Жанадилов.

Боталов С.Г. 2000. Поздняя древность и средневековье. *Древняя история Южного Зауралья.* Т. II, 207—430.

Варфоломеев В.В., Рудковский И.В. 2004. Средневековое погребение на речке Кызылкеныш в Кентских горах. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 3, 220—225.

Зуев Ю.А. 1992. Этнокультурные связи ранних кимеков. *Известия Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук* 5, 26—38.

Кумеков Б.Е. 1972. *Государство кимаков IX—X вв. по арабским источникам.* Алма-Ата: Гылым.

Кумеков Б.Е. 1990. Об этническом составе кыпчаков XI — начала XIII вв. по арабским источникам. П*роблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана* 2, 119—130.

Львова и др. 1988: Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова А.С. 1988. *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир.* Новосибирск: Наука.

Могильников В.А. 2002. *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI вв.* Москва: Наука.

Овчинникова Б.Б. 1990. *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X вв.* Свердловск: УрГУ.

Савинов Д.Г. 1982. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры). В: Конопацкий А.К., Худяков Ю.С. (отв. ред.). *Археология Северной Азии.* Новосибирск: Наука, 102—122.

Савинов Д.Г. 2005. Древнетюркские племена в зеркале археологии. В: Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. *Степные империи древней Евразии*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 183—343.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. 1988. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири*. Ленинград: Наука, 83—103.

Токтабай А. 2004. *Культ коня у казахов*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Усманова Э.Р. 2013. Приложение 1. Отдельные объекты. *В:* Усманова Э.Р. (отв. ред.). *Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты*. Караганда-Лисаковск: Tengri LTD, 131—133.

Хасенова Б.М. 2017. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир. В: Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. (отв. ред.). *Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха.* Алматы: ИА КН МОН РК, 51—97.

Хасенова и др. 2021: Хасенова Б.М., Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Хабдулина М.К. 2021. Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина. *Oriental Studies.* Vol. 14. Iss. 6. 1188—1209.

Худяков Ю.С., Нестеров С.П. 1984. Группа погребений Ник-Хая. В: Медведев В.Е. (отв. ред.). *Археология юга Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск: Наука, 131—142.

References

Arheologicheskie pamyatniki 1987: In Akishev, K.A., (ed.*). Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoi GES (Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya Hydroelectric Power Station).* Almaty: Nauka (in Russian).

Armstrong, I.A. 1861. In *Izvestiya Imperatorskogo arheologicheskogo obschestva. (Proceedings of the Imperial Archaeological Society).* Vol. 2. Iss. 4 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1969. In Akishev, K.A. (ed.). *Kul'tura drevnih skotovodov i zemledel'cev (The Culture of Ancient Cattle Breeders and Farmers).* Almaty: Nauka, 43—57 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1970. In: Akishev K.A. (ed.). *Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana (In the Footsteps of Ancient Cultures of Kazakhstan).* Almaty: Nauka, 54—59 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1972. In: Akishev, K.A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and Excavations in Kazakhstan)*. Almaty: Nauka, 56—76 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1980. In: Pletneva, S.A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti evraziiskih stepei (Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes).* Moscow: Nauka, 79—104 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1992. In: Matushenko, V.I. (ed.). *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova. Tezisy dokladov respublikanskoi nauchnoi konferencii (The second historical readings in memory of M.P. Gryaznov. Abstracts of reports of the republican scientific conference).* Pt. 2. Omsk: OmGU, 83—86 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1998. In: Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazahstana. Sbornik pamyati M.K. Kadyrbaeva (Issues of Archaeology of Kazakhstan. Collection in memory of M.K. Kadyrbaev).* Iss. 2. Almaty; Moscow: Nauka, 97—109 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 2013a. In: Arslanova, F.Kh. *Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Essays on Medieval Archaeology of the Upper*

Irtysh Region. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan). Vol. III. Astana: Branch of A.Kh. Margulan Institute of Archaelogy in Astana, 28—92 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 2013b. In: Arslanova, F.Kh. *Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan).* Vol. III. Astana: Branch of A.Kh. Margulan Institute of Archaelogy in Astana, 93—120 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 2013c. *Prilozhenie (Appendix).* In: Arslanova, F.Kh. *Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan).* Vol. III. Astana: Branch of A.Kh. Margulan Institute of Archaelogy in Astana, 398—404 (in Russian).

Arslanova, F.Kh., Klyashtorny, S.G. 1973. In *Tyurkologicheskii sbornik (Turkological Collection)* 1972, 306—315 (in Russian).

Arslanova, F.Kh., Samashev, Z.S. 1987. In: Kuzeev, R.G. (ed.). *Problemy srednevekovoi arheologii Urala i Povolj'ya (Issues of Medieval Archaeology of the Urals and the Volga Region).* Ufa: Bashkir Branch of AS USSR, 122—133 (in Russian).

Akhinzhanov, S.M. 1999. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana (Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan).* Almaty: Gylym (in Russian).

Bisembayev, A.A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ya Zapadnogo Kazahstana (Nomads of the Middle Ages in Western Kazakhstan).* Aktobe: IP Zhanadilov (in Russian).

Botalov, S.G. 2000. In *Drevnyaya istoriya Yujnogo Zaural'ya (Ancient History of the Southern Trans-Urals).* Vol. II. Chelyabinsk: YUUrGU, 207—430 (in Russian).

Varfolomeev, V.V., Rudkovskii, I.V. 2004. In *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 3, 220—225 (in Russian).

Zuev, Yu.A. 1992. In *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Kazahstan. Seriya obschestvennyh nauk (Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 5, 26—38 (in Russian).

Kumekov, B.E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX—X vv. po arabskim istochnikam (The State of the Kimaks in the 9th —10th cc. according to Arabic sources).* Almaty: Gylym (in Russian).

Kumekov, B.E. 1990. In *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazahstana (Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan)* 2, 119—130 (in Russian).

Lvova et al. 1988: Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalayev, A.M., Usmanova, A.S. 198*8. Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yujnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veschnyi mir (Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. Material World).* Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Mogilnikov, V.A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnyh predgorii Altaya v IX—XI vv. (Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th — 11th cc.).* Moscow: Nauka (in Russian).

Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI—X vv. (Turkic Antiquities of Sayan-Altai in the 6th — 10th cc.)* Sverdlovsk: UrGU (in Russian).

Savinov, D.G. 1982. In: Konopatskii, A.K., Khudyakov, Yu.S. (eds.). *Arheologiya Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia).* Novosibirsk: Nauka, 102—122 (in Russian).

Savinov, D.G. 2005. In: Klyashtorny, S.G., Savinov, D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii (Steppe empires of ancient Eurasia)*. Saint Peterburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 183—343 (in Russian).

Savinov, D.G., Pavlov, P.G., Pauls, E.D. 1988. In *Pamyatniki arheologii v zonah melioracii Yujnoi Sibiri (Archaeological Sites in the Melioration Zones of Southern Siberia).* Leningrad: Nauka, 83—103 (in Russian).

Toktabay A. 2004. *Kul't konya u kazahov (The Cult of the Horse among the Kazakhs)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Usmanova, E.R. 2013. In Usmanova, E.R. (ed.). *Pamyatniki Lisakovskoi okrugi: arheologicheskie syujety (Sites of the Lisakovskaya District: Archaeological Plots).* Karaganda-Lisakovsk: Tengri LTD, 131—133 (in Russian).

Khassenova, B.M. 2017. In: Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 51—97 (in Russian).

Khassenova et al. 2021: Khassenova, B.M., Omarov, G.K., Besetayev, B.B., Khabdulina, M.K. 2021. In *Oriental Studies*. Vol. 14. Iss. 6. 1188—1209 (in Russian).

Khudyakov, Yu.S., Nesterov, S.P. 1984. In: Medvedev, V.E. (ed.). *Arheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Archaeology of Southern Siberia and the Far East).* Novosibirsk: Nauka, 131—142 (in Russian).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.37.59.019

В.А. Асадов, Ш.Н. Наджафов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАМКА КЕРПИДЖЛИТЕПЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)*

Средневековый замок Керпиджлитепе находится на территории Геранбойского района Азербайджана на высоте 208—210 м от уровня моря. С северной стороны замок граничит с пашнями. Визуальный осмотр указывает на то, что в своё время замок был окружён строениями. Южнее проходит овраг высохшей речки. Рельеф участка равнинный.

В статье пойдет речь об архитектурно-строительных особенностях замка, его структуре, о культурно-торговых связях его жителей, а также о результатах анализа артефактов, обнаруженных в замке Керпиджлитепе.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Геранбой, Керпиджлитепе, средневековый замок, сельджуки, средние века, р. Газанбулаг, строительные остатки.

Сведения об авторах: Асадов Вагиф Арифович[1], PhD (History), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана; Наджафов Шамиль Надирович[2], PhD (History), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана.

Контактная информация: [1,2]AZ1143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр-т Г. Джавида, 115, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана, e-mail: [1]vaqif-amea@mail.ru, [2]shamil_necefov@mail.ru.

Vagif Asadov, Shamil Najafov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE MEDIEVAL CASTLE OF KERPIJLITEPE AND ITS SURROUNDINGS (AZERBAIJAN REPUBLIC)

The medieval Kerpijlitepe Castle is located in the Goranboy District of Azerbaijan at an altitude of 208—210 m above sea level. To the north, the castle is bordered by arable land. Visual inspection indicates that the castle was once surrounded by buildings. A ravine formed by a dried-up riverbed lies to the south. The terrain is flat.

This article discusses the castle's architectural and structural features, its structure, the cultural and trade connections of its inhabitants, and the results of an analysis of artifacts discovered in Kerpijlitepe Castle.

Key words: archaeology, Azerbaijan, Goranboy, Kerpijlitepe, medieval castle, Seljuks, Middle Ages, Gazanbulag River, construction remains.

About the authors: Asadov Vagif Arif[1], PhD of History, Ass. Professor, Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences; Najafov Shamil Nadir[2], PhD of History, Ass. Professor, Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences.

Contact information: [1,2]AZ 1143, Azerbaijan Republic, Baku, H. Javid Avenue 115, Azerbaijan National Academy of Sciences, e-mail: [1]vaqif-amea@mail.ru, [2]shamil_necefov@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 2 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июня 2025 г.

© В.А. Асадов, Ш.Н. Наджафов, 2025.

Введение

Средневековые памятники Азербайджана разнотипные. К настоящему времени обнаружены сотни памятников, относящихся к ранним (IV—VIII вв.), развитым (IX—XVI вв.), а также поздним (XVII—XVIII вв.) средним векам. Речь идет о городищах, поселениях городского и сельского типа, убежищах, молельнях, мусульманских религиозных сооружениях, албанских христианских храмах и т.д. Сведения письменных источников и результаты археологических исследований документируют оживление городской жизни в Азербайджане в IX—X вв. и ускоренное развитие городов в XI—XII вв. (Bünyadov 1985).

Известно, что урбанизация и связанные с ней процессы являлась важным феноменом мусульманской цивилизации. На мусульманском Востоке ускорение процесса урбанизации нашло своё воплощение в расширении градостроительной деятельности, укреплении городского образа жизни, а также в изменении социально-психологического контекста (Azərbaycan arxeologiyası 2008: 31). Можно только отметить, что в XII—XIII вв. не возникло новых значительных городов, а большинство старых городов продолжало существовать в прежнем виде (Большаков 1984: 82). В средние века города занимали ведущую позицию сосредоточением производственного, культурного и интеллектуального потенциала. Они становились политическими, военно-административными, ремесленными, торговыми, религиозно-культурными центрами, также были центрами управления. Анализ письменных источников и результаты археологических раскопок позволяют выделить три типа феодальных городов:

1) Большие города, которые в разные периоды являлись столицами или важными центрами феодальных государств на территории Азербайджана. Как правило, их экономика основывалась на ремесле и торговле. Эти города были главными центрами сосредоточения интеллектуального потенциала страны;

2) Города средней категории, к которым относятся областные центры;

3) Маленькие городки являлись окружными центрами. К ним можно отнести также развалины средневекового замка Керпиджлитепе, о котором пойдет речь в этой статье (рис. 1).

Из сведений письменных источников становится ясно, что в IX—XII вв. на территории современного Азербайджана шло углубление феодальных отношений, наблюдался значительный прогресс в развитии хозяйственной жизни, ремесленничества, а также расширение торговых связей (Bünyadov 1985; Nəcəf 2010).

Во второй половине XI в. Южный Азербайджан и Арран присоединяются к государству Великих Сельджуков. Ширваншахи, принимая вассальную зависимость от Сельджукского султаната, смогли сохранить свою самостоятельность. В этот период в результате этнокультурных процессов, происходящих на территории Азербайджана, завершается процесс формирования тюркоязычного азербайджанского народа (Bünyadov 1985).

Все эти социально-экономические, политические, культурные и религиозные факторы обеспечивали общий подъем хозяйственной жизни в Азербайджане. Ускорялось развитие производственных сил, расширялись пашенные поля, закреплялось хозяйство оседлого скотоводства. Наряду с сельским хозяйством ремесленное производство, особенно неуклонно росло городское ремесло и в XII столетии достигло своего высокого уровня развития (Nəcəf 2010). Число поселений в стране увеличилось. Во внешней и внутренней структуре городов произошли масштабные изменения: развитие торговли привело к активной прокладке новых дорог, построению караван-сараев и мостов.

Поступательное социально-экономическое, политическое и культурное развитие было приостановлено монгольским завоеванием. Тогда карта Ближнего и Среднего Востока основательно поменялась. Земли Азербайджана вошли в состав пятого монгольского улуса Хулагуидов (Ильханидов), занимавшего обширную территорию — от Дербента до Персидского залива. Азербайджан стал его центральной областью, а город Тебриз стал столицей этого огромного государства (Nəcəf 2010).

Войны и притеснения местного населения кочевой военной знатью в стране, особенно в Арране, были одним из факторов, оказывающих отрицательное влияние на развитие хозяйственной жизни и городской культуры (Nəcəf 2010). Тяжёлая налоговая нагрузка и разрушение ирригационных сооружений в районах искусственного орошения нанесло тяжёлый удар сельскому хозяйству. Городское ремесло и торговля пришли в упадок. В результате этого после монгольских набегов на территории Азербайджана использовалась по своему назначению лишь десятая часть прежде обрабатываемых земель.

Общая характеристика памятника Керпиджлитепе

Памятник Керпиджлитепе является историко-археологическим комплексом. Здесь, в окружении средневекового поселения, появившегося примерно в XI в., был заложен феодальный замок. Во времена азербайджанских атабеков (Илдегизидов) заселение окрестностей замка активизировалось, возникли ремесленные кварталы, мастерские, производственные центры, а в окрестности образовалось поселение типа средневекового посёлка. Средневековое зодчество Керпиджлитепе, сохранившего следы сельджукской культуры, указывает на то, что этот памятник по форме и особенностям не является караван-сараем. Из нижеперечисленных анализов также ясно просматривается наличие здесь средневекового замка или адмнистративного центра типа феодального дворца. Выявление во время раскопок замковых помещений, как правило четырёхугольной формы, башен круглой формы, а также отсутствие общего двора, присущего караван-сараям и др. особенности однозначно определяют его характер (рис. 2). На поселении Керпиджлитепе после монгольских набегов жизнь полностью прекратилась. Местное население было либо истреблено, либо же по причине упадка хозяйства было вынуждено переселиться на какую-то другую территорию (Асадов, Наджафов 2024: 183).

Во время осмотра территории поселения, а также окрестностей можно встретить многочисленные образцы подъёмной керамики. Остатки материальной культуры, найденные на отмеченных участках, важны в основном с точки зрения археологической оценки данных участков. Нахождение на территории многочисленных образцов керамики, при том разного ассортимента, воплощающих в себе средневековье, позволяет прийти к выводу об интенсивности проживания в тот период.

Позиция поселения очень выгодна с точки зрения заселения (рис. 1; 3). Вокруг поселения имеется плодородный земельный фонд и водный источник для формирования земледельческого хозяйства. Артефакты доказывают, что в хозяйстве жителей поселения земледелие занимало значительное место. Найденные остеологические останки указывают на то, что население отчасти занималось также скотоводством.

Обзор археологических раскопок и результаты археологического исследования

Строительная архитектура Керпиджлитепе

Раскопки поселения проводились до глубины 3 м от дневной поверхности, после чего вышли на материк и поэтому раскопки прекратились. Было установлено, что на памятнике Керпиджлитепе наличествовали два строительных горизонта. I строительный горизонт начался с глубины 1,5 м и доходит почти до дневной поверхности. Выявленный на глубине 1,5 м II строительный горизонт начинается с 3 метров от дневной поверхности. Большинство строений I горизонта были выявлены в разрушенном виде, каменных и кирпичных рядов в кучной и разбросанной форме. Лишь выявленные в восточной части раскопа стенки сооружения сохранились в более лучшем состоянии. В целях углубления участка раскопок строительные остатки I горизонта были снесены и изъяты. После этого начались работы по

очистке от земли сооружений II строительного горизонта. В результате открылась следующая картина:

В восточной половине участка раскопок выявилась часть большого сооружения, условно названного нами замком (рис. 2). Последующие раскопки подтвердили наше предположение. Западная стена замка тянется на 11 м в северо-восточном направлении, после чего получает полукруглую форму (рис. 4). Этот полукруг является нижней частью первого выявленного форпоста замка. Диаметр форпоста составляет 5,2 м. Дальше восточная часть стены замка тянется в северо-западном — юго-восточном направлении на 17 м (рис. 4; 5: 1, 2) и упирается на остатки большого сооружения. Это сооружение длиной в 11 м расширяется к западу. Внутри остатков сооружения, фундамент которого состоял из крупных булыжников, наблюдаются следы булыжников, битых обожжённых кирпичей, алебастра и гажи. Это сооружение находится вне замковой стены. Дальше был обнаружен фундамент второго южного форпоста, диаметром в 3,2 м. От этого форпоста осталась только нижняя кладка, состоящая из крупных булыжников. Видимо южные форпосты замка были не такими основательными, как северные, что подтвердилось и остатками второго южного форпоста. Поэтому они подверглись большим разрушениям. Наверно в своё время река, протекающая с южной стороны замка, являясь естественной преградой, также повлияла на слабую постройку южных форпостов (рис. 4: 1, 2) (Асадов, Наджафов 2024: 176—177).

Края фундамента внутренней стороны замковой стены обрамлены тротуаром, состоящим из плоских обожжённых кирпичей. Перед северным форпостом, впритык к нему открылись три укрепительные подпорки, перед замковой стеной, тянущейся по восточно-южному направлению, обнаружились также ещё три подпорки, состоящие из обожжённых кирпичей, выстроенных в 3—4 ряда. Эти подпорки расположены на определённом расстоянии друг от друга. Тянущиеся параллельно внешней стене внутренние ограды состоят из булыжников среднего размера, расположенных в один ряд. Соответственно эти ограды параллельно внешней стене тянутся по восточно-южному направлению на 11 м, после чего, сворачивая на запад, параллельно южной стене замка тянутся ещё на 10,7 м (рис. 4). Таким образом, между внешней стеной и внутренней оградой замка остаётся пустой участок, который может называться «улицей» (рис. 9: 1). Грунт улицы мелкий, жёлтого цвета, внутри которого не были обнаружены следы материальной культуры, т.е. речь должна идти о материковой земле (Асадов, Наджафов 2024).

Стены замка возвышаются рядами, состоящими из чередующихся булыжников и обожжённых кирпичей. Булыжники отделяются друг от друга парными обожжёнными кирпичами, поставленными на попа. Такая кладка в средневековом зодчестве назывался «Гянджинской кладкой» (рис. 6: 2, 3). Сохранились лишь пять рядов этих кладок. Самая высокая сохранившаяся часть стены достигает 1,15 м. Ясно, что на этой кладке возвышалась оставшаяся часть стены, и она в своё время была разрушена. Это доказывается также оставшимися на поверхности кладки остатками камней и кирпичей.

На севере западной части участка раскопок обнаружилось сооружение. Здесь также выявились колодец, гажевая площадка, тандыры (установки для выпечки хлеба) и хозяйственные ямы. На юге западной части участка расчищены два строительных остатка и также были выявлены тандыры, обогревательные печи и подвал для хранения продуктов (рис. 5: 3). Отметим, что гажевые участки встречались на западной и южной стороне раскопа. Высокая сейсмичность многих районов Азербайджана обусловливала применение тяжёлых строительных материалов. Более крепкие, но в то же время более рыхлые известковые растворы заменялись относительно пластичными и более устойчивыми против сейсмических толчков гажевыми растворами (Асадов, Наджафов 2024).

После вскрытия вышеуказанного сооружения выяснилось, что это помещение четырёхугольной формы. Было определено, что это сооружение является печью для обжига сырцовых кирпичей и керамических сосудов. Это доказывалось также плоскими кирпичами, поставленными на попа в юго-восточном углу помещения. Несмотря на то, что стенки печи возведены из сырцовых кирпичей, из-за воздействия огня и жары они приобрели розовый

оттенок. Нижняя часть печи была сооружена внутри ямы в форме полуземлянки, что обусловливалось тем, чтобы тепло внутри печи хорошо сохранилось (рис. 8: 1, 2).

Северная часть сооружения изнутри была заполнена битыми кирпичами. Скорее всего, это остатки разрушенного свода. После полного очищения внутренности сооружения получилась следующая картина:

Внутри печь по западно-восточному направлению разделяется на перегородки, соединяющие юго-северные стенки сооружения (рис. 8). Здесь было зафиксировано шесть перегородок. Для обжига кирпичи клали на эти перегородки. Эти перегородки сверху плоские, нижняя часть же их посередине аркообразна. Все арки расположены напротив друг друга. Они служат для циркуляции воздуха для распределения тепла по всей площади печи. Длина всех шести арок 3 м, ширина 35 см. Расстояние между ними 27—33 см. Из-за влияния тепла арки изнутри приобрели зелёный цвет.

Южные стенки печи были выявлены на глубине 1,7 м от дневной поверхности, а западные и северные стенки лучшей сохранности, вышли наружу на глубине 1,2 м от дневной поверхности. То есть они были на 50 см выше южной стенки. Восточная стенка печи же наоборот была на 20 см ниже южной. Предполагается, что здесь в своё время находилась входная дверь, открывающаяся внутрь печи. После 3 м от дневной поверхности раскопочные работы были приостановлены. Это было связано как с безопасностью, так и сложностью, созданной перегородками, достаточно близко расположенными друг к другу (Асадов, Наджафов 2024).

Общая площадь печи составляет 4,9 (западо-восток) × 3,4 (северо-юг) м. Кирпичи стенок печи выстроены в один ряд. Они, сменяясь, поставлены на попа и плашмя. Стенки печи изнутри оштукатурены. На восточной стенке печи в глубине 2,5 м открыта дверца полуовальной формы. Края этой дверцы, шириной в 50 см и высотой в 40 см, с внешней стороны возведены из обожжённых кирпичей, на которых остались следы сильной гари (Асадов, Наджафов 2024). Может быть, через эту дверцу внутрь печи подбрасывались дрова (рис. 8).

Обнаружение на поселении такой совершенной и достаточно большой печи указывает на то, что наряду с производством определённой части глиняных изделий для внутреннего потребления, они изготовлялись также с целью экспорта. Археологические исследования показали, что для обеспечения поселений, расположенных вблизи кирпичных печей, производились строительные кирпичи (Məmmədov, Əliyev, 2011: 266, рис. 1—2).

Восточная часть участка раскопок богата хозяйственными ямами и тандырами (рис. 7: 2). Вообще тандыры встречаются на всей территории участка. Несмотря на то, что изобилие тандыров, изготовленных способом сборки или обжигом из глины, связано с потребностью удовлетворения в хлебе здешнего населения, также объясняется тем, что из-за особенного отношения к тандырам они не разбирались и после окончания срока их использования, в связи с чем, среди тандыров II строительного горизонта мы встречаем также тандыры, относящиеся к I горизонту. По мнению специалистов, крупные тандыры использовались для выпечки хлеба, тандыры же меньшего размера для согревания домов и других помещений. Стенки у всех тандыров в центре расширяются и относительно ссужаются близко ко дну. Эти и другие показатели указывают на идентичность керпиджлитепинских тандыров с современными. Эта идентичность проявляется как в технологии изготовления, так и в способе эксплуатации (Əhmədova 1984: 51—84).

В ходе раскопок памятника во всей территории памятника были также выявлены остатки и фундаменты комнатных помещений, площадки, вымощенные плоскими обожжёнными кирпичами (рис. 2), подвалы для хранения продуктов (рис. 5: 3), колодца и очаги. Во время археологических раскопок Керпиджлитепинского замка были обнаружены также остатки трубопровода для воды. Это говорит о том, что в то время здесь существовала система для обеспечения водой. Трубопроводы для воды были найдены также на других средневековых городищах Азербайджана, в том числе в Гяндже (Məmmədov et al. 2009: 258), Габале (Cəbiyev 2009: 249—250, 285, рис. 6a—b, 8, 9), Шабране (Əsədov et al. 2013: 60, рис. 14—15) и в др.

В результате поэтапных раскопок памятника Керпиджлитепе стало ясно, что этот памятник является феодальным замком, относящимся к периоду развитого средневековья (середина XI — начало XIII вв.). Замок занимает всю территорию исследуемого искусственного холма. Замок окружен крепостными стенами и соединяющими их полукруглыми башнями. Нижняя часть юго-восточной стороны крепостных стен осталась в сохранности. Из башен северо-западная сохранилась в относительно в хорошем состоянии, у юго-восточных и юго-западных же башен выявились лишь камни фундамента. По всей вероятности, северо-восточный форпост замка также должен сохранится в хорошем состоянии. Это подтверждает выявленная в середине стены полубашня, соединяющая северо-западную и северо-восточную башни. Она сохранилась в относительно в хорошем состоянии. По нашему мнению, это связано с тем, что из-за наличия входных дверей замка, эта часть как бы считалась титульной и поэтому была сооружена более основательно и роскошно. Южные же башни не несли такую функцию и также, как было отмечено выше, защищались естественной преградой. На сохранившихся северо-западной башни и западных стенах замка был использован строительный стиль под названием «гянджинская кладка» или «арранская кладка», которая служила как для укрепления стен, так и в качестве декора (рис. 5: 4; 6: 2, 4, 5). К своеобразным чертам Арранской школы зодчества относятся разделение на ясно просматривающийся основной строительный массив и на его украшение. Здесь оставила определённый след облицовка декоративными блоками. Отметим соответствие декора основному массиву здания, выявление и выделение особенностей композиционных планов, характерных для XII—XIII вв. Фактура и характерное разделение облицовочных поверхностей сооружений определялось обожжёнными кирпичами, являющимися основным строительным материалом (Усейнов 1963: 109). Средневековые зодчие и строители уделяли большое значение облицовке стен. Для средневекового города Шамкир также очень характерна полихромная, объединённая кладка (Достиев 2009: 253). Юго-западным и южным стенам с внешней стороны примыкались вспомогательные строения, из-за чего не было надобности возводить эту часть стены в укреплённом и декоративном виде. Скорее всего, с этим связано то, что эти части замка подверглись большим разрушениям (рис. 5: 4).

Таким образом, как было отмечено выше, часть выявленных остатков материальной культуры находилась внутри замка (остатки жилых помещений, тандыры и горны, подвалы для хранения продуктов (рис. 5: 3; 9: 1—3), колодца и кирпичные настилы), другая же часть располагалась на внешней стороне (остатки строений, обжигательная печь, хозяйственные ямы, тандыры и колодец).

Артефакты

Отметим, что во время раскопок памятника Керпиджлитепе были собраны многочисленные остатки материальной культуры. Эти археологические материалы, выявленные во всех культурных слоях участка раскопок, состояли из керамических сосудов и изделий, орудий труда, медных монет, малочисленных украшений, осколков стеклянных сосудов, а также строительных материалов.

В результате раскопок памятника Керпиджлитепе всего обнаружено 2 577 фрагмента керамических изделий. Материал классифицирован по функции на три группы: кухонные (22,2%), столовые (65,4%) и хозяйственно-бытовые (21,4%). Большая часть керамических изделий качественно обожжена на огне. Часть некоторые горшков и кувшины имеет довольно грубую формовочную массу, с примесями крупных минералов. По составу теста — исходное сырье + дресва, разных размеров и разной сортировки, и второй рецепт — глина + дресва + органика, дресва также встречена от мелкой до крупной, разной сортировки, органика представлена от соломы, реже трава и навоз.

Керамические сосуды были обнаружены в целом и фрагментарном виде (рис. 10: 1—28). Это поливные и простые (неполивные) сосуды. На основе типологических особенностях эти материалы можем отнести к X—XIII вв. Обнаруженные сосуды розового, красного, бурого, оранжевого, кремового, желтоватого и беловатого цвета. Состав глины у них чист или с примесью песка. Находились также сосуды особенного назначения. Среди глиняных изделий больше встречались глазурованные светильники (рис. 10: 29, 30) и сосуды, называемые в научной литературе «чернильницами» (рис. 10: 31, 32). Керамические изделия, в качестве массового материала имеют важное научное значение в изучении быта и духовной культуры народа (Ионе 1951: 73).

Неполивная керамика вместе с поливной керамикой могут выступить как показатель развития производственных сил, степени продвижения процесса отмежевания городского ремесла от сельского. Они дают важный материал для исследования организации керамического производства в средневековом азербайджанском городе (Dostiyev et al. 2013: 186).

Найденные во время раскопок Керпиджлитепинского памятника неполивные сосуды являются кувшинами, горшками, котлами, подойниками, крупными кувшинами (кюпами), жбанами, крышками и т.д. (рис. 10: 1—26). Поверхности неполивных сосудов украшены начерченными, волнистыми, рифлёными, штампованными узорами и выпуклыми линиями. В большинстве случаев они имеют лентообразные или дугообразные ручки. Поливные сосуды представлены в основном вазами, тарелками, пиалами и солонками (рис. 10: 13—22, 28). Нижнюю часть венчиков, как правило, окружает выпуклая линия или цепная полоска. Встречались также сосуды, венчики которых украшены колосовидными узорами. Поверхность некоторых сосудов украшена штампованными узорами с зооморфными изображениями. На средневековом поселении Фахралы встречались кувшины, украшенные с прилепленными полосками (Əsədov et al. 2015). Фрагменты кувшинов с отогнутыми наружу венчиками, нижнюю часть венчиков которых окружали прилепленные цепные полоски были обнаружены на средневековых городищах Шамкир (Dostiyev et al. 2013: 200—204, инв. 193, 292, 465, 590.2, 717, 845), Бейлаган (Ахмедов 1959: 186—226), Гянджа (Джафарзаде 1949), Шемаха (Джидди 1981), а также на поселении Фахралы (Əsədov et al. 2015: 42). Подобные орнаменты характерны также для синхронных поселений Центральной Азии (Массон, 1949). Здесь также были обнаружены, как и на Керпиджлитепе, фрагменты кувшинов с идентично штампованными орнаментами с зооморфными и антропоморфными мотивами (Асадов, Наджафов 2024).

Поверхность поливных сосудов украшена геометрическими, растительными и зооморфными узорами в полихромном и монохромном виде (рис. 10: 13, 23) (Əsədov, Fərmanov 2021: 119—131). В одном случае встретился также антропоморфный рисунок (изображение сельджукского воина). Привлекает внимание изобилие чернильниц (рис. 10: 31, 32). Массовое обнаружение этих изделий указывает на то, что в тот период на территории Азербайджана, в том числе в Гянджинском регионе было достаточно образованных людей, занимающихся делопроизводством и письмоводством. По сведениям географа и путешественника-историка Ягута аль-Хамави, один из книжных фондов, богатый книгами на арабском и персидском языке, находился в близлежащем к Керпиджлитепе крупном г. Гяндже (Халидов 1985). Библиотеки, имеющие такие книжные фонды, были открыты для всех желающих. Посетители этих библиотек занимались чтением и копированием книг. Приходящим со стороны выдавались чернила и ручки, ученные же, занятые в разных сферах науки, обеспечивались зарплатой. Такие библиотеки посещали знаменитые учёные, в них организовывались их диспуты (Халидов 1985: 192).

Орудия труда состоят в основном из остатков орудий, изготовленных из железа и из камня. Железные орудия представлены серпами, ножами, лопатой и т.д. В число каменных орудий входят ручные мельницы, зернотёрки, точилки и др.

Медные монеты были обнаружены одиночно, а в одном случае в совокупном виде во многих местах участка раскопок и на разных глубинах. Часть из них была очищена и прочитана специалистами. Было определено, что они относятся к периоду азербайджанских

атабеков, Илдегизидов. Монеты сельджуков Малой Азии обнаруживались также во время археологических раскопок Бейлагана и Гянджи, их датируют XII—XIII вв. (Ахмедов 1983; 1984: 86). Отметим также, что в ходе раскопок памятника Керпиджлиитепе не было обнаружено серебряных монет, что можно объяснит нехваткой в тот период серебра на Востоке. Основными причинами этой нехватки был экспорт серебра в X—XIII вв. в северные страны, с которыми мусульманский мир имел широкие торговые отношения, исчерпание серебряных рудников, уменьшение запасов серебра в странах, экспортирующих этот метал. Несмотря на это, выход серебра из платёжного оборота не стал препятствием для дальнейшего развития товарно-денежных отношений в Азербайджане. Его функции в качестве платёжного средства и средства международных денег были успешно заменены медью и золотом. Это доказывается многочисленными кладами медных и золотых монет, найденных на территории Азербайджана и всего Кавказа (Bünyadov 1985: 203—205).

Стоит отметить тот факт, что на территории замка были найдены украшения: стеклянные браслеты разного цвета, а также бусы, изготовленные из пасты, стекла, агата и др. материалов. Была также найдена прекрасно инкрустированная заколка для волос, изготовленная из кости. Стеклянные сосуды хотя обнаруживались в фрагментарном виде, они относятся к флаконам и пиалам (Əsədov, Əhmədova 2023: 101—109).

Среди других находок можно указать на выявленных в двух местах полуобгоревших семян пшеницы, деревянную труху, обнаруженную в ямках для столбов, многочисленные кости животных и птиц. Кости животных принадлежат как к крупному рогатому, так и мелкому рогатому скоту.

На глубине 40 см от дневной поверхности по всему периметру участка раскопок наблюдалась выжженная полоса, которая говорит о происходившим в своё время сильном пожаре. Может быть, в результате этого пожара проживание, продолжавшееся здесь веками, прекратилось.

Хронология

Результаты радиоуглеродного исследования

В результате археологических исследований, охватывающих лишь определённую часть памятника Керпиджлитепе, было определено, что здесь находился феодальный замок, а рядом с ним поселение. Анализ выявленных остатков материальной культуры дают основание считать, что этот памятник относится к средневековью, а точнее к X—XIII вв. (табл. 1).

На основе фрагментов костей животных и угольных остатков, взятых с разных раскопочных квадратов, проведена радиокарбонная датировка, получены результаты, связанные с абсолютным возрастом памятника.

Абсолютное большинство образцов керамики, найденных на Керпиджлитепе, по форме венчиков, туловищ и поддонов, составу керамики, расцветке, особенностям украшения и толщине, составу глазури можно отнести к XI—XIII вв. С большой вероятностью эти изготовленные с большим вкусом сосуды были привезены в Керпиджлитепе из близлежащих азербайджанских городов Гянджи и Шамкира, достигших в тот период высокого уровня развития. С точки зрения особенностей нанесения узоров и цветовых гамм не вызывает сомнений принадлежность некоторых полихромных сосудов Керпиджлитепе к XI—XII вв. Схожие полихромные сосуды были встречены на средневековых городищах Гянджа, Шамкир, Бейлаган, на средневековых поселениях сельского типа Кёхня Арчиван, Шыхнадул, Фахралы, Дашбулаг и т.д. (Axundov и др. 2002; Dostiyev и др. 2002: 132; Najafov et al 2024). Наряду с проведением классификации их аналогов, обнаруженных на Бейлагане, А.Л. Якобсон обосновал принадлежность поливных сосудов такого типа к IX—XI вв. (Якобсон 1959а: 228—302). Аналоги сосудов этого типа В.Н. Левиатов обнаружил в ходе раскопок, ведущихся в г. Баку и отнёс их к IX—X вв. (Левиатов 1946: 37—39).

В Керпиджлитепе стабильная социальная жизнь и динамичное экономическое развитие прервались в начале XIII в., когда поселение и замок подверглись разрушению во время феодальных войн и население начало покидать это место. Вполне возможно, что постепенный упадок феодального замка и окрестного поселения сельского типа происходил накануне монгольских набегов или же во время них. В это время эти области как и другие многие территории также подверглись жестокому разрушению, Вследствие этого Керпиджлитепе понёс большой урон. Это мнение подтверждается также наличием толстого слоя золы и следов масштабного пожара в слоях разных раскопочных квадратов, относящихся к началу XIII в.

Заключение

Стены, присущие феодальным замкам, богатство и разнообразие обнаруженных археологических материалов, сооружения, возведённые с использованием передовых архитектурных стилей, обилие монет, указывающих на высокие торговые отношения и чернильниц, являющихся показателями грамотности, говорят о том, что этот памятник был частью феодального имения, вокруг которого располагалось поселение не сельского, а, может быть, поселкового типа.

В Керпиджлитепе хорошо прослеживаются следы высокой сельджукской культуры. Это связано с близостью средневекового памятника Керпиджлитепе к таким городам, как Гянджа и Шамкир, которые в своё время были центрами высокой культуры. Среди керамических изделий, найденных во время археологических раскопок на Керпиджлитепе, встречаются также фрагменты фаянсовых сосудов. Основными производственными центрами фаянсовых сосудов в научной литературе однозначно считаются города Рей и Кашан Ирана (Axundov и др. 2002: 69). Но некоторые отходы фаянсового производства, найденные на некоторых средневековых городищах Азербайджана, доказывают, что в средние века на этой территории существовало производство фаянса. Наряду с разнообразием геометрических и растительных узоров на сосудах, отрадной пестратой использованной глазури, встречаются также изображения представителей животного мира Азербайджана: джейранов, оленей, лошадей и жеребят, рысей, львовь, горных козлов, зайцев и т.д., а также птиц и рыб. Гончарные художники того периода почти всех животных изображали в естественном и живом виде.

Среди артефактов, найденных в Керпиджлитепе, стеклянные изделия хоть и составляют меньшинство, но занимают важное место. Производство стекла считается характерным в основном для городского ремесла. Поэтому, стеклянные образцы, обнаруженные на Керпиджлитепе, скорее всего, были привезены из таких развитых средневековых городов как Гянджа и Шамкир. Несмотря на то, что они, с точки зрения формы и художественного оформления, не очень богаты, но они привлекают внимание по качеству изготовления и прозрачности. Были обнаружены лекарственные сосуды и сосуды для ароматических веществ из изящного стекла, стеклянные сосуды в форме кувшина.

Керпиджлитепе, проживая пик своего культурно-экономического развития, являлся типичным средневековым посёлком, обладающим развитым ремеслом и торговлей, товарно-денежными отношениями, экономическими и культурными связями с рядом городов Азербайджана и соседних стран, объединяющим вокруг феодального дворца разных ремесленных кварталов и жилых помещений. Несмотря на то, что в начале XIII в. в результате монгольских набегов интенсивная жизнь здесь временно угасла, но все же была подготовлена почва для подъёма и процветания в дальнейшем в близлежащем округе средневековой сельской жизни.

Литература

Асадов В.А., Наджафов Ш.Н. 2024. Средневековая жизнь в Керпиджлитепе — период сельджуков и после монгольского завоевания. *Археология Евразийских степей* 2, 172—185. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.2.172.185.

Ахмедов Г.М. 1959. Неполивная керамика Орен-кала IX—XIII вв. Труды Азербайджанской (Оренкалинской) Экспедиции. *МИА* 67, 186—226.

Ахмедов Г.М. 1983. О среднеазиатских параллелях материальной культуры средневековых городов Азербайджана. В: Тулепбаев Б.А. (отв. ред.). *Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии.* Материалы Всесоюзного совещания 13—15 мая 1981 г., г. Алма-Ата: Наука Казахской ССР.

Ахмедов Г.М. 1984. *Города Азербайджана XII начала XIII в. в свете новых археологических исследований. Альманах Низами Гянджеви*. Книга первая. Баку: Элм.

Большаков О.Г. 1984. *Средневековый город Ближнего Востока (VII — середина XIII в.). Социально-экономические отношения.* Москва: Наука.

Геюшев Р.Б. 1985. *Средневековый город Шабран.* Баку: Элм (Памятники материальной культуры Азербайджана).

Джафарзаде И.М. 1949. *Историко-археологический очерк старой Гянджи*. Баку: АН Азерб.ССР.

Джидди Г.А. 1981. *Средневековый город Шемаха (IX—XVII вв.).* Баку: Элм.

Достиев Т.М. 2009. Раскопки цитадели средневекового Шамкира. *Кавказ. Археология и Этнология. Материалы международной конференции*. Баку: Нурлар, 251—257.

Ионе Г.И. 1951. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. *Материальная культура Азербайджана* 2, 31—79.

Левиатов В.Н. 1946. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII—XV вв. *Известия АН Азерб. ССР (серия: история, философия и право)* 7, 37—39.

Массон М.Е. 1949. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. *Труды ЮТАКЕ* 1, 16—115.

Усейнов М.А. Бретаницкий Л.С. Саламзаде А.В. 1963. *История архитектуры Азербайджана*. Москва: Госстройиздат.

Халидов А.Б. 1985. *Арабские рукописи и арабская рукописная традиция*. Москва: Наука.

Якобсон А.Л. 1959. Поливная керамика средневекового Азербайджана. *Декоративное искусство СССР* 7, 29—32.

Якобсон А.Л. 1959а. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала): по материалам раскопок 1953—1955 гг. *МИА* 67, 228—302.

Axundov T.İ, Dostiyev T.M, Əliyev İ.N. 2002. Köhnə Ərcivan yaşayış yeri. *Azərbaycan arxeologiyası* I-2, 65—71.

Azərbaycan arxeologiyası. 2008. VI cilddə. VI cild (orta əsrlər). Bakı: Şərq-Qərb.

Bünyadov Z.M. 1985. *Azərbaycan Atabəyləri dövləti.* Bakı: Elm.

Cəbiyev Q.C., Abbasova E.İ., Nemətov S. D. 2010. Qəbələ orta əsrlərdə. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009*. Bakı: Xəzər Universiteti, 244—251.

Dostiyev et al. 2013: Dostiyev T.M., Bəşirov R.Y., Mirzəyev R.H., Hüseynli N.N. 2013. *Orta əsr Şəmkir şəhəri: arxeoloji qazıntılar və artefaktlar*. Bakı: Çaşıoğlu.

Dostiyev T.M., Əliyev İ.N., Ələkbərov A.İ. 2002. Şıxnədul orta əsr yaşayış yeri. *Azərbaycan arxeologiyası* 3-4, 129—136.

Eminli C.T. 2012. Qəbələ (Səlbir) şəhər yerində arxeoloji tədqiqatlar. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 278—296.

Əhmədova V.A. 1984. Azərbaycan təndirləri. *Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri (tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası)* 1, 51—84.

Əsədov et al. 2013: Əsədov V.A., Babayeva T.V., Əbdürəhmanov Ə.İ., Bağırova A.F., Babayev T.D. 2013. Şabran şəhər yerində aşkar edilmiş keramika məmulatlarının xüsusiyyətləri. *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* 2, 52—61.

Əsədov et al. 2015: Əsədov V.A., Nəcəfov Ş.N., Ağalarzadə A.M., Əbdürəhmanov Ə.İ. 2015. Faxralı orta əsr yaşayış yerinin arxeoloji materialları və qəbir abidələri. *Dövlət və din* 09 (38), 38—50.

Əsədov V.A., Əhmədova G.R. 2023. Kərpiclitəpədə aşkar edilmiş şüşə məmulatları. *Dövlət və Din* 2 (76), 101—109.

Əsədov V.A., Fərmanov F.S. 2021. Kərpiclitəpə keramikası üzərindəki naxışlar. *Azərbaycan arxeologiyası* 1, 119—131.

Məmmədov A.M., Əliyev T.V. 2012. Gəncədə arxeoloji tədqiqatlar. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 266—270.

Məmmədov et al. 2010: Məmmədov A.M., Əliyev T.V., Allahverdiyeva S.K., Hacıyev G.O. 2010. Gəncə arxeoloji ekspedisiyasının 2009-cu ildəki arxeoloji qazıntı və çöl-tədqiqat işləri. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2009, 257—260.

Najafov Sh.N., Huseynov M.M., Jalilov B.M. 2024. The medieval Dashbulag settlement. *The Volga River Region Archaeology* 2 (48), 111—125. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.111.125.

Nəcəf Ə.N. 2010. *Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi (oğuzların ortaya çıxmasından XIV əsrədək).* Bakı: Qanun.

References

Asadov, V.A., Nadzhafov, Sh.N. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 2, 172—185 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.172.185 (in Russian).

Akhmedov, G.M. 1959. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 67, 186—226 (in Russian).

Akhmedov, G.M. 1983. In: Tulepbayev, B.A. (ed.). *Materialy Vsesoyuznogo soveshchaniya 13—15 maya 1981 g., g. Alma-Ata (Materials of the All-Union Conference of May 13—15, 1981.* Alma-Ata: Nauka Kazakhskoy SSR (in Russian).

Akhmedov, G.M. 1984. *Goroda Azerbaydzhana XII nachala XIII v. v svete novykh arkheologicheskikh issledovaniy. Al'manakh Nizami Gyandzhevi (Cities of Azerbaijan of the 12th — early 13th centuries in the light of new archaeological research. Almanac of Nizami Ganjavi).* Baku: Elm (in Russian).

Bolshakov, O.G. 1984. *Srednevekovyy gorod Blizhnego Vostoka (VII — seredina XIII v.) (Medieval city of the Middle East (7th — 13th century)* Moscow: Nauka (in Russian).

Geyushev, R.B. 1985. *Srednevekovyy gorod Shabran (Medieval city of Shabran)*. Baku: Elm (Monuments of material culture of Azerbaijan) (in Russian).

Dzhafarzade, I.M. 1949. *Istoriko-arkheologicheskiy ocherk staroy Gyandzhi (Historical and archaeological essay on old Ganja).* Baku: AN Azerb. SSR (in Russian).

Dzhiddi, G.A. 1981. *Srednevekovyy gorod Shemakha (IX—XVII vv.) (The medieval city of Shemakha (9th —17th centuries).* Baku: Elm (in Russian).

Dostiyev, T.M. 2009. In *Kavkaz. Arkheologiya i Etnologiya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Caucasus. Archaeology and Ethnology. Proceedings of the international conference),* 251—257 (in Russian)

Ione, G.I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* 2, 31—79 (in Russian).

Leviatov, V.N. 1946. In *Izvestiya AN Azerb. SSR (seriya: istoriya, filosofiya i pravo) (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (series: history, philosophy and law)* 7, 37—39 (in Russian).

Masson, M.E. 1949. In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskaoy kompleksnoy ekspeditsii (Works of South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition)* 1, 16—115 (in Russian).

Useynov, M.A., Bretanitskiy, L.S., Salamzade, A.R. 1963. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana (History of architecture of Azerbaijan)* Moscow: Gosstroyizdat (in Russian).

Khalidov, A.B. 1985. *Arabskiye rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya (Arabic manuscripts and the Arabic manuscript tradition*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yakobson, A.L. 1959. In *Dekorativnoe iskusstvo SSSR (Decorative art of the USSR)* 7, 29—32 (in Russian).

Yakobson, A.L. 1959a. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 67, 228—302 (in Russian).

Axundov, T.İ, Dostiyev, T.M, Əliyev, İ.N. 2002. In *Azərbaycan arxeologiyası* 1-2, 65—71.

Azərbaycan arxeologiyası. 2008. VI cilddə. VI cild (orta əsrlər). Bakı: Şərq-Qərb.

Bunyadov, Z.M. 1985. *Azərbaycan Atabəyləri dövləti 1136—1225-ci illər (State of Atabays of Azerbaijan 1136—1225 years)* Bakı: Elm.

Cəbiyev, Q.C., Abbasova, E.İ., Nemətov, S. D. 2010. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009*. Bakı: Xəzər Universiteti, 244—251

Dostiyev et al. 2013: Dostiyev, T.M., Bəşirov, R.Y., Mirzəyev, R.H., Hüseynli, N.N. 2013. *Orta əsr Şəmkir şəhəri: arxeoloji qazıntılar və artefaktlar*. Bakı: Çaşıoğlu.

Dostiyev, T.M., Əliyev, İ.N., Ələkbərov, A.İ. 2002. In *Azərbaycan arxeologiyası* 3-4, 129—136.

Eminli, C.T. 2012. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 278—296.

Əhmədova, V.A. 1984. In *Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri (tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası)* 1, 51—84.

Əsədov et al. 2013: Əsədov, V.A., Babayeva, T.V., Əbdürəhmanov, Ə.İ., Bağırova, A.F., Babayev, T.D. 2013. In *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* 2, 52—61.

Əsədov et al. 2015: Əsədov, V.A., Nəcəfov, Ş.N., Ağalarzadə, A.M., Əbdürəhmanov, Ə.İ. 2015. In *Dövlət və din* 09 (38), 38—50.

Əsədov, V.A., Əhmədova, G.R. 2023. In *Dövlət və Din* 2 (76), 101—109.

Əsədov, V.A., Fərmanov, F.S. 2021. In *Azərbaycan arxeologiyası* 1, 119—131.

Məmmədov, A.M., Əliyev, T.V. 2012. In. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 266—270.

Məmmədov et al. 2010: Məmmədov, A.M., Əliyev, T.V., Allahverdiyev,a S.K., Hacıyev, G.O. 2010. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2009, 257—260.

Najafov, Sh.N., Huseynov, M.M., Jalilov, B.M. 2024. The medieval Dashbulag settlement. *The Volga River Region Archaeology* 2 (48), 111—125. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.111.125.

Nəcəf, Ə.N. 2010. *Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi (oğuzların ortaya çıxmasından XIV əsrədək).* Bakı: Qanun.

Таблица 1. **Результаты ^{14}C-датирования.**

REPORT OF RADIOCARBON DATING ANALYSES

David Maynard
Landsker Archaeology

Report Date: July 25, 2018
Material Received: July 05, 2018

Laboratory Number	Sample Code Number	Conventional Radiocarbon Age (BP) or Percent Modern Carbon (pMC) & Stable Isotopes Calendar Calibrated Results: 95.4 % Probability High Probability Density Range Method (HPD)
Beta - 498814	**SCPX247 46**	**960 +/- 30 BP** IRMS δ13C: -21.1 o/oo
	(95.4%) 1020 - 1155 cal AD	**(930 - 795 cal BP)**

Submitter Material: Charcoal
Pretreatment: (charred material) acid/alkali/acid
Analyzed Material: Charred material
Analysis Service: AMS-Standard delivery
Percent Modern Carbon: 88.74 +/- 0.33 pMC
Fraction Modern Carbon: 0.8874 +/- 0.0033
D14C: -112.64 +/- 3.31 o/oo
Δ14C: -119.91 +/- 3.31 o/oo(1950:2,018.00)
Measured Radiocarbon Age: (without d13C correction): 900 +/- 30 BP
Calibration: BetaCal3.21: HPD method: INTCAL13

BetaCal 3.21

Calibration of Radiocarbon Age to Calendar Years

(High Probability Density Range Method (HPD): INTCAL13)

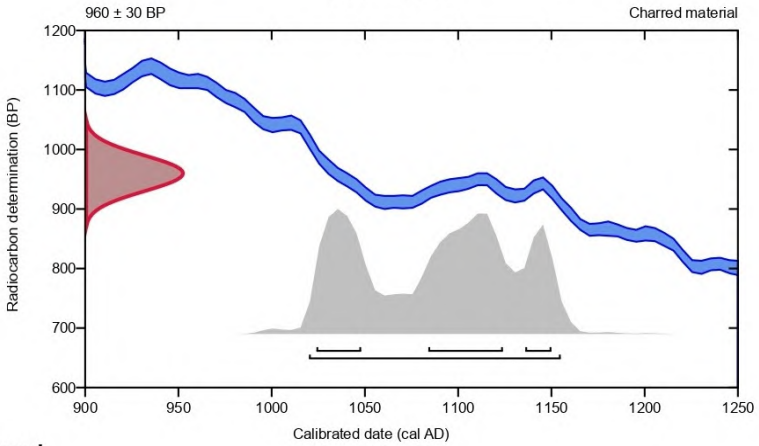
(Variables: d13C = -21.1 o/oo)

Laboratory number Beta-498814
Conventional radiocarbon age 960 ± 30 BP

95.4% probability
(95.4%) 1020 - 1155 cal AD (930 - 795 cal BP)

68.2% probability
(34.7%) 1084 - 1124 cal AD (866 - 826 cal BP)
(22.7%) 1024 - 1048 cal AD (926 - 902 cal BP)
(10.9%) 1136 - 1150 cal AD (814 - 800 cal BP)

SCPX247 46



Database used
INTCAL13

References

References to Probability Method
Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 51(1), 337-360.

References to Database INTCAL13
Reimer, et.al., 2013, Radiocarbon55(4).

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory
4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • Email: beta@radiocarbon.com
Page 11 of 13

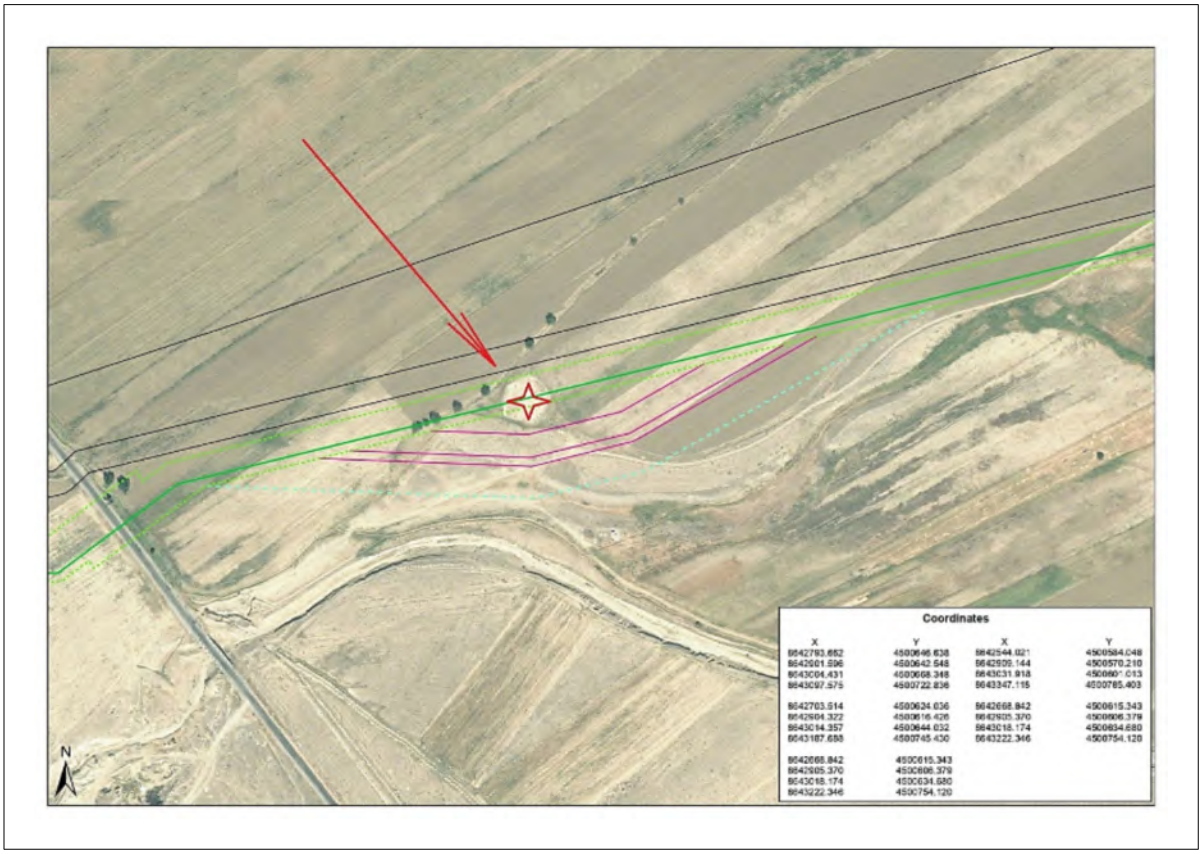


Рис. 1. Месторасположение и координаты Керпиджлитепе.

Fig. 1. Location & coordinates of the Kerpijlitepe.

Рис. 2. Вид участка раскопок сверху (фото Давида Майнарда).

Fig. 2. View of the excavation site from above (photo by David Maynard).

Рис. 3. Компютерный 3D план раскопок и магнитометрический вид предпологаемого участка (план Давида Майнарда).

Fig. 3. The 3D excavation plan and magnetometric view of the proposed site (plan by David Maynard).

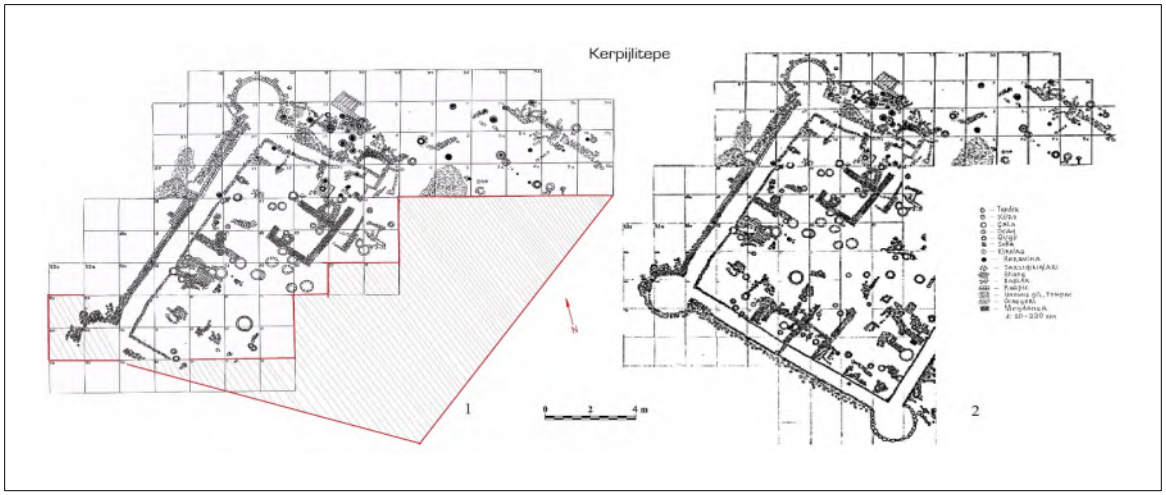


Рис. 4. Схематический план участка раскопок: *1* — первый этап; *2* — последний этап (автор планов Фархад Фарманов).

Fig. 4. Plan of the excavation site: *1* — 1st stage; *2* — last stage (author of the plans Farhad Farmanov).

Рис. 5. Строительные остатки Керпиджлитепе: *1, 2* — северная башня; *3* — подвал для хранения продуктов; *4* — сохранившаяся часть стены (фото авторов).

Fig. 5. Construction remains of Kerpijlitepe: *1, 2* — northern tower; *3* — basement for storing food; *4* — preserved part of the wall (photos by authors).

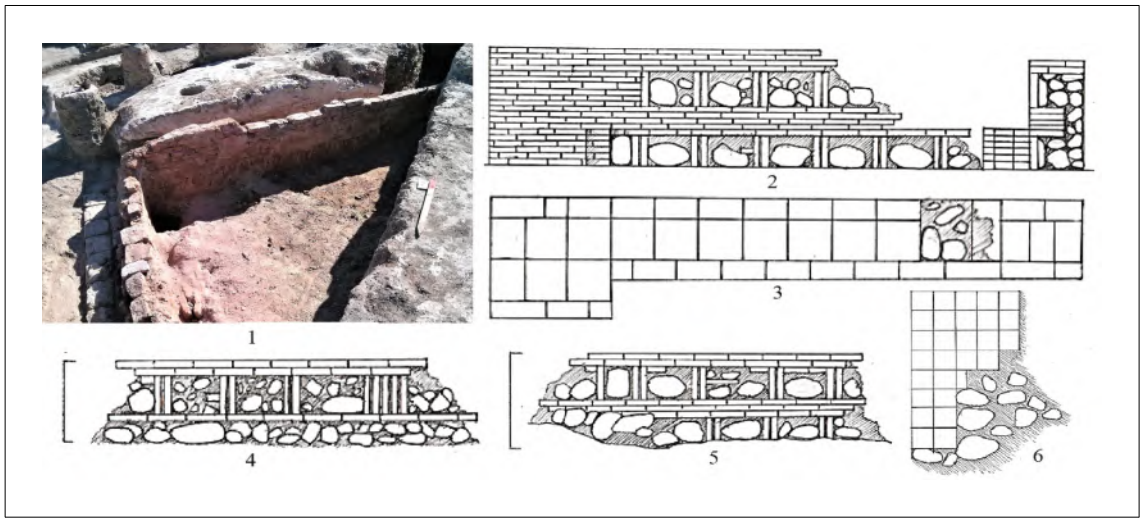


Рис. 6. Строительная архитектура Керпиджлитепе: *1* **—** остатки прямоугольного сооружения внутри замка; способ кладки остатков стен: *2, 3* — “Гянджинская кладка”; *4* — внутренний вид стены; *5* — внешний вид стены; *6* — фундамент (автор фото и планов Фархад Фарманов).

Fig. 6. Construction architecture of Kerpijlitepe: *1* — remains of a rectangular structure inside the castle; method of laying the remains of the walls: *2, 3* — “Ganja masonry”; *4* — internal view of the wall; *5* — external view of the wall; *6* — foundation (author of photos and plans Farhad Farmanov).

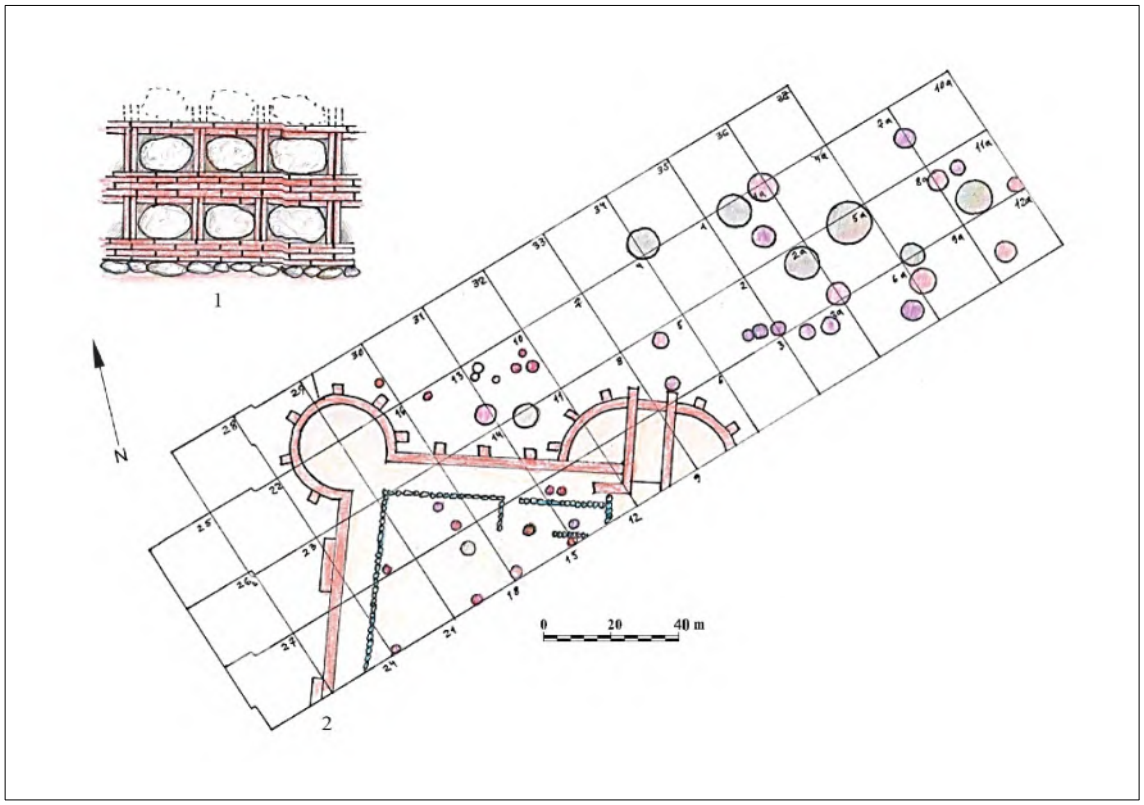


Рис. 7. Строительная архитектура Керпиджлитепе: *1* **—** вид внешнего фасада кладки стен; *2* — хозяйственные ямы и тандыры, обнаруженные вне замка (автор Фархад Фарманов).

Fig. 7. Building architecture of Kerpijlitepe: *1* — view of the external facade of the masonry walls; *2* — utility pits and tendirs discovered outside the castle (author Farhad Farmanov).

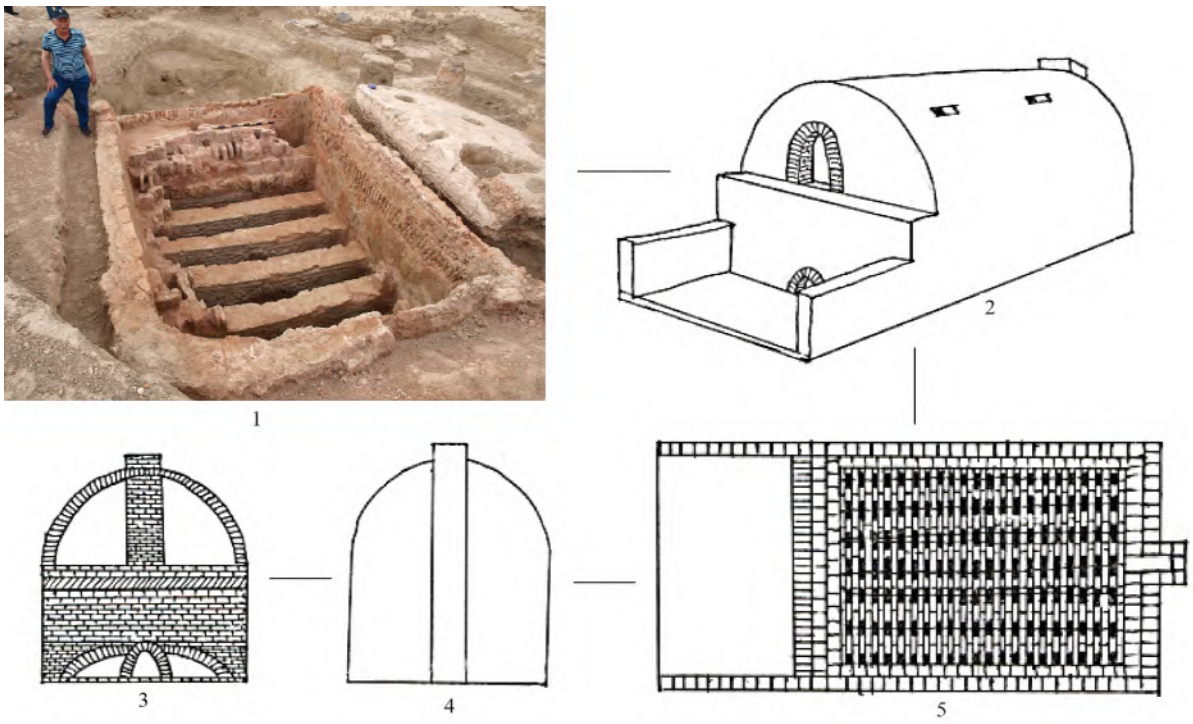


Рис. 8. Керпиджлитепе. Печь для обжига кирпичей и сосудов: *1* — общий вид; *2* — вид сбоку (графическая реконструкция); *3* — вид спереди (графическая реконструкция); *4* — вид сзади (графическая реконструкция); *5* — вид сверху (графическая реконструкция); (фото и графические реконструкции Фархада Фарманова).

Fig. 8. Kerpijlitepe. Kiln for firing bricks and vessels: *1* — general view; *2* — side view (graphic reconstruction); *3* — front view (graphic reconstruction); *4* — back view (graphic reconstruction); *5* — top view (graphic reconstruction); (photos and graphic reconstructions by Farkhad Farmanov).

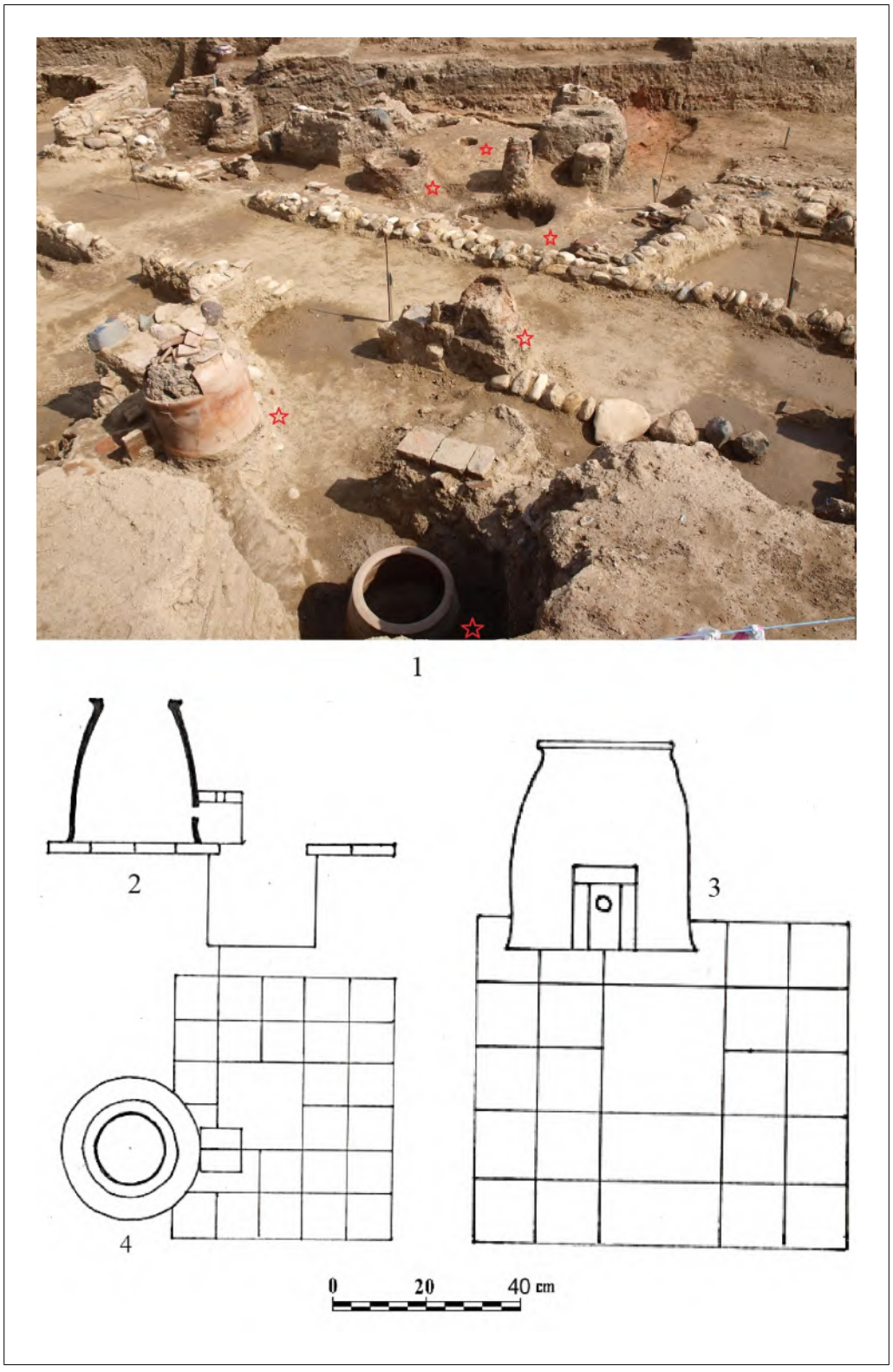


Рис. 9. Керпиджлитепе: *1* — продуктовые подвалы и тандыры; *2* — тандыр; *3* — обжигательная печь; *4* — хозяйственная яма (графическая реконструкция); (фото и графические реконструкции Фархада Фарманова).

Fig. 9. Kerpijlitepe: *1* — food cellars and tendirs; *2* — tendir; *3* — kiln; *4* — utility pit (graphic reconstruction); (photos and graphic reconstructions by Farhad Farmanov).

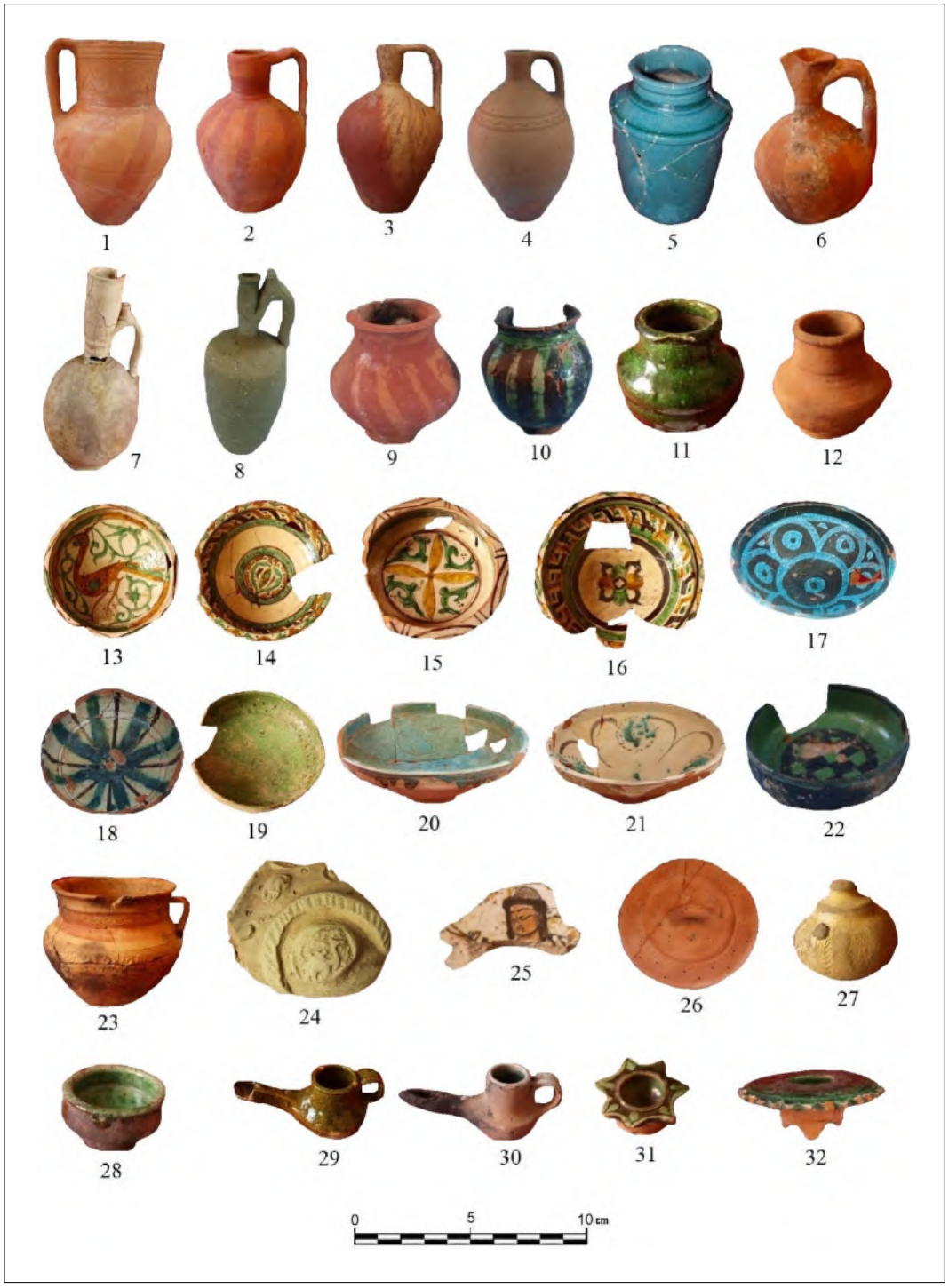


Рис. 10. Глиняные изделия Керпиджлитепе: *1, 5* — широкогорлые кувшины; *2—4, 6—8* — сосуды типа узкогорлых кувшинов; *9—12* — горшки разной формы; *13, 24* — вазы с зооморфными изображениями; *14—21* — миски; *22* — сосуд типа чаши; *25* — фрагмент сосуда с антропоморфным изображением; *26* — крышка; *27* — сфероконус; *29, 30* — глиняные светильники; *31, 32* — чернильницы (фото авторов).

Fig. 10. Kerpijlitepe clay items: *1, 5* — wide-necked jugs; *2—4, 6—8* — vessels of the narrow-necked jug type; *9—12* — pots of various shapes; *13, 24* — vases with zoomorphic images; *14—21* — bowls; *22* — vessel of the cup type; *25* — fragment of vessel with anthropomorphic image; *26* — lid; *27* — spherocone; *29, 30* — clay lamps; *31, 32* — inkwells (photos by authors).

История

History

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.11.67.020

М.М. Чореф

МИТРИДАТ III: ЧЕЛОВЕК И ПРАВИТЕЛЬ*

Несмотря на многовековое изучение, биография и история правления Митридата III все еще не известны в полной мере. К сожалению, ни одна из сохранившихся боспорских надписей не содержит сведений о его происхождении. Так что предположение о том, что он был сыном Аспурга все еще остается дискуссионным. Мы ничего не знаем о внутренней и внешней политике Боспора при Митридате III. Действительно ли он собирался воевать с Римом? Остается дискуссионным вопрос о величине сферы влияния этого государя. И, наконец, необходимо выяснить, что за обиды он нанес Клавдию I? В результате комплексного изучения доступных источников исторической информации прихожу к выводу, что Митридат III был продолжателем политической линии его отца Аспурга и матери Гепепирии. Он не планировал воевать с Римом. Однако маниакально подозрительный Клавдий I поверил ложному доносу Котиса и лишил Митридата III отчего трона.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, Митридат III.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Издательство «Киммерия».

Контактная информация: 7403128, Израиль, г. Нес-Циона, ул. А-Авода, д. 3, Издательство «Киммерия», e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Michael Choref

MITHRIDATES III: THE MAN AND THE RULER

Despite centuries of study, the biography and history of the reign of Mithridates III are still not fully known. Unfortunately, none of the surviving Bosporan inscriptions contain information about its origin. So the assumption that he was the son of Aspurgus is still debatable. We know nothing about the internal and external policies of the Bosporus under Mithridates III. Was he really going to fight Rome? The question of the size of this sovereign's sphere of influence remains debatable. And finally, it is necessary to find out what offenses he inflicted on Claudius I? Through a comprehensive analysis of the available sources, this study argues that Mithridates III continued the political course of his father, Aspurgus, and mother, Gepaepyris, and harbored no intentions of war with Rome. His downfall is attributed to the false denunciation by Kotys, which was believed by the paranoid emperor Claudius I, leading to Mithridates' deposition.

Key words: history, archaeology, numismatics, Bosporus, Mithridates III.

About the author: Choref Michael, PhD (History), Cimmeria Publishing.

Contact information: 7403128, Israel, Ness Ziona, 3 Ha-Avoda St., Cimmeria Publishing, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Личность Митридата III (39—46/47 гг. н.э.) и история его правления привлекали внимание уже древних историков. Причем наибольший интерес привлекли события, приведшие к его низложению. Так, весьма важные сведения о Митридате III приведены в «Ῥωμαϊκὴ ἱστορία» Л. Клавдия Диона Кассия Кокцеяна и в «Ἱστορίαι» Петра Патрикия. Точнее, в этих трудах

* Статья поступила в номер 7 января 2025 г.
Принята к печати 21 января 2025 г.

© М.М. Чореф, 2025.

упомянут царь Иберии Митридат[1], который, ослушавшись матери, готовился напасть на римлян. И, с целью скрыть свои замыслы, он отправил к ним послом своего брата Котиса. Однако тот обо всем донес императору Клавдию I (41—54 гг. н.э.), за что и получил отчий трон (Cass. Dio. Hist. Rom., LX, 28, 7; Petr. Patr. Hist., A.C. 47. Claud. 8). История низложения Митридата III[2] и его противостояния с Котисом I и с Римом изложена в «Annales» П. Корнелия Тацита (Tac. Ann., 15—21). Очевидно, что во всех этих трудах речь идет о событиях на Боспоре. Ведь кроме Митридата III в «Annales», в «Ῥωμαϊκὴ ἱστορία» и в «Ιστορίαι» упомянуты его мать Гепепирия (37/38—38/39 гг. н.э.) и преемник Котис I (45/46—62/63 гг. н.э.).

Есть все основания полагать, что этот государь до восхождения на боспорский престол некоторое время прожил в Риме. Что следует из его обращения к Кладвию I: «Non sum remissus ad te, sed reversus…» — «Я не послан обратно к вам, а возвращен…»[3] (Tac. Ann., XII, 21, 1). Вполне возможно, что Митридат III до восшествия на боспорский трон был заложником.

Также весьма примечателен рассказ о Первой римско-боспорской войне (45—49 гг. н.э.). Она началась потому, что Митридат III не смирился со своим низложением. Он бежал к дандариям[4] и после ухода основных римских сил готовился вновь начать борьбу за отчий престол. Для этого он заключил союз с царем сираков Зорсином (Tac. Ann, XII, 15, 1), который поспешил начать войну с Котисом I и с римлянами (Tac. Ann, XII, 15, 2). Последние,

---

[1] Дион Кассий и Тацит упомянули двух Митридатов Иберийских. Первый, по-видимому, Митридат I — царь Иберии, по просьбе Тиберия (14—37 гг. н.э.) вторгся в Армению для того, чтобы помочь претенденту на парфянский престол Тиридату III (35—36 гг. н.э.) (Cass. Dio. Hist. Rom., LVIII, 26, 3; Tac. Ann., VI, 32, 3, 33, 1). Однако тот был вскоре низложен благодаря помощи сарматов (Cass. Dio. Hist. Rom., LVIII, 26, 3; Tac. Ann., VI, 33, 2—3, 35, 1). В результате этого похода престол Армении захватил сын вышеупомянутого Митридата (Cass. Dio. Hist. Rom., LVIII, 26, 4), вошедший в историю под именем Митридата Иберийского (35—51 гг. н.э.). Он также не имел отношения к Боспору. Судим по следующему фрагменту «Ῥωμαϊκὴ ἱστορία», содержащем сведения о деяниях Клавдия, совершенных сразу же после прихода к власти «Μιθριδάτην τὸν Ἴβηρα, ὃν ὁ Γάιος μεταπεμψάμενος ἐδεδέκει, οἴκαδε πρὸς ἀνάληψιν τῆς ἀρχῆς ἀπέπεμψεν. ἄλλῳ τέ τινι Μιθριδάτῃ, τὸ γένος ἀπ᾽ ἐκείνου τοῦ πάνυ ἔχοντι, τὸν Βόσπορον ἐχαρίσατο, καὶ τῷ Πολέμωνι χώραν τινὰ ἀντ᾽ αὐτοῦ Κιλικίας ἀντέδωκε» (Cass. Dio. Hist. Rom., LX, 8, 1, 2) — «Митридат Иберийский, которого Гай вызвал и заключил в тюрьму, был отправлен домой, чтобы он вернулся на трон. Другому Митридату, прямому потомку Митридата Великого, он подарил Боспор, дав вместо него Полемону немного земли в Киликии». О вызове Митридата Иберийского в Рим при Калигуле (37—41 гг. н.э.) и об его аресте писали Сенека (Sen., De Tranquil. Animi, 11, 12) и Тацит (Tac. Ann., XI, 8, 1). Последний сообщил и о возвращении этого государя на трон Армении при Клавдии (41—54 гг. н.э.) (Tac. Ann., XI, 8—9). Однако Дион Кассий в дальнейшем объединил события из жизней Митридата, потомка Митридата Великого и Митридата Иберийского. В этом ключе крайне примечателен следующий пассаж: «Ὅτι Μιθριδάτης ὁ τῶν Ἰβήρων βασιλεὺς συμβαὼν Ῥωμαϊκῷ στρατεύματι καὶ ἡττηθεὶς ἀπογνούς τε ἑαυτοῦ ἐδεήθη λόγον αὐτῷ δοθῆναι ἵνα μήτε βιαίως ἀποθάνῃ μήτε ἐν ἐπινικίος εἰσαχθῇ οὕτως δὴ γενομένου ὁ Κλαύδιος ἐν Ῥωμῃ ἐπὶ βήματος αὐτὸν ἐδέξατο καὶ ἀπειλητικῶς αὐτὸῷ διελέγετο ὁ δὲ ἄλλα τέ τινα μετὰ παρρησίας ἀπεκρίνατο καὶ τοῦτο προσεπήγαγεν ὅτι “ἐγὼ οὐκ ἠνέχθην πρὸς σέ, ἀλλὰ ἀφῖγμαι εἰ δὲ ἀπιστεῖς, ἄφες με καὶ ζήτει”» (Cass. Dio. Hist. Rom., LXI, 32, 4a) — «Митридат, царь иберийцев, потерпев поражение в конфликте с римской армией, и, отчаиваясь за свою жизнь, умолял, чтобы ему было дано прощение, чтобы он не был казнен или проведен в триумфальном шествии. Когда его просьба была удовлетворена, Клавдий принял его в Риме, и, находясь в суде, обратился к нему с угрожающими словами. Но царь смело ответил и закончил, сказав: «Меня не привели к вам; я пришел. Если вы сомневаетесь в этом, отпустите меня и попытайтесь найти меня».

[2] Подчеркну, что П. Корнелий Тацит называл этого династа Mithridates Bosporanus — «Митридат Боспорский» (Tac. Ann., XI, 15, 1).

[3] Вполне возможно, что Митридат III проживал в Риме в том же статусе, что и Италик — сын Флава, брата Арминия и дочери Актумера, вождя хаттов. Клавдий в 47 г. н.э. назначил его царем херусков. В своей напутственной речи император подчеркнул, что Италик «римский гражданин, отправляется на чужеземное царствование» (Tac. Ann., XI, 16, 1). О распространенности долговременного проживания младших представителей царствующих династий в Риме, завуалированное под воспитание, говорит и тот факт, что Агриппа II (48—93 гг. н.э.) узнал о смерти своего отца Агриппы I (37—44 гг. н.э.) в Риме, где воспитывался при дворе Клавдия I (Flav. Ios. Ant. Iud., 19, 9, 2). В той же ситуации оказались и родичи Изата II (36—60 гг. н.э.) — царя Адиабены, отосланные им в Рим и к парфянскому царю Артабану II (III?) (12—38/41 гг. н.э.) (Flav. Ios. Ant. Iud., 20, 4, 4). Учтем и тот факт, что сам Артабан II (III?) получил письмо от Тиберия, предлагавшему ему союз и дружбу при условии отправки в Рим заложников, в числе которых должен быть и его сын (Flav. Ios. Ant. Iud., 18, 4, 4).

[4] При этом он низложил царя дандариев и захватил его престол (Tac. Ann., XII, 15, 1).

не рассчитывая победить Митридата III и его союзника собственными силами, заключили союз с царем аорсов Евноном[5] (Tac. Ann, XII, 15, 2, 3). После ряда поражений Зорсин решил расторгнуть соглашение с низложенным боспорским государем. Царь сираков признал власть Рима (Tac. Ann., XII, 15, 3). В свою очередь, Митридат III обратился к Евнону как к посреднику с целью заключения мира с Империей. Тот согласился выполнить эту роль. Причем Евнон просил Клавдия I не проводить низложенного царя в триумфе и не казнить после его завершения (Tac. Ann., XII, 19, 1—3). Митридата III доставил в Рим Юний Цилон — прокуратор провинции Вифиния-Понт. Там низложенный государь жил до 69 г., когда был казнен вместе со сторонниками Г. Нимфидия Сабина[6], организовавшего неудачный заговор против Гальбы[7] (68—69 гг. н.э.) (Plut. Galba, 13—15; Tac. Hist., I, 5—6).

Нельзя обойти вниманием и лапидарные памятники, на которых сохранились надписи, высеченные в честь Митридата III. Так, весьма интересна манумиссия из Горгиппии[8] (КБН 1965: № 1123; КБН 2004: № 1123) (рис. 1: 1), в тексте которого упомянут царь Митридат, носивший уникальный для Боспора титул φιλόπατρις (Яйленко 2016: 587). Эта надпись сохранилась хорошо, так что общепринятое ее прочтение не является дискуссионным. Не менее интересен и декрет из Ольвии[9] (IOSPE I^2 38), найденный Б.В. Фармаковским в 1913 г. и опубликованный В.В. Латышевым в 1916 г. (IOSPE I^2 38) (рис. 1: 2). К сожалению, надпись сильно повреждена. Так что не стоит удивляться тому, что до сих пор ни одна из разработанных к настоящему времени трех схем ее восстановления и прочтения не стала общепринятой. Первую из них предложил В.В. Латышев. Ученый допустил, что сохранившиеся на плите строки входили в состав двух текстов[10]. По его мнению, верхние восемь, высеченные на хорошо подготовленной, отшлифованной поверхности, донесли до нас сведения о декрете полисных властей, а нижние две представляли собой позднейшую посвятительную надпись, размещенную на неподготовленном для этого фрагменте камня. Причем в первом тексте, как считал исследователь, был упомянут Котис I. В.В. Латышев учел тот факт, что в третьей строке надписи уверенно читается буквосочетание «ΟΥΡΓΟΥ», в котором есть все основания видеть [Ἀσπ]ούργου. Его точку зрения приняли В.Ф. Гайдукевич (Гайдукевич 1955: 61) и В.А. Анохин (Анохин 1971: 90—91; 1999: 136). В свою очередь, П.О. Карышковский справедливо заметил, что в титулатуре Котиса I, судя по боспорским надписям, не было титула φιλόπατρις (КБН 1965: № 840; КБН 2004: № 840). Ученый допустил, что в изучаемом им тексте мог быть упомянут старший сын и наследник Аспурга (14/15—37/38 гг. н.э.) — Митридат III (Карышковский 1964: 145; 1982: 26, прим. 25). Действительно, как уже было сказано выше, этот государь носил титул φιλόπατρις (КБН 1965: № 1123; КБН 2004: № 1123). Однако С.Ю. Сапрыкин пришел к иному выводу. Проведя палеографическое исследование текста, он заключил, что изучаемый декрет следует датировать рубежом I—II вв. н.э. или первой половиной II в. н.э. Ученый не принял допущение, что в тексте мог быть упомянут один из сыновей Аспурга. При этом он подчеркнул, что речь не могла идти о Котисе I. Ведь этот государь носил титул εὐσεβής (КБН 1965: № 41, 42,

[5] Роль этого государя в системе управления Боспором в середине — в первых десятилетиях I в. н.э. была весьма значительной. Есть все основания полагать, что он был наследником Котиса I. Они чеканили в Фанагории—Агриппии дупондии с изображением пятиколонного храма Афродиты Апатуры, который в то время стал Капитолием, центром императорского культа на аверсе и с монограммами ΑΚ, ΝΕΥ и ΑΠΥ на реверсе (Чореф 2015: 111—130).

[6] Позже вернусь к трактовке этого факта. Пока лишь замечу, что об опасности мятежей того периода говорит тот факт, что Гальба «appellationem iterque ingressus est paludatus ac dependente a cervicibus pugione ante pectus; nec prius usum togae reciperavit quam oppressis qui novas res moliebantur, praefecto praetorii Nymphidio Sabino Romae, in Germania Fonteio Capitone, in Africa Clodio Macro legatis» (Suet. Galba, 11) — «выступил в путь, одетый в военный плащ, с кинжалом, висящим на груди, тогу он надел лишь тогда, когда убиты были затевавшие новый заговор в Риме начальник преторианцев Нимфидий Сабин, а в Германии и Африке — легаты Фонтей Капитон и Клодий Макр».

[7] Плутарх называл Митридата III «Μιθριδάτης ὁ Ποντικὸς» (Plut. Galba, 13, 15) — «Митридат Понтийский».

[8] Найдена в 1859 г. Находилась в коллекции А.А. Сибирского. В настоящее время хранится в собрании Государственного Эрмитажа (Инв. ГЭ № Гп 20).

[9] Этот лапидарный памятник также находится в Государственном Эрмитаже (Инв. ГЭ № А 1101).

[10] По логике исследователя, IOSPE I^2 38a и IOSPE I^2 38b.

69, 958, 1124; КБН 2004: № 41, 42, 69, 958, 1124). Ученый справедливо заметил, что ни в одном убедительно читаемом древнем тексте Митридат III не назван сыном Аспурга (Сапрыкин 1988: 150). Он заключил, что преемники Аспурга не были великими царями. Так же ученый подчеркнул, что титул φιλόπατρις могли присваивать не только царям, но и частным лицам[11] (Сапрыкин 1988: 151). Причем в последних его строках он разобрал «[Σ]ωκράτης Σω[κ]ρά[τ]ο[υ τὸ ψήφισμα ……. Σωκράτου Μουλιούργου[12]?]| [τῷ] ἰδ[ί]ῳ ἀδελφῷ ἀνέ[στησε μνήμης χάριν]» (Сапрыкин 1988: 152). Что дало ему основание для заключения, что декрет был высечен на постаменте статуи некого сына Сократа, сына Мулиурга, причем выполнили ее по распоряжению его брата Сократа, сына Сократа (Сапрыкин 1988: 152—153). Эту точку зрения приняли составители «Supplementum Epigraphicum Graecum» (SEG XXXVIII: No. 753). Однако вряд ли есть основания считать умозаключения С.Ю. Сапрыкина убедительными. Ведь, как верно заметил сам исследователь, если верхние восемь строк высечены на отшлифованной поверхности, то место, на котором были размещены нижние две строки не было подготовлено (Сапрыкин 1988: 147). Так что их не могли вырезать одновременно. Определенно, мы имеем дело с двумя текстами. Первый, как заключил еще В.В. Латышев, представляющий собой декрет, был размещен на заранее отшлифованной поверхности, а второй, по-видимому посвящение, был вырезан позднее, на более-менее подходящем участке мраморной плиты, наспех, без какой-либо предварительной подготовки. Полагаю, что сам факт наличия надписи IOSPE I^2 38 позволяет нам уточнить результаты палеографического исследования, проведенного С.Ю. Сапрыкиным. Есть все основания полагать, что один и тот же шрифт использовался в Ольвии для размещения надписей с 40-х гг. I в. н.э. до конца II в. н.э.

Учитывая первое обстоятельство, В.П. Яйленко разобрал в стк. 3 этого декрета фразу «[Μιθραδάτην Ἀσπ]ούργου β[ασιλέα μέγαν Βοσπόρου, φιλοσύμμαχον καὶ]| φιλόπατριν ἀ[ρετῆς ἕνεκεν κτλ.]» — «увенчивает [Митридата, сына Асп]ургa, в[еликого царя Боспора, друга союзников и] друга отечества д[облести ради…]» (Яйленко 2016: 587). В свою очередь замечу, что Аспург был великим царем, сыном великого царя Асандроха. Так, в посвятительной надписи 315 г. б.э. из Горгиппии он представлен как «βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς], φιλορώμαιος, ὁ ἐκ βασιλέ[ως] μεγάλου Ἀσανδρόχου» (Чореф 2024а: 820). В текстах надписей, высеченных на плите архитрава здания дорического ордера, вернее всего — храма Аспурга (КБН 1965: № 39; КБН 2004: № 39) и на постаменте статуи этого же правителя, установленной Менестратом, сына Менестрата, начальника острова (КБН 1965: № 40; КБН 2004: № 40) Аспурга славили как великого царя: «βασιλεὺς μέγας, φιλορώμαιος» (КБН 1965: № 39; КБН 2004: № 39) и «βασιλεὺς μέγας, φιλορώμαιος τὸν ἐκ βασιλέως μεγάλου Ἀσανδρόχου» (КБН 1965: № 40; КБН 2004: № 40). Допускаю, что Митридата III как и его отца и предшественника Аспурга титуловали великими царями.

Вполне возможно, что ольвийская надпись сохранила сведения и о происхождении этого государя. Митридат III, как и Котис I (КБН 1965: № 958; КБН 2004: № 958) гордились тем, что являлись сыновьями Аспурга. Сам же факт обнаружения декрета IOSPE I2 38 в честь первого из этих государей свидетельствует о том, что ему удалось установить союзные отношения с Ольвией.

Однако все эти источники исторической информации, как видим, довольно информативные, не сохранили сведения, без знания которых изучение истории правления Митридата III крайне затруднено. Во-первых, следует выяснить, какие замыслы этого государя вызвали недовольство римлян? Во-вторых, не ясно, на какие силы на Боспоре и за его пределами мог опираться этот государь до конфликта с Империей, а также проследить эволюцию их взаимоотношений. В-третьих, следует объяснить тот факт, что Митридат III смог столь долго прожить в Риме. Как помним, он пережил не только Клавдия I, но и Нерона (54—68 гг. н.э.) (Plut. Galba, 13—15; Tac. Hist., I, 5—6).

Сразу же замечу, что дать ответы на эти вопросы будет довольно сложно. Проблема в том, что в нашем распоряжении мало фактического материала. Хотя он достаточно красноречив.

[11] Примечательны надписи из Ольвии и Херсонеса, датируемые римским периодом (IOSPE I^2: No. 52, 423, 425).

[12] Это имя крайне редкое. Оно было прочитано в единственной надписи, причем ольвийской, датируемой II—III вв. н.э. (IOSPE I^2: No. 113; LGPN IV: No. 20106).

Так, обломки терракотовой статуи Фортуны I в. н.э. из Илурата, которое есть все основания считать изображением Агриппины Старшей (Кубланов, Хршановский 1989: 18—20, рис. 6; Горончаровский 2000: 255—257) убедительно свидетельствуют о том, что при Митридате III на Боспоре почитали как Калигулу (37—41 гг. н.э.), так и его обожествленных родственников. В ходе раскопок гор. Артезиан[13] было установлено, что тогда не проводили значительных фортификационных работ. Есть все основания полагать, что Ранняя «цитадель» Артезиана была построена при Асандре (48/47—19/18 гг. до н.э.) и Аспурге (Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014: 135—136). Так что нет оснований заподозрить Митридата III в возведении и в реконструкции укреплений, а ведь это обязательный этап подготовки к войне.

Нет основания игнорировать и следующий тезис Тацита, приведенный в описании поведения Митридата III вскоре после его изгнания из западной части Боспорского государства и воцарения в ней Котиса I: «spretis utrisque concire nationes, inlicere perfugas» (Tac. Ann., XII, 15) — «он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков». По логике древнего историка, низложенный государь только тогда стал готовится к противостоянию с Римом и с его ставленником на Боспоре.

Перехожу к пока еще не затронутым в настоящей работе нумизматическим источникам исторической информации. Речь пойдет о монетах Митридата III[14]. Сразу же подчеркну, что они были выпущены как на территории Боспорского царства, так и за его пределами.

Начну с того, что их многочисленные разновидности уже давно введены в научный оборот и основательно изучены (Анохин 1986: 96—97, 151, № 327—331, табл. 12: 327—331; 1999: 136—137, рис. 40; 2011: № 1326—1433; Фролова 1997: 80—86, 206—209, табл. XVII: 20—25, XIX: 5—18, XX—XXI, XXII: 112; Яценко, Чореф 2022; Frolova, Ireland 2002: 9—10, 72—74, pl. XLVI: 20—25, XLVIII: 5—18, XLIX—L, LI: 1—12). Немаловажно и то, что золотые монеты Митридата III датированы. Объектом изучения[15] могут стать только дифференты, выявленные на его статерах и ассариях. С учетом этого обстоятельства опишу разновидности монет этого государя.

Статеры

1. Л.с.: Бюст Калигулы в лавровом венке, развернутый вправо. Обрамление — точечная окружность.
   О.с.: ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Ника с венком в правой и с пальмовой ветвью в левой руках, развернутая влево. Весьма примечательно расположение ног божества. Складывается впечатление, что Ника стоит на носках, ее ступни размещены близ друг друга, параллельны. По сторонам фигуры обозначение даты выпуска — ΣΛΤ. Композиция обрамлена окружностью из точек (рис. 2: 1).

[13] Н.И. Винокуров справедливо заметил, что гор. Артезиан «на сегодняшний день это единственный реперный памятник в Восточном Крыму, дающий дату начала активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства» (Винокуров 2021: 14).

[14] Изображения монет, приведенные на рис. 2: 1—6 и рис. 3, опубликованы в каталоге-архиве «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1: № 000-4944-1, 000-5126-1, 327-5201-4, 327-5201-5, 328-4712-1, 328-4712-4, 329-4018-2, 330-4060-20, 330-4060-54, 331-4779-1). Статер 341 г. б.э. (рис. 2: 7) был издан В.А. Анохиным (Анохин 2011: № 1341). Фотография золотой монеты с тамгой ƨ на реверсе (рис. 2: 8) предоставлена Н.И. Винокуровым. Этот статер также опубликован в (Винокуров, Абрамзон 2016: 732—735, 736, № 10, рис. 2; Яценко, Чореф 2022: рис. 1; Abramzon, Vinokurov 2017: 31—34, 36, No. 10, fig. 7).

[15] Замечу, что иконографическое исследование этих монет уже давно завршено. Его результаты приведены в фундаментальных монографиях В.А. Анохина (Анохин 1986) и Н.А. Фроловой (Фролова 1997; Frolova, Ireland 2002). Мои соображения по вопросу атрибуциии изображений императоров на монетах херсонесского чекана изложены в (Чореф 2010). О перспективах проведения таких исследований см. (Чореф 2021b).

2. Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже. Под Никой — дифферент ● (рис. 2: 2).

3. Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже. Без дифферента. Обозначение даты выпуска — ΖΛΤ (рис. 2: 3).

4. Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже. Под Никой — дифферент ● (рис. 2: 4).

5. Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже. Без дифферента. Обозначение даты выпуска — ΗΛΤ (рис. 2: 5).

6. Л.с.: Тоже.
О.с.: Тоже. Изображение Ники выполнено непрофессионально. Нижняя часть ее платья передана как прямоугольник со складками только в правой его части. Расстояние между ступнями значительно больше, чем на статерах прежних выпусков. Полагаю, что на монете сохранился оттиск нового штемпеля. Дифферент отсутствует. Обозначение даты выпуска — ΘΛΤ (рис. 2: 6).

7. Л.с.: Тоже. Бюст мужчины, по-видимому, римлянина (сужу по короткой стрижке). Вернее всего, речь идет об изображении императора из династии Юлиев—Клавдиев. Так что не случайно его голова не увенчана лавровым венком или солнечной короной. Ведь это было характерно для монет этих правителей (RIC I). И это явно не Калигула[16]. Сужу по крупным чертам лица и большому носу. Допускаю, что на монете оттиснули бюст Клавдия I[17].
О.с.: Тоже. Изображение Ники выполнено вполне профессионально. Тем не менее, есть все основания полагать, что оно было выполнено мастером, вырезавшим чекан реверса монеты, изображенной на рис. 2: 6. Сужу по весьма стилистике изображения платья и ног богини. Дифферент отсутствует. Обозначение даты выпуска — ΑΜΤ (рис. 2: 7).

8. Л.с.: ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Бюст Клавдия I в лавровом венке, развернутый вправо. Обрамление — линейная окружность. Заметны следы двойного удара.
О.с.: Бюст бородатого мужчины вправо, выполненный, судя по использованным изобразительным приемам, тем же резчиком. Под ним — буквенное обозначение даты выпуска ГМТ. Правее бюста мужчины — тамга ƨ [18]. Композиция также вписана в окружность. Заметны следы двойного удара (рис. 2: 8).

---

[16] В.А. Анохин, издавший эту монету (Анохин 2011: № 1341), не счел важным определить, кого изобразили на ее лицевой стороне .

[17] Это положение будет обосновано ниже.

[18] Есть все основания считать, что знак ƨ принадлежал влиятельному центральноазиатскому клану откочевавшему к I в. н.э. на территорию кубанских сираков (Яценко, Чореф 2022: 142—144, рис. 3). Сразу же замечу, что мы имеем дело с монетой, выпущенной за пределами Боспорского государства, на варварской территории (Андриевский 2022; Сергеев 2012; Синика, Чореф 2018; Чореф 2022b; 2023a; 2024b; Prokopov, Slavova 2024; Slavova, Prokopov 2020). Об этом говорит и наличие знака ƨ , выявленного на писанице из гор. Артезиан (Винокуров, Чореф 2021; 2022; Винокуров, Яценко, Чореф 2024). И, пользуясь случаем, перечислю фундаментальные исследования знаков Северного Причерноморья (Драчук 1975; Соломоник 1959; Яценко 2001; 2019; 2023; Яценко, Рогожинский 2021; Яценко, Сланов, Хутинаев 2023). А тамже отмечу, что знаки на монетах являются весьма информативными обозначениями (Чореф 2013; 2016; 2017b; 2019a; 2019b; 2020a; 2021a; 2022c).

Ассарии

1. Л.с.: ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Бюст царя — длинноволосого мужчины в диадеме с бородкой, развернутый вправо.
   О.с.:. ΒΑCΙΛΙCCΗC ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩC. Бюст царицы Гепепирии хитоне, развернутый вправо. На ее голове диадема. Правее подбородка царицы обозначение номинала ΙΒ. Композиция обрамлена окружностью из точек (рис. 3: 1).

2. Л.с.: Тоже.
   О.с.:. Шкура льва на палице. Слева — горит, справа — трезубец. Ниже композиции — обозначение номинала ΙΒ (рис. 3: 2).

3. Л.с.: Тоже.
   О.с.:. Тоже. Выше и правее обозначения номинала — дифферент ● (рис. 3: 3).

Как видим, Митридат III успел выпустить сравнительно немного разновидностей золотых и бронзовых монет. Так, при Калигуле от отчеканил всего семь вариаций однотипных статеров, различимых только по обозначениям даты и с учетом наличия или отсутствия дифферента ●. На их аверсе оттиснуто высокохудожественное изображение императора[19], а на реверсе — фигура Ники с лавровым венком и с пальмовой ветвью в руках. Тоже можно сказать и о бронзах этого государя. Он чеканил всего две их разновидности: с бюстом Гепепирии (рис 3: 1) и с символами богов — предков правителя (рис. 3: 2, 3) на оборотной стороне. Обязательным элементом оформления этих монет являлась надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, размещенная на реверсе золотых и на аверсе бронзовых монет.

Сразу же подчеркну, что нет оснований видеть в оформлении статеров и ассариев этого государя какой-либо вызов Риму (Анохин 1999: 137). Дело в том, что надпись, изображение Ники и композиция из символов богов — предков правителя размещалась на монетах весь период правления Митридата III. Причем как при Калигуле, так и при Клавдии I. Учтем и тот факт, что изображение Ники с венком и пальмовой ветвью в руках[20] оттискивали на бронзовых монетах такого безусловно лояльного Риму правителя, как царь Фракии Реметалк III (37/8—46 гг. н.э.) (RPC I: No. 1725) (рис. 4: 1). Нет оснований видеть что-то провокационное и в композиции из символов богов — предков правителя. Дело в том, что весьма схожая композиция[21]: львиная шкура на палице Геракла и колчан с луком известна на ассариях Полемона I (14/13 гг. до н.э. — 9/10 гг. н.э.) (Анохин 2011: № 1350) (рис. 4: 2). Отмечу также, что на ассариях Гепепирии размещали надпись «ΒΑCΙΛΙCCΗC ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩC» (Чореф 2020c: 94, рис. 1: 3). Так что не стоит удивляться тому факту, что современники не увидели на монетах этого боспорского государя что-либо вызывающее и оскорбительное для Рима. Заключаю, что изображения и надписи на монетах Митридата III нет оснований толковать как проявления атиримской пропаганды[22].

Да, монеты этого государя большую часть его правления чеканили как в столице, так и в эмиссионном центре, использовавшем дифферент ●, расположенном в восточной части его

[19] Вернее всего, на статерах воспроизвели официальное изображение Калигулы, запечатленное на его ранних монетах. Полагаю, что могли копировать бюст императора, оттиснутый на сестерциях, выпущенных в честь Друзиллы, Агриппины Младшей и Юлии (RIC I: No. 33, pl. 13: 33). Саму же идею оформления статеров могли позаимствовать с монет фракийского царя Реметалка III (38—46 гг. н.э.) (рис. 4: 1). Правда, на них бюст Калигулы развернут влево, а фигура Ники — вправо (RPC I: No. 1725).

[20] Божество стоит на шаре (RPC I: No. 1725) (рис. 4: 1). Вполне возможно, что боспорские монетарии творчески переработали эту композицию, разместив на статерах дифферент под изображением божества.

[21] Полагаю, что мы также имеем дело с традицией. На монетах Боспорского царства размещали символы почитаемых правителями богов, в т.ч. Геракла (Чореф 2020b: 717—718, рис. 4) и Посейдона (рис. 3: 2, 3).

[22] Подчеркну, что не вижу оснований считать Митридата III «мятежным царем», как, к примеру, полагает С.В. Ярцев (Ярцев 2022).

государства. Но это обстоятельство не может быть истолковано как свидетельство чрезвычайной внешнеполитической активности. Ведь Аспург также чеканил свои монеты не только в столице (Чореф 2019c: 101—104, рис. 1; 2024b: 812—814, 816—817, 820, рис. 2).

В связи с этим обстоятельством стоит обратить внимание на статер 343 г. б.э. (рис. 2: 8). Как уже было установлено ранее, эта монета была выпущена на территории племени сираков. Этим фактом следует объяснять как варварский стиль, так и своеобразность ее оформления. Подобные монеты могли быть отправлены Митридатом III своим сторонникам в Восточную Таврику (Яценко, Чореф 2022: 144). Но и ее оформили в прежнем, абсолютно лояльном к Риму стиле. Не случайно на ее аверсе размещен вполне узнаваемый бюст Клавдия I.

Подчеркну, что у нас нет оснований сомневаться в безусловной лояльности боспорской элиты по отношению к этому императору. Об этом свидетельствует не только отсутствие сведений о каких-либо антиримских эксцессах в западной части Боспорского государства в тот период, но и сам факт обнаружения в склепе Юлия Каллисфена золотого перстня с инталией работы Скилакса, вырезавшего высокохудожественное изображение Клавдия I (рис. 5). Вполне возможно, что это знаковое украшение было подарено императором представителю правящей на Боспоре династии в знак признательности за деятельное участие в борьбе с Митридатом III.

Однако констатация этих фактов не позволяет объяснить причины, побудившие Кладвия I низложить этого боспорского государя. Мне не остается ничего другого, кроме как вернуться к письменным источникам[23]. И сразу же замечу, что в них содержатся столь необходимые свидетельства. Начну с того, что процитирую пассаж из Тацита, объясняющий отношение Клавдия I к Митридату III «dolor iniuriarum et libido vindictae adigebat» (Tac. Ann., 21, 1) — «боль от ран и жажда мести двигали им». Тацит не уточняет, о чем идет речь. Вполне возможно, что мы имеем дело с историографическим штампом. И, действительно, Г. Светоний Транквилл многократно использовал его при написании биографии Клавдия I. Он отметил, что если император планировал кого-либо наказать, то он назначал пароль «Ἄνδρ’ ἀπαμύνασθαι, ὅτε τις πρότερος χαλεπήνῃ» (Suet., Claud, 42, 1) — «Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду». Историк акцентировал внимание читателя на «природной свирепости и кровожадности» (Suet., Claud, 34), «недоверчивости и трусости» (Suet., Claud, 35) этого императора, а также на том, что «не было доноса, не было доносчика столь ничтожного, чтобы он по малейшему подозрению не бросился защищаться или мстить» (Suet., Claud, 37). Светоний перечисляет многочисленные случаи проявления лютости Клавдия I по самым ничтожным случаям. Мне же важно то, что император называл такие проявления жестокости «мщением» (Suet., Claud, 37, 42, 1). Учитывая это обстоятельство, допускаю, что во фразе «dolor iniuriarum et libido vindictae adigebat» (Tac. Ann., 21, 1) следует видеть очередное проявление кровожадности, свирепости, а также недоверчивости и трусости Клавдия I.

Сразу же замечу, что этот, как мне кажется вполне очевидный вывод, вряд ли будет принят без обсуждения. Дело у том, что Клавдий I был довольно сложной личностью. По словам Светония, «Mater Antonia portentum eum hominis dictitabat, nec absolutum a natura, sed tantum incohatum; ac si quem socordiae argueret, stultiorem aiebat filio suo Claudio» (Suet., Claud, 3, 2) — «Мать его Антония говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: “глупей моего Клавдия”». С ней были солидарны его бабушка Ливия, дед Август (30 г. до н.э. — 14 г. н.э.), сестра Ливилла и дядя Тиберий (14—37 гг. н.э.) (Suet., Claud, 3, 2, 4—6). В тоже время его чтили и уважали всадники, дважды избиравшие его главой своего посольства к консулам (Suet., Claud, 3, 6, 1), а сенаторы причислил его сверх счета к избранным по жребию жрецам Августа (Suet., Claud, 3, 6, 2). И только при Калигуле он был допущен к высшим должностям (Suet., Claud, 3, 7). Нельзя обойти вниманием и тот факт, что Клавдий I писал исторические труды. Его интересовали события,

[23] О перспективах исследования лапидарных памятников см. (Чореф 2022a).

произошедшие незадолго и после убийства Г. Юлия Цезаря. Он изложил их в сорока трех книгах. Кладвий I интересовался и греческой словесностью. На этом языке он написал этрусскую историю в двадцати и карфагенскую в восьми книгах (Suet., Claud, 42, 2). С учетом этих обстоятельств были выказаны соображения о предвзятом освещении личности и политической деятельности Клавдия I в сохранившихся римских исторических трудах (Duchêne 2022). Что же касается столь бросавшихся в глаза современников особенностях внешнего вида этого императора: «ceterum et ingredientem destituebant poplites minus firmi, et remisse quid vel serio agentem multa dehonestabant: risus indecens, ira turpior spumante rictu, umentibus naribus, praeterea linguae titubantia caputque cum semper tum in quantulocumque actu vel maxime tremulum» (Suet. Claud, 30) — «когда он ходил, ему изменяли слабые колени, а когда что-нибудь делал, отдыхая или занимаясь, то безобразило его многое: смех его был неприятен, гнев — отвратителен: на губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрестанно, а при малейшем движении — особенно», то, вполне возможно, что мы имеем дело с проявлениями болезни Литтла (Ренуччи 2017: 19). Однако замечу, что приняв тезис о высокой степени умственного развития Клавдия I, мы не можем сбросить со счетов многочисленные свидетельства его жестокости, обусловленных как природными качествами и влиянием среды, так и политической ситуацией в Риме в тот период. В любом случае, он мог помиловать Митридата III, т.к. неоднократно демонстрировал свою великодущие по отношению к особам царского рода. Так, в 43 г. н.э. император даровал прощение Каратаку, объединившему на время под своей властью племена юго-восточной части Британии (Tac. Ann., XII, 37).

Но вернемся к Митридату III. Он был доставлен в Рим Юнием Цилоном. Низложенного царя выставили на показ народу у ростральных трибун (Tac. Ann., XII, 21). На этом наказание и ограничилось. Есть все основания полагать, что Митридат III в дальнейшем проживал в Риме в качестве заложника. В любом случае, он контактировал с влиятельнейшими аристократами[24]. Сам же факт сохранения его жизни при Клавдии I и Нероне (54—68 гг. н.э.) может быть истолкован как следствие вполне очевидного желания держать при себе законного претендента на боспорский трон. Тем самым была обеспечена лояльность Котиса I и Евнона[25]. В любом случае, сомнений в преданности Митридата III у римских властей ни при Клавдии I, ни при Нероне не возникало. Сужу по тому, что он был убит при Гальбе после разоблачения заговора Г. Нимфидия Сабина. Причем поводом к казни стало не участие в политической борьбе, а едкий комментарий в адрес императора: «νῦν ἔφη τινὰ δοκεῖν εἶναι Ῥωμαίοις, ὀφθέντα δὲ φανεῖσθαι τῶν ἡμερῶν τούτων ἃς καλεῖται Καῖσαρ, ὄνειδος» (Plut. Galba, 13, 15) — «теперь он еще что-то значит для римлян, но пусть только они увидят его собственными глазами — они сразу поймут, что Гальба будет всегдашним позором тех дней, в которые носил имя Цезаря».

Итак, нет оснований считать Митридата III ни патриотом Боспора, ни очевидным филэллином, ни ревнителем династии Ахеменидов. Он был ординарным династом Pax Romana периода Юлиев—Клавдиев. Митридат III не планировал противостоять Риму. Наоборот, есть все основания полагать, что этот государь был безусловно верен

[24] Но вряд ли он был другом Нерона (54—68 гг. н.э.), как заключил Э. Чемплин: «Trying to control, let alone direct, a team of ten horses around twelve laps of a course with hairpin turns was an act of hubris which Nero himself had criticized in a friend, Mithridates, King of the Bosporus» (Chemplin 2003: 59). Ведь у Светония, на которого ссылается исследователь, речь идет о «царе Митридате» (Suet. Nero, 24). А цитируемый Э. Чемплином Дион Кассий, порицая Нерона за участие в скачках на колесницах, не писал о стихотворении Нерона, критикующего Митридата за такие же поступки (Cass. Dio. Hist. Rom., LXIII, 14, 1). В свою очередь замечу, что ни один из античных исторических трудов не сохранил сведения о том, что Митридат III участвовал в гонках колесниц. Зато их обожал Митридат VI Евпатор Дионис (120—63 гг. до н.э.): «καὶ ἅρμα ἤλαυνεν ἑκκαίδεκα ἵππων ὁμοῦ» (App. Mithr., XXIII, 112) — «и у него была колесница, запряженная одиннадцатью конями».

[25] Они не возражали против передачи Риму таврической части Боспорского государства и чеканили свои бронзовые дупондии с пятиконечным храмом на реверсе в его восточных регионах (Чореф 2015; 2017a). Также отмечу, что в тот же период времени в Херсонесе находился бенефициарий Нерона (Чореф 2017a: 100, рис. 1: 1; Чореф 2023b: 1000—1001, рис. 3: 2).

императорам. Однако интрига Котиса I привела к его низложению. И только потеряв отчий трон, Митридат III попытался оказать сопротивление Котису I и поддерживавшим его римлянам. Однако он не смог создать сильной коалиции. В результате Митридат III был вынужден сдаться римлянам. Теже, в свою очередь, не видели в нем идейного и принципиального противника. В результате Митридат III прожил в Риме более двадвати лет. Он погиб не в борьбе за отчий Боспор, а за насмешки над Гальбой.

Литература

Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И. 2016. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 76/3, 712—743.

Андриевский Д.В. 2022. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Анохин В.А. 1971. К вопросу об ольвийской эре. *НиС* 4, 87—91.

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Винокуров Н.И. 2021. Раскопочные работы Артезианской археологической экспедиции Московского педагогического государственного университета (МПГУ) В 2020 году. *История и археология Крыма* 15, 14—26.

Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207—217.

Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2022. Писаница из цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования. *Русин* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2.

Винокуров Н.И., Яценко С.А., Чореф М.М. 2024. Серия тамг на сосуде с городища Артезиан: контекст находки. *Stratum plus* 6, 83—93.

Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья. В: Гайдукевич В.Ф., Максимова М.И. (ред.). *Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР, 23—148.

Горончаровский В.А. 2000. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? В: Зуев В.Ю. (ред.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева*. Санкт-Петербург: Алетейя, 25—257.

Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Карышковский П.О. 1964. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным. *КСОАМ за 1962 г.*, 139—145.

Карышковский П.О. 1982. Ольвия и Рим в I в. н.э. В: Гудкова А.В. (ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 6—27.

КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

КБН 2004: Гаврилов А.К. (отв. ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом).* Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).

Кубланов М.М., Хршановский В.А. 1989. Некрополь Илурата: раскопки 1984—1988 годов. В: Филиппова Р.Ф. (ред.). *Проблемы религиоведения и атеизма в музеях*. Ленинград: ГМИРиА, 6—42.

Ренуччи П. 2017. Клавдий: Нежданный император. Москва: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей. Вып. 1646).

Сапрыкин С.Ю. 1988. К ольвийской надписи IOSPE.I^2.38. *ВДИ* 1 (184), 147—155.

Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы). *ВДИ* 3, 134—162.

Сергеев А.Я. 2012. *Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А.Я. Сергеева в ГИМ*. Москва: ГИМ.

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348.

Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.

Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. I. *Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.

Чореф М.М. 2010. Изображения императоров династии Юлиев—Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. *МАИАСП* 2, 76—120.

Чореф М.М. 2013. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 127—156.

Чореф М.М. 2015. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана. *Stratum plus* 6, 111—130.

Чореф М.М. 2016. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра. *Stratum plus* 4, 119—124.

Чореф М.М. 2017a. Новая античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического. *Stratum plus* 4, 99—114.

Чореф М.М. 2017b. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2019a. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 11, 583—591.

Чореф М.М. 2019b. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2019c. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства. *Stratum plus* 6, 97—116.

Чореф М.М. 2020a. Миграционные процессы на Боспоре при Фоморсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2020b. Монеты Пантикапея и Фанагории третьей четверти I в. до н.э. как источник исторической информации. *МАИАСП* 12, 710—733.

Чореф М.М. 2020c. «Vox audita latet, littera scripta manet», или к биографии боспорской царицы Гепепирии. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 1, 94—103.

Чореф М.М. 2021a. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источники исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2021b. Недостающие звенья, или к истории Боспорского царства II в. н.э. при Евпаторе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 93—106.

Чореф М.М. 2022a. К вопросу о цели посольства Наймана и Махеса в Рим, или к просопографии Понтийского царства. *МАИАСП* 14, 407—418. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.78.29.021.

Чореф М.М. 2022b. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Чореф М.М. 2022c. Тамги на драхмах Рескупорида IV как источник исторической информации. *Stratum plus* 4, 59—70.

Чореф М.М. 2023a. Подражание статеру Рескупорида IV чекана 560 г. б.э. как источник исторической информации. *Русин* 73, 13—27. DOI: 10.17223/18572685/73/2.

Чореф М.М. 2023b. Римские и ранневизантийские моливдовулы с с бюстами правителей на обеих сторонах как источник исторической информации. *МАИАСП* 15, 997—1008. DOI: 10.53737/8377.2023.96.41.041.

Чореф М.М. 2024a. К вопросу о датировке посвятительной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгиппии. *МАИАСП* 16, 811—836. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.49.60.040.

Чореф М.М. 2024b. Литые подрезанные реплики боспорским статерам как источник исторической информации. *МАИАСП* 16, 737—750. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036.

Яйленко В.П. 2016. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э*. Санкт-Петербург: Нестор-История (Исторические исследования).

Ярцев С.В. 2022. К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии. *МАИАСП* S1, 187—198. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.36.69.007.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I—IV вв. н.э. *Stratum plus* 4, 235—256.

Яценко С.А. 2023. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 16, 436—468.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

Яценко С.А., Сланов А.А., Хутинаев А.Х. 2023. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы. *МАИАСП* 15, 555—589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147.

Abramzon M., Vinokurov N. 2017. Gold Staters of Aspurgus and Mithridates and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 23 (2017), 1—41.

bosporan-kingdom.com: 1: Монеты Боспора. URL: https://bosporan-kingdom.com (дата обращения 31.01.2024).

Champlin E. 2003. Nero. Cambridge, Massachusetts; London, England: Belknap Press.

Duchêne P. 2022. *Comment écrire sur les empereurs ?* Bordeaux: Ausonius Éditions (Scripta Antiqua 137). URL: https://books.openedition.org/ausonius/16079 (дата обращения 01.01.2025).

Frolova N., Ireland S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford: BAR (BAR International Series 1102).

IOSPE I²: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Типография Императорской академии наук.

LGPN IV: Fraser P.M., Mattews E. 2005. *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Oxford: Clarendon Press.

Neverov O. (comp.). 1976. *Antique intaglios in the Hermitage Collection*. Leningrad: Aurora Art Publishers.

Prokopov I., Slavova M. 2024. The coin hoard from the Sarnitsa village, Haskovo region. Towards the question of clarifying the origin of Thasos imitations or barbarization. *МАИАСП* 16, 689—696. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.33.27.033

RIC I: Sutherland C.H.V., Carson R.A.G. 1984. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. I. *From 31 BC to AD 69*. London: Spink and Son Ltd.

RPC I: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. 1992. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. Pt. I. *Introduction and Catalogue*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

SEG XXXVIII: Pleket H.W., Stroud R.S. (eds.). 1991. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

Slavova M., Prokopov I. 2020. Coin hoard with imitations of Philip II from Bulgaria. *МАИАСП* 12, 685—709.

References

Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 76/3, 712—743 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1971. n *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 4, 87—91 (in Russian).

Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V.A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kyiv: Odigitriia (in Russian).

Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region: Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Vinokurov, N.I. 2021. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and archeology of Crimea)* 15, 14—26 (in Russian).

Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2021. In *Stratum plus* 6, 207—217 (in Russian).

Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 70, 13—35. DOI: 10.17223/18572685/70/2 (in Russian).

Vinokurov, N.I., Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2024. In *Stratum plus* 6, 83—93 (in Russian).

Gaydukevich, V.F. 1955. In: Gaydukevich, V.F., Maksimova, M.I. (eds.). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya: Ocherki istorii i kul'tury (Ancient Cities of the Northern Black Sea Region: Essays on History and Culture)*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 23—148 (in Russian).

Goroncharovskiy, V.A. 2000. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Pamyati Yu.V. Andreeva (In memory of Yu.V. Andreev)*. Saint Petersburg: Aleteiia, 25—257 (in Russian).

Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya (Sign Systems in Northern Pontic Region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 1964. In *Kratkie soobshcheniya Odesskogo arkheologicheskogo muzeya (Brief Reports of the Odessa Archaeological Museum) 1962*, 139—145 (in Russian).

Karyshkovskiy, P.O. 1982. In: Gudkova, A.V. (ed.). *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Monuments of the Roman and Medieval Period in the North-Western Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka , 6—27 (in Russian).

KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).

Kublanov, M.M., Khrshanovskiy, V.A. 1989. In: Filippova, R.F. (ed.). *Problemy religiovedeniya i ateizma v muzeyakh (Problems of Religious Studies and Atheism in Museums).* Leningrad: GMIRiA, 6—42 (in Russian).

Renucci, P. 2017. *Klavdiy: Nezhdannyi imperator (Claudius: The Unexpected Emperor)*. Moscow: Molodaya Gvardiya (Life of Remarkable People. Iss. 1646) (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 1988. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (184), 147—155 (in Russian).

Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 134—162 (in Russian).

Sergeev, A.Ya. 2012. *Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Sredney Azii (Coins of the barbarian coinage in the territory from the Balkans to Central Asia)*. Moscow: GIM (in Russian)

Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348 (in Russian).

Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: AN USSR (in Russian).

Frolova, N.A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (Middle of 1st Century BCE — Middle of 4th Century CE)).* Pt. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n. e. — 210/211 gg. n.e. (Bosporan Coinage in 49/48 BC — 210/211 CE)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Choref, M.M. 2010. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 2, 76—120 (in Russian)

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 6, 127—156 (in Russian).

Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus* 6, 111—130 (in Russian).

Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 4, 119—124 (in Russian).

Choref, M.M. 2017a. In *Stratum plus* 4, 99—114 (in Russian).

Choref, M.M. 2017b. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).

Choref, M.M. 2019a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 583—591 (in Russian).

Choref, M.M. 2019b. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).

Choref, M.M. 2019c. In *Stratum plus* 6, 97—116 (in Russian).

Choref, M.M. 2020a. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).

Choref, M.M. 2020b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 710—733 (in Russian).

Choref, M.M. 2020c. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* 1, 94—103 (in Russian).

Choref, M.M. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).

Choref, M.M. 2021b. In *Stratum plus* 6, 93—106 (in Russian).

Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 407—418. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.78.29.021 (in Russian).

Choref, M.M. 2022b. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).

Choref, M.M. 2022c. In *Stratum plus* 4, 59—70 (in Russian).

Choref, M.M. 2023a. In *Rusin* 73, 13—27. DOI: 10.17223/18572685/73/2 (in Russian).

Choref, M.M. 2023b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 997—1008. DOI: 10.53737/8377.2023.96.41.041 (in Russian).

Choref, M.M. 2024a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 811—836. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.49.60.040 (in Russian).

Choref, M.M. 2024b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 737—750. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036 (in Russian).

Yailenko, V.P. 2016. *Istoriia i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora v VII v. do n.e. — VII v. n e. (History and Epigraphics of Olbia, Chersonesos and the Cimmerian Bosporus in 7th Century BCE — 7th Century CE)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).

Yartsev, S.V. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 187—198. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.36.69.007 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signstamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2019. In *Stratum plus* 4, 235—256 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2023. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the cultural history of the peoples of the North Caucasus)* 16, 436—468 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Slanov, A.A., Khutinaev, A.Kh. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 555—589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147 (in Russian).

Abramzon, M., Vinokurov, N. 2017. Gold Staters of Aspurgus and Mithridates and New Complexes with Coins and Jewellery Items from the Artezian Settlement. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 23 (2017), 1—41.

bosporan-kingdom.com: 1: Coins of Bosporus. Available at: bosporan-kingdom.com (accessed 31.01.2024).

Champlin, E. 2003. Nero. Cambridge, Massachusetts; London, England: Belknap Press.

Duchêne, P. 2022. *Comment écrire sur les empereurs ?* Bordeaux: Ausonius Éditions (Scripta Antiqua 137). Available at: https://books.openedition.org/ausonius/16079 (accessed 01.01.2025).

Frolova, N., Ireland, S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford: BAR (BAR International Series 1102).

IOSPE I²: Latyschev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

LGPN IV: Fraser, P.M., Mattews, E. 2005. *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Oxford: Clarendon Press.

Neverov, O. (comp.). 1976. *Antique intaglios in the Hermitage Collection*. Leningrad: Aurora Art Publishers.

Prokopov, I., Slavova, M. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 689—696. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.33.27.033

RIC I: Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G. 1984. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. I. *From 31 BC to AD 69*. London: Spink and Son Ltd.

RPC I: Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. 1992. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69)*. Pt. I. *Introduction and Catalogue*. London: British Museum Press; Paris: Bibliothèque Nationale de France.

SEG XXXVIII: Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1991. *Supplementum epigraphicum graecum*. Vol. XXXVIII. Amsterdam: J.C. Gieben.

Slavova, M., Prokopov, I. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 685—709.

Рис. 1. Надписи, в которых упомянут Митридат III: *1* — манумиссия из Горгиппии (по КБН 2004: № 1123); *2* — декрет из Ольвии (по IOSPE I^2 38).

Fig. 1. Inscriptions mentioning Mithridates III: *1* — manumission from Gorgippia (after CIRB 2004: No. 1123); *2* — decree from Olbia (after IOSPE I^2 38).

Рис. 2. Статеры Митридата III (по Анохин 2011: № 1341; bosporan-kingdom.com: 1: № 000-4944-1, 000-5126-1, 327-5201-4, 327-5201-5, 328-4712-1, 328-4712-4, 329-4018-2; Яценко, Чореф 2022: рис. 1).

Fig. 2. Staters of Mithridates III (after Anokhin 2011: No. 1341; bosporan-kingdom.com: 1: No. 000-4944-1, 000-5126-1, 327-5201-4, 327-5201-5, 328-4712-1, 328-4712-4, 329-4018-2; Yatsenko, Choref 2022: fig. 1).

Рис. 3. Ассарии Митридата III (по bosporan-kingdom.com: 1: № 330-4060-20, 330-4060-54, 331-4779-1).

Fig. 3. Assarii of Mithridates III (after bosporan-kingdom.com: 1: No. 330-4060-20, 330-4060-54, 331-4779-1).

Рис. 4. Бронзовые монеты фракийского царя Реметалка III (*1*) **и Полемона I** (*2*) (по Чореф 2020: рис. 4; RPC I: No. 1725).

Fig. 4. Bronze coins of the Thracian king Rhoemetalces III (*1*) **and Polemo I** (*2*) (after Choref 2020: fig. 4; after RPC I: No. 1725).

Рис. 5. Инталия с портретом императора Клавдия из склепа Юлия Каллисфена и ее оттиск (по Neverov 1976: № 131).

Fig. 5. Intaglio with a portrait of Emperor Claudius from the crypt of Julius Callisthenes and its imprint (after Neverov 1976: No. 131).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.14.44.021

Kubilay Atik, Suat Beylur, Omirbek Hanayi, Nurlan Atygayev

CENTRAL ASIA THROUGH BUDDHIST GAZE: TRAVEL ACCOUNTS OF FOUR BUDDHIST MONKS AT THE TURNING POINTS OF CENTRAL ASIAN HISTORY*

This article explores the economic geography and political landscape of Central Asia between the fifth and eighth centuries through the lens of four Chinese Buddhist pilgrims: Faxian, Songyun, Xuanzang, and Hyecho. Although these travelers were primarily religious seekers, their detailed observations offer critical insights into the commercial vitality, social conditions, and imperial dynamics of the regions they traversed. Their narratives document shifting centers of prosperity from Gandhara and the Tarim Basin in the early period to Transoxiana under the Western Türk Khanate in the seventh century and highlight the roles of nomadic and imperial powers such as the Hephthalites, Turks, and early Arab Caliphate in shaping regional economies. The pilgrims' accounts illustrate the resilience of transcontinental trade despite episodic warfare, dynastic transitions, and religious upheavals. Monasteries served as nodes of both spiritual and material exchange, supported by merchant patronage and embedded in caravan routes that connected India, Central Asia, and China. Descriptions of silk, precious metals, harvests, and urban markets reveal patterns of wealth distribution and decline, often correlating with political stability or external invasions. While regions under Turkic and Hunnic attack faced economic contraction, stable polities like Kucha and Samarkand thrived. Ultimately, the article argues that these pilgrimage records, when read together, constitute a valuable, diachronic source for understanding how commerce, governance, and faith intersected in early medieval Central Asia. The continuity of trade amidst political fragmentation emerges as a testament to the strategic and enduring importance of the Silk Road network.

Key words: Central Asia, Silk Road, travel accounts, historical geography, Buddhist pilgrimage.

About the authors: Atik Kubilay[1], Assoc. Prof., Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi, Department of History; Beylur Suat[2], Assoc. Prof., Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University; Hanayi Omirbek[3], Dr., Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University; Atygayev Nurlan, Professor, Abai University.

Contact information: [1]2000, Turkey, Evler Mah. Zübeyde Hanım Cad. 50300, Nevşehir, e-mail: kubilayatik@gmail.com; [2,3]161200, Kazakhstan, Turkistan, 29 Bekzat Sattarhanov St., Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, e-mail: [2]suatbeylur@gmail.com; [3]kaztegin@hotmail.com; [4]050010, Kazakhstan, Almaty, 13 Dostyk Ave., Abai University, e-mail: nuratygaev@mail.ru.

Кубилай Атик, Суат Бейлур, Омирбек Канай, Нурлан Атыгаев

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ГЛАЗАМИ БУДДИЗМА: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ЧЕТЫРЁХ БУДДИЙСКИХ МОНАХОВ НА ПОВОРОТНЫХ МОМЕНТАХ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной статье исследуются экономическая география и политический ландшафт Центральной Азии в период с V по VIII вв. через призму записей четырёх китайских буддийских паломников: Фасяня, Суньюня, Сюаньцзана и Хуйчао. Хотя целью их путешествий были духовные поиски, их детальные наблюдения представляют собой ценный источник сведений о коммерческой активности, социальных условиях и имперской политике регионов, по которым они прошли. В их рассказах

* The authors were supported in preparing this article by the project titled "Historical Geography of Central Asia" (BR21882416) funded by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan.

Статья поступила в номер 25 июля 2025 г.
Принята к печати 11 августа 2025 г.

© Kubilay Atik, Suat Beylur, Omirbek Hanayi, Nurlan Atygayev, 2025.

отражаются смещения центров процветания — от Гандхары и Таримского бассейна в ранний период до Трансоксианы под властью Западного Тюркского каганата в VII в. — а также роль таких держав, как эфталиты, тюрки и арабский халифат, в формировании региональных экономик. Записи паломников свидетельствуют о стойкости трансконтинентальной торговли, несмотря на войны, смену династий и религиозные потрясения. Монастыри играли роль узлов как духовного, так и материального обмена, поддерживались купеческим покровительством и были интегрированы в караванные маршруты, связывавшие Индию, Центральную Азию и Китай. Описания шелка, драгоценных металлов, урожаев и городских рынков показывают закономерности распределения богатства и упадка, часто зависящие от политической стабильности или внешних вторжений. Пока одни регионы страдали от нашествий гуннов и тюрок, другие — как Куча и Самарканд — процветали в условиях стабильного управления. Таким образом, записи паломников образуют ценную диахронную совокупность источников, позволяющую проследить, как пересекались торговля, власть и религия в раннесредневековой Центральной Азии. Сквозной темой выступает устойчивость Шёлкового пути как экономической артерии в условиях политической раздробленности.

Ключевые слова: Центральная Азия, Шелковый путь, путевые заметки, историческая география, буддийское паломничество.

Сведения об авторах: Атик Кубилай[1], доцент, Университет Невшехир Хаджи Бекташ Вели, исторический факультет; Бейлур Суат[2], доцент, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмета Яссави; Канай Омирбек[3], Dr., Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмета Яссави; Атыгаев Нурлан[4], профессор, Abai University.

Контактная информация: [1]2000, Турция, Эвлер Мах. Зубейде Ханым Кад. 50300, Невшехир, e-mail: kubilayatik@gmail.com; [23]161200, Казахстан, г. Туркестан, ул. Бекзата Саттарханова, 29, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмета Яссави, e-mail: [2]suatbeylur@gmail.com; [3]kaztegin@hotmail.com; [4]050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, д. 13, Abai University, e-mail: nuratygaev@mail.ru.

Introduction

During the 5th — 8th centuries, a number of prominent Buddhist monks embarked on overland journeys from China to India, passing through the heart of Central Asia. Four individuals, notably Faxian (399 to 414), Songyun (518 to 522), Xuanzang (629 to 645), and Hyecho (724 to 727) left the records of their pilgrimages to India via Central Asia, where they depicted Central Asian states, cities, and cultures along their routes. Although these travelogues focus primarily on investigating Buddhist texts and sacred sites, they also record the historical geography of Central Asia. They provide data on the regimes, economies, ethnic groups, and geographical locations of the various Central Asian kingdoms in their respective historical periods. In this article we have analyzed the observations of the four pilgrims from the oasis kingdoms, the nomadic territories, and the areas at the crossroads of China and India in Central Asia. In order to compare the way Central Asian locations are represented in each account, we reduce the discussion of the Indian subcontinent, which often dominated the accounts of these pilgrims. The political landscape of Central Asia from the decline of Kushan influence to the rule of the Hephthalites, the rise of the Türk Qaghanate, and early Islamic expansion, economic life such as patterns of trade and urban prosperity or decline, ethnic and religious composition, and the very routes and geographies they crossed can be traced by comparing their writings.

Faxian’s voyage, the first of the four, forms a Central Asian base in the early fifth century. Around 399 CE, under the Eastern Jin Dynasty, Faxian left Chang’an and moved northwest along the Hexi Corridor (modern Gansu) into the Tarim Basin. Faxian’s voyage, offers a starting point for understanding Central Asia in the early fifth century. Faxian left Chang’an around 399 CE moved northwest along the Hexi corridor, approaching Tarim (Beal 1869: 24). He traveled along the Southern Silk Road and stopped in the oasis realms, including Khotan (Yutian) and Shanshan (Loulan to Xuanzang and others) at the southern end of the Taklamakan Desert (Faxian 1995: 14). Buddhist institutions in these regions are of great interest in his memoir, A Record of Buddhist Kingdoms 佛國記

(Legge, Faxian 2005). In Shanshan, for example, he witnesses a multi-ethnic society where local Buddhist clergy read texts in Indian languages and individuals dressed as Chinese while following the traditions of India (Beal 1869: 51—55; Faxian 1995: 17; Legge, Faxian 2005: 32—41). This observation underlines the cultural syncretism of the Tarim Basin, where Indian influence deeply permeated the local community in the 4th and 5th centuries through Buddhism.

Khotan, according to Faxian, was a prosperous Buddhist kingdom and an important crossroads on the Southern Silk Road. Every family in Khotan had a miniature stupa (pagoda) built in front of its entrance, even though it was only about 20 cubits high, indicating widespread piety among the population (Faxian 1995: 73). The state's hospitality infrastructure for monks was also remarkable. Monasteries maintained rooms for monks from different countries, providing lodging and basic necessities for Buddhist travelers (Faxian 1995: 73). These details indicate an economy at least partly organized around the sustenance of pilgrims and monks. In fact, Faxian highlights how monastic communities and long-distance merchants developed a symbiotic relationship. Monks often joined merchant caravans to travel, and merchants, in turn, benefited from the safe haven and services such as accommodation provided by monasteries, sometimes giving them reciprocity (Legge, Faxian 2005: 62). This suggests the role of Khotan in the trade networks of the Silk Road. Silk, jade, and other goods circulated alongside Buddhist texts and pilgrims. Politically, Faxian provides less explicit information, focusing on religious life. He mentions kings when it is relevant to Buddhism. For example, a king of Khotan who had recently built a new monastery is mentioned in the chapter titled "The King's New Monastery" (Faxian 1995: 50—52). However, a broader historical context must be inferred. Around 400 CE, the kingdom of Khotan was an ethnically Sakha/Scythian kingdom that had long been Buddhist; it maintained its independence despite being squeezed between China to the east and the remnants of Kushan influence to the west (King 2022: 68—72). Faxian's silence on political conflicts or the powerful local magnates implies that Khotan was relatively stable. He also crossed the Lop Desert (the sandy desert) past Dunhuang (Faxian 1995: 44—50) and later crossed the Pamir Mountains southwards to Gandhara (Beal 1869: 93—94; Faxian 1995: 60—61). In Gandhara and nearby Udyana (Swat Valley), Faxian continued to record Buddhist legends and sites at the peripheries of Central Asia proper. It is worth noting that by Faxian's time, the Kushan Empire had vanished; its former territories in Bactria and the Oxus region were fragmented, which may explain why Faxian took the southern route through Khotan and the Indus, rather than passing through Bactria or Sogdiana. Faxian portrays an early fifth-century Central Asia in which Buddhism is widespread in the oasis states, local rulers patronize the faith, and Chinese and Indian cultural elements mingle on the Silk Road. There is little hint of political turmoil in his narrative, in contrast to what later pilgrims would find.

A century after Faxian, the monk Songyun traveled to India on an official mission, reflecting a dramatic shift in the geopolitical scene in Central Asia. Sent in 518 CE by the devout Empress Hu of the Northern Wei Dynasty (Wang 2016: 37), Songyun's task was to obtain Buddhist scriptures from India. He and his companion, the monk Huisheng, chose a more southerly inland route out of China, known as the Qinghai Route (Chavannes 1903: 381). They made their way from Luoyang to the northeastern edge of the Tibetan Plateau (via Xining and along Qinghai Lake), bypassing the crowded Hexi Corridor and eventually rejoining the main Silk Road near Shanshan/Loulan in the Tarim Basin(Beal 1869). This route was controlled at the time by the Tuyuhun, indicating that the usual northern route may have been less accessible or unsafe in the early 6th century, and soon after, they arrived at Khotan itself (Zhou 1983: 57).

Songyun, like Faxian, commented on the religious life of Khotan, recounting a local legend of a royal conversion to Buddhism. He also noted that the Hephthalite (Hua) political influence extended as far east as Khotan's gates (Chavannes 1903: 384—386). The Hephthalites were a nomadic confederation that dominated Central Asia in the early sixth century. By Songyun's time, a Hephthalite empire straddled the Oxus and northwestern India, and Songyun became one of the few observers to leave notes on them. He reported that the Hephthalites, called Yanda or Yeda (Wei 1974: 122) in Chinese sources, had a vast domain but lived nomadically without walled cities, and

their king moved with the tribes. When Songyun and Huisheng reached the border region of Badakhshan, near the entrance to the Wakhan corridor, they encountered the king of the Hua people (滑), whom they did not meet in his capital but rather in a military encampment established in the open field. The king received the envoys while actively engaged in a campaign. This Hephthalite ruler had recently conquered Gandhāra, and was consolidating control over the newly subdued territories. Songyun reports that the country had suffered significant devastation during this conquest. The cities and monasteries of the region had been heavily damaged, and the population had fled or been subjected to heavy exactions (Chavannes 1903: 390—393).

The Hua ruler appeared to them as a powerful figure who commanded vast territory, extending from the west of the Pamirs into regions formerly under Indian and Kushan influence. Songyun's account underlines the ferocity and scope of the Hunnic expansion, particularly its impact on the Buddhist institutions in these regions. As he passed through the once-prosperous Buddhist regions of Gandhara and Udyana, he “reported that the Huns had destroyed the country” (Sen, Duara 2016: 15—18). This refers to the devastation of monasteries and cities in northwestern India caused by decades of Hunnic raids. When Songyun arrived in Gandhara in 520, he found Buddhism in decline and many sites in ruins, in stark contrast to the piety witnessed by Faxian a century earlier. Despite the unrest, Songyun noticed that pockets of Buddhist practice survived. He spent some time (two years, 520—522) in the Udyana and Gandhara region, where some monasteries and relics still attracted devotion. Economically, those regions had suffered from the war. Still, we also learn that Songyun acquired 170 Buddhist sutras to bring back to China, suggesting that monasteries and scholars in those areas were still active enough to provide texts. His route back to China is less clearly documented. By early 522, he was back in Luoyang and speaking the scriptures (Egami 1990: 213—215). Songyun’s journey offers a picture of the transition in mid-sixth-century Central Asia. Politically, the rule of the Hephthalite Huns is the defining feature. He literally traveled under their auspices when he crossed into Tokharistan. The reach of their empire “reaches Khotan,” as he noted, indicating that even oasis states like Khotan probably recognized Hephthalite sovereignty at that time (Chavannes 1903: 388—390). Culturally, Buddhism was still present throughout Central Asia, but in places like Gandhara, it faltered due to conflicts. The ethnic landscape included the nomadic Huns, who ruled over heterogeneous populations of Iranians, Indians, and Tocharians. Songyun’s account, though fragmentary, emphasizes the contrast between a still-Buddhist Tarim basin and a war-torn northwest, foreshadowing the changes that would further transform Central Asia in the next century.

Following Faxian and Songyun, other pilgrims also set out to reach India. While some prominent monks, such as Yijing, preferred to travel via a maritime route that became more accessible thanks to the developments in the naval technologies that were brought about by the interactions in the Indian Ocean, one of the most prominent monks to have visited India, Xuanzang, preferred a land route via Central Asia. Xuanzang’s journey in the seventh century is the most famous and well-documented of the four travel accounts discussed in this article. By Xuanzang’s time, the political map of Central Asia had been altered again. The Hephthalite Empire had disappeared, replaced by new powers: the Western Türk Khanate in the Transoxiana and Semirechye regions and a patchwork of smaller kingdoms, some under the suzerainty of the Western Türk khanate in the Tarim Basin and Afghanistan. Xuanzang’s travels, meticulously recorded in his 大唐西域記 Great Tang Records of the Western Regions, provide an unprecedented detailed investigation of the geography and conditions of Central Asia around 630—645 CE.

Xuanzang left Chang’an illegally in 629 since the Tang court, concerned about its own consolidation, had forbidden foreign travel (Benn 2002: 21—22). He was motivated by a burning desire to obtain authentic Buddhist teachings in India and perhaps diplomatic ambitions (Xuanzang 1884; 2000, chapter 1). His route out of China took him through the Hexi Corridor and the Northern Silk Road. Before beginning an account of the different countries he visited, Xuanzang begins with a Buddhist cosmology where he depicts different continents of the world in a way that befits both Chinese and Buddhist audiences. He first praises the previous Chinese emperors and then continues to

praise Tang Taizong. Then he goes on to depict the continents around Mount Sumeru, the Jambu continent, and the countries of the lord of men, elephants, horses, and treasures. These are not exact definitions, especially in the cases of the land of the lord of horses and the land of the lord of treasures. The land of the lord of men corresponds to China both geographically and culturally. The Land of the lord of Elephants is a rough definition of India in terms of its geographical positioning in the south and the description of its geography. The land of the lord of horses, on the other hand, seems to comprise the nomadic peoples of Eurasia, and the land of the lord of treasures might be either Rome or Persia or an amalgam of the two and the Sogdians of Transoxiana. Furthermore, he holds the land of the lord of men, that is, China, in the highest regard, and the lands of the lord of treasures and horses are given a relatively lower place regarding their geographical and cultural qualities. This introductory cosmology sets the stage for his approach to the Central Asian geography and its peoples. He first visited the Kingdom of Gaochang (Turfan), an ethnically Tocharian city-state ruled by a Han Chinese king from the Qu clan. There, the devout Buddhist ruler provided Xuanzang with patronage, supplies, and letters of introduction (Grousset 2011: 98). This hospitality illustrates how, at the beginning of the Tang era, the oasis kingdoms still respected the Buddhist clergy and saw value in helping their pilgrimage. Xuanzang noted that Agni (Yanqi, Karashahr) and Kucha, other nearby oasis states, used modified Indian scriptures and had thriving Hinayana Buddhist communities, indicating a strong Indian influence in local literacy and religion (Xuanzang 2000, chapter 1). For example, Kucha had “over a hundred monasteries with five thousand monks” dedicated to the Sarvastivada school (Xuanzang 2000: chapter 1), and his study of texts in the original Indian languages left a deep impression on Xuanzang.

Continuing westward, Xuanzang made a dramatic detour north of the Tian Shan range to meet the Western Türk qaghan. In 630, on the northwestern frontier of the Issyk-Köl region (near Tokmak, in present-day Kyrgyzstan), he met the Western Türk Khan Tong Yabgu, who received him in a royal camp and held a feast in his honor (Xuanzang 2000; 2016). This meeting underlines the diplomatic aspect of Xuanzang’s mission: as a Tang monk abroad, he cultivated the goodwill of Central Asian rulers. The Western Türk Khanate at this time controlled Sogdiana (Samarkand, Bukhara) and beyond, although vassal tribes loosely organized it. A rare glimpse into politics and actions performed by rulers in Central Asia current during the late 8th century may be found in Xuanzang’s account. He describes the khan’s rule. Also, he notes the unrest that followed the khan’s death: as he moved through the Sogdian territories (Samarkand, Bukhara, the Oxus Delta), he observed “warring factions of ruling Turkic chieftains, with rampant disease and pestilence,” and many areas depopulated (Xuanzang 2000: chapter 1). This probably alludes to the internecine wars that broke out between the Western Türk factions in the 630s and a possible pestilence or famine. Despite these problems, major cities were still standing. Xuanzang visited Samarkand (capital of Kang Kingdom), describing it as a large and prosperous city where “numerous heretics” worshipped in fire temples, and only a few Buddhists remained (Xuanzang 2000: chapter 1). His use of the term “heretics” for non-Buddhists indicates that in the seventh century, Zoroastrianism and local pagan cults (practiced by the Sogdians) dominated religion in Sogdiana. At the same time, Buddhism was marginal, a reversal of the Tarim Basin, where Buddhism was the mainstream religion.

Turning south, Xuanzang crossed the dangerous highlands of Tokharistan. In these regions, he found a series of small kingdoms ruled by local princes, some under the sovereignty of Western Türk Khanate, others newly independent. Tokharistan had more districts; Xuanzang noted it as a land where Hinayana Buddhism persisted in many cities (Xuanzang 2000: chapter 1). Later, in Bamiyan and Kapisi, modern-day Kabul, he was pleased to meet thriving Buddhist communities. He famously described the colossal statues of Buddha carved into the rock of Bamiyan and reported that the devout king of Bamiyan had built monasteries around these giants (Xuanzang 2000: chapter 2). This suggests that the eastern fringes of the Iranian world still lived in a Buddhist golden age at the beginning of the seventh century. Xuanzang’s narrative tells of the bustling monasteries of Bamiyan and the veneration of relics such as the Buddha’s ushnisha (cranial protuberance) at Hadda. Interestingly, Faxian had visited the same shrine as the relics two centuries earlier.

Xuanzang notes the continuity, although he measured the relic as larger than in Faxian's time (Faxian 1995: 57; Xuanzang 2000: chapter 1). This kind of longitudinal observation, a pilgrim explicitly comparing his discoveries with the documentation of a predecessor, demonstrates the conscious historicity of Xuanzang's work. It shows conscious awareness of change over time: during Xuanzang's visit around 630, he observed the decline of Buddhism in areas such as Udyana and Gandhara, where "Buddhism was in decline and Hinduism was on the rise (Xuanzang 2000: chapter 1), in contrast to the Faxian era.

In economic and geographical terms, Xuanzang provides quantitative notes rarely seen in earlier pilgrims. It details the distances, climate, agricultural products, and currencies of the various states. For example, in Khotan, which he visited on his return journey via the southern road around 644 CE, he gave the longest account of any pilgrim, mentioning his two names (Kustana in Sanskrit, Huanna in the local language, vs. Yutian in Chinese, and telling his founding legend at length (Xuanzang 2000: chapter 1). He also commented on the language and the script of Khotan. He noted that the kingdom was still devoutly Buddhist, with many monasteries evidence that Khotan remained a bastion of Buddhism even as faith declined in the adjacent regions (Xuanzang 2000: chapter 12). Another economic detail: Later sources attribute to Xuanzang the observation that the Khotanese used white silk as currency in local markets (Xuanzang 2000: chapter 1), reflecting an economy with trade networks spanning into China. Throughout Central Asia, Xuanzang was sensitive to trade and manufacturing. For example, he mentions that Samarkand produced abundant gold, silver, and textiles and that Bukhara had fine grapes and thriving markets. While his primary focus was religion, Xuanzang's attention to worldly details makes his record a valuable geographical work on the Central Asia of the seventh century (Waley 2011: 23—29).

In essence, Xuanzang's journey illustrates Central Asia as a region at the crossroads of change: the rulers of the Central Asian steppes exercise power over the Sogdian and Tokharian cities; Buddhism resists strongly in the Tarim and Kapisi regions but is declining in long-standing borderlands such as Gandhara; trade continued along the Silk Road, although instability in the Western Türk Khanate posed new risks to travelers. His academic and diplomatic approach produces an almost encyclopedic account, bridging the gap between an earlier era of Buddhist Central Asia and the future age of Islamic influence.

Hyecho (724—727 CE): in the Wake of Islam — the Observations of a Korean monk

By the time Hyecho embarked on his pilgrimage in 720 CE, Central Asia had entered another new phase. Hyecho, a Korean Silla monk, embarked on his journey about 80 years after Xuanzang, during China's Tang Dynasty and the early years of the Islamic Umayyad Caliphate. His route differed from his Chinese predecessors: Hyecho traveled Central Asia on his return from India to China. Arriving in India by sea in 724 and spending over two years visiting Buddhist holy sites across the subcontinent, Hyecho did not retrace the sea route but ventured further west to the frontiers of the known Buddhist world. "Where the pilgrimages of others ended, however, the one to Hyecho continued westward," notes a modern study: he traveled to Persia, making him "the only Buddhist pilgrim of his time known to have traveled to Persia" (Buswell 2009: 1059) In doing so, he became one of the first East Asian witnesses of the early Islamic world.

Hyecho's travelogue, Wang Ocheonchukguk Jeon 往五天竺國傳 (Hyecho 2023). Account of the Journey to the Five Indian Kingdoms, translated to English as The Hye Ch'o Diary: Memoir of the Pilgrimage to the Five Regions of India (Hyecho 1984) and survives only in fragmentary form discovered in a cave in Dunhuang in 1908 (Lopez 2017, 23). Nevertheless, it provides acute observations of Central Asia around 726-727. After leaving Gandhara at the end of 726, Hyecho passed through Udyana and went towards Gandhara. He visited Bamiyan and headed to Tokharistan. In Gandhara, he noticed that a Turkic king, most likely of the Turkic Shahi dynasty, still ruled and, together with local chiefs, greatly revered the Three Jewels (Hyecho 2023: 36—44).

This indicates that by the early 8th century, the Kapisi region remained under a Turkic Buddhist royal house, continuing the legacy of Buddhist patronage even as the surrounding areas changed.

When Hyecho moved west into Khorasan and Tokharistan, he encountered the expanding realm of Islam. The Arab armies of the Umayyad Caliphate had pushed into Central Asia by the mid-seventh century, and by 720s they controlled much of Tokharistan and parts of Sogdiana. Hyecho arrived during a period of transition: he describes Tokharistan as "subjugated by the Arab army but notes that the local king was probably a vassal prince and the common people still worshiped the Three Jewels and did not practice heterodox religions. Heterodox here supposedly refers to Islam; thus, Hyecho explicitly notes that the native population of Gandhara remained Buddhist despite being under Islamic political control. This is a valuable testimony to the persistence of Buddhism in Central Asia even after Islamic conquests, a nuance sometimes lost in later historical narratives. However, Hyecho also points to the unrest caused by the new rulers: newly installed Muslim governors imposed "excessive taxes," which led to local rebellions that were "quelled by the powerful Arab army" (Hyecho 2023: 45—52). These lines encapsulate the turmoil of the first Muslim rule in Central Asia: economic pressure and resistance, followed by harsh reprisals. They also suggest economic decline or hardship: the heavy taxation likely reduced the prosperity of the cities that Xuanzang had seen generations earlier.

Hyecho's journey westward probably reached the margins of Persia proper, perhaps in greater Khorasan. Discovering that Buddhism had no presence beyond, he "headed east, traveling through Central Asia along the Silk Road trade routes, and stopping in the oasis city of Dunhuang around 727" (Hyecho 2023: 51—53). His return route took him through the oases of Central Asia to Tang China, perhaps passing through Badakhshan through the Pamirs and then the Tarim Basin before arriving at Dunhuang. Although details of his stops are scarce, he no doubt saw evidence of the Tang-Tibetan struggle that was taking place in Central Asia: Tang China had garrisons in Kashgar and Khotan in the 720s, while the Tibetan Empire was pushing towards the Pamirs. Hyecho does not explicitly mention these imperial rivalries, but the context of his journey which moved under the protection of the Tang once he approached Chinese territories implies their presence.

Hyecho's narrative portrays a Central Asia in which Buddhist, Turkic, and Islamic forces coexisted uneasily. In Bamiyan and Kapisi, he saw the last glimmers of the Buddhist civilization that had thrived under the Kushans and Hephthalites, still intact but now isolated. In Tokharistan and beyond, he witnessed the implementation of Islamic rule on a Buddhist and Zoroastrian population, essentially capturing the region at the time of religious transformation. Ethnically, the Turks had become key players as nomadic suzerains and local kings as in the case of the Turkic Shahis of Kapisi. The Arabs were newcomers, described by Hyecho more in political than cultural terms as he labels their rule as "heterodox" and focuses on its effects. The economy and cities of Central Asia, according to Hyecho's account, were under great pressure: rebellions and taxes suggest a decline compared to the relative stability of Xuanzang's time (Hyecho 2023: 33—50). Yet, long-distance trade had not ceased: Hyecho's ability to travel from India to Persia and back to China in four years speaks to the enduring connectivity of the Silk Road, indicating the breadth of geographical knowledge that could be achieved along these routes even amid changing political winds.

Conclusion

Comparing accounts from Faxian, Songyun, Xuanzang, and Hyecho, we distinguish the dynamic changes in Central Asia over three centuries.

From the discussions above, several comparative ideas can be deducted:

Political transformations

Each pilgrim encountered a different dominant power structure in Central Asia. Faxian saw a constellation of independent Buddhist oasis states without a single great power in control: the influence of the Kushan Empire had long since diminished, and neither China nor Persia dominated beyond their borders at that time. By Songyun's journey, the Hephthalite Huns had forged a vast

nomadic empire: he witnessed their king firsthand and noticed their authority reaching Khotan. The Xuanzang era brought the rise of Turkic hegemony: it was hosted by the West Türk Khan and saw the local kings submit to Turkic lords although the Tang dynasty was beginning to extend its influence in the Tarim basin. Finally, Hyecho traveled when Islamic rule had penetrated Central Asia: unlike his predecessors, he explicitly mentions Arab governors and the imposition of a new political order in Tokharistan. However, Hyecho also refers to the Tang presence and Tibetan pressure on the fringes of the region. Consequently, in the span of 300 years Central Asia has shifted from a collection of Buddhist kingdoms to a disputed region of empires, first nomadic (Huns, Turks) and then the first Islamic caliphate, with competing Chinese and Tibetan states on the fringes. Pilgrims' accounts serve as indicators of these changes, whether one notes the lack of fortifications under nomadic rule or the presence of foreign troops and tributes, Xuanzang on the Turkic "masters" and Hyecho on the Arab tax lords.

Continuity and change in Buddhism

All four pilgrims were devout Buddhists, and their main concern was often to record the state of Buddhism in the lands they passed through. A clear trend is the gradual contraction of Buddhism's dominance in Central Asia over time. In Faxian and Songyun's accounts, virtually every place from the Tarim Basin to Gandhara is described as Buddhist, although Gandhara was damaged by the war in Songyun's time. Xuanzang still found vibrant Buddhist communities in the oases of Tarim, Kashmir and Afghanistan even reinvigorating some with his teachings. Yet he also encountered regions such as Samarkand where Buddhism barely had a foothold among the prevailing Zoroastrian cult or other local cults. By Hyecho's time, the Buddhist heart had shrunk to pockets: for example, the Kabul Valley and parts of the Tarim. Hyecho's poignant remarks about once-grand monasteries lying in ruins and some cities "having no monks" illustrate this decline (Hyecho 2023: chapter 1). The advent of Islam greatly accelerated the shrinkage of Buddhism in Tokharistan and Sogdiana, but even before Islam, Xuanzang noted that in Sogdiana people "do not believe in Buddha" (Xuanzang 2000: 122—124). Thus, the pilgrim records collectively trace the ebb of Buddhism moving from west to east: strong in the eastern oases in all periods, it disappears first in the far west, Transoxiana, and eventually also in strongholds such as Balkh and Kapisi under the pressure of Islam and the Hindu revival. In particular, all travelers also mention the flourishing of Buddhism in more sheltered niches: the Khotan, for example, remained a bastion of Mahayana Buddhist scholarship throughout, as evidenced by the large number of texts and the lively monastic hospitality that both Faxian and Xuanzang describe. The resilience of Khotan's Buddhist community, even if neighbors have fallen, underlines how geography allowed it to be the last refuge of the Buddhist culture of that era in Central Asia.

Ethnic and cultural interactions

The travelogues draw Central Asia's multi-ethnic and multicultural maps. Faxian and Xuanzang both noted the influence of Indian culture on Central Asian societies: for instance, the dress and language in Loulan, where people wear Chinese style clothing yet observe Indian customs, as well as the use of Indian scripts and languages in Kucha and Khotan. This demonstrates the deep penetration of Indian civilization into Central Asia via Buddhism. At the same time, Iranian and Turkic influences became more pronounced in later accounts. Songyun's encounter with the Hephthalites brought him face to face with a Turkic nomadic elite. Xuanzang provides vivid ethnographic observations about the Turks — depicting them as brave, generous, and honest warriors by nature and the Sogdians, whom he regarded as prosperous traders but adherents of "heretical" (non- Buddhist) ideas. Hyecho, on his part, encountered the Arabs and early Islam. His terminology "heterodox religion" reflects a Buddhist perspective that did not completely grasp the doctrines of Islam but clearly respected the influence of the Arabs, even while lamenting their

impact on Buddhist communities. Through these narratives, we can observe multilingualism and translation in action: pilgrims frequently mention the necessity for interpreters or learning foreign phrases, indicating that Central Asia was linguistically diverse, with languages including Sanskrit, Prakrit, Gandhari, Khotanese, Tokharian, Sogdian, Turkish, Chinese, and eventually Arabic in use. The ethnic mosaic is also clear: for example, the Khotan of Faxian and Xuanzang was inhabited by an Indo- European people (Sakha) who practiced Buddhism, the Kapisi of Songyun was ruled by the Hunnic king Mihirakula, Xuanzang met Tangut and Chinese monks in Turfan, and Hyecho encountered a Turkic ruler in Kapisi alongside Arabs in Tokharistan. Through their interactions and observations, each traveler sustains that Central Asia was a site of intercultural contact: the Chinese, Indian, Iranian, Turkic, and later Arab worlds intersected there.

Economic geography

Although pilgrims were not traders, their accounts shed indirect light on economic conditions and geographic business patterns. Urban prosperity against decline can be traced: Faxian's enthusiastic account of the wealth of Khotan monasteries suggests economic well-being (Faxian 1995: 16—18), as does Xuanzang's praise of the fertile soils and bustling markets of Samarkand and Bukhara where he saw abundant harvests and trade. However, Xuanzang has also witnessed war-torn regions; he speaks of cities in Sogdiana emptied of conflict and disease implying that by the 7th century, decades of Turko-Persian warfare had taken a toll on some trade arteries (Xuanzang 2000: 122—127). Songyun's note that the Huns "destroyed the country" in Gandhara similarly indicates the economic collapse in 520 CE (Beal 1869: 91). Hyecho's mention of exorbitant taxes and rebellions in Tokharistan suggests economic tension under the first administration of the Caliphate, which probably disrupted local trade and agriculture. Yet, despite the episodic interruptions, the continuity of trade is a surprising underlying theme: all four could travel thousands of kilometers precisely because the caravans still traveled those routes. Pilgrims often relied on the hospitality of monastic networks, which were supported by mercantile patronage. They also describe goods and wealth: silk appears both as a donated object and also as money as in Khotan; precious metals and aromatic properties are occasionally noted as in Xuanzang's observations on the gold and grapes of Samarkand and Bukhara. Thus, accounts confirm that transcontinental trade was the lifeblood of these cities, and political powers, from Hunnic chieftains to Arab governors, sought to control and tax that trade. The variance in the economic fortunes that pilgrims record is often related to political stability: for example, Xuanzang found Kucha and Turfan prosperous and secure, thanks in part to a stable government, while regions under scrutiny by the Huns or Turks were impoverished. Over time, the place of wealth shifted: in the beginning, the Tarim and Gandhara were wealthy; by the seventh century, Transoxiana had re-emerged as a wealthy nucleus under the Western Türk Khanate until the war destroyed it, and by Hyecho's time some of that wealth had been hijacked by the new Arab rulers. The underlying geography, fertile valleys like Fergana and well-watered trading ports like Samarkand, remained a constant which stood the test of time despite the geopolitical shifts around them.

The accounts of Buddhist pilgrims collectively form a narrative of the history and geography of Central Asia from the late fourth to the early eighth centuries. Through their eyes, we see how political dominance over Central Asia passed from one group to another, how Buddhism spread and then retreated, how a diversity of peoples met and mixed, and how the trade routes survived as a conduit throughout. These narratives, when read side by side and integrated with modern studies, allow us to redraw a detailed picture of the states and cities of Central Asia during this crucial period. What emerges is a region in constant change but linked together by shared networks of faith and commerce. Each pilgrim's testimony adds a layer: Faxian's optimism on a Buddhist frontier, Songyun's testimony of nomadic conquest, Xuanzang's comprehensive investigation at the height of Tang-era engagement, and Hyecho's sincere look at a world where a new faith was taking hold. Together, they provide an unprecedented longitudinal study of the historical geography of Central Asia, solely "from the bottom up", i.e. from the point of view of travelers who experienced first-

hand the landscapes and societies of medieval Inner Asia. Their writings remain indispensable primary sources for understanding the pre-modern Central Asia and its transformations, rendered with an academic rigor on which modern historians continue to rely and refine.

References

Beal, S. 1869. *Travels of Fah-Hsian and Sung-Yun: Buddhist Pilgrims from China to India (400 A.D. and 518 A.D.)*. London: Trübner and Co.

Benn, C. 2002. *China's Golden Age: Everyday Life in the Tang Dynasty*. Oxford: Oxford University Press.

Buswell, R.E. 2009. Korean Buddhist Journeys to Lands Worldly and Otherworldly. *The Journal of Asian Studies* 68 (4), 1055—1075.

Chavannes, E. 1903. Voyage De Song Yun Dans L'udyāna Et Le Gandhāra. *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient* 3 (3), 379—441.

Egami, N. 1990. 中央アジア史 [Chûô Ajiashi]. Tokyo: Yamagawa Shuppansha.

Faxian. 1995. 佛国记注译 [Foguoji Zhuyi]. Changchun: Changchun Chubanshe.

Grousset, R. 2011. *Stepler İmparatorluğu Attilâ*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Hyecho. 1984. Hye Cho Diary: Memoir of a Pilgrimage to the Five Regions of India. Seoul: Asian Humanities Press.

Hyecho. 2023. 往五天竺國傳 [Wang Ocheonchukguk Jeon]. Available at: https://zh.wikisource.org/zh-hant/徃五天竺國傳 (accessed 25.03.2025).

King, M.W. 2022. I*n the Forest of the Blind: The Eurasian Journey of Faxian's Record of Buddhist Kingdoms*. New York: Columbia University Press.

Legge, J., Faxian. 2005. *A Record of Buddhistic Kingdoms*. New York: Cosimo Classics.

Lopez, D.S. 2017. *Hyecho's Journey: The World of Buddhism*. Chicago: University of Chicago Press.

Sen, T., Duara, P. 2016. *Buddhism, Diplomacy, and Trade: The Realignment of India—China Relations, 600—1400*. New York; London: Rowman & Littlefield Publishers.

Waley, A. 2011. *The Real Tripitaka And Other Pieces*. London: Routledge.

Wang, Z. 2016. 魏晋南北朝史 [Wei Jin Nanbei Chaoshi]. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe.

Wei, S. 1974. 魏書 [Weishu]. Beijing: Zhonghua Shuju.

Xuanzang. 1884. Si-yu-ki : Buddhist records of the Western World. London: Trübner & Co.

Xuanzang. 2000. 大唐西域记校注 [Da Tang Xiyuji Jiaozhu]. Beijing: Zhonghua Shuju.

Xuanzang. 2016. The Great Tang Dynasty Record of the Western Regions. California: BDK America, Inc.

Zhou, W. 1983. 吐谷浑史 [Tuyuhunshi]. Guilin: Guangxi Shifan Daxue Chubanshe.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.82.60.022

Arkadi Akopov, Armen Hayrapetyan, Sergo Hayrapetyan

TAYK IN THE 16TH — 17TH CENTURIES: DEMOGRAPHIC AND RELIGIOUS TRANSFORMATION OF THE ARMENIAN POPULATION*

This study examines the demographic and religious transformations that occurred among the Armenian population in the historical province of Tayk in the 16th and 17th centuries. Utilizing primary sources and Ottoman tax registers, it provides a detailed analysis of population dynamics, the complex structure of both rural and urban households, and shifts in the ethno-confessional landscape under conditions of sustained political and military pressure. The evidence indicates that Tayk underwent a profound demographic crisis in this period, marked by a sharp decline in total population, the depopulation of numerous villages, and the growing influence of Muslim settlers. These events were accompanied by deep religious change, culminating in the gradual Islamization of part of the Armenian population and the transformation of the Christian majority into a minority. The factors that led to these processes, including wars, resettlements and the tax policy of the Ottoman Empire, have been studied.

Key words: Tayk, Armenian population, demographic changes, ethno-confessional transformation, resettlement, Islamization, Ottoman Empire, migration, population crisis, Christianity.

About the authors: Akopov Arkadi[1], Candidate of Sciences (History), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Hayrapetyan Armen[2], Candidate of Sciences (History), Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Hayrapetyan Sergo[3], Doctor in Philology, Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

Contact information: [1-3]3115, Armenia, Gyumri, 5a Vazgen Sargsyan St., Shirak Center of Armenological Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, e-mail: [1]arkadone1@gmail.com, [2]armenani@mail.ru; [3]serhayr@mail.ru.

А.А. Акопов, А.С. Айрапетян, С.А. Айрапетян

ТАЙК В XVI—XVII ВВ.: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В данном исследовании рассматриваются демографические и религиозные трансформации, произошедшие среди армянского населения исторической провинции Тайк в XVI—XVII вв. Опираясь на первоисточники и османские налоговые регистры, данное исследование представляет собой тщательный анализ динамики населения, сложной структуры сельских и городских семей, а также эволюции этноконфессиональной демографии в условиях широкомасштабного политического и военного давления. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в этот период Тайк пережил глубокий демографический кризис, характеризующийся значительным сокращением общей численности населения, при этом многие деревни обезлюдели или попали в сферу влияния мусульманских иммигрантов. Эти события сопровождались значительными религиозными трансформациями, кульминацией которых стала постепенная исламизация части армянского населения и превращение христианского большинства в меньшинство. Изучены факторы, приведшие к этим процессам, включая войны, переселения и налоговую политику Османской империи.

* The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25RG-6A091).

Статья поступила в номер 25 августа 2025 г.
Принята к печати 11 сентября 2025 г.

© Arkadi Akopov, Armen Hayrapetyan, Sergo Hayrapetyan, 2025.

Ключевые слова: Тайк, армянское население, демографические изменения, этноконфессиональная трансформация, переселения, исламизация, Османская империя, миграция, кризис населения, христианство.

Сведения об авторах: Акопов Аркадий Артемович[1], кандидат исторических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Айрапетян Армен Сергоевич[2], кандидат исторических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения; Айрапетян Серго Артушевич[3], доктор филологических наук, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения.

Контактная информация: [1-3]3115, Армения, г. Гюмри, ул. Вазгена Саргсяна, д. 5а, Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии Наук Республики Армения, e-mail: [1]arkadone1@gmail.com, [2]armenani@mail.ru, [3]serhayr@mail.ru.

Introduction

Tayk, as the north-western province of historical Armenia, underwent significant political, demographic and religious changes in the 16th — 17th centuries. This was due to the territorial expansion of the Ottoman Empire and internal administrative, political and social transformations within the empire. Political reforms, socio-economic changes and religious-political dynamics in the region during this period had a strong impact on the demographic and ethno-religious profile of Tayk, especially in terms of the transformation of the religious affiliation and identity of the Armenian population.

The purpose of this article is to rethink and reconstruct the demographic and religious profile of the Armenian population of Tayk in the 16th — 17th centuries based on an analysis of various sources. The article examines the region's position in the administrative and political system of the Ottoman Empire, the methodological features of population accounting, the formation of the ethno-religious profile, and the process of Islamization that began in the 17th century.

The main objectives of the study are as follows: to analyse the administrative and political status of Tayk within the Ottoman Empire and its impact on the socio-political situation of the local population; to identify the logic behind the methods used to record population numbers, their advantages and limitations; to reconstruct the ethno-religious profile of Tayk based on an analysis of Ottoman tax records; to assess demographic processes in the first half of the 17th century, considering the phenomenon of Islamization not only as a religious and political tool imposed from above, but also as a reflection of the local socio-economic and legal environment.

The relevance of the study is determined by contemporary trends in historiography, which seek to deepen the study of regional histories, especially in the context of border and peripheral provinces, rethinking the processes of transformation of ethno-religious identity.

The scientific novelty of the article is evident on several levels. First, unlike previous studies, it raises the issue of the Islamization of Tayk, taking into account both administrative and political factors and local socio-economic factors. In addition, the article draws on source data that has not yet been comprehensively analysed in the specialist literature. Particular attention is paid to statistical information reflected in Ottoman tax registers, the joint analysis of which allows us to reconstruct the multi-layered social structure of this period.

Despite the existence of individual reviews and works of a general nature, the issue remains poorly studied, as in the context of regional history, Tayk has generally been overlooked by historians, especially in terms of demographic and religious changes. The present article aims to address this lacuna, thereby stimulating further interest in the topic within the fields of Armenian and Ottoman studies.

Tayk in the Administrative and Political System of the Ottoman Empire in the 16th — 17th Centuries

The Ottoman Empire, which emerged at the end of the 13th century, turned its attention to the East in the last quarter of the 14th century. In 1473, after defeating the forces of Ak Koyunlu Uzun Hasan in the battles of Erzinjan and then Derjan, the Ottomans invaded the western regions of Armenia (Anasyan 1961: 51). From the beginning of the 16th century, a fierce rivalry unfolded between the Ottoman Empire and Safavid Persia for control of Armenia. Almost a century and a half of war ended with the Treaty of Kasr-i Shirin in 1639, which cemented the victory of the Ottoman army.

Immediately after the conquest of the western provinces of Armenia, the Ottoman authorities took measures to fully integrate them into the administrative and political structure of the empire. The main instrument for implementing this programme was periodic administrative and territorial reforms aimed at transforming both the political system and the demographic picture of the region (Safrastyan 1960: 285). The main task of the state was to convert the local Christian, predominantly Armenian population to Islam. The administrative division of the newly conquered lands into large and small units served as a mechanism for strengthening the empire's control and systematically transforming the ethno-demographic structure of the region.

In the early period of Ottoman rule (before the first half of the 16th century), the Armenian regions of the empire were divided into six eyalets (provinces): Erzurum, Van, Kars, Akhaltsikhe, Sebastia, and Diyarbekir.

According to the Turkish historian Feridun Bey, in the 16th century, the territory of the province of Tayk in historic Armenia was included in the three aforementioned eyalets. In particular, the districts of Tortum and Mamrvan were annexed to the Erzurum Eyalet, the districts of Olti and Berdagrak to the Akhaltsikhe Eyalet, and Gole to the Kars Eyalet (Safrastyan 1964: 219—220). It should be noted, however, that Feridun Bey's account is incomplete, as the author does not consider the fate of a number of other areas of Tayk. It can be assumed that the remaining part of the historical province was also included in the above-mentioned administrative units.

Interesting information about the administrative and demographic picture of Tayk in the 16th century has also been preserved in the “Extensive register of the Gurjistan Vilayet”. Unlike Feridun Bey's testimony, the “Extensive register of the Gurjistan Vilayet” does not include the districts of Berdagrak, Livane and Shavset in the Akhaltsikhe Eyalet. They were most likely governed as hereditary estates under the “yurdluk” and “ojaklik” systems (Svanidze 1984: 194). Instead of the above-mentioned districts, the document mentions: the district of Banak with the nahiyes of Banak, Kiyamkhis and Panazkert (Jikia 1958: 558—559), the district of Olti with the nahiyes of Ketkhut, Mzvari, Chrdili, Bardus, Andzav, Arsad, Chanuchur (Jikia 1958: 595—603), and the district of Small Ardahan (Jikia 1958: 499).

Administrative and territorial reforms in the newly conquered regions continued into the 17th century. According to a report by Kätib Çelebi, as a result of reforms carried out in the first half of the 17th century, the territory of historic Tayk was divided between the Akhaltsikhe and Erzurum eyalets. The Akhaltsikhe Eyalet included Soke, Banak, Mamrvan, Berdagrak, and Gyole, which was part of Little Ardahan, while the Erzurum Eyalet included Tortum and Mamrvan (Safrastyan 1964: 41).

According to the Turkish historian Evliya Çelebi, in the second half of the 17th century, the region underwent another administrative reform. The main changes took place in the Akhaltsikhe Eyalet: the new eyalet had 13 districts instead of the previous 18. The territories belonging to Tayk were incorporated into the districts of Olti, Banak, Berdagrak, Artanuj and Livane (Safrastyan 1966: 26). Tortum and Mamrvan remained part of the Erzurum Eyalet, while Gyole, part of the Small Ardahan district, was once again incorporated into the Kars Eyalet (Safrastyan 1964: 26—27).

The fourth administrative-territorial reform carried out by the Ottoman authorities in Western Armenia took place at the end of the 17th century. This is reported in the tax register entitled “Jaba-defter of the Childir Eyalet”. This time, the main changes took place in the Akhaltsikhe Eyalet: as a

result of the new reform, the province expanded to include 21 districts and became a border region. As for Tayk, all of its districts were included in the Akhaltsikhe Eyalet, with the exception of the Tortum district, which, as before, remained part of the Erzurum Eyalet (Abuladze 1979: 100—204).

Administrative and territorial reforms in the eastern provinces of the Ottoman Empire continued until the beginning of the 20th century. Their frequency was determined by the military and political interests of the empire and was aimed at strengthening and stabilising the central government's control over the border areas.

Features of the methodology for calculating the population of Tayk

As a historical region of the Armenian Highlands, Tayk played a particularly important role in shaping the socio-political and cultural life of the region in the 16th — 17th centuries. Therefore, studying the demographic processes that took place here during this period allows us not only to reconstruct a comprehensive demographic picture of the region, but also to identify the course of socio-economic development and assess the impact of ethno-confessional transformations. At the same time, the research is complicated by the fact that the sources that have come down to us are fragmentary, and the information they contain is often contradictory. In these conditions, methodological issues become fundamental to the entire research process.

Statistical data on the population of Tayk and, in general, Western Armenia have been preserved in various types of sources. These include Ottoman administrative and tax registers, the testimonies of Armenian chroniclers, and church registers. However, each of these sources was created for a specific purpose and is of limited value from a statistical point of view.

The main purpose of the Ottoman tax lists was to collect taxes, so they usually only included male taxpayers. As for the patriarchal registers, they were never published in full, and the number of Armenians in them was deliberately underestimated in order to ease the tax burden (Akopov 2013: 117—118).

In terms of gender differentiation, family composition and accurate population accounting, Turkish official almanacs (salname) and censuses were also extremely imperfect. Officials often limited themselves to information provided by village elders, which was deliberately overstated and significantly differed from reality.

The study of Tayk demographics faces a number of methodological problems. The first is the selectivity of the data: the surviving records mainly include only men who were subject to taxation or military service. As a result, women, children and the elderly are not included in the records. The second problem is temporal shifts: records from different sources refer to different years and therefore do not reflect the reality of the same period. The third problem concerns religious and ethnic affiliation, as Armenians and other peoples were classified according to religion — Muslims and non-Muslims. The difficulty here is that it is often difficult to determine the ethnicity of Christians and Muslims based on tax list data.

All these factors significantly complicate the reconstruction of the real demographic picture of Tayk. The combination of these circumstances makes it particularly difficult to reconstruct the accurate demographic structure of the region.

Under these conditions, the most reliable method is considered to be the family-based registration of villages by districts and eyalets, followed by the determination of the number of families and the average number of members in each family. According to primary sources, Armenian peasant families were usually large. While in cities, extended families rarely exceeded 15—20 people, in villages there were households of 30, 40 and even 50 people (Yeritsyan 1880: 216—217). This phenomenon can be explained not only by the need to avoid fragmentation of land, but also by the desire to ensure property and personal security. According to the observations of Academician A. Melkonyan, the average number of members in an Armenian family was 8, in a Turkish family 6—7, and in a Kurdish family even fewer (Melkonyan 1994: 111—112). In our

opinion, the calculation formula characteristic of other regions of Western Armenia is also applicable to Tayk.

In summary, it can be noted that the methodological features of calculating the population of Tayk are determined both by the nature and fragmentary nature of the sources and by the historical and political situation in the region. In the 16th — 17th centuries, the territory was under the rule of the Ottoman Empire, which influenced both the mechanisms of administrative accounting and the formation of the real demographic picture. Consequently, the study of population size is only possible through a comprehensive and multi-level approach that includes source analysis, demographic modelling, and a comprehensive analysis of the historical and political context.

The ethno-religious picture of Tayk in the second half of the 16th century

A comparison of Armenian, Georgian and Ottoman sources from the period in question clearly shows that, despite unfavourable ethnic shifts for Armenians in previous eras, the majority in Tayk was made up of the indigenous Armenian population (both Apostolic and Orthodox) until at least the second half of the 16th century. A comprehensive study of Ottoman tax registers from this period shows that the vast majority of the population had Armenian or Georgian names, or names widespread among these ethnic groups (Jikia 1941: 332—392, Shengelia 2013: 98—160, 237—308).

These tax registers, compiled by order of the Ottoman government, are of great importance for reconstructing the region's demographic picture. For example, the “Extensive register of the Gurjistan Vilayet” provides information on over 1,250 settlements, including depopulated villages, the number of male inhabitants and households, and the elders of those households (Svanidze 1984: 140). It also provides details of the types and amounts of monetary and in-kind taxes. The document also contains information about income-generating facilities, such as fishing grounds on lakes and rivers, orchards, pastures, estates and water mills.

Although the Ottoman tax registers are incomplete and do not fully reflect the ethnic, demographic, and religious composition of the empire's population, they are nevertheless the first statistical documents and are of exceptional importance to researchers of demographic processes.

According to statistics from the “Extensive register of the Gurjistan Vilayet”, the Banak district of Tayk had 61 settlements with 1,790 households (1,432 Christian and 358 Muslim) and a population of about 13,962, excluding estates and depopulated villages (Jikia 1941: 332—392). Christians accounted for over 80% of the total population.

The document also reports the existence of a significant number of mixed Armenian-Georgian villages in the Banak district and, conversely, the rarity of Turkish or Kurdish settlements. This suggests that Ottoman rule in the region was still weak during this period.

Among of the districts of Tayk that were part of the Eyalet of Akhaltsikhe, the Berdagrak district was notable for its sizeable Armenian population. By the end of the 16th century, it had 2,299 households (Paghava 2020: 100) and a population of over 18,000. According to G. Inchichyan, the district retained its Armenian character until the mid-17th century (Inchichian 1806: 132). The large number of Armenian names found in the Ottoman tax lists suggests that Armenians made up more than 80% of the district's population (Shengelia 2013: 294—307).

The Tortum district was also known for its Armenian population. According to the Ottoman tax register of 1574, there were 73 settlements comprising 1,680 households (Shengelia 2013: 237—293) and around 13,440 people. Armenians were unevenly distributed: they constituted more than two-thirds of the population in the following regions of Tortum district — Tortum, Lskav and Agjrik, but a smaller proportion in the north, in the Khakhu region. A significant proportion of the population here was Georgian, which can be explained by the presence of important spiritual centres of Tayk in the region: the monastery complexes of Oshkvank and Khakhu. These belonged to the Chalcedonian tradition and naturally attracted Orthodox settlers. Nevertheless, the head of the village of Khakhu was an Armenian named Girkor son of Kirakos (Shengelia 2013: 270).

Incidentally, there is an interesting point of view in Armenian historiography regarding the Orthodox population living in the Tortum district and throughout Tayk in general. Armenian historian Hakob of Karin wrote: “And the inhabitants of this country were half Armenian by origin and half Georgian by faith, but they spoke Armenian” (Hakob of Karin 1903: 18). H. Tashyan also addressed this issue, stating that: “The phrase “Armenian by origin and Georgian by faith” expresses a difference in religious rather than ethnic terms, as the expression “spoke the Armenian language” already shows. These “Georgians” were Georgians in the same sense as the “Firengi” are now Armenians. Just as during the Byzantine rule we had numerous “Romans” - Armenians, among whom there are still Armenians of the Byzantine rite who preserve the Armenian language, so throughout history we also had “Armenians-Georgians by faith”, not to mention those who became completely Georgianised Hellenised and lost their Armenian identity” (Tashian 1921: 68—69).

The Mamrvan district also had a large Armenian population. Only 32 of its 96 settlements (one third) are listed in detail in the Ottoman tax register. They were home to 531 families, or about 4,200 people, mainly Armenians. The total amount of taxes collected from these 32 villages was 191,000 akçe (Akopov 2021: 106). No demographic data on the remaining 64 (two-thirds) settlements has been preserved in the tax books. However, there is an indication of the amount of taxes — 345,000 akche (Akopov 2021: 107), which is almost twice as much. This suggests that in order to obtain data on the population of the Mamrvan district that is as close to reality as possible, the above figure should be tripled. As a result, we get the following picture: more than 12,000 people lived in 96 settlements of Mamrvan, of whom about 10,000 were Armenians (Apostolic and Orthodox).

In general, for the historical region of Tayk, we have the following picture:

Table 1. **Population of Tayk by region: Christians and Muslims (estimated, late 16th century)**

№	District	Settlement count	Household count	Christians	Muslims	Estimated population
1	Berdagrak	60	2,299	2,299	-	18,392
2	Parkhar	27	810	648	162	6,318
3	Tortum	73	1,680	1,344	336	13,104
4	Tavuskar	40	1,258	941	317	9,747
5	Olti	101	3,082	2,940	142	24,514
6	Mamrvan	96	1,555	1,244	311	12,129
7	Banak	61	1,790	1,432	358	13,962
8	Gyole	40	1,200	960	240	9,360
Total		**498**	**13,674**	**11,808**	**1,866**	**107,526**

In a number of settlements in Tayk, a peculiar phenomenon has been observed that is practically unheard of in other regions of Western Armenia. This is indicative of a parallel onomastic tradition within a family unit. To illustrate this, one may consider the possibility that a father might possess a Georgian name, whilst his son is endowed with an Armenian name, or that brothers within the same family might bear names belonging to different ethnic groups. For instance, Ibrahim, son of Ivan, a resident of the village of Ktsha in the Tortum district, named his son Hakob; Giorgi, a resident of the village of Oshkvank, had two sons, one named Ovlet and the other Hakob; the father of a resident of the village of Betghar, Giorgi, was Khachatur (Shengelia 2013: 249, 258, 285—286); a resident of the village of Thaskurk, Beka, had a son named Azat; one of the sons of a priest from the village of Norberd was named Hovsep, the other was named Saba (Jikia 1941: 344, 386); Saba, a resident of the village of Kiskim in the Berdagrak district, had son named Avak; Grigor, a resident of the village of Vorjnhagh, had the patronymic Makhorobel (Shengelia 2013: 297, 302); Martiros, a resident of the village of Khanirverk in the Mamrvan district, had the patronymic Khvaje; Ghazar, a resident of the village of Upper Khorkhor, had the

patronymic Giorgi; Karapet, a resident of the village of Gompor, had a brother named Makhorobel (Shengelia 2013: 220, 229, 230). Such facts testify to the existence of villages with a mixed population, as well as to the presence of not only tolerance but also friendly relations between the two ethnic groups. This phenomenon can also be explained as a consequence of the spread of Orthodoxy among the Armenians.

Nevertheless, Georgian translators of tax registers S. Jikia and N. Shengelia obstinately decline to recognise this fact. In an effort to demonstrate the pre-eminence of the Georgian element in the region, if not its absolute dominance, then at least its extensive representation, they frequently "Georgianised" Armenians, presenting the names "Grigor" and "Girkor" in the Georgian forms "Grigol" and "Girkol".

As for the Turkic and Turkic-like personal names found in Tayk, a predominantly Armenian environment, their appearance can be explained by the fact that such names were once widespread among the Armenians themselves. As a result, both Armenian and Turkic names could be found within the same family (Tashian 1980: 224—225). For example, in the village of Olurnus in the Mamrvan district a man named Nurkhad, one of the sons was named Martiros and the other Sultan; a resident of Mamrvan named Manvel had the patronymic Karagöz (Shengelia 2013: 213, 216).

To sum up the above, it can be said that in the second half of the 16th century, Tayk continued to preserve its Armenian character and remained an important centre for the preservation of Armenian identity. A comprehensive analysis of Ottoman tax registers shows that the majority of the population was Armenian, both Apostolic and Chalcedonian. As for the Armenian-Georgian mixed settlements and the dual system of name usage recorded in the sources, they reflect the diverse manifestations of religious and cultural interaction in the region.

Demographic Processes in Tayk in the First Half of the 17th Century: The Islamization of the Region

The Turkish-Persian wars of the 16th and 17th centuries had a devastating impact on the Armenian population of Western Armenia, particularly in Tayk. The military actions that were undertaken were accompanied by significant levels of destruction and the involuntary resettlement of the population. A contemporary report is presented as follows: In 1590, the city experienced widespread mourning in response to the capture of the Tortum Gorges (Aghaneyants 1912: 102). This is indicative of the dire situation in which the Armenian-populated districts found themselves as a result of the border clashes of the 16th — 17th centuries.

The most significant large-scale manifestation of the forced resettlement of the Armenian population is associated with the name of Shah Abbas I. In 1604, in the face of the looming threat of Ottoman invasion, he ordered a forced deportation, which is recorded in history as the "Great Surgun". According to contemporary accounts, approximately 300,000—350,000 Armenians were forcibly expelled from their homes and resettled in the central regions of Safavid Iran. In his description of the tragic event, Zakariah of Van noted the following: "For the king gave the order to go and take away the Armenian houses. And they set out and took captive Kars, Shirakunis, Basen, Kaghzvan, Agjakale, Alashkert, Gavg(su), Aiklis, Tumanis, Childir, Artahan, **Kola**, Sheki, Shirvan, Shemakhi, **Banak, Pasker (Panazkert), Ukhtik, Mamrvan** (emphasis added), Tarhun, Seper, Erivan, Nakhichevan, Jugha, Agbak, Salmast and many other villages and towns, which cannot be listed in writing. For from Davrezh to Theodoropol, called Erzerum, they made a desert, and from Erivan to Tarvez — 60,000 captives were taken away" (Hakobyan, Hovhannisyan 1974: 411—412). This forced resettlement caused a sharp demographic shift in the fate of the Armenian people: many Armenian districts were depopulated, and traditional agricultural and urban life was seriously disrupted.

Twenty-five years later, history repeated itself. Having failed to achieve military success in the Apazi region, the Ottoman army, under the command of Khalil Pasha, pillaged Erzincan, Erzurum, Pasinler, Tortum and the surrounding districts, forcibly evicting the Christian population (Hakobyan, Hovhannisyan 1978: 327).

To establish complete control over the subjugated peoples, the Sultan's government began populating the conquered areas with Turkic- and Iranian-speaking tribes. In response to the Kurds' desire to resettle, Sultan Murad IV organised their mass migration to the northern regions of the Erzurum Vilayet in 1635. Previously, the Kurds had only moved north in the summer to graze their numerous herds on the yaylaks, but now they settled in the depopulated Armenian villages and took up permanent residence. Furthermore, the local Armenian population was obliged to support the Kurds and their livestock throughout the winter (Akopov 2013: 134).

The Ottoman authorities' policy had one goal: to change the ethnic makeup of Western Armenia. As a result of wars and forced resettlements, the Armenian population of Tayk declined sharply. This is particularly evident when comparing the statistical data from the tax registers of 1574 and 1642 (Inbaşı et al. 2014). Let us take the district of Tortum as an example.

Table 2. **Comparative Data on Households and Religious Composition in Tayk (1574 and 1642)**

№	Settlement name	1574			1642		
		Household count	**Christians**	**Muslims**	**Household count**	**Christians**	**Muslims**
1	Tortum (Rabat and town)	**54**	50	4	**22**	18	4
2	Pochents	**38**	30	8	**9**	1	8
3	Skhtorut	**39**	31	8	**3**	-	3
4	Vank	**16**	13	3	**-**	-	-
5	Tankar	**7**	6	1	**3**	1	2
6	Cherbil	**29**	23	6	**1**	1	-
7	Masrakul	**6**	5	1	**-**	-	-
8	Sukurek	**12**	10	2	**-**	-	-
9	Karnaghots	**9**	7	2	**3**	2	1
10	Girkurnik	**6**	5	1			
11	Upper Lskav	**87**	80	7	**12**	10	2
12	Lower Lskav	**52**	48	10	**6**	2	4
13	Nikhagh	**60**	35	25	**11**	-	11
14	Betghar	**15**	12	3	**4**	-	4
15	Bshnkots	**13**	10	3	**-**	-	-
16	Oskikav	**30**	24	6	**-**	-	-
17	Aghaser	**-**	-	-	**9**	4	5
18	Sinak	**12**	10	2	**-**	-	-
19	Kazarents	**15**	12	3	**4**	-	4
20	Meghujur	**-**	-		**8**	4	4
21	Barilis	**12**	10	2	**-**	-	-
22	Katnajur	**-**	-	-	**2**	2	-
23	Khozbrik	**30**	24	6	**14**	1	13
24	Bar	**16**	13	3	**14**	8	6
25	Kejnet	**77**	62	10	**-**	-	-
26	Great Aghjrik	**32**	26	6	**2**	-	2
27	Pochents	**29**	23	6	**-**	-	-
28	Ktskha	**102**	82	20	**22**	1	21
29	Aghjrik	**25**	20	5	**-**	-	-
30	Kismas	**14**	11	3	**-**	-	-

Table 2. **Comparative Data on Households and Religious Composition in Tayk (1574 and 1642)** (continued)

№	Settlement name	1574			1642		
		Household count	Christians	Muslims	Household count	Christians	Muslims
31	Chankres	**44**	35	9	**-**	-	-
32	Arjots	**7**	6	1	**-**	-	-
33	Aygek	**33**	28	5	**5**	-	5
34	Zinaker	**24**	19	5	**8**	2	6
35	Vakhtikants	**16**	13	3	**9**	3	6
36	Khashut	**15**	12	3	**7**	5	2
37	Geghik	**18**	14	4	**4**	1	3
38	Norshen	**27**	22	5	**15**	7	8
39	Vardishen	**16**	13	3	**-**	-	-
40	Arjunits	**8**	6	2			
41	Khakhu	**43**	34	9	**44**	23	21
42	Vkhik	**55**	44	10	**17**	-	17
43	Enguzek	**26**	21	5	**18**	11	7
44	Abrnes	**31**	25	6	**12**	-	12
45	Geghut	**19**	15	4	**3**	-	3
46	Ani	**8**	6	2	**-**	-	-
47	Bardosants	**21**	17	4	**-**	-	-
48	Kaghnut	**26**	21	5	**7**	-	7
49	Odik	**50**	40	10	**6**	1	5
50	Surbohan	**14**	11	3	**2**	1	1
51	Veringegh	**16**	13	3	**8**	6	2
52	Vaghaver	**15**	12	3	**-**	-	-
53	Kodashen	**10**	8	2	**-**	-	-
54	Azord	**27**	22	5	**5**	-	5
55	Osit	**13**	10	3	**17**	-	17
56	Otgha	**23**	18	5	**17**	-	17
57	Is	**20**	16	4	**-**	-	-
58	Oshkvank	**30**	24	6	**26**	3	23
59	Oshk	**43**	34	9	**31**	-	31
60	Tskhik	**30**	20	10	**16**	-	16
61	Oshkidzor	**20**	12	8	**16**	-	16
62	Hars	**30**	24	6	**30**	-	30
63	Lek	**20**	16	4	**18**	-	18
64	Tev	**25**	16	9	**11**	-	11
65	Khartkha	**20**	16	4	**10**	-	10
66	Sagher	**-**	-	-	**6**		6
67	Egrek	**-**	-	-	**2**	-	2
68	Meghragom	**-**	-	-	**3**	-	3
69	Aghbyurik	**-**	-	-	**5**	-	5
70	Makidzor	**-**	-	-	**7**	2	5
71	Aytents	**-**	-	-	**11**	-	11
72	Paridzor	**-**	-	-	**14**	-	14
73	Aghbidzor	**-**	-	-	**5**	3	2
Total		**1,680**	1,344	336	**560**	140	444

According to data from 1574, the Tortum district had a population of 1,680 households, of which 1,344 (approximately 80%) were Christian and 336 (approximately 20%) Muslim. By 1642, this figure had decreased to 560 households, with 140 (approximately 25%) Christian and 444 (approximately 75%) Muslim. The total number of households decreased almost threefold, and the previously predominant Christian majority became a minority.

A comparative analysis of tax registers reveals a precipitous decline in the Christian population, with a recorded decrease of approximately 89.6% — from 1,344 to 140 households. Conversely, the Muslim population exhibited an increase of approximately 32.1% — rising from 336 to 444 households. This decline is indicative not only of a sharp decrease in the total population, but also of a concomitant qualitative change in the ethnic and religious composition of the region.

In contrast to the situation in 1574, a significant number of settlements are no longer documented in the statistical records of 1642. This phenomenon can be attributed to the destruction or complete depopulation of these settlements. A number of villages experienced a sharp increase in the number of Muslims. For instance, in 1574, the village of Ktskha had 102 households, one of which belonged to a Muslim. By 1642, this figure had decreased to 22 households, with 21 of these being Muslim (Inbaşı et al. 2014: 30).

The Christian population, though significantly diminished, persisted in mountainous and relatively isolated villages, where the encroachment of the Muslim population remained largely confined.

After the conclusion of the 1639 Kasr-i Shirin Peace Treaty, the Turkish government began the process of Islamizing the conquered population. Hakob of Karin wrote: “At that time, in 1643, a grand decree of the Sultan of Istanbul was issued through one of the most renowned and authoritative mullahs in the city of Erzurum, and through a pasha named Jafer, information about Christians was collected to create a geographical map of all the lands around Erzurum. And, setting out, they thoroughly inspected every household and settlement within the royal domains. And all the Georgians of the region began to follow the law of Muhammad, while the Armenians remained in their faith thanks to the mercy of Christ and the prayers of the Holy Gregory the Illuminator” (Hakob of Karin 1903: 18). Another case of mass Islamization is reported by G. Inchichyan: “…the former Armenian settlements of Tortum, exhausted by violence and deprivation, everywhere embraced Islam, although the villages continued to be partially inhabited by Armenians and partially by Muslims”(Inchichian 1806: 93—94)

The forced Islamization carried out by the Turkish authorities with such vigor led to the fact that, in a short time, the Orthodox Church in Tayk effectively ceased to exist. Speaking about the significant spiritual centers of Tayk (Ishkhan, Banak, Oshk, Khahu, and others), Prince Vakhushti Bagration emphasized their depopulated state (Melikset-Bek 1955: 84—85). Naturally, this had a devastating effect both on the Georgianized Armenians and on the portion of the Armenian population that had been practicing Chalcedonian Christianity for several centuries. H. Tashyan noted that, left isolated and without a central leadership, the Armenian community required only one triggering event to convert en masse to Islam. That very occasion was the events of 1643 (Tashian 1973: 178).

Under pressure from the authorities, a significant portion of Islamised Armenians formally converted to Islam. However, in practice, they maintained a dual identity: Muslims by day and Christians by night, secretly attending churches and performing Christian rites. This population was called “keskes” — that is, half Armenian Christians, half Turkish Muslims. A significant portion of the “keskes” in Tayk almost did not differ from the rest of the Armenian population. Many of them could not even speak Turkish fluently; their speech retained a large number of Armenian words, and their names often had the Turkish ending “oğlu” added: Kostan-oğlu, Kirakos-oğlu, Gaspar-oğlu, etc (Tashian 1921: 81; Lynch 1910: 537). Armenian and Christianity were particularly well preserved among the “keskes” women. This can be attributed to the fact that, in traditional Armenian society, women were the primary custodians of language, faith and cultural traditions within the family unit. In the context of forced Islamization and cultural pressures, Armenian women have demonstrated resilience in their commitment to preserving their traditions within the

domestic sphere. They have played a pivotal role in nurturing their children with the Armenian language and have been instrumental in safeguarding the collective memory of their community.

It is also important to note that part of the Armenian population of Tayk, seeking to avoid oppression by the Laz people, often identified themselves not only as Muslims, but also as Laz. Therefore, they were often called not "keskes," but "Armenian-Laz" (Melkonyan 1994: 80).

Parallel to the process of Islamization, part of the Armenian population of Tayk chose to convert to Catholicism, thereby completely preserving their Armenian identity. H. Tashyan wrote: "This circumstance partly contributed to their survival during the period of forced Islamization, as Armenian Catholics enjoyed a certain degree of European protection; on the other hand, it should not be forgotten that by the end of the 17th century and especially by the beginning of the 18th century, violent persecution of Catholics began, the consequences of which reached even these remote gorges" (Tashian 1980: 66). Consequently, the process of adoption of Catholicism by the Tayk settlements of Norshen, Kudrashen, Vorzhnhag, Kiskim, Nikhagh, Karmirk, Tsetkunts, Tandzut, Upper and Lower Mokhurkut, as well as a group of villages of Khotorjur, was observed.

Thus, in the first half of the 17th century, the Armenian population of Tayk underwent radical demographic and ethnic changes. Wars, mass evictions and forced resettlements led to depopulation, while the Ottomans encouraged Muslim tribes to settle in the deserted Armenian areas. Tax registers show a decline in the number of Christians by about 90% and a relative increase in the number of Muslims. This change altered the religious and ethnic composition of the region: part of the Christian population was forcibly Islamised, forming a group known as the "keskes".

Conclusion

Consequently, during the first half of the 17th century, Tayk experienced a profound demographic crisis, resulting in a decline of approximately two-thirds in its total population. Concurrent with this transformation was a profound ethno-confessional shift, marked by a transition in which the Christian majority became a minority, while the Muslim population gained absolute dominance.

These processes were in accordance with the policy of the Ottoman Empire in the 17th century, which aimed to ensure numerical superiority among Muslims in border regions and to weaken the position of the Christian population. It is unfortunate that these processes did not cease at this point; rather, they persisted throughout the following centuries. This ultimately resulted in a radical alteration to the demographic landscape of historic Tayk.

References

Abuladze, T. 1979. *Childiris eialetis jaba davtari (The Jaba Register of the Childir Eyalet, 1694—1732)*. With supplements by M. Svanidze. Tbilisi: Metsniereba (in Georgian).

Aghaneyants, G. 1912. *Divan Hayots patmutian (Collection of Armenian History)*. Bk. 10. Tiflis: Aghanyants' Press (in Armenian).

Akopov, A. 2013. *Tayq. varchajhoghovrdagrakan patkery XVI daric XIX dari I eresnamyaky* (*Administrative and Demographic Picture from the 16th Century to the First Third of the 19th Century).* Yerevan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Armenia (in Armenian).

Akopov, A. 2021. Mamrvani gavarri zhoghovrdagrakan patkern yst XVI dari osmanyan harkacutsakneri (The Demographic Image of Mamrvan Sanjak According to the 16th Century Ottoman Tax Registers). *Scientific Works of the Shirak Centre for Armenological Studies,* NAS RA. 1(24), 101—110 (in Armenian).

Anasyan, H. 1961. *XVII dari azatagrakan sharzhumnery Arevmtyan Hayastanum (Liberation Movements of the 17th Century in Western Armenia)*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Hakob of Karin. 1903. *Teghagir verin hayoc (Topography of Upper Armenia).* Vagharshapat: Mother See of Holy Etchmiadzin (in Armenian).

Hakobyan, V., Hovhannisyan, A. 1974. *Hayeren dzeragreri 17 dari hishtakaraner (Colophons of Armenian Manuscripts of the 17th Century)*. Vol. 1 *(1601—1620)*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Hakobyan, V., Hovhannisyan, A. 1978. *Hayeren dzeragreri 17 dari hishtakaraner (Colophons of Armenian Manuscripts of the 17th Century)*. Vol. 2 *(1621—1640)*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Inbaşı, M., Çakır, I., Demir, S. 2014. *1642 tarihli Erzurum Eyâleti mufassal avârız defteri.* Ankara: Türk Tarih Kurumu (in Turkish).

Inchichian, Gh. 1806. *Ashkharagrutyun chorits masants ashkharhi (Geography of the Four Parts of the World)*. Pt. 1, Vol. I. *Asia*. Venice: St. Lazare (in Armenian).

Jikia, S. 1941. *Gurjistanis vilaietis didi davtari (Extensive register of the Gurjistan Vilayet)*. Vol. 2. Tbilisi: Publishing House of the Georgian Academy of Sciences (in Georgian).

Jikia, S. 1958. *Gurjistanis vilaietis didi davtari (Extensive register of the Gurjistan Vilayet)*. Vol. 3. Tbilisi: Publishing House of the Georgian Academy of Sciences (in Georgian).

Lynch, H.F.B. 1910. *Armeniia. Putevye ocherki i etiudy (Armenia. Travel Sketches and Studies)*. Tiflis: Martirosian Printing House (in Russian).

Melikset-Bek, L. 1955. *Vrats aghbyurnery Hayastani yev hayeri masin (Georgian Sources about Armenia and Armenians)*. Vol. III. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Melkonyan, A. 1994. *Erzrum: Erzrumi nahangi hay azgnabnakchutyuny XIX dari arajin yeresnamyakin (Erzrum. The Armenian Population of Erzrum Province in the First Three Decades of the 19th Century)*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 111—112 (in Armenian).

Paghava, M. 2020. *Tao (Tao).* Batumi. Shota Rustaveli State University publication (in Georgian).

Safrastyan, A. 1960. Osmanian kaysrutyan varchakan bazhanumy XVII dar (The Administrative Division of the Ottoman Empire in the 17th Century). *Oriental Studies Collection* 1, 285—302 (in Armenian).

Safrastyan, A. 1961. *Turkakan aghbyurnery Hayastani, hayeri yev Andrkovkasi myus zhoghovurdneri masin (Turkish Sources about Armenia, Armenians and Other Peoples of the South Caucasus)*. Vol. 1. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Safrastyan, A. 1964. *Turkakan aghbyurnery Hayastani, hayeri yev Andrkovkasi myus zhoghovurdneri masin (Turkish Sources about Armenia, Armenians and Other Peoples of the South Caucasus)*. Vol. 2. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Safrastyan, A. 1967. *Turkakan aghbyurnery Hayastani, hayeri yev Andrkovkasi myus zhoghovurdneri masin (Turkish Sources about Armenia, Armenians and Other Peoples of the South Caucasus)*. Vol. 3. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

Shengelia, N. 2013. *Osmaluri vrtseli da mokle davtrebi Tao-Klarjetis shesakheb (XVI—XVIII saukuneebi) (Ottoman Detailed and Short Censuses of Tao-Klarjeti, 16th—18th Centuries)*. Ottoman text with Georgian translation, introduction, notes and facsimiles, prepared for publication by Prof. Nodar Shengelia. Tbilisi (in Georgian).

Svanidze, M. 1984. *Samkhret-dasavlet Sakartvelos soplis meurneoba XVI saukuneshi* (*Agriculture of Southwestern Georgia in the 16th Century).* Tbilisi: Metsniereba (in Georgian).

Tashian, H. 1921. *Hay bnakchutyuny Sev tsoven minchev Karin (The Armenian Population from the Black Sea to Karin)*. Vienna: Mekhitarist Printing House (in Armenian).

Tashian, H. 1973. *Tayk, dratsik yev Khotorjur (Tayk, Neighbors and Khotorjur)*. Vol. A. Venice: St. Lazare (in Armenian).

Tashian, H. 1980. *Tayk, dratsik yev Khotorjur (Tayk, Neighbors and Khotorjur)*. Vol. B. Venice: St. Lazare (in Armenian).

Yeritsyan, A. 1880. Te Tachkakan Hayastanum vorkan hay ka (How Many Armenians Live in Turkish Armenia). *Pordz* June—July, 216—229 (in Armenian).

Zulalyan, M. 1980. *Arevmtyan Hayastany XVI-XVIII darerum (Western Armenia in the 16th— 18th Centuries).* Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Armenian).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.22.60.023

М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

ТЕРРИТОРИИ НА ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ*

Статья представляет собой исследование средневековых правовых памятников — ярлыков о назначении эмира ольке из трактата второй половины XIV в. «Дастур ал-катиб», написанного чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, которые впервые публикуются в русском переводе. На основе междисциплинарного анализа авторы предпринимают попытку характеристики статуса этого чиновника, а также выяснения специфики самой административно-территориальной единицы под названием «ольке». В рамках исследования также проводятся параллели между эмиром ольке в монгольском Иране и возможными аналогами этой должности в других чингизидских государствах, в частности, в Золотой Орде (Улусе Джучи). Авторы приходят к выводу, что эмир ольке являлся наместником административно-территориальной единицы (вилайета, провинции), в которой было введено своего рода особое или чрезвычайное положение, что и объясняет экстраординарные полномочия этого чиновника. Сведения, содержащиеся в анализируемых документах, позволяют существенно расширить представления об особенностях административно-территориального устройства чингизидских государств XIII—XIV вв. и системе их регионального управления.

Ключевые слова: Монгольская империя, монгольский Иран, Золотая Орда, ханские ярлыки, административно-территориальное устройство, чрезвычайное положение.

Сведения об авторах: Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Республика Казахстан, г. Астана, 010000, ул. Пушкина, 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

M.S. Gatin, L.F. Abzalov, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

TERRITORIES UNDER SPECIAL RULE IN THE MEDIEVAL TURKIC-MOGOL STATES

The article is a research of medieval legal monuments — yarliks on the appointment of emir of ölkä from the treatise “Dastur al-katib” written by Muhammad b. Hindushah Nahchivany in the second half of the 14th c.

* Издание осуществлено при поддержке Фонда Ибн Сины и на основании конкурса на соискание грантов имени Ибн Сины. № проекта: 2025.02.07.

Статья поступила в номер 12 августа 2025 г.
Принята к печати 28 августа 2025 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2025.

There is the first Russian translation of these documents. Authors use interdisciplinary analysis to characterize the legal status of this officer and clarifying of the specific features of the administrative territorial unit named “ölkä”. Also there is a drawing of a parallel between ölkä in the Mongol Iran and its possible analogues in other Chinggisid states, in particular the Golden Horde (Jochi Ulus). Author find that emir of ölkä was a governor of the administrative territorial unit (vilayet, province) where the special rule or state of emergency was imposed, and that was a reason of special power of this officer. The information from the analyzed documents allows to widen substantially or view on the specific features of administrative territorial division of the medieval Turkic-Mongol states and the system of regional authorities.

Key words: Mongol Empire, Khulaguid state, Golden Horde, khans’ yarliks, administrative territorial system, state of emergency.

About the authors: Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Mustakimov Ilias Al’fredovich[3], PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: [1,2]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University; 140104, Republic of Uzbekistan, Samarkand, Universitetskiy Av., 15, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru, [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin Str., 15B, Research Institute for Jochi Ulus Studies; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Вторая часть (кисм) трактата «Дастур ал-катиб фи та’йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного персидским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в 1360-х гг., посвящена характеристике постановлений дивана и административных должностей, существовавших в монгольском Иране в эпоху правления Хулагуидов и их преемников Джалаиров. Собственно административным должностям посвящена первая глава (баб) этой части, имеющая название «О поручении постов и должностей монгольским эмирам, везирам, членам Великого Дивана, шариатских должностей нижеописанным образом» и включающая в себя около 150 образцов ханских ярлыков о назначении на различные чиновные должности. Состоит эта глава из трех разделов (зарб), посвященных, соответственно, «постам и должностям монгольских эмиров и их слуг» (Нахчивани 1976: 8—72 араб. паг.), «постам и должностям везирам и членам Великого Дивана» (Нахчивани 1976: 72—177 араб. паг.) и «постам, связанным с отправлением духовных обязанностей» (Нахчивани 1976: 177—255 араб. паг.).

Для исследователей истории, государства и права чингизидских государств (и, в частности, тех из них, которые имели интересы в Причерноморье — а именно Золотой Орды и монгольского Ирана) наибольший интерес представляют примеры ярлыков из первого зарба, то есть, о назначении на должности монгольских и тюркских сановников. По сути, это — единственная официальная информация правового характера о статусе, правах и должностных обязанностях этих чиновников, которые, как совершенно справедливо полагают исследователи, функционировали не только в монгольском Иране, но и в Золотой Орде (см., напр.: Греков, Якубовский 1998: 98—99, 101, 104). Неслучайно первый исследователь и переводчик этих ярлыков с персидского оригинала — австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь включил свои переводы 36 документов из «Дастур ал-катиб» именно в исследование по истории Золотой Орды (Hammer-Purgstall 1840: 463—516).

Номенклатура тюрко-монгольских должностей, которой посвящен первый зарб трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани, включает двенадцать должностей, из которых наше внимание привлек второй параграф (фасл) «О препоручении должности эмира ольке», содержащий три «вида» (образца) ярлыков. В настоящей статье мы намерены предпринять попытку выяснения статуса этого чиновника, а также и самого термина «ольке».

Этот термин уже привлекал внимание специалистов. В частности, немецкий тюрколог Г. Дёрфер посвятил ольке специальную статью в своем фундаментальном словаре (Doerfer 1963: 145—147). Согласно наблюдениям Г. Дёрфера, термин «ольке» имеет монгольское происхождение, и его оригинальное значение было «предгорье, местность у подножия гор» (см. также: Козин 1941: 463, 467, 553; Rachewiltz 2004: 700). Однако, как указывает исследователь, в персоязычных источниках этот термин стал уже обозначать «область», «территорию», причем разные средневековые авторы подчеркивают специфику этого региона. Так, у Рашид ад-Дина — это просто регион под управлением шихнэ (он же даруга или баскак). Тадж ад-Дин Салмани, тимуридский историк начала XV в., обозначает этим термином область, которую еще предстояло покорить, тогда как его коллега и современник Муин ад-Дин Натанзи и несколько более поздний тимуридский автор Абд ар-Раззак Самаркани упоминают «ольке» в качестве территорий, которые уже были пожалованы потомкам или сподвижникам Тамерлана после завоевания. Джалал ад-Дин Давани, персидский ученый, являвшийся приближенным пост-монгольских правителей Ирана из династий Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, употреблял термин «ольке» в значении «провинция». Г. Дёрфер, как видим, фиксирует упоминания «ольке» преимущественно в нарративных источниках. Соответственно, данные упоминания ситуативны и лапидарны. А отождествление ольке с территорией, провинцией, владением вообще ставит под вопрос специфику данного термина. Тем более, что об эмире ольке, ярлыки о назначении которого в «Дастур ал-катиб», собственно, и привлекли наше внимание, в этих источниках вообще речи не идет.

Краткую характеристику понятия «ольке» дал также и другой немецкий исследователь Г. Херрманн в работе, посвященной документам монгольского Ирана XIII—XIV вв. В комментарии к 29-му документу (в котором упоминается ольке) Г. Херрманн пишет, что термин происходит от монгольского слова ölkä — «территория, область, район». Это понятие, по предположению ученого, в этом документе впервые обозначает налог, взимаемый для «амир-и ольке», который занимал положение между эмиром улуса и эмиром десяти тысяч. Он отвечал за обеспечение защиты населения от мятежников, повстанцев и смутьянов в провинции, куда он назначался со своими людьми, а при необходимости и с воинами (Hermann 2004: 179, 181).

Обращаясь к опыту Монгольской империи и ее улусов, исследователи подчеркивают определенный дуализм их административно-территориальной системы: каждое из чингизидских государств делилось на области проживания кочевников с тюркскими или монгольскими эмирами во главе и на оседлые территории, которыми управляли либо вассальные правители, либо ханские наместники из числа местных властных элит, лояльные к завоевателям. Так, например, во второй половине XIII в. Багдадскую провинцию много лет возглавлял знаменитый историк Ала ад-Дин Ата-Малик Джувейни, а Исфаханскую — его племянник Баха ад-Дин Джувейни (Кораев 2006: 30). В начале XIV в. целый ряд сыновей везира и ученого Рашид ад-Дина также стоял во главе провинций Ильханата (Рашид ад-Дин 1971: 198, 230, 282, 295, 323, 345) и т.д. Такие правители именовались маликами, хакимами и пр.

Интересы монгольских властей в таких регионах представляли шихнэ, которые, в зависимости от их ранга, были либо правителями небольших городов и селений, либо же своего рода «приставами» при вышеупомянутых маликах или хакимах. Их основной задачей был контроль лояльности правителей, стабильности в регионе, своевременного и полного сбора налогов в ханскую казну и т.д.[1].

Какие же причины могли привести к тому, что вся полнота власти над таким регионом (провинцией, вилайетом) могла быть передана тюркскому или монгольскому чиновнику? Ответ на этот вопрос следует искать в вышеупомянутых ярлыках о назначении эмира ольке, перевод которых мы приводим ниже. Как уже было сказано, в «Дастур ал-катиб» приведено три образца таких ярлыков, и первый из них в свое время был переведен Й. фон Хаммером-Пургшталем, поэтому ниже приводится перевод с его немецкого варианта этого документа, а

[1] Ярлыки о назначении на должность шихнэ из «Дастур ал-катиб» уже стали предметом специального исследования (Мустакимов и др. 2025).

также перевод с современного оригинала. Перевод двух других образцов до сих пор в научный оборот не вводился[2] и, соответственно, впервые публикуется в настоящей статье.

Перевод документов

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя (Hammer 1840: 464—465)[3]	**Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 20—25 араб. паг.)**[4]
II. Грамота [ярлык] удельному князю (эмиру ольке), первый [образец] Судьи, сейиды или правильнее сеиды?, военачальники, наместники, управители, писцы и все жители страны должны знать следующее: Так как те области были опустошены и люди изгнаны из своих привычных мест жительства, и как стало известно, что вражеские армии вторглись туда и ограбили насельников, все это требует исправления, которое может быть достигнуто только путем назначения храброго, осмотрительного, справедливого, беспристрастного мужа с большой свитой и многочисленным войском, мы поручили эмирство той области Мелик-Тимуру[5], одному из наших великих эмиров и которому поручались великие дела, и укрепили его руку в связывании и решении дел, в сужении и расширении государственных вопросов, так, дабы, обладая своей совершенной работоспособностью и весом, исключительной стойкостью и активностью он мог решать важные дела области и направлять свое внимание на улучшение положения подданных, исправление слабостей и немощей, чтобы давал отпор угнетателям и преступникам, истреблял врагов и недоброжелателей, мятежников и возмутителей спокойствия и не допускал, чтобы с кем-либо из Божьих созданий произошла малейшая несправедливость. Посему приказ этой грамоты вступает в силу, дабы с начала года он был признан эмиром области, чтобы во всех вышеупомянутых случаях подчинялись ему, его представителям и доверенным лицам, и никто не отступал от его слов и советов, что обеспечит изгнание непримиримых и непокорных и приведет к истреблению всех врагов и неприятелей. Ежегодно из доходов казны должна выделяться определенная сумма на покрытие его расходов и на содержание	**Раздел второй. О препоручении [должности] эмира ольке** **Вид первый.** Сеиды, кадии, наместники (حكـــام), помощники [наместников] (نـــواب), начальники округов (متصرفان), писцы (بتيكچيـان), все жительствующие и проживающие в таком-то вилайете да ведают [нижеследующее]. Поелику тамошнее расстроенное состояние и покидание жителями и насельниками привычного местожительства и обычного местопребывания вызвано нападениями войск бунтовщиков и неприятелей и чинимыми [ими] грабежами [мирных] жителей, требуется направить все старания на исправление и восстановление того урона и ущерба. Эта цель может быть достигнута не иначе, как назначением человека, отмеченного храбростью, энергичностью, обладателя твердых и верных решений, справедливого и правосудного, имеющего большую свиту и многочисленное войско. В соответствии с изложенным мы препоручили должность эмира того ольке Малик-Тимуру, являющемуся одним из величайших эмиров эпохи, всегда находившемуся при исполнении важных дел, и уполномочили его решать дела и блюсти общественные интересы с тем, чтобы он в соответствии со своей совершенной компетентностью, чрезвычайной доблестью и проницательностью, полной предусмотрительностью занялся управлением делами вилайета, улучшением положения подданных, собиранием рассеянного, укрощением тиранов, возмещением ущерба, исправлением ошибок, отражением врагов, искоренением мятежников, изгнанием бунтовщиков и не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие.

[2] Во второй половине XIX в. выдающийся российский востоковед В.Г. Тизенгаузен предпринял попытку первых тринадцати ярлыков из «Дастур ал-катиб», среди которых были и образцы ярлыков о назначении эмира ольке, которые он перевел как «о поручении эмирам улуса» (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Ед.хр. 14—16. Л. 221—222 об.). Однако этот перевод представляет собой черновой вариант, многократно исправлявшийся автором, и его публикация в таком виде вряд ли целесообразна.

[3] Перевод с немецкого языка выполнен М.С. Гатиным.

[4] Перевод с персидского языка выполнен И.А. Мустакимовым.

[5] Отождествить это лицо с каким-либо известным историческим деятелем не удалось.

приданных ему сотен и войск, дабы он мог быть готов к отражению врагов и нести подобающую службу; эмиры и войска, находящиеся на той границе, должны, когда того потребуют государственные дела, без промедления выступать по его приказу и слушаться его во всём.	По этой причине сей указ вступает в силу, дабы с начала года его[6] признавали эмиром ольке того вилайета, во всех упомянутых случаях обращались исключительно к нему, его помощникам и уполномоченным, не преступали его распоряжений и благоусмотрения в том, что касается отражения насильников и мятежников и того, что станет причиной искоренения и уничтожения врагов и бунтовщиков. Пусть на покрытие его расходов и расходов находящихся при нем эмиров сотен и воинов ему ежегодно выделяется такая-то сумма (приводится сумма[7]) из взимаемых там налогов и податей, чтобы он тратил ее на свои нужды и на нужды эмиров сотен и воинов, занимался отражением соперников и прилагал [к их выполнению] похвальные старания. Эмиры и воины, находящиеся в тех пределах и [их] окрестностях, во всех случаях, когда он пошлет за ними для дела, касающегося всего вилайета и для предотвращения причинения вреда подданным, пусть выступают незамедлительно и в полной экипировке, находятся на [его] службе, оказывают [ему] помощь и не противятся [его распоряжениям]. Если по причине их нерадения будет нанесен ущерб, они должны быть наказаны. Пусть [все] ведают [вышеизложенное] и верят [написанному]. Писано в … **Вид второй.** Сеиды, кадии, наместники (حكـــام), помощники [наместников] (نـــواب), начальники округов (متصرفان), писцы (بتيكچيـان), все жительствующие и проживающие в таком-то вилайете да ведают [нижеследующее]. Поелику эмир Мухаммед[8] отмечен чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, является вместилищем отваги, доблести и компетентности и способностей, непрерывно занят свершением важных дел и прилагает похвальные старания к их выполнению, мы препоручили ему должность тамошнего эмира ольке с тем, чтобы он занимался защитой вилайета и обереганием подданных, как это ожидается от его чрезвычайной компетентности и справедливости, почитал своей обязанностью отражать мятежников и бунтовщиков, искоренять повстанцев и неприятелей, не допускал причинения насилия и совершения вымогательства в отношении кого бы то ни было, и сделал людей довольными и удовлетворенными своей многой

[6] Т.е. Малик-Тимура. — *И.М.*
[7] Примечание в документе. — *И.М.*
[8] Отождествить это лицо с каким-либо известным историческим деятелем не удалось.

	справедливостью и совершенной беспристрастностью. По этой причине настоящий указ вступает в силу с тем, чтобы с начала этого года его признавали эмиром ольке того вилайета, во всех случаях, связанных с отправлением этой должности, обращались к нему, подчинялись и повиновались его приказам и распоряжениям, соответствующим закону справедливости и правилу беспристрастности. Пусть ежегодно выплачивают ему и его нукерам из взимаемых там налогов и податей нижеупомянутую сумму (приводится сумма[9]), чтобы они тратили ее на свои нужды и занимались этим важным делом. Пусть никто не оспаривает их прерогативы. **Вид третий.** Поелику такой-то из сообщества эмиров и приближенных выделяется полной компетентностью, многой отвагой и доблестью, чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, будучи непрерывно занятым свершением важных деяний и всей совокупности [необходимых] дел, постиг все тонкости их отправления, должность эмира ольке такого-то вилайета, достойную его способностей, мы препоручили ему и наделили его полной мочью в этом важном деле и весомом вопросе с тем, чтобы он занимался защитой вилайета и подданных, как это ожидается от его чрезвычайной компетентности и справедливости, и не допускал нанесения ущерба ни от одного влиятельного лица (متغلب) и насильника (متعــدی), карал неприятелей, противников, мятежников и бунтовщиков и не позволял им налагать длань насилия на подданных и слабых, в связи с чем молва о его праведных деяниях побуждала всех [их] ежедневно возносить [за него] благодарность, и он удостоился бы славы. По этой причине настоящий указ вступает в силу с тем, чтобы с начала года тамошние сеиды, наместники (حكام), кадии, начальники округов (متصرفان) признавали его эмиром ольке, во всех случаях, связанных с отправлением этой должности, обращались к нему, не преступали его распоряжений и благоусмотрения. Имея в виду, что он обладает всеми полномочиями, связанными с занятием этой должности, пусть выплачивают ему через его доверенных лиц такую-то сумму в динарах, составляемую из взимаемых там налогов и податей, установленную в качестве жалования для него Великим Диваном и внесенную в протокол совещания (در متــن مــوامره مســطور) [Великого Дивана] и изданы соответствующие

[9] Примечание в документе. — *И.М.*

	бераты. Пусть выплачивают ему все сполна, дабы он тратил эти средства на себя и [своих] нукеров и занимался этим важным делом.

Как известно, анализируемый трактат является своеобразной инструкцией и учебным пособием для делопроизводителей ханской канцелярии, в котором помимо конкретных советов по письмоводству представлены образцы документов. В «Дастур ал-катиб», как правило, первый документ пространный, другие же образцы в соответствии с логикой изложения «пособия» более лаконичны. И в нашем случае, автор первоначально приводит более полный образец, включая в него отдельные элементы начального (инскрипция) и конечного протокола («Писано в» كتب في). После инскрипции, посредством формулы-оповещения «да ведают [нижеследующее]» (بدانند کی) автор переходит к основной части документа, традиционно начинающийся союзом نوچ («поскольку», «поелику»). Корпус документа представлен наррацией, диспозицией и санкцией. Во втором образце также представлен адресат из начального протокола, наррация и диспозиция корпуса документа. В третьем образце, отсутствует инскрипция, но в диспозиции представлено обращение с предписаниями к должностным лицам (адхортация). Как видим, автор приводит разные вариации написания указа о назначении эмира ольке, с характерным для чингизидских канцелярий формуляром.

Итак, перед нами три документа примерно одинакового содержания. К сожалению, нам не удалось соотнести сановников, назначаемых на должность эмира ольке в первых двух ярлыках, с конкретными деятелями, известными по другим источникам (в первую очередь — по причине широкого распространения их имен), а в третьем имя будущего эмира вообще отсутствует. Поэтому у нас нет возможности определить ни даты издания ярлыков, ни те регионы, в которые эти эмиры назначались на соответствующую должность. Тем не менее, как представляется, анализ этих документов позволяет пролить свет на причины, по которым данные территории приобретали статус ольке, а сановники, назначаемые управлять ими — свои широкие полномочия.

В первом образце интересующие нас сведения содержатся прямо в наррации, то есть, изложение причин выдачи ярлыка и назначения соответствующего сановника. Составитель документа сообщает, что «тамошнее расстроенное состояние и покидание жителями и насельниками привычного местожительства и обычного местопребывания вызвано нападениями войск бунтовщиков и неприятелей и чинимыми [ими] грабежами [мирных] жителей». Ниже в указе ему предписывается, чтобы он «занялся управлением делами вилайета, улучшением положения подданных, собиранием рассеянного, укрощением тиранов, возмещением ущерба, исправлением ошибок, отражением врагов, искоренением мятежников, изгнанием бунтовщиков и не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие». Как видим, речь идет о какой-то чрезвычайной ситуации: внешнем нападении и/или внутреннем мятеже, сопровождавшемся, к тому же, разгулом преступности, посягательств на личности и имущество местных жителей. Как уже отмечено выше, определить время описываемых событий и регион, в котором они происходили, невозможно, поэтому остается лишь высказывать предположения — идет ли речь о некоей пограничной области, подвергшейся вторжению иностранных захватчиков, либо же о регионах, охваченных внутренней смутой, восстанием и т.п.

Во втором и третьем образцах подобное изложение обстоятельств отсутствует, и они сразу начинаются с характеристик личных и профессиональных качеств сановников, которые назначаются ими на должность эмира ольке. Тем не менее, и в них содержатся сведения о том, что в регионы, куда направляются вновь назначенные эмиры, сложились какие-то чрезвычайные обстоятельства. Так, во втором документе от эмира Мухаммеда требуется, чтобы он «занимался защитой вилайета и обереганием подданных…, почитал своей обязанностью отражать мятежников и бунтовщиков, искоренять инсургентов и неприятелей». В третьем ярлыке от вновь назначенного эмира ожидается, «чтобы он

занимался защитой вилайета и подданных…, и не допускал нанесения ущерба ни от одного влиятельного лица и насильника, карал неприятелей, противников, мятежников и бунтовщиков и не позволял им налагать длань насилия на подданных и слабых».

Таким образом, содержание анализируемых правовых памятников дает основание полагать, что ольке — это, скорее всего, не особая разновидность административно-территориальной единицы, отличная от улуса, вилайета, тумена и т.д. По-видимому, этот термин обозначал регион (тот же вилайет или провинция), в котором возникла чрезвычайная ситуация, для устранения последствий которой было введено особое положение и направлен временный правитель с экстраординарными полномочиями. На это прямо указывается в анализируемых ярлыках. Так, в первом указе Малик-Тимур наделяется всей полнотой власти «в том, что касается отражения насильников и мятежников и того, что станет причиной искоренения и уничтожения врагов и бунтовщиков». Второй ярлык предписывает, чтобы местные представители власти и население повиновались эмиру Мухаммеду, «во всех случаях, связанных с отправлением этой должности, обращались к нему, подчинялись и повиновались его приказам и распоряжениям». В третьем ярлыке прямо говорится о наделении неназванного по имени эмира ольке «полной мочью в этом важном деле и весомом вопросе», «всеми полномочиями, связанными с занятием этой должности». Именно поэтому параграф об эмире ольке в «Дастур ал-катиб» расположен выше параграфа об эмире десяти тысяч (темнике): его властная компетенция была гораздо шире, чем у рядового правителя тюмена.

Кто же должен был оказывать содействие эмиру ольке в реализации его экстраординарных полномочий? Ответ на это дает перечень адресатов ярлыков. В первом и втором документах их список практически идентичен: «сеиды, кадии, наместники, помощники [наместников], начальники округов, писцы, все жительствующие и проживающие в таком-то вилайете». В третьем перечень несколько более узок, но в принципе охватывает тот же круг должностных лиц: «сеиды, наместники, кадии, начальники округов». Таким образом, речь идет фактически о переходе полноты власти от гражданской администрации, которая управляла соответствующим регионом до возникновения чрезвычайной ситуации к своего рода «военному губернатору».

Каким образом он должен был выполнить поставленную перед ним задачу? Ярлыки содержат перечень обязанностей эмира ольке. Малик-Тимуру в первом акте предписано, чтобы он принял полноту власти в вилайете, вернул бежавших жителей («занялся… собиранием рассеянного»), выступил против внутренних мятежников и внешних противников («искоренение и уничтожение врагов и бунтовщиков»). Предписание, чтобы он «не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие» позволяет предположить у него также и правоохранительных функций. По сути, те же обязанности возлагаются на Мухаммеда во втором акте: отражение «мятежников и бунтовщиков», недопущение «причинения насилия и совершения вымогательства в отношении кого бы то ни было». Эмиру из третьего акта предписано заниматься «защитой вилайета и подданных», наказание «неприятелей, противников, мятежников и бунтовщиков» недопущение «нанесения ущерба ни от одного влиятельного лица и насильника», защита от них «подданных и слабых».

Несомненно, для выполнения таких обязанностей такому сановнику следовало обладать определенными личными качествами и профессиональными навыками, которые были присущи именно представителям тюрко-монгольской кочевой знати, а не персидским штатским чиновникам. В целом эти качества и навыки отражены в наррации первого документа: «Эта цель может быть достигнута не иначе, как назначением человека, отмеченного храбростью, энергичностью, обладателя твердых и верных решений, справедливого и правосудного, имеющего большую свиту и многочисленное войско».

Соответственно, в первом документе предпочтение в назначении на пост эмира ольке отдано Малик-Тимуру, «являющемуся одним из величайших эмиров эпохи», отличающемуся «совершенной компетентностью, чрезвычайной доблестью и проницательностью, полной предусмотрительностью». Мухаммед, назначаемый на должность вторым ярлыком, «отмечен

чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, является вместилищем отваги, доблести и компетентности и способностей, непрерывно занят свершением важных дел и прилагает похвальные старания к их выполнению», известен «своей многой справедливостью и совершенной беспристрастностью». Эмир, назначению которого посвящен третий ярлык, «выделяется полной компетентностью, многой отвагой и доблестью, чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, будучи непрерывно занятым свершением важных деяний и всей совокупности [необходимых] дел, постиг все тонкости их отправления».

Однако ни наличие самых замечательных качеств, ни поддержка со стороны местной гражданкой администрации не позволили бы эмирам ольке в полной мере достичь поставленных целей. Несомненно, в первую очередь, для этого они должны были иметь в своем распоряжении храбрых и надежных воинов, которым, собственно, и предстояло непосредственно бороться с «врагами, бунтовщиками, мятежниками» и пр. В первом ярлыке прямо указывается, что в подчинении у Малик-Тимура имеются «эмиры сотен и воины» (это дает некоторые основания полагать, что сам эмир мог быть тысячником), которые должны выполнять его приказы «незамедлительно и в полной экипировке». В распоряжении Мухаммеда из второго ярлыка и неназванного эмира из третьего имеются нукеры в неназванном количестве. Это обстоятельство также объясняет, почему эмиром ольке мог стать именно представитель кочевой служилой знати.

Поскольку эмир ольке и его подчиненные должны были действовать в интересах местного населения, неудивительно, что именно на него ложились расходы по содержанию своих защитников. Так, в первом ярлыке содержится специальное указание на то, что на «покрытие его расходов и расходов находящихся при нем эмиров сотен и воинов», четко фиксированная сумма «из взимаемых там налогов и податей», которую он должен тратить на свои нужды и нужды своих подчиненных (ту самую экипировку и пр.). Сходным образом прописана во втором ярлыке обязанность населения содержать эмира Мухаммеда и его нукеров за счет сумм из местных налогов и податей. А в третьем акте это положение дополнено ссылкой на то, что сумма жалование эмира и его нукеров установлена Великим Диваном и даже зафиксирована в протоколе соответствующего его совещания, и для ее взыскания с населения ольке «изданы соответствующие бераты», то есть платежные ведомости.

Отметим, что платежи Малик-Тимуру и Мухаммеду охарактеризованные как ежегодные. В связи с этим нельзя не обратить внимания, что какие-либо сроки действия полномочий эмира ольке не фигурируют ни в одном из документов. Вероятно, подразумевается, что он должен полностью ликвидировать последствия либо внешнего вторжения, либо внутренних мятежей и бунтов и связанного с ними роста преступности, и полностью стабилизировать ситуацию в регионе, что, по мнению составителей ярлыков, могло занять достаточно долгое время.

Наряду с правами и обязанностями в ярлыках прописана также и ответственность эмира и его подчиненных. В отношении самого главы ольке она сформулирована в самых общих выражениях: чтобы он «не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие». Для подчиненных санкции прописаны более явно: «Если по причине их нерадения будет нанесен ущерб, они должны быть наказаны».

Завершая наш анализ статуса эмира улька, считаем целесообразным вновь обратиться к наблюдениям Г. Дёрфера, проследившего также эволюцию термина «улька» в Иране уже пост-монгольского периода. Как он сообщает, в более поздних персидских источниках (XVI в.) — в частности, в «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу и некоторых жалованных грамотах персидских шахов из династии Сефевидов «улка» — это уже некое наследственное владение, наделенное определенными льготами и иммунитетами (Doerfer 1963: 146—147). Наиболее ярко такая трактовка улька вытекает из упомянутого Г. Дёрфером суюргального ярлыка Касима б. Джахангира из династии Ак-Коюнлу, датируемого 1498 г.: в нем упоминается said ulka, то есть владение, принадлежащее сеиду — духовному лицу, выводившему свое происхождение от пророка Мухаммеда (Minorsky 1939: 957, 958).

Итак, как было отмечено выше, термин «ольке» фигурирует в источниках монгольского Ирана и державы Тимуридов (то есть, Чагатайского улуса). Что же касается Золотой Орды, то ее немногочисленные источники не содержат упоминаний ольке, однако, как представляется, мы можем провести некоторые аналогии с институтом эмира ольке в джучидской административной практике — хотя пока и на уровне предположений.

В качестве такого аналога нам видится институт, фигурирующий в источниках под названием «титям», «тетим» и т.д. Этот термин уже являлся предметом исследований специалистов. В рамках изучения сборника ярлыков ханов Золотой Орды русской церкви к термину «титям» обратился петербургский тюрколог А.П. Григорьев, которого привлекло наличие в ярлыке хана Мухаммада-Булака (Тюляка, 1379 г.) пассажа: «Мамаевою дядиною мыслию». Допуская, что знаменитый временщик мог, и в самом деле, являться близким родичем хана по матери, исследователь, тем не менее, вполне логично усомнился в том, что хан стал бы указывать степень такого родства в своем официальном указе. Поэтому «дядин» А.П. Григорьев истолковал именно как «титям». Правда, при выяснении значения термина он ограничился отсылкой к тюркскому «тетим», которое перевел как «стойкий, решительный» и интерпретировал применительно к ордынским властным реалиям как «упорно отстаивающий интересы хана». Соответственно, Мамай в его трактовке стал «особо уполномоченным» (Григорьев 2004: 182—184).

Также тетимы упоминаются в договорах золотоордынских наместников Крыма с властями генуэзской Кафы 1380 и 1381 гг. и в Уставе Кафы 1449 г.: в качестве таковых там фигурируют особые чиновники, представляющие интересы ханов в Кафе и обладающие правом суда над ханскими подданными (Джанов 2020: 700, 704; Юргевич 1863: 763).

Специальную статью институту «титям» посвятил петербургский же монголовед П.О. Рыкин, который проанализировал упоминания термина «титям» в русских летописях и сопоставил его с китайскими источниками. По итогам сравнительного анализа он пришел к выводу, что «титям» представляет собой кальку с китайского «тидянь», неоднократно встречающегося в китайских официальных актах, в том числе в жалованных грамотах императоров Юань. И в Китае, и в Золотой Орде это были чиновники, наделенные особыми широкими полномочиями для выполнения ответственных задач, поручавшихся ханами — послы, ревизоры, администраторы и т.д. Любопытно, что эта должность в империи Юань поручалась преимущественно тюркам, то есть, предполагала выполнение ими военных функций (Рыкин 2007).

Исследователи обращались и к вопросам употребление термина «титям» в более поздние периоды. Московский востоковед И.В. Зайцев, развивая построения А.П. Григорьева по поводу значения термина «тетик/титик», проанализировал материалы дипломатической переписки Московского государства с Крымским ханством конца XV — XVII в., обнаружив в них термин «теть», которую определил как должность советника или заместителя посла — главы дипломатической миссии (Зайцев 2011). Подобное значение, в принципе, отражало одну из ипостасей изначального «тидяня» в Юань и «тетима» в Золотой Орде, которые в источниках неоднократно фигурировали как исполнители дипломатических поручений.

Выводы И.В. Зайцева получили дальнейшее развитие в статье московского историка М.В. Моисеева, который прямо выводил термин «теть» из ордынской дипломатической практики, однако тоже склоняется к мысли что термин «теть» как обозначение важного члена посольства получил наибольшее распространение уже в пост-ордынский период. При этом он специально подчеркивает, что назначение тетя (заместителя посла) осуществлялось на основе личного ханского волеизъявления (Моисеев 2023: 684, 686). Подобное наблюдение, как представляется, вполне отражает значение обладателей должности тидянь/«титям» в империи Юань и Золотой Орде.

Поскольку наше исследование посвящено реалиям XIII—XIV вв., мы считаем оправданным сопоставить результаты нашего анализа ярлыков из «Дастур ал-катиб» с наблюдениями А.П. Григорьева и П.О. Рыкина, и это позволяет нам предположить, что «титям» и мог быть неким золотоордынским аналогом эмира ольке. По крайней мере, на

примере Мамая такая аналогия выглядит вполне обоснованной: в эпоху междоусобицы («замятни великой») он приобрел чрезвычайные полномочия по управлению Крымом и Северным Причерноморьем, что позволяло ему длительное время небезуспешно противостоять соперникам в борьбе за контроль над регионом, противодействовать попыткам венецианцев захватить часть ордынских владений в Крыму и т.д. В своей деятельности он сочетал инструменты административной, военной и дипломатической деятельности, что делает его полномочия весьма сопоставимыми с теми, которые предусматривались проанализированными ярлыками для эмиров ольке. То же можно сказать и о золотоордынских тетимах в генуэзской Кафе XIV—XIV вв.

К тому же, если мы допустим, что «титям» являлся аналогией данного персидского (и чагатайского) института, это позволит и дать ответ на причины отсутствия упоминаний такой должности в Золотой Орде. Если в улусах Хулагу и Чагатая получила распространение тюрко-монгольская традиция управления регионами на особом положении, то в Золотой Орде произошла рецепция из практики империи Юань и, соответственно, использовался китайский (с возможными тюркскими корнями?) аналог эмира ольке. В последующем же термин «титям» в пост-ордынских реалиях, как и термин «ольке» в Иране пост-монгольского времени, подвергся значительной трансформации, и его первоначальное значение, как мы могли убедиться, существенно изменилось.

Таким образом, на основании нашего исследования можно прийти к следующим выводам. Эмир ольке представлял из себя сановника, который должен был справиться со чрезвычайной ситуацией (бунт, мятеж и пр.) в отдельном регионе страны: способствовать возвращению бежавших жителей, бороться со смутьянами и врагами, защищать подданных от насилия. Эмиру ольке обязаны были подчиняться все должностные лица провинции. Он должен был обладать храбростью и энергичностью. Расходы на содержание эмира и его воинов покрывались за счет местных сборов. Срок действия полномочий эмира ольке, по-видимому, ограничивался временем стабилизации ситуации в регионе.

Вероятным аналогом должности эмира ольке в Золотой Орде мог быть титям. Данный термин, видимо, был заимствованный из практики империи Юань, однако при этом нельзя не принять во внимание и версию исследователей о том, что он мог иметь и изначально тюркское происхождение.

Литература

АВ ИВР РАН. Ф. 52. Тизенгаузен В.Г. Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод. Ед.хр. 14—16. Л. 217—239.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1998. *Золотая Орда и ее падение*. Москва: Богородский печатник.

Григорьев А.П. 2004. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Джанов А.В. 2020. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов. *Золотоордынское обозрение*, 8 (4) 675—713.

Зайцев И.В. 2011. Кто такой теть? *Золотоордынская цивилизация*, 4, 29—34.

Козин С.А. 1941. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Кораев Т.К. 2006. Социально-политические функции вазирата в государстве Хулагуидов второй половины XIII — начала XIV в. В: Ацамба Ф.М. и др. (ред.). *Meyeriana. Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера.* Т. I. Москва: Гуманитарий, 11—45.

Моисеев М.В. 2023. К вопросу об организации дипломатической службы в постордынских чингизидских государствах в XVI веке (Крымское и Казанское ханства): тети и бакшеи. *Золотоордынское обозрение* 11 (3), 681—692.

Мустакимов и др. 2025: Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1. Институт шихне и его эволюция. *Золотоордынское обозрение* 13 (3), 523—542 .

Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.). 1976. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Рашид ад-Дин 1971: Фалина А.И. (пер.). 1971. Рашид ад-Дин. *Переписка.* Москва: Наука.

Рыкин П.О. 2007. Титям: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях. В: Вахтин Н.Б., Левинтон Г.А. (ред.). А*Б-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина*. Сангт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 475—492.

Юргевич В. 1863. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. *Записки Одесского общества истории и древностей*, V, 629—837.

Doerfer G. 1963. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

Hammer-Purgstall J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Herrmann G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Minorsky V. 1939. A "Soyūrghāl" of Qāsim b. Jahāngīr Aq-qoyunlu (903/1498). *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London* 9.4, 927—960.

de Rachewiltz. I. (transl.), 2004: *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Vol. II. Leiden; Boston: Brill, 641—1347.

References

AV IVR RAN. F. 52. Tiesenhausen, W.G. Iz sochineniya Muhammada Hindushaha Nakhchivani. Rukopisnyi perevod. Storage unit. 14—18. P. 217—239.

Grekov, B.D., Yakubovskiy, A.Yu. 1998. *Zolotaya Orda i ee padenie (Golden Horde and its fall).* Moscow: Bogorodskiy pechatnik (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 2004. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam. Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov (Collection of khans' yarliks to Russian metropolitans. Source study analysis of the Golden Horde documents))*. Saint Petersburg: St. Petersburg University (n Russian).

Dzhanov, A.V. 2020. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review),* 8 (4), 675–713 (In Russian).

Koraev, T.K. 2006. In: Atsamba, F.M. et al. (ed.). *Meyeriana. Sbornik statey, posvyashchenniy 70-letiyu M.S. Meyera.(Collected works on the occasion of the 70th anniversary of M.S. Meyer).* Vol. I. Moscow: Gumanitariy, 11—45 (in Russian).

Kozin, S.A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. (Secret History. Mongolian Chronicle of 1240).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

Moiseev, M.V. 2023. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 11 (3), 681—692 (in Russian).

Mustakimov et al. 2025: Mustakimov, I.A., Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Pochekaev, R.Yu. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 13 (3), 523—542 (in Russian).

Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees).* Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Rashid ad-Din 1971: Falina, A.I. (transl., intr. and comm.). 1971. Rashid ad-Din. *Perepiska (Correspondence)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Rykin, P.O. 2007. In: Vakhtin, N.B., Levinton, G.A. (eds.). *AB-60. Sbornik statey k 60-letiyu Al'berta Kashfullovicha Bayburina (Collected articles on the occasion of 60th Anniversary of Albert Kashfullovich Bayburin).* Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg, 475—492 (in Russian).

Yurgevich, V. 1863. In *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities)*. 5, 629—837 (In Russian, Latin).

Zaytsev, I.V. 2011. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (Golden Horde Civilization)* 4, 29—34.

Doerfer, G. 1963. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

Hammer-Purgstall, J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Herrmann, G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Minorsky, V. 1939. A "Soyūrghāl" of Qāsim b. Jahāngīr Aq-qoyunlu (903/1498). *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London* 9.4, 927—960.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.27.63.024

Ю.В. Селезнев

«ПТИЧИЙ» ЯЗЫК ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЭТИКЕТА НАРОДОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ В XIII—XV ВВ.*

Набор подношений в дипломатическом этикете народов кочевой степи нес определенный символический смысл и декларацию политических и экономических отношений. Обрядовое значение подобных демонстраций уходит корнями в традиционное восприятие и описание мира народов степного пространства Евразии. Прямых свидетельств о месте и роли данных подарков в ритуале посольских миссий в источниках не сохранилось (за исключением их экономического значения). Тем не менее, принципиальный вопрос требования «поминок» в русско-крымских отношениях и их яркие и разноцветные вещественные символические знаки власти, свидетельствуют о немаловажном политическом аспекте в ритуале посольского обмена в XIII—XVII столетиях. При этом косвенные известия позволяют составить представление о символическом смысле ряда атрибутов дипломатических подарков. Так охотничьи птицы — кречеты, соколы и ястребы — различной цветовой гаммы и, в особенности, белые представляли собой демонстрацию подчиненного положения младшего по отношению к старшему. Такое подчинение сопровождало признание поражения в войне и потери суверенитета одного народа по отношению к другому. Именно поэтому преподнесение белых птиц остро воспринималась при обмене посольских миссий на всем протяжении Евразийского пространства в рассматриваемое время. Компоненты атрибутов посольских подношений позволяют выявить тонкости дипломатической игры в момент обменами делегациями и развитие деклараций соподчинения или отказ от них в кризисные моменты отношений. Однако уяснение деталей такой игры задача дальнейших исследований.

Ключевые слова: дипломатическая культура, посольский этикет, кречет, сокол, Орда, русские княжества, «поминки».

Сведения об авторе: Селезнев Юрий Васильевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1, Воронежский государственный университет, e-mail: orda1359@mail.ru.

Yu.V. Seleznev

“BIRD” LANGUAGEOF DIPLOMATIC ETIQUETTE OF NATIONS EURASIAN STEPPE IN THE XIII—XVII CENTURIES

A set of offerings in the diplomatic etiquette of the peoples of the nomadic steppe has an incomparable symbolic meaning and a declaration of political and economic relations. The ceremonial significance of such demonstrations is rooted in the traditional perception and description of the world of the peoples of the Eurasian steppe area. There is no direct evidence of the place and role of these gifts in the ritual of the embassy missions in Eastchoniki (except for their economic significance). Nevertheless, the fundamental issue of the requirement of “commemorations” in Russian-Crimean relations and their vivid and colorful material symbolic signs of power testify to an important political aspect in the ritual of embassy exchange in the XIII—XVII centuries. At the same time, indirect news allows us to get an idea of the symbolic meaning of a number of attributes of diplomatic gifts. Thus, hunting birds — gyrfalcons, falcons and hawks — of various colors and, in particular,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, https://rscf.ru/project/23-18-00147/.

Статья поступила в номер 21 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июля 2025 г.

© Ю.В. Селезнев, 2025.

white represented a demonstration of the subordinate position of the younger relative to the elder. Such subordination accompanied the recognition of defeat in the war and the loss of sovereignty of one nation in relation to another. That is why the presentation of white birds was acutely perceived during the exchange of embassy missions throughout the Eurasian space at the time under review. The components of the attributes of ambassadorial offerings make it possible to identify the subtleties of the diplomatic game at the time of the exchange of delegations and the development of declarations of reconciliation or their rejection in crisis moments of relations. However, understanding the details of such a game is the task of further research.

Key words: diplomatic culture, ambassadorial etiquette, gyrfalcon, falcon, Horde, Russian principalities, “pominki”.

About the author: Seleznev Yuri Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Voronezh State University.

Contact information: 394018, Russia, Voronezh, University Square, 1, Voronezh State University, e-mail: orda1359@mail.ru.

Различный набор даров в дипломатическом этикете средневековья содержит скрытый смысл отношений различного рода между государствами и народами.

В исследовательской литературе широко рассматривается проблема содержания «поминок» ханам постордынских государств. Так М.В. Моисеев отметил, что анализ формирования состава даров «позволяет считать «поминки» экономическими по форме, но политическими по содержанию и выделять их в особый вид отношений» (Моисеев 2011: 20). В рамках отношений России с постордынскими государствами М.В. Моисеев отмечает что «поминки» «имели ситуативное прочтение» и их «представляли то дарами, то данью» (Моисеев 2016: 163). В то же время «данническое содержание играет второстепенную роль и, скорее, связано с политическими претензиями, чем с реальностью» (Моисеев 2016: 171).

В свою очередь В.Г. Науменко указывает, что в «таком «маятнике» символическое значение каждого предмета из набора подарков играло немаловажную декларативную роль (которую каждая сторона незамедлительно стремилась закрепить юридически)» (Науменко 2013). Далее автор называет важнейшие слагаемые «русско-крымских дипломатических отношений» — «кречеты, соколы, рыси, куницы, белки, горностаи, лисицы». При этом «мир поминков выглядит разноцветным: белый сокол, красный и серый кречет, черная лисица <...> — вещественные символические знаки власти — были яркими» (Науменко 2013).

Именно политико-правовые претензии на наш взгляд отражались не только в наборе подарков, но и в их «качественном» содержании. Так цветовая гамма и наличие в подарках охотничьих птиц могло указать на статусные отношения между правителями, обменивавшимися посольствами. Часто такие подношения должны были указывать на соподчиненное положение, которое не было закреплено в письменной (юридической) форме. Но к этому закреплению стремилось одна из сторон. При этом символический язык подарков был хорошо известен обеим сторонам.

В данной работе предлагается рассмотреть одну из позиций в подношениях правителей — охотничьи птицы, точнее, соколы/кречеты. Г.Н. Симаков подчеркивает, что в эпоху средневековья (в эпоху существования громадных кочевых империй) соколиная охота получила наивысшее развитие, а культ хищных птиц, был наиболее полифункционален, выполняя помимо ритуальной, и другие общественные функции (государственную, сословную, военную, дипломатическую, развлекательную и хозяйственную (экономическую) (Симаков 2000: 311).

Действительно, мир пернатых, предназначенных в подарок крымскому хану разноцветен. Впервые «цветной» кречет появляется в запросе крымского хана Менгли-Гирея в 1491 г. (Ноября 16): «Да говорил Мунырь да Оюсъ дуванъ отъ царя **о кречяте о бѣломъ** да о шубе горлатной о черныхъ горлахъ; а хочеть деи тотъ кречетъ послати къ турьскому» (Сборник РИО 1884: 121). Менгли-Гирей просит прислать ему белого кречета для передачи его турецкому султану — сюзерену крымского хана.

Широкая палитра цветов представлена в птичьих подарках царя Ивана IV Васильевича крымскому хану Девлет-Гирею в 1573 г. (февраль). Хан запрашивает: «Да прислати б нам к тебе **кречат болшой** да чеглик кречатей». На что русский царь отвечает: «И мы к тебе, брату своему, послали с своим человеком с Ываном с Мясным **кречат крапленой, да кречат серой, да ястреб старой, да сокол боец высокой**, и кречатников и соколника к тебе есмя послали» (Посольская книга 2016: 110). («А ко царю есмя послали з гонцом его сь Ян-Магметем двесте рублев денег, **да и кречет красной, да кречет серой, да ястреб старой, да сокол**, да кречетника, да дву ястребников, да соколника» (Посольская книга 2016: 110).

Современная орнитология тип серых кречетов называет — белой морфой. Кречеты также разделяются на **белых К. (Falco candicans, groenlandicus) — лучших и самых ценных**, исландских К. (F. islandicus), норвежских или **обыкновенных («серых»)** К. (F. hyrfalco) и **красных** К. (F. sacer) — ныне очень ценящихся в странах Ближнего Востока, а в прошлые века также во Франции, Англии и в охоте царя Алексея Михайловича, для которой они добывались в Архангельской губ. и в Сибири. Кроме того, среди светлых ценятся **полубелые, крапленые и белые**. Сибирский кречет носил название «красный кречет», а птицы с белой основной окраской, но с сильно развитой пестриной «подкрасный кречет»; в тюркских языках носят название белые птицы — ак-шункар, ак-мирза-шинкар (Дементьев 1951: 70). Таким образом, «красные» и «подкрасные» кречеты относятся к разновидности белых кречетов.

То есть, в посольских книгах иерархия подарков выстроена в соответствии с современным представлением о ценности ловчих птиц (которая, в свою очередь, уходит в глубину веков). На первом месте — крапленые кречеты, далее — серые. Между ними должны быть белые кречеты, которые представляют собой особую ценность и важность.

Сохранение ценностных представлений о цветовых ориентирах отмечается у современных калмыков — наследников кочевой традиции. Для них «белый цвет — это понятие, связанное с моральными, этическими постулатами коммуникативного поведения. С помощью этого цвета люди регламентировали свое поведение в обществе. В связи с этим можно сказать, что белый цвет выступает в роли определенных критериев, служащих правилам правильного поведения» (Артаев, Баринова 2019).

В этой связи весьма показательна роль белых птиц в дипломатии монгольских степей и улусов Монгольской империи.

В рамках становления Улуса Джучи источники наглядно показывают символическую роль подарков белого цвета в рамках признания главенства/суверенитета при покорении соседних народов Чингиз-ханом и его сыновьями.

Так в «Сокровенном Сказании» отмечается, что в 1207 г. после похода старшего сына Чингиз-хана Джучи на «лесные народы» к нему «явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями». После чего Джучи «принял под власть Монгольскую все Лесные народы» (Козин 1941: 174—175).

В китайской династийной хронике Юань ши так же отмечено: «в тот же год (1207), [Чингисхан] отправил Алтана и Буура, двух послов, к киргизам. Вскоре после этого обоки Еди и Инала и обок Алтиера, все направили послов и преподнесли в дар знаменитых соколов» (Золотая Орда в источниках 2009: 147).

Персидский автор Рашид-ад-Дин, повествуя об этих событиях, особо отметил, что киргизские племена послали назад вместе с представителями Чингиз-хана «трех своих эмиров, коих звали: Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак, с белым соколом, как выражение почтения от младшего старшему (в тексте — улджамиши от тюркского глагола улджамак — оказать почтение старшему, т.е. «стать одним коленом на землю, руку положить на голову и потом приблизиться и поцеловать колено почитаемого» (Радлов 1893: 1093), и подчинились [ему]» (Рашид ад-Дин 1952a: 151). Далее Рашид-ад-Дин, повторяясь, указал, что киргизы «оказали полный почет упомянутым послам и, послав вместе с ними своих двух послов <…> отправили обратно с белым соколом [сункур-и сапид] и подчинились Чингиз-хану» (Рашид ад-Дин 1952b: 152).

Таким образом, источники (монгольского, китайского и персидского происхождения) единодушно и наглядно свидетельствуют о том, что преподнесение в кочевой среде начала XIII столетия в подарок белого кречета/сокола декларировало прошение о принятие в подданство и символизировало подчиненное положение младшего по отношению к старшему.

Охотничьи птицы, в особенности, соколы/кречеты, фиксируются и далее в истории посольских миссий Джучиева Улуса. В частности, в 1270 г. при интронизации ильхана Абаги 26 ноября были приняты гонцы от хана Орды (Джучиева Улуса) Менгу-Тимура, которые «приехали <…> с поздравлением с победой над Бораком [и] с разного рода подарками и подношениями соколами, сонкурами (Ак-Сонкур или Ак-Сонкор или Ак-Сункур (тюрк. *Белый Сокол*, *Кречет*)) и шахинами» (рыжеголовый сапсан, пустынный сокол (лат. Falco peregrinus pelegrinoides) — хищная птица семейства соколиных. Подвид сапсана (Falco peregrinus) серый). Абага-хан отправил послов «[обратно] и вместе с ними послал царские дары (Рашид ад-Дин 1946: 86). В сообщении Рашид-ад-Дина особо выделена цветовая гамма различных охотничьих птиц и подчеркнуты белые и серые оттенки статусных подарков.

Показательно, что свидетельство Рашид-ад-Дина о подношениях ордынского хана Менгу-Тимура ильхану Абаге в форме целого набора различных соколов помещено после упоминания о прибытии от каана Хубилая гонцов с символами инвеституры (они привезли ярлык, венец и дары) (Рашид-ад-Дин 1946: 86). В этой связи преподнесение соколов/кречетов в данном контексте могло символизировать признание Менгу-Тимуром суверенных прав Абаги. Однако цветовых атрибутов в данном свидетельстве не отмечено.

Особую роль соколов в качестве статусных протокольных подарков источники отмечают при описании посольсства Токты к ильхану Газану в 1302-1303 г. Так в «Истории Вассафа» поветствуется, что из Орды «прибыли 3 посольских уймака с 325 почтовыми конями (улар;)». Персидсикй автор указывает, что после победы над Ногаем «Токтай сделался полновластным ханом и утвердился на вершинах почета и счастия, <…> (в нем) зашевелилась жилка тщеславия и спеси и возобновилось желание присоединить (к своим владениям) области Арран и Азербайджан». Хан Орды «назначил послов к его величеству (Газан-хану), которым настойчиво было указано высказаться без обходительности и представить невесту желания без неуместных прикрас» (Из «Истории Вассафа» 1941: 83). Фактически посольская миссия ставила отношения между Ордой и монгольской Персией на грань войны.

Однако «Темта, сын Токтая, был царевич предусмотрительный». В нарушение распоряжения отца он «дал послам в спутники Иса-гургана и наказал им взять с собою, без ведома Токтая, соколов и другие подарки, говорить при его величестве Газан-хане достойным образом и не сходить с пути вежливости». Иса-гурган исполнил поручение: «удостоился чести явиться к его величеству в сообществе послов и поднес (ему) приношения тех (джучидских) стран: соколов дальнелетных и охотничьих, разные меха — белок киргизских, ласок (фенек) карлукских, горностаев славянских и соболей булгарских , кровных коней кипчакских и другие красивые подарки» Персидсикй историк особо подчеркивает, что подношения стали опорой «сближения» и поддержкой «благорасположения» (Из «Истории Вассафа» 1941: 84). В результате был сохранен мир, ильхан Газан направил хану Токте «предложение оставаться на пути согласия и взаимности». Послов «кипчакских почтил подарками и милостями». При этом «21 сокола, которых они привезли, он передал в свой собственный охотничий дом и выдал из казны за каждого сокола на 1000 динаров жемчугу» (Из «Истории Вассафа» 1941: 84). В этом эпизоде соколы сыграли немаловажную роль в переговорах. Правда и здесь их цветовая характеристика не упоминается.

Не обозначен цвет ловчик птиц и в следующем изветстии. Арабский автор Ибн Дукман отметил, что в «717-м году хиджры (= 16 март. 1317 — 4 март. 1318 г.) в Египет прибыли послы Узбека, которые доставили султану подношение, которое состояло: «**из 8 соколов** и 6 невольников, из кольчуги, булатного шлема и меча» (Из летописи Ибндукмака 1884: 326). Автор особо подчеркнул, что «никто из царей их прежде этого не присылал ничего подобного,

потому что у них в обычае бережливость; такой размер был лишь вследствие уважения (оказанного) султаном ему самому» (Из летописи Ибндукмака 1884: 326).

Другой арабский автор ал-Айни указал, что при прибытии ордынского посольства в 724-м г.х. (= 30 дек. 1323 — 17 дек. 1324 г.) подарки Узбека были скромнее: «**два сокола** и шкуры белых зайцев, каждая длиною в 7 с дробью локтей». При этом в «послании их заключалось великое порицание того, что султан не согласился на войну с Абусаидом и наместником его Джубаном» (Из летописи Бедреддина Элайни 1884: 526—527). То есть, благорасположение при обмене подарками между правителями выражалось и в количестве преподнесенных птиц.

В это же время — в 1322 г. — «Повесть о царевиче Петре» относит встречу ордынского посла Ахмыла, при описании которой упомянуты в качестве ханской принадлежности именно охотничьи птицы и верхняя одежда: «…Игнатъ пред кресты съ гражаны и, вземъ тѣшь царьскую — **кречеты, шубы и питие,** край поля и езера ста на колени пред Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царева племя…» (Повесть о Петре 2000: 82—84). Здесь также набор даров (тешь) и, в частности, кречеты, упомянуты в качестве символа подчиненности верховной власти хана в лице его посла («ста на колени»).

Необходимо также обратить внимание на завязку сюжета эпоса «Идегей», где в «Песне первой» описывается ссора между Тимуром и Токтамышем, которая разгорается из-за требования самаркандского правителя передать ему лучшего ханского сокола (Идегей 1990: 6—9). Несомненно, перед нами эпическое преувеличение. Однако оно явно указывает на то значение, которое придавалась подаркам в виде охотничьих птиц и, в частности, соколов/кречетов в сложной дипломатической иерархии кочевников в XV—XVI столетиях.

Сюжет находит аналоги в известиях об эпизодах переговоров Токтамыша и Тимура. Так, в начале похода Тимура на восточные улусы Орды в 1391 г. к нему прибыла посольская миссия от правителя Джучиева Улуса. Во время аудиенции у Тимура посол, выполнив обязательства вежливости и целования земли, преподнес лошадей **и сокола** и через посредство нойонов довел до сведения (Тимура) слова царя, содержавшие много извинений» (Из «Книги побед» Низами-ад-Дина Шами 1941: 112; Из «Книги побед» Шериф-ад-Дина Йезди 1941: 157). Затем он (Тимур) устроил царский пир, обласкал посла больше, чем прежде, и дал халат и пояс» (Из «Книги побед» Низами-ад-Дина Шами 1941: 113). Персидский автор Шериф-ад-Дина Йезди уточняет, что послы Токтамыша «**преподнесли 1 сокола** и 9 быстрых коней». При этом Тимур, соблюдая обычай, (принятый) у султанов, **взял сокола (себе) на руку**, но по чувству царского достоинства, не обратил большого внимания» (Из «Книги побед» Шериф-ад-Дина Йезди 1941: 159).

Далее, повествуя о событиях 807 г.х. (= 10 июля 1404 — 28 июня 1405) Шериф-ад-Дина Йезди отмечает, что в Самарканде Тимур принимает посла Идигу (Едигея), который «**поднес сокола** и другие подарки, которые привез с собою, и доложил послание Идигу, заключавшееся в изъявлении покорности и подчинения» (Из «Книги побед» Шериф-ад-Дина Йезди 1941: 188).

Сын Тимура Шахрух в 812 г.х. (= 16 мая 1409 — 5 июня 1419) принимает послов «Пулад-хана, эмира Идигу-бахадура и эмира Айсе, которые были обладателями власти в Дешт-и-Кипчаке и странах узбекских». Абд-ар-Раззака Самарканди упоминает, что участники дипломатической миссии «поднесли царственные подарки, **кречетов и (других) охотничьих птиц**». По итогам посольства в Орду направился посол для сватовства царевны «из рода ханского и дома Чингизханова» (Из «Места восхода двух счастливых звезд …» 1941: 192).

Мы видим, что свидетельства эпического произведения «Идегей» о важности охотничьих птиц в переговорном этикете того времени находят анадлогию и подтверждение в событиях взаимоотношений Тимура и его наследников с правителями Джучиева Улуса.

Таким образом, на протяжении XIII—XV вв. среди народов Евразийской степи прослеживается символическая роль охотничьих птиц в ходе обмена дипломатическими подношениями. Так преподнесение в подарок белого кречета/сокола сопровождало декларацию о принятие в подданство и символизировало подчиненное положение младшего по отношению к старшему. Это предполагало признание главенства/суверенитета одного политического образования над другим. В дипломатическом языке народов Евразии соколы/кречаты играли

особую роль в качестве статусных протокольных подарков, которые показываля благорасположение дарителя и его уважительно-подчиненное положение. Количество, цвет и род птиц «информировали» переговаривающиеся стороны о степени дружественности или недружественности отношений, могли смягчить или усугубить напряжения между государствами вплоть до объявления войны или заключения мира. Символический язык содержания протокольных подарков в отношениях между народами Евразийской степи при дальнейшем детальном исследовании может позволить уточнить динамику изменений политической жизни в тот или иной период, определить геополитические приоритеты того или иного политического образования в XIII—XV столетиях.

Литература

Артаев и др. 2019: Артаев С.Н., Баринова Б.В., Мукабенова Ж.А., Горяев Г.А. Цвет в коммуникативном поведении калмыков. *Мир науки. Социология, филология, культурология* 4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK419.pdf (дата обращения 07.08.2024).

Дементьев Г.П. 1951. *Сокола-кречеты*. Москва: Московское общество испытателей природы.

Золотая Орда в источниках 2009: Храпачевский Р.Н. (сост.). 2009. *Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи*. Т. III. *Китайские и монгольские источники*. Москва: Центр по изучению военной и общей истории.

Идегей 1990: Липкин С. (пер.). 1990. *Идегей*. Казань: Татарское книжное издательство, 6—9.

Из «Истории Вассафа» 1941: Тизенгаузен В.Г. (сост.). 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 2. *Извлечения* из персидских сочинений. Москва; Ленинград: АН СССР, 80—89.

Из «Книги побед» Низами-ад-Дина Шами 1941: Тизенгаузен В.Г. (сост.). 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 2. *Извлечения* из персидских сочинений. Москва; Ленинград: АН СССР, 104—125;

Из «Книги побед» Шериф-ад-Дина Йезди 1941: Тизенгаузен В.Г. (сост.). 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 2. *Извлечения* из персидских сочинений. Москва; Ленинград: АН СССР, 144—189.

Из «Места восхода двух счастливых звезд...» 1941: Тизенгаузен В.Г. (сост.). 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 2. *Извлечения* из персидских сочинений. Москва; Ленинград: АН СССР, 190—201.

Из летописи Бедреддина Элайни 1884: Тизенгаузен В.Г. (сост.). *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 475—534.

Из летописи Ибндукмака. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 315—330.

Козин С.А. (пер.) 1941. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Niruca tobciyan. Юань Чао Би Ши. *Монгольский обыденный изборник* I.

Моисеев М.В. 2016. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения. *От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.* Москва; Вологда: Древности Севера, 16—3—171.

Моисеев М.В. 2011. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века. *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология»* 4, 17— 31.

Науменко В.Г. 2013. Русские дипломаты в Крыму: из истории союзнических отношений великого князя Ивана III Васильевича и царя Менгли-Гирея. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. № 6 *Ноябрь—декабрь.* URL: https://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Naumenko_Russian-Diplomats-Crimea/ (дата обращения 07.08.2024).

Повесть о Петре 2000: Дмитриева Р. П. (подготовка текста и комментарии). *Повесть о Петре, царевиче Ордынском.* Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Санкт-Петербург: Наука, 82—84.

Посольская книга 2016: Зайцев И.В. (отв. ред.). *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571—1577 гг.* Москва: ИД Марджани.

Радлов В.В. 1893. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 1. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Рашид-ад-дин 1952a: Смирнова О.И. (пер.). 1952. *Рашид-ад-дин. Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид-ад-дин 1952b: Смирнова О.И. (пер.). 1952. *Рашид-ад-дин. Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 2. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид-ад-дин 1946: Смирнова О.И. (пер.). 1946. *Рашид-ад-дин. Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.

Сборник РИО 1884: Карпов Г.Ф. (ред.). *Сборник Императорского Русского исторического общества*. Т. 41. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией*. Т. I. *(С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России)*. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского и Ко.

Симаков Г.Н. 2000. Культ хищных птиц у народов Средней Азии и Казахстана (На примере соколинской охоты). Дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Российская академия наук; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

References

Artayev i dr. 2019: Artayev, S.N., Barinova, B.V., Mukabenova, Zh.A., Goryayev, G.A. In *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya (World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies)* 4. Available at: https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK419.pdf (accessed 07.08.2024) (in Russian).

Dement'yev, G. P. 1951. *Sokola-krechety (Gyrfalcon)*. Moscow: Moskovskoye obshchestvo ispytateley prirody (in Russian).

Zolotaya Orda v istochnikakh 2009: Khrapachevskiy, R.N. (ed.). 2009. Zolotaya Orda v istochnikakh (materialy dlya istorii Zolotoy Ordy ili ulusa Dzhuchi (*The Golden Horde in sources (materials for the history of the Golden Horde or the Ulus of Jochi*). Vol. III. *Kitayskiye i mongol'skiye istochniki (Chinese and Mongolian sources. Moscow: Center for the Study of Military and General History)*. Moscowa: Tsentr po izucheniyu voyennoy i obshchey istorii (in Russian).

Idegey 1990: Lipkin, S. (transl.). 1990. *Idegey*. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Iz "Istorii Vassafa" 1941: In: Tiesenhausen, V.G. (comp.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials relating to the history of the Golden Horde)*. Vol. 2. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy (Extracts from Persian works)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 80—89 (in Russian).

Iz "Knigi pobed" Nizami-ad-Dina Shami 1941: In: Tiesenhausen, V.G. (comp.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials relating to the history of the Golden Horde)*. Vol. 2. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy (Extracts from Persian works)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 104—125 (in Russian).

Iz "Knigi pobed" Sherif-ad-Dina Yyezdi 1941. In: Tiesenhausen, V.G. (comp.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials relating to the history of the Golden Horde)*. Vol. 2. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy (Extracts from Persian works)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 144—189 (in Russian).

Iz "Mesta voskhoda dvukh schastlivykh zvezd ..." 1941. In: Tiesenhausen, V.G. (comp.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials relating to the history of the Golden Horde)*. Vol. 2. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy (Extracts from Persian works)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 190—201 (in Russian).

Iz letopisi Bedreddina Elayni 1884. In: Tiesenhausen, V.G. (comp.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials related to the history of the Golden Horde)*. Vol. 1. *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh (Extracts from Arabic works)*. Saint Petersburg: AN SSSR, 475—534 (in Russian).

Iz letopisi Ibndukmaka 1884: In: Tiesenhausen, V.G. (comp.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (Collection of materials related to the history of the Golden Horde)*. Vol. 1. *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh (Extracts from Arabic works)*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 315—330 (in Russian).

Kozin, S.A. 1941. In *Mongol'skiy obydennyy izbornik (Mongolian everyday collection)* I. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Moiseev, M.V. 2016. In *Ot Smuty k imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI—XVIII vv. (From the Time of Troubles to Empire. New discoveries in the field of archeology and history of Russia in the 16th — 18th centuries)*. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 163—171 (in Russian).

Moiseev, M.V. 2011. In *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Ser. "Istoriya i politologiya" (Bulletin of the M.A. Sholokhov* 4, 17—31 (in Russian).

Naumenko, V. G. 2013. In *Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znaniye. Ponimaniye. Umeniye" (Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skills")* 6. *Noyabr'— dekabr' (November — December)*. Available at: https://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Naumenko_Russian-Diplomats-Crimea/ (accessed 07.08.2024) (in Russian).

Povest' o Petre 2000: Dmitrieva, R.P. (comp.). In *Library of Literature of Ancient Rus* 9, 82—84.

Posol'skaya kniga 2016: Zaitsev, I.V. (ed.). *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1571—1577 gg. (Embassy book on relations of the Moscow state with the Crimea. 1571—1577)*. Moscow: ID Marjani (in Russian).

Radlov, V.V. 1893. Opyt slovarya tyurkskikh narechiy (An attempt at a dictionary of Turkic dialects). Vol.1. Pt. 1. St. Petersburg: type. Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Rashid-ad-din 1952a: Smirnova, O.I. (trans.). 1952. *Rashid-ad-din*. *Sbornik letopisey (Rashid ad-din. Collection of annals)*. Vol. 1. Bk. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid-ad-din 1952b: Smirnova, O.I. (trans.). 1952. *Rashid-ad-din*. *Sbornik letopisey (Rashid ad-din. Collection of annals)*. Vol. 1. Bk. 2. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid-ad-din 1946: Smirnova, O.I. (transl.). 1946. *Rashid-ad-din. Sbornik letopisey (Rashid ad-din. Collection of annals)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Sbornik RIO 1884: Karpov, G.F. (ed.) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society)*. Vol. 41. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu ordami i s Turtsiyey (Monuments of diplomatic relations of the Muscovite state with the Crimean and Nogai hordes and with Turkey)*. Vol. I. *S 1474 po 1505 god, epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii* (*From 1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia)*. Saint Petersburg: Printing House of F. Eleonsky and Co. (in Russian).

Simakov, G.N. 2000. The Cult of Birds of Prey Among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan (Based on Falconry)). Dr. habil. Thesis. Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera).

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.28.12.025

Apolon Tabuashvili

THE IMPACT OF THE CRIMEAN QUESTION ON GEORGIAN-RUSSIAN RELATIONS (1783—1784)*

This paper considers the reasons for drafting an additional article to the Treaty of Georgievsk, which concerns the issue of consecrating Georgian monarchs as kings. As it is evidenced from archive materials, in May-June 1783, King Erekle II of Kartl-Kakheti (Eastern Georgia) suspended the process of signing the Russian-Georgian agreement for almost a month and a half. He gave his consent to formalize the treaty at the end of June, although at the same time, he requested that the right of coronation of Georgian monarchs be reflected in the treaty. Prior to signing the treaty, Georgian ambassadors also made the same proposal, but it was turned down by Russia. Erekle II soon sent his representative to the imperial court and again insisted on having his conditions taken into consideration. The Russian empress finally approved the Georgian king's proposition in September 1783.

Erekle II's appeals make it clear that he linked the right to the coronation of the king in the treaty with the factor of the inviolability of the existence of the kingdom. With this request, he wanted to receive an additional guarantee from the empire that his kingdom would not be abolished in the future. Such a proposition has never been made by the king of Georgia. In our opinion, the developments taking place in the Crimean Khanate had an impact on Erekle II's cautious policy. He put forward this new demand at a time when the news about the annexation of Crimea was widely spread.

Key words: Georgia, Crimea, Erekle II, Catherine II, Treaty of Georgievsk, coronation.

About the author: Apolon Tabuashvili, Doctor of History, Associate Professor, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Chief researcher, Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts.

Contact information: 0128, Georgia, Tbilisi, 1 Ilia Chavchavadze ave, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; e-mail: apolon.tabuashvili@gmail.com.

Аполлон Табуашвили

ВЛИЯНИЕ КРЫМСКОГО ВОПРОСА НА ГРУЗИНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1783—1784 ГГ.)

В статье рассматриваются причины составления дополнительной статьи (артикуля) Георгиевского трактата, касающейся вопроса посвящения грузинских монархов в цари. Согласно архивным материалам, царь Картли-Кахети (Восточной Грузии) Ираклий II почти на полтора месяца, в мае—июне 1783 г., приостановил процесс оформления русско-грузинского договора. В конце июня он согласился на его подписание, хотя в то же самое время запросил отразить в договоре право коронации грузинских монархов. Перед подписанием договора такое же предложение было выдвинуто послами Грузии, однако российская сторона не удовлетворила их запрос. Вскоре Ираклий II отправил своего представителя к императорскому двору и еще раз четко потребовал уссмотрения своего запроса. Наконец, в сентябре 1783 г. предложение грузинского царя было удовлетворено российским императором.

Из обращений Ираклия II отчетливо видно, что право на коронацию царя в трактате он связывал с фактором неприкосновенности существования царства. Этим запросом он желал получить от империи дополнительную гарантию того, что в будущем его царство не будет упразднено. Грузинский царь никогда раньше не делал подобного предложения. На наш взгляд, осторожная политика Ираклия II была связана с

* This work was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSFG), № FR-23-11173.

Статья поступила в номер 22 сентября 2024 г.
Принята к печати 15 октября 2024 г.

© Аполлон Табуашвили, 2025 г.

происходящими в Крымском ханстве процессами. Он выдвинул свое новое требование как раз в тот момент, когда широко распространились известия об аннексии Крыма.

Ключевые слова: Грузия, Крым, Ираклий II, Екатерина II, Георгиевский трактат, коронация.

Сведения об авторе: Табуашвили Аполлон Гурамович, доктор истории, ассоцированный профессор, Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили; Главный научный сотрудник, Грузинский национальный центр рукописей им. Корнелия Кекелидзе.

Контактная информация: 0128, Грузия, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 1, Тбилисский Государственный Университет им. И. А. Джавахишвили; e-mail: apolon.tabuashvili@gmail.com.

Numerous publications have been devoted to studying the Treaty of Georgievsk by virtue of which Kartli-Kakheti (Eastern Georgia) came under the protection of the Russian Empire. However, some aspects of the agreement still require further research. This time our attention will be focused on an additional article of the treaty concerning the coronation of Georgian monarchs.

As is known, the treaty was concluded on July 24, 1783, in the fortress of Georgievsk (in the North Caucasus). On behalf of Russia, it was signed by the commander-in-chief of the Caucasian Corps, General Pavel Potemkin, and on behalf of Georgia — by princes Ivane Bagrationi (Mukhranbatoni) and Garsevan Chavchavadze. In particular, three documents were signed: I. The body of the treaty; II. Separate Articles; III. “An oath of fealty”. As for the additional article, it was drafted later (Macharadze 1983: 19, 21, 45, 47).

The additional article states that since there was a long-standing tradition of being crowned and anointed the kings of Kartli and Kakheti, the Russian emperor allowed them to be anointed in the same way, but the Georgian monarchs had to follow this rule after taking the oath of allegiance to the emperor. In addition, the Russian emperor sent the Georgian king the investiture specified in the treaty and the usual royal crown, which the king would receive and wear (Macharadze 1983: 72—73, 78).

As revealed from one of the letters sent by Pavel Potemkin to King of Kartl-Kakheti Erekle II (King of Kakheti in 1744—1762; King of Kartl-Kakheti in 1762—1798), he signed the additional article in December 1783 after which the document was sent to Tbilisi (NCM. H-2300: 33—35, Figs. 1—3). Ioane Bagrationi and Garsevan Chavchavadze signed the document on January 24, 1784, the day of ratification of a treaty scheduled in Tbilisi. It is due to this circumstance that the Georgian version of the document is dated January 24, 1784, rather than June 24, 1783, and Tbilisi is indicated as the place of signing. In the Russian version of the additional article, however, neither the date nor the place of drafting is specified (Macharadze 1983: 72—73, 78).

To put it briefly, the additional article is an essencial component of the Treaty of Georgievsk, though it was neither approved at the Georgievsk fortress nor signed by the parties at the time the treaty was adopted. Obviously, it is interesting to investigate all the circumstances that led to the drafting of the additional article. At the same time, it is important to find out the reason the document was executed later than expected.

This fact is quite well known in historiography, although this issue has never been the subject of special research. For instance, Russian historian P. Butkov, who studied the period of Russian Empire, notes that since Erekle was not consecrated upon his accession to the throne, the emperor permitted the ritual of coronation to be performed at his request (Butkov 1869: 129). Like Butkov, N. Dubrovin also regards the issue of consecration as unimportant (Dubrovin 1886: 11—12). There is a similar approach in the works of other researchers from the subsequent era (Tsintsadze 1960: 123—131; Macharadze 1983, etc.).

Specific information on the issue can be found in documentary sources, the combination of which allows us to draw interesting conclusions. As is known, in early April 1783, the favorite of Russia’s Empress Catherine II (1762—1796) and the great statesman of the empire, general-in-chief Grigory Potemkin personally sent a draft treaty to Georgia by the hand of Lieutenant Colonel Vasily Tamara. At the same time, Grigory Potemkin notified Erekle II that the affairs related to Georgia were under his direct jurisdiction, and the right to sign the treaty was granted to Pavel Potemkin, a commander-in-chief of the Caucasian Line. Grigory Potemkin also emphasized that the

Russian Empress not only satisfied all the demands of the Georgian king, but also made the terms of the treaty even more favorable for the Georgian side. Accordingly, he expressed his confidence that Erekle II would not raise any objections and that the Georgian ambassadors would soon depart for the Caucasian Line in the shortest possible time to finalize an agreement. (Dubrovin 1886: 4).

In his correspondence from the Caucasian Line dated already 9—10 May, Pavel Potemkin informed Erekle II that Tamara would deliver the draft treaty. The Russian general also called Erekle to select two representatives (ambassadors) upon Tamara's arrival in Tbilisi and send them to the Caucasian Line to facilitate a quick signing of the treaty (NCM. H-2300: 14—20).

In spite of the appeals, Erekle II postponed the procedure for almost a month and a half. The king delayed the appointment of two representatives. The Russian side could not tolerate the procedure being delayed, so the Russian authorities persistently insisted Erekle II to appoint plenipotentiary representatives and dispatch them right away to the Caucasian Line (Dubrovin 1886: 5—6). The Georgian king discussed the text of the treaty in detail for more than a month (Macharadze 1983: 18, 43). It was obvious that he was concerned about specific contract-related conditions.

On June 28, Erekle II ufinally consented to sign the treaty (NAG. F. 1449. No. 2802). However, one of the correspondences dated the very same day makes evident the reasons behind the Georgian king's reluctance and worries. The mentioned document is an appeal addressed by Erekle II to Grigory Potemkin.

At the beginning of the document, Erekle II noted that according to the decision of Catherine II, all of his requests prior to approval had to be forwarded to Grigory Potemkin. He then stated that in light of the mentioned recommendation, he was sending him a letter in which his wish was voiced. The king emphasized that historically, monarchs of the united Georgia were always consecrated as kings upon their ascension to the throne. The same tradition continued after the disintegration of the country into three independent kingdoms. The only exception occurred during the reign of Shah Abbas I, when the future rulers of Kartli and Kakheti were forced into converting to Islam by the Persian shahs. However, this practice ceased under Nadir Shah, who no longer required his father Teimuraz, to convert to Islam. Consequently, Teimuraz was also consecrated as king. However, when Erekle himself ascended to the throne, he could not arrange the consecration ceremony due to his busy schedule, despite requests from both the clergy and the populace. This time, he urged the Russian side to append in the treaty the right to consecrate Georgian monarchs as kings (through anointment and coronation). The king also brought up the issue of the Catholicos, although he did not impose any specific conditions in this regard. Rather, he emphasized the rights of the Catholicos of Mtskheta (East Georgia) as the archpriest of the autocephalous church and insisted that this circumstance be taken into account (NAG. F. 1449. No. 2803).

On June 28, Erekle II sent a renewed request to Grigory Potemkin and shortly thereafter dispatched, ambassadors (Ioane Mukhtanbatoni and Garsevan Chavchavadze) who arrived in the town of Mozdok on July 15 (Macharadze 1983: 19, 44)[1]. By that time, Potemkin, the king's addressee, was in Kherson[2], not far from the Caucasus region. The message sent in advance to Grigory Potemkin indicates that the king of Kartl-Kakheti hoped that his request would be reflected in the treaty. It is also important to note that Russian officials constantly emphasized the generosity of the empress and reminded Erekle that every request made by the Georgian king had been taken into account. Against this background, Erekle probably believed that the appeal sent to Grigory Potemkin would be sufficient to resolve the issue.

As is known, on July 18, the representatives of the Kingdom of Kartl-Kakheti left Mozdok for the fortress of Georgievsk. After a ceremonial reception of the Georgian delegation that evening, discussions on the agreement's specifics were conducted during meetings from July 19 to 23 (Macharadze 1983: 19, 44).

At the meeting on July 21, the Georgian ambassadors presented Erekle II's demands. The key request, as recorded in the meeting minutes, was the issue of consecration as king. The ambassadors highlighted that, aside from Muslim rulers, Georgian monarchs were traditionally consecrated, and

[1] As the journey from Tbilisi to Mozdok took less than ten days at that time, the ambassadors had to leave Tbilisi after July 5.

[2] Grigory Potemkin's presence in Kherson in June 1783 is confirmed by documentary evidence. For instance, on June 16, 1783, from Kherson he issued a secret order addressed to Colonel Stepan Burnashev (Burnashev 1901: 4).

Erekle's father, Teimuraz, continued this tradition. Nadir Shah not only prohibited this ceremony to be conducted but even sent high-ranking officials to attend it. The ambassadors expressed uncertainty about whether the Georgian monarchs would receive the investiture specified in Article III of the treaty during their coronation or upon their ascension to the throne.

Georgian ambassadors also demanded that the rights of the Catholicos of Mtskheta be protected and the royal title be enshrined in the treaty in the form that had been developed at the Georgian royal court and the epithet "Highness" be awarded to Erekle. Finally, Ioane Bagrationi and Garsevan Chavchavadze specially underline the empress's pledge to maintain the royal title and the structure of the Georgian kingdom (Zaitsev 2014: 203—204).

All of the proposals made by the Georgians were turned down by Pavel Potemkin (Zaitsev 2014: 205—206). Consequently, the text of the treaty approved by Catherine II remained practically unchanged and, it did not reflect the demands presented by Erekle II in June.

A few days after the treaty was signed, the generously rewarded Georgian ambassadors returned to their homeland. In a letter dated July 30, Pavel Potemkin congratulated Erekle II on signing the treaty. He lavished praise on the ambassadors, Ioane Bagrationi and Garsevan Chavchavadze, along with their assistant, Archimandrite Gaioz, and the secretary, Zaza Gabashvili (NCM. H-2300: 28—30).

Archival materials reveal that soon after the return of the Georgian ambassadors to Tbilisi, Erekle II renewed his demands for consideration of his terms. For this purpose, at the end of August 1783, he sent Georgian Prince Sulkhan Tumanishvili to the imperial court in St. Petersburg. This time, the king ignored Catherine II's recommendation and, in addition to addressing Grigory Potemkin, sent a separate report directly to the empress.

Following diplomatic etiquette, the Georgian king reported to Catherine II on August 25, 1783, that he had twice made an important request to General-anshef Grigory Potemkin. He urged the empress to append additional article to the treaty which would reflect the longstanding tradition adhered to by his ancestors (NAG. F. 1449. No. 2800. Fig. 4).

The report sent to Grigory Potemkin is undated, although it must have been written in August 1783. In this appeal, Erekle II once again asked the General-anshef to grant the right to anoint and crown Georgian monarchs with myrrh. The king emphasized the fact that at the treaty level he had received the empress's promise not to abolish the kingdom, and this time he strongly demanded that the right to consecrate the king be included in the treaty (NAG. F. 1449. No. 2801. Figs. 5—6).

It is obvious that this time Erekle II strongly demanded the inclusion of the right of consecration in the treaty. The content of his appeals also indicates that he was displeased after the treaty was signed due to the neglect of his proposal. Interestingly, this is confirmed in a letter from Pavel Potemkin, who informed Stefan Burnashev, the official representative of the Russian Empire, in September 1783, that after the signing the treaty, Erekle did not write a single word to him about the treaty, which seemed very strange to him (Burnashev 1901: 9—10).

We think that the motive of the Georgian king is evident from the report sent to Grigory Potemkin in August 1783. He linked up the reflection of right of king's consecration in the treaty with the maintenance of the kingdom's integrity. With this demand, he hoped to get an additional guarantee from the empress that his kingdom would not be abolished in the future.

The letter from Grigory Potemkin to the Emperor, dated August 5, 1783, reveals that after the signing of the Treaty of Georgievsk, the Russian side did not even consider the fulfillment of the terms set forth by Irakli II. General-anshef, from the Karasbazar camp in Crimea, informed the empress about the signing and forwarded the signed agreement. In his letter, Grigory Potemkin emphasized that only one article concerning the Catholicos was yet to be drafted, which he himself would submit to the empress for approval (Ryzhenkov 1983: 117). The content of this additional article was outlined in the draft of the treaty itself (Zaitsev 2014: 144).

After Erekle II sent his representative prince to St. Petersburg at the end of August and strongly demanded that his proposal be considered, the Russian side changed its position. Soon after the ratification of the Treaty of Georgievsk (September 21, 1783), Catherine II approved an additional article

on September 30, 1783. By virtue of the mentioned article, the Georgian monarch was granted the right of coronation and anointing at the level of the treaty. In the article regarding king's consecration, Erekle was already mentioned with the epithet "Highness" (Complete Collection of Laws 1830: 1025).

It is noteworthy that Erekle II never attempted to exercise the right he gained after tremendous efforts. He was not crowned king upon approval of the additional article. This specific fact clearly shows that the Georgian monarch's main goal was not to have a coronation ceremony, but rather to have this right included in the Russian-Georgian treaty.

This time, we will try to find out the reasons that made the king take this step.

Generally, until June 1783, Erekle II had not made such a request either in the course of negotiations to join the Russian protectorate or at any other point in their relationship with the empire. Furthermore, Georgians considered Russia to be an ally in their conflict with Muslim countries in the 16th — 18th centuries. Georgian political leaders did not expect any threat from Russia, but considered close political ties with the empire as a way to maintain their independence. As it is evidenced from the archival material discussed above, this attitude changed to some extent immediately before the signing of the Treaty of Georgievsk.

In our view, Erekle II's cautious policy towards the Russian Empire was determined by the events taking place in the region, particularly the the processes developed in the Crimean Khanate. As is known, according to Catherine II's manifesto of April 8, 1783, the former Khanate was officially incorporated into the Russian Empire (Complete Collection of Laws 1830: 897—898). During the early months of 1783 the negotiations with the Crimean Khan were held behind closed doors and no manifesto was issued (Smirnov 1889: 228). However, in May-June of the same year, the information about the liquidation of the Khanate and joining the Russian Empire became widespread. It was at the end of June 1783 that the process of swearing the loyalty of the local population to the Russian Empire was completed (Butkov 1869: 69—70).

It should be noted that Georgians had close trade relations with Crimea (Tabuashvili 2017: 284—289), and the royal court of Kartl-Kakheti always received information about the state of affairs there (Tabuashvili 2018: 331). Thus, it seems impossible that Erekle II was unaware of the developments in Crimea in May—June o1783. Apparently, this fact was also known to the Russian officials, and they did not even hide the information about the ongoing processes in Crimea from the Georgian king. For instance, in June 1783, the commander-in-chief of the Caucasus Line delivered Stefan Burnashev the text of the manifesto issued by the emperor, which was made public at that time in Crimea. Pavel Potemkin stated that he had no mandate to make the manifesto public in Georgia, though his information should have been reported at least to the king (Burnashev 1901: 5).

There is no doubt the developments in Crimea gave Erekle II reason for concern. The thing is that during in the second half of the 18th century this was the first time when the Russian Empire abolished a political entity in the region and directly established Russian rule in the region. It is true that in the 70s of the 18th century Kabarda and some areas of the North Caucasus were declared part of the empire, but this was completely different from the issue of Crimea. As is known, there was no state entity in Kabarda or the surrounding area. At the same time, Russian rule was not enforced in the majority of the aforementioned regions.

The fact that the Russian Empire abolished the Crimean Khanate when the Khan's throne was occupied by Shahin-Giray, who was considered an ally of the empire, did not go unnoticed by the King of Kartli-Kakheti.

It seems that the developments unfolding in the region in May—June of 1783, caused Erekle II to delay the process of signing the treaty for over a month. Against the backdrop of the annexation of the Crimean Khanate, the Georgian king began to pursue a cautious policy. Under the current circumstances, he considered the terms stipulated in the draft treaty to be inadequate and demanded additional guarantees from the empire to preserve his kingdom. Accepting the right to be consecrated at the level of the treaty represented such a guarantee, because anointment and coronation were considered the main source of legitimacy of monarchs even at that time. It was these factors that determined the king's adherence to his principles.

References

Burnashev, S.D. 1901. *Novye materialy dlya jizneopisaniya i deyatel'nosti S.D. Burnasheva, byvshego v Gruzii s 1783 po 1787 g. Sobral i izdal s prilojeniem kart, portretov i faksimile S.N. Burnashev. Pod red. prof. A.A. Cagareli (New materials for C.D. Burnashev's life description and activity who visited Georgia from 1783 to 1787. S. N. Burnashev collected and published with maps, portraits and facsimiles. Edited by Prof. A. Tsagareli)*. Saint Petersburg: State printing house (in Russian).

Butkov, P.G. 1869. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* (*Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803).* Pt. 2. Saint Petersburg: Printing house of imperial Academy of Sciences (in Russian).

Complete Collection of Laws 1830: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* (*Complete collection of laws of the Russian Empire)*. Vol. XXI. Saint Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery (in Russian).

Dubrovin, N.F. 1886. *Istoriya voyny i vladychestva russkih na Kavkaze (History of war and Russian rule in the Caucasus)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Printing house of I. N. Skorokhodov (in Russian).

Macharadze, V. 1983. *Georgievsk'is t'rakt'at'i. Gamok'vleva, dok'ument'ebi, pot'op'irebi v Mach'aradzisa Georgievskij traktat. Issledovanie, dokumenty, fotokopii. V. Mačaradze (Treaty of Georgievsk. Examination, documents, photocopies by V. Macharadze)*. Tbilisi: Khelovneba (in Georgian and Russian).

NAG. National Archives of Georgia. F. 1449. No. 2800.

NAG. National Archives of Georgia. F. 1449. No. 2801.

NAG. National Archives of Georgia. F. 1449. No. 2802.

NAG. National Archives of Georgia. F. 1449. No. 2803.

NCM. Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts. H-2300. P. 14—35.

Ryzhenkov, M.R., Kardashev, Yu.P. (eds.). 1983. Dokumenty k istorii zaklyucheniya Georgievskogo traktata (Documents on the history of the conclusions of the Treaty of Georgievsk). In *Voprosy istorii* (*Voprosy istorii*) 7, 108—122 (in Russian).

Smirnov, V.D. 1889. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty v XVIII v. do prisoedineniâ ego k Rossii* (The Crimean Khanate under the rule of Ottoman Porte in the 18th century until its incorporation to Russia). Odessa: Printing house of A. Schultze (in Russian).

Tabuashvili, A. 2017. The Import of Gun Barrels and Their Price in Georgia in 17th — 18th cc. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 9, 284—293.

Tabuashvili, A. 2018. The Issue of Georgian Captives in the Crimea in the 18th. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 329—333.

Tsintsadze, I. 1960. *1783 ts'lis mparvelobiti t'rakt'at'i. Masalebi rusetsakartvelos urtiertobis ist'oriisatvis. Sabutebi* (*Protection Treaty of 1783. Materials for the history of Russian-Georgian relations. Documents).* Tbilisi: Soviet Georgia (in Georgian).

Zaitsev et al. 2014: Zaitsev, I.V, Karpeev, I.V., Popova, I.V., et al. (comp.). *Iz istorii Rossijsko-Gruzinskih otnošenij. K 230-letiyu zaklyucheniya Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov* (From the history of Russian-Georgian relations. On the 230th anniversary of the conclusion of the Treaty of Georgievsk. Collection of documents). A. Artizov (executive editor). Moscow: Drevlekhranilishche (in Russian).

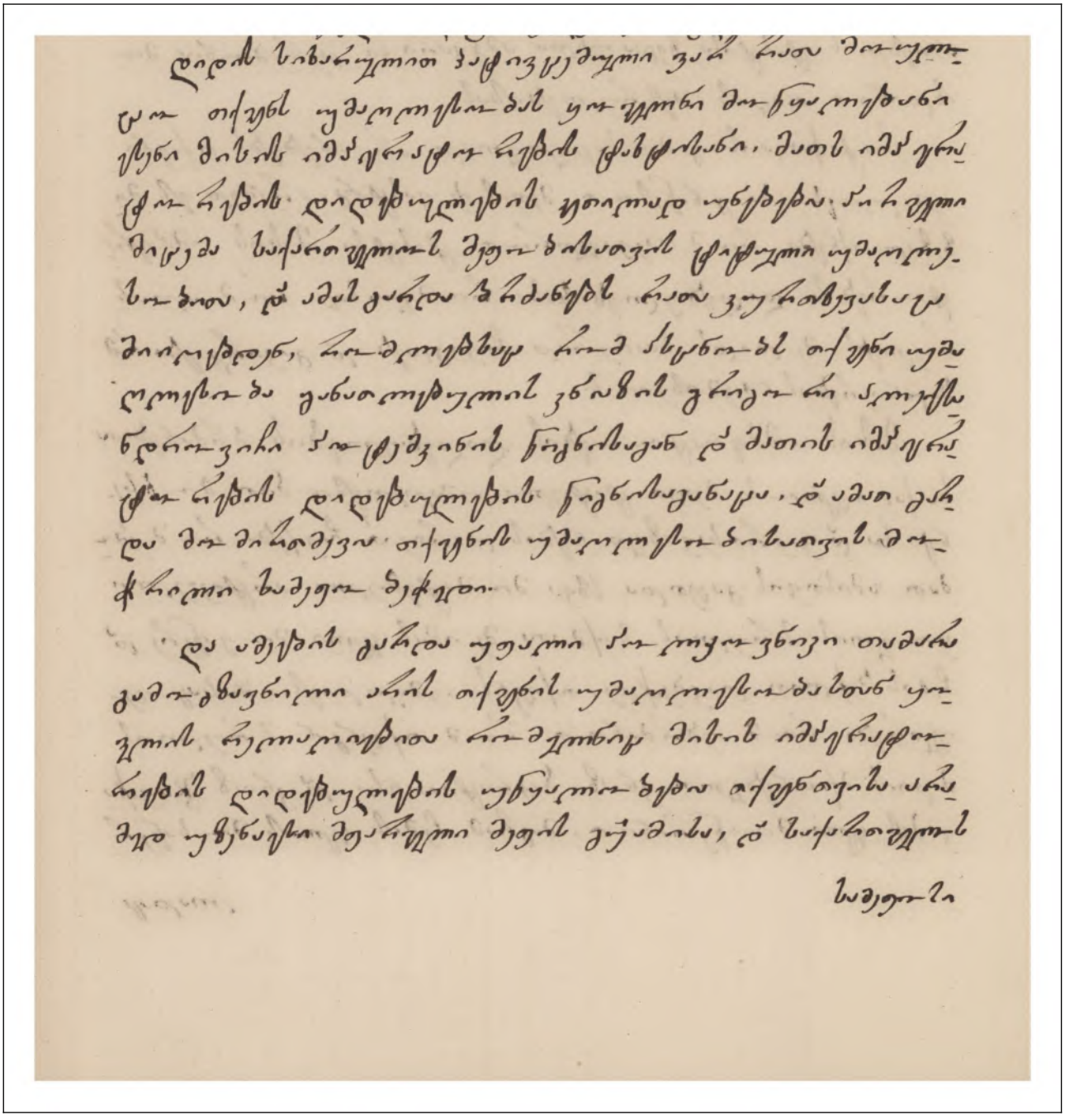


Fig. 1. The letter of Pavel Potemkin, Commander-in-chief of the Caucasus Line, to King Erekle II of Kartl-Kakheti. December 24, 1783 (in Georgian). Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts (NCM). H-2300. P. 33.

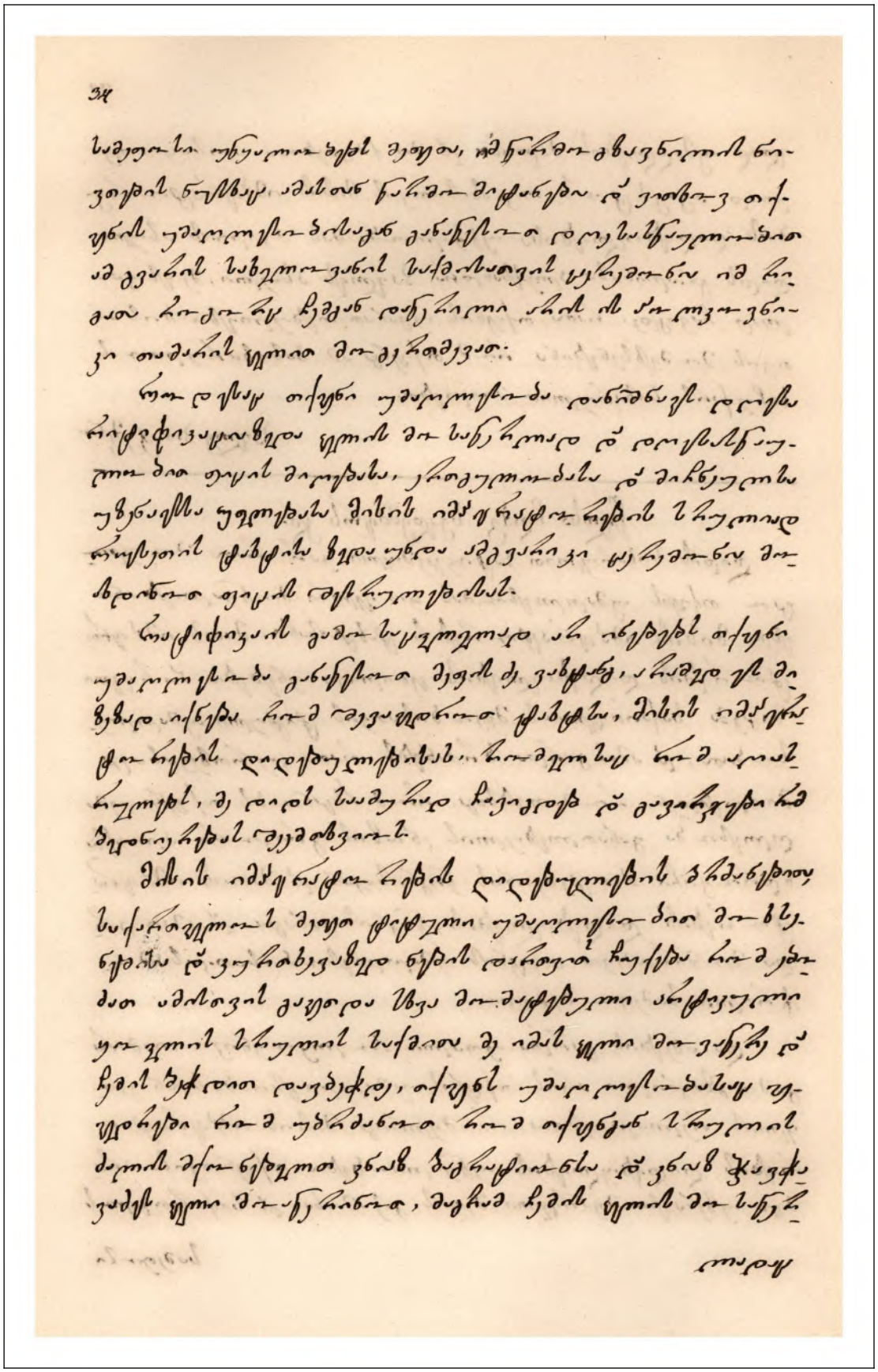


Fig. 2. The letter of Pavel Potemkin, Commander-in-chief of the Caucasus Line, to King Erekle II of Kartl-Kakheti. December 24, 1783 (in Georgian). Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts (NCM). H-2300. P. 34.

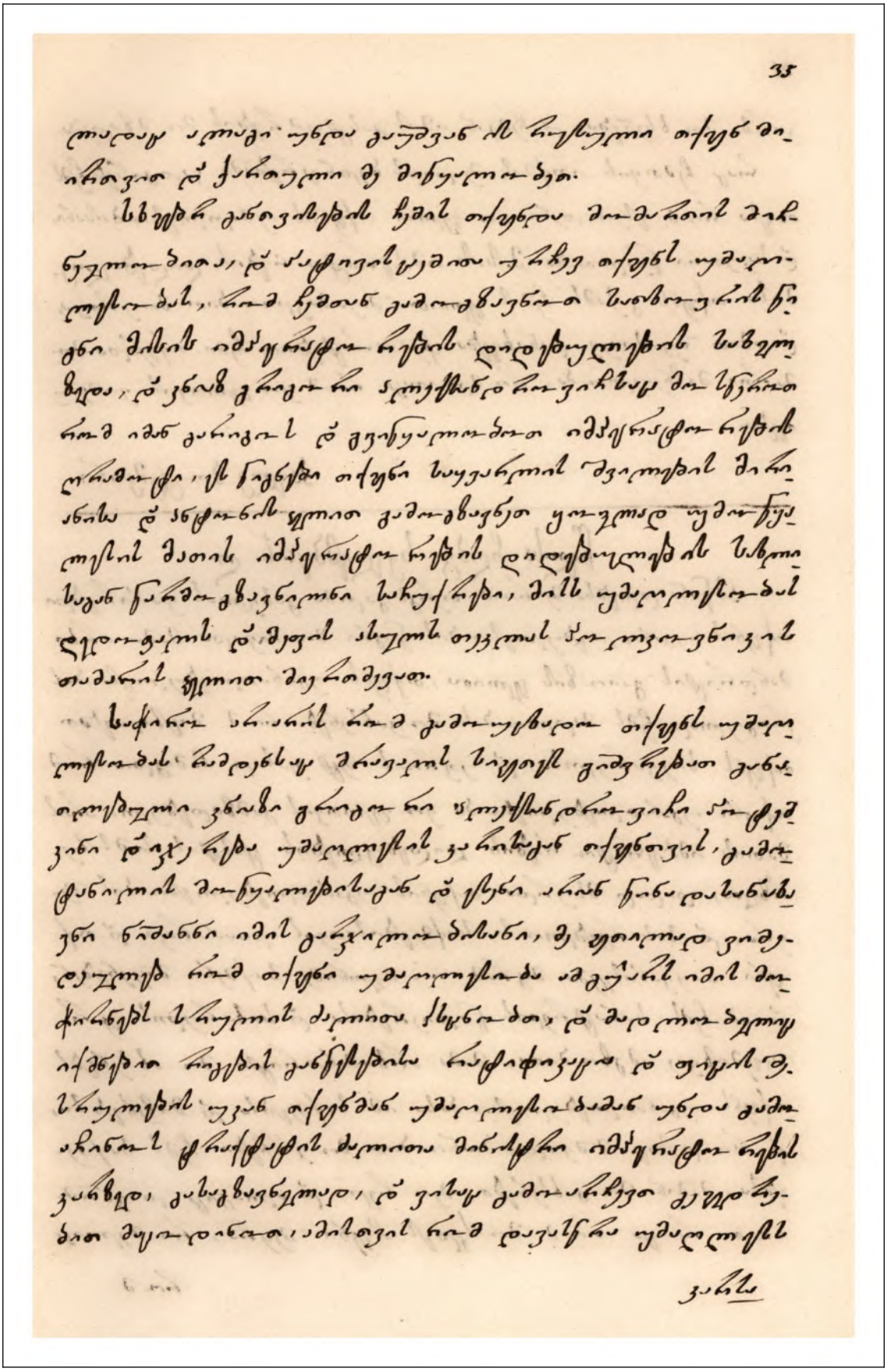


Fig. 3. The letter of Pavel Potemkin, Commander-in-chief of the Caucasus Line, to King Erekle II of Kartl-Kakheti. December 24, 1783 (in Georgian). Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts (NCM). H-2300. P. 35.

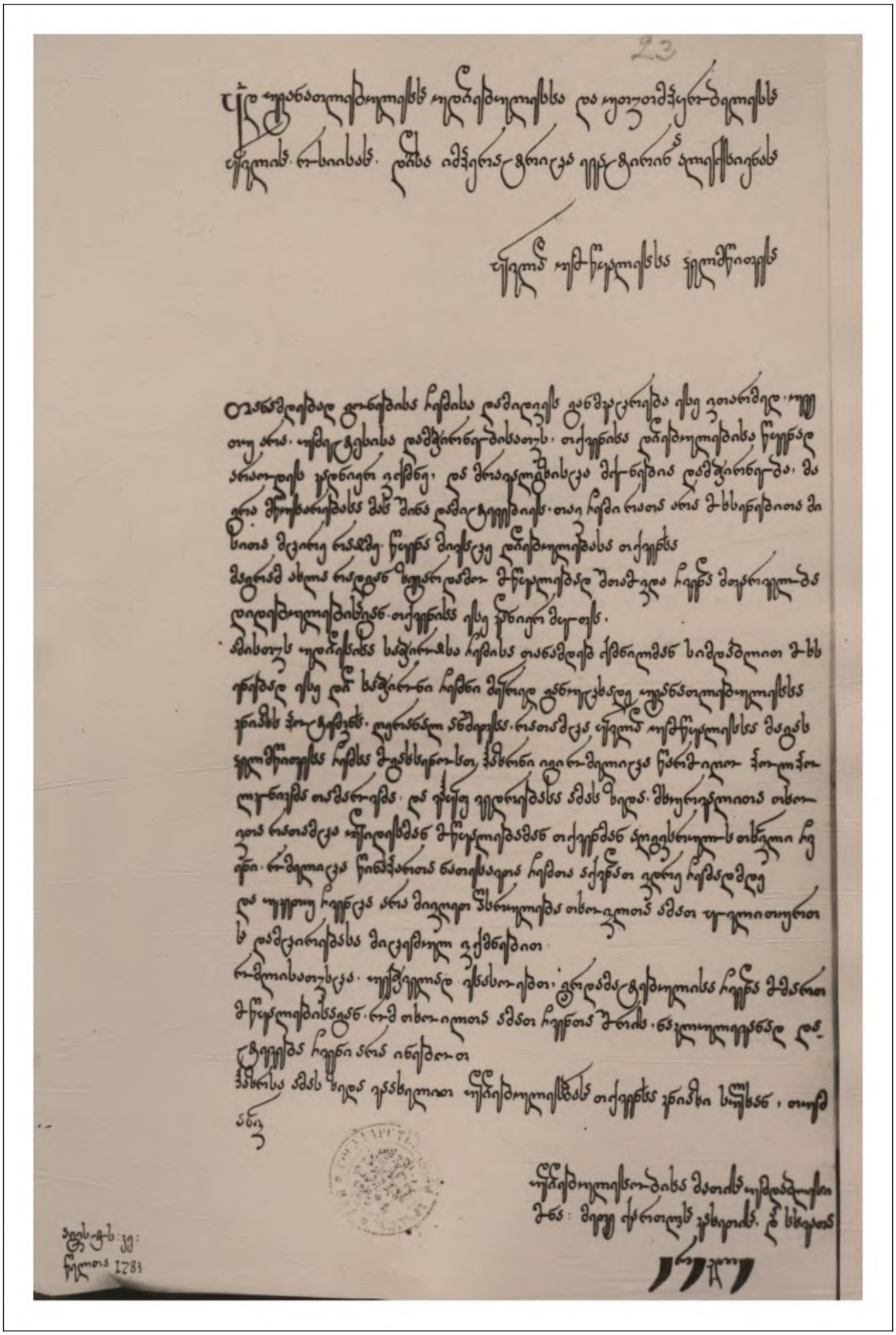


Fig. 4. Erekle II's appeal to Russian Empress Catherine II. August 25, 1783 (in Georgian). National Archives of Georgia (NAG). F. 1449. No. 2800 (photocopy).

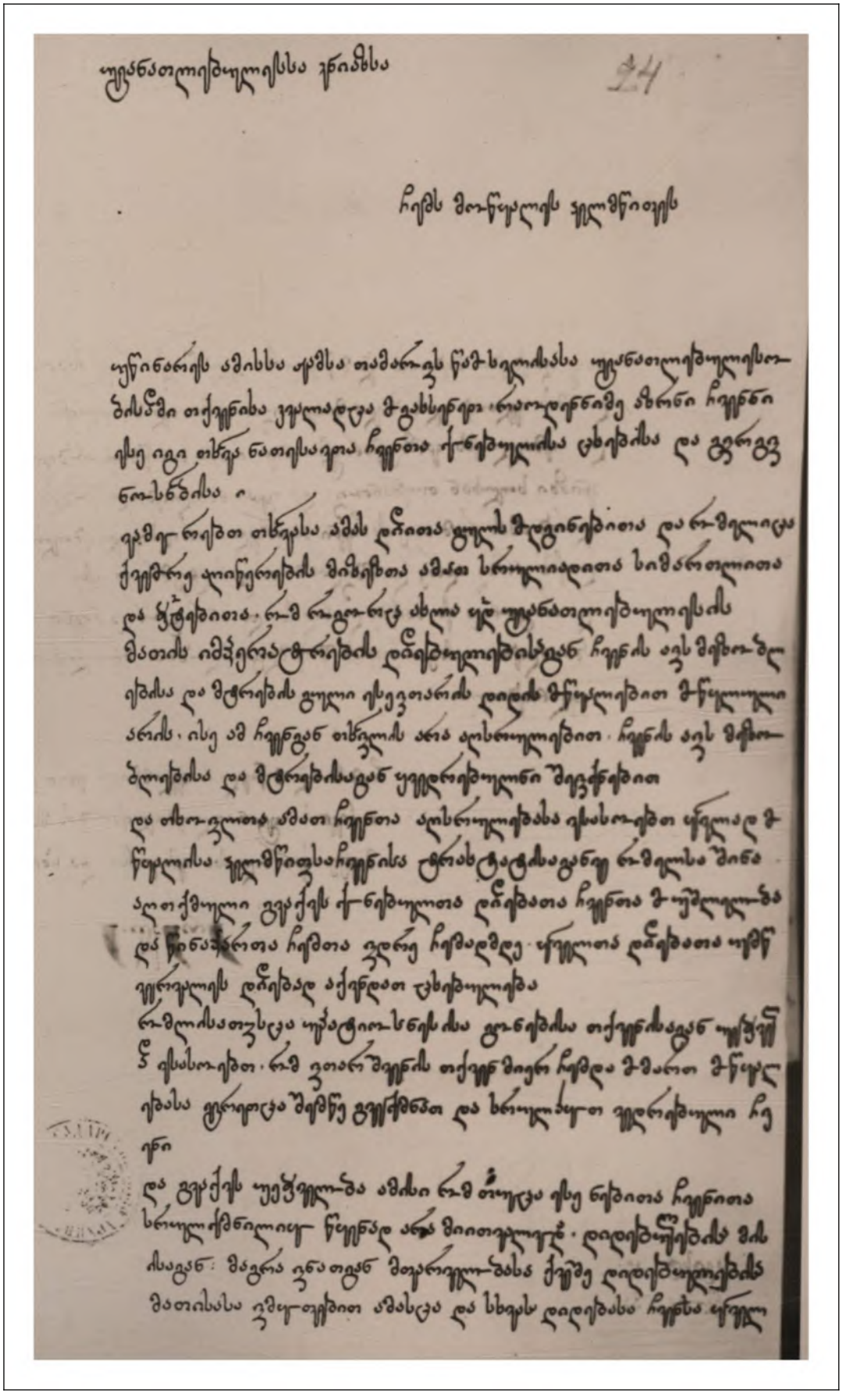


Fig. 5. An appeal of Erekle II to Grigory Potemkin [August 1783] (in Georgian). National Archives of Georgia (NAG). F. 1449. No. 2801 (photocopy).

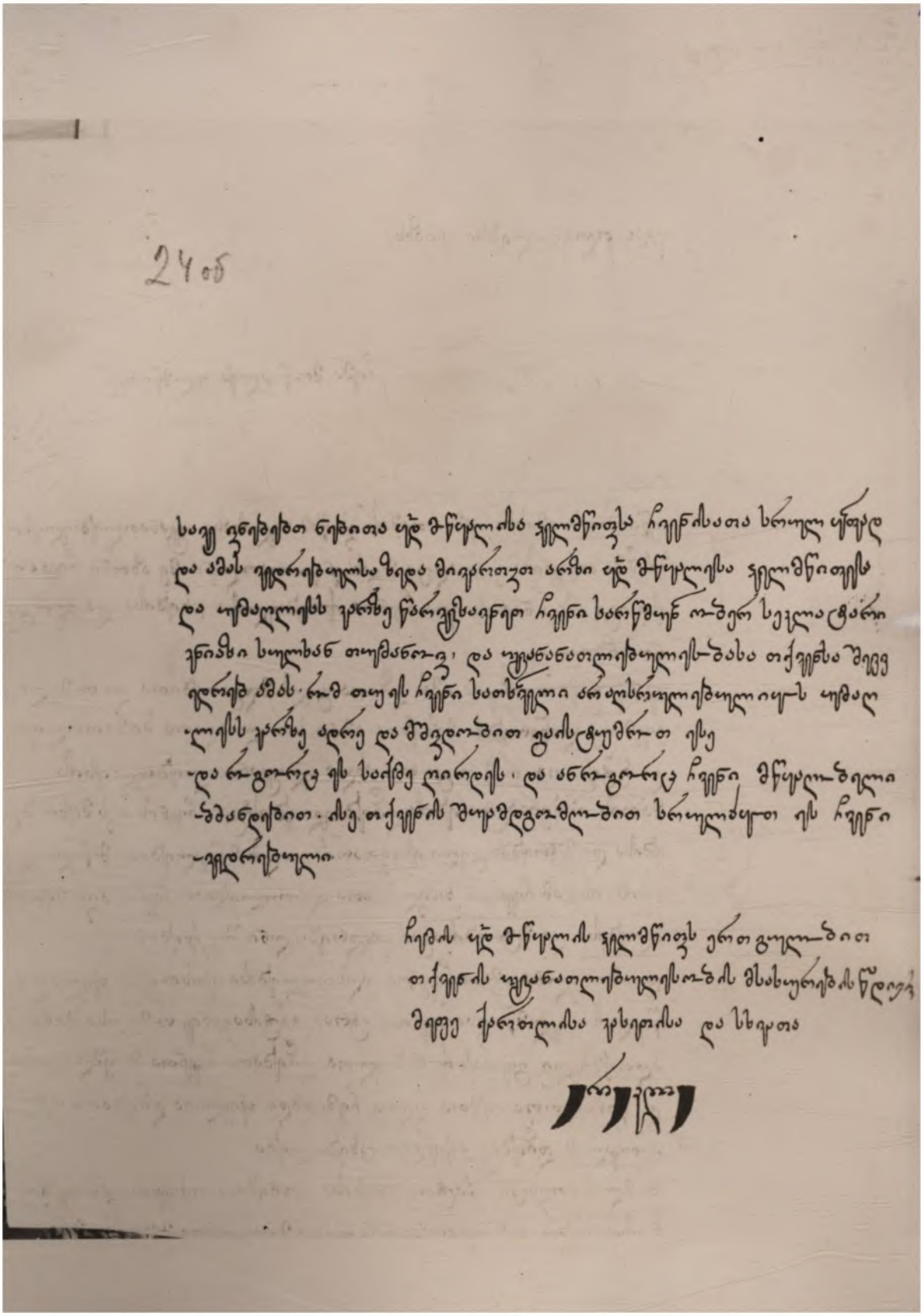


Fig. 6. An appeal of Erekle II to Grigory Potemkin [August 1783] (in Georgian). National Archives of Georgia (NAG). F. 1449. No. 2801 (photocopy).

Военная история

Military History

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.98.14.026

O.M. Agatay, A.O. Kumisova, Zh.A. Ismurzin

LONG-BLADED WEAPON IN KAZAKH HEROIC EPIC*

This article examines the long-bladed weapons of the Turkic nomads of Eurasia during the Medieval and Early Modern periods with particular attention paid to swords, sabers, and shashkas as reflected in Kazakh heroic epics. The study is based on a comprehensive analysis of written, material, and visual sources, supplemented by folklore materials that have not previously been introduced into scholarly discourse or translated into foreign languages. The research identifies original designations of long-bladed weapons attributed to warrior-*batīrs* in the Kazakh heroic epics. Evidence indicates that during the Medieval and Early Modern periods, the Turkic nomadic warriors of Kazakhstan and adjacent territories employed weapons such as the standard sword (*semser*), the saber (*qīlīsh*), and the shashka (*sapī*). The investigation further reveals a range of specific names of weapons used by the Kazakh military-political elite, including *aldaspan*, *isfahan* (also attested as *asfahan*, *asbaqan*), *narkesken*, *zu al-faqar*, and the distinguished *beren*. Terminological variations were also associated with material — *bolat*, *almas*, color — *qara bolat*, and decorative features — *baldağī aq beren, aq baldaqtī kök beren*, *aq almas*. In epic narratives, the saber *zu al-faqar* was poetically characterized as "a saber like the tongue of a dragon." Furthermore, epic sources testify that the hilts of sabers — *shamshir* — which became widespread in Kazakh weaponry during the late Medieval and Early Modern periods were made of white bone — an observation fully corroborated by both material and written evidence.

Key words: long-bladed weapon, swords, sabers, Kazakh heroic epics, Ulus of Jochi, the history of Kazakhstan.

About the authors: Agatay Otkirbay Mıltıqbayulı[1], PhD, Research Institute for Jochi Ulus Studies, National Museum of the Republic of Kazakhstan; Kumisova Aigerim Onalbaevna[2], PhD Student (Archaeology and Ethnology), Military History Museum of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan, Corresponding author; Ismurzin Zhanibek Allayarovich[3], Candidate of Historical Sciences, Research Institute for Jochi Ulus Studies.

Contact information: [1]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies, 010000, Kazakhstan, Astana, 54 Tauelsizdik Avenue, National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com; [2]010000, Kazakhstan, Astana, 2 Republic Avenue, Military History Museum of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan, e-mail: aiko_____@mail.ru; [3]010000, Kazakhstan, Astana, 15B Pushkin St., Research Institute for Jochi Ulus Studies, e-mail: ismursin_zhanibek@mail.ru.

У.М. Агатай, А.О. Кумисова, Ж.А. Исмурзин

ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ В КАЗАХСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

В статье на основе комплексного анализа письменных, вещественных и изобразительных источников исследуются элементы длиннкоклинкового оружия, в частности мечи, сабли и шашки тюркских кочевников Евразии эпохи Средневековья и Нового времени, встречающиеся в материалах казахских героических эпосов. Привлечённые данные казахского фольклора ранее не вводились в научный оборот и не переводились на иностранные языки. В ходе комплексного исследования были выявлены оригинальные наименования длинноклинкового оружия, воинов-батыров, представленных в казахских героических эпосах. В частности, установлено, что в период Средневековья и Нового времени тюркские воины-кочевники Казахстана и сопредельных территорий использовали длинноклинковые оружия меч

* The article was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (BR24992878 "Study of ethno-political and socio-economic history of Ulus Jochi in XIII—XV centuries").

Статья поступила в номер 21 июля 2025 г.
Принята к печати 10 августа 2025 г.

© У.М. Агатай, А.О. Кумисова, Ж.А. Исмурзин, 2025.

семсер, саблю *қылыш*, шашку *сапы*. В ходе исследования были выявлены названия длинноклинкового оружия, использовавшегося казахской военно-политической элитой и воинами, в том числе мечей и сабель, таких как *алдаспан*, *исфахан (асфахан*, *асбақан*), *наркескен*, *зульфикар*, а также — по превосходству — *берен*; по материалу изготовления *болат*, *алмас*; по цвету — *қара болат*; по деталям оформления — *балдағы ақ берен*, *ақ балдақты көк берен*, *ақ алмас*. Например, саблю *зульфикар* сказители в эпосах образно описывали как «саблю, подобную языку дракона». Кроме того, материалы героических эпосов свидетельствуют, что у сабель-шамширов, бытовавших в позднем Средневековье и Новое время в составе традиционного вооружения казахов, рукояти изготавливались из белой кости, что полностью подтверждается данными вещественных и письменных источников.

Ключевые слова: длинноклинковое оружие, меч, сабля, казахский героический эпос, Улус Джучи, история Казахстана.

Сведения об авторах: Агатай Уткирбай Мылтыкбайулы[1], PhD, Научный институт изучения Улуса Джучи; Национальный музей Республики Казахстан; Кумисова Айгерим Оналбаевна[2], докторант (археология и этнология), Военно-исторический музей Вооруженных сил Республики Казахстан; Исмурзин Жанибек Аллаярович[3], кандидат исторических наук, Научный институт изучения Улуса Джучи.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи, 010000, Казахстан, г. Астана, просп. Тауелсиздик 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: agatayotkirbay@gmail.com; [2]010000, Казахстан, г. Астана, просп. Республики 2, Военно-исторический музей Вооруженных сил Республики Казахстан, e-mail: aiko_____@mail.ru; [3]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи, e-mail: ismursin_zhanibek@mail.ru.

Introduction. The study of warfare and weaponry among the Eurasian nomads of the Medieval and Early Modern periods has long occupied a central place in ethnographic, archaeological, and arms research. Increasingly, the comprehensive integration of folklore with other categories of sources — particularly material (archaeological, ethnographic), written, and iconographic evidence — has become a matter of scholarly relevance. Folklore materials often clarify the original terminology of offensive and defensive arms, their specific modes of combat application, the means by which they were used during campaigns, as well as their material, ethno-cultural, and ethno-functional significance within the culture of the Turkic and Mongolian peoples of the Great Steppe. Among the various genres of folklore, heroic epics are of particular importance as they preserve extensive information concerning the weaponry of the nomads of Eurasia.

Nevertheless, Kazakh heroic epics — like folklore sources more broadly — have generally been treated in historical and historiographical scholarship as secondary or auxiliary, serving primarily to support already established facts. In many cases, they have remained entirely outside the purview of historians, confined instead to the domains of folkloristics, philology, and linguistics. In this regard, the present article sets out to examine Kazakh heroic epics as a primary source for the study of arms and armor, particularly the long-bladed weapons of the nomads of Kazakhstan and adjacent territories during the Medieval and Early Modern periods, correlating them with other types of sources.

The long-bladed weapons of the nomads of Kazakhstan during the Medieval and Early Modern periods have repeatedly attracted the attention of both local and foreign scholars. Among recent works, one could highlight the monographs and articles of K.S. Ahmetzhan, L.A. Bobrov, A.K. Kushkumbaev, V.R. Novoselov, D.A. Sheremetev, A.O. Pronin, D. Ismailov, and others (Akhmetzhan 2007; Bobrov, Pronin 2012; Bobrov, Sheremetev 2013; Bobrov, Ismailov 2016; Bobrov, Ismailov 2019; Bobrov et al. 2020; Bobrov, Novoselov 2020). These studies are based on the analysis of material, visual, and written sources. Their high scholarly quality, as well as the dating and attributions of weaponry proposed by the authors, is credible; however, arms-historical research can be further enriched through the inclusion of materials from the Kazakh epic tradition.

Materials and methods. The present study is primarily based on materials from Kazakh heroic epics, namely: *Qarasay, Qazy* (Seyt's version) (Babalar sözi 42); *Janqozha Batīr* (Babalar sözi 62); *Rayīmbek* (Babalar sözi 59); *Eŋsegey boylī er Esim* (Babalar sözi 56); *Batīr Jänibektiŋ öleŋi* (Babalar sözi 56); *Er Qosay* (Babalar sözi 44); *Alpamīs Batīr* (Babalar sözi 34); *Qarasay, Qazy* (Shayakhmet Karibaev's version) (Babalar sözi 41); *Ertedegi Shora Batīr* (Babalar sözi 45); *Er Qosaj* (Asayīn Khangeldyn's version) (Babalar sözi 44); *Ötegen Batīr* (Babalar sözi 59). The written sources consulted in this research include: John of Plano Carpini's report on the Mongols (Beazley 1903); *The Book of Marco Polo* 1956); M.I. Ivanin's notes *On the Art of War and the Conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian Peoples under Chinggis Khan and Tamerlane* (Ivanin 1875); the dictionaries of V.V. Radlov (Radlov 1911a; 1911b); the work of Qing authors of the second half of the XVIII century, *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi* (Bobrov, Pastukhov 2021); the works of Ch.Ch. Valikhanov (Valikhanov 1985). Material sources comprise the results of archaeological research by Yu.S. Khudyakov (Khudyakov 1986; Khudyakov 1997) and G.A. Fedorov-Davydov (Fedorov-Davydov 1966); a Mongol-period saber from the collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (inv.no. QRŪM nq 802); *zu al-faqar* sabers from a private collection and the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (inv.no. CMK KP 1918); Kazakh and Central Asian sabers and shashkas from the collections of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (inv.no. QRŪM 101; inv.no. QRŪM 10758; inv.no. QRŪM 10757; inv.no. QRŪM 10470; inv.no. QRŪM 10761; inv.no. QRŪM 42523; inv.no. QRŪM 658; inv.no. QRŪM 10762; inv.no. QRŪM 10769). As regards iconographic sources, the study employs Late Medieval Persian miniatures from the *Shah-nama* and *Zafar-nama*, a print by John Castle, and depictions of sabers on gravestones and other cultic monuments of Western Kazakhstan (Samashev, Zhetibayev 2005).

Research methods. In the present study, typological and comparative-descriptive methods were employed, alongside methods of verification and correlation of the obtained results, as well as approaches to the translation and analysis of folklore sources (Agatay et al. 2023; Agatay et al. 2024). In the course of the comparative analysis of long-bladed weapons, a comprehensive method was applied, based on the juxtaposition of folklore, written, material, and visual sources. The research also makes use of classifications, typologies, and the terminological framework developed by arms scholars K.S. Ahmetzhan, Yu.S. Khudyakov, and L.A. Bobrov (Ahmetzhan 2007; Bobrov, Khudyakov 2008).

Results of the study. In the Turkic-Mongolian heroic epics, special attention is devoted to arms and armor. Weapons and protective equipment appear as some of the most frequently mentioned elements in the depiction of the warrior-*batīr*, alongside the description of the figure's warhorse. Emphasis is consistently placed on the superior quality and value of weapons, which underscores their significance within the narrative structure and episodes of the epics. Thus, a comprehensive study of these traditional material elements, and an assessment of their historical realism, represents an important scholarly task of this article.

In the epics, the hero's armament is typically described in two key contexts: first, at the moment when he acquires his personal weapons and armor prior to a campaign (a static description); and second, in the course of single combat with an enemy *batīr* when these weapons are employed in action (a dynamic description) (Lipec 1984: 63). For instance, in episodes of duels, warriors often insult each other before combat, demanding surrender and the forfeiture of property — including weapons, horses, and clothing — which provokes rage and defiance from their opponents. The heroic epics also show that nobles and *batīrs* placed great importance on their weaponry which was commonly inherited by sons and, thereby, became a legacy passed down from generation to generation.

Long-bladed weapons, intended for striking opponents in close combat, are referred to in Kazakh heroic epics under three principal terms: *semser*, *qīlīsh*, and *sapī*. In addition, epic texts record other designations for long-bladed arms, including *aldaspan*, *isfahan*, *narkesken*, and *zu al-faqar*. In Kazakh arms studies, bladed weapons are classified as cutting weapons for close combat, subdivided according to blade length into long-bladed and short-bladed types. The former type includes swords, sabers, and shashkas, while the latter — typically used as auxiliary weapons in battle — comprises daggers, selebe, and knives (Ahmetzhan 2007: 98).

Sword and backsword. The first type of long-bladed weapon is the double-edged, cut-and-thrust weapon with a straight blade — the sword — which in Kazakh traditional military terminology is referred to as *semser*. In Kazakh arms studies, swords are generally classified according to the shape of the hilt. Thus, the arms scholar, K.S. Ahmetzhan, drawing on iconographic evidence from the 14th—17th centuries, distinguishes two principal types of swords used by the nomadic tribes of Kazakhstan and Central Asia: (1) swords with a straight hilt continuing the line of the blade; and (2) swords with a hilt slightly curved toward the edge. The first type, employed from antiquity through the Early Modern period, was primarily intended for cut-and-thrusting blows in close combat, whereas the second type developed in response to the need for delivering chopping and cutting strikes (Ahmetzhan 2007: 100).

The term *semser* under consideration has a Persian origin — شمشیر *shamshir* (Rustemov 1989: 258), which translates as "curved, like a lion's claw", and is used in reference to both swords and sabers. However, in Iran, as well as among the armies of other Muslim states of Western and Central Asia, this term was generally employed to designate single-edged curved sabers.

According to archaeological evidence and depictions on Old Turkic stone sculptures, the double-edged sword with straight blade became widespread among the nomads of the Great Steppe during the period of the First Turkic Khaganate; the single-edged backsword appeared in the 2nd half of the 1st millennium; while the extensive use of slightly curved, single-edged sabers among steppe nomads began in the 7th—10th centuries. Nevertheless, the use of swords by warriors of the Uighur and Kyrgyz Khaganates in Central Asia continued until the 8th—10th centuries. Archaeological research has also shown that the armament array of the Kimak Khaganate warriors included the sword, backsword, and saber (Khudyakov 1986: 153—156, 190—195, 198).

Based on the references to the sword in the notes of Marco Polo, it may be inferred that Turkic-Mongolian warriors employed this weapon during the period of the Mongol Empire. However, it should be taken into consideration that European travelers and envoys, as well as later translators, often used the term "sword" to designate all varieties of long-bladed weapons. Thus, Marco Polo after the visit the Mongol Empire and Yuan-Dynasty China in the 2nd half of the 13th century, wrote: "Their armament consists of the bow, the sword, and the mace; above all, they use the bow, because they are skillful archers; and on their backs they wear a cuirass made of buffalo or some other kind of boiled and very strong leather. They fight excellently and with great bravery" (Kniga Marko Polo 1955: 90). Archaeological materials discovered in the territory of Karakorum, the capital of Chinggis Khan's empire, indicate that in the early 13th century the Turkic-Mongolian warriors employed two principal types of swords: (1) a straight double-edged sword with a blunt-angled tip and a lenticular blade cross-section; and (2) a straight single-edged sword with an elongated triangular cross-section, which may most plausibly be classified as a backsword (Drevnemongol'skie goroda 1965: 203, 204).

According to written sources, in the 12th-century and the 1st quarter of the 13th-century steppe, Turkic and Mongol warriors appear to have made wide use of the single-edged backsword. Thus, in the 1240s, the Italian Franciscan, Friar Plano Carpini, who traveled through the Ulus of Jochi to the Mongol Empire, noted in his account of Turkic-Mongolian armament: "Moreouer they are enioined to haue these weapons following. Two long bowes or one good one at the least, three quiuers full of arrowes, & one axe, and ropes to draw engines withal. But the richer sort haue single edged swords, with sharpe points, and somewhat crooked. They haue also armed horses with their shoulders and breasts defenced, they haue helmets and brigandines" (Beazley 1903: 124).

In the 7th—8th centuries, in Southern Siberia and Central Asia, alongside the spread of new forms of stirrups and saddles across the Great Steppe, the single-edged curved bladed weapon — the saber — emerged and gained a wide distribution in terms of its usage. Whereas combat with the sword demanded considerable agility from a mounted warrior, the practical design of the stirrup and saddle made it possible to deliver effective chopping and cutting blows against the enemy while riding at full speed (Allaniyazov 1998: 29). This, in turn, enhanced the mobility of the Eurasian nomads' light cavalry and secured its superiority over the armies of settled agricultural states.

According to archaeological research, despite the rarity of such finds in burial monuments, the saber was the most widespread type of close combat weapon among the medieval Qipchaks. This is confirmed by archaeological materials discovered in burials across Eastern Europe, the Ural region, and Kazakhstan. For example, at the Korolevka site (Zhambyl Region, Republic of Kazakhstan), a saber with a slightly curved blade and a boat-shaped crossguard was unearthed. Its dimensions are as follows: length — 100 cm, width — 5 cm, and hilt height — 12 cm (Khudyakov 1997: 114, Fig. 75: 1).

Presently, one of the same sabers discovered in Karaganda region is exhibited in the National museum of the Republic of Kazakhstan.The total length of the saber is 73.0 cm, the blade length is 66.3 cm, and the blade width at the hilt is 3.4 cm (Bobrov etc. 2020: 249). (Fig. 1: 1—2). Considering that this saber was discovered in the territory of Central Kazakhstan, it may be assumed that it formed part of the weaponry of the Great Steppe warriors during the period of the Mongol Empire and the Ulus of Jochi in the 13th—14th centuries. As evidenced by visual sources, these types of sabers appear in representations of Turkic-Mongolian warriors from Ilkhanid Iran (Fig. 2). It may be assumed that specimens of this type of saber evolved from the straight double-edged sword, gradually acquiring a slightly curved blade form.

Written, archaeological, and iconographic sources suggest that long-bladed weapons (including the sword, backsword, and saber) constituted an essential component of the armaments of the multi-ethnic army of the Golden Horde. It also appears plausible that Russian and Bulgar warriors incorporated into the Golden Horde forces employed both straight-edged swords and sabers in military practice (Kushkumbaev 2013: 55). As noted by the archaeologist and specialist in the military history of the Golden Horde, I. L. Izmailov, archaeological evidence suggests that within the range of armaments of the Ulus of Jochi, the saber constituted the principal type of long-bladed close combat weapon. Over time, this weapon gradually supplanted both the sword and the backsword, becoming the dominant form of edged armament across the region (Izmailov 2020: 287). At the same time, according to archaeological evidence, G.A. Fedorov-Davydov earlier wrote: “Although the straight single-edged backsword may indeed be regarded as the starting point in the evolution of the sword, for a long period these two types of weapons coexisted within the European steppes” (Fedorov-Davydov 1966: 24).

Unfortunately, the body of Kazakh heroic epics lacks cycles referring to the early period of the Mongol Empire and the Ulus Jochi (the Golden Horde) in which the double-edged straight sword, widely employed at that time, is mentioned. Therefore, based solely on folkloric materials, it is impossible to assert with sufficient reliability that the Turkic-Mongolian ancestors of the Kazakhs actually used the *semser* sword. Nevertheless, there are grounds to assume that this type of weapon was known within the Kazakh military tradition of the Early Modern period and was familiar to epic storytellers. In particular, such evidence is reflected in the Kazakh heroic epic of the Noghai cycle. For instance, in the epic, *Qarasay, Qazy*, in the storyteller Seit’s version, it is noted that the Noghai Mamai and the Kalmyk Qanibek fought using both swords and sabers.

They fought with swords,
They clashed with sabers.[1]

(Throughout the footnotes, the original text is cited alongside the corresponding bibliographic references. All translations from Kazakh into English in this article have been prepared by Ayagoz Sultanova).

An analysis of the epic’s narrative demonstrates that one of the warriors employed both a sword and a saber in the course of a single episode of close combat. However, it cannot be ruled out that such a description represents a poetic device employed by the storyteller himself. Nevertheless, attention should be drawn to the records of M.I. Ivanin, based on Chagatai and Persian sources, in

[1] *Семсерменен серместі,*
Қылышпенен қағысты (Babalar sözi 42: 121).

which he notes that the warriors of Emir Timur carried a sword on the right side and a saber on the left (Ivanin 1875: 150). In our view, however, this assertion is most likely erroneous, since Ivanin relied on a 17th-century source, and, moreover, the translation from the original may have been inaccurate (Bobrov at al. 2024).

In virtually all Kazakh heroic epics, the term *semser* is used in parallel with the term *qīlīsh*, that is, in reference to the single-edged curved saber. At the same time, certain versions of the epics contain instances in which this term denotes a double-edged sword. For example, in the epic *Janqozha Batīr*, the word *semser* is employed to designate a long-bladed weapon with two edges:

Till from the double-edged blade
Naught but the hilt remains within the hand.[2]

If we take into account that this epic was sung in the 2nd half of the 19th century, it is hardly likely that Kazakh warriors of that period made use of the sword. Among the long-bladed weapons included in the armaments of the Kazakhs at that time, the most widespread were the *shamshir* sabers, *shashkas*, and Russian sabers. Overall, apart from this single reference in the epic, we do not possess concrete evidence from material, written, or visual sources attesting to the use of double-edged swords by Kazakh warriors of the Late Medieval and Early Modern periods.

According to the Kazakh arms specialist, K.S. Akhmetzhan, until the 18th century nomadic warriors employed both the sword and the saber as equivalent types of weaponry. Some representatives of the nobility could carry both simultaneously, thereby making use of each in battle. However, by the turn of the 18th to 19th centuries, the sword had disappeared from the military armament of the Kazakhs (Ahmetzhan 2007: 99, 100). Based on a comprehensive analysis of material, visual, and written sources, researchers have concluded that during the Late Medieval and Early Modern periods, among the nomadic populations of Kazakhstan, the primary type of long-bladed close combat weapon — unlike in earlier epochs — became the single-edged saber, the *qīlīsh* (Bobrov, Pronin 2012: 572—580; Bobrov, Sheremetev 2013: 243).

Saber and shashka. In Kazakh traditional military terminology, the saber (*qīlīsh*) represents the second type of long-bladed chopping and cutting weapon for close combat. It is characterized by a single-edged curved blade made of iron or steel. A variety of saber types are known, classified according to the shape and degree of curvature of the blade. Thus, based on museum collections and iconographic data, K.S. Ahmetzhan classifies Kazakh sabers into five groups according to the degree of blade curvature: (1) sabers with a slightly curved blade; (2) sabers with a moderately curved blade; (3) sabers with a dramatically curved blade; (4) *zu al-faqar* sabers with a bifurcated blade; and (5) heavy *aldaspan* sabers with an yelman (false edge) at the end of the blade (Ahmetzhan 2007: 100—102). Weapons specialists L.A. Bobrov and O.A. Pronin, based on the study of 98 Kazakh sabers dating from the 16th to the mid-19th centuries, classify them according to the degree of blade curvature into three groups: (1) slightly curved blades up to 16°, (2) moderately curved blades up to 20°, and (3) strongly curved blades exceeding 20° (Bobrov, Pronin 2012: 573, 575, 577, Fig. 1, 2).

The term *qīlīsh* originates from Old Turkic in the form *qïlïč* and is frequently attested in Old Turkic and Old Uighur written monuments (Drevnetyurkskii slovar' 1969: 442, 443) where, within the military system of the corresponding historical period, it was used to denote swords. In Kazakh heroic epics, the saber, along with the bow and arrow, belongs to the most frequently mentioned types of weapons employed by warriors.

As outlined above, Kazakh heroic epics feature a variety of terms for the saber, as well as numerous expressions associated with it. One such weapon frequently mentioned in the epic tradition is the *aldaspan* saber. For instance, in the historical epic of *Rayīmbek*, reference to the

[2] *Екі жүздi семсердің,*
Балдағы қолда қалғанша (Babalar sözi 62: 39).

aldaspan appears in the farewell words spoken on the occasion of Rayīmbek-*batyr's* departure for a military campaign:

To Abīlay Khan always
You helped with counsel,
The Aq Orda headquarters
You guarded with the aldaspan.[3]

The description of the *aldaspan* saber varies across different sources. Thus, philologist T.B. Baizhanov defines it as a "curved double-edged sword" (Baizhanov 1993: 17), while in Kazakh language dictionaries, it is described simply as a "curved saber" (Asqarov 1974: 215). However, according to the classification of arms specialists, the *aldaspan* represents a type of heavy saber with a slightly curved blade, the distinctive feature of which is the widening towards the tip, known as the "yelman." Due to its considerable weight, both carrying and wielding this weapon in battle required significant physical strength (Ahmetzhan 2007: 102).

In many Persian miniatures of the Late Medieval period, depictions can be found of a Turkic warrior holding an *aldaspan* saber resting on his shoulder (Fig. 3). Furthermore, in the nomenclature of weapons presented by M.V. Gorelik, based on archaeological finds from the 13th—14th centuries associated with the Golden Horde and its army, as well as on representations in Persian iconography, one can also identify sabers of the *aldaspan* type (Gorelik 2002: 64, Fig. 16, 19, 24).

In our view, the *aldaspan* saber among the Eurasian nomadic warriors emerged during the period of the Golden Horde and was widely used within the military-political elite of the Ulus of Jochi. As I.L. Izmailov provides a concise characterization of such a saber: "Modern analyses of Golden Horde blades attest to their often exceptionally high quality: they were manufactured from 'Damascus' — welded steel, and even from cast bulat. Over time, Golden Horde saber blades became increasingly curved. In the 2nd half of the 14th century, they acquired a distinctly pronounced yelman — a widening in the lower third to quarter of the blade. In the vast majority of cases, sabers of the Golden Horde period featured cross-shaped, narrow-rhombic guards with downward-drawn ends" (Izmailov 2020: 287). It appears that the saber *aldaspan* possessed such characteristics. Similar sabers could also have been employed in the post-Golden Horde Muslim world, including in the eastern Dasht-i Qipchaq, particularly within the Kazakh Khanate, where they served as the weapons of khans, sultans, and the military aristocracy.

The next type of chopping and cutting melee weapon in heroic epics is the *isfahan* saber. In Kazakh oral tradition, it also occurs under the variant forms *asfahan* and *asbaqan*. For instance, in the epic *Eŋsegey boylī er Esim*, it is related how Khan Tawakkul, in preparation for war against the Tashkent Khan Tursun, who had seized Turkistan, commands that his saber be brought to him:

Open the treasure and take
The Isfahan saber.[4]

The saber is associated with the name of the city of Isfahan in Iran. In the 16th and 17th centuries, a craftsman named Asadullah lived in this city, producing in his workshop exceptionally refined and high-quality curved sabers, which he marked with the stamp: اسد اله اصفهانی — *Asad Allah Isfahani*, meaning "Asad Allah from Isfahan." In the Islamic world, particularly in Arab and Persian regions, personal names were often derived from the names of native cities, and for this reason, these sabers became known throughout the Muslim world as "Isfahan", after the hometown

[3] *Абылай ханға әрдайым,*
Ақыл қосып тұрып ең,
Ақ орданың ауласын,
Алдаспанмен қорғап жүріп ең (Babalar sözi 59: 129).
[4] *Қазынаның аш ауызын,*
Испаһанлы қылыш ал (Babalar sözi 56: 122).

of the master. Ch.Ch. Valikhanov noted that these Persian sabers, *isfahan*, were highly valued among the Kazakhs and became known as *narkesken* (Valikhanov 1985: 36). (Fig. 4).

In this case, we would like to support these statements with data from folkloric sources. For instance, in the historical epic *Batīr Jänibektiŋ öleŋi*, the following lines are encountered:

Having said this, Jänibek
Flashed a white sword,
And struck down upon the head.
The bulat narkesken — the white saber —
Split his skull as though it were wood.[5]

A close analysis of the epic verses reveals that the storyteller refers to the same weapon using two different terms — sword (*semser*) and saber (*qīlīsh*). In our view, this may indicate either a stylistic distinction or a functional differentiation. It cannot be excluded that both terms designate the same weapon. The name of this saber suggests a more pronounced curvature of the blade, as well as an enhanced cutting capacity that enabled the wielder to strike targets inaccessible to ordinary sabers. It was most likely these qualities that gave rise to the designation of *narkesken* within the Kazakh military tradition, a term which literally translates as "camel-cutter" and underscores the exceptional sharpness and slashing power of the weapon. This saber enjoyed such widespread popularity among the Kazakh military elite and warrior class that in the 18th and 19th centuries it was frequently depicted on gravestones and other cultic monuments (Samashev, Zhetibayev 2005: 32, 34, 36, 38, 39, 42, 44, Fig. 30, 32, 34, 38, 39, 43, 46).

The next designation of a saber in the Kazakh epic tradition is *zu al-faqar*. In the epic, *Er Qosay*, it is related how the batyr Er Kökshe, when confronted with five thousand Kalmyks, enumerates all of his weapons, including a reference to the legendary saber, *zu al-faqar:*

From my grandfather a zu al-faqar was passed down to me,
From my ancestors a zu al-faqar was passed down to me —
Beneath a span of black earth it rests,
And within it lie the life and honor of forty thousand batīrs.[6]

The name of this saber derives from the Arabic term ذو الْفَقَار — zū-l-faqār "the grooved", "with wavy blades." According to Islamic tradition, this saber was received by the Prophet Muhammad as a trophy following the Battle of Badr, and after his death it passed to his relative and companion, Caliph ʿAlī. It is assumed that the saber itself may have been known to the Arabs even before the emergence of Islam; however, it was only after it came into the possession of the Prophet Muhammad and his companion ʿAlī that it acquired sacred significance. Legend holds that *zu al-faqar* was endowed with magical properties, enabling it to lengthen or shorten at will (Islam: entsiklopedicheskiy slovar' 1991: 79).

Naturally, the emergence of a saber with this name in the range of armaments of the Muslims of Central Asia is associated with the spread of Islam during the medieval period. It may be assumed that the Great Steppe *batīrs* attributed to this weapon a particular sacred significance, which explains why popular storytellers endowed the sabers of their epic heroes with this name. According to iconographic and material evidence, the classical type of this saber featured a

[5] *Осыны айтып Жәнібек,*
Ақ семсерді бұлғалап,
Жіберді салып басына.
Наркескен болат ақ қылыш,
Қақ бөліп басын жарады (Babalar sözi 56: 58).
[6] *Атамнан қалған зұлпықар,*
Бабамнан қалған зұлпықар,
Қарыс қара жерінде,
Қырық мың ердің құны бар (Babalar sözi 44: 106).

bifurcated blade extending approximately to the midpoint of a moderately curved edge (Żygulski 1979: 225, fig. 231, 232) (Fig. 5), whereas later specimens were distinguished by a "wavy" blade profile with festooned decoration terminating in a split tip (Ahmetzhan 2007: 101, 105, Fig. 75: 8; Bobrov, Pronin 2012: 576, Fig. 2: 16). (Fig. 6).

In the Kazakh heroic epic, this saber is mentioned not so much by its direct name but rather through a descriptive form — by reference to the characteristics of its construction and appearance. For example, in the epic, *Alpamīs Batīr*, the hero's saber is described as follows:

Like the dragon tongue,
Its thrust is unseen,
Drawing it from the scabbard,
He took the saber-beren in his hand.[7]

In the cited excerpt, the narrator does not explicitly name the saber as *zu al-faqar*. Therefore, it cannot be asserted with certainty that Alpamīs Batīr possessed this specific weapon. However, considering that in the mythological imagery of East Asian cultures the dragon — conceived as a great serpent — has a forked tongue, one may cautiously assume that the storyteller intended to emphasize that Alpamīs Batīr indeed wielded the saber, *zu al-faqar*. The name of this saber, beyond its role in the Kazakh poetic tradition, also influenced anthroponymic practice as Kazakh families to this day continue to name their sons *Zulpīqar*.

In this part of the epic, another term merits attention — *beren*, used as an epithet associated with the saber. It is likely that this term was borrowed into Kazakh from Chagatai. In V.V. Radlov's dictionary, it is recorded with the following meanings: "the finest velvet" (from Chagatai) and "the finest steel" (from Kyrgyz) (Radlov 1911b: 1596). However, in Kazakh folklore, this term was widely used to describe both animate and inanimate objects distinguished by their beauty, durability, and uniqueness (Kaydarov 1973: 30). For example: *beren sunqar* ("the best falcon"), *beren qīlīsh* ("an excellent saber"), *beren mīltīq* ("a select rifle"), *beren jigit* ("a distinguished young warrior"), *beren sadaq* ("a superior bow"), and others. It is likely for this reason that the storyteller emphasizes the exceptional quality of Alpamīs Batīr's *zu al-faqar*. Considering the evidence presented and drawing on these parallels, it can be posited with a reasonable degree of confidence that military leaders and warriors of the Golden Horde, post-Horde khanates, and late Medieval and Early Modern Eurasian *hordes* employed *zu al-faqar* saber.

In the heroic epics, sabers are often referred to by the general term *bolat*, derived from the name of the material from which they were made. For example, in the epic *Qarasay, Qazy* in the Shayakhmet Karibaev's version, the Noghai batīr Qarasay attacks the Safavid Qīzīlbas with a saber forged of steel:

He will take in his hands the saber-almas,
Forged from pure bolat,
Dipped into scarlet blood,
Its past no one knows.
Had it not touched blood,
It would not have fit into the scabbard.[8]

[7] *Айдаһардың тіліндей,*
Салса кеткен білінбей,
Қынабынан суырып,
Қолына алды береңді (Babalar sözi 34: 87).
[8] *Қолға алмас алады,*
Шын болаттан соқтырған,
Қызыл қанға суарған,
Өткенін адам білмеген,
Егер де қанға тимесе,
Қынабына сыймаған (Babalar sözi 41: 386).

In this passage, the storyteller describes the saber using the terms *almas* and *bolat*. Both terms denote steel — the material from which sabers are forged. However, the first term, *almas*, is an indigenous word of the Kazakh language (Radlov 1911a: 438), whereas the second, *bolat*, was borrowed into Kazakh from the Persian word پولاد, meaning "steel" (Rustemov 1989: 72). It appears that in this case, the storyteller sought to emphasize that the saber of Qarasay Batyr was forged from high-quality steel. At the same time, the storyteller attempts to present the saber not merely as a weapon, but as a magical substance endowed with its own "secret." If the saber does not fulfill its primary function — namely performing a dynamic act by shedding blood — it cannot return to its scabbard.

In their works, storytellers often designate the saber not by its general appellation, but rather by individual elements of its construction or by the color of the material: *qara bolat* ("black saber"), *baldağī aq beren* ("saber with a white guard"), *aq baldaqtī kök beren* ("blue saber with a white guard"), *aq almas* ("white saber"), and others. However, these names do not denote separate types of sabers; instead, they constitute euphemistic designations that arose in the process of the weapon's sacralization, when the name of one of its parts was metonymically transferred to the entire object (Ahmetzhan 2007: 102).

The epithets of epic storytellers about swords and sabers can be traced back to archaic conceptions. The warrior's weapon, beyond its immediate combat function, was believed to possess the capacity to act independently of its owner's will. Moreover, in the early epic tradition of the nomads, weapons were often depicted as animate beings, endowed with personal names and capable of autonomous action (Lipec 1984: 79; Urmanche 2015: 289). It is likely for this very reason that written sources, alongside folkloric evidence, contain references to weapons bearing proper names which belonged to various historical figures — khans, sultans, warrior-batīrs, and others (Ivanics, Usmanov 2002: 59, 60).

In Kazakh heroic epics, in addition to references to sabers classified by the material of their manufacture, there are also descriptions with the names of individual structural elements of the weapon, for example, *baldaq* — translated as "guard" or "quillon of the hilt." Thus, in the epic, *Ertedegi Shora Batīr*, in the storyteller Musabay's version, the saber of the main character is described as follows:

With a saber, with a white hilt at his belt,
Following the many infidels,
Shouting a cry, he attacks.[9]

Overall, the quillon of the saber guard is one of its most important structural elements, designed to protect the hand from an opponent's strikes. The protective function of this element is particularly emphasized in epic works. For instance, in the epic *Er Qosay*, in the Asayīn Khangeldyn's version, the main character extols:

If you cannot withstand a saber blow,
The quillon will break — and your flaw will be revealed.[10]

Within these passages in Kazakh heroic epics, the storytellers mention not only the quillon of the saber guard, but also the entire hilt as a whole, that is, the term quillon is understood to denote the entire handle of the weapon. In these two passages, it is most likely that the most widespread Kazakh sabers of the *shamshir* type are being referenced. Structurally, shamshir sabers generally consist of three main components: the blade, the L-shaped hilt, and the guard, and they belong to the group of sabers with a strongly curved blade. On average, such sabers measure about 90 cm in overall length, with the blade

[9] *Ақбалдақ қылыш белінде,*
Көп кәуірдің соңында,
Айғайлап жауға тиеді (Babalar sözi 45: 64).
[10] *Шапқаныма шыдамай,*
Балдақтан кетсең, саған серт (Babalar sözi 44: 136).

width at the guard being approximately 3 cm. Weapons of this type were widely used among the Kazakhs in the 17th to 19th centuries, as evidenced by several original specimens preserved in the collections of Kazakhstani museums. In particular, the exhibition of the National Museum of the Republic of Kazakhstan features six examples of such sabers (Fig. 7). One of the distinctive features of Kazakh and Central Asian shamshir sabers, compared to classical Iranian shamshirs, is the use of wooden "scales" attached to both sides of the hilt core (Bobrov, Ismailov 2019).

The classical form of the shamshir emerged in Iran in the 14th century, reaching its peak popularity between the 15th and 17th centuries across the Islamic world, including the Great Steppe and Central Asia (Bobrov, Pronin 2012: 574).

In Kazakh heroic epics, in addition to references to the structural elements of sabers, there are also descriptions of their color and manufacturing techniques. For example: *baldağī altīn almas* — a saber with a gilded guard; *kümis appaq baldaq* — a white saber with a silver guard; *aq baldaq* — a white guard. The comprehensive study has shown that the hilts and scabbards of shamshirs belonging to Kazakh and Central Asian noble warriors (the military-political elite) were often made with elements of precious metals, particularly gold and silver. Some blades were further embellished with gold-inlaid engraving, which corresponds to the descriptions of long-bladed weapons in the heroic epics. Mentions of "golden sabers" in the epics are not mere exaggerations: Russian museum collections preserve sabers from Khiva and Kokand adorned with silver plates covered in gilding (Bobrov, Sheremetev 2013: 240; Bobrov, Pronin 2012: 578—580). In addition, the grip scales of certain examples were crafted from walrus tusk or ivory in the style of classical Iranian shamshirs. One such shamshir is currently on exhibition at the National Museum of the Republic of Kazakhstan (Fig. 7: 1).

Written sources also provide evidence of the use of rare and exotic materials in the manufacture of sabers among the Kazakhs and the peoples of Eastern Turkestan. Thus, the Chinese chronicle *Qinding Huangyu Xiyu tuzhi*, compiled in the 2nd half of the 18th century, contains the following description of a saber: "*Kelinci* (克凌齊). *Saber (Chinese: dao 刀). Its material is pure copper (Chinese: chundong 純銅). The blade is curved, and especially so near the tip. The hilt is made of the bone of a large fish (Chinese: dayugu 大魚骨) and of hardwood (Chinese: yingmu 硬木). The scabbard is fashioned from fish skin (Chinese: yupi 魚皮) and decorated with ivory (Chinese: xiangya 象牙) and tortoiseshell (Chinese: daima 玳瑁). At the end of the hilt there is a copper ring, to which a leather cord is attached*" (Bobrov, Pastukhov 2021: 192).

Another type of long-bladed chopping and cutting weapon mentioned in the Kazakh heroic epic is the *sapī*, known in arms studies as the shashka. For instance, in the epic, *Ötegen Batīr*, there is a description of the hero's attempt to make use of his weapon:

Snatching the saber from his belt, he froze,
His steady gaze already marking out the strike.
He raised the sapī — already set to slash,
But suddenly grew still, gathering his thoughts.[11]

In V.V. Radlov's dictionary, the word *sapī* in the Kazakh language is explained as "a type of dagger, shashka — eine Art Dolch, Sabel" (Radlov 1911a: 404). In the works of Ch.Ch. Valikhanov, it is noted that in the 19th century, the Kazakhs used a straight long-bladed chopping and cutting weapon called *sapī* or *shapī*, which resembled the shashka that was widespread in Central Asia (Valikhanov 1985: 36). The origin of the name of this type of weapon is apparently connected with the influence of Islamic culture among the Turks of Central Asia. It is assumed that the Arabic word *saif* ("sword" —

[11] *Сапысын жанындағы суырып ап,*
Ойланды кесуге енді оңтайланып.
Сапысын шабайын деп көтергенде,
Сабыр қып біраз тұрды ой ойланып (Babalar sözi 59: 170—171).

O.A.) in Qipchak dialects of the Turkic languages transformed into the form *šap* (Loseva-Bakhtiyarova 2005: 115—116), which later evolved in the Kazakh language into the variants *sapī* or *shapī*.

Structurally, the shashka *sapī* represents a slightly curved or nearly straight single-edged blade with a hilt lacking a quillon. According to K.S. Ahmetzhan, the Central Asian and Kazakh shashka without a quillon developed from the long knife and eventually supplanted the saber as firearms became widespread, at a time when hand-to-hand combat with sabers (equipped with a quillon) had already fallen out of military practice, with the weapon being specialized exclusively for chopping and cutting functions (Ahmetzhan 2007: 103).

As noted above, this type of weapon was widely used among Kazakh warriors in the 18th and 19th centuries, a fact corroborated by material evidence. In particular, three well-preserved authentic specimens of Central Asian and Kazakh shashkas *sapī* are presented in the National Museum of the Republic of Kazakhstan. On average, their total length is approximately 85—90 cm, while the blade width at the base of the hilt measures about 3 cm (Fig. 8).

In conclusion, it should be emphasized that the long-bladed weapons mentioned in Kazakh heroic epics demonstrate a high degree of correspondence with the material, visual, and written sources that reflect the armaments of the nomads of Kazakhstan and adjacent territories. Swords and sabers occupied an important place in the military equipment of Eurasian nomads from the earliest times through the ethnographic period. Within traditional Kazakh culture, these types of weapons became the focus of numerous rituals, beliefs, and symbolic representations. Moreover, in the medieval nomadic states of Eurasia, they often served as political instruments, particularly in the investiture of power.

To summarize the present study, it may be concluded that in Kazakh heroic epics long-bladed weapons are denoted by the following terms: *semser*, *qīlīsh*, and *sapī*. In addition, various collocations referring to these weapons have been identified, including *aldaspan, isfahan (asfahan, asbaqan), narkesken*, *zu al-faqar*; terms denoting uniqueness such as *beren*; material-based descriptors such as *bolat, almas*; and color- or form-based designations such as *qara bolat, baldağī aq beren, aq baldaqtī kök beren,* and *aq almas.*

Works of oral folk tradition are characterized by inherent features of hyperbole and amplification, exaggeration of events and plots, solemnity, and expressive vividness. These qualities, without doubt, constitute common traits of the folk heritage of peoples worldwide. However, it is not difficult to observe that specific elements of material culture — particularly items of weaponry — described in epics reflect the realities of the ethnocultural life of the society that produced these heroic narratives. Moreover, Kazakh heroic epic has gained recognition among both domestic and international folklorists precisely due to its high degree of historical realism.

In this regard, we maintain that the names and descriptions of long-bladed weapons recorded in the Kazakh heroic epics under consideration, in terms of their morphological origins, can be traced at least as far back as the medieval era of the Turkic-Mongolian tribes who established the Ulus of Jochi — the Golden Horde — as well as to the state formations that subsequently emerged on its territory, particularly the Kazakh Khanate. Overall, the terminology, forms, and types of these specimens of long-bladed weaponry derive from ancient traditions of Kazakh weaponry, shaped through processes of cultural exchange among the peoples of the Great Steppe. An analysis of sabers preserved in the museum collections of Kazakhstan indicates that this type of weapon continued to be used by Kazakh warriors up to the early 20th century.

References

Agatay, O.M., Sabitov, Zh.M., Dossymbetov, N.A. 2023. Strely-dzhebe v nogaylinsko-kazakhskom geroicheskom epose (Arrows-Jebe and the Noghaic-Kazakh Heroic Epos). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* (*Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*) 15, 665—686. DOI: 10.53737/8916.2023.97.73.025 (in Russian).

Agatay, O.M., Sabitov, Zh.M., Ibadullayeva, Z.O., Dossymbetov, N.A. 2024. Ognestrel'noye oruzhiye v nogaylinsko-kazakhskom geroicheskom epose (Firearms in the Noghaic-Kazakh Heroic Epos). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* (*Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*) 16, 651—669. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.46.95.031 (in Russian).

Akhmetzhan, K.S. 2007. *Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov* (*Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry*). Almaty: Almatykitap (in Russian).

Allaniyazov, T.K. 1998. *Voyennoye delo kochevnikov Kazakhstana* (*Military Affairs of the Nomads of Kazakhstan*). Almaty: Fond "XXI vek" (in Russian).

armantik.ru: 1: No. ARK-10 Zulfiqar Saber. Available at: https://armantik.ru/sablya-zulfikar/ (accessed 17.08.2025).

Asqarov, A.A. 1974. *Qazaq tiliniŋ tüsindirme sözdigi* (*Explanatory Dictionary of the Kazakh Language*). Vol. 1. Almaty: Gylym (in Kazakh).

Babalar sözi 34: Qosan, S. (ed.). *Batırlar jırı* (*Heroic Epic*). 2006. Vol. 34. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 41: Qosan, S. (ed.). *Batırlar jırı* (*Heroic Epic*). 2007. Vol. 41. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 42: Qosan, S. (ed.). *Batırlar jırı* (*Heroic Epic*). 2007. Vol. 42. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 44: Qosan, S. (ed.). *Batırlar jırı* (*Heroic Epic*). 2007. Vol. 44. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 45: Qosan, S. (ed.). *Batırlar jırı* (*Heroic Epic*). 2007. Vol. 45. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 56: Qorabay S. (ed.). *Taryhy jırlar* (*Historical Epics*). 2009. Vol. 56. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 59: Qosan, S. (ed.). *Taryhy jırlar* (*Historical Epics*). 2009. Vol. 59. Astana: Foliant (in Kazakh).

Babalar sözi 62: Elesbay N. (ed.). *Taryhy jırlar* (*Historical Epics*). 2010. Vol. 62. Astana: Foliant (in Kazakh).

Baizhanov, T.B. 1993. *Istoriya voyennoy leksiki v kazakhskom yazyke* (*History of Military Vocabulary in the Kazakh Language*): Abstract of the Doctoral Thesis in Philological Sciences. Almaty: A. Baitursynov Institute of Linguistics, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (in Russian).

Beazley, C.R. 1903. *The Texts and Versions of John De Plano Carpini and William De Rubruquis*. London: Hakluyt Society.

Bobrov, L.A., Ismailov, D.M. 2016. Sabli tyurkskikh kochevnikov XVIII—XIX vekov iz fondov Natsional'nogo muzeya Respubliki Kazakhstan i Istoriko-krayevedcheskogo muzeya Atyrauskoy oblasti (Turkic Nomad Sabers of XVIII—XIX Centuries Stored in the National Museum of the Republic of Kazakhstan and the Local History Museum of the Atyrau Region). *Vestnik NGU* (*Bulletin of NSU*). Series: History and Philology 15 (5). *Archeology and Ethnography*, 203—210 (in Russian).

Bobrov, L.A., Ismailov, D.M. 2019. Tri sabli s derevyannymi rukoyatyami kontsa XVII — serediny XIX vv. iz Natsional'nogo muzeya Respubliki Kazakhstan (Three Sabers with Wooden Hilts of the 17th — mid 19th Centuries from the National Museum of the Republic of Kazakhstan). *Vestnik NGU* (*Bulletin of NSU*). Series: History and Philology 18 (3). *Archeology and Ethnography*, 146—158 (in Russian).

Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.) (The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th — the first half of the 18th century).* Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).

Bobrov et al. 2020: Bobrov, L.A., Kushkumbaev, A.K., Kairmagambetov, A.M., Ismailov, D. 2020. Tri sabli mongol'skogo vremeni s territorii Kazakhstana (Three Sabers of the Mongol Empire Times from the Territory of Kazakhstan). *Vestnik NGU* (*Bulletin of NSU*). Series: History and Philology 19 (7). *Archeology and Ethnography*, 245—256 (in Russian).

Bobrov, L.A. Kushkumbayev, A.K., Sabitov, Zh. M. Agatay, U.M. 2024. "Ulozheniye Timura" kak istochnik po takticheskomu iskusstvu chagatayskikh voysk posledney treti XIV — nachala XV vv. (*Tuzūkāt-i Tīmūrī* as a Source on Chagatai Military Tactics, Late Fourteenth to Early Fifteenth Centuries). *Oriental Studies* 17 (2), 320—334 (in Russian).

Bobrov, L.A., Novoselov, V. R. 2020. Sablya kazakhskogo Vali-khana iz sobraniya Muzeyev Moskovskogo Kremlya (A Saber of the Kazakh Vali Khan from the Collection of the Moscow Kremlin Museums). *Vestnik NGU* (*Bulletin of NSU*). Series: History and Philology 19 (3). *Archeology and Ethnography*, 87—104 (in Russian).

Bobrov, L.A., Pastukhov, A.M. 2021. Vooruzheniye i znamena musul'manskogo naseleniya Vostochnogo Turkestana i sopredel'nykh territoriy serediny XVIII v. po materialam "Tsin'din Khuan''yuy Siyuy tuchzhi" (Weapons and Banners of Moslem Population in East Turkestan and Adjacent Territories, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*). *Mongolovedeniye* (*Mongolian Studies*) 13 (2), 186—221 (in Russian).

Bobrov, L. A., Pronin, A.O. 2012. Tipologiya kazakhskikh sabel' XVI — serediny XIX v. (The Typology of the Kazakh Sabers of the 16th — Mid 19th Centuries). In: *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami (The Cultures of Eurasia Steppe and their Interaction with Ancient Civilizations)*. Bk. 2. Saint Petersburg: IHMC RAS; Periferiya, 572—581 (in Russian).\

Bobrov, L.A., Sheremetev, D.A. 2013. Sabli kazakhskikh voinov iz fondov Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya (Sabers of the Kazakh Wariors from the Collection of the Russian Museum of Ethnography). *Vestnik NGU (Bulletin of NSU)*. Series: History and Philology 12 (7). *Archeology and Ethnography*, 223—245 (in Russian).

Drevnemongol'skie goroda, 1965: Kiselev, S.V., Merpert, N.Ya. (eds.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: Nauka, 188—215 (in Russian).

Drevnetyurkskii slovar' 1969: Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Sherbak, A.M. (eds.). *Drevnetyurkskii slovar' (Old Turkic Vocabulary)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov (arkheologicheskie pamyatniki) (Nomads of the East Europe Under the Rule of the Golden Horde khans: Archaeological Monuments)*. Moscow: Moskovskii universitet (in Russian).

Gorelik, M.V. 2002. *Armii mongolo-tatar X—XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Tatar Armies in the 10th — 14th Centuries. Military Art, Equipment, Weapons)*. Moscow: Vostochnyi gorizont (in Russian).

Islam: entsiklopedicheskiy slovar' 1991. Negrya, L.V. (ed). *Islam: entsiklopedicheskiy slovar' (Islam: An Encyclopedic Dictionary).* Moscow: Nauka (in Russian).

Ivanics, M, Usmanov, M.A. 2002. *Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Cingiz-nämä), I, (Vorwort, Einführung, Tränskription, Wörterbuch, Faksimiles)*. Szeged: University of Szeged.

Ivanin, M.I. 1875. *O voyennom iskusstve i zavoyevaniyakh mongolo-tatar i sredne-aziatskikh narodov pri Chingis-Khane i Tamerlane (About the Art of War and Conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian Peoples Under Genghis Khan and Tamerlane)*. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za (in Russian).

Izmailov, I.L. 2020. Kompleks vooruzheniya Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy): Teoriya i praktika voyennoy arkheologii (Armament Complex of the Ulus of Jochi (the Golden Horde): Theory and Military Archaelogy Practice). *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 279—300 (in Russian).

Kaydarov, A.T. 1973. In *Izvestia Akademii nauk Kazakhskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki (Bulleten of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic)* 6, 25—34 (in Russian).

Kniga Marko Polo, 1955. Magidovich, I.P. (ed.). *Kniga Marko Polo (The Book of Marco Polo).* Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo geograficheskoy literatury (in Russian).

Kushkumbaev, A.K. 2013. In: Kushkumbaev, A.K. (ed.). *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni (Warfare of Nomads of Kazakhstan and Neighboring Countries of the Middle Ages and Modern Times)*. Astana: IP BG-print, 55—69 (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia)*. Novosivirsk: Nauka (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya (Arms of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages)*. Novosivirsk: IAiE SO RAN (in Russian).

Lipec, R.S. 1984. *Obrazy batyra i yego konya v tyurko-mongol'skom epose (The Images of the Batyr and His Horse in the Turkic-Mongolian Epic)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Loseva-Bakhtiyarova, T.V. 2005. *Voyennaya leksika tyurkskikh yazykov (nazvaniya vooruzheniya) (Military Vocabulary of the Turkic Languages (Names of Weapons)*: Cand. Sc. (Philology) Thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

Radlov, V.V. 1911a. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Pt. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Radlov, V.V. 1911b. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (Experience of the Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Pt. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademya Nauk (in Russian).

Rustemov, L.Z. 1989. *Kazakhsko-russkiy tolkovyy slovar' arabo-iranskikh zaimstvovannykh slov (Kazakh-Russian Explanatory Dictionary of Arabic-Iranian Loanwords)*. Alma-Ata: Mektep (in Russian).

Samashev, Z., Zhetibayev, Zh. 2005. *Qazaq petroglyfteri (Köne tamīrī men sabaqtastīğī) Kazakh Petroglyphs: Ancient Roots and Continuity*. Almaty: Il-Tech-Kitap (in Kazakh).

Urmanche, F. 2015. *Tyurkskiy geroicheskiy epos: sravnitel'no-istoricheskiye ocherki* (*The Turkic Heroic Epic: Comparative-Historical Essays)*. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art (in Russian).

Valikhanov, Ch.Ch. 1985. In: Margulan, A.Kh. (ed.). *Sobranie cochinenii v pyati tomakh (Collected Works in Five Volumes)*. Vol. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsya Kazakhskoi sovetskoi ensiklopedii (in Russian).

Żygulski, Z.Jr. 1979. In: Elgood, R. (ed.). *Islamic Arms and Armour*. London: Scolar Press.

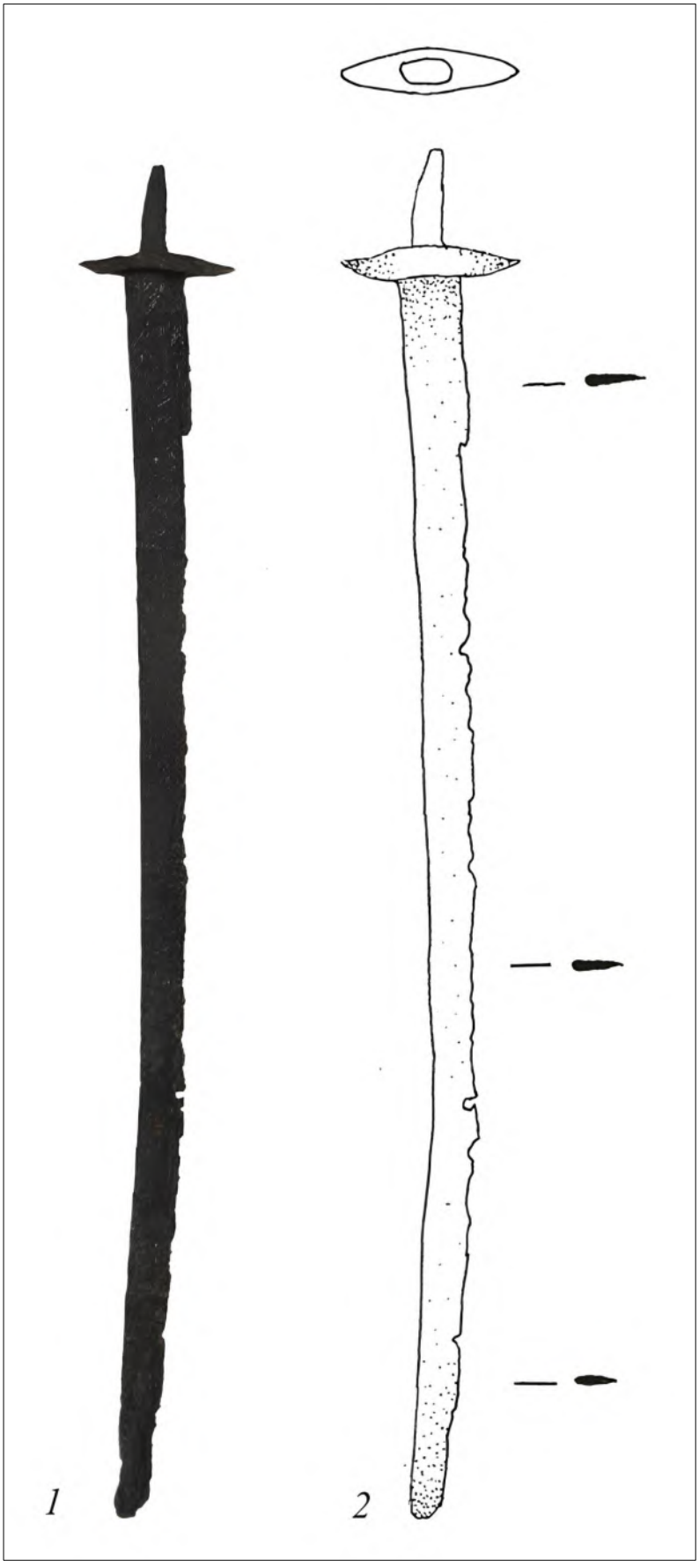


Fig. 1. Saber, inv. no. QRŪM 802, dating to the Mongol period, from the collections of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (photo by K.K. Musin): *1* — general view; *2* — drawing of the saber (illustration by A.B. Smailova).

Fig. 2. Images of Turkic-Mongolian warriors with sabers. *Shah-nama (Great Mongol)*, Iran, Tabriz, 1330s. Collection des Musées d'Art et d'Histoire, Geneva.

Fig. 3. Turkic military commander with an *aldaspan* saber. Battle scene from a *Zafar-nama* by Sharaf al-Din Ali Yazdi, Herat, 1485—1486, Metropolitan Museum of Art, New York.

Fig. 4. Kazakh batīr with a *narkesken* (?) saber. Private collection. 1736. John Castle. (after Bobrov, Sheremetev 2013).

Fig. 5. *Zu al-faqar* saber: *1* — general view; *2* — bifurcated blade. Private collection (after armantik.ru: 1).

Fig. 6. *Zu al-faqar* saber, inv. no. CMK KP 1918, from the collections of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (photo by K.K. Musin): *1* — general view; *2* — bifurcated blade tip.

Fig. 7. *Shamshir* sabers from the collections of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (photo by K.K. Musin): *1* — inv. no. QRŪM nq 42523; *2* — inv. no. QRŪM nq 10470; *3* — inv. no. QRŪM nq 10757; *4* — inv. no. QRŪM nq 10761; *5* — inv. no. QRŪM nq 101; *6* — inv. no. QRŪM nq 10757.

Fig. 8. *Sapī* shashkas from the collections of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (photo by K.K. Musin): *1* — inv. no. QRŪM nq 10762; *2* — inv. no. QRŪM nq 10769; *3* — inv. no. QRŪM nq 658.

Нумизматика

Numismatics

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.60.56.027

Ersin Çelikbaş, Fatma Kızılyalçın Oyarçin

BYZANTION COIN FROM PAPHLAGONIAN HADRIANOPOLIS*

This article presents a silver coin of Byzantion discovered in 2023 in rock-cut tomb M-14 at the Southern Necropolis of Paphlagonian Hadrianopolis. Dated to the Late Classical-Early Hellenistic Period (340—320 BCE), the coin features the legend ΠΥ on the obverse, depicting a bull standing above a dolphin to the left, with a windmill-shaped incuse on the reverse. The structures and finds were unearthed by archaeological excavations started in Hadrianopolis at 2003 generally indicate the Late Roman-Early Byzantine period urbanization of the city. This situation gave the impression that Hadrianopolis was a weak city during the Hellenistic and Early Roman periods, and that there was no settlement in the city at all. However, the coin we examined in this study provides important information about the Charon tradition in Hadrianopolis and supports the argument that Hadrianopolis should not be considered merely a Late Antique city, but also held an important settlement in the region during the Hellenistic and Early Roman periods.

Key words: Paphlagonia, Hadrianopolis, Roman Provincial, Coin, Byzantium.

About the authors: Çelikbaş Ersin[1], Associate Professor, Dr., Karabuk University, Faculty of Letters, Department of Archaeology; Kızılyalçın Oyarçin Fatma[2], Assistant Professor, Dr., Karabuk University, Faculty of Letters, Department of Archaeology.

Contact information: [1,2]78050, Turkey, Karabük, Karabuk University, e-mail: [1]ersincelikbas@gmail.com; [2]fatmakizilyalcin@gmail.com.

Эрсин Челикбаш, Фатма Кызылялчин Оярчин

МОНЕТА ВИЗАНТИЯ ИЗ ПАФЛАГОНСКОГО АДРИАНОПОЛЯ

Предметом этой статьи является монета Византия, обнаруженная в высеченной в скале гробнице М-14 из Южного некрополя в пафлагонском Адрианополе в сезон 2023 г. Датированная позднеклассическим — раннеэллинистическим периодом (340—320 гг. до н.э.), монета имеет легенду ΠΥ на аверсе, изображающую сидящего быка вверху и дельфина внизу слева, а также наковальню в форме ветряной мельницы на реверсе. Постройки и находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок, начатых в Адрианополе в 2003 г., в целом указывают на урбанизацию города позднеримского—ранневизантийского периода. Эта ситуация создавала впечатление, что Адрианополь был слабым городом в эллинистический и раннеримский периоды, и что в городе вообще не было поселений. Однако монета, которую мы исследовали в рамках данного исследования, предоставляет важную информацию о традиции Харона в Адрианополе и подтверждает нашу точку зрения о том, что Адрианополь следует рассматривать не только как позднеантичный город, но и как важное поселение в регионе в эллинистический и раннеримский периоды.

Ключевые слова: Пафлагония, Адрианополь, римская провинция, монета, Византий.

Сведения об авторах: Челикбаш Эрсин[1], доцент, доктор наук, Университет Карабук, факультет литературы, кафедра археологии; Кызылялчин Оярчин Фатма[2], ассистент-профессор, доктор наук, Университет Карабук, факультет литературы, кафедра археологии.

Контактная информация: [1,2]78050, Турция, Карабюк, Университет Карабук, e-mail: [1]ersincelikbas@gmail.com; [2]fatmakizilyalcin@gmail.com.

---

*Статья поступила в номер 21 июня 2025 г.
Принята к печати 18 июля 2025 г.

© Эрсин Челикбаш, Фатма Кызылялчин Оярчин, 2025.

Introduction

Paphlagonian Hadrianopolis is located 3 km west of the Eskipazar district of Karabük province, in an area called Viranşehir and its surroundings (Fig. 1). The city includes the villages of Budaklar, Büyükyayalar, Çaylı, and Beytarla. Today, the remains of the city are concentrated in Budaklar Village and Hacı Ahmetler Neighborhood (Keleş et al. 2011: 39; Keleş 2021: 4; Çelikbaş, Oyarçin 2022: 179; Çelikbaş, Verim 2022: 60; Oyarçin, Çelikbaş 2023: 472). Looking at the chronological process of the city, it has been established that settlement in the region existed from the Late Chalcolithic period (Kalkan, Çelikbaş 2022: 417—431) and continued until the Middle Ages, as evidenced by the architectural remains in the city and the findings from the excavations conducted in 2020 (Oyarçin, Çelikbaş 2023: 469—484; Çelikbaş, Oyarçin 2024: 751—767).

The first known name of the city, which was part of Galatia around the 5th BCE, is Caesarea Proseilemmeneitai (Marek 1993: 102; Belke 1996: 155; Matthews et al. 2009: 44). The city's name was turned into Hadrianopolis during the Roman period to honor Emperor Hadrian (117—138 CE) after his visit and urban development activities in the city (Çelikbaş, Oyarçin 2022: 179).

Fig. 1. Karabük and Hadrianopolis (Excavation Archive).

Excavations started in Hadrianopolis in 2003 have unearthed many structures reflecting the Late Roman-Early Byzantine urbanization of the city, such as a military tower, castle wall, a fountain, three churches, a southern necropolis, two baths, and a villa (domus). The coins and other finds discovered in these structures are also mostly dated to the Late Roman and Early Byzantine (Oyarçin 2019: 442—451; Oyarçin 2021: 171—190; Çelikbaş, Oyarçin 2022: 179—188; Oyarçin, Kızılyalçın Oyarçin 2024: 104—127; Çelikbaş, Oyarçin 2024: 751—767). Excavations started in 2018 at the Hadrianopolis Southern Necropolis, where traces of the Late Roman-Early Byzantine periods as well as the city's early periods have been found. During the excavations at the Hadrianopolis Southern

Necropolis, 115 rock-cut tombs were unearthed, and numerous Early Roman finds were discovered inside the tombs (Fig. 2).

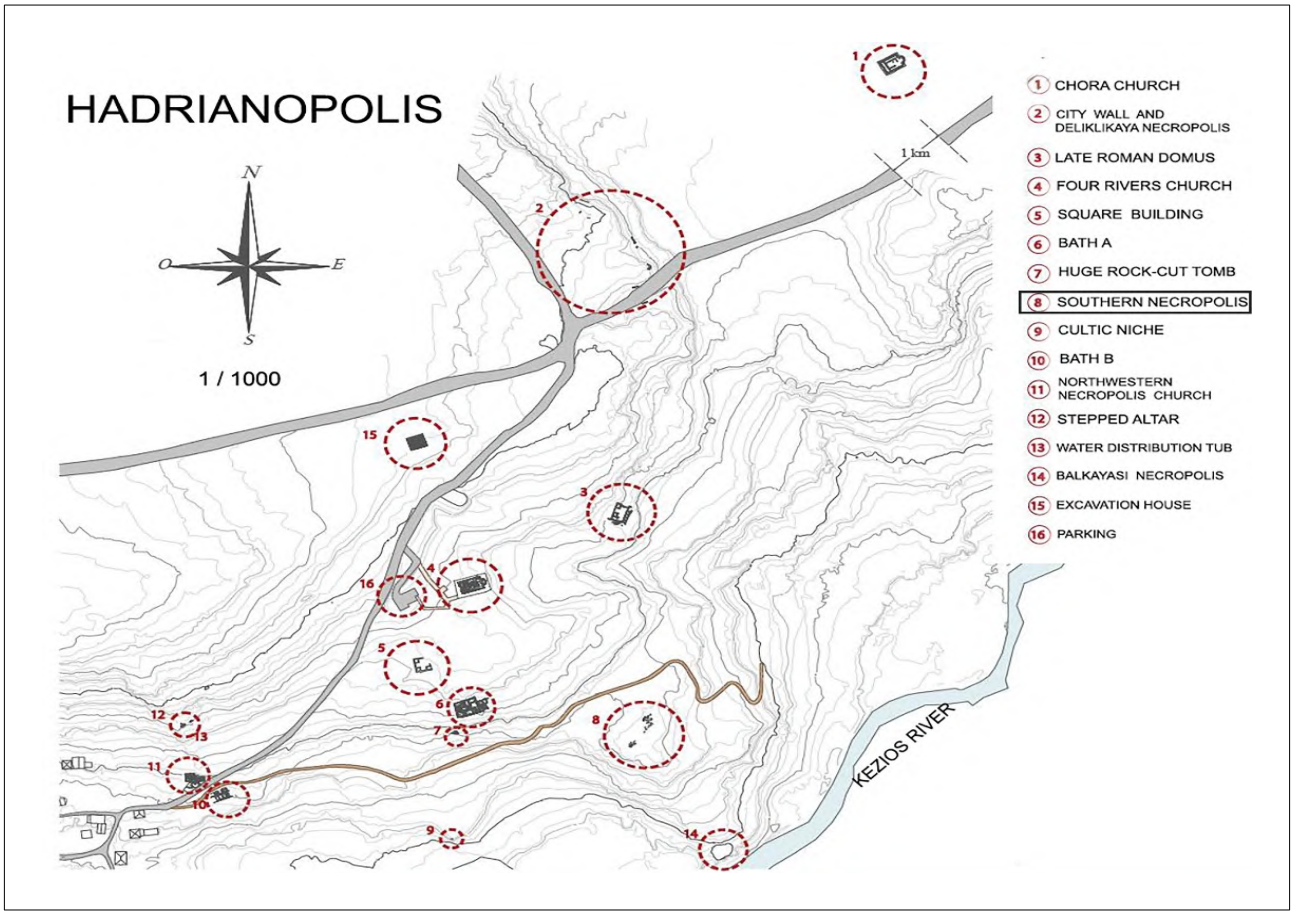


Fig. 2. Site plan and location of Southern Necropolis.

Important datas about the Hellenistic and Early Roman periods of the city have been obtained from the Southern Necropolis. One of the most important pieces of this data are seven Roman provincial coins minted in Hadrianopolis, discovered in rock-cut tombs M-33, M-46, M-63, and M-69. Thanks to these coins discovered in the Southern Necropolis of Hadrianopolis, where coin minting was previously unknown, it has been determined that coins were minted at least during the reigns of Marcus Aurelius and Lucius Verus. Three of the coins found as individual finds in different tombs in the Southern Necropolis have been dated to the reign of Marcus Aurelius, while the remaining four coins have been dated to Lucius Verus (Çelikbaş, Oyarçin 2022: 179—188). Forty-eight caligae pins dating to the 2nd century CE were also discovered in tomb M-46 (Çelikbaş, Çakmak 2025: 102). In 2021, an iron mask belonging to a Roman cavalryman and various pieces of armor were found in a square structure. These military objects are prove the Roman military presence in the city. The caligae pins found in the Southern Necropolis are also among the finds belonging to the Early Roman soldiers identified in Hadrianopolis (Çelikbaş, Çakmak 2025: 102-103). In addition to obtaining new datas related to Hadrianopolis in the Southern Necropolis, a single Late Classical-Early Hellenistic period coin minted in Byzantion, which is the subject of our study, was also found in tomb M-14 during 2023 excavation season (Fig. 3).

Fig. 3. Aerial Photo of Southern Necropolis and rock-cut tomb M 14 (Excavation Archive).

The obverse of Late Classical-Early Hellenistic (340—320 BCE) silver coin which has ½ siglos currency, depicts a bull standing on a dolphin moving to the left with the legend ΠΥ, while the reverse a windmill-shaped incus (Fig. 4). No data from the Late Classical Period has been found in surveys and scientific excavations in Hadrianopolis and its surroundings. The earliest coins date back to the Roman Imperial Period. The Byzantion coin discovered in the Southern Necropolis is of great importance as it is the earliest coin in Hadrianopolis. Although the coin dates back to the Late Classical-Early Hellenistic period, most of the rock-cut tombs in the Southern Necropolis of Hadrianopolis, where the Byzantion coin discovered in, date back to the Roman period. The first question at this point is during which period the coin was left in the rock-cut tomb. The rock-cut tombs in the South Necropolis reflect the chamosorion type carved into the bedrock. The chamosorion type tombs, which are particularly deep and wide, have been dated to the 2nd century CE based on the burial gifts discovered inside them. The shallow and narrow tombs, on the other hand, have been determined to belong to the Late Roman-Early Byzantine period. Numerous pottery fragments from the Prehistoric Period have also been found in the Southern Necropolis, which consists of tombs carved into the limestone bedrock. The pottery from the Late Chalcolithic Period found in a sacrificial pit carved into the bedrock indicates that the necropolis was used for different purposes over hundreds of years (Kalkan, Çelikbaş 2022: 417—431).

Fig. 4. The Byzantion coin from Hadrianopolis (Excavation Archive).

It is currently hard to say whether the Byzantion coin discovered in the rock-cut tomb was left during the Late Classical-Early Hellenistic period or the Roman period. However, the coin discovered in the tomb has led to speculation that life existed in the Late Classical-Early Hellenistic period. It is also true that more archaeological data is needed to seriously consider the existence of a tradition of burial gift coins in the Late Classical-Early Hellenistic period in the Hadrianopolis region based on a single coin. According to current archaeological data in Asia Minor, the Charon coin tradition, which is not well known, is encountered in tombs in the Thracia and Macedonia. Regarding the Charon tradition, coins are often of low value, whether placed in the mouth or hand of the individual at the moment of death or at the time of burial, reflecting the characteristic nature of sometimes at the moment of death and sometimes at the moment of burial, are generally of low value, reflecting the characteristic nature of this coin tradition (Stevens 1991: 215—229; Yıldırım 2009: 15—24; Keleş 2014: 333—344). In other words, coins symbols of the intangible power of money have been seen as a way to touch the invisible world of the dead (Stevens 1991: 228). It is stated that Charon tradition first began to appear in Greek tombs in the 5th century BCE and continued to increase until the late 5th century CE. They were not very common in the Greek world during the Hellenistic period, but were more common in the Roman world (Stewens 1991: 223; Stefanakis 2002: 171; Keleş 2014: 122). When examined in the context of coins, the earliest Greek tomb is dated to the second quarter of the 5th century BCE (Grinsell 1957: 262; Grinder-Hansen 1991: 210). In the Halae Necropolis of Boeotia, which was used between the 6th and 3rd centuries BCE, Charon coins found in tombs dating from the end of the 4th century BCE to the middle of the 3rd century BCE were discovered in the mouth or head of the skeleton (Goldman, Jones 1942: 370; Yıldırım 2009: 21). Therefore, it is possible to consider the Byzantion coin should be related with Charon tradition. In this context, when evaluated in general terms, the Byzantion coin found in the South Necropolis, which dates back to the Late Classical-Early Hellenistic period, is one of the important pieces of evidence supporting the idea that Hadrianopolis should not be considered only as a Late Antique city, but also that it had an important settlement in the region during the Hellenistic and Early Roman periods. In addition, although the coin that is the subject of this article was minted in the Late Classical-Early Hellenistic period, considering the periods of the tombs in the Southern Necropolis and the finds in the tombs, it is more likely that it was left in the tomb during the Roman period. At this point, it is certain that coins to be discovered in the Hadrianopolis Southern Necropolis in the coming years will provide us with clearer data. In addition, the fact that the silver Charon coin discovered in rock-cut tomb M-14 was minted in Byzantion suggests that this tomb may belong to a Byzantion resident who lived and died in Hadrianopolis, and it is also quite important in terms of showing that there were certain relations between the cities of Byzantion and Hadrianopolis. In conclusion, while the Byzantion coin discussed in this article provides information about the Charon tradition in the city and the existence of certain relationships between Hadrianopolis and Byzantion, new tombs to be excavated in the Southern Necropolis in the coming years will undoubtedly provide more comprehensive and clear data on these issues.

Catalog

Byzantion
Late Classical-Early Hellenistic Period (340—320 BCE)
Obv. ΠΥ
Standing bull; dolphin below, I.
Rev. Windmill shaped incuse.
Ref. SNG BM Black Sea, 36-41; SNG Cop. Thrace, plt. 9, no. 476; Schönert — Geiss, Byzantion 256—590.
1. AR, 13 mm, 2.17 g, 11h, (Currency: ½ Siglos), 2023/Hadrianopolis Southern Necropolis, Inventory Code: AIO-1.

References

Belke, K. 1996. *Tabula Imperii Byzantini 9: Paphlogonien und honorias*. Wien: Verlag der Österrichischen Akademie der Wissenschaften.

Çelikbaş, E., Çakmak, E.N. 2025. Hadrianopolis Güney Nekropolü'nde Ele Geçen Sandalet (Caligae) Raptiyeleri. *Höyük* 15, 97—112.

Çelikbaş, E., Oyarçin, K. 2022. Roman Provincial Coins of Paphlagonian Hadrianopolis. *The Numismatic Chronicle* 182, 179—188.

Çelikbaş, E., Oyarçin, K. 2024. The First Numismatic Evidence From The Inner Castle Baptistery of Paphlagonian Hadrianopolis. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 751—767.

Çelikbaş, E., Verim, E. 2022. Hadrianopolis Topoğrafyasının ve Doğal Kaynaklarının Kentteki Etkileri (2017—2020 Sezonları). *Avrasya Beşeri Bilim Araştırmaları Dergisi* 2-1, 58—86.

Goldman, H., Jones, F. 1942. Terracottas from the Necropolis of Halae. *Hesperia*. Vol. 11. No. 4, 370.

Grinder-Hansen, K. 1991. Charon's Fee in Ancient Greece? Some Remarks on a well-known Death Rite. Danish Studies in Classical Archeology. *Acta Hyperborea* 3.

Grinsell, L.V. 1957. The Ferryman and His Fee: A Study in Ethnology, Archaeology and Tradition. *Folklore* 68/1, 257—269.

Kalkan, E., Çelikbaş, E. 2022. New Findings from Prehistoric Period in Western Black Sea Region: Hadrianopolis (Karabük-Eskipazar) Prehistoric Pottery. *Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi* 8/16, 417—431.

Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. 2011. Hadrianoupolis 2010 Yılı Çalışmaları (İlk Sezon). *33. Kazı Sonuçları Toplantısı* 3, 399—410.

Keleş, V. 2014. Parion Sikkelerinin Sirkülasyonu Işığında Parion'un Bölgesel Konumu. In: Dörtlük, K., Tekin, O., Boyraz Seyhan, R. (eds.). *Birinci Uluslararası Anadolu Para Tarihi ve Numismatik Kongresi, Suna-İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü*, *25—28 Şubat 2013.* İstanbul: Oksijen Basım ve Matbaacılık San. Tic. Ltd. Şti., 333—344.

Keleş, V. 2021. Tarihi ve Lokalizasyonu. In: Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. (eds.). *Paphlagonia Hadrianoupolis'i (2010-2014 Sezonları).* Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 3—8.

Matthews, R., Metcalfe, M., Cottica, D. 2009. Landscapes with Figures: Paphlagonia Through the Hellenistic, Roman and Byzantine Periods, 330 BC-AD 1453. In: Matthews, R., Glatz, C. (eds.). *At Empires' Edge: Project Paphlagonia, Regional Survey in North-Central Turkey,* London: British Institute at Ankara, 175—227.

Marek, C. 1993. *Stadt, Äre und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia.* Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag.

Oyarçin, K. 2019. Sikke Buluntuları Işığında Hadrianoupolis Kilise C Yapısı. *Uluslararası Geçmişten Günümüze Karabük ve Çevresinde Dini, İlmi ve Kültürel Hayat Sempozyumu, 11—12 Ekim 2019* 1, 442—451.

Oyarçin, K. 2021. 2010-2014 Yılları Sikke Buluntuları. In: Keleş, V., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. (eds.). *Paphlagonia Hadrianoupolis'i (2010-2014 Sezonları),* Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 171—190.

Oyarçin, K., Çelikbaş, E. 2023. A Byzantine Lead Seal from Paphlagonian Hadrianopolis. *Art-Sanat,* 469—484.

Oyarçin, K., Kızılyalçın Oyarçin, F. 2024. Kuzeybatı Nekropol Kilisesi Sikkeleri. In: Çelikbaş, E., Verim, E. (eds.). *Hadrianopolis Kuzeybatı Nekropol Kilisesi*, Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 104—127.

Schönert-Geiss, E. 1970. *Griechisches Münzwerk. Die Münzprägung von Byzantion*. Berlin: Akademie Verlag.

SNG Cop. Thrace: *Sylloge Nummorum Graecorum.* 1942. T*he Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum, Thrace.* Pt. 1. *The Tauric Chersonese-Thrace: Mesembria.* Copenhagen: Einar Munksgaard.

SNG BM Black Sea: *Sylloge Nummorum Graecorum.* 1993. Vol. IX. *The British Museum.* Pt. 1. *The Black Sea*. London: British Museum Press.

Stefanakis, M.I. 2002. An Inexpensive Ride? A Contribution to Death — Coin Rites in Hellenistic Crete. *Numismatica E Antichita Classiche* XXXI, 171—189.

Stevens, S.T. 1991. Charon's Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice. *Phoenix* 45.3, 215—229.

Yıldırım, B. 2009. Antandros Nekropolisi Sikke Kontekstli Mezarlar. Master Thesis. İzmir: Ege University.

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.53.82.028

Д.В. Андриевский, М.М. Чореф

АНТОНИНИАН ВАБАЛЛАТА ИЗ ГОРНОЙ ТАВРИКИ*

Одной из важнейших, причем интереснейших задач, стоящих перед нумизматами—античниками, изучающими древности Таврики, является выявление и оценка значимости следов военных конфликтов, политических контактов и торговых связей между регионами Древнего мира. Ведь их можно проследить по монетному материалу. Нам представилась возможность уточнить современные представления об опосредованных контактах между варварским населением Горной Таврики и жителями Передней Азии вскоре после гибели Пальмирского царства. Мы вводим в научный оборот сведения об антониниане Вабаллата, обнаруженного близ с. Пионерского. Полагаем, что эта монета поступила в Таврику не в результате торговых контактов между регионами, а вследствие перевода в регион римского воинского подразделения.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Таврика, антониниан, Пальмира.

Сведения об авторах: Андриевский Денис Вадимович[1], Русское географическое общество; Чореф Михаил Михайлович[2], кандидат исторических наук, Издательство «Киммерия».

Контактная информация: [1]190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество, e-mail: rgo@rgo.ru; [2]7403128, Израиль, г. Нес-Циона, ул. А-Авода, д. 3, Издательство «Киммерия», e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Denis Andriyevskiy, Michael Choref

ANTONINIANUS OF VABALLATHUS OF MOUNTAIN TAURICA

One of the key objectives for numismatists studying classical Taurica is to identify and evaluate material evidence for military conflicts, political contacts, and trade links between regions of the ancient world, with coinage serving as a primary source. After all, they can be traced through coin material. We had the opportunity to clarify modern ideas about indirect contacts between the barbarian population of Mountain Taurica and the inhabitants of Western Asia soon after the collapse of the Palmyrene Kingdom. We introduce into scholarly discourse information about the Antoninianus of Vaballathus, discovered near the village of Pionerskoe. It is argued that this coin likely arrived in Taurica not through long-distance trade, but as a consequence of the transfer of a Roman military detachment to the region.

Key words: history, archaeology, numismatics, Taurica, Antoninianus, Palmyra.

About the authors: Andriyevskiy Denis[1], Russian Geographical Society; Choref Michael[2], PhD (History), Cimmeria Publishing.

Contact information: [1]190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society, e-mail: rgo@rgo.ru; [2]7403128, Israel, Ness Ziona, 3 Ha-Avoda St., Cimmeria Publishing, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

В 2024 г. близ с. Пионерское (Симферопольский район, Крым) местным жителем была найдена римская монета (рис. 1). Нам удалось изучить и сфотографировать ее. Приводим описание этого артефакта.

* Статья поступила в номер 10 января 2025 г.
Принята к печати 27 января 2025 г.

© Д.В. Андриевский, М.М. Чореф, 2025.

Л.с.: VABALATHVS V C R IM D R. Бюст Вабаллата в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
О.с.: [IMP C AV]RELIANVS AVG. Бюст Аврелиана в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.
Антониниан, чекан Антиохии-на-Оронте, выпуск ноября—декабря 270 — марта 272 гг.
Бронза. Вес — 3,31 г. Диаметр — 2,1 см. Монета хорошей сохранности. Легенда аверса слегка стерта, реверс со значительными следами окиси (рис. 1).
(RIC Va: No. 381).

Рис. 1. Антониниан Вабаллата из Горной Таврики.

Fig. 1. Antoninianus of Vaballathus of Mountain Taurica.

Как видим, объектом нашего изучения является антониниан, выпущенный в Антиохии-на-Оронте в период подконтрольности этого города правителям Пальмиры: Зенобии (267—272 гг.) и ее сыну Вабаллату (267—272 гг.). Сам факт размещения на реверсе изучаемой монеты бюста Аврелиана (270—275 гг.) и надписи IMP C AVRELIANVS AVG позволяет датировать ее непродолжительным периодом признания этими династами Аврелиана верховным правителем, т.е. с момента получения сведений о ее восхождении на престол (Циркин 2015: 263) до марта 272 г. (Bland 2011: 135, 141, pl. 16: 1a—12). К сожалению, дифферент, отчеканенный на реверсе монеты, в настоящее время не различим. Однако аналогичные штемпели были использованы при чеканке антонинианов официны S (Bland 2011: 163). К слову, Р. Блэнду было известно всего 133 находки таких монет[1] (Bland 2011: 144, tab. 2). Причем ранее в Таврике их не находили (Кропоткин 1961; 1962; 2000; Сапрыкин 2005; Труфанов 2010).

Подчеркнем, что эти факты не должны удивлять. Ведь бронзовые антонинианы, выпускавшиеся во второй половине III в., являлись кредитными, а, точнее, фиатными деньгами. В тот период времени они, как правило, обращались на территориях, подконтрольных императору, от имени которого их отчеканили. Сам же факт использования таких монет однозначно истолковывается как свидетельство лояльности населения по отношению к тому или иному носителю или претенденту на власть[2].

Однако известны случаи неординарно длительного использования бронзовых антонинанов и подражаний им. Дело в том, что население сопредельных Империи регионов предпочитало привычные платежные знаки, пусть даже и условной стоимости[3] (Столярик 1992; Чореф 2018; 2019a; 2024; Prokopov, Slavova 2024; Slavova, Prokopov 2020). Это явление как нельзя лучше прослеживается на таврическом нумизматическом материале. Только этим обстоятельством можно объяснить крайне длительное, до начала VII в., нахождение в

[1] Полагаем, что это обстоятельство крайне важно. Вернемся к его обсуждению несколько ниже.

[2] Денежные знаки являются не только платежными инструментами и средствами сбережения, но и ведущим рычагом пропаганды. Наилучшим образом этот тезис иллюстрируется монетами Боспора римского периода (Чореф 2019b).

[3] Этим обстоятельством следует объяснять сам факт выпадения трех реплик антонинианам ТетрикаI и Тетрика II в Ай-Тодорский клад, опубликованный В.А. Сидоренко (Сидоренко 1987: рис. 1). Считаем своим долгом заметить, что исследователь неверно определил третью монету (Сидоренко 1987: 134, рис. 1: 3). Он заключил, что речь должна идти о реплике антониниану Тетрика I. Однако на ее лицевой стороне отчеканен бюст безбородого императора. К сожалению, В.А. Сидоренко не обратил внимания на этот факт. Очевидно, что речь должна идти о реплике антониниана Тетрика II.

региональном обращении деградированных боспорских статеров и позднеримских бронзовых монет без каких-либо надчеканок (Чореф 2015: 39).

С учетом этих обстоятельств попытаемся сформулировать и обосновать наши соображения по поводу причин, обусловивших поступление антониниана Вабаллата в Таврику. Полагаем, что вряд ли монета могла попасть на полуостров в результате торговых контактов между жителями его варварских регионов и населением подвластных Пальмире стран Передней Азии. Причем как прямых, так и опосредованных. Ведь, как уже было сказано выше, бронзовые антонинианы были кредитными, неполноценными деньгами. Причем их использование на неподконтрольной эмитенту территории могло быть истолковано как акт нелояльности. Мы учитываем и тот факт, что публикуем уникальную для Таврики находку. Так что у нас нет оснований полагать, что жители ее полисов использовали монеты пальмирских династов. А варвары, в свою очередь, предпочитали привычные им платежные средства[4], содержащие в достаточном количестве драгоценные металлы (Чореф 2013).

Полагаем, что в связи с этим обстоятельством следует обратить внимание на весьма немаловажный, с нашей точки зрения, аспект. Как уже было сказано выше, на оборотной стороне изучаемого антониниана отчеканен бюст Аврелиана и размещена легенда IMP C AVRELIANVS AVG. Так что это монета теоретически могла использоваться в Передней Азии и после ее подчинения этому императору. Однако вряд ли это явление могло наблюдаться. Ведь, как уже было установлено, до нашего времени дошло крайне мало монет этого типа[5] (Bland 2011: 144). И это с учетом того обстоятельства, что их чеканили в восьми мастерских не менее двух лет (Bland 2011). Так что есть все основания полагать, что большая часть этих монет была изъята из обращения после победы Аврелиана[6].

Но, ad rem. Изучаемая монета на могла поступить на полуостров и в результате одного из набегов причерноморских варваров в период «скифских войн». Ведь, как уже было сказано выше, те предпедпочитали платежные средства, содержащие драгоценные металлы[7] (Андриевский 2022a; 2022b; Андриевский, Чореф 2024; Анохин 2010a; 2010b; 2010c; Брайчевський 1959; Кропоткин 1967; Пиоро, Герцен 1974; Синика, Чореф 2018; Скворцов, Чореф 2020; Чореф 2013; 2016; 2017; 2020; 2022; Чореф, Якушечкин 2016; Яценко, Чореф 2022; Herzen 1995; Prokopov, Slavova 2024; Slavova, Prokopov 2020).

В таком случае, нам не остается ничего другого, кроме как предположить, что привлекший наше внимание артефакт мог поступить в наш регион после разгрома Пальмирского царства в результате похода Аврелиана в 272 г. в Малую Азию и в Сирию или в 273 г. после взятия Пальмиры вместе с воинами императорских армии и флота.

И, действительно, римские войска покинули Таврику в период «скифских войн» (Зубарь 1994: 132; 2001—2002: 134). Вернее всего, они были выведены из региона вскоре после гибели Требониана Галла (251—253). Так, серединой III в. датируют только два херсонесских лапидарных памятника. Речь идет о надписи 250 г., оставленной командиром местной

[4] Как отметил П. Корнелий Тацит, германцы «Pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque» (Tacit. Germ., 5) — «Принимают в уплату лишь известные с давних пор деньги старинной чеканки, те, что с зазубренными краями, и такие, на которых изображена колесница с парной упряжкой». Далее историк писал, что: «Argentum quoque magis quam aurum sequuntur, nulla adfectione animi, sed quia numerus argenteorum facilior usui est promiscua ac vilia mercantibus» (Tacit. Germ., 5) — «Серебро они берут гораздо охотнее, нежели золото, но не из-за того, что питают к нему пристрастие, а потому, что покупающим простой и дешевый товар легче и удобнее рассчитываться серебряными монетами».

[5] Как, впрочем, и антонинианов Вабаллата и Зенобии (Bland 2011: 144—145, tab. 3). Известны даже не сотни, а десятки таких монет.

[6] Чему способствовала денежная реформа, проведенная им в 274 г. Напомним, что тогда в обращение поступили «радиаты», которые были крупнее и содержали больше серебра, чем антонинианы прежних выпусков. Примечательно и то, что на реверсе вновь выпущенных монет разместили метки эмиссионных центров, обязательными составляющими которых были обозначения XX, XXI, KA и L (Kienast 1974: 550).

[7] Отметим, что известны факты использования в Таврике привозных бронзовых монет эллинистических государств в качестве вотивов (Андриевский 2023; Андриевский, Чореф 2021).

вексилляции (Антонова 1997: 13; Зубарь 1994: 126), а также о постановлении, принятым советом и народом в честь вышеназванного императора и его сына Волузиана (Соломоник 1973: № 123). После завершения «скифских войн» римские войска вернулись на полуостров. Судим по тому, что в Херсонесе был обнаружен алтарь Юпитеру Благому и Величайшему с посвящением Г. Валерия Валента моряка — Мезийского Флавиева флота. Э.И. Соломоник датировала этот памятник III — началом IV вв. (Соломоник 1983: № 7). Следует отметить и тот факт, что в Херсонесе были найдены археологические артефакты — предметы римского снаряжения, датированные второй половиной III в.: пряжка двучастная с овальной рамкой (Костромичев 2011: № 34, рис. 26: 3), рамки пряжек квадратной (Костромичев 2011: № 35, рис. 26: 4) и прямоугольной, с поперечной перекладиной (Костромичев 2011: № 36, рис. 26: 5) форм, а также накладка с прорезью для ремня (Костромичев 2011: № 37, рис. 26: 6). Не менее показательны бронзовые и серебряные детали, украшавшие деревянную шкатулку и бронзовые портупейные фалеры из могил 116 и 223 некрополя Херсонеса, датированные В.В. Дорошко и Д.В. Журавлевым последней третью III в. (Дорошко, Журавлев 2018).

К слову, нам уже неоднократно предоставлялась возможность ввести в научный оборот сведения о монетах, поступивших на полуостров благодаря римским воинским подразделениям (Андриевский, Чореф 2022a; 2022b; 2023). Причем, как было установлено, солдаты привозили с собой не только полноценные деньги, но и кредитные бронзовые, почем чекана провинциальных полисов. Вполне возможно, что их ценили как своего рода жетоны. В последующем такого рода артефакты поступали к местным варварам в оплату за товары и услуги.

С учетом этих обстоятельств, заключаем, что объект нашего исследования — уникальная для Таврики монета, поступившая на полуостров при Аврелиане или, что менее вероятно, после его гибели благодаря переводу в регион римского воинского подразделения. Сам же факт ее обнаружения может быть истолкован как очередное свидетельство присутствия римских армейских или флотских контингентов в Херсонесе в третьей трети III в. Иных путей поступления этого антониниана на полуостров мы не прослеживаем.

Литература

Андриевский Д.В. 2022a. К каталогу варварских подражаний в античной Таврике. *МАИАСП* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017.

Андриевский Д.В. 2022b. Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма. *МАИАСП* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010.

Андриевский Д.В. 2023. Бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора, обнаруженная на холме Тавель. *МАИАСП* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022a. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022b. Римские денарии из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2023. Новые находки римских денариев из Байдарской долины (Крым). *МАИАСП* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030.

Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2024. Клад римских провинциальных тетрадрахм III в. из окрестностей Севастополя. *МАИАСП* 16, 725—736. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.95.95.035.

Анохин В.А. 2010a. Клад римских монет из с. Жуковичи. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 171—174.

Анохин В.А. 2010b. Находки римских монет в Украине. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 155—170.

Анохин В.А. 2010c. Римские монеты в Украине. *Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике*. Киев: Стилос, 145—154.

Антонова И.А. 1997. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989—1993 гг.). *ХСб* 8, 10—23.

Брайчевський М.Ю. 1959. *Римська монета на території України*. Київ: АН УРСР.

Дорошко В.В., Журавлев Д.В. 2018. Два погребения римских военнослужащих из некрополя Херсонеса Таврического. *ВДИ* 78 (2), 349—364.

Зубарь В.М. 1994. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.

Зубарь В.М. 2001—2002. Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus* 4, 8—179.

Костромичев Д.А. 2011. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15—166.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Кропоткин В.В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Е4-4).

Кропоткин В.В. 1967. *Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры*. Москва: Наука.

Кропоткин В.В. 2000. Дополнения к списку находок римских монет. *Stratum plus* 6, 20—117.

Пиоро И.С., Герцен А.Г. 1974. Клад антониниан из с. Долинное Крымской области. *НиС* 5, 81—90.

Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического*. *Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.

Сидоренко В.А. 1987. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV — начала V вв. с подражаниями «лучистого типа». В: Высотская Т.Н. (отв. ред.). *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев: Наукова думка, 133—144.

Синика В.С., Чореф М.М. 2018. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. *КСИА* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348.

Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001.

Соломоник Э.И. 1973. *Новые эпиграфические памятники Херсонеса*. *Лапидарные надписи.* Киев: Наукова думка.

Соломоник Э.И. 1983. *Латинские надписи Херсонеса Таврического (тексты, перевод, комментарий)*. Москва: Наука.

Столярик Е.С. 1992. *Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III — начало XIII в.)*. Киев: Наукова думка.

Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.

Циркин Ю.Б. 2015. *«Военная анархия» в Римской империи*. Санкт-Петербург: Нестор-История (Историческая библиотека).

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—215.

Чореф М.М. 2015. *История византийской Таврики по данным нумизматики*. Тюмень; Нижевартовск: НВГУ (МАИАСП Suppl. 1).

Чореф М.М. 2016. Следы Великого шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне. *Stratum plus* 6, 319—327.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.

Чореф М.М. 2019a. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2019b. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.

Чореф М.М. 2020. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2022. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период. *Русин* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2.

Чореф М.М. 2024. Литые подрезанные реплики боспорским статерам как источник исторической информации. *МАИАСП* 16, 737—750. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036.

Чореф М.М., Якушечкин А.В. 2016. Клад антонинианов, найденный у с. Перевального (Крым). *МАИАСП* 8, 579—591.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147.

Bland R. 2011. The Coinage of Vabalathus and Zenobia from Antioch and Alexandria. *The Numismatic Chronicle* 171, 133—186, pl. 15—25.

Herzen A.G. 1995. Il tesoro di Dolinnoe. In: Arslan E.A., Grazia Curletti M., Ischio G. (eds.). *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Mondadori Electa, 178—179.

Kienast D. 1974. Die Münzreform Aurelians. *Chiron* 4, 547—566.

RIC Va: Mattingly H., Sydenham E.A., Webb P. *RIC*. Vol V. Pt. I. *Valerian I to Florian*. London: Spink & Son, Ltd.

Prokopov I., Slavova M. 2024. The coin hoard from the Sarnitsa village, Haskovo region. Towards the question of clarifying the origin of Thasos imitations or barbarization. *МАИАСП* 16, 689—696. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.33.27.033

Slavova M., Prokopov I. 2020. Coin hoard with imitations of Philip II from Bulgaria. *МАИАСП* 12, 685—709.

References

Andriyevskiy, D.V. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 349—357. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 221—227. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 747—758. DOI: 10.53737/1403.2023.19.12.029 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 211—220. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 759—773. DOI: 10.53737/6318.2023.62.97.030 (in Russian).

Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 725—736. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.95.95.035 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010a. In *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials research and notes on archeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 171—174 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010b. In *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials research and notes on archeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 155—170 (in Russian).

Anokhin, V.A. 2010c. In *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike (Materials research and notes on archeology and numismatics)*. Kyiv: Stilos, 145—154 (in Russian).

Antonova, I.A. 1997. In *Khersonesskiy sbornik (Chersonesus collection)* 8, 10—23 (in Russian).

Braychevs'kiy, M.Yu. 1959. *Rims'ka moneta na teritorii Ukraini (Roman coin in the territory of Ukraine)*. Kyiv: AN URSR (in Ukrainian).

Doroshko, V.V., Zhuravlev, D.V. 2018. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 78 (2), 349—364 (in Russian).

Zubar, V.M. 1994. *Chersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voyenno-politicheskoy istorii (Tauric Chersonese and the Roman Empire. Essays on Military and Political History). Kyiv: Kyiv Academy of Eurobusiness*. (in Russian).

Zubar, V.M. 2001—2002. In *Stratum plus* 4, 8—179 (in Russian).

Kostromichev, D.A.. 2011. In *Stratum plus* 4, 15—166 (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1962. *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Byzantine coins on the territory of the USSR).* Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources E4-4) (in Russian).

Kropotkin, V.V. 1967. *Ekonomicheskie svyazi Vostochnoy Evropy v I tysjacheletii nashee ery (Economic relations in Eastern Europe in the 1st millennium CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kropotkin, V.V. 2000. In *Stratum plus* 6, 20—117.

Pioro, I.S., Gertsen, A.G. 1974. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 5, 81—90 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashhenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sidorenko, V.A. 1987. In: Vysotskaya, T.N. (ed.). *Materialy k etnicheskoy istorii Kryma (Materials for the ethnic history of Crimea)*. Kyiv: Naukova dumka, 133—144 (in Russian).

Sinika, V.S., Choref, M.M. 2018. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 250, 336—348. DOI: https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.336-348. (in Russian).

Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).

Solomonik, E.I. 1973. *Novye epigraficheskie pamatniki Chersonesa. Lapidarnye nadpisi* (*New Epigraphic Monuments of Chersones. Lapidary inscriptions*). Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Solomonik, E.I. 1983. *Latinskie nadpisi Chersonesa Tavricheskogo (teksty, perevod, kommentarij) (Latin inscriptions of the Tauric Chersonese (texts, translation, commentary)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Stolyarik, E.S. 1992. *Ocherki monetnogo obrashheniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v pozdnerimskoe i vizantiyskoe vremya (konec III — nachalo XIII v.) (Essays on monetary circulation of the Northwest Black Sea in the late Roman and Byzantine period (end of 3rd — the beginning of 13th cc.)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).

Tsirkin, Iu.B. 2015. *"Voyennaya anarkhiya" v Rimskoy imperii ("Military Anarchy" in the Roman Empire)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria (Historical Library) (in Russian).

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—215 (in Russian).

Choref, M.M. 2015. *Istoriya vizantiyskoy Tavriki po dannym numizmatiki (The history of Byzantine Taurica on the basis of numismatic data)*. Tyumen; Nizhnevartovsk: NVSU (MAIASP Suppl. 1).

Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 6, 319—327 (in Russian).

Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).

Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).

Choref, M.M. 2019a. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).

Choref, M.M. 2019b. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).

Choref, M.M. 2020. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).

Choref, M.M. 2022. In *Rusin* 67, 13—29. DOI: 10.17223/18572685/67/2 (in Russian).

Choref, M.M. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 737—750. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036 (in Russian).

Choref, M.M., Yakushechkun, A.V. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 579—591 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226137147 (in Russian).

Bland, R. 2011. The Coinage of Vabalathus and Zenobia from Antioch and Alexandria. *The Numismatic Chronicle* 171, 133—186, pl. 15—25.

Herzen, A.G. 1995. Il tesoro di Dolinnoe. In: Arslan, E.A., Grazia Curletti, M., Ischio, G. (eds.). *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Mondadori Electa, 178—179.

Kienast, D. 1974. Die Münzreform Aurelians. *Chiron* 4, 547—566.

RIC Va: Mattingly, H., Sydenham ,E.A., Webb, P. *RIC*. Vol V. Pt. I. *Valerian I to Florian*. London: Spink & Son, Ltd.

Prokopov, I., Slavova, M. 2024. The coin hoard from the Sarnitsa village, Haskovo region. Towards the question of clarifying the origin of Thasos imitations or barbarization. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 689—696. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.33.27.033

Slavova, M., Prokopov, I. 2020. Coin hoard with imitations of Philip II from Bulgaria. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 685—709.

Эпиграфика

Epigraphy

DOI: 10.53737/2713-2021.2025.69.18.029

М.С. Гаджиев

АРАБСКАЯ ЭПИГРАФИКА ГОРНОЙ СТЕНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

В статье рассматриваются вопросы выявления и изучения памятников арабской эпиграфики, расположенных в зоне прохождения Горной стены (Даг-бары), являвшейся составной частью Дербентского оборонительного комплекса, возведенного в конце 560-х начале 570-х гг. Отмечается вклад К.К. Фези (1840 г.), А.В. Комарова (1870-е гг.), Л.И. Лаврова (1950-е гг.), А.Р. Шихсаидова (1970-е — 1980-е гг.). Значительное количество памятников арабской эпиграфики, датируемых в диапазоне от конца VIII в. (176 г.х./792 г.) до XV—XVI вв., было выявлено при обследованиях Горной стены в 2001—2004 гг. Некоторые из них непосредственно связаны с оборонительной линий, будучи нанесенными на ее стены, другие — представлены на стелах средневековых кладбищ, расположенных у определенных фортов и поселений Горной стены.

Ключевые слова: Дагестан, Горная стена, Даг-бары, средневековье, арабская эпиграфика, эпитафии.

Сведения об авторе: Гаджиев Муртазали Серажутдинович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН.

Контактная информация: 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, e-mail: murgadj@rambler.ru.

M.S. Gadjiev

ARABIC EPIGRAPHY OF MOUNTAIN WALL: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

The article discusses the issues of identifying and studying of Arabic epigraphic monuments located within the area of the Mountain Wall (Dag-bary), a key component of the Derbent defensive complex constructed in the late 560s — early 570s CE. The article highlights the contributions of scholars to the field, including K.K. Fezi (1840), A.V. Komarov (1870s), L.I. Lavrov (1950s), A.R. Shikhsaidov (1970s — 1980s). A significant number of new inscriptions, dating from the end of the 8th century (176 AH/792) to the 15th — 16th centuries, were identified during the surveys of the Mountain Wall in 2001—2004. Some of them are directly related to the defensive line, being applied to its walls, others are represented on the steles of medieval cemeteries located at certain forts and settlements of the Mountain Wall.

Key words: Dagestan, Mountain wall, Dagh-bary, Middle Ages, Arabic epigraphy, epitaph.

About the author: Gadjiev Murtazali Serazhutdinovich, Prof., Dr. of History, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Contact Information: 367030, Russia, Makhachkala, M. Yaragsky st. 75, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: murgadj@rambler.ru.

В конце 560-х — начале 570-х гг. Сасанидский Иран в связи с военной активизацией Тюркского каганата осуществил колоссальное фортификационное строительство в Дербентском проходе – был сооружен не только новый город, получивший наименование Дербент (ср.-перс.

* Статья поступила в номер 12 января 2025 г.
Принята к печати 27 января 2025 г.

© М.С. Гаджиев, 2025.

Дарбанд — от перс. *дар* — «ворота», *банд* — «узел, плотина») (о времени строительства каменной фортификации Дербента см.: Гаджиев 2006: 77—94; Гаджиев, Касумова 2006: 98—114; Gadjiev 2008: 1—15), укрепления которого перекрыли 3-километровый Дербентский проход, но и грандиозная Горная стена (Даг бары — от тюрк. *даг* — «гора», пер. *бару* — «стена»), бравшая начало у крайней угловой юго-западной башни дербентской цитадели Нарын-кала. Горная стена (рис. 1) или, как ее называли авторы средневекового и Нового времени, «Великая стена», «Великая Кавказская стена» (о названиях Горной стены см: Гаджиев 2015: 43—50), протянулась в горы на 42 км, пролегая по гребням водораздельных хребтов, и включила в себя более 60 фортов и многочисленные башни (глухие и полые) (о ней см.: Гаджиев 2008: 8—36; Gadjiev 2017; там же библиография).

Оборонительная система Горной стены активно функционировала в сасанидский и арабский периоды (Гаджиев 2012: 93—107), отдельные укрепления продолжали функционировать в сельджукский период, а близлежащие к Дербенту форты использовались в военных целях в XVIII в. и даже во время Гражданской войны. О функционировании Горной стены свидетельствуют не только данные письменных источников, но и материалы археологических исследований 1996—2005 гг., в ходе которых проводились и раскопки отдельных укреплений, и визуальные разведки, включавшие архитектурные обмеры, поиски архитектурных деталей, знаков строителей и надписей на сохранившихся руинах, выявление расположенных на этой оборонительной линии средневековых поселений и могильников. Но первые такие изыскания по Горной стене начались более 300 лет назад и включили в себя, прежде всего, поиски эпиграфических памятников.

В конце августа 1722 г. князь Дм. Кантемир, будучи участником Персидского похода, возглавлявшим походную канцелярию императора Петра I, положил начало изучению эпиграфики Дербента и, проявляя интерес к дербентским древностям, обнаружил наряду с серией арабских надписей первую среднеперсидскую надпись на оборонительной стене Дербента, которую, правда, он не идентифицировал, как среднеперсидскую (Гаджиев 2002: 43—44). Посетив ближайшее к Дербенту поселение Пиридимишки (*Piridymyszky*), где расположены форты 4 и 5 Горной стены, он зафиксировал саркофагообразные (полуцилиндрические) надмогильные памятники, датируемые XI—XII вв. (Гаджиев 2018: 10—22). Один из них содержал крупную эпитафию, выполненную почерком *куфи* и по местной легенде принадлежал царевичу Дамаска (араб. *Димашк*) (Cantemir 1883: 11—12). Первый директор Азиатского музея РАН, известный ориенталист и нумизмат, академик РАН Х.Д. Френ (1782—1851), опубликовавший выдержки из записок князя и краткий перечень (с некоторыми иллюстрациями) собранных Д.К. Кантемиром надписей, заметил, что, возможно, названный *Piridymyszky* – Пиридимишки – это упомянутый в «Дербенд-наме» Пир Али Димешки (*Fir Aly Dimeschky*) (Frähn 1838: 212—213; Fraehn 1846: 302—303). Позднее эту мысль высказал Дж. Эберкромби (Abercromby 1889: 216, note 1), а в наше время — А.К. Аликберов (Аликберов 2003: 385).

Впервые на памятники арабской эпиграфики, находящиеся непосредственно на руинах Горной стены, являющейся составной части Дербентского оборонительного комплекса сер. VI в., обратил внимание ген.-лейт. К.К. Фези (Faesy / Fäsy), служивший в Дербенте. В 1840 г. он прислал в Академию наук копии арабских куфических надписей, в том числе и тринадцать «древних надписей, найденных на Кавказской стене» (между сел. Джалган и Митаги) и датированных Л.И. Лавровым временем не позднее XIII в. (Лавров 1966: 26—28, 104—106, 281, № 190—193, 196—204, табл. XVII). Подлинность этих надписей религиозного содержания («Боже! … каждый … Аллах»; «Во имя Аллаха милостивого милосердного. Аллах…» и др.) не вызывает сомнений.

Проходивший службу в Дагестане в 1870-х гг. градоначальник Дербента и военный начальник Южного Дагестана, ген.-лейт. А.В. Комаров также занимался сбором копий древних надписей, которые позднее были переданы в Азиатский музей и ныне хранятся в Архиве ИВР РАН. В этом собрании представлено 24 куфических строительных надписи, происходящих с

руин Горной стены у сс. Джалган, Бильгади, Гимейди, Дарваг, Ягдыг (ИВР РАН. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1; Лавров 1966: 101—107, №№ 149, 150, 177—185, 187—189, 194, 195, 205—212). Как отмечал Л.И. Лавров, «коллекция А.В. Комарова является богатейшим собранием эпиграфических памятников района Дербента, но ценность его фактически сведена к нулю благодаря небрежности копировщиков» и «фантастическим переводам» (Лавров 1966: 38). Приведу некоторые примеры этих, в целом однотипных эпиграфических памятников: «Кейкубад Искандер. Год пятьсот сороковой», т.е. 1145—1146 г.; «Стена Седд-Искендер по повелению царя Кеяни. Год 500, для препятствования жителям страны неверия нападать на жителей страны ислама. Каждое войско работало по пяти лет. Окончена в 510 году»; «При царе Кеянской династии, Кейкубаде сыне царя Кейкубада. Год 400. Стена Искендера»; «Царь времени, восстановитель стены Искендера Кейкубад. Год 475». Остается сожалеть, что эти неверно скопированные и неправильно переведенные надписи не дошли до наших дней.

Несмотря на ошибочные копии и переводы, важен сам факт существования на укреплениях Даг-бары немалочисленных куфических надписей, датируемых не позже XIII в. и указывающих на их (укреплений) функционирование в этот период. Значимо, что А.В. Комаров приводит названия отдельных фортов Горной стены, где были обнаружены надписи. Так, было выявлено и скопировано три надписи «на бурдже Кошк, выше Нарын-калы Дербентской» (Лавров 1966: 107, №№ 210—212), который надежно идентифицируется с фортом 7, расположенным на перевале Джалганского хребта. С участка стены между Джалганом и Митаги происходит две надписи (Лавров 1966: 104—105, № 194, 195). «На вратах на северном конце деревни Биль-хеди» (совр. Бильгади), где располагалась крепость Горной стены, имелась врезная куфическая надпись, переведенная как «Бель-Мехти» (по Лаврову — «б. Махди») (Лавров 1966: 106, № 206, табл. XVII, 206). На форте *Шелкени-кала*, расположенном западнее Бильгади, было зафиксировано пять надписей (Лавров 1966: 103, 106, №№ 187, 205, 207—209). На фортах *Капулу-кала* и *Душма-кала* «при селении Гемейди» («на земле Хумейди») — по одной надписи. Укрепление *Капулу-кала*, с которого происходят еще две надписи, упоминается и как находящееся «при селении Дарбаг» (Лавров 1966: 102—103, №№ 178,182), но речь, очевидно, идет об одном и том же форте, расположенном между этими близлежащими селениями. У сел. Дарбаг (совр. Дарваг) на форте *Такка-кала* было обнаружено две надписи (Лавров 1966: 102, №№ 177, 179), и на форте *Меджун-кала* — пять надписей (Лавров 1966: 102—103, №№ 180, 181, 183—185). Наконец, еще две надписи было выявлено «на бурдже Джухна-кала, на земле сел. Ханаг» (Лавров 1966: 101, №№ 149, 150), который надежно идентифицируется с последним укреплением Горной стены — фортом *Чухун-кала*, расположенным на вершине хребта Кара-сырт, между селениями Ягдыг и Ханаг. Этот форт обозначен под названиями *K.Tschuchun* (по тексту *Tschuchun-Kaleh*) на вершине горы *Tschuchun-Dagh* (по Эркерту: *Judenberg* — «Еврейская гора») на плане Горной стены, опубликованном Р. Эркертом (Erckert 1885: 57; 1887: 216, 222), и в форме *Chukhna K.* (по тексту *Chukhna Kala*) на карте Горной стены Дж. Эберкромби (Abercromby 1889: 224, 239, 241, 243, 245, 251; 1890: 144; см. также: Jackson 1911: 60—61).

Как видно, выявленные надписи располагались на всем 42-километровом протяжении Горной стены. Следует отметить, что традиционно подобные куфические надписи палеографически датируют X—XII (XIII) вв., но нельзя исключать, что они относятся и к более раннему времени – ко времени активного использования укреплений Горной стены в период арабо-хазарского противостояния (Гаджиев 2012: 93—107).

О функционировании в сельджукский период фортов Горной стены свидетельствуют и мусульманские могильники, расположенные близ ее укреплений, с саркофагообразными надмогильными памятниками, датируемые второй половиной XI—XII (нач. XIII) вв. и связанные с расположением там сельджукских гарнизонов (Гаджиев 2018: 10—22). На них впервые обратил внимание, как указывалось выше, кн. Дм. Кантемир, который в августе 1722 г. обследовал начальный участок Горной стены от Дербента до Камаха и в селении Пиридимишки (*Piridymyszky*) зафиксировал такие надмогильные камни, один из которых

содержал упомянутую куфическую эпитафию (Cantemir 1883: 11—12). Такие надмогильные памятники зафиксированы на многих участках Горной стены, в основном, в местах расположения стратегически важных населенных пунктов – Пирмешки, Джалган, Митаги, Камах, Зидиан, Бильгади, Гимейди, Дарваг, Зиль (рис. 1).

Кроме саркофагообразных погребальных памятников исследователями выявлены в зоне прохождения Даг-бары и мусульманские надмогильные стелы. Л.И. Лавровым опубликованы обнаруженные им эпитафии с куфическими надписями XI—XII вв. из Митаги и Дарвага, а также арабская надпись 616 г.х./1219—1220 г. на могильном камне муллы Хамзы из собрания А.В. Комарова, найденная «в лесу деревни Татиль» (Лавров 1966: 76, 78—79, №№ 57—59, 68).

В сел. Митаги, через которое проходила Даг-бары и которое образовалось на основе существовавшего здесь укрепления, на сельском кладбище Л.И. Лавровым в 1961 г. была обнаружена надмогильная стела с датой 784 г.х./1382—1383 г. (Лавров 1966: 122, № 294), которая косвенно указывает на существование этого населенного пункта в это время.

Ряд важных эпиграфических памятников был открыт А.Р. Шихсаидовым в 1970-х – 1980-х гг. Прежде всего, это средневековый могильник, насчитывающий свыше 20 надмогильных стел (в основном поваленных) и расположенный севернее сел. Татиль между двумя фортами Горной стены, в заповедной роще с вековыми деревьями, где раньше совершались обряды вызова и прекращения дождя. Эта местность носит у табасаранцев название таб. *Миздан гъул* или *Мирзнан гъул* («селение Мирзы»), а у азербайджанцев селений Зиль и Ерси — *Эмузги*. Здесь на территории кладбища находится и «святое место» — *пир*, носящий наименование таб. *Мизнан пир* (*Миздан пир*, *Мирзнан пирар*) и азерб. *Эмузги пиллер*. Он представляет собой две рядом стоящие высокие, выделяющие от остальных памятников своей формой и, прежде всего, начертаниями и характером текстов, крупные прямоугольные стелы. Обе стелы однотипны – они имеют на лицевой стороне П-образную эпиграфическую полосу по краю (коранический текст, цветущее *куфи* в высоком рельефе), трехлепестковую орнаментальную розетку в центре верхней части и центральное прямоугольное поле, разбитое на прямоугольные сектора с эпитафиями (выполненными в высоком рельефе в одном случае почерком *насх*, в другом — цветущим *куфи*). Одна из стел, возведенная по повелению *шейх*а *С.р.с.м*, принадлежит «нашему шейху, подвижнику (аскету), набожному Джамал ад-Дину Йахйа сыну шейха Йусуфа» и датируется *раби' ал-ахир* 583 г.х./июнь—июль 1187 г. Вторая стела поставлена на могиле *имама* Умк ад-Дина и датируется палеографически этим же временем (Шихсаидов 1984: 33—39).

По своим художественно-стилистическим и палеографическим особенностям эти стелы однотипны со стелой *шейха*, *имама*, *кади кадиев* (*кади ал-кудат*) Дербента Ахмада б. Ал-Хусайн ал-Гадаири (ум. в сер. XI в.) (Шихсаидов 1984: 167—169; о нем см.: Аликберов 2003: 242—244), со стелой 754 г.х./1353 г. «*шахида*, покойного, прощенного Т.р.к., сына Н.р.х.», обнаруженной в 1991 г. А.Р. Шихсаидовым и мной близ сел. Испик (в местности лезг. *Михрали ник* («Пашня Михрали»), а также со стелами в селениях Митаги и Зидиан, выявленных мной в 2001 г. при обследовании Горной стены. Все эти стелы объединены не только единым композиционно-художественным стилем, но и близким социальным статусом их владельцев. Судя по эпитафиям, они поставлены *шейху*, *имаму* и *шахиду*, занимавшим высокое социальное положение. На это указывает и сам изысканный характер памятников, представляющих собой художественные образцы средневековой эпиграфики и резьбы по камню. Вместе с тем, местонахождение данных памятников в опорных пунктах Горной стены еще раз подчеркивает их роль и значение как «исламских центров» (араб. *ал-маракиз ал-исламийа*) – военно-религиозных оплотов «пограничной области» (араб. *ас-сагр*).

Среди памятников, открытых А.Р. Шихсаидовым, следует назвать средневековое мусульманское кладбище XIII—XV вв. близ соседнего с Митаги сел. Камах, расположенного на линии Горной стены. На этом могильнике, находящемся к северо-западу от селения, среди представленных в большом количестве памятников с полукуфическими надписями,

исследователь выделил один – поставленную на могиле некоего Шамс ад-Дина б. Мухаммада ал-Хамахи, датированную трапециевидную стелу 835 г.х./1431—1432 г., в оформлении которой наблюдается сходство с описанными выше стелами Татиля (П-образная эпиграфическая полоса и центральное поле с эпитафией) (Шихсаидов 1984: 254). А.Р. Шихсаидов, опираясь на наличие в Камахе данного могильника, пришел к выводу, что «жизнь в ауле не прекращалась в XIII—XV вв. и что, возможно, деятельность жителей селения была связана с охраной крупного прямоугольного форта — неотъемлемого компонента знаменитой Горной стены…» (Шихсаидов 1984: 255).

Непосредственно с функционированием одного из фортов Горной стены в данное время связан и другой погребальный памятник, обнаруженный А.Р. Шихсаидовым. Это небольшое мусульманское кладбище, расположенное близ форта к северу от сел. Хапиль и северо-западу от сел. Татиль, в местности таб. *ЦIалар* («Стены»). На нем были зафиксированы, в частности, две стелы XIV—XV вв. так называемого табасаранского стиля (со сплошным треугольно-выемчатым орнаментом на лицевой стороне и углубленным центральным полем прямоугольной или антропоморфной формы, в котором расположен текст) с арабскими эпитафиями, упоминающими «владельцев могил» Мухаммада сына Шабана и М.хр. сына Хусайна Шабана (Шихсаидов 1984: 255—257).

Наличие данного могильника дало возможность отметить, что «жизнь в форте или в селении вокруг него продолжалась длительное время, начиная с VI в., и прекратилась в XV в.» и «эти данные в какой-то степени облегчают понимание процесса складывания крупного населенного пункта Хапила…» (Шихсаидов 1984: 257). Можно полагать, что на процессы прекращения функционирования в XV в. этого и ряда других фортов Горной стены, слияния малых поселений и образования крупных селений влияла в определенной степени военно-политическая ситуация того времени, требовавшая консолидации сил и совместной обороны.

Приведенные относительно и точно датированные памятники являются, пожалуй, наиболее поздними, свидетельствующими о бытовании некоторых из фортов Горной стены. Конечно, нужно иметь в виду, что ряд укреплений Горной стены продолжал функционировать и в последующее время, в период позднего средневековья и в новое время, но уже в ином качестве, очевидно, в системе опорных поселений, возникших вдоль этой оборонительной линии еще в позднесасанидский и арабский периоды. Это такие «крепости» и «города», как их именовали арабо-персидские авторы, как Пирмешки (Пир-Димашки), Митаги, Камах, Зидиан, Бильгади, Гимейди, Дарваг, которые существуют и ныне в качестве селений или прекратили свое функционирование в недавнем прошлом.

В завершении отмечу, что 2001—2004 гг. в ходе обследований Горной стены, нами было выявлено немало памятников арабской эпиграфики, датируемых в диапазоне от конца VIII в. (176 г.х./792-3 г.) до XV—XVI вв. Некоторые из них непосредственно связаны с оборонительной линией, будучи нанесенными на ее стены, другие – представлены на стелах средневековых кладбищ (Пирмешки, Зели-ноур, Митаги, Камах, Зидиан, Бильгади, Эмджек пир и могильник близ форта Шелкени-кала, Гимейди, Дарваг, Зиль и др.), расположенных у определенных фортов и поселений Горной стены. В настоящее время готовится публикация данных эпиграфических памятников.

Среди этих объектов выделяется древнейший арабоязычный письменный памятник, раскрывающий некоторые страницы истории Дербентского оборонительного комплекса. Это обнаруженная в 2001 г. в сел. Митаги одна из древнейших в мире официальных мусульманских надписей – крупная, 8-строчная, куфическая мемориально-строительная надпись 176 г.х./792—3 г. с упоминанием Кисры, т.е. шаханшаха Хосрова Ануширвана, «Харуна, повелителя правоверных (*амир ал-му'минин*)», т.е. халифа Харуна ар-Рашида, и «ал-Амин Мухаммада, сына повелителя правоверных, наследника престола мусульман (*вали 'ахд ал-муслимин*)», т.е. старшего сына халифа (Gadjiev, Shikhsaidov 2002; Гаджиев, Шихсаидов 2005) (рис. 2). Судя по большому формату плиты (154 × 73 × 10 см) и выверенной, искусной резьбе каменщика-эпиграфиста, эта плита с надписью украшала

монументальное сооружение, а указание в ее тексте на то, что «это построил Кисра», позволяет считать, что она была установлена в кладку Горной стены или, скорее, форта в Митаги. Вместе с тем, это древнейший письменный источник арабского происхождения, в котором документировано сооружение Дербентского оборонительного комплекса в правление Хосрова I Ануширвана (531—579) и проведение ремонтно-строительных работ в правление халифа Харун ар-Рашида (786—809).

Приведенный обзор выявления и изучения в XVIII—XX вв. памятников арабской эпиграфики, расположенных вдоль фортификационной линии Горной стены, демонстрирует их научную важность для решения ряда вопросов функционирования этой оборонительной системы, военно-политической истории и религиозной жизни, изучения образования и бытования населенных пунктов, возникших в связи с возведением «Великой Кавказской стены».

Литература

Аликберов А.К. 2003. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.)*. Москва: Восточная литература.

Гаджиев М.С. 2002. Из истории открытия среднеперсидских надписей Дербента (к 280-летию изучения дербентской эпиграфики). *Восток (Oriens)* 5, 42—53.

Гаджиев М.С. 2008. Даг-бары — Великая Кавказская стена. В: Шихсаидов А.Р. (отв. ред., сост.). *Дагестанские святыни*. Кн. 2. Махачкала: Эпоха, 8—36.

Гаджиев М.С. 2012. О функционировании оборонительной системы Даг-бары в арабский период. *Исламоведение* 3, 93—107.

Гаджиев М.С. 2015. О названиях Горной стены — составной части Дербентского оборонительного комплекса. *Средневековый Восток: проблемы историографии и источниковедения (Сборник статей памяти Героя Советского Союза, академика З.М. Буниятова)*. Баку: Элм, 43—50.

Гаджиев М.С. 2018. Поселение Пирмешки и его некрополь. *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 14. № 2, 10—22.

Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. 2006. *Среднеперсидские надписи Дербента VI века*. Москва: Восточная литература.

Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р. 2005. Сведения Дербенд-наме о Харун ар-Рашиде и новооткрытая официальная арабская надпись 176 г. хиджры. *Древности Кавказа и Ближнего Востока*. *Сборник статей, посвященный 70-летию М.Г. Гаджиева*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 196—202.

ИВР РАН. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Комаров А.В. *(Эпиграфические материалы)*. Рукописный отдел Института восточных рукописей.

Лавров Л.И. 1966. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. 1. *Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения*. Москва: Наука.

Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник*. Москва: Наука.

Abercromby J. 1889. A *Trip through the Eastern Caucasus, with a Chapter on the languages of the country*. London: Edward Stanford.

Cantemir D. 1883. Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscripts). *Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana*. T. VII. Bucuresci: Tipografia Academiei Romane, 9—32.

von. Erckert R. 1887. *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig: Verlag von Paul Frohberg.

Gadjiev M.S. 2017. Dagh bary. *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2017. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/dagh-bary (дата обращения 20.10.2017).

Gadjiev M.S., Shikhsaidov A.R. 2002. The Darband-nāma on Hārūn Al-Rashīd and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176. *Manuscripta Orientalia* 8. No. 3, 3—10.

Fraehn Ch. 1846. Die Inschriften von Derbend. In: Dorn B. *Das Asiatische Museum der keiselichen Akademie der Wissenschaft zu St.-Petersburg*. SaintPetersburg: Buchdrukerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaft, 297—322.

Frähn Ch. 1838. Die Inschriften von Derbend. In: Eichwald E. *Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus*. Bd. II. Berlin: Morin, 205—229.

Jackson A.V.W. 1911. *From Constantinople to the home of Omar Khayyam. Travels in Transcaucasia and Northern Persia for historic and literary research*. New York: The Macmillan Company.

References

Alikberov, A.K. 2003. *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i yego sufiyskaya entsiklopediya "Raykhan al-khaka'ik" (XI—XII vv.) (The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr ad-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haka'ik" (11th — 12th centuries))*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2002. In *Vostok (Oriens)* 5, 42—53 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2008. In: Shikhsaidov, A.R. (ed.). *Dagestanskie svyatyni (Daghetan shrines)*. Bk. 2. Makhachkala: Epokha, 8—36 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2012. In *Islamovedenie (Islamic Studies)* 3, 93—107 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2015. In: *Srednevekovyi Vostok: problemy istoriografii i istočnikovedeniya (Sbornik stateĭ payati Geroya Sovetskogo Soyuza, akademika Z.M. Buniyatova) (Medieval East: problems of historiography and source study (Collection of articles in memory of the Hero of the Soviet Union, academician Z.M. Buniyatov))*. Baku: Elm, 43—50 (in Russian).

Gadjiev, M.S. 2018. In: *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus* 14 (2), 10—22 (in Russian).

Gadjiev, M.S., Kasumova, S.Yu. 2006. *Srednepersidskie nadpisi Derbenta VI veka (Middle Persian inscriptions of Derbent of the 6th century)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Gadjiev, M.S., Shikhsaidov, A.R. 2005. In: *Drevnosti Kavkaza i Blijnego Vostoka. Sbornik statei, posvyatschennyi 70-letiyu M.G. Gadjieva (Antiquities of the Caucasus and the Near East. Collection of articles dedicated to the 70th Ahujjnniversary of M.G. Gajiyev)*. Makhachkala: Institute of history, archaeology and ethnography (in Russian), 196—202.

RAN. F. 71. Op. 1. D. 1. Komarov A.V. (Epigraficheskiye materialy). Rukopisnyy otdel Instituta vostochnykh rukopisey.

Lavrov, L.I. 1966. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i tureckom yazykah (Epigraphic monuments of the North Caucasus in the Arab, Persian and Turkish languages)*. Pt. 1. *Nadpisi X —XVII vv. Teksty, perevody, kommentarii, vvedenie i prilozheniya (Inscriptions of the 10th —17th centuries. Texts, translations, comments, introduction and applications).* Moscow: Nauka (in Russian).

Shikhsaidov, A.R. 1984. *Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X—XVII vv. kak istorieskij istorichnik (The Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th—17th centuries as a historical source)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Abercromby, J. 1889. A *Trip through the Eastern Caucasus, with a Chapter on the languages of the country*. London: Edward Stanford.

Cantemir, D. 1883. Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscripts). *Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana*. T. VII. Bucuresci: Tipografia Academiei Romane, 9—32.

von. Erckert, R. 1887. *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig: Verlag von Paul Frohberg.

Gadjiev, M.S. 2017. Dagh bary. *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2017. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/dagh-bary (accessed 20.10.2017).

Gadjiev. M.S., Shikhsaidov. A.R. 2002. The Darband-nāma on Hārūn Al-Rashīd and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176. *Manuscripta Orientalia* 8. No. 3, 3—10.

Fraehn. Ch. 1846. Die Inschriften von Derbend. In: Dorn B. *Das Asiatische Museum der keiselichen Akademie der Wissenschaft zu St.-Petersburg*. SaintPetersburg: Buchdrukerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaft, 297—322.

Frähn. Ch. 1838. Die Inschriften von Derbend. In: Eichwald E. *Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus*. Bd. II. Berlin: Morin, 205—229.

Jackson, A.V.W. 1911. *From Constantinople to the home of Omar Khayyam. Travels in Transcaucasia and Northern Persia for historic and literary research*. New York: The Macmillan Company.

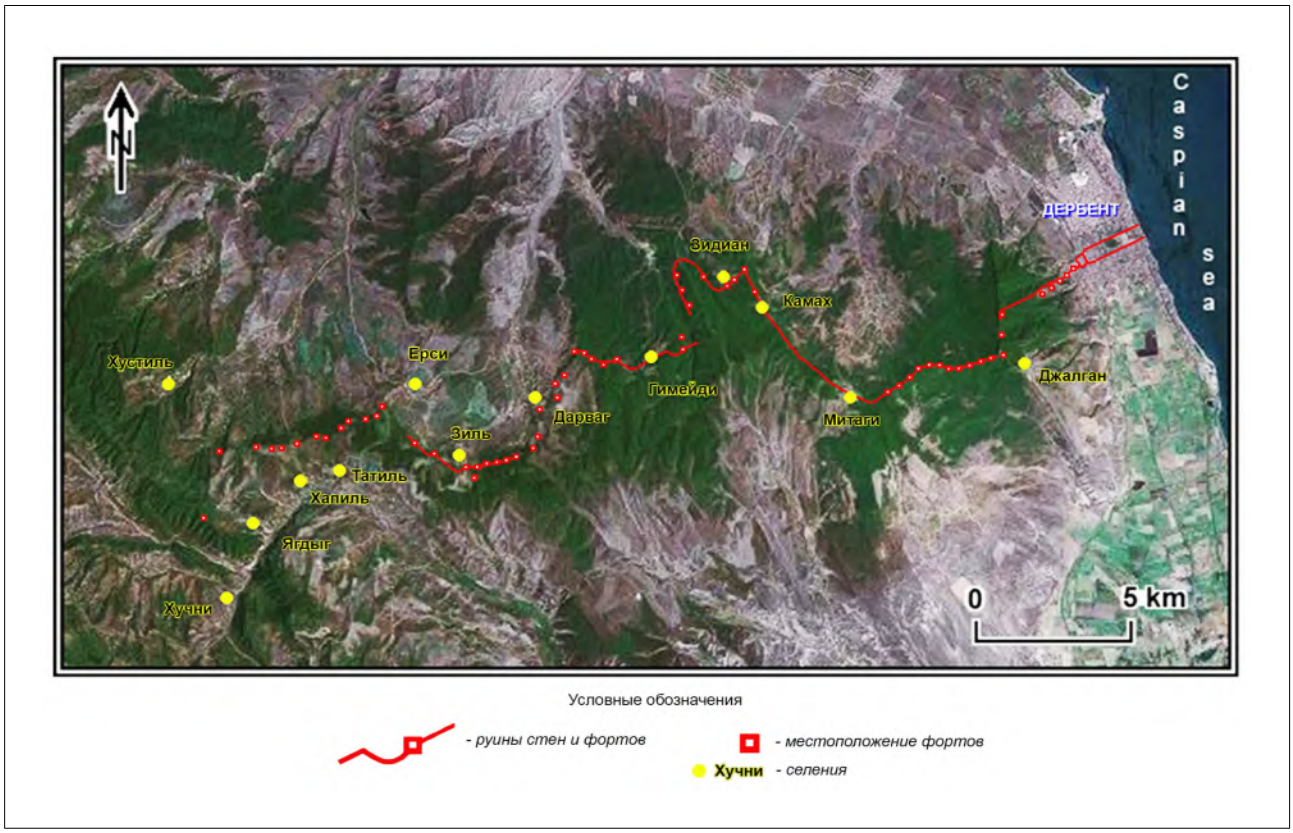


Рис. 1. Горная стена Даг-бары (по Google Earth, дата съемки 29.08.2024).

Fig. 1. Dag-bara mountain wall (after Google Earth, shooting date 08/29/2024).

Рис. 2. Плита с мемориально-строительной надписью 176 г.х./792-3 г.

Fig. 2. Slab with a memorial-building inscription, 176 AH/792-3 CE.

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах.
АВ	—	Археологические вести.
АВ ИВР РАН	—	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.
АДІУ	—	Археологія і давня історія України.
АИУз	—	Археологические исследования в Узбекистане.
АМА	—	Античный мир и археология.
АН КазССР	—	Академия наук Казахской ССР.
АН СССР	—	Академия наук СССР.
АН УССР	—	Академия наук УССР.
АО	—	Археологические открытия.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БИ	—	Боспорские исследования.
БЧ	—	Боспорские чтения.
ВДИ	—	Вестник древней истории.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж.
ДБ	—	Древности Боспора.
ЕГУ	—	Елецкий государственный университет.
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА НАН	—	Институт археологии Национальной академии наук Украины.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук.
ИАК	—	Известия археологической комиссии.
ИАЭт СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры РАН.
ИИАО	—	Известия императорского археологического общества.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
КБН 1965	—	Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	—	Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Т. I—II. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).
КД	—	Каракумские древности.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии.
КСОАМ	—	Краткие сообщения Одесского археологического музея.
КСЭ	—	Крым в сарматскую эпоху.
МАИАСП	—	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.

МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАКК	—	Материалы к археологической карте Крыма.
МГУ	—	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России.
МИЦАИ	—	Международный институт Центральноазиатских исследований.
МТЭ	—	Материалы Тохаристанской экспедиции.
НАВ	—	Нижневолжский археологический вестник.
НИЦИА «Бегазы-Тасмола»	—	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола».
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры.
РА	—	Российская археология.
РАН	—	Российская академия наук.
РК	—	Республика Казахстан.
РОМК	—	Ростовский областной музей краеведения.
СА	—	Советская археология.
САИ	—	Свод археологических источников.
СГАИМК	—	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет.
ХГУ	—	Херсонский государственный университет.
ЮТАКЭ	—	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AA	—	Archäologischer Anzeiger.
ABC	—	Antiquités du Bosphore Cimmérien: conservées au Musée Impérial de l'Ermitage. T. 1—3. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1854.
ABV	—	Beazley J.D. 1956. *Attic Black-figure Vase-painters*. Oxford: Clarendon Press.
ACSS	—	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.
AGD I.1	—	Brandt E. (Hrsg.). 1968. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen.* Bd. I. *Staatliche Münzsammlung München.* T. 3. *Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus.* München: Prestel.
AM	—	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung.
AntK	—	Antike Kunst.
ARV²	—	Beazley J.D. 1963. *Attic Red-Figure Vase-painters*. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press.
AURA	—	Athens University Review of Archaeology.

AW	—	Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte.
BAPD	—	Beazley Archive Pottery Database. URL: http://www.beazley.ox.ac.uk/pottery/.
BAR	—	British Archaeological Reports.
BCH	—	Bulletin de correspondance hellénique.
Beazley Addenda²	—	Carpenter T.H. (ed.). 1989. *Beazley Addenda². Additional References to ABV, ARV² & Paralipomena*. Oxford: Clarendon Press.
Beazley, Para	—	Beazley J.D. 1971. *Paralipomena, Additions to Attic Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters*. Oxford: Clarendon Press.
BSA	—	Annual of the British School at Athens.
Copenhagen Suppl.	—	Schultz S., Zahle J. (eds.). 2002. *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Supplement: Acquisitions 1942—1996*. Vastervik: Nationalmuseet.
CVA	—	Corpus vasorum antiquorum
CVA Berlin (8)	—	Wehgartner I. 2010. *Berlin, Antikenmuseum ehemals Antiquarium.* Bd. 8. München: C.H. Beck (Corpus vasorum antiquorum, Deutschland. Bd. 62).
CVA Berlin 18 (Deutschland 103)	—	Schöne-Denkinger A. 2018. *Berlin. Antikensammlung. Attisch rotfigurige Kannen und Kopfgefäße*. München: C.H. Beck.
CVA Bochum 2 (Deutschland 81)	—	Kunisch N. 2006. *Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität.* Bd. 2. München: C.H. Beck.
CVA Metropolitan Museum 4 (USA 16)	—	Moore M., von Bothmer D. 1976. *Metropolitan Museum of Art Attic Black-figure Neck-amphorae*. New York: Metropolitan Museum of Art.
CVA München (15)	—	Kunze-Götte E. 2010. *München: Antikensammlungen, ehemals Museum Antiker Kleinkunst.* Bd. 15. *Attisch weissgrundige Lekythen*. München: C.H. Beck (Corpus vasorum antiquorum, Deutschland. Bd. 87).
CVA The J. Paul Getty Museum 5 (USA 30)	—	Jentoft-Nilsen M.R. 1994. *The J. Paul Getty Museum. Molly and Walter Bareiss Collection*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.
CVA Wien 5 (Österreich 5)	—	Trinkl E. 2011. Wien, Kunsthistorisches Museum. Bd. 5: Attisch rotfigurige Gefäße, weißgrundige Lekythen. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften.
CVA, Bologna 5 (Italia 33)	—	Montanari G.B. (A cura di). 1960. *Museo Civico di Bologna. Opera pubblicata dalla Unione Accademica Nazionale*. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato
Hesperia	—	Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens.
IOSPE I²	—	Latyschev B. 1916. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli: Императорская академия наук.

IOSPE III	—	Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья. Сост. Е.М. Придик, Б.Н. Граков. Архив ИА РАН. Р-2. № 2157—2198.
IstForsch	—	Istanbuler Forschungen.
JASc	—	Journal of Archaeological Science.
JdI	—	Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts.
JHS	—	The Journal of Hellenic Studies.
LGPN	—	A Lexicon of Greek Personal Names.
LIMC	—	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.
MEFRA	—	Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité.
NSc	—	Notizie degli scavi di antichità.
OF	—	Olympische Forschungen.
RA	—	Revue archéologique.
RdA	—	Rivista di archeologia.
RIC	—	The Roman Imperial Coinage.
RPC	—	Roman Provincial Coinage.
RRMLH	—	Rostov Regional Museum of Local History.
SEG	—	Supplementum Epigraphicum Graecum.
SNG	—	Sylloge Nummorum Graecorum.
SNG France Bibliothèque nationale 5	—	Levante E. 2001. *Sylloge Nummorum Graecorum France. Bibliothèque nationale, Cabinet des Médailles*. Vol. 5. *Mysia*. Paris: Bibliothèque nationale de France; Zürich: Numismatica Ars Classica.
SNG von Aulock 10	—	Mørkholm O. 1964. *Sylloge Nummorum Graecorum* Deutschland, Sammlung v. Aulock, H. 10 Nr. 4041—4476: Lykien. Berlin: Gebr. Mann.
SNG von Aulock 4	—	Kraft K. 1957. *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland, Sammlung v. Aulock*, H. 4. NR. 1050—1438. *Mysien*. Berlin: Gebr. Mann.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Журнал ежегодно публикует оригинальные статьи на русском и на английском языках.

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает…»), сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутствуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1. *Херсонес Христианский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. Medailles Grecques. *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum*. Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. *Dialogues d'histoire ancienne* 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.). Дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015).

При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет —ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 19 (2025)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
2025. — 582 стр.

Подписано к печати 29.12.2025

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

Формат 60×84⅛. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 64.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

MAIASP. No. 19 (2025)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy.
2024. — 582 pp.

Endorsed for print December 29, 2025.

Cimmeria Publishing,
"MAIASP" Journal:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

Format 60×84⅛. Font "Times".
Internet journal. Order No. 64.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

На обложке — статер Митридата III, отчеканенный в 343 г. б.э. Фотография представлена Н.И. Винокуровым.

On the cover is the stater of Mithridates III, minted in 343 BE. Photography presented by N.I. Vinokurov.